

STRATUM plus

ВАШ — археологический журнал

Неславянское в славянском мире

- **Забытые бастарны**
- **Готская вуаль или готское наследство?**
- **Норманизм — антинорманизм: конец дискуссии**
- **Наименование Руси: герульская версия**
- **Женщины-торговцы эпохи викингов**
- **Ирзекапинис — памятник пруссов**
- **«Близнецы» или «двойники»: украшения Волыни и Прикамья**
- **Эпос «Алдар и Зухра»: археологическая иллюстрация**
- **Древнерусские города в молдавском Поднестровье?**
- **Призрачная Берладь: достоверность фальсификации**
- **Этногенез волохов по данным археологии**
- **Молдавия в «тёмные века»**
- **Россия колдунов**

Санкт-Петербург • Кишинёв • Одесса

1999 №5

Журнал распространяется в розницу и по почте. Заказы, рукописи и вопросы направлять по адресу:

MD 2024. Республика Молдова, Кишинев, ул.Зимбрулуй 10 а,
Высшая антропологическая школа,
журнал STRATUM plus.
Тел./факс (3732) 438-342;
E-mail: root@rm.moldova.su

РЕДКОЛЛЕГИЯ

И.А.Борзияк — канд.ист.наук (Международный Свободный Университет Молдовы (ULIM), Кишинев, Молдова)
И.В.Бруяко — канд.ист.наук (Археологический музей, Одесса, Украина)
П.П.Бырня — докт.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
Л.Б.Вишняцкий — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
А.П.Городенко — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
Е.Ю.Гиря — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
В.А.Дергачев — докт.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)
А.О.Добролюбский — докт.ист.наук (Южноукраинский педагогический университет, Одесса, Украина)
В.Ю.Зуев — канд.ист.наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)
С.И.Коваленко — канд.ист.наук (Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)
И.В.Манзура — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
К.К.Марченко — докт.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
Р.А.Рабинович — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
Н.Д.Руссев — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
М.Е.Ткачук — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
О.В.Шаров — канд.ист.наук (Издательство “Фарн”, Санкт-Петербург, Россия)
О.А.Щеглова — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
М.Б.Щукин — докт.ист.наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)
П.В.Шувалов — канд.ист.наук (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь — Л.А. Мосионжник (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)

STRATUM *plus*

- **STRATUM *plus*** — международный археологический журнал. Издается университетом “Высшая антропологическая школа” в Кишиневе, Республика Молдова.
- Журнал выходит шесть раз в год на русском языке в виде тематических номеров, каждый из которых посвящается либо отдельной археологической эпохе, либо отдельной достаточно актуальной проблеме археологической науки.
- Тематика статей журнала не ограниченна ни регионально, ни хронологически.
- Все статьи содержат резюме на английском языке.

Редактор номера — Роман А. Рабинович

Раздел «30 лет варяжской дискуссии» — под редакцией Глеба С. Лебедева

Заместитель редактора – Анатол П. Городенко

Ответственный секретарь – Леонид А. Мосионжник

Редколлегия выпуска:

П.П.Бырня
О.А.Щеглова
Н.Д.Руссев
М.Е.Ткачук

Санкт-Петербург • Кишинёв • Одесса

ISBN 9975-9559-4-0

Все права защищены!
© Высшая антропологическая школа
© Оригинал-макет: Л.А.Мосионжник
© Оформление обложки: Д.А.Топал, Л.А.Мосионжник

«НЕСЛАВЯНСКОЕ В СЛАВЯНСКОМ МИРЕ»

Памяти Георгия Борисовича Федорова посвящается

(1917 — 1992)

С О Д Е Р Ж А Н И Е

М.Е.Ткачук (*Кишинев, Молдова*). Георгий Борисович Федоров (1917 — 1992) 7

НАШ АРХИВ • МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

Г.Б.Федоров. Этногенез волохов, предков молдаван, по данным археологии (историографический аспект) 14

Введение 14
I. Создание гето-дакийской этнической общности 18
(первый этап восточнороманского этногенеза) 18
II. Романизация и судьбы романизованного населения 19
(второй этап восточнороманского этногенеза) 19
III. Заселение Карпато-Дунайских земель славянами (Третий завершающий этап этногенеза восточно-романской народности). VI-VII вв.н.э. — первые века второго тысячелетия н.э. 24
Роль археологических источников в разработке проблемы формирования молдавского народа (Вместо заключения) 66

НЕСЛАВЯНСКИЕ НАЧАЛА

М.Б.Щукин (*С.-Петербург, Россия*). Забытые бастарны 75

30 ЛЕТ ВАРЯЖСКОЙ ДИСКУССИИ (1965 — 1995)

Л.С.Клейн (*С.-Петербург, Россия*). Норманизм – антинорманизм: конец дискуссии . 91

Г.С.Лебедев (*С.-Петербург, Россия*). Varangica Проблемного семинара Л.С.Клейна. Тридцать лет движения к Неизвестному Городу на Пути из Варяг в Греки 102

Е.Н.Носов (*С.-Петербург, Россия*). Современные данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии 112

Х.Станг (*Осло, Норвегия*). Наименование Руси (герульская версия). Тезисы 119

В.И.Кулаков (*Москва, Россия*). Балтийский вариант движения викингов 148

Ю.Кальмер (*Лунд, Швеция — Берлин, Германия*). Археологические древности Руси 153

А.Стальсберг (*Тронхейм, Норвегия*). Торговый инвентарь женских погребений эпохи викингов (субъективная интерпретация) 158

Н.И.Платонова (*С.-Петербург, Россия*). Договоры Руси и Византии и социальные верхи русского общества X века 164

С.В.Томсинский (*С.-Петербург, Россия*). Скандинавские находки из угличского кремля и легенда об основании Углича 169

ТЕОРЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

М.А. Стёганцев (*С.-Петербург, Россия*). Зависимости, связывающие поступление в эксплуатацию и выход из употребления массового археологического материала, и примеры их использования 179

А.Л.Шпак (*Кишинев, Молдова*). Математическая мизантропия. Объяснительная записка, или предвзятый комментарий неспециалиста 208

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

В.И.Кулаков (*Москва, Россия*). Ирзекапинис 211

Н.П.Тельнов, Р.А.Рабинович (*Кишинев, Молдова*). Поселение Скок. Результаты исследований в 1988 г. 274

ОТ ВИЗАНТИИ ДО СТЕПИ

О.А.Щеглова (*С.-Петербург, Россия*). Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? 287

Н.П.Тельнов (*Кишинев, Молдова*). Восточнославянские древности VIII-X вв. Днестровско-Прутского междуречья 313

П.П.Бырня (*Кишинев, Молдова*). Процесс градообразования в Поднестровье в период раннего средневековья 328

С.С.Рябцева (*С.-Петербург, Россия — Кишинев, Молдова*). «Близнецы» или «двойники»? О сходстве и отличии «волынских» и «прикамских» серег 338

Р.А.Рабинович (*Кишинев, Молдова*). Призрачная Берладь. О достоверности одной фальсификации 357

Н.Д.Руссев (*Кишинев, Молдова*). Молдавия в «темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов 379

Л.С.Гераськова (*Киев, Украина — Бухарест, Румыния*). Новое в изучении монументальной скульптуры кочевников средневековья 408

В.Г.Котов (*Уфа, Башкортостан, Россия*). Об одной археологической иллюстрации к башкирскому эпосу «Алдар и Зухра» 431

СОВРЕМЕННАЯ АНТИЧНОСТЬ

А.О.Добролюбский (*Одесса, Украина*). Одесса: археология имени 445

КУЛЬТУРНАЯ ПРОВОКАЦИЯ

Р.А.Рабинович (*Кишинев, Молдова*). От редактора. Добро пожаловаться на «Раскопки сакрального текста». Или — Почему эту статью опубликовали ... 465

С.Е.Эрлих (*С.-Петербург, Россия*). Россия колдунов-2 (Раскопки сакрального текста) 469

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

Л.А.Мосионжник (*Кишинёв, Молдова*). Вечные возвращения мифа 500

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 515

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ! 519

ГЕОРГИЙ БОРИСОВИЧ ФЕДОРОВ (1917 — 1992)

Этот выпуск журнала посвящен Георгию Борисовичу Федорову. Официальных поводов нет: ни юбилея, ни памятной даты, ни печальной годовщины со дня смерти. Было и есть только одно — память о Федорове.

Фальсификатор

Его имя в официальной науке всегда было безупречным. Но еще задолго до смерти внезапно прервался поток многочисленных федоровских публикаций. Общение с ним вдруг стало не особо популярной роскошью. И только толстые литературные и научно-популярные журналы оказались прибежищем статей, рассказов, сценариев и рецензий Георгия Борисовича.

Семидесятые-восьмидесятые годы — время странных репутаций, недомолвок, туманных полунамеков и сплетен. Все они двусмысленно-точно на десятилетия подвешивали человеческую жизнь в состоянии предсказуемой неопределенности. Воронки и тройки — уже символы другой эпохи и крайне редкое, исключительное проявление ясности, отнюдь не желанное и не желаемое. Вялотекущая опала, о причинах которой всегда можно было лишь смутно догадываться, добивала людей по-своему эффективно, в соответствии с репрессивным жанром эры хельсинкского гуманизма. Никаких палачей, но и никаких героев. Популярнейший приговор — диагноз. Материалы дознания — история болезни. Спивающийся, сомневающийся в собственной правоте, униженный вечной неуверенностью в дне сегодняшнем, фрондирующий на бардовских полянках, всегда уязвимый для критики, болезненно ее переносящий (а значит, управляемый) — это типологический портрет далеко не худших персонажей недавних десятилетий. Федоров таким не был никогда, но оказался именно в такой двусмысленной обстановке.

«Археолог среди писателей» и «писатель среди археологов» — расхожее клеймо, придуманное для Федорова его ехидными недоброжелателями. Наверное, с их точки зрения, преданность скромным идеалам науки отнюдь не предполагала и не требовала наличия литературного таланта. Более того, в дополняющем амплуа писателя виделось серьезнейшее основание для недоверия к качеству уже сугубо научных творений исследователя. Ярко — значит сомнительно. Читается легко — значит, легко писалось. Ну а раз легко писалось, следовательно — легковесно, поверхностно, недобросовестно исследовалось. «Литературные приемы» оказывались в числе приемов запрещенных. Они уводили в область сугубо индивидуализирующих оценок — неисчисляемых в стуло-днях, отбытых экспедиционных сезонах, годах непрерывного стажа. Но Федоров никогда не смешивал жанры (с его талантами ему это наверняка давалось с трудом). И потому его увлеченно читали, и потому он был известен, и именно как археолог, и много шире круга посвященных в эту науку людей. И, тем не менее, клеймо прижилось. Гадливо ухмыляясь, его частенько воспроизводили, как правило, сами археологи, многие из которых никогда Федорова в глаза не видели. Он же, в свою очередь, действительно раздражал своих незримых недругов (особенно тех, кто не был в ладах ни с пером, ни с лопатой) одним лишь фактом собственной популярности. Популярность, особенно тогда, редко уживалась с обликом серьезного ученого. Было яснее ясного, что серьезный ученый просто не может быть популярным, его не могут любить пионеры и домохозяйки, академики и школьные учителя одновременно. Ведь серьезный ученый — это кто? Это прежде всего ученый, могущий стать в перспективе научным начальником. А какой же, с позволения сказать, начальник может выйти из человека, пишущего рассказы для издательства «Детская литература»?

Искренняя любовь, восхищение, брезгливое раздражение, зависть и глухая ненависть — гамма чувств, вызываемая очередным произнесением его имени. И тогда, и сейчас. «Гений Алчедара», «фальсификатор», «Учитель», «Основоположник», «шовинист» — многочисленные, но уже не прижизненные псевдонимы Федорова. За исключением, правда, «фальсификатора» и «шовиниста».

Да, это он успел услышать. Такая емкая форма признания научных заслуг московского

© М.Е.Ткачук, 1999.

ученого пришла в начале девяностых из далекой Молдавии. Из Молдавии, которой он отдал двадцать пять лет своей научной жизни и из которой он был уже выдворен однажды — в середине семидесятых по негласному сговору Союзного археологического начальства и КГБ. Из той самой Молдавии, в которой он нашел и свою археологическую Родину, и научное отечество всех последующих археологов Пруто-Днестровья. Новый удар, грязный навет профанов, но уже во флере перестроечно-суверенизационной демагогии. Да, из Молдавии, из утрированно-оптимистической, солнечной Молдавии, к которой Федоров был уже давным-давно равнодушен. Последнее — не совсем точно. Старался, изо всех сил старался, казаться равнодушным.

Принц и Золушка

Федоров приехал в Молдавию в 1950 году. Ему только-только исполнилось тридцать три года. Позади раскопки в Подмосковье, на Брянщине, в Средней Азии и Литве. Позади защита кандидатской диссертации. Позади война и тяжелая контузия. Нормальная тогдашняя карьера молодого московского ученого. И вот теперь — Молдавия.

Новоприобретенная республика, вместе с приморской и придунайской Бессарабией, оттяпанными в пользу Украины, несомненно, обладали археологическим шармом. С одной стороны, к этой скромной территории тянулась целая вереница самых разнообразных, хрестоматийных, но весьма ярких сведений античной и средневековой письменных традиций: драма киммерийских царей у берегов Тираса, перипетии похода Дария против скифов, война скифского царя Атея и Филиппа Македонского, загадочное гетское царство Дромихета, страбоновские бастарны, венеды Певтингеровых Таблиц и Корнелия Тацита, сарматы Диона Кассия и царство Германариха Иордана, славяне Прокопия, Псевдо-Маврикия и тиверцы с уличами Повести Временных Лет. С другой стороны, Молдавия археологическая оставалась в основном достоянием околонаучных гаданий, строящихся на зыбкой почве отчетов Кишиневского Церковно-археологического общества, Суручановского музея да нескольких экспедиций Андрея Морошана и Раду Вулпе. Этакая провинциальная археологическая Золушка, ждущая своего принца.

Тиверцы, загадочные тиверцы занимали ум молодого ученого. Те самые тиверцы, у которых было, согласно источникам, около полутора сотен городов. Те самые тиверцы, которые вместе с уличами «седяху бо по Днестру, приседяху к Дунаеви». Средневековый народ, признанный фантомным, безусловно нелокализуемым на археологической карте. Почему? Ну, во-первых, середина двадцатого века (!), какие еще могут быть открытия? Все уже открыто. Древности восточно-славянских племен узнаны, разделены и изучены. Во-вторых, задолго до 50-го года попытки найти тиверцев уже предпринимались. Но — безрезультатно. На берегах Днестра не удалось открыть их следов. Возникло устойчивое убеждение, что если тиверцы и «седяху по Днестру», то совсем недолго, что если и «приседяху к Дунаеви», то не всерьез. Нестор, а вместе с ним и анонимный Баварский Географ чего-то напутали. В конце концов, не мудрено было и напутать в непроглядно-темном средневековье.

Но Федоров был почему-то убежден, что источники не врут. Что тиверцев еще предстоит найти. Рассматривая подробные карты тогдашней Молдавии, Федоров в один прекрасный день почувствовал, что разгадка близка. Компактный регион Пруто-Днестровья просто изобиловал различными природными и рельефными микрорегионами. В южной части, приморской Бессарабии, Подунавье торжествовал степной рельеф: Буджак — последний западный закоулок Великой Степи. Начиная с центральной части, резко проступал рельеф иной — особая зона, называемая на картах XIX века горами Кодры — плоскогорья, изрезанные небольшими долинками, небольшими речками и пересыхающими ручьями. Кодры по направлению к северу все больше теснились к руслу Днестра, уступая на западе, в Попрутье, опять степи, но уже бельцкой. Такая мозаичная картина натолкнула Федорова на мысль, что если тиверцы все-таки когда-то и обитали на территории современной Молдавии, то вряд ли их следы можно отыскать непосредственно на берегу Днестра. То есть именно там, где их искали и где их не нашли.

Придя к тогдашнему своему руководителю сектора, Федоров доказывал, что в условиях перманентной опасности со стороны кочевого населения степи оседлые тиверцы должны были сторониться русла большой реки, способной быть весьма удобной дорогой для проникновения кочевых отрядов в лесостепную зону. «Седяху по Днестру» не следует понимать буквально. Скорее речь идет о многочисленных в северной Молдавии речушках, впадающих в Днестр. Там и следует искать города тиверцев. Но голословные и умозрительные аргументы не произвели особого впечатления. «До тебя искали и не нашли. А ты найдешь?» — законно сомневался завсектором.

Федоров переходит в сектор П.Н.Третьякова. Реакция того была однозначна: «Берите машину. Даю только две ставки рабочего. Но без тиверцев можете обратно не возвращаться».

В первый же месяц разведок было открыто около пятидесяти поселений и городищ X-XI вв. В том же году были начаты раскопки Екимауцкого и Алчедарского городищ. Потом наступила очередь городищ Лукашевка и Пояна Кунича. А

когда через десять лет вышло федоровское «Население…», то оказалось, что для тиверцев в нем места не нашлось. Как так? К тому времени уже вышли десятки федоровских статей, посвященных древнерусской культуре Молдавии. Сенсационным результатам раскопок Алчедара и Екимауц был даже посвящен документальный фильм, а журналы «Вокруг света», «Наука и Жизнь» регулярно публиковали первые популярные федоровские очерки-отчеты об открытиях в Молдавии. Почему же в талмуде «Население Днестровско-Прутского междуречья» тиверцы были забыты? По очень простой причине. Отправившись за тиверцами, Федоров открыл тут и лукашевскую культуру конца III-I вв. до н.э. (сходные памятники незадолго до этого стали известны в Румынии благодаря раскопкам Раду Вулпе на могильнике Поянешть), многочисленные поселения и могильники черняховской культуры, поселения ранних славян VI-IX вв., культуру Первого Болгарского царства. И все эти открытия сопровождались стационарными раскопками, детальными исследованиями уже отдельных отрядов громадной «Прутo-Днестровской экспедиции». У истории тиверцев открылась тысячелетняя предыстория, собственно к самому славянскому племени имеющая косвенное отношение. Молдавия оказалась в ипостаси благодатного археологического эльдорадо, со своей весьма специфической историей, только лишь отчасти перекликающейся с историями соседних регионов. Провинциальная золушка обрела облик очаровательной принцессы, и именно Федорову предстояло испытать славу принца, достойного ее руки.

К началу семидесятых годов Федоров готовит к публикации второй том «Населения…», уже посвященный древнерусскому периоду в истории региона, несколько отдельных небольших брошюр-монографий, описывающих результаты исследований на отдельных городищах X-XI вв. (Лукашевка, Пояна Кунича). Но они остались неизданными. На публикации был наложен негласный запрет, Пруто-Днестровская экспедиция закрыта, а Федоров лишен права вести раскопки. Из Молдавии его фактически изгнали. По крайней мере, в облике археолога Федоров здесь стал персоной non grata. Провинциальная Золушка, выбившись в принцессы, оказалась склочной, сварливой и неблагодарной особой.

Дело Федорова

У каждой экспедиции есть своя особая песня. В рудьской экспедиции песен — хоть отбавляй, и все свои. Но именно особой песни, этакого экспедиционного гимна, вроде известной «Приморили, гады, приморили» — нет. Есть только скромный осколок, случайно выживший фрагмент, оставшийся без точного музыкального оформления:

А люди брешуть, а люди врут!
Есть городище такое — Рудь.
Сидим в раскопе, как на губе.
На радость партии и КаГеБе.

Студенты Высшей Антропологической Школы выдают ее речитативом на три аккорда под занавес еженощного сидения у костра.

Уже давно нет «КаГеБе», а количество партий в Молдавии скоро приравняется к общему числу бывших членов КПСС, в них сейчас интригующих. Но последняя фраза не утратила своей амбициозной энергичности, приобретя новый подтекст — что-то вроде «Назло кондуктору», «Назло партиям и правительствам», назло всем, кто мешает нам заниматься своим любимым делом.

Этот фрагмент достался от последней федоровской экспедиции, работавшей в рудьском ущелье в 1974 году. Песня — один из немногих вещдоков, не попавших в поле зрения пытливых следователей госбезопасности, музыкальный артефакт трагического «Дела Федорова». К археологии это «Дело», на первый взгляд, прямого отношения не имело. Но это — не так.

Когда в 1950 году Федоров приехал в Кишинев, в городе было аж два археолога — Георгий Дмитриевич Смирнов (Молдавский филиал АН СССР) и Георгий Павлович Сергеев (Краеведческий музей). Но Федорову нужны были не просто коллеги-помощники, ему нужны были соратники. Видимо уже тогда Федоров подозревал, что его молдавская одиссея продлится не один год. Федоров отправляется в Университет и Пединститут, выступает в средних школах города, он ищет не просто квалифицированных землекопов, он ищет будущих учеников. Именно в том году в его экспедиционном лагере в Алчедаре появляются совсем еще юные Ваня Хынку, Георгий Чеботаренко, Павлик Бырня, Изя Рафалович, Лазарь Полевой, Витя Бейлекчи. Но этого Федорову мало. После недолгих уговоров перебирается из Москвы в Кишинев и Эммануил Абрамович Рикман. Уже тогда наверняка становился заметным масштабный федоровский замысел. В отличие от многих своих столичных коллег и друзей, для которых раскопки в Молдавии являлись лишь экзотическим эпизодом, связанным с сугубо профессионально-плановыми задачами, Федоров начал с организации молдавской археологической науки. Полномочий ему таких никто не давал. Ему дали лишь пресловутый грузовик да две ставки и обещали сурово наказать в случае неудачи. Так начиналось Дело Федорова.

Проходили годы, ученики взрослели, набирались опыта, становились руководителями отдельных отрядов, писали статьи и книги, защищали диссертации, сами становились учителями и наставниками. К 1974 году в Молдавии уже работал дружный, слаженный, профессиональный коллектив археологов. Дело Федорова разрасталось, становилось необратимым, в Мол-

давии возникала своя отдельная археологическая школа. Все нынешние археологи в теперешней Молдове являются «дальними» или «близкими» потомками федоровской экспедиции 1950 года. Многие из них это рьяно отрицают, другие признают с удовольствием. Все зависит только от того, как они относятся к Федорову, а не к фактам собственной профессиональной биографии. Чего там говорить о втором и третьем поколении археологов Молдавии, если самый первый защитившийся ученик Федорова — Иван Георгиевич Хынку представляется археологическим неофитам в качестве ученика Городцова (неясно, почему не Самоквасова, Спицына или графа Бобринского?), а Федорова печатно шельмует как авантюриста, фальсификатора и шовиниста. Ну, это так, к слову. Опереточной истории о благородном учителе и неблагодарных учениках в целом не случилось.

С позиций сегодняшнего дня, особенно сегодняшнего, кажется, что Дело Федорова — дело немыслимое. Аналогии ему — лишь среди самых ярких страниц истории археологии. Оно с головой выдает самого Георгия Борисовича, тот масштаб личности, который неизбежно должен был стать провоцирующим исключением. Исключением в очень многих смыслах.

Федоров не производил впечатления свирепого научного лидера, властного патрона, маниакально преследующего свою цель. Мягкий и деликатный человек, чуть растерянный и растрепанный, с огромными внимательными серыми глазами. При этом всегда готовый к веселому розыгрышу, интересной байке, хохме. Он мог точно и необидно поддеть, подначить. Для своих учеников он был и «скорой помощью», и не очень строгим судьей. Хотя было все — и крик, и взаимные претензии. Но всегда это было открыто, без затаенной обиды, без длинной византийской сплетни.

Одна показательная история. Когда Павлик (Павел Петрович) Бырня должен был поступать в целевую московскую аспирантуру Института Археологии, вдруг выяснилось, что это ему никак не удастся. Дело в том, что в паспорте Павла Петровича значилась самая не популярная в Молдавии национальность — «румын». Начальник второго Отдела Университета орал на отличника-выпускника: «Ах, ты — румын, собрался поступать в нашу советскую аспирантуру! Вы, румыны, двадцать лет издевались над молдавским народом, били его плетками-ногайками, а теперь мы должны все забыть?». Георгий Борисович кинулся «решать вопрос». Быстро выяснилось, что Павлу Петровичу нужно просто потерять паспорт, а в новом указать правильную национальность. И дорога на Москву открыта. Быстро изложив суть дела, Федоров не увидел ликования на смуглом лице любимого ученика. «Я подумаю», — ответил он. А на следующий день наотрез отказался менять национальность. «Мои родители никого плетками не били. Почему я должен их предавать?». И тогда Федоров протянул руку Бырне и попросил прощения. «С тех пор я понял, что с Бырней нам по пути, что он настоящий, редкий человек», — вспоминал Георгий Борисович. Бырня в аспирантуру все же поступил, защитил диссертацию, потом возглавил Отдел археологии. Сейчас Павел Петрович уже давно доктор исторических наук, автор шести монографий, декан факультета культурной антропологии Высшей Антропологической Школы. Эту историю он помнит, но не рассказывает никогда.

Добрый и благородный человек — самая точная характеристика Федорова. Но сами эти слова настолько кажутся бессмысленными и пошлыми, что очень трудно применить их по назначению. Но это именно тот — очень исключительный случай. Человек, который с трудом может отказать, человек, которому редко предлагают что-то, кроме проблем, человек, не способный пройти мимо зла, не способный просто фальшиво посочувствовать, а помогающий, заступающийся и потому рискующий.

Когда в СССР стали сажать диссидентов, наступил новый этап в жизни Федорова. Связанный самым тесным общением и дружбой со многими из них, он встал на их защиту по-своему. Когда диссидентов выпускали из тюрем, им было не найти мест, куда бы их приняли на работу. А потому они быстро вновь оказывались в лагерях — уже за тунеядство. Федоров брал их на работу, рабочими раскопа. Брали их на работу и ученики Федорова — Лазарь Львович Полевой (известный молдавский медиевист, доктор исторических наук, ныне живет в Нью-Йорке), Павел Петрович Бырня, Исак Александрович Рафалович (трагически умер от приступа астмы в 1979 году). Среди постоянных чернорабочих молдавских экспедиций по многу лет значились в списках и поэт Наум Коржавин (Мандель), и опальный историк Александр Некрич, и правозащитник Илья Габай, и многие, многие другие. Заканчивалась экспедиция. Полгода отпуска и вновь экспедиция. Появлялся шанс избежать очередного наказания.

Для Федорова его археологическое занятие никогда не было отделено от судеб живых людей, его учеников, друзей или совершенно незнакомых людей, просто ищущих у него защиты, ночлега и куска хлеба. Но беда в том, что это было нормой Федорова, но не 1974 года. Признаемся, такого вызывающего альтруизма не могла простить ни одна эпоха. Скоро выяснилось, что личность Федорова стала несовместимой со штатным расписанием Института Археологии. Рыбаков решительно прекратил двадцатипятилетний забег Пруто-Днестровской экспедиции. Публиковать научные труды запрещается, исключения делаются для работ в соавторстве. Более плотно экспедицией занялся КГБ. И в Москве, и в Кишиневе. Допросы, доп-

росы, допросы. Друзей, знакомых, учеников. Габай вновь оказывается в тюрьме, а Федоров начинает отсчет своих инфарктов, инсультов и отеков легких.

С особым цинизмом Дело Федорова крушил И.Г.Хынку. Став в 1975 году начальником Отдела археологии АН МССР, он резко обрушился на федоровских учеников — своих недавних друзей и коллег по Алчедарской экспедиции. Их увольняли, лишали права на ведение раскопок, пытались фабриковать полууголовные дела. Первый молдавский автохтонист — Иван Георгиевич Хынку доделывал в Кишиневе то, что в Москве начал ведущий панславянский автохтонист Рыбаков.

Добить федоровцев Хынку тогда не удалось. Уже через два года ситуация изменилась не в пользу идеи континуитета. Завоевавшая было популярность среди молдавской партноменклатуры (естественно, в качестве очередного идеологического принципа), она скоро негласно была признана ошибочной. Инспирированный сверху автохтонизм в Молдавии не удревнял «вечную дружбу между народами», как, например, на Украине или в закавказских республиках. Для Молдавии степень свободы автохтонистского выбора изначально была сужена до предела. Она жестко определялась уже существовавшими автохтонистскими штампами чаушистской Румынии. А там они обслуживали не только идею автаркичного развития Великой Румынии, но и скрытые претензии на Бессарабию. Даже то, что И.Г.Хынку и его последователи скромно и безобидно выводили молдавский народ из небольшого участка оргеевского леса, больше похожего на парк, не предотвратило впоследствии печального поворота судьбы авторов первого автохтонного молдавского проекта. Партия, как всегда «тонко», откорректировала собственный промах. Хынку освободил кресло главного молдавского археолога, а его искренний и верный ученик Г.И.Постикэ надолго был лишен возможности честно писать о том, что было на душе. Только спустя годы, Георгий Исидорович Постикэ сумел опубликовать свою историческую правду об этногенезе молдавского народа. Разделив S в квадрате на произведение KL, он приходит к следующему выводу: «*Основываясь на объективные результаты исследования можно констатировать, что средневековая румынская цивилизации в Прутo-Днестровском междуречье имела под собой мощную автохтонную подоснову, которое четко прослеживается в центральной части региона, в области дремучих лесов — Кодр*» (Gh. Postică, Românii din codrii Moldovei în evul mediu timpuriu. Chişinău. 1994. P.235. Синтаксис и орфография цитируемого фрагмента русского резюме книги полностью соответствуют оригиналу — М.Т.).

Таким образом, всем новоявленным автохтонистам уже в 1977 году была подготовлена репутация страдальцев за веру и научную истину, стигматы борцов с тоталитаризмом и догматизмом. Коими они и воспользовались в конце 80-х. Сегодня сентиментальные мифологизаторы сказочных Кодр определяют официальную научную политику в Молдавии, под их редакцией и жестким диктатом пишутся учебники, в которых, конечно же, нет ни тиверцев, ни скифов, ни бастарнов, ни готов, ни, боже упаси, оккупантов-славян. Нет в них и имени Георгия Борисовича Федорова, и даже между строк не найти намека на его Дело.

Неславянское в славянском мире, или «Дневная поверхность»

Сегодня все еще очень легко заразиться каким-нибудь национализмом. Незаметно, исподволь, защищая что-то очень дорогое и милое сердцу. Особенно сегодня, когда политическая риторика клозетных потрошителей оказывается для многих последним «утешением» и основанием для оптимизма. Особенно сегодня общество агрессивно-глухо к расовым чисткам в Москве и Петербурге, к русским погромам в национальных республиках, к ювелирному геноциду сербов. Обществу доказали, что все-таки бывают плохие и хорошие народы, что с плохими по-хорошему нельзя. Общество забыло, что «плохие» народы очень нужны начальникам народов «хороших», что начальники эти только и делают, что выращивают в пробирке сознания своих граждан представления о плохих ближних и дальних соседях, и только для того, чтобы с ними воевать, воевать, воевать. Воевать по-разному: устраивая многосерийные виртуальные шоу из фотогеничных «Стэлтсов» и неартистично-отвратительных диктаторов, меланхолично обстреливая из минометов бендерские школы во время выпускного бала, залихватски мародерствуя и насилуя в молдавских селах в знак солидарности к угнетаемому местному казачеству. А можно воевать и по-другому — твердой рукой предвыборно уничтожать чеченских бандитов, за четыре года до этого предвыборно расцелованных, прощенных и вскормленных той же властью. О том, что у этих войн нет ясной формулы победы — наивное, ошибочное утверждение. Формула победы проста: очередная окончательная победа над собственным народом, очень хорошим, генетически-чистым, самым героическим и покладистым.

Если это и банально, то это забытая, тщательно забытая, никому не выгодная банальность. Банальность, не прошедшая испытания временем, не доказавшая своей утилитарной надежности. Жить в соответствии с ней — значит стать любимой жертвой не только любого национального начальства, но и бодро рейтингующего в его пользу электората.

Пресс тройного стандарта, особенно в гуманитарной науке, под силу немногим. Вы-

держивает его лишь тот, кто просто иначе думать не умеет.

Георгий Борисович Федоров не умел думать иначе.

Помню, когда в Кишиневе возникло Интердвижение в противовес прорумынскому Народному Фронту, узнавший об этом Георгий Борисович был вне себя от ярости. «Мерзавцы! Говоришь, среди них есть историки?» Последнее особенно его возмущало. Он был из тех, кто, несмотря ни на что, продолжал упорно верить в облагораживающую, очеловечивающую миссию самого научного занятия. С его точки зрения, настоящий историк не мог поддаться на такую дешевую националистическую провокацию. Создание в противовес наци точно такой же национальной (русскоязычной) организации, дискредитирующей интернационализм, — свидетельствовало только об одном: о плохой исторической подготовке лидирующих в этой организации ученых.

Федоров, действительно, не умел думать иначе и искренне удивлялся, когда это с легкостью получалось у других. «Хороший археолог не может быть плохим человеком», — много раз повторял он, что означало только одно — плохой человек никогда не сможет стать дельным археологом. «Хороший» человек, «плохой» человек — это не какие-то поповские высокопарности. У археологов эти слова всегда обладают своей брезентовой конкретикой и не нуждаются в комментариях. Но археолог для Федорова всегда был, прежде всего, человековедом, а потом уже «охотником за черепками», а потому именно человечность, гуманизм в его представлениях оказывались некой исходной аксиомой, на которой потом уже строилась вся остальная наука. Именно поэтому для Федорова — археолога-слависта — деление народов на «своих» и «чужих», будь то в настоящем, или далеком прошлом, было враждебной и опасной химерой, совершенно определенным свидетельством профессиональной некомпетентности. В советской археологии таких химер было немало: о вечном противостоянии миролюбивых славян и агрессивно-неуемного Востока, о мирной колонизации славянами Балканского полуострова, о бесследно прошедших для русской истории разбойниках-варягах. Ученому, открывшему древнерусскую культуру в Молдавии, слишком очевидны были последствия такого квазинаучного предрассудка, связывающего только с нашествиями и войнами все неславянское в славянском мире. «Человечество едино. И самое формирование народов происходило в тесном общении и смешениях различных культур и племен. В этом единстве и смешении — один из главных залогов жизнеспособности человечества», — писал Федоров в своей небольшой новелле «Дорога в Буков», посвященной его друзьям, теперь знаменитым румынским археологам — Марии и Евгению Комше.

Большинство федоровских книг именно об этом. Об этом и его фолиант «Население», и его монография «Археология Румынии» (в соавторстве с Л.Л.Полевым), и его повесть «Басманная больница», и его «Записки оккупанта», и роман «Игнач-Крест». Об этом его «Дневная поверхность».

Может, это звучит кощунственно, но кажется, что «Дневная поверхность» — главная книга Георгия Борисовича Федорова. Книга выдержала три издания, дописывалась и перерабатывалась. Эта книга — сплошное искушение археологией. Число людей, решивших стать профессиональными археологами именно после «Дневной поверхности», огромно. В чем же тут дело? С ходу очень трудно объяснить гипнотический эффект книжки.

Незамысловатый наив, серия простеньких, иногда веселых, иногда печальных историй, повестей и рассказов про археологов и археологию. Ну интересно написано, ну легко читается, но ведь есть куда более интересные книги — того же Керама, Штолля, Варшавского и Кравчука. Допустим, в книге нет и следа привычного профессионального снобизма, унижающих читателя попыток с первых страниц дать «рабочий минимум археологических понятий», нет в ней искусственного восторга по поводу сделанных открытий. Но книг, рассчитанных на просвещенного дилетаната, тоже ведь не один десяток.

Нет. Тут дело в чем-то другом.

«Дневная поверхность» написана для детей. Именно для них. Написана без того вранья и неисправимой позы, которые дети раскусывают «на раз». Ведь детей от взрослых отличает одна малюсенькая особенность — они значительно меньше врут и верят только в настоящие сказки. Федоров и написал такую совершенно настоящую сказку, про странную игру, в которую играют взрослые дяденьки и тетеньки. Игру, которая, скажем честно, многим другим дяденькам и тетенькам до сих пор кажется блажью и инфантильностью. Но Георгий Борисович знал, ЧТО пишет и ДЛЯ КОГО пишет. Он доказал, что есть все же на свете и нормальные взрослые, которым можно верить, которые не подведут. Они живут в палатках, а не в домах, копаются в земле, а не пропадают на непонятной «работе». В отличие от многих пап и мам, они любопытны, веселы и все время чего-то ищут. Зовут этих взрослых археологами.

«Все, что здесь описывается, было в действительности», — пишет Федоров в предисловии к одному из изданий книжки. Нет, не верю! Все, что здесь описывается, не только было, но было, есть и будет в действительности, несмотря на то, что некоторые очень взрослые и страшно серьезные дяди делают все, чтобы этого не случилось, чтобы современная «дневная поверхность» навсегда погрузилась во тьму мракобесия и взаимной ненависти.

«…Солнце высушивает росу на пологах бре-

зентовых палаток, возвещая начало нового трудового дня. Продолжается вечная эстафета от поколения к поколению, от учителя к ученику в раскрытии самых сокровенных тайн человеческой истории — неоценимого концентрированного опыта сотен поколений».

Post scriptum

Последний раз я его видел в девяностом году. Позвонив на его московскую квартиру, узнал, что Георгий Борисович тяжело болен — очередной отек легких. Марианна Григорьевна Рошаль — жена Георгия Борисовича посоветовала позвонить ему прямо в академическую больницу.

— Я в палате номер шесть. Представляешь? — бодро проговорил он по телефону. — Приходи скорей.

Палата, в которой «лежал» Георгий Борисович, была больше похожа на рабочий кабинет. А сам он вовсе не лежал, а сидел, разглядывая какие-то фотографии.

— Ты из Кишинева или из Питера? — спросил он.

— Из Кишинева.

— Тогда доставай.

— А можно разве? — неуверенно промямлил я.

— Очень даже можно и нужно. Давай-давай. Ага, пуркарское. Молодец.

Георгий Борисович совсем недавно приехал из Германии. Мы сидели и рассматривали фотографии, потягивали вино. Федоров рассказывал о Германии, удивлялся тому, какую справедливую жизнь оказалось можно построить на развалинах третьего рейха. Он купил там фотоаппарат «Полароид». Вертел его в руках. Никак не мог нарадоваться такой волшебной штуке.

— В экспедицию бы такой. Верно? — говорил он.

А потом я ушел, унося в кармане свежую фотографию, и больше уже никогда его не видел. Через два года то ли в «Литературке», то ли в «Известиях» я прочитал некролог. Он умер в Англии.

Марк Ткачук

НАШ АРХИВ • МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

История науки знает немало примеров, когда очень важные, имеющие большое значение работы так и не выходили в свет. Забытые «рукописи не горят», но они должны находить своего читателя более или менее вовремя. Дабы ускорить с ними знакомство читателя, редакция журнала «Stratum Plus» открывает публикацией Г.Б.Федорова новую рубрику «Наш архив».

Монография «Этногенез волохов, предков молдаван, по данным археологии (историографический аспект)» была написана Георгием Борисовичем Федоровым в начале 80-х гг., но до сих пор не публиковалась по причинам, не связанным с собственно наукой. Редакция журнала «Stratum Plus» публикацией данной работы не только восстанавливает историческую справедливость в отношении известного ученого, но и надеется, что этот труд, принципиально не устаревший и представляющий не только историографический интерес, найдет глубокий живой отклик у специалистов. Монография дается в авторской редакции, стилистические и орфографические особенности рукописи, а также терминология соответствующей эпохи оставлены без изменений.

Редакция.

Г.Б.Федоров

ЭТНОГЕНЕЗ ВОЛОХОВ, ПРЕДКОВ МОЛДАВАН, ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

(историографический аспект)

G.B.Fyodorov. Ethno-genesis of the Vlachs, Moldovans' Ancestors, According to the Archaeological Data (Historiographical Aspect).

The monograph *Ethnogenesis of the Vlachs, Moldovans' Ancestors, According to the Archaeological Data (Historiographical Aspect)* was written by G.B. Fyodorov, famous scientist of Soviet period, in the beginning of 1980s, but owing to circumstances beyond the author's control has still not been published. The monograph still preserves its scientific value. It deals with a critical analysis of Romanian historiography of 50s–70s dedicated to the issue of reconstruction of the Vlachs' ethno-genesis on basis of archaeological researches. Fyodorov revealed a radical change in the opinions on the Vlachs' ethno-genesis, accompanied by a complete "withdrawal" or limitation of the Slavic role in the ethno-genesis of the Eastern Roman peoples. Fyodorov distinguishes three basic stages in the ethno-genesis of the Eastern Roman peoples:

First: from the turn of bronze – iron ages till I century A. D. includes creation of the Thracian ethnic unity, distinction of the two close related tribes – the Gets and the Dacians.

Second: from II century A. D. till V century A. D. includes the Roman Conquest of the Dacia and romanisation of the Gets and the Dacians in Dacia and Moesia Inferior.

Third: from VI century A. D. till the first centuries of II millennium A. D. – the period of Slavic settlements in Balkan and Danube lands; their participation in the ethno-genesis of the Eastern Romans as the third important element of the latter; assimilation of the Slavs by the romanised population as the last and final stage in the Eastern Roman ethno-genesis.

The author is realistic about modest possibilities of the Archaeology concerning the issue of the Eastern Roman ethno-genesis study, yet he believes that the researches in this direction must be continued.

Введение

Все современные европейские народы образовались в результате длительного и сложного процесса, в котором имели место ассимиляции одних этнических общностей другими, культурные и этнические влияния, скрещивания и взаимопроникновения, создание, распад и снова создание, но уже на иной социальной и экономической базе новых этнических общностей.

Ассимиляционные процессы, процессы сложные, чаще всего двусторонние, включают и передачу от ассимилируемых ассимилирующим элементов языка, материальной и духовной культуры, технологических навыков и т. д. Эти процессы, проходящие с разной степенью интенсивности, особенно сильными и результативными становятся тогда, когда ассимиляция начинается и происходит не из-за военных столкновений и завоеваний, а в результате мирного сосуществования, особенно между этническими общностями с близкими элементами культуры, мировоззрения, в частности, религии и т. д. Именно так, видимо, обстояло дело с процессом ассимиляции славян романизованным населением Карпато-Дунайских и Балкано-Дунайских земель и созданием собственно восточно-романских народностей.

В послевоенный период археологическое изучение древнейшей истории населения территории Молдавской ССР и его этногенеза в значительных масштабах проводили советские историки. Постепенно история этноса молдавского народа прояснялась, при этом по ряду вопросов древнейшей истории у румынских и советских историков сложились разные точки зрения.

© Г.Б.Федоров, 1999.

Поскольку румынские археологи раскопали гораздо больше памятников и издали большее количество книг, мы ниже будем часто обращаться к их работам, тем более что выводы о древнейшей истории Валахии они обычно неправомерно распространяют и на древнейшее население Молдавии.

Существующие государственные границы не всегда совпадают не только с существовавшими, но и с ныне существующими этническими территориями. Однако во многих случаях сами государственные границы устанавливались в соответствии с преобладанием на той или иной территории определенного этноса, способствовали этнической консолидации. Таким образом, процесс этнической консолидации и процесс создания и развития государственности — это процессы не только сложные, но имеющие как прямые, так и обратные связи, в определенной степени детерминированные друг другом.

Различные признаки этноса, роль этих признаков для определения этноса служат предметом пристального внимания не только этнографов, но и историков, археологов, антропологов и т. д.

Консолидация современных, ныне существующих европейских народов — процесс сравнительно поздний. Так, о консолидации русского, украинского и белорусского народов на основе более или менее достоверных данных можно говорить лишь с XIV-XV вв. То же относится и к большинству современных европейских народов, в том числе и к восточно-романским — молдаванам и румынам, консолидация которых происходила в рамках феодальных княжеств Молдавии и Валахии в последующий период. Однако постепенное накопление особенностей, в конце концов приведшее к образованию народностей — предков современных народов, началось и в материальной и в духовной культуре гораздо раньше, часто еще в глубокой древности. Своего рода стартовой площадкой, с которой начались наиболее интенсивные процессы накопления особенностей, приведших к консолидации современных народов или народностей — их общих предков, была эпоха раннего феодализма в Европе — конец I и начало II тысячелетия н.э.

Процесс феодализации и укрепления феодализма был неразрывно связан с процессами этнической и социальной нивелировки — создания материальной и духовной баз новой формации. Этническая нивелировка, в основном, выражалась в ряде стран (Древнерусское государство, Англия, Болгарское царство и др.) в ассимиляции иноязычной и иноэтнической господствующей верхушки с высшими слоями коренного местного населения. Социальная нивелировка заключалась в превращении основной массы населения, до того сохранявшей остатки прежней формации (свободные общинники, рабы, вольные группы населения) в однородное феодально-зависимое население, иерархически взаимосвязанное во всех своих социальных категориях. Эти процессы этнической и социальной нивелировки способствовали сплочению и появлению самосознания данного этноса. Эти же процессы прослеживаются и при изучении восточно-романских народов: молдаван и румын.

Появление и накопление особенностей, отличающих эти два современных народа, можно археологически проследить с глубокой древности, видимо, уже с разделения фракийской этнической общности на племена и племенные союзы в раннем железном веке. Советские молдавские исследователи специально обращали внимание на выявление местных специфических особенностей формирования народов.

В период развития феодализма — в конце I и начале II тысячелетия н.э. это различие прослеживается по ряду признаков. Один из важнейших — различный этнический субстрат: восточнославянский для молдаван и южнославянский (болгарский) для валахов, соответственно населявших Молдавское и Валашское княжества. Если сопоставить археологическую карту восточнославянских поселений по обоим берегам р. Прут и в Прутско-Днестровском междуречье в IX-XIII вв. с границами Молдавского средневекового княжества, в частности, с картой молдавских поселений, составленной на основании письменных источников XV-XVII вв. (Бырня 1966: 96, 97, 99), то эти две карты в основном совпадают. В частности, в Прутско-Днестровском междуречье — основной территории Молдавской ССР — восточнославянское население вплоть до XII-нач. XIII вв. и по письменным, и по археологическим источникам было основным (Федоров 1970; Федоров, Чеботаренко 1974), за исключением южной степной части междуречья, захваченной уже в X в. сначала болгарами, а потом и тюрками-кочевниками. Карта же южнославянских (болгарских) памятников IX-нач. XI вв., так называемой Балкано-Дунайской культуры в Карпато-Дунайских землях, в основном совпадает с границами Валашского княжества. При этом нужно иметь в виду, что восточнославянский элемент в молдавском народе и южнославянский в румынском были важными, хотя и не главными слагаемыми этих народов. Эти слагаемые отчетливо прослеживаются и по археологическим данным, и по данным лингвистики, топонимики, особенно гидронимики. Чрезвычайно интересны в этом отношении выводы, сделанные румынскими учеными-лингвистами, работавшими в области ономастики и топонимики. При различии точек зрения в отдельных вопросах, эти ученые, как работавшие в двадцатых и тридцатых годах нашего века (Philipide 1925; Draganu 1933), так и современные, прежде все-

го крупнейший специалист академик Эмиль Петрович (Петрович 1959; Petrovici 1960; Петрович 1964; Daicoviciu, Petrovici, Stefan 1965) пришли к одинаковым выводам, основные из которых сводятся к следующему:

1. В формировании восточнороманских языков славянские языки сыграли важную роль, войдя в них в качестве существенного компонента (до 30% корневых слов).

2. В Карпато-Дунайских землях это был славяно-болгарский язык, а на востоке — в Карпато-Днестровских землях — восточнославянский. Таким образом, в этом важнейшем вопросе данные археологии и лингвистики, в частности топонимики, совпадают, так как именно в Карпато-Дунайских землях и была распространена культура I Болгарского царства или Балкано-Дунайская, а в Карпато-Днестровских — восточнославянская. В особом положении находился Буджак — примыкающие к левобережью Нижнего Дуная причерноморские степи, где население I Болгарского царства было в конце I и начале II тысячелетия н. э. вытеснено тюрками-кочевниками.

После этого в течение ряда столетий в Буджаке и вообще в придунайской долине господствовали сменявшие друг друга волны кочевников — печенегов, торков, половцев, татаро-монголов (Степи Евразии 1982). Здесь снова данные археологии и топонимики совпадают, так как именно в этом регионе имеется большое количество кочевнических курганов различных эпох и здесь же широко распространены тюркские топонимы и гидронимы.

Археологические источники для изучения этногенеза восточнороманской народности используют в послевоенное время румынские ученые. Их работы представляют большой интерес и заслуживают подробного и благожелательного рассмотрения, не игнорирующего, однако, имеющегося расхождения во взглядах.

Наш обзор придется начать именно с одного из таких расхождений, имеющих принципиальный характер.

Под волохами, упоминаемыми с конца I или начала II тысячелетия н.э. византийскими, русскими, венгерскими и др. письменными источниками, в советской историографии понимают восточнороманскую народность, на основе которой сформировались два основных восточнороманских народа — румыны и молдаване, подобно тому, как на основе древнерусской народности сформировались русские, украинцы и белорусы. В румынской же историографии, в том числе и современной, утверждается, что существовала и существует единая популяция — румыны, в древности именовавшиеся волохами, позднее жившие в Валашском и Молдавском княжествах и т. д. Соответственно и носители восточнороманской культуры с самого начала ее существования называются проторумынами или просто румынами, а их культура — проторумынской, древнерумынской или просто румынской. Существование молдаван как отдельного этноса во внимание не принимается, какие бы то ни было высказывания об этногенезе молдаван в румынской литературе отсутствуют.

Такое положение в румынской исторической литературе сложилось к началу XX в., так как в XIX веке в Валахии и Молдавии не велись подобные исследования. В XX же веке там пишут только о генезисе румын. Поэтому в дальнейшем при изложении различных точек зрения румынских ученых нужно иметь в виду, что под терминами «румыны» или «проторумыны» они понимают восточнороманскую народность — волохов — предков румын и молдаван. *

Интерес к изучению происхождения волохов возник еще в XVII веке. С конца XVIII в. началась дискуссия между автохтонистами (сторонниками непрерывности обитания волохов на нынешней территории с глубокой древности) и миграционистами, считавшими, что волохи образовались на Балканах и Нижнем Дунае и лишь сравнительно поздно расселились в Карпато-Дунайских землях. Именно дискуссия между учеными этих двух направлений и составила в значительной степени форму и сущность разработки восточнороманского этногенеза вплоть до наших дней. В этой дискуссии на протяжении длительного времени археологическим материалам отводилась весьма скромная роль. Они либо вовсе не использовались, либо привлекались каждой из сторон в дискуссии в качестве иллюстративного материала для тех или иных положений, выдвинутых на основании письменных, лингвистических и др. источников.

Наиболее обстоятельный современный обзор и критика работ феодальных и буржуазных историков по вопросу о происхождении восточнороманских народностей от XVII в. до нашего столетия содержится в труде Л.Л.Полевого «Формирование основных гипотез происхождения восточнороманских народностей Карпато-Дунайских земель» (Полевой 1972: 46-91). В заключении своей работы Л.Л.Полевой пишет: «К середине XX в. в решении проблемы происхождения восточнороманского населения буржуазная историография оказалась в тупике» (Полевой 1972: 91).

Письменные, лингвистические и др. источники были многократно и разносторонне проанализированы. Настоятельно требовалось для дальнейшей разработки проблемы этногенеза волохов введение археологических материалов в научный оборот.

Плодотворную роль в этом отношении сыграла деятельность выдающегося археолога, ос-

* Румыния как страна появилась только после 1859 г., когда отдельные княжества Молдавии и Валахии объединились в одно государство — Румыния, а молдаване и валахи в составе Румынии стали называть румынами.

нователя национальной школы румынской археологии Василия Пырвана (1882-1927 гг.). Его раскопки Истрии, Тропеума, Ульметума и др. нижнедунайских памятников, публикация этих раскопок, его известные исследовательские труды, такие, как «Гетика» («Getica»), опубликованный в 1926 г. в г. Бухаресте, «Дачия» («Dacia»), опубликованный в 1928 г. в Кембридже на английском языке и затем трижды (в 1937, 1957 и 1967 гг.) переизданный на румынском языке в Бухаресте и др., не потеряли своего значения и в настоящее время. В.Пырван и созданная им школа рассматривали археологические материалы как исторический источник, указывали на сложность этногенетических процессов, происходивших в Карпато-Дунайских землях до и во время римской оккупации Дакии, на множественность культурных и этнических включений в среду фрако-иллирийского Карпато-Дунайского ареала, а затем и гето-даков, основы, субстрата в процессе этногенеза волохов.

Впервые археологические материалы стали привлекаться для изучения процессов романизации гето-дакийского населения в Карпато-Дунайских землях. По своим взглядам В.Пырван примыкал к автохтонистам, в частности, к фракийской школе и на археологических материалах стремился показать реальные материальные свидетельства существования фракийского населения на территории Румынии, его отношения и связи с другими этническими группами, процесс его романизации. Писал В.Пырван и о серьезном вкладе славян в формирование волохов. Все это было значительным шагом вперед в постановке проблемы этногенеза восточнороманских народов. Следует отметить, что В.Пырван и его ученики в своих работах лишь положили начало использованию археологических материалов в разработке проблем восточнороманского этногенеза, только поставили ряд связанных с этим вопросов, и выводы их носили еще предварительный характер. Без дальнейшего широкого исследования археологических (фракийских, гето-дакийских) памятников (периода до римской оккупации, периода оккупации и после нее, почти совершенно неизвестных памятников второй половины I тысячелетия н.э. и начала II тысячелетия н.э.) проблема этногенеза волохов не могла быть не только решена, но и поставлена во всей своей сложности и многогранности.

Разработка проблем восточнороманского этногенеза с самым широким использованием археологических источников началась в Румынии во второй половине сороковых годов и продолжается до настоящего времени. За этот период накоплен огромный археологический материал — от древнейших времен до позднего средневековья, созданы опирающиеся в значительной степени на археологические источники концепции восточнороманского этногенеза, введены в научный оборот тысячи новых, ранее неизвестных археологических памятников, позволяющих наполнить конкретным содержанием картину различных этапов восточнороманского этногенеза. Можно смело сказать, что археологические материалы сейчас занимают едва ли не главное место среди источников изучения этой проблемы. Нам представляется, что в ряде случаев роль этих источников даже преувеличивается, так как проблема этногенеза любого народа — это проблема, требующая комплексного изучения учеными различных специальностей: историками, археологами, этнографами, лингвистами, антропологами и т. д.

Следует отметить, что все без исключения современные румынские археологи полностью и безоговорочно примыкают к школе автохтонистов, отстаивают идею непрерывности обитания романизированного гето-дакийского населения на территории к северу от Дуная со времен римской оккупации этих территорий. Однако, как будет показано ниже, между едиными в утверждении «непрерывности» румынскими археологами имеются весьма серьезные расхождения в понимании сути, времени, ареала романизации, определении территории, на которой происходили процессы этногенеза восточнороманских народностей, условий, при которых этот процесс происходил, его компонентов, культурных и этнических включений, которые имели место во время этого процесса.

При всей множественности этногенетических процессов и их компонентов, при всем разнообразии концепций и точек зрения, к началу 60-х годов нашего века в румынской исторической науке, на основании прежде всего разработки археологических материалов, были выделены три основных этапа восточнороманского этногенеза.

Первый из них — от рубежа бронзового и железного веков и до первого века нашей эры — включает в себя создание фракийской этнической общности, выделение из нее двух больших близко родственных северо-фракийских племен — гетов и даков, обитавших в Карпато-Дунайских землях и к I в. н.э. составивших определенную этническую общность. Эти племена создали на всем своем ареале более или менее единообразную материальную культуру и в I в. н.э. находились уже на стадии создания предгосударственных образований — Дакийского царства.

Образование гето-дакийской этнической общности и было результатом первого этапа восточнороманского этногенеза, созданием субстрата, важного древнейшего компонента, из которого сформировались восточнороманские народности.

По этому вопросу в румынской археологической литературе и науке существует единая

точка зрения, получившая и общее признание в зарубежной науке.

Следует все же отметить, что центром Дакийского царства была Трансильвания, заселенная даками, а в Карпато-Днестровских землях, в частности, в Прутско-Днестровском междуречье и на Нижнем Дунае обитали геты. Между этими двумя регионами уже в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры были определенные различия и в отношении материальной культуры и в этнических и культурных включениях.

Второй этап — от начала II в. н.э. до V в. н.э. — включает в себя римское завоевание Дакийского царства, образование римской провинции Дакии, процесс романизации гето-дакийского населения в Дакии и Нижней Мезии, еще в I в. захваченной римлянами; обитание романизированного населения на территории Дакии и после эвакуации ее римлянами. Романизация гето-дакийского населения была вторым этапом восточнороманского этногенеза, а романизованное население — важнейшим основным компонентом этногенеза. Относительно второго этапа в румынской археологической науке существует единство лишь в общих чертах. По поводу того, где, когда, в каких масштабах, как происходила романизация, на какие регионы и этносы она распространялась, в какой материальной культуре проявлялась, существуют, как будет показано ниже, различные точки зрения.

Третий этап — от VI в. н.э. до первых веков II тысячелетия н.э. Это период расселения славян в Карпато-Дунайских и Балкано-Дунайских землях, включения их в процесс этногенеза восточнороманской народности, как третьего важного ее компонента, ассимиляция славян романизованным населением — последний заключительный этап восточнороманского этногенеза. По этому периоду, как будет показано ниже, в румынской археологической науке шли и идут ожесточенные споры; выдвигаются различные, противоречащие друг другу гипотезы, коренным образом меняются взгляды и концепции, а с ними и этническая атрибуция памятников, общее представление о восточнороманском этногенезе. Начиная с середины 60-х годов создаются новые концепции восточнороманского этногенеза, отрицающие вообще третий этап, рассматривающие славян лишь как пришлый чуждый элемент с крайне примитивной материальной культурой, оказавшей лишь самое минимальное влияние на восточнороманскую народность, древних румын, этногенез которых протекал без сколько-нибудь значительного участия славян. Соответственно, как будет показано ниже, производится переоценка ценностей, или, вернее, их деноминация, коренным образом меняется этническая атрибуция не только отдельных памятников, но и целых культур. Все эти изменения происходят и продолжают происходить без открытия каких-либо качественно новых памятников или культур или совершенствования методики исследования уже накопленных материалов.

Перейдем к конкретному рассмотрению выделенных трех этапов и их освещению в румынской археологической науке. Естественно, что наибольшее внимание будет уделено третьему этапу.

I. Создание гето-дакийской этнической общности (первый этап восточнороманского этногенеза)

На рубеже бронзового и железного веков на Балканах и в Карпато-Дунайских землях наблюдается выделение фракийской этнической общности. В VIII в. до н.э. фиксируется культура фракийского гальштата. Видимо, с VI в. до н.э. начался процесс культурного и этнического выделения из фракийской общности двух близко родственных северо-фракийских племен: гетов и даков. В формирующейся гето-дакийской культуре, близкой к южнофракийской, были заметны иллирийские, скифские, греческие, а позже и кельтские влияния. Культура нижнедунайских областей Румынии тесно связана с южнофракийским миром и греческими городами Добруджи — Западного Причерноморья (Истрией, Томами, Каллатией). Для Трансильвании в III-II в. до н.э. хорошо прослеживается влияние кельтской культуры. В III в. до н.э. на Нижнем Дунае создается гето-дакийское межплеменное объединение («царство Дромихета»), а в I в. до н.э. — такое же объединение во главе с Буребистой. Это объединение способствовало этнической и культурной консолидации гето-дакийских племен. В I в. н.э. произошло перемещение культурного, экономического и социального центра из Придунайской равнины в горы Трансильвании, где сформировалось ядро гето-дакийского межплеменного союза, в I в. н.э. достигшего уже стадии предгосударственного образования — Дакийского царства. Румынские ученые в настоящее время называют межплеменное объединение — царство Дромихета предгосударственным образованием, а межплеменное объединение Буребисты и Дакийское царство — рабовладельческими государствами. Ни письменные, ни археологические, ни какие-либо другие источники не дают основания для подобного удревнения социально-политических организаций в Карпато-Дунайских землях. То, что «царство Дромихета» и «царство Буребисты» были именно межплеменными союзами, а Дакийское царство — предгосу-

дарственным образованием, достаточно доказательно показано в историографии (Златковская 1953; Колосовская 1957; Кругликова 1955), и нет никаких оснований для того, чтобы вносить подобные коррективы.

В пределах Дакийского царства существовало уже множество укрепленных поселений, оппидумы — зародыши городов (экономические, военные, ремесленные центры), дороги, зачатки денежного обращения и т. д. Все это способствовало не только экономическому, культурному, политическому, но и этническому сплочению гето-дакийских племен (Федоров, Полевой 1973: 293-295).

Большое значение имеет изучение гетских памятников — поселений и могильников на территории Мунтении, Олтении и Молдовы последних веков до н.э. и первых веков н.э., таких, как городище Попешть на реке Арджеш III-I вв. до н.э. (близ Бухареста), неукрепленных поселений Зимнича на Дунае, Пояна на Серете и особенно многочисленных дакийских памятников на территории Трансильвании. Как уже упоминалось, именно в дакийскую Трансильванию из занятой греками долины Дуная в I в. н.э. переместился центр гето-дакийской культуры, а также социальные, административные и производственные центры. Расцвет гето-дакийской культуры в Трансильвании продолжался на протяжении I в. до н.э. и I в. н.э. и сопровождался возникновением многочисленных крепостей и зарождающихся городов — Пятра Рошие, Блидарул, Тилишка, Сэрэцел и др., Пятра Нямц в Северной Молдове и т. д. Они были центрами ремесел, торговли, зодчества и опорными пунктами формирующегося государства. Расцвет гето-дакийской культуры и консолидация гето-дакийской этнической общности были прерваны в начале II в. н.э. войной с Римом, принесшей страшные опустошения и разрушения.

Культура доримской Дакии известна нам по археологическим раскопкам многочисленных дакийских памятников — могильников, сельских поселений, крепостей, прежде всего столицы доримской Дакии — Сармизегетусы (городище Грэдиште Мунчелуй).

Таким образом, к концу первого этапа была создана гето-дакийская этническая общность.

II. Романизация и судьбы романизованного населения (второй этап восточнороманского этногенеза)

Как известно, территория Добруджи с греко-римскими городами Истрией, Томами и Каллатией была еще в середине I в. н.э. включена в состав римской провинции Нижняя Мезия, большая часть которой располагалась на землях южнее Дуная. В начале II в. н.э. на очень короткий срок (всего на 10 лет) к этой провинции были присоединены Мунтения и Южная Молдова (очищенные римлянами около 118 года н.э., за исключением узкой южной полосы за Нижним Траяновым валом). Захват римлянами в 102-106 годах н.э. Дакии Децебала привел к образованию римской провинции Дакия, в состав которой была включена Трансильвания, часть Олтении и Банат, т.е. около половины нынешней территории Румынии. В 271 году н.э. при Аврелиане римляне оставили Дакию.

Таким образом, судя по письменным и эпиграфическим источникам, значительное римское население, а следовательно, и романизация на территории Румынии, прежде всего, имелась на территории Дакии. В Мунтении и Молдове — в центре и на востоке страны — сколько-нибудь значительного римского населения, а следовательно, и романизации не было.

Перед археологами, таким образом, встал ряд спорных вопросов.

Вопросы эти следующие: сопровождалась ли дако-римская война, завоевание римлянами Дакии и превращение ее в римскую провинцию полным уничтожением или вытеснением местного гето-дакийского населения, как считают сторонники «латинской школы», или гето-дакийское население хотя бы частично оставалось на местах и подвергалось латинизации, романизации, как считают сторонники «фракийской» школы. Далее, если в пределах римской провинции сохранилось сколько-нибудь значительное гето-дакийское население, то каковы были его отношения с римскими колонистами, с гето-дакийским и другим «варварским» населением вне пределов провинции, была ли романизация гето-даков в пределах провинции полной и всеобъемлющей? Где происходила романизация? Где были ее центры? В какой мере испытывало романизацию гето-дакийское население, жившее вне пределов римских провинций? Каковы были судьбы романизированного населения после эвакуации из Дакии римских войск в 271 г. и прекращения существования римской провинции?

Главную роль в разработке этих проблем сыграла клужская школа археологов во главе с выдающимся ученым академиком Константином Дайковичу. Особую ценность в историографии работ этой школы представляет блестящая монография Думитру Протасе «Проблема непрерывности в Дакии в свете археологии и нумизматики», опубликованная в Бухаресте в 1966 г. (Protase 1966).

После захвата римлянами Дакии на ее территорию (судя по эпиграфическим и археологическим данным, в частности, по материалам раскопок могильников) из ближайших провинций стали переселяться римские ветераны, ре-

месленники, торговцы, различные чиновники, рабы и т.д. На холмах Ботешть и Подурь, у Златны (римский г.Ампелум) в Западных Карпатах открыты могильники, принадлежавшие смешанному населению: дакийцам и перемещенным сюда иллиро-далматинцам. Заселяя Дакию римскими колонистами, римская администрация одновременно перемещала местное автохтонное население в отдаленные от Карпато-Дунайских земель провинции. Кроме того, большое число их было отправлено в центральные районы империи в качестве рабов, гладиаторов, солдат вспомогательных войск. Надгробные памятники римских солдат с дакийскими именами встречены в Италии, Испании и других странах. И все-таки, как показали археологические исследования, значительная часть гето-дакийского местного населения оставалась жить в пределах провинции. На ряде сельских дакийских поселений II-III вв. н.э. на территории Дакии отчетливо заметно продолжение древних местных традиций в развитии материальной культуры. В настоящее время известно уже свыше 50 пунктов (поселения и могильники), относящихся к периоду римской оккупации Дакии, в которых найдены элементы, притом весьма значительные, местной гето-дакийской культуры. В период оккупации такие, сохранившие доримский дакийский облик, поселения были в основном сельскими (Обрежа, Кашлоц, Лекинца де Муреш, Чернату де Жос и др.). На этих поселениях смешение местной дакийской и римской культур прослеживается в керамике, орудиях труда, украшениях, жилищах, в обрядах погребения, в антропологических материалах и т.д., причем встречаются как поселения, весь облик которых был провинциально-римским, т.е., принадлежавших римлянам или полностью романизованному населению, так и поселения со смешанной римско-дакийской культурой, с постепенным усилением римских элементов и, наконец, преимущественно в горных районах, поселения и могильники свободных даков, не имеющие следов романизации и сохранившие по всем основным категориям материальной культуры и по обрядам погребения (кремация) традиционный гето-дакийский облик.

Вместе с тем на большей части территории провинции, благодаря строительству городов, укреплений, поместий, мастерских, системы коммуникаций происходило усиленное приобщение гето-дакийского населения к римским обычаям, языку, образу жизни.

Земли к востоку от Карпат (территории Молдовы) были заселены карпо-дакийцами (поселения Хангу в долине Бистрицы в Восточных Карпатах, поселения у с.Сучава, Цифешты у г.Фокшаны, могильник Поянешть у г.Васлуй. Карпо-дакийское население, жившее вне пределов римских провинций, сохраняло традиционный облик своей культуры, обряд погребения (кремация), облик поселений и т. д., испытывая при этом определенное воздействие греко-римской культуры, в частности, в керамическом производстве, в ювелирном деле и др. Судя и по письменным, и по археологическим источникам, карпо-даки совершали частые набеги на римскую Дакию и на Добруджу, а в конце III в. н.э., покоренные готами, вошли в возглавляемый ими союз племен.

К югу от Карпат в Мунтении также обитало в первые века нашей эры гето-дакийское население, развивавшее традиционные черты своей культуры (поселение и могильник Килия, часть могильника Тыргшор, поселение и могильник у оз. Тей близ Бухареста и др.), испытывая при этом определенное влияние римской провинциальной культуры. Однако ни о какой романизации населения в этих частях Румынии в первые века нашей эры говорить не приходится.

В 271 г. Дакия по приказу императора Аврелиана была покинута римскими войсками и прекратила свое существование в качестве провинции. Вопрос о том, все ли население ушло вслед за отступающими римскими войсками или часть его оставалась жить на прежних местах, — один из важных и спорных вопросов, связанных с этногенезом румын. Этот вопрос получил весьма убедительный ответ от археологов, в частности, в упомянутой уже монографии Д.Протасе. Как показали исследования археологических и нумизматических материалов, значительная часть романизованного и неромanизованного гето-дакийского населения продолжала жить на прежних местах в различных районах бывшей провинции вплоть до середины V в. н.э., когда гуннское нашествие заставило население Трансильвании, как местное, так и пришлое, искать спасения либо в горах, либо на других территориях.

При эвакуации римляне выводили прежде всего население городов, в частности, ремесленников и торговцев. Были заброшены и крупные поместья типа villa rustica. Однако вплоть до середины V в., до самого гуннского нашествия, ряд городов был обитаем, хотя и количество населения в этих городах, и уровень их жизни резко понизились. Общественные и частные городские здания были заброшены и постепенно превращались в руины, вышла из строя вся система городских коммуникаций и благоустройства (водопроводы, канализация, бани, мощеные дороги и улицы, театры и т. д.).

Обширные помещения зданий римского времени кое-где перегораживались, служа примитивными жилищами и т.п. Такие примитивные жилища открыты в развалинах римских зданий в Сармизегетусе во дворце Августалиев. Городской амфитеатр здесь был превращен в укрепление, входы в него завалены камнями. Внутри сохранились остатки обитания IV в. н.э.; в одной из лож амфитеатра был найден

клад бронзовых монет императора Валентиниана I (364-375). В Напоке (современный Клуж) найдены остатки гончарной мастерской IV в. и поселение этого времени. В городах сохранились лишь отдельные ремесленники, снабжавшие своими изделиями сильно поредевшее городское население. Это население продолжало хоронить умерших по традиционному римскому обряду ингумации. Значительная часть сельского населения и после ухода римских войск продолжала жить на прежних местах. Во многих областях бывшей римской провинции открыты поселения III-IV — начала V вв. — Чоройу Ноу, Вербица (в Олтении), Порумбень Мичь, Муджень, Себеш, Ернут и др. в Трансильвании. Иногда такие поселения располагались на территории бывшей villa rustica, как, например, поселение Ернут III-IV вв. н.э. Жилые землянки строились с использованием кирпичей и черепицы из развалин строений villa rustica. В III — середине V вв. появился и ряд новых местных сельских поселений, часто на развалинах римских каструмов и других укреплений (Аркюд, Мэнештур возле Клужа, Ношлак возле Турда, Братей, Сопорул де Кымпие и др.). На холме Прошття Мика в Трансильвании в IV в. возникло поселение с земляным оборонительным валом. В отличие от жителей города, жители сельских поселений погребали своих умерших по древнему дакийскому обряду — кремации. Могильники и отдельные погребения III-IV вв. открыты во многих пунктах в Трансильвании (Лекинца де Муреш, Сопорул де Кымпие, Прошття Мика, Ернут, Стэрецень, Братей и др.). В целом материальная культура стала гораздо более примитивной после ухода римлян, однако отдельные элементы провинциальной римской культуры сохранились, в частности, в гончарном производстве, где длительное время после ухода римских войск в Дакии сохранились гончарные горны и гончары, владевшие всеми навыками римского производства посуды, наряду с распространением и грубой примитивной посуды, формы и технология производства которой говорит о возрождении древних дакийских, еще доримских традиций. Римские традиции продолжались не только в гончарстве, но и в других областях производства, например, в производстве таких типичных провинциально-римских фибул (фибулы с тремя «луковичными головками», найденные в погребениях IV в. в Апулуме и др.). Наряду с преобладающим после эвакуации сельским хозяйством продолжали существовать и некоторые ремесла — кузнечное, гончарное, ювелирное. Существовало, хотя и в меньших размерах, чем раньше, и товарное производство, и денежное обращение. Население Дакии не утратило полностью и связей с империей, вероятно, вывозя туда продукцию сельского хозяйства и ввозя монеты, различные изделия провинциально-римского типа: фибулы, светильники, стеклянную посуду, изделия из бронзы и серебра. О существовании денежного обращения свидетельствуют довольно многочисленные находки римских монет III — середины V вв. на территории Дакии. В обращении попрежнему была римская монета, теперь уже не серебряная, а главным образом медная. После подъема денежного обращения в первой половине IV в., в конце этого века снова наступил упадок, видимо, связанный с усилением набегов варварских племен на территорию бывшей провинции. В материальной культуре конца III — первой половины V в. в Дакии прослеживаются следы древней дакийской культуры еще доримского времени (кремация, некоторые формы посуды и т. д.), такие черты обнаружены в Дакии более чем в 30 пунктах. Римская Дакия была со всех сторон опоясана поселениями свободных непокорных даков и других варварских племен.

Трансильвания имеет хорошую естественную природную защиту — горный пояс Карпат. Поэтому именно сюда, спасаясь от участившихся набегов различных мигрирующих племен, переселялись с равнин свободные даки, продвигаясь с востока, юга, запада. В восточной части Трансильвании открыты поселения свободных даков-карпов (Безид в верховьях Тырнавы, Речь в верховьях Олта и их могильники у Медиаша и др.). Поселения даков, переселившихся в Трансильванию с юга из Мунтении, открыты в предгорьях Карпат у Стэнешть и Килии, открыты и памятники переселившихся в Трансильванию даков с запада из Кришаны — например, могильник у с.Чипэу в Центральной Трансильвании. Вместе с тем и после ухода римлян в Дакии продолжало жить значительное романизованное население — носители традиций провинциально-римской культуры, многочисленные следы обитания которого прослеживаются вплоть до середины V в. н.э.

За пределами римской Дакии — в Молдавии, Мунтении, Кришане, а также Марамуреше и части Олтении — продолжалось развитие местной гето-дакийской культуры, испытывавшей на себе лишь более или менее сильное влияние римской провинциальной культуры. М.Комша в работе «Проникновение славян на территорию Румынской Народно-Демократической Республики и их связи с автохтонным населением» замечает, что проникшие в VI в. во внекарпатские области славяне соприкоснулись здесь и сосуществовали с местным римским населением, и делает сноску следующего содержания: «Здесь нужно отметить, что, кроме территории бывшей Дакии, в течение III-VI вв. романизовались и территория Мунтении и часть Молдовы вследствие переселения в эти области римского населения, либо из провинции Дакии, либо с юга от Дуная из Мезии, о котором свидетельствуют как письменные, так и археологические данные». М. Комша не приво-

дит никаких данных, подтверждающих раннюю романизацию за пределами римских провинций, да нам такие источники и не известны. Более того, как явствует из указанной работы Д.Протасе, даже в самой Дакии романизация не была сплошной и всеобщей. Со времени публикации цитированной статьи прошло уже 10 лет, однако М.Комша так и не написала об этом подробной работы, да и не подробной тоже. Хотя, как будет показано ниже, в румынской археологической науке желающих видеть раннюю романизацию за пределами Дакии и Мезии, по всей территории страны, недостатка не ощущается. В самой же Дакии после эвакуации римлян на первое место выдвинулись остальные восточные области бывшей провинции с их преимущественно сельскохозяйственным производством и относительно слабой романизацией. Уход римлян привел к известному возрождению и укреплению местных доримских гето-дакийских традиций, привнесенных на территорию провинции свободными гето-даками, продвинувшимися сюда после ухода римлян.

На протяжении сотен лет, со времен раннего гальштата культурное и этническое развитие местного населения — фракийцев и выделившихся из них гето-дакийцев носило, в общем, последовательный и непрерывный характер. В результате этого на протяжении II-III вв., главным образом на территории Дакии, появился новый этнос — романизированное местное гето-дакийское население. Однако в этнической истории населения Румынии, особенно после оставления Дакии римлянами, все большую роль стали играть вторжения новых в этническом отношении племен и союзов с востока, севера и запада. Так, с востока двигались сарматы, с севера — германские племена, серьезные опустошения принесло гуннское нашествие. Этническая и культурная стабилизация началась лишь в VI-VII вв., и связана она с появлением нового важнейшего этноса на территории Румынии — славян — и завершающим этапом этногенеза румынского народа. Но пока необходимо уяснить, какие процессы, связанные с этногенезом румын, происходили на юге страны, а также в областях, находившихся вне пределов римских провинций и на территории самих провинций, после оставления их римскими воинами.

Как уже говорилось, Добруджа была захвачена римлянами еще в середине I в. н.э. и к концу этого столетия включена в границы провинции Нижняя Мезия. Эта провинция занимала территорию нынешней северной Болгарии и румынскую Добруджу. Граница между Нижней Мезией и территорией, оставшейся в руках варваров, проходила по правому берегу Дуная, начиная от границы с Дакией (Трансалютанский лимес) до устья Дуная. Вдоль берега Дуная были возведены многочисленные крепости, лагеря и т.д. (Новиодунум, Диногеция, Троесмис, Капидава, Аксиополис, Сальсовия и др.), мощные укрепления были построены и в глубине провинции на скрещивании основных дорог — Ульметум, Тропеум и др. Помимо сильно укрепленных в римское время Истрии, Том и Каллатии римляне возвели и ряд других укреплений по берегу Черного моря в Добрудже, в том числе и оборонительные валы от моря до Дуная в средней части Добруджи. Многие из римских крепостей были возведены на месте ранее существовавших гето-дакийских поселений (Диногеция и др.). Помимо ряда городов (Новиодунум, Тропеум и др.) римляне жили и во многих сельских поселениях, в которых наряду с преобладающим сельским хозяйством были развиты и различные ремесла.

Судя по эпиграфическим материалам, письменным источникам и результатам раскопок, население Добруджи в период римско-византийского господства было разноплеменным, особенно с III в. н.э., когда римская администрация стала заселять эту пограничную провинцию различными варварами, рассчитывая с их помощью отражать набеги с севера. На ряде поселений встречены гето-дакийская керамика и другие предметы периода до римской оккупации и оккупационного периода, в III-IV вв. в Добрудже поселились фракийские племена карпов, сарматы, германские племена — готы, герулы и др. Исследования могильников, таких, как Пятра Фрикацей в западной части Добруджи, где вскрыто около 800 погребений различных эпох, показывает, что население ее во II-VII вв. было весьма смешанным и этнический состав этого населения менялся. Древнейший период использования могильника относится ко II-VII вв. н.э., и принадлежал он гето-дакийскому населению, находящемуся под влиянием римской культуры. В конце III-IV вв. обряд погребения резко изменился (от традиционной для гето-даков кремации к ингумации), изменился и инвентарь, судя по которому и по деталям обряда погребения, в это время население Добруджи состояло из сарматов, возможно, гето-даков, носителей черняховской полиэтничной культуры и др. Такой же смешанный характер носил и инвентарь погребений V в. В VI-VII вв. в могильнике появляются погребения, видимо, связанные с заселением этой области славянами.

Многочисленные погребения могильника Пятра Фрикацей наглядно свидетельствуют о пестром этническом составе «варварского» населения Добруджи в римский и ранневизантийский период, о появлении новых этнических групп населения с востока и с севера, о смешении различных в этническом и культурном отношении племен (Аурелиан 1962; Aurelian 1964). Все эти племена в той или иной степени испытывали влияние римской и ранневизантийской культуры, однако, судя по данным археологии, нет оснований говорить о сплошном

заселении римлянами этой области или сплошной романизации варварского населения, как это имело место в Дакии. Следы местной гето-дакийской культуры прослеживаются в Добрудже до II-III веков. Однако в этническом отношении изменения в Добрудже не ограничивались, судя по археологическим данным, приливом римских колонистов, а с III, особенно с IV вв., основные этнические изменения связаны были здесь со значительными переселениями различных варварских племен, приходивших в основном с севера из-за Дуная. С VI в. в Добруджу во все возрастающем количестве стали проникать славяне. Материальная культура пришлого населения Добруджи подвергалась более или менее сильному влиянию греко-римской культуры вплоть до падения большинства греко-римских городов в VI-VII вв. Главными определяющими факторами этнической истории в Карпато-Дунайских землях во II-V вв. н.э. была романизация автохтонного населения в Дакии, а также продвижение огромных масс различных в этническом и культурном отношении племен с севера и востока и перемешивание с ними местного населения. С кочевниками, в частности, с сарматами-кочевниками, местное население не смешивалось, видимо, прежде всего, ввиду различий в форме хозяйства и быта. Более или менее значительное смешивание происходило лишь при оседании сармат на землю, в частности, в Трансильвании, где осевшие на землю сарматы-языги перемешивались с местным дакийским населением. Процесс смешения наблюдается и с другими оседлыми племенами, как, например, с носителями черняховской культуры (на территорию Румынии она привнесена с востока и в румынской литературе называется культурой Сынтана де Муреш, по одному из первых открытых здесь могильников в Трансильвании у с.Сынтына на р.Муреш). Перемешивание было весьма значительным и, во всяком случае, в этом регионе, как и в Прутско-Днестровском междуречье, гето-даки были, видимо, одними из создателей и носителей этой культуры.

Наиболее ясное представление о черняховской культуре на территории Румынии, в частности, в Мунтении, дают раскопки черняховского могильника Тыргшор, где вскрыты сотни погребений (свыше трехсот), а также выявлены местные автохтонные элементы в основном слое могильника. *

В Мунтении и других свободных от римской оккупации регионах, носители черняховской культуры появились, видимо, еще в III в., а в Дакии лишь в IV в. после оставления ее римлянами.

* Специальная работа об этническом составе населения, оставившего могильник Тыргшор — об автохтонных и мигрирующих элементах, оставивших этот могильник, опубликована в 1971 г.) (Diaconu Gh.1965; Geza 1971: 68 etc).

В.Геза в статье, специально посвященной автохтонам и пришельцам в Тыргшоре, приходит к следующим выводам: в последние годы на территории Румынии открыто много черняховских могильников, которые использовались различными народами. Оказывается возможным определить их социальную структуру и расчленить их материальную культуру. В IV в. могильник Тыргшор использовался как гето-сарматами, так и тайфалами (германское племя), а также местным гето-дакийским населением. Каждая из этих трех групп имела свои особенности в погребении и свою группу могил. Три эти группы населения жили обособленно друг от друга. Мигрировавшие элементы — гото-сарматы и тайфалы не вытеснили гето-даков с мест поселений. Гето-даки продолжали жить на прежних местах в этом районе. Между автохтонами и пришельцами существовала карпо-гототайфальская коалиция. У гото-сарматов сохранились еще большие семьи и ее пережиточная форма — патронимия. У них была коллективная собственность, хотя уже выделились семейные участки земли. Они находились на последней стадии существования первобытно-общинного строя и начала классового общества. У гето-даков уже была индивидуальная семья, единая экономическая база, частная собственность на землю, выделился уже класс феодалов, существовало уже классовое общество. Для автохтонного населения это была пора начала формирования феодализма, происходившего в условиях великого переселения народов. Местное население в области развития материальной культуры и социально-экономических отношений шло далеко впереди пришельцев, было гораздо более развито, находилось уже на стадии формирования феодализма, а пришельцы еще на стадии первобытно-общинного строя (Geza 1971: 68 etc).

В статье содержатся интересные наблюдения, однако, как нам представляется, без всяких на то оснований автор удревняет социальные процессы, происходившие в гето-дакийском обществе, приписывая этому обществу существование, или, во всяком случае, формирование в IV в. феодализма. Кроме того, выводы эти не подкреплены фактическим материалом, не документированы источниками. В самом деле, можно ли делать такие далеко идущие выводы на основании одного могильника, без исследования поселений? Да и в этомто могильнике, собственно, к гето-дакам относится всего 8 погребений из сотни, датируемых концом III-IV вв. Что же касается остальных погребений, то строгое выделение там гето-дакийских из общей массы погребений с точки зрения автора раскопок и монографии «Тыргшор» Г.Дьякону (Diaconu Gh. 1965: 30), да и с нашей точки зрения невозможно.

Гуннское нашествие в конце IV и первой половине V вв. привело к глубоким потрясениям

в этносе и материальной культуре. Черняховская культура и, видимо, в значительной степени ее носители (по мнению румынских археологов — союз различных в этническом отношении племен во главе с германскими племенами готов, а в Мунтении, возможно и тайфалов) были уничтожены.

Вообще, большая часть местного населения, видимо, была сметена, уничтожена или вытеснена, сохранившись в более или менее значительном количестве в труднодоступных для гуннской конницы горных областях.

Наступивший вслед за гуннским нашествием период неустойчивости и безвременья (V в. н.э.) характеризуется только слабыми очагами заселения Карпато-Дунайских земель. В равнинных районах, часто подвергавшихся набегам кочевников, оседлое население было малочисленно (Молдова, особенно Мунтения, Олтения, западная часть Баната и Кришаны). О более или менее значительном населении и последовательном развитии его материальной культуры можно говорить, за исключением греко-римских городов Добруджи, лишь для Трансильвании, где, видимо, продолжало в какой-то мере оставаться местное население и куда мигрировали земледельческие племена. В первую очередь это были германские племена гепидов, в V веке переселившихся из Паннонии в Трансильванию и оставивших как собственно гепидские памятники (например, погребение вождя из Апахиды возле Клужа), так и поселения и могильники V — первой половины VII вв. н.э., в которых элементы гепидской культуры смешаны с элементами культуры местного автохтонного населения (Морешть, Чипэу, Порумбень Мичь, Тыргу Муреш и др.). В это бурное время население Трансильвании жило как в укрепленных поселениях (Морешть, Порумбень Мичь и др.), так и в неукрепленных (Чипеу и др.). Однако и Трансильвания подвергалась частым и опустошительным набегам сначала гуннов (из Паннонии), а затем и аваров (их памятники открыты в Трансильвании), которые сделали эту территорию частью своих кочевий, в конце VII в. н.э. Авары позже были ассимилированы на территории Румынии, как и в других местах их обитания земледельческими народами.

Суть этногенетических процессов в Карпато-Дунайских землях во II-V вв. такова: романизация местного гето-дакийского населения шла, главным образом, на территории римской провинции Дакии, в основном в горных районах; бесспорно последующее сохранение местного романизированного гето-дакийского населения после оставления римлянами Дакии (в определенной степени населения, уже смешивавшегося с мигрировавшими на эту территорию племенами готов, гепидов и др.).

III. Заселение Карпато-Дунайских земель славянами (Третий завершающий этап этногенеза восточно-романской народности). VI-VII вв.н.э. — первые века второго тысячелетия н.э.

Следует отметить, что до послевоенного времени памятники VI-XII вв. в Карпато-Дунайских землях, на территории Румынии почти совершенно не изучались, а единичные открытые и частично раскопанные, оставались обычно вообще без этнической атрибуции, как например, славянское поселение VI-XII вв. н.э. под Бухарестом в Дэмэройя, исследованное и опубликованное в тридцатых годах нашего века Дино Росети (Rosetti 1934: 207 etc.), или некоторые памятники средневековой Олтении (Berciu D., Berciu I 1937: fig.4-6, p.6).

Открытие и исследование в Карпато-Дунайских землях памятников материальной культуры второй половины I и начала II тысячелетия н.э. — целиком заслуга археологов Румынии, работающих в послевоенные годы. Важную роль в изучении этого периода и его этнической истории сыграли открытия и изучение славянских памятников на территории Румынии. Эти открытия и исследования начались еще во второй половине сороковых годов, и количество открытых в настоящее время различных памятников (поселения, могильники, отдельные находки) составляет уже несколько сотен. При этом нужно отметить, что своды и картографирование этих памятников в румынской археологической науке производилось лишь частично для отдельных групп памятников.

Развитие славянской материальной культуры в Карпато-Дунайских землях во второй половине I и начале II тысячелетия н.э. соответствовало тем же периодам, что и в окружающем славянском мире: VI-VII, VIII-IX и X-XII вв. Поэтому нам представляется целесообразным обзор исследований румынскими археологами славянских памятников также проводить по этим периодам.

Славяне VI-VII вв. н.э. в Карпато-Дунайских землях

Раньше всего славянские памятники в Румынии появились на востоке страны — в Молдове, в северо-восточной Мунтении и на юге в Добрудже. В Молдове ранние славянские поселения открыты в Ибэнешть, в пригороде Сучавы — Шипоте, в Яссах, Тырпешть и др. и датируются они VI-VII вв. н.э. На всех этих селищах найдены типичные славянские прямоугольные

полуземлянки с печами-каменками, лепная славянская керамика типа Прага-Корчак, различные орудия труда, оружие и украшения, в том числе и пальчатые фибулы. В Тырпешть, близ г.Тыргу-Нямц (Молдова) в одной из хозяйственных ям наряду с обломками раннеславянской посуды найдены и фрагменты лепных горшков, которые, по мнению И. Нестора, могут быть связаны не только со славянской, но и с гето-дакийской традицией. Это горшки банкообразной формы, украшенные налепными валиками. Один из важнейших раннеславянских памятников открыт в северо-восточной Мунтении в долине Дуная у села Сарата-Монтеору возле г.Бузеу (область Плоешть). Это раннеславянский могильник с обрядом трупосожжения. За несколько сезонов раскопок там вскрыто свыше 1500 погребений. Авторы раскопок И.Нестор и Е.Захария вначале датировали этот могильник VII веком н.э., позже — VI-VII вв. и относили его вначале к одной из групп славянских племен, не уточняя, впрочем, к какой именно и отмечая в нем, наряду с преобладающей лепной славянской керамикой пражского типа, наличие некоторого количества серой гончарной керамики, по мнению авторов раскопок и публикаций, принадлежащей местному населению, хранителю латинских — романских традиций.

Что касается селища, связанного с могильником, то его культурный слой, по мнению авторов раскопок и публикаций, был уничтожен в результате эрозии почвы берегов ручья Сэрата, вдоль которого было расположено селище.

К сожалению, это, один из важнейших и обширнейших раннеславянских могильников не только в Карпато-Дунайских землях, но и вообще в Восточной Европе, до сих пор остается неопубликованным и все сведения о нем ограничиваются краткими, по несколько страниц, предварительными сообщениями (Nestor 1957: 289-325; Nestor, Zaharia 1957: 187-194; idem 1959: 511-518; idem 1960: 513-517; Nestor 1953: 83-68; Федоров 1960: 193-197). Поэтому трудно судить и о степени обоснованности некоторых положений авторов. Так, например, серая гончарная керамика, видимо, встречающаяся лишь в весьма небольшом количестве, могла быть и керамикой местного населения (правда, в этом случае остается неясным, где это население жило и где производило такую керамику), а могла быть наряду с золотой лунницей, стеклянными сосудами, высококачественными бронзовыми изделиями, бусинами и т.п., предметом византийского импорта, т.к. в этот период славяне, в том числе и обитавшие на севере Балканского полуострова, имели весьма тесные экономические и торговые связи с Византией и часто совершали походы на Византию.

Во взглядах автора раскопок и публикаций, в частности, Иона Нестора, на этническую принадлежность населения, оставившего могильник Сэрата-Монтеору, произошла своеобразная эволюция. В течение ряда лет И.Нестор определял этот могильник как славянский и отмечал в нем лишь отдельные элементы, которые могут быть связаны с романизованным и просто гето-дакийским населением (Nestor 1957: 289-325; Nestor, Zaharia 1957: 187-194; idem 1959: 511-518; idem 1960: 513-517; Nestor 1953: 83-68; Nestor 1961). Однако в последних работах им проведена полная переакцентировка или даже этническая переатрибуция могильника (Nestor 1973: 32-33). В этих последних работах могильник Сэрата-Монтеору объявляется, в основном, принадлежащим местному автохтонному романизованному гето-дакийскому населению и имеющим лишь отдельные незначительные славянские элементы в материальной культуре. Сделано это без какой-либо аргументации. Никаких новых раскопок на могильнике или публикаций уже полученных материалов не производилось. К сожалению, подобная этническая переатрибуция славянских памятников в памятники романизованного населения стала с середины шестидесятых годов, как будет показано ниже, весьма частым явлением в румынской археологической науке.

К VI-VII вв. н.э. относится и славянская керамика из районов Бухареста, Сучавы, Тыргул-Секуеск и др., к VII, видимо, относится славянский могильник с трупосожжением у с.Балта Верде (обл. Крайова)(Комша 1957: 310). К этому времени, видимо, относится и древнейший период использования могильника Сату Ноу (обл. Констанца)(Комша 1957: 311; Федоров 1960: 200-201). Уже на этом раннем этапе славяне достигли Дуная и в некоторых местах, перейдя его, поселились на правом берегу. В Добрудже раннеславянские жилища VI-VII вв. были открыты в Диногеции. Несколько позже, чем в других местах, а именно, в VII веке, видимо, не ранее его середины, появились славяне в Трансильвании. Одной из первых работ, посвященных славянам в Трансильвании, была статья Курта Хоредта, опубликованная в 1951 году (Horedt 1951: 189 etc.). Автор описывает славянскую керамику от VII до XII вв., найденную в Трансильвании в 50 различных пунктах, исследует ее в различных аспектах, выделяет 4 фазы ее существования, отмечая непрерывность бытования этой керамики на территории Трансильвании от VII до XII вв. Касаясь феодального периода (вторая половина I тыс. н.э. до установления венгерского феодального государства в Трансильвании), автор приходит к выводу, что «в продолжительном процессе этногенетических изменений и скрещивания наиболее значительным движением является проникновение и распространение славян, определившее картину социального и исторического развития, особенно во второй половине I тыс. н.э». (Horedt 1951: 189). Дальше автор отмечает, что «... мо-

жет быть констатирована в прошлых исследованиях явная тенденция преуменьшения или желание обойти молчанием важное значение славян для истории Трансильвании. Это проявляется и в игнорировании археологических источников» (Horedt 1951: 189). К сожалению, эта тенденция, причем не только для Трансильвании, но и для всей территории Румынии возродилась с середины шестидесятых годов.

Если в Молдове, Мунтении, Добрудже славяне появились уже в VI веке, то появление славян в центре Трансильвании связывают с восстанием кутригуров против авар, происходившим в 631, 632, 637 гг. и сокрушившим господство авар. Перелом происходит начиная с 637 года, причем первая волна славян появилась в центре Трансильвании между 637 и 650 годами в долине Среднего Муреша и оставила памятники типа могильников Банду де Кымпие, Морешть, Молдовенешть и др.(Bako 1962a: 453-459).

По мнению М.Комши и К.Хоредта, на территорию Трансильвании славяне пришли в начале VII в. вместе с аварами (смешанные славяно-аварские могильники в Ношлаке, Банду и др.), либо самостоятельно продвигались с запада — из Словакии, из окрестностей Верхней Тиссы и со Среднего Дуная.

Судя по наличию на ряде поселений наряду со славянской керамикой керамики древних местных традиций, славяне, придя в Трансильванию, сосуществовали с местным населением (Комша 1970). Вообще вопрос о материальной культуре местного романизованного населения на территории Румынии в VI-VII вв. является довольно сложным. Сравнительно недавно, сначала для территории северо-восточной Мунтении, а затем для всей Мунтении и Олтении была выделена культура Ипотешть-Кындешть-Чурел, датируемая VI-VII вв. и связываемая с местным романизованным населением, сосуществовавшим со славянами (Teodorescu 1964: 485-505; Комша 1970: 275-276). *

Виктор Теодореску, выделивший в северо-восточной Мунтении около 30 поселений этой культуры отмечает, что для нее характерны прямоугольные полуземлянки с печами-каменками и выделил 4 фазы ее развития:

I — от второй половины V и до начала VI вв. — дославянская, характеризуемая посудой, сформованной на быстром гончарном круге позднеримского типа и лепными горшками и др. сосудами карпо-дакийского типа;

II фаза — середина VI в. — появление в связи с приходом славян лепной посуды славянского типа, наряду с гончарной керамикой римского типа. Это период дако-романско-славянского симбиоза;

III фаза — последняя треть VI — начало VII вв. — фаза максимального развития. Продолжение производства всех категорий керамики II фазы, и появление элементов, свидетельствующих о дако-романско-славянском синтезе. К концу фазы наблюдается появление сосудов, сделанных на медленном круге с примесью песка в тесте, с линейным и волнистым орнаментом — сосудов славянского типа;

IV фаза — VII век — романская культура снова принимает единый облик, что отражает ассимиляцию славян. По мнению В.Теодореску, культура Ипотешть-Кындешть-Чурел развивалась как ветвь позднеримско-византийской культуры и переросла в культуру местного населения т.н. «прото-Дриду», о которой см. ниже (памятники которой были открыты в Тыргшоре и Ваду Сапат). Наряду с интересными наблюдениями и самим фактом выделения новой культуры в работе В.Теодореску имеется ряд бросающихся в глаза методологических недостатков.

Так, необоснованным остается деление существования этой культуры на 4 фазы. Хронология этих фаз — утверждение автора, ничем не аргументированное по существу. Отсутствуют какие-либо статистические подсчеты для керамики и других элементов материальной культуры, позволяющих определить роль различных этнических элементов в ее создании, соотношение между этими этническими элементами и изменение этого соотношения. Отсутствуют доказательства перерастания этой культуры в какую-либо другую родственную ей более позднюю культуру романизованного населения. Отсутствуют доказательства того, что в VII веке, судя по археологическим данным, в ареале этой культуры закончилась ассимиляция славян романизованным населением. Нет и каких-либо доказательств единого романизованного облика этой культуры в VII веке.

Все это делает шатким не только основные этногенетические выводы В.Теодореску, но и тех исследователей, которые открывают аналогичные культуры на юге Молдовы, в Трансильвании, элементы этой культуры в типичной для центральной и северной Молдовы восточнославянской культуре и т. п.

Более сдержанную и осторожную характеристику Ипотешть-Кындешть-Чурел дает М.Комша (Комша 1970: 275-276). М.Комша отмечает, что в Мунтении и Олтении открыто свыше 60 поселений культуры Ипотешть-Кындешть-Чу-

* В работах В.Теодореску и М.Комши приведены и ссылки на археологические исследования и публикации, связанных с памятниками этой культуры, известными до 1964 г. Позже к культуре типа Ипотешть-Кындешть-Чурел были отнесены различными исследователями ряд памятников из Молдовы (памятники типа Костиша-Ботошань), в частности, с юга Молдовы, типа Братей в Трансильвании, а также из Мунтении ранее известные памятники (Дэмэроая, Лакул Тей, Фундень, Бэняса и др.) и вновь открытые поселения Сфинцешть, Дулчанка, большинство из которых являются бесспорно славянскими — Coman 1969a: 227 etc.; idem 1969b: 287-314; Constantiniu 1966: 655-678; Dolinescu-Ferche 1967: 123 etc.; idem 1969; Zaharia N., Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia Em. 1970: 99-103.)

рел, характеризует жилища, керамику этой культуры. М.Комша отмечет ее смешанный славяно-романский характер этой культуры, отразившийся и в жилищах, и в керамике, и в других элементах типов и особенностей, характерных как для дакийской, так и для позднеримской и для славянской культур. М.Комша приходит к выводу, что «все выше сказанное с предельной ясностью свидетельствует о существовании в рамках этих комплексов элементов местной дакийской и римской провинциальной традиций, к которым в течение VI в., особенно во второй половине, добавляется и славянский элемент» (Комша 1970: 276).

Далее М.Комша отмечает, что в славянском, по преимуществу, могильнике Сэрата-Монтеору (см. выше) в некоторых могилах имеются сосуды или черепки, характерные для местного романского населения, что указывает на связи славян с этим населением. Далее тот же исследователь сообщает, что в Молдове с чисто славянскими комплексами, распространенными прежде всего на севере и северо-востоке Молдовы, в ряде пунктов (Тырпешть, Костиша, Лозна, Ботошан и др.) открыты памятники, близкие к культуре Ипотешть-Кындешть-Чурел, свидетельствующие о совместном проживании местного населения и славян, и что родственная культура открыта и в Трансильвании (Комша 1970: 276).

Таким образом, М.Комша определяет эту культуру, как культуру смешанного романо-дако-славянского населения и вовсе не утверждает, что культура эта в VII веке имеет уже единый, чисто романский облик и свидетельствует о завершении ассимиляции славян романизированным населением. Еще более отличается от определения культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел, сделанного В.Теодореску и принятого рядом румынских археологов, характеристика этой культуры, данная одним из виднейших европейских археологов академиком М.Дайковичу, который в своей известной работе «Происхождение румынского народа в свете новейших исследований», опубликованной в 1968 г. (Daicoviciu 1968: 83-98), считает, что определение культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел, распространенной к востоку от Олта, как автохтонной дако-романской, является большой ошибкой и преувеличением, и что материальная культура этого времени носила преобладающий славянский характер (Daicoviciu 1968: 90).

Таким образом, этническая интерпретация культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел в румынской науке не является однозначной, существует три версии ее этнической интерпретации, из которых две (М.Комша и К.Дайковичу) относительно близки друг другу, а одна (В.Теодореску и ряд других исследователей) находятся с первыми двумя в серьезном противоречии. Эти две основных версии, два различных подхода в этнической интерпретации культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел, как увидим ниже, соответствуют двум различным концепциям этногенеза румын в современной румынской науке.

Прежде, чем перейти к следующему, также очень важному для изучения проблемы восточнороманского этногенеза периоду существования и развития в Карпато-Дунайских землях славянской и местной культур — VII-IX вв. н.э., необходимо дать краткую характеристику самой культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел.

Культура эта существовала в VI-VII вв. в придунайской низменности (Мунтении, часть Олтении и, видимо, юг Молдовы), особенно на севере и в центре Мунтении. Поселения этой культуры (все неукрепленные) характеризуются прямоугольными полуземлянками с печами из камня или глины, реже с открытыми очагами, довольно бедным инвентарем и двумя большими группами керамики — лепной, в которой наряду с преобладающей посудой пражского славянского типа Прага-Корчак есть и вытянутые горшки (близкие к посуде и к сосудам из могильника Сэрата-Монтеору), иногда с налепами, характерными для дакийской традиции, и гончарные серые сосуды, сделанные в римско-византийских традициях. Последние связывают с местным дако-римским населением. Однако до сих пор отсутствуют статистические подсчеты для различных групп керамики, сопоставление гончарной посуды этой культуры с провинциальной византийской керамикой VI-VII вв. и другие данные, позволяющие обосновать соответственные выводы, связанные с этническими определениями. Следует отметить, что гончарная керамика провинциально-византийского облика в наибольшем количестве встречается в области Плоешть (Комша 1970: 275) и на поселениях, расположенных ближе к Дунаю, к границе с Византийской империей, где и находились многочисленные византийские города и крепости, переживавшие в VI веке, особенно при Юстиниане, бурный расцвет всех видов материальной культуры, в том числе и гончарного ремесла. В ареале памятников культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел найдены и византийские монеты VI-VII вв. Следует отметить, что лепная керамика славянского облика на всех поселениях этой культуры резко преобладает над всеми другими видами керамики. Эта культура, видимо, просуществовала до конца VII в. Возможно, что это связано с тем, что именно в ареале этой культуры происходили основные столкновения славян и авар с Византией, а также с тем, что прорыв славянами византийской границы на Дунае привел к продвижению на юг огромных новых масс славян, которые увлекали в своем движении и население, жившее в долине между Карпатами и Дунаем. Во второй половине VII в. через эти земли с уже разреженным населением прошли кочевые орды тюрок-болгар во главе с Аспарухом, которые также принесли

серьезные опустошения и, вероятно, увлекали в своем движении в византийские земли остатки местного населения. В VIII — первой половине IX вв. в Мунтении и Олтении, видимо, существовало незначительное оседлое население, оставившее лишь редкие поселения.

Недавно была предпринята попытка связать между собой памятники культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел VI-VII вв. с памятниками культуры Дриду (определяемыми в качестве культуры местного романизированного населения) X в. при помощи биритуального могильника Изворул, открытого в Мунтении у с.Изворул на расстоянии 20 *км* к северу от Дуная, в районе Джурджу Бухарестская область (Mitrea B. 1967). Автор раскопок и публикаций Букур Митря, описывая суммарно 142 погребения из этого могильника (137 трупоположений и 8 трупосожжений), датирует могильник VIII-IX в. и полагает, что могильник этот принадлежал местному романизованному населению, культура которого подвергалась влиянию авар со Среднего Дуная, протоболгар с Нижнего Дуная и Византии. Однако, те предметы, которые Б.Митря связывает с аварами и датирует VII-VIII вв. — серпы, бронзовые браслеты с несомкнутыми, слегка утолщенными концами — могут быть датированы и более поздним временем, диапазон их бытования (VII-X вв.) весьма широк, а те вещи, которые имеют более узкую датировку — серьги в виде виноградной лозы IX-XI вв. и гончарная керамика, характерная для I Болгарского царства (красная и коричневая с углубленным линейно-волнистым орнаментом и серая с пролощенным орнаментом) — скорее датируются IX — началом XI вв. Кроме того, в инвентаре могильника есть предметы, характерные для провинциально-византийских древностей, но нет ничего, что могло бы быть бесспорно отнесено к восточнороманским древностям. Сам по себе могильник Изворул в высшей степени интересный памятник конца I тысячелетия н.э., однако его датировка и этническая атрибуция представляются весьма спорными. Таким образом, в VI-VII вв. материальная культура подавляющего большинства оседлых поселений Карпато-Дунайских земель имела славянский характер и лишь отдельные элементы этой культуры могут быть связаны с дако-романской или гето-дакийской традициями.

Славяне VIII-IX вв. в Карпато-Дунайских землях

Если для периода VI-VII вв. славянская материальная культура на территории Румынии, как и вообще в славянском мире, была довольно однородной, и различия ее в разных регионах страны лишь намечались, то в VIII-IX вв. эти различия уже выступают ясно, отражая ту поляризацию между различными ветвями славянства, которая происходила и все усиливалась ближе к концу I тыс. н.э. Весьма своеобразной была в этот период славянская культура на востоке страны — в Молдове и Восточной Мунтении. Культура эта, частично привнесенная в Молдову новыми массами славян, переселившихся с востока, частично развивавшаяся из местной славянской культуры VI-VII вв., носит ярко выраженный восточнославянский характер и получила название свое от одного из первых поселений, открытых в предместье г.Ясс — Хлинче. Открытия памятников этой культуры начались еще в конце сороковых годов. Сейчас их известно в Молдове около 100. На юг они доходят до Бырлада. Больше всего их известно в центральной Молдове (свыше 20 поселений вокруг г.Ясс и южнее его — Хлинча I, Куза Водэ, Доробанцу, Тодирешть, Спиноаса и др.), есть они и в северной Молдове — Сучава, Бухэешть и др.). Известны они и в восточной Мунтении (Ликотянка, восточнее г.Бузеу, Курэтешть — восточнее Бухареста и др.). Ясские археологи, которым принадлежит основная роль в открытии и исследовании восточнославянских памятников в Молдове, датируют эти памятники VII-IX вв. и называют (вернее, называли до середины 60-х годов) комплексом культуры Хлинча-I-Ромен-Брошево (Petrescu-Dîmboviţa şi col. 1953: 316-323; idem 1954: 233-255; Mitrea B. si col. 1954: 299-318; Petrescu-Dîmboviţa 1954: 569-584; Petrescu-Dîmboviţa, Niţu, Zaharia E., Dinu 1955: 687-712; Zaharia N. 1955: 287-295; Niţu, Teodor 1959: 485-493; Niţu, Zaharia E., Teodor 1960: 531-539; Petrescu-Dîmboviţa 1958: 209-222; Zaharia N., Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia E. 1970: 103-122)*. В последней сводной работе об археологических памятниках Молдовы ясские археологи стали датировать культуру Хлинча I VI-X вв. и выделили три ее фазы: фаза Шипот-Сучава (VI-VII вв. — раннеславянская), собственно Хлинча (VII-IX вв. — преимущественно восточнославянская, к ней в Молдове относится 91 пункт) и фаза Протодриду — смешанная романо-славянская IX-X вв.(Zaharia N., Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia E. 1970: 99-122). Нам данное выделение фаз, особенно третьей, представляется не подкрепленной фактическим материалом.

Основной исследователь древностей на территории Румынии М.Комша датирует культуру Хлинча I концом VII-IX вв. и называет ее культурой Хлинча I-Лука Райковецкая или Незвиско (Комша 1957; Она же 1970: 282-287; Comşa 1958: 73-89; idem 1959: 65-99; idem 1960: 159-166; idem 1968: 355-380; Комша 1963:

* Авторы насчитывают 91 пункт, в котором найдены древности, относящиеся к культуре Хлинча I. Славянские памятники в районе Сучавы, в том числе и типа Хлинча I исследовались в основном М.Матеем, которому принадлежит ряд работ (Matei 1963; Матей 1960: 375; Matei 1959: 409 etc.; Matei 1962: 149 etc.).

520) по украинским правобережным синхронным славянским памятникам. Это название и сопоставление представляется более точным, т.к. и территориально и типологически культура Хлинча I ближе к правобережным восточнославянским памятникам, распространенным и на территории Молдавской ССР и в верхнем Поднестровье, чем левобережным, находящимся между Днепром и Доном. Общая характеристика славянских древностей VII-IX вв. в Карпато-Дунайских землях имеется в отечественной историографии (Федоров, Полевой 1973: 301-307). Славянские древности Румынии стали предметом острой дискуссии между известными румынскими археологами И.Нестором и М.Комшей.

И. Нестор выступил с развернутой статьей о роли славян в процессе этнических и культурных процессов второй половины I тыс. н.э. в Румынии и с критикой некоторых положений, выдвинутых М.Комша (Nestor 1959: 43-64; Ответ М.Комши см.: Comşa 1959; idem 1960). Констатируя наличие по археологическим данным славян на территории Румынии с VII в. н.э. (могильник Сэрата-Монтеору, пальчатые фибулы, найденные главным образом в долине Дуная в Трансильвании, могильники VIII в. у Нушфалэу и Сомешень — Трансильвания), И.Нестор в противоположность М.Комше считает, что нельзя для VIII-IX вв. разделять западнославянскую культуру, восточнославянскую и южнославянскую и что культура Хлинча I не является восточнославянской, а выросла из местной славянской культуры VII в. типа Сэрата-Монтеору, что нельзя для VIII-IX вв. относить одни комплексы к восточнославянским, другие — к западным, оспаривает некоторые из датировок, например, конца культуры Хлинча I (по М.Комше — конец IX -начало X вв.) и начала Балкано-Дунайской культуры (по М.Комше — IX в.). Следует отметить, что дискуссия эта была весьма плодотворной и привела к формированию развернутой аргументации в пользу точки зрения М.Комши о наличии существенных различий в VII-IX вв. между западнославянской, южнославянской и восточнославянской культурами, позволила уточнить конечную дату культуры Хлинча I (IX век) и начальную дату Балкано-Дунайской культуры (также IX век). Мнение румынских ученых относительно ареала, датировок, этнической атрибуции и ряда особенностей славянской, в том числе и восточнославянской культуры не оставалось неизменным, о чем не раз придется упоминать по многим поводам.

Так, в одной из своих поздних работ «Проникновение славян..». (1970), посвященных этой проблеме, М.Комша определяет ареал восточнославянской культуры в изучаемом регионе таким образом: Молдова, Попрутье, от Бырлада и далее к северу, вся центральная и северная Молдова, затем восточная и юго-восточная Мунтения, главным образом, долина Дуная. В более ранней работе М. Комша к варианту этой культуры относит и ряд памятников Центральной и западной Трансильвании (Comşa 1958: 85). Исследователь выделяет три фазы развития этой культуры, из которых первая характеризуется исключительно лепной керамикой, вторая — появлением лепной и гончарной керамики, причем среди последней исследователь выделяет горшки с линейно-волнистым орнаментом, которые она считает заимствованными от романизированного населения (Комша 1970: 282). Это мнение, как и само деление на три фазы представляется недостаточно мотивированным, тем более что горшки с линейно-волнистым орнаментом являются самыми типичными для всей славянской керамики, да и фактура у них соответствующая. М.Комша отмечает, что между славянскими памятниками и романскими была тесная связь, проявляющаяся, в частности, в том, что на поселениях культуры Хлинча I находятся гончарные серые и др. сосуды, характерные для культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел в Мунтении, а на поселениях этой последней есть лепные сосуды типа Хлинча I (Комша 1970: 282-283). К сожалению, отсутствие статистических данных и типологических корреляционных таблиц по различным типам керамики, равно, как сопоставления гончарной серой керамики с соседней провинциально-византийской, не дает возможности видеть прочной источниковедческой базы, на которой основаны выводы автора. Сопоставление же серой гончарной керамики VI-VII вв. и вообще второй половины I тыс. н.э., находимой на различных поселениях в Румынии с провинциально-византийской необходимо, ибо византийский экспорт в эти пограничные с империей районы имел место, был довольно широко развит, что и зафиксировано рядом исследований (Teodor 1980: 97 etc.) *.

Помимо открытых поселений с землянками прямоугольной формы и печами-каменками, полуземлянками, расположенными гнездами, известен и могильник с трупосожжениями культуры Хлинча I у с.Кодрень близ г.Васлуй в Молдове. Культура Хлинча I всем своим обликом теснейшим образом связана с восточнославянской культурой Прутско-Днестровского междуречья, вообще восточнославянской культурой восточнее Прута и составляет с ней один комплекс. Какова же была судьба восточнославянского населения, носителей культуры Хлинча I? По мнению М.Комши, в Трансильвании восточнославянское население было ас-

* В этой работе для одной территории Молдавии зафиксированы 45 пунктов находок византийских вещей второй половины I тысячелетия н.э. (точнее, VI-XI вв.): амфоры, костяные изделия, серебряные серьги, фибулы, бусины, перстни, кресты, пряжки и т.д. Импорт из Византии был интенсивным в VI-VII вв., видимо, в связи с кризисом в империи. Византийский импорт в Попрутье отсутствовал.

симилировано романизованным и венгерским населением в XII в., а в другой работе она же пишет, что процесс этой ассимиляции закончился в X в. (Комша 1970: 325). На севере и в центре Молдовы восточнославянская культура Хлинча I, как и в Прутско-Днестровском междуречье, перерастает в славянскую культуру X-XII вв. На севере и в центре Молдовы, в частности, обнаружены помимо селищ и древнерусские городища с кольцевым валом и рвом, которые формой, размерами, конструкцией, видимо, и по всем категориям материальной культуры были подобны древнерусским городищам Прутско-Днестровского междуречья. Точное количество и местонахождение открытых городищ, к сожалению, не известно. Четко зафиксированы городища Фунду Херцей близ с. Дорохой, Баранка близ с.Доробань (оба на севере Молдовы) и Поянаку Четате близ г.Негрешть в Центральной Молдове. К сожалению, данные об этих городищах ограничиваются лишь краткими сведениями, их детальное обследование не производилось, небольшие раскопки были произведены лишь на городище Фунду Херцей.

Относительно этого городища М.Комша сообщает: «На территории Молдовы (имеется в виду румынская Молдова — правобережье Прута — Г.Ф.) памятники X-XIII вв., открыты до сих пор в небольшом количестве. Наиболее известными из них являются памятники, обнаруженные при раскопках городища у с.Фунду Херцей и селища Глинча II. Городище у с.Фунду Херцей имеет культурный слой типа Хлинча I, над которым находится городище IX-X вв. Как по керамике, так и по типу поселения, это городище связывается с аналогичными памятниками, известными в юго-западных районах УССР, вместе с которыми оно относится к восточнославянским племенам». (Комша 1957: 326 и сл.; см также Ambrojevici, Popovici 1945: 118-121).

С юга и из центра Молдовы восточные славяне были вытеснены в IX веке (в связи с экспансией I Болгарского царства) носителями Балкано-Дунайской культуры, в которых М.Комша видит славяно-болгарское и романизованное население. Пришельцы смешивались с восточными славянами и постепенно ассимилировали их (смешанную культуру М.Комша видит, например, на поселении Хлинча II). Граница между восточнославянскими и балкано-дунайскими памятниками в Румынской Молдове проходила вдоль долины реки Жижия, а на территории Молдавской ССР вдоль долины реки Бык (Федоров, Салманович 1970) *. Эта граница не была неподвижной, обе стороны подвергались взаимному влиянию. Процесс ассимиляции славян романизованным населением в Молдове закончился, видимо, в XI-XII вв. (Comşa 1958: 86), в то время, как на большей части территории страны этот процесс завершился уже в X в. (Комша 1970: 286). В Молдове романизация шла как за счет южных элементов, проникших в X в. с территории бывшей Нижней Мезии, вообще с юга — носителей Балкано-Дунайской культуры, так и за счет пришельцев из Трансильвании, проникших в Молдову в XI-XII вв. (Comşa 1958: 86).

Славянские древности VIII-IX вв. и более позднего времени на территории Трансильвании изучались К.Хоредтом, М.Комшей, М.Макря, И.Ференцом и другими исследователями. В Трансильвании на протяжении VII-IX вв. продолжалось проникновение славян с запада из Центральной Европы. Причем наряду с обычными славянскими поселениями с прямоугольными полуземлянками и печами-каменками, с лепной и гончарной керамикой VIII в. (Морешть, Молдовенешть, Чипеу, Безид, Сэлашури, Филиашь и др.), открыты и славянские могильники с трупосожжениями в Нушфалэу (р-н Шимлеу, с-в Кришаны) (Комша 1959: 525; Она же 1957: 314), в Сомешень (Macrea 1959a: 515-522; idem 1959b; Комша 1957: 314; Макря 1958; Horedt 1958) и Апахиде (Комша 1970: 282) возле Клужа в северо-западной Трансильвании. Датирующиеся VIII в., они, вероятно, принадлежали западным славянам. Возможно, что появление этих могильников связано со славянами, находившимися под аварским господством, которые после разгрома авар франками в 795, 796 гг. бежали в области к востоку от Тиссы (Комша 1970: 282). Кроме могильников с трупосожжениями, в Трансильвании находятся и могильники с трупоположениями: расположенные в районе Кымпия Турзий-Тетюш. В материальной культуре этих памятников ,наряду со славяно-аварскими чертами, есть и такие, которые связывают с местной романской традицией (Комша 1970: 280; Horedt 1958: 61, etc.). Это, в первую очередь, могильник у с.Чумбруд (у г.Аюд), датируемый концом IX-первой половиной X в. и, возможно, связанный с продвижением моравов в Трансильванию после разгрома венграми Великоморавского государства в 906 г. (Dankanits, Ferenczi 1959: 605-615; Comşa 1959: 71). Аналогичные погребения найдены в Тэртэрии и в Лопадя Ноуэ возле Аюда.

К концу IX в. в Трансильванию, как и в Молдову, стали проникать и все более распространяться с юга памятники Балкано-Дунайской культуры и ее локальный (возможно, не только в культурном, но в этническом отношении) вариант — культура Буков, видимо, связанные с экспансией на север I Болгарского царства, в IX веке включившего в свои границы не только Добруджу, Молдову (значительную часть), но и Трансильванию (Horedt 1951; idem 1958), и вообще большую часть Карпато-Дунайских земель. Памятники этой культуры на территории Трансильвании изучались К.Хоредтом и М.Комшей (Комша 1957: 315-319; Comşa 1959: 78). Эти исследователи именно с экспансией I Бол-

* Любопытно, что в народных жилищах, одежде и т.п. определенное различие между южным и северным комплексами сохранилось до наших дней.

гарского царства связывают появление здесь в IX-X вв. памятников типа Блындиана, Себеш и др., а также типичных южнославянских топонимов: Целиград, Мойград, Бэлград, Злата и др., сохранившихся до сих пор в Трансильвании. Как считают эти исследователи, вместе с болгарами проникло в Трансильванию и романизованное население, усилив здесь романизованный элемент (Комша 1957: 316-318; Comşa 1959: 78).

Таким образом, в VIII-IX вв. в Карпато-Дунайских землях продолжалось развитие славянской материальной культуры теми же путями, что и в остальном славянском мире. Определяются три славянских ареала в этом регионе: небольшой западный в Трансильвании, довольно значительный восточнославянский в Молдове и самый большой болгарский или южнославянский, занимавший центральные регионы страны и все более распространявшийся по мере расширения границ I Болгарского царства. На ряде памятников, наряду с преобладанием славянской керамики, формой жилищ (прямоугольные полуземлянки с печами-каменками и т.д.), как будто бы выделяются типы серой гончарной посуды, сделанной в романско-византийской традиции и, возможно, принадлежавшей местному романизованному населению.

Славяне в Карпато-Дунайских землях в IX-XII вв. н.э. Общие концепции восточнороманского этногенеза в румынской археологической науке.

Завершающий третий этап восточнороманского этногенеза знаменателен среди прочего и тем, что на нем кончается период «ex silentio», т. е. «умалчивание» в письменных источниках со времен античности о романизованном или романском населении в Карпато-Дунайских землях (один из аргументов сторонников миграции или балканской теории в пользу позднего появления волохов в этих землях).

С первых веков II тысячелетия н.э. относительно X в. и позже, это романизованное население упоминается в русской летописи XII в. (конец IX-X вв.) под именем волохов, в различных византийских источниках X-XIII вв. под именем влахов и в венгерских источниках XII-XIII вв. и позже (древнейшее упоминание относится к X в.) под именем блахов или влахов.

О том, что волохи-влахи-блахи в X-XIII вв. (и позже) представляли собой именно романизованное население, тесно связанное со славянами и занимавшееся преимущественно пастушеством, кочевым и отгонным скотоводством на основании письменных источников достаточно четко доказано учеными, в том числе исследованиями последних лет (Королюк 1971а; Он же 1971б; Он же 1972а; Он же 1972б; Литаврин 1972).

Относительно интерпретации письменных источников, касающихся волохов, как уже упоминалось, существует огромная литература на многих языках мира. В нашу задачу не входит ее рассмотрение. Ограничимся лишь кратким изложением выводов из последних исследований отечественных историков, касающихся интересующих нас вопросов.

Г.Г.Литаврин посвятил специальную работу анализу византийских свидетельств о валахах X-XIII вв., в основном на территориях южнее Дуная на Балканах (Литаврин 1972).

Первое бесспорное и точно датированное свидетельство письменных источников о влахах относится к 980 г. н.э., и речь в нем идет о влахах Эллады. Оно содержится в сочинении византийского полководца XI в. Кекавмена. Примерно к этому же времени относится и упоминание о влахах другого византийского автора XI в. Иоанна Скилицы, и речь в нем идет о влахах в Македонии, в пределах I Болгарского царства. Дальше до конца XIII в. термин «влахи» в византийских источниках применяется наравне с другими этнонимами. Впрочем, одно исключение все-таки есть. Анна Комнина в своей «Алексиаде» (конец XI в.) говорит, что кочевников «в просторечье называют влахами», т.е. ставит знак равенства между терминами «кочевники» и «влахи» (Анна Комнина 1965: 232). Нередки и отождествления влахов со скотоводами в источниках XIV-XV вв. вне зависимости от их этнической принадлежности. Однако, в византийских источниках X-XIII вв. влахи, за одним исключением, обозначают именно этноним, определенный этнос, обитавший в Эпире, Фессалии (особенно в ее северной горной части, пригодной именно для скотоводства), Халкидике, северо-восточной Болгарии, в районе нижнего течения реки Марица и на самом Балканском хребте. Источники часто характеризуют влахов, как скотоводов, имеющих летние пастбища в «горах Болгарии», а зиму проводящих в долинах Фессалии и т.д. Частично, волохи, жившие южнее Дуная в XI-XIII вв. оседали на землю (процесс, усилившийся в XIII-XIV вв.) и постепенно ассимилировались с греками и славянами. Однако, влахи нередко упоминаются на территории, входившей в пределы I Болгарского царства, а во II Болгарском царстве они составляли очень заметную группу населения, с самого начала основания этого царства, сыграв большую роль, едва ли не решающую, в восстании 1185 года против византийского владычества. После этого вплоть до 20-х годов XIII в. нередко влахами называлось все население забалканской Болгарии и Балканского хребта. В конце XII в. Фессалия составляла провинцию, получившую официальное наименование «Влахия» или «Великая Влахия».

Влахами же в конце XII в. и начале XIII не-

редко называли вообще все население II Болгарского царства. Лишь после окончания его формирования (около 1210 г.) термин «болгары» вытеснил термин «влахи». Итак, вообще, первые упоминания в письменных источниках влахов, упоминания бесспорные и хорошо датированные, относятся к концу X в. н.э. и фиксируют их на Балканах, на землях южнее Дуная. Остается, однако, неясным, там ли сформировались влахи или пришли туда уже вполне сформировавшись где-то в конце I тыс. н.э., когда они впервые стали упоминаться в письменных источниках. Во всяком случае, с X по XIII век на территории южнее Дуная, в пределах I и, особенно, II Болгарского царства влахи составляли очень заметную, значительную часть населения. Известны они по письменным источникам и в других регионах южнее Дуная на территории Балканского полуострова. Но вот, что весьма знаменательно. Несмотря на то, что влахи южнее Дуная в течение ряда столетий составляли весьма значительную часть населения, игравшую большую роль в экономике, политических событиях и т.д., их материальная культура нигде в этих регионах не выделена. Для территории I Болгарского царства характерна именно его особая культура, в которой слились собственно славянская и салтово-маяцкая культура — т.н. Балкано-Дунайская. Для II Болгарского царства характерна провинциальная византийская культура, как и для остальной части Балканского полуострова. А вот специфической волошской культуры на территориях южнее Дуная, где это население бесспорно было в большом количестве, по крайней мере с X по XIII век, не выделено. Трудно переоценить значение этого факта, особенно учитывая, что эти регионы являются одними из самых интенсивно изучаемых в археологическом отношении. Для объяснения этого феномена нам придется обратиться к рассмотрению соотношения между материальной культурой и этносом применительно к территориям, расположенным к северу от Дуная. Пока же приведем наблюдение Г.Г. Литаврина о том, что по мере аграрного освоения долин Фессалии в XII-XIII вв. зимовища скотоводов здесь сокращались. «Даже в Фессалии — пишет Г.Г.Литаврин, — перед влахами, где их было особенно много, уже в конце XII-XIII вв. должна была встать дилемма: или уход в горы, или превращение в таких же земледельцев, какими были здесь местные греки и славяне. И, вероятно, большинство их предпочитало все-таки горы».(Литаврин 1972: 111).

Так обстояло дело в X-XIII вв. в землях, расположенных к югу от Дуная, на Балканах, судя по письменным источникам, датировка которых и достоверность никем не оспаривается.

Значительно сложнее обстоит дело с письменными источниками для территории, расположенной к северу от Дуная, для Карпато-Дунайских земель. Здесь постоянные и частые упоминания о волохах содержатся в различных венгерских документах, в актах венгерских королей, начиная с 20-х годов XIII в., есть много и других письменных источников этого и более позднего времени. Все они, однако, и тематически и хронологически выходят за рамки настоящей работы.

К наиболее известным о волохах (перед приходом венгров) в Карпато-Дунайских землях относятся два источника XII в.. Оба они впервые введены для подтверждения непрерывного обитания в этих землях романизованного населения со времен римской Дакии немецким ученым Иоганном Тунманом, сторонником автохтонной или карпатской теории в 1774 г. (Thurman 1774).

Эти источники сообщают об обитании волохов и славян на территории Паннонии и Трансильвании, причем, с территории первой они были вытеснены венграми в X в.

Источники эти — «Повесть временных лет» и историческое сочинение «Деяния венгров» («Gesta Hungarorum»), принадлежащее перу анонимного нотария (секретаря) венгерского короля Белы III, датируемое обычно 1196-1203 гг., и как считают, автор его использовал более раннее историческое сочинение XI в. под тем же названием.

Волохи дважды упоминаются в историко-этнографическом введении к «Повести временных лет», впрочем, первый раз просто при перечислении народов «Афетова колена», без каких-либо хронологических и территориальных привязок.

Второе упоминание «По мнозех же временах сели суть словени по Дунаеви, где ныне Угорська земля и Болгаръска... Волохомъ бо нашедшем на словени на дунайския и седешемъ в них и насиляшемъ имъ..». (ПВЛ 1950: I, 11).

Следующее упоминание о волохах в «Повести» относится уже к 898 году, к рассказу о завоевании венграми Паннонии: Угры «пришедшие от въстока и устремишася чересь горы великия яже прозвашася горы Угорьское, и почаша воевати на живущая ту волохи и словени. Седяху бо ту прежде словени и волохове прияша землю словенську. Посемъ же угри прогнаша волъхи, и наследша землю ту, и седоша съ словены, покорише я подъ ся, и оттоле прозвася земля Угорська». (ПВЛ 1950: I, 21).

В сочинении венгерского Анонима сообщается о славянах и волохах, как о предвенгерском населении в Среднем Подунавье, в частности, о том, что имелось три волошско-славянских княжества, во главе одного из которых стоял вождь или князь по имени Гела. Княжества были разгромлены венграми в ходе завоевания территории Среднего Подунавья, где до того жили славяне, болгары, влахи, римские пастухи. Сообщаются подробности боев, сведе-

ния о вооружении волохов (Шушарин 1961; Королюк 1972б: 149 и сл.)

Анализируя эти два источника, Иоганн Тунман пришел к выводу, что они свидетельствуют о том, что в конце IX — начале X вв. волохи — потомки романизованного населения римской Дакии продолжали обитать где-то в районе Трансильвании.

Однако, уже в 1781 году историк Франц-Иосиф Сульцер в своей двухтомной «Истории Трансильванской Дакии» (Полевой 1972: 55; Sulsar 1781-1782) выступил с резкой критикой интерпретации «автохтонистами» этих двух источников. Волохи «Повести временных лет» по его мнению — это франки империи Каролингов, за сто лет до прихода венгров отвоевавшие Паннонию и Трансильванию у авар. Сведения же, содержащиеся в сочинении «Анонима», о существовании на этих территориях перед приходом венгров влахо-славянских княжеств, Сульцер посчитал просто фальсификацией, поскольку ни в каких других источниках нет упоминания об этих княжествах.

С тех пор и до настоящего времени в науке не прекращаются ожесточенные споры по поводу этих двух источников между «миграционистами» и «автохтонистами», причем аргументация сторон остается без каких-либо существенных изменений или добавлений. Есть сторонники обеих точек зрения и в советской исторической науке. Так, например, мнение и аргументацию Сульцера разделяет, в основном, В.П.Шушарин (Шушарин 1961; Он же 1972), а частично к «автохтонистам», как будет показано ниже, примыкает В.Д.Королюк. После рубежа IX и X вв. вплоть до середины XII в. волохи в письменных источниках в Карпато-Дунайских землях не упоминаются. Византийский историк XII в. Никита Хониат сообщает, что двоюродный брат императора Мануила I Андроник, пытавшийся овладеть престолом в 1164 г., бежал из константинопольской тюрьмы в Галицкую Русь. «Андроник перестал опасаться погони, поскольку уже избежал рук преследователей и достиг пределов Галиции, в которую, как в спасательное убежище стремился, тогда-то он и попал в тенета ловцев. А именно: схваченный валахами, до которых еще раньше докатилась молва о его бегстве, он был отведен назад к василевсу». (Цит.по Литаврин 1972: 103).

Источник спорный. Г.Г.Литаврин (1972) склонен считать, что влахи схватили Андроника на левом северном берегу Дуная. К нему присоединяется и В. Д. Королюк. Однако В.П.Шушарин (1972) убежден, что это событие произошло на правом берегу Дуная (т.е., к югу от этой реки), т.е. еще в пределах империи, пограничные посты которой располагались в это время по Дунаю. Нужно сказать, что сторонники обеих точек зрения опираются лишь на косвенные данные. Такие же споры идут и об этом свидетельстве Никиты Хониата и в зарубежной историографии, как и по отношению к некоторым другим свидетельствам византийских источников.

Последнее по времени и одно из самых интересных, хотя, как нам представляется и не бесспорным, исследованием трех вышеупомянутых источников XII в. принадлежит В.Д.Королюку. Проанализировав «Аноним» и указав на ряд имеющихся в нем неточностей, В.Д.Королюк приходит к следующему выводу: «Из сказанного только что не следует, разумеется, что влахо-славянских политических объединений в действительности никогда в Среднем Подунавье не было и не могло быть. Рассказы «Анонима» могут быть и своеобразным отголоском существования таких объединений в устной народной традиции. Однако, поскольку параллельных сведений о них в других источниках не сохранилось, вопрос этот остается открытым. Может быть, он будет решен впоследствии комплексными историко-археологическими исследованиями». (Королюк 1972б: 149).

Заметим, что такие исследования в Румынии до сих пор проведены не были, как впрочем, и в Паннонии. Если вопрос о существовании влахо-славянских княжеств в Трансильвании и Паннонии В.Д.Королюк считает открытым, то к самому факту обитания здесь волохов и славян, на основании свидетельств «Анонима» он относится с полным доверием: «Как бы то ни было, анализируемый нами источник дает полное право полагать, что в нем под именем «влахов», «римских пастухов» и «римлян» следует понимать одно и то же пастушеское романизованное население Среднего Подунавья».(Королюк 1972б: 157).

Проанализировав и сопоставив известия о волохах в «Повести временных лет», в сочинениях «Анонима» и Никиты Хониата, В.Д. Королюк приходит к выводу: «Итак, существование в Среднем Подунавье на левом берегу Дуная влахов-волохов в конце IX-X вв. и даже в XII в. полностью подтверждается тремя взаимодополняющими, но совершенно самостоятельными, независимыми друг от друга источниками XII-XIII вв. русского, византийского и венгерского происхождения» (Королюк 1972б: 140).

В общем, соглашаясь с выводами В.Д.Королюка, хочу отметить их излишнюю категоричность, так как ряд исследователей дают этим источникам иную интерпретацию.

Итак, с некоторой долей условности, можно считать, что, судя по письменным источникам, в конце IX-X вв. волохи, как определенный этноним, уже существовали, что они были очень близки со славянами (вступая с ними то в конфронтацию, то в объединения), но составляя особый этнос, и, наконец, что раньше всего они упоминаются на левобережье Среднего Дуная, в районе Трансильвании и Паннонии (из последней они были вытеснены венграми уже в конце IX-начале X в.). Таким образом, письмен-

ные источники дают основание для того, чтобы считать волохов потомками романизованного населения римской Дакии, центр которой находился именно в Трансильвании, а то, что волохи были именно романизованным населением, судя по письменным источникам, не вызывает никаких сомнений.

Каков же вклад археологии в решение этой проблемы?

Как было показано выше, материальная культура в Карпато-Дунайских землях, в частности, в Трансильвании, имела в последние века I тыс. н.э. и первые века II тыс. н.э., в основном, славянский характер. Один из основных исследователей истории Трансильвании, археолог Курт Хоредт в упомянутой уже работе «Целиград-Бландиана, район Орештие. Вклад в историю Трансильвании IX-X вв». выделяет четыре периода бытования славян в Трансильвании:

1. С начала проникновения славян в Трансильванию до середины VII в. после падения господства гепидов и ослабления авар, когда славян здесь почти не было;

2. С середины VII в. до первой половины IX в. — проникновение в Трансильванию славян из Словакии с запада, в частности, появление в конце VIII в. курганных могильников с трупосожжениями Нушфалэу и Сомешень;

3. От середины (первой половины) IX в. до второй половины X в. — период болгарской экспансии на север от Дуная, появление в Трансильвании славяно-болгарских памятников культуры I Болгарского царства и южнославянских топонимов, а также появление в конце IX в. в долине Муреша славянских погребений с трупоположениями — результат миграции из Словакии;

4. От начала IX в. до татаро-монгольского нашествия — включение Трансильвании в состав Венгерского королевства; ассимиляция славян румынами и венграми.

В известной работе «Славянская керамика в Трансильвании» К.Хоредт приходит к следующему выводу: «Исчезновение славянских племен отмечается накануне середины XII в. на основе установления того, что в саксонском диалекте не существует славянских элементов, поскольку в момент переселения этих колонистов в Трансильванию, начиная с 1150 года, ассимиляция славян закончилась». (Horedt 1951: 189). Любопытно, что вывод об ассимиляции славян «румынскими и венгерскими народами» накануне середины XII в. археолог К.Хоредт делает не на основе исследования памятников материальной культуры, а по косвенным лингвистическим данным.

В Молдову и Трансильванию, как уже упоминалось, славяно-болгарская материальная культура проникла с юга, в частности, из Добруджи. Исследуя поселение Диногеция (у с. Гарвэн в Добрудже) второй половины I и начала II тыс. н.э., расположенное на месте римской и ранневизантийской крепости III-IV вв. н.э., М.Комша приходит к выводу, что керамика IX-X вв., обнаруженная в ряде жилищ этого поселения (вся гончарная — преимущественно горшки с линейно-волнистым орнаментом и серая посуда с пролощенным орнаментом) «...включается в ареал культуры, распространенной на большом пространстве на Балканском полуострове (Плиска, Мадар, Преслав и др.), в Добрудже и вдоль Дуная. По ареалу... эту культуру можно считать балканской и позднеримско-византийской». (Комша 1957: 319).

Далее, анализируя керамику и жилища, М.Комша приходит к выводу, что в Диногеции в IX-X вв. преобладало славяно-болгарское население. «Существование славянского населения, — пишет М.Комша, — можно проследить до XII в. До исследования всего материала остается неосвещенным вопрос о существовании в этом поселении древнерумынского населения. Пока еще не выяснено, нужно ли связывать некоторые типы сосудов, по форме продолжающие позднеримскую кухонную керамику с определенными древнерумынскими этническими элементами, или, скорее нужно считать, что славяно-болгарское население из Гарвена заимствовало эту керамику у древнерумынского населения окружающих областей». (Комша 1957: 323) *.

Падение гончарного производства в Диногеции во второй половине XI-XII вв. (конец существования поселения) М.Комша связывает с набегами кочевников-тюрок (Комша 1957: 323).

Подводя итоги исследования славянских древностей на территории Румынии, М.Комша писала: «В VI-VII вв. проникают на территорию нашей страны (Румынии — Г.Ф.) раннеславянские племена с керамикой пражского типа (Сэрата-Монтеору, Балта-Верде, Бухарест и его окрестности, Сучава, Тыргул-Секуеск). В конце VII-VIII вв. проникают славянские племена с запада (на территорию Трансильвании: Нушфалэу, Сомешень, Бистрица, Тоаркала и в Подунавье — Балта-Верде и Сатул Ноу). На территории Молдовы известны восточные славянские племена (культура Хлинча I — Лука Райковецкая)».

В IX веке во время экспансии первой болгарской державы на север от Дуная и на часть территории Трансильвании проникло на север с Балканского полуострова смешанное южнославянско-болгарское население и романское

* Следует отметить, что в 1967 г. был опубликован коллективный труд Г.Штефана, И.Барни, М.Комши и Е.Комши «Диногеция», т.I. (Dinogeția 1967: I), и хотя в нем не содержится каких-либо качественно новых по сравнению с предыдущими публикациями материалов, авторы, в частности, автор раздела «Выводы» Г.Штефан, уже вполне уверенно говорят о сильных элементах древнерумынской материальной культуры на этом поселении.

население. Культура южных славян известна в поселениях городского типа Добруджи (Каменный вал, Гарвэн) и Подунавья, а также на территории Трансильвании в укрепленных поселениях: Бэлград, Целиград, Мойград и др. (Комша 1957: 327).

Годом позже М.Комша опубликовала уже не раз цитированную выше статью о восточных славянах на территории Румынии, в которой пишет о том, что на территории Румынии помимо славянских племен VI-VII вв., носителей культуры Пражского типа, известны и более поздние славянские племена — в Молдове — восточные славяне, носители культуры Хлинча I, в Трансильвании — западные славяне, на юге страны, а с IX в. на большей части ее территории на север от Дуная в период экспансии сюда I Болгарского царства, носители Балкано-Дунайской культуры (Comşa 1958: 73-75, 85).

Следует отметить, что в работах М.Комши впервые по археологическим данным были четко выделены и очерчены три ареала славянской культуры и славянского этноса на территории Румынии: восточнославянский в Молдове на востоке страны, западнославянский в Трансильвании и южнославянский-славяно-болгарский на юге страны, а с IX в. — на большей части ее территории, причем М.Комша считала, что эта культура, названная ею Балкано-Дунайской, принадлежала, видимо, смешанному южнославянско-романизованному населению.

Наличие западнославянских памятников в Трансильвании, восточнославянских в Молдове и Восточной Мунтении, южнославянских на юге страны, а с IX в. на большей части ее территории, не было результатом одновременного переселения каких-либо локальных групп. Пополнение этих трех центров за счет переселения западных славян в Трансильванию из Центральной Европы, восточных в Молдову и Восточную Мунтению из прилегающих юго-западных областей СССР и переселения южных славян с Балканского полуострова, из областей, расположенных к югу от Дуная, на большую часть Карпато-Дунайских земель и наложило свой отпечаток на всю последующую историю этого населения.

Наиболее сильным и охватывающим почти всю территорию страны было южнославянское проникновение, на востоке страны — восточнославянское, меньшим и по ареалу и по интенсивности было западнославянское. Завершающий этап этногенеза волохов не может быть принят без учета вышесказанного.

Нам представляется, что в начале этого этапа земледельческое славянское и пастушеское романизированное население проживало во все более тесном контакте между собой в Карпато-Дунайских землях, причем, можно предполагать, что, по крайней мере, часть восточнороманского населения постепенно оседала на землю, переходя к земледелию, как это имело место на территориях к югу от Дуная.

После занятия венграми Паннонии, крушения I Болгарского царства, захвата нижнедунайской долины тюрками-кочевниками, распада Древнерусского государства, славяне, жившие в Карпато-Дунайских землях, оказались отрезанными от основных славянских центров и были, видимо, ассимилированы местным романизированным населением, которое пополнялось за счет переселения в эти земли пастушеского романизованного населения из территории, расположенной южнее Дуная, где, как показали исследования историков, на территории Мезии существовали крупные очаги романизации (Рикман 1976; Златковская 1978) в античное время, а позже, на территории Мезии (Аурелиановой Дакии) была сформирована византийская фема Паристрион, население которой состояло из влахов и болгар.

Таким образом представляется завершающий этап формирования восточнороманской народности — волохов. Примерно так представляли его и румынские ученые, что нашло свое отражение в академическом издании «История Румынии», вышедшем в 1960 г. в Бухаресте (Istoria Romaniei 1960: I;1962: II). Относительно того, где, как и когда происходил этот завершающий этап формирования волохов или восточнороманской народности (по терминологии румынских ученых — проторумын, древних румын или просто румын), в румынской археологической науке всегда, во всяком случае, до последнего времени, существовали различные точки зрения.

Подавляющее большинство румынских археологов считает балкано-дунайскую культуру культурой этого проторумынского или древнерумынского населения. На краткой характеристике ее нам придется остановиться *.

Пройдя степи Северного Причерноморья, кочевые тюркские племена болгар под предводительством Аспаруха во второй половине VII в. пересекли Дунай и обосновались между Балканскими горами и Дунаем, а также в Добрудже, подчинив жившие там славянские племена. Тюрки-пришельцы были довольно быстро ассимилированы местными славянами, и уже в IX веке существовал славянский болгарский язык и письменность (Ангелов 1971). Процесс этнической консолидации славяно-болгарской народности сопровождался смешением собственно тюрко-болгарской и славянской культур и этносов, причем первые контакты между тюрками-болгарами и славянами начались, видимо, еще до образования I Болгарского цар-

* Характеристику Балкано-Дунайской культуры см.: Федоров, Негруша 1979.

* В книге опубликовано 16 могильников с кремацией, 24 биритуальных могильника с ингумацией по языческому обряду, 8 могильников с кремацией и по христианскому и 45 — христианских.

ства и на территориях гораздо восточнее Дуная, что облегчило и ускорило в пределах царства процессы ассимиляции болгар-тюрок славянами. Накануне сложения южнославянской болгарской народности памятники основных слагающих ее элементов — болгаро-тюркского и славянского — существовали уже раздельно (Въжарова 1976) **.

Это, с одной стороны, болгаро-тюркские погребения с ингумацией по языческому обряду и характерные сосуды, в том числе серые с пролощенным орнаментом (например, могильники Нови Пазар, Бдинци и др. в северо-восточной Болгарии), а с другой стороны, типичные славянские погребения с остатками кремации и обычными славянскими горшками-урнами (могильник Попина, Разделна и др.) (Въжарова 1976), оседлые славянские поселения (например, нижний горизонт Попина, почти все поселения южной Болгарии и т.д.). Болгары-тюрки принесли на Балканский полуостров юртообразные жилища, обряд ингумации, специфическую керамику: серые, желтые, оранжевые кухонные горшки шаровидной или яйцевидной формы с линейно-волнистым орнаментом, покрывавшим большую часть тулова, часто с вертикальными полосами орнамента, а также серую керамику с пролощенным орнаментом. Культура болгар-тюрок сложилась гораздо восточнее Подунавья, в Приазовье и в Подонье, где она достигла расцвета в VIII-IX вв. и известна под названием салтово-маяцкой по первым памятникам, открытым на Дону. Тюрко-болгары пришли на Дунай в VII в. н.э., т.е., до периода расцвета салтово-маяцкой культуры, чем, по нашему мнению, помимо тесного симбиоза со славянами, и объясняются наличие наряду с общим сходством и некоторых различий между салтово-маяцкой и Балкано-Дунайской культурами. *

В период I Болгарского царства (конец IX-начало XI вв.) ареал Балкано-Дунайской культуры и граница этого царства, в основном, совпадают. Они, помимо Болгарии, включают почти всю территорию Румынии и южную степную часть Прутско-Днестровского междуречья и левобережья Нижнего Дуная. Для Балкано-Дунайской культуры характерна оседлость, преобладающая роль земледелия, полуземляночные прямоугольные жилища с печами-каменками, реже — с очагами, очень редко юрты, распространенные у славян украшения, до принятия христианства в 865 г.н.э. — сочетание обрядов ингумации и кремации, наконец, своеобразный керамический комплекс, в котором преобладают сосуды славянской традиции и в меньшей степени сосуды салтово-маяцкой традиции (до 30% на поселениях). Расцвет Балкано-Дунайской культуры или культуры I Болгарского царства падает на IX-начало XI вв. (датировка по византийским монетам и византийским изделиям из Диногеции и др. памятников). В Балкано-Дунайской культуре, особенно в керамике, нашли яркое отражение два этнических элемента, из которых сложился болгарский народ (славяне и тюрки-болгары). Третьим слагаемым этой культуры была провинциально-византийская культура, привнесенная населением византийских городов и поселков, вошедших в границы I Болгарского царства.

Территория Добруджи вошла в границы I Болгарского царства на самом раннем этапе его существования и постепенно, по мере расширения экономического и политического влияния I Болгарского царства, включения в его состав все новых территорий, расширялся и ареал Балкано-Дунайской культуры, которая в период высшего расцвета занимала обширные территории между Балканами и Карпатами с юга на север и от Сербской Моравы и Тиссы на западе до Черного моря на востоке. Территория Румынии почти целиком, кроме северо-западной части Трансильвании, Марамуреша и северо-востока Молдовы (там продолжала существовать восточнославянская культура) вошли в ареал этой культуры. Падение I Болгарского царства в начале XI в. привело к сокращению арела этой культуры, ее постепенному упадку и прекращению существования.

На территории Румынии памятники Балкано-Дунайской культуры появились в IX веке н.э. прежде всего в Добрудже и юго-восточной Мунтении. Таковы могильник близ Истрии (биритуальный — ингумация тюркского типа и кремация славянского), поселения в Камене, Мургиоле и др. в Добрудже, Мэркулешть, Георге Дежа, Мэнэстрия в Мунтении, Челей в Олтении.

В конце IX-начале X вв. памятники Балкано-Дунайской культуры распространились, как уже было отмечено, почти по всей территории Румынии (могильники Кастелу, Султана и Сату Ноу в Мунтении, Бландиана на юге Трансильвании, десятки поселений в различных районах страны). Балкано-Дунайская культура в целом однородная на всем своем ареале, имеет, однако, в Румынии некоторые специфические особенности: меньше, чем в Болгарии византийское влияние, наличие наряду с преобладающим южнославянским и западнославянского влияния в Трансильвании и восточнославянского в Молдове, где помимо поселений Балкано-Дунайской, восточнославянской и смешанной культур в IX-X вв. и позже в X-XIII вв.,

* Балкано-Дунайская культура в Карпато-Дунайских землях наряду с очень большим сходством с собственно салтово-маяцкой имела и ряд отличий: почти полное отсутствие юрт, иная форма многих очагов, иные детали обрядов погребений, значительно больший славянский компонент (в какой-то мере он есть и в собственно салтово-маяцкой культуре), что выражается в преобладании или очень большом проценте полуземлянок, в керамическом комплексе, вещевом ассортименте и т.д. — см. Плетнева 1967: 51-61, 71-102 и сл.).

видимо, продолжал существовать ряд поселений на базе смешения обеих этих культур и этносов. Крушение I Болгарского царства, наступление кочевников-печенегов, тюрков, половцев, а затем и татаро-монгол, обосновавшихся в нижнедунайской низменности к северу от Дуная, привели к разрушительным последствиям для культуры юга Молдовы, Олтении, запада Кришаны и Баната. Развитие земледельческо-скотоводческого хозяйства продолжалось более или менее последовательно в хорошо защищенных районах Трансильвании, предгорьях и холмистых областях, в частности, в холмистой и лесной центральной и северной Молдове, Добрудже, вновь захваченной византийцами в конце X в. и опоясанной цепью крепостей.

Большинство же румынских археологов видит в Балкано-Дунайской культуре (или культуре Дриду, как ее называют) культуру восточнороманского населения, причем существуют две различные интерпретации этой культуры. В 1956 году И.Нестор и Е.Захария начали раскопки селища у с.Дриду на берегу реки Яломица возле города Урзичень в области Плоешть. Это поселение и аналогичные ему поселения были объявлены авторами раскопок поселениями древнерумынскими. Раскопки поселения Дриду продолжались несколько сезонов (Nestor 1958; Nestor, Zaharia E. 1959a; Nestor, Zaharia E. 1959b; Nestor, Zaharia E. 1960) и завершились изданием специальной монографии (Zaharia E. 1967), а также интерпретацией и теоретическим обоснованием этнической атрибуции памятника и вообще культуры Дриду — Балкано-Дунайской культуры (Nestor 1962; idem 1964; idem 1960; idem 1969; idem 1970; idem 1973; Zaharia 1971).

На южном берегу озера Комэна и на берегу р. Яломицы северо-восточнее Бухареста у с.Дриду открыто неукрепленное поселение с прямоугольными в плане землянками, с одним или несколькими очагами или печами-каменками (обычно против входа, в левом дальнем углу). Гончарная керамика обычного для сельских поселений I Болгарского царства облика: преобладающая красная или коричневая окислительного обжига с углубленным линейно-волнистым орнаментом (80-90%), серая с ручками восстановительного обжига с пролощенным орнаментом (вертикальные линии, сетка и др.) салтовского облика, провинциально-византийская керамика, в том числе амфоры с византийскими клеймами. Протяженность селища около 1 *км*. Землянки расположены гнездами, видимо, по группам родственных семей. Различаются две фазы существования жилищ: более ранние больших размеров, глубже, чем более поздние. Датируется поселение второй половиной X в., как и вся культура. Обитание на поселении прекратилось, видимо, в результате нападения печенегов. Всего открыто 11 землянок, из них 7 ранних — с очагами, обложенными камнями и 4 поздних — с печами-каменками. Кроме того, найдены железные ножи, костяной наконечник стрелы и т. д.

Следует отметить, что по всем решительно элементам материальной культуры поселение Дриду, как и другие аналогичные ему поселения на территории Румынии, ничем не отличаются от сельских поселений I Болгарского царства, находящихся на территории Болгарии, в частности, в ее северной части — в центре царства.

В настоящее время на территории Румынии открыты уже сотни подобных поселений.

Так, на поселении у с.Александрия (область Бухарест), датируемом авторами IX-X вв. н.э. открыты три полуземлянки с печами-каменками, орудия труда, горшки с углубленным линейно-волнистым орнаментом и серые с пролощенным (вертикальные линии, сетка) орнаментом. Авторы справедливо сопоставляют это поселение с другими, находящимися к северу от Дуная (Гогошары, Пруду, Гряка, Тирноги, Хчинчу) и с поселениями, находящимися к югу от Дуная — в Болгарии, в частности с. Плиска (Mitrea B., Preda 1959: 175-178). К этой же культуре X века относит В.Зирра поселение, открытое в 50 *км* к юго-востоку от Бухареста между селами Иляна и Подури. Там найдены полуземлянки с глинобитными печами, находящиеся вне жилищ круглые печи с мощным подом (аналогичные раскопанным на древнерусских поселениях в Алчедаре, Руди и др. городищах Прутско-Днестровского междуречья). Гончарная керамика делится на три категории: 1 — 75-80% от общего количества керамики — баночного типа горшки окислительного обжига с линейно-волнистым орнаментом, иногда с клеймами на дне; 2 — 15-20% — серая керамика, часто шарообразная, восстановительного обжига с орнаментом из пролощенных линий; 3 — прекрасно обожженная керамика из каолина, покрытая красным помпейским ангобом — византийский импорт. Поселение датировано X в., по аналогии с первым уровнем поселения Гарвэн (Диногеция) и вторым уровнем Капидавы, где найдена такая же керамика вместе с византийскими монетами второй половины X в. (Zirra 1959: 501-509).

В.Теодореску, в упомянутой выше работе «К вопросу о культуре Ипотешть-Кындешть в свете археологических исследований в Мунтении» (Teodorescu 1964) утверждал, что культуре Дриду (датируемой X в. н.э.) предшествует культура Прото-Дриду, памятники которой были выявлены и тогда еще не опубликованы в Тыргшоре и Ваду Сапат, что печи-каменки (они открыты в полуземлянках в этих пунктах) вообще не славянского происхождения, что они, якобы, есть у местного населения еще в IV в. н.э., как и глиняные сковороды, не приводя, впрочем, никаких фактов, подтверждающих это.

К культуре Дриду были отнесены нижние

слои крепости в низовьях Дуная на острове Пэкуюл луй Соаре (Vîlceanu 1963), ряд поселений в районе г.Олтеница, у с.Рение, а также Валя Попий (р-н Радовану), Сэличоара (р-н Куркань) (Morints, Ionescu 1968), Каменный вал в Добрудже также, как полагают, был воздвигнут местным населением носителей этой культуры для защиты от Византии. Вал этот пересекает Добруджу посередине между гг. Констанца и Черновода. Как полагает П.Дьякону, вал был возведен между 976 и 992 гг. н.э. (Diaconu P. 1965).

К культуре Дриду относят и погребения с трупоположениями, датируемые X в. н.э., открытые в Шейтине (р-н Арад), где наряду с гончарной посудой, обычной для Балкано-Дунайской культуры, есть и ряд изделий (поясные фигурные пряжки), часто находимых и в памятниках салтово-маяцой культуры и на древнерусских поселениях, например, в Екимауцах и Алчедаре (Marghitan 1965).

К культуре Дриду относят и керамику, найденную в пещерном монастыре Басарабь в Добрудже (Barnea 1962: 349-371), где обнаружены обычные для этой культуры три типа посуды: горшки с линейно-волнистым орнаментом окислительного обжига (большинство), серые сосуды восстановительного обжига с пролощенным орнаментом и византийская керамика (раскрашенные и поливные сосуды и амфоры) и т.п. Представляют интерес найденные у с. Дитэру (р-н Георгень) 11 камней со знаками, большинство из которых являются балкано-дунайскими знаками времен I Болгарского царства и свидетельствуют о существовании здесь власти этого царства. Видимо, болгары проникали в Карпаты не только с запада через долину р. Муреш, но и из Валахии — через юго-восточные проходы, а затем по долине реки Олт на север, по крайней мере, до Георгень (Bako 1962b: 461-465).

Особенно полно оказались разработаны вопросы, связанные с культурой Дриду на востоке страны — в Молдове, т.е., в той области в Румынии, где эта культура появилась позднее, чем на юге (кроме юга Молдовы) и вообще в Дунайской долине. Отдельные элементы, связанные с этой культурой, появились еще на восточнославянских поселениях типа Хлинча I, а затем распространились и поселения собственно Балкано-Дунайской культуры или культуры Дриду: Шендрень близ Галаца, Дэнешть близ Васлуя, Спиноаса близ Ясс, Иоанешть близ г.Ботошань в северной Молдове, причем на некоторых поселениях, например, Дэнешть и Спиноаса сосуществуют элементы культуры Дриду и восточнославянской культуры *.

Поскольку культура Дриду датируется И.Нестором и Е.Захарией второй половиной X в. (позже и началом или большей частью XI в.) в Молдове, как и в других областях Румынии был выделен этап «Прото-Дриду», характеризуемый для Молдовы сочетанием лепной керамики из грубого теста славянского типа и гончарной керамики обычных для Балкано-Дунайской культуры типов (с углубленным линейно-волнистым орнаментом и серая с пролощенным орнаментом). Всего на территории Молдовы выделено 78 пунктов с находками, характерными для этапа Прото-Дриду, датируемых IX-X вв. (Zaharia N., Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia E. 1970: 118-122). Наиболее характерны для этого этапа уже упоминавшиеся селища Спиноаса и Дэнешть, а также селище Друмул Национал-Сучава. Этот период ясскими археологами определяется как период совместного проживания славян и местного автохтонного романизованного населения (Zaharia N., Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia E. 1970: 122).

Собственно культура Дриду по И.Нестору и Е.Захария — вторая половина X в., по Д. Теодору — IX-XI вв., по Н.Захария, М.Петреску-Дымбовица и Ем.Захария — X-XII вв..

Развернутое детальное описание и классификацию памятников культуры Дриду (Балкано-Дунайской) на территории Молдовы предпринял Дан Теодор (Teodor 1968; idem 1973).

Это тщательное детальное исследование состоит из следующих разделов: задача исследования культуры Дриду; краткая история открытий и исследований; поселения и жилища культуры Дриду; могильники культуры Дриду IX-XI вв. (Спиноаса, Дэнешть, Шендрень и др.), а также ряд поселений VIII-IX вв., которые он определяет как Прото-Дриду (Мирослава Яссы, Сучава-Друмул Национал, Ойтуз-Бакэу и др.) **

Д.Теодор отмечает, что поселения культуры Дриду расположены так же, как поселения культуры Хлинча, что для них характерны, в основном, полуземлянки (иногда встречаются землянки или наземные жилища) прямоугольные с прямоугольными очагами или печами из камня и глины, хозяйственные ямы. К культуре Дриду относит Дан Теодор и ряд могильников IX-XI вв. из Молдовы, один из которых с остатками кремации (Кодрень), а остальные — с ингумацией, совершенной как по языческому (Пробота, Холбока, Бырлад), так и по христианско-

* Впрочем первоначально румынские археологи определили поселение Спиноаса как чисто восточнославянское (см.выше).

** Отметим, что Н.Захарией, М.Петреску-Дымбовица и Эм.Захарией поселения Спиноаса, Шендрень, Дэнешть определяются, как принадлежащие к ПротоДриду, а поселение Сучава-Друмул Национал автором раскопок М.Матеем определяется как славянское (Matei 1959: 409-439). В более ранней работе Д.Теодор определял поселение Спиноаса как чисто восточнославянское. Вот, что он писал: «Спиноасский археологический комплекс входит в ряд ранее открытых в Молдове поселений — Хлинча, Сучава, Доробанцу. Группа, открытая на молдавской территории, носит характер славянской культуры Ромен-Борщевского бассейна, датированной VIII-IX вв.» (См. Niţu, Teodor 1959: 485-493, 492).

му (Арсура-Хушь) обрядам. Детально анализируются и различные изделия как местные, так и привозные — византийские из металлов, глины, камня, кости, стекла, клады и отдельные византийские монеты (VIII-XI вв.), особенно подробно анализируется керамика, выделяются 4 категории (три местных и одна привозная — византийская) по составу теста и технологии производства, с указанием на процентное соотношение между различными категориями керамики. Первые 2 категории, различающиеся, в основном, по составу теста (в первой, преимущественно, примесь песка, во второй — шамота), составляют 80% от всего керамического комплекса, это, по преимуществу, горшки с линейно-волнистым орнаментом, обжиг окислительный. Третья категория — серые сосуды, обжиг восстановительный, орнамент — пролощенные линии, составляет соответственно 20%, четвертая категория — всего несколько фрагментов керамики белого цвета, из каолина высокого качества, привезена из Добруджи, византийская. Между посудой первой и второй категории есть промежуточные типы, содержащие примесь обоих видов (песок и шамот), в керамике 1 категории кроме песка встречаются примеси дробленного известняка и мелкого гравия. Горшки Д.Теодор подразделяет на 7 типов, отмечая для каждого типа характерную категорию состава теста и другие характерные особенности (форма, орнамент и т.д.), в том числе и такие, которые, по мнению автора, свидетельствуют о местном (романском) происхождении того или иного типа. Судя по описанию и фотографиям, типы 5 и 6 по составу теста, восстановительному обжигу, серому или желтому цвету, формам, орнаменту (пролощенные линии) и т.д. являются сосудами салтово-маяцкой традиции (по нашему мнению), наконец, 7 категория представлена котлами из глины, которые, по мнению Д.Теодора, характерны для кочевников (печенегов и половцев) и свидетельствуют о связях с ними. Д.Теодор отмечает, что на поселениях культуры Дриду в Молдове, где наряду с керамикой Дриду были найдены и фрагменты котлов, нет четкой стратиграфии, однако в долине Дуная и Добрудже, такие котлы найдены в слоях X-первой половины XI вв. и появление их, видимо, связывается с проникновением сюда печенегов. Классификация керамики отличается тщательностью и детальностью, обычными для этого исследователя, однако те черты, которые автор выделяет как характерные для местного романского населения, представляются нам отнюдь не бесспорными. Так, на стр.269 автор пишет: «Другой важный элемент в орнаменте горшков Дриду — каннелюры, элемент древней местной традиции». Однако, каннелюры в этот период широко использовались, например, на керамике соседней Византии, и могли попасть в местную керамику под влиянием византийской провинциальной керамики, в условиях довольно широкого влияния (импорта) из Византии, и того обстоятельства, что в X веке Добруджа была снова захвачена Византией.

В разделе, посвященном хронологии культуры Дриду, Д.Теодор говорит о сложности установления этой хронологии, о том, что, хотя жилища Дриду ни разу не оказывались прямо над жилищами культуры Хлинча I, но в ряде случаев поселения культуры Дриду располагались над поселениями культуры Хлинча I.

На стр.270 автор пишет: «Местное развитие культуры Хлинча I в Молдове на протяжении VII-VIII вв. было возрастающим и сопровождалось в этот период параллельным изменением культуры в связи с важнейшими изменениями в этнической структуре (в этническом составе) местного населения, связанным с участием и присутствием определенных групп славян на территории Молдовы. Постоянная связь с романским населением Трансильвании и Нижнего Дуная не могла иметь другого результата, как сохранение восточных районов Румынии в сфере романо-византийского и византийского влияния. Существование денежного византийского обращения в VI-VIII вв. в Молдове не менее важно, чем наличие других романо-византийских элементов в материальной культуре и ясно доказывает, что проникновение и частичное оседание славян к северу от Дуная не имело постоянным следствием отрыв северо-дунайских областей от византийских романцев».

Данное рассуждение и вывод представляются нам в высшей степени спорными. Наличие византийских монет и византийских изделий на территории к северу от Дуная свидетельствуют о византийском импорте, византийском, а не романо-византийском и никак не может свидетельствовать само по себе о связях с византийскими романцами, о том, что Молдова в этот период была заселена романским населением. Ведь если считать, что наличие византийских монет и предметов византийского импорта в той или иной области свидетельствуют о том, что эта область была заселена восточными романцами, то ареал их распространения окажется прямо таки необъятным и никак не объяснимым.

К местной романской керамике Д.Теодор относит для VIII в. гончарную посуду с линейно-волнистым орнаментом, с примесью песка и мелкого дробленого гравия, а также керамику серо-черного цвета, отличной выделки, украшенную каннелюрами (в Молдове найден 1 фрагмент такой керамики). К местной керамике типа Дриду автор относит и гончарную керамику серого цвета с примесью песка, найденную в землянке А на поселении Хлинча I со славянской лепной керамикой, как в Сучаве, Бытка Ойтуз и др., датируемых VIII веком. Однако остается неясным, почему эта местная романская, а не провинциально-византийская керамика, а

если местная романская, то где и как ее производили, формовали, обжигали.

Д.Теодор датирует собственно культуру Дриду в Молдове IX-XI вв. и отмечает, что для нее характерны неукрепленные поселения (лишь на севере Молдовы есть несколько городищ, например, Фунду Херцей (раньше определялось как славянское — Г.Ф.), с прямоугольными полуземлянками, реже землянками и наземными жилищами, с печами из камня и глины или очагами, с различными формами хозяйственных ям, с могильниками с кремацией (Кодрень — VIII-IX вв.) или ингумацией — X-XI вв. Среди изделий встречаются украшения (серьги в виде виноградной грозди, пятилучевая серьга, бубенчики, византийские монеты IX-XI вв.). Керамика только гончарная, вышеописанных типов и категорий. Д.Теодор выделяет несколько фаз развития культуры Дриду в Молдове от появления элементов этой культуры в культуре Хлинча в VIII-IX вв. (Прото-Дриду) до расцвета этой культуры со второй половины X в. и последней фазы ее существования в конце X-начале XI вв., датируемой в ряде поселений (Шедрень, Диногеция, Сэрэцень-Мургень, Гиперешть, могильник Арсура-Хушь) керамикой и византийскими монетами Романа III (1028-1034).

В заключение автор приходит к выводу, что изучение культуры Дриду в Молдове показывает, что прото-румынская народность занималась ремеслами и сельским хозяйством, кузнечным делом, металлургией и т.д. Византийское монетное обращение и предметы византийского импорта свидетельствуют о связях местных жителей с византийским миром. Эти местные жители — прото-румынская народность — сохранила в своей культуре много дакороманских традиций. В то же время материальная культура Молдовы VI-XI вв. имеет сходство с культурой других римских провинций.

Классификация различных категорий древней культуры Дриду сделана Д.Теодором на основании раскопок 20 поселений, ряда могильников и сбора подъемного материала со 139 памятников, и сделана с обычной для этого ученого тщательностью, однако его выводы, касающиеся этнических проблем, представляются нам весьма спорными, не опираются на должную аргументацию и фактический материал.

Через пять лет, в 1973 году Д.Теодор опубликовал новую работу, посвященную определению этнической принадлежности носителей культуры Дриду и вообще проблемам этнической истории на территории Румынии в I тыс. н.э. (Teodor 1973). Следует признать, что по сравнению с предшествующей работой этого же исследователя (о которой см. выше), данная работа и в методологическом отношении и во всех остальных является шагом назад. Не утруждая себя каким-либо доказательством, Д.Теодор объявляет черняховскую культуру (Сынтана де Муреш) типичной позднеримской провинциальной культурой (а, следовательно, ее носителей — романизованным или романским населением), утверждает, что якобы культура Ипотешть-Кындешть-Чурел в Валахии из черняховской культуры (VI-VII вв.) затем трансформируется в VIII веке в культуру Протодриду, а затем и в Дриду. Таким образом, без всяких доказательств и без всяких на то оснований все основные культуры I тыс. на территории Румынии связываются в одну эволюционную цепь и носителями их всех объявляется романизованное население. Славяне же, по утверждению Д.Теодора, придя в VI веке на территорию Румынии, принесли настолько примитивную материальную культуру, что не оказали никакого существенного влияния на развитие местной материальной культуры древнерумынского населения, быстро ассимилировавшего пришельцев.

В 1969 году были опубликованы две статьи Г.Коман, специально посвященные вопросам этнической истории по итогам исследования археологических памятников V-XI вв. на юге Молдовы (Coman 1969a: 227 etc; idem 1969b: 287-314; idem 1971: 479-497). Г.Коман считает всю материальную культуру на юге Молдовы в V-XI вв. результатом развития местного романского населения, испытавшего некоторое влияние славян и романо-византийского мира и делит эту эпоху на пять периодов:

1. Период V-VI вв. — памятники типа Костиша-Ботошана в Молдове, Ипотешть-Кындешть в Мунтении и Братей в Трансильвании. Лепная керамика, в частности, высокие горшки с защипами по венчику, имеющие облик дакийской посуды. В гончарной керамике прослеживаются черты керамики Черняховской-Сынтана де Муреш, свидетельствующие о преемственности в развитии культуры и этносе (Додешть, Бырлэешть и др. поселения). По мнению Г.Коман, для этого периода характерна непрерывность существования и единство местной автохтонной культуры и населения. Остаются неясными сами принципы выделения этого периода, основания датировки его V веком, отнесение высоких вытянутых лепных горшков с защипами по венчику, столь характерных для славянской керамики VI-VII вв., к дакийскому типу, определение части гончарных сосудов как продолжающих традиции черняховских. Причем само участие гето-дакийских племен в создании черняховской культуры было, видимо, вовсе не господствующим, и культура эта полиэтнична.

2. Период VI-VII вв.. В этом периоде к культуре местного населения, по определению Г.Коман, примешивается культура славянских племен, проникших на территорию Румынии. В результате симбиоза между местными автохтонными романскими элементами (тип Костиша) и славянской (тип Корчак) образовалась культура варианта Шипот-Незвиско. В керамике и

др. изделиях прослеживается влияние культуры Ипотешть-Кындешть, влияние в гончарной керамике культуры Сынтана де Муреш (черняховская) и романско-византийские элементы (фибулы, серьги, монеты). Высокие вытянутые горшки с ямочками или защипами по венчику продолжают традиции дакийской керамики III — IV вв., гончарная посуда — в основном такого же цвета и состава теста, как и лепная, представлена двумя типами горшков (с покатыми и хорошо профилированными венчиками) с нерегулярным линейно-волнистым орнаментом. Эта местная посуда, ее формы, орнамент и технология связаны с дакийским гончарным делом. Как и для предыдущей фазы, аргументы Г.Коман представляются неубедительными. Вытянутые лепные горшки с защипами и ямочками по венчику хорошо известны в славянском мире в VI — VII вв. и позже, связь каких-либо типов гончарной керамики VI — VII вв. с черняховской весьма сомнительна. Гончарная посуда — горшки с линейно-волнистым орнаментом, хотя по форме и орнаменту также могут быть связаны со славянским миром, однако, изготовление на гончарном круге для славян этого времени не характерно, не характерны эти сосуды и для провинциально-византийской керамики. Так что в этом типе посуды в какой-то мере правомерно предполагать результат влияния византийского гончарного дела VI — VII вв. на местное население.

3. Период VII — VIII вв. — характеризуется сильными элементами культуры «Протодриду», появившимися еще в предшествующей фазе, украшениями из бронзы провинциального римско-византийского типа. В лепной посуде автор видит развитие местных дакийских традиций, хотя они, как и для предыдущих фаз и еще менее чем для них, представляются весьма сомнительными. Лишь один тип горшков (преобладает на поселении Пойорэнь) — биконической формы с насечками по венчику, Г.Коман относит к восточнославянской культуре типа Ромен-Боршево. Гончарные горшки этого периода аналогичны гончарным горшками предыдущего периода, производство их также можно объяснить либо сохранением местных гончарных традиций романизованного гето-дакийского населения, либо влиянием византийского гончарного дела VI — VII вв. на гончарное производство местного населения. Аналогии этому периоду Г.Коман видит в культурах Ипотешть-Кындешть в Мунтении, Безид, Филиашь и Сэлашурь в Трансильвании и т.д.

4. Период VIII — IX вв. характеризуется Г.Коман как период Протодриду и в целом не отличается по керамике и др. изделиям от облика материальной культуры в центральной и северной Молдове, т.е. может быть отнесен к Балкано-Дунайской культуре. Следует отметить, что между керамическими комплексами III и IV периодов связь весьма относительная. Ни в III, ни во II и I периодах совершенно нет столь характерных для IV и V периодов серых шарообразных или близких к ним по форме сосудов с орнаментом из пролощенных линий (вертикальных или сетка), столь характерных для салтово-маяцкой культуры и для культуры I Болгарского царства. Вообще гончарная посуда обычная для комплекса Балкано-Дунайской культуры и с гончарной посудой предшествующего периода не имеет связи.

5. Период X — XI вв. характеризуется Г.Коман как период господства культуры Дриду с ее исключительно гончарной керамикой, такого же облика, как и в Центральной и северной Молдове и других частях страны, а также на севере Болгарии и юго-западе СССР. Очень большой интерес вызывают круглые глинобитные печи, открытые на некоторых поселениях этого периода (Епурень, Додешть, Хорча, Бэчешть-Крята), аналогичные печам для обжига руды, открытых на древнерусских поселениях X — XII вв. Алчедар и Рудь в Прутско-Днестровском междуречье и тандырам салтово-маяцкой культуры, а также двухъярусный гончарный горн с керамикой типа Дриду из Епурень. Автор полагает, что этот горн сделан в древних местных традициях, и здесь с ним можно согласиться, в том отношении, что горн этот по конструкции близок к типу провинциально-римских горнов, распространенных в первых веках н.э. на обширных пространствах Европы, а также всего Средиземноморского бассейна, куда проникало римское влияние или власть. Подобные горны, правда, с некоторыми отличиями (большее количество продухов, наличие козла-опоры под обжигательной камерой), широко известны, например, во всем ареале черняховской культуры на территории СССР.

Г.Коман тщательно анализирует не только керамику, но и другие изделия V периода, указывает на находки римских монет Романа III (1028 — 1034) дающие, видимо, верхнюю дату культуры Дриду или Балкано-Дунайской, а также предметы византийского импорта. Подробная и тщательная классификация и типология керамики (в частности, например, глиняных котлов) делает работу Г.Коман очень важной и полезной, однако, далеко идущие выводы по этнической истории сделаны автором, как нам представляется, без достаточной аргументации, и ряд положений, как было показано выше, является неверным.

Последняя по времени и весьма подробная характеристика культуры Дриду в Молдове на востоке Румынии, как и описание ее памятников, содержится в уже не раз упомянутой фундаментальной работе Н.Захарии, М.Петреску-Дымбовицы и Эм. Захарии «Поселения в Молдове от палеолита до XVIII в». опубликованной в 1970 г. (Zaharia N., Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia E. 1970: 122 — 130).

Авторы датируют культуру Дриду X — XI вв.,

относят ее к периоду раннего феодализма. Авторы отмечают, что в отношении происхождения этой культуры имеются две точки зрения — И.Нестора, согласно которому эта культура в Румынии сформировалась на местной основе, на землях к северу от Дуная, на основе более ранних комплексов V — VIII вв. Братей-Морешть-Ипотешть-Кындешть и Безид-Сэлашурь, и точка зрения М.Комши, согласно которой формирование этой культуры произошло к югу от Дуная и складывалось из основных элементов протоболгарских (тюрских), южнославянских и византийских, к которым добавились позднее и другие местные романо-византийские традиции (Zaharia N., Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia E.1970: 124). Как увидим ниже, авторы не совсем точно излагают точку зрения М.Комши (Comşa 1960: 407). Сами авторы разделяют точку зрения И.Нестора. Авторы указывают и совершенно справедливо, что важнейшее значение для решения вопроса о происхождении культуры Дриду имеет гончарная серая керамика с пролощенным орнаментом, определение, откуда и как появилась она в культуре Дриду. Нестор связывает эту керамику с серой керамикой Карпато-Дунайской области IV в. М.Комша отрицает это ввиду отсутствия серой керамики в этом районе в V и VI вв. и отличий в форме и др. между керамикой IV в. и серой керамикой с лощением из культуры Дриду, хотя в последнее время и она стала предполагать, что истоки этой керамики следует искать в местной романо-византийской керамике (Zaharia N., Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia E.1970: 124; Comşa 1962). Авторы датируют культуру Дриду не второй половиной X в., как первоначально датировал ее И.Нестор, а всем X и XI вв. и дают ее характеристику в соответствии с той характеристикой, которая имеется в упомянутых уже работах И.Нестора и Е.Захария, отмечая сходство всех категорий материальной культуры, хозяйства и т.д. поселений культуры Дриду в Молдове и в Мунтении — в долине Дуная.

Одним из дискуссионных вопросов, связанных с культурой Дриду, является и вопрос о погребениях. М.Комша считала, что не открыто еще ни одного могильника, который можно было бы определить как достоверный способ погребения для старорумын или проторумын. И.Нестор считает, что для культуры Дриду характерен обряд ингумации. И.Нестор считает таким проторумынским могильником Султана пе Мостиште. М.Комша определяет могильник Бландиана, Себеш, Истрию, как протоболгарские, смешанные с южнославянским и романским элементом.

Авторы целиком на стороне И.Нестора и соглашаются с ним, что культура Дриду в археологии показывает «начало процесса, с помощью которого славяно-протурумынский симбиоз трансформировался на последнем этапе в этногенез румын» (Nestor 1959: 62; Zaharia N., Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia E. 1970: 126). Авторы отмечают, что на территории Молдовы в настоящее время открыты памятники культуры Дриду в 26 пунктах (Zaharia N., Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia E. 1970: 127). Следует отметить, что Г.Коман в упомянутых уже работах называет значительно большее число поселений и пунктов с культурой Дриду на одном только юге Молдовы. Это получилось потому, что Г.Коман едва ли не механически зачисляла в культуру Дриду все памятники IX — XI вв.

Таким образом, в результате археологических открытий последних лет по наиболее распространенной в румынской археологи точке зрения или направлению, возглавляемому И.Нестором и рядом его последователей в Бухаресте, Яссах и т.д., заключительный этап этногенеза румын-волохов выглядит или, вернее, до самых последних лет выглядел так.

В VI — VII вв. на всей территории Румынии, прежде всего, в Мунтении сформировалась единая культура автохтонного — романского населения типа Ипотешть-Кындешть, из которой в IX веке сформировалась культура Протодриду, а затем и культура Дриду, сходная с синхронной ей болгарской культурой, из-за романо-болгарского симбиоза, который в конечном счете в X веке и привел к образованию именно румынской культуры Дриду и завершению этногенеза румын (Nestor 1959: 62). Название культуры «Дриду» является условным и обозначает культуру, распространенную на территории Румынии и Болгарии, точнее ту часть этой культуры, которая была распространена в Румынии. Болгары и румыны по-братски пользовались одной культурой*. В эпоху существования культуры Дриду на территории Болгарского царства жили румыны. В эпоху раннего феодализма нельзя говорить о строгом этническом и культурном совпадении — этнос и археологическая культура могут не совпадать, носителями одной и той же материальной культуры могут быть различные этносы. Так славяне, придя на Балканский полуостров, не сохранили свою прежнюю культуру, она изменилась от соприкосновения с местной культурой, их культуры перемешались. Поэтому в период раннего феодализма нельзя искать романских этнических особенностей в материальной культуре. Культура Дриду имеет облик провинциальной варваризированной византийской культуры. Очень важно, хотя и трудно, отделить романскую этническую общность от славяно-болгарской в культуре Дриду. В Трансильвании есть только памятники ранней стадии культуры Дриду (Бландиана, Себеш), в X веке (в конце X в.) в Трансильванию проникли венгры и в связи с этим там прервалось развитие культуры Дриду,

* В последние годы ряд румынских археологов, не приводя никаких доказательств, стали утверждать, что культура Дриду является особой, отличной от материальной культуры Болгарии и других сопредельных территорий (Mitrea I. 1972; Zaharia E. 1969).

вместо нее там появилась культура Биело-Брдо — смешанная славяно-венгерско-византийская культура. В IX — X вв. на территории Румынии, где по письменным и по этнографическим источникам жили румыны, не было другой культуры кроме культуры Дриду. Комплекс культур Дриду-болгарская отражает своей общностью братские связи периода формирования румынского и болгарского народов (Nestor 1958: 371; idem 1962; idem 1964; idem 1970; idem 1973). Такова вкратце схема этногенеза румын и ее теоретическое обоснование в работах И.Нестора и его последователей, схема, имеющая наибольшее распространение в румынской науке.

Как уже указывалось, эта концепция румынского этногенеза не является в румынской науке единственной и бесспорной и, с нашей точки зрения, как и с точки зрения ряда румынских ученых, является в ряде своих важнейших положений весьма уязвимой.

Наиболее развернутой и решительной критике эта концепция в румынской науке подвергалась со стороны одного из самых видных ее представителей академика К.Дайковичу. Выше уже отмечалось, что К.Дайковичу считает большой ошибкой признание культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел автохтонной дако-романской, что культура эта по своему основному облику является славянской и приведены некоторые соображения в пользу мнения К.Дайковичу. В частности, указаны некоторые фактические и методологические неточности, допущенные при этнической интерпретации этой культуры. Еще более решительной критике подвергает К.Дайковичу само выделение культур Протодриду и Дриду и их этническую интерпретацию. В цитированной уже нами работе «Происхождение румынского народа в свете новейших исследований» К.Дайковичу вообще отрицает правомерность выделения и наименования культуры Дриду, считая, что памятники с нею связываемые полностью входят в ареал и комплекс Балкано-Дунайской культуры. Культура Дриду, как некая особая романская культура, распространенная в частности на юге Мунтении и на востоке Молдовы и не характерная для Трансильвании, вообще не существовала.

Относительно культур, по мнению И.Нестора, В.Теодореску и др., предшествовавших культуре Дриду и генетически с ней связанных, К.Дайковичу отмечает, что определение культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел, распространенной в VI — VII вв. к востоку от Олта как дако-романской, как предшественницы культуры Дриду или Протодриду является большой ошибкой (Daicoviciu 1968: 90), мотивируя это, в частности, тем, что эта культура не является тождественной тем памятникам Трансильвании VII — VIII вв., в которых полностью доказано эффективное участие местных автохтонных элементов (Морешть-Банду, Ношлак).

Культура Дриду, по мнению К.Дайковичу, это просто часть Балкано-Дунайской культуры, распространенной в IX — XI вв. на значительном пространстве между Хемусом (Балканскими горами) и Нижним Дунаем, в том числе и на территории Румынии. Балкано-Дунайская культура имеет восточное происхождение и является, прежде всего, культурой прото-болгаро-славянской, точнее это: «смешанная культура болгаро-славянского характера с сильным византийским, провинциально-римским и понтийским влиянием. Определение этой культуры, как культуры проторумынской или румынской в целом не доказано» (Daicoviciu 1968: 90). Далее К.Дайковичу пишет, что в тех районах, где, по мнению некоторых ученых, был центр культуры Дриду — в Молдове и Мунтении — никогда не господствовали римляне и не было романизации. Если же предположить, что «культура Дриду», т.е. Балкано-Дунайская культура это культура протороманская, то какой же тогда была культура болгаро-славянская в период создания и существования I Болгарского царства — ведь это именно Балкано-Дунайская культура и есть, и она хорошо известна на территории I Болгарского царства. Далее К.Дайковичу пишет: «Ни открытие могильника эпохи раннего феодализма в Кастелу, датируемого IX — XI вв., ни дофеодальный некрополь в Изворул, ни также византийская крепость Пэкуюл луй Соаре (X — XI вв.) не служат опорой для положения о “Дриду”, а наоборот, опровергают его». Действительно, относительно романцев, населявших Нижнее Подунавье в VIII — IX вв. и позже мы ничего не знаем. Романцы здесь, как и те, которые находились поблизости к югу от Дуная, были поглощены славянами. Поэтому они не присутствовали ни в Пэкуюл луй Соаре, ни в Кастелу, ни в Изворул. Попытка видеть намек на романцев на Нижнем Дунае в письме папы Николая I к императору Михаилу III (842 — 867) также бесплодна, как и другие попытки в этом направлении. Историческая география также категорически против возможности существования проторумынской популяции или постоянного романского населения в районах открытой незащищенной равнины, без укреплений, когда различные конные племена приходили с востока. Конечно и данные лингвистики, подтверждающие наши археологические выводы, опровергают положение о культуре Дриду, как о романской (Daicoviciu 1968: 91).

Таким образом, К.Дайковичу полностью отрицает романский характер культуры Дриду (а также Чурел, Протодриду), саму правомерность выделения этих культур и считает культуру Дриду болгаро-славянской с сильным византийским влиянием, а также провинциально-римским и понтийским. Это мнение представляется нам в основном правильным. Однако, как нам кажется, общая концепция румынского этногенеза, выдвинутая И.Нестором и его пос-

ледователями-археологами, нуждается в специальном разборе, к которому мы и перейдем, предварив его несколькими общими положениями относительно методики использования археологических материалов для изучения процессов этногенеза.

Возможно ли такое использование? Полагаем, что в принципе возможно и плодотворно.

Могут ли археологические источники сами по себе, свидетельствовать об этнической непрерывности, о непрерывном обитании определенного этноса на той или иной территории?

Здесь возможности археологических источников довольно ограничены. Однако в том случае, когда мы имеем дело с установленным в течение определенного времени и на определенной территории непрерывным, преемственным по всем основным категориям материальной культуры существованием или эволюционным развитием этой культуры (при возможном включении инородных элементов), мы можем говорить и о непрерывности обитания на данной территории и в данный период того или иного этноса — носителя данной культуры.

Всегда ли совпадают понятия «материальная культура» и «этнос»? Нет не всегда. Бывают периоды начала становления, поляризации различных этносов, как, например, становления в конце I тыс.н.э. ряда европейских этносов, когда носителями многих общих черт материальной культуры были не один, а несколько консолидирующихся этносов. В этом случае задачей археологов является выделение специфических, характерных для того или иного образующего этноса черт в материальной культуре, и задача связать их с данными других, в частности, письменных, лингвистических, топонимических, этнографических и иных источников. Если выделить такие черты не представляется возможным, то археологические источники сами по себе бессильны служить базой для дифференциации различных этносов по материальной культуре.

Всегда ли коренные изменения в облике материальной культуры свидетельствуют и о коренном изменении этноса? Практика, при возможности сопоставления археологических и других, особенно письменных источников, показывает, что почти всегда это так.

Почти всегда, но не всегда. Бывают случаи, когда коренные изменения в материальной культуре наступают не в результате смены этноса в том или ином регионе, а в результате резкого изменения образа хозяйства, уровня развития производства и т.д. Как правило, в этом случае археологические источники само по себе не могут служить достаточной базой для определения и нуждаются в данных иных, прежде всего письменных источников.

Для определения доли участия различных этносов в сложении полиэтничных материальных культур необходимо, прежде всего произвести статистическую и типологическую обработку археологических материалов, изучение различных категорий материальной культуры с целью выделения и определения черт и количественных и качественных соотношений тех или иных категорий материальной культуры, характерных для того или иного этноса, из числа создателей или носителей этой культуры. Без статистической и типологической обработки археологических материалов можно говорить лишь о том, что в данной материальной культуре есть черты, характерные для материальной культуры тех или иных этносов. Однако определить, являются ли эти черты результатом участия того или иного этноса в создании данной культуры и доли этого участия или появление этих черт — просто результат культурных влияний, общения соседних этносов, не представляется возможным. Однако, такая обработка не всегда достижима, что также ограничивает возможности археологических источников для изучения этногенетических процессов.

После этих, необходимых с нашей точки зрения замечаний, относительно методики использования археологических источников для изучения процесса этногенеза, перейдем к оценке той теории этногенеза румын, которая выдвинута и разделяется группой румынских ученых-археологов и, прежде всего И.Нестором.

Отметим, что, как было показано выше, в Мунтении и Молдове не было сколько-нибудь значительной романизации населения и поэтому, если даже и признать культуру Ипотешть-Кындешть-Чурел за культуру романского населения, то просто невозможно считать ее автохтонной, зародившейся на равнинах Мунтении. В самом деле, ведь можно говорить лишь о некоторых, причем весьма незначительных элементах одной из предшествующих культур (черняховской — Сынтана де Муреш). Да и сама Черняховская культура является полиэтничной, привнесенной на территорию Мунтении и Молдовы с востока, причем в числе ее создателей и носителей безусловно были и гето-дакийцы, но лишь как один из этнических компонентов — создателей этой культуры, да и то гето-дакийцы отнюдь, видимо, не романизованные, а лишь испытавшие влияние провинциальной римской культуры.

Ни с какими другими предшествующими культурами на территории Мунтении и Молдовы культура Ипотешть-Кындешть-Чурел, видимо, не была сколько-нибудь значительно связана. Наличие лепных горшков, близких, по мнению В.Теодореску и ряда других исследователей, керамике дакийской традиции, свидетельствует именно о дакийской традиции. Ее хранителями могли быть именно дакийцы, а не романизованное население. Кроме того, общий процент сосудов дакийской традиции, как на отдельных памятниках, так и в целом в этой культуре, остается неизвестным по отношению

ко всему керамическому комплексу.

То же можно сказать и о гончарных серых горшках. Не приведена их статистическая и типологическая обработка, неясно их происхождение, их соотношение с синхронными им византийскими сосудами из соседних византийских крепостей и городов, их процент в общем, керамическом комплексе этой культуры.

Все же основные качественные показатели по всем категориям материальной культуры (прямоугольные полуземлянки с печами-каменками, лепные вытянутые горшки с ямками или защипами по венчику пражского типа, обряд трупосожжения и его детали и т.д.) связывают культуру Ипотешть-Кындешть-Чурел с раннеславянской культурой, распространенной в этот период на обширных пространствах Европы — буквально со всех сторон от долины Мунтении и Молдовы — с востока и с юга, с запада и с севера. Не отрицая возможности того, что эта культура смешанная, что в ее создании, возможно, принимали участие и романские или дако-романские элементы, в условиях полного молчания письменных источников о пребывании на этой территории в VI — VII вв. романского населения необходима статистическая и типологическая обработка материалов данной культуры, без чего все утверждения о ее романском этническом облике остаются пока недоказанными.

Что касается могильника Изворул и попытки интерпретировать его как связующее звено между культурой Ипотешть-Кындешть-Чурел, то выше уже была показана неудача этой попытки. То же можно сказать и о голословном утверждении Г.Коман и др. о том, что т.н. памятники Протодриду начинаются уже в VII — VIII вв., т.е. смыкаются с памятниками культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел. Общего же в большинстве этих памятников с памятниками Ипотешть-Кындешть-Чурел ничего нет, а в тех памятниках, где есть общее — это лепные славянские горшки. Памятники культуры Протодриду и Дриду византийскими монетами и др. предметами византийского импорта датируются временем не ранее IX в. Имеющиеся здесь гончарные серые сосуды (близкие к шарообразным горшкам, одноручные кувшины с орнаментом из пролощенных вертикальных линий, сетки и т.д.) не находят аналогий в серой керамике культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел, зато имеют полные аналогии в керамике Плиски, других центров I Болгарского царства и далее к востоку в салтово-маяцкой керамике VIII — IX вв. из Подонья.

В этом отношении весьма любопытен и общий облик культуры Дриду. Нельзя не согласиться с К.Дайковичу, что по всему своему облику эта культура входит в ареал Балкано-Дунайской культуры, которая является славяно-болгарской культурой с заметным провинциально-византийским, провинциально-римским и понтийским влиянием. В самом деле, все основные категории материальной культуры: прямоугольные землянки и полуземлянки по преимуществу с печами-каменками, керамический комплекс и его орнаментация, обряд погребения и т.д. содержат в себе все элементы, тождественные материальной культуре центров Болгарского царства, элементы, характерные для южных славян — т.е. славян, ассимилировавших болгар-тюрок и впитавших в свою культуру ряд элементов болгаро-тюркской, салтово-маяцкой культуры, хорошо известной по памятникам Подонья и Приазовья. В керамическом комплексе памятников Балкано-Дунайской культуры на территории Румынии (и для юго-запада СССР) характерны 4 основных категории керамики, каждая из которых имеет и некоторые более дробные деления. Категории эти для всех памятников Балкано-Дунайской культуры одни и те же с очень небольшими различиями и соотношение между различными типами керамики также примерно одинаковое.

Категории эти следующие:

I. Горшки, имеющие окислительный обжиг, красного, розового, темно-желтого цветов, стройные, вытянутые, яйцевидной или шаровидной формы, или имеющие форму вытянутого, усеченного, перевернутого основанием кверху конуса. В тесте примесь песка, известняка, реже шамота. Почти все тулово украшено линейно-волнистым орнаментом различных типов: широкие пояски из 5 — 7 линий, нанесенные многозубным штампом, сплошной линейно-волнистый орнамент, вертикальные полосы по плечикам из многорядных прямых линий и ниже — пояски из горизонтальных прямых и волнистых линий. Такой керамики на селищах Молдовы 80%, по данным Д.Теодора, (на селище Иляна-Подури близ Бухареста — 75-80% по данным В.Зирра), около 80% на селище Криничном Болградского района Одесской области УССР (по данным автора этих строк). Д.Теодор делит эту керамику на две категории: имеющие примесь песка и имеющие примесь шамота, помимо других более редко встречающихся примесей. На селище Криничное прослеживается и различие форм между горшками первой категории. Большая часть горшков имеет вытянутое стройное тулово в виде перевернутого усеченного конуса с примесью шамота в тесте. Таких горшков среди посуды I категории около 90%. Меньшая часть горшков — они отличаются и орнаментацией (наличием вертикальных многорядных полос на плечиках) имеет форму яйцевидную или шаровидную — их около 10%. Горшки второго типа и по форме и по орнаменту связаны с салтово-маяцкой керамикой, в то время как горшки первого типа обычны для славянского, в частности, южнославянского гончарства.

II. Посуда серого или желтого цвета, имеет

восстановительный обжиг, тесто без видимых примесей, или с примесью мелкого песка, по форме это либо одноручные кувшины либо горшки со сферическим или расширяющимся книзу туловом. Орнамент нанесен пролощенными линиями — это либо вертикальные линии, либо косая или прямая сетка на верхней части тулова и плечиках сосудов, редко сочетающаяся с одной или двумя прямой или волнистой углубленной линиями в верхней части сосуда. Таких горшков или кувшинов соответственно в Молдове — 20%, на селище Иляна-Подури — 20-30%, на селище Криничное — свыше 20%. Это обычная салтово-маяцкая керамика.

III. Привозная византийская керамика — амфоры с каннелюрами и без них, кувшины с двумя-тремя ручками, с зеленой поливой или без нее, отличного качества сосуды из каолина белого цвета иногда покрытые ангобом — красным помпейским, белым или охрой. Возможно, что провинциально-византийской является и некоторая часть серой керамики. В редких случаях встречаются и обломки глиняных котлов, которые связывают обычно с кочевниками, в частности с печенегами и половцами. Византийская и кочевническая посуда представлена, как правило, единичными фрагментами.

Могильники встречаются с трупосожжениями, особенно типичными для славян (например, Кодрень, Сату Ноу, Кастелу), с трупоположениями по языческому обряду (обычны для тюрок-болгар) и смешанные биритуальные — и с трупоположениями и с трупосожжениями (Истрия и др.), с трупоположениями по христианскому обряду (Арсура Хушь и др.). Следует отметить, что для гето-даков была характерна кремация, для романизованного и романского населения более характерен обряд трупоположения, хотя встречается и обряд трупосожжения, в том числе, правда больше в первые века н.э. на самом Аппенинском п-ове.

Подводя итог, следует отметить, что Балкано-Дунайская культура была распространена на той территории, которую занимало I Болгарское царство в период своего высшего расцвета, большая — северная и центральная часть современной Болгарии, большая часть Румынии, степи и частично лесостепи Нижнего Подунавья и Прутско-Днестровского междуречья юго-запада СССР. На этой территории в IX — первой половине XI вв. была распространена единообразная культура, в которой отчетливо прослеживаются преобладающие южнославянские черты, черты тюрко-болгарские, в комплексе составляющие южнославянскую, болгарскую культуру впитавшую в себя тюркскую болгарскую, имеющую аналогии в салтово-маяцкой культуре Подонья и Приазовья.

Кроме того, в этой культуре прослеживаются провинциально-византийские элементы (некоторые типы керамики и украшений), составляющие однако и в количественном и в ассортиментном аспекте лишь незначительную часть в общем комплексе материальной культуры, а также незначительный процент посуды (котлы), видимо, связанной с появлением в ареале этой культуры кочевников из причерноморских степей (хотя котлы известны и на памятниках салтово-маяцкой культуры) *. Сколько-нибудь заметных значительных элементов, свидетельствующих о том, что создателями этой культуры было романское население, не выделено. Некоторые орнаментальные приемы (например, каннелюры), связываемые с местным романским населением, с местными романскими традициями в гончарном производстве вполне могли быть заимствованы из византийской керамики, которая производилась в непосредственной близости от северо-дунайских земель, да видимо, и в городах I Болгарского царства к югу от Дуная.

Таким образом, нет основания выделять из общего комплекса Балкано-Дунайской культуры культуру Дриду и утверждать, что это культура романизованного населения. Вполне возможно, что в период экспансии I Болгарского царства в Карпато-Дунайские земли, туда, в том числе и на румынскую равнину, продвинулись более или менее значительные группы населения, в том числе и романизованного пастушеского. Однако археологически оно пока, во всяком случае, на большей части территории Румынии не прослеживается. Балкано-Дунайская культура, носителями и создателями которой большинство упомянутых румынских археологов считает древне-румынское население, появилась в Карпато-Дунайских землях вместе с экспансией сюда I Болгарского царства и вместе с крушением этого царства в начале XI в. прекратила свое существование. Ее появление в этом регионе не было результатом развития материальной культуры местного карпато-дунайского романизованного населения. В Карпато-Дунайских землях эта культура не имеет корней, ни сколько-нибудь заметного продолжения.

Балкано-Дунайская культура, в том числе в ареале Карпато-Дунайских земель, требует дальнейшего изучения, в частности статистической и типологической обработки всех, особенно массовых (керамика и др.) материалов, а также сопоставления ее с салтово-маяцкой культурой, с культурой средневековых феодальных восточнороманских княжеств Молдавии и Валахии, с культурой в центрах I Болгарского царства, т.е. поисков типологических рядов и аналогий как в синхронных соседних культурах, так и в более ранних и более поздних известных по письменным источникам, безусловно, восточнославянских культурах (для более ран-

* Однако эти котлы, как замечает С.А.Плетнева, имеют другую форму и происхождение (Плетнева 1967: 108-110).

него времени просто романских) и т.д.

М.Комша выделяет из общего ареала Балкано-Дунайской культуры один из ее локальных вариантов, связанный по ее мнению с восточно-романским населением. При этом она исходит из определенных теоретических построений и из результатов ее археологических полевых работ, прежде всего на группе поселений у с.Буков.

Напомним, что под Балкано-Дунайской культурой М.Комша понимает смешанную южно-славяно-болгарскую и восточно-романскую культуру с заметным провинциально-византийским влиянием, а не просто протоболгарскую и южнославянскую культуру, к которой лишь позже добавились некоторые романо-византийские элементы.

Определив балкано-дунайскую культуру как культуру I Болгарского царства, культуру смешанную, в которой ясно различаются преобладающие славянские и болгаро-тюркские черты, а также считая, что носителями этой культуры, помимо болгаро-славян, было и восточноромманское население, М.Комша замечает: «...Большинство поселений Первой Болгарской империи состояло из южных славян и древнерумынского населения... Наибольшее влияние на древне-румынское население оказали южные славяне — на их язык, обычаи, общественную и культурную жизнь. Что касается материальной культуры проторумынского населения к северу от Дуная, находившегося в IX — X вв. под болгарским господством, то раскопками в Букове можно было установить пользование землянками с открытым очагом и керамикой романо-византийских традиций» (Comşa 1959b: 79).

Нам неизвестно, на основании каких демографических или иных данных утверждается, что большинство населения I Болгарского царства состояло не только из болгаро-славян, но и из древнерумынского населения, но сам факт обитания волохов в границах I Болгарского царства, как было показано выше, зафиксирован письменными источниками.

Перейдем теперь к рассмотрению результатов раскопок группы поселений у с.Буков.

Одновременно с началом раскопок И.Нестором поселения Дриду в 1956 году М.Комша начала раскопки другого неукрепленного поселения в предгорьях Карпат у с.Буков (район и область Плоешть). Раскопки эти продолжались несколько лет, и результаты их заслуживают подробного рассмотрения (Comşa 1959a; 1959c; 1960c; 1961).

На западной окраине села Буков, на мысе, некогда окруженном с трех сторон водой, было обнаружено селище середины IX — X вв. (Буков I или Буков-Ротарь). В южной части с.Буков открыто второе раннефеодальное поселение (Буков II или Буков-Тиока), имеющее два слоя — нижний, соответствующий по материалам и датировке с.Буков I, и верхний — второй половины X и возможно начала XI вв. Селища Буков I и селище нижнего слоя Буков II погибли в результате большого пожара, возможно, во время набегов печенегов.

На селище IX — X вв. найдены прямоугольные полуземлянки и землянки с открытыми очагами в углу, находящиеся рядом наземные сооружения без очагов, со стенами из плетня и жердей, обмазанных глиной, хозяйственные сооружения и мастерские (кузница) с соответствующим инвентарем, а также открыта круглая печь для выпечки теста, хозяйственные ямы, обугленное просо, византийские двуручные амфоровидные кувшины, византийские миски с зеленой поливой и без нее, многочисленная местная керамика (вся гончарная), калачевидные железные кресала, молотки, наконечники стрел, кинжал, железные шлак, уголь, кричное железо, керамическое сопло, кузнечный молот и т.д.

Более поздний тип жилища на селище Буков II характеризуется прямоугольными наземными жилищами с открытыми очагами в одном из углов, со стенами из плетня и жердей, обмазанных глиной. Видимо, этот тип жилищ развился из более раннего типа — землянок с очагами. Если для славянских жилищ — землянок и полуземлянок характерны печи-каменки или печи из глины, то представленные в Буковских землянках и наземных жилищах открытые очаги, в частности землянки с открытыми очагами, соответствуют древним местным традициям, ибо именно землянки с открытыми очагами характерны для дакийских поселений в глубокой древности. Однако очаги встречаются и в жилищах других культур, например, в салтово-маяцкой и славянской. На одном из кувшинов был обнаружен процарапанный знак в виде лежащей буквы «К»; на стенах кузнечной мастерской на поселении Буков I были обнаружены остатки кирпичей с процарапанными надписями. Эти надписи, а равно и форма кресал, наконечников стрел, византийские амфоровидные кувшины из желтого или серого теста и др. предметы послужили основанием для датировки и некоторых выводов по этническому составу обитателей поселений Буков I и II.

По мнению М.Комши, «жители поселения Буков занимались скотоводством (что доказывает большое количество костей животных), добыванием и обработкой железа. Земледелие здесь было развито слабо» (Comşa 1959c: 95). Самыми массовыми находками на обоих селищах являются фрагменты керамики. Ее М.Комша подразделяет на 4 категории, одна из которых византийская, привозная, уже описанная выше (амфоровидные кувшины, поливные миски) и составляет очень незначительную часть керамического комплекса. Местная керамика, вся сделанная на гончарном круге, делится на три основные категории.

1. «К первой категории относятся сосуды,

изготовленные на гончарном круге при довольно быстром вращении. Из-за этого на внутренней стороне сосуда заметны горизонтальные полосы, а на внешней стороне днища часто наблюдаются следы срезки шнуром... На многих сосудах ручка начинается от края венчика и спускается ниже середины сосуда. В отношении формы и техники выработки эта категория сосудов продолжает провинциально-римскую керамику и является промежуточной между нею и румынской керамикой феодальной эпохи» (Comşa 1959c: 94).

На фотографии и рисунках в цитированной статье (Comşa 1959c: 84-86, 88, 92) представлены те типы посуды, которые М.Комша относит к продолжающим древнеримские традиции, к древне или просто румынским или романским. Далеко не все признаки, выделенные М.Комшей, как характерные для этого типа посуды, с нашей точки зрения, правомерны. Так горизонтальные полосы на внутренних сторонах посуды, полученные во время формовки, а также срезы днища шнурком встречаются и на других типах посуды, например, на славянских и салтовских. По пропорциям и орнаментам многие из этих сосудов близки к славяно-болгарским или салтово-маяцким, особенно к последним. Однако есть и сосуды, возможно продолжающие романскую традицию. Горшки этой категории несколько более вытянутые, чем славянские, орнамент на них почти исключительно волнистый, чаще всего разреженный, а не сплошной: часты сосуды с ручками, в том числе небольшие одноручные кувшинчики, не характерные для славянской керамики того времени, венчики их чаще всего не утолщенные, или лишь слегка утолщенные с горизонтальным срезом, в то время как для славянской керамики этого времени более характерны фигурные или закругленные венчики. Ручки начинаются прямо от венчика.

С нашей точки зрения, необходимо составить таблицы, наглядно сопоставить те виды древнеримской или романо-византийской керамики, которые, по мнению М.Комши, и послужили прототипами для керамики 1 категории, показать результаты статистической обработки керамического комплекса Букова. М.Комша любезно сообщила автору этих строк, что керамика 1 категории составляет примерно 50% от всей буковской посуды.

«II категория сосудов представлена главным образом горшками грушевидной формы, обработанными на гончарном круге при более медленном вращении. На днищах этих сосудов заметны следы песка или золы, которыми присыпали круг, для того, чтобы сосуд легче отставал от него. На некоторых из них (донышках — Г.Ф.) есть клейма (рельефные знаки). В этой категории сосудов ясно видны черты славянской керамики».

Наконец последняя категория буковской керамики охватывает серо-черные сосуды, представленные, главным образом, горшками шарообразной формы салтовского типа. Эта категория составляет примерно 10% всей керамики (Comşa 1959c: 94).

2. Вторая категория керамики (составляющая примерно 40% от всего керамического комплекса), как и первая, имеет окислительный обжиг. Для этой — славянского типа посуды характерны только горшки (без ручек) с орнаментом как линейным, так и волнистым, часто покрывающим большую часть тулова сосуда, встречаются вертикальные или косые полоски из многорядных линий (характерные для орнаментации именно славяно-болгарской посуды), венчики чаще всего фигурные (с оттянутым нижним краем, с косым срезом и др.) или закругленные (см.рис. на стр.86-4/2, 88-5/4, 6, 9; 92-6/2, 3, 5, 10).

3. Третья категория керамики имеет восстановительный обжиг, орнамент из пролощенных линий, закругленные и утолщенные венчики и типична для болгаро-тюркской салтовской керамики. Основываясь на особенностях жилищ и керамики, М.Комша делает вывод, что материальная культура Букова относится к древнерумынскому населению и отличается от культуры славянской.

М.Комша замечает: «Комплексы в Букове нельзя отнести к так называемой «культуре Дриду» потому что они отличаются от комплекса Дриду как типом жилища (в Букове землянки с открытыми очагами, а в Дриду землянки славянского типа с каменными или глинобитными печами) и керамикой (в Дриду не встречается горшков с ручкой), так и родом занятия населения. (Отдельные жилища с очагами есть и в Дриду — Г.Ф.). Наличие некоторых славянских и салтовских элементов, наблюдаемых, главным образом, в керамике Буковских поселений, объясняется контактом местного древнерумынского населения со славяно-болгарским в пределах I Болгарской империи, охватывавшей в IX — X вв. и эту территорию» (Comşa 1959c: 96).

Заметим, что те 50% керамики, которые М.Комша относит к древнерумынской (валашской) в значительной своей части, видимо, принадлежат Балкано-Дунайской и находят прямые, хотя и не полные аналогии в салтово-маяцкой посуде. Что же касается тех 50% посуды, которые сама М.Комша относит к славяно-болгарской, то наличие ее на поселениях у с.Буков не может быть свидетельством просто контакта «древнерумынского» населения со славянами.

В одной из работ, посвященных Букову, М.Комша замечает: «Древнеславянские надписи времен царя Симеона, кувшин с двумя ручками типа Плиска-Мадара, знак в виде перевернутой буквы «К», видимо, протоболгарские..». все это доказывает, что значительная часть территории к северу от Дуная входила в

состав Болгарского царства, что подтверждают и свидетельства письменных источников. Буков вместе с памятниками, открытыми в Бландиане, Себеше и др. в Трансильвании и Челей в Олтении, указывает, что Мунтения, Олтения, Банат и южная Трансильвания входили в состав I Болгарской империи. Будущим исследователям остается установить, не входила ли в состав I Болгарского государства и северная Трансильвания и часть Молдовы. Во время протоболгарского господства между населением северных и южных придунайских территорий существовала тесная связь. Такие отношения отражаются и на материальной культуре вследствие проникновения на северные территории Дуная керамики типа салтово-протоболгарского происхождения, а также других южнодунайских элементов.

Наличие поливной керамики и других привозных изделий показывает, что Буковское поселение имело торговые связи с Византией. Не исключается, что благодаря своему местоположению в долине реки Теляжен (долина, служившая в IX — X вв., как и в более позднее время, связью между Трансильванией и Придунайской равниной), Буков был и небольшим торговым центром» (Comşa 1960c: 576).

В 1978 г. М.Комша опубликовала обширную (181 стр.) монографию под названием «Древнерумынская материальная культура (поселения VIII — X вв. в Букове-Плоешти) (Comşa 1978).

Если все предыдущие публикации результатов раскопок в Букове носили более или менее предварительный или частный характер, то здесь мы имеем дело с монографическим изданием памятника, изданием, снабженным планами, картами, сотнями рисунков и 28 сводными таблицами с рисунками и фотографиями. Монография состоит из 17 разделов, включающих введение, описание стратиграфии, местоположения памятников, жилых и производственных комплексов, различных категорий предметов материальной культуры, описание занятий обитателей поселений, их связей, социального устройства, обряда погребений и т.д.

В целом М.Комша в отношении интерпретации памятника сохраняет прежние позиции. Однако кое-что, по сравнению с предыдущими выводами и положениями изменилось. Так, например, если в предшествующих публикациях, как было показано, М.Комша, считала верхней датой обитания поселений у с.Буков X — начало XI вв., то в настоящей монографии она твердо датирует памятник VIII — X вв., замечая, что «во время раскопок не был найден какой-либо предмет, который точно датировался бы XI веком или последующими веками, на основе чего время прекращения жизни на исследованных поселениях могло бы быть передвинуто за пределы конца X в.» (Comşa 1978: 143).

Далее автор выделяет в этой монографии не два, а три поселения в районе Букова, имеющих одну датировку, материальную культуру и т.д.: Буков-Ротарь, Буков-Гаспарь, и Буков-Тиока, расположенных поблизости друг от друга (Comşa 1978: 12 etc.), замечает, что, видимо, после пожара в результате печенежского нашествия, жизнь на поселениях прекратилась и произошло переселение их обитателей на более высокую террасу, где жизнь и продолжалась. Однако этот ответственный вывод сделан лишь на основании находки одного клада византийский монет конца XII — начала XIII вв. (Comşa 1978: 147).

Далее, если в предшествующих работах М.Комша считала и называла славян третьим слагаемым восточнороманской народности («древнерумынской» или «проторумынской», как она ее называет), а славянскую материальную культуру, вернее, ее элементы — частью материальной культуры этой народности, то в настоящей работе, славянские элементы в материальной культуре (они усматриваются в конусообразных горшках, сделанных на ручном круге) рассматриваются среди «чуждых этнических элементов, ассимилированных древнерумынским населением» (Comşa 1978: 100, 150 — 151).

Нам представляется настолько важной и заслуживающей рассмотрения этническая атрибуция памятника, сделанная в данной работе М.Комшей, что позволим себе привести всю аргументацию автора, весь текст монографии, посвященный данному вопросу (в нашем переводе). Этническая атрибуция Букова занимает значительную часть последнего раздела монографии, ее «выводы», а именно страницы 148 -151: «Элементы дако-романской традиции в материальной и духовной культуре населения Букова.

Как было показано выше, характерным типом жилища для данного поселения является землянка или наземное жилище с открытым очагом. Этот тип жилища известен на всей территории Дакии, как в доримскую, так и римскую и послеримскую эпохи.

Начиная с IV в., этот древний тип жилища с открытым очагом совершенствуется, и очаг окружается речной галькой или отделяется от остального помещения рядом камней или низкой каменной стенкой. Угол, или вся стена, где располагался очаг, обкладывали речной галькой, а в горных районах — бутовым камнем. Тип жилища с открытым очагом, имеющим каменную обкладку, низкую стенку или обкладку угла или стенки жилища возле очага, передается и в VIII — X вв.. Этот тип жилищ открыт в Букове и подобных ему памятниках.

Особо следует упомянуть землянку №1 в Букове-Тиока, которая имеет сложную планировку у миграционных народов (на территории Румынии — Г.Ф.). Они представляют прототип подобных землянок, которые появляются позже, в эпоху развитого феодализма» (Comşa

1978: 148).

О наземных жилищах судить трудно — остатки их слишком незначительны. Что же касается прямоугольных полуземлянок с отопительными сооружениями в углу (Comşa 1978: 7, рис.6; 18, рис.7; 20, рис.8; 21, рис.9; 24, рис.11; 25, рис.12; 27, рис.13; и т.д.), то видеть в этих полуземлянках какие-то специфические дако-романские сооружения не представляется возможным. Жилища этого типа были распространены в I тыс.н.э. в юго-восточной и восточной Европе. Есть они у славян во второй половине I тыс.н.э., в том числе и на юго-западе СССР, в том числе и на территории Молдавии (например, на поселениях Алчедар, Бранешты I и др., есть и в Болгарии и т.д., а также в ареале салтово-маяцкой культуры, культуры I Болгарского царства. Кроме того некоторые из полуземлянок, судя по публикации (Comşa 1978: 17, рис.6/3; 21, рис.9/3; 24, рис.11; 155, таб.IV, 1 — 2 и др.), в качестве отопительных сооружений имели не открытые очаги, а обычные славянские печи-каменки.

Подбои и ниши в жилищах также часто встречаются в полуземлянках этого времени на широком ареале, например, одна такая полуземлянка с нишей была открыта при раскопках Алчедарского городища. Так что тип жилища для дако-романской атрибуции поселения Буков, вернее для «древнерумынской», не представляется нам убедительным.

Далее М.Комша пишет: «Другими традиционными элементами являются печи для выпечки хлеба, вырытые в материке с предпечной ямой. Эти печи сохранились как через романизированных даков, которые привнесли свое участие в формирование провинциальной римской культуры в Дакии, так и через группы даков и карпо-даков, оставшихся вне пределов римского лимеса. В Букове, учитывая и другие элементы провинциальной римской культуры, в особенности керамику, полагаем, что эти печи были сохранены до средневековья дако-римским населением» (Comşa 1978: 148). Указанные, круглые в плане, печи с мощным каменным подом, глинобитным сводом и предпечной ямой (тандыром) известны в ареале салтово-маяцкой культуры, часты они и на славянских неукрепленных поселениях конца I и начала II тыс. н.э., в том числе и в Прутско-Днестровском междуречье (например, на посадах древнерусских городищ Алчедар, Рудь и др.) (Федоров 1964: 77-88, рис.31; Федоров, Рошаль 1973: 155-176; 157, рис.1; 164, рис.4; 170, рис.8). Видеть в этих печах (Comşa 1978: 41, рис.27) специфические дако-романские сооружения как раз, учитывая и общий облик материальной культуры, в том числе керамический комплекс, не представляется возможным.

Далее М.Комша пишет: «Очаг с поднятыми кранами (т.е. каменными стенками — Г.Ф. — каменка?), который появился в Букове как в землянках, так и в домах (наземных — Г.Ф.) известен на обширных пространствах Европы еще с гальштата. На территории нашей страны (Румынии — Г.Ф.) в латене подобные очаги неизвестны, что объясняется скудностью исследований, ибо они встречаются иногда в некоторых дакийских комплексах II — III вв.

Так в Дульчанке (Телеорманский р-он) в землянке 3 над подбойной печью в останце был сооружен очаг с приподнятым краем. Землянка 3, в которой был открыт этот очаг, датируется монетой императора Гордиана III, отчеканенной в Виминациуме в 242 г.н.э.

Другой очаг с приподнятыми краями, красиво орнаментированный поясами из овальных углублений, был найден на дакийском поселении II — III вв.н.э. в Чичире (р-он Арад). Очаг из Чичира в отличие от очага из Дульчанка, который находился под печью, был небольшим. Таким образом, можно сказать, что часть очагов с приподнятыми краями, отдельные или фиксированные под печью, относящиеся к эпохе раннего феодализма, ведут свое начало от подобных же сооружений, открытых на поселении даков первых веков н.э.

Также несомненно, что очаги с низкими стенками сохранились в северных районах вне пределов страны (Румынии — Г.Ф.) откуда определенные их типы были привнесены славянами на нашу территорию в VI — VII вв.» (Comşa 1978: 148). Таким образом, сама М.Комша признает, что т.н. очаги с приподнятыми краями или печи-каменки были (хотя бы некоторые типы их) привнесены на территорию Румынии славянами. При этом не уточняется в чем разница между такими сооружениями славянскими и происходящими от гето-дакийских или дако-романских сооружений, и какие именно из них были открыты в Букове.

М.Комша предполагает: «Занятия жителей также дают возможность проследить элементы автохтонной традиции. Виды домашних животных из Букова (крупный рогатый скот, а также гуси) близки по размерам и породе к центрально-европейским видам. Таким образом, констатируем, что (в Букове — Г.Ф.) не прослеживается влияние кочевнических народов, скотоводов, по видам домашних животных (особенно дакийских) и отчасти славянских. Свиньи в Букове (более рослые, чем центрально-европейские и восточные) являются автохтонным видом, который появился у нас из-за благоприятных условий.

Частичный анализ (ибо исследователи еще продолжают работать) остеологического материала из дакийского поселения (укрепленного) Мэргэрешть (р-он Олт) и дакийского поселения в Кырломэнешть (р-он Бузеу) дали остеологические данные, близкие к полученным из Букова и др. аналогичных ему поселений.

Так, в Мэргэрешть домашние животные (крупный рогатый скот, свиньи) составляют 97%,

а дикие только 3%, а в Кэрлэмэнешть — соответственно 95,5% — домашних и 4,5% диких. В Букове домашних животных — более 90%, остальные дикие. Лошадь из Мэргэрешть, представленная небольшим количеством костей, использовалась как транспортная и тягловая сила, но срезы на костях говорят о том, что она употреблялась и в пищу. Так же было и в Букове. Подобная же картина открывается в результате анализа части остеологического материала из дакийского поселения Влэдическа (р-он Илфов). Здесь, как и в Мэргэрешть, гораздо больше костей домашних животных (86, 74%), чем диких (13, 26%). Следует подчеркнуть, что среди костей домашних животных больше всего костей свиньи (50, 66%), далее костей лошади (11, 14%), крупного рогатого скота и мелкого рогатого скота (10, 88% и 10, 61%). Подобная же картина получена и в Кэрлэмэнешть. В отличие от Кэрлэмэнешть и Мэргэрешть, во Владическа пока не получены данные о том, что лошадь употреблялась в пищу.

На поселении Владическа, хотя оно и располагалось на острове в конце озера Мэстиштеа, обитатели поселения рыболовством не занимались, зато собирали моллюсков, которых употребляли в пищу. Как и во II — I вв. до н.э. во Владическа тысячелетием позже в Букове сбор моллюсков являлся существенным источником пополнения пищи, а рыболовство, хотя поселения и находились вблизи реки Телеажен, было лишь спорадическим занятием.

Приведенные выше данные указывают на сходство образа жизни даков и обитателей поселений у Букова. И у тех, и у других существовало смешанное хозяйство, основу которого составляло скотоводство (крупный рогатый скот, свиньи), земледелие и ремесла» (Comşa 1978: 149).

Этническая атрибуция, произведенная М.Комшей на основании остеологических данных, производит грустное впечатление и вряд ли нуждается в комментариях. Подобные черты сходства можно обнаружить у десятков различных этнических общностей Европы на протяжении сотен лет и никаким основанием для этнической атрибуции они служить не могут.

М.Комша продолжает: «Элементы дако-римской автохтонности могли быть установлены на ряде сельскохозяйственных орудий труда, найденных в Мунтении. К сожалению, в Букове не сохранились земледельческие орудия труда (наличие земледелия там установлено на основе зерен, отпечатков соломы на очагах с приподнятыми краями и наличия домашней птицы, питающейся зерном), подобную картину можно представить и для этих поселений» (Comşa 1978: 149). Вряд ли нужно доказывать, что и вышеприведенные слова не могут служить критерием для этнической атрибуции Букова.

Далее: «Костяные шилья в виде стиля, которые встречаются на римско-византийском поселении Сучидава-Челей. Их нет ни у одних кочевников. Они доказывают, безусловно, присутствие постоянного романского населения на Нижнем Дунае, продолжавшего использовать эти инструменты до раннефеодальной эпохи» (Comşa 1978: 149).

Эти костяные шилья (?) изображены в монографии на стр.163, таб.XII, рис.1-3, 9-12. Достаточно взглянуть на них, чтобы понять, что это обыкновенные костяные проколки, которые во второй половине I и начале II тыс.н.э. (и ранее) в изобилии встречаются на самых различных памятниках в ареале многих культур Восточной и Юго-Восточной Европы (сотни их, например, найдены на славянских поселениях Прутско-Днестровского междуречья), и никаким критерием ни для какой этнической атрибуции эти предметы служить не могут.

«Автохтонным римским наследием, — продолжает М.Комша, — нужно считать и игольники. Прочные игольники без отверстий для подвешивания, неорнаментированные, имеют широкое применение в римской империи и в римско-византийское время. Вероятно, что в провинциальном римском мире имеют свои корни и костяные игольники с орнаментом. Вероятно римской традицией является и дисковидный предмет» (Comşa 1978: 150;см.с.136, рис.10, 104/7).

Я не нашел аналогий костяным дискам. Что же касается костяных цилиндриков (обрезанных костей конечностей, видимо, мелкого рогатого скота) (Comşa 1978: 136, рис.104/5), те, если и игольники, то вряд ли они могут служить основанием для этнической атрибуции. Подобные игольники не раз попадались мне при раскопках различных памятников I тыс. на юго-западе СССР.

Основным аргументом в пользу дако-романской атрибуции Букова М.Комша считает керамику: «Точные автохтонные традиции были зафиксированы особенно в керамике. Так, керамическая посуда, сделанная на быстром (гончарном — Г.Ф.) круге, найденная в Букове, как было показано, продолжает провинциально-римские производственные технические приемы, особенно употреблявшиеся в бывших провинциях Дакия и Мезия. К этому прибавляется и часть керамики, сделанной на ручном круге, происходящей от лепной позднедакийской керамики из Мунтении, или лепной, или сделанной на ручном круге посуде, сделанной в Дунайских римских провинциях» (см. «Керамика», Comşa 1978: 100 — 101).

Керамика, сделанная из беловатого теста, окрашенная охрой, провинциально-римского мезийского происхождения, доказывает, что население подкарпатской зоны Мунтении поддерживало связь с романизованным населением Добруджи. Связи поселений в Букове с Добруджей проходили двумя путями. Первый вел от Букова долиной р.Телеажена, затем до-

линой р.Яломица, через Вадул Оий, проходит между Пиуа Петрий и Хыршова, а второй путь шел долиной Телеажена, затем р.Дымбовица и р.Арджеш через брод у Кэлэоаш-остров.

Присутствие этой керамики доказывает, что связи древнерумынского населения, обитавшего к северу от Дуная, с Добруджей и вообще с романизованным населением к югу от Дуная не прекращались с падением лимеса (римско-византийского) в зоне Нижнего Дуная в 602 и 610 гг., а также и после 680 г., а продолжались по традиционным путям, о которых речь шла выше и в VIII — X вв. и после X в». (Comşa 1978: 150).

Что касается керамики, второй из категорий, о которой пишет М.Комша, то она действительно имеет провинциально-византийский характер (Comşa 1978: таб.XXIV, рис.7-14; 175 и др.), вполне вероятно происходит из Добруджи. Не совсем понятно только, почему ее производило именно романизованное население, хотя, как было показано выше, такое население, судя по письменным источникам на территории бывшей Мезии, в частности Нижней Мезии, имелось по крайней мере до V в.н.э., видимо, и позже. Однако, обитало там и неромanизованное население, например, славяно-болгарское и др.

Для первой категории посуды — сделанной на быстром круге, которую М.Комша считает посудой местного романизованного населения, продолжающей местные дако-романские традиции, то для большей части этой посуды такая атрибуция представляется в высшей степени спорной.

Достаточно взглянуть на изображение этой посуды (Comşa 1978: 61, рис.39; 62, рис.40-41; 62, рис.42-43; 64, рис.44-45; 65, рис.46-47; 165, таб.XIV; 166, таб.XV; 167, таб.XVI; текст (описание) — стр.60-66), чтобы убедиться в том, что и по формам, и по орнаменту, и по всему облику большая часть этой керамики входит в тот круг, который характерен для салтово-маяцкой керамики с линейно-волнистым орнаментом или соответствующей категории керамики I Болгарского царства или Балкано-Дунайской культуры.

Для некоторых сосудов действительно как будто намечаются черты сходства с провинциальной римской керамикой. Так среди гончарных сосудов римской Дакии есть большие пифосообразные горшки с углубленным волнистым (реже линейно-волнистым) орнаментом, напоминающие орнамент на некоторых буковских горшках первой категории. Есть среди позднеримской керамики и вытянутые горшки-кувшины с одной ручкой и горшки без ручек, близкие к некоторым типам посуды первой категории из Букова, а также небольшие одноручные кувшинчики.

Однако все это нуждается в статистическом анализе, обработке, типологическом исследовании и сопоставлении. Никакой керамики, которую можно было бы считать происходящей от лепной дакийской, ни в описаниях, ни в рисунках обнаружить нам не удалось.

Таким образом, как нам представляется, большинство керамики 1 категории, которую М.Комша считает дако-романской, в действительности является славяно-болгарской, т.е. тюрко-славянской, и лишь в некоторых типах прослеживаются как будто черты провинциальной римской керамики.

Далее М.Комша пишет: «Булавки (или заколки) для волос имеют римско-византийское происхождение. Они найдены на поселении Буков-Ротарь и датируются VIII — IX вв. Такие булавки не встречаются у кочевников, пришедших в зону Дуная. Они являются еще одним доказательством присутствия на этих территориях (Буков — Г.Ф.) населения романского происхождения» (Comşa 1978: 150). Изображения этих булавок отсутствуют в монографии, но, как представляется, можно поверить автору на слово.

Далее М.Комша пишет: «Культ собаки, встречаемый в той форме у даков и карпов, как и музыкальный струнный инструмент, который имеет происхождение от аналогичных инструментов, встречаемых в римскую эпоху в Добрудже, доказывают, что обитатели Букова были не только наследниками провинциальной римской материальной культуры, но и хранителями духовных ценностей дакийской и провинциально-римской традиции, которые представляют довольно значительный элемент континуитета.

Ямы с обожженными стенками, дном и с углями доказывают продолжение вплоть до IX в. погребального обряда, характерного для романизованного населения на территории бывшей римской провинции еще со II в». (см. раздел XVI) (Comşa 1978: 138-143).

Под культом собаки М.Комша подразумевает открытую на поселении Буков-Тиока круглую яму (диам.200 см, глубина 80 см — под землянкой No 19), в которой находился скелет собаки. Автор отмечает, что такие же ритуальные и культовые захоронения собаки замечены на карпатском поселении Пояна Дульчешть и др., на дакийском поселении Мэтэсару, Бухарест-Милитари и Бухарест-Тей, на других дакийских поселениях, а также на поселении IV в. черняховской культуры в районе Бырлада и Васлуя. Считая это проявлением культа собаки, характерного для местного гето-дакийского и романизованного населения, М.Комша видит в погребении собаки в Букове проявление этой древней дако-романской традиции (Comşa 1978: 138, 156, таб.V, рис.5).

Что касается костяной детали струнного музыкального инструмента, то М.Комша отмечает, что эта деталь (Comşa 1978: 136, рис.104-2, 3), найденная на поселении Буков-Тиока в землянке No 4, аналогичная детали музыкального инструмента, найденного в одном из погребе-

ний с ингумацией в саркофаге римской эпохи в Мангалии (греко-римская колония Каллатия в Добрудже). Других аналогий для этой костяной поделки я не нашел. Интересно было бы выяснить, где именно и именно ли в дако-романском мире подобные поделки производились.

На поселении Буков-Ротарь неподалеку от жилищ были открыты две (№№ 1, 2), а на поселении Буков-Тиока пять (№№ 1, 3, 5, 7, 8) ям прямоугольной формы или овальной формы с обожженными стенками и дном. В заполнении — пережженные кости, зола, уголь; стеклянные бусины различных форм, в основном, цилиндрические, реже сферические, белого и др. цветов (Comşa 1978: таб.XXVI), фрагменты гончарной керамики — серой и с пролощенными орнаментами и желтой, коричневой, красной с линейно-волнистым орнаментом, обычным для балкано-дунайского типа посуды, железные ножи, глиняные пряслица (Comşa 1978: 140, рис.106, 1-19). (Описание этих могильных ям, инвентаря и датировку см. Comşa 1978: 138-143, рис.105/1-7; 140, рис. 106/1-19; 141, рис.107/1-9). В заполнении найдены также мелкие кости животных, мелкие фрагменты костей. М.Комша датирует погребения по-разному — от середины IX до начала X в.

Автор отмечает, что погребения в обожженных ямах известны на территории Румынии со II — III вв. н.э. в римской Дакии и Нижней Мезии (Добрудже), что этот обряд сохранялся и в послеримское время (погребение у с.Георгия и Братей, у с.Удешть-Сучавы); последнее относится к VI — VIII вв.н.э. (Comşa 1978: 142 — 143) *.

Этим исчерпываются характерные для дако-романского или романизованного, или древнерумынского населения особенности в материальной культуре.

Далее М.Комша пишет: «На поселениях Буков появляется и ряд чуждых элементов. В керамике встречается ряд элементов славянского типа (см.Comşa 1978: 66 — 80, рис.48-73 — Г.Ф.), а также сделанной под влияние северной или западной — причерноморского гончарного дела (Comşa 1978: 101). Славянские элементы (к ним М.Комша относит горшки с линейно-волнистым орнаментом, сделанные, как она определяет, на ручном круге — Г.Ф.) проявляются особенно в ряде форм типичных конусообразных горшков, сделанных на ручном круге, которые (романизованным население — Г.Ф.) были переняты в результате контактов славян с романизованным населением на Дунае. Они сосуществуют вместе с банкообразными горшками и горшками провинциально-римского типа. Они вошли в керамический комплекс местного древнерумынского населения благодаря контактам (его со славянским племенами — Г.Ф.), а затем и в результате постепенной ассимиляции славян, осевших в подкарпатской зоне в Мунтении.

Другие чуждые элементы в керамике объясняются контактами или спорадическим присутствием на поселениях Буков некоторых групп населения, пришедших из северо-причерноморских зон. Имеется в виду серолощеная керамика (которая, как мы видели, составляет не больше 10% от общего количества керамики из Букова), привнесенная на Нижний Дунай и в северо-восточные части Балканского полуострова кочевническим населением, которое под влиянием крымских и восточных причерноморских городов перешло к полуоседлому образу жизни, а некоторая часть его даже к оседлому, как и некоторые группы алан. Следует также отметить, что в Букове эти пришельцы быстро растворяются среди местного населения. Это отражается в перенятии (местным населением — Г.Ф.) характерной для них керамики и особенно изменением типа жилищ, соответственно меньшей глубиной котлована печи (очага), который заполнялся частично, и обкладкой стен котлована вокруг очага речной галькой (землянка №6 из Буков-Тиока) (см. Comşa 1978: 18, рис.7 — Г.Ф.).

В итоге констатируем, что и в материальной и в духовной культуре населения Букова отмечаются многочисленные черты в экономике, орудиях труда, керамике, украшениях, обрядах и т.д. постоянной автохтонной традиции дако-римского происхождения, которая вопреки контактам с другими народностями сохранилась в течение веков и составила основу древнерумынской материальной культуры» (Comşa 1978: 150-151).

Здесь требуются некоторые уточнения. Судя по описанию и по таблицам рисунков, в данном случае М.Комша отнесла к разным этносам единый керамический комплекс. Речь идет о сосудах 1 категории (см. выше), которые М.Комша определяет, как сделанные на быстром круге, и относит к местным дако-романским. Это яйцеобразные или шарообразные (в большинстве) горшки с углубленным линейно-волнистым орнаментом с одной стороны (Comşa 1978: 60 — 66, рис.39/47; 165, Таб.XIV; 166, таб.XV; 167, таб.XVI), а также черные или серолощеные сосуды с пролощенным орнаментом, которые М.Комша относит к чуждым элементам, привнесенным кочевниками из Северного Причерноморья (Comşa 1978: 86-87). Между тем оба эти вида керамики входят в единый керамический комплекс, который и по формам, и по технике выделки, и даже по соотношению между ними соответствует керамическому комплексу I Болгарского царства и салтово-маяцкой культуры.

Что же касается горшков с линейно-волнистым орнаментом славянского типа, то непо-

* По форме могильных ям и их заполнению (уголь, зола, бусины, кости) буковские погребения близки к салтовскому Ново-Покровскому могильнику, хотя и отличаются рядом черт ориентировкой (север-юг), наличием обожженных слоев и др. (Плетнева 1967: 100 — 101).

нятно, почему наличие их в Букове М.Комша считает результатом славянского влияния, а не делом рук самих славян.

Следующий раздел работы М.Комша посвящает определению места поселений у Букова в общем комплексе древнерумынской материальной культуры. Он так и называется: «Место поселений у Букова в рамках древнерумынской материальной культуры».

М.Комша пишет: «Поселения в Букове не представляют собой изолированного культурного комплекса. Керамика, очень близкая к Буковской, также развившаяся из провинциально-римской керамики Дакии или Мезии, датируемая IX — X вв., была найдена в последние годы во всех регионах страны» (Comşa 1978: 151). Здесь М.Комша делает сноску (No 220), в которой, однако, указано лишь 5 пунктов находки подобной керамики. Далее М.Комша пишет: «Широкое распространение имеют также типы жилищ, связанные с древнейшей автохтонной традицией (в особенности землянки с открытым очагом), довольно значительное количество землянок с подбойной печью, печи для выпечки хлеба и т.д. имеют широкое распространение.

Все это доказывает, как мы показали в другой работе, что поселения у Букова принадлежат к культурному комплексу, который в IX — X вв. занимал обширную территорию, расположенную к северу от Дуная. Этот культурный комплекс имел в своей основе автохтонную дако-римскую культуру, к которой, начиная с IV в., прибавились элементы римской или римско-византийской мезийской культуры, а также паннонские и даже провинциально-римско-далматийского происхождения элементы культуры. К этому культурному комплексу были присоединены элементы культуры других народностей, с которыми в течение I тыс.н.э. романизованное население, а затем румынское население вошло в контакты и постепенно их ассимилировало.

В результате взаимных влияний, которые происходили во время этих контактов, культурный комплекс древнерумынского населения обогатился новыми элементами, которые, однако, не привели к радикальным изменениям дако-романского наследия, оставившего основной комплекс древнерумынской материальной культуры.

В рамках этого большого древнерумынского комплекса, цельного в своих главных чертах в IX — X вв., можно выделить некоторые детали, появившиеся в тех исторических условиях, в которых жило романизованное население к северу от Дуная и его отношений с другими народностями в течение веков.

Культура типа Букова, в особенности, судя по тем данным, которыми мы располагаем к настоящему времени, была распространена в подкарпатском регионе, в горном массиве Мунтении между рекой Прахова и долиной р.Слоник, правого притока р.Бузеу.

Не исключено, что границы этих локальных вариантов древнерумынской материальной культуры, совпадут, по крайней мере, частично, с границами некоторых политических древнерумынских образований IX — X вв., о которых шла речь выше» (Comşa 1978: 151). В данном случае речь идет о тех валашско-славянских княжествах, о которых упоминает венгерский «Аноним», известия и интерпретация которых была сделана выше.

Отметим, что, делая такие ответственные выводы, как вывод о широком распространении памятников типа Буков в Карпато-Дунайских землях, М.Комша ни в данной работе, ни в каких-либо других, как впрочем, и остальные румынские археологи, не помещает списка памятников этого типа (как и Балкано-Дунайской культуры), не картографируют их и т.д., ограничиваясь лишь общими заключениями по этому поводу.

Если в предшествующих публикациях Букова, имеющих отчетный или предварительный характер, фактический материал публиковался лишь в незначительном количестве и имел в основном иллюстративное значение, то в данной монографии имеется полная, во всяком случае, по мнению автора, публикация памятника и все аргументы в пользу его этнической атрибуции, как относящегося к древнерумынскому населению, приведены автором полностью и с возможной основательностью. Все карты, так сказать, выложены на стол.

Насколько они основательны, насколько можно по археологическим данным относить памятники типа Буков к древнерумынским или по нашей терминологии, к восточнороманской народности, кажется ясно из уже изложенного выше. Действительно, ряд признаков говорит о том, что некоторые черты в материальной культуре Букова можно связать с дако-романской традицией, как с местной, так и мезийского происхождения (некоторые типы посуды, фрагменты струнного музыкального инструмента, некоторые типы изделий и сооружений и т.д.). Однако по подавляющему большинству тех категорий и видов предметов материальной культуры, которые вообще могут быть использованы для этнической атрибуции и, прежде всего по основному керамическому комплексу, памятники типа Буков, безусловно, относятся, прежде всего, к культуре I Болгарского царства, и можно лишь полагать, что среди носителей и создателей этой культуры в подкарпатской или карпатской зоне, как об этом указывают перечисленные выше признаки, принимало участие романизованное население. В то же время мы знаем по письменным источникам, что в конце I — начале II тыс.н.э. восточнороманская народность уже существовала, и, если отнестись с доверием к указаниям «Повести временных

лет» и венгерского «Анонима», обитали волохи именно в Карпатах и подкарпатской зоне. Таким образом, процесс ее этногенеза уже завершался или завершился, ассимиляция романизованным населением славян происходила и в какой-то мере уже подходила к концу, а кое-где видимо и закончилась. Чем объяснить, что при этом материальная культура имела в основном болгаро-славянский характер, ответить трудно. Полностью доказательных и аргументированных объяснений этого феномена не существует. Можно высказать лишь предположение, что и будет сделано в конце настоящей работы.

Еще в 1963 году М.Комша опубликовала статью, в которой писала об эволюции, датировке и фазах развития и распространения Балкано-Дунайской культуры на территории Румынии (Comşa 1963). В этой статье М.Комша обосновывает датировку этой культуры от первых десятилетий IX в. до начала XI в. и прослеживает 4 фазы ее существования:

Первая фаза — от первых десятилетий до конца IX в. Эта культура была распространена лишь в Добрудже (Истрия, Тариверде, Чорбу де Жос), Мунтении и Олтении (Маркулешти-Виишоара, Мэнэстирия и др.). Для этого времени характерны горшки окислительного обжига с линейно-волнистым орнаментом и серые сосуды восстановительного обжига с пролощенным орнаментом (горшки, одноручные кувшины).

Вторая фаза — конец IX — начало X в. Появление Балкано-Дунайской культуры и в Трансильвании, сначала лишь в области между Алба Юлия (Бэлград) и р.Себеш (Бландиана). А в начале X в. памятники типа «Бландиана А» сменяются памятниками типа «Бландиана В». К этой фазе относятся памятники типа Кастелу, Султана (Добруджа), Буков I и др. Для этого периода характерны типы керамики, описанной при рассмотрении Букова. В Молдову, особенно в ее центральную и северную часть Балкано-Дунайская культура проникает лишь в начале X в., постепенно ассимилируя культуру Хлинча I.

Третья фаза — от середины X до 971 года. В Добрудже это памятники типа Басарабь и Капидава, в Мунтении — Дриду и др. Происходит развитие всех предшествующих типов керамики и увеличение количества привозной византийской керамики, в частности двуручные амфоровидные кувшины, в том числе и кувшины с охрой.

Четвертая фаза — от 971 года до, приблизительно, 1000 года н.э. — памятники типа Буков II, Гарвэн (Диногеция), Капидава, Новиодунум, Дриду и др. Керамический комплекс в основном такой же, как в 3 фазе. Нашествия печенегов в X — XI вв. положили конец развитию Балкано-Дунайской культуры на территории Молдовы, Мунтении и Олтении.

В Молдове элементы Балкано-Дунайской культуры принимали участие в образовании комплексов Хлинча II — Рэдукэнень, относящихся к XI — XII вв. В Мунтении и Олтении пока встречены лишь слабые следы XI — XII вв. Поэтому трудно определить развитие материальной культуры здесь после нашествия печенегов. Однако и здесь элементы Балкано-Дунайской культуры способствовали сложению материальной культуры XI — XII вв. В Добрудже и на северо-востоке Балканского полуострова местная Балкано-Дунайская культура продолжает свое существование в рамках Византийской империи при Иоанне Цимисхии и Василии II. В начале XI в. серая керамика исчезает, но беловатая керамика (с врезным орнаментом) продолжает бытовать, принимая участие в сложении византийской провинциальной культуры Нижнего Дуная» (Comşa 1963: 120).

Через год после опубликования этой статьи М.Комша сделала доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнических наук в Москве в августе 1964 года (опубликован в 1970 году в 5 томе Трудов Конгресса). В этом докладе нарисована другая картина процесса румынского этногенеза, хотя за это время не были открыты какие-либо новые материалы, требовавшие изменения общей концепции.

М.Комша приходит к следующим основным выводам: « ...На территории нашей страны (т.е. Румынии — Г.Ф.) в IV — VI вв., т.е. до прихода славян на территорию Румынии образовалась культура, единая в своих общих чертах, но в то же время содержащая и разные отличия в отдельных деталях, на основе которых можно выделить несколько локальных вариантов... В VI веке во внекарпатские области проникают первые славянские племена (склавины и анты), которые соприкоснулись и сосуществовали с местным романским населением, как это было указано при рассмотрении комплексов типа Ипотешть-Кындешть-Чурел.

...Кроме территории бывшей Дакии в течение III — IV вв. романизовались и территории Мунтении, и часть Молдовы вследствие переселения в эти области римского населения из провинции Дакии, либо с юга от Дуная из Мезии, о котором свидетельствуют как письменные, так и археологические источники. Надеемся, что скоро сможем написать об этом подробную работу...

В отличие от внекарпатских областей, в Трансильванию славянские племена пришли позднее, в начале VII в. Здесь они нашли местное романское население, а также остатки германского населения, занимавшего господствующее положение... Тот факт, что первые славянские племена как во внекарпатских областях, так и в Трансильвании органически включаются в поселения и могильники местных жителей, доказывает, что мы имеем дело с мирным проникновением, новые пришельцы совместно проживали с местным населением. За этими первыми проникновениями последова-

ли в VII — VIII вв. и другие из разных областей. В то же время непрерывное бытование местных элементов и их сосуществование со славянскими может быть прослежено до X в. включительно. Данные, которыми мы располагаем в настоящее время, дали также возможность установить, что различные славянские племена, пришедшие на территорию нашей страны, не осели равномерно по всей территории страны. Они гуще заселили равнинные области, тогда как в более отдаленных районах местное население всегда было преобладающим.

Процесс сосуществования со славянами, который во внекарпатских областях начался уже в VI веке, а в Трансильвании — в начале VII в., может быть прослежен и в последующие столетия до X в. включительно, когда ассимиляция славян завершается на большей части территории Румынии» (Комша 1970: 285 — 286). К статье приложены 7 таблиц керамики.

Разумеется, в кратком докладе, опубликованном в виде статьи, М.Комша не могла дать развернутую аргументацию выдвинутых ею положений, и все же ряд положений вызывает недоумение.

Прежде всего, непонятно, чем может быть обосновано утверждение, что в IV — VI вв. еще до прихода славян на территорию Румынии сложилась единая в основных чертах культура, подразумевается культура местного романизованного населения. М.Комша ссылается при этом только на культуру Ипотешть-Кындешть-Чурел в Мунтении и Олтении и на сходные с нею культуры в других частях Румынии, причем все эти культуры датируются авторами публикаций и раскопок как культуры VI — VII вв., а не IV — VI вв., и все без исключения памятники этих культур содержат лепную славянскую керамику, т.е. они возникли не до прихода славян, а с приходом или после их прихода и по всем параметрам являются славянскими. Что же касается непрерывности обитания романизованного населения и дакийского населения на территории Румынии после оставления Дакии римлянами, то оно бесспорно установлено только для Трансильвании, а для Мунтении, Молдовы и др., вопреки утверждению М.Комши, ни по письменным, ни по археологическим источникам не установлено, и таких источников ни М.Комша ни какой-либо другой исследователь не приводит.

Памятники культуры Ипотешть-Кындешть-Чурел и соответствующие им памятники в Трансильвании, Молдове, Добрудже М.Комша считает принадлежащими смешанному романо-славянскому населению. Как уже было показано, такая точка зрения подвергается критике со стороны К.Дайковичу, который не считает культуру Ипотешть-Кындешть-Чурел из Мунтении и Олтении в какой-либо мере романской. Однако, если считать точку зрения М.Комши правильной, то необходимо показать, из какой местной романской культуры вырастает культура Ипотешть-Кындешть-Чурел, с какой именно романской или дако-романской культурой на территории Румынии и какими категориями изделий, жилищ и т.д. времени до VI — VII вв. связана преемственность развития этой культуры. Задача, с нашей точки зрения, невыполнимая.

Далее, остается недоказанным тезис о том, что в течение III — VI вв. романизации подвергалась не только Дакия, но и Мунтения и часть Молдовы. Каких-либо письменных или убедительных археологических источников, подтверждающих эту мысль, мы не знаем, не приводит их и М.Комша. В статье даже не упоминается о Балкано-Дунайской культуре, в течение многих лет исследовавшейся М.Комшей, и остается за рамками статьи такой важнейший вопрос, как сопоставление местных, распространенных на территории Румынии, культур с культурой центров I Болгарского царства, в границы которого в IX — X вв. входила большая часть территории Румынии. (С нашей точки зрения остается недоказанной и генетическая связь между культурами Ипотешть-Кындешть-Чурел, с одной стороны, и культурой древнерумынского населения IX — X вв., иллюстрированная лишь сопоставлением профилей 6 типов верхних частей сосудов).

Наконец, тезис, что в X веке завершился наконец процесс формирования «древнерумынской» народности или восточнороманской народности, археологически остается недоказанным. Утверждение же, что в X веке ассимиляция славян завершилась на большей части территории Румынии, находится в противоречии, как с фактами, так и с положениями самой М.Комши, высказанными ею в предшествующих статьях, где она пишет, что в Трансильвании этот процесс ассимиляции славян завершился лишь в XII веке, а в Молдове еще долгое время после X в. автохтонное население сосуществовало со славянами.

Несмотря на ряд недоказанных положений, и противоречий, концепция М.Комши представляется интересной и перспективной. Попытки выделить в общем комплексе культуры I Болгарского царства черты, которые могут быть связаны с дако-романским населением заслуживают внимания и продолжения.

Сравнительно недавно была четко сформулирована еще одна концепция этногенеза восточнороманской народности, выдвинутая академиком К.Дайковичу. В своей концепции он опирается на письменные, этнографические, топонимические источники, а особенно на археологические, в значительной части открытые и исследованные самим К.Дайковичу и возглавляемым им сильным коллективом клужских археологов. Выше указано, что ряд работ клужских археологов и, прежде всего, фундаментальная монография Д. Протасэ содержит убедительные доказательства (по археологическим и нумизматическим материалам) непрерывно-

го обитания на территории Дакии после ухода римских войск и администрации значительного романизованного и дакийского населения.

Концепция этногенеза восточно-романской народности была наиболее четко и развернуто высказана К.Дайковичу в докладе в Мюнхене в 1966 г. на сессии Ассоциации «Юго-Восточная Европа..».. В переработанном и дополненном виде доклад был опубликован сначала в Мюнхене и Сибиу, а затем, под названием «Происхождение румынского народа в свете новейших исследований» — в сборнике «Единство и непрерывность истории румынского народа», вышедшем в 1966 г. в Бухаресте под редакцией профессора Д.Берчу (Daicoviciu 1968).

Концепция К.Дайковичу представляется в высшей мере интересной и важной, заслуживающей особого внимания и разбора. Он выступает решительным сторонником непрерывности, так как и большинство румынских ученых считает, что румынский народ сформировался из дако-римлян и других племен и народов, подвергавшихся на протяжении длительного времени романизации после завоевания Дакии Траяном. К.Дайковичу — решительный противник Р.Реслера и др., считающих, что восточные романцы сформировались на землях южнее Дуная и на территорию нынешней Румынии переселились между XI и XIII вв. Он считает, что непрерывным проживание романизованного населения было в Дакии — своем естественном центре — на землях к северу от Дуная, причем после эвакуации римских войск из Дакии она была заселена свободными даками и другими племенами, в том числе и с территории севера Нижнего Подунавья.

Выше было упомянуто, что археологическими исследованиями последних лет, обобщенными в монографии Д. Протасэ, доказано, что до второй половины V в., т.е. до гуннского нашествия, на территории Дакии продолжало оставаться романизованное население. Гуннское нашествие и последующие битвы между различными племенами, во главе которых стояли наследники Аттилы, принесли значительные разрушения и опустошения, привели к сокращению населения. Однако в последние годы открыт и ряд поселений в Дакии местного романизованного населения, или, во всяком случае, смешанного населения с участием дако-романцев, относящихся ко времени после гуннского нашествия в VI-VII вв. Эти поселения открыты в центральной части Трансильвании в долине Муреша на возвышенных плато и в предгорьях Карпат в районе, имеющем естественную защиту в виде горного кольца, в прилегающих районах Олтении. Таковы неукрепленные поселения Цапа возле Клужа, Сопорул де Кымпие возле Турда, Чипэу, Сфынтул Георге, Морешть около Тыргу Муреш, Братей около Медиаша. Жилищами служили прямоугольные или круглые землянки. Характерно почти полное отсутствие печей. Иногда печи сооружались снаружи, возле землянок. Совсем нет обычных для славян печей-каменок. На поселении Братей в долине р. Тырнава Микэ на юге Трансильвании, которое датируется V-первой половиной VI в., открыто около 100 землянок.

Судя по очень большому количеству костей крупного рогатого скота, основным занятием жителей было скотоводство, хотя они занимались и земледелием, и выплавкой железа. Переход к скотоводству, как основному занятию, не случаен. Нашествия гуннов и ряда других племен привели к тому, что дако-романское население забросило города и большинство поселений, расположенных в долинах и на ровных плато, и переселилось в горные и предгорные области, имеющие хорошую естественную защиту и маскировку. Это обусловило и переход к новой форме хозяйства — выдвижению на первый план скотоводства. Население Трансильвании в VI-первой половине VII в. использовало как лепную, так и гончарную посуду. Среди лепной керамики заметное место занимают горшки местной дакийской традиции: биконические с широким горлом и дном. Есть здесь и гончарная посуда провинциально-римско-византийского облика — серые округлобокие горшки часто с заметным перегибом в средней части тулова, орнаментированные на плечиках горизонтальными и волнистыми линиями. Подобная посуда встречается и за Карпатами на памятниках типа Чурел. Есть на этих поселениях и гепидская керамика — гончарные серые грушевидные сосуды с орнаментом из пролощенных линий или штампованные лунками или розетками, заимствованными из провинциальной римской керамики.

Переселившиеся на территорию бывшей провинции Дакии племена — готы, гепиды, авары и др. с местным населением вступали в контакт, и при более или менее длительном совместном проживании подвергались со стороны этого населения ассимиляции. В результате кроме собственно дако-римских и греко-романских поселений (поселение последнего типа открыто, например, у с. Тибискум в долине Тимиша) появились поселения смешанные, а также поселения переселившихся в Дакию племен, в культуре которых заметны черты дако-романской культуры местного населения. Такие элементы (в керамике) прослежены, например, на поселении Морешть, имеющем, в основном, гепидский характер. Чисто гепидским был, видимо, могильник Братей III.

Население Трансильвании в VI-VII вв. до прихода славян было смешанным. Поселения и могильники типа Морешть-Банду-Ношлак принадлежат, судя по материальной культуре, смешанному романизованному дако-римскому и гепидскому населению. Для погребений на всех могильниках этого времени (Морешть, Чипеу, Ношлак и др.) характерен обряд трупо-

положения (при разных деталях этого обряда), а в более позднее время — в VII в., с приходом славян — появляются и могильники с трупосожжениями. Могильники типа Банду, Ношлак использовались до середины VII в., когда в Трансильвании появилось значительное славянское и аварское население. Материальная культура VII-VIII вв. в Трансильвании носила, в основном, славянский характер (Сомешень, Нушфалэу, Нушень, Окна Сибиулуй и др.). После сильной консолидации славян в Дакии и установившейся благодаря этому стабилизации начался процесс возвращения местного скотоводческо-земледельческого населения с гор и предгорий в долины и на поля, заселенные славянами. Тогда и начался дако-романско-славянский симбиоз, который завершился на протяжении X-XI вв. ассимиляцией славян дако-романцами, обусловленный рядом специфических обстоятельств.

Дако-романско-славянский симбиоз доказывается не только смешанным характером материальной культуры, но и многочисленными древними славянскими элементами в румынском языке, преимущественно южнославянского характера, доказывающими, что славяне в Дакию шли вероятнее всего с юга. Выделение в материальной культуре тех элементов, которые связаны с местным населением, есть одна из важнейших задач, стоящих перед историками и археологами. Вряд ли можно говорить для периодов от VI до VIII-IX вв. для территории долин Мунтении и Молдовы о существовании здесь автохтонного романского населения, хотя и на этих территориях не исключается влияние материальной и духовной культуры, идущее с территорий, находящихся южнее Дуная. Мирное сосуществование славян с местным населением привело к их тесным контактам и к появлению в середине VII-VIII вв. смешанных славяно-романских поселений, таких как Безид и Сэлашурь возле г.Тыргу Муреш в Центральной Трансильвании, на которых открыты круглые и прямоугольные землянки с очагами или печами-каменками, лепная и гончарная керамика и т. д. Лепные горшки стройные, с насечками или защипами по венчику, гончарные — с линейно-волнистым орнаментом. Керамика эта очень близка к славяно-аварской из могильника VII-VIII вв. Девинска Нова Вес в Словакии. На многих из этих поселений жили, видимо, славяне и романизованное население. На славянских по основному облику культуры селищах Трансильвании — Безид, Сэлашурь, Чипэу наряду с лепной славянской керамикой позднего пражского и других типов найдены горшки местной традиции — гончарные римско-византийского облика и гончарные вытянутые с линейно-волнистым орнаментом. Еще в VII-VIII вв. появляются в Трансильвании смешанные романо-славянские поселения (например, Братей — поселение и могильник). В центральной Трансильвании в аварских могильниках (Аюд, Гымбаш, Теюш) есть и посуда, сделанная в местных традициях. В последние годы открыты смешанные романо-славянские могильники (Медиаш, Окна, Сибиулуй, Братей), в которых есть и трупоположения и трупосожжения.

В IX — начале XI вв. почти вся современная Румыния была занята двумя культурами: романско-славянской культурой типа Буков и южнославянской, по преимуществу смешанной (славяно-болгары, тюрко-болгары, элементы восточных романцев), распространенной на нижнем Дунае. В Трансильвании небольшой островок Балкано-Дунайской культуры существовал, видимо, среди ареала культуры Буков на юге (р-н Бландианы). Культура Буков известна на значительной части территории Румынии и связана главным образом с горными местами, предгорьями и плато Карпатской области. Памятники этой культуры найдены в Трансильвании, Олтении, Банате, Кришане, Марамуреше, в северо-западной Мунтении и западной Молдове, где проходила полоса соприкосновения культуры Буков с Балкано-Дунайской и восточнославянской культурами. Характеристика этой культуры дана выше. Поселения, в основном, неукрепленные — селища, но в Трансильвании есть и с укреплениями — Морешть, Дабыка, Молдовенешть, Мойград, Сириоара. Укреплениями служили деревянно-земляные валы и рвы. Могильники известны. Культура Буков развилась как локальный вариант Балкано-Дунайской культуры в период нахождения большей части территории в границах I Болгарского царства. Помимо горных областей, поселения ее открыты в холмистой прикарпатской зоне (Буков, Слон, Бырлагу) с землянками, характерными для дакийской и дако-романской традиции и с открытым очагом.

Элементы культуры Буков отмечены в Ношлаке, Дэбыка и др. пунктах в Трансильвании. К.Дайковичу считает, что остатки крепости возле с.Дэбыка в Трансильвании (к северу от Клужа) являются развалинами крепости вождя влахо-славян Гелу, упомянутого в сочинениях анонимного секретаря венгерского короля Белы III в качестве властелина, князя влахо-славянского народа в долине Сомеша. Южнославянский, в основном, характер славянизмов в румынском языке К.Дайковичу объясняет тем, что славяне, поселившиеся в VIII-IX вв. на территории бывшей Дакии и позднее ассимилированные романцами, пришли в Дакию с территории южнее Дуная, из районов Нижней Мезии. Таким образом, К.Дайковичу отвергает положение о том, что южнославянский характер топонимов и славянских заимствований в румынском языке свидетельствует о том, что румынский народ и его язык формировались на Балканах.

Подводя итог рассмотрению археологических, письменных и других источников, К.Дайковичу приходит к заключению: «На основании всего вышесказанного мы можем придти к следующим бесспорным выводам: теория реслериана (прерывности, термин произошел от фамилии сторонника этой теории Р.Реслера — Г. Ф.), в соответствии с которой формирование румынского народа и его языка происходило на Балканах и румынский народ переселился в Дакию с юга Дуная, не выдерживает критики, не подтверждается всеми видами источников: археологическими, историческими, лингвистическими. Наоборот, все эти источники свидетельствуют о том, что формирование румынского народа и его языка происходило не во внутренних областях Балканского полуострова, а к северу от Дуная на территории Дакии» (Daicoviciu 1968: 93).

Со времен романизации Дакии и Нижней Мезии латиноязычный народ жил на обширной территории — от Балканских гор до Северных Карпат и Дакии. Но на всей территории восточно-романская народность непрерывно не обитала. Такое обитание не подтверждается историческими и археологическими источниками.

Первоначально центром романизации была Дакия. Дунайские романцы с юга проникали на территорию Дакии, усиливая здесь романский элемент. После проникновения болгар-тюрок на Нижний Дунай и основания I Болгарского царства Дакия осталась единственным сильным и мощным восточно-романским центром. Придунайские романцы, прежде всего жители городов и общинных сел, численно сократились и расселились из-за сильной в то время славянизации. Единый массив этих романцев прекратил свое существование. Одни из них перешли к пастушескому отгонному скотоводству, другие продолжали сидеть на местах, но обратились к новому виду хозяйства — оседлому скотоводству. Расселение восточных романцев происходило и на земли к северу от Дуная, в частности, в Дакию, лучше защищенную от нашествий, а также на юг и запад Балканского полуострова, где до настоящего времени существуют румыны. Поля и долины Нижнедунайской низменности непрерывно истощались в это время вторжениями кочевых племен. После крушения Византийского владычества на Балканском полуострове могли существовать сезонные переправы пастушеских проторумынских племен за Дунай и обратно. Передвижения пастухов, естественно, зависели от ситуации, в которой находились районы Подунавья в пору перегона скота в горы на летние пастбища и обратно.

В период высшего расцвета I Болгарского царства Балкано-Дунайская культура распространилась на большую часть территории современной Румынии (Мунтения, Добруджа, Молдова, южная Олтения (Челей), южная Трансильвания (Бландиана). Среди кухонных горшков этой культуры — в целом южнославянского облика — прослеживаются реминисценции древних местных провинциально-римских традиций. Относительно существования непрерывного, прочного и стабильного проторумынского населения на Нижнем Дунае или в «Дунайском болоте» мы не имеем никаких свидетельств источников — ни исторических, ни археологических, ни лингвистических. Проторумынское население и не могло жить в долинах Мунтении и Олтении хотя бы из-за непрерывных нападений с востока. Напротив, холмистые и горные пространства бывшей римской Дакии приобретали большую ценность в качестве убежищ и мест сохранения дако-романской народности. Эта дако-романская общность усиливалась и консолидировалась также вследствие постоянной ассимиляции славян, остатков других пришлых племен, а также за счет продолжавшейся инфильтрации дако-мезийцев из низовьев долины Дуная. Вынужденные в результате многочисленных нападений и миграции извне переместиться на плато в горные районы альпийской и приальпийской зоны дако-романцы перешли к скотоводству и жили в небольших, недолговременных поселениях, в которых занятие земледелием и даже скотоводством были весьма затруднительны. Этим объясняется исчезновение дако-римской топонимики и замены ее славянской, поскольку славяне в течение нескольких вв. обитали на поселениях на территории бывшей провинции. Славянская топонимика была воспринята проторумынами в VIII-X вв. в зоне совместного проживания романцев и славян. Сильная консолидация славян на этой территории создала для местного дако-романского населения условия, необходимые к возвращению к прочной оседлости и земледелию, не оставляя, конечно, при этом и ставшего традиционным пастушества, которое и дальше оставалось одним из самых характерных для романцев занятий. Совместное длительное проживание славян и проторумын привело к началу спокойной мирной ассимиляции славянских элементов романцами. На протяжении всего периода совместного проживания и ассимиляции происходило проникновение в румынский язык из славянского слов, связанных с земледелием и социально-политическими процессами, а в славянский язык ряда терминов, относящихся к скотоводству.

Вероятно, уже в IX в. во внутрикарпатской Дакии начали возникать первые романо-славянские политические раннефеодальные образования. Процесс формирования волохов и их языка имел место в последние два или три века I тыс. н.э. Основным районом, где происходил и закончился процесс этногенеза, был и мог быть только район холмов и гор бывшей римской Дакии. В последний период I тыс. и

первые века II тыс. н.э. из этого центра романизация распространилась и на остальные районы — те, в которых никогда не было романизации или где романизованное население давно исчезло. К этому выводу привели К.Дайковичу исследования археологических, лингвистических и историко-географических фактов и источников. Правда, и ему свойственно употреблять термин «румын», хотя до XII в. уместны лишь употребления терминов «волох» или «влах».

Из всех теорий этногенеза восточнороманских народностей данная представляется мне наиболее убедительной, аргументированной, увязанной с различными видами источников и с общими процессами этногенеза в Юго-Восточной Европе. Однако и клужской школе, хотя и в меньшей мере, свойственны некоторые методологические недостатки в использовании археологических материалов для решения проблем этногенеза. Главный из них, как представляется, недостаточно аргументированное выделение из Балкано-Дунайской культуры ее романо-славянского варианта типа Буков, хотя в определенной мере это можно проследить по некоторым видам керамики, возможно, отопительным сооружениям и др. признакам, а также по ландшафтно-географической зоне.

Необходимо более четко выделять соответствующие признаки, подвергнув их (особенно, массовый материал) статистической и типологической обработке и картографированию. Указать, если таковые выявляются, четкие признаки, выделяющие культуру Буков из общего ареала Балкано-Дунайской культуры, составить археологическую карту памятников типа Буков, указать их количество. В закрытых комплексах-жилищах, на более или менее раскопанных памятниках путем сопоставлений, статистической и типологической обработки установить долю различных этнических элементов в этой культуре, открыть и исследовать могильники. Особая потребность во всем этом выявилась после монографического издания памятника Буков М.Комшей в 1978 г.

Далее, К.Дайковичу пишет об участии дакороманцев с низовьев Дуная в формировании восточнороманской народности в Трансильвании, однако не уточняет, каков был их вклад в этом процессе.

В IX-X вв. н.э. в Карпато-Дунайских землях в условиях сохранившейся экономической и культурной стабилизации продолжалось развитие близких по своему облику (в основном, ландшафтному) культур. Выражением стабилизации стало относительное единообразие материальной культуры на большей части Карпато-Дунайских земель, которого не существовало здесь со времен римского господства, а до того — до расцвета гето-дакийского царства. Создание третьего в хронологической последовательности этнокультурного ареала в Карпато-Дунайских землях в конце I тыс. н.э., видимо, знаменовало собой и третий, заключительный этап в сложении восточно-романских народностей, одним из важных слагаемых которых были славяне. Но при всех недоработках и уязвимых местах концепция восточнороманского этногенеза, выдвинутая К.Дайковичу, представляется наиболее убедительной и правомерной.

Однако еще до смерти К.Дайковичу (1973 г.), а особенно после нее, его концепция была практически отвергнута официальной археологической наукой Румынии. Ныне господствующей является концепция И.Нестора, описанная выше. Центральным ее положением является утверждение, будто Балкано-Дунайская культура (или культура Дриду) является культурой восточнороманской, проторумынской или древнерумынской, а иногда ее называют просто румынской. В соответствии с этим положением конструируются, как было показано выше, с целью показать автохтонность культуры Дриду, некие культуры Протодриду (куда зачисляются без особого разбора самые различные культуры — черняховская, раннеславянская), а также ПостДриду и т.д. Соответственно, производится без какого-либо основания этническая переатрибуция памятников, чаще всего со славянских на якобы древнерумынские. Так, например, восточнославянские памятники типа Хлинча I — Спиноаса стали называться памятниками культуры Протодриду и приписываться проторумынской народности, а памятники культуры Дриду, соответственно, румынской единой народности (Teodor 1968; Zaharia N., Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia E. 1970: 99-136; Ştefan 1968; Zaharia E. 1967; Nestor 1973).

Следует отметить, что концепция И.Нестора и его последователей, ныне господствующая в румынской археологической науке и основой которой является представление о Балкано-Дунайской культуре, или культуре Дриду, как о восточнороманской или древнерумынской, не была принята в зарубежной науке.

Болгарские ученые считают и называют эту культуру на всем ее ареале культурой I Болгарского царства, выделяя в ней фракийские, славянские и тюркские элементы и отрицая ее якобы древнерумынский характер (Милчев 1973; Въжарова 1973; Ангелов 1971; Бокшлов 1973; Он же 1970; Михайлов 1969). Также культурой I Болгарского царства, южнославянской, славяно-болгарской или салтово-маяцкой, наложившей свой отпечаток на славянскую, называют и определяют эту культуру и советские археологи. Единственным исключением является И.Г.Хынку, который в целом стоит на точке зрения И.Нестора, раздвигая, однако, границы ранней (в первые века н.э.) романизации и на территорию Прутско-Днестровского междуречья. И.Г.Хынку без всяких на то оснований датирует балкано-дунайскую культуру X-XIV вв. н.э., восточнославянское летописное племя

тиверцев считает полиэтничным (выделяя в нем романский элемент), утверждает, что именно тиверцы были носителями Балкано-Дунайской культуры, которую он также считает полиэтничной, видя в ней романский «автохтонный» элемент, иногда выдвигая его на первое место в этой культуре (Хынку 1966; 1968; 1969; 1970; 1971; 1976).

Такая интерпретация Балкано-Дунайской культуры подвергалась в советской историографии развернутой критике (Федоров, Чеботаренко 1974: 67-69, 97-98, 108-115; Бырня, Рафалович 1979). Балкано-Дунайская культура в советской историографии тоже интерпретируется как культура I Болгарского царства, с соответствующей этнической атрибуцией. Точка зрения И.Г.Хынку, примыкающая к взглядам И.Нестора и его школы, является в советской историографии исключением. Не приняли концепцию И.Нестора и его школы, в частности ее романскую атрибуцию, и польские археологи. Так, София Хилцеровна в своей рецензии на монографию Еуджении Захарии о Дриду (Hilczerowna 1970), подробно анализирует содержащиеся в ней выводы и показывает несостоятельность этнической атрибуции культуры Дриду как древнерумынской. София Хилцеровна указывает и на многие методологические ошибки в монографии Е.Захарии, на игнорирование славянских черт культуры и приходит к выводу, что культура Дриду, прежде всего по своему керамическому комплексу, была славянской, точнее, славяно-болгарской.

Таким образом, последние годы в разработке проблемы восточнороманского этногенеза по данным археологии в румынской науке ни в методологическом, ни в теоретическом отношении не привели к прогрессу, а скорее явились шагом назад. Вместе с тем, продолжаются открытия и раскопки памятников I тыс. н.э., хотя важнейшие для данной проблемы памятники первой половины II тыс. н.э. почти не исследуются.

Нельзя, однако, не сказать о том, что в разработку проблем восточнороманского этногенеза румынские археологи все же внесли важный вклад, наполнив конкретным содержанием представление о трех этапах основных слагаемых этногенеза. Однако до полной ясности в этой проблеме еще далеко.

Прежде чем подвести итоги, представляется целесообразным провести краткий обзор событий в Карпато-Дунайских землях, последовавших в период после X в., чтобы с ретроспективной точки зрения — от хорошо известного по письменным и другим источникам периода — оценить выводы, сделанные по I тыс. н.э.

В XI в. период этнической, культурной и экономической стабилизации на Балканах прервался. В начале XI в. в результате ударов, нанесенных Византией и кочевниками I Болгарскому царству, оно было разгромлено, территория его захвачена. Наступило время непрерывных вторжений на Балканы, запустения многих поселений, отлива населения, особенно из Дунайской равнины. Ареал Балкано-Дунайской культуры резко сократился, многие ее поселения были превращены в развалины (Дриду, Буков и др.). Сама культура фактически прекратила существование. Еще в начале X в. венгры, разгромив Великоморавскую державу, проникли в Трансильванию. В XI в. распалось самое могущественное из славянских государств — Древнерусское. В результате было ослаблено то мощное влияние, которое оказывали эти три великих государства на поселения нынешней территории Румынии. Византийская империя в конце X — начале XI вв. перешла в наступление и раздвинула свои границы вплоть до Дуная, а в нижнедунайской низменности обосновались пришедшие с востока кочевники — печенеги, торки, половцы, а с середины XIII в. и татаро-монголы, оставившие огромное количество курганов по всей Нижнедунайской низменности. Мунтения и Олтения в XI-XIII вв. были опустошены набегами кочевников, следы пожарищ и разрушений в конце X — начале XI вв. встречаются на поселениях Балкано-Дунайской культуры повсеместно (Иляна, Дриду, Бэрляска, Мэркулешть, Путиней, Буков и др.). Обосновавшись в начале X в. в Южной Бессарабии и Молдове, печенеги в конце столетия переместились в Мунтению и Олтению, в значительной степени истребив и вытеснив оттуда местное население. На юге Мунтении в Тынгару (близ г.Джурджу) найдено печенежское погребение, в Мунтении, Олтении, Молдове и Трансильвании с конца X в. получили распространение печенежские глиняные котлы.

В начале XI в. печенеги начали совершать нападения на земли к югу от Дуная — в частности, на Добруджу. Вскоре после этого византийцы поселили в Добрудже большую группу печенегов для охраны области от новой волны кочевников — узов или торков, которые все же в 1065 году форсировали Дунай и вторглись в Добруджу. Соединенные византийско-печенежские силы отбросили их. В конце XI в. византийцы разгромили печенегов. Остатки их небольшими группами ушли в Венгрию, Трансильванию, Кришану, Банат и Молдову. Печенеги постепенно оседали на землю и смешивались с местным населением. В конце XI в. с востока на нынешнюю территорию Румынии вторглись половецкие орды. Видимо, печенегу или половцу принадлежит кочевническое погребение XI-XII вв., открытое в Мовилице возле города Урзичень в Мунтении (Diaconu Gh., Diaconu P. 1963: 197-205). Оседая на землю, смешиваясь с местным населением, печенеги и половцы привносили и элементы своей культуры: костяные наконечники стрел, накладки от луков, глиняные котлы, фрагменты которых найдены на ряде поселений (Рэдукэнень, Хлинча II в Мол-

дове, Сынкэрень в Трансильвании и др.). Д.Теодор, исследовавший эти котлы на поселении XI-XII вв. в Рэдукэнень (Молдова), считает, что они появились на стационарных поселениях в результате оседания на землю печенегов или половцев, находившихся в контакте с местным романо-славянским населением. В Молдове котлы найдены в определенном районе — в степной части, в XII-XIII вв. занятой половцами и входившей в состав «Половецкой епархии». После XII в., когда произошло переселение значительной части половецких племен, котлы в Молдове исчезли (Teodor 1963: 197-205).

В 1241-1242 гг. территория нынешней Румынии, как и значительная часть Восточной и Центральной Европы, испытала страшное татаро-монгольское нашествие. По пути на запад, пройдя через Молдову и Трансильванию, татаро-монголы опустошили эти области и ушли в Центральную Европу. Там, потерпев ряд поражений от чешских и немецких войск, они перезимовали в Далмации и в 1242 г. повернули обратно в причерноморские степи, вновь пройдя через нынешнюю территорию Румынии. Одна из татаро-монгольских орд, улус темника Ногая, обосновалась в Нижнедунайской низменности, подчинив или вытеснив на севере в предгорные и горные области Карпат редкое местное население, и кочевала там вплоть до образования восточнороманских средневековых княжеств — Валашского (в начале XIV в.) и Молдавского (в середине XIV в.).

Несмотря на нарушение стабильности развития, многочисленные вторжения, особенно вторжение и захват кочевниками Нижнедунайской низменности, жизнь местного населения, имевшего уже прочные традиции в развитии материальной культуры, продолжалась во всех тех областях страны, где оставалось оседлое земледельческо-скотоводческое население, меньше пострадавшее от нашествий и нападений кочевников. Это относится к значительной части территории Румынии, прежде всего к защищенной горами Трансильвании, и холмистой и лесной центральной и северной Молдове, к Добрудже, вновь захваченной Византией в конце X в. и опоясанной цепью крепостей, продержавшихся, как, например, Диногеция, до XII в., когда из-за непрерывных нападений кочевников жизнь там постепенно замирала и во второй половине XII в. совсем прекратилась.

В Молдове в XI-XIII вв. жизнь была сосредоточена главным образом в центральной и северной частях — холмистых и покрытых густыми лесами, служившими надежной защитой от кочевников. На ряде поселений (Сучава, Байя на севере Молдовы, Хлинча II, Валя Лупулуй, Спиноаса, Рэдукэнень и др. в центральной Молдове, Продана у Бырлада — на границе со степью в южной Молдове) (Zaharia N., Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia E. 1970: 130-143) продолжалось развитие предшествующей культуры с постепенным ее эволюционным изменением, но при сохранении ряда восточнославянских и общеславянских особенностей (тип жилища с печами-каменками и др.). Видимо, именно в период татаро-монгольского нашествия был зарыт на территории Молдовы ряд кладов с драгоценными украшениями древнерусского, византийского, местного и половецкого типов (Федоров, Полевой 1973: 338-340).

Трансильвания, Кришана и Банат в XI-XIII вв. были довольно густо заселены. Здесь существовали как укрепленные, так и неукрепленные поселения, на которых, как и в Молдове, продолжалось развитие предшествующей культуры (например, на поселении Морешть) с заметными элементами западнославянской и частично южнославянской культур (поселения укрепленные — тип Морешть-Шириоара близ г.Бистрица, Вихаря в Кришана близ г.Орадя и др., а также неукрепленные поселения, например, Сынкрэень на востоке Трансильвании). Жилищами, как и прежде, служили полуземлянки с печами-каменками и с очагами. Судя по сведениям, сообщаемым анонимным нотарием венгерского короля Белы III и русским летописцем в «Повести временных лет», венгры, придя в Трансильванию, застали здесь славянское и романское население или смешанное славяно-романское.

Как уже указывалось, К.Хоредт приходит к выводу, что ассимиляция славян местным романским населением закончилась не позже середины XII в., т.к. саксонские колонисты, переселившиеся в Трансильванию с 1150 г., в своем диалекте не имеют никаких славянизмов. Таким образом, ассимиляция славян романцами на территории Трансильвании закончилась между X и серединой XII вв. Однако, реминисценции славянской культуры остались в культуре местного населения. Развитие материальной культуры в Трансильвании в XI-XIII вв., с одной стороны, продолжало традиции культур предшествующего времени, с другой — испытало сильное влияние передовой для того времени немецкой феодальной экономики и культуры. В Трансильвании бурными темпами шло развитие феодализма, вырастали крепости, города, феодальные замки. После включения Трансильвании в границы Венгерского королевства начался постепенный отлив романского населения на юг, в частности, в холмистые районы Молдовы.

Подводя итоги, можно сказать, что использование археологических материалов для изучения этногенеза восточных романцев позволило придти к определенным выводам и установить следующие факты:

1. Непрерывность обитания дако-романского и дакийского населения после эвакуации из Дакии римских войск и до середины V в. — до гуннского нашествия — полностью доказана для территории Трансильвании.

2. Утверждение, что материальная культура VI-VII вв. на всей территории Румынии (культура Ипотешть-Кындешть-Чурел) является восточнороманской, нельзя считать доказанным, т.к. не установлена типологическим и статистическим анализом ее связь с римской, дако-римской культурой, не проведено сопоставление ее основных категорий с окружающими провинциально-византийской, славянской культурами, хотя культура эта была смешанной и наряду со славянами (тип жилищ — полуземлянки с печами-каменками, посуда пражского типа и др.) среди ее носителей было и местное романизованное население. Преемственность культур, а видимо и этноса VI-VII вв. от более ранних культур и этноса первой половины I тыс. н.э. четко устанавливается лишь для территории Трансильвании, как и для последующего времени, когда материальная культура на всей территории Румынии, в том числе и на территории Трансильвании, имела ярко выраженные славянские черты.

3. В VIII-IX вв. довольно четко обозначаются три ареала влияния и проникновения славянской культуры на территорию Румынии: западнославянский, идущий из Центральной Европы в Трансильванию; восточнославянский, идущий с востока в Молдове; южнославянский, идущий с юга на Добруджу, Южную Молдову и прилегающие области. В IX в. в связи с экспансией I Болгарского царства на север, в частности на земли к северу от Дуная, культура I Болгарского царства (т.н. Балкано-Дунайская) распространилась и на большую часть территории Румынии. Интенсивность влияния этих трех славянских культурных ареалов на культуру местного населения оказалась очень стойкой и существовала в течение столетий.

4. После оставления Дакии римскими войсками и администрацией и участившихся нашествий варваров, дако-романское население перешло с плато и речных долин в горные и холмистые области, имеющие лучшую естественную защиту и маскировку. В связи с этим, на первый план в хозяйстве выдвинулось скотоводство при существовании земледелия и некоторых ремесел, а поселения стали небольшими и относительно недолговременными.

5. Приход славян, в частности включение большой части Карпато-Дунайских земель в границы I Болгарского царства, принес стабилизацию — как экономическую, так культурную и политическую. В результате дако-романцы снова стали спускаться в долины, переходить к земледелию, не оставляя, однако, ставшего уже традиционным скотоводства.

В VII-XII вв. проходил процесс тесного симбиоза между дако-романским и славянским населением, закончившийся ассимиляцией славян и формированием восточнороманских народностей. В этом процессе, помимо дако-романцев, непрерывно обитавших на территории Дакии, определенное участие приняли, видимо, и остатки романизованного населения Нижней Мезии, отброшенного после падения провинции в Балканские горы и перешедшего к скотоводству, а после включения большей части Карпато-Дунайских земель в границы I Болгарского царства в IX-X вв. частично перебазировавшихся в Дакию.

6. Процесс формирования восточнороманских народностей в какой-то мере в археологическом плане нашел, видимо свое отражение в создании варианта Балкано-Дунайской культуры Буков, распространенной, главным образом, в горной и холмистой частях Карпато-Дунайских земель. В этой культуре, наряду с преобладающим южнославянским, славяно-болгарским, прослеживаются, видимо и некоторые местные дако-романские черты. Однако предстоит еще значительная работа по статистической и типологической обработке массового материала и всего комплекса культуры Буков, чтобы определить долю участия в этой культуре дако-романцев, романизованного населения. Попытка объявить проторумынской или древнерумынской всю балкано-дунайскую культуру, распространенную в IX-X вв. по всему I Болгарскому царству, не выдерживает критики, ибо эта культура имеет ярко выраженные славянские черты, тюрко-болгарские черты, связывающие ее с тюркской культурой Подонья и других областей (салтово-маяцкая культура), наконец, некоторые провинциально-византийские элементы и не имеет сколько-нибудь ощутимых романских черт, хотя в числе ее носителей, возможно, было и отброшенное в Балканские и Карпатские горы и перешедшее к пастушескому скотоводству романизованное население.

7. Балкано-Дунайская культура как таковая не имеет корней и истоков на территории нынешней Румынии. Ее истоки, основные и составляющие элементы — славянские и салтово-маяцкие (болгаро-тюркские) — находятся гораздо севернее и восточнее Румынии, а формирование из них единой культуры произошло южнее Карпато-Дунайских земель — на территории северо-восточной Болгарии, т.е. южнее Дуная, где к первоначальным двум элементам добавились черты провинциально-византийской культуры. Балкано-Дунайская культура на территории Румынии имела некоторые специфические особенности, отличающие ее от в общем-то идентичной культуры в центре I Болгарского царства на территории современной Болгарии: 1) относительно меньшее, чем к югу от Дуная, однако достаточно четкое влияние и проникновение элементов провинциальной византийской культуры; 2) наличие, наряду с преобладающим южнославянским — болгарским, и элементов западнославянских, особенно моравских, и восточнославянских. Однако в целом эта культура была однородной во всем своем ареале. Для нее характерны одинакового

устройства и конструкции жилища, печи, хозяйственные сооружения, само расположение поселений, погребальный обряд и его особенности, основные категории вещей, своеобразный керамический комплекс (сочетание славянского, салтовского и византийского типов), наконец, славянская письменность, распространенная не только в Болгарии, но и в Румынии (кирилличесские надписи и буквы обнаружены в Букове, в кладе Каменного вала в Добрудже, на стенах пещерного монастыря этого времени в Басарабь в Добрудже).

Локальный вариант этой культуры — культура Буков, распространенная в основном в горных, предгорных и холмистых районах Румынии, имеет ряд отличительных черт, указывающих на то, что ее носителями, возможно, было, помимо южных славян, и романское население (жилища с открытыми очагами, некоторые типы керамики и др.). Однако необходимо провести картографирование памятников типа Буков, исследование всего комплекса их материальной культуры (в частности, типологическую и статистическую обработку массового материала и его сопоставление как с предшествующими (римскими, дакийскими), так и с современными этой культуре (салтово-маяцкой, славянской, славяно-болгарской и византийской) сериями. Без такой обработки и сопоставления вопрос о доле участия (а иногда и о факте участия) каждого из составляющих эту культуру элементов остается открытым. После крушения I Болгарского царства в начале XI в. во всем его ареале прекращает существование и Балкано-Дунайская культура, в частности, исчезают керамические комплексы, связанные с тюркским, салтово-маяцким гончарством: серая с пролощенным орнаментом посуда, шаровидные и яйцевидные горшки и т.д. Остаются, хотя и видоизменяются, горшки славянского облика (например, на поселении Морешть XI-XII вв.). Элементы Балкано-Дунайской культуры вошли в более поздние местные культуры.

8. Процесс формирования восточнороманских народностей на базе ассимиляции дакороманцами славян, прежде всего на территории Дакии, как и процесс формирования ряда других народностей Восточной и Центральной Европы, в основном закончился в конце I и начале II тыс. н.э., хотя предстоит еще наглядно показать процесс его завершения. Однако и после завершения этого процесса стойко сохранились и сохраняются в материальной и духовной культуре традиции, обусловленные длительным совместным обитанием романизованного населения с тремя группами славян: южной, восточной и западной. Развитие материальной культуры после X в., хотя и нарушаемое частыми катаклизмами, приведшими, в частности, к гибели Балкано-Дунайской культуры, в значительной степени было уже построено на эволюционном развитии предшествующих культур с включением новых и изменяющихся элементов.

Материальная культура двух восточнороманских княжеств — Молдавии и Валахии, образовавшихся к XIV в., отличается от материальной культуры предшествующего времени, в частности, от Балкано-Дунайской и культуры Буков и т.д. (Федоров, Полевой 1973: 345-384; Andronic 1961; Diaconu Gh., Constantinescu 1960; Giurescu 1967; Matei 1963; 1970; Panaitescu 1971; Константинеску 1962; Constantinescu 1969). Некоторая преемственность прослеживается лишь в типах жилищ, опрееделенных видах керамики, орудиях труда и т.д. Эти значительные отличия еще ждут своего объяснения.

Археологическая наука Румынии в послевоенный период внесла весомый вклад в изучение проблемы этногенеза восточнороманских народов, их общего предка — восточнороманской народности волохов. Самым важным в этом вкладе был показ на конкретном археологическом материале, что главными слагаемыми в процессе этногенеза восточнороманской народности были три основных компонента: первый, наиболее древний из них (автохтонный) — гето-дакийские племена, обитавшие в Карпато-Дунайских землях и создавшие в последних веках до н.э. и в I в. н.э. единообразную культуру. Второй компонент — латинский. После захвата придунайских и карпатских областей римлянами во вновь образованных провинциях, особенно в Дакии, прошел процесс усиленной романизации, в результате которого в первые века н.э. создана новая этническая общность — дако-романская, романизованное население, имеющая и соответствующую материальную культуру. Третий компонент — славяне южные, восточные и западные. В разное время, в разных пропорциях и регионах расселялись они в Карпато-Дунайских землях на протяжении второй половины I тыс. н.э. Как показывают археологические материалы, славянская материальная культура стала важнейшим слагаемым образовавшейся восточнороманской народности.

Процесс ассимиляции славян романизованным населением и был заключительным этапом этногенеза волохов. Наличие этих трех компонентов, основных слагаемых волохов, подтверждается письменными, лингвистическими, этнографическими и др. видами источников. В то же время ни один из источников пока не позволяет в полной мере проследить на конкретных данных эволюцию материальной культуры Карпато-Дунайских земель конца I и начала II тыс. н.э. в материальную культуру княжеств Молдова и Валахия, в границах которой происходил завершающий этап формирования молдаван и румын (валахов), раскрыть процесс трансформации носителей этой культуры в молдаван и валахов.

Однако и без того в разработке проблемы этногенеза восточнороманской народности румынские археологи добились значительных успехов. Надо надеяться, что будет преодолен тот методологический и теоретический кризис, который наблюдается в настоящее время в румынской археологической науке.

Судя по письменным источникам в конце I и начале II тыс. н.э. возник новый этнос — волохи или влахи. Исходя из общеисторической ситуации, можно предположить, что третий этап восточнороманского этногенеза заключался и не мог не заключаться в ассимиляции части славян романизованным населением бывших римских придунайских провинций. Об этом свидетельствует и появление с конца I тыс. н.э. в русских, венгерских и византийских источниках термина «волох» или «влах», который, как показали исследования, не был однозначным, однако, основным его значением было наименование восточнороманской народности, находившейся в тесном контакте (то в объединении, то в конфронтации) со славянами и ассимилировавшей часть славян. Судя по письменным и археологическим источникам, завершающий этап формирования восточнороманской народности именно в этом и заключался и протекал он, в основном, в Карпато-Дунайских землях, причем определенную роль сыграло и продвижение в эти земли с территории южнее Дуная, с Балкан и Мезии, пастушеского романизованного населения бывшей римской провинции, когда большая часть Карпато-Дунайских земель входила в пределы I Болгарского царства. Свидетельства письменных источников о волохах X в. в Карпато-Дунайских землях, в частности, в Трансильвании, опровергаются сторонниками миграционной (балканской) концепции, считающими, что волохи переселились в эти земли с Балкан лишь в конце XII-начале XIII вв. (с этого времени волохи стали постоянно упоминаться в венгерских хрониках, в актах венгерских королей как население Трансильвании). Само их переселение сторонники миграционной теории обычно связывают с созданием и укреплением II Болгарского царства, в котором волохи играли большую роль, что известно по письменным источникам. В частности, известно их участие в борьбе против византийского владычества. После XII в. они стали упоминаться в византийских источниках редко, зато с начала XIII в. — куда чаще в венгерских источниках, а это обстоятельство сторонники миграционной теории и связывают с переселением волохов с Балкан в Карпато-Дунайские земли.

Упоминание о волохах в Карпато-Дунайских землях (видимо, именно в Трансильвании), уже в конце IX-X вв. обитавших здесь вместе со славянами, содержащееся в «Повести временных лет» и в хронике венгерского «Анонима» (оба источника XII в.) сторонники миграционной теории считают в отношении волохов недостоверными. Однако последние исследования советских историков, как было показано, позволяют к этим свидетельствам отнестись с доверием. Уже в конце I тыс. н.э. волохи упоминаются в письменных источниках в Карпато-Дунайских землях, в частности, в Трансильвании. До известной степени об этом можно судить и по данным археологии. Отсюда, видимо, и произошло их расселение по Карпато-Дунайским и Карпато-Днестровским землям. Последнее подтверждается и этнографическими и лингвистическими источниками. Так, диалектные особенности молдавского языка ближе всего к языку трансильванских румын.

По археологическим данным прослеживаются и первые два этапа этногенеза восточнороманской народности: создание гето-дакийской этнической общности, ее романизация и формирование дако-романской этнической общности. Важнейшим вкладом археологии в изучение этих двух этапов является доказательство самой романизации и того, что и после римской эвакуации из Дакии на ее территории продолжало обитать романизованное население.

Однако третий этап — ассимиляция романизованным населением славян, по археологическим данным пока не прослеживается. В конце I и начале II тыс. н.э. материальная культура этого региона (кроме кочевнической, венгерской и византийской) носила, по преимуществу, славянский характер, и в ней можно проследить лишь отдельные черты, связанные с романской традицией. Можно было бы сказать, что это свидетельствует в пользу сторонников балканской теории этногенеза волохов. Однако, это не так. Дело в том, что на Балканах для этого, как, впрочем, и для других периодов, не выделяется культура, которую можно было бы связать с волохами, а в Карпато-Дунайских землях, как показывают археологические данные, романизованное население бесспорно обитало до V в. включительно и черты его материальной культуры прослеживаются и в более позднее время.

Чем же объяснить, что на третьем, заключительном этапе этногенеза восточнороманской народности ее материальная культура носила, в основном, славянский облик?

По этому поводу пока что можно высказать лишь предположение. Думается, ключ к не совсем обычному явлению нужно искать в образе жизни и хозяйственной деятельности романизованного населения этого периода.

По письменным (в частности, византийским) источникам, мы знаем, что волохи были, по преимуществу, скотоводами. Сам термин «волох» или «влах» иногда обозначал не этническую принадлежность, а род занятий — именно пастушеское и отгонное скотоводство (сви-

детельство Анны Комниной). Предметы материальной культуры скотоводов, изготовлявшиеся в значительной части из кожи, шерсти, дерева и т.д., сохраняются плохо. Скотоводы, как на Балканах, так и в Карпатах, жили и пасли скот в основном в горах и предгорьях. Частые передвижения за стадами не способствовали развитию требующих прочной оседлости ремесел — металлургического, кузнечного, гончарного и др. По этнографическим и археологическим данным мы знаем, что кочевники, пастушеское, скотоводческое население во многом использовали материальную культуру оседлых народов. Такими были в Карпато-Дунайских землях прежде всего славяне.

Интересные соображения по этому поводу высказывал, опираясь на мнение Ж.Г.Моргана, В.Д.Королюк: «В горах, где были пастухи, или в степях, где были только кочевники, естественно поиски археологов не дают больших результатов. Дело в том, что «постоянные перемещения не оставляют после себя длительных следов, а ветер и дождь уничтожали пепел очагов временных стоянок, на земле остаются лишь несколько обожженных камней, да редкие оставленные или забытые вещи..». (Морган 1926: 161).

Следовательно, археологи могут обследовать долины. На горах, на полонинах, где жили пастухи, реконструкция образа жизни населения не может быть полностью осуществлена. Поэтому на основе археологических материалов нельзя решить вопрос об этническом характере населения горных районов. Для этого необходимо привлечь прежде всего свидетельства древних памятников письменности, которые могут послужить ориентиром для определения района, занимавшегося тем или иным этносом (Королюк 1978: 183).

Не все в этих рассуждениях представляется верным. В.Д.Королюк не учитывает, например, таких важнейших археологических памятников как курганы, оставленные часто именно кочевниками, скотоводами и др. Однако, в общем, мысль представляется правомерной. Собственная материальная культура волохов-скотоводов археологически трудно уловима. Кроме того, волохи, видимо, широко использовали предметы материальной культуры соседних земледельческих народов, прежде всего славян — в частности, керамику, железные изделия и т.д. А переходя к оседлости, смешиваясь со славянскими народностями, они еще более широко использовали материальную культуру славян — исконных земледельцев.

Совокупность всех этих причин, с моей точки зрения, и объясняет тот феномен, что и в период завершения своего формирования восточнороманской народности — ассимиляции романизованным населением славян — материальная культура волохов имела, в основном, славянский облик.

Такой же облик она в значительной мере сохранила и позже — в XII-XIII вв. Лишь в XIV-XV вв., после образования Молдавского и Валашского княжеств, их материальная культура приобрела особый, значительно отличающийся от славянского характер, хотя заметные славянские черты в ней остаются. Впрочем, материальная культура XIV-XV вв. н.э. всей Восточной Европы уже значительно отличается от культур предшествующего времени — конца I и начала II тыс.н.э.

Из сказанного не следует, что поиски специфических черт романизованного населения в материальной культуры Карпато-Дунайских земель I тыс. н.э. безнадежны и их следует прекратить. Нет, с нашей точки зрения, такие поиски перспективны и их следует продолжить, не стараясь, однако, «опережать события», подгонять археологические материалы под умозрительную этногенетическую схему или даже гипотезу, построенную на основе анализа других видов источников. Поиски, безусловно, необходимо продолжить. Однако к каким бы открытиям не привели поиски, они вряд ли изменят основной вывод: завершающий этап этногенеза восточнороманской народности в Карпато-Дунайских землях проходил на фоне преобладания материальной культуры славянского облика.

IV. Роль археологических источников в разработке проблемы формирования молдавского народа (Вместо заключения)

Этногенез волохов был важнейшим, но не завершающим этапом формирования молдавского народа. Волохи — восточнороманская народность были общим предком молдавского и румынского народов, подобно тому, как древнерусская народность была общим предком русского, украинского и белорусского народов, на которых эта народность разделилась лишь в середине второго тысячелетия н.э. Однако это разделение не произошло внезапно, качественные отличия накапливались в течение длительного времени. Сходным и по характеру, и по конкретно-историческим условиям и по времени был процесс разделения волохов на молдаван и румын, и предшествующий этому разделению длительный процесс постепенного накопления качественных различий в духовной и материальной культуре, в этногенетических, ассимиляционных и других областях, в этнических (в широком понимании этого термина) контактах и взаимных влияний, в политических и социальных структурах и судьбах и т.д.

Разработка проблемы формирования молдавского народа началась сравнительно недавно, хотя уже более трехсот лет судьбы и формирование восточных романцев находятся в

поле зрения исторической науки и служат предметом острых дискуссий. Причина этого парадоксального явления заключается в том, что для буржуазной исторической науки, в частности для крайне националистической румынской буржуазной историографии, было характерно, вопреки очевидности, вообще отрицание существования молдавского народа, попытка рассматривать эти два восточнороманских народа как один румынский народ, существовавший издревле и поныне.

За последние десятилетия учеными различных специальностей: историками, археологами, филологами и др. сделано много для конкретной разработки проблемы истории формирования молдавского народа, хотя нельзя считать эту работу завершенной.

Последним по времени издания и с нашей точки зрения наиболее обоснованным является труд Н.А.Мохова «Очерки истории формирования молдавского народа», опубликованный в Кишиневе в 1978 году.

Н.А.Мохов с обычной для этого исследователя высокой степенью компетенции и отточенности методики, использовав и сопоставив все виды источников, в том числе и археологические, нарисовал убедительную картину истории формирования молдавского народа, как она могла быть представлена на том уровне состояния изученности источников и публикаций, который существовал ко времени написания этого труда.

Основные этапы истории формирования молдавского народа, выделение и обоснование которых осуществил исследователь, вряд ли претерпят какие-либо существенные изменения в процессе дальнейшей разработки и изучения проблемы формирования молдавского народа. Однако, новые, притом важнейшие данные, имеющие прямое отношение к данной проблеме, в том числе данные археологии, полученные в последнее время и еще не опубликованные или опубликованные лишь частично, внесут значительный вклад в конкретную картину истории формирования молдавского народа, заполнят существующие лакуны и позволят по-новому переосмыслить уже известные данные.

Тогда появится возможность поднять на новый уровень разработку проблемы формирования молдавского народа, ее историю.

Видимо, созданию такого нового обобщающего труда, скорее всего коллективного, по данной проблеме должна предшествовать публикация серии монографий ученых разных специальностей. Одной из таких монографий, думается, и является настоящая работа, посвященная истории формирования волохов. Следующий этап этнической истории — выделение и формирование из волохов-восточнороманской народности собственно молдаван, должен быть предметом специальных исследований историков, филологов, археологов и т.д.

В заключении к настоящей работе представляется целесообразным в порядке постановки вопроса наметить основные этапы накопления качественных отличий, как о них можно судить по материальной культуре, отличий, приведших в конце концов к выделению молдаван из волохов и формированию молдавского народа, как отдельного этноса.

Археологические данные показывают при этом, что при всех многочисленных микро- и макромиграциях в Юго-Восточной Европе, в частности в Днестровско-Карпатских землях, как и в Карпато-Дунайских, полной смены населения не происходило, хотя иногда такая смена и была очень значительной и ассимиляционные процессы неоднократно меняли этнический облик региона. Однако, ассимилируемые, как правило, вносили свой вклад в материальную культуру тех, кто их ассимилировал, т.е. по большей части какая-то, то большая, то меньшая преемственность в развитии материальной культуры сохранялась.

К сожалению, в настоящее время в науке нет общепринятого понятия «этнос» и «этногенез», вернее общепринятых формулировок этих понятий. Греческое слово «этнос» употребляется чаще всего в значении «народ», а также в значениях «множество, тьма, племя, нация». Греческое слово «генезис» обычно употребляется в значениях «происхождение, зарождение, процесс развития».

Таким образом, понятие этногенеза должно включать, видимо, не только начальный период зарождения, но и все последующие этапы формирования и развития этнической общности. Для этнической же общности характерно наличие устойчивых наглядных признаков, отграничивающих ее от других этнических общностей. Определение этих признаков — особая тема, выходящая за пределы тематики настоящей работы, отметим лишь главные из них: общность языка, культуры, этнического самосознания, особенности психических стереотипов, эндогамия и др.

Общая схема этногенеза обычно проходит следующие этапы: род — племя — союз племен — народность — народ — нация — интернациональная общность, имеющая тенденцию перерастать в новый этнос. Разумеется это только схема. В реальной истории, при смене основных этносов, возможны отступления к предшествующим этапам, тупиковые ситуации и т.д.

Мать История бывает вынуждена возобновить этногенические процессы, если и не с самого начала, то, во всяком случае, вернуться к некоторым из уже пройденных этапов.

Стадии развития этноса от формирования нации и более поздние целиком приходятся на периоды новой и новейшей истории и здесь археологические источники не играют практи-

чески никакой роли. В свою очередь самая ранняя стадия формирования этноса — род — не всегда может быть прослежена по материальной культуре, зачастую общей или сходной у ряда, иногда многих родов или более или менее прочных родовых объединений.

Таким образом, в сфере нашего внимания при постановке вопроса об использовании археологических источников для разработки проблемы формирования молдавского народа могут и должны быть следующие стадии развития этноса: племя — союз племен — народность — народ.

После этих предварительных замечаний, перейдем к конкретному рассмотрению этапов этногенеза молдавского народа, как они могут быть прослежены по данным археологии, а также письменным источникам.

Известно, что формирование молдавского народа завершилось в пределах Молдавского феодального княжества, т.е. в Карпато-Днестровских землях, на территории Западной Молдовы и Прутско-Днестровского междуречья, причем и общность территории и общность государственной принадлежности, по мнению ряда ученых, (Н.Н.Чебоксаров, С.А.Токарев, Г.В.Шелепов, Ю.В.Бромлей и др.) также являются одними из признаков этнической общности. Формирование же румынского народа завершилось в основном в пределах Валашского феодального княжества, т.е. в Карпато-Дунайских землях.

На рубеже бронзового и железного веков на обширных пространствах Юго-Восточной Европы, в пределах Балкано-Дунайских, Карпато-Дунайских и Днестровско-Карпатских земель сложилась фракийская этническая общность, из которой, на протяжении раннего железного века, на основе культуры фракийского гальштата в 550 — 300 гг. до н.э. начали формироваться северо- и южнофракийские культурные и этнические общности.

Северные фракийцы, как свидетельствуют письменные источники, в свою очередь делились на два больших основных межплеменных объединения — даков, населявших Карпаты и Прикарпатье, и гетов, обитавших на Дунайской равнине и в Днестровско-Карпатских землях. Письменные источники свидетельствуют о близком родстве гетов и даков, сходстве языка, обычаев и т.д., однако различают их, в том числе, например, по уровню социального развития.

Особенности материальной культуры гетов и даков, наряду с рядом сходных черт, четко прослеживаются на протяжении последних веков до н.э. и первого века н.э. по типам поселений, жилищам, различного рода изделиям и т.д., а также по различным культурным влияниям и включениям (Федоров, Полевой 1973: 107-154).

На территории будущего Молдавского княжества обитали только геты. На территории будущего Валашского княжества — геты и даки — по преимуществу, в Трансильвании — только даки. Таким образом, уже в последние века до н.э. и первом веке н.э. между обитателями будущих Молдавского и Валашского княжеств наряду со значительным сходством имеются и определенные этнокультурные различия. Эти различия, меняясь по характеру, становятся особенно сильными в последующий период — в период завоевания римлянами Дакии, существования римской провинции Дакии (106 — 271 гг.) и римской провинции Нижней Мезии, образованной в Добрудже, захваченной римлянами в середине I в. н.э. К римской провинции Нижняя Мезия на очень короткое время (всего 10 лет) отошли в начале II в. н.э. часть Мунтении и Южной Молдовы. К римской провинции Верхняя Мезия отошли Олтения и Банат. В дальнейшем Олтения, Трансильвания и Банат вошли в римскую провинцию Дакия. В Дакии, Верхней и Нижней Мезии произошла быстрая романизация населения, заселение провинций выходцами из других провинций и римскими ветеранами и колонистами, романизация языка, материальной и духовной культуры.

Таким образом, под властью римлян оказалась половина нынешней территории Румынии и большая часть будущего Валашского княжества. По всей территории этих римских провинций были возведены римские города, гражданские и оборонительные сооружения, проложены каменные дороги, возведены мосты, и т.п. Вся материальная культура приобрела провинциально-римский облик. Помимо того, что в пределы этих римских провинций были переселены большое количество римских ветеранов и колонистов, прежде всего в Дакию, большие массы местного населения были перемещены в другие отдаленные провинции, в центральные районы империи в качестве рабов и в составе вспомогательных войск. Таким образом, этнокультурный облик территории будущего Валашского княжества и Трансильвании коренным образом изменился в первые века н.э.

Совершенно иной была этнокультурная ситуация в Днестровско-Карпатских землях на территории будущего Молдавского княжества. Здесь не было никакой романизации, ни римских ветеранов, ни римских колонистов или администрации, не было ни римского лимеса, ни римских городов, лагерей, зданий и т.п., материальная культура совершенно не носила римского облика. Римские монеты и другие предметы, находимые в этом регионе, по ассортименту и количеству не превышают обычного объема для римского экспорта в соседние и даже отдаленные от римских провинций земли. Линии римских укреплений, ограждавшие римские провинции, располагались западнее будущей территории Молдавского княжества для провинции Дакия и южнее для провинции Нижняя Мезия (Федоров, Полевой 1973: 178-

184). Нижний Траянов вал в южной степной части Прутско-Днестровского междуречья был возведен и использовался лишь в период кратковременного пребывания римлян в южной Молдове в первой четверти II в. н.э. Здесь, в пределах будущего Молдавского феодального княжества (на востоке граница его располагалась вдоль Днестра, несколько восточнее его, на западе — вдоль Серета и значительно западнее его, на юге — доходила до Черного моря, на севере — до наибольшего сближения между Днестром, Прутом и Серетом, севернее линии Черновицы-Хотин), в период римской оккупации Дакии, Паннонии, Верхней и Нижней Мезии, господствовала материальная культура различных обитавших там «варварских» племен: полиэтничная т.н. черняховская культура, в которой отчетливо прослеживались, в меньшей степени славянские и готские элементы, а также собственно гетская, собственно сарматская и другие «варварские» материальные культуры.

После кризиса Римской империи и эвакуации римлянами Придунайских и Карпатских провинций в конце III — IV вв. н.э. и на территорию этих бывших провинций хлынули многочисленные «варварские» племена и этнокультурная ситуация снова изменилась.

Перед археологами, изучающими материальную и этническую историю Днестровских и Карпато-Дунайских земель в первой половине I тыс. н.э., встают два чрезвычайно важных вопроса:

1. Сопровождалась ли романизация Карпато-Дунайских земель полным вытеснением местного доримского населения?

2. Сохранилось ли после эвакуации этих провинций (Дакии — в 271 г. н.э.) в их пределах романизованное местное доримское население или оно целиком исчезло?

Письменные источники не содержат каких-либо данных по этому поводу. Однако выдающийся румынский археолог академик К.Дайковичу и созданная им Клужская школа археологов сумели ответить, по крайней мере, для территории Дакии, на оба эти вопроса:

1. В период романизации на территории Дакии сохранялось местное население, как подвергшееся романизации, так и сохранившее в основном свою традиционную северофракийскую культуру.

2. После эвакуации римлянами Дакии на ее территории сохранилось довольно значительное местное население, в том числе и романизованное. На ряде римских городов и других населенных пунктов, хотя и пришедших в упадок, жизнь продолжалась, существовали ремесла, сельское хозяйство и т.д., в определенной мере в материальной культуре, наряду с римскими возродились и прежние еще доримские традиции. Непрерывное обитание на территории Дакии местного населения, в том числе и романизованного дакийского, по археологическим источникам прослежено до гуннского нашествия, т.е. до середины V в. н.э. (Protase 1966; Федоров, Полевой 1973), наряду с поселениями и могильниками различных мигрировавших на эту территорию этносов: носителей черняховской культуры, восточных даков-карпов, германских племен готов, гепидов и лангобардов, а также сармат, аваров и т.д.

Сарматы, носители черняховской культуры, карпы и некоторые другие племена продвинулись на территорию Карпато-Дунайских земель именно с Днестровско-Карпатских земель и Дунайской равнины. Однако в Днестровских землях ни по письменным, ни по археологическим источникам не прослеживаются гепиды, лангобарды и ряд других германских племен. Зато и по письменным и по археологическим источникам здесь уже можно говорить о начале проникновения славян (Федоров 1960: гл.II, III). В целом этнокультурный облик Карпато-Дунайских и Карпато-Днестровских земель в первой половине первого тысячелетия н.э. имел весьма существенные отличия.

Ни письменные, ни археологические источники не содержат сколько-нибудь обширных данных о населении изучаемых регионов в V в. н.э., за исключением разве некоторых германо-дакийских могильников в Трансильвании. Вообще V в. н.э. изучен пока что совершенно недостаточно, что не может не сказаться и в исследовании этнокультурных процессов. Ничего не сообщают письменные источники и о судьбах местного романизованного фракийского населения вплоть до X в. Археологические же памятники позволяют судить об этом населении лишь до V в. н.э., а затем уже не просто романизованное, а восточнороманское население — новый этнос проявляется в материальной культуре Карпато-Дунайских и Карпато-Днестровских земель лишь с появлением Молдавского и Валашского княжеств.

Объяснение того, почему, хотя письменные источники уже с X в. сообщают о существовании восточнороманского населения — волохов, а их материальная культура, обладающая своими специфическими чертами, проявляется лишь на несколько столетий позже — в Молдавском и Валашском феодальных княжествах и в Трансильвании, содержится в предыдущей главе данной работы.

Как можно полагать, романизованное население бывшей римской провинции Дакии, под страшным давлением различных мигрирующих в эти регионы племен, было вынуждено укрыться в горах, в Западных и Центральных Карпатах, и основной отраслью хозяйства у него стало наиболее возможное в этих условиях скотоводство.

С VI в. н.э. многочисленные письменные, для VI — VII веков в основном византийские, и археологические источники позволяют судить

об этнической и культурной истории населения изучаемых регионов.

В VI — VII вв., как Карпато-Дунайские, так и Карпато-Днестровские земли были заселены славянами, на протяжении конца VI и VII вв. захватившими и большую часть Балканского полуострова. Славянская колонизация Карпато-Дунайских, Карпато-Днестровских и Балкано-Дунайских земель, значительной части Центральной и Юго-Восточной Европы имела очень большое значение для этнокультурной истории населения этих земель. Славяне, будучи земледельцами, прочно осваивали новые территории и принесли относительную экономическую, культурную и этническую стабилизацию, в частности, ассимилировав местное неславянское население — фракийское, сарматское и др., элементы культур которых вошли в славянскую культуру и удержались там на века (Федоров, Салманович 1964: 3).

В VI — VII вв. в культуре и этносе славянского населения на территориях Валашского и Молдавского княжеств прослеживается заметная разница. Для первого региона характерно господство славянской культуры пражско-корчакского типа, чисто славянского облика. Носителями этой культуры исследователи обычно считают склавен (славян), о которых сообщают византийские авторы VI — VII вв. Для второго региона, наряду с памятниками пражско-корчакского типа, характерны и даже в большем количестве памятники пражско-пеньковского типа, в которых, наряду с преобладающими славянскими, содержатся и некоторые элементы культуры местного дославянского ираноязычного населения (скифо-сарматского). Эту культуру ученые обычно связывают с упоминаемыми византийскими авторами VI — VII вв. славянскими племенами антов, которых они помещают восточнее склавен (Седов 1982: 5-28, карта с.11).

В последующий период — VIII — IX вв. — различие в этносе и культуре между населением двух изучаемых регионов еще более возрастает. В этот период уже произошло, сохранившееся и поныне, деление славян на три большие группы: южную, западную и восточную. Так вот, в первом регионе (будущая территория Валашского княжества) преобладают памятники южнославянские (культура I Болгарского царства), а на северо-западе региона встречаются и западнославянские. Во втором регионе (будущая территория Молдавского княжества) господствуют восточнославянские памятники типа Луки Райковецкой (Русанова, Тимощук 1981: 27-28).

В X — XI вв., судя по письменным источникам и по данным археологии, различия в этносе и культуре между двумя изучаемыми регионами продолжали возрастать, а ареалы их претерпевают некоторые изменения: значительная часть Карпато-Днестровских земель входит в границы Древнерусского государства, а население — в состав древнерусской народности. Возникают многочисленные гнезда поселений, в центре которых вырастают многочисленные раннефеодальные города с большими посадами. Города, где жили знать, ремесленники, торговцы и т.д., были носителями товарного производства, военными, административными, ремесленными и торговыми центрами сельской округи.

Материальная культура Карпато-Днестровских земель в этот период тесно связана с материальной культурой Древнерусского государства, хотя и имеет некоторые специфические черты, видимо — особенности летописных тиверцев, а затем и уличей, населявших эти земли. В результате наступления с юга, со стороны южнорусских степей кочевников (печенегов, торков, половцев и др.), захвативших степные пространства Днестровско-Бугского междуречья, значительную часть Нижнедунайской равнины и степную южную часть Прутско-Днестровского междуречья, и продвигавшихся далее на север, значительная часть древнерусских городов региона была разрушена, население частично отступило на север — на протяжении XI — XII вв. под защиту лесных массивов и Галицкого княжества. Однако восточнославянское население в регионе сохранилось, правда лишь как сельское и даже пополнялось за счет беженцев из Галицкого княжества т.н. «галицких выгонцев», о чем свидетельствует и специфическая галицкая керамика на ряде поселений изучаемого региона в XII — XIII вв. Как известно, по летописям, «галицкие выгонцы», собрав большое войско, проделали легендарный поход на ладьях вниз по Днестру до его устья, затем по Черному морю и Днепру, где они присоединились к основному русскому войску в 1223 году и сыграли свою роль в битве при Калке с татаро-монголами. Кроме того, судя по летописным данным, еще в XII в. киевские князья посылали своих посадников в земли Нижнего Подунавья.

В X в. в результате экспансии I Болгарского царства значительно расширились его границы и ареал специфической материальной культуры этого царства, в которой нашли отражение процессы ассимиляции славянами тюрко-болгар и создание славянской болгарской народности. Культура I Болгарского царства широко распространилась в Карпато-Дунайских землях, достигая на северо-западе Трансильвании, а на востоке степных районов Прутско-Днестровского междуречья, которое, возможно, вошло в границы этого царства. В конце X — начале XI вв. в результате разгрома I Болгарского царства Византией и печенегами, культура его прекращает существование на всем своем ареале. В пограничье между степью и лесостепью, в обширной контактной зоне между болгарской и древнерусской культурами в XII — XIII вв. и позже существуют своеобразные поселения со смешанной культурой: болгарской,

древнерусской и тюркской. Эта культура, видимо, отражала процесс оседания тюрок-кочевников на землю и перемешивание их с болгарами и древнерусским населением. Южная степная часть Карпато-Дунайских и Карпато-Днестровских земель на длительное время (XII — XIII вв.) становится зоной господства кочевников, в частности половцев, а затем и татаро-монгол. Любопытно, что членение на два этнокультурных комплекса — южный (степная часть Прутско-Днестровского междуречья) и северный (зона лесостепи), четко прослеживаемое уже в VIII — IX вв. и особенно ярко в X — XII вв., сохранилось и до настоящего времени, что указывает на стойкость этнокультурных традиций (Федоров, Салманович 1970: 55-65).

В X в. волохи впервые упоминаются в письменных источниках, и, судя по этим источникам, в XIII в. начинается их проникновение в Карпато-Дунайские земли (Мохов 1978), их широкое расселение и в Карпато-Днестровских землях. Как явствует из вышесказанного, к этому времени уже на протяжении многих столетий существовали и постепенно возрастали этнокультурные различия у населения этих двух регионов. Волохи, поселившиеся в Карпато-Днестровских землях, встретились здесь с остатками древнерусского населения, и в течение ряда веков они ассимилировали его, впитав от него многое в свой язык, материальную и духовную культуру. Волохи, расселившиеся в Карпато-Дунайских землях, ассимилировали южнославянское, болгарское население и кочевников, в свою очередь, восприняв элементы их материальной и духовной культуры. Ко времени образования Молдавского и Валашского феодальных княжеств, в рамках которых и завершилось образование молдавского и румынского народов, наряду, со значительным сходством в материальной и духовной культуре населения Молдавского и Валашского княжеств с самого начала их существования — с XIV в. н.э., прослеживаются и серьезные различия в материальной и духовной культуре, отражающие и различия в этносе и этническом субстрате. Проявления этих различий восходят к более ранним векам и на протяжении столетий происходило постепенное их наращивание.

Таким образом, наращивание различий в этносе, материальной и духовной культуре, приведшие в рамках Молдавского и Валашского княжеств к образованию молдавского и румынского народов — процесс длительный и сложный, включающий взаимные влияния, ассимиляцию различных этносов и т.д. Для полного и развернутого освещения сложнейших вопросов формирования молдавского и румынского народов необходимы координированные исследования историков, археологов, этнографов, филологов и ученых ряда других специальностей.

Приведем в заключение достаточно выразительную характеристику, данную С.Курнатовской в цитированной уже ее работе «Южные славяне», необъективному подходу к проблеме восточнороманского этногенеза в последних работах румынских археологов: «Интерпретация различных открытий (румынских археологов — Г.Ф.) затруднительна из-за наметившейся тенденции уменьшить роль славян в этногенезе румынского народа. Из этого проистекает вызывающая сомнения этническая атрибуция многих материалов и памятников этого периода» (Kurnatowska 1977: 14).

ЛИТЕРАТУРА

Ангелов Д. 1971. Образувание на българската народности. София.

Аурелиан П. 1962. Предварительные сведения с хронологией могильника в Пятра Фрекацей // Dacia, NS, VI, Bucureşti.

Бокшлов Ив. 1970. Култура Дриду и Първото Българското царство // Исторически Преглед, 4, София.

Бокшлов И.А. 1973. България и печенезите 1896 – 1018 // Исторически Преглед. София.

Бырня П.П. 1966. Сельские поселения Молдавии XV – XVII вв. Кишинев.

Бырня П.П., Рафалович И.А. 1979. Проблема местного поселения Днестровско-Прутского междуречья и Балкано-Дунайская культура // Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Итоги и перспективы исследований. М.

Въжарова Ж. 1973. Славяне и праболгары в связи с вопросом средиземноморской культуры // Славяните и средиземноморският свят VI – XI в. София.

Въжарова Ж. 1976. Славяни и пробългари по данни на некрополите от VI – XI вв. на територията на България. София

Златковская Т.Д. 1953. Племенной союз гетов под руководством Буребисты (I в. до н.э.) // ВДИ. N 2.

Златковская Т.Д. 1978. Исторические аспекты романизации балканских земель в античное время (к проблеме этногенеза влахов) // Славяно-волошские связи. Кишинев.

Колосовская Ю.К. 1957. О романизации Дакии // ВДИ. No 1.

Комнина Анна 1965. Алексиада. М.

Комша М. 1957. Некоторые исторические выводы в связи с несколькими археологическими памятниками VI – XII вв.н.э. на территории PHP // Dacia, NS, Vol.1. Buc.

Комша М. 1959. Курганный могильник с трупосожжением в Нушфалэу // Dacia, NS, III. Bucureşti.

Комша М. 1963. Новые сведения о расселении славян на территории PHP // Romanoslavica, IX. Bucureşti.

Комша М. 1970. Проникновение славян на территорию Румынской Народной Республики и их связи с автохтонным населением // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т.5.

Константинеску Н. 1962. Исследования в селе Коконь и вопрос о деревне в Валахии в XIV – XV

вв. // Dacia, NS, VI. Bucureşti.
Королюк В.Д. 1971 а. Волохи и славяне «Повести временных лет». // Советское славяноведение, №4.
Королюк В.Д. 1971 б. Влахи и славяне русской летописи. Кишинев.
Королюк В.Д. 1972 а. К вопросу о месте известия о волохах в «Повести временных лет» // Советское славяноведение, №1.
Королюк В.Д. 1972 б. Славяне, влахи, римляне и «римские пастухи» венгерского «Анонима» // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев.
Королюк В.Д. 1978. Пастушество у славян в I тыс. н.э. и перемещение их в Подунавье и на Балканы. Славяне и волохи. // Славяно-волошские связи. Кишинев.
Кругликова И.Т. 1955. Дакия в эпоху римской оккупации. М.
Литаврин Г.Г. 1972. Влахи византийских источников X – XIII вв. // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев.
Макря М. 1958. Славянский могильник в Сомешень // Dacia, NS, II. Bucureşti.
Матей М. 1960. Славянские поселения в Сучаве // Dacia, NS, IV. Bucureşti.
Милчев А. 1973. Формирование староболгарской культуры. // Славяните и средиземноморският свят VI – XI в. София.
Михайлов Ст.1969. Археологически извори на европейската цивилизация // Археология, София, XI, №1.
Морган Ж.Г. 1926. Доисторическое человечество. М.-Л.
Мохов Н.А. 1978. Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев.
Петрович Э. 1959. Славяно-болгарская топонимика на территории Румынской Народной Республики // Romanoslavica, I, Bucureşti.
Петрович Э. 1965. Географическое распределение славянских топонимов на территории Румынии // Romanoslavica, X, Bucureşti.
Плетнева С.А. 1967. От кочевий к городам. М.
ПВЛ 1950 – «Повесть временных лет». 1950. Т.1. М.-Л.
Полевой Л.Л. 1972. Формирование основных гипотез происхождения восточнороманских народностей Карпато-Дунайских земель // Юго-Восточная Европы в средние века. Кишинев.
Рикман Э.А. 1976. О романизации населения Карпато-Дунайских областей в первой половине I тыс. н.э. // Карпатский сборник. М.
Русанова И.П., Тимощук Б.А. 1981. Древнерусское Поднестровье. Ужгород.
Седов В.В. 1982. Восточные славяне в VI – XIII вв. Археология СССР. М.
Степи Евразии 1982 — Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.,1982.
Федоров Г.Б. 1960. Население Пруто-Днестровского междуречья в I тыс.н.э.// МИА, вып.89.
Федоров Г.Б. 1964. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1960 – 61 гг. // КСИА, Вып.99.
Федоров Г.Б. 1970. Древние славяне в Пруто-Днестровском междуречье. София.
Федоров Г.Б., Негруша В.М. 1979. Славяне и балкано-дунайская археологическая культура. // Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М.
Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. 1973. Археология Румынии. М.
Федоров Г.Б., Рошаль М.Г. 1973. Жилые и производственные сооружения древнерусского поселения Рудь // АИМ 1970–1971. Кишинев.
Федоров Г.Б., Салманович М.Я. 1964. Этническая и культурная история населения Юго-Запада СССР от начала железного века до XIX ст. М.
Федоров Г.Б., Салманович М.Я. 1970. Этнокультурные комплексы по данным материальной культуры (Исследования в Прутско-Днестровском междуречье). // Вестник Академии наук СССР, N8.
Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. 1974. Памятники древних славян (VI – XIII). АКМ, выпуск 6. Кишинев.
Хынку И.Г. 1966. Археологические памятники X – XIV вв. в Ганчештских и Оргеевских кодрах Молдавии. Кишинев.
Хынку И.Г. 1968. Памятники балкано-дунайской культуры X – XI вв. в лесостепной полосе Молдавии // Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев.
Хынку И.Г. 1969. Поселения XI – XIV вв. в Оргеевских Кодрах Молдавии. Кишинев.
Хынку И.Г. 1970. Балкано-Дунайская культура // Молдавская энциклопедия, Т.1. Кишинев.
Хынку И.Г. 1971. Балкано-Дунайская культура лесостепной Молдавии X – XIV вв. и ее этнокультурный состав // Очерки материальной культуры Молдавии. Кишинев.
Хынку И.Г. 1976. Этнические черты в жилищах населения Молдавии IX – XI вв. // Балканские исследования. М.
Шушарин В.П. 1961. Русско-венгерские отношения в IX в. // Международные связи России до XVII в. М.
Шушарин В.П. 1972. Этническая история Восточного Прикарпатья в IX – XII вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев.
Ambrojevici C., Popovici R. 1945. Zur Vorgeschichteichen mittelalterlichen. Vergangenheit des Bezirkes Dorohoi // Dacia, IX – X. Bucureşti.
Andronic A. 1961. Contribuţii arheologice la istoricul oraşului Iaşi in perioada feudală // Arheologia Moldovei, I, Buc.
Aurelian P. 1964. Cîteva mărturii ale culturii Sîntana de Mureş-Cerniahov în Schytia Minor // SCIV, 15, №1. Bucureşti.
Bako C. 1962 a. Elementele slave în necropola de la Bandu de Cîmpie // SCIV, XIII, Buc.
Bako G. 1962 b. Încă o mărturie cu privire la dominaţia primului stat Bulgar la Nord de Dunăre // SCIV, 13, №2. Bucureşti.
Barnea I. 1962. Ceramica din cariera de cretă de la Basarabi (reg.Dobrogea) // SCIV, 13, №2. Bucureşti.
Berciu D., Berciu I. 1937. Antichităţi medievale in Oltenia // Buletinul Comisiunii monumentelor istorice. Buc. T.XXX.
Coman Gh. 1969 a. Cercetări arheologice cu privire la secolele V – XI în sudul Moldovei // Arheologia Moldovei, VI.
Coman G. 1969 b. Cercetări arheologice în sudul Moldovei cu privire la secolele V – XI // SCIV,20, №2. Bucureşti.
Coman Gh. 1971. Evoluţia culturii materiale din Moldova de Sud în lumina cercetărilor arheologice cu privire la secolele V – XIII // Memoria Antiquitatis, III, Piatra-Neamţ.
Comşa M. 1958. Slavii de răsărit pe teritoriul RPR şi pătrunderea elementului romanic in Moldova pe baza datelor arheologice // SCIV, IX, №1.Bucureşti.
Comşa M. 1959 a. Săpăturile de la Bucov // Materiale şi

cercetări arheologice, V. Bucureşti.
Comşa M. 1959 b. Slavii pe teritoriul RPR în secolele VI – IX în lumina cercetărilor arheologice // SCIV, X, №1. Bucureşti.
Comşa M. 1959 c. Contribuţii la cunoaşterea culturii străromâne în lumina săpăturilor de la Bucov (r. şi reg. Ploieşti) // SCIV, X, 1, Bucureşti.
Comşa M. 1960 a. Die bulgarische Herrschaft nördlich der Donau während des IX und X Jh. im Lichte der archäologischen Forschungen // Dacia, NS, IV, Bucureşti.
Comşa M. 1960 b. Discuţii în legătură cu pătrunderea şi aşezarea slavilor pe teritoriul RPR // SCIV, XI, №1. Bucureşti.
Comşa M. 1960 c. Săpăturile de la Bucov // Materiale şi cercetari arheologice, VI. Bucureşti.
Comşa M. 1961. Săpăturile de la Bucov // Materiale şi cercetări arheologice, VII. Bucureşti.
Comşa M. 1962. Problema genezei şi evoluţiei culturii balcano-dunărene (Dridi) în sec.IX – XI. Raport prezentat la Seminarul romano-bulgar din 1962. Bucureşti.
Comşa M. 1963. Cu privire la evoluţia culturii Balcano-Dunărene in sec.IX – XI // SCIV, XIV. Bucureşti.
Comşa M. 1968. Sur l'origine et sur le territoire de la civilisation protoroumaine aux VI – X siècles sur le territoire de la Roumanie // Dacia, NS, XII. Bucureşti.
Comşa M. 1978. Cultura materială veche românească (Aşezările din secolele VIII – X le la Bucov – Ploieşti). Bucureşti.
Constantinescu N. 1969. Note arheologice şi istorice asupra Curţii feudale de la Tîrgşor (sec. XV – XVII) // SCIV, 20, №1. Bucureşti.
Constantiniu M. 1966. Elemente romano-bizantine în cultura materială a populaţiei autohtone din partea centrală a Munteniei în sec. VI – VII // SCIV, 17, №4. Bucureşti.
Daicoviciu C. 1968. Originea poporului Român dupa cele mai noi cercetări // Unitate şi continuitate în istoria poporului român. Buc.
Daicoviciu C., Petrovici E., Ştefan Gh. 1965. La formation du peuple roumain et sa langue. Bucureşti.
Dankanits A., Ferenczi I. 1959. Săpăturile arheologice de la Ciumbrud // Materiale şi cercetări arheologice, VI. Bucureşti.
Diaconu Gh. 1965. Tîrguşor – necropola din secolele III – IV e.n. Bucureşti.
Diaconu Gh., Constantinescu N. 1960. Cetatea Scheia. Bucureşti.
Diaconu Gh., Diaconu P. 1963. Un mormînt de călăreţi nomazi din sec. XI – XII descoperit la Moviliţă (r. Urziceni, reg. Bucureşti) // SCIV, XIV, №1. Bucureşti.
Diaconu P. 1965. Din nou despre valul de piatră din Dobrogea şi nota toparhului grec (partea 1) // SCIV, 16, №1. Bucureşti.
Dolinescu-Ferche S. 1967. Un complex din sec. al VI-lea e.n. la Sfînteşti // SCIV,18. Bucureşti.
Dolinescu-Ferche S. 1969. Cuptor de ars oale din secolul al VI-lea e.n. la Dulceanca // SCIV, 20. Bucureşti.
Draganu N. 1933. Românii in veacurile IX – XIV pe baza toponimicii şi onomasticii. – Bucureşti.
Geza B. 1971. Autohtoni şi migratori la Tîrgşor în secolul al IV-lea e.n. // SCIV, 22, №1. Bucureşti.
Giurescu C. 1967. Tîrguri sau oraşe şi cetăţi moldovene. Buc.
Hilczerowna S. 1970. Le probleme de la civilisation de Dridu (Remarques polémiques) // Slavia Antiqua, Warszawa – Poznań, XVII.
Horedt K. 1951. Ceramica slavă din Transilvania // SCIV, II, Buc.
Horedt K. 1958. Contribuţii la istoria Transilvaniei (sec.VII-XIII). Bucureşti.
Istoria României 1960. Bucureşti. Vol. 1.
Istoria României 1962. Bucureşti. Vol.2.
Kurnatowska Z. 1977. Słowiańszczyzna Poludniowa. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk.
Macrea M. 1959a. Şantierul arheologic Someşeni-Cluj // Materiale şi cercetări arheologice, VI. Bucureşti.
Macrea M 1959b. Necropola slavă de la Someşeni // Materiale şi cercetări arheologice, V. Bucureşti.
Marghitan I. 1965. Morminte din epoca feudală timpurie descoperite la Seitin // SCIV, 16, №3. Bucureşti.
Matei M. 1959. Contribuţii la cunoaşterea ceramicii slave de la Suceava // SCIV, X, №2. Bucureşti.
Matei M. 1963. Contribuţii arheologice de la istoria oraşului Suceava. Buc.
Matei M. 1962. Die slavischen Siedlungen von Suceava (Nordmoldau, Rumänien) // SIA, X, №1.
Matei M. 1970. Studii de istorie orăşenească medievală (Moldova sec. XIV – XVI). Suceava.
Mitrea B. 1967. Unele probleme în legatură cu necropola prefeudală de Izvorul (r. Giurgiu) // SCIV, 18, №3. Bucureşti.
Mitrea B. şi col. 1954. Şantierul Suceava — Cetatea Neamţului // SCIV, V, №1 – 2. Bucureşti.
Mitrea B., Preda C. 1959. Săpăturile de salvare de la Alexandria // Materiale şi cercetări arheologice, V. Bucureşti.
Mitrea I. 1972. Contribuţii la cunoaşterea culturii Dridu din regiunea dintre Carpaţi şi Siret a Moldovei // Carpica. Bacău.
Morints S., Ionescu B. 1968. Cercetări arheologice în împrejurimile oraşului Oltenita (1958 – 1967) // SCIV, 19, №1. Bucureşti.
Nestor I. 1953. Şantierul Sărata-Monteoru // SCIV, . V, №1 – 2. Buc.
Nestor I. 1957. La necropole slave d'époque ancienne de Sărata-Monteoru // Dacia, NS. Bucureşti, p.289-325.
Nestor I. 1958. Contributions archéologiques au problème des proto-Roumains. La civilisation de Dridu // Dacia, NS, Vol. II. Bucureşti.
Nestor I. 1959. Slavii pe teritoriul RPR în lumina documentelor arheologice // SCIV, X, №1. Bucureşti.
Nestor I. 1960. Principalele realizări ale arheologiei româneşti în anii regimului democrat popular // SCIV, XI, №1. Bucureşti.
Nestor I. 1961. La necropole slave d'époque ancienne de Sărata-Monteoru // Dacia, NS, Vol. V, Buc.
Nestor I. 1962. Arheologia perioadei de trecere la feudalizm pe teritoriul RPR // Studii. Revista de istorie, XV, N 6, Buc.
Nestor I. 1964. Les données archéologiques et le problème de la formation du peuple roumain // Revue roumaine d'histoire. №3, Buc.
Nestor I. 1969. Continuitatea în istoria formării poporului român // Magazin istoric. №3, Buc.
Nestor I. 1970. Continuitatea în istoria formării poporului român (sub red. lui A.Otetea) // Istoria poporului român. Buc.
Nestor I. 1973. Autochtones et les slaves en Roumaine // Les slaves et le monde Méditerrannéen en VI – XI siècles. Sofia.
Nestor I., Zaharia E. Şantierul arheologic Sărata-Monteoru // SCIV, VI, №3 – 4. Bucureşti.
Nestor I., Zaharia E. 1957. Săpăturile de la Sărata-Monteoru din 1955 (reg.Ploieşti, r.Buzău) // Materiale şi cercetări arheologice, IV, Bucureşti.
Nestor I., Zaharia E. 1959. Săpăturile de la Sărata-

Monteoru // Materiale şi cercetări arheologice, V, Buc.
Nestor I., Zaharia E. 1959. Săpăturile la Sărata-Monteoru // Materiale şi cercetări arheologice, VI, Buc.
Nestor I., Zaharia E. 1959 a. Sondajele de la Dridu (or. Urziceni, reg. Ploieşti) // Materiale şi cercetări arheologice, V. Bucureşti.
Nestor I., Zaharia E. 1959 b. Săpăturile de la Dridu // Materiale şi cercetări arheologice, VI.. Bucureşti.
Nestor I., Zaharia E. 1960. Săpăturile de la Dridu // Materiale şi cercetări arheologice, VII. Bucureşti.
Nestor I., Zaharia E. 1960. Săpăturile de la Sărata-Monteoru. // Materiale şi cercetări arheologice, VII, Buc.
Nițu A., Teodor D. 1959. Raport asupra sondajului din aşezarea prefeudală de la Spinoasa // Materiale şi cercetări arheologice, V, Buc.
Nițu A., Zaharia E., Teodor D. 1960. Sondajul din 1957 de la Spinoasa-Erbiceni // Materiale şi cercetări arheologice, VI, Buc.
Panaitescu P. 1971. Cercetări arheologice a culturii materiale din Țara Românească în sec. al XIV-lea // SCIV, 22, №2. Bucureşti.
Petrescu-Dîmboviţa M. şi col. 1953. Şantierul Hlincea – Iaşi // SCIV, IV, №1 – 2. Bucureşti.
Petrescu-Dîmboviţa M. şi col. 1954. Şantierul arheologic Hlincea – Iaşi // SCIV, V, №1 – 2. Bucureşti.
Petrescu-Dîmboviţa M. 1954. Rezultatele ultimelor cercetări ale arheologilor sovietici cu privire la aşezările de tip Romen-Borşeva şi importanța lor pentru arheologia RPR // SCIV, V, №3 – 4. Bucureşti.
Petrescu-Dîmboviţa M. 1958. Slawische Siedlungen in Moldaugebiet Rumäniens. // Slovenska Archeologia, Bratislava, VI, №1.
Petrescu-Dîmboviţa M., Nițu A., Zaharia E., Dinu M. 1955. Şantierul arheologic Hlincea – Iaşi // SCIV, VI, №3 – 4. Bucureşti.
Petrovici E. 1960. Toponimice slave de Est pe teritoriul Republicii Populare Române // Romanoslavica, IV, Bucureşti.
Philipide A. 1930. Originea Românilor. – Iaşi. – T.1.
Protase D. 1966. Problema continuității în Dacia în lumina arheologiei şi numizmaticii. Bucureşti.
Rosetti D.V. 1934. Siedlungen der Kaiserzeit und der Völkerwänderungszeit bei Bucarest // Germania, Berlin.
Sulsar F.I. 1781 – 1782. Geschichte der transalpinischen Daciesien
Ştefan Gh. 1968. Le problème de la continuité sur le territoire de la Dacia // Dacia, NS, XII. Buc.
Ştefan Gh., Barnea I., Comşa M., Comşa E. 1967. Dinogeția, I, Bucureşti.
Teodor D. Gh. 1963. Cîteva observații în legătură cu căldările de lut descoperite la Raducăneni (r.Huşi, reg. Iaşi) // SCIV, XIV, №1. Bucureşti.
Teodor D.Gh. 1968. Contribuții la cunoaşterea culturii Dridu pe teritoriul Moldovei // SCIV, 19, №2. Bucureşti.
Teodor D.Gh. 1973. Apartenența etnică a culturii Dridu // Cercetări istorice, NS, Iaşi.
Teodor D. Gh. 1980. Elemente şi influențe bizantine în Moldova în secolele VI – XI // SCIV, 21, №1. Bucureşti.
Teodorescu V. 1964. Despre cultura Ipoteşti-Cîndeşti în lumina cercetărilor din Nord-Estul Munteniei (regiunea Ploieşti) // SCIV, 15, №4. Bucureşti.
Thurman I. 1774. Untersuchungen über die Geschichte der ostlichen europäischen Völker. Leipzig.
Vîlceanu D. 1963. Cu privire la data de început a cetății de la Păcuiul lui Soare (r. Adamclisi) // SCIV, 14, №1. Bucureşti.
Zaharia E. 1967. Săpăturile de la Dridu. Contribuția la arheologia şi istoria perioadei de formare a poporului român. Bucureşti.
Zaharia E. 1969. Cîteva observații despre arheologia şi istoria secolelor VII – X pe teritoriul RS Română // Aluta.1.
Zaharia E. 1971. Données sur l'archéologie des VI – X siècles sur le territoire de la Roumanie. La culture de Bratei et la culture de Dridu // Dacia, NS, XV. Buc.
Zaharia N. 1955. Recunoaşteri arheologice executate la Iaşi, în anul 1953 în cuprinsul Moldovei // SCIV, VI, №1 – 2. Bucureşti.
Zaharia N., Petrescu-Dîmboviţa M., Zaharia E. 1970. Aşezări din Moldova de la paleolitic pînă în secolul al XVIII-lea. Buc.
Zirra V. 1959. Cercetări feudale timpurii la Ileana-Poduri // Materiale şi cercetări arheologice, V. Bucureşti.

НЕСЛАВЯНСКИЕ НАЧАЛА

М.Б.Щукин

ЗАБЫТЫЕ БАСТАРНЫ

Памяти Ксаны Каспаровой

M.B.Shchukin. The Forgotten Bastarnae.

The article is dedicated to analysis of origin and fate of the Bastarnae tribe. The first part of the work determines the range of written and epigraphic records about Bastarnae and reviews chronology of the historical events connected with their activity. The first one to mention the name of this nation was Pompeius Trogus in 229-233 B. C. Yet he was not specific in locating the movement of the Bastarnae marked by him. Messages left by Demetrius from Callatis, Titus Livius, Paulus Orosius, Appian and Strabo allow a better localisation of various groups of the Bastarnae in Northern Black Sea region in II-I centuries B. C.: from the mouth of Danube and Eastern Carpathian region to the Dniepr River. Their localisation somewhat changes at the end of B.C. beginning of A.D. according to the written records. Tacitus, Pliny, later Ptolemaeus and others placed the Bastarnae in the Northern Carpathian region. The ancient authors ethnically identify the Bastarnae with Celts, Germans, Thracians and even Sarmatians. The second half of the work analyses a possibility to archaeologically identify the Bastarnae of II-I centuries B.C. Parallels are drawn between Poienesti-Lucasevca and Zarubintsy cultures and the Bastarnae. The image of both the cultures differs very much of the local ones, finding at the same time direct analogues in the cultures of Elbe-Oder region. The Poienesti-Lucasevca sites cease in the middle of the I century B.C., probably due to Eastern raids of Getic king Burebista. Only a few sites of the same culture (Bucovina and Middle Dniester regions) continued existing in I century A.D. (Bernasevca, Velikaya Slobodka, Rudi). Zarubintsy culture stopped developing approximately in the middle of the I century A.D. Its fall is explained by the activity of Sarmatians who penetrated into the Ukrainian forest and steppe regions. Affected by such circumstances, Zarubintsy culture is transformed into post-Zarubintsy culture situated outside of its previous areal (Desna river, Bryansk woods, left tributaries of the Dniepr Seim and Lokhati, Snovsk and Upper Lokhati regions). Most likely the Northern-Eastern part of this new cultural formation of the Bastarnae was called later the Veneti by Pliny and Tacitus afterwards. At the same time, part of Zarubintsy population migrates to the West, to the region of the Upper Dniester and Western Bug, where Zubra group of sites is formed. This very group which existed till the III century A.D. can be related to the late Bastarnae mentioned in the epitaph of Plautius Silvanus and later among the members of Gothi raids of 248 and 269 years. Further forced migration of one hundred thousand Bastarnae (230) into the Roman Empire possibly did not consume the demographic potential of the great nation and the remaining Bastarnae participated in a complicated ethnogenesis of the early medieval peoples, Slavs first of all.

В этно-политических реконструкциях древней истории исследователи подчас забывают о возможности существования неких племен и народов, языки которых, при отсутствии письменности, или не дошли до нас полностью, растворившись, как и материальная культура этих этносов, в последующих этно-культурных образованиях, или сохранились лишь в виде неких трудноуловимых и сомнительных реликтов. К числу таковых относятся и свидетельства источников о бастарнах.

Современные историки и археологи, реконструируя древнюю историю Северного Причерноморья, сравнительно редко и мало говорят о бастарнах, почти нет работ, специально им посвященных, а широкой публике это имя практически не известно. Можно проверить: спросите соседей, пусть даже весьма интеллигентных и интеллектуальных, что они знают о бастарнах? Вряд ли они скажут что-нибудь определенное. Почему-то этот народ оказался забытым.

А между тем, если внимательно читать пусть и не очень богатые информацией источники, получается, что народ этот был достаточно многочисленным, заселявшим довольно обширные пространства и игравшим весьма заметную роль в истории региона.

Клавдий Птолемей, знаменитый географ II в. н.э., называет их как один их великих народов, населявших, наряду с сарматами и венедами, «Европейскую Сарматию», под которой он понимал всю территорию между Вислой и Доном, Балтикой и Черным морем. (Ptol. Geogr. III, 5). Они — активные участники событий 62 г. н.э., упомянутых в эпитафии наместника Мезии Плавтия Сильвана, воевавшего тогда против сарматов и скифов (CIL XIV, 3608; Щукин 1994: 215-216). Весьма заметны они и в предшествующие столетия, составляя одну из ведущих политических сил периода.

Рассмотрим, однако, имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства письменных и археологических источников более детально.

© М.Б.Щукин, 1999.

1. Свидетельства древних авторов и эпиграфики

Впервые имя бастарнов появляется на страницах истории в интервале 233-229 гг до н.э. Римский историк начала I в. н.э. Помпей Трог, написавший труд, посвященный римско-македонским конфликтам и войнам III-II вв. до н.э. упоминает, что какие-то «передвижения бастарнов» имели место в период между убийством царицы Эпира Лаодики в 233 г. и смертью македонского царя Деметрия в 229 г. (Trog. Proleg. XXVIII, 1). Из текста, правда, не ясно, где эти «передвижения» происходили: на Балканах или на каких-то других территориях. Читателям Трога это было, очевидно, хорошо известно и писатель не счел нужным уточнять.

Но вскоре бастарны были достаточно точно локализованы в Низовьях Дуная. Деметрий из Каллатиса, то есть сам житель этого региона, около 216 г. до н.э. помещает их здесь как «бастарнов-пришельцев». Известие дошло до нас до нас в передаче некоего Псевдо-Скимна (Ps.Scimn, 797).

Довольно много о бастарнах рассказано и у Тита Ливия (Liv. XL. 5, 10; 57, 4-5,8; 58, 8; XLIV. 26, 2-3, 14; 27, 3;). История следующая: как известно, в 197 г. до н.э. царь Македонии Филипп V потерпел жесточайшее поражение от римлян в битве при Киноскефалах и был вынужден отдать весь флот, уплатить огромную контрибуцию, сократить армию до 5 тысяч. Филипп жаждал реванша, а, поскольку его договор с Римом никак не оговаривал использование наемников, третей силы, то царь Македонии и решил этим воспользоваться. Вот тогда-то, в 182-179 гг., он и послал послов к бастарнам, призывая их войско якобы на войну против племени дарданов, а на самом деле надеясь, наверное, использовать их силы против Рима.

Прибыло ответное посольство из знатных юношей и лиц царского рода. Сестру одного из них обещали выдать за сына Филиппа. «Союз с этим племенем вызвал в царе подъем духа» (Liv. XL, 5,10).

Из Нижнего Подунавья в Македонию бастарны должны были двигаться через Фракию, и Филипп договорился с фракийцами о беспрепятственном пропуске войск и об их снабжении.

Но не успели бастарны добраться до Македонии, как Филипп неожиданно умер и многие договоренности, очевидно, утратили силу. Между фракийцами и бастарнами начались недоразумения. Большая часть последних вернулась обратно, лишь 30-тысячный отряд Клондика достиг Македонии и воевал некоторое время с дарданами. В 175 г. до н.э. бастарны предприняли еще одну попытку вторгнуться на Балканы, но экспедиция буквально провалилась на тонком льду Дуная. Множество бастарнов погибло. Этого эпизода нет у Тита Ливия, но он описан у автора рубежа IV-V вв. Павла Орозия (Oros. IV, 20, 34).

Наконец, в 168 году до н.э., когда Персей, сын Филиппа, уже четвертый год безуспешно воевал с римлянами, он снова прибег к помощи бастарнов. Прибыл тот же Клондик с 20-тысячным отрядом, но потребовал непомерной платы: по 5 золотых каждому пешему воину, по десять — коннику и по 1000 — вождям. Персей платить отказался, был разбит римлянами и пленен. Вместе с ним попала в Рим и знаменитая библиотека Персея. Бастарны же, опустошив по дороге Фракию, вернулись обратно. Есть некоторые основания думать, что, направляясь в Македонию, Клондик двигался через Трансильванию (Shchukin 1989: 72).

Сходный до мельчайших деталей сюжет имеется и у историка II в. Аппиана (Ткачук 1998), только Клондик назван Клойлием а бастарны-галлы Ливия — гетами (App. XVIII.II; XV. III).

Где-то в пределах того же интервала 179-168 гг. происходит, вероятно, столкновение бастарнов и царя даков Орола, печальное для последних (Ткачук 1998: 74-76).

Из ряда письменных и эпиграфических источников нам известно также, что в течение I в. до н.э. они были постоянными союзниками греческих городов западного побережья Черного моря (Блаватская 1952: 135-157), входили в Циркумпонтийский Союз, созданный Митридатом Евпатором, воевали на его стороне против Рима (App. Mithr. XV, 69, 72).

Знаем мы также, что в 29 г. до н.э. бастарны вместе с семьями пытались перейти Дунай, но были отбиты наместником Македонии, сыном знаменитого триумвира, носившим то же имя — Марком Лицинием Крассом. Последний совершил и карательный рейд за Дунай (Dio Cass. LI, 23-25).

Где же были основные места обитания бастарнов, этого народа, игравшего столь заметную роль в упомянутых событиях? Об этом с достаточной точностью извещает Страбон (Strabo, VII, 3,17). Он описывает сначала морское побережье между устьями Истра-Дуная и Борисфена-Днепра, затем население степной зоны, сарматские племена язугов, сарматов царских (возможно, саев декрета Протогена — М.Щ.) и каких-то ургов, а далее пишет: «В глубине материка обитают бастарны, быть может тоже германская народность, и делятся они на несколько племен, одни из них называются атмонами, другие — сидонами; те, что владеют Певкой, островом на Истре, носят название певкинов, а самые северные, обитающие на равнинах между Танаисом и Борисфеном — роксоланов».

Исследователей часто смущала концовка

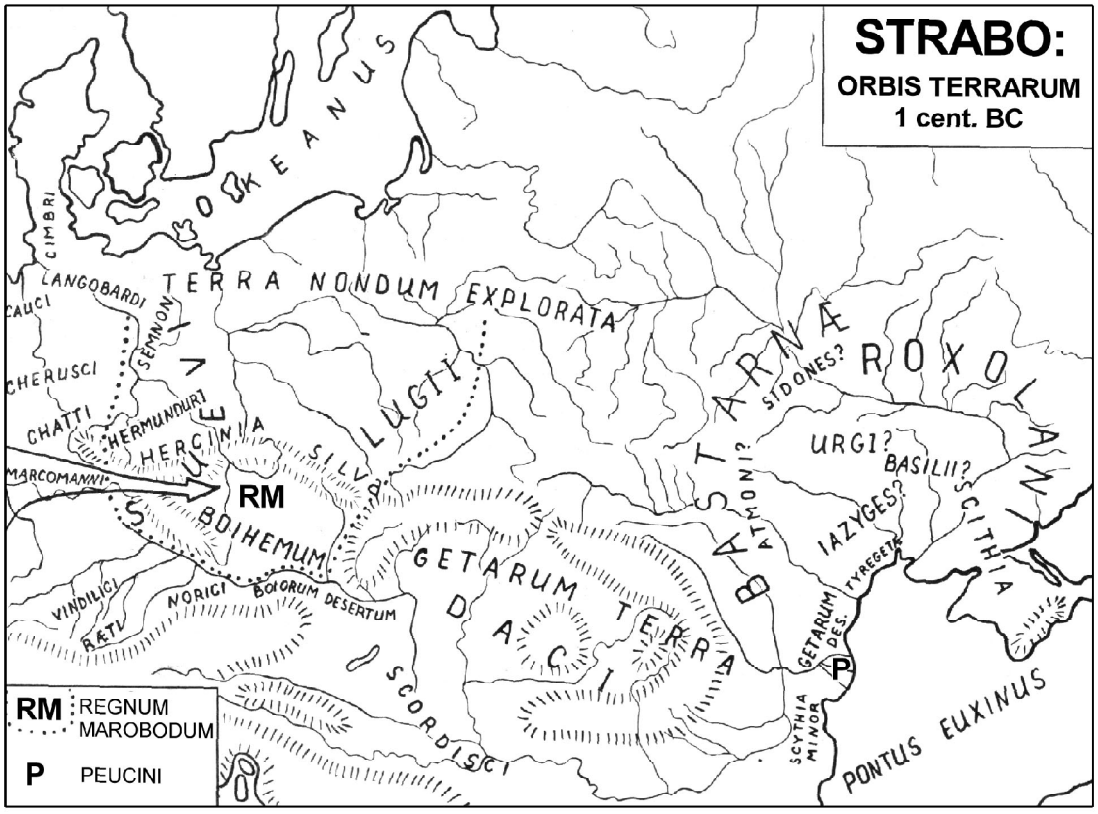

Рис. 1. Карта расселения племен по Страбону.

этого пассажа: сарматы-роксоланы оказываются частью бастарнов. Но этому есть объяснение (Мачинский 1974: 26; Shchukin 1989: 236-237). Основной пласт информации Страбона относится ко времени Митридата Евпатора, к рубежу II-I вв. до н.э., когда и бастарны, и роксоланы входили в политическую систему, созданную Митридатом. Не исключено, что и между ними существовало определенное политическое соглашение. Информаторами Страбона это политическое единение могло восприниматься как единство этническое.

Остальное же в тексте Страбона достаточно прозрачно: бастарны обитали в лесостепной полосе Северного Причерноморья от острова Певки в дельте Дуная, в лесистом массиве Кодр центральной Молдовы и далее в лесостепной Украине вплоть до Днепра. За Днепром — земли союзных им роксолан. (Рис.1).

В I в. н.э. бастарнов-певкинов знают и Тацит, и Плиний. Первый отмечает при этом, что они «обезображены браками с сарматками» (Tac. Germ. 46). Второй называет их одной из пяти крупных группировок германских племен и размещает, как можно понять, к востоку и северо-востоку от Карпатской дуги (Щукин 1994: 227-232; Shchukin 1989: 276-285). Поскольку этот пассаж Плиния весьма важен, следует привести его полностью: «В целом к северу от Истра все племена скифские, однако места, примыкающие к побережью, заняли разные народы; в одних находятся геты, которых римляне называют даками; в других сарматы или по-гречески савроматы (в их числе гамаксобии или аорсы), в третьих — выродившиеся и произошедшие от рабов скифы или троглодиты и затем — аланы и роксоланы. Выше между Дунаем и Геркинским лесом вплоть до Паннонских зимних стоянок и тех мест, где граница германцев, поля и равнины занимают сарматы-языги, а горы и леса до реки Патисс — изгнанные ими даки. От Мара или Дурии идет граница между свевами, царством Ванния и вышеназванными племенами: области, расположенные за ними, занимают бастарны, а дальше другие германцы» (Plin. H.N. IV, 80-81).

Ключ к пониманию этого отрывка содержится в следующем абзаце: «Весь этот путь от Истра к Океану имеет длину, согласно сообщению Агриппы, две тысячи миль, а в ширину от пустынь Сарматии до реки Вистулы (Вислы) — четыреста четыре мили» (Plin. H.N. IV, 81).

Плиний для ориентировки читателя ссылается здесь на хорошо известную римлянам карту ойкумены, составленную на основе различных итинериариев по указанию Августа его зятем Агриппой и выставленную для всеобщего обозрения в специально построенном здании. На ней, вероятно, был обозначен и торговый путь, ведший от низовий Дуная (Истра) вверх по течению до зимней стоянки легионов в Карнунтуме на Среднем Дунае (Данувии). В Карнунтуме этот

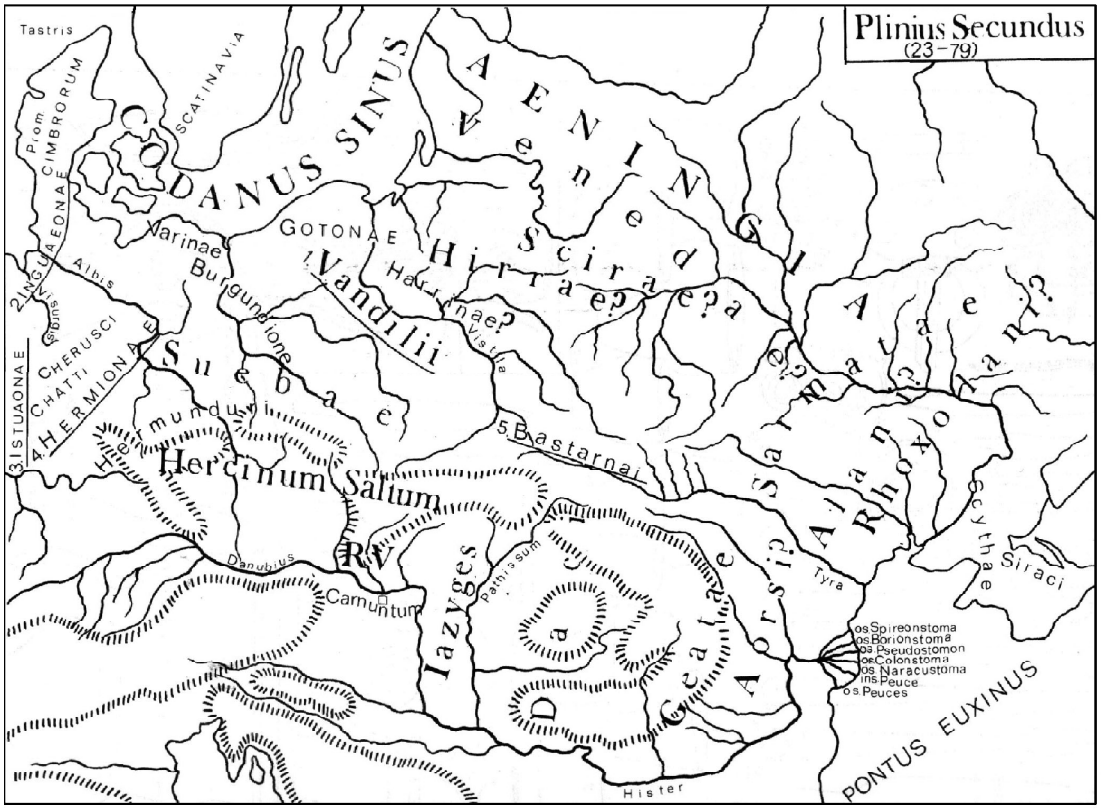

Рис. 2. Этнокарта по Плинию Старшему.

путь пересекался с магистральным «янтарным путем», ведшим из Аквилеи на Адриатике в Прибалтику (Spekke 1957; Wielowiejski 1980). Ориентируясь на этот путь от Истра к Океану, Плиний и строит свое описание, но уже не времен Августа, а современное ему.

Ситуацию же в Прикарпатье и в Причерноморье писатель должен был бы знать достаточно хорошо, поскольку приятельствовал с наместниками Мезии Флавием Сабином и Плавтием Сильваном и беседовал с жившим в Риме плененным боспорским царем Митридатом VIII (Скржинская 1977). Они же должны были быть людьми осведомленными в силу их должностей.

Примечательно также то, что в предшествующем пассаже (Plin. H.N. IV. 75) описывая подробно устье Дуная, называя все шесть его гирл и острова между ними, включая о. Певку, Плиний ничего не говорит об обитающих там певкинах, известных Страбону. Ко времени Плиния их, очевидно, в низовьях Дуная уже не было. Последователь Плиния Тацит употребляет термин «певкины» как обобщающее имя бастарнов — «певкины, называемые бастарнами» (Tac. Germ. 43).

Описав ситуацию в Причерноморье, Плиний следует вверх по течению Дуная, поэтому следующее предложение он и начинает со слова «выше», а Дунай называет Данувием, а не Истром. Название менялось в районе Железных ворот, где река «приближается к Иллирику» (Plin. H.N. IV, 75). Таким образом, описывается район между Дунаем до Карнунтума и поречьем Тиссы вплоть до ее верховий. Действительно, во времена Плиния равнины (Альфельд) здесь занимали языги, а горные районы — «вольные даки», что подтверждается и археологически. В верховьях Тиссы раскопано дакийское городище Малая Копаня (Котигорошко 1981; Котигорошко 1983). В верхнем течении Тисса протекает через земли кельто-дакийской земплинской культуры, а с севера к ней примыкает так называемая пуховская культура, тоже содержащая дакийские элементы (Collis 1972; Pieta 1982). Возможно, все это население информаторы Плиния воспринимали как даков.

Тогда становится понятным и следующее предложение текста Плиния. Речь идет о северной границе региона. Царство Ванния размещалось, как известно (Dobial 1960), между Марой (Моравой) и Дуром (Гроном или Вагом,) и с севера за горами начиналась область лугиев, входивших в состав Германии-Свевии (Tac. Germ. 43). Таким образом, Свевия граничила и с царством Ванния, и с «вышеназванными племенами» — языгами и даками. Поскольку северная граница описывается Плинием с запада на восток, то «областями, расположенными за ними» (за «вышеназванными племенами»), оказываются земли северо-восточного Прикарпатья — Верхнее Поднестровье, Львовщина, возможно, часть Посанья (рис.2). Здесь и должны были бы размещаться бастарны. «Далее (следует, очевидно, понимать — при дальней-

шем продвижении по янтарному пути) — другие германцы», то есть опять же многочисленные племена лугиев-свевов, перечисленные затем Тацитом.

Информация обоих писателей восходит, очевидно, к 40-70 годам н.э. Митридат VIII был пленен в 49 г. н. э., а наместник Мезии Плавтий Сильван имел дело с бастарнами, судя по его эпитафии (CIL. XIV, 3608; перевод по Г.С. Кнабе 1981: 48), либо накануне его акции 62 г. н.э. против «поднявших волнения» сарматов и осадивших Херсонес скифов, либо во время этого сухопутно-морского похода римских войск вдоль побережья Черного моря от низовий Дуная до Херсонеса в Крыму (Щукин 1994: 215-218). Во всяком случае, именно тогда он «возвратил царям бастарнов и роксоланов их сыновей, а царю даков — братьев, взятых ранее в плен или захваченных врагами».

Во II в. н.э., как уже упоминалось, по данным Клавдия Птолемея, бастарны — один из «великих народов» «Европейской Сарматии» — очевидно, это было все еще весьма многочисленное население.

В середине III в. н.э. они принимали участие в некоторых походах готов и других племен на Балканы, в знаменитых «скифских войнах», в частности, в 248 и 269 годах (Iord. Get. 91; SHA, Claud. 6, 2). Но уже в 280 году император Проб переселил остатки бастарнов, теснимых врагами, числом около 100 тысяч, на территорию Империи (SHA, Prob. 18, 1; Zos. I, 71), после чего их имя практически исчезает со страниц истории.

Не совсем ясно и этническое лицо бастарнов. Для Плиния они однозначно германцы, но Тацит и Страбон по этому поводу выражают некоторое сомнение. Тит Ливий, однако, называет их галлами, кельтами, говорит о их родственности со скордискам, тоже кельтским племенем.

До нас дошло пять бастарнских слов, из них два объяснимы из германского, в частности, Клондик-Хлодвиг, но остальные не сопоставимы ни с одним из существующих языков (Браун 1899: 112). Не исключено, что бастарны были одним из тех народов, которые обитали в Европе «между германцами и кельтами» (Hachmann, Kossack, Kuhn 1962), затем исчезли, как и их языки. В этом случае спор об этносе бастарнов не имеет особого смысла. Бастарны были бастарнами.

2. Данные археологии. Поянешты-зарубинецкая культурная общность

Мы не знаем причин, по которым так случилось, но данные археологии фиксируют с достаточной определенностью: во второй половине III и в начале II в. до н.э. обширные пространства Северной и Средней Европы от Ютландии до Поднепровья охватывают некие процессы, приводящие к трансформации культурного облика населения разных участков этого ареала (Мачинский 1966; Щукин 1994; Shchukin 1989; Еременко 1997).

На территории нынешней Польши вместо поморской культуры и кельтских групп в Силезии возникают пшеворская и оксывская культуры (Dąbrowska 1988), очень сходные между собой, в Припятском Полесье, на Среднем и Верхнем Днепре от устья Березины в Белоруссии до устья Тясмина на Украине складывается зарубинецкая культура, территориально не совпадающая ни с одной из предшествующих культур — ни с милоградской, ни с так называемой «зольничной» лесостепной скифской, ни с восточным вариантом поморской, носители которой проникли на Западную Украину и в Белоруссию в IV в. до н.э. От первых двух предшественниц зарубинецкая резко отличается всем своим обликом, с поморской имеет ряд общих черт, но и тут, и там между этими культурными образованиями имеется хронологический разрыв, охватывающий большую часть III в. до н.э.

Такой же хронологический разрыв фиксируется и на территории Карпато-Днестровского региона, где многочисленные гетские городища типа Стынцешти сменяются поселениями и могильниками культуры Поянешти-Лукашевка (Еременко 1997: 67-70).

Мы сейчас не будем вникать в детали длительной дискуссии, ведшейся вокруг этой проблемы (Vulpe 1955; Федоров 1960; Романовская 1969; Мачинский 1966; 1966а; Кухаренко 1960; Максимов 1969; Babeş 1969; 1993; Никулицэ 1987; Каспарова 1981; Щукин 1993; 1994; Еременко 1997; Ткачук 1999 и др.).

Сложные процессы культурных трансформаций замечены и к западу от Одера, в пределах Ясторф-Культур, где приблизительно в тоже время происходит смена Ранне-Ясторфской стадии на стадию Рипдорф (Schwantes 1955), замечено проникновение выходцев из «ядра» Ясторфской культуры в Бранденбурге и Гольштейне к югу вдоль Эльбы вплоть до Тюрингии и даже северо-восточной Чехии, где образуется специфическая группа Боденбах-Подмоклы, представляющая собой смесь ясторфских, кельтско-латенских и местных элементов (Grònert 1958; Milderberger 1959: 90; Peschel 1978: 32; Mahling 1944; Venclova 1973; Shchukin 1989; Еременко 1992; Щукин 1994).

На границе Польши и Германии, на Среднем Одере и Нейсе, возникает своеобразная Губинская группа, исследователь которой считает, что она является «фрагментом» ясторфской культуры и создана выходцами из Анхальта и южного Бранденбурга (Domanski 1975). Кста-

ти, именно памятники Губинской группы демонстрируют целый ряд до удивления сходных элементов в керамике и погребальных обрядах с культурой Поянешти-Лукашевка (Мачинский 1966; Щукин 1993). В частности, это хорошо прослеживается на материалах поселения Горошова на Среднем Днестре (Пачкова 1983).

Все отмеченные процессы на западе имели место еще около середины III в. до н.э., формирование же пшеворской, поянештской и зарубинецкой культур происходило несколько позже, в конце III — начале II в. до н.э. А это достаточно точно совпадает во времени и с первыми упоминаниями бастарнов в письменных источниках.

Если местоположение пшеворской культуры достаточно хорошо совпадает с расположением многочисленных племен лугиев в описании Германии-Свевии у Тацита (Tac. Germ. 43) и вандилиев у Плиния (Plin. H.N. IV, 99-100), очевидно, это разные наименования одной и той же группировки племен, то расположение поянешты-лукашевской и зарубинецкой культур вполне соответствует трем группам бастарнов, описанных Страбоном.

В дельте Дуная, где находится остров Певка и жили певкины, археологические изыскания затруднены, гирла реки то и дело меняли русла, все закрыто наносами песка и ила, но, во всяком случае, один из памятников, расположенных южнее, в Добрудже, археологам достался. Это поселение Sata Nou, где найдена характерная поянештская керамика с подграненными венчиками и ручки греческих амфор со штемпелями, дающими дату от 260 до 190 до н.э. (Irimia, Conovici 1989: 121-122, Fig. 24). Что же касается названных культур — поянешты-лукашевской, приписываемой бастарнам еще с момента ее открытия (Vulpe 1953) и зарубинецкой, то обе действительно расположены «в глубине материка», в лесостепной зоне от Дуная до Днепра и вполне могли бы соответствовать расселению бастарнских группировок атмонов и сидонов у Страбона.

Обе культуры всем своим обликом резко отличаются от местных культур-предшественниц, и значительная часть создавшего их населения, очевидно, была пришлой, причем пришлой откуда-то с северо-запада. Облик обеих культур по многим показателям совпадает с культурами так называемого «третьего мира» Северной и Центральной Европы (Щукин 1994: 18-21). Их всех объединяет наличие больших могильников с трупосожжениями («полей погребений»), черной лощеной посуды, часто с подграненными венчиками, а также сосудов с нарочито ошершавленной, «хроповатой», поверхностью. Носители всех культур этого «мира» широко пользовались фибулами, чаще всего восходящими к кельтским, латенским прототипам, а пояса скрепляли разнообразными поясными крючками.

Формы этих предметов, керамики и способов захоронения могут варьировать в разных культурах и группах, но сам факт обязательного сочетания всех этих черт отличает этот «мир» от прочих соседей.

В рамках «третьего мира» поянешты-лукашевская и зарубинецкая культуры выглядят как явления самостоятельные, но при сравнении с культурами предшествующими и синхронными соседними в лесной зоне Восточной Европы, с милоградской, юхновской, днепро-двинской, с культурой штрихованой керамики или со скифами и сарматами, родственность обеих культур хорошо ощущается. Поэтому есть основания говорить об особой поянешты-зарубинецкой культурной общности (Мачинский 1966; Щукин 1994: 107-116).

При современном состоянии источников достаточно трудно установить, из какого именно участка «третьего мира» вышли носители новых культур, (Babeş 1993: 154-162), скорее всего откуда-то из междуречья Эльбы и Одера, разные группы могли двигаться разными путями и из разных мест. Однако сам факт передвижений и постоянно поддерживаемых контактов от Ютландии до Днестра и Днепра хорошо фиксируется распространением разных вариантов фибул, поясных крючков, керамических очажных подставок, гривен и т.д. (Babeş 1993: Abb. 22, 25, 27, 28). Таким образом, тезис о бастарнах-пришельцах подтверждается и археологически

В пользу бастарнской принадлежности поянешты-зарубинецкой общности свидетельствует и еще одно обстоятельство. Специфической чертой ее являются так называемые «зарубинецкие фибулы» среднелатенской схемы, с ножкой, расплющенной в треугольный щиток (Рис.3). Как показало специальное исследование К.В.Каспаровой (1978; 1981), прототипы им находятся на Балканах, в землях дарданов и скордисков (Рис.4). Идею такого оформления фибулы можно было получить только там, и произошло это, скорее всего, во время походов бастарнов на Балканы в 179-168 гг. до н.э. Носители зарубинецкой культуры Полесья-Поднепровья, где фибулы с треугольным щитком были этнографической особенностью населения, несомненно, побывали на Балканах во время походов туда бастарнов. Причем в зарубинецкой культуре, как ни странно, это выразилось даже более ярко, чем в памятниках типа Поянешты-Лукашевка, где такие фибулы сравнительно редки. Впрочем, контакты последней с Балканским регионом фиксируются и иным способом — находками в Сипотенах в Молдавии бронзовых ситул типа Бургфельд, служивших урнами захоронений поянешты-лукашевской культуры (Сергеев 1956). О том, что исходным регионом происхождения этих бронзовых сосудов являются Балканы, нет особых сомнений (Břeščak 1962).

3. Проблема поздних бастарнов

Эпонимные памятники Поянешты-Лукашевской культуры — могильники Поянешты и Лукашевка — перестают функционировать около середины I в. до н.э. (Vulpe 1953; Мачинский 1966; Еременко 1997; Babeş 1993), что могло бы соответствовать событиям 50 г. до н.э., когда царь даков Буребиста, создавший могучее государство с центром в Трансильвании и уже разгромивший своих западных соседей, кельтов теврисков и бойев, напал на греческие города западного и северо-западного побережья Черного моря. Была, в частности, разрушена и Ольвия на Днепро-Бугском лимане. Поскольку бастарны были постоянными союзниками греческих городов, они тоже могли пострадать во время восточной кампании Буребисты, хотя прямые указания на этот счет в источниках отсутствуют (Щукин 1994: 169-170).

На северном пограничье ареала поянештской культуры, за Днестром на Буковине имеются памятники, существовавшие несколько дольше. Это могильник Долиняны (Смирнова 1981), поселение Круглик (Пачкова 1977) и некоторые другие. На них встречаются так называемые позднелатенские «прогнутые» фибулы, время бытования которых в Европе соответствует ступени D-2 латенской хронологической системы, то есть приблизительно, с 60-х годов I в. до н.э. и вплоть до первого десятилетия I в. н.э. Мирча Бабеш склонен датировать эти памятники не позже 20-х годов I в. до н.э., но опирается он при этом лишь на исторические данные (Babeş 1993:154).

Мы не знаем, что заставило бастарнов в 29 г. до н.э. предпринять попытку переселения через Дунай, остановленную проконсулом Македонии Марком Лицинием Крассом-младшим. Скорее всего, именно после его карательного похода перестала существовать поянешты-лукашевская культура как таковая (Мачинский 1966). Приблизительно в это же время, или вскоре, на Буковине, в северной Молдавии и в Верхнем Поднестровье появляются сарматские памятники — Киселов, Бурякивка, Скаены, Островец и др. (Щукин 1994: рис.70; Shchukin 1989: 281-282).

Если с ранними бастарнами все обстоит более или менее ясно, как видно из изложенного выше, данные исторические и археологические в значительной мере совпадают, то с бастарнами после рубежа нашей эры все значительно сложнее. Исчезла культура Поянешты-Лукашевка, но не исчезли со страниц истории бастарны. Какие же археологические памятники могли бы соответствовать этим бастарнам, судя по всему, достаточно многочисленным, которых знали и Плиний Старший, и Тацит, и наместники Мезии? Где жили те цари

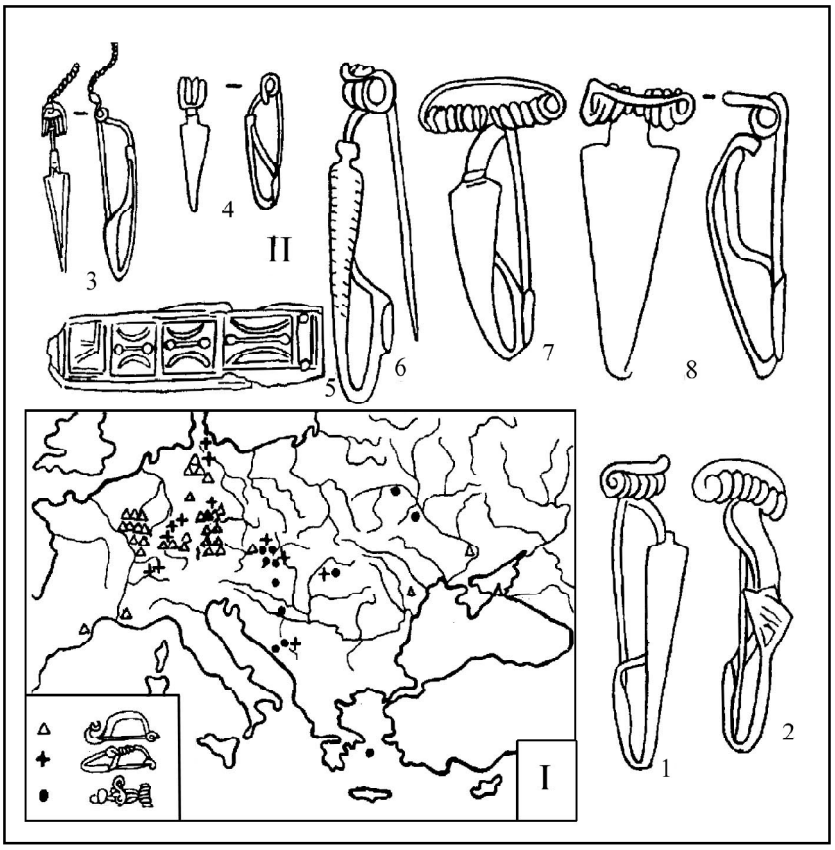

Рис. 3. «Копьевидные» фибулы Балканского полуострова по К.В.Каспаровой и распространение фибул с «фальшивой» пружинкой по К.Пешелю: 1 — Маркевичи; 2 — Езерине, погр. 320; 3 — Гостилия, погр. 122; 4 — Рибич, погр. 37; 5 — Карабурма, погр. 39; 6 — Езерине, погр. 393г; 7 — Езерине, погр. 278; 8 — Карабурма.

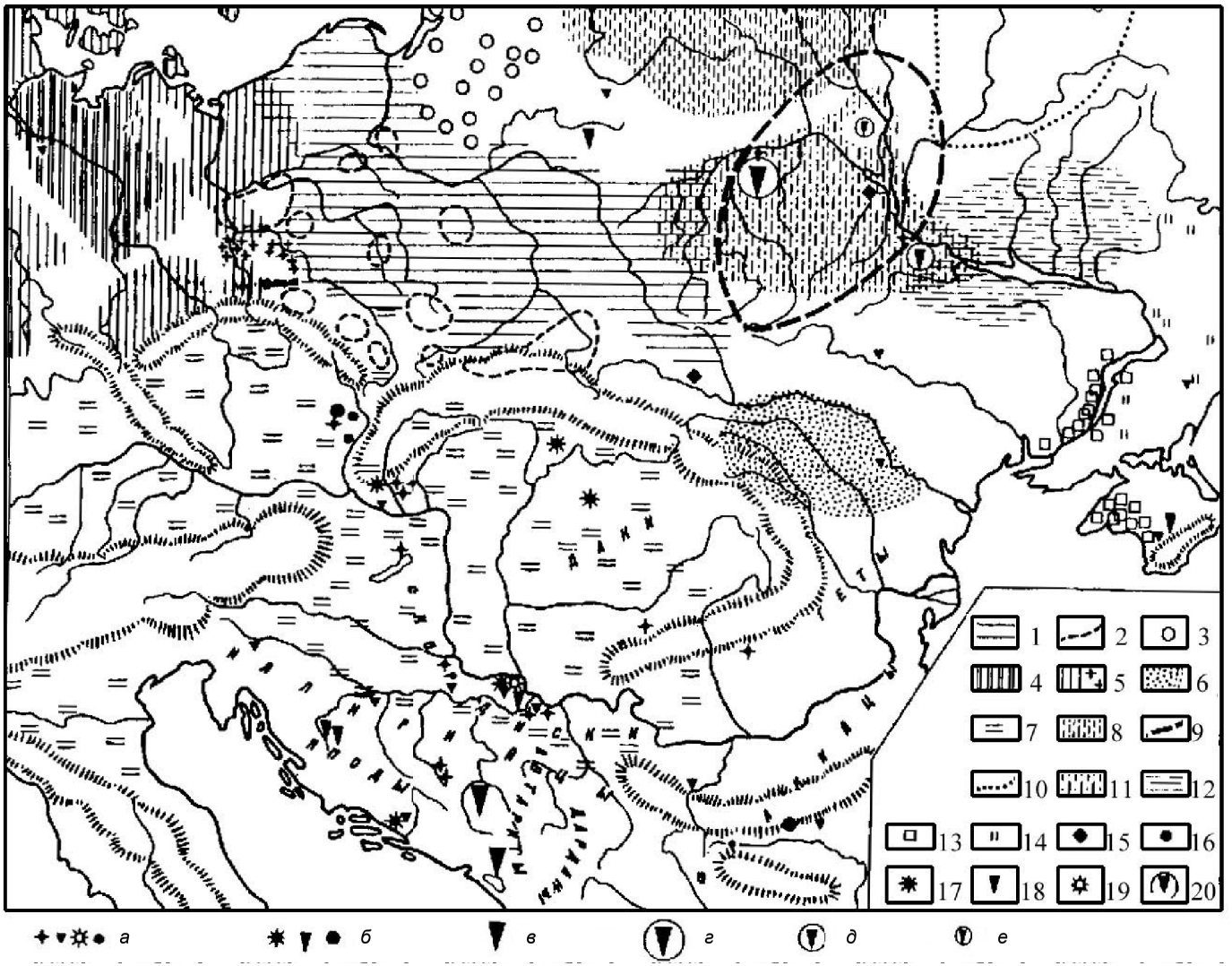

Рис. 4. Карта-схема некоторых археологических культур и отдельных памятников Средней Европы в период Латена В и С (по К.В.Каспаровой):

1 — ареал поморско-подклешевой культуры; 2 — граница ареала эпилужицких групп; 3 — ареал культуры западно-балтских курганов; 5 — ареал культур ясторфского круга и памятники губинской группы; 6 — ареал культуры типа Поянешты-Лукашевка; 7 — области, занятые кельтами; 8 — ареал культуры штрихованной керамики; 9 — граница ареала милоградской культуры; 10 — граница ареала юхновской культуры; 11—ареал зарубинецкой культуры; 12 — ареал скифообразных лесостепных культур; 13 — нижнеднепровские городища и позднескифские памятники Крыма (условно); 14 — раннесарматские памятники (условно); 15 — кельтские памятники Бовшев и Залесье; 16 — памятники с находками фибул раннелатенской схемы с восьмеркообразными петлями; 17 — памятники с находками фибул среднелатенской схемы с восьмеркообразными петлями; 18 — памятники с находками копьевидных фибул и фибул зарубинецкого типа вне ареала зарубинецкой культуры; 19 — памятник с находкой копьевидной фибулы с "восьмеркой"; 20 — количество фибул зарубинецкого типа в трех группах зарубинецкой культуры.

Масштаб условных знаков: а — 1 экз.; *б* — 2-5 экз.; *в* — 12-13 экз.; *г* — 32 экз.; *д* — 70 экз.; *е* — 116 экз.

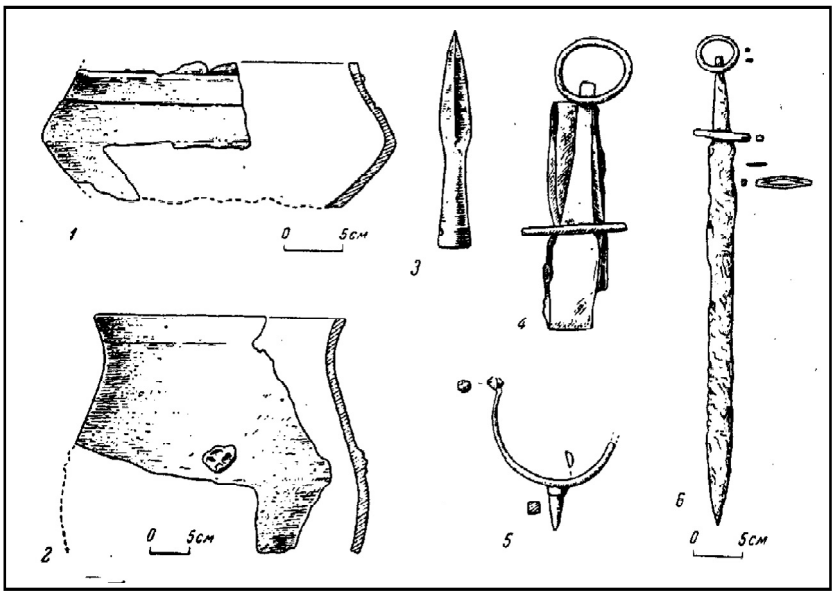

Рис. 5. Вещи в погребении 8 в могильнике Гоева Гора у с. Звенигород:
1 — обломок пшеворского чернолощеного сосуда; 2 — верхняя часть лепного горшка; 3 — наконечник копья; 4 — железный меч; 5 — шпора; 6 — меч в развернутом виде (по В.В.Кропоткину).

бастарнов, с которыми имел дело Плавтий Сильван, вернувший им сыновей, взятых в заложники врагами-сарматами?

Мы знаем от Страбона, что существовало три группировки бастарнов: певкины, атмоны и сидоны. Местоположение первых ясно из их названия, хотя иногда это имя переносится и на всех бастарнов в целом. Как «в глубине материка» размещаются атмоны и сидоны, из текста не совсем ясно. Допустим, последние находятся восточнее, и в таком случае они соответствуют зарубинецкой культуре. А она достаточно спокойно существует вплоть до середины I в. н.э.

Сложнее с западной группировкой — с атмонами. Культура Поянешты-Лукашевка исчезла под ударами Буребисты и Марка Красса. Частично население отошло, вероятно, на север. Поянештская керамика зафиксирована на таких поселениях, как Бернашовка (Козак 1984: 100) и Великая Слободка (Винокур, Мегей 1989), на городище Рудь, сопоставляемом с городом Метониумом, отмеченным на карте Клавдия Птолемея в Среднем Поднестровье (Романовская, Щеглов, Шелов-Коведяев 1981), верхний культурный слой которого датируется I в. до н.э. — началом I в. н.э. (раскопки М.А.Романовской и М.Е.Ткачука), в погребении Рэкэтэу на севере Румынской Молдовы (Vulpe, Capitanu 1971).

Но это памятники уже другого несколько облика. Дело в том, что в этот же регион Верхнего Поднестровья, Среднего течения Днестра и Верховьев Западного Буга, а также на Волынь, начинается активное проникновение носителей пшеворской культуры Польши.

Первые контакты с пшеворской культурой зафиксированы еще для средней и поздней фаз Поянешты-Лукашевка во II — I вв до н,э, (Dąbrowska 1988), а с середины I в. до н.э. в соседних областях Верхнего Поднестровья и Волыни отмечается наличие и собственно пшеворских поселений. С другой стороны, поблизости, в Закарпатской Украине, в верховьях Тиссы, появляются даки. Судя по всему, дакийская крепость у села Малая Копаня, раскопанная В.В.Котигорошко, была построена при Буребисте, а оставлена только при Децебале в начале II в. н.э. (Котигорошко 1981; 1983). Выясняется, что экспансия Буребисты была направлена не только на запад и восток, но и на север от Дакии. Письменными источниками это никак не фиксируется, но, судя по археологическим данным, по всей внутрикарпатской дуге от городища Живодар в Югославии, через поселение Гелертеги-Табань в Будапеште, и вплоть до Закарпатской Украины, включая юго-восточную часть Словакии, образуется своеобразный пласт памятников, называемых или «кельто-дакийским горизонтом» (Collis 1972), или земплинской культурой (Shchukin 1989: 277).

В результате в Восточном Прикарпатье к началу нашей эры складывается пестрая в культурном и, вероятно, в этническом отношении картина. Памятники региона демонстрируют смешение черт пшеворских, дакийских и сарматских.

Ярким примером такого рода смешения являются могильники так называемой звенигородской группы. В частности, в погребении 8 могильника Гоева гора во Львовской области урной служил большой чернолощеный сосуд, аналогии которому нетрудно найти в пшеворской культуре, но в качестве крышки урны использованы обломки типичной лепной дакийской керамики (Рис.5). В урну помещено оружие — наконечник копья и пшеворские шпоры, но длинный меч, согнутый в соответствии с пшеворским погребальным ритуалом, был сарматский, с характерным кольцевидным навершием рукояти (Свешников 1957; Кропоткин

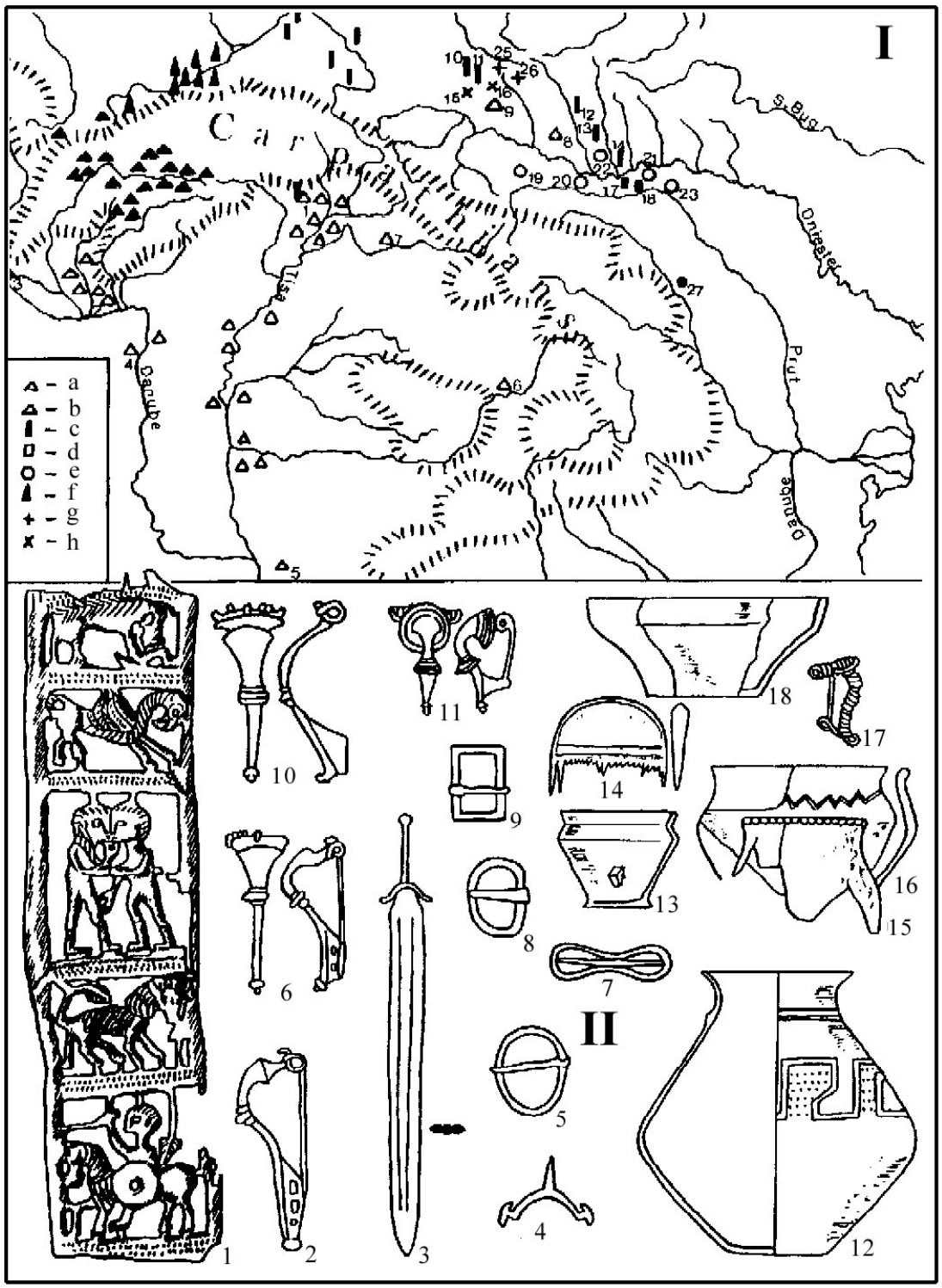

Рис. 6. Памятники Верхнего Днестра и Прикарпатья. Карта I: a — земплинская (кельто-дакийская) культура; b — пуховская культура; c — пшеворская культура; d — поздние памятники культуры Поянешти-Лукашевка; e — сарматские памятники; f — кельто-пшеворская тынецкая группа; g — липицко-зарубинецкие памятники; h — звенигородская группа. 1 — Земплин; 2 — Нитранский градок; 3 — Девин; 4 — Геллертеги-Табань; 5 — Живодар; 6 — Морешти; 7 — Бобове; 8 — Колоколин; 9 — Чижиково; 10 — Пидберизцы; 11 — Чишки; 12 — Лучка; 13 — Монастыриха; 14 — Горошев; 15 — Звенигород; 16 — Гринев; 17 — Кругалик; 18 — Долиняны; 19 — Островец; 20 — Киселов; 21 — Лейковцы; 22 — Задрость; 23 — Тецкани; 24 — Буракивка; 25 — Ремизовцы; 26 — Майдан Гологирский; 27 — Рэкэтэу.

II: 1, 2 — Гринев, погр. 6 (1976); 3-11 — Гринев, из раскопок 30-х годов, комплексы неизвестны; 12 — Монастыриха; 13-14 — Майдан Гологирский; 15-18 — Ремизовцы.

1974; Шукин 1994: 229-231; Рис. 79-80).

Есть на этом могильнике и трупоположения, где захоронены женщины с хрустальными бусами, маленькими бронзовыми зеркальцами и кусочками румян, вещами, характерными для сарматских погребений. Сразу вспоминается Тацит с его утверждением об обезображивающих браках (Tac. Germ. 46). Впрочем, эти женщины носили и центральноевропейские фибулы Альмгрен 68, модные в 40-70 годах н.э. (Свешников 1957; Щукин 1994: 230). Одна из самых ярких находок этого же рода — на могильнике Гринев в том же регионе. Здесь обнаружена, кроме прочего, ажурная обкладка ножен меча с изображением грифона, всадника и любовной сцены, где причудливо сочетаются элементы фракийского, кельтского и сарматского искусства (Рис.6) (Kozak 1982).

Есть в этом регионе и пара погребений «княжеского» ранга, с наборами бронзовой импортной римской посуды. Это захоронения в Чижиково (Смишко 1957) и в Колоколине (Majewski 1935; Smiszko 1932) (Рис.7). Наличие их позволило К. Маевскому даже высказать предположение, что в Восточном Прикарпатье существовало особое «клиентальное» варварское государство, созданное римлянами в качестве «буферной зоны» против варваров, наподобие «царства Ванния» в современной Словакии (Majewski 1962).

Даже если К.Маевский несколько и преувеличивает, вполне возможно предположить, что бастарны, известные Тациту, Плинию и Плавтию Сильвану, представлены археологически, хотя бы частично, именно звенигородской группой памятников. И не случайно Плиний воспринимает их как одну из группировок германцев. К его времени бывшие носители Поянешты-Лукашевской культуры действительно сильно «пшеворизированы», то есть «германизированы».

Одно время было принято включать названные памятники в состав так называемой липицкой культуры, именно так они фигурируют в первых публикациях, но внимательное сопоставление их с эпонимным могильником в Верхней Липице (Smiszko 1932) показало определенное культурное и хронологическое различие (Рис.8). Могильник в Верхней Липице и идентичные памятники несколько позже Колоколина-Чижикова-Звенигорода и им подобных местонахождений. Первые, вероятно, действительно оставлены подошедшим сюда дакийским населением, отступающим на север под давлением походов Домициана и Траяна

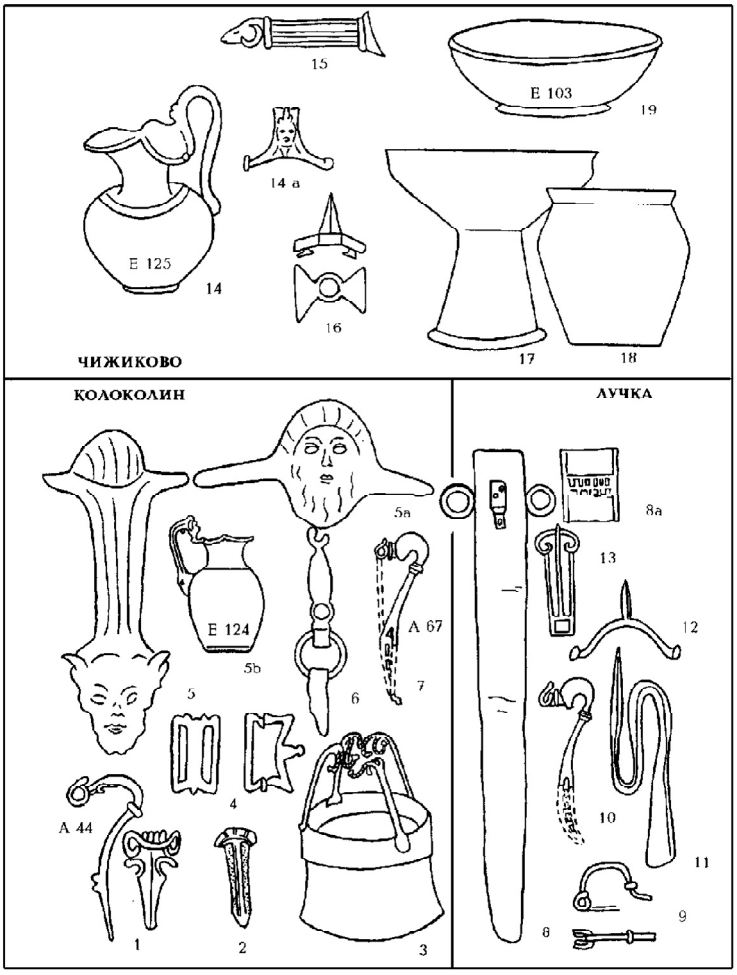

Рис. 7. Находки из Колоколина, Лучки и Чижикова (по М.Ю.Смишко). Реконструкция серебряного котелка по Т.Сулимирскому (3) маловероятна. Ручки и обломки стенок принадлежат двум канфарам. 2 — фибула типа «Нертомарус».

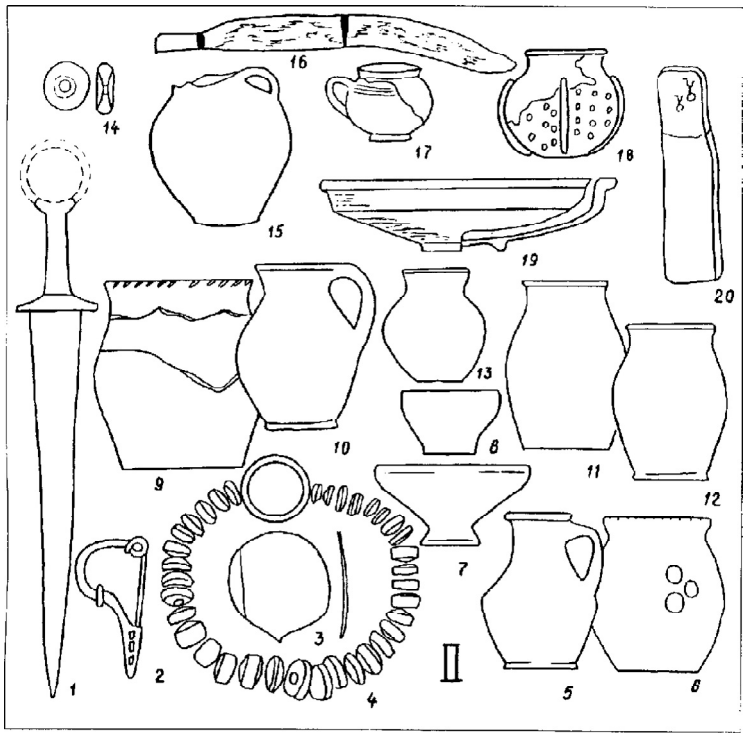

Рис. 8. Вещи из сарматских комплексов Верхнего Поднестровья. 1,2 — Островец-Вертеби, погр.2; 3,4 — зеркало и янтарные бусы из погр. 9 в Островце-Вертеби; 5-6 — Островец-Олещина, погр. 1; 7,8 — Островец-Вертеби, погр. 11; 9 — Островец-Вертеби, погр. 1; 11,12 — Островец-Вертеби, погр. 6 и 3; 13 — Островец-Вертеби, погр.4; 14 — большая бусина (подвеска к темляку меча?) из мрамора. Островец-Вертеби, погр. 2; 15-18 — Кисёловский могильник; 19 — Бураковка; 20 — каменная стела (5 м) из Задрости.

против даков в самом конце I в. н.э. и начале II в. н.э., что еще более увеличило этническую пестроту региона. Липицкие памятники, по всей вероятности, действительно связаны с дакийскими племенами костобоков или трансмонтанов, отмеченных письменными источниками, тогда как остальные, с поянештскими, пшеворскими и постзарубинецкими чертами, могут быть приписаны бастарнам (Щукин 1994: 227-235).

Постзарубинецкие элементы в данном контексте упомянуты не случайно. В зарубинецкой восточной группировке бастарнов около середины I в. н.э. тоже происходят определенные трансформации, вызванные, наверное, в первую очередь тем сдвигом сарматских племен на запад, который уже неоднократно описывался. Имеется в виду аорско-сиракский конфликт, вызванный борьбой боспорских царей-братьев Митридата и Котиса с вмешательством римлян, образование сарматского царства Фарзоя, чеканившего монеты в Ольвии, переселение языгов через Карпаты в Среднее Подунавье по приглашению царя квадов Ванния и прочее (Рис.9) (Щукин 1994).

Специальное исследование показало, что именно в середине I в. н.э. и, возможно, именно в связи с упомянутыми событиями прекращаются захоронения на всех крупнейших могильниках зарубинецкой культуры: Корчеватовском, Зарубинецком и Пироговском в Среднем Поднепровье, в Велемичах I и II и прочих в Полесье, на Чаплинском в Верхнем Поднепровье (Каспарова 1976; 1984; 1986; Щукин 1972). И в то же время в Среднем Поднепровье, на Киевщине, на землях, принадлежавших носителям зарубинецкой культуры, появляется целый ряд сарматских памятников — могильник у села Калантаево, богатые захоронения в Цветне и Старой Осоте, более бедные в Кагарлыке, Ружичевке, Липовце и др. В ряде случаев они содержат находки римской импортной бронзовой посуды, что позволяет установить достаточно точную датировку. Большинство их относится ко второй половине I в. н.э. или к 40-70-м годам I в. н.э. (Щукин 1972). Сарматы углубляются в лесостепь и достигают почти что широты Киева.

Трудно сказать, было ли это движение сарматов на север и соответствующие трансформации в зарубинецкой культуре связаны с некими экологическими процессами (Обломский, Терпиловский, Петраускас 1990), или причины были сугубо политическими: двигающиеся на запад сарматы искали новых земель и новых данников. Возможно, имело место и то, и другое.

Так или иначе, политический момент явно присутствовал: зарубинецкие крепости-городища на юго-восточной границе ареала этой культуры в районе Канева погибли в пожарах, и в слоях пожарищ найдены сарматские наконечники стрел (Максимов 1982: Табл. XIX.8).

Судьбы потомков зарубинецкого населения были различны, поскольку (складываеся такое впечатление) от удара сарматов они разбегаются в разные стороны. Рассеянные группы так называемых постзарубинецких памятников появляются в самых различных местах, по боль-

шей части вне пределов прежнего зарубинецкого ареала, подчас достаточно далеко от него.

Часть населения Среднего Поднепровья, возможно, осталась на месте, но полностью сменила места обитания. Если раньше они жили на высоких холмах, то теперь все поселения располагаются в поймах рек, на песчаных дюнах. Вероятно, в заболоченных и заросших кустарником поймах было легче укрыть небольшие поселки от наездов кочевников.

Отдельные группы постзарубинецких поселенцев появляются неожиданно южнее, в среднем течении Южного Буга. Здесь раскопан могильник Рахны, сохраняющий ряд черт зарубинецкого ритуала, и серия небольших поселений (Хавлюк 1971; 1976; Щукин 1994: 233-234; Рис. 81-84).

Другие рассеянные группы появляются в бассейнах левых притоков Днепра — в верховьях Сейма и Псла, на Суле и Орели (Обломский 1991; Обломский, Терпиловский 1991). Проникают они и далее на восток вплоть до Дона (Хреков 1994; 1998), а быть может, даже до Волги. Здесь открыта так называемая именьковская культура, действительно дающая ряд любопытных зарубинецких параллелей (Матвеева 1981; Щукин 1994: Рис.87).

Такое распределение постзарубинецких групп в рамках гипотезы о сарматском разгроме может показаться странным. Они как бы, наоборот, приближаются к сарматскому миру, расселяются даже в его пределах. Но не исключено, что сарматы депортировали часть завоеванного земледельческого населения поближе к себе, в районы, где его было легче контролировать и эксплуатировать.

Другая же и значительная часть зарубинецкого населения, ища спасения от сарматского

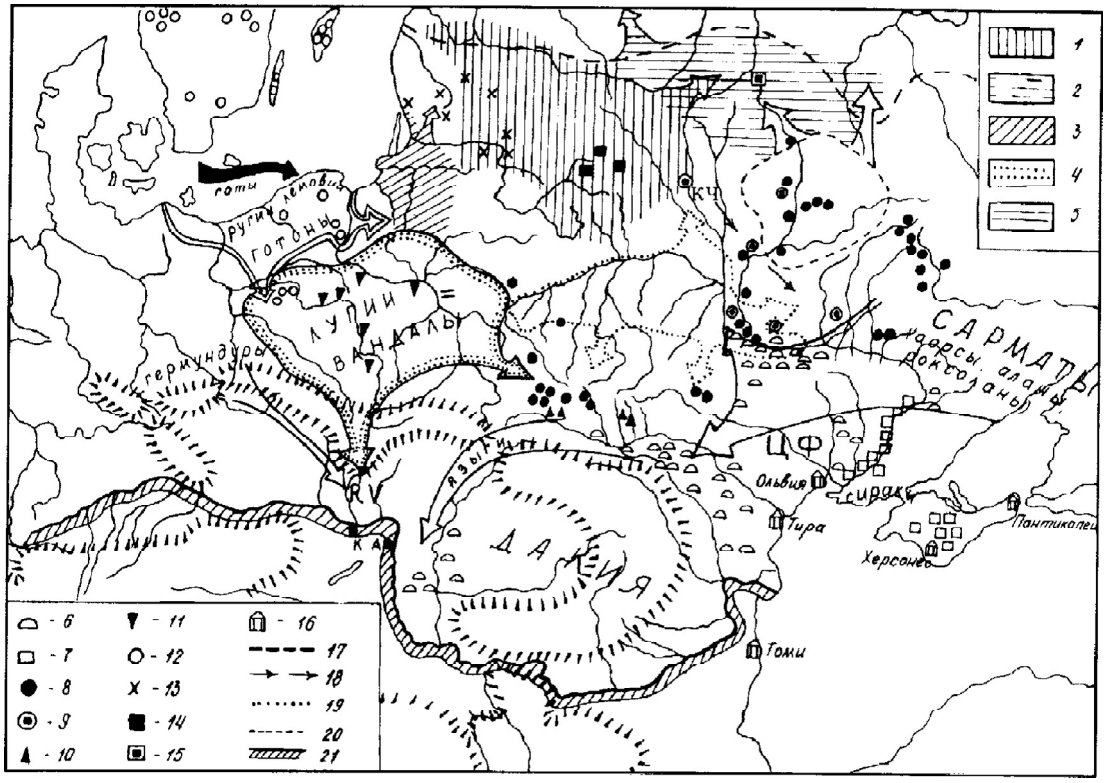

Рис. 9. Карта-схема ситуации I в.н.э.

1 — зона культуры штрихованной керамики; 2 — зона Днепро-Двинской (среднетушемлинской) культуры; 3 — зона культуры Западных Балтов; 4 — границы пшеворской культуры и направления движения ее носителей; 5 — границы вельбаркско-любовидзской культуры и густовской группы; 6 — сарматские погребения; 7 — позднескифские городища; 8 — памятники горизонта Рахны-Почеп; 9 — памятники горизонта Рахны-Почеп с находками штрихованной керамики (группа Грини-Вовки); 10 — пшеворские памятники Верхнего Поднестровья и памятники Звенигородской группы; 11 — пшеворские погребения с оружием, вбитым в дно могильной ямы; 12 — могильники с каменными кругами Одры-Венсёры и Скандинавии; 13 — погребальные памятники Литвы с чертами культуры Западных Балтов; 14 — городище штрихованной керамики со следами пожаров; 15 — городище Церковище; 16 — греческие города; 17 — южная граница распространения угро-финской топонимики; 18 — направление движения населения группы Кистени-Чечерск; 19 — границы прежней (классической) зарубинецкой культуры и направления движения её носителей; 20 — границы юхновской культуры; 21 — граница Римской империи.

ЦФ — царство Фарзоя; RV — царство Ванния; А — Аквинкум; К — Карнунтум; КЧ — группа Кистени-Чечерск.

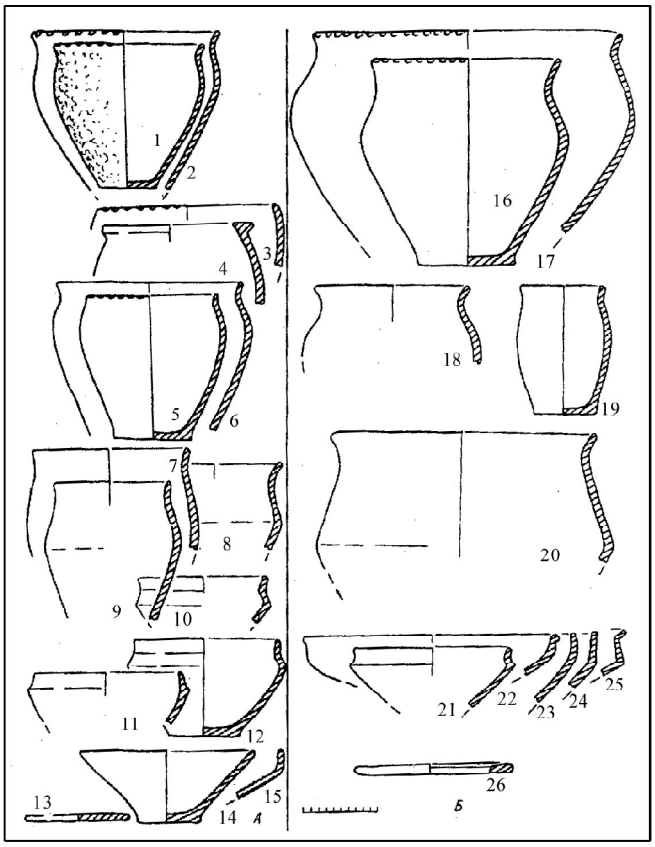

Рис. 10. Схема соотношения керамики зубрецкой группы фаз I—II (1—15) и позднезарубинецкой керамики (16—26) по Д.Н.Козаку.

засилья, продвигается в противоположном направлении — на северо-восток, в Подесенье и в Брянские леса. Здесь возникает так называемая Почепская группа постзарубинецких памятников. Прежде эти земли были заняты носителями юхновской культуры, пока еще очень слабо изученной (Левенок 1957; 1963). Где-то в пределах I в. н.э. она, как кажется, прекращает свое существование, некоторые ее элементы прослеживаются на почепских памятниках.

Севернее, на Смоленщине обитало население Днепро-Двинской культуры. С ней в I в. н.э. тоже происходят определенные трансформации, появляются памятники «типа среднего слоя городища Тушемля» со специфической лепной керамикой, напоминающей некоторые формы зарубинецкой (Щукин 1994: Рис.88). Считается, что здесь тоже не обошлось без участия зарубинецких беженцев (Третьяков 1966; Третьяков, Шмидт 1963).

Проникают эти беженцы и еще дальше на север. В верховьях реки Ловати на юге Псковской области в последние годы начали выявляться памятники типа Заозерье. На одном из них, например, раскопана полуземлянка — форма жилища, отнюдь не свойственная обитателям лесной зоны, и найдена чернолощеная зарубинецкая миска (Лопатин, Фурасьев 1995; Щукин 1994: Рис. 91).

Нужно сказать, однако, что постзарубинецкие группы, как северные, так и южные, достаточно быстро теряют свои культурные традиции. Лощеная керамика становится все большей редкостью, преобладают простые формы слабопрофилированных лепных горшков, редки находки фибул и булавок, нет больших могильников. Все более постзарубинецкое население приобретает культурный облик, свойственный обитателям лесной зоны, а позднее — славянам. Очевидно, та часть зарубинцев-бастарнов, которая избрала судьбу репатриантов и беженцев, утратила вскоре вместе с культурным обликом и свой язык, и свое название. Некоторые из них в дальнейшем воспринимаются окружающим населением и информаторами Тацита и Плиния как венеты, предки славян. Вопрос о венетах-венедах, известных Плинию, Тациту и Птолемею, о соотношении их с бастарнами и об истории появления этого термина (Щукин 1998) заслуживает специального обсуждения, для которого здесь не остается уже места. Поэтому вернемся к бастарнам.

Как уже говорилось выше, в середине I в. н.э. прекратились захоронения и на зарубинецких могильниках Полесья. На долгое время эта территория практически запустевает, вплоть до появления здесь раннеславянских памятников типа Корчак в середине VI века (Русанова 1973).

Д.Н.Козак, занимающийся памятниками Верхнего Поднестровья, Западного Побужья и Волыни, полагает, что зарубинецкое население из Полесья двинулось именно сюда — на запад. Около середины I в. н.э. на Волыни обра-

зуется новая группа памятников, названная зубрецкой и представляющая собой, по утверждению Д.Н.Козака, смесь пшеворских и зарубинецких элементов. Представлена она в основном небольшими поселениями и по облику очень похожа на прочие постзарубинецкие группы (Рис.10) (Козак 1992).

Здесь отступившие на запад зарубинцы-бастарны оказались под прикрытием щитов своих родичей из звенигородской группы и даже под защитой легионов Плавтия Сильвана. И хотя зарубинецкие традиции здесь тоже вскоре изживаются, но этим бастарнам, очевидно, удается сохранять свое самосознание и имя около двух столетий.

Зубрецкая группа существует до III в. н.э., до появления на Волыни носителей вельбаркской культуры, что связано с продвижением готов из Прибалтики к Черному морю. Не исключено, что именно носители культуры зубрецкой группы принимали участие в готских походах 248 и 269 годов на Балканы, а в 280 году были переселены Пробом на территорию Империи. Археологических следов их пребывания в Империи пока не обнаружено.

Сто тысяч бастарнов, переселенных Пробом, возможно, не исчерпали весь демографический потенциал «великого народа», часть, вероятно, осталась на месте и наряду с представителями других «постзарубинецких» групп могла принять затем участие в сложном процессе славянского этногенеза, привнося в формирование «общеславянского» языка некие «кентумные» элементы, которые и отчленяют славян от их балтских или балто-славянских предков (Miodovicz 1984; Shchukin 1986-1990: 20), но это уже тематика иных комплексных исследований будущего.

ЛИТЕРАТУРА

Блаватская Т.В. 1952. Западнопонтийские города в VII-I вв. до н.э. М.

Браун Ф. 1899. Разыскания в области гото-славянских отношений, СПб.

Винокур И.С., Мегей В.Ф. 1989. Об историко-культурной интерпретации памятников Среднего Поднестровья рубежа и первых веков нашей эры. // Древние славяне и Киевская Русь. Киев.

Еременко В.Е. 1997. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. СПб.

Каспарова К.В. 1978. Некоторые типы фибул зарубинецкой культуры (к вопросу о ранней дате и юго-западных связях) // Проблемы археологии, вып. 2.

Каспарова К.В. 1978. О фибулах зарубинецкого типа // АСГЭ, вып. 18.

Каспарова К.В. 1981. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА, № 2.

Каспарова К.В. 1984. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи Латена // АСГЭ, вып. 25.

Каспарова К.В. 1986. Поздняя фаза зарубинецких могильников // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.

Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. М. 1981.

Козак Д.Н. 1984. Пшеворьска культура у Верхньому Подністров'і і Західному Побужжі. Київ.

Козак Д.Н. 1992. Етнокультурна історія Волини (I ст. до н.е. — IV ст. н.е.) Київ.

Котигорошко В.Г. 1981. Городище рубежа нашей эры в Закарпатье // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тез. докладов Республиканской Межвузовской конференции молодых ученых. Киев.

Котигорошко В.Г. 1983. Население Закарпатья в первой половине I тысячелетия нашей эры. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Киев.

Кропоткин В.В. 1974. Пшеворское погребение I в. н.э. из с. Звенигород (Львовская обл.). // КСИА, вып. 40.

Кухаренко Ю.В. 1960. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // СА, № 1.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. 1994. О роли памятников III-IV вв в формировании культур Псковских Длинных Курганов и Тушемли-Банцеровщины // ПАВ, вып. 9.

Максимов Е.В. 1969. Хронология древностей зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье // МИА № 160. М.

Максимов Е.В. 1982. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев.

Матвеева Г.И. 1981. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев.

Мачинский Д.А. 1963. О хронологии некоторых типов вещей зарубинецкой культуры и одновременных ей культур. // КСИА, вып. 94.

Мачинский Д.А. 1966. К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешты-Лукашевка // Археология Старого и Нового Света. М.

Мачинский Д.А. 1966а. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // КСИА, вып. 107. М.

Никулицэ И.Т. 1977. Геты IV-III вв. до н.э. в Днетровско-Карпатских землях. Кишинев.

Никулицэ И.Т. 1987. Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. Кишинев.

Обломский А.М. 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-IV вв. н.э. Москва-Сумы.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.,

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., Петраускас О.В. 1990. Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины. Киев.

Пачкова С.П. 1977. Поселенне поблизу с. Круглик на Буковині. // Археологія, вип. 28.

Пачкова С.П. 1983. Археологические исследования многослойного поселения у с. Горошова Тернопольской области // Археологические памятники Среднего Поднестровья. Киев.

Романовская М.А. 1969. Об этнической принадлежности населения, оставившего памятники типа Лукашевка // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М.

Романовская М.А., Щеглов А.Н., Шелов-Коведяев В.В. 1981. Городище Рудь — Мэтоний Птолемея. // ВДИ. №4.

Русанова И.П. 1973. Славянские древности VI-IX вв между Днепром и Западным Бугом. // САИ, вып. Е 1-25.
Свешников И.К. 1957. Могильники липицкой культуры в Львовской обл. (раскопки у сел Звенигород и Болотное) // КСИИМК, вып. 68.
Сергеев Г.П. 1956. Находки медных сосудов в Молдавии // Известия Молдавского филиала АН СССР № 4 (31).
Скржинская М.В. 1977. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев.
Смирнова Г.И. 1981. Могильник типа Поянешты-Лукашевка у с. Долиняны на Буковине // СА, № 3.
Смишко М.Ю. 1957. Богатое погребение начала нашей эры в Львовской области // СА, № 1.
Ткачук М.Е. 1998. Гетика: археология имени. // Revista Arheologică. 2. Chişinău.
Ткачук М.Е. 1999. Гетика, которую мы потеряли (Из антологии хронологических разрывов) // Stratum plus. № 3. СПб. — Кишинев — Одесса.
Третьяков П.Н. 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.
Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. 1960. Древние городища Смоленщины. М.-Л.
Федоров Г.Б. 1960. Население Прутско-Днестровского междуречья. МИА № 89.
Хавлюк П.І. 1971. Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі // Археологія, вип.4.
Хавлюк П.І. 1976. Зарубинецька культура Південного Побужжя та лівобережжя Середнього Дністра // Археологія, вип. 18.
Хреков А.А. 1994. Проблемы этнокультурного развития Прихоперья в первые века н.э. // Российский исторический журнал. № 1. Балашов.
Хреков А.А. 1998. Постзарубинецкое поселение Шапкино I на р. Вороне //Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Воронеж.
Щукин М.Б. 1972. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой // АСГЭ, вып.14.
Щукин М.Б. 1993. Проблема бастарнов и этнического определения поянешты-лукашевской и зарубинецкой культур // ПАВ, вып. 6.
Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. СПб.
Щукин М.Б. 1998. Янтарный путь и венеты // Проблемы археологии, вып. 4. СПб.
Babeş M. 1969. Noi date privind arheologia şi istoria bastarnilor (O «fibulă pomeriană» descoperită în România // SCIVA. T.20.
Babeş M. 1993. Die Poieneşti-Lukaşevka-Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum östlich der Karpaten in der letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt. Bonn.
Břeščak D. 1962. Antično bronasto posodji Slovenije // Situla, 22/1. Ljubljana.
Collis J. 1972. The Dacian-Horisons-Settlements and Chronology // Slovenská Archeologiá, r. LXXIII, ą. 2.
Dąbrowska T. 1988. Wczesne fazy kultury przewórskiej. Chronologia-zasiąg-powiazą nia. Warszawa.
Dobiaš J. 1960. Wo lagen die Wohnsitze der Markomannen? // Historia № 2. Prag.
Domański G. 1975. Studia z dziejów środkowego Nadodrza w III-I wieku p.n.e. Wrocław.
Grünert H. 1958. Früheste Germanen in Süden der DDR // Ausgrabungen und Funde, Bd 3.
Hachmann R., Kossack G., Kuhn H. 1962. Völker zwischen Germanen und Kelten. Neumünster.
Irimiia M., Conovici N. 1989. Aşezarea getică fortificată de Sata Nou — «Valea Lui Voicu» (com. Oltinia, Jud. Constanţa). Raport preliminar. // Thraco-Dacia, X, 1-2.
Kozak D.N. 1982. Eine Bestattung aus dem ersten nachchristlichen Jahrhundert am Oberlauf des Dnjestr. // Germania, Bd 60, 2. Halbband.
Mähling W. 1944. Die Bodenbacher Gruppe. Prag.
Majewski K. 1935. Imacz naczynia bronzowego z Kolokolina // Wiadomości Arheologiczne. t. XIII.
Majewski K. 1962. Klienci Rzymu i osródki wladzy «książat plemiennych» w Europie środkowej w okresie cesarstwa w świetle źródel archeologicznych. // Archeologia, R. 13.
Miodowicz K. 1984. Wspólczesne koncepcje lokalizacji pierwotnych siedzib Słowian. Danne językoznawcze. // ZNUI, Prace Etnograficzne, 19.
Peschel K. 1978. Anfänge germanischer Besiedlung in Mittelgebirgsraum. Sueben-Hermunduren-Markomannen. Berlin.
Pieta K. 1982. Der Póchov-Kultur. Nitra.
Schwantes G. 1955. Jastorf und Laténe. // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Bd 1.
Shchukin M.B. 1986-1990. The Balto-Slavic Forest Direction in the Archeological Study of the Ethnogenesis of the Slavs. // Wiadomości Archeologiczne, t. LI. Z. 1.
Shchukin M.B. 1989. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe 1st Century BC — 1st Century AD. // B.A.R. International Series 542. Oxford.
Smiszko M. 1932. Kultury wcześnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Małopolsce Wschodniej. Lwów.
Smiszko M. 1935. Stanowisko wcześnorzymskie w Kołokoline, pow. rohatyński // Wiadomości Archeologiczne, t. XIII.
Spekke A. 1957. The Ancient Amber Routes and Geographical Discovery of the Eastern Baltic. Stockholm.
Vulpe R. 1953. Săpăturile de la Poieneşti din 1949 // Materiale archeologice privind istoria veche a RPR. Bucureşti.
Vulpe R. 1955. La probléme des Bastarnes à la lumiére des découvertes archéologiques en Moldavie // Nouvelles études d'histoire. Bukarest.
Vulpe Al., Căpitanu V. 1971. Une tombe isolée de l'époque de Laténe a Răcătău // Apulum, IX.
Wielowiejski J. 1980. Główny szlak burstinowy w czasach cesarstwa rzymskiego. Wrocław.

30 ЛЕТ ВАРЯЖСКОЙ ДИСКУССИИ (1965 — 1995)

35 лет тому назад в Ленинграде развернулась «варяжская дискуссия», которая была событием, быть может, не столько в истории российской науки, сколько в истории русской культуры. Это был эпизод в трехвековом споре. Этот спор трижды за три века приводил к острым публичным состязаниям норманистов с антинорманистами, каждый раз во второй половине века. По напряжению, пожалуй, последняя схватка была самой острой.

Все участники спора прекрасно понимали, что речь шла о возможности заниматься наукой и даже вообще о свободе в буквальном смысле слова. Что побежденным не миновать разгона, а кое-кому — тюрем и лагерей. Вот если выстоять, то дело кончится… тем же, но несколько позже. Но свободу действий удалось отстоять еще на ряд лет. И не только для себя. В атмосфере свободы для занятий норманнским вопросом выросли многие из следующего поколения исследователей.

Некоторым кажется, что теперь-то дискуссии в старом ключе положен конец. Думается, что это лишь иллюзия. Стимулы для обострения спора всегда шли извне, из не-науки. Питательная почва для этого остается, пока на Востоке Европы сохранятся противоречия между реальной ситуацией и национальными амбициями. Эти противоречия порождают уязвленное национальное самолюбие, комплекс неполноценности и страсть к переделке истории. Чтобы история была не такой, какой она была, а такой, какой она должна была быть. Чтобы она питала новый национальный миф.

Однако, помимо эмоций и политических коннотаций, в этой дискуссии есть и чисто научные аспекты. И сегодня, к счастью, мы можем заняться именно ими.

Редакция.

Л.С.Клейн

НОРМАНИЗМ – АНТИНОРМАНИЗМ: КОНЕЦ ДИСКУССИИ

L.S.Klejn. Normanism — antinormanism: the end of the argument.

The argument of normanists versus antinormanists reached its peak three times during the last three centuries in Russia: in the XVIII cent. (the struggle of Miller against Lomonosov in the Academy of Sciences), in the XIX cent. (the public debates of Pogodin with Kostomarov at the Petersburg University) and in 1965, when my seminar was challenged for a public discussion in which our official opponent was I.P.Shaskol'skij but our true enemies were the Party ideologists of the historical Department. We succeeded in defending then our existence.

It was impossible then to defend Normanism openly and directly, and our way of defense was the definition: the concept of Normanism should be maximally narrowed — that everything we did could not be covered by this concept.

We dismembered the concept Normanism as it was pictured in Soviet historiography in 7 steps according to acceptance of consecutive positions:

1) The coming of Normans to the Ancient East-Slavic area.
2) Foundation of Kiev's dynasty by Normans.
3) Normanic origin of the name Rus'.
4) Influence of Normans on the East Slavic culture.
5) Normans as the creators of the First East-Slavic state.
6) Racial preference of Normans as the cause of their successes.
7) Political influences for the contemporary situation: Scandinavic geniuses are the proper bosses, Slaves must be subordinates.

Antinormanism led struggle for every of these steps: they issued from the notion that acceptance of only of these steps makes it easier to overcome the next. Gradually, however, they were forced to get off one after another. Even on the fifth step it was possible to state the leading participation of Normans without distorting Marxist Theory. We insisted then that merely resting on the 6th and 7th steps was unacceptable and should be considered as the expression of devil Normanism.

This was a trick. Such learning in the world historiography did not exist, and it doesn't. Normanism is a bugbear, scarecrow created by Ahtinormanism for substantiation of their necessity.

Варяжская дискуссия 1965 г. Трижды на протяжении трех последних столетий в России вспыхивал с особой силой спор норманистов с антинорманистами: в XVIII в. (борьба Миллера против Ломоносова в Академии Наук), в XIX в. (публичная дискуссия Погодина с Костомаровым в Петербургском университете) и в 1965, когда мой семинар в Ленинградском университете был вызван на публичную дискуссию.

В начале 60-х годов в Московском университете студент-первокурсник истфака, сын известного археолога, написал курсовую работу о роли варягов на Руси. Он бесхитростно суммировал факты, честно и непредвзято, не желая придерживаться догм антинорманизма. Работа была оценена всерьёз: студента немедленно исключили из Университета, и с этого начались его диссидентские мытарства – лагерь, психушка, изгнание из страны и смерть на чужбине. Это был Амальрик.

© Л.С.Клейн, 1999.

В те же годы в Ленинградском университете, ничего не зная о судьбе Амальрика, я, тогда уже не студент, а молодой преподаватель, только что окончивший аспирантуру, завершил рукопись книги «Спор о варягах». Рукопись осталась неизданной. Выводы были теми же, что у Амальрика, но факультет был несколько либеральнее, а я был опытнее. У меня за плечами было руководство в школьные годы подпольной организацией «Прометей», которую раскрыли лишь задним числом, и никто не был арестован, хоть и оказались, конечно, надолго под надзором КГБ. Было и рискованное, но успешное выступление против марризма, который тогда еще считался «железным инвентарем марксизма». Я понимал, на что поднимаю руку, и что сразу всё сказать не удастся. Что надо продвигаться постепенно.

На основе своей рукописи я стал читать спецкурс и организовал семинар, в котором этой тематикой занялось много способных студентов. Слухи о направленности наших работ обеспокоили парторганизацию факультета (секретарем тогда был И.В.Степанов), и решено было вызвать нас на дискуссию. Расчет был такой: либо я откровенно выскажу свои взгляды и буду разоблачен, так что можно будет со мной расправиться, либо я должен буду громогласно принять официальную трактовку – и оказаться лицемером и трусом в глазах моих студентов. В любом случае очаг крамолы будет ликвидирован.

Поводом для дискуссии была избрана только что вышедшая книга И.П.Шаскольского «Норманнская теория в современной буржуазной науке». На факультете было объявлено публичное обсуждение этой книги, и кафедре археологии настоятельно предложили в нем участвовать. Обсуждение состоялось 30 лет назад – 22 декабря 1965 г. при огромном стечении народа. Перед дискуссией я зашел к декану В.В.Мавродину и попросил оказать нам содействие, ведь это же и для факультета важно. «Нет, я не стану вам помогать, – взметнулся В.В., – они заручились санкциями обкома, и ваша песенка спета». Я сказал: «Вы меня не поняли, я не прошу Вас выступать в поддержку, а только поставить наши выступления, как нам удобнее: мое – вторым, как ответ на Шаскольского, Лебедева – сразу за мной, чтобы закрепить воздействие». «Это я могу», – отвечал декан. Перед самым обсуждением ко мне подошел И.П.Шаскольский и сказал: «Вы будете главным моим противником, но не я буду главным Вашим противником». Он спросил, какую тактику ему избрать, чтобы нанести нам наименьший ущерб. Я отвечал, что мы знаем нашего главного противника и хорошо подготовились.

Студенты были уверены в нашей победе: они уповали на неопровержимость археологических фактов – вот же скандинавские вещи, вот проценты погребений, вот карта с норманнскими комплексами в узловых точках. Я же говорил им: а вам на это ответят, что вы неправильно интерпретируете факты. Не в фактах тогда лежал ключ к победе в споре, а в овладении методологическими высотами. Я построил свое выступление на анализе самого спора антинорманизма с норманизмом как историографической проблемы и показал, что в ходе истории эти течения не раз менялись местами на карте общественно-политических ориентаций. Даже только за советское время – то норманизм был в руках марксистов инструментом уничижения феодальной верхушки (Покровский), то патриотическая пропаганда поднимала на щит антинорманизм. Я сделал упор на незамеченные нашими противниками перемены в зарубежной науке, где давно сменились ориентации и норманистами оказались просоветски настроенные исследователи, а антинорманистами – наоборот. Обеспечив методологическое прикрытие, можно было излагать факты, действительно весомые.

Результаты дискуссии известны. Мы отстояли свое существование. Через несколько лет вышел сборник под редакцией того же Шаскольского и в нем большая обзорная статья «Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения» (Клейн и др. 1970), в которой я вместе с двумя другими участниками семинара безо всяких экивоков суммировал факты, так недавно сломившие научную карьеру Амальрика. В ведущем советском историческом журнале «Вопросы истории» появилось высказывание, подписанное замредактора Кузьминым, о «современном научном норманизме»: «Для многих зарубежных, да и советских ученых это – добросовестное научное убеждение… Ленинградские археологи Л.С.Клейн, Г.С.Лебедев, В.А.Назаренко ни в коем случае не отходят от марксизма, признавая преобладание норманнов в господствующей прослойке на Руси» (Кузьмин 1971: 187). А когда из Московского университета поступил в министерство подписной донос видного профессора-антинорманиста о нашей антисоветской деятельности, созданная на факультете комиссия профессоров встала на нашу защиту. Работа семинара продолжалась, его участники впоследствии стали видными славистами – это Лебедев, Булкин, Назаренко, Дубов, Носов, Рябинин, Плоткин, Петренко, Кондратьева, Башенкин, Белецкий и др.

Вопрос о дефиниции. В той дискуссии мною был поднят важный теоретический вопрос. Нас хотели стигматизировать, заклеймить. Мы, естественно, сопротивлялись, и способом защиты была ссылка на неопределенность самого понятия – а что это такое, норманизм? Понятие было привычно одиозным, и перевесить это мы не надеялись. Поэтому мы старались так сузить это понятие, чтобы оно на нас не налезало. И мы избегали определять, кто же такие антинорманисты. А сейчас, когда можно быть вполне откровенным, как мы должны оп-

ределить свою позицию – как норманистскую? Неонорманистскую? Прилично ли быть антинорманистом? Или лучше просто ненорманистом? Что есть норманизм?

Термины «норманизм», «антинорманизм» и все производные так поизносились да затрепались за двести с лишним лет спора, что превратились в старые истертые монеты, на которых уже не разобрать, что там было вначале написано, и чтобы теперь определить их истинное достоинство, их надо расчистить, взвесить и попробовать на зуб.

Долгое время у нас было принято вообще отрицать за норманской теорией научное значение. «Норманская теория никогда не имела научного значения», — утверждалось в «Истории СССР» издания 1947 г. (История СССР 1947: 74). В.В.Мавродин в 1949 г. аттестовал ее так: «Лживая тенденциозная квази-научная норманская теория» (Мавродин 1949: 20). В 1953 г. Д.А.Авдусин в статье «Неонорманистские измышления буржуазных историков» трактовал норманистскую работу видного археолога Т.Арне как «выпад против русского народа, не имеющий ничего общего с наукой» (Авдусин 1953: 114-120).

Но уже в том же году Б.А.Рыбаков выражается несколько осторожнее: «После того, как многие доводы норманистов были опровергнуты (только после того! – Л. К.), норманская теория осталась где-то на грани между консервативной ученостью и политическим памфлетом» (Рыбаков 1953: 27). В том же духе трактует вопрос В.П.Шушарин в 1964 г.: «...из гипотезы (была, значит, все-таки когда-то гипотеза, то есть научная концепция! — Л. К.) норманская теория превратилась в средство фальсификации истории» (Шушарин 1964: 236-237). И еще: «...современный норманизм — во всех его формах (sic! – Л. К.)... — полностью утратил характер научной гипотезы, превратившись в средство пропаганды идеи о неспособности восточно-славянских народов к самостоятельному научному творчеству» (Шушарин 1964: 238). Тут единственное проявление некоторого отхода от крайности — признание, что взгляды норманистов были когда-то в прошлом (Когда? При Ломоносове? При Костомарове? Чьи взгляды? Байера? Миллера? Шлецера? Куника?) научной гипотезой.

В своей книге 1965 г. И.П.Шаскольский признает, что так называемая норманская теория не является просто фальсификацией истории в политических целях, как это утверждалось прежде, а представляет собой течение в буржуазной науке. По сравнению с теми высказываниями формулировка И.П.Шаскольского (течение в рамках буржуазной науки) представляет собой большой прогресс. Автор делает оговорку: «Правда, с марксистской точки зрения эта теория дает неверное, ошибочное освещение рассматриваемых проблем, т.е. не является научной». Надо бы уточнить: что в этой теории (точнее, в том, что под ней обычно понимают) не является научным, а что, может быть, и допустимо признать научным.

Лестница в преисподнюю норманизма. Термином «норманизм» в разные эпохи покрывались разные понятия. Конечно, если бы норманская теория состояла из одного четкого положения, то дело было бы просто: кто его признает — норманист, кто против — не норманист. Но норманская теория — не простая конструкция. За долгие годы первоначально простая схема обросла множеством пристроек и надстроек. Наоборот, некоторые части первоначального здания отрезаны и удалены. Возникает вопрос: что из них — норманизм, а что само по себе – не норманизм и лишь используется норманизмом.

Если взять только самые основные положения норманской теории (как она представлялась антинорманистам – то есть то, против чего они воевали), то получим следующую цепь суждений и умозаключений:

1. Упоминаемые летописью варяги — это скандинавские германцы, норманны.

2. Основателями княжеской династии Киевского государства явились варяжские вожди Рюрик и другие, призванные восточными славянами и их соседями, или, может быть, насильственно вторгшиеся.

3. Они привели с собой свое племя варягов, называемое Русью, и от них это название перешло на восточных славян.

4. Варяги оказали огромное влияние на всю славянскую культуру, что отразилось в вещах и в языке.

5. Варяги создали первое восточнославянское государство.

6. Причиной важной роли, которую норманны сыграли в Восточной Европе (как и везде), является их природное, т.е. расовое, превосходство над другими народами, в первую очередь над славянами, которые неспособны к самостоятельному творчеству.

7. Политический вывод для современности: опыт истории учит тому, что и впредь германцам суждено повелевать, а славянам — повиноваться.

Легко заметить, что чем дальше по цепочке, тем удаленнее от простой фактологии и ближе к политике, накал возрастает. Получается как бы лестница в преисподнюю норманизма. Сами по себе не все звенья в цепи имеют одиозное звучание. Однако в этой цепочке последующие звенья немыслимы без предыдущих, ибо они из предыдущих выводятся. Но значит ли это, что предыдущие немыслимы без последующих? Значит ли это, что и на них мы вправе перенести ту отвергающую неприязнь, которую справедливо вызывают к себе последующие?

Иными словами, верно ли, что всякий, кто сделал шаг-два по этой лестнице, неминуемо скатится вниз? Если верно, тогда то одиозное, что мы обозначаем термином «норманизм», начинается с самого верха, с самого первого шага. Но верно ли? Всякий ли, кто стоит на лю-

бой ступеньке этой лестницы — норманист?

Антинорманисты решали вопрос именно так, и схватки вспыхивали на каждой ступеньке лестницы. И можно заметить, что понятие норманизма сужалось: главный очаг борьбы спускался все ниже — от дальних подступов к основным вопросам. Антинорманизм отступал — это отмечает и И.П.Шаскольский: «С конца XIX в. полемическая деятельность антинорманистов стала ослабевать, а количество норманистских сочинений не уменьшилось, и в предреволюционное время создалось впечатление, что в общем в русской историографии последних десятилетий последователи норманизма одержали верх» (Шаскольский 1965: 11-12). О том, что такое положение сохранилось и в первые послереволюционные десятилетия, причем как в эмигрантской литературе, так и в советской, свидетельствуют приводимые автором этой книги высказывания Ф.А.Брауна: «Дни варягоборчества, к счастью, прошли», и Ю.В.Готье — о том, что спор уже «решен в пользу норманнов» (Шаскольский 1965: 12).

И.П.Шаскольский исходил из количественного уменьшения антинорманистской литературы. Но для выводов об отступлении антинорманизма были не только количественные основания. Вдумаемся в предмет спора: как он изменялся?

Первые ступени. Антинорманисты давно полностью сдали первую позицию — ту, на которой бой шел первые сто с лишним лет: кем были варяги — норманнами (скандинавскими германцами) или нет? Кто только не выдвигался на роль варягов — от западных славян и литовцев (жмудинов) до иранцев и даже евреев. Все это выдвигали антинорманисты, те же, кто признавал норманскую принадлежность варягов — были норманисты. А все прочее считалось малосущественным.

Кто сейчас отрицает, что варяги — норманны? Странно и смешно подумать, но факт: с точки зрения всех антинорманистов прошлых двух веков, от Ломоносова до Костомарова, Гедеонова и Забелина, все советские историки — норманисты (за исключением разве что В.Б.Вилинбахова).

Борьба была перенесена на другие ступени. Долгое время острые споры шли по вопросам №2 и 3: об эпизоде прибытия (призвание, завоевание или поиски службы) и о термине «Русь» (северного он происхождения или южного). И снова противники норманизма жестко отмежевались: кто признает, что варяги нанялись на службу к славянам, тот наш, а кто признает призвание или (того хуже) завоевание — норманист! А кто считает термин Русь скандинавским, северным — и подавно норманист!

Но в последующие годы у советских исследователей стали закрадываться сомнения. Эпизод прибытия уже не толкуется в курсах лекций столь уничижительным для варягов образом. Каким бы способом они ни проникли, но, оказавшись здесь с оружием в руках, далеко не всегда держались в рамках, приличных для служебного персонала — так или иначе, но почти все главные князья оказались варягами. Самые мощные доказательства южного происхождения термина Русь были марровскими, остальные — очень шатки. А марровские рушились! Одни исследователи, пойдя на компромисс, признали, что термин имел двойственное происхождение — южное и северное (но какое странное совпадение — надо же! — с двух сторон сошлись и встретились два термина одного звучания и даже одного значения). Другие заколебались: то ли с севера пришло это слово, то ли с юга... А третьи стали склоняться на сторону северного происхождения: пусть грамматические перипетии путешествия термина с севера на юг не вполне ясны, но как бы там ни было, а все-таки финны до сих пор зовут русами (руосси) шведов, а славян — венедами (веняя), и антинорманисты никак объяснить этого не могут.

В 1949 г. В.В.Мавродин еще считал эти два вопроса (вторую и третью ступеньки) основными в споре, определяющими деление на норманистов и антинорманистов. В.П.Шушарин в своей книге 1964 года еще твердо стоит на старых позициях, хотя и не считает эти вопросы главными. А вот И.П.Шаскольский в своей книге 1965 года эти два положения уже не включил в corpus delicti норманизма! В его формулировку, определяющую, что такое норманизм, они уже не входят.

Но это только теоретически, декларативно. Практически же И.П.Шаскольский продолжал решительно воевать с теми, кто готов признать «призвание», «завоевание» или скандинавскую Русь, и зачислял их в норманисты. Он признавал, что, возможно, всё-таки термин «Русь» окажется северным, но сторонники этого мнения уже заранее зачислены в норманисты! Создавалось впечатление, что автором книги, как и многими другими историками до сих пор, движет в этом деле тайный страх перед теми ужасными последствиями, которые разразятся, если (не дай бог!) окажется, что термин «Русь» — северного происхождения. Т.е. если северного, ну тогда... Ну, тогда уже ничего не остается, как идти на поклон к шведскому королю, чтобы принял наши худые землишки под свою могучую державу!

Иными словами, молчаливо подразумевалось, что дальнейшая цепочка построена в норманистской теории (как ее представляли антинорманисты) правильно, прочно, и из этого звена уже с необходимостью вытекают все последующие.

В борьбе за термин «Русь» сказались и этот страх, и опасения за урон национального достоинства: зазорно носить чужое имя. А не зазорно ли носить русским людям личные имена

Петр и Георгий (греческие), Иван, Марья, Михаил (древнееврейские), Игорь и Ольга (варяжские)? Откуда приходят имена — дело случайное. Переселения и завоевания — тоже зависели от множества конкретных обстоятельств истории и происходили в разных направлениях. Привязывать судьбу спора к исходу установления таких конкретных событий — значит ставить решение важных вопросов истории в зависимость от выяснения случайных обстоятельств – и с весьма рискованным результатом!

Четвертая ступенька. В последние советские десятилетия основные бои пошли на четвертой ступеньке. Количество варягов, их вклад и влияние в русской культуре — вот главные вопросы спора, по которым определяли теперь, кто норманист, кто — нет. Признание «сколько-нибудь значительного воздействия» (Шаскольский 1965: 4-5) варягов в этом вопросе И.П.-Шаскольский уже и в формулировку ввел, определяющую принадлежность к норманизму: «Норманизмом, — писал он, – мы считаем все теории и концепции, приписывающие скандинавам-норманнам наиболее важную или решающую роль в коренных событиях истории нашей страны IX-XI вв.», как-то: «формирование классового общества, образование древнерусского государства, начало развития феодальных отношений, формирование русской народности и ее материальной и духовной культуры». И тут же И.П.Шаскольский добавляет сакраментальную фразу, очень четко выявляющую стиль исторического мышления постсталинской эпохи: «Норманизм — это преувеличение роли норманнов...» (Шаскольский 1965: 5).

Но если норманизм — это преувеличение, то какова же норма? Норма-то, ведь определяется фактами! А если факты недостаточно исследованы, то и норма не определена!

Все резкие заявления об отсутствии сколько-нибудь значительных варяжских элементов в наших курганах основаны прежде всего на статьях Д.А.Авдусина, которые сам же И.П.Шаскольский признает несолидными, необъективными. (Шаскольский 1965: 105) «...Становится очевидно, — пишет И. П. Шаскольский, — что обе стороны слишком увлеклись в своем споре. Арне и Арбман заметно преувеличивают роль норманнов в Гнездове, объявляя весь могильник в основном норманнским; но вряд ли прав и Авдусин, доказывая почти полное отсутствие в Гнездово погребений скандинавов» (Шаскольский 1965: 117)

У читателя складывается впечатление, что истинное количество норманнов в Гнездове, по мнению И.П.Шаскольского, – посередине между крайними определениями Арне и Авдусина.

Арне считал, что в Гнездове не менее *25* скандинавских комплексов.

Авдусин только *2* кургана признал скандинавскими.

Какова же «золотая середина» Шаскольского? Пересчитав со всей строгостью (с достаточным пристрастием) все гнездовские комплексы, которые неизбежно придется «отдать» скандинавам, И.П.Шаскольский включил в это число не менее 12 (но менее 20) женских погребений и около 18 мужских, т.е. минимум ок. 30 комплексов! (Шаскольский 1965: 111, 120, 123). Остается выяснить, есть ли хоть какие-нибудь математические возможности признать цифру 30 средней между 2 и 25!

Правда, И.П.Шаскольский добавляет: все равно это — мизерная цифра по отношению к 700 раскопанным курганам Гнездовского могильника. Да, мизерная. А вот какова будет по отношению к достоверно славянским из этих 700? Громадное большинство-то ведь в Гнездове вовсе неопределимо!

Кстати, Арне в своем ответе Авдусину указал на это последнее обстоятельство и вообще, надо признать, с блеском разбил доводы Авдусина (Arne 1953). Это та самая статья Арне, которая осталась без ответа. Ни Д.А.Авдусин, ни другие советские археологи ничего не противопоставили ей. Вот печальный итог запальчивого спора с негодными средствами.

Впрочем, попытки противопоставления все-таки есть — я имею в виду выдвинутую Д.А.Авдусиным и принятую И.П.Шаскольским, как сказали бы юристы, «презумпцию» славянской принадлежности неопределенных курганов. Т.Арне был готов всякий курган, в котором найдена скандинавская вещь, объявить варяжским, а славянских не видел вообще — это, конечно, нельзя признать строго научным подходом. Д.А.Авдусин противопоставил этому другую крайность; по одной-двум славянским находкам он весь курган объявляет славянским, а достоверные скандинавские вещи объявляет славянскими — это столь же неубедительно, и И.П.Шаскольский это отвергает. Но Д.А.Авдусин пошел еще дальше. По его мнению, не только те курганы, в которых найден хотя бы малейший славянский элемент, но и все неопределенные курганы, в которых ничего вообще не найдено, надо зачислить в славянские, поскольку они найдены на славянской территории и не имеют опознавательных признаков иной принадлежности. Т.е. если не доказано, что курган иной, значит, он славянский. Но ведь с таких позиций любой беспаспортный незнакомец, задержанный на русской земле, должен быть признан русским.

И, как это ни странно, И.П.Шаскольский принимает этот принцип, считая его правильным. «Ведь никому же не придет в голову, — восклицает он, — приписывать аналогичные по обряду и инвентарю курганы в средней Швеции славянам — там они, конечно, шведские» (Шаскольский 1965: 124). Да, но только потому, что по письменным источникам хорошо известно, что в те века не было ни славянских походов в Швецию, ни, скажем, «пути из славян в гренландцы», тогда как варяжские походы прогремели по

всей Европе, а «путь из варяг в греки» пролегал по славянским землям. Не ясно ли, что, поскольку письменные источники знают о проживании на этих землях не одних лишь славян, этническую принадлежность курганов позволительно определять только по достоверным признакам: курган с безусловно скандинавскими признаками — варяжский, с безусловно славянскими — славянский, а без четких признаков — неизвестно чей и в расчет этнического состава населения приниматься не должен.

Вот это был бы объективный подход.

Все признают, что на данном этапе весь спор в целом перенесен в основном в сферу археологии. В этом согласны и норманисты, и их противники. Т.Арне пишет: «Без археологического материала было бы невозможно получить какие-нибудь заключения о жизни славян 7-8 вв., т.е. тех веков, которые непосредственно предшествуют выступлению) варягов» (Arne 1953: 138 – 139). А.В.Арциховский считает: «с течением времени варяжский вопрос все более и более становится археологическим вопросом» (Artsikhovsky 1962: 1).

Воистину! Но из этого вытекают очень важные выводы. Сам же И.П.Шаскольский с сочувствием передает слова А.В.Арциховского, что «круг письменных источников по этой проблеме ограничен, и многие поколения историков бьются над интерпретацией одних и тех же памятников, напротив, археологический материал растет с каждым годом и дает все больше данных для решения многих проблем, которые ранее казались неразрешимыми, в том числе и для решения норманской проблемы» (Шаскольский 1965: 107). Считается, что за каждые 30 лет материал возрастает вдвое. Еще более существенно то, что тот материал, который накоплен и уже послужил для ответственных выводов, изучен чрезвычайно слабо — все археологи это знают. Так что его надо еще только исследовать по-настоящему, а на предварительные выводы, часто крайне поспешные, не очень-то полагаться! Ближайшие годы могут принести самые неожиданные результаты.

Возьмем, например, созвездие могильников Ярославского Поволжья — единственное, полностью раскопанное, в большей (сохранившейся) части обработанное и полностью в этом виде опубликованное (Ярославское Поволжье 1963). Еще недавно одни объявляли все созвездие целиком норманским, другие с первого же взгляда — чисто славянским. А что оказалось на деле?

В самом большом и лучше всего изданном из всех трех могильников — Тимеревском, по строгим подсчетам автора публикации, 38% погребений оказалось финскими, 15% — славянскими и 4% — скандинавскими. И. П. Шаскольский приводит эти цифры, особо отмечая: «лишь 4%» (Шаскольский 1965: 158). Но ведь 43% погребений Тимеревского могильника остались без определения. А если пересчитать проценты по отношению к количеству *определенных* погребений, то цифры увеличатся соответственно: 67, 26 и 7. Но и это еще не отражает реального содержания варяжского элемента в этническом составе населения окрестностей Ярославля во время деятельности здесь варягов, так как при таком подсчете смешаны в кучу погребения всех веков — включая то время, когда варягов здесь уже вовсе не было. Если же пересчитать процентное соотношение по векам (таблицы, приложенные к публикации, позволяют это сделать очень легко), то получим, что для X века на 75% финнов и 12% славян приходится 13% скандинавов (14 погребений из 107). Значит, в это время каждый восьмой житель окрестностей Ярославля оказывался варягом, а славян было меньше, чем варягов. (Уже в конце X — начале XI вв. на 72,5% финнов и 24% славян приходится только 3,5% скандинавов, а позже начала XI в. варягов в могильнике нет).

Вот какие неожиданности нас еще ждут! А бывают и сюрпризы противоположного характера. Мечи вначале считались сплошь норманскими, потом их признали франкскими, и действительно на них большей частью оказываются подписи рейнских мастеров. Но вот А.Н.Кирпичников на одном мече обнаружил чисто славянскую подпись! (Кирпичников 1965). Значит, было, оказывается, и местное производство мечей, хотя и значительно меньшее по объему продукции.

Значит, опять: заранее утверждать возможность только одного решения крайне опасно.

Конечно, исследователь может держаться той или иной скороспелой гипотезы и с азартом ждать, как она оправдается при настоящей проверке материалом, и тогда подтвердят его или опровергнут факты — его личное торжество или посрамление. Но определять свою позицию как единственно марксистскую, а противоположную — как норманистскую, антимарксистскую, т.е. связывать с этим риском победу или поражение советской науки, ее методологии — мне представляется непозволительной авантюрой.

А между тем наши ученые не раз оказывались не в силах устоять перед искушением монополизировать за своей гипотезой исключительное право представлять марксизм. И давали подчас возможность нашим противникам злорадствовать. И все же это снова повторяется...

Каждое утверждение ученого, а тем более целой научной школы — это вексель, по которому рано или поздно придется платить, и, тот, кто не сумеет этого сделать в момент учета векселей, становится банкротом.

Банкротом оказался проф. Д.А.Авдусин.

Банкротами оказались Д.Б.Вилинбахов вкупе с В.В.Похлебкиным.

Но так как первый, по сути, объявлял свои

позиции единственно марксистскими (и тогда это не отрицалось в печати никем из советских ученых), а вторых обстоятельства их выступления поставили в такую позицию (полемика в иностранном журнале – Похлебкин и Вилинбахов 1960), то в глазах мировой научной общественности это могло быть равносильно банкротству российской исторической науки в данном вопросе, и теперь предстоит здорово поработать, чтобы рассеять это впечатление. Зачем же снова выдавать векселя, которые не имеют за собой надежного материального обеспечения?

У экономистов вексель подобного рода называется «бронзовым».

Смелая гипотеза, высказанная без претензий, — это инструмент исследования.

Смелая гипотеза, объявленная единственной представительницей советской науки в данном вопросе, — это «бронзовый» вексель.

Три десятилетия назад я критиковал книгу Шаскольского, но метил не в него, а в тех, кто стоял за ним.

Книга И.П.Шаскольского, говорил я, в известном смысле — тоже «бронзовый» вексель. Правда, это вексель на меньшую сумму, чем векселя его предшественников, в значительной части он выдан другими исследователями и лишь акцептован (снабжен передаточной надписью) И.П.Шаскольским (и это, как известно, не освобождает от ответственности), и имеет за собой частичное обеспечение (но лишь частичное).

И.П.Шаскольский признает, что «даже с позиций буржуазной филологической науки вопрос о названиях днепровских порогов все еще требует значительно более основательного изучения» (Шаскольский 1965: 161). «Даже...» — означает, очевидно, что с марксистских позиций вопрос тем более не может считаться решенным. Но одно из альтернативных решений уже заранее осуждено как «преувеличение», а те, кому оно представляется более перспективным, уже заранее объявлены норманистами.

И.П.Шаскольский констатирует, что «советские археологи в последние годы не раз пытались выяснить происхождение погребений в срубах, но пока еще не нашли удовлетворительного решения, вопрос этот, безусловно, требует еще дальнейшего исследования» (Шаскольский 1965: 179). Но если «удовлетворительного решения» еще нет, значит, нельзя одно из двух возможных определений признать доказанным, а другое — ошибочным: оно вполне может оказаться правильным. И это признание сделано сразу же после того, как сторонники одной из этих трактовок уже зачислены в норманисты.

И.П.Шаскольский понимает: «следует согласиться с мнением ряда зарубежных археологов, что норманнская проблема как археологическая проблема требует значительно более основательного изучения» (Шаскольский 1965: 181). Но так как все, кто с защищаемым в его книге решением этой археологической проблемы не согласен, заклеймены в этой книге как норманисты, то, признавая, что это решение зиждется на недостаточно основательном изучении и, следовательно, что «более основательное изучение» может привести в другому исходу, И.П.Шаскольский и сам попадает в норманисты!

Позволю себе сослаться на изречение библейского Соломона Мудрого — тем более, что он лицо объективное: не норманист и не антинорманист: «Сеть для человека необдуманно признавать святынею, а после обетов исследовать» (Притчи Соломона, гл. 20, ст, 25).

А у нас так: сначала признаем святыней, затем (не отступать же!) надаем страшных обетов: о борьбе с этими положениями как норманистскими, враждебными, антимарксистскими, и лишь потом приступаем к исследованию. Мудрено ли, что исследование движется с трудом, а итог его не всегда приносит радость, которую мы были бы вправе получить?

Пятая ступенька. Ну, а как быть со следующей ступенькой — с вопросом о том, кто создал Древнерусское государство?

Прежде всего, я считаю, что в такой форме вопрос поставлен неточно, несовременно. В нем подразумевается, что государство создают отдельные личности (Рюрик с братьями, Ромул и Рем, Попель и Пяст). Но ведь от такой постановки вопроса отказались не только марксисты. Вопреки ходячему мнению, серьезные норманисты тоже (и, видимо, не без влияния советской науки) приобрели в этом вопросе более широкие и более современные интересы.

Стало быть, современная постановка вопроса иная.

Эта современная постановка вопроса такова: Как и на какой основе возникало Древнерусское государство, кто участвовал в этом процессе и какую роль сыграл? В частности: какую роль сыграли варяги? Никакой? Или совсем незначительную? Или заметную, видную, главную?

Если мы так поставим вопрос, то тем самым направим решение в приемлемое для марксизма русло — и тогда станет ясно, что и в рамках марксистского решения всего вопроса решение частного вопроса о роли варягов может быть различным и что это зависит от многих конкретных обстоятельств: много ли пришло варягов, как они распределились по слоям населения и по территориям, в какой момент процесса классообразования и государствообразования прибыли, какой социально-экономический багаж принесли с собой и т.п. Т.е. что это зависит от фактического материала, и то или иное решение марксистской теорией не предопределяется.

Марксистская теория обязывает исследователя определять экономические и классовые корни государства, искать их в экономике

и классовом составе общества, а были ли отдельные части и слои этого общества местными или пришлыми, одной народности или разных — марксистская теория принципиально не предусматривает. По-разному могло быть. В каждом случае это зависит от фактического конкретного положения в данной стране.

Но марксистская теория безусловно отвергает поиск корней государства в личных действиях и особенностях вождей — «основателей» (это волюнтаристический идеализм) или особых этнических групп населения — местных или пришлых (это биологический детерминизм, расизм). В этом марксизм не так уж отличался от ряда других теорий (социологизм, культурный материализм и др.).

Те фактические материалы, которые нужны для решения названных вопросов о роли варягов в сложении Древнерусского государства, должна дать главным образом археология. Конечно, не только археология: историкам предстоит еще уточнить многие понятия социально-экономического анализа раннефеодального общества и государства: классовая структура, дань как форма эксплуатации и многое другое. Но археологические источники будут главными.

И соответственно на эту ступеньку распространяется то, что сказано о предыдущем. Многие из необходимых исследований археологических памятников варяжского и предваряжского времени еще не проделаны, а то и не начаты.

Прежняя уверенность в том, что полное и окончательное решение по этой линии уже достигнуто (еще живущее в книгах и статьях наших историографов как рудимент) базировалось на трудах Б.Д.Грекова, а у того стройная и многоэтажная конструкция государствообразования на юге Восточной Европы была построена на поспешной и ненадежной субструкции — на концепции абсолютно автохтонного этногенеза восточных славян. Согласно этой концепции, многие памятники Восточной Европы, начиная с триполья, были объявлены славянскими и выстроены в длинную четырехтысячелетнюю непрерывную эволюционную цепь прогресса, включавшую скифов и поля погребения и увенчанную Киевской Русью.

С падением теории ак. Н.Я.Марра это построение распалось, а новое, более надежное и объективное, создается нашими археологами только сейчас, с большим трудом, в спорах и частых перестройках. Пока здесь нет ни постоянства, ни единодушия. Какие памятники — славянские, какие – нет, до VI в. н. э. – всё спорно. Более надежные определения начинаются на юге только за три века до Киевской Руси, а на севере – и того позже (Щукин 1976; Булкин и др. 1978: 61 – 100). Но, увлекшись более ранними периодами, наша наука на эти более доступные несколько веков как раз долго не обращала внимания и мало о них узнала. Прослеживать такую длинную предысторию древнерусского государства, которая бы измерялась тысячелетиями, пока не на чем, и даже более короткую – трехвековую – чрезвычайно трудно.

Наиболее важный из уже сделанных вкладов – это капитальное исследование роменско-боршевских поселений И.И.Ляпушкиным, дающее объективное представление о высокой земледельческой культуре восточных славян до варягов и без варягов. Но это не может рассматриваться как полное отрицание роли варягов в других сферах. Утверждение, что в IX – X веках не появилось ничего принципиально нового по сравнению с предшествующим периодом, неосмотрительно: а города, новшества в ремеслах, новые торговые пути и пр.?

Очень важны археологические исследования антского общества VI – VII вв., но материалы опубликованы еще недостаточно и неполно, а старые построения Б.А.Рыбакова другим археологам с самого начала представлялись интересными, но поспешными и сугубо гипотетичными (антинорманистские историографы тотчас использовали их их в борьбе против норманизма!).

Возможно, что многое потребует пересмотра.

И, собственно, если полистать даже не самую современную книгу такого видного «не-норманиста», как В.В.Мавродин, да еще написанную во время войны (изд. в 1945), то роль варягов в построении древнерусского государства характеризуется там словами, которые иному ревнителю «ненорманного» положения покажутся норманистскими: норманны и «ускорили», и «оформили», и «объединили», и «направили внешнюю политику»... (Мавродин 1945: 210, 225, 385 – 386, 388 – 389 и др.). А чем же еще, собственно, может выражаться деятельность верхних классов по формированию государства, их участие в его создании? Много ли возможностей остается?

Пожалуй, не так далек от истины А.Стендер-Петерсен, когда говорит, что между норманистами и антинорманистами «провести точную, однозначную грань... теперь уже не так легко, как это было в старину» (Stender-Petersen 1953: 241). С ним можно было бы согласиться, если понимать термин «норманизм» в том расширительном толковании, в котором он у нас обычно применяется.

Последние ступеньки. Но резкая грань есть, и я с ним не согласен. Потому что я не могу согласиться с таким расширительным пониманием термина «норманизм»...

Этот пассаж характеризует мою позицию в дискуссии 1965 г. Я утверждал тогда, что не могут быть признаны ни марксистскими, ни вообще научными оба последних, «итоговых» (и главных) положения норманизма: о природном превосходстве норманнов над другими народами и о политических выводах для современности. Они не подтверждаются и не имеют никаких перспектив подтвердиться научными дока-

зательствами, объективным анализом материала, ибо противоречат всему ходу истории, всем общим законам развития человечества, многократно проверенным и подтвержденным. Они стоят вне науки.

Но их стараются подтвердить! Вот где стык науки с политикой — и зловредной политикой! Эти попытки сейчас уже не единственное идеологическое оружие реакции в данном вопросе, может быть, уже даже не главное, но они еще живут. И с ними надо бороться.

Не в вопросе о происхождении Древнерусского государства центр тяжести норманизма. Действительным врагам нашего народа и государства норманнская характеристика Древнерусского государства сама по себе не важна — им важна возможность сделать из этого выводы о непрочности современного нашего государства и творческой неспособности народа. Но для этого древние успехи варягов (действительные или мнимые) ничего не дают, кроме сладких воспоминаний (мало ли у какого народа не было в прошлом дальних походов и побед!). Необходим тезис о том, что древними успехами своими варяги обязаны своим северо-германским природным качествам, расовому превосходству — только на этом можно строить выводы о современных потенциалах.

Поэтому, продолжал я свою аргументацию, для действительно успешной борьбы против настоящего, злокачественного норманизма необходимо выяснение подлинных причин варяжских походов, их успешности во многих странах. Марксисты не могут сомневаться, что эти причины надо искать не в расовых особенностях, а в социально-экономической обстановке в Скандинавии и остальной Европе. Но эта чрезвычайно важная работа как раз пребывает в зародышевом состоянии: почти нет таких исследований в марксистской литературе, ибо настолько увлеклись схватками по более эффектным, на первый взгляд вопросам, что не до нее было.

И вот действительный ущерб делу борьбы с норманизмом.

Мой вывод был таков: норманизм — это утверждение природного превосходства норманнов (северных германцев) над другими народами и объяснение этим превосходством исторических достижений этого народа — как мнимых, так и действительных. Это разновидность биологического детерминизма в истории (расизма). Это не научное течение вообще (впрочем, такая оценка не означает, что само оно и его псевдонаучные доводы должны быть оставлены без научного анализа, разбора и научного опровержения, а не только политического разоблачения).

А что же все остальные положения, остальные ступеньки лестницы?

А это не норманизм.

Даже если они решают вопрос «в пользу норманнов», может быть, их можно называть «норманнской гипотезой» — а такие гипотезы правомерны. Нельзя заранее, априорно закрыть возможности таких решений. «Журналист не должен торопиться порицать гипотезы, — писал в свое время М.В.Ломоносов. — Оные... единственный путь, которым величайшие люди успели открыть истины самые важные». Не будем же «торопиться порицать» и «норманнскую гипотезу», хоть сам М.В Ломоносов в данном случае и не следовал этому правилу.

А может быть, таким названием незачем эти положения торопиться окрестить. Может быть, правильнее считать, что это просто обычный фактологический анализ материала. Этот анализ могут, конечно, использовать норманисты, но abusus non tolit usum (злоупотребление не исключает употребления). Сами по себе эти положения злокачественными не являются и могут послужить фактологической базой для объективного выяснения подлинной исторической картины. Т.е. могут пригодиться для выявления исторических закономерностей, в чем и заключается ведь главная задача историка.

И даже в работах одного и того же исследователя, даже действительно реакционного, даже подлинного норманиста, надо различить норманизм и то, что норманизмом не является.

Если так поставить вопрос, то окажется, что норманистов не так уж и много в серьезной мировой науке, разве что Вернер Келлер (Keller 1960, 1961), да кто ж его берет в серьезный расчет, да и знает-то его кто. И не так страшен этот черт, как его размалевали наши историографы. С их точки зрения, куда ни глянь — всё враги, всё норманисты, всё фальсификаторы, все христопродавцы!

Странное дело, но по каждому вопросу истории в мировой науке всегда в наше время оказывается очень широкий диапазон взглядов — от них до нас, — очень большое разнообразие, много наших союзников и попутчиков, много средних позиций, постепенные переходы. Только по двум вопросам было такое поразительно единодушное отшатывание от нашей науки — по марровской теории (считанные единицы признавали) и по норманской проблеме — как в биологии по лысенковской анти-генетике.

Что это означало в вопросах о Марровском учении и анти-генетике — мне незачем напоминать. А не перегнули ли мы палку и в нашем вопросе?

Случайно ли, что в дореволюционной и в ранней советской, как и во всей мировой науке в конце XIX и нач. XX вв. почти совсем прекратились антинорманистские сочинения и все ученые — многие серьезные, объективные и передовые — в той или иной мере занимали позиции норманизма (в его расширительном толковании)? Может быть, они все и во всем ошибались (что маловероятно), но не по реакционности!

А если провести пересчет по новому, пред-

лагаемому определению норманизма, то очень многие (как прежние, так и современные) «норманисты» окажутся вовсе не норманистами. Некоторые из них и сами это утверждают. Иной историк руками и ногами упирается — не хочет в норманизм: я друг ваш, я не норманист, я даже, может быть, вообще не буржуазный ученый! А мы отталкиваем: свят, свят, свят — норманист!

А может, и в самом деле не норманист?

Не теряем ли мы друзей и союзников там, где незачем их терять, как роняем престиж, когда могли бы его не ронять?

Я уж не говорю о том, что упрямое повторение старых антинорманистских догм и применение натяжек в полемике наносит нам куда больше ущерба, чем признание некоторых фактов, может быть, действительно имеющих неприятный оттенок (а что, татарское иго приятно? Но ведь не отрицаем!).

Исходные соображения и стимулы таких уверток от неприятных фактов понятны, но не заслуживают оправдания. Напомню слова замечательного русского демократа В.Г.Белинского, которого никто не обвинит в отсутствии патриотизма:

«Бедна та народность, которая трепещет за свою самостоятельность при всяком соприкосновении с другою народностью... Наши самозванные патриоты не видят в простоте ума и сердца своего, что, беспрестанно боясь за русскую национальность, они тем самым жестоко оскорбляют ее... Естественное ли дело, чтобы русский народ... мог утратить свою национальную самостоятельность?... Да это нелепость нелепостей! Хуже этого ничего нельзя придумать!»

В мире идет напряженная борьба за умы мыслящих людей (а мыслящих становится все больше), и в этой борьбе побеждает не тот, кто займет наиболее гордую или может быть, лучше сказать, чванливую позицию, а тот, кто проявит наибольшую честность, объективность и смелость в признании правды, кто сумеет показать превосходство своего философского и научного метода в ее раскрытии, кто сумеет занять такую позицию, что железные факты всегда будут оставаться на его стороне.

Спор о варягах — это не только борьба с норманизмом. Это также борьба за честь, престиж и мировое влияние нашей исторической науки.

Конец дискуссии. Такова была позиция, занятая нами три десятилетия назад. Мы утверждали, что из всей «лестницы норманизма» лишь две последних ступеньки неприемлемы, лишь ступая на них, исследователь оказывается норманистом. Но таких очень мало, добавляли мы.

Теперь мы можем честно признать: таких в науке вообще не было и нет. Тогдашняя наша позиция была вынужденной. Это был всего лишь тактический прием, обусловленный привычной одиозностью термина и неизбежностью идейной борьбы с Западом. Советская наука была нацелена на разоблачение противников на Западе, и их непременно надо было отыскать и обозначить. От них надо было дистанцироваться, иначе вы сами попадали «в объятия буржуазной науки». Норманизм был таким жупелом, и мы понимали, что придется сохранить это понятие в историографической системе. Мы старались лишь сжать его до предела, сделав по сути бессодержательным, поскольку реально под него не попадал никто. Тем самым мы стремились обеспечить свободу исследований.

Что ж, ликвидация советского режима привела к тому, что свобода исследований стала полной. Ныне вряд ли можно сомневаться, что норманизм был просто пугалом, созданным антинорманистами для подтверждения их необходимости. Вот антинорманизм – это реальность. Но реальность, имеющая корни скорее в психологии и политике, чем в науке.

Что касается содержания двух последних пунктов искусственно сконструированной норманистской схемы, то я по-прежнему отвергаю расовую, генетическую неспособность русского народа к созданию и совершенствованию государственной организации. Исторический опыт показывает, что любой народ способен к неожиданным свершениям, и русский народ, вобравший в себя многие другие, показал немало таких свершений. В то же время теперь каждому очевидно, что на основе исторической традиции в нашем национальном характере выработались черты, заставляющие народ бросаться в крайности – от личной диктатуры к беспорядку и обратно. Мы по-прежнему выбираем не разумом, а эмоциями, не программу, а личность. Мы консолидируемся лишь перед лицом смертельной опасности. Слишком часто мы оказываемся жертвой дезорганизованности. Нам не хватает систематичности в работе, внутренней дисциплины и уважения к закону. Чтобы преодолевать эти особенности, нужно время и трезвое самосознание. А в этом не последнее место занимает осознание сути и роли антинорманизма.

И.П.Шаскольский в 80-е годы считал, что антинорманизм был течением дореволюционной российской науки и умер с ее отпрысками в эмиграции. Почему антинорманизм существовал только в российской науке, Шаскольский объяснить не может. Советскую войну против норманизма он не считает антинорманизмом (Шаскольский 1983). И напрасно. Никаких принципиальных отличий от дореволюционного антинорманизма марксистские объяснения корней государства не вносят. Ведь спор шел не о том, *как*, а о том, *кто*. Но мертв сейчас и советский антинорманизм.

Антинорманизм как научная концепция давно мертв. Антинорманизм как позиция будет возрождаться не однажды. История с нами, история в нас.

ЛИТЕРАТУРА

Авдусин Д.А. 1953. Неонорманистские измышления буржуазных историков. // Вопросы истории, 12, с.114-120.

Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. 1978. Археологические памятники Древней Руси IX – XI веков. Ленинград, изд. Ленинградского университета.

История СССР 1947 — История СССР, т.1, М., 1947.

Кирпичников А. Н. 1965. Древнейший русский подписной меч. // СА, 3: 196 – 201.

Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назарено В. А. 1970. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. // Исторические связи Скандинавии и России. Л. Наука: 226 – 252.

Кузьмин А. Г. 1971. Болгарский ученый о советской историографии начала Руси. // «Исторически преглед», София, кн. 3; // Вопросы Истории, 2: 186 – 188.

Мавродин В. В. 1945. Образование Древнерусского государства. Ленинград, изд. Ленингр. университета.

Мавродин В.В. 1949. Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Ленинград.

Похлебкин В. В., Вилинбахов В. Б. 1960. Несколько слов по поводу гипотезы проф. А. Стендер-Петерсена. Kuml: 132 – 134.

Рыбаков Б.А. 1953. Древние русы.// СА, 17.

Шаскольский И.П. 1965. Норманская теория в современной буржуазной науке. М – Л.

Шаскольский И.П. 1983. Антинорманизм и его судьбы. // Генезис и развитие феодализма в России (Проблемы отечественной и всеобщей истории, вып. 7). Ленинград, изд. Ленингр. ун-та: 35 – 51.

Шушарин В.П. 1964. Современная буржуазная историография Древней Руси. М.

Щукин М. Б. 1976. Археологические данные о славянах II – IV веков. // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. М.

Ярославское Поволжье 1963 — Ярославское Поволжье X – XI вв. По материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников. М.

Arne T. J. 1953. Die Warägerfrage und die sowjetrusische Forschung. – Acta Archaeologica, XXIII, 1952 (Copenhagen): 138 – 147.

Artsikhovsky A. 1962. Archaeological data on the Varangian question (VI International Congress of Prehistorical and Protohistorical Sciences. Reports and communications by archaeologists of the USSR). Moscow, 9 p.

Keller W. 1960. Ost minus West = Null. München.

Keller W. 1961. Are the Russians felt tall? London.

Stender-Petersen A.1953. Varangica. Aarhus.

Г.С.Лебедев

VARANGICA ПРОБЛЕМНОГО СЕМИНАРА Л.С.КЛЕЙНА

Тридцать лет движения к Неизвестному Городу на Пути из Варяг в Греки

G.S.Lebedev. Varangica of the Issue-Oriented Seminars Conducted by Leo Klejn. A Thirty-Years Journey Towards the Unknown City on the Road 'From the Varangians to the Greeks'.

The modern study of the 'Varangian issue' in Russia started with a book by I.P. Shaskolsky "Norman Theory in the Modern Bourgeois Science" published in 1965 and with a discussion of this book at the History Faculty of Leningrad University later the same year. Shaskolsky's main opponent was Leo Klejn, founder and leader of the issue-oriented seminars in the Archaeology Dean's Office, which started specifically as a 'Varangian seminar'. The first participants at the seminar were V.P. Petrenco, Y.Y. Piotrovsky, V.A. Bulkin, V.A. Nazarenko, A.A. Peskova, the author of this article and others. A very characteristic one was the fate of V. Petrenko, researcher of the Norman cemetery Grobina, the earliest one in Eastern Europe.

Later, E.N. Nosov, I.V. Dubov, E.A. Ryabinin and K.M. Plotkin joined the seminar.

In the late 60s and early 70s the further research was thought as a complete publication and statistical analysis of artifacts and complexes (of Scandinavian and "hybrid" origin), distinction of serial artifacts, development of chronology, and excavations in the early urban settlements. Since late 60s – early 70s excavations have been carried out in Gnezdovo, Staraya Ladoga, Rurik's settlement in Novgorod, Timerevo and other sites in Yaroslavl and Volga region. Conclusions of these studies set up the basis for a positive solution of the 'Varangian issue'.

The middle 80s were marked by the first analytical works on the 'Varangian issue'. An understanding develops of a multicultural and poly-ethnical "Baltic civilisation of the early Middle Age". This period was also marked by a growing international Russian-Scandinavian co-operation.

The Varangica of the passed years raised a firm opposition of Normanism versus Anti-Normanism of the last century and revealed new scientific perspectives.

Современный этап изучения «варяжской проблемы» в России открывается выходом в свет книги И.П.Шаскольского «Норманская теория в современной буржуазной науке» (Л., 1965) и состоявшейся 22 декабря 1965 года дискуссией по этой книге на истфаке Ленинградского университета. Основные выводы и перспективы, определившиеся в этой дискуссии, излагались в статье Л.С.Клейна, Г.С.Лебедева, В.А.Назаренко, опубликованной в сборнике «Исторические связи Скандинавии и России IX – XX вв.», также под редакцией И.П.Шаскольского (1970). Одновременно программная статья В.Т.Пашуто появилась в «Скандинавском сборнике» (XV, 1970), который с этого времени стал основным изданием, а «скандинавские конференции» (1971 – 1997), основной ареной обсуждения хода исследования проблемы.

Варяжский вопрос – начальный, а потому – ключевой вопрос российской истории, следовательно, отечественного самосознания. Археология – средство объективации этого самосознания, основанного на историческом знании. Поэтому вполне закономерно, что основной оппонент И.П.Шаскольского и основатель «Проблемного семинара кафедры археологии», который открывался именно как «Варяжский семинар», Л.С.Клейн свой собственный путь в археологии «из-под крыла» своих университетских учителей М.И.Артамонова и великого лингвиста, фольклориста и структуролога В.Я.Проппа начал именно с «варяжского вопроса». Проблема, остававшаяся для Артамонова «полем боя» с 1939 года до последних дней (доклад в ЛОИА 1969 года), требовала решения, и молодой аспирант кафедры археологии, где М.И. остался заведующим после своего достопамятного конфликта с ленинградскими партийными властями из-за шемякинской выставки в Эрмитаже, начал свою преподавательскую практику (как в свое время в 1909 году учитель Артамонова А.А.Спицын) со спецкурса «Варяжский вопрос и археология» (1963 – 64 учебный год).

Проблемный семинар по «варяжскому вопросу» начал действовать с 1964 года. В первом составе – В.П.Петренко, Ю.Ю.Пиотровский, В.А.Булкин, В.А.Назаренко, А.А.Пескова и дру-

© Г.С.Лебедев, 1999.

гие; «славистами» стали не все, но все осваивали «пурификационный подход», принципы интеллектуальной честности и последовательной процедуры исследования, в норме – формирующей не только парадигму научных изысканий, но весь жизненный путь. Показательна судьба одного из первых участников семинара Валерия Петренко (1943 – 1991). Он пришел с начальной выучкой, полученной у рижских археологов, и фантасмагорической по тем временам мечтою – исследовать самый ранний в Восточной Европе норманнский могильник, Гробини в Курземе. Курсовые и дипломную работы писали по добытой в «спецхране» БАН немецкой монографии Биргера Нермана (1941 год издания). Четверть века, со скамьи семинара и «Касплянской разведки» Пути из Варяг в Греки 1966 года (он принес оттуда свой «гимн оголтелого норманизма», экспедиционную для всех последующих субгенераций песню «Мы по речке, по Каспле идем…») к собственному исследованию Варяжской улицы и сопок Старой Ладоги, пограничного Ивангорода, в конце концов неутомимым напором привели его к курганам Гробини, и вместе с латвийскими археологами он открывает там сенсационно ранние скандинавские памятники, с готландской стрелой V- VI вв., одним из древнейших изображений корабля (начальная «русь»). Свой последний полевой сезон он провел на раскопках шведской экспедиции в Бирке, центральном памятнике «эпохи викингов». Однако, и главное дело его жизни не оборвалось с этой жизнью, посмертную публикацию основных материалов исследования Гробини взяли на себя и выполнили его латвийские и шведские друзья и коллеги (Petrenko, Urtans 1995).

Автор этих строк еще на первом курсе, под неформальным руководством Л.С.Клейна и официальным – профессора В.В.Мавродина, декана факультета, написал «факультативную» курсовую работу «О причинах участия варягов в образовании Древнерусского государства» (1962). Лишь тридцать лет спустя можно было дать себе отчет в гражданском мужестве декана – научного руководителя: в 1960 году за аналогичную работу о норманнах Андрей Амальрик был изгнан с истфака Московского университета. Ленинградский невольный его последователь, в общем, тоже покинул студенческую скамью, но по другим причинам: «недород» военного поколения возмещали призывом студентов в Вооруженные Силы СССР. Присоединиться к семинару удалось лишь в конце 1965 года, после возвращения из армии, чтобы сразу выйти на трибуну «Норманской дискуссии». Л.С.Клейн писал мне о ней в последних «предембельных» письмах, книги по археологии, которые он посылал на площадку Ракетных войск, дополняли «марксистко-ленинское самообразование», а первым учебным заданием по Семинару стало – проштудировать непереведенную «Secret diplomatic History» Маркса, которую выдали по специальному разрешению в Публичной библиотеке. Махровый норманизм Маркса стал нашим «секретным оружием», и оно весьма пригодилось, когда Л.С.Клейн развернул блистательный арсенал научных аргументов норманизма на истфаке ЛГУ 22 декабря 1965 года (Джаксон, Плимак 1988).

М.И.Артамонов и В.В.Мавродин курировали и вели эту «Норманскую дискуссию», а потому она не завершилась показательным разгромом новых, советских «норманистов». Наоборот, семинар Л.С.Клейна получил санкцию на продолжение своей работы. Стратегия исследования «Норманских древностей Киевской Руси», предложенная на дискуссии, вскоре была опубликована, а следующие двадцать пять лет ушли на ее реализацию, и «Славяно-варяжский семинар» Л.С.Клейн с начала 1970-х передал в полное ведение своих учеников. В составе его к тому времени работали, кроме названных, Е.Н.Носов, И.В.Дубов, Е.А.Рябинин, К.М.Плоткин, «младшая дружина», составившая ядро ленинградской школы археологов-славистов, обучавшаяся и у старшего поколения этой школы, М.И.Артамонова, И.И.Ляпушкина, П.Н.Третьякова, Г.Ф.Корзухиной, а параллельно вызревал «славяно-готский семинар» учеников М.А.Тихановой – Д.А.Мачинского и М.Б.Щукина.

Симпозиум в Орхусе (Дания) «VARANGIAN PROBLEMS» (1968) состоялся в отсутствие предполагавшихся советских участников Д.С.Лихачева, О.И.Давидан, А.Н.Кирпичникова и др., однако их доклады были опубликованы вместе с остальными материалами (1970) и стали основою дальнейшей работы. Перспектива ее определялась как полная публикация и статистическая обработка вещей и комплексов (скандинавской типологической принадлежности артефактов и признаков ритуала, равно как «гибридных» и местных), выделение серий вещей и комплексов, датировка и разработка хронологии, этно-социальная атрибуция серий, прежде всего в крупных раннегородских и дружинных центрах, принципиально совпадая со стратегией, предложенной Проблемным семинаром.

Решение этих задач началось с согласованных между ведущим советским антинорманистом Д.А.Авдусиным и неформальным лидером «ленинградской школы» археологов-славистов И.И.Ляпушкиным параллельных исследований Гнездовского курганного могильника и поселения (1967-68). Вслед за этим были возобновлены археологические работы в Старой Ладоге (Г.Ф.Корзухина, О.И.Давидан 1968, затем В.А.Назаренко, В.П.Петренко с 1970, Е.А.Рябинин, А.Н.Кирпичников с 1972). Выпускники Проблемного семинара составили ядро «сектора славяно-финской археологии» ЛОИА, создан-

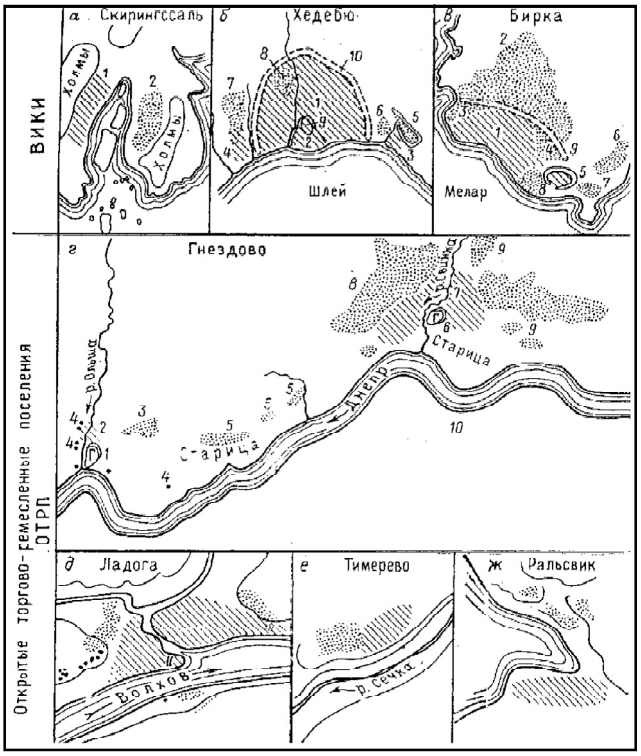

Рис. 1. Архаический тип города эпохи викингов (vic-structure).

ного в 1974 году. Инициатор и глава сектора А.Н.Кирпичников включился в разработку «варяжской проблемы», и следующая за коллективной статьей серия, также коллективных публикаций по археологии Северной Руси (Кирпичников, Лебедев, Булкин и др., 1978, 1980, 1981) завершилась монографиями, сформировавшими корпус «Варангики» 1980-х (Лебедев 1997).

В середине 1970-х начались раскопки на Рюриковом городище в Новгороде (Е.Н.Носов 1975-90). На основе методики изучения Гнездова, с 1973 года И.В.Дубов начал изучение Тимерева и других поселений Ярославского Поволжья (наряду с курганами).Таким образом, «ключевые» памятники проблематики вовлекались в исследование единовременно, и во взаимосвязи с другими раннегородскими центрами в Северной Руси: Изборск, а затем Псков с памятниками округи (В.В. Седов, В.Д. и С.В. Белецкие, К.М. Плоткин, И.К. Лабутина), Ростов и Сарское городище (А.Е. Леонтьев), Суздаль (М.В. Седова) и др. Всё более устойчивый фон этих исследований составляли новые раскопки курганов Приладожья (В.А. Назаренко, С.И. Кочкуркина), Ижорского плато (Е.А. Рябинин), изучение Владимирских курганов (В.А. Лапшин), равно как сельских памятников (городищ и селищ, курганных групп) Северо-Запада (Г.С. Лебедев, В.Я. Конецкий, Н.И. Платонова, А.А. Александров, в 1980-х гг. А.А.Башенькин, Н.М. Макаров, позднее С.Л. Кузьмин, А.Д. Мачинская, О.И. Богуславский, Н.М. Лопатин и др.).

Открытия в Ладоге, раскопки Рюрикова городища под Новгородом, памятников Пскова и его округи, курганов Приладожья, Ярославского Поволжья, исследования Гнездовского и ярославских «протогородских» поселений стали фундаментальными основаниями для позитивного решения «варяжского вопроса». Новый фонд источников позволил получить новые выводы прежде всего в отношении раннегородских центров Древней Руси. Сопоставление «Гнездова и Бирки» (рис. 1) в контексте общесеверного и древнерусского урбанизма (Булкин, Лебедев 1974) внесло новые компоненты (vic-structure, «вики», ОТРП) в представление о процессе урбанизации (Алексеев 1980; Куза 1985), раскрывая возможности структурного изучения генезиса древнерусской культуры (Лебедев 1981). В двухсотлетнем противостоянии «норманизм-антинорманизм» постепенно раскрылась невидимая ранее грань исторической действительности тысячелетней давности: мультикультурная и полиэтничная «Балтийская цивилизация раннего средневековья» (рис.2), культурно-историческая общность IX-XI вв., завершившая формирование раннесредневековой Европы, а её составной частью и определяющим компонентом выявилась Верхняя Русь или «Русь Рюрика».

Разработанная и признанная практически всеми действующими исследованиями, археолого-историческая периодизация «русско-скандинавских отношений VIII-XIII вв.» позволила определить этапы становления и расцвета языческой Балтийской цивилизации на Пути из Варяг в Греки, по мере христианизации Древней Руси и Северных стран, постепенно интегрировавшейся в историко-культурную общность христианско-феодальной Европы (Лебедев

1985; Славяне и Скандинавы 1986). Видимо, именно это решение «варяжского вопроса» (снявшее, в полном соответствии с одним из «принципов археологии» Л.С.Клейна, ограничения начальной альтернативы) следует считать на данном этапе — окончательным, итоговым плодом этой деятельности Проблемного семинара (Хлевов 1997).

Обобщение этих представлений раскрывало место и значение Северной Руси как важной составляющей общерусских и североевропейских процессов (Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986), что позволило определить ее в итоге как особую историко-географическую реальность, «Русь Рюрика» (Лебедев 1993).

Структурное упорядочение данных о памятниках славянско-русской археологии, выявление новых групп источников — граффити на монетах и др. (Дубов, Добровольский, Кузьменко, Фомин и др.) и освоение археологических и культурно-исторических материалов Скандинавии «эпохи викингов» (Лебедев, Петрухин) шло параллельно с начатой по инициативе В.Т.Пашуто систематической публикацией основных иноземных письменных памятников.

Она началась с переиздания полной «Россики» Е.А.Рыдзевской (1978), продолженной публикациями скандинавских текстов (Мельникова, Джаксон, Глазырина) и комментированным изданием Константина Багрянородного (Мельникова, Петрухин). В последние годы к интерпретации древнесеверных текстов обратились и петербургские исследования (Мачинский, Панкратова).

Реконструкция на основе этих текстов адекватной раннесредневековой «картины мира» (Мачинский 1984; Лебедев 1985; Мельникова 1986; Джаксон 1993; Stang 1996) позволяла перейти к целенаправленному изучению крупных историко-географических реалий: таких, как Путь из Варяг в Греки, где работы, начатые в 1966 году, продолжала в 1985-95 экспедиция «Нево» (Лебедев, Жвиташвили 1999) и Великий Волжский путь (Дубов 1992).

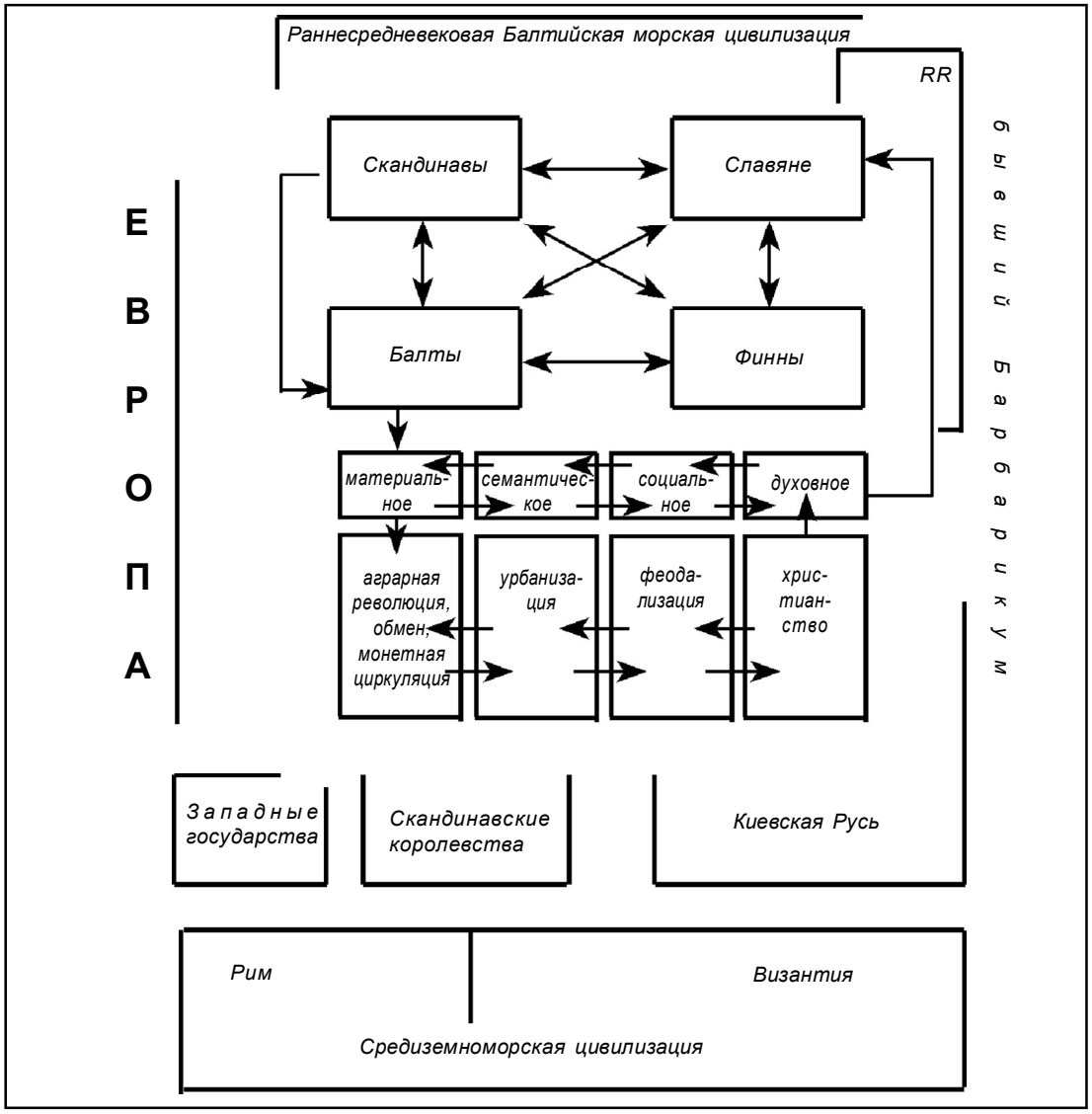

Рис. 2. Балтийская цивилизация (графическая модель).

Середина 1980-х гг. отмечена первыми обобщениями по «варяжской проблеме» от комментированного переиздания классической работы «Русь и норманны» Х.Ловмяньского (1985) к формулировке представления о мультикультурной и полиэтничной «Балтийской цивилизации раннего средневековья», типологии и динамике развития раннегородских центров североевропейского урбанизма («Славяне и скандинавы» 1986).

Практически общепризнанной стала разработанная при подготовке этих исследований историко-культурная хронология русско-скандинавских отношений середины VIII — середины XIII вв., дифференцированная по генерационным этапам, протяженностью 30-50 лет. (Ср.: Кирпичников, Дубов, Лебедев — Мельникова, Петрухин, Пушкина). Археологический эквивалент этой хронологии, однако, еще не создан (его основания закладываются в новгородских разработках Ю.М. Лесмана).

Социо-этнологическая интерпретация археологических (погребальных) комплексов для более или менее выявленных серий из древнерусских памятников предложена только в исследованиях норвежского археолога А.Стальсберг. Международное русско-скандинавское сотрудничество длительное время этими исследованиями и ограничивалось, хотя постепенно, после выставки шведских археологических материалов «Сокровища викингов» (Государственный Эрмитаж, 1979-80), создавались реализованные с рубежа 1980-х — 90-х гг. предпосылки совместных исследований (обмен участниками раскопок Бирки, Гнездова, Ладоги, Рюрикова городища и др., секции международных конгрессов, экспозиции в Дании, Норвегии, Швеции и России).

1990-е годы отмечены вовлечением в исследовательский процесс новых научных центров, возникающих на базе Остзейской Академии (Любек, Германия) или Морского музея (Гданьск, Польша), активизацией интербалтийских связей (сессия Европейской Ассоциации археологов 1996, Рига) при известной стагнации традиционных североевропейских центров и сложностях постсоветской интеграции научных институтов стран СНГ, возобновляющейся лишь в самое последнее время (VI МКСА в Новгороде, 1996).

VARANGICA минувшего тридцатилетия сопровождалась, конечно, дискуссиями по этноисторической проблематике, в рамках как традиционного (А.В.Арциховский, Б.А. Рыбаков) так и «неонорманистского / антинорманистского» подходов (А.Г.Кузьмин); исчерпанность обоих, впрочем, убедительно была показана на одной из «скандинавских конференций» И.П. Шаскольским (1986), а в культурно-исторический атрибуции Древней Руси утвердилась введенная акад. Д.С.Лихачевым характеристика «Скандовизантия» (1992). Это свидетельствует об успешном, в общем, решении ряда исследовательских задач, поставленных в середине 1960-х — начале 1970-х гг. В то же время, исходные из них остались нерешенными: ни полная публикация, ни статистическая обработка артефактов и комплексов археологического фонда.

Главным в решении проблемы, разрабатывавшейся в сравнительно спокойных и благоприятных для объективной постановки исследования культурно-политических условиях брежневской «разрядки» (детанта) 1975-80 гг., остается концепция особой северо-европейской полиэтничной и мультикультурной общности, «Балтийской цивилизации раннего средневековья» (Славяне и скандинавы 1986). «Снимая» жесткую альтернативность норманизма и антинорманизма предшествующих десятилетий, она открывала новые исследовательские горизонты и возможности, сохраняющие свое значение до конца текущего столетия, и вероятно, для последующих десятилетий (Хлевов 1997: 88-89). Впервые была выстроена, достаточно четкая и последовательная иерархия уровней взаимодействия культур, от материально-ценностного до идейно-ментального (Лебедев 1986; 1994). При этом и в отечественной археологии, и в исторической культурологии создавались теоретические конструкции, позволяющие эффективно исследовать все эти уровни и взаимодействия между ними, как в систематизации материальных артефактов (Клейн 1991), так и «Категорий средневековой культуры» (надо особенно отметить, что эти исследования А.Я. Гуревича, чрезвычайно важные для отечественной науки, исходно основывались именно на скандинавском материале «эпохи викингов»). В следующем десятилетии именно ментально-образный уровень становится объектом наиболее интересных и продуктивных исследований и интерпретаций в изысканиях Д.А.Мачинского, Т.Н.Джаксон, В.Я.Петрухина и других авторов, позволяя значительно расширить круг сопрягаемых с археологией источников – от скандинавских саг до византийской политической энциклопедии Константина Порфирогенита (отметим, в числе последних, дополнение этого круга материалов – латинскими, греческими и восточными источниками в переводах и интерпретации норвежского ученого Х.Станга — 1996).

Внутрикультурный диалог, начатый русскими археологами середины 1970-х, десятилетие спустя позволил дать адекватный ответ на вопрос о «месте России в Европе», начиная с эпохи становления Европы как историко-культурного целого. Суть этого ответа — констатация Балтийской историко-культурной общности, продуктивной до наших дней, оказалась весьма актуальной в условиях горбачевской «перестройки» 1986-91 гг. Во всяком случае, именно эти результаты были вынесены на те международные и североевропейские форумы, где оте-

чественные делегации формировались без давления государственно-политических инстанций (Трондхейм 1989, Травемюнде 1992, 1994, 1995, 1997, Рига 1996, Гетеборг 1998 и мн. др.).

Стоит отметить еще одну линию культурного процесса последних десятилетий существования Советского Союза, и ствол этого процесса, несомненно, составляла «Varangica»: восстановление национальной археологии Балтийских стран, Литвы, Латвии, Эстонии. Нет необходимости подробно перечислять аспирантов и соискателей из этих союзных республик, защитивших диссертации по раннесредневековой проблематике в ЛОИА или ЛГУ 1980-х, достаточно назвать ключевые памятники – Кярнаве, первая столица Литвы (В.Ушинскас), Иру, протогородской центр «эпохи викингов» в Эстонии (А.Вассар), наконец, русско-латвийское исследование самого раннего известного центра викингов в Восточной Балтике, Гробини в Курземе (В.П.Петренко, Ю.В.Уртанс). Мне доводилось уже цитировать выдающегося эстонского писателя и общественного деятеля Яанна Кросса, отметившего, что у истоков современного этапа возрождения балтийского национального самосознания стояли именно археологи; но так было не только в странах Балтии, точно те же процессы шли и продолжаются в России (Fennoscandia archaeologica XI, 1995). Показательно начатое в Эстонии с середины 1990-х издание русскоязычного историко-археологического журнала AUSTRVEGR / ВОСТОЧНЫЙ ПУТЬ (№№ 1-3), который стал ареной открытого, многостороннего и доброжелательного диалога об общности, при всем драматизме нашего давнего и недавнего прошлого, нашего совместного исторического пути, прозреваемого со страниц этого издания на глубину многих веков, и даже тысячелетий.

Основные параметры взаимодействий в этом прошлом, по-видимому на данном этапе достаточно удовлетворительно описывает «графическая модель» Балтийской цивилизации эпохи викингов. Продукт совместного творчества скандинавских, славянских, балтских и прибалтийско-финских народов в их взаимодействии с другими этносами, культурами и цивилизациями Запада и Востока, она основывалась на трансъевропейской системе естественных водных коммуникаций, таких как Великий Волжский путь и Путь из Варяг в Греки (с середины 1980-х – объектов все более целенаправленных специализированных исследований). Эти пути встраиваются в общеконтинентальную систему коммуникаций и урбанистических центров Европы. Междисциплинарный подход позволяет сейчас для ряда из этих центров, таких как Ладога, использовать комплексный подход к топографии, раскрывающий потенциал урбанистической структуры от исходного, ландшафтно-гидрографического, до ментального уровней.

Прежде чем выходить на этот уровень «ландшафтных мифологем» и других нематериальных категорий средневековой культуры, надо констатировать выявленную на структурно-градостроительном уровне, определенную синхронизацию эволюции общественного урбанизма. Архаические «викструктуры», объединяющие ядро ранней Ладоги (до середины IX в.), начальное Гнездово, Тимерево и аналогичные центры скандинавов и балтийских славян (Бирка, Хайтабу, Ширингсаль, Ральсвик и др.) сменяются классическими структурами средневекового укрепленного города «Детинец + Посад» (Белецкий 1996). На Руси, это прежде всего Новгород Великий и Псков (рис. 3). Надо отметить в последнем десятилетии качественные сдвиги в изучении генезиса и развития этих центров, в первом случае – во взаимосоотнесенных исследованиях В.Л.Янина, А.С.Хорошева, Е.А.Рыбиной и Е.Н.Носова, И.Янсона, В.Я.Конецкого, Н.И.Петрова; во втором – многолетней экспедиции В.В.Седова и параллельных работах В.Д. и С.В.Белецких. Стольные города Северо-Западной Руси, современники и партнеры городов Ганзы, эти центры в Северной Европе «эпохи Крестовых походов» (XII-XIV вв.) вступают в фазу «милитаризации», проявив-

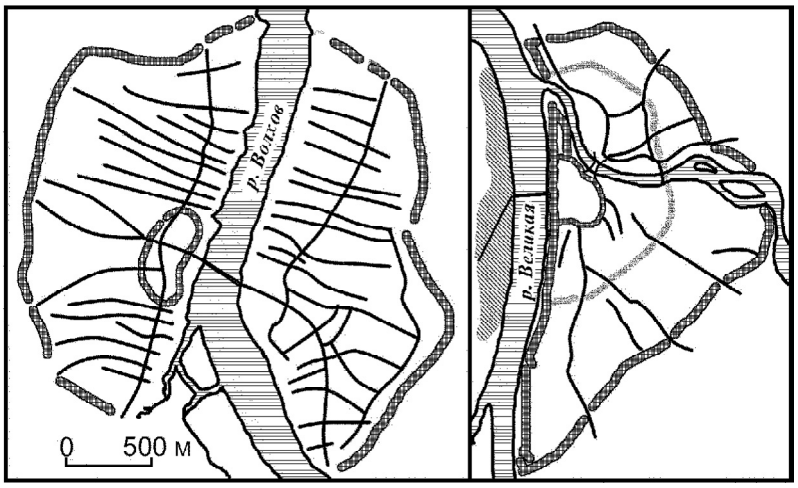

Рис. 3. Классический тип средневекового города.

шейся в создании городов-крепостей (эта функция, на основе работ А.Н.Кирпичникова, В.В.Седова, В.И.Кильдюшевского, В.П.Петренко, А.Н.Курбатова, монографически обобщена в последней монографии А.Р.Артемьева, 1998). На северо-западной окраине прибалтийской «Руси Рюрика» IX-XI вв. эти крепости, выступая одновременно – вассальными столицами финских племен-федератов Господина Великого Новгорода, корелы, ижоры, води, формировали в XIV-XV вв. административно-территориальную структуру региона, унаследованную Московской Русью (Lebedev 1996). Русско-шведское противостояние в «эпоху шведского великодержавия» XVI-XVII вв. разрешилось в Северной войне 1700-21 гг. завершением формирования системы этих пограничных крепостей, и ее последним звеном стала с 1703 года цитадель новой столицы, а в дальнейшем – мегаполиса России на Балтике, Санкт-Петербурга, «Неизвестного города на Пути из Варяг в Греки», как определила его современная петербургская журналистка («Вечерний Петербург» 17.11.95).

Если представить графически развертывание «от Варангики к Петербургике», выступающее как одна из боковых ветвей по отношению к «основному стволу» научного пути Л.С.Клейна и Проблемного семинара 1970-80-х гг.:

Варангика **– (славистика)**	***«индоевропеика»*** **– (скифы — степная бронза)**	***теория «Археологической типологии»*** **(источниковедение, гомерология античности, культурология, антропология)**

то эта ветвь, как и любая другая из обозначенных, выявит, казалось бы, совершенно самостоятельную логику внутреннего развития, начиная с исходной точки (см., например, Лебедев 1997).

Varangica	**Rossica** **Slavica**	**Circumbaltica**	**Regionalistica** **Fenno-Slavica** **Scandobaltica**	**Petersburgica**

Эта линия, как и другие впрочем, особенно, в заключительном звене выходит к проблемам междисциплинарного синтеза, на базе археологии (Лебедев 1993; 1996). «Петербургика», начиная со вполне «археологической» проблематики типологии урбанизма (в проблеме генезиса города), через «топохрон археологии» ведет к исследованию «хронотопа мифологии» культурного пространства (Теребихин 1993), однако «трансмиф» этого пространства (будь то Санкт-Петербург, «Русь Рюрика» с «пра-Петербургом» Ладоги, либо любой другой локус и регион) обращает к проблематике «анимации артефакта» (по Клейну), точнее – «ре-анимации» как одному из фундаментальных «принципов археологии», развивающему начала «Археологической типологии» Л.С.Клейна.

ПЕТЕРБУРГИКА: ***Ядро Петербурга*** **Русь Рюрика** **Балтийское пространство** **Северной Европы** **«Скандовизантия и** **Славотюркика», Путь** **Из Варяг в Греки,** **София** **(сумма духовных ценностей России)**	**= преобразование** **Трансмифа** **в** **Топохроне**	**ARCHAEOLOGIA** ***THEORETICA*** **= анимация** **(реанимация)** **артефакта**

Теоретическое знание, в свою очередь, ведет к необходимости научной рефлексии, историографической (историософской) самооценке пройденного наукой пути. Вслед за «Археологической типологией» (АТ), применением ее парадигмы к историографии становится «История отечественной археологии» (ИОА) (Лебедев 1992), и так обретает собственное социальное самосознание Петербург как центр отечественной археологии («Санкт-Петербург», 1995). Это историографическое сознание – база анализа и прогностической самооценки, которые снова – первым выразил Л.С.Клейн в «Феномене советской археологии» (ФСА) (1993).

АТ — ИОА — ФСА

Строго говоря, перед нами – описание хронологически позднейших, а потому актуальных и действенных процессов, развернувшихся на высшем, семантическом уровне существования культурно-исторической общности, по крайней мере с «варяжских времен» выступающей в письменной и «археологической версии» рос-

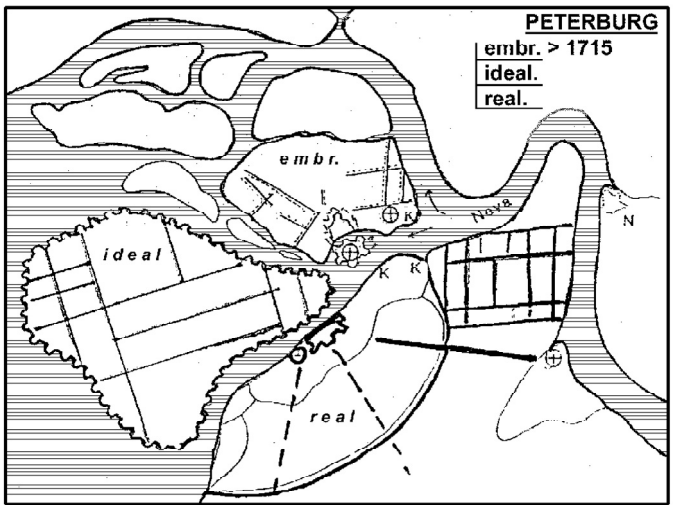

Рис. 4. Типология градостроительной структуры Петербурга XVIII в.

сийской истории как «Русь Рюрика» (РР'). Вызовет ли эта самооценка – адекватную и глубокую рефлексию в других сферах современной культуры «Реформируемой России» 1990-х (РР"), то есть, произойдет ли необходимое преобразование: РР' – РР"? Ответ на этот вопрос определит, по-видимому и в частности, пути развития и судеб российской археологии в XXI столетии. Равным образом, однако, если ответ на «варяжский вопрос» исключительно значим в целом для российского национального, государственного, культурного самосознания, то и связь с начальной русской историей – Санкт-Петербурга, всегда воспринимавшегося как «новая столица», рубеж разрыва в историческом прошлом, по-видимому также внесет новые компоненты в самосознание россиян (включая петербуржцев) XXI века.

Дело в том, что градостроительная структура Санкт-Петербурга, завершая развитие «балтийского урбанизма» от эпохи викингов до нового времени, несет в себе черты архетипического древнерусского, идеального западноевропейского, и реального, собственно балтийского урбанизма; трассы сухопутных дорог Московской стороны стягиваются «трехлучьем» к Адмиралтейству, где спускали на воду корабли Балтийского флота, таким образом функция первоначального «вика», коммуникация: «суша-море» в простейшем, экономичном виде здесь возрождается, в новом качестве, восстанавливая для реки Невы исходную функцию начального звена летописного Пути из Варяг в Греки (рис. 4). Петербург «фокусирует» в себе культурно-коммуникативные качества трех макрогеографических пространств – евразийского, собственно России, Европы – куда Россию на новой ступени истории вернул Петр Великий, и особо – Северной Европы, исходно – «балтийской цивилизации». Только при качественной определенности культурного пространства «Прибалтийской России», древней «Руси Рюрика», северо-западных земель Господина Великого Новгорода и Московского государства, Российской империи, федерации и т.д., Россия становится – частью Европы, а ее урбанизм – особой ступенью европейского (и вместе с ним, мирового) урбанизма. Архитектурный символ Санкт-Петербурга и его бесспорная доминанта, шпиль башни Адмиралтейства выразил эти взаимосвязи с исчерпывающей полнотой новыми, и притом специфически «балтийскими» средствами и приемами зодчества русского классицизма.

Эти новые качества и характеристики петербургской культуры, с момента реноминации города (1991) и, по-видимому, до его 300-летнего юбилея (2003) становятся принципиально новым фактором, одной из доминант актуального культурного процесса в реформируемой России (Лебедев 1991; Lebedev 1996). В то же время, они актуализируют и представления об историческом пути Балтийского региона Европы – в целом. Вряд ли случайно, в 1998 году форум по проблемам глобализации, организованный по инициативе Горбачев-фонда и под председательством президента этого фонда, проходил в «музее викингов» Борг на Лофотенах (Норвегия), а многовековой исторический опыт «Скандобалтики» рассматривался как познавательная модель современных глобальных процессов (Лебедев, Жвиташвили 1999).

Дело в том, что само по себе «открытие» Балтийской цивилизации VIII-XI вв. – лишь начальная ступень в изучении этого опыта. Предварительно обобщая этапы развития этно-культурного взаимодействия, необходимо сейчас констатировать безусловную «неравновесность» (при равнозначимости) его компонентов, наличие и последовательное смещение своего рода «силового центра» (Holmqvist 1974). Изначально такой центр, очевидно, формируется на юге Скандинавии, в эпоху викингов включая и Ютландию с датскими островами. Со времен петроглифов эпохи бронзы (по крайней мере, I тыс. до н.э.) и до «Североморской державы» Свейна и Канута в конце эпохи викингов, этот центр, начальная «Скандия», Сконе (Skan-ey 'прекрас-

ный остров') лидирует в региональных процессах (неслучайно отсюда, из Ютландии и Шлезвига прослеживаются важные импульсы в Ладогу VIII-IX вв., формирующие «Русь Рюрика»).

Силовой центр в Средней Швеции, бассейне Мелар, о котором, собственно, писал Хольмквист, несомненно существовал и в эпоху бронзы, и на рубеже эр (свионы Тацита) и в эпоху викингов. Однако безусловное доминирование его начинается спустя столетия, после «Крестовых походов шведов в Финляндию, Карелию, Ингрию» XII-XIV вв. и реализуется в Шведском великодержавии XVI-XVII вв. «королей свеев, готов и вендов», со времен Густава Вазы, Густава-Адольфа и до Карла XII, когда почти сто лет Балтийское море было, практически «внутренним морем» Шведской державы.

С 1721 года, провозглашения Российской империи, силовой центр Балтики сместился на Восток, к Санкт-Петербургу. Доминирование на всем восточном и юго-восточном побережье Балтики, при всех потрясениях Мировых войн и революций, сохранилось до наших дней, и лишь с падением Берлинской стены, а затем и Советского Союза, Балтика впервые обретает качественно новое состояние, примерного равновесия и равноценности взаимодействующих государств, этносов и культур. Отметим при этом, состояние – изоморфное предложенной «модели» Балтийской цивилизации эпохи викингов. В этой модели, стало быть, можно видеть «архетип Скандобалтики».

В изучении этого архетипа на повестку дня выдвигаются и новые, конкретно-археологические задачи. Последние годы отмечены выявлением, наряду с типо-хронологическими характеристиками «эпохи викингов» VIII-XI вв. древностей предшествующего, послеримского и позднеримского времени – фибула с о. Тютерс (VI в.), меч из Турова (V в.), топор из Глумиц (II-IV вв.). В систематике С.Ю.Каргопольцева для Северо-Запада представлен обширный набор артефактов, объединяющих с «римским временем» – ранние «длинные курганы» и непосредственно приближающийся к ранним горизонтам Ладоги (в систематике С.Л.Кузьмина, А.Д.Мачинской, О.И.Богуславского). Охватив типохронологическими построениями, выполненными в последние десятилетия археологами нового поколения, исторический интервал с VIII века (основание Ладоги) до XVIII в. (Санкт-Петербург) мы оказываемся перед возможностью опустить нижнюю границу этого интервала еще на три-пять столетий вглубь веков. Varangica – Gotica, так, по-видимому, следует определить это направление развития Проблемного семинара в первых десятилетиях наступающего нового столетия и тысячелетия.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Л.В. 1980. Смоленская земля в IX-XIII вв. М.

Артемьев А.Р. 1998. Города Псковской земли XIII-XV вв. Владивосток.

Белецкий С.В. 1996. Начало Пскова. СПб.

Булкин В.А., Лебедев Г.С. 1974. Гнездово и Бирка (к проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л. С. 11-17.

Джаксон Т.Н. 1993. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г). Тексты, перевод, комментарий. М.

Джаксон Т.Н., Плимак Е.Г. 1988. Некоторые спорные вопросы генезиса русского феодализма (в связи с изучением и публикацией в СССР «Разоблачений дипломатической истории XVIII века» К.Маркса) // История СССР. № 6. С. 35-57.

Дубов И.В. 1992. Великий Волжский путь. СПб.

Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. 1986. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М. С.190-205.

Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Дубов И.В., Булкин В.А., Назаренко В.А. 1980. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // КСИА. Вып.160.

Клейн Л.С. 1991. Археологическая типология. Л.

Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. 1970. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. // Исторические связи Скандинавии и России. IX-XX вв. Отв. Ред. И.П.Шаскольский. Л. С.226-252.

Куза А.В. 1985. Археологическое изучение Древней Руси. // Древняя Русь. Город, замок, село. М. С.7-28.

Лебедев Г.С. 1981. Проблема генезиса древнерусской курганной культуры // КСИА. М. Вып. 166. С.22-28.

Лебедев Г.С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.

Лебедев Г.С. 1986. Балтийская субконтинентальная цивилизация раннего средневековья // Тез. докл. X Всесоюзной конференции скандинавистов. М. Ч. 2. С.158-160.

Лебедев Г.С. 1991. Этюд о мечах викингов // Клейн Л.С. Археологическая типология. Л. С. 280-304.

Лебедев Г.С. 1992. История отечественной археологии (1700-1917). СПб.

Лебедев Г.С. 1993. Русь Рюрика как объект археологического изучения. // Скифы, сарматы, славяне, Русь. Сб. статей в честь Д.А.Мачинского. // Петербургский археологический вестник (ПАВ). Вып.6. СПб. С.105-109.

Лебедев Г.С. 1995. Петербург как центр региональной археологии. // Санкт-Петербург и отечественная археология. СПб. С.56-88.

Лебедев Г.С. 1997. Тридцатилетие «Варангики» 1965-1995 гг. // Тез. докл. XII СКБ. М.-Петрозаводск. С.171-175.

Лебедев Г.С. Жвиташвили Ю.Б. 1999. Дракон «Нево» на пути из Варяг в Греки. Археолого-навигационные исследования древних водных коммуникаций между Балтикой и Средиземноморьем. СПб.

Мачинский Д.А. 1989. Колбяги «Русской Правды» и приладожская курганная культура // Тихвинский сборник. вып. 1. Археология Тихвинского края. Тихвин. С.90-103.

Мельникова Е.А. 1986. Древнескандинавские географические сочинения. М.

Славяне и скандинавы. 1986. \ Отв. Ред. Е.А.Мельникова. М.

Санкт-Петербург и отечественная археология. 1995. Отв. ред. И.Л.Тихонов, СПб.

Теребихин Н.М. 1993. Сакральная география Русского Севера. Архангельск.

Хлевов А.А. 1997. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб.

Holmqvist W. 1974. Helgo, eine Vorform der Stadt? // Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter, Bd.II, Göttingen.

Lebedev G.S. 1996. St. Petersburg in the Baltic expanse – Prerequisites and genesis of the megapolis. // Karelia and St. Petersburg. From Lakeland Interior to European Metropolis \ Ed. E Varis, S. Porter. Joensuu. P.39-56.

Petrenko V., Urtans J. 1995. The Archaeological Monuments of Grobina. Riga-Stockholm.

Stang H. The naming of Russia. 1996. // Meddelser Universitet i Oslo Slavisk-baltisk avdeling. № 77.

Е.Н.Носов

СОВРЕМЕННЫЕ ДАННЫЕ ПО ВАРЯЖСКОЙ ПРОБЛЕМЕ НА ФОНЕ ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

E.N.Nosov. Modern Findings Related To the Varangian Issue and Russian Historiographic Traditions.

Traditional understanding of the Norman problem is based on some interpretation of the Varangian legend of Russian chronicles and on the answers to the question about the role of Varangians in the formation of the Russian state. The approach to the solution of the problem is defined by two tendencies: Russian and Scandinavian. These tendencies had nationalist motivation and were mutually exclusive. However, already among Russian historians of the XIX century: Shakhmatov, Presnyakov, Klyuchevsky, Seredonin and Platonov a realistic approach developed in understanding of the Varangians' role in Russia. Should the historical science in Russia develop naturally, the Norman problem would have been over by the 30s of the XX century. The reality, however, turned out to be very much different. Science of the Soviet period was dominated by the simplistic Marxist social approaches. External, geographical and trade factors were not taken into consideration. New researches reduced the role of Varangians to a minimum or excluded it altogether.

In the late 50s and, especially, early 60s the ideological pressure on science slowed down. New researches appeared showing Scandinavian contribution to the culture of Russia. In 1965 a very important event took place: Norman discussion during the issue-oriented seminars conducted by Leo Klejn at Leningrad University. After that, Scandinavian researches in Russia, especially in Saint-Petersburg, became particularly active. The participants at the seminars: Lebedev, Bulkin, Nosov, Dubov, Nazarenco and others received new rich materials during the excavations. These findings allow addressing Slavonic-Scandinavian relations in the epoch of formation of the Ancient Russia at a new level.

«Норманский вопрос» или «варяжская проблема» в широком и традиционном понимании основывается на той или иной трактовке «варяжской легенды» русских летописей и ответе на вопрос о роли варягов в образовании государственности на Руси.

Вопрос был поднят еще в середине XVIII в. в трудах работавших в Петербургской академии наук немецких ученых Байера и Миллера, с критикой построений которых выступил Ломоносов. В дальнейшем он постоянно фигурировал в отечественной историографии, то затухая, то вспыхивая с новой силой, отражая, в конечном счете, сложный путь движения общественной и научной мысли России. Освещению этой проблемы в русской науке посвящено множество работ, и сейчас вряд ли имеет смысл их повторять (Мавродин 1949; Шушарин 1964; Шаскольский 1965; Рыдзевская 1978 и др.).

В определенной степени, то явно, а то завуалированно, подход к рассмотрению данного вопроса подпитывался двумя тенденциями. Одну из них можно назвать «российской». За ней стояла приверженность к национальному самоутверждению, отстаивание национального самосознания, признание самобытности русской-славянской культуры, отрицание всякого рода иноземных влияний. Тенденция вполне понятная, если следовать течению русской общественной мысли, и в истории России отнюдь не новая, а в иных проявлениях и формах живущая и сейчас. Вторая тенденция — «скандинавская». Она основывается на романтической идеализации викингов и их эпохи, «золотого периода» скандинавской истории. Эта тенденция особенно ярко проявилась во второй половине XIX в. «Викинги» — образ национальной гордости скандинавов. Они предстают как бесстрашные путешественники и доблестные воины, опытные мореходы и искусные ремесленники, торговцы и колонисты, основатели городов и государств, посланники и князья, телохранители византийских императоров, носители всего прогрессивного.

Обе названные тенденции взаимно исключают друг друга, отталкиваясь от национальной и, в каждом случае, разной почвы. Стоящий за ними наивный патриотизм (впрочем, естественный для любой массовой культуры, будь то Россия или Скандинавия), периодически подогреваемый политически, ощутимо чувствуется и в наши дни. Достаточно взглянуть на десятки современных популярных книг о викингах, потоком издающихся на Западе, в которых яркими стрелами, пересекающими мир, показаны направления походов покорителей новых стран, достаточно вспомнить статьи типа «Рюрик — солевар из Старой Руссы» (Анохин 1994:

© Е.Н.Носов, 1999.

77-92), появляющиеся в нашей современной массовой литературе, чтобы убедиться в справедливости сказанного.

Однако нас должны интересовать, в первую очередь, не эти популярные и краеведческие работы, а движение мысли в академической сфере. Здесь же наблюдается определенная закономерность. Суть ее заключается в том, что в начале нашего столетия подход к вопросу о варягах на Руси в академической науке, под которой я понимаю науку, основанную на всестороннем критическом источниковедении, по существу, стал достаточно однозначен и позиции наиболее крупных исследователей русской истории сближались. Именно это позволило Ф.А.Брауну в 1925 г. заключить, что «дни варягоборчества, к счастью, прошли» (цитирую по: Шаскольский 1965: 12). Подобная ситуация в историографии объясняется тем, что этап формирования академической базы основных научных дисциплин, питающих историю, к этому времени завершился.

Трудами А.А.Шахматова была заложена фундаментальная основа изучения русского летописания, остающаяся таковой и в наши дни. Развитие либеральной русской исторической науки достигло своих вершин в сочинениях В.О.Ключевского и его школы. В числе блестящих представителей исторической мысли нельзя не упомянуть С.Ф.Платонова и А.Е.Преснякова. В области исторической географии появился прекрасный труд С.М.Середонина. Кропотливые сборы А.А.Спицына привели к формированию достоверной фактологической базы археологических источников древнейшего периода истории Руси. Если отрешиться от частностей, то, в традиционном понимании предшествующей историографии, все названные исследователи, а они представляют не только себя, а направления в науке, — норманисты. Это совсем не значит, что норманизм победил. В своей крайней форме он также проиграл. Суть заключалась в том, что не зыбкое «национальное» противостояние и анализ выборочных сведений определяли теперь научную мысль, а реальный исторический факт, установленный на основе комплексного источниковедения. Были или нет варяги на Руси, сыграли или не сыграли они значительную роль в ранней русской истории — подобные вопросы стали достоянием прошлого. Требование времени заключалось в оценке роли скандинавов на Руси в свете установленных достоверных фактов.

Весьма примечательными в этой связи мне представляются рассуждения В.О.Ключевского в его «набросках по варяжскому вопросу». «Я, собственно, равнодушен к обеим теориям, и норманской и славянской, — писал В.О.Ключевский, — и это равнодушие выходит из научного интереса. В тумане ранних известий о наших предках я вижу несколько основных фактов, составляющих начало нашей истории, и больше их ничего не вижу. Эти факты, которые приводят меня к колыбели нашего народа, остаются те же, с тем же значением и цветом, признаю ли я теорию норманистов или роксоланистов. Поэтому, когда норманист или роксоланист начнут уверять, что только та или другая теория освещает верным светом начало русской национальности, я перестаю понимать того и другого, то-есть становлюсь совершенно равнодушен к обоим» (Ключевский 1983: 113).

Мне думается, что при нормальном (естественном) развитии исторической науки пресловутый «норманский вопрос» был бы закрыт к тридцатым годам, а позиции отечественных и западных исследователей значительно бы сблизились.

К сожалению, случилось иное. В Советском Союзе насильственным внедрением всеобщей социологизации, примитивного марксизма, всепоглощающих понятий классовой борьбы, феодализма, формационности, как обязательной стадии развития общества, история (и археология как историческая наука) были поставлены на службу идеологии. Исконность, национальное своеобразие и экономический детерминизм были положены во главу угла исторических концепций. Все стало объясняться развитием аграрных обществ, накоплением прибавочного продукта, возникновением городов как центров сельских округ, пунктов концентрации дани и размещения феодалов и т.д. Места дальней торговле, торгово-военным путям, иноземным влияниям при таких построениях не оставалось. В этой ситуации, вполне естественно, варяги оказались не у дел. В новые концепции Б.Д.Грекова, С.В.Юшкова, М.Н.Тихомирова и других историков взгляды В.О.Ключевского не вписывались. Роль географического фактора в истории Руси, а он играл немалое место в концепциях многих маститых отечественных исследователей первой четверти века, замалчивалась. Обусловленность природной средой уступила место социологическим объяснениям.

Результаты сказались очень скоро. Если репрессии и гонения порой и обходили стороной представителей академической науки, то чувство самосохранения и стремление защититься от полной конъюнктурности заставляли их уходить в замкнутое источниковедение. Возникли две науки — официальная, до предела подчиненная идеологии тоталитарного государства и воплощавшаяся в обобщающих трудах, вузовских и школьных учебниках, и конкретная. Именно последняя и была той отдушиной, при которой можно было писать и заниматься наукой, оставаясь максимально искренним. Эта работа в области изучения ранней русской истории не прерывалась.

Перед самой войной экспедиция В.И.Равдоникаса провела значительные раскопки скандинавского могильника в урочище Плакун

в Старой Ладоге, а в 1945 г. в печати появилась первая информация о результатах этих работ (Равдоникас 1945: 40,41). Примечательно, что в том же номере Кратких сообщений ИИМК, что и статья В.И.Равдоникаса, Е.А.Рыдзевской была опубликована сводка сведений о Старой Ладоге в древнесеверной литературе, остающаяся ценнейшим источником вплоть до наших дней (Рыдзевская 1945: 51-65). Перед самой войной А.Н.Юзефович провел антропологические определения костных остатков из могильника у церкви Климента в Старой Ладоге и пришел к выводу, что значительная часть погребенных принадлежала германскому (скандинавскому) типу (работа, написанная для Кратких сообщений Института этнографии, к сожалению, не была издана). В предвоенные годы и позднее интенсивно вела сборы материалов по русским кладам и ювелирному делу Г.Ф.Корзухина, оставаясь на объективистских позициях при конкретной оценке материала и т.д.

Можно было заставить замолчать исследователей, но нельзя было остановить саму мысль. Заложенные школой русской истории, традиции анализа источника, критического отношения к факту и интерпретации, приобретенные в стенах дореволюционных университетов, не исчезали при идеологическом окрике. Однако в целом разгром, учиненный за железным занавесом на востоке, отбросил отечественную историю далеко назад. Советская наука оказалась отрезанной от западной литературы, от знакомства с новыми течениями научной мысли, а воспитание новых поколений историков свелось к окрашенному марксизмом начетничеству. Утрачивалась традиция, утрачивалась способность мыслить и критически оценивать источник. Присутствие «правильной идеи» оправдывало вольное обращение с материалом. Прямым образом это касалось и археологии, где общие исторические или социологические выводы отнюдь не вытекают прямым образом из археологических данных.

Занавес нанес непоправимый урон и западной науке. Исследователи оказались оторванными от источников, от новых фактов (еще в начале 1960-х годов официальными властями не поощрялись визиты в СССР скандинавских археологов для изучения в музеях и архивах конкретных материалов эпохи викингов — см. Стальсберг 1994: 192). Настольными книгами (своего рода первоисточниками) западных археологов и историков, занимавшихся этим периодом русской истории, до самого последнего времени оставался труд Т.Арне (1914 г.), который, проехав по России и посетив многие музеи, смог издать каталог известных тогда находок скандинавского облика, и книга В.И.Равдоникаса, увидевшая свет в Стокгольме на немецком языке в 1930 г. (Arne 1914; Ravdonikas 1930). Характерно, что даже в солидных трудах самого последнего времени многих скандинавских историков и археологов мы не найдем упоминаний о могильнике Плакун, о германских чертах в антропологии Ладоги и Шестовиц, обнаружим весьма поверхностное знакомство с материалами раскопок древнерусских городов и т.д., хотя эти факты, казалось бы, находятся в русле их построений. Объяснение лишь одно: эта информация, вполне доступная советским исследователям, на Западе долгое время просто не была известна.

Со второй половины пятидесятых годов, с ходом хрущевской либерализации жизни страны, начинает ослабевать и идеологический прессинг на общественные науки, что ощутимо проявилось не сразу, а к началу 1960-х годов. Наряду с этим, пятидесятые годы явились годами интенсивных раскопок поселений и могильников, которые имеют принципиальное значение для понимания роли норманнов в Восточной Европе. Продолжалось систематическое археологическое изучение Ладоги, гнездовского могильника, крупных курганных комплексов на Верхней Волге и т.д. (обзор работ по этим памятникам с упором на скандинавскую тематику см.: Клейн, Лебедев, Назаренко 1970: 227-230). Все это давало новый материал, который постепенно входил в научный оборот, независимо от характера его общей оценки исследователями.

Начало 1960-х гг. ознаменовалось появлением целого ряда работ, посвященных изучению археологических материалов, отражающих связи Скандинавии и Руси, что свидетельствовало о явном оживлении интереса к «варяжскому» вопросу. Не стремясь к представлению полной библиографической сводки, назову лишь некоторые исследования, отражающие, на мой взгляд, существовавшую тенденцию.

Несомненно, следует подчеркнуть роль Г.Ф.Корзухиной в области критического осмысления археологических материалов, отражающих скандинавские влияния на Руси. Особенно это хотелось бы отметить в связи с ее теплым и критическим участием в становлении как исследователей многих молодых археологов-медиевистов Ленинграда. В 1963 г. Г.Ф.Корзухиной была опубликована статья об истории игр на Руси, в которой было доказано, что игра в шашки была занесена на Русь с севера (Корзухина 1963: 89,100), в 1964 г. работа о находках скандинавских вещей близ Торопца (Корзухина 1964: 297-312). В следующем году увидела свет заметка о находке отливки фибулы с Рюрикова городища под Новгородом, принадлежащей скандинавскому кругу древностей (Корзухина 1965: 45-46), а в 1966 г. блестящий этюд о ладожском топорике, найденном Н.И.Репниковым в 1910 г. Г.Ф.Корзухина пришла к заключению, что мастер, создавший топорик, был выходцем из Швеции (Корзухина 1966а: 94). В 1961 и 1966 гг. появились работы Г.Ф.Корзухи-

ной, имеющие принципиальное значение для понимания ключевых моментов в хронологии и стратиграфии древнейшего ладожского поселения и его ранней истории (Корзухина 1961: 76-84; 1966б: 61-63), а в 1968 г. проведены новые раскопки скандинавского могильника Плакун (Корзухина, Давидан 1969: 16-17).

В самом начале 1960-х годов увидели свет исследования о ладожских глиняных дисках (Штакельберг 1962: 109-115), о резной кости и гребнях из Ладоги (Давидан 1961: 16-18, 1962: 95-108). В них отчетливо проглядывали северные аналогии материальной культуры, представленной в Ладоге. В 1963 г. появилась коллективная публикация Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников, содержащая обширные данные для изучения русско-скандинавских отношений по материалам археологии (Ярославское Поволжье 1963). Е.А.Шмидт в 1963 г. издал интереснейшие результаты раскопок могильника Новоселки поблизости от Гнездова (Шмидт 1963: 114-127), которые, хотя сам автор был крайне осторожен в оценках, позволяли поставить вопрос о скандинавских древностях конца IX в. в этом районе. В начале 1960-х гг. сотрудниками ГИМ (В.С.Дедюхина, М.В.Фехнер, В.П.Левашова) готовились, а в 1967 г. были опубликованы сводки различных украшений X-XIII вв., найденных на территории Древней Руси, в числе которых были учтены и скандинавские импорты — фибулы, гривны, браслеты (Очерки 1967). В 1966 г. М.В.Фехнер рассматривала вопросы происхождения и датировки железных гривен, а в следующем году — археологические даные по торговле Руси со странами Северной Европы (Фехнер 1966: 101-104; 1967: 33-41). В 1967 г. под руководством И.И.Ляпушкина начались раскопки гнездовского поселения (Ляпушкин 1971: 33-37). В 1967 г. в историографическом обзоре М.И.Артамонов, рассматривая вопросы расселения славян в освещении советских археологов, отмечал, что «новая хронология заселения славянами северо-западной области заставляет пересмотреть старый вопрос о славяно-варяжских (норманнских) отношениях». В частности, он полагал, что варяги появились в Приладожье раньше славян и нельзя исключать проникновение варягов на Днепр ранее конца IX в. (Артамонов 1967: 68). В статье 1968 г. Н.В.Тухтина заключила, что «волховские сопки оставлены скандинавами, жившими в Старой Ладоге» (Тухтина 1968: 192).

Как мы видим, в 1960-е гг. наблюдался стихийный ответ на долгий запрет свободного обсуждения варяжской темы на археологическом материале и идеологические послабления в исторической науке. Подчеркну, что приведенные многочисленные даты публикаций работ — это именно даты их выхода в свет, предполагающие предшествующие годы исследований и размышлений. К середине десятилетия стало ясно, что роль археологии в разработке проблемы русско-скандинавских отношений постоянно растет. В статье об археологических данных по варяжскому вопросу, А.В.Арциховский в 1966 г. справедливо заметил, что эта проблема «чем дальше, тем больше становится предметом ведения археологии» и «археологические материалы по этой теме уже многочисленны и, что самое главное, число их из года в год возрастает» (Арциховский 1966: 40).

В атмосфере новых веяний в исторической науке в 1965 г. была издана монография И.П.Шаскольского «Норманнская теория в современной буржуазной науке» (Шаскольский 1965: 1965), которой предшествовали несколько авторских статей по этой тематике. Всегда осторожный в жизни и в науке, что вполне понятно, учитывая годы творчества И.П.Шаскольского (и что вряд ли заслуживает осуждения), историк построил свою книгу на критической оценке современного норманизма, норманистской литературы о Начальной летописи, теории норманнского завоевания, норманнской колонизации в работах археологов и историков. Книга оказалась чрезвычайно ценной для исторической аудитории. Дело в том, что И.П.Шаскольский детально излагал концепции западных исследователей по варяжской проблеме и истории Древней Руси, обильно цитировал их труды, привел огромное количество литературы, в том числе почти недоступной в СССР. Он, если так можно выразиться, «просвещал» отечественную историческую среду, не знакомую или знакомую весьма поверхностно со взглядами западных коллег. Критические суждения и оценки, в конце концов, каждый делал сам.

В этой мозаике стихийного возрождения интереса к варяжской проблеме в стенах Ленинградского университета на кафедре археологии, на «Проблемном семинаре», руководимом Л.С.Клейном, в 1965 г. была проведена «Норманнская дискуссия», тридцатилетнему юбилею которой и была посвящена конференция в 1995 г. Она заключалась в публичном обсуждении участниками семинара указанной выше монографии И.П.Шаскольского. Через несколько лет в сборнике трудов Ленинградского отделения Института истории СССР, одним из редакторов которого являлся И.П.Шаскольский, был опубликован итоговый результат дискуссии в виде обширной статьи «Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения» (Клейн, Лебедев, Назаренко 1970: 226-252). Г.С.Лебедев справедливо замечает, что ее публикация стимулировала дальнейшее изучение археологического аспекта «норманской» проблемы (Лебедев 1995: 68).

Являясь участником семинара с 1966 г., я бы отметил его значение не только в том, что он привлек интерес молодого поколения архе-

ологов к «варяжским темам» (я показал, что этот интерес стихийно возрастал повсеместно), а в том, что Л.С.Клейну в силу его несомненного педагогического таланта, уважительного и тактичного отношения к исследованиям студентов, удалось создать подлинную творческую атмосферу научной работы, критической оценки источников и общих построений, показать, что можно и нужно заниматься «непопулярными» в официальной науке темами, ибо без этого картина получается односторонней. Мы казались себе подлинными первооткрывателями. Наш критицизм усиливался и тем, что в эти годы среди участников семинара стали популярными взгляды И.И.Ляпушкина, обратившегося к изучению древностей Северной Руси и пересмотревшего устоявшиеся оценки памятников лесной зоны. Практически всем составом семинара мы приняли участие в раскопках И.И.Ляпушкина 1967 и 1968 гг. на гнездовском поселении.

Однако, «варяжский» вопрос не существует сам по себе, он существует только в рамках общих концепций истории Древней Руси. Если меняется отношение к оценке роли скандинавов в той или иной сфере жизни древнерусского общества, это значит, что меняются в целом научные ориентиры. Я думаю, что в 1960-е годы мы, участники семинара, до конца этого не осознавали. Хотя весьма показательно, что, отталкиваясь от «варяжских тем», обращая на них особое внимание, многие участники семинара все больше уходили в историю финнов, балтов, славян, а их исследовательские интересы охватывали значительные территории Восточной Европы и широкие хронологические периоды.

Эту связь варяжского вопроса и общих представлений о ранней истории Древнерусского государства прекрасно иллюстрирует пример со статьей двух участников семинара В.А.Булкина и Г.С.Лебедева «Гнездово и Бирка» (Булкин, Лебедев 1974: 11-17). Эта небольшая статья, по существу, открыла совершенно новую страницу в послевоенной историографии, посвященной проблеме происхождения городов на Руси. Некоторая непоследовательность ряда заключений и декларативность выдвинутых тезисов не снимает значимости отстаиваемых в статье взглядов. Во-первых, в ней впервые в советской историографии за многие годы было четко заявлено о значительной (а иногда даже определяющей) роли международной торговли в процессе становления первых городов, во-вторых, выделен на территории Восточной Европы особый тип торгово-ремесленных предгородских поселений, аналогичных по типу североевропейским викам, а в-третьих, процесс становления городов на Руси, по крайней мере, располагавшихся на крупнейших международных путях, был сопоставлен и увязан с аналогичным процессом в Скандинавии.

Существование на Руси особого типа торгово-ремесленных поселений было сразу напрямую отвергнуто лишь Д.А.Авдусиным. По его мнению, «рассуждения» о виках и открытых торгово-ремесленных поселениях — это не «исследование исторической закономерности возникновения древнерусских городов», а «приспособление к русским условиям построений западных археологов» и почти неприкрытый норманизм. Эти «рассуждения», отмечал Д.А.Авдусин, «перекликаются с давно разбитой теорией «торговых городов» В.О.Ключевского» (Авдусин 1980: 39-42). Последнее замечание нам особенно ценно, поскольку оно верно. Действительно, имеется определенное сходство построений В.А.Булкина и Г.С.Лебедева и идей В.О.Ключевского, сходство, которого сами авторы, как мне кажется, не поняли, во всяком случае, они о нем не упоминали.

Стоить напомнить некоторые ключевые моменты концепции нашего знаменитого историка. В.О.Ключевский тесно увязывал возникновение первых городов с процессом славянского расселения, рассматривал их генезис как генезис экономических центров (торговых средоточий), а движущей силой в этом признавал внешнюю торговлю, прежде всего восточную, имея в виду выходы славян к черноморскому, азовскому и каспийскому рынкам (Ключевский 1956: 127, 128, 148-150; 1994: 20-38). Историю Руси В.О.Ключевский начинал с VI в., когда о славянских племенных союзах в районе Карпат можно уже говорить достаточно определенно. Аварское нашествие вызвало передвижение славян в восточном и северо-восточном направлении, и в VII-VIII вв. мы застаем славянское общество на стадии разложения племенных и родовых союзов. На новых местах, занятых в процессе колонизации, славяне селятся отдельными дворами, прежние связи распадаются, родство заменяется соседством, начинает формироваться «новое сцепление», обусловленное уже экономическим интересом, движущей силой которого была внешняя торговля с Востоком. Торговля стягивала одиночные дворы в сельские торговые средоточия (погосты), потом в большие торговые города с тянущими к ним областями. Эти города возникли в VIII в. как сборные места торговли, пункты складирования и отправки русского вывоза, они были посредниками между городскими округами и приморскими рынками. В IX в. города окружаются укреплениями, в них сосредотачивается военная сила общества, одной из основных целей которой была охрана торговых путей, сплачиваются тянущие к городам территории. «Вооруженный торговый город, — полагал В.О.Ключевский, — стал узлом первой крупной политической формы, завязавшейся среди восточных славян на новых местах жительства» (Ключевский 1994: 23). В одно время с превращением уже существующих городов в

политические центры, а прилегающих к ним областей — в государственные территории, на торговых путях Восточной Европы появились норманны. Их присутствие начинает ощущаться в первой половине IX в., а в дальнейшем приток заморских выходцев усиливается. Норманны активно включились в процесс сложения новых правящих социальных групп Руси, которые В.О.Ключевский называл «торгово-военной аристократией». Местами пришлый элемент в составе правящего класса преобладал, и город с тянущей к нему областью получал характер варяжского владения.

В настоящее время заключение, что на Руси в VIII-X вв., как и в некоторых странах Балтики, существовал особый тип торгово-ремесленных поселений предгородского плана, которые возникли благодаря активному участию в международной торговле, контролю над важнейшими торговыми путями, развитому ремеслу, обслуживавшему новый социальный (военно-дружинный) слой общества, рассматривается как достоверный факт. Подобный путь формирования первых городов на Руси не был всеобщим и единственным, но для нескольких центров, прежде всего в северной части страны он очевиден (Ладога, Рюриково городище — древнейший Новгород, Гнездово). Возникновение части древнерусских городов на основе подобных центров, подкрепляемое новыми археологическими материалами, действительно перекликается с предложенной еще в начале века схемой В.О.Ключевского (Носов 1993: 59-78; Nosov 1994: 185-196). Таким образом, на уровне анализа концепций варяжский вопрос неотделим от той или иной трактовки основных представлений о начальной истории Руси.

В настоящее время, благодаря новым материалам, полученным прежде всего археологией, можно отметить ряд достоверных позиций, которые определяют подходы к рассмотрению варяжского вопроса.

1. Скандинавы впервые появились на территории Руси в середине VIII в. в Ладоге с самого начала существования поселения.

2. Со второй половины — последней четверти VIII в. начал активно функционировать «восточный» путь, основные направления которого четко высвечиваются находками кладов.

3. Пласт ранних скандинавских находок VIII-IX вв. прослеживается в зоне балтийско-волжского пути (Поволховье, Волго-Окское междуречье).

4. Варяги были представлены воинами, торговцами, ремесленниками. В ряде центров они жили постоянно, семьями.

5. Иногда скандинавское влияние прослеживается по антропологическим материалам (грунтовые захоронения у церкви Климента в Ладоге, Шестовицы, могильник Куреваниха в бассейне р.Мологи).

6. Одним из путей становления городов на Руси был путь через торгово-ремесленные поселения, аналогичный варианту формирования городов в центральной части Балтийского региона.

7. Восточный путь и система водных коммуникаций в лесной зоне Восточной Европы сыграли важнейшую роль в формировании структур расселения, образовании городов и тянущих к ним территорий.

Все перечисленные факты, установленные на археологических материалах, при учете новейших наблюдений и выводов, сделанных историками и филологами, занимающимися русско-скандинавскими отношениями, создают совершенно иную базу для решения многих ключевых проблем русской истории, нежели та, на которую можно было опираться несколько десятилетий назад. Проступающие контуры новой концепции истории Руси во многом восходят не к построениям Б.Д.Грекова, С.В.Юшкова и М.Н.Тихомирова, а к русской исторической мысли начала столетия — В.О.Ключевскому, С.Ф.Платонову, А.Е.Преснякову. Путь вперед в наши дни должен аккумулировать лучшие достижения либеральной отечественной историографии, незаслуженно отброшенные в тридцатые — начале пятидесятых годов нашего столетия. Варяжский вопрос, как вопрос о роли скандинавов в начальной русской истории, в новых построениях займет совершенно определенное место и должен решаться на основе строго анализа фактического материала, а не заданных идеологических установок.

Что же касается определений «норманизм» или «антинорманизм», то, стремясь избегать недопонимания или двусмысленности, я бы старался их избегать, поскольку они отягощены «богатым» наследием и, строго говоря, к академической науке отношения не имеют.

ЛИТЕРАТУРА

Авдусин Д.А. 1980. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // Вопросы истории 12: 24-42.

Анохин Г.И. 1994. Рюрик — солевар из Русы // Человек 4: 77-92.

Артамонов М.И. 1967. Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории. Историографический сборник: 29-69. Л. Издательство Ленинградского университета.

Арциховский А.В. 1966. Археологические данные по варяжскому вопросу // Культура Древней Руси: 86-41. М. Наука.

Булкин, В.А., Лебедев Г.С. 1974. Гнездово и Бирка (к проблеме становления городов) // Культура средневековой Руси: 11-17. Л. Наука.

Давидан О.И. 1961. Резная кость Старой Ладоги // Сообщения Государственного Эрмитажа XXIII: 16-18. Л.

Давидан О.И. 1962. Гребни Старой Ладоги // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 4: 95-108. Л.

Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. 1970. Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России IX-XX вв.: 226-252. Л. Наука.

Ключевский В.О. 1956. Курс русской истории. Сочинения. Т.1. М. Издательство социально-экономической литературы. 428 с.

Ключевский В.О. 1983. Наброски по варяжскому вопросу // В.О.Ключевский. Неопубликованные произведения: 113-123. М. Наука.

Ключевский В.О. 1994. Боярская Дума Древней Руси. М. Ладомир. 547 с. (Репринт с третьего издания 1902 г.).

Корзухина Г.Ф. 1961. О времени появления укрепленного поселения в Ладоге // СА 3.

Корзухина Г.Ф. 1963. К истории игр на Руси // СА 4: 85-101.

Корзухина Г.Ф. 1964. Новые находки скандинавских вещей близ Торопца // Скандинавский сборник VIII: 297-312.

Корзухина Г.Ф. 1965. Находка на Рюриковом городище под Новгородом // КСИА 104: 46,46.

Корзухина Г.Ф. 1966а. Ладожский топорик // Культура Древней Руси: 89-96. М. Наука.

Корзухина Г.Ф. 1966б. К уточнению датировки древнейших слоев Ладоги // Тезисы докладов третьей научной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии: 61-63. Тарту.

Корзухина Г.Ф., Давидан О.И. 1969. Раскопки на урочище Плакун в Старой Ладоге // Археологические открытия 1968: 16-17. М. Наука.

Лебедев Г.С. 1995. Петербург как центр региональной археологии // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки: Труды семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки». Вып.1: 56-88. СПб.

Ляпушкин И.И. 1971. Гнездово и Смоленск // Проблемы истории феодальной России: 33-37. Л. Издательство Ленинградского государственного университета.

Мавродин В.В. 1949. Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Л.

Носов Е.Н. 1993. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики): 59-78. СПб: Центр «Петербургское востоковедение».

Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. 1967 // Труды ГИМ 43. М.

Равдоникас В.И. 1945. Старая Ладога // КСИИМК АН СССР XI: 30-41.

Рыдзевская Е.А. 1945. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // КСИИМК АН СССР XI: 51-65.

Рыдзевская Е.А. 1978. О роли варягов в Древней Руси // Е.А.Рыдзевская. Древняя Русь и Скандинавия IX-XIV вв.: 128-142. М. Наука.

Стальсберг А. 1994. Проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII-XI вв. (по археологическим собраниям СНГ) // Археологические Вести 3: 192-200. СПб.

Тухтина Н.В. 1968. Об этнической принадлежности погребенных в сопках волховского типа // Славяне и Русь: 188-193. М. Наука.

Фехнер М.В. 1966. О происхождении и датировке железных гривен // Археологический сборник / Труды Государственного исторического музея 40: 101-104. М.

Фехнер М.В. 1967. Некоторые данные археологии по торговле Руси со странами Северной Европы в X-XI вв. // Новое о прошлом нашей страны: 33-41. М. Наука.

Шаскольский И.П. 1965. Норманнская теория в современной буржуазной науке. М.-Л.

Шмидт Е.А. 1963. Археологические памятники второй половины I-го тысячелетия н.э. на территории Смоленской области // Материалы по изучению Смоленской области (МИСО) V: 85-128. Смоленск. Смоленское книжное издательство.

Штакельберг Ю.И. 1962. Глиняные диски Старой Ладоги // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 4: 109-115.

Шушарин В.П. 1964. Современная буржуазная историография Древней Руси. М.

Arne T.J. 1914. La Suède et l'Orient. Uppsala.

Nosov E.N. 1994. The emergence and development of Russian towns: some outline ideas // Archaeologia Polona 32: 185-196.

Ravdonikas V.I. 1930. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm.

Х.Станг

НАИМЕНОВАНИЕ РУСИ

(герульская версия)
Тезисы

Hakon Stang. The Naming of Russia. (Heruls version). Theses.

The present research is dedicated to a new analysis of the issue concerning the process of the naming of Russia. The work consists of three sections, in the form of a scientific dissertation, published in the written form of a monograph in English (Hakon Stang. The Naming of Russia. /Meddelelser Universitet i Oslo Slavisk-baltisk avdeling 1996 ą77, Oslo 1996).

The results of the research allow to restore in general features the following course of events:

– The Naming of Russia was first registered in 839. In the same year in Byzantine the emperor Michael III Isavr came to the throne. Two facts come from the Greek chronicles in combination with Bertine annals and "Nachalna" Chronicle of the "Povesti vremennih let".

– At the appearance of unknown to them newcomers from the North, the people of Byzantine found out orally their self-naming, that was probably various. Among these names the most curious ones for Greeks were Rots, Roch, Rosh or a similar form, the sources of which should be searched in the complex context of Scando-Finnish-Slavic relations of the preceding centuries. This new for the people of Byzantine name led to the associations with the prophecy in the Old Testament about the "prince Ros" and Gog-Magog. Possibly "khan Rus" was introduced to them as a "red-beard" ruler of Ladoga (Raudbart?). All this could stir the interest to the earlier information about the known in the I-VI c. semi-mythical creatures, but that reflected the historic reality in the images of Northern outlying districts of the ancient ecumenical.

– Courageous travelers of the year 839, having received in the course of their travelling the denotation "rhos", got home to the Old Ladoga, where the new name, following the rules of transitions of the word "Ros" from Greek through Ancient Nordic (Scandinavian) penetrated into Vepsian, and also into Northern Russian that was exposed to the influence of Vepsian and Baltic languages, into the Slavonic language of the Slavs of Ladoga and Ilmeni Lake area, where from the name of Russia was spread all over Russia.

Данное исследование посвящено новому анализу вопросов о том, как, на какой основе и чьими усилиями сложилось название **Руси.** Работа состоит из трех разделов, построенных по принципу научной диссертации, опубликованной в виде монографии на англ. яз.: Hakon Stang. The Naming of Russia. /Meddelelser Universitetet i Oslo Slavisk-baltisk avdeling 1996 №.77, Oslo 1996.

1 раздел: Метод и предмет (герулы и Рос византийских и восточных источников)

1.1. Против модерноцентризма (подход, постановка вопроса)

1.1.1. Подвергается критике модерноцентризм — представление о том, что наблюдатель может непосредственно познавать истину из буквального чтения, например, письменных источников. Историки должны (императив!) стремиться исключить «шум» своей собственной эры, так сказать, все голоса и всю пропаганду эфира современности и близких к нам времен, для того, чтобы сквозь этот шум и за ним найти и услышать звуки, или отзвуки, голосов иных времен, других мышлений. Это первая, очевидная обязанность, например, медиевиста.

1.1.2. С проблемой возникновения имени Руси можно и допустимо справиться лишь медиевистам, благополучно избавившимся от шума и предрассудков как норманизма, так и антинорманизма за последнюю четверть тысячелетия. Эти две школы объединяет предрассудок, сводящийся к тому, что наименование Руси — это само по себе исключительно северное явление (по сравнению со Средиземноморьем), со всеми своими корнями либо в славянской Киевщине, либо в Швеции.

Историк обязан удалить шум своей собственной эпохи и поставить себя на место людей другого периода и местности. Это требование к историку автор называет альтроцентризмом.

1.1.3.Во-вторых, применяется определяемый автором историко-мифологический метод: он заключается в необходимости определить, как новое явление, вроде прибытия воинов-новопришельцев из отдаленных Скандинавии или Приладожья, воспринималось с исполь-

© Станг Х., 1999.

зованием и применением к ним уже существующих на месте у византийцев и арабов понятий. Оказывается, что этот подход весьма плодотворен.

В-третьих, указанные два принципа обобщаются следующим — принципом мультидисциплинарности, сводящимся к тому, что историческое явление, по мнению автора, всегда возможно и необходимо прослеживать путем сопоставления множества данных разных наук. Этот принцип является основным для данного исследования. Так, приводятся данные и методика не только из исторической науки, но наряду с нею и из археологии, равно как из арабистики и византиноведения, латинистики и скандинавистики, а также из лингвистики и фольклористики.

Данный подход позволяет автору непосредственно перейти к источникам по теме исследования.

1.1.4. В виде примеров новейшего шума можно привести два аспекта «варяжского» вопроса: во-первых, дату того года, в котором Михаил III начал свое царствование, на что пока не обращали должного внимания. На самом деле это произошло не в 852 г. н.э. Удивительно, по оценке автора диссертации, что практически никто не ставил задачи выяснить, из греческих источников, когда именно воцарился правитель греков. Между тем это привело бы к совсем другому пункту отсчета для решения всего «варяжского вопроса», но пока не считалось достаточно релевантным и важным для историков, сосредоточивших свой интерес на более северных явлениях и теориях, вопреки тому, что Начальная летопись связывает наименование руси прежде всего с датою воцарения Михаила.

1.1.5. Во-вторых, принято говорить о «варяжском» или «норманнском» вопросе, вопреки тому явному факту, что русский летописец XII века пользовался понятием «варяг» для того, чтобы осведомить современную ему публику современным им термином о прошлом. Поэтому множество историков привыкло размышлять о варягах IX века, т.е. времени, когда это название, скорее всего, еще не использовалось. Это яркий пример как раз шума более поздней эпохи, вводящего еще более поздних историков в заблуждение.

1.2. Византийская архаизация, князья «Рос» и «русые»

1.2.1. Рассматриваются две проблемы сохранившейся византийской литературы. Во-первых, склонность византийцев к архаизации, удревнению. Новое явление для них — отнюдь не новое, его нужно было определить древними терминами, почерпнутыми у возможно более классических авторов.

Во-вторых, существовали ныне утраченные письменные источники. Отсутствие значительного объема византийской литературы объясняется, в частности, ее утратою в результате четвертого крестового похода и разграбления Константинополя крестоносцами в 1204 г.

1.2.2. Средневековые греки иногда писали намеренно в явно «языческом стиле», заставляя тем самым историков более поздних времен предполагать, что они действительно придерживались дохристианских представлений. Уже из первого факта, т.е. господства удревняющего, языческого стиля, явствует, что требуется особая тщательность в использовании византийских источников. Из второго факта, сравнительной бедности сохранившейся византийской литературы, следует необходимость дополнить имеющиеся византийские источники другими — в частности, арабской литературой Багдадского халифата и испанской державы.

1.2.3. Определяются два интересующих нас византийских термина: «Рус-» («русый, красноватый») и «Рос», отраженные в вариациях терминологии «Русь, русский» и «Россия, российский»: «рус-» использовалось как чисто техническое цветообозначение, а «Рос» фигурирует в греческом тексте Ветхого Завета (книга пророка Иезекииля).

Термины «рус-», как и «Рос», применялись к готам и к связанным с ними так наз. эрулам (герулам, herules). На возможную связь этого названия с этими народами уже обращали внимание предшествующие исследователи.

1.2.4. В малоизвестном очерке 1903 г. востоковед Маркварт, а вслед за ним и историк Клебель, заключили, что название русских восходит к обозначению народа «Хрус» (*Hrws*) у сирийского автора 555 г. Этот народ Маркварт отождествлял с эрулами на побережье Балтики (впоследствии он отказался от этого вывода). Предлагались и другие готские, эрульские и подобные теории, однако все они расходятся с выдвигаемой автором. Барди Гудмундссон, директор Национального музея Исландии, в 1959 г. пришел к выводу, что исландцы восходят по своему происхождению к эрулам. Шведский историк Сюдерлинд в 1978 г. предполагал, что уцелевших от гуннского нашествия готов их славянские соседи назвали «Русь», якобы от др. сл. «*руд(у), рус(у)*», т.е. «русые», но эта теория предлагается читателям без учета византийского термина и без всяких исторических подтверждений. В обзор релевантной научной литературы следует включить и предположение двух специалистов (Флоровский 1925, Сюзюмов 1940) о том, что название «Русь» происходит от библейского «князя Рос», упоминаемого пророком Иезекиилем.

1.2.5. «Рос» появилось в результате неправильного греческого перевода еврейского термина в Библии, у пророка Иезекииля: слово *рош*

(реш-) «голова, главный», применяемое к принцу, князю или вождю «народов-пугала» Гог-Магог, воспринималось греками не как нарицательное, а в качестве имени собственного (этнонима). Поэтому средневековые греки ожидали прибытия «князя Рос» с Крайнего Севера, а следовательно, опасались всяческих знаков и отголосков этого самого термина, в виде, например, случайного созвучия с ним в названиях крайних северных народов.

1.2.6. Автор предупреждает и о безосновательности точки зрения, согласно которой византийская интеллигенция была рабом уже воспринятой ими прочной, безоговорочной концепции. Наоборот, судя по тщательному правописанию средневековых греков, Рос-новопришельцы 839 г. одним малейшим акцентом отличались ими от библейского термина. Сделали греки это не произвольно, а как раз потому, что, сознавая библейскую опасность народа Рос (из книги Иезекииля), они стремились увидеть и оценить и менее грозные и ужасные перспективы.

Вместо указанных идей, домыслов и гипотез автором предлагается целостный альтроцентристский, историко-мифологический и мультидисциплинарный подход, позволяющий рассмотреть события и процессы, происходившие задолго до появления готских и эрульских северян, не говоря уже о викингах («варягах»).

1.3. Эрулы и «красные» германцы

Рассматриваются эрулы (ср. «эарлы» *eorles* английского, «ярлы» *jarlar* древнегерманского и древнескандинавского языков), «красные германцы» античных и византийских источников. Автор предупреждает о том, что возможно только приблизиться к пониманию данного явления, не исчерпывая его, приходя к выводу, что это даже не в первую очередь исторические «эрулы», а возможные трансферты понятия, т.е. стереотипы, которые, упрочившись в старину, продолжали существовать в литературном или устном преданиях или передаче.

1.3.1. Крупное телосложение.

Эрулы отличались и похвалялись крайне высоким ростом и крупным телосложением по сравнению с другими германцами, настолько крупным, что о них ходили слухи, будто кони не в силах их носить. Последнее изначально заимствовано из описания Геродотом племени сигиннов, некогда проживавших в устье р. Истра, т.е. Дуная, лошади которых «не в силах мужчин (их) носить». Связано это и с народом спалов (ср. русское «исполины», великаны). Помпоний Мела в 43 г. н.э. подтверждает крупное телосложение у германцев, а также первым упоминает о бесконности мужчин, связанных с амазонками. Первостепенную значимость роста воинов подчеркивает римский военный стратег Вегеций (ок. 400 г.). В 521 г. погибает «морской конунг» Хигелак (Хугилаикус), при этом его кости выставляют для обозрения в устье р. Рейна из-за чрезвычайных размеров его тела. Иордан настаивает на том (по правильному чтению его текста), что эрулы превосходят ростом все остальное население Скандинавии. Приводятся и пассажи из скандинавских саг о значимости крупного телосложения (Сага о Хрольве Вороне, Сага о Хрольве Пешеходе). Крупное телосложение, однако, представляется не исключительным свойством германцев, оно отмечено изначально при описании жителей острова Тапробаны — Цейлона (= Шри-Ланка) у Плиния Старшего. Это еще один пример того, как новые явления вливаются в старые (и весьма подходящие) шаблоны.

1.3.2. Нагие рабы.

Эрулы сражались преимущественно в пешем строю, с особенно легким вооружением — даже, как отмечалось, почти в невооруженном и неодетом виде. Засвидетельствовано это современником Иордана Прокопием Кесарийским и автором истории лангобардов Павлом Диаконом. Тацит дословно говорит («Германия»), что германцы «сражаются в нагом виде, то ли в легкой одежде с лишь маленькой туникой», а также, что они «сражаются по обычаю их родины с голыми телами» («История»).

Эрулы использовали в своей армии многих рабов, по крайней мере, рабов по облику, но при этом, наверное, свободных, даже в своих сражениях. Их принуждали сражаться почти голыми и без оружия, — если они справлялись с такой задачей, то им предоставлялась возможность стать полноправными членами эрульского общества.

Итак, в результате народного редукционизма или преувеличения устных преданий эрулы выступают, в уничижительном виде не только как «красные нудисты», «бегуны, гонцы», но и как «армия рабов». Вопреки их самовосхвалению и стремлению представиться «принцами», «князьями» («ярлами»), наверное, после распада их державы в начале VI века за ними закрепляется слух о том, что они сами на самом деле рабы. Этому способствовал, вероятно, и упомянутый обычай сражаться, якобы, почти нагими и без оружия (т. е. именно как рабы).

1.3.3. Бегуны.

Несмотря на свои крупные тела, двигались они очень быстро, особым «эрульским бегом», чем стали знамениты. Этот бег — особая тактика их бойцов. Аналогично и «росомоны» у Иордана поддается такой же этимологизации — как «быстрые».

1.3.4. Рыже-русые, синеглазые.

Были эрулы румяны лицом, красны волосами, голубоглазы. Вернее, это — трансферт, первоначально появившийся в описании народа

будинов у Геродота, потом встречаемый у Плиния применительно к жителям Тапробаны, и наконец, перенесенный на германские народы Тацитом. Он подкреплялся тем обстоятельством, что скандинавы, как любые слабопигментированные северяне, появившись в Средиземноморье, под воздействием солнца приобретали загар, и этим, как и выгорающими волосами, ярко-синими глазами на загорелом лице, привлекали внимание греков.

1.3.5. Красные волосы.

Видимо, дело с рыжими волосами заключается не столько в естественном цвете, так сказать, от природы, сколько в заимствованной германцами от кельтов традиции ритуального окрашивания волос красным цветом перед вступлением в бой. Приводится ряд отрывков из авторов, упоминающих об этом. Встречающееся в «Географии» Птолемея название *elouaiones* для северных соседей бургундов на Висту ле толкуется как «огненно-красные, огненно-желтые». Слово, использованное греками для обозначения окрашивания — *xanthizo*, — указывает как раз на интересующий нас «русый, белокурый народ». Прозвище Одина, верховного бога скандинавов, «Краснобородый» также указывает на ту же самую традицию.

1.3.6. Еще о красном.

Представляется, что эрулы отмечены и иными пристрастиями к красному цвету: они одевались в красные туники, так наз. «руссати» (*russati*), согласно древней традиции, бытовавшей, в частности, у спартанских воинов, для того, чтобы скрывать пролитую кровь. Воины, которых византийцы называли «руссати», выступали под красными боевыми штандартами или знаменами того же названия. Известны также воины, которые носили красные или, вернее, как кажется, красно-коричневые щиты. Красные щиты означали войну. Выбор цвета щита — тщательное и важное дело у германцев, согласно Тациту. Понятие «руссеус» (лат. *Russeus*) — полутехнический термин, относящийся как к цвету, так и к носящим его лентам или другим частям одежды, «по цвету крови». О красных щитах приводятся как пассажи из «Старшей Эдды», так и археологические материалы из хорошо документированного погребения сер. V в. в Западной Норвегии.

1.3.7. Красная фракция?

Автор не считает возможной связь эрулов с так наз. группировкой «Красных» Константинопольского цирка.

1.3.8. Название ярлов-князей.

Само слово «ярлы» сначала означало «свободного человека из хорошей семьи», а в дальнейшем становится обозначением высшего слоя знати (Ригстула). Свою социальную организацию и себя самих эрулы называли ярлами, т.е. буквально «принцами», «князьями», похваляясь этим, как, например, при осаде крепости короля вандалов Гелимера. Это соотносится и с тем фактом, что начальников и полководцев племен так наз. федератов звали герцогами («воеводами»). На одну ступень выше должны были стоять «князья». Будучи сыновьями знатных семей Скандинавии, и при этом составляя своего рода «военную демократию» (точнее, равноправие), они вполне могли использовать такое самоназвание, как ярлы. Это в свою очередь заставляло вспомнить о словах пророка Иезекииля про «князей Севера» в связи с народом или правителем Рос.

1.3.9. В болоте.

Обитали эрулы в болотах или на болотистом острове. Согласно историку Аблавию и вслед за ним Иордану, эрулов звали также элурами, от *(h)ele* «болото», в связи с их местожительством в Меотидском болоте, т.е. в тростниках Азовского моря. Данная игра слов выразительна, иногда даже она вытесняла подлинное название эрулов, например в византийском Этимологикум Магнум, у Стефана Византийского, у Зонара.

Представление о чрезвычайно болотистом острове засвидетельствовано Иорданом как традиция о заселении готами местности по имени Ойум, где-то севернее Причерноморья. Данное название обозначает либо остров, либо очень водянистую местность, либо и то и другое. Что речь идет как раз о болотистой местности или острове, явствует из самого описания Иордана: настолько трясиниста там почва, что рухнул мост (ведущий оттуда, очевидно, к югу, на путь в Причерноморье), и поэтому половина готов осталась как-то заточенной в указанном районе, «откуда все еще возможно слышать рев и мычание (их) коров».

1.3.10. Пираты-викинги.

Эрулы действовали как морские разбойники, «прото-викинги», начиная с 267 г. и до известных их походов на побережья Галлии и Испании в 409, 456 и 459 гг. По всей вероятности, и само название wicingas впервые прикрепилось к ним, судя по англосаксонскому автору Видсиду, где они упоминаются мимоходом, а также по весьма древнему оформлению того же слова во фризском языке, относящемуся к периоду около 400 г. И в «Беовульфе» идет речь об эрулах (*eorlas*), как о воинственных врагах, которых, к счастью, герою удается отогнать.

1.3.11. Рунические и другие надписи эрулов.

Автор касается и вопроса о руническом алфавите, или, точнее, о предшественнике его. Судя по редким промежуточным находкам, во многом похожая система создавалась в начале н.э., как основанная на азбуке или азбуках, сложившихся в Альпах под влиянием этрусков. Через полтора столетия и памятники старшей рунической письменности внезапно появляются на далеком Севере, в Ютландии, в южной Швеции и на обеих сторонах Осло-фьорда. Здесь зарегистрированы надписи на камнях, датирующиеся временем со II до VI века н.э.

(автор опровергает эрульскую принадлежность надписи, обнаруженной возле Бомбея в Индии, предположенную В.М.Топоровым в 1981 г.). Имя эрулов впервые засвидетельствовано на шлеме, найденном в Австрийских Альпах (6-9 гг. н.э.). Значит, эрулы — весьма устойчивое явление, существовавшее почти шесть веков. Использованная на шлеме письменность считается предшественником рунического алфавита. Очевидно, эрулы пользовались этой письменностью в целях боевой магии. Стереотипы ее опирались на более древние представления. Ряд северных памятников начинается словами «Я, эрил…». И в частности, памятники, возникшие после разгрома эрульской державы Херолии около 508 г. и возвращения после этого многих эрулов в Скандинавию (т.е. Фуле, согласно Прокопию), вероятно, в Бохуслен («наряду со страной гаутов») . Автор присоединяется к мнению о том, что эрилы — идеологи, маги, колдуны — поэты, выделяющиеся внутри сообщества эрулов. Попав на суровый Север, некоторые из них, видимо, странствовали по Скандинавии, добывая и деньги, и похвалу за свои знания как рун, так и героических песен о подвигах эрульских воевод. Таким образом, руны и эпос распространялись среди скандинавов, составляя культурный континуум до эпохи викингов и вдохновляя песенную культуру «Эдды» и скальдики. Эрулы представляли собой не племя, как обычно полагают ученые, а элитарную военную организацию пришлых представителей знати, выделенной из множества скандинавских племен. Сосредотачивались они на юге Балтийского моря вокруг Борнхольма, на побережьях Азовского моря, а позднее и в своем королевстве Херолия в пределах территории нынешних Венгрии, Хорватии и Боснии (прибл. 480-508 гг.). В поле зрения истории или историков они попали в результате своих морских нашествий, вместе с готами, в 267 и 269 гг., а потом и в качестве византийских наемных войск, как на фронтах в Африке и Ираке, так и в самой столице, где они в 532 г. жестоко подавили восстание «Ника». При их поддержке Одоакр совершил переворот, сверг с престола последнего римского императора и стал королем Италии, удостоенный в том числе и титула «король эрулов». Отмечаются они на службе у византийцев вплоть до 560-х гг.

1.3.12. Мифический вождь эрулов.

Раскрывается след эрульской идеологии в преданиях о мифическом короле — основателе *(х)ерилас* с его тремя жизнями, у поэта VI века Иоанна Лида, и имя это следует сопоставить с одним из мифологических имен Одина — Херил. Мифический воевода эрулов — то есть Один, буквально «исступленный» (от *oddr* — «поэзия, боевое бешенство, исступление, одержимость»). По древнескандинавской традиции, именно он изобрел руны: они представляют собой не только письменность, но и обладают магической силой. Внутри эрульского общества предположительно выделяется особая верхушка, так сказать номенклатура, называвшаяся эрилами, как свидетельствуют рунические надписи на камнях от II до VI века. По возвращению части эрулов в Скандинавию после 508 г. эти эрильские поэты-маги распространяли слухи о подвигах эрульских героев, и этим объясняется место их в Старшей Эдде.

1.3.13. Кем были эрулы.

Обособленным готским народом? Или — гепидами? Или — бургундами?

Отказываясь от этноцентризма, автор заключает, что они были преимущественно скандинавского происхождения и поддерживали свои связи с родиной, пополняясь оттуда новобранцами и даже иногда королями. Именно рунические надписи — яркое археологическое свидетельство о том, откуда и куда они направлялись. Язык их наверняка был смесью скандинавских и других германских диалектов, включая готские.

1.3.14. С кем связаны.

Вникая в соотношение готов, гепидов, бургундов с эрулами, нам представляется, что иногда следует искать последних под «готским зонтиком». С гепидами (по Исидору превратившимися в гипедов, от «педестер», «пешеход») они были исторически особенно тесно связаны, как и с бургундами. И обитателям причерноморского и средиземноморского Юга во всем этом непросто было разобраться.

1.3.15. Другие названия.

Вместо непонятного южанам имени ярлов, эрулов, им давали другие названия. Самое простое — греческое «Русос», т.е. «красные, красноватые». Употреблялось и имя Фуле; Фулли, на Крымском п-ове, восходящее к понятию Ультима Фуле = Скандинавия, а также племенные обозначения в Скандинавии, например Евдосии = ютландцы. Но, предположительно, часто эрулы скрывались и под общим названием *germani*, германцы. Есть основание подозревать, что и на франков распространялись некоторые представления о постепенно утрачивающемся прошлом эрулов.

1.4. Народная мифология Причерноморья (амазонки, Ахиллес, обитатели Азовского моря)

1.4.1. Обращаясь к древней причерноморской мифологии, обнаруживаем, как эрулы становились частью ее, и как они этим отчасти скрывались от поля зрения исследователей. Исследуется впервые повесть Филострата об истреблении амазонок Ахиллесом из-за нарушения покоя его святилища на острове Левке, при этом их партнеры, как в сексуальных отношениях, так и в морских походах — моряки неизвестной национальности. Будучи отважными,

первоклассными мореходами, эрулы вскоре должны были отождествиться с этими мифическими партнерами амазонок.

1.4.2. Мифологические материалы по-новому освещаются с этих позиций. Доказывается, что упоминание картографами маленького острова в Керченском заливе под названиями Росиа, Росса, Рубра, Рубеа, объясняется пребыванием там русских русых, а также, что название *Rhosphodusa* представляет собой сочетание факта пребывания русских / Рос с классическим именем Сподуса у Плиния.

1.4.3. Еще у Епифания (394 г. н.э.) в перечне северных народностей идет речь о готах, данах, финнах и пр., причем самыми северными оказываются германцы и амазонки. Германцев при этом он трактует как обособленных от готов и как-то связанных с амазонками. Кто они? У Иордана мужчины амазонок определяются как обитатели болот у Азовского моря. То, что именно «русые» были в тесном соприкосновении с амазонками, — высказано не классическими авторами, а восточными, как будет рассматриваться далее. Официальная История эрулов не сохранилась, существовала она или нет. Но мы располагаем «Гетикой» («Историей готов») Иордана и соответствующей «Историей лангобардов» Павла Диакона, и в предыстории обеих народностей наличествуют амазонки, чем и готы, и лангобарды, видимо, очень гордились.

1.4.4. Достопримечательным считается упоминание автором III или IV в. Псевдо-Агатемером Волги под названием «Рос». Предлагается истолкование его на основе готского слова «*raus*», т.е. «камыш, тростник» болот, что соответствует условиям волжской Дельты.

1.4.5. В «Этимологиях» испано-готского епископа Исидора соседями амазонок являются так наз. «белые», отождествляемые с народом Албании (*Albani*). Далее следует непосредственное упоминание о гуннах и о нашествии диких племен на Ближний Восток через укрепления, построенные против них Александром Македонским. Из контекста явствует, что речь идет как о мифических Гог и Магог, так и об отождествленных с ними эрулах и гуннах. Видимо, Исидор знал о предании, согласно которому соседи амазонок определяются как «русые, белокурые», а для того, чтобы показаться более ученым, он делает заключение о том, что имеются в виду классические албаны, некогда обитатели Северного Кавказа.

1.4.6. Очерчивается «скифский Ахиллес». Еще в Илиаде Ахиллес описывается непохожим на типичного грека: волосами он белокур, его любовница красновата, в то время как ахейцы волосами светлы, а берущаяся за его потрясающие золотые волосы богиня Афина Паллада голубоглаза. Выражение «волосы Ахиллеса», согласно поэту Марциалу, обозначает золотисто-красные белокурые волосы. Ахиллес обладает «огромным телом». Он «шагом быстрым герой», «ногами прилежный», наслаждается он ссорами, войной и шумом сражений. Воинов исключительной силы и мужества называли «Ахиллес». По Плинию Старшему, изваяния нагих мужчин, вооруженных только копьем, также называли ахиллесовыми.

Этот Ахиллес очень отвечал вкусу и потребностям эрулов, и поэтому у них глубоко укоренился его образ. Еще один его признак — особая туника, видимо, красного цвета. Примером внешнего «ахиллесова» облика по византийским представлениям служит конная статуя императора Юстиниана — без оружия, брони и защиты. Образцы указанного памятника известны у германцев, в диссертации приводится пример в виде одного из золотых брактеатов. Особенно показателен адрес этого «скифского» Ахиллеса: он был Понтархом, т.е. владыкой Черного моря, по которому плавали эрульские отряды. Отношения его с амазонками, которых считали «стремящимися к совокуплению с окрестными народностями», безусловно, вызывали особый интерес у эрулов — молодых, яростных, и пожалуй, страстных мужчин, в какой-то мере испытывавших в своих походах отсутствие женщин.

Традиции об Ахиллесе связаны, по крайней мере, с шестью местностями Причерноморья, представлявшими высочайший интерес для эрулов.

(1) Поселение по имени Ахиллей, на восточном берегу Киммерийского Боспора, через который воды Азовского моря вливаются в Черное. Жителей его, согласно Птолемею, звали «ахиллеотисы, ахиллитесы».

(2) Расположенное напротив поселение, на западном, крымском берегу того же пролива — Мирмекион (Мирмекий). Его считали местом рождения Ахиллеса. Узкий пролив между двумя поселениями Ахиллей и Мирмекион представлял собой единственный выход для эрулов — «элуров», проживавших в «болоте» Меотиды.

(3) Остров Левка, букв. «Белый», главенствует надо всеми доступами к устью р. Дуная, которое без этого острова было бы труднодоступно для моряков по причине весьма низкого положения устья. Звали его и Островом Благословенных. Там, по некоторым преданиям имелась так наз. Беговая Дорожка (дромос) Ахиллеса, Ахиллов Бег, причем это название чаще применялось к следующему месту.

(4) Это — растянутый песчаный полуостров, расположенный к северо-западу от Крымского п-ова, с которым он и связан, пронизывающий море по направлению к устью Днепра. Он крайне выгоден для господства надо всеми морскими движениями по Черному морю, а также в качестве базы для морских нашествий. Известен он и под указанным названием, Ахиллов Бег (дромос).

(5) Остров Березань, в устье Днепровского Лимана, напротив предыдущего полуострова, звали островом Ахиллеса. Как там, так и в городе Ольвия, выше к Днепру, установился своеобразный «культ личности» Ахиллеса. Античная надпись на камне, посвященная Ахиллесу Понтарху, восхваляет тамошнего чиновника за то, что он устроил беговое соревнование (дромос) для юношей в честь Ахиллеса.

(6) Мыс, находящийся непосредственно к востоку от устья Днепра, турки прошлого века звали Кинбурн, Килбурн, а первый слог данного названия — сокращение имени Ахиллеса. Согласно Страбону, этот мыс представляет собой «голое место», с «посвященным Ахиллесу кустарником».

За исключением острова Белого (Левки) в устье Дуная, все остальные местности принадлежат району Тавроскифии. Даже на острове Белом есть указание о том направлении, ибо святилище Ахиллеса на нем — обращено к Меотийскому болоту, т.е. расположено у восточного берега и с входом туда, по направлению к герою. На этом острове имели место кровавые обычаи, которые впоследствии приписывали тавроскифам, в виде жертвоприношений и сожжения людей. Ряд авторов настаивает на том, что именно здесь был похоронен Ахиллес, в то время как другие, наоборот, заявляют, что это имело место на острове Березань.

Подтверждение для четырех из вышеупомянутых мест темы бега в связи с Ахиллесом уместно учесть и в связи с эрулами и их особым бегом, которым они гордились и хвалились, и чем они и были знамениты профессионально. Видимо, эрулам нравилось слыть бегунами, подобными голубоглазому, русому, морскому, тавроскифскому Ахиллесу. Еще поэт Ликофрон назвал его «королем скифов». Существовала традиция о том, что он «покорил двенадцать городов по морскому пути и одиннадцать на суше», что отлично увязывается с кругозором деятельности эрулов.

Ахиллесу свойственна особая ожесточенность, отмеченная с первых строк «Илиады». «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына…» совпадает с «ожесточением» военачальников эрулов, т.е. Одина, и быть может, и служил вдохновением и источником его. Привлекательно для членов военного сообщества было бессмертие Ахиллеса и его соратников, днем сражающихся до смерти, а ночью празднующих и пьянствующих, что совершенно соответствует картине воинственного рая скандинавов, Вальхаллы Одина.

1.4.7. Этим отнюдь не исчерпывается народное, популярное (т.е. негосударственное) наследие, соотносимое с эрулами. Обратимся к малоисследованному пока очерку Псевдо-Этика из Истрии (около 770 г.), в котором изобилуют скудные сведения и названия. Среди них описываются так наз. Меопароти. Это название напоминает об «Этимологиях» Исидора, где читается: «Миопаро — очень маленькое «паро»… Германские разбойники такими пользуются на побережье океана или в болотах ради (их) быстроты». Повествуется, как они губят чужие корабли, пробивая их борта из-под воды, ср. др. ск. *Raufari* от глагола *raufa* «проделывать дырку». Говорят, пираты даже живут под водой — явное преувеличение, вызванное, по-видимому, тем, что разбойники умеют исчезать внезапно среди камыша, как будто бы без следов. Свой вклад в эти представления вносили и слухи о том, что Александр Македонский был их учеником — и под водой, и у Каспийских (Железных) Ворот, которые были укреплены благодаря знаниям этих пиратов о битуме. Александр якобы им поставил так наз. Алтари Александра в нижнем течении Днепра, т.е. на месте, посещаемом эрулами.

1.4.8. Другой вариант тематики приводит Псевдо-Этик под названием «Кананеос». Название это, напоминающее доеврейский Кананеям, Ханаан в Палестине, объясняется поиному: от лат. Cannae «камыш, тростник». Здесь имеется в виду народ, проживающий «в болотах и районах, переполненных камышами». «Женщины у них их предпочитают» — намек на их связь с амазонками. Короля не имеют (как эрулы). Выходят они на войну с босыми ногами, и волосы украшают особой окраской (как эрулы). Кормятся беззаконными породами нечистых животных (как Гог-Магог). Они — те же самые, у которых огромные тела (снова как у эрулов). Все районы их обитания в совокупности называются «Германия» — в последнем сообщении можно найти отголосок того факта, что эрулы являются не особым племенем, а представляют собою элиту, отобранную из множества германских племен. Непосредственно от них идет, намеком на «псоглавцев», прозвище лангобардов, которые были врагами эрулов.

1.4.9. Наконец, нет ли какого-нибудь указания на самое прозвание эрулов? Одно, по крайней мере, можно отметить: Псевдо-Этик из Истрии отрицает связь названий *Хели(с)*, *Хелиспонтус* с Азовским морем, Меотидою других авторов, признавая существование единственного Геллеспонта — пролива между Эгейским и Мраморным морем. Этим он указывает на то, что существовала игра слов, основанная на созвучии названий эрулов-элуров. То, что Хели(с) означало «болото», ему неизвестно. И тот же приазовский Хелиспонтус встречается много позднее, у Саксона Грамматика (в XII веке).

1.5. Мифология государственная (Гог-Магог и Готы, Гунны, Русые, 267-395 гг.)

1.5.1. Если в предыдущей главе рассматривалась народная мифология, то данная глава посвящена официальной, государственной мифологии, выражавшей страх перед Страшным судом и озабоченность при каждом знаке его приближения. В частности, византийцы боялись появления представителей племен Гог-Магога, а также мифической страны Рос на крайнем севере Ойкумены. Первый приведенный автором источник апокалиптического характера относится к самым первым нашествиям готов и эрулов на греков, в 267 и 269 гг. н.э. В не учитывавшейся до сих пор рукописи неизвестного автора содержится предупреждение: «Дважды три на численность одной тысячи насчитывает он, / до сих пор пока они не приводят конец седьмой эры. / Русый народ воздвинулся против Византии. / Готы, сыновья Хагара, представляют собой обширную массу людей. / Увы, крайне несчастливы воды Алфея, / (этими) заключениями (на) острове Греции, / а хуже всему человечеству!» На этом, раннем этапе готы определяются как «русый народ», представляющий для греков начало конца мира (в седьмое тысячелетие). Их обратил в бегство император Аврелиан, после чего опасения греков в их отношении угасли более чем на сто десять лет.

1.5.2. Только начиная с 378 г. готы вновь тревожат воображение греков, вследствие битвы под Адрианополем, где ими были уничтожены две трети всей армии императора Валента. Современнику — Амвросию это событие казалось предвестием «конца всего мира». Если ранее готов отождествляли с гетами и со скифами, причем короля готов звали «король скифов», то сейчас, после Адрианополя, — с племенами Гог и Магог. Речь идет и о простейшем созвучии: название «Гот» воспринималось как «Гог» не только у греческих авторов, но и самими готами, чем они и похвалялись, по Исидору и Иордану.

1.5.3. В 390-х гг. прошла целая волна панических слухов о том, что предстоит на самом деле конец мира, Страшный суд, предвестниками которого выступали именно готы. Примером нарастания таких убеждений нам служит святой Иероним, который сперва, когда-то до 392 г., отрицает мнение своего современника Амвросия о том, что «Гог — это Гот». В комментарии к гл. 39 пророка Иезекииля, после 392 г., Иероним косвенно указывает, что сам он в это не верит. Так же обстоит дело и со святым Августином, ибо и он отрицает отождествление Гог-Магога с конкретными народами «как гетов и массагетов».

1.5.4. Мнение св. Иеронима, однако, резко изменилось, когда на христианский восток вторглись гунны со своими эрульскими союзниками в 395 г.: он боится того, что «падает римский мир», «вот сейчас конец мира, когда римская держава падет». Еще четыре года спустя Иероним убежден в том, что гунны — это и есть дикие племена Гог-Магог, запертые Александром Македонским за Железными воротами Кавказа. Подобное мнение высказывает и римский писатель Хегесипп (Hegessipus).

1.5.5. С 390-х гг. тождество Гога и Магога с готами утвердилось навек, что может показаться странным, поскольку главную угрозу Византии представляли собой тогда уже не готы, а гунны, в частности после страшных событий 395-396 гг. Имеются также источники, в которых именно гунны сопоставляются с племенами Гог-Магог. Так, патриарх Прокл (434-437 гг.) приводит ссылку из Иезекииля по поводу внезапного конца гуннской армии во главе с Роу(г)ас, Роас, которого он отождествил с «Гог, архонтом Рос». Даже в VI веке автор Андрей Кесарийский заявляет, что Гог и Магог — это те скифы на севере, «которых мы зовем Хуннику».

1.5.6. «Кандидатуре» готов на то, чтобы стать и оставаться Гогом-Магогом, способствовало созвучие имен (Гог-Гот). Но и кандидатура эрулов проявляется по-своему: сетью «пророчеств», написанных после «предсказанных» этими пророчествами событий, мы оповещены о раздроблении западно-римской империи иноверцами, христианами арианского вероисповедания, характеризуемыми как «русая раса». В армянской версии так наз. «Седьмого видения Даниила» речь идет о предпоследнем царе Орлогиос (т.е. Олибриус), а также и о последнем (Ромул Августул), после которых придут новые властители, «от иного вероисповедания, т.е. ариане». В одной греческой версии «Апокалипсиса Даниила» победителей называют «тот русый народ». Командующий войсками, низложивший последнего императора, Одоакр носил титул «король эрулов» (476-493 гг.). В упомянутом греческом «Апокалипсисе Даниила» ссылаются, кажется, как раз на полномочия Одоакра. Тогда слова «тот русый народ» намекают на его эрулов. В другой греческой версии («Видение Даниила») есть ссылка на падение лангобардов и нашествие арабов, наверное, 778 г. Здесь византийская армия присоединяется к «русой расе» и наносит арабам полное поражение, а после счастливого периода следует прибытие Антихриста.

1.5.7. Показательно то, что происходило изменение во взглядах греков на русых северян: от представителей лютых племен Гог-Магог к солдатам наемных войск. Готы, со своей стороны, сохраняли на себе отпечаток образа Гог-Магога, в работах ряда авторов (Исидор, Иордан, летописец из Астурии, Готфрид из Витер-

бо), в версиях Повести Александра Великого Пс.-Каллисфена, а также в еврейском сборнике традиции — Таргуме.

1.5.8. Представления о «русых» северянах восходят не только к обычаю эрулов и других германцев окрашивать волосы и т.п., но и частично к древней традиции со времен Аристотеля и Гиппократа о том, будто бы скифы «грязно-желты», что воспринималось и как «русы». Приводятся и примеры рыжеволосых и голубоглазых представителей некоторых групп среднеазиатского населения. Неизвестно, в частности, кто такие «Кармир хион» — «красные гунны». Среди гуннов присутствовали и германцы, но «германские» имена гуннских предводителей ничего не доказывают, так как они, вероятнее всего, отражают только тот факт, что посредниками-рассказчиками были германцы.

1.5.9. Традиция о «красных евреях», запертых на Кавказе Александром Македонским, восходит, видимо, не к физической «красноте» евреев, но к воспоминаниям об эрулах, союзниках гуннов в 395-396 гг.

1.5.10. В сочинении сирийца Якова Серужского сохраняется упоминание о том, что не только Гог-Магог опустошат мир, но и еще ожесточенный народ «внутри упомянутых ворот», за валом Александра, «народ знаменитый». Эта роль хорошо подходила к эрулам и подобным народностям.

1.5.11. Имеется также источник, сочувствующий эрулам: речь идет опять-таки о Пс.-Этике из Истрии. Ведь он заявляет, что обитатели тростниковых зарослей и болот приложили свои усилия к делу Александра Македонского для того, чтобы преградить самому Гог-Магогу путь к разрушению мира.

1.5.12. В Апокалипсисе, приписываемом Пс.-Мефодию, мы встречаем и «королеву амазонок», и «индийцев среди черных», и «красных евреев», и Антихриста. Значит, главнейшие элементы складывавшихся представлений сохранялись, такие, как указания на красноту и связь с амазонками и Страшным судом, однако тождество германцев с рыжими северянами уже было утрачено.

1.6. Следы эрулов (от Ефрема и Старшей Эдды до Византии)

1.6.1. Наследие традиций об эрулах прослеживается в различных источниках. В середине IV века н.э. проповедник Ефрем Сирин упоминает о «русых» (*росайе*) как о народе. Очевидно, речь идет о настоящем народе, имеющем сношения с Византией в IV веке н.э.

1.6.2. Другой сириец, Псевдо-Захарий в 555 г. перечисляет народы к северу от Кавказа, включая Хрус (*Hrws*), описываемых им в качестве соседей и партнеров амазонок, настолько тяжелых, что кони не могли их нести. На основе параллельного арабского текста у ад-Динавари (895 г.) доказывается, что под «Хрус» Пс.-Захария имеются в виду как раз «русые», голубоглазые соседи — партнеры амазонок, воины-пешеходы, слишком тяжелые для лошадей — характеристика, восходящая к эрулам.

1.6.3. От современника последнего сирийца, Иордана (около 550 г.) приобретаем данные о «генс» (племени, роде) Росомонес. За неверность и предательство их преследует и казнит готский царь Германарих (350-375 г.). Имена представителей этой группы у Иордана, Снорри и Саксона — явно скандинавские. Рос — безукоризненно объясняется готским словом *раус* «камыш», а вероятнее всего, цветообозначением.

1.6.4. Росмо-горы появляются также в древнескандинавском Атлаквида («Песнь об Атли/Аттиле»). Уже более ста лет название *Росмо-* объясняется древненемецким цветообозначением *rosamo* = «красно-коричневый». Обсуждается близость и возможная родственность между эрулами и бургундами, ибо обе группы разделялись на западную и восточную ветви, они были тесно связаны друг с другом, имели общие корни (бургунды от Боргундархольма, сегодняшнего Борнхольма, вокруг которого сосредоточивались и эрулы), и самый термин «бургунд» стал как раз цветообозначением «красно-коричневый».

1.6.5. Согласно новейшим исследованиям (Гшвантлер), и название Росомонес толкуется как «красные», возможно и «быстрые», об эрулах. Быстрота эрулов кажется связанной со «священным» их опьянением (наверное, от красного мухомора) когда они сражались во главе с Одином, буквально «Ожесточенным». Прозвище «(х)эрулы», кстати, хорошо перекликается с титулом Одина *Херела* «военачальник», от *her* «войско» (ср. также глагол *herja* «опустошать»). Оттенок «недоверчивы», «коварны» в качестве изначального смысла их «красноты», отвергается как вторичное осмысление. Приводится немецкое стихотворение о рыцаре Вигалоисе, противником которого является «красный рыцарь», от «красного, воспаленного» цвета бороды и волос его: «О таких (людях) я слыхал, что они имеют сердца недоверчивые» («коварные»), согласно поэту.

1.6.6. В повествовании Иордана одна подробность заслуживает особого внимания: увидев, что «росомонская» (эрульская) его жена окрашивает себе волосы, Германарих ее сразу же убивает жестоким образом. Окрашивание волос красным цветом было как раз эрульским военным обычаем. Важность цвета подчеркивается и описанием одного из братьев убитой женщины, по имени Эрпр (буквально «красно-коричневый») в «Речах Хамдира»

(Старшая Эдда).

1.6.7. В разных древнескандинавских стихах, собранных в так наз. Старшей Эдде, еще ярче подчеркивается социальное значение красного цвета у эрулов, в их одеждах и шлемах, «в золоте красном» («Песнь об Атли», «Речи Хамдира», «Вторая песнь об Атли», «Вторая песнь о Гудрун», «Подстрекательство Гудрун»). В «Ригстуле» говорится, что из трех социальных классов невольники — смугло-черные, свободные — рыже-красные, а ярлы — русоволосые, румяные (щеками).

1.6.8. Выясняется, что эрулы в «Эдде» хорошо засвидетельствованы под своим названием «ярлар» («Речи Хамдира», «Подстрекательство Гудрун», «Первая песнь о Гудрун», «Речи Высокого», «Песнь о Хабарде»). С одним исключением, они выступают во множественном числе, и таким образом, выделяются в обособленную группу. Ярлунгаланд — «страна ярлов (эрулов?)» упомянута в «Саге о Тидреке» (эпический Теодорих, король готов в Италии).

1.6.9. Собственно в эпоху викингов наследие «красной традиции» прослеживается в выражениях вроде *раудавикингр* букв. «красный, т.е. особенно лютый викинг», *раударан* «грабеж с насилием», *раудагалинн* «красно-сумасшедший». Один, как замечалось — *Раудагрáни*, «Краснобородый». «Красный», кстати, не полностью передает значение древнескандинавского слова, которое носит оттенок блеска, воспаленности, пламенного характера.

1.6.10. Эта «краснота», отмечаемая византийцами, воспринималась как признак предрекаемых спасителей империи и христианства. За несколько десятков лет до посещения Византии первыми «русскими» в 838 г. в Сицилии появился «пророк», говорящий о том, что спасет Византию «русый народ».

1.6.11. Оказывается, что сами византийцы воспринимали и собственно русских как русых. В качестве примеров приводятся отрывки из византийских авторов Геродиана и Москопа, из рукописи в Афонском монастыре о казаках — «русых», а также из другой рукописи и актовых материалов монастыря, Книги «О церемониях» Константина Багрянородного, Лиудпранда, как и в новейшем словоупотреблении.

1.6.12. Наконец, обсуждается так наз. Каппадокийское завещание, приписываемое Александру Македонскому, где среди покоренных им народностей упоминается и народ «русых». Из контекста явствует, что они представлялись как обитатели территорий неподалеку от Кавказа. Датировка — приблизительно VIII век.

1.7. Эрулы-русые в исламских источниках

Эрульское наследие выявляется и в средневековой культуре мусульман. Автором предлагается новый перевод и рассматривается ряд отрывков из исламских источников.

1.Безымянный автор (прибл. 685 г.).

Приводится отрывок из изученной автором рукописи Британской Библиотеки Адд. 5928 о том, что жители некой страны С-д-рха (видимо, от Самарканда) — «великаны, с такими длинными языками (!), что никто их никогда не видел верхом». Предположительно, автор этой рукописи — ал-Хасан ал-Басри.

2. Тот же автор, из той же рукописи.

Описываются соседи амазонок как голубоглазые, весьма волосатые, отважные и чрезвычайно высокие.

3. Там же.

Амазонки свидетельствуют о том, что их мужчины — мореплаватели, храбры, жестоки.

4. Там же.

Говорится, что амазонки очень высоки ростом, с тяжелым телосложением, черты их лиц красные, русые и синие.

5. Рукопись второго безымянного автора — араба-мориска (содержание которой восходит к Ибн Ан'ум, VIII век): жители Хорасана — «великаны с такими длинными копьями, что никто их никогда не видел верхом».

6. Рукопись безымянного араба-арагонца (без датировки).

Покончив со строением Вала, Александр Македонский покидает Гог-Магог и встречает «народ красного цвета с красными волосами, где мужчины и женщины проживают обособленно друг от друга», а потом в связи с Ферганой и Самаркандом встречают еще один «народ с (крупными) телами, красивый».

7. Рукопись так наз. *Нихаяту л-Араб* (безымянная, без датировки).

В стране славян «в Океане» Александр Македонский встречается «с народом с красными лицами и рыжими волосами, имеющим (крупные) тела и крепость телосложения». Их король впоследствии верно служит и помогает Александру.

8. Ал-Ша'би (прибл.700 г.).

В районе Гог-Магога Александр Македонский видит «народ с красными волосами и синими очами». Они повествуют про Гог-Магог, чем те питаются: «Каждую весну океан выбрасывает ради них две рыбы». Это указание на китов, которые в самом деле «выбрасываются» как раз весной на побережья, например, Фарерских островов, преследуемые зубастым китом-касаткой.

9. Ал-Динавари (около 895).

Покончив с построением своего Вала, таким образом, отделив Гог-Магога от других, Александр Македонский находит «племя красного цвета, с рыжими волосами, среди которых мужчины и женщины обитают обособленно друг от друга», а потом в связи с Самарканд-

дом и Ферганой «увидел народ крупного телосложения, а красивый».

10. Ал-Масуди (910 г.).

«(Что касается) ар-Рус, то греки их называют Арусия, что означает «Красные».

11. Там же.

В «реке Мэотис» (= Азовское море) проходит кит, два раза за один год, и жители пользуются им. Двухразовое появление — искажение известия о ките (преследуемом касаткой).

12. Ибн-Фадлан (922 г.).

В знаменитой повести посла халифа особого внимания заслуживает пассаж о великане, побывавшем у царя волжских болгар. Названный представителем Гог-Магога, он истолковывается автором диссертации как «пугало» для посла халифа и вообще арабов, о котором рассказывали для того, чтобы сохранить монополию болгар на северную торговлю и обеспечить им финансовую поддержку со стороны халифа.

В еще более известном пассаже о «русских» до сих пор не уделялось внимание тому факту, что их зовут не «ар-Рус», а «ар-Русия», от греческого «οι ρουσιοι», т.е. «красные». О них ибн-Фадлан свидетельствует, что они «похожи на пальмы, рыжи, красны лицом, белы телом…». Очевидно, посол халифа был намерен заранее осведомиться именно, о «красных». Он отмечает специально, что «красных» среди болгар он не видал.

13. Ал-Хасан ал-Басри (?).

Здесь мы находим, так сказать, первоисточник ибн-Фадлана, в сообщении аль-Хасана о том, что некоторые представители Гог-Магога ростом с пальму, волосаты, и их питание — огромная рыба, доставляемая им весенними дождями. Проживают они где-нибудь на севере, на побережье Океана, и как кажется, на полуострове, отделяемом высокими, голыми горами от более южных и цивилизованных людей. Они голы.

14. Ибн-Фадлан.

В письме, якобы от народностей Вису (предки нынешних вепсов), передаваемом послом халифа ибн-Фадланом, вновь отмечены Гог-Магог на побережье Океана за морем и горами, питающиеся мясом китов. Очевидно, речь здесь идет о жителях северной Норвегии. Ибн-Фадлан сообщает при этом об их наготе. Отлично зная мусульманских классиков, включая ал-Басри, ибн-Фадлан писал, видимо, то, что хотелось бы прочесть главе верующих, т.е. халифу.

15. Ал-Фирдоуси (1050 г.).

В своем всемирно знаменитом эпическом произведении «Шахнаме» крупнейший персидский поэт ал-Фирдоуси упоминает о народе Хрум (т.е. Рум, Византия), но есть основание предполагать, что речь на самом деле идет о народе Хрус. Здесь воины с «красными волосами» и «желтыми лицами» совершают типичный германский ритуал — бьют в щиты своими мечами.

16. Амир Хосров (1300 г.).

Согласно этому поэту, Александр Македонский со своими соратниками добирается до места в Океане, где невозможно дальше продвинуться. Ему является небесный вестник Суруш (= ангел Джабраил, Гавриил, по иранским шиитским верованиям), чтобы оказать свою помощь. Герой достигает самого дна Океана, и Суруш появляется еще раз. Александр встречает «морских людей» с красными лицами и большими бородами, но без волос на голове. Они упрекают Александра за то, что он жаден и нарушает их покой. Истолковывается этот пассаж автором в качестве исторического воспоминания о «красных Морских людях» — эрулах.

17. Наджиб Хамадани, Амин Рази.

Эти два персидских поэта (писавшие, приблизительно в 1180 г. и в 1593 г.) оставили скудные известия. Первый заявляет, что ар-Рус обитают на острове или полуострове, высоки ростом, с белыми телами и красными лицами. Второй же — что они без исключения имеют красные волосы, огромный рост, белые тела.

18. Низами Гянджеви (1199 г.).

По словам этого знаменитого поэта, русские — «красны лицом» настолько, что они похожи на огонь священной печи зороастрийцев.

19. Абу-Мансур (980 г., или, может быть, 1050 г.?).

Согласно Абу-Мансуру, славяне — «племя красного цвета, с рыже-русыми волосами».

20 Ал-Марвази (около1130 г.).

В географическом очерке этого автора есть ссылка, почерпнутая из другого сочинения о том, что за Китаем проживает «народ с рыжим цветом кожи и красными волосами». Он сомневается в правильности этого сообщения, поскольку «рыжие черты и красные волосы производятся крайним холодом и отсутствием жары, как обстоит дело у славян и ар-Рус».

21. Ал-Димашки (1310).

В Северном Ледовитом океане «расположен большой остров, заселенный мужчинами большого роста, с кожей и волосами русого цвета, с синими глазами, никакого языка не понимающими». В другом месте он зовет византийцев «желтыми мужами». Любопытно, что, согласно ал-Димашки, ар-Рус обитает на множестве островов в Азовском море, откуда они совершают свои набеги на хазар.

22. Употребления прозвища «русые» у арабов.

Очень рано мы встречаем этноним ар-Русия, что истолковывается как «красные». Первый пример — текст ибн-Русте, датируемый автором до 860 г. Другие, наряду с формой ар-Рус — Ибн Хаукаль в 977 г., ибн-Мискавейх около 1000 г., ал-Хамадани до 1100 г., ибн-ал-Атир в 1231 г., ибн-Хальдун около 1380 г., Абу л-Фида.

Форма, встречаемая у ал-Магриби и ал-Димашки, — ар-Русия в качестве столицы народа ар-Рус. У географа ал-Идриси ар-Рус — народ, ар-Русия — этнос и территория. По позднему географу ибн-Ияс, ар-Рус — тюркский народ, во вредных для здоровья землях поблизости от славян, проживающий на острове или полуострове, с рыжим цветом тела, желтыми волосами и крупным телосложением.

23. Ал-Ахтал (от 610-620 г. н.э.?).

Кратчайшим образом отмечает «толпу красных славян».

Итак, обнаруживается, что господствующие доныне переводы ибн-Фадлана, ибн-Русте, ибн-Хаукаля и других авторов о «русских», во многих случаях ошибочны. Дословно речь нередко идет о «русых» (по-арабски *ар-Русия*, от греческого *hoi rousioi*). Определенные части содержания всех вышеупомянутых источников принадлежат одной и той же традиции, восходящей к эпохе до Великого переселения народов. Мусульманские верования о пресловутых, связанных со Страшным судом, народах Гог-Магог восходят к нашествиям гуннов (черноватых, низкого роста, с круглыми лицами) и их союзников — эрулов (красных, русых, голубоглазых, ростом с пальму). Автор отрицает и «буквальное» чтение текста ибн-Фадлана, как чистое описание фактов, без учета литературного, историко-мифологического наследия, так как последний был хорошо знаком с более ранними текстами о Гог-Магогах «ростом с пальму» и т.п.

24. Изобразительное искусство мусульман.

Хотя существуют живописные изображения уродливых северных чудовищ, при этом именно красного цвета, но на этом основании не стоит делать каких-либо выводов о связи с традицией об эрулах.

25. Прокопий Кесарийский о славянах, и проч. Подобные сведения появляются иногда и у немусульманских писателей. Прокопий Кесарийский описывает венетов и антов (т.е. славян) так: «все чрезвычайно высокие, воинственные, тела их ни очень светлы или белокуры, ни склонны к темному типу, но все чуть-чуть рыжие цветом». В «Повести временных лет» Владимир Мономах описывается как «лицом красен» с волосами рыжими и красно-белокурыми. Как и в других подобных, более поздних княжеских характеристиках, можно видеть здесь наиболее поздние переживания эллинистически-византийской традиции описания северных воинов и вождей.

2 раздел: Контаминация эрульской традиции с традицией «Рос»

2.1. Возобновление эрульской традиции о Руси в Испании и Византии

1. Ал-Якуби.

Самый древний источник, упоминающий о нашествии Руси на Испанию в 844 г. — испанский историк ал-Якуби (893 г.). Упоминаются «ал-Маджус, называемые (т.е. другими — прим. автора дисс.) ар-Рус».

2. Ибн-Хаукаль.

Этот географ передает сведения о том, что, разрушив хазарские города, ар-Рус в 969 г. отправились в Рум (= Византийскую державу) и Испанию. Но, кроме этого, что не замечено во множестве изданий, имеется и намек на то, что «ар-Рус — те, кто *издревле* нападали на Испанию» (Курсив автора дисс.).

3. Автором отмечаются еще две ссылки у ибн-Хаукаля в другом его произведении от 977 г.: «Ар-Рус — те же и самые, которые в старину приезжали в Испанию на кораблях». И также, в том же сочинении: «В старину, однако, суда от ар-Рус, печенегов-турок, и людей среди них из славян и булгар появлялись у него...» (т.е. у омейядского халифа, очевидно Абд ар-Рахман II, 822-852 гг.).

4. Ал-Мас'уди.

Знаменитый географ ал-Мас'уди сохранил пассаж о «пришедших в ал-Андалус кораблях с тысячами людей на борту, которые разоряли ее побережья, причем жители ал-Андалус верили, что они — нация ал-Маджуса, появляющаяся перед ними каждые двести лет...»

5. Ал-Бакри.

Ал-Бакри приводит подобное описание нашествий викингов на побережье ал-Андалус в 858 г., без упоминания имени ар-Рус. В другом разделе своего очерка, о народах и событиях Восточной Европы, он сообщает: «Возле Великих Болгар обитают ар-Рус. Они составляются из множества пород, они жители островов и моряки, они могущественны на море и на нем много странствуют, обитая у Понтского моря, как я уже сказал. Они исповедуют веру ал-Маджуса. Нападают они на Испанию каждые двести лет. Туда они добираются через залив от (Атлантического) океана, и не через тот залив, где стоит железный маяк. Это залив, связанный с Меотидой и Черным морем».

6. Ал-Зухри.

Так называемая «Книга географии» некоего ал-Зухри охватывает и два пассажа о появившихся из Океана больших кораблях по имени *каракир*. Они являлись «в начале каждых шести или семи лет». Здесь сохраняется периодичность указанного явления, но в весьма сокращенном виде.

7. Китайский автор.

Вплоть до Китая доходили слухи об этих мореходах и их громадных кораблях. В сочинении Чжао Чжуго упоминаются «огромные корабли (народа) Дажи». Текст искажен, но указывает на Скандинавию, на области, где «дни длятся

шесть всего часов».

8. Объяснение.

Объяснение данной традиции заключается, по мнению автора диссертации, в следующем: периодичность нашествий на Испанию, «каждые двести лет», правдоподобна. Эрулы на самом деле разорили побережья Франции (Галлии) и, быть может, северной Испании впервые в 286 г. Еще одно нашествие состоялось в 409 г., а потом в 455-456 и 459 гг. Возможен и поход в VII веке, но доказательств этого нет. И в IX веке, как показывают в первую очередь арабские источники, начались новые походы со стороны «того же народа». В отождествлении нападавших на Испанию морских воинов III — V веков с «русами» IX века, полагает автор, на мусульман повлияла традиция, сложившаяся в византийской литературе.

9. Феодор Ласкарис.

В сочинении никейского императора Феодора II Ласкариса (1245-58) есть ссылка на тот же вопрос: «Рос, которые когда-то (в старину) плавали против Византии…» Приводится еще источник, вероятно, X века о нашествии сарацинов и «Рун», где последнее, возможно, — искаженно истолкованный вид названия Рос.

10. Почему перенос?

Что обратило внимание византийцев на эрулов как на предшественников викингов 839-840-х гг.? Налицо было внешнее сходство, если учесть старинные описания эрулов. Это касается цвета их кожи, одежды, окраски их кораблей, и в частности, варварских языческих обычаев. Особый пассаж у Прокопия Кесарийского подкреплял такое отождествление и вывод о том, что они — представители огнепоклонников («Маджуса» мусульман). В том же направлении подталкивали к отождествлению и описания их рыже- или русоволосости, как и крупного телосложения и роста. Наконец, те и другие были воинами-моряками, и они направлялись на Византию и Средиземноморье как с востока, так и с запада.

11. Хазарская связь.

Отождествлению с библейским «народом» (во главе с) князем Рос способствовало уже задолго до этого господствовавшее мнение о том, что Гог-Магог — хазары или расположены поблизости от хазар. «Послы» князя Рос в 838 г. добрались до Византии через Хазарские владения в Крыму.

12. Греческие акценты.

Важно учесть и византийское правописание самого названия Рос. Чистыми буквами оно пишется совсем так, как и библейское *Рос*. Но доныне не обращалось внимание на особую тонкость греческого языка — так называемые *акценты*. В первых сообщениях преобладал другой акцент, чем в библейском термине. Это показывает, что византийская канцелярия была склонна подчеркивать, что данный Рос — не обязательно тот же самый, что и *Рос* Ветхого Завета. Во-вторых, примечательно, что этот термин первоначально не подлежал склонению, как и библейский. Только в более поздние времена вводится склоняемый вид этого названия. В-третьих, чисто библейский вид слова, т.е. с особым акцентом, заимствованным от *Рос* в Ветхом Завете, постепенно появляется в литературе. Все это, по мнению автора диссертации, указывает на пристальное, не отвлекающееся от библейского *Рос* внимание византийцев к новым носителям грозного имени.

2.2. Из Византии на арабский запад

2.2.1. Послы 839 г. — куда дальше?

До сих пор Бертинские Анналы, сообщающие под 839 годом о послах «народа рос», посетивших Византию в 838 году, а затем оказавшихся в Ингельгейме у императора франков, трактуются без учета возможного вклада современных им арабских писателей. Интерес историков к поездке «послов» в Ингельгейм — огромен, но пока почти никто не обращал внимания на, буквально говоря, дальнейшее: куда отправились затем византийские представители и какие выявляются следы их в сохраняющейся литературе?

2.2.2. Ал-Маккари.

У испанского автора ал-Маккари встречается такой след — буквально описание как морских нашествий викингов на Испанию, так и продолжения того же византийского посольства к мусульманскому правителю Испании. Послы изыскивали военную помощь со стороны мусульман Испании против общих врагов и испанских мусульман, и византийцев — мусульман Багдадского халифата. Это сотрудничество оказалось практически несостоятельным. Единственным возможным результатом этого посольства осталась поездка поэта-дипломата Яхьи ал-Газала к императору Византии, состоявшаяся позднее — в 839 г. или, наверное, в 840 г.

2.2.3. Понятие «ал-Маджус».

Исходя из слов ал-Маккари о том, что «таким образом связь установилась между ними», т.е. между императором Византии и правителем Испании, автор диссертации рассматривает термин «ал-Маджус» в качестве возможного следа или отголоска от первых переговоров ал-Газала с византийским басилевсом. *Ал-Маджус* условно переводится как «огнепоклонники», но точнее означает зороастрийцев. Но почему этот термин применен к викингам, которые ни зороастрийцами, ни огнепоклонниками не являлись? Отказавшись от других возможных решений вопроса, автор диссертации заключает, что термин отражает сведения, по-

лученные из уст греков послом Яхьей ал-Газалом в 840 г. Когда начались вторжения викингов со стороны Океана во владения Умайядов Испании, то того же Яхью ал-Газала послали к королю ал-Маджуса, вероятнее всего, в г. Дублин в Ирландии, завоеванной викингами. Показательно то, что он сообщает, вернувшись назад. Все еще называя их ал-Маджус, используя это слово как этнографический термин, ал-Газал свидетельствует о том, что они оставили религию ал-Маджус, огнепоклонничество, как и «ту религию, которую они исповедовали раньше» — кроме жителей островов к северу от посещаемой им страны.

Королева страны ал-Маджус, «Нуд» по Яхье ал-Газалу, отождествляется с викингской королевой Ауд в Дублине. И в словах его о «самой отдаленной изо всех стране Божьей, где прохода нет тому, кто добирается туда», ощущается отголосок легенды о Гог-Магоге и подходящих слов Корана.

2.2.4. Ибн-Дихья и ибн-Хаян.

Обращаясь вновь к ал-Маккари, автор диссертации выявляет намек на итоги посольства в мусульманскую Испанию. У ибн-Дихья говорится, что Яхья ал-Газал был послан в страну аль-Маджус, и добавляется непосредственно затем, по ибн-Хаяну, что мусульманский владыка Испании послал его к царю в Византию, «и его повесть ему поразила, итак тревога его (= царя) утихла». Отсюда явствует, что правительство Кордовы само заинтересовалось как улучшением знаний о викингах, так и мирными отношениями с ними, причем потом сумело успокоить и своего союзника, царя греков.

2.2.5. Пророчества христиан.

Три греческих версии так наз. Видения Псевдо-Мефодия Патарского и особые версии близкого ему Апокалипсиса Святого Петра (записанного по-арабски, по-сирийски и по- эфиопски) описывают злую судьбу православной империи под натиском измаилитов, хотя предсказывается затем и резкое изменение: «однако тогда откроются врата севера, и появятся силы тех народов, которые были заперты внутри их. Весь мир придет в ужас от их внешнего облика. Испугаются люди, убегая и скрываясь на горах, в пещерах и в гробницах. Ибо народы, приступающие с севера, кормятся человеческим мясом и выпивают кровь от животных и всяческого нечистого». Вопреки оформлению данной легенды в качестве пророчества, в ней обнаруживаются ссылки на исторические корни в событиях царствования Михаила III и появлении народа Рос. Продолжается пророчество Лже-Мефодия тем, что народам севера даже удается покорить город Иоппе (сегодняшную Яффу в Израиле), но семь лет спустя после этого посылает Бог высочайшего ангела (которого все греки знают по не названному здесь его имени Михаил), и ангел их всех тотчас уничтожает. Как постыдные обычаи питания данного народа, так и пророчество о Палестине и истреблении их там ангелом — все это взято из легенды о Гог-Магоге и князе Рос. В одной латинской версии, а также и в славянской, названы и Гог, и Магог. Все эти версии Видения и Апокалипсиса Святого Петра автор диссертации связывает с уже упомянутыми византийскими источниками о помощи со стороны «русых народов» севера. Роль северян, предопределенная двойным значением их наименования («русые» и рос) — апокалиптична.

2.2.6. Легенда о народе рос до 842 г.

Безымяный автор так наз. «Продолжения Феофана» предоставляет ученым легенду об Иоанне Грамматике, патриархе Константинополя до снятия его в 842 или 843 г.: во время разорения империи со стороны «поганого (языческого) и жестокого народа», он приказывает воздвигнуть трехголовый памятник на Ипподроме, пользуется магическим заговором для того, чтобы переместить жизненную силу трех вождей врага в данный памятник, и принуждает трех мужчин огромной физической силы одновременно избить три головы памятника большими медными топорами. Отрываются две головы и падают наземь, однако третья остается, только чуть-чуть сгибаясь. Потом на самом деле эти три вождя варваров ссорятся и двух из них убивает третий, который, уцелев, возвращается на свою родину, раненым, со своими войсками в поражении и бегстве. Предполагалось доныне, что данный источник касается нападения 860 г. Но такой вывод не вяжется с центральной ролью в данной легенде патриарха Иоанна, которого отстранили от службы уже в начале 840-х гг. Доверяя источнику, автор диссертации, напротив, заключает, что здесь отражается страх византийской верхушки перед увиденной ею угрозой с севера со стороны «народа Рос». Подтверждение этого обнаруживается в весьма популярном пророчестве сирийского автора о том, что в предпоследние дни мира «царство греков… возьмет в свою правую руку железный топор, а в свою левую медный же», и от пользования ими растает сила враждебных грекам царств, и мало кто спасется, причем верующим советуют припомнить слова пророка Иеремии: «Отошлется зло на всех жителей страны с севера».

2.2.7. Памятник.

На форуме Тавра в Константинополе, столице Византии, стоял памятник с человеческим изображением наверху, а на его постаменте — ряд рельефов, которые, по мнению всех жителей города, показывали «повести последних дней города, когда народ Рос разорит Константинополь».

Высказывалось мнение о том, что этот страх — результат русского морского нашествия на город в 860 г., отображенного и в известных речах патриарха Фотия. Корни об этом гибельном нашествии, очевидно, были значительно более

глубокими и опирались на религиозные верования и предшествовавшую народно-мифологическую и государственно-мифологическую традицию. Она обусловливала соединение апокалипсических пророчеств Иезекииля с появляющимися «в конце времен» представителями языческого народа из крайнего, приладожского севера. «Последние дни города» — последние дни всего мира.

2.2.8. Загадки греков о народе рос.

Особый интерес представляют собой решения двух загадок, приписываемых автору XII века. Вопрос о «поганом народе», «народе чуждого внешнего облика» получает как свое объяснение: «Рос, со всей их армией». Вторая загадка — «варварский скиф, домашний раб, или домашний служащий, либо отрок» — имеет как правильное решение: «Народ Рос». Что касается первой загадки, то она невольно представляет собой отзвук слов Лиутпранда о том, что греки называют русских этим их именем «по особой характеристике их внешнего облика». То, что речь идет о «поганом народе», язычниках — весьма показательно в XII веке, как воспоминание с тех времен, когда русские в самом деле считались языческими врагами всему христианскому (а также и мусульманскому) миру.

2.3. Походы Руси на Амастриду и Сурож с запада?

2.3.1. Напрашивается возможное новое решение многократно обсуждавшегося вопроса: два жизнеописания византийских святых, где идет речь о народе Рос. Не считается приемлемым ни безоговорочно воспринимать сообщаемые в них события как реальность 820-х или ранних 840-х гг., ни считать эти два источника, во всяком случае оба, поздними фальсификациями.

2.3.2. Приводится ранний арабо-испанский источник, ибн ал-Кутия (буквально, «Сын Готской Женщины») о морском походе 844 г.: «Ал-Маджус напали на ал-Андалус, разоряя оба побережья одновременно. Во время этой экспедиции, которая длилась в общей сложности 14 лет, они приплыли в страну византийцев и в Александрию».

2.3.3. Более 150 лет назад свидетельство ибн ал-Кутия рассматривалось в связи с летописанием Себастиана из Саламанки. Повествуя о разорении язычниками всего побережья Испании, а вдобавок и марокканского города Накур, он называет и Балеарские острова в перечне их жертв. «После этого, добравшись до Греции, они три года спустя вернулись на свою родину».

2.3.4.Так наз. «Книга Географии» безымянного автора подтверждает факт указанного похода: проплыв мимо памятника испанского города Кадиса, ал-Маджус (викинги), «по обычаю, плыли дальше, до островов этого маленького моря, причем они добирались до самых отдаленных мест аш-Ша'м». Последнее название обсуждалось. Автор диссертации приходит к выводу, что речь здесь идет о Мраморном море. Ибн-Хордадбех дважды пользуется термином «*бахр аш-Ша'м*» в связи с Мраморным морем.

2.3.5. Ценность Жития Святого Степана Сурожского как исторического источника оспаривается автором диссертации, и напротив, Житие Святого Георгия Амастридского оценивается вновь как подлинное свидетельство о первичной Руси.

2.3.6. Предлагается рассматривать поход на Амастриду в рамках вышеупомянутой экспедиции викингов против как Испании, так и «самых отдаленных мест аш-Ша'м», «в страну византийцев». Греки были чрезвычайно озабочены мусульманской опасностью, и наверное, не обращали внимания на новопришельцев с запада до первого нашествия их, как предполагается, на город Амастриду. Если даже викинги и имели схватку с мусульманами под Александрией, а греки узнали об этом, то греки считали бы их сперва возможными союзниками. Корабли викингов перемещались настолько быстро, что ни мусульмане, ни греки не сумели бы их перехватить до того, как они исчезли в неизвестном направлении — либо на запад, либо на восток.

2.3.7. Вопрос местонахождения Пропонтиды важен, поскольку Житие Святого Георгия настаивает на том, что находники прибыли оттуда. Делается вывод, что имеется в виду северо-восточная часть Средиземного моря, т.е. подступ к Мраморному морю, и что наилучшее решение вопроса заключается в доверии всем используемым источникам. Итак, предполагается, что на самом деле морское нападение со стороны «Рос» на Амастриду, состоялось, вероятнее всего, в ранние 840-е годы, имея исходным районом побережье Испании.

2.3.8. Венецианский писатель Флавий Блонд повторяет уже известные сведения о морском нашествии викингов на Константинополь в 860 г., но добавляет, что они «вернулись в Британское море». Это отлично вяжется с предыдущим предположением о том, что викинги умели плавать через Суд Константинополя и Мраморное море, обходя или преодолевая препятствия со стороны византийцев, что они умели и «охватывать всю Европу одним и тем же походом», и что находники 860 г. были настоящими викингами как из восточной, так и из западной Европы.

2.4. Из Византии на арабский восток

2.4.1. Сон халифа.

В 842 г. багдадский халиф ал-Муктадир якобы видел во сне, что «в Валу, построенном Двурогим между нашими странами и Гог-Магогами, открылось отверстие». Двурогий — мусульманский герой, отождествляемый с Александром Македонским. Опасаясь возможного вторжения этих лютых племен в его владения, халиф нуждался в человеке, способном возглавить экспедицию для того, чтобы узнать истину о состоянии знаменитого Вала. Длилась экспедиция более двух лет. Отчет начальника ее сохранился. По его словам, Вал действительно был прорван названными племенами, но в настоящее время они опять были заперты — арабоязычным народом под Валом. Значит, халиф мог отдохнуть и успокоиться от прежнего страха.

2.4.2. Маршрут исследования.

Маршрут экспедиции показателен. Она не перебирается через Хорасан и Самарканд по направлению к Тибету, Уйгурии или Монголии, к северо-восточному углу мира, где сирийско-христианская и мусульманская традиция условно помещала Гог-Магога. Против всего ожидаемого, экспедиция шла через Кавказ на северо-запад, в южно-русскую степь, где напрасно искала представителей указанных племен. Основанием для такого маршрута были византийские сведения о народе Рос.

2.4.3. Роль ал-Газала?

Кто передал эти сведения об угрозе со стороны рос? Одна из возможностей — Яхья ал-Газал, поскольку имеется арабский источник о том, что он посетил Багдад.

2.4.4. Роль ал-Джарми?

Другая возможность — военнопленный, быть может, Муслим ал-Джарми, ибо он не только служил первостепенным информатором халифа по возвращении в Багдад в 845 г., но и до этого в плену у греков поддерживал открытые сношения с представителями халифа. Во многом менее убедительной является возможность получения сведений халифом от греческого военнопленного в Багдаде.

2.4.5. Арабские шпионы в Византии?

В Византии халиф располагал и другими источниками. Преград мусульманским торговцам не было поставлено, и шел оживленный обмен людьми между обеими сторонами. К тому же халиф имел сеть шпионов везде, включая Константинополь.

2.4.6. Греки в Багдаде?

Еще один возможный посредник — посол или послы царя греков к халифу. В 839 г. Феофил направил посольство к халифу для того, чтобы мирным путем оставить город Аморион за греками. Если представители Рос уже появились и были допрошены в Константинополе, то теоретически послы царя могли бы осведомить о них мусульманского правителя. Это, правда, не соответствует дате «сна» халифа в 842 г. Иная возможность — сам патриарх Византии, Иоанн Грамматик, который поддерживал тесные связи с Багдадом, как и его сотрудник Игнатий Диакон. Иоанн дважды посещал Багдад и сам боялся угрозы со стороны народа Рос.

2.4.7. Связь с Амастридой.

Нашествие на Амастриду, по мнению автора диссертации, представляет собой единственную конкретную причину для «сна» халифа в 842 г. и для последующей экспедиции на территории поблизости от Черного и Азовского морей.

2.4.8. Взгляд Бал'ами на Русь.

В переработке Истории ат-Табари саманидским министром Бал'ами проявляется взгляд мусульман на ар-Рус, согласно которому они — «враги всему миру», вроде Гог-Магогов.

2.4.9. Хазарское письмо и ал-Марвази.

В письме еврейскому премьер-министру мусульманской Кордовы, приблизительно в 960 г., правитель хазар, сам иудей по вероисповеданию, похваляется тем, что он преграждает народу Рос путь на юг, иначе они опустошили бы всю страну вплоть до Багдада.

Поздний географ ал-Марвази, писавший в 1142 г., но опиравшийся на более ранние источники, обращает внимание на привычку ар-Рус сражаться пешком, добавляя: «Если бы они имели коней, то еще более были бы наказанием всему миру».

2.5. Новинки у ал-Хорезми (846 г.) и амазонки

Ценнейшим источником, доныне не исчерпанным, является переработка труда позднеантичного географа Птолемея его мусульманским коллегой ал-Хорезми. Это произведение было выполнено в течение 836-847 гг. и включает в себя новинки из своего собственного времени.

2.5.1. Река «Арус».

Под именем (А)РУС, полагал в 1965 г. советский ученый Новосельцев, скрывается именно название Руси. Автор диссертации доказывает, что данный вывод неправилен, ибо идет речь просто об искаженном написании местоназвания *Йурассус монс* — ныне горы Юра в Швейцарии и южной Франции.

2.5.2. Болото.

Если (А)РУС — тупиковая версия, то Азовское море, однако, описывается и определяется как «Болото», оно и гораздо больше по размеру, чем в действительности, и также продле-

но далеко в глубь северного пространства. Черное море полностью отсутствует у ал-Хорезми, как будто бы оно замещено «Болотом». Все это — совсем иначе, чем у Птолемея.

2.5.3. Амазонские острова.

Интереснее всего — два больших острова в северном океане: Амазонский остров женщин и Амазонский остров мужчин. К тому же Северный океан ограничивается к северу побережьем, неизвестным у Птолемея, простирающимся с востока на запад.

2.5.4. Днепровский и волжский пути.

В болото течет р. Танаис (т.е. Волга, отождествленная с Доном) с крайнего севера, точнее говоря, из некоего озера. Сушу между Болотом и Северным (Балтийским) Океаном пересекают две большие реки — отражая путь по Днепру и путь по Дону. Все это — новые сведения, указывающие на информаторов, хорошо осведомленных о крайнем севере Руси и Скандинавии.

2.5.5. Крайне северная Меотида

То же самое наследие выявляется у более поздних писателей. Так, безымянный автор персидского географического сочинения «Худуд ал-'алам» («Пределы мира») подчеркивает крайне северное положение моря Меотиды. Этому способствовал, быть может, действительно болотистый характер Новгородчины и Приладожья, и, вероятно, сакральность таких мест у прибалтийских финнов и скандинавов.

2.5.6. Ойум Иордана.

Анализ пассажа Иордана о местонахождении *Ойум* готской традиции открывает возможность связать данный район с крайне северным «Болотом» и, как кажется (фактически совершенно неверно, но историко-мифологически значимо), — и с эрулами.

3 раздел: РОС и РУСЬ

3.1. Арабские и другие подтверждения: амазонки и нагие русые

3.1.1. С этим целостным подходом указывается и отрывок произведения ибн-Русте от 922 г. В этом источнике сохраняются во многом более ранние наблюдения, восходящие к временам, предшествующим установлению государственности на Руси. Предполагается, что эти сведения почерпнуты из утраченного очерка ал-Джарми или другого араба в 842-847 гг. У ибн-Русте засвидетельствованы, кстати, опять же не русские, как заявляют историки по сей день, а «*русые*». А описываемому ландшафту соответствует лучше всего Старая Ладога.

3.1.2. Морские амазонки, указанные у ал-Хорезми, появляются и у ряда других писателей, причем не только арабских, и это показывает, что речь идет не только о литературном предмете, а об укоренившемся на севере сюжете. Приводятся Сухраб, ал-Мунадджим, Ибн Я'куб, ал-Идриси, ал-Магриби, ал-Казвини (с изложением сведений посла испанских мусульман в Германию ат-Тартуши в X веке), а также свидетельства древнерусской Начальной летописи (как более «литературное явление» XII века), дополнение к переводу Орозия английского короля Альфреда Великого (конец IX в.), а также произведения древнескандинавской литературы и (см. ниже) Адама Бременского. «Последние амазонки» — на самом деле крайне северны, ибо встречаются на побережье Ледовитого океана в русском произведении от 1772 г.

3.1.3. Персидский поэт Низами Гянджеви часто «играет словами» по поводу русого, красного облика русских. Есть у него и намек на Страшный суд в связи с русскими, в качестве ссылки на их апокалиптическую роль.

3.1.4. Низами Гянджеви наследовал и традицию о эрулах: русские «все красноваты лицом и сини очами», они «шагом так тверды и решительны, что один равен целой армии», они вызывают Страшный суд в мире, а в частности — они без оружия и без одежды, сражаются пешими, им не свойственно послушание одному королю.

3.2. Третья Русь и Ладога

3.2.1. Существует целый ряд мусульманских источников о трех племенах или группировках Руси, начиная с ал-Балхи в 921 г. Племя ас-Салавия истолковывается как словене Новгородчины, Куяба — это Киев. А что такое, Арса, Арта, Ирта, Урта, где «пожирают всех иностранцев»?

3.2.2. Рассматривается научная литература по данному предмету: эрзя-мордовская версия, бьярмийская, балтийская, а также чисто литературно-легендарная (три брата, например, в Начальной летописи о Рюрике, Синеусе, Труворе, откуда якобы расстановка трех племен).

3.2.3. Автор следует по иному пути анализа: «Третья Русь», третий «центр Руси» должен быть расположен где-то под Ростовом или Белоозером, в верхневолжских поселениях первоначальной Руси, которым свойственен смешанный скандинавско-прибалтийско-славянский погребальный инвентарь. Так локализуется «Арса» в исследованиях И. В. Дубова и Д. А. Мачинского. Ср. Ибн-Хаукаль: «Большинство этих мехов, и самые драгоценные из них, находятся в стране ар-Рус. К ним и в их земли они доходят из пределов Гог-Магогов». Именно здесь, на подступах к Заволочью, вепсы (весь) распространяли слухи о самоедах-сыроедах, пожирающих всех иноязычных. Само название может отражать вепсскую лек-

сику, *ераз* «другой», *ерд(ас), ирд(ас),* «та сторона, отдаленно, позади, внешняя сторона». Предлагается видеть под этим названием **Сарское** городище в Ростовщине, где, наверно, и сосредоточена так наз. Мерская Весь. По свидетельству аль-Димашки, «Арта» не является подлинным названием города. Он, кстати, добавляет четвертое племя — б.расия, которое уже расшифровалось как искаженный вид *Раус,* что в свою очередь отражает греческое *«ρους».*

3.2.4. Предполагается, что слова Начальной летописи о братьях Рюрика обусловлены именно практической полусамостоятельностью Белоозерщины, где «сидела», т.е. правила, Весь. Особый статус вельможам данного района, обеспечивавший право на ценнейшие доходы от добычи пушнины, вероятно, вошел в исторический договор о том, как установить контроль варяжских князей над славянскими и финскими племенами и обустроить Русь.

3.2.5. Покончив с «третьей Русью», автор диссертации обращается ко «второй», в (Старой) **Ладоге**. Давно уже установлено, что этот топоним происходит от вепсского **Алодейоги** *«нижняя река, река в болотистой местности»*, откуда берет начало более древнее и более похожее древнескандинавское название **Альдейгьюборг.** Значимость его доныне не оценивалась. При допросе в Византии в 839 г., вероятно, на основе ныне утраченного очерка Кассиодора, которым мы располагаем только в переработке Иордана и где рассказывалось о болотистой стране *Ойум* готов, новопришельцы из Старой Ладоги, естественно, сообщили бы, что название их поселка означает «поселение, окружаемое болотом и низкой рекой». Это как раз та картина, которую изображают арабские источники.

3.2.6. Роль Старой Ладоги очерчивается так: в скандинавско-прибалтийско-финскую среду проникают торговцы, ремесленники и т.п. из племени *словен*, которые временно одерживают верх, изгоняя скандинавов «за море». Междоусобица оканчивается тем, что скандинавы (включая многие наемные войска), вепсы, чудь и союзные с ними славяне восстанавливают контроль над Старой Ладогой, причем это сопровождается пожаром. Упрочивается скандинавско-вепсский симбиоз, о чем свидетельствует, в частности, погребальная культура IX-X вв. к востоку от самого поселения, на землях Южного Приладожья (по мнению Мачинского, «колбяги» письменных источников). В связи с этим привлекает внимание выражение вепсского языка, еще употребляемого на территории немного восточнее указанных курганов IX-X вв.: *лахтта русиле* «поехать на сезонную работу»; а также на очевидно весьма древнюю повесть о том, как «*всю Русь — Ладогу объехал молодец*». Первоначально именно ***Ладога прежде всего была Русью***.

3.2.7. На фоне вышесказанного пора оценить слова ал-Мас'уди: «Русь состоит из множества народов, которые распадаются на разновидные категории. Среди них есть вид по имени ***ал-Лаудугана*** (к*урсив авт.*), и они самые многочисленные. Они поддерживают торговые отношения со странами ал-Андалус, Римом, Византией и хазарами».

В другом очерке ал-Мас'уди располагается пассаж о городе Мусаннат, у Суда Константинополя: «Он преграждает путь тем кораблям ал-Каудукана и других видов ар-Рус, которые появляются на том море. Византийцы их зовут Арусия, что обозначает Красных». Имя ал-Каудукана — лишь чуть-чуть искаженный вид ал-Лаудугана, т.е. *ладожане*. Еще в одном пассаже ал-Мас'уди осведомляет историков о том, что ар-Рус «составляет огромный народ, не слушающий ни короля, ни закона». Это не соответствует принятой картине Киевской Руси — хотя речь может идти о первом периоде ее формирования, когда Аскольд, Дир и Рюрик были довольно самостоятельны по отношению друг к другу.

3.2.8. Пассаж Начальной летописи под 6390 (=882) г. соответствует вопросу, кого звали впервые Русь: «И сидел Олег в Киеве… вместе с ними были варяги и словене и другие, называющиеся Русь». Как отмечает академик Д.С.Лихачев, по смыслу слов это не все упомянутые, а только «другие», которых звали Русь.

3.2.9. В рукописи начала XVII века «О начале Русской земли» излагается легенда, согласно которой три князя Великосан, Асан и Авехасан правили над словенами и русью, но после опустошения страны от чумы уцелевшие жители переместились в Белое озеро «и стали называться Весью».

3.2.10. Старая Ладога, где Русь и Весь могли впервые объединиться, в «Саге о Хрольве Пешеходе» рассматривается как город, находившийся под властью правителей, среди которых одним из первых назван Раудбарт — «Рыжебородый».

3.3. Греческие подтверждения: тавроскифы и рабы-бегуны

3.3.1.Безымянный писатель из Равенны (VII век) отождествляет Скифию с островом, точнее, со Скандией (Скандинавией), «ибо читаем мы, что в старину из нее вышли готы и даны, точно так, как и гепиды». Кто такие ***даны***, которые издревле вышли, т.е. отправились в походы, с острова Скифии? Имеются в виду ***эрулы.*** Другие прозвища — тавроскифы, тавры, таврогунны. Рассматриваются источники по этим названиям до становления Руси. Самое распространенное из них — ***тавроскифы***. Как замечает Птолемей приблизительно в 140 г. н.э.: «У

Бега Ахиллеса (обитают) тавроскифы». После знакомства византийцев с Русью эта практика возобновилась: русских зовут тавроскифами (Лев Диакон и др.). Перипл Черного моря указывает, что «в этой местности ныне обитают евдосы, пользуясь готским и таврийским языками». Евдосы — племя юды, юты, ютландцы, жители Ютландии в нынешней Дании. Это указывает, что эрулов называли по-разному, в зависимости от их групповой или племенной принадлежности.

3.3.2. Эрулы были родом из так называемой Крайней Фулы (Ultima Thule), но оказывается, что существовала еще одна Фула, в Крыму: епископа готов, Иоанна Готского, содержали под стражей в Фулах. И Святой Кирилл нашел в Крыму людей, говорящих на фульском языке. Впоследствие преобладала форма Фуллы, с двойным *-л-*. Как административная единица Фулла исчезла в 1666 г. Но вплоть до наших времен существует топоним *Русско-фулей* и менее сходные, хотя и слегка уловимые *Русскофиль-кале* или *Русскофлея*.

3.3.3. Согласно Житию Константина Философа (т.е. Кирилла), приблизительно в 860 г. в крымском городе Корсуне (Херсонесе) Кирилл нашел книгу, написанную «русскими буквами». Каковы они?

Господствующий сегодня взгляд сводится к тому, что слово *роусьскы* должно правильно читаться *соурьскы* «сирийский». Теория сама по себе правдоподобна, но все-таки не убеждает, как и другие теории (болгарская, сирийская, готская школы). Судя по правописанию Кирилла и следуя самому легкому чтению, автор диссертации приходит к выводу, что речь идет о «русых» греках, т.е. «красных».

3.3.4. Пассаж у епископа Титмара из Мерзебурга о Киеве долго расстраивал историков: все жители Киева и Киевщины «состоят из беглых рабов со всех сторон, и множество их из быстрых данов, и они до сих пор противостоят печенегам, которые им много вредили». Оспаривая предшествующие анализы указанного пассажа, обосновывается заключение, что эти слова восходят к стереотипам об эрулах, о «быстрых», бегунах-дромитаи с их рабами, ср. следующее.

3.3.5. У Псевдо-Симеона Магистра встречается утверждение: «Рус, знаменитые Дромитаи, названы по некому могучему Рос, избежав приключений, разрешаемых Богом, или посланных нечистыми духами, которые их захватили». Параллельный текст содержится у писателя Зонара. Следует отвергнуть вывод о том, что *Дромитаи* означают суда викингов или как-то связаны с Ахилловым Бегом. Как и в предыдущем случае, с Титмаром из Мерзебурга, речь идет о наследии преданий об эрулах — «бегунах».

3.3.6. Равеннский Аноним (прибл. 700 г.) пишет о Дании, что эта страна, которая «рождает мужчин, быстрее всех других народностей». «Эту Данию сейчас зовут страной Нордманнов». Автор диссертации полагает, что и здесь речь идет об эрулах.

3.3.7. Приводится и текст Симеона Магистра (или Метафраста) о нашествии народа Рос, «которых зовут Дромитас», возводящих свои корни к франкам.

3.3.8. Безымянный автор так наз. «Продолжения Феофана» таким же образом пишет о народе Рос, «которых зовут Дромитаи», родом от франков. Это увязывается с известной фантастической легендой о начале франкского народа и о знаменитости последних, но своими корнями восходит к эрульскому наследию.

3.3.9. Лев Диакон явно отождествляет народ Рос с Ахиллесом, говоря, что он «скиф от поселка Мирмекиона возле болот моря Маеотиса», что свойственны ему почти полное отсутствие одежды, «обычай сражаться пешим, красные волосы, синие глаза, ярость, дикость, жестокость» — черты тавроскифов по сей день, согласно Льву, с чем следует сравнить слова Иезекииля о Гог-Магоге, князя Рос, говорит он. В другом пассаже он добавляет, что упомянутые тавроскифы практикуют и человеческие жертвоприношения и что они имеют необыкновенно длинные части тела. Речь идет опять о наследии эрулов.

3.3.10. Оно же сказывается и в использовании названия борцов Ахиллеса, так наз. Мирмидоне. Данное название применялось к мучителям святого Андрея в англо-саксонской поэме, затем и к болгарам, византийским историком Малалой в X веке, а у его коллеги Аттала-ата — впоследствии и к русским.

3.3.11. Две публичных молитвы патриарха Фотия после нашествия народа Рос на Константинополь в 860 г. многократно подвергались анализу. На этот раз выявляется, что описание пейзажа, откуда прибыли находники, соответствует не Киевщине, а Старой Ладоге с окрестностями. Подчеркивается и утверждение — наставление Фотия о том, что они «без начальства, с оснащением рабов» (первая молитва), «народ, поставляемый наравне с рабами… без вождя»: это можно истолковать как намек на отсутствие самого князя Рос, либо на отсутствие начальства в «эрульском наследии».

3.4. Киевские подтверждения

3.4.1. Согласно древнескандинавским источникам, в Киеве первоначально правил Магог, сын Яфета (Географические записки игумена Николаса, книга Хаука Эрлендссона, Скалхолтсбог). Эта явно книжная традиция не безосновательна: восходит она, заключает автор диссертации, к дословному (хотя и искаженному) чтению пророка Иезикииля: «Гог и Магог, правитель Рос». Достопримечательно, что Иордан, Исидор и другие писатели, пользовавшие-

ся большой популярностью, считали Магога прадедом готов и скифов.

3.4.2. В церковнославянских, а вслед за ними — и в русских переводах Библии названия древнееврейского и арамейского происхождения употребляются в их греческих видах: например, *Сатана, Иерусалим, Мессия* вместо *Шотона, Йерушалайим, Машиах*. Имеется только одно исключение, в самых древних версиях церковнославянской Библии: **Рос** переименован обратно в изначальную форму **Рош**. Зачем это исключение? Отражает оно политику — установление мирных отношений между Россией и Византией. Именно поэтому желательным стало избежать неудобных размышлений о возможной исторической роли «князя Рос». (В более новых переводах встречается, однако, именно «Рос»). Это сказывается и в переводах первой книги Ветхого Завета, Бытие, 46:21, где перечисляются потомки Вениамина, и среди них некий Рос — кроме одной традиции: церковнославянской, как и русской. Там его просто нет (в Синодальном переводе — Рош). С другой стороны, в царствование Ивана Грозного и его наследника архиепископ Макарий передал пассаж о «князе Рос» новым оформлением (в родительном падеже): «князя роска», т.е. князь российской земли, намекая на название и народ того государства, которому он сам служил.

3.4.3. В «Слове о полку Игореве» читается: «Пели красныя готския девицы на берегу синего моря…» На самом ли деле они «красны»? Анализ выражения «красный» убеждает в том, что имеются в виду «красивые» девицы. Позднее засвидетельствовано понятие Червоная Русь, хотя город Червень упомянут Начальной летописью под 981 г. Расположение Червоной Руси показательно — по Днепру, включая Киев — по сравнению, например, с «настоящей Русью» (Бегунов 1982), т.е. Новгородчиной.

3.4.4. В не дошедшей до нас Степенной книге сохранились, как замечает академик Б.А.Рыбаков, ценнейшие сведения о первичной Руси, которая сражалась с византийским царем Феодосием, а потом, вместе с Ираклием, против персидского царя Хосрова. Царь Феодосий считался «другом готов» и в качестве такового помогал Германариху противостоять эрулам-росомонам около 375 г. Под именем Хосров наверняка подразумевается Хосров I Ануширван (531-579), против которого эрулы не раз воевали в качестве наемных войск Византии. Ираклий, однако, царствовал в VII веке, и намек Степенной книги вряд ли касается осады Константинополя в 626 г. (где один источник на самом деле упоминает про *Роун*, быть может = *Роус*). Но три года спустя мусульмане вторглись в его царство, и в 635 г. Ираклий потерял сам Иерусалим. Быть может, в связи с этим возникло пророчество о том, что последний царь христиан вызовет из гор Каспийских племена Гог и Магог, которых туда оттеснил Александр Македонский, для защиты против мусульман, вследствие чего он станет победителем. Но остается недоказанным, что этот царь — Ираклий.

3.4.5. Приглядимся тщательно к знаменитому пассажу Начальной летописи под 6360 г. (=852 г. н.э): «Изъгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и въста родъ на родъ и быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. И рѣша сами в себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». И идоша за море къ Варягомъ, к Русі; сице бо тіи звахуся Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие, друзии же Урмане, Анъгляне, друзіи Гъте, тако и си. Рѣша Руси (- *так в Радзивилловском и Академическом списках; в Лаврентьевском и Троицком списке — Русь*) Чюдь, и Словъни, и Кривичи и Вси (*в Лаврентьевском и Троицком — вся*): «земля наша велика и обильна, а наряда в ней нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣти нами». И изъбрашася 3 братья с роды своими, и пояша по собѣ всю Русь, и придоша ***к словенамъ первое и срубиша городъ Ладогу и сѣде в Ладозѣ*** (в Радзивиловском и Академическом списках) старѣйший, Рюрикъ, а другий, Синеусъ, на Бѣлѣ-озерѣ, а третий Изборьстѣ, Труворъ. И отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля, Новугородьци, ти суть людье Новогородьци отъ рода Въряжьска, преже бо бъша Словъни. По двою же лѣту Синеусъ умре и брать его Труворъ; и прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи, а перьвии насельници в Новѣгородѣ Словѣне, въ Полотьстѣ Кривичи, в Ростовѣ Меря, в Бѣлѣ-озерѣ Весь, в Муромѣ Мурома; и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ. И бяста у него 2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родомъ своимъ. И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо и узрѣста на горѣ градокъ; и упрошаста, и рѣста: чий се градокъ?» Они же рѣша: «была суть 3 братья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокось, и изгибоша, и мы сѣдимъ платяче дань родом ихъ Козаромъ». Асколдъ же и Диръ остаста въ градѣ семь, и многи Варяги съвокуписта, и начаста владѣти Польскою землею, Рюрику же княжащу в Новѣгородѣ». (Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. 2-е учебное издание Постоянной Историко-археографической комиссии Академии наук СССР (повторение 1-го издания, Пг., 1910 г., под наблюдением Н. М. Каринского), Л., 1926, сс.18-20). Перевод на современный русский язык акад. Д. С. Лихачева (с уточнениями Г. С. Лебедева): «Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И

сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву» И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги (*точнее* — ибо эти варяги — конъектура ГЛ) назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны (*точнее* — урманы, т.е. норвежцы — ГЛ), и англы, а еще иные готландцы (*точнее* — готы — ГЛ), — вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне (*точнее* — словене, — ГЛ), кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собою всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде (*перевод вариантов Лаврентьевского и Троицкого списков; в Радзивилловском и Академическом*: и пришли сначала к словенам, и срубили город Ладогу, и сел в Ладоге старший, Рюрик — ГЛ), а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля (*пропущено* — новгородцы — ГЛ). Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были славяне (*точнее* — словене ГЛ). Через два же года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью один Рюрик и стал раздавать мужам свои города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах — находники, а коренное население в Новгороде — славяне, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик. И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: «Чей это городок?». Тамошние же жители ответили: «Были три брата, Кий, Щек, Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде». («Повести Древней Руси XI-XII века». Л., Лениздат, 1983, сс.131-132). Мы знаем, что первые представители Руси посетили Константинополь в 838-839 г. А также, что Михаил стал царствовать не в 852 г., и даже не в 842 г., что историки условно считают датой установления русской государственности, «краеугольным камнем нашей хронологии» (Шахматов). Внедряясь в первоисточники этой проблемы, мы обнаруживаем нечто иное. Георгий Мних (на которого ссылается Начальная летопись) дословно сообщает: «Феофил короновал сына (своего) Михаила в Большой Церкви», т.е. в качестве соправителя при жизни Феофила. Последний умер немного позднее, в том же 839 г. Далее следует рассказ Георгия о «царствовании Михаила с матерью (своей) Феодорой»: «В 6339 г. существования мира, что есть 839 г. после воплощения божья, Михаил сын Феофила стал царем совместно со своей матерью Феодорой на 15 лет, а один (правил) 10 лет, а с Василием 1 год». Это отлично связывается со свидетельствами Симеона Магистра (под 835 г., что, однако, является датою не начала царствования Михаила, а его рождения) и Феофана Продолжателя. Есть особое основание доверять собственным словам Начальной летописи под (ошибочно обозначенным!) 852 г. о том, что «это мы узнали из греческой летописи», так как незадолго до этого сообщается имя греческого летописца: это именно Георгий (Амартол) Монах.

3.4.6. Напрашивается объяснение и вопроса установления титула Хакан-Рус в том же 839 г. Года за два до появления «послов Рос» в Византии послы хазарского хакана удачно удовлетворили свое ходатайство в Византии о строительстве крепости или, вернее, укрепленного города, по имени Саркел, близ устья р. Дон. По просьбе хазар византийские инженеры построили желаемые укрепления. Спафарокандидат Петрона Каматир, брат Феодоры, жены императора, руководил строительными работами, которые вели хазары и подвластные им племена (Артамонов 1962: 298-230) Византии. Причина — страх хазар перед «дикими племенами». Саркел перекрывал переправу через Дон и сухопутную дорогу на северо-запад, к Днепру и Киеву. Приблизительно в следующем году в Константинополе появились новые «послы», ссылаясь на такой же страх перед «дикими племенами», предъявляя, вероятно, того же рода просьбы и претензии — и притворяясь, что имеют такого же могучего главу, хакана, как хакан хазар. Итак, «хакан-рус». Естественно, во всяком случае, соревноваться с владыками поблизости от самого себя, и таким могущественным соседним владыкой для росов был хазарский хакан. Толчок к этому мог возникнуть при посещении ладожанами Саркела, если они побывали там на пути в Византию. Либо же Саркел, как опорная база хазарских войск для походов далеко на северо-запад, в пространства лесной зоны Восточной Европы, воспринимался как серьезная военная угроза, заставлявшая, в свою очередь, искать союза или поддержки Византии.

3.4.7. Напомним слова Псевдо-Симеона о том, что «Русь — знаменитые Дромитаи — названы от некого могучего Рос…». И в дальнейшем перечисляются такие родоначальники. У польского историка XIII века Богухвала упоминаются три брата — Лех, Рус и Чех, сыновья Пана из Паннонии (!). У аль-Димашки зарегистрирована традиция о том, что русские (ар-рус) возводят свой род к некоему, по имени Рус. И в русских сказках наличествуют два богатыря Славян и Рус. Но связь данных традиций с «князем Рос» сомнительна и недоказуема.

3.4.8. Византийцы не раз использовали особое выражение при обозначении правителя

Руси: *архон(т) Рос*. Архонт — правитель, вельможа, вождь византийской иерархии (басилевс, архонт, стратиг — Const. Porph. XIII, 25 rP) равно как у окружающих варваров — русов, турок, славян Адриатического побережья, как и в городах Империи (Капуя, Беневент), и термин для обозначения этой высшей знати постепенно наполняется негативным содержанием. Главный смысл слова *архон* в византийские времена — Сатана (*Князь тьмы*). Первоначально оно обозначало «вождь, командующий», «глава, король». Существует и употребление в значении «главный судья». В Новом Завете «архон» употребляется со специальным значением «возглавляющий синагогу». Выражение *архон тон архонтон* «вождь вождей» калькировано с мусульманского титула *амир ал—умара*. Встречается оно с первой половины IX века по начало XII. В Византии в XI — XIII вв. архонты означают злых представителей зажиточных классов, угнетающих бедных. И в пророчествах о последних временах Византии и всего мира эти архонты играют свою вредную роль. В конечном итоге, все вышеупомянутые употребления данного слова — отрицательны.

В связи с этим представляет особый интерес и титул «архонт Рос». Князя Святослава зовут *арцхонта Роусиас*, буквально «*архонт Красных*», у Иоанна Скилицы. Константин Багрянородный пишет о Святославе, «сыне Ингера, архонт Рос», а княгиня Ольга называется *архонтисса Росиас*. Сатана ли? Вряд ли, поскольку некоторые правители Руси сами с гордостью освоили данный титул. Так, Мстислав Всеволодович на своей государственной печати называется *мегас архон* (великий князь, что было обычной титулатурой киевских князей до XIII века включительно, а в XIV перешло к московским князьям). Однако это указывает и на изначальные взгляды византийцев на Русь. В Ветхом Завете, у пророка Иезикииля, Магог есть как раз «архонт Рос». Несомненно, сквозь призму этих представлений, византийцы и определяли для себя Русь.

3.4.9. Были ли посетители Византии и Ингельгейма в 839 г. на самом деле шведами? Бертинские Анналы сообщают, что послы «хакана народа Rhos — gentis esse Sueonum». Все скандинавы пользовались в ту пору так наз. «датским языком». Не только наиболее убедительный, но и единственный известный нам кандидат на роль летописного Рюрика — датский вождь Хререкр, Рорик, который и нападал на Франкскую державу, и временами ей подчинялся. Стратегический план его должен был сводиться к господству над торговлей рабами и пушниной всей северной Европы с арабами, Византией и франками. «Послы» Бертинских Анналов могли назвать себя шведами, чтобы не предстать датчанами в плену у своих смертельных врагов, франков. Впрочем, император Людовик все равно заподозрил в них вражеских лазутчиков, «считая их скорее разведчиками по тому царству (Византии) и нашему, чем искателями дружбы».

3.4.10. Так наз. Баварский географ, писавший, наверно до 821 г., кратко упоминает Руззи (Ruzzi) поблизости от хазар. Речь идет о народе к северу от Черного моря. В источнике из Австрии от 868 г. встречается топоним Ruzaramarcka «пограничная местность, где торгуют русские купцы», наверняка восходящий к середине столетия. Вид названия — безукоризненно древнескандинавский. За триста пятьдесят лет до этого данный район входил в состав Херолии, державы эрулов.

3.4.11. Славянское цветообозначение «русый» сходно с греческим и латинским ρουσιος / *russeus* по виду, но указывает ныне на несколько иной цвет: желтоватый, более светлый, чем светло-красный. Это слово применяется исключительно к обозначению окраски волос. Однако еще в позднем средневековье «русый» сохраняло значение «чермень, красный». Можно предположить, что значение слова изменялось под греческим влиянием, в совокупности с фактом редкости красных (рыжих) волос у русских и множества светловолосых среди славяно-русского населения.

3.4.12. Приводится пассаж из былины о Святогоре: «Не несла да его да коня доброго, да еще мать не несла, да как сыра-земля… Я бы ездил тут на матушку на сыру-землю» (Рыбаков 1964: 14). Богатырь-великан, всегда разъезжающий на могучей лошади, потому что он настолько тяжел, что земля его не выдерживает, и он проваливается в нее, едва сходит с коня, по мнению автора, — славянский отголосок преданий об эрулах (или, точнее, первоначально — сигиннах).

3.5. Североевропейское подтверждение: Адам Бременский

3.5.1. Из упоминания **Росов** в Бертинских Анналах явствует, что они прибыли именно с разведывательной миссией, причем не ради датчан, как этого опасалось франкское государство, а в собственных интересах, касающихся торговли рабами.

3.5.2. Из мусульманских источников явствует, что с пресловутым Гог-Магогом отождествлялись, в частности, хазары. Так же полагал около 850 г. христианский проповедник Друтмар. Византийская интеллигенция, однако, в это не верила, поскольку хазары уже стали союзниками Византии, увенчивались наградами и награждались деньгами, до появления русов. Более правдоподобными кандидатами, с точки зрения греков, были бы венгры. Однако и в русах они при этом подозревали библейского Гог-Магога. В таком случае с ними надо было поступать чрезвычайно осторожно, в надежде на то, что они стали бы угрозой в первую оче-

редь для мусульман. Наилучший выход из положения — послать их подальше, в руки других, как испорченные яйца. А если они все же не были Гог-Магогом, то тем больше оставалось оснований использовать их для укрощения мусульман… Если на самом деле греки опасались прибытия представителей Гог-Магога, то мы ожидали бы найти не только народ Рос, но и Гог-Магог передвинутыми впоследствии на крайний север. Дело так и обстоит.

3.5.3. Как мы уже обнаружили, в арабском своде источников мы располагаем важным подтверждением того, что экспедиция 842 г. искала первичную Русь, но не нашла ее по той простой причине, что эта «начальная Русь» в то время была еще сосредоточена в Старой Ладоге. Однако, как только местонахождение Руси, определилось, туда и стала притягиваться тематика Гог-Магога — как в книжных традициях, так и в фольклоре, устных преданиях Крайнего Севера, где она и укоренилась. Ибн-Хаукаль свидетельствует (около 980 г., но отражая ситуацию предыдущего столетия) о крайне северном положении Руси, обособленной от Киева, и о том, что за Русью находятся Гог-Магог, торгующие с нею пушниной. И у ал-Димашки, ал-Гарнати и ал-Умари засвидетельствованы Гог-Магог как население, обитавшее поблизости от волжских болгар, южнее Белого моря. В Начальной летописи под 1096 г. описывается крайне северное положение их (возле Югорского Шара, напротив Новой Земли), не следуя версии Мефодия Патарского (как говорит сам летописец и как полагают ученые по сей день), а по мусульманскому преданию, распространившемуся туда по Волжскому пути. Наконец, та же традиция обнаруживается и у Адама Бременского — когда он касается «уменьшенного варианта» Гог-Магога, злых карликов. Второй вариант, великаны-исполины, мы встречаем, например, в древнескандинавских традициях о йотунах и Йотунхейме (буквально, «Родина великанов-чудовищ»), расположенных как раз на территории северной Руси или, точнее, севернее и восточнее Приладожья. Снорри также говорит о Свитьоде Великом или Холодном (=Руси): «Там есть и карлики, и великаны…» Показателен и поразителен географический и этнический диапазон изменений указанной тематики: от центральной и даже северо-восточной Азии до Биармии, Заволочья, крайне северной европейской Руси, и от образов хищных полузверей, основанных на восприятии исторических гуннов и эрулов, до аборигенов глуши Приладожья и Беломорья. Такие изменения не просто «имеют место», они являются результатами развития. В данном случае Гог-Магог просто сопровождали распространение понятия Рос (библейско-христианского, не коранически-мусульманского происхождения!) на приладожский Север. Ускорению этого переноса способствовал интерес вепсских бьярмов-торговцев в том, чтобы защитить свою монополию любыми средствами, включая устрашающие предания из арсенала ислама и христианства.

3.5.4. В четвертой книге своей епископальной истории Гамбургской епархии, разделы 16-20, Адам Бременский пишет о восточно-балтийских странах и народностях, включая амазонок и вепсов (приводится текст в переводе на русском языке).

3.5.5. Анализируется упоминание Адамом, с одной стороны, воинственных жителей Курляндии, одетых наподобие монахов, и с другой — обитателей якобы Самландии (славянский этноним которых — жмудь — обозначает и «агрессоры»). Как античная легенда «прикрепилась», в конечном итоге, к вепсам (о серых или белых волосах при рождении и о воинах-псах), так и другие традиции или слухи (об эрулах) оказались связанными к восточно-балтийским народам.

3.5.6. Это сказывается, в частности, в одном пассаже текста Адама: «Мужчины зеленоваты, с рыжими лицами и длинными волосами. Вдобавок, эти люди, недостижимые в болотах, не терпят над собою начальника». Это пока единственное толкование данного пассажа — неправильно. Очевидно, что мужчины с красными лицами вряд ли могут быть как-то зелеными в то же время. Латинское понятие *cerulei* (зеленоватые) сложно. Что под ним скрывается? Может быть, *homines heruli*? Или имеется ли в виду цвет *flavus* «желтоватый, золотистый», даже «зелено-желтый», относящийся к цвету и окрашиванию волос? Нет, данное слово тут, у Адама (или, вернее, в его источнике) относится не к коже, а к глазам: ибо относительно глаз *ceruleus* значит «синий, темно — голубой». «Сообщение Адама восходит к классическому (начиная с Тацита) комплексу: *caeruli oculi, rutila comae, magna corpora*, — применяемому к эрулам.

3.5.7. Тот же самый исторический фон лежит в основе следующего описания Адама: «Здесь находятся бледные мужчины, зеленые и крупного телосложения, то есть высокие, которых зовут Хусос; за ними те, кого зовут людоедами». Многие введены в заблуждение этими выражениями. Латинское *macrobii* впервые употребил Плиний Старший, но оно сопровождается объяснением *id est longi*, то есть «высокие», взятым из «Этимологий» Исидора и касающимся именно телосложения. Понятие *Хусос* пока не поддается объяснению. Самое естественное языковое поле — славянское. Постаославянски (только у русских) *хуса* — «грабеж, ограбление». По-русски *хусарь* — морской разбойник — как и по-древнескандинавски, *kussari* «тот же», от латинского *cursarius*, откуда и греческое *хоурсариос*. Русское *хусари* может быть выведено из византийского хоусариос, от *хоусиа* «неожиданное нападение» и глагола *хоусою* «напасть». Но каково проис-

хождение средневекового греческого слова? Описание *Хусос* у Адама может быть воспоминанием об эрулах. В таком случае, само слово, вероятно, заимствовано у готов, от готского *hansa* «отряд, кучка, множество воинов», восходящего к III в., когда эрулы на самом деле нападали на Византию. В церковнославянском переводе «греческой летописи» Георгия Монаха Амартола, в описании нападения народа «Роус» на Константинополь, очевидно в 860 г., вновь появляются *Хусu*. Потерпев поражение от греков, Русь посылает именно своих *Хусос* к Варде Фоке для того, чтобы заключить мир, — т.е. своих «представителей, послов». Если указанное выражение употреблено применительно к послам Руси в 860 г., то можно предположить, что оно в 839 г. было восстановлено византийцами из готско-эрульского прошлого для того, чтобы обозначать «кучку» представителей, будто бы послов, Руси.

3.5.8. Кто завершил это словооформление? Можно назвать одно имя: Святой Ансгар. Несомненно, он мог присутствовать в Ингельгейме при допросе «послов» Рос, упомянутых в Бертинских Анналах под 839 г. Ансгар незадолго до этого прибыл из своей первой миссии в Данию и Швецию, чтобы учредить епископат и занять пост епископа в Гамбурге. При дворе императора франков он мог выступать единственным в своем роде экспертом по северным делам. Предположительно, именно там и тогда термин *Хусос* породил встречаемое позднее во франкских летописях понятие *Хосери*, как результат контаминации рассказа греков в Ингельгейме, несколько созвучного латинского *cursarius*, знакомого франкам, и славянского *хусари* (поскольку староладожские пришельцы-посланники были, безусловно, не только скандинавско- но и русскоязычными).

3.5.9. Кем или чем вдохновлялся Ансгар? Возможность того, что «послы» Рос сами так легко оперировали разноязычными определениями, маловероятна, ибо они не были учеными книжниками. С другой стороны, сам Ансгар вряд ли стал сочинять такого рода терминологию, и при этом в столь сложном языковом контексте. В более поздней и несомненно литературной передаче Адамом этих, возможно, воспринятых от Ансгара, сведений и определений прослеживается один и тот же объект в разнообразном языковом оформлении. Однако сам этот факт не был известен ни Адаму, ни Ансгару. Все эти материалы происхождением своим восходят к Византии. Однако, они плохо и неточно были изустно переданы греками или, может быть, «послами» при объяснениях с франками в Ингельгейме. Наглядный пример тому — перенос цвета глаз, *caerulei* «темно-синий», на характеристику цвета кожи, — «зеленый».

Каким образом Адам переместил сведения, изначально касавшиеся эрулов, на побережье Балтийского моря? Об этом свидетельствует сам хронист: «Античные римские писатели» знали Балтийское море как «болота Скифии или Меотиды, или пустыни гетов, или побережье скифов». Снова мы наблюдаем, как античное «Болото Меотиды» простирается и передвигается в глубь крайнего севера.

3.5.10. У Адама при пристальном анализе обнаруживается явный намек и на само путешествие «послов» князя Рос в 839 г. Перечисляются племена к востоку от шведов: «…Страна женщин. К востоку от нее обитают Виззи…» (т.е. вепсы). «Там есть даже те, хорошо осведомленные на месте, которые заявляют, что неким людям из Швеции удалось проехать через сушу вплоть до Греции. Однако варварские племена, которые находятся на пути, препятствуют этому странствию, и поэтому они совершают этот опасный подвиг на кораблях». Выражение «хорошо осведомленные на месте» указывает не на шведов, а на местных обитателей упомянутых ранее территорий, прежде всего вепсов.

3.6. Древне-северное подтверждение: Саксон и Снорри

3.6.1. У Саксона Грамматика также прослеживается множество отголосков традиции об эрулах в виде сказок, повествующих о Восточной Европе, там же, где речь идет о варягах с их службой на Руси или в Византии. Это сказывается там, где повествование Саксона сосредоточено на индивидуальных скандинавских героях, сражающихся, причем удачно, с русскими, гуннами, славянами и так далее. Показателен и тот факт, что Один с остальными божествами имеют свое местожительство в Византии. Почему? Потому, что варяги располагали там своим центром, как и эрулы на византийской службе задолго до них, и могли считать себя наследниками и продолжателями эрульского пребывания и героизма. Как доказывал Стендер-Петерсен, многие сказки и повести о варягах у Снорри Стурлусона своими корнями восходят к византийским легендам. Так обстоит дело и с материалами Саксона, в частности, в том, что касается легендарного конунга датчан Фроди (букв. «Умный»).

3.6.2. Саксон использует в связи с Русью термин *рутены, rutheni*. Он заимствован из античной традиции о рутенах как имеющих русые волосы. Этим и подобными заимствованиями Саксон демонстрировал свою ученость. Поэтому у него встречаются и сюжеты об амазонках и «воспаленных» волосах героев. Относительно гуннов он ссылается на постыдные обычаи питания, как у Гог-Магога. Можно сделать вывод, что его сведения о рутенах как о союзни-

ках гуннов восходят к известиям о «русых», т.е. эрулах.

3.6.3. Три раза Саксон упоминает некую «норвежскую воительницу» по имени Рус(и)ла. Она появляется и у Олафа Магнуса (XVI век). Эти упоминания могут быть связаны с исторической личностью, возглавляющей флот викингов при нашествии на Ирландию в X веке.

3.6.4. Рутены Саксона связанны с гуннами, а также с геллеспонтцами, с кем они и отождествляются автором диссертации. В тексте Саксона о «геллеспонтских братьях» и убийстве Германарихом их сестры, его королевы Сунигильды, упомянуты персонажи, известные и у Снорри (Сванхильд, Ирмунрек, Хамди, Сорли, Эрп), как и у Иордана. «Геллеспонтские братья» — это эрулы. Такой вывод подтверждается и тем, что столицу их зовут Дунаборг, т.е. крепость на Дону. Предполагается, что она расположена там, где Дон впадает в Азовское море, в «Болото», ср. значение самого названия «геллеспонты, геллеспонтские» у Саксона — опосредственное пояснениями Снорри. Примечательно и утверждение Саксона о том, что геллеспонты связаны по материнской линии со скифами, т.е. гуннами.

3.6.5. Самое слово *геллеспонты* здесь представляет собой будто бы ученое «улучшение», искажение Саксоном (под влиянием классического «Геллеспонтус») подлинного варяжского названия Эллипалта. Это впервые установил Стендер-Петерсен. В саге о Харальде у Снорри Азовское море описывается под именем Еллипалта. Это слово разделяется на два: греческое *ели* «болото», повторенное по-славянски (видимо, в скандинавской передаче) *палта,* т.е. «болото». Подобные конструкции: *taparyx* (от славянского топор, заимствованного от ирландского, плюс скандинавское *ух* «топор»), *polutasvart* (от *полюдие* + *svarf* «обход»).

3.6.6. Снорри нам дарит еще одно ценное сообщение: Один поддерживает своих «друзей», «своих мужей», а поражает своих «неприятелей», например, слепотой, у них тупится оружие, и т.п. Из описаний этих явствует, что друзья Одина — особое сообщество. Вдобавок, Один, согласно Снорри имел «обширные владения» к югу от горной цепи (т.е. Кавказа). Это как-то связано с тем, что «в то время владыки римлян странствовали широко по свету, покоряя все народы…». Если Один не сам считался таким владыкой, то, очевидно, «его мужи», эрулы, в качестве владык римлян посвящали свои завоевания Одину.

3.6.7. Иордан осведомляет нас о том, что эрулы после своего поражения от лангобардов в начале VI века н.э. «вернулись домой», на север, где они осели «рядом со страной гаутар». По мнению автора диссертации, это указывает на нынешнюю область Бохуслен (и норвежское побережье немного севернее, до Фредрикстада), бывшую Ранрики. Возле Фредрикстада расположено скопление показательных названий («Остров Одина», «Остров Тора» и т.п.). В северной части Бохуслена сохраняется легенда о том, что туда в старину прибыл некий народ с русыми волосами и синими глазами, по имени Северные Хуты, однако постепенно они были вытеснены на север народом более темного цвета. Северную часть Бохуслена звали Викен, буквально «залив», ср. название викинги.

3.6.8. Кроме Саксона и Снори, мы располагаем еще почти одновременным с ними источником, так наз. Хроникой нормандских герцогов. Введение этого обширного стихотворения содержит намеки на Русь, представляющие особый интерес: Нижняя Скифия окружается болотами Меотиды; обитатели ее голы; Русь определяется как остров, по имени *Cancie*, т.е. Скандза (Скандинавия Иордана); жители весьма воинственные, оттого, что они внезапно становятся воспаленными, возбужденными (каким-то напитком или веществом). Пласт этих сведений и представлений, таким образом, распространился вместе с норманнами далеко на запад атлантического побережья Европы. В старо-французком эпосе воины Руси отмечены как русо- или рыжеволосые, румяные, то есть, по-видимому, франки ассоциировали представления о Руси с этими характеристиками.

3.7. Фонетика Руси

3.7.1. Ни норманисты, ни антинорманисты оказались не в состоянии решить проблему, оставаясь в пределах той или иной, скандинавской или северной восточноевропейской периферии антично-византийского мира. Между тем, опираясь на лингвистические материалы этих периферий, пытались объяснить даже греческое, библейское *Рос*: от славянского *Русь*, хазаро-тюркского *oros*. Дело обстоит наоборот: изначальным пунктом является не «славянское» Русь, а напротив, греческое Рос. По греческому правописанию данное Рос (с долгим гласным) довольно часто отчетливо отличалось от библейского Рос (с кратким). Этим византийцы, очевидно, желали подчеркнуть, что они не обязательно отождествляли библейское пугало с новопришельцами от 839 г. и что, быть может, имелся какой-то источник для подобного названия, с долгим гласным. В таком случае, что это за источник, и как переоформилось само название?

3.7.2. «Древне-северный подход»: поскольку пришельцы 839 г. были «от рода шведского», то необходимо ожидать какого-то следа этого и в оформлении названия Руси. Но дело так не обстоит. Бертинские Анналы свидетельствуют, что их «так и звали», т.е. называли этим именем другие. Несомненно, Рос является за-

имствованным, в древне-северном языке такого слова нет. Наиболее близкая из возможных форм, средне-шведское *ruth* в рунических надписях Упланда (Up. 16 и др.) должна была звучать по-иному. Исходная форма Рос (*Rhos*) требует объяснения из других источников и не объясняется правилами древнескандинавского языка.

3.7.3. «Готский подход»: не могли ли древнескандинавские «послы от князя Рос» услышать и воспринять готский вид названия в готских поселениях Крыма? Параллель названию «Русь» представляет собою форма этнонима «Чудь»: она образованна не из древнескандинавского *tjod*, а от готского *thiuda* «народ», ср. у Иордана *Thiudos in Aunxis* «народ чудь, в Олонце». Достойно внимания, что готы поддерживали какие-то отношения с частью вепсского населения и что звали они их просто «народ, люди», в то время как появившиеся позже на севере славяне воспринимали «чудь» как «чужих, чуждых». Название *Vas-in* у Иордана показывает, что падение *-n* в этнониме вепсов по времени предшествует появлению летописной славянской формы. Если готы имели довольно прочные, тесные связи и с летописными «чудью» и с «весью», то почему и не с «русью», с таких давних времен? Можно допустить, что такие связи существовали. Пресловутое Рос Ветхого Завета по-готски звучало бы Рус (с долгим гласным), как Рома преображалось в Рума (Рим).

Однако в готском языке можно обнаружить не только «Рус», но и собственно «Рос». Имеется в виду название, примененное готами к р. Волге, по вышеупомянутому свидетельству Псевдо-Агатемера, называемой «Рос». При этом надо иметь в виду, что р. Волга и Дон зачастую объединялись, под именем Танаис (ср. Иордан).

3.7.4. «Славянский подход»: имеются летописные формы «сумь, чудь, русь». Первая — от финск. «Суоми». Не достаточен ли такой переход в качестве объяснения того, что произошло с Русью? На самом деле — не совсем достаточно. Предполагаемая исходная форма Рос слегка изменилась бы именно в Рус по-славянски. Параллелей много. Но они приемлемы только тогда, когда мы опираемся на византийскую основу Рос, ибо славянская форма Русь не может объяснить греческой формы, а только наоборот, лингвистически корректен переход «Рос-Русь» (но не «Русь-Рос»). Вариант, согласно которому Русь возводится к славянскому цветообозначению *рус(ый)*, неудовлетворителен, так как не имеет параллелей. Остаются необъяснимыми грамматическая форма (женского рода со смягчением) и тот факт, что византийцы нам передают название как Рос.

3.7.5. «Вепсский подход»: не переоформилось бы Рос, попав в вепсоязычную среду, изменяясь в Русь? Ответ может быть положительным, и даже несколько лучше остальных. Это показывают древнескандинавские заимствования в вепсском: так, «*сур*» (финск. *suuri*) от др.ск. *stor* «большой», например *surkunigas* «великий король». Автором отрицается релевантность вепсской лексики, где *-у-* заменяет *-о-* в русском, ибо последнее отражает старославянское *-ъ-*.

3.7.6. В вепсском имеется и слово, почти созвучное славянскому «русский», — *рускед* «красный, белокурый», а также «красивый», в том же значении, что и по-русски до наших времен, как и в других славянских языках.

3.7.7. Предлагаемый «староладожский синтез» имеющихся подходов: ни один из них не исчерпывает вопрос полностью. Необходим синтетический, целостный подход, который учитывал бы одновременно все выявленные вариации прототипа названия «Русь» — такие, как:

— греческая и латинская форма Рос,

— встречаемая сперва в готском варианте?

— и сопутствуемая вульгарной греческой формой *роус, Рус*,

— заимствованная скандинавами и занесенная в Ладогу,

— где она укоренилась в вепсскую речь,

— и также в словенскую торговую лексику общеславянского языка,

— который под Старой Ладогой испытывал вепсское языковое влияние,

— порождая необъяснимые другими способами формы — русь, сумь и т.п.

3.7.8. Представляет собой особый интерес вопрос о смягчении окончания имени Русь. Ошибочно представление о том, что имеются славянские параллели, вроде, например, *сербь* (Фасмер), так как такое слово не засвидетельствовано в источниках. Существительные данного типа обозначают прибалтийские и вообще «финские» или северные народности (весь, чудь, лопь, сумь, емь, водь, либь, жмудь, корсь, прусь, пермь, а также многосложные — самоядь, сыроядь). Это вполне соответствует правилам вепсского языка.

3.7.9. Не возможна ли палатализация под воздействием славянского? В принципе, возможна. Однако ожидаемых форм, таких, как *чешь, лящь, или готь, донь, корль*, нет, только *чехи, ляхи (или ляхове), готе, дане, корела, урмане, агляне* и т.п. С другой стороны, учтем др.ск. *скер* «шхеры», которое дало финское *кари*, вепсское «*кар*» — и заимствованное оттуда новгородское (словенское) *хорь*. Или же превращение славянского *серп* в вепсское «*цирп*», «*сирп*». И в таких формах, как *Солунь* и *Корсунь* (от греческих *Салоники*, *Херсонессос*) сказывается северно-русская трансмиссия.

3.7.10. Весьма своеобразно выражение «на руси», вместо ожидаемого «в Руси». Чем оно объясняется? Чередование употребления предлогов «на-» и «в-» свойственно не славянским языкам, а прибалтийско-финским и

древнескандинавскому. Выражение «на Руси» — достаточно редкое для русского языка (ср. «на Кавказе», «на Украине»). В финском и вепсском, напротив, нормативно — *Venajalla* «на России». В скандинавских языках равноправны обе формы: например, «*i Oslo*», но «*pa Hamar*». Формы «*pa*» «на» объясняются как «сидеть на (какой-нибудь) ферме», а следовательно, и «на крепости» или укрепленном месте. В древнескандинавском значительно больше примеров «на»: *на Старой Ладоге, на Полоцке, на Новгороде, на Киеве*, весьма релевантно *на Гардар* — т.е. на руси, также *на Бьярмии*, даже «стоит крепость *на Италии*, в римской державе» (подчеркнуто автором диссертации).

По-видимому, данное словосочетание заимствовано у скандинавских жителей Старой Ладоги, откуда оно перешло в обиход к вепсам, как и другим прибалтийским финнам, а также вошло в словенский (новгородский) говор славянского, русского языка.

3.7.11. Скандинавское имя *Hroerekr* дало бы славянскую форму *Рорик*, в то время как *Рюрик* (ср. «*Кюрик*»), созвучно вепсским и вообще прибалтийским именам. Подобным же образом рассматриваются автором имена «братьев» Рюрика. Имя *Игорь*, от др.ск. *Ингварр*, более удовлетворительно объясняется прибалтийским, нежели славянским переоформлением (ср. «*Ингварь*» в древнерусском ономастиконе XII в.).

3.8. Фонетика Руотси

3.8.1. Финский язык сохраняет доныне термин *ruotsi* в значении «швед, шведский, Швеция». Среди ученых-норманистов давно уже господствует убеждение в том, что название *Русь* образовалось от древнескандинавского корня RODS «грести», через связанное с ним финское слово *руотси* «швед», ср. и топоним *RoDslagen* для района побережья вокруг Стокгольма, букв. «область законодательства гребцов». Распад СССР и господства в нем компартии привел и к распаду антинорманизма. Еще в 1989 г. открыто признавалась «известная гипотеза, которая выводит название Руси от финского Руотси», с ее этимологией из древнескандинавского. Автор склонен учесть и поддержать аргументацию И. П. Шаскольского (1970), который отрицает данную взаимосвязь терминов *rods* — *ruotsi* — русь по пяти причинам.

— Нельзя объяснить, почему славяне, зная древнескандинавские самоназвания «свеи» и «варяги» (!), обращались к прибалтийским финнам в поисках добавочного названия, причем ранее не известного как славянам, так и скандинавам, ни разу не встречаемого в древнескандинавской литературе.

— Если это и в самом деле произошло так, то почему славяне заимствовали такое название у самых отдаленных от них прибалтийских финнов, т.е. суми и еми?

— Разве финны не знали о шведах, под тем или иным именем, задолго до покорения славян этими шведами в середине IX века?

— Согласное —*ts* в слове *руотси* не соответствует восточно-славянскому, древнерусскому звуку *сь* (оспаривается положение Шахматова, что др.-славянское *ц* подлежало палатализации, следовательно не соответствуя финскому *-ts*, которое дало бы *-сб* в русском. Черных указывает, что финское *-ts* перешло бы именно в русское *-ц* и *-с*, без палатализации).

— Не доказано, что *руотси* — от шведского, древнескандинавского исходного названия. Именно скандинавские филологи норманистской школы сами отрицали связь названия «Русь» с названием «Родслаген», или, вернее, с корнем **roPer* «гребля», ибо в родительном падеже это дало бы **roParbyggjar*, для обозначения населения указанного района, т.е. без *-с-* , в слове Русь.

3.8.2. Другая попытка вывести русь из руотси сводится к следующему. По теории шведского филолога Экбу, мы имеем дело не с каким-то словосочетанием или дериватом от **roPer*, но непосредственно с этим словом, поскольку оно в VI-VII вв. н.э. должно было звучать как **roDR*. Последнее *-R* имело палатализацию, т.е. произносилась вроде *-з-* , и поскольку финские языки этого звука не знали, то проскандинавское *-дз* дало финское *-mcu*, т.е. **roDR*, **roDz*.

Гипотеза Экбу во многом корректнее предыдущих. Она подкрепляется и наблюдениями российских авторов (Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986; Мельникова, Петрухин 1989) о том, что этот термин в форме *ruP* зафиксирован в рунических надписях Уппланда, Средняя Швеция, и в средневековом судебнике Хельсингалаг (Ковалевский 1977: 82, 106, 214), что свидетельствует о бытовании термина в диалектной шведской речи XI-XIII вв., значение «морской поход, ополчение для морского похода, морское войско». Лебедев полагает, что *ruP* могло стать общим источником для независимого появления финского *ruotsi*, в значении «шведы», и славянского «русь» (вероятно, в сложной славяно-финско-скандинавской среде), в первоначальном значении «морское войско, княжеская дружина». Открытым остается вопрос о древности этого названия. Скандинавские суда на Балтике были гребными, со времен Тацита (и более ранних) до конца VII века, и лишь в VIII веке появляется и распространяется парус, что сделало возможным набеги викингов. Следовательно, плавания гребных экипажей в I-VI вв. могли осуществляться командами, которые назывались бы словом *ruP*. Если этот термин удер-

живался до VII века, то позднее возможен был предполагаемый Экбу переход, однако к тому времени финны и саамы поддерживали длительные отношения со скандинавами и могли знать их племенные самоназвания (*свеоны*, *суеханс*); почему основой финского этнонима «*руотси*» стало обозначение корабельных команд, остается загадкой. По оценке Шрамма (1982), два названия Русь-руотси «более похоже друг на друга» чем другие возможные объяснения. На самом деле они просто похожи: возможно, потому что восходят к единому источнику, но это слово — *riP* должно было пройти длительный исторический путь в скандинавской, финской, а также славянской языковой среде, и на этом пути — сблизиться с византийско-библейским Рос.

3.8.3. Название *Русь*, таким образом, может быть связано с *руотси*, если допустить, что оно сформировалось не согласно правилам лишь одного языка, а в своего рода мультиязычной среде. Предположить в основе славянское название автор не считает возможным. Славянская топо- и гидронимия Приильменья (Хабургаев 1979) дает примеры без палатализации (Руса, Старая Русса), другие названия типа Околорусье, Порусье, типологически более поздние, производные.

3.8.4. Линия связи «русь-руотси» находит некоторое подкрепление в восточной группе прибалтийско-финских языков: вепсское и коми *роч*, южно-карельское *руочи* означают русских, Россию, хотя они оформлены, совершенно подобно западно-финскому *руотси*, обозначающему шведов.

В вепсском языке термин сохранился в топонимах, таких, как *Рочинкоумад* «могилы роч», *Рочинкорьб* «лес роч», *Рочид* (роч, множественное число), а также как существительное «русский», иногда и «финн» (т.е. швед, из-за границы России со Швецией), интереснее всего «некрещеный ребенок» среди самих вепсов. Это указывает на те времена, когда вепсы вошли в некрещеную среду первичных «русских». Иногда эти названия совмещаются со старыми преданиями о великанах за железными воротами — традиция, восходящая к IX-X вв., временам активности ислама на Волжском пути, и ключевой позиции веси-вису в торговле и политике севера.

3.8.5. Саамское *руощща* «русский, Россия» восходит, как исходные южно-карельские формы, к вепсскому языку. Расходясь с мнением Шаскольского и опираясь на цикл традиции про Рахку (или Рахту) Рагнозерского, бытующий и у саамов Кольского полуострова, и в южной Карелии, автор заключает, что саамское название также отражает историческую общность скандинавов, чуди и славян в Старой Ладоге, где все постепенно превращались в славяноязычных русских.

3.8.6. Слово *руотси* восходит к довикингским временам. Автор следует мнению Мэгисте, что финский глагол *ruotsia* «очищать рыб» необходимо учитывать как в формальном отношении, так и со стороны реального содержания. Ср. параллельную пару слов *Суоми* и *суомус* «рыбный суп», что представляет собой уменьшительное, с негативным оттенком производное от этнонима. Возможно подобное же переоформление скандинавско-византийских *Рус(иой)*, *Рос(омонес)*. Достойны внимания и другие финские названия народностей, соотносящие этнонимы с понятиями о рыбах или рыболовстве — **вепся*, *финне*, *гарйа*. Возможно, полагает автор, игра слов, касающаяся «руотси» относится к началу VI века, когда возвращающиеся на север эрулы соприкасались с населением побережья Балтийского моря.

3.8.7. Итоги исследования позволяют в общих чертах восстановить следующий ход событий.

— Название Русь засвидетельствовано впервые в 839 г. В том же году в Византии воцарился Михаил III Исавр (венчанный на царство в возрасте около четырех лет). Оба факта явствуют из греческих летописей в сочетании с Бертинскими Анналами и Начальной летописью Повести временных лет. Все эти источники до сих пор рассматриваются разрозненно и односторонне, как норманистской, так и антинорманистской школами.

— При появлении неизвестных им новопришельцев с севера византийцы выяснили изустно их самоназвания, вероятно, различные, среди которых наиболее любопытно для греков было Ротс, Роч, Рош или подобная форма, истоки которой следует искать в сложном контексте скандо-финно-славянских отношений предшествующих столетий. Это новое для византийцев название вызвало ассоциации, с одной стороны, с пророчеством Иезекииля в Ветхом Завете о «князе Рос» (или, по-еврейски, Рош) и Гог-Магог. Возможно, «хакан Рус» был им представлен как «рыжебородый» правитель Ладоги (Раудбарт?). Все это, очевидно, могло возобновить интерес к более ранней информации об известных в I-VI вв. т.н. «русых», эрулах, «быстрых рабах-данах», бегунах-дромитай, жителях болот и островов, амазонках и т.п., полумифических, но отображавших историческую действительность в образах северной периферии античной Ойкумены.

— Отважные путешественники 839 г., получив в своих странствиях закрепившееся за ними обозначение *rhos*, добрались домой до Старой Ладоги, где новое название, следуя правилам переходов слова Рос из греческого языка, через древне-северный (скандинавский) проникло в вепсский, а также в подвергавшийся влиянию вепсского и прибалтийских языков северорусский, славянский язык словен Ладоги и Приильменья, откуда в конечном счете и распространилось название Русь по всей Руси.

ЛИТЕРАТУРА
(краткая библиография из книги: H. Stang. The Naming of Russia. Oslo, 1996)

Амвросий Г. 1813. История российской иерархии. М.

Артамонов М. И. 1962.История хазар. Л.

Арциховский А. В., Янин В. Л. 1978. Новгородские грамоты на бересте. М.

Беляев Н.Т. 1929. Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи. // Seminarium Kondakovianum III, Praha, 215-270.

Богданов Н. И. К истории вепсов и их языка. // Труды Карельского филиала АН СССР, Петрозаводск, 1955.

Браун Ф. А. 1899. Разыскания в области гото-славянских отношений.I. Готы и их соседи до V в.н.э. СПб.

Бубрих Д. В. 1947. Происхождение карельского народа. Петрозаводск.

Ведюшкина И. В. 1995. «Русь» и «Русская земля» в «Повести временных лет» // Древнейшие государства Восточной Европы 1992-93. М.

Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах. СПб, 1870.

Голубева Л. А. 1991. Кочкуркина С. А. Белозерская весь. Петрозаводск.

Гумилев Л. Н. 1956. Открытие Хазарии. М.

Дубов И. В. 1982. Северо-восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Историко-археологические очерки. Л.

Заходер В. Н. 1962. Каспийский свод сведений о Восточной Европе I-II. М.-Л.

Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. 1986. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени). // Славяне и скандинавы. М. С. 189-298.

Ковалевский А. П. 1956. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков.

Константин Багрянородный. 1989. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М.

Куник А., Розен В. 1878-1902. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и Славянах, I-II, СПб.

Лебедев Г. С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.

Лихачев Д. С. 1950. Повесть временных лет. I-II. М.

Мачинский Д. А. 1985. Ростово-Суздальская Русь в X в. и «три группы Руси» восточных авторов. // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар.

Мельникова Е. А. Петрухин В. Я. 1989. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX-Хвв.) // Вопросы истории, 8. С. 24-38.

Пигулевская Н. В. 1941. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л.

Рижский М. И. 1978. История переводов Библии в России. Новосибирск.

Рыбаков Б. А. 1963. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М.

Топоров В. Н. 1983. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы. // Балто-славянские исследования 1982 г., М. С. 227-263.

Хабургаев Г. А. 1979. Этнонимия «Повести временных лет» и вопросы восточнославянского глоттогенеза. М.

Шаскольский И. П. 1967. Вопрос о происхождении имени «Русь» в современной буржуазной науке. // Критика новейшей буржуазной историографии. Сборник статей. Л. С. 128-176.

Шахматов А. А. 1916. Введение в курс истории русского языка. I., Пг.

Ahrens K., Krueger G. 1988. Die sogenannte Kirchengeschichte des Zacharias Rhetor, Scriptores sacri et profani, Lpz.

Ahrweiler H. 1971. Les rélations entre les Byzantins et les Russes au IX-e siècle. // «Bulletin d'Information et de Coordination (Association internationale des études byzantines)» Athen/Paris. 44-70.

Aschbach J. 1835. Geschichte der Heruler und Gepiden. Fr. Am M.

Bekker I. 1838. Theorophanes Continuates, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus, rec. I. Bekkeri, Bonn.

Birkeland H. 1955. Nordens historie i middelalderen etter arabiske kilder // Videnskappselskapets skrifter, Oslo.

Dozy R., Dugat G., Krehl L., Wright M. (eds). 1855. Analictes sur l'histoire de l'Espagne d'al-Maggari, I. Leiden.

Ekbo S. Om ortnamen Roden och darmed sammanhangande problem // Arkiv for Nordisk Fililogi, 73/3-4, 187-199.

Graham-Cambell J., Batey C., Clarke H. 1994. Cultural Atlas of the Viking World // Amst.

Gschwantler O. 1971. Zum Namen der Rosomonen und an. Jonakr // Die Schprache, 17. S. 164-176.

Gudmundsson B. 1959. Uppruni Islendinga. Reykjavik.

Hanson V. D. 1985. Edda-dikt. Oslo.

Hergenroether J. 1966. Photius, I-II. Darmstadt.

Horn F. V. 1985. Saxo Grammaticus' Danmarks Kronike. Kbh.

Kramer J. H. (ed.). 1938. Ibn-Hawkal, Kitabu surati l'-ard. Leiden.

Margolioth D. S. Amedroz H. F. 1920-21. The Eclipse of the 'Abbasid Caliphate. I-VI. Oxford.

Marquart J. 1903. Osteuropaeische und ostasiatische Streifzuge. Leipzig.

Mierow C. C. (ed.) 1966. The Gothic History of Jordannes. Cambridge // N. Y.

Minorski V. 1937. Hadud al-Alam, The Regions of the World. Oxford.

Minorski V. 1942. Sharaf al-Zaman Tahir al-Marvazi on Cnina, the Turks and India. London

Muller C. 1883-1901. Claudio Ptolemaei Geographia, I-II, Paris.

Muller C. 1861. Geographi Graeci Minores. Paris.

Naesman U. (ed.) 1988. Folksvandridstid i Norden — en krisperiod mellan aldre och yngre jarnalder. Lund.

Obolensky D. 1970. The Byzantine Sources on the Scandinavians in Efstern Europe // Varangian Problems (Scando-Slavica Supplementum I) Cph. S. 149-164.

Pigulevskaja N. V. 1969. Byzanz auf den Wegen nach Indien. // Berliner Byzant. Arbeiten 36, Berlin.

Pritsak J. 1981. The Origin of Rus' I., Harvard.

Schramm G. 1973. Nordpontische Stroeme, Namenphilogische Zugaenge zur Fruezeit des europaeischen Ostens. Goettingen.

Stender-Petersen A. D. 1953. Varangica. Aarhus.

Vasiliev A. A. 1946. The Russian Attak on Constantinople in 860 // The Medieval Academy of America, Publ, ą 46. Cambr. Mass.

Wilson N. G. 1983. Scholars of Byzantium (Duckworth) London.

В.И.Кулаков

БАЛТИЙСКИЙ ВАРИАНТ ДВИЖЕНИЯ ВИКИНГОВ

V.I.Kulakov. The Baltic Version of Vikings' Movement.

The end of the I millennium A. D. was marked by the last serious upheaval of the European civilization of the early state period – the Vikings' movement. It is important to find out what were the origins of Vikings' movement in the Eastern part of the Baltic Sea. The stage for military and trade activities at the Vikings' time in Eastern Europe was "the way from the Varangians to the Greeks". This river way, by Daugava, Dniepr and Volga, joining North and South Eastern Europe functioned already three thousand years ago. The inhabitants of South Eastern Baltic shores became the most important link between the Northern and South Eastern Europe. The question of their intermediary functions is a key to understanding the nature of the Vikings' movement in its Eastern, i.e. Baltic version. During many centuries the contacts between the Northern Europe and its other parts based chiefly on the Baltic amber. Having insured their steady trade in the center of the Baltic region, the Prussians and their neighbours Baltic people turn to the East. The trade and bodyguard group of the Amber Coast (now Kaliningrad Oblast of Russia) with deep longstanding relations with the population of Eastern Europe established contacts along the Eastern Way at least one hundred years earlier than the Western movement of the Vikings took place. The Old Ladoga River was a key to this Way. The origin of ethnically Slavic state of Rus' is directly connected with the Baltic version of Vikings' movement. As a result of this process, the early Russian state took its firm place on the European political stage. Far from the late ancient civilization centers, this state emerged to a great extent as a guarantee for safety of the Eastern Way for the Baltic merchants.

Конец I тысячелетия н.э. ознаменован последним серьёзным потрясением основ европейской цивилизации до- и раннегосударственного периода. В науке этот сложный процесс, казавшийся средневековым европейцам катастрофическим, именуется «движением викингов». Во второй половине I тысячелетия н.э. на берегах Балтийского моря экономика различных племён характеризуется преобладанием пахотного земледелия, широким развитием железоделательного производства, подъёмом тяглового транспорта (Herrmann 1982: 18,19). Эти аспекты стали предпосылками будущего процесса образования государств на северной и восточной окраинах Европы. Часть североевропейского общества, не нашедшая своего места в обозначенной выше новой исторической реальности, начала движение викингов (Wilson 1980: 160,169). Его военной основой являлась дружина. Первоначально эти отряды собирались, как и у германцев эпохи Юлия Цезаря, лишь для одного военного похода. На раннем этапе движения викингов формируется развитая воинская организация (дисл.-drotts). По мнению Хенрика Ловмяньского, «настоящая развитая дружина была отрядом, остающимся под крышей и на содержании вождя» (Ловмяньский 1985: 47, 48). Предводители варяжских дружин, поправшие в своих кровавых деяниях все традиционные нормы нравственности, служили альтернативой созидательной политики первых скандинавских королей (Лебедев 1983: 49). Эти короли, в сущности, выиграли историческое противостояние с охваченными жаждой наживы дружинами воинов-мореплавателей. Тем самым викинги внесли неожиданно позитивный вклад в развитие североевропейской государственности. Движение викингов после середины XI века, уже не встречавшее поддержки во всех слоях скандинавского общества, было обречено на гибель.

Важны истоки движения викингов, прежде всего — в восточной части Балтийского моря. В середине I тысячелетия н.э. Европа в духовном отношении представляла собой фактически два макрорегиона различных цивилизаций. Их составляли исповедовавшие христианство и сохранявшие остатки позднеримских традиций государства западных германцев и разноплеменный языческий мир. Граница между этими двумя цивилизациями проходила от Ютландского полуострова на северо-западе до устья реки Дуная на юго-востоке. В V веке н.э. на севере континента под властью родовых вождей возникли «малые королевства». В этих родоплеменных микрорегионах и зародились ростки движения викингов, вызванного экономическими, демографическими и этническими процессами в языческой части Европы. Примыкавшие к Балтике различные племена северных германцев, балтов, финно-угров и славян, находившиеся на сходных ступенях социального

© В.И.Кулаков, 1999.

развития, имели систему власти, близкую по смыслу упомянутой выше общественной структуре.

Театр военных и торговых действий в эпоху викингов в Восточной Европе — «путь из варяг в греки». Этот речной путь по Даугаве, Днепру и Волге, соединявший север и юго-восток Европы, функционировал уже три тысячи лет тому назад. Это засвидетельствовано находками на восточном побережье Каспийского моря (полуостров Токмак) ладьевидных каменных кладок, характерных для скандинавских древностей эпохи поздней бронзы (Кулаков 1991: 64). Думается, пришельцев с севера влекли на юг в те далёкие времена не захватнические, а преимущественно торговые интересы.

Основой для широких межплеменных общений, начавшихся в истории нашего континента глобальными перемещениями индоевропейцев в середине IV тысячелетия до н.э. и завершившихся движением викингов, являются поиски представителями различных социумов своего места в меняющемся мире на разных уровнях хозяйственной и общественной деятельности. В сущности, поисками социальной ниши, наиболее удобной для жизнедеятельности, являются начальные импульсы всех социальных катаклизмов (нашествия, религиозные движения, революции) в западной части Старого Света.

Именно на заре европейской истории обозначилось важнейшее звено, соединявшее межплеменные контакты севера и юго-востока нашего континента. Этим звеном стало население юго-восточных берегов Балтики. Его посреднические функции на самых разных этапах исторического развития до сих пор слабо изучены. Этот вопрос является ключевым в осмыслении характера движения викингов в его восточном, т.е. — балтийском варианте.

Археологический материал показывает ведущую роль жителей Янтарного берега (ныне — Калининградская область России) в обменных процессах между Скандинавией и Северным Кавказом в начале I тысячелетия до н.э. (Кулаков 1994: 113). С этого момента на протяжении многих веков контакты севера Европы с её другими частями базировались во многом на балтийском янтаре. Перспектива получения контроля над трассами Янтарного пути подтолкнула в 200-300 гг. н.э. появившихся ранее в низовьях реки Вислы готов и гепидов предпринять миграцию в Северное Причерноморье. Так впервые в восточной части континента этническая миграция, вызванная демографическими, хозяйственными и социальными факторами, использовала сложившийся на протяжении предыдущих веков трансрегиональный путь межплеменных обменов. Это переселение шло по древнейшему аналогу пути «из варяг в греки». Он вёл в позднеантичную эпоху с Янтарного берега, население которого включало и отдельные группы готов, по рекам Висле, Западному Бугу и Днепру (Тиханова 1970: 205) к торговым городам Крыма и Боспора. Попытка представить себе все возможные трассы торговых и военных экспедиций, возможные рынки сбыта северных товаров отразилась в своеобразном готском «итинерарии». Он относится к эпохе создания «Державы Германариха» (ок. 375 г.) и сохранился в тексте готского историка Иордана (Рыбаков 1987: 29,30).

Пожалуй, одним из важнейших результатов миграционной активности южных скандинавов на исходе античной эпохи стала этно-культурная диффузия в некоторых регионах Балтики. Восточногерманское присутствие для III-V вв. н.э. прослеживается в земле пруссов по археологическим данным. В свою очередь, жители острова Борнхольм, являвшегося своеобразными «западными воротами» (Klindt-Jensen 1961: 163) янтарной торговли, в V — VI вв. активно перенимают прусские обычаи (Klindt-Jensen 1957: 124-127), что показывает балтское этническое присутствие на этом острове. «Восточные ворота» янтарной торговли — остров Готланд также с V века испытывает мощное влияние прусской культуры. Обилие характерных для неё женских украшений и деталей воинского снаряжения, встреченные в островных захоронениях вендельской поры (Malarstedt 1979: 102), показывает многонациональный состав островитян.

Все эти выводы современного археологического исследования балтийских регионов привели многих скандинавских специалистов к выводу о наличии в V — VIII вв. групп балтского населения на островах центральной части акватории Балтийского моря (Callmer 1992: 102-106). Тесные торговые контакты привели к тесным брачным связям между жителями Янтарного берега и скандинавских островов. Обеспечив таким образом свои прочные торговые позиции в центре Балтики, пруссы и соседние племена балтов обращают свой взор на восток. Влекомые торговыми интересами, они проникают в Финский залив. Следами их пребывания на этих берегах являются раскопанные в 1940 г. 9 погребений в Старой Ладоге. Ранее их приписывали местному племени кривичей (Кирпичников 1988: 47). Однако по деталям погребального обряда и по инвентарю (Орлов 1941:124,129) эти комплексы находят полные аналогии в прусских древностях конца VII века.

Иначе складывалась ситуация в западной части Северной Европы, где реализовался атлантический вариант движения викингов. Сложившиеся в материковой части Западной Европы государства не были готовы к мирным контактам с «варварами» Севера. Их внедрение в общества своих южных соседей имело военный характер (служба наёмниками и набеги) (Lund Hansen 1994: 6). При этом часть скандинавов могла покидать свои острова ввиду заселения

их балтами.

На рубеже VII — VIII вв. в начальной точке Янтарного пути — в дельте реки Вислы —возникает торгово-ремесленный пункт Трусо, современник и партнёр фризского Дорестадта и датского Рибе. Населявшие его прусские купцы и воины, согласно отмеченной выше традиции, в жёны берут жительниц Готланда (Кулаков 1990: 178,179). Полиэтничен и младший аналог Трусо — Кауп, возникший в земле пруссов в начале IX в. (Кулаков 1989: 98,99). Трусо и Кауп, ориентированные на янтарную торговлю, являются первыми в восточнобалтийском регионе протогородскими центрами, ставшими впоследствии важным фактором движения викингов. Эти центры аккумулировали восточную торговлю, что показано выпадением в земле пруссов самых ранних на Балтике кладов дирхемов (Kulakow 1992: 112). Торговые контакты прусских купцов с Востоком с начала VIII века контролировались интернациональной дружиной Янтарного берега. Таким образом, обладавшая глубокими многовековыми связями с населением Восточной Европы торгово-дружинная группировка Янтарного берега начала контакты по Восточному пути минимум на сто лет ранее кровавой зари движения викингов на Западе. Балтийский вариант этого движения характеризовался прежде всего мирными торговыми интересами. Ключом к Восточному пути по Волжскому направлению была Старая Ладога. С самого её основания в середине VIII века одними из основных видов хозяйственной деятельности её многонационального населения являлись обработка балтийского янтаря и торговля янтарными изделиями (Давидан 1984: 125). Именно здесь в третьей четверти IX века археологические материалы показывают конфликт, произошедший между местным населением и, видимо, готландцами (Рябинин 1985: 47). Этнос последних показан поздней формой готландской нагрудной пряжки с выступом в нижней части в виде головки Одина в горизонте Е3 (Давидан 1980: 66). Возможно, этот конфликт связан с переходом ок. 820 г. инициативы в восточной торговле из рук прусских купцов к их конкурентам (хотя и близким в результате родственных связей) с Готланда (Kulakow 1992: 112). События, происшедшие в третьей четверти IX века в Ладоге, которая с середины VIII века «...являлась “мостом” между Балтикой и внутренними районами Восточной Европы» (Носов 1993: 75), симптоматичны для всей восточной окраины Балтики. Возможно, результатом именно этого конфликта стало призвание новгородцами Рюрика с братьями и дружиной.

К началу X века на балтийских берегах сложилась структура обеспечения местного варианта движения викингов. Его основой стали протогородские центры в прусском ареале (Кауп), в земле ливов (Даугмале), на эстонских островах (Сааремаа), в ареале словен и кривичей (Новгород, Ладога), охранявшиеся полиэтничными дружинами. Эти пункты, обозначавшие начало Восточного пути, ставшего для жителей балтийских берегов открытыми воротами в страны мусульманского Востока, были как торговыми, так и военными базами движения викингов. Как известно, эти отважные мореходы нередко при благоприятных условиях брали в руки вместо весов для диргемов меч. Правда, важно отметить более мирный (по сравнению с атлантическим вариантом движения викингов) характер контактов пришельцев с местным населением. Постоянные связи с указанными выше центрами поддерживали как их скандинавские аналоги (Готланд, Бирка на озере Меларен, Хэдебю), так и протогородские центры в западнославянских землях (Ольденбург-Старигард, Волин, Швелюбье). Все означенные пункты, цепочкой расположенные на морском берегу на расстоянии друг от друга в нескольких дневных переходах каботажных судов, служили в принципе стоянками для торговцев и воинов на протяжении грандиозной водной трассы между Данией на западе и берегами Финского залива на востоке. Уже в конце IX века предпринимались осознанные попытки сбора данных об этом пути (плавания Оттара и Вульфстана) (Матузова 1979: 15). Достаточно спокойный процесс развития отношений предгосударственного уровня, характеризующий балтийский вариант движения викингов, реализовался на устойчивой этно-культурной диффузии, возникшей к IX — XI вв. на восточных берегах Балтики. Четко видимый на археологическом материале в Скандинавии (Ginters 1981: 44), этот процесс вызвал появление в юго-восточной Балтии зон населения с контактными культурными чертами. Особо ярко это заметно в прусском, куршском и ливском ареалах. Эти черты материальной культуры, стадиально близкие матримониальным связям населения Янтарного берега и скандинавских островов в середине I тысячелетия н.э., показывают принципы движения викингов на Балтике. Правда, оно не всегда было мирным. В результате набегов викингов, среди которых особой свирепостью отличались пираты из Волина и из земли куршей, гибнут Дорестад (834-837 гг.), Трусо (ок. 860 г.), Хэдебю (1050 г.), Сигтуна (1187 г.). Антипиратскими действиями шведского *leidangr* в середине IX века разрушается центр куршских дружинников Апуоле.

Славянское в своей этнической основе государство — Русь, своим возникновением непосредственно связанная с балтийским вариантом движения викингов, в результате этого исторического процесса заняла своё прочное место на европейской политической арене. Тесные этнические и культурные связи между народами Восточной Европы и различными племенами Скандинавии и Балтии, близость их социального развития логически привели к

образованию Древнерусского государства. Далёкое от очагов позднеантичной цивилизации, в 862 г. оно возникло в значительной мере как гарант стабильности Восточного пути для купцов Балтики. При этом их коммерческие амбиции совпали с центростремительными силами слоев восточнославянского общества. Призвание вождей варяжских многонациональных дружин было для населения востока Балтики исторической необходимостью. «Факт призвания князя есть следствие внутреннего общественного развития страны, чьей знати на службу он и становится» (Пашуто 1965: 86). Скандинавский этнический элемент, известный на памятниках археологии Древней Руси, по своему значению для местной истории является аналогом показателей этно-культурной диффузии в юго-восточной Балтии V-XI вв. Правда, на Руси скандинавский этнический элемент на фоне местных древностей представлен гораздо слабее, нежели в ареалах балтских племён.

Предложенное решение длившейся в отечественной историографии более полутора веков дискуссии «норманистов» и «антинорманистов» представляется актуальным. Складывавшиеся в Балтии за много веков до начала движения викингов предпосылки его появления показали органичность данного процесса для этой части Европейского континента. Культурная, социальная и, возможно, языковая близость между купцами, варягами и населением Восточной Европы не позволяет предполагать абсолютную чуждость результатов движения викингов (т.е. — появление Руси) для данного региона. Многообразие балтийского варианта движения викингов, отдельные аспекты которого можно сравнить с известным «броуновским движением» молекул, является отражением естественных и органичных явлений в истории Восточной Европы. Его важнейшим результатом стало появление на карте Европы Древней Руси — государства, являющегося Родиной для множества народов значительной части нашего континента.

Как и позднейшая Литва, Русь возникла на базе ценностей языческой цивилизации раннесредневековой Европы. Этот аспект во многом определил своеобразие дальнейших путей развития Руси-России. Таким образом, выявление в движении викингов балтийского фактора (прежде всего — определение позитивной роли племени-«посредника» — пруссов) позволяет с новых позиций оценить сложные события в истории восточноевропейского средневековья. Ключевые для этих событий регионы Балтики — земля пруссов, остров Готланд и Новгородская земля сохраняли свой особый социально-территориальный статус и после завершения движения викингов. Все они в разной степени были включены тогда в систему Ганзейского торгового союза, продолжателя торговых традиций балтийских купцов IX — XI вв. Все эти области вошли в состав государств данной части Европы в ходе длительных и кровавых войн лишь в эпоху развитого средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

Давидан О.И. 1980. Бронзоволитейное дело в Ладоге. // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып.21. Л.

Давидан О.И. 1984. Янтарь Старой Ладоги. // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып.25. Л.

Кирпичников А.Н. 1988. Ладога и Ладожская земля VIII-XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Славяно-русские древности. Вып.1. Л.

Кулаков В.И. 1989. Кауп // Становление европейского средневекового города. М.

Кулаков В.И. 1990. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V — начала VIII вв. (по материалам раскопок 1878-1938 гг.) // Barbaricum. T. I. Warszawa.

Кулаков В.И. 1991. «С милого севера в сторону южную...» // Наука и жизнь. № 9.

Кулаков В.И. 1994. Пруссы (V — XIII вв.). М.

Лебедев Г.С. 1983. Конунги-викинги (к характеристике типа раннесредневекового деятеля в Скандинавии) // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л.

Ловмяньский Х. 1985. Русь и норманны. М.

Матузова В.И. 1979. Английские средневековые источники IX — XIII вв. М.

Носов Е.Н. 1993. Проблема происхождения первых городов Северной Руси. // Древности Северо-Запада. СПб.

Орлов С.Н. 1941. Могильник в Старой Ладоге (из материалов Староладожской экспедиции истфака ЛГУ). // Учёные записки ЛГУ. № 80. Серия истор. наук. Вып.10.

Пашуто В.Т. 1965. Особенности структуры Древнерусского государства. // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М.

Рыбаков Б.А. 1987. Язычество Древней Руси. М.

Рябинин Е.А. 1985. Новые открытия в Старой Ладоге. // Средневековая Ладога. Л.

Тиханова М.А. 1970. К вопросу о связях Южной Скандинавии с Восточной Европой в первой половине I тысячелетия н.э. // Studia in memoriam Harri Moora. Tallinn.

Callmer J. 1992. Interaction between Ethnical Groups in the Baltic Region in the Late Iron Age. // Contacts across the Baltic Sea. Lund.

Ginters V. 1981. Tracht und Schmuck in Birka und im ostbaltischen Raum. // Antikvariskt arkiv. T. 70. Stockholm.

Herrmann J. 1982. Slawen und Wikinger in der Frühgeschichte der Ostseevölker. // Wikinger und Slawen. Berlin.

Klindt-Jensen O. 1957. Bornholm i folkvandringstiden og forutsætingerne i tidlig jernalder. København.

Klindt-Jensen O. 1961. Ost og Vest i Bomholmsjernalder // Nationalmuseets Arbejdsmark. København.

Kulakow W. 1992. Preußische Gefolgschaft im 9. Jahrhundert. // Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Studia Baltica Stockholmiensa. T. 9. Stockholm.

Lund Hansen U. 1994. Skandinavien und der Kontinent zur Völkerwanderungszeit und Merowingerzeit. // Runische Schriftkultur in kontinental-skandinavischer und angelsächsischer Wechselbeziehung. Berlin-New York.

Mälarstedt H. 1979. Kopparsvikk — ett vikingatida gravfält vid Visby. // Arkeologi på Gotland. Gotlandica. T. 14. Visby.

Wilson D. 1980. Die Wikinger. // Kulturen im Norden. München.

Ю.Кальмер

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДРЕВНОСТИ РУСИ

J.Callmer. The Earliest Archaeology of the Rus'.

This article is dedicated to a study of foundation of Rus'. The author used archaeological findings in the Baltic basin, toponymy and hydronymy, as well as linguistic data to restore the developments from the middle of the first millennium till IX century A. D., the least studied period in the history of the Ancient Rus'. First of all, he recognised the etymology of the word *rus'* as related to the Finnish *ruotsi* (something or someone connected with rowing ships), borrowed from Northgermanic into Finnish approximately in the middle of the first millennium A. D. The author identifies this people with the inhabitants of Aland Island who were middlemen between the 'Scandinavians' and the 'Finns' owing to their linguistic and cultural competence. They started penetrating into South-Western Sweden and the Ladoga Basin as early as the end of VI century – VII century, the fact suggested by Scandinavian finds in these region belonging to this period.

В дискуссии о проблеме Руси, т. е. о формировании и перипетиях термина и его материальных соответствиях в археологически полученных наблюдениях, основные усилия были сделаны для периода, который начинается в середине IX века и кончается в начале XI. Как с точки зрения историка, так и археолога это также период, которым датируется большинство источников и который они освещают. Только случайно мы встречаемся с интересом к более раннему периоду. Если мы хотим объяснить и понять формирование ранней Руси, нужно, однако, попытаться проанализировать также и период до середины IX века.

Очень важным основанием для дальнейшего является признание этимологии слова «русь» как родственного финскому *руотси* (**rotsi*). В таком случае, слово в конечном счете северогерманское и обозначает что-то или кого-то, связанного с гребными судами. Нет другого лингвистически корректного решения этой проблемы. Хотя и невозможно для лингвистов дать точную дату для перехода этого слова из северогерманского в финский, они могут делать основательные догадки. Вероятная дата лежит в интервале перед 800 г. н. э. и, пожалуй, серединой первого тысячелетия н. э.

Обратимся сперва к ситуации в Балтийском регионе для этого времени. Нам особенно интересны указания на контакты между северогерманским миром материковой Швеции и финским миром на Юго-западе Финляндии и в Эстонии. Мы не знаем, существовали ли другие группы в этих двух областях, но у нас есть основания полагать, что скандинавы и финны доминировали в этих двух областях соответственно. Было бы, однако, анахронизмом говорить о скандинавах и финнах, поскольку народы, жившие по обе стороны моря, скорее всего, представляли себя членами менее крупных социальных объединений, часто связанных с конкретным регионом. Из практических соображений далее будут всё же использоваться термины «скандинавы» и «финны».

Обменные отношения явно существовали и до римского железного века. Господствующие семьи по обе стороны обменивались драгоценными украшениями, оружием и, вероятно, одеждой в качестве даров. Вполне вероятно, что вещи из органических материалов, не сохранившиеся как археологические источники, также играли роль в этих отношениях, например, меха. Могли практиковаться и брачные связи, хотя лишь немного указаний на них может быть собрано из преобладающего археологического материала этого периода – погребений.

В VI веке эта картина внезапно изменяется. Есть, по меньшей мере, две причины для этой перемены. Аландские острова, ранее населенные маленькой популяцией, занимавшейся главным образом охотой и рыбной ловлей, получили значительное количество иммигрантов с запада, т. е. из материковой Швеции. Очень быстро остров оказался густо заселен популяцией земледельцев и скотоводов. Утверждение этой популяции на Аландских островах оказало решающий стимулирующий эффект на обменные отношения между финнами и скандинавами.

В последующие столетия отношения стали очень тесными, и эта тенденция не в последнюю очередь видна по находкам финской керамики на Аландских островах и в материковой Швеции. Более ранние показатели связей – свиде-

© Ю.Кальмер, 1999.

тельства обмена украшениями и оружием – тоже продолжали увеличиваться. В конце VI века даже стандартные аксессуары женского костюма в ЮЗ Финляндии, ранее включавшие главным образом формы, развившиеся из балтийских (балтских?), стали копиями скандинавских. Это может рассматриваться как хороший показатель степени близости. Особого интереса заслуживает встречаемость в VI веке важных скандинавских находок также в Эстонии, прежде менее интегрированной в обмен.

Возможно, более красноречивым является ряд находок с Финского залива и из Приладожья. Внутренние части залива (от Ханко на северной стороне и Нарвы на южной стороне) были обитаемы редким населением охотников-собирателей, от которых мы еще практически не обнаружили археологических следов. Интерпретация этих находок как скандинавских артефактов сложна, но мы можем утверждать, что весь залив и озеро Ладога были включены в сеть, связанную с западом. Роль этих находок, как подчеркнуто выше, остается несколько неопределенной, но вероятное объяснение состоит в том, что скандинавы, учитывая неблагоприятные охотничьи ресурсы на Аландах и в материковой Швеции, распространили свои экспедиции в глубь внутренних частей залива и за него. Для аландцев путешествие было не очень долгим и вполне безопасным – через архипелаг к Финляндии и дальше на восток вдоль берега. Сильную заинтересованность в мехах можно предположить, исходя из развития на Аландах особого погребального обряда, включающего глиняные изображения бобра и, возможно, также бобровых лап. Этот обряд был введен уже в начале VII века.

Очевидно, аландцы стали важным звеном в социально-экономических отношениях между финнами и скандинавами. Примечательна была открытость общества на Аландских островах. Известен целый ряд погребений с отчетливыми финскими формами украшений, указывающих на абсолютно финский костюм. Видимо, на восточном скандинавском побережье и на больших островах Балтики были частым явлением смешанные браки с нескандинавами, но в материале погребений эти индивиды невидимы. Разительный пример – остров Готланд, население которого имело тесные связи с восточным побережьем Балтики. Это может указывать, что аландцы стали опытными посредниками, обладающими языковыми и культурными знаниями для обмена с финнами.

Легко заключить, что социальная среда этого типа, развивающаяся с конца VI века на Аландских островах, образует очень вероятную основу для развития термина *ruotsi* (**rotsi*), обозначающего пришельцев, появляющихся в Юго-Западной Финляндии со своими характерными судами. Затем, также очень похоже, что применение термина быстро распространилось среди более далеких финских групп в Финляндии и Эстонии. Как глубоко он проник на восток в это время, неясно, но скандинавские находки VI и VII веков в Приладожье позволяют предполагать, что и здесь этот термин мог использоваться уже очень рано.

С точки зрения культурной преемственности разные ученые очень по-разному трактовали популяции, жившие дальше к югу от Финского залива и Ладоги – в бассейнах Ильменя и Чудского озера. Альтернативами были местное финское культурное развитие или славянская иммиграция в V и VI веках. Гидронимика этого района – финская, что является сильным аргументом в пользу первой альтернативы. По моему мнению, можно считать сильными чисто археологические аргументы в пользу преемственности местной культуры от лишь слабо представляемой стадии до длинных курганов, а для Поильменья дальше к стадии сопок. Неразумно прибегать к идее большой миграции для объяснения каждой фазы изменений в материальной культуре. Здесь не место обсуждать этот решающий вопрос, но очень ранние датировки комплекса длинных курганов делают маловероятной широкую волну славянской колонизации для того времени, когда славянские группы в значительном числе начали продвигаться к западу и юго-западу в Центральную Европу и на Балканский полуостров.

Способ расселения этой популяции был таким: мелкими скоплениями рассеянных мелких поселков, состоящих – за редкими исключениями – только из нескольких усадеб. Основой общества в плане экономики было земледелие и скотоводство со значительным сектором охоты и рыболовства. Технология железа была простой, а бронза сравнительно мало применялась. В начале есть некоторые указания на оживленные внешние контакты. Хорошо развитую социальную иерархию нельзя вывести из археологических наблюдений. Напротив, всё свидетельствует об обществе со слабыми различиями по вертикали или отсутствием таковых.

Для VIII века наблюдаются существенные структурные перемены в погребальном обряде – как господствующая форма погребения возникает курган типа сопки. Огромные сооружения с их характером коллективных усыпальниц и их значительным числом (сегодняшние представления о сопках, несомненно, сильно преуменьшают их из-за многовековой распашки и т. п.) не свидетельствуют о большой стратификации общества в целом. Только некоторые курганы на Нижнем Волхове дают погребальный инвентарь престижного характера. Одновременно происходят изменения в архитектуре домов и расположении местонахождений. Сколь радикальны эти изменения, в настоящее время трудно определить. Трудно также определить, является ли новый тип дома культурным заимствованием с востока, юга или запада. Как уже от-

мечено, мы рассматриваем культуру сопок как местное развитие.

В Балтийском регионе VII и VIII века узрели дальнейшее развитие контактов между землями к западу и востоку от моря. Вначале это была консолидация обмена между ЮЗ Финляндией и Скандинавией на западе. Во всяком случае роль обитателей Аландских островов в этих обменных отношениях возросла. Однако вероятно было бы неправильным думать, что только аландцы были активны в этом регионе. Южнее, в Курляндии, это тоже был период утверждения скандинавского населения. Древнейшие западнофинские поселения в Карелии датируются концом VIII века. В VIII веке расширилась территория путешествий скандинавов в земли за Финским заливом, и обмен с носителями культуры сопок начался в этом веке, если не раньше. Также вероятно, что финский термин ruotsi стал известен носителям культуры сопок. Впрямь, очень похоже, что он проник далеко вглубь территории.

Во второй половине VIII века было основано важное поселение в Старой Ладоге (Земляное Городище). Находки из окрестностей и нижних слоев этого поселения указывают, что оно имеет и более раннюю историю и, возможно, посещалось скандинавами до возникновения самого поселения. Это поселение Старая Ладога с самого начала было с культурной точки зрения очень разнородным. Главные компоненты – местное население культуры сопок и скандинавской культуры. В соответствии с традицией ученые пытались определить, что тут какому культурному элементу принадлежит, и Старая Ладога рассматривалась как место встречи культур. Когда мы рассматриваем развитие термина русь, напрашивается другая интерпретация. Поселение Старая Ладога, возможно, прямее отражает культурную общность, обозначающую новое значение термина. Ядром этой общности, вероятно, были скандинавы, но она была открыта и для других, и местное финское население явно играло решающую роль. Люди, жившие здесь, вероятно, были в основном двуязычны, и указанием на это является тот факт, что имя, ранее использованное финнами для скандинавов, было теперь использовано населением Ладоги для обозначения самих себя.

По данным мусульманских и западных источников, датируемых первой половиной IX века, это было общество с выделившейся элитой и с торговыми агентами, действующими на широкую ногу. По данным тех же источников и по археологическим данным, правомерно полагать, что в этот период (во вторую половину VIII века и первую половину IX века) скандинавские торговцы достигли даже верхней Двины (Западной) и бассейна Волги. На основании появления восточных бус и древнейших находок дирхемов нужно заключить, что эти торговцы достигли и хазарской территории или еще более далеких земель, или же где-то в Поволжье встречали агентов торговли, базирующейся на Среднем Востоке. Открытие этого пути должно было иметь огромное значение для общины, сидящей в Старой Ладоге и для окрестности. Если раньше она была отдаленным районом со значительными трудностями для поддержания своих обменных контактов с западом, то теперь она оказалась хозяйкой важного торгового пути между Балтикой и хазарами с халифатом за ними.

Вот период, когда русы стали известны из мусульманских источников, как уже сказано, и важнейшим здесь является упоминание руси во франкских анналах в 839 г. Этот источник дает ряд интересных и важных фактов большого значения для нашего понимания вопроса о руси к середине IX века. Русь теперь оказывается видом государственного образования с правителем. Этнический характер очевидно был сложным и трудно понятным. Только когда франки допросили русов, те определили себя как свеев (шведов), чтобы сделать понятным свое ближайшее родство. Если бы они в самом деле были шведами из Средней Швеции, это было бы легко установлено. После миссионерского путешествия (первого) Св. Ансгара в Швецию свеи и их король были, конечно, хорошо известны разным чиновникам при дворе Людовика Благочестивого.

Как велик был компонент аландцев в составе русского общества, трудно определить, поскольку так мало погребений дошло до нас от этого периода, например, в Старой Ладоге. Позднейшее движение аландцев в Восточную Европу (см. ниже) может свидетельствовать, что доля аландского компонента была значительной.

В таком случае для этого времени Русь можно рассматривать как полиэтничное сообщество с элитой скандинавского происхождения, контролирующей ряд местных групп, главным образом поставляющих меха для большой торговли. Обмен с этими группами был, вероятно, реальным обменом, хоть он шел и не на равных и, возможно, сила также играла некоторую роль. Местные группы получали бусы и железные изделия. Важными статьями импорта были также одежда и другие металлы помимо железа.

Интересную модель, поясняющую, как это могло быть реализовано в археологическом контексте, дают результаты раскопок в Крутике чуть южнее Белого озера, хоть он датирован и несколько более поздним периодом. Здесь мы видим концентрацию местного населения, явно сильно втянутого в охоту за мехами. Находки и контексты свидетельствуют даже, что их регулярно посещали сборщики дани. Вероятно, это был очень распространенный образ жизни в обширных районах территории, на которую претендовала Русь. Однако этот образ жизни имел варианты, и мы встречаем другую среду на Сар-

сом городище примерно в 200 км от Крутика. Это региональный укрепленный центр, гнездо местного повелителя. Он мог иметь более независимую позицию, чем вепсская группа в Крутике. Находки на Сарском городище указывают, что этот регион уже в конце VIII века был включен в обменную сеть Руси.

Было бы неправильно понимать эту систему эксплуатации северной лесной зоны как полностью охватывающую систему. Похоже, скорее, что усилия предпринимались там, где можно было легко добиться успеха и где можно было лучше удовлетворить заинтересованность в мехах и, разумеется, также в продуктах питания, которые были необходимы, чтобы Русь могла продолжать свой образ жизни. Они также сосредоточивались в ключевых местах на важнейших торговых путях сообщения. Правящая элита также обменивалась и торговала с западом. Среди прочего импорт оружия и металлов был также очень важен.

Апогей этой структуры русской власти – первая половина и середина IX века. После середины века наступают большие перемены. Мы теперь входим в фазу, от которой есть информативный и подробный, хотя и в некоторых аспектах чрезвычайно недостоверный источник – Несторова летопись. Здесь не место обсуждать разные структурные части древнейшего раздела летописи. Что важно здесь, это подчеркнуть важную сторону проблем летописи. Это в большой мере документ, составленный с целью рассказать историю успеха Рюриковичей, и как таковой он является способом их легитимизации как истинных и правомочных повелителей Руси. Если летопись имеет исторически верное ядро, которое по многим причинам представляется похожим на истину, оно гласит, что Рюрик был узурпатором, утвердившим себя и свою семью у власти лишь после нападения на более раннюю династию и ее уничтожения. Утверждения, что Рюрик и русь прибыли как приглашенные правители по заключении договора с местной аристократией, крайне маловероятны. Русь как социальный агрегат и политическая институция существовали раньше в Северо-западной России, и весьма трудно проследить местную аристократию. Местная социальная структура была совершенно другой.

Наиболее вероятно, что в плане внутренней структуры последствия взятия власти были суровыми для русского общества. Новые правители привели с собой своих сторонников и вассалов, и население Руси увеличилось. Название же их политического владения сохранилось неизменным. Были трудности со связями со Средним Востоком и Хазарией. Поток дирхемов на Русь и через Русь фактически прекратился. Новой чертой правящей ныне элиты были ее намерения распространить господство Руси на юг. Русы были хорошо известны также в Поднепровье уже до середины IX века. Их имя было усвоено византийцами и мусульманами в славянизированной форме.

Теперь мы можем проследить становление нескольких поселений в междуречье Днепра и Двины, позже превратившихся в центр у Гнездова под Смоленском. Это также период, когда на территорию по соседству с позднейшим Ярославлем на Верхней Волге имела место массовая миграция скандинавов, из которых у многих были специфически аландские культурные традиции. Как в точности эта миграция происходила, неизвестно, но очень похоже, что она была как-то связана с новой структурой политического формирования Руси. Новые поселения на Верхней Волге, с их особым культурным колоритом, максимально поддерживают информацию мусульманских авторов, утверждающих, что в это позднее время были две или три различных группы Руси.

В 880-х гг. Русь распространила свое владычество от междуречья Днепра и Двины вниз в Поднепровье. Киев был взят и превращен в их наиболее важную крепость. Это очень хорошо согласуется с археологически документированным быстрым ростом Киева около этого времени. К этому времени у Руси были постоянные интенсивные контакты со славянами повсеместно в Среднем Поднепровье. Мусульманские источники интересным образом повествуют об особом этническом характере Руси в это время. Из соображений большей частью, вероятно, практических, социальных и экономических многие славяне превратились в Русь, чтобы повысить свой статус.

Можно спросить: когда впервые Русь встретила славян, и каков был характер этих контактов? Как показано выше, ответ частично зависит от интерпретации культурной последовательности в Верхнем Поднепровье и дальше к северу. Поскольку трудно различить разные свидетельства славянской экспансии в эти земли до конца IX века, в первые фазы своего существования Русь прежде всего взаимодействовала с финскими и балтскими группами. Как я уже отметил, вполне вероятно, что русские торговцы уже гораздо раньше стали известны славянским группам южнее Днепро-Двинского междуречья. Это могло произойти уже в конце VIII века или в начале IX.

Мы не будем обсуждать дальнейшее развитие этих связей, когда очень скоро установилось интенсивнейшее взаимодействие между славянами и скандинавами и когда значительные славянские группы осели в политических и экономических центрах древнерусского владения дальше к северу. Это гораздо менее загадочный процесс, и он развивался параллельно со славянской экспансией в IX, а более всего в X и XI вв. к северу от Полесья на западе до верхнеокского бассейна на востоке. Нам остается только заметить, что значение термина Русь снова изменилось, но на сей раз в последний раз. В

течение X в. русская элита всё теснее связывалась со славянскими лидерами и преобладающий скандинавский налет был заменен славянской и византийской традициями. Следствием этого было то, что Русь уже нельзя было вообще идентифицировать со скандинавами, и для скандинавов был создан новый термин в виде слова «варяг» и, возможно, также «колбяг».

Очень сложный процесс формирования русского государства в России и роль, сыгранная скандинавами, могут получить объяснение и поняты только, если мы рассмотрим ряд различных источников. Несомненно, археология может внести существенный вклад с данными материальной культуры, и этот материал может быть особенно важен для ранних фаз процесса. Меняющееся значение термина «русь», которое можно вывести из лингвистических и исторических источников, поддерживается археологией. Когда мы рассматриваем эти изменения – от термина, описывающего скандинавского пришельца в финской среде, к организованной скандинавской элите вместе с финскими группами и к государственному образованию, возможно посылающему послов к императору греков – мы должны учитывать, что эти изменения заняли определенное время. Но отрезки времени значительны и достаточны, чтобы сделать эту последовательность событий правдоподобной.

Особой чертой Древней Руси является специфическая структура широко растянутой сети крепостей и центров, контролирующих районы дани вне зависимости от этнического характера. В этом отношении Древняя Русь отлична от других государственных образований того же времени в Европе. Процесс формирования древнерусского государства может быть очень важным поприщем исследований для тех, кто хочет глубоко понять Россию.

А.Стальсберг

ТОРГОВЫЙ ИНВЕНТАРЬ ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ЭПОХИ ВИКИНГОВ (СУБЪЕКТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ)

A.Stalsberg. Trade Utensils of Female Burials of the Viking Age. (Subjective Interpretation).

The article is dedicated to the social interpretation of female burials of the Viking Age that contained trade utensils. We are talking about folding scales of bronze and small weights of bronze or iron covered by bronze, of various forms. They are dated by the late IX-XI c. It is widely known that the scales and weights are directly connected with trading, even though their usage is possible for other purposes. Trade inventory is usually regarded as belonging to a male tradesman. The presence of such kind of inventory in female burials is usually either not explained or is not discussed as an attribute of trading. The interpretations that can be encountered in the scientific literature regard trade utensils in female burials as anomaly that demands a special interpretation. The author of the article believes that the housewife is buried together with the trade utensils belonging to her family on which she had the same right as her husband, replacing him or, maybe, being his widow. In such case trade utensils in the burial are a sign of the profession of the family, not of a certain person. On the basis of the analysis of archaeological data and written records the author suggests that women could play the role of tradesmen at the Viking Age in their society.

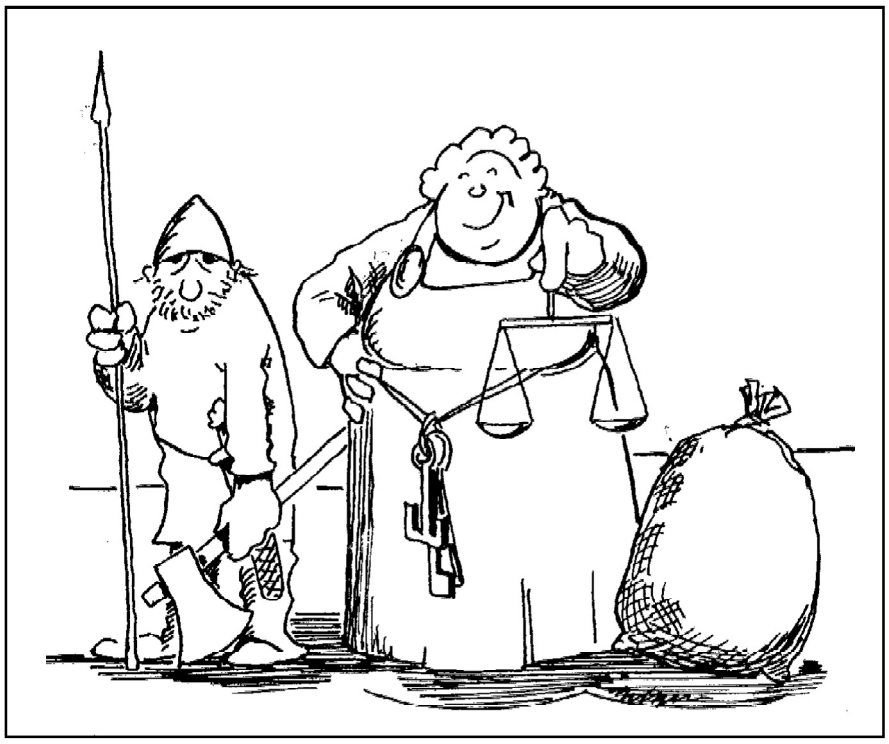
В западной археологии последних лет прошла оживленная дискуссия о социальной роли половой принадлежности («гендер-проблема»). Подобной интеллектуальной активности, по мнению некоторых, не отмечалось с 1960-х гг. (Mandt 1992). «Гендерный подход» в археологии связывают, с одной стороны, с женским движением современности, а с другой – со значением современности или сформированной ею культуры исследователя для его исторических представлений. Все так или иначе связаны ценностями (политическими, религиозными, нравственными) своего современного общества. По мнению многих исследователей, история, которую мы пишем, является субъективной конструкцией, плодом творчества сознания исследователя.

Женское движение связано с идеологией равенства, которая отражает радикальную, передовую политику 1960-70-х гг., часто основывающуюся на марксистской идеологии. Женское движение занималось не только политикой, но и историей женщин, значением женщин в истории, стараясь воссоздать более полную картину прошлого, а не только историю, например, мужчины-охотника и женщины, ухаживающей за детьми у очага, или мужчины – храброго воина, и анонимной домашней хозяйки. Или, как принято в норвежской археологии, женские погребения с относительно богатым инвентарем интерпретируются скорее как отражение богатства ее семьи, ее рода, чем отражение ее собственных достижений. Так, один из исследователей писал о самой богатой находке эпохи викингов, из Осеберга, что материал ограничен, поскольку в нем нет мужских вещей (Grieg 1928: 1). Женщины рассматриваются как явление второго порядка, дополнительный штрих к общей картине.

Понятие «гендер» (англ. Gender) правильно раскрыть не как «пол», а как «социальный род», роль половой принадлежности индивида. Это различие, не отображенное ни в скандинавских, ни в русском языке, заставляет исследователей употреблять в специальном значении производное от английского понятие «гендерные исследования, проблемы» и т.п.

Норвежская археология ранее других обратилась к изучению роли женщин в древних обществах (вслед за историками). Первый специальный археологический симпозиум состоялся в 1979 году, а на конференции 1984 года были основаны организация и одноименный журнал «Kvinner i arkeologi i Norge» (KAN), «Женщины в археологии Норвегии». Цель KAN, в числе прочего, содействовать качественно новым исследованиям вышеназванных новых теорий, заново оценить методические принципы и новые взгляды на источники, поиск новых источников. В предисловии книги «Археологическая теория в Европе. Последние три десятилетия» редактор, известный английский археолог Я.Ходдер отмечает среди важных теоретических достижений последних лет, что «скандинавская археология, особенно в Норвегии, развила сильную традицию феминистских гендерных исследова-

© А.Стальсберг, 1999.

Хозяин и хозяйка (Художник: Археолог Гейр Хельген / Geir Helgen).

ний» (Hodder 1991: 18). Кроме названных, в Северных странах организуется серия конференций по истории женщин с участием историков и археологов. Журнал KAN получил научное признание. При Норвежском совете по науке создан особый секретариат по женским исследованиям, при каждом университете – центр женских исследований, где работают профессора, исследователи, аспиранты и докторанты.

Исследования, связанные с этим движением – разнообразны, от теоретических до прагматических. Они охватывают различные памятники и периоды. Я занималась двумя конкретными темами, относящимися к гендерным исследованиям в археологии: во-первых, это значение женских находок среди скандинавских находок эпохи викингов на Руси для интерпретации всего объема данного материала и понимания характера русско-скандинавских отношений и варяжской активности на Руси, во-вторых, вопрос о роли женщин в торговле эпохи викингов. Первая тема освещена в короткой статье, опубликованной в «Археологических Вестях ИИМК РАН» (Стальсберг 1994; русский текст частично искажен, следует пользоваться английским резюме, см. также Stalsberg 1987, 1991). Вторая тема, очевидно, дискуссионна: речь идет об интерпретации находок складных весов и гирек в женских погребениях Скандинавии эпохи викингов. Я рассматривала их как признак участия женщин в торговых операциях, осуществлявшихся их семьями. Это вызвало различную реакцию: некоторые ученые, в том числе российские, отмечали, что наконец-то получили оценку находки, давно удивляющие исследователей, другие коллеги (исключительно мужчины) предостерегали – тссс, женщины – торговцы! Материал не поддерживает такую смелую интерпретацию! Должна отметить, что полностью поддержал возможность такой интерпретации Г.С.Лебедев по отношению к одному из женских погребений на «Княщине» Старой Ладоги (Лебедев 1995: 69).

Речь идет о складных весах из бронзы и гирьках из бронзы или железа, покрытого бронзой, различных форм (Пушкина 1991). Они датируются поздним IX-XI вв. (Jondell 1975: 10; Graham-Campbell 1980: 88; Callmer 1980: 207). Они привозились в Скандинавию либо из англо-ирландской зоны, либо из арабских халифатов, возможно и то и другое (ср. Jondell 1975). В Тимерево найдены весы с арабской надписью, означающей в переводе «налог» (Фехнер, Янина 1978). Важно, однако, что весы и гирьки употреблялись для взвешивания мелких по объему ценностей, какими в эпоху викингов было, прежде всего, серебро: монеты, их обрезки, слитки. Весы были орудием не просто кого-либо, а именно тех, кто имел возможность взвешивать серебро. Эпоха викингов богата серебром, но оно было не у каждого в кармане. Общепринято, что весы и гирьки непосредственно связаны с торговлей, даже если возможно их использование и при других общественных функциях. Князь мог взвешивать ими плату своим дружинникам, делить добычу, либо хозяин мог просто употреблять их в своем хозяйстве, без того, что можно назвать торговлей. «Мудрые женщины» могли ими взвешивать лекарства (Sognnes 1993). В некоторых гирьках имеются дырочки, очевидно,

они стали амулетами, но естественно предположить, что их носители были связаны с употреблением весов.

Торговый инвентарь обычно рассматривается как принадлежность мужчины-торговца, и его присутствие в женских погребениях не объясняется или вообще не обсуждается как атрибут торговли. Эти вещи рассматриваются как прощальный подарок от мужа, либо знак высокого ранга, или свидетельство того, что жена умерла, управляя хозяйством как заместительница мужа в отсутствие последнего (Dommasnes 1982: 83; Ellmers 1984: 178), как социальный признак жен купцов, «хотя этот вывод кажется несколько сомнительным» (Blindheim 1982: 124). Такие и аналогичные интерпретации словно рассматривают торговый инвентарь в женских погребениях как аномалию, требующую особого истолкования.

Фундаментальный принцип археологической интерпретации состоит в том, что погребальный инвентарь принадлежит покойному/покойной, что меч является его мечом, фибула — ее фибулой, или тесно связаны с умершими. Погребение — не просто удаление трупа. Род должен обеспечить покойному почет и необходимое оснащение для потусторонней жизни. Погребальный обряд не случайное собрание вещей, они уложены в погребение по определенному ритуалу. Только соотнеся погребальный инвентарь с умершим, археолог может сделать выводы относительно пола, культурной принадлежности, религиозных представлениях, профессии, богатстве покойного/покойной. Лицо с подобающим погребальным инвентарем рассматривается как полноправное свободное лицо. Согласно такой аргументации, торговый инвентарь должен принадлежать в погребении — женщине, а не ее мужу, оставшемуся среди живых; следовательно, и при жизни женщина играла какую-то роль в торговле.

Рассмотрим материал. Учтены лишь опубликованные в литературе данные о находках весов и гирек. Они достаточны для постановки вопроса и предложения интерпретации. Безусловно, в дальнейшем необходим полный сбор и анализ подобного материала. В данной интерпретации я считаю весы и/или гирьки полным набором торгового инвентаря, а находки частей — символом торгового инвентаря в погребении. По Норвегии Эрик Йондель собрал данные о весах, но не о гирьках (Jondell 1974). Пол покойного (gender) мне удалось установить для 47 погребений, из них 17% женских, 81% мужских и 2% парных. В Бирке (Швеция) по публикации Хольгера Арбмана (Arbman 1943) торговый инвентарь найден в 132 погребениях, из них 32% женских, 3% парных, 28% мужских, 37% неопределимы по полу. Три из женских погребений являются детскими (Kyhlberg 1986: 150-151). Это вряд ли имеет особое значение, так как девочек могли обучать профессии, которой они займутся во взрослом состоянии. Археологов не смущают находки маленьких топоров в погребениях мальчиков. Материал по Руси собран мною по литературе и собраниям музеев СНГ. По моим подсчетам, скандинавские вещи найдены в 122 женских погребениях, 97 мужских, 35 парных, всего 244 комплекса (Stalsberg 1988, 1991,1991b,1994). В 73 погребениях со скандинавским инвентарем (при этом не обязательно они были погребениями именно скандинавов) найден торговый инвентарь, в том числе 28 погребений с гирьками, 4 с весами, 7 с весами и гирьками. Данные сведены в таблицу:

	Ж	ЖМ	М
Юго-Восточное Приладожье	1	4	
Ярославское Поволжье	2	4*	3
Белымер, Волжская Болгария	1		
Залахтовье	1		
Гнездово	5**	5	2
Новоселки	1		
Шестовицы	8	11	18
РУСЬ	22%	30%	48%
Бирка	32%	3%	28%

* В одном погребении торговый инвентарь принадлежал мужчине, в двух погребениях находился мужчина и ребенок.

** В одном погребении — две женщины.

Т.А.Пушкина рассмотрела торговый инвентарь из Смоленского Поднепровья, Тимерева и Шестовиц (не принимая во внимание этническую принадлежность). Она нашла, что большинство находок торгового инвентаря происходит из мужских погребений (Пушкина 1991: 231). Однако в опубликованной ею таблице 3 бросается в глаза, что весы найдены в 2 женских, 1 мужском и 2 парных погребениях, а гирьки вместе с весами найдены в 2 женском и 1 мужском погребении. Она полагает, что женские погребения с торговым инвентарем не следует считать погребениями купцов (Пушкина 1991: 233). Безусловно, русский материал следует с достаточной осторожностью сравнивать со скандинавским, однако находки весов и целых комплектов торгового инвентаря в женских погребениях указывают на общие черты.

Логичный вывод из рассматриваемого материала — о том, что в эпоху викингов некоторые из скандинавских женщин принимали участие в торговой деятельности своих экономических ячеек. Почему же археологи так неохотно говорят о женщинах-торговцах? По средневековым источникам известны не только женщины — мелкие торговки, но и богатые женщины, занимавшиеся торговлей (главным образом вдовы, см. Damchott 1992; Trein Nielsen 1982). Хорошей

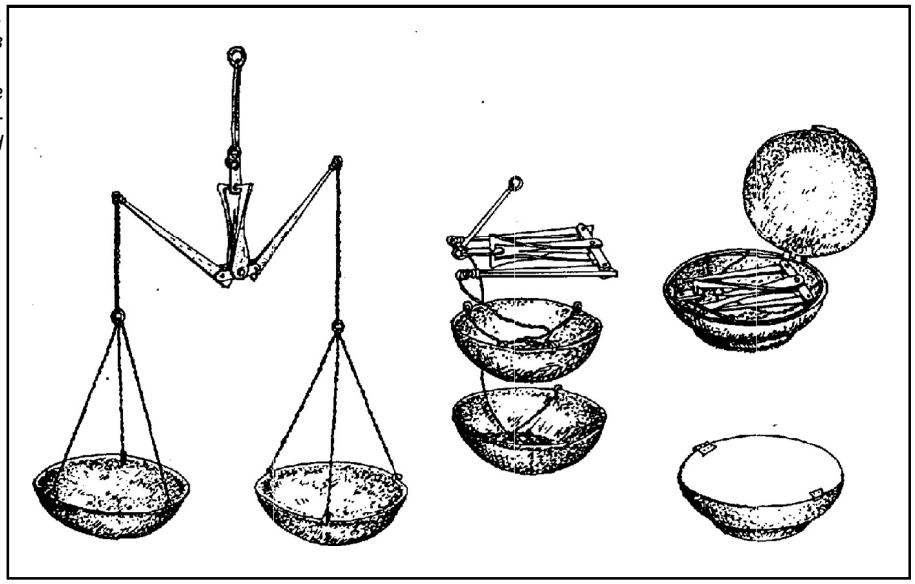
аналогией в Скандинавии является положение жены свободного крестьянина, хозяйки хутора, известной по погребениям с набором украшений (я не имею в виду женщин самой верхушки общества, как «королеву» из Осеберга). По средневековым законам хозяйка отвечала за работу «внутри порога», то есть готовила еду, одежду, ухаживала за скотом, и она при этом экономила еду, что важно в странах, где сезон растительности длится всего два месяца. Она была заместительницей хозяина в его отсутствие и уступала по рангу только ему. Она имела легальное право владеть ключами хутора, следовательно, она отвечала за то, что находится «под замком и запором» (i ladom eda i lokom, по «Законам Гулатинга», см. Лебедев 1985: 50). И это – не только еда, но и прочее имущество, fe, куда относятся и украшения, и одежды, серебряная посуда и прочие ценности. Право иметь ключи она получила по свадебному ритуалу, и не от мужа (Wallen et al., 1970; Gunnes 1976: 269).

Нельзя без оговорок переносить эти законы на общество эпохи викингов, однако среди археологических материалов имеются находки, подтверждающие право хозяйки иметь ключи. В Норвегии 55,8 % ключей и остатки ларцов найдены в женских погребениях, 44,2% в мужских (на основе информации Petersen 1951: 482). Однако мужских погребений в Норвегии известно в три раза больше, чем женских, следовательно, ключи и ларцы в женских погребениях встречаются в 3,7 раза чаще, чем в мужских. Небезынтересно, что из погребений со скандинавскими вещами на Руси в 24 (из 154 определимых по полу погребений) содержатся ключи/замки/остатки ларцов. Из них 7 женских, а из последних 3 или, возможно, 4 – погребения скандинавские. Цифры отличаются от вышеприведенных данных по Норвегии и Бирке, но все-таки кажется, что скандинавские хозяйки на Руси сохранили свою, так сказать, ключевую позицию в жизни своей экономической ячейки – семьи.

Итак. Положение хозяйки хутора представляет собой аналогию положения торговца-женщины. Обе занимали важную позицию внутри своей экономической ячейки, и можно думать, что не только хозяйка хутора, но и женщина, профессионально занимающаяся торговлей, была заместительницей хозяина в его отсутствие, как и полагают некоторые исследователи (Dommasnes 1982: 83; Ellmers 1984: 178). И если считать, что экономическая единица важнее, чем индивид, то можно полагать, что хозяйка захоронена с торговым инвентарем семьи, на который она имела такое же право, как муж, как его заместительница или, быть может, вдова. Если этот вывод правилен, то торговый инвентарь в погребении является признаком профессии семьи, а не отдельного лица. Современные исследования средневековой экономики обращают внимание именно на семью как экономическую единицу, которая в докапиталистических обществах работала не на накопление богатства, а на общее благо членов семьи (Howell 1986).

Есть, однако, одна большая проблема: синхронные письменные источники, ни европейские, ни восточные не упоминают женщин, принимающих участие в торговле скандинавов (насколько мне известно). Вполне возможно, что это объясняется тем, что авторы этих текстов работали в публичной сфере и не видели женщин, занятых в домашней сфере, в доме, «внутри порога», сфере, не отраженной в письменных источниках. Но также вероятно и то, как полагают некоторые исследователи, что женщины не отмечались в источниках, потому что авторами были христианские и мусульманские мужчины. В христианстве и исламе – иные представления о месте и роли женщины, чем у языческих скандинавов. Эти писатели, как и все другие наблюдатели, видели то, что они по своему знанию, воспитанию и культуре готовы были видеть, то, что они понимают и способны выразить на своем языке. Аналогичные проблемы встают перед исследователем, обращающимся к роли женщин в языческой религии скандинавов: письменные источники созданы после эпохи викингов, и древнесеверные писатели, начиная со Снорри (ум. 1240), умалчивают о женской перспективе, хотя даже по имеющимся источникам понятно, что женщины играли важную роль в языческом культе. Христианство подавляло женщин, и особенно их место в религии (Steinsland 1985).

Культурная обусловленность наблюдений других культур не является проблемой только для христианских и мусульманских авторов эпохи викингов, она существует и для нашего времени. В начале данной статьи упоминалась дискуссия о субъективности и объективности работ историков (и археологов), о степени их зависимости от культуры исследователей. Американский этнограф Элис Б.Кэ в 1983 году опубликовал статью под названием «Кандалы традиции» о влиянии викторианской культуры прошлого века на описания американских индейцев в работах этнографов, воспитанных в так называемой *викторианской культуре* прошлого века. Основоположники археологии – мужчины, воспитанные в этой викторианской культуре, что, конечно, влияло на их взгляды. Викторианское общество характеризуется тем, что оно патриархальное, буржуазное, где женщины считались слабыми и истерическими (греч. «hystera» значит «матка»). Идеал буржуазии – жена, которая не работает и ухаживает за домом, руководя служанками из низших классов. Такие сложные общества, как западноевропейское викторианское, могли создать и содержать группу слабых и зависимых женщин, где культивировался взгляд Аристотеля на женщину как незрелое, несовершенное существо. Понятно,

Складные весы, найденные в Норвегии. (Рисунок: археолог Сигмун Альсакер / Sigmund Alsaker.)

что женщины не могли заниматься самостоятельной, ответственной работой, например, торговлей, согласно мировоззрению мужчин этой культуры (Kehoe 1983).

Старые, так сказать, общепринятые взгляды сохраняются до тех пор, пока, никто не поставит знак вопроса. Нетрудно заметить, что научный аппарат ссылок является консервативной силой, которая охраняет принятые теории, *кандалы традиции*. Среди кандалов традиции – трактовка торгового инвентаря, отклоняющаяся от обычной в археологии трактовки погребального инвентаря в целом, так как, по принятым представлениям, торговлей в эпоху викингов должны были заниматься исключительно мужчины.

Вероятно, этими воззрениями объясняется и отсутствие в языке нейтрального в половом отношении слова для обозначения купца. Скандинавские языки используют слова с буквальным значением «торговый муж(чина)», поэтому, отмечает датский историк, может появиться «женский торговый мужчина» (Trein Nielsen 1983: 4). Термины эти невольно, но закрепляют представление именно о мужчине.

То, что сейчас можно сказать о женщине в торговле, не полная правда, но часть правды. Археологический материал достаточно ясен, чтобы поставить вопросительный знак перед принятым представлением о торговце-мужчине. Методологически не аргументировано, почему именно торговый инвентарь надо трактовать иначе, чем остальной погребальный инвентарь. Проблематично отсутствие упоминаний этих хозяек в синхронных источниках, и такое же положение – с вопросом о месте женщин в языческом культе Скандинавии. Один американский археолог заметил, что прошлое – зарубежная страна, где поступают по-другому (they do things differently there).

Лив-Хельга Доммаснес опубликовала (1982) обзор женской археологии в Норвегии последних двух десятилетий. Об анализе погребального инвентаря она пишет, что по ее мнению, важны не столько результаты, сколько продемонстрированная плодотворность нового подхода.

Может быть, самый важный урок подобных исследований состоит в том, что исследователи интерпретируют «Прошлое» в рамках своего знания, своей культуры, то есть субъективный фактор чрезвычайно важен. Этот хорошо известный факт нередко забывается. Надо осознанно подходить к материалу, быть готовым к тому, что дела в стране «Прошлое» обстоят совсем иначе, нежели это привычно и понятно нам. Для археолога не обязательно верить молчанию письменных источников больше, чем свидетельству археологических находок.

ЛИТЕРАТУРА

Лебедев Г.С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Ленинград.

Лебедев Г.С. 1995. Сакральная топография Ладоги в «Чуде Георгия о Змие» и женская субкультура раннехристианского Севера. // Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21-22 декабря 1995 г. Материалы к чтениям. СПб. С. 65-70.

Пушкина Т.А. 1991. Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья. // Смоленск и Гнездово. Москва.

Стальсберг А. 1994. Проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII-XI вв. // Археологические Вести ИИМК РАН. № 3. СПб.

Фехнер М.В. & Янина С.А. 1982. Весы с арабской надписью из Тимерева. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. Москва.

Arbman Í. 1943. Birka. Die Gräber. Text. Uppsala.

Blindheim Ch. 1982. Kaupangfunnene I. Norske oldfunn 11. Oslo.

Callmer J. 1980. Numismatics and archaeology: some problems of the Viking Period. Fomvännen 75. Stockholm.

Damsholt N. 1992. Europa 1200-1500 - Cappelens kvinnehistorie. Bd.1. Oslo.

Dommasnes Liv Helga 1982. Late Iron Age in Western Norway. Female roles and ranks as deduced from an analysis of burial customs. // Norwegian archaeological review. 15.

Dommasnes Liv Helga 1992. Two Decades of Women in Prehistory and Archaeology in Norway. // Norwegian archaeological review. 25.

Howell Martha C. 1986. Women, Production and Patriarchy in Late Medieval Cities. Chicago. London.

Ellmers D. 1984. Frühmittelalteritche Handelsschiffahrt in Mittel- und Nordeuropa. (Offa Monograph 28). Neumünster.

Graham-Campbell J.1980. Viking artefacts. A select catalogue. British Museum. London.

Grieg S. 1928. Osebergfundet Bd. II. Oslo.

Gunnes E. 1976. Rikssamling og kristning 800-1177. Norges historie. Cappelens Norgeshistorie. Bd. 2. Oslo.

Hodder I. 1991. Archaeological Theory in Europe. The last three decades. London, New York.

Jondell E. 1975. Vikingatidens balansvagar i Norge. (C 1-uppsats i arkeologi). Uppsala.

Kehoe Alice Â. 1983. The Shackles of Tradition. The Hidden Half. Washington.

Kyhlberg O. 1986. Die Gewichte in den Gräbern von Birka. Birka II: 2. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, Uppsala.

Mandt G. 1992. Hva styrer våre valg av tokningsmodeller? Om framveksten av et nytt perspektiv i arkeologisk forskning. K.A.N. — Kvinner i arkeologi i Norge. Nr. 13-14. Tromsø.

Petersen J.1951. Vikingetidens redskaper. Oslo.

Sognes K. 1993. Handelskvinner eller kloke koner? SPOR 1-1993. Trondheim.

Stalsberg A. 1987. The Implications of the women's finds for the understanding of the Scandinavians in Rus' during the Viking Age. K.A.N. — Kvinner i arkeologi i Norge. Nr. 5. Trondheim.

Stalsberg A. 1988. The Scandinavian Viking Age finds in Rus'. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 69. Mainz am Rhein.

Stalsberg A. 1991. Tradeswomen during the Viking Age. Sex roles in prehistory. Archaeology and environment 11. Umeå.

Stalsberg A. 1991b. Women as actors in North European Viking Age Trade. Social approaches to Viking studies. Glasgow.

Stalsberg A. 1994 — Стальсберг А. Проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII-XI вв. // Археологические Вести ИИМК РАН. № 3. СПб.

Steinsland O. 1983. Kvinner og kult i vikingtid. Kvinnearbeid i Norden fra vikigtiden til refomasjonen. Foredrag fra et nordisk kvinnehistorisk seminar i Bergen 3-7 august 1983. Bergen.

Trein-Nielsen E. 1983. Kvindearbejdets art, vilkår og mulighed i Danmark ca. 1300-1650. Kvinder i middelalderen. (Symposieforedrag, Københavns universitet 1982). København.

Wallen Per-Edwin, Stig luul Virtanen, Rigmor Frimannslund 1970. Husfrue. Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder. bd.7.

Н.И.Платонова

ДОГОВОРЫ РУСИ И ВИЗАНТИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ВЕРХИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА X ВЕКА

(к постановке проблемы)

N.I.Platonova. Treaties of Russia and Byzantine and the Social Upper Layer of the Russian Society of the X Century (Towards Formulation of the Problem).

The article is dedicated to studying Russian-Byzantine treaties, the texts of which are placed into the most ancient Russian annals «Povesti vremennih let» under the years 907, 911, 944 and 971. These treaties represent the most ancient written records that reflected the reality of the early medieval state of the Kiev Russia. Despite the editorial proof-reading at the composition of the annals, the given treaties offer the information that is prior to the content of the annals into which they were included later.

The author of the article analyses the structure of personal names that were included into the treaties from the Russian side. The majority of these names are of the Scandinavian origin. There are only three authentic Slavonic names. These are the people who can be considered the heirs of Rurik. All the people mentioned in the texts of the treaties are representatives of the nobility of Varangian origin. They have no relation to the chieftains of the Slavonic tribes subordinate to Kiev. Basing on the analysis of the text of the treaties the author follows the changes in the social structure of the upper layer of the Russian society in the X century.

Русско-византийские договоры, помещенные в Повести временных лет (ПВЛ) под 6415 (907), 6420 (911), 6453 (944) и 6479 (971) гг., представляют собой древнейшие письменные источники, непосредственно отразившие реалии Киевской Руси (Шахматов 1916: 31–41, 51–61, 86–87). Все они дошли до нас в списках, датируемых не ранее последней четверти XIV в. (договоры 944 и 971 гг.) или даже XV в. (договоры 907 и 911 гг.) (Обнорский 1936: 83) Поэтому факты редакторской правки (преимущественно XI-XII вв.) и позднейшей порчи текста здесь, безусловно, имеются (Шахматов 1915: 385-400, Истрин 1924: 385-393). Но даже в таком виде договоры представляют собой документы первостепенной важности, несущие информацию, первичную по отношению к содержанию летописи, в состав которой они позднее были включены.

Первооригиналы договоров X в. отражали собой реальную ситуацию текущего момента. Вне зависимости от того, на каком языке они были написаны, они изначально представляли собой документы, синхронные событиям. Если заложенная в них информация иногда оказывается неоднозначной, то, по большому счету, причина тому одна – невыясненность вопроса о времени и месте перевода первооригиналов на древнерусский язык. Именно это создает определенные сложности при анализе, к примеру, русской социальной терминологии договоров. Здесь многие выводы напрямую зависят от позиции исследователя по вопросу о том, когда работали с договорами их переводчики — в X в. (современники событий) или в XI — начале XII в.? Мнения ученых на этот счет резко расходятся, и общепризнанного решения пока нет (Истрин 1924; Корнеева-Петрулан 1952; Ларин 1975: 24-52).

Летописные же рассказы о событиях, отраженных в договорах, создавались, по самому скромному подсчету, на 100 и более лет позже. В основе их лежит принципиально иной комплекс источников. Сюда входят первые опыты русской христианской письменности XI в., отрывочные сведения византийских хроник о Руси, данные топонимики и связанные с ними легенды (Шахматов 1908: 13-97, 133-170, 491-527; Приселков 1940: 16-44; Каргер 1955: 59-71). Но основой летописного повествования о временах Олега, Игоря и Ольги, безусловно, являются не они. Эти рассказы построены на устных генеалогических преданиях и героических песнях, переживших к моменту записи уже 2-3 поколения потомков воспетых в них героев. Нельзя сказать, что этот факт полностью игнорируется современной наукой. Проблеме устных источников ПВЛ посвящена обширная литература, обозрение которой могло бы послужить материалом для отдельной работы (сведения об этом см.: Буганов 1975; Рыдзевская 1978; Лихачев 1986). Однако следующий из нее непреложный вывод источниковедческого плана до сих пор не прозвучал с должной силой в трудах историков. Он заключается в том, что к моменту своего попадания в летопись исторические факты X века

© Н.И.Платонова, 1999.

серьезно трансформировались, по меньшей мере, дважды. Первая трансформация исторической действительности по законам иного жанра происходила тогда, когда эта действительность становилась эпосом и фольклором (Адрианова-Перетц 1974: 29-38). Фольклорное повествование было призвано отражать и формировать мировоззрение поколений, но и каждое поколение вносило свой вклад в формирование фольклорных циклов, смещая в них акценты под влиянием текущего момента. Так или иначе, отдельно взятый исторический факт мог сохраниться в устной передаче на протяжении столетия и более только при одном условии. **Он должен был быть включен в состав связного и достаточно популярного фольклорного повествования о прошлых временах. В противном случае его ждало забвение.**

Вторая трансформация исторической основы русского фольклора X в. происходила уже под пером древнерусского книжника. Киевские летописцы привлекали устный материал весьма избирательно, устраняя из него в ходе работы противоречивые версии и определяя его хронологию по своему усмотрению. Таким образом, летописное повествование о событиях X в. имело сложную и многоступенчатую историю формирования. Лишь со второй половины XI в. в ПВЛ начинают появляться «дневные даты», свидетельствующие о том, что соответствующие погодные записи сделаны рукой современника и очевидца (Алешковский 1971: 56-59).

Это источниковедческое отступление предпринято мной для того, чтобы ясно выделить исходную посылку, имеющую большое значение для исследования русско-византийских договоров. Та положительная информация, которую они содержат, далеко не равноценна той, что может быть получена из сопутствующего летописного текста. Эти источники различны по характеру, по степени достоверности и требуют различной методики анализа. Смешивать воедино известия договоров и летописи методически неверно. Подтверждать сведения договоров летописными данными — несерьезно. Договоры сами по себе — важнейшие источники ПВЛ. Их содержание, в основном, было согласовано с ее общей исторической концепцией еще в начале XII в. А.А.Шахматов высказал остроумное и достаточно убедительное предположение, что именно знакомство составителя ПВЛ с текстом договора 911 г. повлекло за собой исправление в титулатуре Олега: «князь» вместо «воеводы» Начального свода (Шахматов 1908: 94-108, 316-321). Те же договоры (особенно текст 944 г., содержащий впечатляющий список варяжских имен послов вкупе с именами их доверителей «от рода русского»), возможно, послужили исходной посылкой для летописного отождествления варягов с Русью, характерного именно для ПВЛ (Шахматов 1908: 325 и сл., 328, 338 и сл.)

Поскольку договор 944 г. представляет собой, помимо всего прочего, достоверное документальное свидетельство о существовании в языческом Киеве церкви св. Илии и о христианах среди приближенных князя Игоря, то позволительно поставить и другой вопрос. Не это ли легло в основу летописного утверждения (казавшегося ряду исследователей тенденциозным), что первые христиане в Киеве были именно варягами? В целом можно с уверенностью утверждать, что знакомство летописцев с русско-византийскими договорами наложило свой отпечаток на их представления об истории Руси и, возможно, определило направление дальнейшего поиска и отбора материала. То, что это знакомство произошло именно в начале XII в. в ходе работы над ПВЛ, было обосновано А.А.Шахматовым. Он установил отсутствие текстов договоров в Начальном своде конца XI в., предшествовавшем «Повести» (Шахматов 1908: 5-13, 67-133). Разумеется, данное утверждение всегда будет содержать в себе элемент гипотетичности, но, принимая в целом генеалогию русского летописания, построенную А.А.Шахматовым, следует признать обоснованным и факт первоначального включения договоров в летопись на этапе составления авторского текста ПВЛ или одной из первых ее редакций. Более доказательной альтернативной гипотезы в науке пока не выдвинуто.

В научной литературе давно утвердилось мнение, что ПВЛ является цельным историческим произведением с достаточно определенной идейной платформой. Выражением ее идейной направленности явилось поэтическое воспевание древней княжеской доблести, противопоставлявшее бессовестной современности те добрые старые времена, когда земля еще была единой, когда не было междукняжеских распрей, а сильное русское войско решало внутренние проблемы Руси за счет чужих народов. Эта позиция, по-видимому, разделявшаяся достаточно широкими кругами русского общества, ярко очерчена уже в предисловии к Начальному своду: «*Вас молю, стадо христово, с любовию приклоните уши ваши разумно: како быша древнии князи и мужие их, и како отбараху Руския земле и ины страны придаху под си; теи бо князи не збираху многа имения, ни творимых вир, ни продаж въскладаху люди; но оже будяше правая вира, и ту возмя, дааше дружине на оружье. И дружина его кормяхуся воююще ины страны* [...] *Они бо не складаху на своя жены златых обручей, но хожаху жены их в сребреных и расплодили были землю Русьскую…*» (НПЛ 1950: 103-104). Этот предельно обличительный по отношению к современным порядкам фрагмент впоследствии был опущен составителем ПВЛ. Однако примеров подачи исторического материала именно с таких позиций в самой ПВЛ более чем достаточно. Согласно летописи, князья-язычники X в., как правило, не

проявляли излишней алчности, не пренебрегали советами старшей дружины (единственным исключением является случай с князем Игорем, повлекший за собою гибель князя). Летопись не упоминает никаких родичей Олега, Игоря и Ольги, за исключением их прямых наследников на киевском столе. Начало братоубийственных войн Рюриковичей относится ПВЛ лишь к поколению детей Святослава.

Согласуется ли описанная картина с тем, что сообщают нам договоры? — Не вполне. Во-первых, последние не оставляют сомнений в существовании в первой половине X в. иных ветвей Рюрикова дома. Имена племянников Игоря, упомянутых в договоре 944 г. — Игоря и Акуна — добросовестно переписывались многими поколениями древнерусских книжников, однако этот непреложный факт наличия в Киеве ближайших кровных родственников погибшего князя в пору малолетства Святослава никак не отразился в летописи. Если учесть, что порядок перечисления имен послов и их доверителей в таком важном дипломатическом акте, как договор, конечно, строго соответствовал их рангу, нельзя не отметить следующее: посол Акуна, племянника Игоря, назван в списке **одиннадцатым**, после имен послов от самого Игоря, Святослава и Ольги, а также послов от неизвестных нам Игоря (племянника Игоря), Володислава, Предславы, Сфандр (жены Улеба), Турда, Фаста и Сфирька. Таким образом, все эти лица должны были превосходить по своему статусу Акуна, племянника киевского князя. Кто были эти люди? — Летопись не сохранила даже глухого упоминания о них. Подтверждают ли сторонние источники существование достаточно многочисленных кровных родичей Игоря в середине X в.? — Да, подтверждают.

В трактате Константина Багрянородного «О церемониях», при описании приема посольства Ольги, упомянуто шесть «архонтисс — ее родственниц». Византийский протокол резко отделяет их от присутствовавших на том же приеме восемнадцати «наиболее видных прислужниц» княгини. Зато восемь мужчин, сопровождавших Ольгу, признаются протоколом равными по статусу «архонтиссам-родственницам» — им назначается тот же подарок — 20 милиарисиев. Двадцать послов «других архонтов Росии» получают по 12 милиарисиев. Но первым после княгини лицом в посольстве является абсолютно неведомый нам «анепсий» Ольги, то есть ее кровный родственник, возможно — племянник. Ему на первом приеме у Константина было назначено 30 милиарисиев (Литаврин 1982: 81-84)

Таким образом, источники, непосредственно отражающие обстановку X в., рисуют нам целые кланы великокняжеских родичей. Имя «анепсия» Ольги, скорее всего, следует искать среди первых персон Игорева договора. «Архонтиссы-родственницы», безусловно, были связаны с домом Рюриковичей узами кровного родства или свойства. Либо их мужья, либо они сами (Предслава? Сфандр?) тоже поименованы в преамбуле договора 944 г. в числе первых. Наконец, княжеский статус персон, перечисленных во второй половине посольского списка (после Акуна, племянника Игоря), косвенно может быть подтвержден тем, что 22 посла, сопровождавшие Ольгу, прибыли в Константинополь как представители «других архонтов Росии». Статус этих «архонтов», безусловно, был значительно ниже великокняжеского, но все же они пользовались правом посылки на переговоры в Византию своих личных представителей. Их имена скрупулезно перечислялись в таком важном дипломатическом акте, как договор. Какова оказалась судьба этого «княжья» в эпоху дальнейшего правления Ольги и Святослава? — Русские летописи хранят об этом полное молчание. Однако уже Святославов договор 971 года упоминает, наряду с великим князем, только одно имя – Свенельда. Присягу же соблюдать мир и обязательства по отношению к императору Святослав приносит один.

Попытки увидеть в «великих и светлых князьях» Олеговых договоров, равно как и в «княжье» договора Игоря — представителей племенной славянской знати, племенных князьков, подчиненных Киеву, вызывает, по меньшей мере, недоумение (Развитие этнического самосознания 1982: 103). Специальное исследование показало, что из 24 княжеских имен, донесенных до нас преамбулой договора 944 г. (одно имя утрачено при переписках), 16 надежно определяются как скандинавские, а 6 — имеют неясное происхождение (Валеев 1982). Достоверно славянских имен здесь три — Святослав, Володислав, Предслава. Но как раз этих людей, поименованных в списке в самом начале, с наибольшим основанием можно считать Рюриковичами (относительно Святослава, сына Игоря, сомнений в этом нет). Таким образом, «княжье» договора 944 г. имело, по большей части, скандинавское или смешанное скандинавско-славянское происхождение. Видеть в них представителей местной родовой верхушки общества невозможно уже по одной этой причине. Перед нами представители высшей знати «от рода русского», имевшей надплеменной характер в силу особенностей своего формирования. Вероятно, их можно сопоставить с теми «архонтами», которых Константин Багрянородный упоминает во множественном числе, говоря, что в ноябре они «выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется «кружением», а именно — в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, […] возвращаются в Киав» (Константин Багрянородный 1989: 51).

Легенды и сказания о княгине Ольге, донесенные до нас летописью, сохранили память об

ее хитрости и жестокости. Ольга предстает в летописных рассказах удачливой воительницей и мудрой женщиной, однако все ее деяния, по сути, сводятся к описанию ее страшной мести за убийство Игоря. Средневековый фольклор имеет свои законы. Он редко воспевает борьбу за власть, движимую честолюбием. Сражения былинных богатырей всегда имели в основе благородные порывы (защита обиженных, борьба с врагами Русской земли и так далее). Легенда превратила Ольгу в безутешную вдову, стремящуюся отомстить за убитого мужа. По понятиям раннего средневековья, такая ситуация оправдывала любую жестокость и вероломство с ее стороны. Все сохранившееся в народной памяти о борьбе, которую вела княгиня, превратилось в рассказы о мести. При перенесении этих известий в летопись (спустя сто лет) они, конечно, были привязаны книжником к дате смерти Игоря и отнесены к первому году самостоятельного правления Ольги. Лишь под 947 годом (эта дата, скорее всего, произвольна) сохранилось глухое упоминание о каком-то походе к Новгороду. Все остальные годы правления «блаженной Ольги» лишены в летописи всяких событий (за исключением поездки в Константинополь и крещения княгини). Так ли было на самом деле? — В настоящий момент источники не дают возможности исчерпывающе ответить на этот вопрос. Но поставить его со всей отчетливостью надо. Русско-византийские договоры 944 и 971 годов свидетельствуют, что за период в 27 лет, истекших между гибелью Игоря и окончанием войн Святослава, обстановка на Руси сильно изменилась. Со страниц документов фактически исчезает целый слой высшей русской знати – князья-подручники, представители боковых ветвей Рюрикова рода или, может быть, вовсе не связанные с ним родством, но имевшие княжеский статус в силу происхождения. Это факт, с которым необходимо считаться, и молчание летописи на сей счет никак не может явиться аргументом в споре.

Возможности анализа социальной структуры верхов русского общества по материалам договоров отнюдь не исчерпываются приведенными выше рассуждениями. В дошедших до нас списках упоминаются «князья» (их титулатура по Олеговым договорам и договору Игоря в русских переводах резко различна), а также «бояре», «мужи», «люди Русской земли». Неоднократно делались догадки о постепенной утрате князьями-подручниками их былого значения к середине X века, когда они из «великих и светлых князей» 911 г. превратились во «всякое княжье» 944 г. Но на мой взгляд, любые рассуждения на сей счет будут необоснованными и спекулятивными, пока не произведена серьезная филологическая и лингвистическая проработка материала договоров на современном научном уровне. Пока наиболее обоснованным остается мнение, что вся социальная терминология договоров представляет собой перевод с греческого, а сами эти переводы разновременны и не имеют точной хронологической привязки, мы не можем рассуждать об эволюции княжеской титулатуры в первой половине X в. Причины замены «великих и светлых» на «всякое княжье» могут лежать в совершенно иной плоскости. То же касается анализа термина «бояре», появление которого может интерпретироваться совершенно по-разному, в зависимости от того, принадлежал он переводчику X в. или был привнесен в текст переводчиком XI в.

К сожалению, наиболее серьезная лингвистическая работа, посвященная русско-византийским договорам, была опубликована в 1853 году. Это — классическое исследование Н.А.Лавровского, трактующее об отчетливых византийских элементах в языке этих документов (Лавровский 1853). Оно на сто лет вперед «закрыло» все дискуссии по сему поводу. Новое обращение лингвистов к этому материалу произошло только в конце 1930-х гг. (Обнорский 1936) и в начале 1950-х гг. (Корнеева-Петрулан 1952; Ларин 1975). Однако ключевые для понимания русско-византийских договоров вопросы: о порядке составления этих актов; о возможности изготовления переводной копии в момент их заключения; о характере того «русского» языка, на котором говорили киевские послы при византийском дворе; о дате дошедших до нас переводов; об отличиях в языке этих переводов от других известных нам памятников русской письменности XI-XII вв. — в сущности, так и остались дискуссионными. С момента появления последнего лингвистического исследования о договорах прошло более сорока лет. В настоящий момент новое обращение филологов и лингвистов к этому уникальному материалу представляется настоятельно необходимым. Возможно, современные методы исследования позволят выявить в языке договоров ту информацию, которая даст возможность историкам полнее судить о них.

ЛИТЕРАТУРА

Адрианова-Перетц В.П. 1974. Древнерусская литература и фольклор. Л.

Алешковский М.Х. 1971. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М.

Буганов В.И. 1975. Отечественная историография русского летописания. М.

Валеев Г.К. 1982. Антропонимия Повести временных лет. Автореферат канд. дисс. М.

Истрин В.М. 1924. Договоры Руси с греками X в. // ИОРЯС АН, Т. XXIX. С. 383-393.

Каргер М.К. 1955. К характеристике древнерусского летописца // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 11. С. 59-71.

Константин Багрянородный. 1989. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарии. М.

Корнеева-Петрулан М.И. 1952. К изучению состава и языка договоров русских с греками. // Ученые за-

писки МГУ. Вып. 150. Русский язык.
Лавровский Н.А. 1853. О византийском элементе в договорах русских с греками. СПб.
Ларин Б.А. 1975. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII вв.). М.
Литаврин Г.Г. 1982. Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары» императора // Византийские очерки. М. С. 71-92.
Лихачев Д.С. 1986. Устные летописи в составе Повести временных лет // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л. С. 113-136.
НПЛ 1950. — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л.
Обнорский С.П. 1936. Язык договоров русских с греками // Язык и мышление. М.; Л. Т. 6-7. С. 79-103.
Приселков М.Д. 1940.История русского летописания XI-XV вв. Л.
Развитие этнического самосознания 1982. — Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.
Рыдзевская Е.А. 1978. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX-XIV вв. Древнейшие государства на территории СССР. М. С. 159-236.
Шахматов А.А. 1908. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.
Шахматов А.А. 1915. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Записки неофилологического общества. Петроград. С. 385-400.
Шахматов А.А. 1916. Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Петроград.

С.В.Томсинский

СКАНДИНАВСКИЕ НАХОДКИ ИЗ УГЛИЧСКОГО КРЕМЛЯ И ЛЕГЕНДА ОБ ОСНОВАНИИ УГЛИЧА

S.V.Tomsinski. Scandinavian Findings from Uglich Kremlin and the Legend of Uglich Foundation

The town of Uglich in XII-XVI centuries used to be an administrative, trade, manufacturing and religious center of the territory in the Upper Volga basin. Until recently, no archaeological site of the late I millennium A. D. has been known in Uglich providing evidence of existence of Northern Europeans in this region in the early Middle Age. At the same time, the finding of the Arabian Silver treasure in 1879 on the outskirts of Uglich suggested involvement of Uglich region along Volga bank in the Eastern European trade ways system already in IX century. As Scandinavians took active part in this process, their penetration in Uglich region of Volga bank looked very much possible. The evidence supporting this assumption was received in 1992-1995 during excavations in the North-Eastern part of Uglich Kremlin. Among the most important findings there were three tops of sword sheaths, a fibula with an image of animal heads, dirhams coined in 942/943 and others. Based on the findings of Scandinavian origin and stratigraphic data, the author concludes that a Scandinavian cemetery of bodyguards used to function on a part of the territory of the future Kremlin. To prove this idea, the author of the article uses data of the local toponymy, Uglich chronicles and legends spread among the local population in XVIII-XIX centuries.

Углич, или, как именуют этот город письменные источники в XII-XVI вв., «Углече Поле», в эпоху средневековья был административным, торгово-ремесленным и культовым центром территории общей площадью около 3,6 тыс. *кв.км* в бассейне Верхней Волги с левым притоком Корожечной и правым притоком Юхотью. Значительная часть этой территории на левом берегу Волги действительно представляет собой «поле», т.е. одно из ополий Восточноевропейской равнины с сильно пересеченным рельефом местности и реликтовыми дубравами по руслам многочисленных ручьев и мелких речек. В отличие от суздальского и юрьевского ополий, угличское на археологических картах определяется «зоной археологической пустоты»: здесь не зафиксированы ни городища эпохи раннего железа, ни древнерусские курганные могильники и селища. Происхождение «зоны археологической пустоты» близ Углича достаточно очевидно: с 1930-х годов внимание исследователей привлекали интенсивно разрушающиеся, особенно после строительства системы водохранилищ, береговые террасы Волги. Поэтому, когда в археологической литературе встречаются ссылки на аналогии в средневековых древностях Угличского Поволжья, речь идет о полутора десятках селищ и курганных могильников эпохи раннего средневековья, расположенных в ближайшей округе Углича (Бадер 1935: 157; Горюнова 1961: 191). Угличские селища и курганные могильники, как показали материалы раскопок, оставлены обитателями «подгорных сел» — владельческих поселений, прочно связанных с древнерусским городом как местом пребывания феодализирующейся знати (Фехнер 1957: 183-192). Самые ранние надежно датированные находками монет комплексы из погребений угличских курганных могильников следует отнести к третьей четверти XI в. или рубежу XI-XII вв. (Равдина 1988: 49, 87). Очевидно, к этому хронологическому периоду можно приурочивать и формирование волости Углече Поле на северо-западной периферии Волго-Окского междуречья.

До недавнего времени в Угличском Поволжье не было известно ни одного памятника с комплексами конца I тыс. н.э., содержащими индивидуальные находки, свидетельствующие о пребывании в этом регионе в эпоху раннего средневековья выходцев из Северной Европы. Вместе с тем находка в 1879 г. клада арабского серебра на окраине Углича у Покровской горы на левом берегу Волги позволяла предполагать, что Угличское Поволжье уже в IX в. включается в систему торговых путей Восточной Европы, а следовательно, и в процесс становления древнерусской государственности. Поскольку активное участие в этом процессе на разных этапах принимали скандинавы, проникновение последних в Угличское Поволжье либо с северо-запада, из Поволховья, либо с юга, из Киева, по мере продвижения в центральные районы Волго-Окского междуречья представлялось весьма вероятным (Леонтьев 1984: 5-6; Дубов 1985: 130-131). Подтверждающие это предположение материалы были получены в 1992-95 гг. в процессе раскопок в северо-восточной части угличского кремля (Томсинский 1995).

© С.В.Томсинский, 1999.

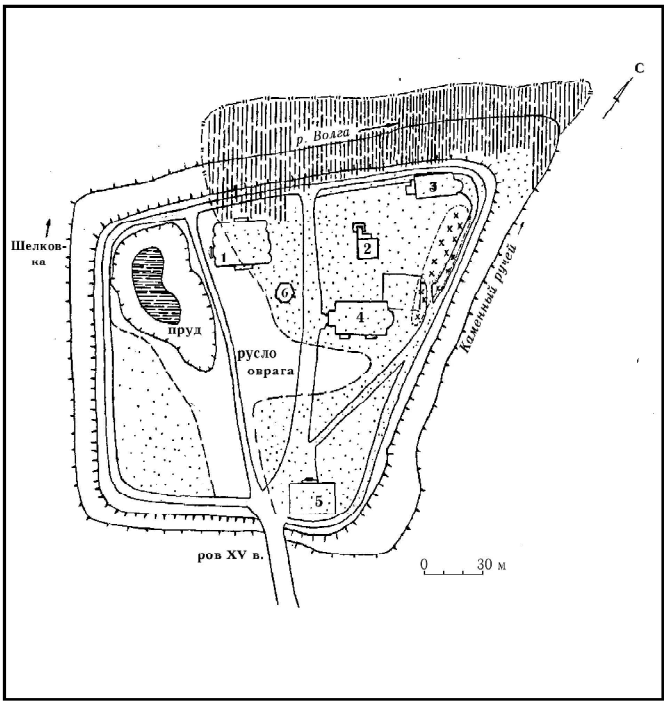

Рис. 1. Угличский кремль. Топография памятника на 1990-е гг. и реконструкция топографии поселения на X в.
1 — Спасский собор (1700-1714 гг.); 2 — «палаты царевича Дмитрия» (конец XV в.); 3 — церковь царевича Дмитрия «на крови» (1692 г.); 4 — Богоявленский собор (1827 г.); 5 — Присутственные места (1815 г.); 6 — колокольня.

Предполагаемая граница мысовой площадки в X в.

«Зона заселения», где предположительно существовала усадебная застройка

«Зона обитания», освоенная обитателями поселения на береговых террасах мысовой площадки к X в.

Предполагаемый участок могильника X в.

Границы засыпанного в конце XVIII в. русла оврага

Угличский кремль в настоящее время, при общей площади 3,6 *га*, представляет собой в плане неправильную трапецию периметром 750 *м* с отчетливо выраженным мысом в северо-восточной части (Рис.1). Кремль расположен на правом высоком берегу Волги, при впадении Каменного ручья и ручья Шелковки, русло которого почти полностью засыпано в конце XVIII — начале XIX вв. Участок берега Волги здесь сложен аллювиальными песками на юрской глине (мощность отложений до 9 *м*). Геологическое строение берега обусловило интенсивное разрушение площадки кремля вплоть до 1950-х гг., когда остатки береговых террас Волги, разрушенных оползнями, были укреплены бетонными плитами набережной. Древнейшей частью кремля традиционно считается неправильно треугольная в плане мысовая площадка, образованная Волгой, Каменным ручьем, Шелковкой и двумя руслами широкого и глубокого оврага, открывавшегося устьем в Шелковку. Первоначальные размеры мысовой площадки из-за сильных разрушений береговых террас Волги установить невозможно; предположительно ее площадь достигала 1,8 — 2,0 *га* (Томсинский 1990: 231-232; Томсинский 1993б: 27-28; Ерохин 1993: 39-42). На мысовой площадке сосредоточены все сохранившиеся до настоящего времени памятники монументального зодчества XV-XIX вв., кроме здания Присутственных мест, сооруженного у входа в кремль в его южной части в 1830-е гг. С этого же периода на территории кремля располагается городской общественный сад, представляющий собой важный элемент исторического ландшафта центральной части города. Свободные от зеленых насаждений и линий коммуникаций участки (максимальной площадью до 100 *кв.м*) расположены в северной, юго-восточной и юго-западной частях кремля. Наличие зеленых насаждений и сооружений XV-XIX вв. предопределило невозможность проведения на территории кремля раскопок большой площадью; таковые могут быть предприняты только после, в процессе постепенной замены на тех или иных участках зеленых насаждений. Тем не менее исследования культурного слоя кремля, ведущиеся с 1995 г., позволили с достаточной степенью достоверности установить хронологию культурного слоя этого памятника.

Непосредственно под дерном по всей площади кремля отложился датируемый XVIII-XX вв. слой 1, представляющий собой рыхлую светло-серую супесь с многочисленными включениями строительного и бытового мусора. Максимальная мощность этого слоя — до 0,5 *м*. Под слоем 1 залегает слой 2, сформированный плотной серо-коричневой супесью, насыщенный органическими остатками. Максимальная мощность слоя 2 — от 0,4 *м* на плато мысовой площадки, до 1,4 *м* на береговой террасе Волги, под остатками дворца угличских удельных князей конца XV в. Индивидуальные находки и керамика слоя 2 позволяют отнести его формирование к XIII-XVII вв., т.е. преимущественно к периоду расцвета города, сначала стольного города самостоятельного Угличского княжества, затем как удела князей московского дома. Под слоем 2, непосредственно на песчаном материке, отложился слой 3. В западной части плато мысовой площадки кремля, у апсид Спасского собора, слой 3 имеет наименьшую мощность (до 0,2-0,3 *м*) и сформирован темно-серой углистой супесью с включениями угольков.

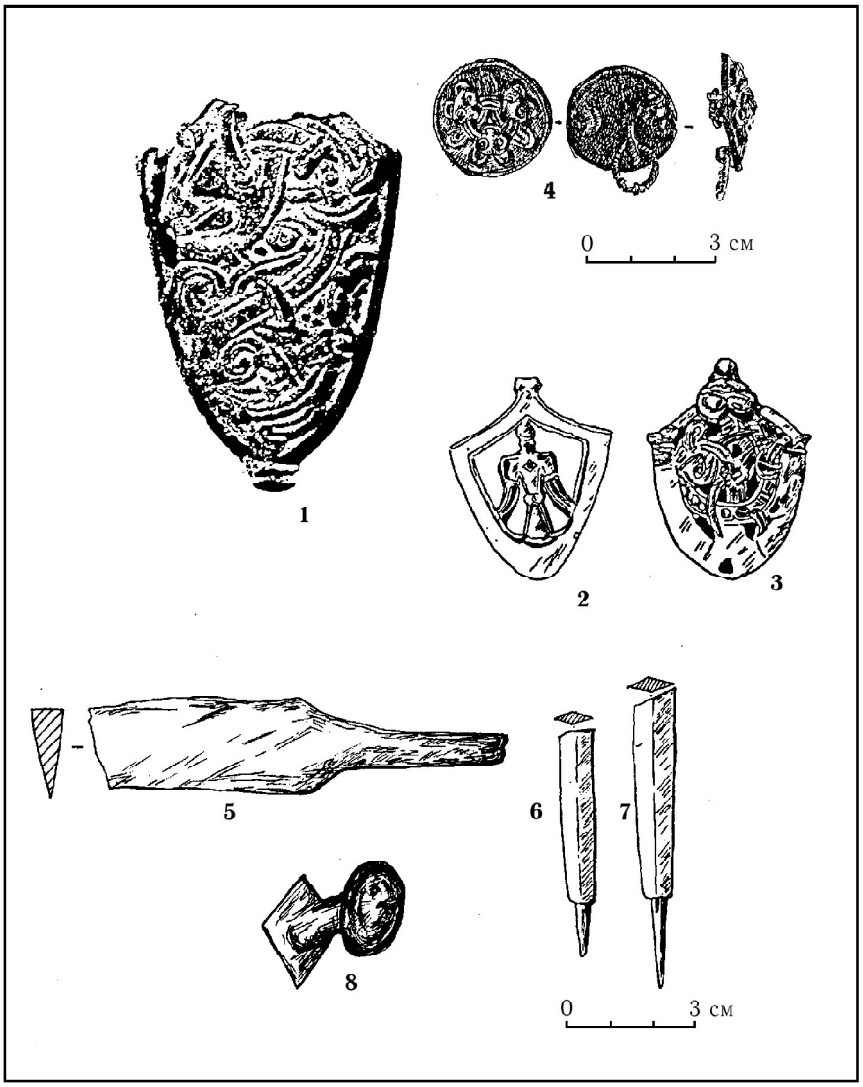

Рис. 2. Скандинавские находки с территории угличского кремля.
1-3 — наконечники ножен мечей; 4 — круглощитковая фибула; 5 — обломок скрамасакса; 6-7 — ланцетовидные наконечники стрел; 8 — ладейная заклепка.

На разрушенных береговых террасах Волги и, частично, под остатками дворца удельных князей мощность слоя достигает 1,5 *м* и определяет его разделение на горизонты. Верхний горизонт образован толщей навоза со щепой и другими органическими остатками и прослойками сырой серой глины с включениями угольков. Отложение на этих участках навоза со щепой однозначно свидетельствует о существовании на береговых террасах Волги в эпоху раннего средневековья усадебной застройки. Нижний горизонт слоя 3 в западной части мысовой площадки на верхней береговой террасе Волги под остатками дворца XV в. образован углистой супесью с многочисленными включениями мелких жженых камней. Именно с нижним горизонтом слоя 3 на этом участке связаны немногочисленные находки предметов, свидетельствующих о существовании на территории кремля поселения I тысячелетия до н.э. — I тысячелетия н.э.

В восточной части мысовой площадки, а также за ее пределами, верхний горизонт слоя 3 представлен прослойками углистой супеси, песка и глины, сформировавшимися в процессе разрушения различных сооружений. Нижний горизонт слоя 3, максимальной мощностью до 0,4 *м*, на этих участках сформирован оподзоленной серовато-коричневой супесью; отложение этого горизонта слоя 3, по-видимому, происходило в тот период, когда большая часть территории кремля была занята древесно-кустарниковой растительностью.

Стратиграфия культурного слоя кремля, таким образом, несмотря на небольшие площади раскопов и шурфов, позволяет сделать выводы о расположении древнейшего поселения с усадебной планировкой на береговых террасах Волги, в настоящее время почти полностью разрушенных или недоступных для раскопок под руинами дворца удельных князей. Плато мысовой площадки и вся территория кремля в его современных границах, т.е. в границах XV-XVII вв., первоначально представляла собой «зону обитания», непосредственно примыкавшую к «зоне заселения» на береговых террасах. В этой зоне обнаружены в процессе раскопок

1991-95 гг. хозяйственные и столбовые ямы — остатки каких-то хозяйственных сооружений, а также следы распашки предматерикового слоя оподзоленной супеси. Судя по всему, плотной жилой застройки в «зоне обитания» не было до рубежа XI-XII вв. (Томсинский 1993а: 73; 1993 б: 28-29). Все находки предметов скандинавского происхождения добыты из верхнего и нижнего горизонтов слоя 3 на одном небольшом участке общей площадью около 100 *кв.м* в юго-восточной части мысовой площадки кремля, между Богоявленским собором, церковью Царевича Дмитрия «на крови» и «палатами царевича Дмитрия».

В 1992 г. в шурфе №10, заложенном на участке газона к северу от здания Богоявленского собора, общей площадью всего 16 *кв.м*, был обнаружен бронзовый наконечник меча (рис.2, 1). Наконечник залегал в слое позднесредневекового перекопа, потревожившего отложения культурного слоя до материка. Это массивное бронзовое изделие, с каплевидной ножкой; завершение в виде звериной головки обломано. Этот наконечник (назовем его «наконечник №1») принадлежит к небольшой группе массивных наконечников, орнаментированных в стиле Еллинг: на обеих сторонах нанесено изображение дракона, осложненное плетенкой. Угличский наконечник имеет две любопытные аналогии. Массивный наконечник с идентичным изображением из Даниловки (район Волго-Донской переволоки) опубликован в работах Т.Арне, П.Паульсена и Г.Ф.Корзухиной (Arne 1914: 64; Корзухина 1950: 49; Paulsen 1953: 40). Другой массивный наконечник с таким же изображением дракона в переплетениях происходит из Венгрии (Сабольч, пограничная область Боржава). Обстоятельства находок всех трех наконечников, явно вышедших если не из одной формы, то из одной мастерской, не позволяют однозначно установить их датировку, однако география находок наводит на некоторые размышления. Прежде всего, предположение Н.В.Ениосовой о бытовании массивных наконечников этого типа в начале XI в. представляется не бесспорным. Если аналогичные ажурные наконечники относятся к первой половине — середине X в., то, очевидно, период бытования массивных наконечников логичнее определить в пределах второй половины X в. (Ениосова 1994: 104,115). Наконечник ножен из Даниловки, в таком случае, мог принадлежать воину, принимавшему участие в хазарском походе Святослава 965 г., а наконечник из Венгрии — участнику похода на Балканы 967-71 гг., в котором принимали участие и союзники Святослава — венгры. После гибели князя на Днепре или еще раньше, после поражения русско-венгерско-печенежского войска в Болгарии, владелец меча, наконечник ножен которого обнаружен в Сабольче, вполне мог перейти на службу к венгерскому князю. П.Немет отмечает, что именно во второй половине X в. в Боржаве появляется «русско-варяжская дружина» (Немет 1972: 218). Наконец, владелец третьего меча с аналогичным наконечником ножен примерно в то же время оказался в Угличе.

В 1993 г. на участке А раскопа №8, заложенного в 7,5 *м* к северу от шурфа №10 за асфальтированной дорожкой, был обнаружен наконечник ножен меча №2, ажурный, с изображением птицы, со следами серебрения (рис.2, 2). Этот наконечник залегал под остатками сгоревшего наземного срубного сооружения размерами 6×4 или 6×6 *м*, датированного стратиграфически первой половиной XI в. Наконечник залегал на границе нижнего и верхнего горизонтов слоя 3, в вертикальном положении. Аналогии таким наконечникам, бытовавшим в первой половине X в., довольно многочисленны (Paulsen 1953: 23; Ениосова 1994: 104, 113). Территориально наиболее близким оказывается наконечник ножен меча из Тимеревского могильника (Недошивина 1963: 63; 1991: 167). Обстоятельства находки наконечника ножен №2 не прояснили причин попадания этого предмета в культурный слой, но показали, что юго-восточная часть мысовой площадки кремля представляет собой весьма перспективный участок для исследований. В 1994 г., на раскопе №9, заложенном на небольшом участке, свободном от зеленых насаждений, к востоку от участка А раскопа №8, был обнаружен наконечник ножен №3 (рис.2, 3). Этот ажурный бронзовый наконечник, орнаментированный в стиле Борре, залегал в яме №59, впущенной с границы верхнего и нижнего горизонтов слоя 3. Заполнение ямы составляли камни, некоторые со следами огня, но ни на стенках ямы, обмазанных тонким (до 0,02 *м*) слоем белой глины, ни на дне ее не зафиксировано следов воздействия высоких температур. Помимо наконечника ножен, среди камней обнаружена неправильно-эллипсоидная бусина серо-голубого стекла, желтая одинарная бусина — «лимонка», плоское сланцевое пряслице, челюсть бобра и сердцевидная поясная бляшка с отверстием в центральной части. Аналогии бляшке известны на памятниках лесной и лесостепной зоны Восточной Европы. В погребении №282 Тимеревского могильника (территориально ближайшая аналогия) подобные бляшки датированы X в. (Мальм 1963: 65).

Полную аналогию наконечнику №3 из Углича представляет опубликованный П.Паульсеном наконечник с о.Готланд. Н.В.Ениосова подобные наконечники датирует серединой X в. (Paulsen 1953: 54-55; Ениосова 1994: 113). Датировка ямы №59, в заполнении которой обнаружен наконечник ножен, уточняется индивидуальными находками из верхнего горизонта слоя 3, перекрывшего эту яму: полосатая и желтые бусины — «лимонки», фрагменты стеклянной посуды и осколок золотостеклянной смальты — находка уникальная не только для Углича, но и для дру-

гих малых городов Древней Руси. По результатам анализа состава стеклянной массы смальта из Углича идентична смальтам Софийского собора в Киеве. Надо полагать, этот сувенир привез на берега Волги угличанин, побывавший в 30-е гг. XI в., когда строился собор, в Киеве, или, что более вероятно, представитель знати, прибывший в Углич с той или иной целью с юга. Распределение этих находок по уровням залегания показывает, что формирование верхнего горизонта слоя 3 начинается в первой четверти XI в.

Таким образом, все три наконечника ножен мечей в Угличе обнаружены явно в условиях вторичного залегания. Характер заполнения ямы №59, из которой происходит наконечник №3, не позволяет считать эту яму помойкой или хозяйственной ямой, тем более подпольем наземного жилища. Скорее всего, яма была выкопана в процессе нивелировки площадки, и в эту яму были сброшены камни какого-то разрушенного сооружения, вместе с которыми в заполнение попали и обнаруженные в яме вещи.

Находка трех наконечников ножен мечей на небольшом участке «зоны обитания» раннесредневекового поселения — факт неординарный, если учесть высокий статус этих предметов в системе представлений, связанных с предметами вооружения в дружинной культуре Северной и Восточной Европы (Лебедев 1991: 291; Ениосова 1994: 108). Напомним, что на весь Тимеревский комплекс, включающий в себя обширное поселение и могильник из нескольких сотен насыпей, приходится два наконечника ножен мечей, а в Угличе — три на площади 100 *кв.м*, причем о существовании в этой части кремля раннесредневековых погребений никаких данных до последнего времени не было. Тем не менее, на наш взгляд, единственным логичным объяснением попадания этих предметов в культурный слой может быть признано разрушение некогда существовавших в восточной части мысовой площадки кремля погребений. В 1995 г. были получены новые материалы, подтверждающие это предположение. В небольшом раскопе №10, прирезанном с севера к раскопу №9 1994 г. (площадью всего 24 *кв.м*), в нижнем горизонте слоя 3 зафиксирована неправильно-прямоугольная каменная выкладка (в пределах раскопа оказался ее северо-восточный угол), на которой обнаружены кости лошади (шейные позвонки, лопатка и череп, потревоженный поздним перекопом, и ребра) и череп собаки. С севера к этой выкладке примыкала еще одна, с небольшим скоплением мелких фрагментов кальцинированных костей. Перекоп, потревоживший остатки этого сооружения, представлял собой траншею для частокола эпохи позднего средневековья. В этой траншее обнаружены круглощитковая позолоченная фибула с изображением трех звериных головок на фоне треугольника с перевязанными углами и дирхем самаркандской чеканки (Наср II ибн Ахмед, 942/3 г.) (рис.2, 4) со следами пребывания в огне. Аналогии угличской фибуле достаточно хорошо известны в Северной и Восточной Европе. В Ярославском Поволжье круглощитковая фибула со звериными головками происходит из погребения по обряду трупосожжения на месте в кургане №18 (раскопки 1898 г. И.А.Тихомирова) Михайловского могильника. В Шестовицах круглые фибулы, аналогичные угличским, найдены в курганах №№59 и 63 в женских погребениях (Фехнер 1963: 78,83; Бліфельд 1977: 203,208). Однозначно утверждать, что угличская фибула и дирхем первоначально залегали на каменной выкладке с черепом лошади и черепом собаки, не представляется возможным, можно лишь быть уверенным в том, что эти предметы выброшены перекопом из слоя 3. При этом, несомненно, каменная выкладка должна быть признана древнейшим сооружением на данном участке, поскольку она залегает в нижнем горизонте слоя 3. На том же раскопе №10 обнаружен обломок кости, по-видимому, крупного рогатого скота, с процарапанными руническими или руноподобными знаками.

Небольшие площади раскопов №№8-10, заложение которых имело целью уточнение стратиграфии восточной части мысовой площадки, заставляют, во-первых, проявлять большую осторожность в выводах, и, во-вторых, демонстрируют необходимость расчистки данного участка от зеленых насаждений для проведения исследований на всем пространстве к югу от церкви Царевича Дмитрия на «крови». Все же некоторые выводы можно сделать и по материалам раскопок 1992-95 гг. Концентрация на небольшом участке «зоны обитания» поселения, располагающегося на береговых террасах Волги, предметов, принадлежащих как к мужской, так и к женской культуре скандинавов, учитывая состав этой небольшой коллекции, на наш взгляд, не может объясняться потерей в процессе повседневной бытовой деятельности. Во всяком случае, это относится к наконечникам ножен мечей. Последние вряд ли могли попасть в культурный слой и во время какого-то вооруженного столкновения на территории поселения, хотя есть основания полагать, что в конце X или первой четверти XI в. это поселение подверглось разорению. Во всяком случае, между нижним и верхним горизонтами слоя 3 в раскопах №№9 и 10 зафиксирована углистая прослойка пожара, причем огонь был такой силы, что под этой прослойкой супесь, образующая нижний горизонт слоя 3, растрескалась и прокалилась. Но при вооруженном столкновении либо владелец меча, если он уцелел после боя, либо его противник, которому меч достался как трофей, несомненно, попытался бы найти и, скорее всего, нашел бы потерянный наконечник, поскольку без такового меч в глазах владельца в значительной степени терял свою силу. Да и масшта-

бы этого разорения поселения, надо полагать, были несопоставимы с такими катастрофами, как разорение древнерусских городов татарами, когда многочисленные предметы вооружения оставались на месте побоища, уже ненужные ни победителям, ни побежденным. Следовательно, для угличских находок остается единственно возможное объяснение причин их попадания в культурный слой, а именно: существование в середине — третьей четверти X в. небольшого дружинного могильника в восточной части мысовой площадки кремля. Очевидно, могильник располагался вдоль Каменного ручья, на участке, который в настоящее время занят зелеными насаждениями, а до конца XVIII в. находился под дерево-земляными укреплениями кремля. Топография находок скандинавского происхождения наводит на мысль, что по мере разрушения могильника и нивелировки, вероятно, существовавших здесь курганных насыпей, эти предметы попали в культурный слой на незначительном удалении от мест сооружения последних. В таком случае, погребения, очевидно, располагались цепочкой вдоль Каменного ручья.

С перечисленными выше находками 1992-95 гг. хронологически соотносятся некоторые предметы из раскопов 1985-86 гг. в западной части мысовой площадки: фрагменты накладок на костяные односторонние гребни, железная игла с кольцом, ланцетовидные наконечники стрел, обломок скрамасакса (случайная находка в южной части кремля: рис. 2, 5-7) — находки, типичные для поселений, возникших на путях трансъевропейской торговли (Томсинский 1990).

Скандинавские находки из раскопок 1992-95 гг. не только однозначно включают Угличское Поволжье в число тех регионов Волго-Окского междуречья, которые по тем или иным причинам привлекали скандинавов в период становления древнерусской государственности, но и позволяют уточнить статус поселения на береговых террасах Волги, в «зоне обитания» которого возник могильник.

Это поселение возникает на пересечении одного из отрезков Волжского пути и «зимника», связавшего центральные районы Волго-Окского междуречья с Белозерским краем и далее с Приладожьем и Поволховьем. Хорошо известный по позднесредневековым источникам, этот «зимник», несомненно, был проложен еще в IX в., когда отмечается проникновение элементов восточнофинской культуры в Белозерье, знаменующее активное включение мери в Балтийскую торговлю (Гербештейн 1988: 152; Любавский 1929: 66; Макаров 1989: 91).

Другое ответвление «зимника» проходило через Ярославское Поволжье, и именно на этом ответвлении возникают поселения и могильники, остатки которых исследованы в Тимереве, Михайловском и Петровском. Расположенные на небольших речках, эти поселения топографически не связаны с водными путями и явно не на водные пути ориентированы. Время возникновения поселения на месте угличского кремля не устанавливается. Не исключено, что оно появилось на одном из самых труднопроходимых, порожистых участков верхнего течения Волги уже в IX в., когда был зарыт клад арабского серебра у Покровской горы, но полной уверенности в этом пока нет. Во всяком случае, в X в. это поселение как перевалочный пункт на Волжском пути уже существует, и среди его обитателей, как свидетельствуют материалы раскопок, присутствуют как выходцы с северо-запада, из Поволховья, так и представители восточнофинского населения Волго-Окского междуречья. Поселение было неукрепленным, о чем свидетельствует отсутствие остатков валов и рвов на мысовой площадке кремля. Не позднее середины X в. в «зоне обитания» этого неукрепленного поселения появляется могильник, принадлежавший представителям обосновавшейся в Угличском Поволжье дружинной группировки, в составе которой были выходцы из Скандинавии. Присутствие в Угличском Поволжье дружинников-скандинавов, безусловно, свидетельствует о важном значении поселения в системе расселения, создаваемой формирующейся древнерусской государственностью. Уместно напомнить, что на X в. приходится и расцвет поселений в нижнем течении Котросли, принадлежность которых к погостам вполне вероятна (Леонтьев 1989: 84). Речь идет не о погостах — центрах сельской округи, а о поселениях, на которых концентрировалось и облагаемое данью население, и население, принимавшее непосредственное участие в торговле. Собственно территория, контролируемая такими поселениями, могла быть относительно невелика. Что касается конкретно Угличского поселения, то границы этой территории, на наш взгляд, отмечают два камня-валуна с изображением «петушиной лапы» или трезубца. Один из этих камней сохранился на левом берегу Волги, у д.Еросимово, но утратил изображение «петушиной лапы»; другой, находившийся на правом берегу Волги, на Петуховом поле, кстати, получившим название от этого камня, уничтожен в 1930-е гг.

Дружинный могильник на мысовой площадке просуществовал недолго. В конце X или первой четверти XI в. поселение на береговых террасах Волги, вероятно, подверглось нападению, следствием которого стал пожар, зафиксированный углистой прослойкой между нижним и верхним горизонтами слоя 3. После этих событий начинается перепланировка восточной части мысовой площадки, и в восточной части мысовой площадки кремля начинается формирование верхнего горизонта слоя 3, содержащего находки, типичные для культурного слоя развивающегося древнерусского города. Очевидно, разрушение могильника началось в процессе

сооружения древнейших укреплений города Углече Поле вдоль Каменного ручья. Остатки этого вала, перекрывшего тонкий (до 0,2 *м*) слой предматерикового суглинка с фрагментами лепной и раннегончарной керамики, зафиксированы в шурфе, заложенном в 1986 г. в 5,25 *м* к востоку от алтарной абсиды церкви Царевича Дмитрия «на крови». В XII в. процесс разрушения могильника, очевидно, завершился.

Нельзя не обратить внимание на то, что основание древнерусского города Углече Поле, по материалам раскопок 1986-95 гг., приходится на тот же период установления или восстановления суверенитета Новгорода над Волго-Окским междуречьем после усобицы сыновей Владимира Святославовича 1015-1019 гг., что и основание Ярославля. Напомним, что согласно саге об Эймунде, усобица эта началась столкновением Ярослава Владимировича новгородского и Бориса Владимировича ростовского. Попытки представить Бурислейфа саги об Эймунде Святополком Окаянным, при всем уважении к авторитету исследователей скандинавской традиции, не представляются убедительными (Джаксон 1994: 169-170). В таком случае пожар на Угличском поселении вполне может быть связан с новгородско-ростовским противостоянием.

Основание Ярославля и Углеча Поля в первой четверти XI в. означало окончательное установление контроля княжеской администрации над стратегически важными точками пересечения торговых путей, связавших Волго-Окское междуречье с юго-восточной Прибалтикой. Отныне эти пути контролируют не погосты, а достаточно хорошо укрепленные грады, вокруг которых начинается формирование городовых волостей.

Вернемся к скандинавским находкам из угличского кремля. Уникальность этих находок для Угличского Поволжья заставляет обратиться к местной топонимике с тем, чтобы выяснить, нет ли в ближайших окрестностях Углича и на территории самого города топонимов, происхождение которых можно отнести к периоду функционирования могильника на мысовой площадке. К числу таковых, на наш взгляд, принадлежит микрогидроним «Игорев ручей» в шести километрах к северу от Углича. Игорь – имя княжеское, причем среди суздальских Мономаховичей Игорей не было, а князья из других династий – носители этого имени, насколько известно, никаких владельческих прав в Угличском Поволжье не имели и никогда здесь не бывали. Следовательно, топонимическое преданье, которое должно было объяснить происхождение микрогидронима, могло упоминать только Игоря Рюриковича киевского. Отметим, что передвижение князя со всем двором на огромные расстояния в период полюдья придает преданью определенную историческую достоверность. Позднесредневековым письменным источникам микрогидроним не известен, однако это не дает основания предполагать его «книжное» происхождение. На археологических картах у Игорева ручья не отмечено памятников эпохи раннего средневековья. На берегу Волги, однако, встречаются отдельные окатанные фрагменты гончарной керамики, что позволяет предполагать существование здесь поселения, остатки которого полностью уничтожены рекой.

Южнее Игорева ручья, на окраине современного Углича, расположено село Золоторучье. Этот топоним, хорошо известный археологам по исследованному здесь селищу XI-XIII вв., в источниках XV-XVI вв. зафиксирован в иной форме: Золоторусское-Золоторуцкое село (ДДГ: 43, 410). Форму «Золоторучье» топоним принимает не ранее XVII в. Возьмем на себя смелость полагать, что форма «золоторусское» изначальна и, по крайне мере до Смутного времени должно было существовать топонимическое преданье о «золоте русов», объяснявшее это название. Форма «Золоторуцкое», по-видимому, свидетельствует о том, что это преданье как-то связывало формант «золото» с впадающим в Волгу ручьем. В XIX в. происхождение названия «Золоторучье» объясняли уже тем, что в этом ручье якобы находили когда-то золотой песок. Однако, было известно и другое преданье, согласно которому Екатерина II, действительно посетившая эти места в 1767 г., уронила или бросила в ручей золотой перстень (Киссель 1994: 391). Поскольку действия Екатерины II в этом предании весьма напоминают ритуал жертвоприношения или ритуал, символизирующий обретение правителем владельческих прав на ту или иную территорию, возникает вопрос: не заменила ли императрица в топонимическом предании другое лицо, имя которого логичнее связать с «золотом русов»? Здесь уместно напомнить, что гидронимы с формантом «золото» в Волго-Окском междуречье очень редки. В Ярославском Поволжье таковые, кажется, отсутствуют. В обширном Окском бассейне также не обнаруживаются «золотые» речки, ручьи, озера или источники (Смолицкая 1976). Редкость форманта «золото», очевидно, объясняется высоким сакральным статусом этого металла в фольклорной традиции. Это обстоятельство заставляет особое внимание уделить еще одному Золоторучью, известному в нижнем течении Мологи, ниже Холопьего городка. Но здесь в урочище Золоторучье показывали «Ольгин камень» как доказательство посещения этого района княгиней и ее сыном Святославом (Бережков 1890: 51). Тесные связи Угличского Поволжья и Помоложья позволяют предполагать, что топонимическое преданье, связавшее формант «золото» с именем княгини Ольги и неким ручьем, распространилось к северу с какими-то группами переселенцев или иными путями уже в тот период, когда «Золоторусское» трансформировалось в «Золоторучье». Такое пред-

положение выглядит тем более вероятным, что Устюжна, Холопий городок на Мологе и Молога в XV в. входили в Угличский удел Андрея Васильевича Большого, а в XVII в. Устюженские волости — в Угличский уезд (Готье 1937: 404; Любавский 1929: 66).

Таким образом, в округе Углича определяется ареал бытования топонимических преданий, повествовавших, очевидно, о посещении Верхнего Поволжья первыми князьями киевскими — Игорем, Ольгой и Святославом. Письменные источники позволяют утверждать, что на территории города бытовали предания об эпохе первых Рюриковичей. Наиболее устойчивой оказалась легенда об основателе города Яне Плесковиче (Плесковитиче, Плесковитине), родственнике княгини Ольги и киевском данщике, на которой необходимо остановиться подробнее.

На северо-восточной окраине Углича, в непосредственном соседстве с Золоторучьем, к северу от Селивановского ручья, вдоль которого проходила линия укреплений окольного города XV-XVII вв., располагалась Рождественская слобода на Яновом поле. Топонимы с формантом «поле» хорошо известны в ближайших окрестностях древнерусских городов. Предположение, что «поле» — это чаще всего могильник, представляется нам чересчур категоричным (Лебедев 1985: 288-289). По-видимому, речь идет о расчищенных или изначально безлесных участках, на которых иногда, действительно, могли располагаться могильники. Местоположение Рождественской слободы достаточно точно определяется Книгой Большому чертежу: «...а ниже посадов на повороте Волги реки с правую сторону впал ручей Селивановской, он же и Королевской под слободою Рождественскою, что Яново поле, впал ручей Шутихин...» (КБч: 130). В XIX в. угличские краеведы неоднократно упоминали об устных преданиях, бытующих еще в городе и связанных с Яновой слободой. Впрочем, кажется, ни одно из этих преданий не было записано непосредственно от информаторов. Излагая предания о Яне Плесковиче, исследователи предпочитали ссылаться на местные письменные источники XVIII-XIX вв., т.н. Угличские летописи. Речь идет об исторических сочинениях местных книжников, считавших себя, и не без основания, продолжателями древнерусской летописной традиции. В исторической литературе давно укрепилось скептическое отношение к достоверности сообщений этих сочинений, однако серьезных попыток источниковедческого и текстологического анализа их не предпринималось до 1964 г., когда увидела в свет статья Н.Д.Русинова, посвященная позднему угличскому летописанию (Экземплярский 1891: 124-125; Соловьев 1890: 9; Платонов 1902: 2; Троицкий 1890: 4). Н.Д.Русинов показал, что все списки этих исторических сочинений восходят к XVIII — началу XIX вв. Легенда о Яне Плесковиче зафиксирована Серебрянниковской летописью. Это историческое сочинение (сам автор именовал ее летописью, а наследники — хронографом) было составлено Г.Д.Серебрянниковым (в иночестве Фокой) в конце XVIII в. Круг использованных источников автор определил в пространном вступлении к своему труду: «Сия ж достопамятно собранная града Углича летопись сочинилась с переславского старинного летописца, писанного пространно о городе Угличе с начала основания его князем киевским Игорем от 6453 года и к тому ж от прочих летописных и землемерописцовых книг вкратце и достоверно по лето Его императорского Величества Петра Первого 7217. С писанных летописцев сочетавше воедино и от большого летописца, сочиненного о городе Угличе в дому апостольского храма Иоанна Богослова» (Русинов 1964: 740-741). Н.Д.Русинов с полным основанием предположил, что автором «пространного переславского летописца» был игумен Горицкого монастыря в Переславле Даниил, крупный церковный писатель XVI в., крестный Ивана Грозного и близкий друг угличского князя Дмитрия Ивановича Жилки (1505-1521 гг.). Даниил мог располагать какими-то раннесредневековыми источниками по истории Углича, либо полученными от угличского князя, либо собственно переславского происхождения. Эти источники могли быть включены и в летописец храма Иоанна Богослова на Сухом пруду, составленный, по заключению Н.Д.Русинова, в конце XV в. (Русинов 1964: 731-732). Предположение В.И.Кучкина о том, что в Угличе в XIII-XIV вв. не велось летописания, представляется неубедительным. Стольный город удельного княжения, отнюдь не самого слабого среди прочих в Волго-Окском междуречье, вряд ли мог не иметь своей летописи. А если таковая все же велась, то сообщения о начальном этапе существования города, восходящие к местным преданиям, вполне могли перейти в поздние письменные источники и удержаться традицией до XVIII-XIX вв. (Кучкин 1984: 45).

В конце XVIII в. Серебрянниковская летопись была включена в сочинение еще одного местного книжника — Ф.Ф.Торопова. Список этого сочинения сохранился до 1890 г. в собрании Е.В.Барсова. Ф.Ф.Торопов включил в свое сочинение список грамоты, датированный 1629 г., якобы данной в Москве по делу о землях Рождественской (Яновой) слободы, возникшему между угличским посадом и местным помещиком Ф.Погожим. Достоверность этого источника вызывает сомнения, ибо список содержит упоминание не только о целовальнике Яне Литвине, от имени которого, по утверждению Ф.Погожего, произошло название слободы, но о Яне Плесковиче — герое угличских преданий, которые в Москве вряд ли были известны (Титов 1980: 131-133). Очевидно, текст списка грамоты (м.б. дефектного) был отредактирован

Ф.Ф.Тороповым в духе местной традиции для придания последней большей убедительности не столько даже для читателей, сколько для самого себя, составителя Летописца.

К традиции Серебрянниковской летописи, по-видимому, восходили те списки позднесредневековых исторических сочинений, которые находились у Ф.Х.Кисселя и К.И.Евреинова. В этой традиции предание о Яне Плесковиче изобилует красочными подробностями. Киевский боярин, родственник (или даже брат) княгини Ольги, Ян, «который прибысть из Плесковитстка земли в Россию с княгинею Ольгою», появляется на Верхней Волге, где обитают некие «угляне» или «углы». К этому времени население региона достаточно многочисленно и, по Ф.Х.Кисселю, «нуждается в порядке управления». Автор «Истории города Углича» цитирует Летописец XVIII в. без каких-либо критических замечаний: «Преславный Богоспасаемый град Углич начася с древнейших и незапамятных времен; и по времени устроися, возвеличишася и тако плени взоры Янови. Ян же прият от Великого князя Игоря повеление воеже наизбранном месте тех Углян, поставити град елико мощно. И вдася Игорь в руки Печенег, и град начася строится изволением В.К.Ольги.» (Киссель 1994: 20). Итак, в источниках XVIII в., восходящих, очевидно, к источникам более ранним, мы снова встречаемся с именами Игоря и Ольги в связи с именем Яна Плесковича. Далее сообщается, что город строился семь лет, что Ян был отозван Ольгой в Киев, вместе с ней посетил Константинополь, принял там крещение, скончался в Киеве и погребен в храме, построенном Ольгой.

Обращают на себя внимание календарные даты, приуроченные источниками этого круга к деятельности Яна на Волге. Серебрянниковская летопись относит основание города к 945 г., К.И.Евреинов по «Краткому Угличскому Летописцу» приводит две даты — 937 г. и 947 г. Кончину Яна Плесковича «Краткий летописец Евреинова» относит к 962 г. (Евреинов 1898: 13-14). Не исключено, что существовала особая повесть о Яне Плесковиче, фрагменты которой стали известны составителям сочинений XVIII в. из источников XV-XVI вв.

Оценивая достоверность традиции Серебрянниковской летописи, нельзя исключить, что и привлекательные своей внутренней непротиворечивостью подробности деятельности Яна на Волге и в Киеве, и календарные даты все же не более чем плод творческого воображения угличских книжников XVIII в. Однако нельзя не обратить внимания на соответствие хронологии Угличских летописей и хронологии скандинавских древностей из угличского кремля. В самом деле, легендарный Ян появляется на Волге примерно в то же время, что и владельцы мечей, наконечники ножен которых обнаружены в 1992-96 гг. Дирхем, чеканенный в 942/943 гг., вполне мог принадлежать кому-нибудь из окружения этого Яна. Наконец, само по себе недолгое существование могильника на мысовой площадке хорошо соотносится с версией о возвращении Яна с дружиной в Киев в середине 950-х гг. Из всего этого, разумеется, нельзя делать однозначный вывод о том, что Ян Плесковичугличского предания — реальное историческое лицо, хотя исключить полностью такую возможность нельзя. Но в том, что предание о Яне в том виде, в каком оно дошло до нас в изложении авторов XVIII в., сохранило какие-то воспоминания о деятельности в Угличском Поволжье дружинной группировки в середине-третьей четверти X в., на наш взгляд, сомневаться не приходится.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О.Н., Таницкий М.В., Шибаева Ю.А,, Добров С.М., Мстиславский Л.С. 1935. Позднеродовые и феодальные селища. // Археологические работы академии на новостройках в 1932-35 гг. ИГАИМК,109.

Бережков М.К. 1890. Старый Холопий городок на Мологе. // Труды VII АС в Ярославле. Т.I.,М.

Бліфельд Д.І. 1977.Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ.

Герберштейн Сигизмунд. 1988. Записки о Московии. М.

Горюнова Е.И. 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья. // МИА,94.

Готье Ю.В. 1937. Замосковный край в XVII в. М.

Джаксон Т.Н. 1994. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М.

Дубов И.В. 1985. Города, величеством сияющие. Л.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. 1950. М.-Л.

Евреинов К.И. 1898. Прошлое Углича. Исторический очерк. Сергиев Посад.

Ениосова Н.В. 1994. Ажурные наконечники ножен мечей X-XI вв. на территории Восточной Европы. // История и эволюция древних вещей. М.

Ерохин В.И. 1993. О первоначальной планировке угличского кремля. // Исследования и материалы по истории Угличского Верхневолжья. Углич,3.

Киссель Ф.Х. 1994. История города Углича. Углич.

КБЧ — Книга Большому чертежу.1950. М.-Л.

Корзухина Г.Ф. 1950. Из истории древнерусского оружия XI в. // СА, XIII.

Кучкин В.А. 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М.

Лебедев Г.С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.

Лебедев Г.С. 1991. Этюд о мечах викингов. // Клейн Л.С. Археологическая типология. Л.

Леонтьев А.Е. 1984. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА, 183.

Леонтьев А.Е. 1989. Тимерево. Проблемы исторической интерпретации археологического источника. // СА,3.

Лесман Ю.М. 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород. Проблемы синхронизации. // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.

Любавский М.К. 1929. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л.

Макаров Н.А. 1989. Новгородская и ростово-суздальская колонизация в бассейне озер Белое и Лача по археологическим данным. // СА,4.

Мальм В.А. 1963. Поясные и сбруйные украшения. // Ярославское Поволжье в X-XI вв. М.

Немет П. 1972. Образование пограничной области Боржава. // Проблемы археологии и древней истории угров. М.

Недошивина Н.Г 1963. Предметы вооружения из Ярославских могильников. // Ярославское Поволжье в X-XI вв. М.

Недошивина Н.Г. 1991. Предметы вооружения, снаряжения верхового коня и всадника Тимеревского могильника. // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М.

Платонов С.Ф. 1902. О топографии Угличского Кремля в XVI-XVII веках. М.

Равдина Т.В. 1988. Погребения X-XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М.

Русинов Н.Д. 1964.К истории угличского летописания. // Ученые записки Горьковского Государственного университета, вып. 72, т.2.

Соловьев Л.Ф. 1890. История города Углича. М.

Смолицкая Г.Ф. 1976. Гидронимия бассейна Оки.

Титов А.А. 1890. Угличский Летописец. // Известия ЯГУАК, I.

Троицкий И.Д. 1890. Углич. // Известия ЯГУАК, I.

Томсинский С.В. 1990. Результаты изучения культурного слоя кремля г.Углича в 1985-89 гг. // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Горький.

Томсинский С.В. 1993. О результатах археологического изучения угличского кремля в 1985-92 гг. // Опочининские чтения. Мышкин.

Томсинский С.В. 1993. Углече Поле в X-XIII вв. // Исследования и материалы по истории Угличского Верхневолжья. Углич. 3.

Томсинский С.В. 1995. Работы Угличской экспедиции в 1993-94 гг. // Государственный Эрмитаж. Отчетная археологическая сессия. СПб.

Фехнер М.В. 1957. Селища Ярославского Поволжья X-XIII вв. // Краеведческие записки. Ярославль, 2.

Фехнер М.В. 1963. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников. // Ярославское Поволжье в X-XI вв. М.

Экземплярский А.В. 1891. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. т. II., СПб.

Arne T. 1914. La Suède et L'Orient. Uppsala.

Paulsen P. 1953. Schwertortbander der Wikingerzeit. Stuttgart.

ТЕОРЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

М.А. Стёганцев

ЗАВИСИМОСТИ, СВЯЗЫВАЮЩИЕ ПОСТУПЛЕНИЕ В ЭКСПЛУАТАЦИЮ И ВЫХОД ИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ МАССОВОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА, И ПРИМЕРЫ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Памяти Б. А. Колчина

M.A.Stegantsev. Linkages between coming in and going out of mass archaeological material. Examples of their use.

This article is dedicated to building a mathematical model integrating the events of coming in and going out of material objects of same type. A quantitative connection between the consecutive sediments of material rests and articles still in use in the respective period of time is established on basis of the so called ratio of archeaologisation: share of broken and lost articles compared to their total number.

The article provides theoretical grounds for calculation of archeaologisation ratio. The procedure of such calculation of the archealogisation ratio is shown for glass bracelets, asbestos weights and Southern amphorae found at the Nerev side of Velikij Novgorod.

The proposed model allows, though with rather general assumptions, to build analytical ("idealistic") graphs of material rests sediments. These graphs can serve a powerful tool for secondary processing of the archaeological findings. The article pays much attention to specific procedures of such processing. Methodology of preparation of the source data is minutely analysed; demographic estimates are made on basis of graphs showing sediments of glass bracelets; some palaeo-economic reconstruction is done on basis of amphorae vessels found in the settlement "Ŕ" of Troitsky site. The graphs of asbestos weights sediments suggest a conclusion on their use as a means of services to the mass daily trade operations.

Одним из итогов археологических раскопок долговременных мест обитания человеческих коллективов являются зависимости количеств материальных остатков одного вида (керамика, пряслица, браслеты, бусины, шлаки, монеты, кости животных, створки мидий и т. д.) от глубины залегания в культурном слое. Эти зависимости, выраженные графически или посредством таблиц, в некоторых источниках называются циклами (Каменецкий 1978: 57), в других — полигонами (Хорошев 1994: 58). Независимой переменной в них является либо нумерованная последовательность раскопанных слоёв (штык), либо — если удаётся связать глубину залегания артефактов со временем — хронологическая последовательность интервалов времени. Было замечено (Каменецкий 1978: 57), что эти зависимости «не прямо отражают поступление определённых типов амфор в обращение, т.е. не торговые связи», и что характерные точки этих зависимостей позволяют указать момент прекращения ввоза. Задачей работы является получение аналитических выражений, связывающих поступление в эксплуатацию и выход из употребления предметов, представленных графиками или таблицами распространения в культурном слое. Примеры использования этих выражений могут быть положены в основу различных исторических исследований, связанных с анализом расположенных последовательно во времени или пространстве однотипных материальных остатков.

1. Аналитическая связь между последовательными отложениями

Будем считать, что количество отложенных в единице культурного слоя (штык, пласт, ярус, временной интервал) артефактов одного вида прямо пропорционально количеству тех находившихся в эксплуатации в течение образования этой единицы предметов, которые в результате использования превращаются в рассматриваемый артефакт. Для формализации высказанного положения введём следующие обозначения (для простоты изъяснения рассуждения идут на примере шиферных пряслиц):

k — номер слоя (штыка) или временного интервала. k= 1, 2, ..., i,..., n-1, n, ...;

C(k) — имеется в употреблении целых пряс-

© М.А.Стеганцев, 1999.

лиц к началу слоя k (шт.);

B(k) — ввезено пряслиц за время существования слоя k (шт.);

R(k) — разбито и потеряно пряслиц за время существования слоя k (шт.);

α_k — доля разбитых и потерянных пряслиц от их общего количества, бывшего в эксплуатации за время существования слоя k. В дальнейшем будем называть эту величину *коэффициентом археологизации* * пряслиц.

Очевидно:

$$\alpha_k = \frac{R(k)}{C(k) + B(k)}. \quad (1.1)$$

Отсюда:

$$R(k)=\alpha_k[\, C(k)+ B(k)\,]. \quad (1.2)$$

$$R(k+1)=\alpha_{k+1}[\, C(k+1)+ B(k+1)]. \quad (1.3)$$

Количество пряслиц, находившихся в эксплуатации на момент начала образования слоя (k+1), равно числу пряслиц, бывших в эксплуатации на момент образования слоя k, плюс количество пряслиц, ввезённых за время существования этого слоя k, и минус вышедшие из употребления за то же время. Используя обозначения, введённые выше, это утверждение записывается так:

$$C(k+1)=C(k)+B(k)- R(k). \quad (1.4)$$

Учитывая, что [из(1.2)]

$$C(k)+B(k)= R(k)/\alpha_k, \quad (1.5)$$

и подставляя (1.5) в (1.4), имеем:

$$C(k+1)=\frac{R(k)}{\alpha_k} - R(k) = \frac{1-\alpha_k}{\alpha_k} \times R(k), \quad (1.6)$$

т. е. количество находящихся в эксплуатации к началу слоя (k+1) пряслиц прямо пропорционально количеству пряслиц, отложившемуся в предыдущем слое k. Вывод, в принципе, интуитивно ощущаемый всеми исследователями, с него начинались наши рассуждения; новое лишь то, чему равен коэффициент пропорциональности.

Подставляя (1.6) в (1.3), получим:

$$R(k+1)= \alpha_{k+1}\left[\frac{R(k)}{\alpha_k} - R(k) + B(k+1)\right]. \quad (1.7)$$

В дальнейшем будем считать, что величина α остаётся постоянной в течение всего времени образования культурного слоя, т. е.

$$\alpha_1=\alpha_2=...=\alpha_{k-1}=\alpha_k=\alpha_{k+1}=...=\alpha. \quad (1.8)$$

Это очень жёсткое предположение. На самом деле α зависит и от социального уровня общества, оставляющего культурный слой, и от количества предметов, имеющихся в эксплуатации, и от величины сообщества, образующего культурный слой. Но в качестве первого приближения это предположение использовать можно. Одним из доводов в его пользу является относительное постоянство величины отложений культурного слоя на единицу времени в различных раскопах Новгородской экспедиции. Исходя из (1.8), выражение (1.7) приобретает вид:

$$R(k+1)= (1-\alpha)R(k)+\alpha B(k+1). \quad (1.9)$$

Откуда

$$B(k+1)=\frac{1}{\alpha}[R(k+1)-R(k)]+R(k). \quad (1.10)$$

Формулы (1.6), (1.10) позволяют по известной функциональной зависимости [R(1),R(2),...,R(k),... получены в результате раскопок], сделав определённые предположения относительно α, рассчитать как количество находящихся в эксплуатации пряслиц, так и ввезённых за время существования любого слоя. Ценность их в том, что для определения величин C(k+1) и B(k+1) необходимо знать, кроме α, значения R(k) только в интервалах k и (k+1).

Из формулы (1.10) следует ещё один, достаточно прозрачный, вывод: если в двух смежных интервалах отложения артефактов равны друг другу $\left[R(k) = R(k+1)\right]$, то во время образования последнего из них в эксплуатацию вводилось столько предметов, сколько артефактов, соответствующих этому предмету, отложилось в предыдущем интервале, т. е. B(k+1)=R(k), при условии, что R(k+1)=R(k).

Иначе: плоские участки графика отложения материальных остатков соответствуют неизменному ввозу (вводу в эксплуатацию), который численно равен отложению.

2. Основания для определения коэффициента археологизации

Рассмотрим некоторые ситуации, наличие которых позволяет достаточно просто определить α.

А. Ввоз отсутствует, начиная с интервала (k+1), т. е.

$$B(k+1)=B(k+2)=...=0. \quad (2.1)$$

Выражение (1.9) в этом случае приобретает вид:

$$R(k+1) = (1-\alpha)R(k). \quad (2.2)$$

Эта зависимость описывает убывающую функцию времени(время пропорционально k) выпуклую вниз. Из (2.2) следует, что если ввоз существовал в интервале k, то, даже если он и прекратился, начиная с интервала (k+1), отложение материальных остатков в слоях (k+1), (k+2), (k+3), ... продолжается. Очевидно, что, если «хвост» зависимости (1.9) может быть описан выражением (2.2) (отношение количеств артефактов в последовательных слоях постоянно), определить коэффициент археологизации не составляет труда; зная его — можно вычислить всю кривую ввоза.

Б. Ввоз постоянен и не равен нулю не менее, чем в двух последовательных интервалах,

* Название заимствовано у Ю.М. Лесмана (Лесман 1994: 191).

начиная с интервала k, т. е.

$$B(k)= B(k+1) =...= B(k+n)=B. \quad (2.3)$$

Написав выражение (1.9) для интервалов k и (k+n) и приравняв $\alpha B(k)$ к $\alpha B(k+n)$, получим:

$$R(k+n)-R(k)=(1-\alpha)\left[R(k+n-1)-R(k-1)\right]. \quad (2.4)$$

Обозначим:

$$R(k+1)-R(k)=\Delta R(k+1); \quad (2.5)$$

$$R(k)-R(k-1)=\Delta R(k). \quad (2.6)$$

Величины $\Delta R(k+1)$ и $\Delta R(k)$ соответствуют приращениям количеств материальных остатков в интервалах (k+1) и k по отношению к значениям в интервалах k и (k-1). Используя обозначения (2.5),(2.6), выражение (2.4) для двух соседних интервалов (n=1) имеет вид:

$$\Delta R(k+1)=(1-\alpha)\Delta R(k). \quad (2.7)$$

Соотношение (2.7) описывает возрастающую функцию времени (k) выпуклую вверх, характерной её особенностью является постоянство отношения двух последовательных приращений. При наличии такого постоянства в смежных слоях можно утверждать, что ввоз во время образования слоёв постоянен. Кроме того, выполнение условия (2.6) для нескольких последовательных слоёв позволяет определить коэффициент археологизации.

В. Ввоз возрастает равномерно, начиная с интервала (k-1), т. е.

$$B(k)-B(k-1)=B(k+1)-B(k)=B(k+2)-B(k+1)=...=B. \quad (2.8)$$

Приравняв между собой две последовательные разницы значений ввоза, выраженные через (1.10), получим:

$$\Delta R(k+1)-\Delta R(k)=(1-\alpha)\left[R(k)-R(k-1)\right]. \quad (2.9)$$

Выражение (2.9) характеризует возрастающую функцию времени (k) выпуклую вниз. Естественно, что выполнение условия (2.9) для нескольких соседних интервалов, так же как и выполнение условий (2.2), (2.4), позволяет определить коэффициент археологизации.

3. Коэффициент археологизации стеклянных браслетов, шиферных пряслиц и южных амфор в Неревском конце Новгорода Великого

Для иллюстрации вышеизложенных положений определим коэффициент археологизации стеклянных браслетов, шиферных пряслиц и южных амфор в Новгороде Великом по приведенным в (Хорошев 1994: 58, рис.4) исходным данным. Они изображены на рис.1. Предварительно уточним некоторые понятия и обозначения. Вслед за Б.А. Колчиным графическую зависимость количеств материальных остатков одного вида, найденных между смежными мостовыми (ярус), от номера яруса будем называть полигоном; зависимость количеств того же артефакта от последовательно расположенных одинаковых интервалов времени будем называть *графиком*, а рассчитанные по этим графикам зависимости — *диаграммами*. Если придерживаться только что уточнённых понятий, то все закономерности разделов 1 и 2 имеют смысл лишь для графиков. Для полигонов их применять нельзя, ибо время от одной перестилки мостовой до другой непостоянно и перестилка мостовой по всей её длине осуществлялась не всегда одновременно (Хорошев 1994: 56-57). Зависимости, представленные на рис.1, в (Хорошев 1994: 58, рис.4) названы полигонами, а чем они являются фактически становится ясно из рассмотрения способа построения распределения стеклянных браслетов по ярусам Неревского раскопа и того же распределения по пластам Михайловского раскопа (Колчин, Хорошев 1978: 169-170). Верхняя часть рис.1 в (Колчин, Хорошев 1978: 169) приводится впервые (1978 год), а способ построения распределений по Неревскому концу больше нигде не объясняется. В этих распределениях по оси абсцисс в масштабе отложены последовательные интервалы времени (ярусы или пласты), а по оси ординат — точками количества браслетов, приходящиеся на один год соответствующего яруса или пласта. Далее эти точки соединены между собой. Таким образом, получается, что ординаты этих зависимостей отнесены к одному и тому же интервалу времени (год), т. е. зависимости (Хорошев 1994: 58, рис.4) являются графиками, как они и названы в подписи к рис.1. Что же касается неодновременности перестилки мостовой, то, судя по (Колчин 1982: 159, рис.2; 174, рис.9), рассматриваемые зависимости получены суммированием по огромному числу раскопов Неревского конца, и, хотя временные границы одних и тех же ярусов разных раскопов несколько смещены друг относительно друга, все они группируются вокруг одной даты — даты перестилки Великой улицы. И чем раскопов больше (а здесь суммируются данные не менее 25 раскопов), тем правомернее использование этих дат в качестве хронологических границ ярусов.

В качестве временного интервала, за который определяется коэффициент археологизации, возьмём 20 лет. Связано это с тем, что культурный слой Новгорода нарастает в среднем со скоростью 0,5-1,5 см в год, т.е. время образования пласта колеблется около 20 лет, и, конечно, с тем, что в археологии Новгорода Великого на столетие приходится, как правило, 5 ярусов. Для нахождения коэффициентов археологизации разобьём ось абсцисс графиков на двадцатилетние интервалы, а ординаты середин интервалов будем считать пропорциональными количествам отложившегося за 20 лет артефакта. Теперь уточним введённые в разделе 1 обозначения:

k — последовательный номер интервала в 20 лет. Первый интервал (k=1) соответствует

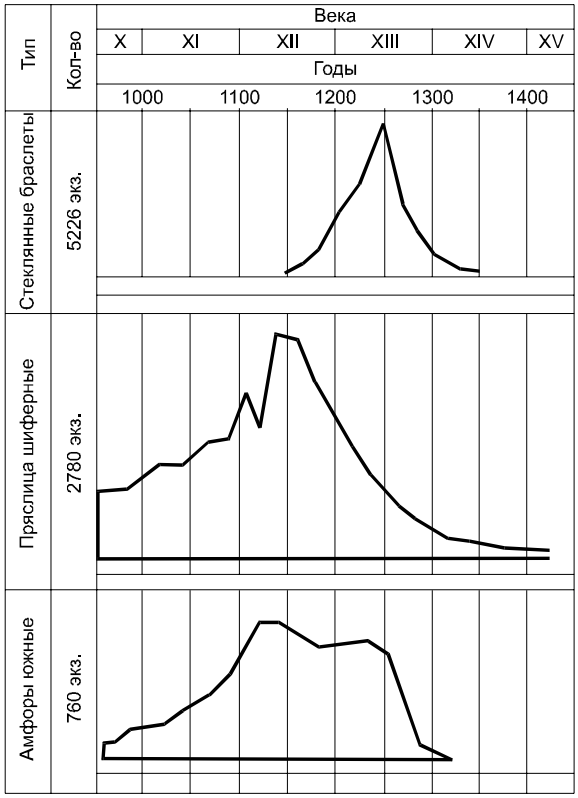

Рисунок 1
Графики распространения стеклянных браслетов, шиферных пряслиц и амфор в культурном слое Неревского конца Новгорода Великого.

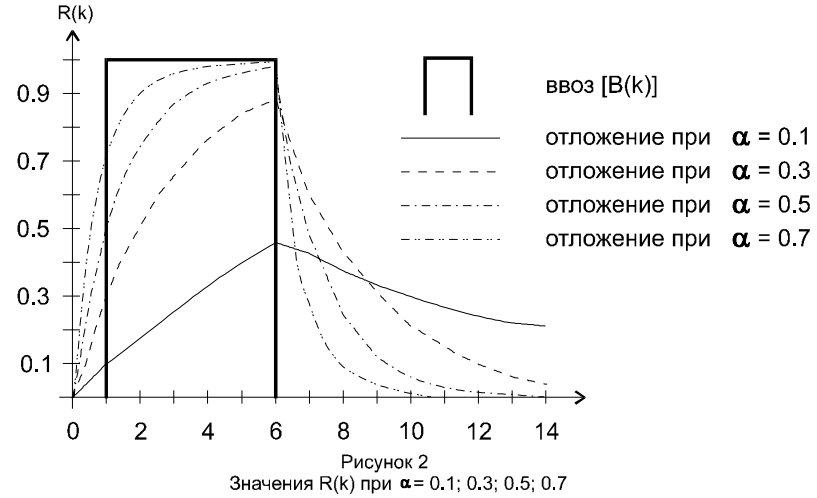

Рисунок 2
Значения R(k) при α = 0.1; 0.3; 0.5; 0.7

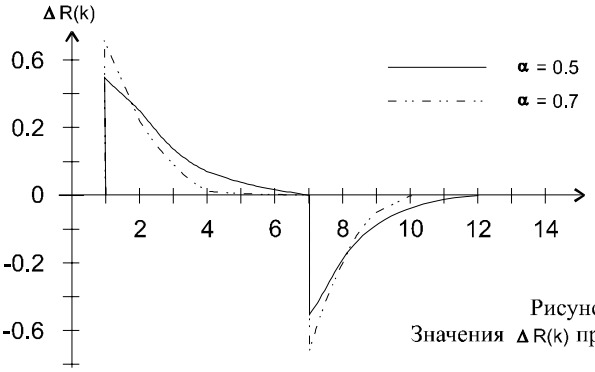

Рисунок 3
Значения ΔR(k) при α = 0.5; 0.7

(961-980) годам, второй (k=2) — (981-1000) годам и так далее. Введённая связь интервала с номером будет сохраняться в течение всей дальнейшей работы. Переход от номера интервала к хронологической дате его середины осуществляется по формуле:

[Середина интервала k] = 950 + 20k; (3.1)

$R^{Б}(k)$ — число браслетов, отложившихся в культурном слое за двадцатилетний интервал под номером k. Индекс вверху обозначения — название артефакта (Б — браслеты, П — пряслица, А — амфоры);

$\alpha^{Б}(20)$ — коэффициент археологизации браслетов за 20 лет. Индекс вверху обозначения, как и ранее, первая буква названия артефакта. Число в скобках — временной интервал, за который вычисляется коэффициент;

$\alpha^{Б}(1)$ — коэффициент археологизации браслетов за один год.

Из (2.2) следует, что при отсутствии ввоза для отложений культурного слоя справедливо:

$$1-\alpha(20) = [1-\alpha(1)]^{20}, \quad (3.2)$$

или в более общем виде

$$1-\alpha(qd) = [1-\alpha(q)]^{d}, \quad (3.3)$$

где q и d — любые целые числа.

Это же [(3.2)(3.3)] справедливо для приращений материальных остатков в случае постоянного ввоза [см.(2.7)] и для разницы приращений материальных остатков при ввозе, изменяющемся по линейному закону [см.(2.9)].

Результаты преобразования графиков, изображённых на рис.1, в численные значения представлены в таблице 1.

Таблица 1

Численные значения графиков распространения в культурном слое Новгорода Великого стеклянных браслетов, шиферных пряслиц, южных амфор (по данным: Хорошев 1994: 58, рис.4) и соответствующих им диаграмм ввода в эксплуатацию

k	Средняя дата интервала	Браслеты			Пряслица			Амфоры		
		$R^{Б}(k)$	$A^{Б}(k)$	$B^{Б}(k)$	$R^{П}(k)$	$A^{П}(k)$	$B^{П}(k)$	$R^{А}(k)$	$A^{А}(k)$	$B^{А}(k)$
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
1	970				10,0			2,0		
2	990				10,5		12,2	3,5		4,1
3	1010				13,0		21,4	4,5		4,9
4	1030				13,5		15,2	6,0		6,6
5	1050				15,0		20,0	7,5		8,1
6	1070				17,0		23,7	10,0		11,1
7	1090				19,0		25,7	14,0		15,7
8	1110				21,5		29,9	19,0		21,1
9	1130				29,5		56,3	20,0		20,4
10	1150	1,5			33,0		44,7	19,0		18,6
11	1170	3,0		4,8	29,0	29,0	15,6	18,0		17,6
12	1190	6,0		9,5	23,0	22,3	+2,9	17,0		16,6
13	1210	12,0		19,0	18,0	17,2	+1,3	18,0		18,4
14	1230	16,0		20,7	13,5	13,2	-1,6	18,5		18,7
15	1250	24,0	24,0	33,4	10,0	10,2	-1,8	16,5	16,5	15,6
16	1270	13,0	13,0	+0,1	7,5	7,8	-0,9	7,5	5,0	3,6
17	1290	7,0	7,0	-0,0	5,5	6,0	-1,2	1,5	1,5	-1,1
18	1310	3,5	3,8	-0,6	4,0	4,7	-1,0	0,5	0,45	-0,1
19	1330	2,0	2,0	+0,2	3,5	3,6	+1,8			
20	1350	1,5	1,1	+0,9	3,0	2,8	+1,3			
21	1370				2,5	2,1	+0,9			
22	1390				2,0	1,6	+0,3			
23	1410				1,5	1,3	-0,2			

Содержание столбцов таблицы 1:

I — последовательный номер двадцатилетнего интервала;

III, VI, IX — число браслетов (пряслиц, амфор) в интервале k. Обозначено $R^{Б}(k)$,$R^{П}(k)$,$R^{А}(k)$. Индекс вверху обозначения — первая буква названия артефакта. Здесь и далее для всех столбцов единица измерения — мм;

IV, VII, X — функция, аппроксимирующая спадающий участок графика распространения артефакта в культурном слое. Участок аппроксимации выделен рамкой в предыдущем столбце. Обозначение функции A(k). Индекс вверху обозначения — первая буква названия артефакта. Функция вычислена по формуле:

$$Б(k)=[1-\alpha(20)]^{k-i} R(i), \text{ при } k \geq i, \quad (3.4)$$

где для браслетов $i = 15$, $a^{Б}(20) = 0,46$;

для пряслиц $i = 11$, $a^{П}(20) = 0,23$;

для амфор $i = 15$, $a^{А}(20) = 0,70$.

Определения $a^{Б}(20)$, $a^{П}(20)$, $a^{А}(20)$ произведены далее в тексте;

V, VIII, XI — поступление в эксплуатацию браслетов (пряслиц, амфор) в интервале k. Обозначено $B^{Б}(k)$ [$B^{П}(k)$,$B^{А}(k)$]. Вычисляется по формуле (1.10).

Стеклянные браслеты в культурном слое резко убывают после 15 интервала. Выскажем предположение, что ввоз их вообще прекратился после 15 интервала (1240-1260 гг.), чему может быть найдено правдоподобное историческое объяснение. Тогда отношение смежных значений количеств браслетов, выпавших за двадцатилетние промежутки в культурный слой, должно быть согласно выражению (2.2) постоянно. Проверяем:

$$1-\alpha^{Б}(20)=\frac{R^{Б}(16)}{R^{Б}(15)}=\frac{13,0}{24,0}=0,542; \quad (3.5)$$

$$1-\alpha^{Б}(20)=\frac{R^{Б}(17)}{R^{Б}(16)}=\frac{7,0}{13,0}=0,538; \quad (3.6)$$

$$1-\alpha^{Б}(20)=\frac{R^{Б}(18)}{R^{Б}(17)}=\frac{3,5}{7,0}=0,500; \quad (3.7)$$

$$1-\alpha^{Б}(20)=\frac{R^{Б}(19)}{R^{Б}(18)}=\frac{2,0}{3,5}=0,571. \quad (3.8)$$

Предположение проходит (по-видимому, здесь же и ответ на вопрос — производились или нет стеклянные браслеты в Новгороде Великом после 1250г.). Среднее из вычислений (3.5) — (3.8) примем за истину т. е.

$$1-\alpha^{А}(20)=0,54;\ \alpha^{А}(20)=0,46. \quad (3.9)$$

Вычисленные с этой величиной по формуле (3.4) значения функции, аппроксимирующей спадающий участок графика распространения стеклянных браслетов в культурном слое Новгорода, приведены в столбце IV таблицы 1. Участок аппроксимации выделен рамкой в столбце III таблицы 1.

О точности. Погрешность складывается из погрешности исходных данных и погрешности обработки. Здесь и далее оценивается только погрешность обработки (замечание А.Г. Козинцева). Для браслетов массив данных более чем велик (5226 экз.), он уникален. Достоверность исходных материалов вне критики, ибо если каждый раскоп считать за выборку из генеральной совокупности, то для браслетов этих выборок по Неревскому раскопу было 25 (Полубояринова 1963: 169, прим. 64). К сожалению, в (Хорошев 1994: 58, рис.4) исходные данные участвуют в виде графиков, а не чисел. Погрешность же съёма данных с графика приблизительно равна (0,5 — 1,0 мм.). Учитывая это, а также количество точек, подвергшихся обработке, будем считать, что точность определения величины $[1-\alpha^{Б}(20)]$ равна (7-8)%, то есть ±0,04. Поэтому $\alpha^{Б}(20)=0,46\pm0,04$.

Согласно (3.3)

$$\alpha^{Б}(1)=\sqrt[20]{1-\alpha^{Б}(20)}=0,031\pm0,005. \quad (3.10)$$

Шиферные пряслица в культурном слое имеют тенденцию к уменьшению с 60^{х} годов XII века (11 интервал). Проверим предположение, что ввоз отсутствовал с 11 интервала.

$$1-\alpha^{П}(20)=\frac{R^{П}(12)}{R^{П}(11)}=\frac{23,0}{29,0}=0,793; \quad (3.11)$$

$$1-\alpha^{П}(20)=\frac{R^{П}(13)}{R^{П}(12)}=\frac{18,0}{23,0}=0,783; \quad (3.12)$$

$$1-\alpha^{П}(20)=\frac{R^{П}(14)}{R^{П}(13)}=\frac{13,5}{18,0}=0,750; \quad (3.13)$$

$$1-\alpha^{П}(20)=\frac{R^{П}(15)}{R^{П}(14)}=\frac{10,0}{13,5}=0,741; \quad (3.14)$$

* * * * * * * * * * * *
* * * * * * * * * * * *

$$1-\alpha^{П}(20)=\sqrt[4]{1-\bar{\alpha}^{П}(80)}=\sqrt[4]{\frac{R^{П}(15)}{R^{П}(11)}}=0,766\approx0,77; \quad (3.15)$$

$$1-\alpha^{П}(20)=\sqrt[8]{1-\alpha^{П}(160)}=\sqrt[8]{\frac{R^{П}(19)}{R^{П}(11)}}=0,768\approx0,77. \quad (3.16)$$

Предположение верно. За истинное значение величины $[1-\alpha^{П}(20)]$ примем 0,77. Точность её определения, учитывая сказанное по этому поводу выше, равна 5%, т. е.±0,04. Поэтому $\alpha^{I}(20)=0,23\pm0,04$, а

$$\alpha^{П}(1)=1-\sqrt[20]{1-\alpha^{П}(20)}=0,013\pm0,003. \quad (3.17)$$

Южные амфоры начинают исчезать из культурного слоя Неревского конца после 1250 года и за 60 лет исчезают окончательно. Их коэффициент археологизации может быть вычислен из выражения:

$$1-\alpha^{А}(20)=\sqrt{1-\alpha^{А}(40)}=\sqrt{\frac{R^{А}(17)}{R^{А}(15)}}=0,302\approx0,30. \quad (3.18)$$

Точность определения этой величины примем равной ±33%, т.е. ±0,10. Следовательно, $\alpha^{А}(20)=0,70\pm0,10$, а

$$\alpha^{А}(1)=1-\sqrt[20]{1-\alpha^{А}(20)}=0,061\pm0,016. \quad (3.19)$$

Таким образом, в нашем распоряжении имеются значения коэффициентов археологизации стеклянных браслетов, шиферных пряслиц и южных амфор. С их помощью по формуле (1.10) рассчитаны исходные данные диаграмм поступления в распоряжение жителей Неревского конца стеклянных браслетов, шиферных пряслиц и южных амфор (столбцы V, VIII, XI таблицы 1). Данные эти имеют, конечно, ориентировочный характер. Точность их определяется наличием «нескомпенсированных» остатков ввоза на участках, где он «принципиально» отсутствует. Это интервалы, соответствующие спадающим по экспоненте участкам графика отложений. Например, для диаграммы ввода в эксплуатацию пряслиц точность равна отношению ввоза в 12 интервале (здесь он должен отсутствовать) к ввозу в 11 интервале, т. е. $\frac{2,9}{15,6}\approx20\%$.

«Глобальные» расчеты по всему Неревскому концу, однако, не главное. «Главное намерение археолога заключается в реконструкции локально-хронологических комплексов» (Янин 1994: 9) и знание коэффициентов археологи-

зации при осуществлении этих намерений может оказать существенную помощь. Как они вычисляются на большом объёме данных, мы рассмотрели. Задача в том, чтобы получать их, эти коэффициенты, из небольших выборок. Для этого необходимо знать, как теоретически выглядит ввоз при известном отложении материальных остатков.

4. Аналитическая форма графика отложения материальных остатков

В разделах 1 и 2 основные зависимости были получены недостаточно строго, грубо говоря, «на пальцах». Здесь мы попытаемся расширить круг используемых аналитических выражений и получить те же результаты при более строгом подходе. Для кого разделы 1 и 2 убедительны, этот можно не читать, разве что просмотреть рис.2, 3 и выводы в конце этого раздела. Можно ограничиться одним выводом 10, имеющим основополагающее значение для экспресс-определения коэффициента археологизации.

Задачей раздела является получение аналитического выражения для распределения материальных остатков по слоям при ввозе (вводе в эксплуатацию), заданном в общем виде. Если во время существования слоя i ввезено B(i) прясли, то к началу следующего (i+1) слоя из них в обращении останется $(1-\alpha i)B(i)$ (Все обозначения соответствуют разделам 1 и 2). Если k>i, то к началу слоя k или, что тоже самое, к концу слоя (k-1) из ввезённых во время существования слоя i прясли в эксплуатации останется

$$(1-\alpha_{k-1}) \times(1-\alpha_{k-2}) \times\ldots\times(1-\alpha_{i+1}) \times(1-\alpha_i) \times B(i)= =B(i) \times \prod_{j=i}^{k-1}(1-\alpha_j). \quad (4.1)$$

Для нахождения общего количества прясли, имеющихся в обращении к началу существования слоя k $\left[C(k)\right]$, необходимо просуммировать выражение (4.1) по всем слоям, предшествующим слою k, т. е. от i = 1 до i = k-1. Таким образом,

$$C(k)=\sum_{i=1}^{k-1} B(i) \times \prod_{j=i}^{k-1}(1-\alpha_j). \quad (4.2)$$

Учитывая основное определение (1.2), количество вышедших из употребления прясли за время существования слоя k, будет равно:

$$R(k)=\alpha k[\sum_{i=1}^{k-1} B(i) \times \prod_{j=i}^{k-1}(1-\alpha_j)+B(k)]. \quad (4.3)$$

При исследовании выражения (4.3) для получения более наглядных закономерностей, как и ранее в разделе 1 (см.1.8), принимаем, что коэффициент археологизации постоянен в течение всего времени образования культурного слоя. Тогда:

$$R(k)=\alpha\left[\sum_{i=1}^{k-1} B(i)(1-\alpha)^{k-i}+B(k)\right]=\alpha\sum_{i=1}^{k} B(i)(1-\alpha)^{k-i}$$

; k= 1, 2, ... (4.4)

Это и есть искомая аналитическая форма графика отложения материальных остатков.

Рассмотрим теперь, как будет выглядеть выражение (4.4), если ввоз скачком появляется, остаётся неизменным некоторое время и скачком исчезает, то есть

$B(1) = B(2) = \ldots = B(i) = \ldots = B(m) = B;\ B(m+1) = =B(m+2) = \ldots = B(n) = 0.$ (4.5)

Подставляя (4.5) в (4.4), получаем:

$$R(k)=\begin{cases} \alpha B\sum_{i=1}^{k}(1-\alpha)^{k-i}; & k=1,\ 2,\ \ldots,\ m \\ (1-\alpha)^{k-m}\alpha B\sum_{i=1}^{m}(1-\alpha)^{m-i}; & k=m+1,\ m+2,\ \ldots \end{cases} \quad (4.6)$$

В выражении (4.6) верхнее равенство с увеличением k представляет последовательность нарастающих по величине членов, огибающая которых асимптотически приближается к постоянной величине, равной B, а огибающая нижней последовательности при увеличении k асимптотически приближается к 0. Учитывая, что в выражении (4.6) сомножитель со знаком Σ является суммой геометрической прогрессии, имеем:

$$R(k)=\begin{cases} B\left[1-(1-\alpha)^{k}\right]; & k=1,\ 2,\ \ldots,\ m. \\ (1-\alpha)^{k-m}B\left[1-(1-\alpha)^{m}\right]; & k=m+1, m+2,\ \ldots \end{cases} \quad (4.7)$$

Выражение (4.7) может быть представлено в виде рекуррентной зависимости:

$$R(k)=\begin{cases} (1-\alpha)R(k-1)+R(1); & k=1,\ 2,\ \ldots, m. \\ (1-\alpha)R(k-1); & k=m+1, m+2,\ \ldots \end{cases} \quad (4.8)$$

Приращения функции R(k) [$\Delta R(k)$, обозначения см. (2.5), (2.6)] имеют вид:

$$\Delta R(k)=\begin{cases} \alpha B(1-\alpha)^{k-1}; & k=1,\ 2,\ \ldots,\ m. \\ -\alpha B\left[1-(1-\alpha)^{m}\right](1-\alpha)^{k-m-1}; & k=m+1,\ m+2,\ \ldots \end{cases} \quad (4.9)$$

Приращения также могут быть выражены в виде рекуррентной зависимости:

$$\Delta R(k)=\begin{cases} (1-\alpha)\Delta R(k-1); & k=1,\ 2,\ \ldots,\ m. \\ (1-\alpha)\Delta R(k-1)-\Delta R(1); & k=m+1. \\ (1-\alpha)\Delta R(k-1); & k=m+2,\ m+3,\ \ldots \end{cases} \quad (4.10)$$

В таблице 2 и на рис.2,3 приведены значения R(k) и $\Delta R(k)$, рассчитанные по формуле (4.7), для α=0,1; 0,3; 0,5; 0,7; при условии B(1)= B(2)=...= B(6)=1; B(7)= B(8)=...=0.

Таблица 2
Расчетные значения R(k) и ΔR(k) при различных α

α	k	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
0,1	R(k)	0,10	0,19	0,27	0,34	0,41	0,47	0,42	0,38	0,34	0,31	0,28	0,25	0,22	0,20
	ΔR(k)	0,10	0,09	0,08	0,07	0,07	0,06	-0,05	-0,04	-0,04	-0,03	-0,03	-0,03	-0,03	-0,02
0,3	R(k)	0,30	0,51	0,66	0,76	0,83	0,88	0,62	0,43	0,30	0,21	0,15	0,10	0,07	0,05
	ΔR(k)	0,30	0,21	0,15	0,10	0,07	0,05	-0,26	-0,19	-0,13	-0,09	-0,06	-0,05	-0,03	-0,02
0,5	R(k)	0,50	0,75	0,88	0,94	0,97	0,98	0,49	0,24	0,12	0,06	0,03	0,02	0,01	0,00
	ΔR(k)	0,50	0,25	0,13	0,06	0,03	0,01	-0,49	-0,25	-0,12	-0,06	-0,03	-0,01	-0,01	-0,01
0,7	R(k)	0,70	0,91	0,97	0,99	1,00	1,00	0,30	0,09	0,03	0,01	0,00			
	ΔR(k)	0,70	0,21	0,06	0,02	0,01	0,00	-0,70	-0,21	-0,06	-0,02	-0,01			

Из таблицы 2, рисунков 2,3 и аналитических выражений (4.6)-(4.10) можно сделать следующие выводы:

1. Чем больше коэффициент археологизации, тем быстрее достигается равенство ввоза и отложения остатков, т. е. график отложения ближе к графику ввоза.

2. Чем меньше коэффициент археологизации, тем медленнее исчезает из обращения рассматриваемый артефакт, т. е. тем длиннее «хвост» графика отложения.

3. Площадь под кривой графика отложения равна площади под кривой ввоза, т. е. весь ввоз рано или поздно становится артефактом (чисто теоретический вывод, ибо часть материальных предметов, представленных в графике отложения, «уходит» в могильники, с продуктами дальнейшего обмена, при вторичной переработке или уничтожается без следа).

4. Выпуклость вниз и постоянство отношения двух последовательных значений функции на спадающем (убывающем) участке графика отложения свидетельствует об отсутствии ввоза и позволяет определить коэффициент археологизации [см.(4.8)].

5. Выпуклый вверх характер нарастающего участка графика отложения и постоянство отношения двух последовательных приращений отложений артефакта свидетельствуют о скачкообразном появлении и в дальнейшем неизменном ввозе. Это также позволяет достаточно просто определить коэффициент археологизации [см.(4.10)].

Были также проанализированы кривые отложений, которые возникают при равномерно возрастающем и равномерно убывающем ввозе («треугольный» ввоз) и при ввозе, возрастающем и убывающем по экспоненте, что позволило сделать следующие дополнительные выводы:

6. Линейно возрастающему участку ввоза соответствует начальный участок графика отложения артефактов выпуклостью вниз $\left[\Delta R(k) < \Delta R(k+1)\right]$, линейно убывающему участку ввоза — участок графика отложения выпуклостью вверх $\left[\Delta R(k) > \Delta R(k+1)\right]$.

7. Линейное изменение ввоза характеризуется постоянством отношения разницы приращений отложений, т. е. [см.(2.9)]

$$1-\alpha = \frac{\Delta R(k+1) - \Delta R(k)}{\Delta R(k) - \Delta R(k-1)}. \qquad (4.11)$$

8. Точки перегиба графика отложения материальных остатков соответствуют точкам перегиба в огибающей ввоза.

9. Процесс отложения материальных остатков подчиняется принципу суперпозиции, т. е. любой формы ввоз может быть разложен на «простые» ввозы (ступенька, треугольник и т.д.), сумма отложений которых будет равна отложению подвергнутого разъятию ввоза.

10. Определим физический смысл коэффициента археологизации. С этой целью подсчитаем объём отложений материальных остатков после прекращения ввоза, т. е. на убывающем участке. По своей сути это тот объём предметов, представленных материальными остатками, который есть в обращении (употреблении) на момент прекращения ввоза. И весь этот объём полностью перейдёт в отложения. Если в условиях (4.5) интервал прекращения ввоза был обозначен m+1, то вышесказанное можно записать так:

$$C(m+1)= \sum_{k=m+1}^{\infty} R(k). \qquad (4.12)$$

Учитывая связь между отложениями на убывающем участке [см.(4.8)], имеем:

$$C(m+1) = R(m+1) + (1-\alpha)R(m+1) + (1-\alpha)^2 R(m+1) +$$
$$+ (1-\alpha)^3 R(m+1) + \ldots = \frac{R(m+1)}{\alpha}. \qquad (4.13)$$

Из (4.13) и (4.12) следует, что коэффициент археологизации может быть определён на спадающем участке по формуле:

$$\alpha = \frac{R(m+1)}{C(m+1)} = \frac{R(m+1)}{\sum_{k=m+1}^{\infty} R(k)}. \qquad (4.14)$$

т.е. для определения α необходимо первый член спадающего участка (обратим внимание: это не точка перегиба, а следующая), разделить на сумму его и всех остальных слагаемых. Если выражение (4.13) трактовать как площадь, то величина 1/α является временем, за которое весь объем рассматриваемых предметов превращается в артефакты при условии, что отложение остаётся неизменным и равным R(m+1). Иначе: 1/α- это среднее время, за ко-

торое предмет, поступивший в эксплуатацию, превращается в артефакт. В демографии величина, обратная вычисленной в [(4.14)], называется средней продолжительностью жизни. Мы эту величину — $1/\alpha$ — будем называть средней продолжительностью существования предмета в живой культуре до его превращения в артефакт. Очевидно, что рассуждения, предшествующие (4.12), (4.13), (4.14), могут быть повторены на спадающем участке графика отложения, т.е. там, где отсутствует ввоз, для любого момента времени. Следовательно, выражение (4.14) справедливо для любого интервала спадающего участка.

Применим формулу (4.14) для данных таблицы 1. Данные таблицы взяты через 20 лет, поэтому коэффициент археологизации определяется за 20 лет.

$$\alpha^{Б}(20)=\frac{R^{Б}(16)}{\sum_{k=16}^{20} R^{Б}(k)}=0{,}48.$$

В разделе 3 он был определён равным 0,46±0,04. (4.15)

$$\alpha^{П}(20)=\frac{R^{п}(12)}{\sum_{k=12}^{23} R^{п}(k)}=0{,}24. \quad (4.16)$$

В разделе 3 он был определён равным 0,23±0,04.

$$\alpha^{А}(20)=\frac{R^{А}(15)}{\sum_{k=15}^{18} R^{А}(k)}=0{,}63. \quad (4.17)$$

В разделе 3 он был определён равным 0,70±0,10.

Переходя по формуле (3. 2) от $\alpha(20)$ к $\alpha(1)$, получим:

$\alpha^{Б}(1)=0{,}032$; $\alpha^{П}(1)=0{,}014$; $\alpha^{А}(1)=0{,}049$. (4.18)

Следовательно, по данным Неревских раскопов среднее время существования стеклянного браслета равно 31,2 года; шиферного пряслича — 71,4 года; амфоры, в которых доставлялись южные товары, — 20,4 года.

5. Подготовка исходных данных

Сведения, которые выдаёт археологическая практика, в силу множества объективных причин не всегда адекватны процессу отложения артефактов и очень редко представляют сумму большого числа выборок из одной и той же генеральной совокупности. Рассмотренный в разделе 3 материал, когда закон больших чисел позволяет обойтись без критики источника, исключителен. «Признавая критику источников краеугольным камнем всякого исследования, мы хотели бы лишь обратить внимание на то, что само понятие «достоверности» обладает известной относительностью. И безусловное доверие к «достоверным» источникам, и столь же категорический отказ от использования «недостоверных» могут привести к нецелесообразным решениям... Дело сводится к соответствию между типом источника и методикой его обработки» (Лотман 1993: 325). Последовательность действий при обработке небольшой выборки, представленной в двух формах, рассмотрим на примере анализа имеющихся в нашем распоряжении полигонов распространения стеклянных браслетов, шиферных пряслиц и южных амфор в культурном слое усадьбы «А» Троицкого раскопа Новгорода (Хорошев 1994: 59-61).

Для практического использования полигонов их необходимо преобразовать в графики и оценить погрешность полученных данных. Преобразование полигонов в графики начнём с того, что все сведения с ярусологией по Черницыной улице совместим в таблице 3.

Данные столбцов II, IV взяты из правой части рис.2 (Хорошев 1994: 57), столбцов III, V, VI, VII- из рисунков 5, 6, 7 (Хорошев 1994: 59-60). Для сопряжения относительной (Хорошев 1994: 57, рис.2) и абсолютной (Хорошев 1994: 59-60) шкал времени период между 14 и 15 мостовыми взят 16 лет (по Хорошев 1994: 57, рис.2, он составляет 6 лет), а между 12 и 13 мостовыми — 13 лет (по Хорошев 1994: 57, рис.2, — 23 года). Правомерность проделанного подтверждается тем, что в этом случае граница одного из ярусов точно ложится на приведенную в (Хорошев 1994: 57) «узкую» дендрохронологическую дату конкретной мостовой Черницыной улицы — 1214 год (таблица 3, строка 12). Сличение всего набора дат начала существования ярусов из таблицы 3 с другим источником дат сооружения мостовых Черницыной улицы (Янин, Колчин 1978: 32-42) дало их совпадение с точностью ± год для 1108, 1128, 1198, 1214, 1248, 1344 г.г. Не совпали лишь две даты между 1128 и 1198 г.г., но они лежат вне поля корректировки и сомнению не подвергаются.

В таблицу 4 сведены данные полигонов распространения тех же артефактов, в том же раскопе, но с ярусологией, приведенной к Пробойной улице.

Данные о длительности существования ярусов (столбцы II, IV) взяты из левой части рис.2 (Хорошев 1994: 57). Чтобы абсолютные даты границ ярусов совпали с характерными точками на рис.8, 9, 10 (Хорошев 1994: 60-61), время существования яруса между мостовыми 19-20 взято равным 14 годам, между мостовыми 16-18 равным 19 годам, между мостовыми 14-15 — 17 лет, между мостовыми 7-8 — 28 лет. По рис.2 эти временные интервалы соответственно равны 4, 9, 27 и 18 годам. Полученные абсолютные даты ярусов по Пробойной улице коррелируются с «вселюдиным» пожаром 1209 года и «всеновгородскими» пожарами 1267, 1340, 1368 годов, что подтверждает правомерность проделанного.

Таблица 3

Распределение артефактов в культурном слое усадьбы «А» Троицкого раскопа. Ярусология по Черницыной улице

N п/п	Ярус между мостовыми	Даты яруса (годы)	ΔT (годы)	Количество в ярусе (шт.)		
				$r^{Б}(N)$	$r^{П}(N)$	$r^{А}(N)$
I	II	III	IV	V	VI	VII
1	29-26	961-1020	60		27	4
2	26-25	1021-1040	20		11	3
3	25-23	1041-1049	9		18	2
4	23-22	1050-1065	16		13	4
5	22-21	1066-1081	16		18	7
6	21-20	1082-1107	26	1	27	17
7	20-18	1108-1127	20	2	31	19
8	18-17	1128-1142	15	5	32	38
9	17-16	1143-1186	44	8	20	36
10	16-15	1187-1197	11	14	15	19
11	15-14	1198-1213	16	46	16	15
12	14-13	1214-1247	34	63	8	5
13	13-12	1248-1260	13	121	12	1
14	12-11	1261-1269	9	54	3	
15	11-10	1270-1289	20	31	1	
16	10-9	1290-1299	10	19	2	
17	9-8	1300-1331	32	13	4	
18	8-6	1332-1343	12	5	5	
19	6-5	1344-1381	38	2	1	
20	5-4	1382-1389	8	0	2	
			Σ	384	266	170

Содержание столбцов таблицы 3:
IV — ΔT — время существования яруса (лет);
V — $r^{Б}(N)$ — количество браслетов в ярусе под порядковым номером N (шт.);
VI — $r^{П}(N)$- количество пряслиц в ярусе под порядковым номером N (шт.);
VII- $r^{А}(N)$- количество амфор в ярусе под порядковым номером N (шт.).

Таблица 4

Распределение артефактов в культурном слое усадьбы «А» Троицкого раскопа. Ярусология по Пробойной улице

N п/п	Ярус между мостовыми	Даты яруса (годы)	ΔT (годы)	Количество в ярусе (шт.)		
				$r^{Б}(N)$	$r^{П}(N)$	$r^{А}(N)$
I	II	III	IV	V	VI	VII
1	29-26	1006-1029	24		27	4
2	26-25	1030-1049	20		9	3
3	25-23	1050-1062	13		22	2
4	23-22	1063-1072	10		15	5
5	22-21	1073-1086	14	2	24	14
6	21-20	1087-1135	49	3	43	23
7	20-19	1136-1149	14	5	37	41
8	19-18	1150-1157	8	5	14	27
9	18-16	1158-1176	19	10	13	22
10	16-15	1177-1209	33	22	12	14
11	15-14	1210-1226	17	48	10	10
12	14-13	1227-1242	16	80	9	3
13	13-12	1243-1266	24	70	7	2
14	12-11	1267-1284	18	68	4	
15	11-10	1285-1304	20	42	3	
16	10-9	1305-1325	21	20	5	
17	9-8	1326-1340	15	8	6	
18	8-7	1341-1368	28	1	2	
19	7-6	1369-1385	17		1	
20	6-5	1386-1397	12		2	
21	5-4	1398-1405	8		1	
			Σ	384	266	170

Содержание столбцов таблицы 4 совпадает с содержанием столбцов таблицы 3.

Следующим этапом подготовки данных является преобразование последовательности ярусов в последовательность равных интервалов времени. Как и ранее в качестве единицы равномерной шкалы времени возьмём промежуток в 20 лет. Дата самой нижней мостовой — 961 год. Поэтому, как и в таблице 1, первый интервал времени (k=1) будет 961-980 год, второй (k=2) — 981-1000 год, третий (k=3) — 1001-1020 год и так далее. Нашей задачей является распределить все находки, данные о количестве которых внутри ярусов мы имеем, между двадцатилетними интервалами, перекрывающими ярусы. Рассмотрим решение этой задачи на примере приведенного к ярусам по Черницыной улице полигона распространения

Таблица 5

Преобразование сведений полигона распространения стеклянных браслетов в культурном слое усадьбы «А» Троицкого раскопа (ярусология по Черницыной улице) в исходные данные графика выхода стеклянных браслетов из употребления

Сведения полигона из таблицы 3					Процесс преобразования	Исходные данные графика		
№	Ярус между мостовыми	Даты яруса годы	ΔT лет	$r^5(N)$ шт.		$R^5(k)$ шт.	Годы	k
I	II	III	IV	V	IX	X	XI	XII
5	22-21	1066-1081	16	0	0,73	0,73	1081-1100	7
6	21-20	1082-1107	26	1	⇐ 0,27	1,57	1101-1120	8
7	20-18	1108-1127	20	2	1,30 ⇐ 0,70	5,03	1121-1140	9
8	18-17	1128-1142	15	5	4,33 ⇐ 0,67	3,94	1141-1160	10
9	17-16	1143-1186	44	8	3,27 ⇐ 3,64	3,64	1161-1180	11
10	16-15	1187-1197	11	14	1,09 ⇐ 14,00	23,72	1181-1200	12
11	15-14	1198-1213	16	46	8,63 ⇐ 37,37	50,34	1201-1220	13
12	14-13	1214-1247	34	63	12,97 ⇐ 37,06	37,06	1221-1240	14
13	13-12	1248-1260	13	121	12,97 ⇐ 121,00	133,97	1241-1260	15
14	12-11	1261-1269	9	54	54,00 ⇐ 17,05	71,05	1261-1280	16
15	11-10	1270-1289	20	31	13,95 ⇐ 19,00	33,35	1281-1300	17
16	10-9	1290-1299	10	19	0,40 ⇐ 00,00	8,20	1301-1320	18
17	9-8	1300-1331	32	13	8,20 ⇐ 3,75	8,15	1321-1340	19
18	8-6	1332-1343	12	5	4,40 ⇐ 1,25	2,14	1341-1360	20
19	6-5	1344-1381	38	2	0,89 ⇐ 1,05	1,05	1361-1380	21
20	5-4	1382-1389	8	0	0,06	0,06	1381-1400	22
				Σ384		Σ384		

Содержание столбцов:
V — $r^5(N)$ — количество браслетов в ярусе под номером N (шт.);
X — $R^5(N)$ — расчетное число браслетов в двадцатилетнем интервале под номером k (шт.);
XII — k — порядковый номер интервала.

стеклянных браслетов в культурном слое усадьбы «А» Троицкого раскопа (см. таблицу 5).

Ярус, в котором впервые появляются браслеты, заключён между 20 и 21 мостовыми и имеет номер 6. Его даты — 1082-1107 год. Он перекрывается двумя интервалами — седьмым (1181-1100 год) и восьмым (1101-1120 год). Можно считать, что единственный браслет, найденный внутри этого яруса, с одинаковой вероятностью мог быть потерян в любом году, относящемуся к этому ярусу, т. е. вероятность потери браслета внутри яруса распределена равномерно. Следовательно, вероятность того, что браслет потерялся в течение 7 интервала будет пропорциональна числу лет, приходящихся на этот интервал внутри 6 яруса, т. е. $19\times\frac{1}{26}=0{,}73$, где 26 — время существования 6 яруса, а 19 — число лет яруса, приходящихся на 7 интервал (1082 — 1100). На 8 интервал приходится 7 лет (1101 — 1107 год) из времени существования 6 яруса, т. е. вероятность браслета из яруса, обозначенного №6, попасть в 8 интервал будет равна $7\times\frac{1}{26}=0{,}27$. Так как браслет всего один, то условное число браслетов из 6 яруса, приходящееся на 7 интервал, равно 0,73, а на 8 интервал — 0,27. В таблице 5 (столбец IX) это обозначено верхним прямоугольником, стрелка слева от него показывает ярус, к которому он относится, а строки прямоугольника относятся к 7 и 8 двадцатилетним интервалам, перекрывающим этот ярус.

Условное число браслетов из 7 яруса (1108-1127), попавших в 8 интервал (1101-1120), будет равно $13\times\frac{1}{20}\times2=1{,}30$, где 13 — число лет 7 яруса, приходящееся на 8 интервал; 20 — длительность 7 яруса; 2 — число найденных в 7 ярусе браслетов. На 9 интервал (1121-1140) из этого яруса приходится $7\times\frac{1}{20}\times2=0{,}70$ браслетов. Эти данные занесены в следующий прямоугольник. И так далее. Суммирование по строкам столбца IX даёт расчётное число браслетов (столбец X) в двадцатилетнем интервале (столбец XI) под порядковым номером k (столбец XII). Переход к равновеликим интервалам времени осуществлён. Подобная же работа была проделана для шиферных пряслиц (таблица 6) и южных амфор (таблица 7) из культурного слоя усадьбы «А» Троицкого раскопа, ус-

Таблица 6

Преобразование сведений полигона распространения шиферных пряслиц в культурном слое усадьбы «А» Троицкого раскопа (ярусология по Черницыной улице) в исходные данные графика выхода шиферных пряслиц из употребления

Сведения полигона из таблицы 3					Процесс преобразования	Исходные данные графика		
№	Ярус между мостовыми	Дата яруса годы	ΔT лет	$r^{П}(N)$ шт.		$R^{П}(k)$ шт.	Годы	k
I	II	III	IV	VI	IX	X	XI	XII
					9,00	9,00	961-980	1
					9,00	9,00	981-1000	2
1	29-26	961-1020	60	27	⇐ 9,00	9,00	1001-1020	3
2	26-25	1021-1040	20	11	⇐ 11,00	11,00	1021-1040	4
3	25-23	1041-1049	9	18	8,94 ⇐ 18,00	26,94	1041-1060	5
4	23-22	1050-1065	16	13	⇐ 4,06 ⇐ 16,90	20,96	1061-1080	6
5	22-21	1066-1081	16	18	⇐ 1,10 ⇐ 19,70	20,80	1081-1100	7
6	21-20	1082-1107	26	27	20,15 ⇐ 7,30	27,45	1101-1120	8
7	20-18	1108-1127	20	31	⇐ 10,85 ⇐ 27,70	38,55	1121-1140	9
8	18-17	1128-1142	15	32	⇐ 4,30 ⇐ 8,20	12,50	1141-1160	10
9	17-16	1143-1186	44	20	⇐ 9,10	9,10	1161-1180	11
10	16-15	1187-1197	11	15	⇐ 15,00 ⇐ 3,00 ⇐ 2,70	20,70	1181-1200	12
11	15-14	1198-1213	16	16	⇐ 13,00 ⇐ 1,65	14,65	1201-1220	13
12	14-13	1214-1247	34	8	⇐ 4,70	4,70	1221-1240	14
13	13-12	1248-1260	13	12	⇐ 12,00 ⇐ 1,65	13,65	1241-1260	15
14	12-11	1261-1269	9	3	⇐ 3,00 ⇐ 0,55	3,55	1261-1280	16
15	11-10	1270-1289	20	1	2,00 ⇐ 0,13 ⇐ 0,45	2,58	1281-1300	17
16	10-9	1290-1299	10	2	⇐ 0,00 ⇐ 2,50	2,50	1301-1320	18
17	9-8	1300-1331	32	4	⇐ 1,37 ⇐ 3,75	5,12	1321-1340	19
18	8-6	1332-1343	12	5	0,45 ⇐ 1,25	1,70	1341-1360	20
19	6-5	1344-1381	38	1	⇐ 0,55	0,55	1361-1380	21
20	5-4	1382-1389	8	2	⇐ 2,00	2,00	1381-1400	22
				Σ266		Σ266		

$R^{П}(N)$ — расчетное число пряслиц в двадцатилетнем интервале под номером k (шт.).

Таблица 7

Преобразование сведений полигона распространения южных амфор в культурном слое усадьбы «А» Троицкого раскопа (ярусология по Черницыной улице) в исходные данные графика выхода южных амфор из употребления

Сведения полигона из таблицы 3					Процесс преобразования	Исходные данные графика		
№	Ярус между мостовыми	Дата яруса годы	ΔT лет	$r^{А}(N)$ шт.		$R^{А}(k)$ шт.	Годы	k
I	II	III	IV	VI	IX	X	XI	XII
					1,33	1,33	961-980	1
					1,33	1,33	981-1000	2
1	29-26	961-1020	60	4	⇐ 1,34	1,34	1001-1020	3
2	26-25	1021-1040	20	3	⇐ 3,00	3,00	1021-1040	4
3	25-23	1041-1049	9	2	2,75 ⇐ 2,00	4,75	1041-1060	5
4	23-22	1050-1065	16	4	⇐ 1,25 ⇐ 6,58	7,81	1061-1080	6
5	22-21	1066-1081	16	7	⇐ 0,44 ⇐ 12,44	12,88	1081-1100	7
6	21-20	1082-1107	26	17	12,35 ⇐ 4,56	16,91	1101-1120	8
7	20-18	1108-1127	20	19	⇐ 6,65 ⇐ 32,93	39,58	1121-1140	9
8	18-17	1128-1142	15	38	⇐ 5,07 ⇐ 14,73	19,80	1141-1160	10
9	17-16	1143-1186	44	36	⇐ 16,36	16,36	1161-1180	11
10	16-15	1187-1197	11	19	⇐ 19,00 ⇐ 2,81 ⇐ 4,91	26,72	1181-1200	12
11	15-14	1198-1213	16	15	⇐ 12,19 ⇐ 1,03	13,22	1201-1220	13
12	14-13	1214-1247	34	5	⇐ 2,94	2,94	1221-1240	14
13	13-12	1248-1260	13	1	⇐ 1,00 ⇐ 1,03	2,03	1241-1260	15
				Σ170		Σ170		

$R^{А}(k)$ — расчетное число амфор в двадцатилетнем интервале под номером k (шт.).

Таблица 8

Преобразование сведений полигона распространения стеклянных браслетов в культурном слое усадьбы «А» Троицкого раскопа (ярусология по Пробойной улице) в исходные данные графика выхода стеклянных браслетов из употребления

Сведения полигона из таблицы 4					Процесс преобразования	Исходные данные графика		
№	Ярус между мостовыми	Дата яруса годы	ΔT лет	$r^{Б}(N)$ шт.		$R^{Б}(k)$ шт.	Годы	k
I	II	III	IV	V	IX	X	XI	XII
4	23-22	1063-1072	10	0	1,14 ⇐ 0,86	1,14	1061-1080	6
5	22-21	1073-1086	14	2		1,72	1081-1100	7
6	21-20	1087-1135	49	3	0,86 ⇐ 1,23	1,23	1101-1120	8
7	20-19	1136-1149	14	5	0,91 ⇐ 1,79	2,70	1121-1140	9
8	19-18	1150-1157	8	5	5,00 ⇐ 1,58 ⇐ 3,21	9,79	1141-1160	10
9	18-16	1158-1176	19	10	8,42 ⇐ 2,67	11,09	1161-1180	11
10	16-15	1177-1209	33	22	⇐ 13,33	13,33	1181-1200	12
11	15-14	1210-1226	17	48	31,06 ⇐ 6,00	37,06	1201-1220	13
12	14-13	1227-1242	16	80	16,94 ⇐ 70,00	86,94	1221-1240	14
13	13-12	1243-1266	24	70	10,00 ⇐ 52,50	62,50	1241-1260	15
14	12-11	1267-1284	18	68	52,89 ⇐ 17,50	70,39	1261-1280	16
15	11-10	1285-1304	20	42	15,11 ⇐ 33,60	48,71	1281-1300	17
16	10-9	1305-1325	21	20	8,40 ⇐ 15,24	23,64	1301-1320	18
17	9-8	1326-1340	15	8	8,00 ⇐ 4,76	12,76	1321-1340	19
18	8-7	1341-1368	28	1	⇐ 0,71	0,71	1341-1360	20
19	7-6	1369-1385	17	0	0,29	0,29	1361-1380	21
				Σ384		Σ384		

$R^{Б}(k)$ — расчетное число браслетов в двадцатилетнем интервале под номером k (шт.).

Таблица 9

Преобразование сведений полигона распространения шиферных пряслиц в культурном слое усадьбы «А» Троицкого раскопа (ярусология по Пробойной улице) в исходные данные графика шиферных пряслиц браслетов из употребления

Сведения полигона из таблицы 4					Процесс преобразования	Исходные данные графика		
№	Ярус между мостовыми	Дата яруса годы	ΔT лет	$r^{П}(N)$ шт.		$R^{П}(k)$ шт.	Годы	k
I	II	III	IV	VI	IX	X	XI	XII
1	29-26	1006-1029	24	27	16,87 ⇐ 4,95	16,87	1001-1020	3
2	26-25	1030-1049	20	9	10,13 ⇐ 4,05 ⇐ 18,62	15,08	1021-1040	4
3	25-23	1050-1062	13	22		22,67	1041-1060	5
4	23-22	1063-1072	10	15	15,00 ⇐ 13,71 ⇐ 3,38	32,09	1061-1080	6
5	22-21	1073-1086	14	24	10,29 ⇐ 12,29	22,58	1081-1100	7
6	21-20	1087-1135	49	43	⇐ 17,55	17,55	1101-1120	8
7	20-19	1136-1149	14	37	13,21 ⇐ 13,16	26,37	1121-1140	9
8	19-18	1150-1157	8	14	23,79 ⇐ 14,00 ⇐ 2,05	39,84	1141-1160	10
9	18-16	1158-1176	19	13	1,45 ⇐ 10,95	12,40	1161-1180	11
10	16-15	1177-1209	33	12	7,27	7,27	1181-1200	12
11	15-14	1210-1226	17	10	3,28 ⇐ 6,47	9,75	1201-1220	13
12	14-13	1227-1242	16	9	3,53 ⇐ 7,88	11,41	1221-1240	14
13	13-12	1243-1266	24	7	5,25 ⇐ 1,12	6,37	1241-1260	15
14	12-11	1267-1284	18	4	1,75 ⇐ 3,11	4,86	1261-1280	16
15	11-10	1285-1304	20	3	0,89 ⇐ 2,40	3,29	1281-1300	17
16	10-9	1305-1325	21	5	3,81 ⇐ 0,60	4,41	1301-1320	18
17	9-8	1326-1340	15	6	1,19 ⇐ 6,00	7,19	1321-1340	19
18	8-7	1341-1368	28	2	⇐ 1,43	1,43	1341-1360	20
19	7-6	1369-1385	17	1	0,71 ⇐ 0,57	1,28	1361-1380	21
20	6-5	1386-1397	12	2	0,29 ⇐ 2,00 ⇐ 0,38	2,67	1381-1400	22
21	5-4	1398-1405	8	1	⇐ 0,62	0,62	1401-1420	23
				Σ266		Σ266		

$R^{П}(k)$ — расчетное число пряслиц в двадцатилетнем интервале под номером k (шт.).

Таблица 10

Преобразование сведений полигона распространения южных амфор в культурном слое усадьбы «А» Троицкого раскопа (ярусология по Пробойной улице) в исходные данные графика выхода южных амфор из употребления

Сведения полигона из таблицы 4					Процесс преобразования	Исходные данные графика		
№	Ярус между мостовыми	Дата яруса годы	ΔT лет	$r^A(N)$ шт.		$R^A(k)$ шт.	Годы	k
I	II	III	IV	VII	IX	X	XI	XII
1	29-26	1006-1029	25	4	⇐ 2,50 1,50	2,50	1001-1020	3
2	26-25	1030-1049	20	3	⇐ 1,65 1,35	3,15	1021-1040	4
3	25-23	1050-1062	13	2	⇐ 1,69 0,31	3,04	1041-1060	5
4	23-22	1063-1072	10	5	⇐ 5,00	13,31	1061-1080	6
5	22-21	1073-1086	14	14	⇐ 8,00 6,00	12,57	1081-1100	7
6	21-20	1087-1135	49	23	⇐ 6,57 9,39 7,04	9,39	1101-1120	8
7	20-19	1136-1149	14	41	⇐ 14,64 26,36	21,68	1121-1140	9
8	19-18	1150-1157	8	27	⇐ 27,00	56,83	1141-1160	10
9	18-16	1158-1176	19	22	⇐ 3,47 18,53	20,23	1161-1180	11
10	16-15	1177-1209	33	14	1,70 ⇐ 8,49 3,81	8,49	1181-1200	12
11	15-14	1210-1226	17	10	⇐ 6,47 3,53	10,28	1201-1220	13
12	14-13	1227-1242	16	3	⇐ 2,63 0,37	6,16	1221-1240	14
13	13-12	1243-1266	24	2	⇐ 1,50 0,50	1,87	1241-1260	15
14	12-11	1267-1284	18	0		0,50	1261-1280	16
				Σ170		Σ170		

$R^A(k)$ — расчетное число амфор в двадцатилетнем интервале под номером k (шт.).

ловно распределённого между мостовыми Черницыной улицы.

Разбиение по тем же интервалам тех же артефактов из того же культурного слоя, но представленного распределённым между временными датами мостовых Пробойной улицы, произведено в таблицах 8, 9, 10. Таким образом, с помощью таблиц 5-10 осуществлён переход к равномерным интервалам, иначе — осуществлено разбиение культурного слоя на равновременные прослойки.

Очередным этапом в процессе подготовки данных является анализ возможности изменения численности коллектива, создававшего культурный слой на раскопанной площади. Для определения коэффициента археологизации — основной величины при вычислении всех прочих характеристик — необходимо, чтобы исходные данные на участке определения коэффициента археологизации были взяты не только за одинаковые отрезки времени, но чтобы в течение этого времени они образовывались примерно одним и тем же количеством людей с одной и той же площади. Сведения, необходимые для корректировки графиков отложения с этой точки зрения, имеются — это жилая площадь усадьбы и её изменения. Для раскопов, опубликованных Новгородской экспедицией, такая корректировка труда не составляет.

6. Вычисление необходимых для демографических расчётов сведений

Состав жителей любой усадьбы, если это, конечно, не специализированная мастерская, определяет количество и номенклатуру отложившихся на её территории артефактов. Количества бус, колтов, браслетов в культурном слое пропорциональны порознь и в сочетании женскому населению; количество игрушек — детскому; количества топоров, пил, столовой посуды, складных ножей — мужскому; объем кухонной посуды, остатки обуви, гребни, кресала, замки и ключи коррелированы, по-видимому, с общим населением усадьбы. Коэффициент пропорциональности между количеством предметов в живой культуре и численностью соотносимой им половозрастной группы зависит от социального уровня усадьбы и не может без дополнительных исследований быть перенесён с усадьбы одной площади на усадьбу другой площади. Однако если есть сведения об инвентаре погребений, соответствующих по социальному уровню, месту и времени анализируемой усадьбе, нарративные или иконографические источники, данные об инвентаре внеритуальных погребений после монгольского погрома и т.д., то определение численности половозрастных групп усадьбы в принципе возможно. Наша задача скромнее — определить число предметов в живой культуре.

Способ перехода от количества артефактов к числу соответствующих им предметов продемонстрируем на примере стеклянных браслетов, отложившихся на усадьбе «А» Троицкого раскопа. Исходными данными будем считать полусумму двух реализаций процесса отложения браслетов в культурном слое (столбец IV таблицы 11).

Реализации полагаем независимыми и равноточными. Сличение двух графиков распространения стеклянных браслетов в культурном слое (столбцы V, VI таблицы 11) показыва-

Таблица 11

Вычисление потребления стеклянных браслетов усадьбой «А» Троицкого раскопа

k	$R^{Б}(k)$			Расчет погрешности		Расчет потребления		
	Черницына улица	Пробойная улица	$\frac{II + III}{2}$	$\frac{II - III}{2}$	$\frac{\lvert II - III\rvert}{II + III}$	$\Delta R^{Б}(k)$	$\frac{\Delta R^{Б}(k)}{0,47}$	$B^{Б}(k)$
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
6	0,00	1,14	0,57	-0,57	1,00	0,57	1,22	1,22
7	0,73	1,72	1,22	-0,50	0,40	0,65	1,40	1,97
8	1,57	1,23	1,40	0,17	0,12	0,18	0,37	1,59
9	5,03	2,70	3,87	1,17	0,30	2,47	5,25	6,65
10	3,94	9,79	6,87	-2,93	0,43	3,00	6,38	10,25
11	3,64	11,09	7,36	-3,37	0,51	0,49	1,06	7,93
12	23,72	13,33	18,52	5,20	0,28	11,16	23,73	31,10
13	50,34	37,06	43,70	6,64	0,15	25,18	53,56	72,08
14	37,06	86,94	62,00	-24,94	0,40	18,30	38,93	82,63
15	133,97	62,50	98,24	35,73	0,36	36,24	77,10	139,10
16	71,05	70,39	70,72	0,33	0,00	-27,52	-58,55	39,69
17	33,35	40,71	41,03	-7,68	0,19	-29,69	-63,17	7,55
18	8,20	23,64	15,92	-7,72	0,48	-25,11	-53,43	-12,40
19	8,15	12,76	10,45	-2,30	0,22	-5,47	-11,63	4,29
20	2,14	0,71	1,43	0,72	0,49	-9,02	-19,21	-8,76
21	1,05	0,29	0,67	0,38	0,56	-0,76	-1,60	-0,17
22	0,06	0,00	0,03	0,03	1,00	-0,64	-1,36	-0,69
23	0,00	0,00	0,00	0,00		-0,03	-0,06	-0,03
Σ	384	384	384	0		0	0	384

Содержание столбцов:

IV — полусумма чисел браслетов из столбцов II и III. Обозначено $\frac{II + III}{2}$;

V — полуразность чисел браслетов из столбцов II и III. Обозначено $\frac{II - III}{2}$. *Характеризует возможное отклонение от среднего уровня (столбец IV) в любую сторону;*

VI — относительная погрешность среднего значения. Обозначено $\frac{\lvert II - III\rvert}{II + III}$;

VII — приращение числа браслетов в интервале k по отношению к интервалу (k-1). Обозначено $R^{Б}(k)$ *и вычисляется по (2.6);*

VIII — промежуточный результат вычислений. Обозначен и вычисляется как $\frac{\Delta R^{Б}(k)}{0,47}$, *где 0,47 — коэффициент археологизации стеклянных браслетов за 20 лет на усадьбе «А»;*

IX — потребление стеклянных браслетов усадьбой «А» во временном интервале k. Обозначено $B^{Б}(k)$. *Вычисляется по формуле [см. выражение (1.10)]:*

$$B^{Б}(k)= \frac{\Delta R^{Б}(k)}{0,47} + R^{Б}(k+1). \qquad (6.1)$$

ет, что наибольшее совпадение они имеют в 8, 9, 12, 13, 16, 17 и 19 интервалах. На графике (рис.4) эти точки отмечены кружочками, а в таблице 11 (столбец VI) подчеркнуты. Сначала определим коэффициент археологизации. Участок его определения (интервалы 15-20) весь лежит в одном строительном горизонте (Хорошев 1994: 63) и имеет достоверные точки, соответствующие 16, 17 и 19 интервалам. Коэффициент археологизации будем определять между ними по суммарному графику(столбец IV таблицы 11), то есть

$$\alpha^{Б}(20)=1-\sqrt[3]{\frac{R^{Б}(19)}{R^{Б}(16)}}=0,47;$$

$$\alpha^{Б}(1)=1-\sqrt[20]{1-\alpha^{Б}(20)}=0,031. \qquad (6.2)$$

Эти величины практически совпадают с полученными по данным Неревских раскопов в разделах 3 и 4. Заслуживает внимания, что коэффициент археологизации, определённый по данным Неревских раскопов из выборки в 5226 единиц, здесь получен анализом выборки существенно меньшей — 384 браслета.

Расчёт коэффициента археологизации по формуле (4.14) даёт $\alpha^{Б}(20)$ равное 0,50.

Результаты вычислений потребления усадьбой «А» стеклянных браслетов приведены в столбцах VII, VIII и IX таблицы 11. Графическое представление ввоза (диаграмма) и сопутствующего ему отложения в культурном слое (график) дано на рис.4.

При оценке точности полученных результатов будем исходить из достоверного вывода

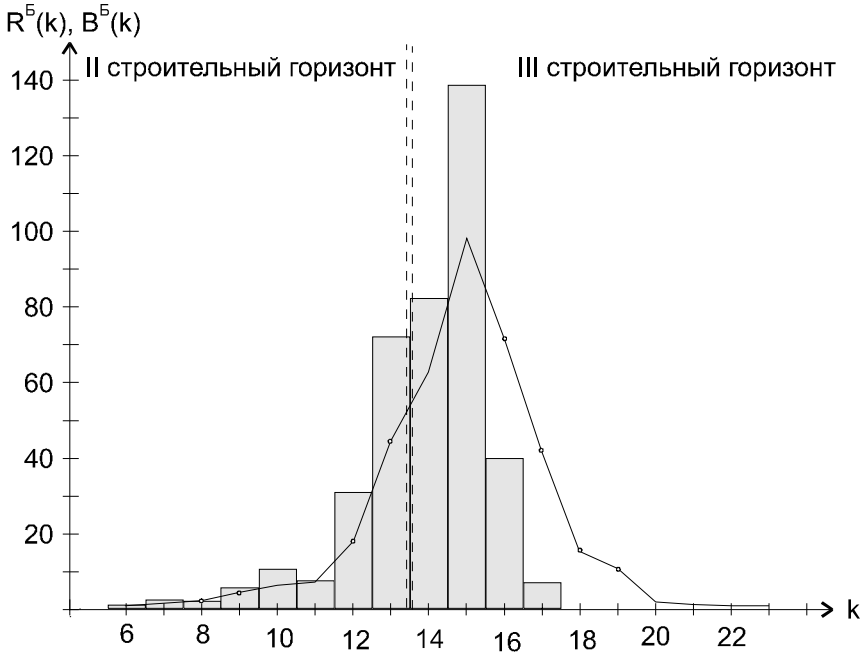

Рисунок 4

Потребление стеклянных браслетов усадьбой "А" и их отложение в культурном слое

многочисленных источников и нашего собственного (раздел 3) что ввоза браслетов после 1260 г. не было. У нас же он присутствует, поэтому отнесём его к погрешности. Ввоз 16 интервала в процентах от расположенного рядом 15 интервала будем считать относительной погрешностью определения ввоза. Она равна $\frac{39,69}{139,10}\times 100\% = 28,5\% \approx 30\%$.

Определим количество браслетов, одновременно присутствовавших на усадьбе в период их максимального распространения, т. е. в 15 интервале (1240-1260г.г.). Исходя из определения (1.1), количество браслетов, бытовавших на усадьбе в течении года [обозначим это число $C^{Б}(1)$], равно:

$$C^{Б}(1)=\frac{R^{Б}(1)}{\alpha^{Б}(1)}-B^{Б}(1), \qquad (6.3)$$

где: $R^{Б}(1)$ — число выбывших за год из употребления жительниц усадьбы «А» браслетов;

$\alpha^{Б}(1)$ — коэффициент археологизации браслетов за один год;

$B^{Б}(1)$ — число поступивших на усадьбу за год браслетов.

Число браслетов, поступивших в течение 15 интервала на усадьбу, — 139 (таблица 11, столбец IX), т.е. в год поступало в среднем 7 браслетов [$B^{Б}(1)$]; в археологический осадок за 20 лет выпало 98 браслетов (таблица 11, столбец 4), т.е. за год — 5 штук [$R^{Б}(1)$]; $\alpha^{Б}(1)$ определено выше (6.2) и равно 0,031. Следовательно, в годы максимального бытования стеклянных браслетов жительницы усадьбы имели в сумме 153 браслета (±30%). Если считать, что в Новгороде мода такая же, как в Киеве, и все возрастные категории женщин носят примерно одинаковое количество браслетов, то на усадьбе «А» Троицкого раскопа в этот период жили 25 представительниц женского пола, ибо в раскопках М. К. Каргера девочка, погибшая на усадьбе художника при штурме Киева в 1240 году, имела 3 браслета на одной руке (Каргер 1949: 67).

Таблица 12

Вычисление потребления шиферных пряслиц усадьбой «А» Троицкого раскопа

k	$R^{П}(k)$			Расчет погрешности		Расчет потребления		
	Черницына улица	Пробойная улица	$\frac{II + III}{2}$	$\frac{II - III}{2}$	$\frac{\lvert II - III\rvert}{II + III}$	$\Delta \grave{A}^{П}(k)$	$B^{П}(k)$	IV-VII
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
1	9,00	0,00	4,50	4,50	1,00	0,00	0,00	4,50
2	9,00	0,00	4,50	4,50	1,00	7,12	33,27	-2,67
3	9,00	16,87	12,94	-3,94	0,30	12,70	33,19	0,24
4	11,00	15,08	13,04	-2,04	0,16	17,09	33,21	-4,05
5	26,94	22,67	24,80	2,13	0,09	20,55	33,26	4,25
6	20,96	32,09	26,53	-5,57	0,21	23,28	33,30	3,25
7	20,80	22,58	21,69	-0,89	0,04	25,40	33,19	-3,71
8	27,45	17,50	22,50	4,95	0,22	27,10	33,34	-4,60
9	38,55	26,37	32,46	6,09	0,19	28,40	33,17	4,06
10	12,50	39,84	26,17	-13,67	0,52	22,32	-0,01	3,85
11	9,10	12,40	10,75	-1,65	0,15	17,54	0,02	-6,79
12	20,70	7,27	13,98	6,71	0,48	13,79	0,02	0,19
13	14,65	9,75	12,20	2,45	0,20	10,84	0,00	1,36
14	4,70	11,41	8,05	-3,35	0,42	8,69	0,04	-0,64
15	13,65	6,37	10,01	3,64	0,36	6,96	0,00	3,05
16	3,55	4,86	4,20	-0,66	0,16	5,58	0,03	-1,38
17	2,58	3,29	2,94	-0,35	0,12	4,47	0,00	-1,33
18	2,50	4,41	3,45	-0,95	0,28	3,58	0,00	-0,13
19	5,12	7,19	6,16	-1,03	0,17	2,87	0,01	3,29
20	1,70	1,43	1,57	0,14	0,09	2,29	-0,04	-0,72
21	0,55	1,28	0,92	-0,37	0,40	1,84	0,03	-0,92
22	2,00	2,67	2,33	-0,33	0,14	1,47	-0,02	0,86
23	0,00	0,62	0,31	-0,31	1,00	1,18	0,01	-0,87
24	0,00	0,00	0,00	0,00	—	0,94	-0,03	-0,94
Σ	266	266	266	0		266	266	0

Содержание столбцов:

IV, V, VI — как в таблице 11;

VII — функция, аппроксимирующая распределение пряслиц по интервалам k, на которые разбит культурный слой. Обозначена $A^{П}(k)$. Исходя из (4.7) и вывода 3 раздела 4, вычисляется так:

для 1 и 2 строительных горизонтов

$$A^{П}(k)= [1-(1-0,214)^{k-1}] \times 33,25, \qquad 1< k\le 9; \tag{7.1}$$

для 2 строительного горизонта

$$A^{П}(k)=(1-0,214)^{k-9} \times \grave{A}^{I}(9), \qquad 9< k\le 13; \tag{7.2}$$

для 3 строительного горизонта

$$A^{П}(k)=(1-0,199)^{k-13} \times \grave{A}^{I}(13), \qquad k\ge 14. \tag{7.3}$$

VIII — потребление пряслиц усадьбой «А» во временном интервале k. Обозначено $B^{П}(k)$. Вычисляется по формулам:

$$B^{П}(k)=\frac{\Delta A^{П}(k)}{0,214} + A^{П}(k-1), \qquad 1< k\le 13; \tag{7.4}$$

$$B^{П}(k)=\frac{\Delta A^{П}(k)}{0,199} + A^{П}(k-1), \qquad k\ge 14. \tag{7.5}$$

7. Обсуждение характеристик, связанных с шиферными пряслицами

В качестве базы данных для расчётов будем использовать, как и в предыдущем случае, полусумму двух реализаций процесса отложения шиферных пряслиц в культурном слое усадьбы «А» (столбцы II, III и IV таблицы 12). Результирующий график (столбец IV таблицы 12) изображен на рис.5 сплошной линией. Он лежит в трёх строительных горизонтах, границы между которыми обозначены двойными пунктирными линиями, и должен анализироваться отдельно по каждому. Как и ранее, достоверные точки в столбце VI таблицы 12 подчёркнуты, а на рис.5 выделены кружочками. Первый строительный горизонт вообще не имеет достоверных точек, во втором — их 9 из 11, в третьем — 6 из 11. Обращает внимание «колебательный» характер графика, на котором выделяются среди рядом стоящих 3, 6, 9, 13, 15, 19 и

22 интервалы. Объяснить это малостью выборки нельзя, ибо такой же — «колебательный» — характер имеет график, рассчитанный из полигона распределения пряслиц по ярусам I — XI раскопов Неревского конца (Колчин 1956: 125), где выборка составляет 734 пряслица. График распределения пряслиц, рассчитанный из приведенного в (Колчин 1958: 95) полигона, где выборка составляет 1385 единиц, также имеет колебательный характер. Случайным всё это быть не может.

В выражениях (7.1) — (7.5) 0,214 и 0,199 коэффициенты археологизации пряслиц в 1, 2 и 3 строительных горизонтах. Их вычисление произведено в тексте. В выражениях (7.4) и (7.5) $\Delta A^{\Pi}(k)=A^{\Pi}(k)- A^{\Pi}(k-1)$.

Поэтому при вычислении коэффициента археологизации будем исходить из очевидного визуального наблюдения, что график, представленный на рис.5, является суммой двух процессов: первого — колебательного с периодом около 60 лет, и второго — нарастающего выпуклостью вверх до 9 интервала и спадающего выпуклостью вниз после 9 интервала. Анализ первого процесса отложим до лучших времен, а для второго определим коэффициент археологизации. Так как в наблюдении мы имеем значения суммарного процесса, то при вычислениях с целью исключения влияния периодической составляющей необходимо использовать точки графика, отстоящие одна от другой на целое число периодов и находящиеся в одной фазе колебательной составляющей. Это означает, что коэффициент археологизации будем вычислять либо по максимумам графика, либо по минимумам, либо по точкам, отстоящим на одинаковое число интервалов от них.

Для определения коэффициента археологизации на нарастающем участке графика в первом и втором строительных диапазонах (2-9 интервалы) предположим постоянство количеств пряслиц, вводимых в оборот, и воспользуемся закономерностью (2.7), которая в данном случае, когда необходимо использовать точки, находящиеся в одинаковой фазе, т.е. 3, 6, 9 будет иметь вид:

$$R^{\Pi}(9) - R^{\Pi}(6) = \left[1 - \alpha^{\Pi}(60)\right]\left[R^{\Pi}(6) - R^{\Pi}(3)\right], \quad (7.6)$$

где $\alpha^{\Pi}(60)$ — коэффициент археологизации пряслиц за 60 лет.

Из (7.6) и (3.3) следует:

$$\alpha^{\Pi}(20) = 1 - \sqrt[3]{1 - \alpha^{\Pi}(60)} = 1 - \sqrt[3]{\frac{R^{\Pi}(9) - R^{\Pi}(6)}{R^{\Pi}(6) - R^{\Pi}(3)}} = 0{,}242. \quad (7.7)$$

Для определения коэффициента археологизации на спадающем участке графика во втором строительном горизонте (10-13 интервалы) воспользуемся закономерностью (2.2), которая с учётом необходимости использования синфазных точек будет иметь вид:

$$R^{\Pi}(k+3) = \left[1 - \alpha^{\Pi}(60)\right] R^{\Pi}(k). \quad (7.8)$$

Из (7.8) следует:

$$\alpha^{\Pi}(20) = 1 - \sqrt[3]{1 - \alpha^{\Pi}(60)} = 1 - \sqrt[3]{\frac{R^{\Pi}(12)}{R^{\Pi}(9)}} = 0{,}245; \quad (7.9)$$

$$\alpha^{\Pi}(20) = 1 - \sqrt[3]{1 - \alpha^{\Pi}(60)} = 1 - \sqrt[3]{\frac{R^{\Pi}(13)}{R^{\Pi}(10)}} = 0{,}225. \quad (7.10)$$

Полученные значения коэффициента археологизации для второго строительного горизонта мало отличаются от уже имеющихся в нашем распоряжении (раздел 3). К сожалению, точки $R^{\Pi}(10)$ и $R^{\Pi}(12)$ имеют погрешность больше допустимой (см. столбец VI таблицы 12), но других нет.

В третьем строительном горизонте коэффициент археологизации может быть определён либо по максимумам графика из выражений:

$$\alpha^{\Pi}(20) = 1 - \sqrt[3]{1 - \alpha^{\Pi}(60)} = 1 - \sqrt[3]{\frac{R^{\Pi}(22)}{R^{\Pi}(19)}} = 0{,}277; \quad (7.11)$$

$$\alpha^{\Pi}(20) = 1 - \sqrt[4]{1 - \alpha^{\Pi}(80)} = 1 - \sqrt[4]{\frac{R^{\Pi}(19)}{R^{\Pi}(15)}} = 0{,}114; \quad (7.12)$$

либо по минимумам графика из выражений:

$$\alpha^{\Pi}(20) = 1 - \sqrt[4]{1 - \alpha^{\Pi}(80)} = 1 - \sqrt[4]{\frac{R^{\Pi}(20)}{R^{\Pi}(16)}} = 0{,}218; \quad (7.13)$$

$$\alpha^{\Pi}(20) = 1 - \sqrt[4]{1 - \alpha^{\Pi}(80)} = 1 - \sqrt[4]{\frac{R^{\Pi}(18)}{R^{\Pi}(14)}} = 0{,}191. \quad (7.14)$$

Среднее значение величины $\alpha^{\Pi}(20)$, вычисленное из (7.11) — (7.14), равно 0,200, но точки $R^{\Pi}(14)$ и $R^{\Pi}(15)$ недостоверны. Какому из выражений (7.11) — (7.14) придать какой вес? Какое более надёжно? Есть разные доводы «за» и «против» для каждого из них. То же относится и к выражениям (7.8) — (7.10). И всё это зыбко и оспариваемо.

Для устранения высказанных сомнений задачу определения коэффициента археологизации шиферных пряслиц на усадьбе «А» решим ещё раз, но уже эмпирическим путём. Задача ставится так: найти такие значения $\alpha^{\Pi}(20)$ для второго и третьего строительных горизонтов, при которых общее число пряслиц, отложившееся в культурном слое усадьбы (266 шт.), осталось бы неизменным, а положительные и отрицательные отклонения реального графика от аппроксимирующей кривой компенсировали бы друг друга в каждом строительном горизонте отдельно. Исходные посылки, принимавшиеся ранее, прежние: график отложения культурных остатков в интервалах 2-9 представлен кривой выпуклостью вверх, а в интервалах 10-24 — выпуклостью вниз, т.е. в первом случае ввоз постоянен, а во втором — отсутствует. Под эту посылку , кроме чисто зрительных, имеются достаточно веские основания. 1136 год — год обретения Новгородом политической независимости (9 интервал). И с большой долей обоснованности можно утверждать, что политическому акту сопутствовали, а может и предшествовали, какие-то экономические меры боярского правительства, которые и привели к

прекращению поступления в Новгород шиферных пряслиц. Именно поэтому 1240 год (15 интервал) — год разрушения Овруча — никак не отражен графиком; шиферные пряслица уже давно не поступают в Новгород.

Перебор различных значений $\alpha^{П}(20)$ при $B^{П}(k) = \frac{266}{8} = 33{,}25$ показал, что вышеперечисленным условием в первом и втором строительных горизонтах удовлетворяет $\alpha^{П}(20)$ равное 0,214, а в третьем строительном горизонте $\alpha^{П}(20)$ равное 0,199, т.е. практически те же самые значения, что были определены ранее. Разница между $\alpha^{П}(20)$ вполне объяснима: в третьем строительном горизонте сменились размеры усадьбы; по-видимому, сменилось и отношение к собственности. Чем меньше участок, тем бережливее его хозяева, т.е. тем меньше коэффициент археологизации. В столбце VII таблицы 12 представлены значения аппроксимирующей функции, а на рис.5 пунктирной линией — её внешний вид. Соответствующее аппроксимирующей функции поступление шиферных пряслиц рассчитано по формуле (1.10). Эта формула для конкретных значений $\alpha^{П}(20)$ во втором и третьем строительных горизонтах переписана в виде (7.4) и (7.5), а сам ввоз приведен в столбце VIII таблицы 12 и в виде диаграммы на рис.5. Разницы между значениями графика отложения пряслиц (столбец IV таблицы 12) и значениями аппроксимирующей его функции (столбец VII таблицы 12), т.е. то, что ранее мы называли колебательной составляющей, приведены в столбце IX таблицы 12 и на рисунке 6.

Что характеризует колебательная составляющая? В качестве дополнительных сведений можно привлечь то, что колебательная составляющая с периодом около 80 лет есть в графике отложения в культурном слое золочёных и серебрёных бус, а коэффициент их археологизации $\alpha(20)$=0,17, т.е. даже меньше коэффициента археологизации шиферных пряслиц. Лимоновидные бусы другого облика (лимонные, полосатые, цветные) имеют монотонные графики отложения без каких-либо признаков колебания и существенно больший коэффициент археологизации(см. раздел 9). Расчет всех графиков осуществлялся по полигонам распределения, заданным в виде таблиц (Щапова 1956: 174-175, таблицы10-12). Б.А Колчин и В.Л.Янин неоднократно высказывали мнение (например, Колчин, Янин 1982: 92-93), что в безмонетный период пряслица являлись средством обслуживания мелких, самых массовых повседневных торговых операций. С целью подтвердить или опровергнуть это мнение были проанализированы рассчитанные по данным I и II Неревских кладов зависимости количеств дирхемов и их обрезков одного веса от времени, прошедшего с момента выпуска монеты до момента укрытия клада*. Все графики имеют колебательный характер. Суммарный график этот характер теряет.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что необходимым признаком использования того или иного артефакта в качестве меры стоимости во время его существования в живой культуре является колебательный характер графика отложения этого артефакта в культурном слое. Таким образом, с большой долей уверенности можно утверждать, что колебательная составляющая отражает какие-то грани товарно-денежных отношений. Но внятного ответа на вопросы — чем определяется период колебательного процесса, от чего зависит его амплитуда, как связан период со стоимостью артефакта в качестве средства платежа — пока нет**.

Монотонная составляющая графика отложения пряслиц характеризует, скорее всего, процесс убытия из обращения пряслиц как средства платежа по естественным причинам (потеря, износ). Определим число пряслиц, одновременно бытовавших на усадьбе «А». Если исчислить эти количества для различных интервалов по формуле (6.3), исходя из имеющихся данных, и считая, что $\alpha^{П}(20)$=0,20, а $\alpha^{П}(1)$=0,011, то получим, что на усадьбе в период интервалов 5-10 каждый год находилось не менее 75 пряслиц. Это, конечно, явно избыточная величина для их использования по функциональному назначению, да ещё в период проживания на усадьбе священников. А ведь число 75 — нижняя оценка количества пряслиц, одновременно присутствовавших на усадьбе. Если же принять, что пряслица средство платежа за какие-то услуги, оказываемые церковью населению, то всё становится на своё место. И, может быть, степень вовлечённости усадьбовладельца в товарно-денежные отношения следует оценивать количеством пряслиц, отложившихся в культурном слое?

Для размышления над этим предположением в таблице 13 выписаны количества пряслиц и браслетов, приходящиеся на единицу площади различных раскопов. Столбец V характеризует задействованность усадьб, представленных в раскопах, в обмене внутригородскими услугами. Усадьба «А» тут лидирует. Стол-

* Методика расчёта графиков, сами графики и их анализ, как не связанные с темой данной работы, будут приведены в другом исследовании.

** В экономике нового времени тоже зафиксированы циклические изменения различной продолжительности для производства, уровня занятости, объема денежной массы, инфляции, спроса и т.д. (циклы Н.Д. Кондратьева, К. Жугляра, С. Кузнеца, Д. Китчина). Признавая объективный характер экономических циклов, различные экономисты дают различные объяснения одним и тем же явлениям, но предсказательной силой эти объяснения не обладают (Курс экономической теории 1997: 242-249).

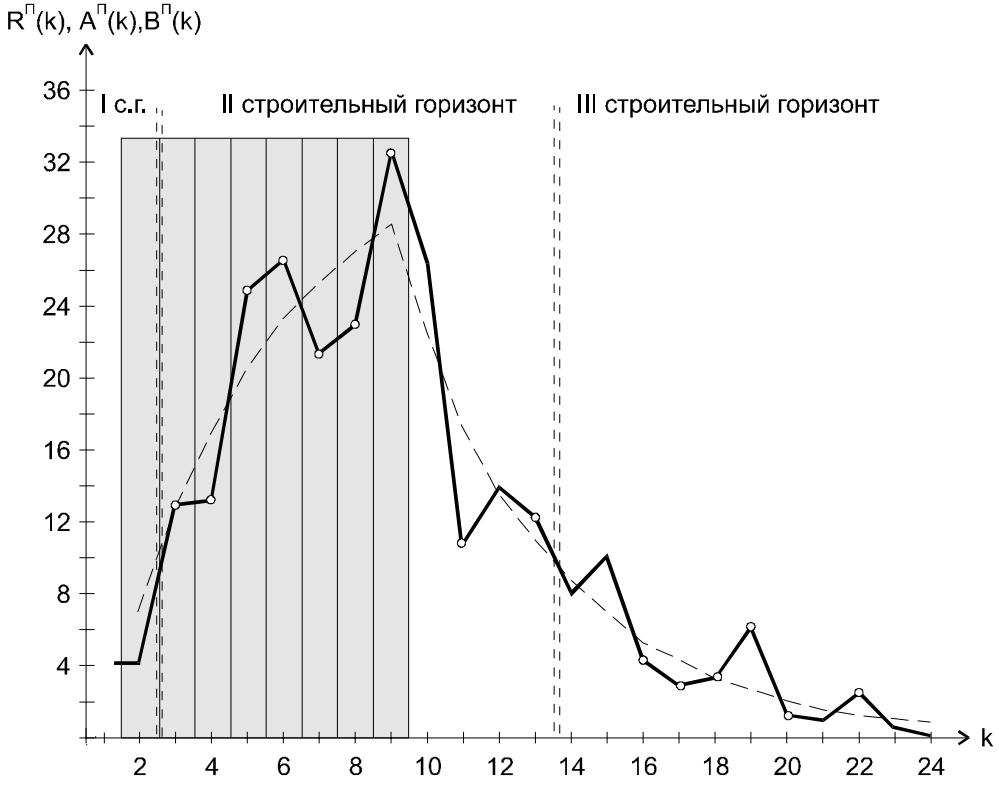

Рисунок 5

Потребление шиферных пряслиц усадьбой "А" и их отложение в культурном слое

Рисунок 6

Колебательная составляющая графика отложения шиферных пряслиц в культурном слое усадьбы "А"

бец VII характеризует плотность женского населения на соответствующих усадьбах. При этом считаем, что число браслетов, приходящееся на одну женщину, не зависит от её социального статуса, который влияет лишь на качество (престижность) носимых украшений; иначе — девочки разного социального уровня носят одинаковое количество браслетов, но ценность их разная. В принципе, проверяемый археологически вопрос.

Таблица 13

Количества пряслиц и браслетов, приходящиеся на единицу площади различных раскопов

N п/п	Раскопы	S м²	Пряслица		Браслеты	
			Кол-во (шт.)	Плотность	Кол-во (шт.)	Плотность
I	II	III	IV	V	VI	VII
1	Усадьба «А»	740	266	0,36	384	0,52
2	Неревские	8840	2780	0,31	5226[1]	0,79
3	Кировский	160	43	0,27	86[2]	0,39
4	Ильинские	1174[3]	264	0,23	1065	0,91
5	Михайловский	280[4]	47	0,17	349	1,35
6	Людогощинский	160	26	0,16	125	0,78
7	Тихвинский	384	49	0,13	194	0,53
8	Готские	552	2	0,00	4[5]	0,01

1. *При определении плотности использовалась площадь I — XXV раскопов — 6630 м² (Полубояринова 1963: 169).*
2. *При определении плотности использовалась площадь 224 м² (Колчин, Рыбина 1982: 178, 187).*
3. *Площадь раскопов I, II, IV, V. Работы на раскопе III (S=256 м²) после расчистки «древнейшей гражданской постройки XV века» прекратились (Колчин, Рыбина 1978: 57,80).*
4. *Площадь раскопа взята на уровне строительных периодов II-IV, где присутствуют пряслица и браслеты Колчин, Хорошев 1978: 136,145).*
5. *Тип браслетов не указан, а это позволило бы поставить и решить много интересных вопросов.*

8. Обработка исходных данных для палеоэкономических расчётов

Одной из важнейших задач археологии является предоставление исторической науке исходных данных для палеоэкономических реконструкций. Работ на эту тему — тьма. Основным недостатком многих из них является описательность. По-видимому, это было неизбежно, пока археологические данные были фрагментарны и отсутствовал набор методик по переходу от количеств артефактов к числу предметов в живой культуре. С ростом объема археологических данных появились и методы их обработки, заимствованные, как правило, из других областей знания. Доминирующим полем применения всех методов является самый массовый и, пожалуй, самый важный для палеоэкономических реконструкций материал — керамика. На примере амфорной тары, найденной на усадьбе «А» Троицкого раскопа, продемонстрируем ещё раз метод перехода от числа артефактов к числу предметов в живой культуре — метод коэффициента археологизации. За исходные археологические данные примем полусумму двух реализаций процесса отложения амфорной тары (столбец IV таблицы 14).

Расчёт погрешности и выделение доверительных точек произведены в столбцах V и VI. Доверительные точки (погрешность их менее 30%) в столбце VI подчеркнуты, а на графике (рис.7) выделены кружочками. Границы строительных горизонтов обозначены на рис.7 двойными пунктирными линиями.

Из сравнения графика (рис.7) с графиком распространения амфор в культурном слое Неревского конца (рис.1) следует, что путей поступления в Новгород товаров в амфорах было несколько. Те пути, на которые ориентировались хозяева усадьбы «А», пересеклись по крайней мере дважды — в середине и конце XII века (10 и 12 интервалы), т.е. ещё до Калки... Рассматривая нарастающую часть графика (рис.6), можно предположить, что его точки перегиба (5 и 8 интервалы) связаны с появлением новых центров ввоза. «Амфоры поступали в Новгород в основном из городов Северного Причерноморья. Это были большие сосуды грушевидной формы с толстыми стенками.

Встречались амфоры и других видов, особенно в слоях XII века. Например, на усадьбе художника Олисея Гречина в слоях второй половины XII века найдены фрагменты тонкостенных амфор, привезенных из Византии» (Колчин 1982: 174-175). К сожалению, каких-либо дополнительных данных — хотя бы соотношение видов амфорной керамики по некоторым ярусам — найти не удалось, поэтому когда заканчивается та или иная составляющая ввоза определённо сказать нельзя. Факт отсутствия ввоза в третьем строительном горизонте несомненен, но в нем всего одна достоверная точка (15 интервал). Задействовать в вычислениях одновременно 15 и 13 точки некорректно, ибо переход от второго строительного гори-

Таблица 14

Вычисление потребления усадьбой «А» товаров, доставляемых в южных амфорах

k	$R^A(k)$			Расчет погрешности		Расчет ввоза		
	Черницына улица	Пробойная улица	$\frac{II + III}{2}$	$\frac{II - III}{2}$	$\frac{\lvert II - III \rvert}{II + III}$	$\Delta R^A(k)$	$\frac{\Delta R^A(k)}{0,726}$	$B^A(k)$
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
1	1,33	0,00	0,66	0,66	1,00	0,66	0,91	0,91
2	1,33	0,00	0,67	0,67	1,00	0,01	0,01	0,67
3	1,34	2,50	1,92	-0,58	0,30	1,25	1,72	2,39
4	3,00	3,15	3,07	-0,08	0,03	1,15	1,58	3,50
5	4,75	3,04	3,90	0,86	0,22	0,83	1,14	4,21
6	7,81	13,31	10,56	-2,75	0,26	6,66	9,17	13,07
7	12,88	12,57	12,72	0,15	0,01	2,16	2,98	13,54
8	16,91	9,39	13,15	3,76	0,29	0,44	0,61	13,33
9	39,58	21,68	30,63	8,95	0,29	17,47	24,05	37,21
10	19,80	56,83	38,32	-18,51	0,48	7,68	10,58	41,21
11	16,36	20,23	18,30	-1,94	0,11	-20,01	-27,56	10,75
12	26,72	8,49	17,60	9,12	0,52	-0,70	-0,96	17,34
13	13,22	10,28	11,75	1,47	0,13	-5,85	-8,06	9,54
14	2,94	6,16	4,55	-1,61	0,35	-7,20	-9,92	1,83
15	2,03	1,87	1,95	0,08	0,04	-2,60	-3,58	0,97
16	0,00	0,50	0,25	-0,25	1,00	-1,70	-2,34	-0,39
17	0,00	0,00	0,00	0,00	—	-0,25	-0,33	-0,08
Σ	170	170	170	0,00		0,00	0,00	170

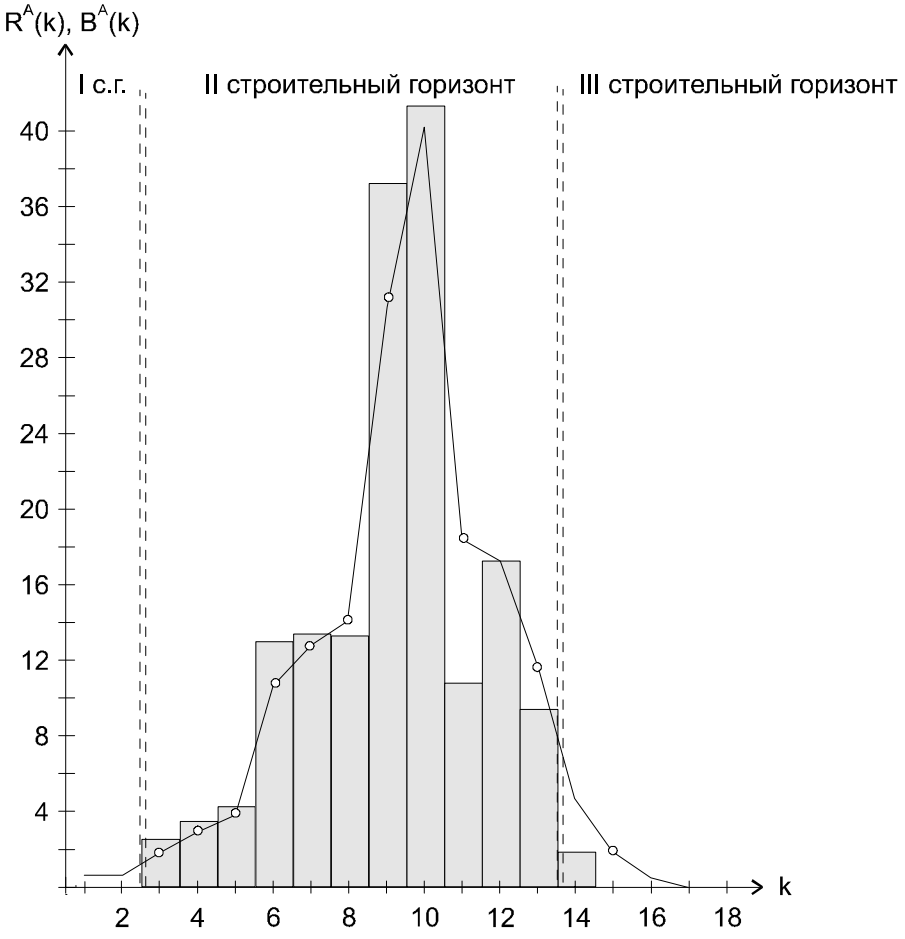

Рисунок 7

Поступление амфорной тары на усадьбу "А" и ее отложение в культурном слое

зонта к третьему связан с изменением социального статуса владельцев усадьбы «А». При использовании недостоверной точки третьего строительного горизонта $R^A(16)$

$$\alpha^A(20)=1-\frac{R^A(16)}{R^A(15)}=0{,}766, \qquad (8.1)$$

но этот результат гадателен. На спадающем участке второго строительного горизонта есть две достоверные точки — $R^A(11)$ и $R^A(13)$, однако вычислять коэффициент археологизации с их помощью нельзя, ибо между ними есть точка перегиба (12 интервал), и ни одно из предположений, которые позволяют определить коэффициент археологизации (отсутствие ввоза, постоянство ввоза, равномерно нарастающий ввоз), выдвинуть нельзя.

На участке графика, соответствующем 9-11 интервалам (1120-1180 г.г.), наблюдается резкий подъем и спад. Логичнее всего связать этот подъем с рядом поражений, нанесённых русскими князьями в 1103-1116 г.г. половцам, а спад с восстановлением их господства в степях во второй половине XII века. На графике отложения амфор в Неревском конце (рис.1) присутствует такой же, но менее резко выраженный горб. Заслуживает внимания и то, что это как раз период «торговой блокады Новгорода Киевом, прослеживаемой по резкому спаду южных импортов в Новгород» (Янин 1994: 20). Коэффициент археологизации амфор между 10 и 11 интервалами, если сделать предположение о прекращении существования после 10 интервала только одного направления доставки товаров в амфорах и работать с недостоверным значением $R^A(10)$, будет равен:

$$\alpha^A(20)=1-\frac{R^A(11)-R^A(8)}{R^A(10)-R^A(8)}=0{,}796. \qquad (8.2)$$

Увеличение импорта после 5 интервала (1040-1060г.г.) можно связать с тем, что печенеги, разгромленные в 1036 г. Ярославом Мудрым, под давлением Руси и торков, а затем и половцев, откочевали в конце 40-х годов XI века к низовьям Дуная. Достоверные точки $R^A(5)$, $R^A(6)$, $R^A(7)$ и $R^A(8)$ образуют характерную дугу выпуклостью вверх. Для этого участка графика можно сделать предположение о постоянном ввозе в смежных интервалах и воспользоваться закономерностью (2.7) для определения коэффициента археологизации. Он может принять одно из следующих значений:

$$\alpha^A(20)=1-\frac{\Delta R^A(7)}{\Delta R^A(6)}=0{,}676; \qquad (8.3)$$

$$\alpha^A(20)=1-\frac{\Delta R^A(8)}{\Delta R^A(7)}=0{,}796; \qquad (8.4)$$

$$\alpha^A(20)=1-\frac{R^A(8)-R^A(6)}{R^A(7)-R^A(5)}=0{,}705. \qquad (8.5)$$

За истинное значение коэффициента археологизации примем среднее из выражений (8.3) — (8.5). В этом случае

$$\alpha^A(20)=0{,}726\pm0{,}070, \quad \alpha^A(1)=0{,}061\pm0{,}007. \qquad (8.6)$$

Эти значения мало отличаются от полученных ранее для амфор Неревского конца [см.(3.19)]. Достоверные значения $R^A(3)$, $R^A(4)$ и $R^A(5)$ также образуют дугу выпуклую вверх, но $\Delta R^A(k)$ при k=3, 4, 5 по величине соизмеримы с погрешностью, что лишает смысла все вычисления. Поэтому на участке интервалов 3 — 5 коэффициент археологизации определять не будем.

Расчёт объема ввоза за 20 лет на усадьбу «А» товаров в амфорах $[B^A(k)]$ произведём по формуле:

$$B^A(k)=\frac{\Delta R^A(k)}{0{,}726}+R^A(k-1), \qquad (8.7)$$

где 0,726 — коэффициент археологизации амфор за 20 лет. Первое слагаемое формулы приведено в строке k столбца VIII таблицы 14, второе — в строке (k-1) столбца IV, результат в столбце IX и на рис.7 в виде диаграммы.

Зададимся теперь вопросом — сколько целых амфор в год (в среднем) бытовало на усадьбе*? Расчеты производились по формуле (1.1). В результате получилось, что на усадьбе «А» каждый год бытовало (с точностью ±20%) в 6 интервале — 3,7 амфоры; в 9 — 10,7 амфоры; в 11 — 7,0 амфор. Достаточно большие величины. Связано ли это с тем, что «на усадьбе длительное время проживали священники» (Хорошев 1994: 65), неясно, но плотность находок амфорной посуды здесь ($0{,}230\frac{\text{шт.}}{\text{м}^2}$) более чем в 2,5 раза выше, чем на Неревских раскопах ($0{,}086\frac{\text{шт.}}{\text{м}^2}$), при примерном равенстве плотности находок остальных вещей (см. таблицу 13). По-видимому, Олисей Гречин и его предшественники были владельцами не только художественной мастерской, но и винного склада, так как на усадьбе «А» из общего числа амфор в виде боя ежегодно оставалось лишь 0,53 амфоры в 6 интервале, 1,53 амфоры в 9 интервале, и 0,91 амфоры в 11 интервале. Эти и вышеполученные сведения желательно сравнить с полудвором усадьбы «И» Неревского конца (Янин, Колчин 1978: 40), которая также принадлежало клиру, но сведения по ней (усадьбе) не опубликованы.

В принципе, наша задача выполнена. Па-

* Каковы были запасы всяческого добра, по крайней мере, в княжеских усадьбах, можно судить по тому, что в 1146 году при ограблении князем Изяславом Мстиславичем Путивльского дворца князя Святослава Ольговича в погребах было взято 500 берковцев мёда и 80 корчаг вина, в стадах захвачено 1000 коней и 3000 кобыл, в плен забрано 700 человек дворни (Московский Кремль 1916: 29). В 1146 году (10 интервал) на усадьбе «А» хранилось 14 (±48%) амфор.

раметр, позволяющий перейти от амфорного боя к числу амфор в живой культуре, определён. Дальше — работа историков. Как будет использоваться полученный материал, зависит от постановки задачи. Если определяется объем поставки вина из определённого центра — одни дополнительные исходные данные; если число приходов, пользовавшихся этим складом, — другие; если торговые контрагенты Новгородской епархии и её предпочтения — третьи, в том числе и письменные. «Ведь прежде чем возвести стройное здание концепции, исследователю приходится подчас выяснять самые тривиальные факты. Впрочем, это черновая, во многом детективная работа необыкновенно приятна и увлекательна, как решение сложной логической задачи. Исследователю необходимо постоянно изобретать всё новые и новые способы опроса (или допроса?) источников» (Кобрин 1995: 10).

9. Реперные точки графиков отложений некоторых бус

Число примеров, где с помощью коэффициента археологизации определяется количество предметов в живой культуре, можно множить и множить. Необходимо только, чтобы графики по которым определяется коэффициент, имели характерный участок, удовлетворяющий одному из трёх вышеизложенных условий (раздел 2). Многие из полигонов распределения бус и перстней, ножей и кресал, расчёсок и гребней, опубликованных в трудах Новгородской экспедиции, таят в себе возможность определения коэффициента археологизации и выявления нового исторического знания. Для примера рассмотрим полигон распространения лимонных бус (Колчин 1956: 44, таблица 2). Переход от полигона к равномерным интервалам осуществлён в таблице 15, а график отложения приведен на рис.8. Все обозначения, связанные с лимонными бусами, снабжены надстрочным знаком L. При рассмотрении графика несколько смущает его «приподнятость» в 5-7 интервалах. Такая же «приподнятость» есть у графика отложения в культурном слое усадьбы «А» стеклянных браслетов (раздел 6). Скорее всего, она отражает тот отмеченный ещё М. Д. Полубояриновой (Полубояринова 1963: 170, таблица 1) факт, что, когда украшение становится редким, оно медленнее выходит из употребления по сравнению с украшениями того же типа, но представленными в быту

Таблица 15

Преобразование сведений полигона распространения лимонных бус в культурном слое I-XI Неревских раскопов в исходные данные графика выхода лимонных бус из употребления

Сведения полигона из таблицы 3					Процесс преобразования	Исходные данные графика		
№	Ярус между мостовыми	Дата яруса годы	ΔT лет	$r^L(N)$ шт.		$R^L(k)$ шт.	Годы	k
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
					9,80	9,80	901-920	-2
					17,00	17,00	921-940	-1
1	-28	-952		37	⇐ 10,20	17,00	941-960	0
2	28-27	953-972	20	17	6,80 ⇐ 10,20	29,49	961-980	1
3	27-26	973-989	17	41	19,29 ⇐ 21,71	35,30	981-1000	2
4	26-25	990-1006	17	21	13,59 ⇐ 7,41	19,20	1001-1020	3
5	25-24	1007-1025	19	16	11,79 ⇐ 4,21	8,21	1021-1040	4
6	24-23	1026-1055	30	8	4,00 ⇐ 4,00	5,19	1041-1060	5
7	23-22	1056-1076	21	5	1,19 ⇐ 3,81	4,01	1061-1080	6
8	22-21	1077-1096	20	1	0,20 ⇐ 0,80	0,80	1081-1100	7
9	21-20	1097-1116	20	0		0,00	1101-1120	8
				Σ146		Σ146		

$r^L(N)$ — количество лимонных бус в ярусе под номером N (шт.);
$R^L(k)$ — расчётное число лимонных бус в интервале k (шт.).

шире.

Проверим предположение, что лимонные бусы после 2 интервала в Новгород не поступали.

$$\alpha^L(20)=\frac{R^L(2)}{\sum_{2}^{8}R^L(k)}=\frac{35,3}{72,7}=0,49; \qquad (9.1)$$

$$\alpha^L(20)=\frac{R^L(3)}{\sum_{3}^{8}R^L(k)}=\frac{19,2}{37,4}=0,51; \qquad (9.2)$$

$$\alpha^L(20)=\frac{R^L(4)}{\sum_{4}^{8}R^L(k)}=\frac{8,2}{18,2}=0,45; \qquad (9.3)$$

$$\alpha^L(20)=\frac{R^L(5)}{\sum_{5}^{8}R^L(k)}=\frac{5,2}{10,0}=0,52. \qquad (9.4)$$

Предположение проходит. Учитывая величину выборки, за истинное значение примем $\alpha^L(20)=0,49\pm0,05$; $\alpha^L(1)=0,033\pm0,005$. (9.5)

Исходя из наличия лимонных бус ниже 28 яруса, прикинем, когда они появились на территории Неревского конца. Если за 20 лет существования яруса между мостовыми 27 и 28 выпало 17 лимонных бусин, то, считая скорость отложения бус в предыдущее 28 мостовой время такой же, 37 бусин должны были выпасть

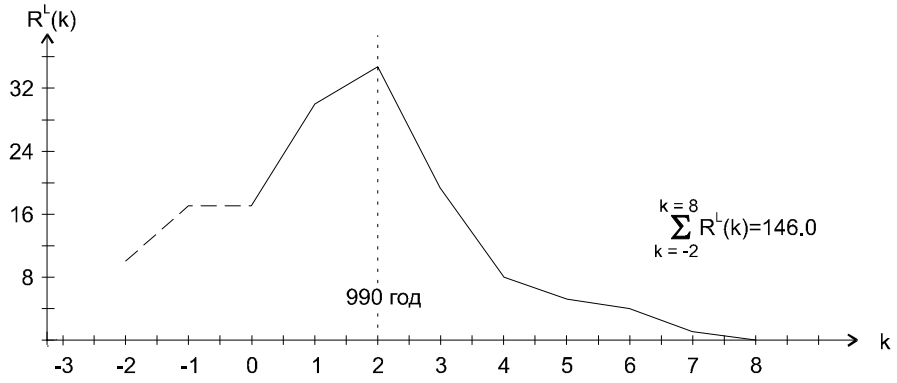
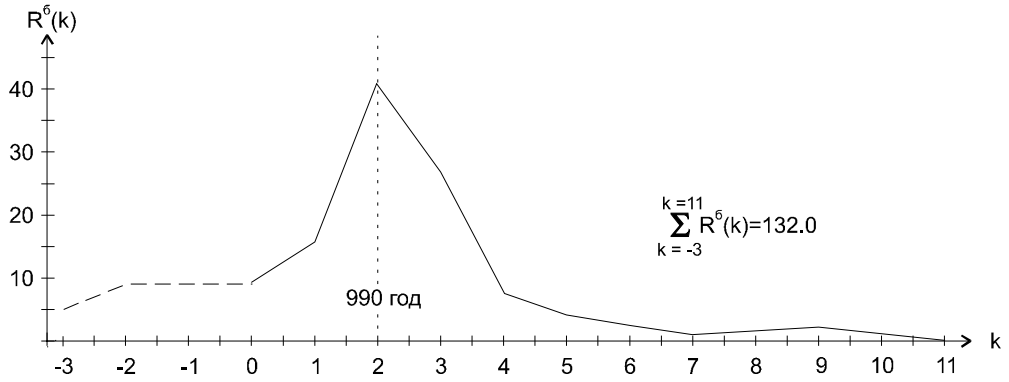

Рисунок 8

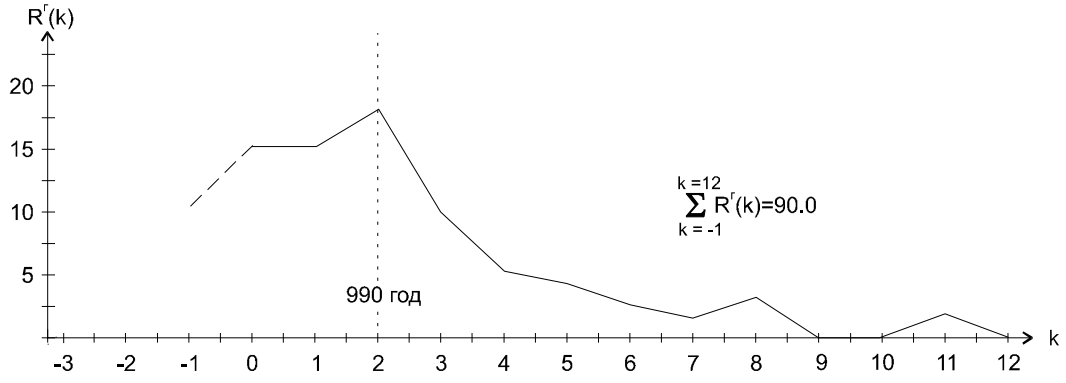
График отложения лимонных бус в культурном слое I - XI Неревских раскопов

k	-3	-2	-1	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
$R^{б}(k)$	5.2	8.0	8.0	8.0	15.6	40.7	26.6	7.4	4.5	3.0	0.2	1.2	2.0	1.6	0.0

Рисунок 9

График отложения рубленого бисера в культурном слое I - XI Неревских раскопов

k	-1	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
$R^{г}(k)$	11.4	16.0	15.7	17.9	10.4	5.1	4.2	2.5	1.6	3.2	0.0	0.0	2.0	0.0

Рисунок 10

График отложения зонных густосиних бус в культурном слое I - XI Неревских раскопов

за $\frac{37\square\times 20}{17} = 43{,}53 \approx 44$ года. Таким образом, можно считать, что лимонные бусины, находившиеся ниже 28 яруса, начали откладываться не позднее 953-44=909 года. Учитывая тенденцию отложения бус в 1 и 2 интервалах, это верхняя граница. Сравнение отложений в доярусном слое и в 28 ярусе для других вещей даёт следующую картину: по бисеру первоотложение отодвигается от 953 года на $\frac{26\times 20}{8} = 65$ лет, по костяным односторонним гребням на $\frac{10\times 20}{7}$ = =29 лет, по всем лимоновидным бусам вкупе — на $\frac{61\times 20}{24} = 51$ год. В среднем — 48 лет, т.е. первопоселенцы появились в Неревском конце в начале X века. (Жалко, что те девять деревянных чаш, найденных в ямке материка III Неревского раскопа (Колчин, Янин 1982: 26), не были подвергнуты дендрохронологическому анализу; выборка хорошая).

Этой дате — начало X века — не противоречит мощность доярусного слоя на тех участках, где наибольшее скопление лепной керамики, — 65-98 см. (Смирнова 1976: 9). Вразрез идет лишь одно — соотношение лепной и гончарной керамики в доярусном слое. Считается, что смена лепной керамики гончарной происходит во всём Поволховье синхронно; если в Ладоге это произошло в 920-930 годах, то в эти же годы подобное должно произойти и в Новгороде, и на Городище. Вместе с тем не замечается, что во всём Поволховье одновременно со сменой лепной керамики гончарной происходит и смена типа керамики. Период их сосуществования на конкретных памятниках — годы, а в регионе 900 — 950 г.г., после чего керамика «ладожского» типа исчезает. Речь идет о мощном, непрерывном притоке нового населения, маркируемого гончарной керамикой, населения с более высоким уровнем сложившейся материальной культуры (гончарный круг, пашенное земледелие, развитые товарно-денежные отношения), которое уже в начале XI века подомнёт под себя разноэтнических находников (варяги-русы, норманы-свеи, кельты-ордовики и др.), осевших в узловых пунктах торговых путей. Судя по археологическим данным, процесс поглощения старого населения новым был очень быстрым и бескровным, что скорее всего говорит об их языковой близости и численном перевесе последних. В Белоозере, где соотношение нового и старого населения было другое, лепная посуда в огромном количестве употреблялась до XII века, причём гончарная посуда, как и положено, повторяет форму лепной керамики. Неревский конец был накрыт этой мощной волной нового населения в начале X века и возник сразу же, как по волшебству, — большие усадьбы, гончарная керамика, развитая специализация ремесла, патрональная (не патронимическая!) социальная структура. Ни о каком предшествующем Неревскому концу иноэтническом посёлке речи быть не может.

Вернёмся к графику распространения в культурном слое лимонных бус. Случайна или нет эта дата прекращения их поступления в Неревский конец — 2 интервал (981-1000 г.г.)? Для проверки рассмотрим график распространения рубленого бисера (рис.9), полученный из приведённого в (Щапова 1956: 173, таблица 9) полигона с общим количеством бисерин 132 единицы. Надстрочный знак «б» в ранее принятых обозначениях будем относить к бисеру, т.е. $R^{б}(k)$ обозначает количество бисерин в двадцатилетнем интервале с номером k, $\alpha^{б}(20)$ — коэффициент археологизации бисера за 20 лет. Проверка предположения, что рубленый бисер после второго интервала в Новгород не поступал, показала, что оно справедливо. При этом

$$\alpha^{б}(20)=0{,}45\pm0{,}06;\quad \alpha^{б}(1)=0{,}030\pm0{,}006. \qquad (9.6)$$

В нашем распоряжении имеется также полигон распространения зонных густосиних бус (Щапова 1956: 167, таблица 3), общее количество которых 90 шт. — ещё позволяет получить сравнительно достоверные выводы. Вычисленный по полигону их распространения график представлен на рис.10, всем обозначениям сопутствует надстрочный знак «г» (густосиние). Из рис.10 видно, что и для зонных густосиних бус можно считать 2 интервал периодом прекращения их поступления в Новгород Великий. Рассчитанный по данным рис.9 коэффициент археологизации зонных густосиних бус равен:

$$\alpha^{г}(20)=0{,}35\pm0{,}07;\quad \alpha^{г}(1)=0{,}021\pm0{,}005. \qquad (9.7)$$

Результаты построения графика и подсчёта коэффициента археологизации для суммы всех густосиних по цвету бус — зонных (90 шт.), двойных зонных (10 шт.), циллиндрических (12 шт.) — те же, что и приведенные.

Итак, мы доказали, что лимонки, бисер, густосиние зонные бусы с конца X века в Новгород не поступают, а нахождение этих артефактов в слоях XI века связано с их переживанием в быту. Далее будем говорить только про лимонные бусы, подразумевая, что всё сказанное может быть отнесено и к бисеру, и к густосиним зонным бусам. Из всего приведенного выше следует, что распространение лимонных бус можно использовать для хронологических привязок в слоях X- XI веков с той же надёжностью, что и распределение стеклянных браслетов в слоях XII — XIII веков. Наблюдение не новое. Новое то, что уточнён временной интервал, когда распределение лимонок достигает максимума и, главное, известен закон, по которому они убывают из обращения [$\alpha^{л}(20)$]. Это позволяет производить относительную дати-

ровку слоёв друг относительно друга и, если есть хотя бы одна абсолютная дата в относительной шкале (максимум какого-либо артефакта, дендродата, потоп, пожар, погром и т.д.), привязать её к историческим событиям. Список бус, которые одновременно с лимонками прекратили поступать в Новгород, судя по (Колчин 1982: 167, таблица 6), может быть расширен, объем выборок позволяет, однако их поярусные распределения не опубликованы.

Что же общего у всех типов бус, рассмотренных в этом разделе? Способ изготовления, они из трубочек. И, с большой долей вероятности, путь и способ доставки в Новгород, ибо они одновременно (с точностью ±7 лет плюс погрешность исходных данных) прекращают поступать в Новгород.

В связи с установлением сравнительно узкой даты прекращения поступления бус из трубочек кажется недостаточно обоснованной точка зрения, высказанная в (Лихтер, Щапова 1991). Авторы, исследуя стеклянные бусы, найденные в Гнёздово, выдвигают предположение, «что эти изделия хотя и византийского производства, но пришли в Гнёздово через Балтику и являются скандинавским импортом» (Авдусин 1991: 13). Красивая, но малоправдоподобная мысль. Период прекращения импорта этих бус — конец X века — время активнейших связей Руси с Византией. Отборный шеститысячный русский корпус в боях на стороне византийского императора у Хрисополиса [989 год] и Абидоса [989 год] добывает Владимиру Анну и Руси крещение. Поддерживая будущего шурина, Владимир осадил и после взятия ограбил и сжёг мятежный Херсонес [989 год] (Поппе 1988: 276-279). Вахтовым методом корпус продолжает добывать Византии победы ещё как минимум 50 лет(Прошин 1988: 186). Импорт вина в Новгород (см. рис.1 и 7) непрерывно растёт, т.е. путь из «варяг в греки» активно функционирует в обе стороны, но бусы не поступают. Почему? Прежде всего, бусы не византийские, а производства, как указывают авторы, Сирии и Египта. Последние с 30-х годов VIII века под властью арабов, т.е. вне византийской юрисдикции. На вторую половину 80-х годов X века приходятся заключительные годы поступления арабского дирхема на Русь. Самый младший куфический клад, обнаруженный в Белоруссии, зарыт около 987 года (Рябцевич 1977: 57), Неревские I и II зарыты в середине 70-х годов X века. Если связать эти события и прекращение поступления бус, то всё становится на своё место. Бусы не византийские, а арабские, и поступают не из Скандинавии, и не Днепровским путём, а другими, совпадающими с путём дирхема.

10. Заключение

Отсутствие достаточно надёжных письменных свидетельств о всей совокупности различных сторон существования обществ, изучаемых археологически, оставляет единственный путь для их исследования — реконструкцию этих свидетельств. Почти единственные источники, по которым такая реконструкция возможна, археологические, но они содержат нужную информацию в переработанном виде. Извлечение нового знания из данных, поставляемых археологией, можно представить как процесс, состоящий из трёх этапов.

1. Первичная обработка археологической информации — целенаправленное выделение артефактов, явлений и сведений из исходного массива данных. Конечным результатом является их привязка по месту, относительному времени и, желательно, назначению. Здесь используются сугубо специфические методы и методики (раскопочные, стратиграфические, типологические и др.). Никто, кроме профессионального археолога-полевика, эту работу выполнить не может.

2. Вторичная обработка археологической информации — сведение артефактов, явлений и сведений, добытых в результате первого этапа, в систему, их комплексирование. Переход от артефактов, явлений и сведений к предметам, фактам, событиям. Методы — археологические, вспомогательных исторических дисциплин, общенаучные. Исполнитель — специалист по обработке информации, по образованию, как правило, археолог, историк, антрополог, этнограф.

3. Третичная обработка информации — использование предметов, фактов, событий для получения нового знания, в основном, конечно, исторического, но и палеоэкономического, палеодемографического, палеоботанического, палеозоологического, астрономического и пр., и пр. Методы — тех наук, в интересах которых используется вторичная информация. Исполнитель — специалист конкретной науки.

Рассмотренный в работе метод вторичной обработки археологической информации — метод коэффициента археологизации — позволяет от количеств артефактов переходить к числу предметов в ненаблюдаемой живой культуре. Это, конечно, не письменный источник, но ряд таких приведенных в систему косвенных свидетельств о жизни древности достаточен для построения той или иной исторической гипотезы. Предлагаемый метод сугубо археологический, в других областях знания не используется. Очень важным является то, что параметр перехода — коэффициент археологизации — имеет чёткую физическую интерпретацию: эта величина, обратная времени существования предмета по своему функциональному назначению.

Заявленная в заглавии работы задача решается в разделах 1, 2, 4. Это её теоретичес-

кая часть. Необходимо подчеркнуть, что в ней идёт речь о так называемой теории описательного типа, решающей задачи упорядочения и описания эмпирического материала. И в этой части работа самодостаточна. Вопрос, однако, в том — при каких допущениях получен метод свёртки эмпирического материала с помощью коэффициента археологизации? (Замечание Л.А. Басалыго) Позволяет ли он получать новое знание? Ведь основное допущение — постоянство коэффициента археологизации во времени — легко подвергнуть разгромной критике, а каждое новое допущение влечёт за собой рассмотрение вытекающих из него ограничений. Число возможных ограничений весьма велико и дотошный критик может указывать на них бесконечно. Но это не значит, что не стоит браться за исследование. И начинать его приходится с простейшей модели. В конечном счёте эффективность метода определяется результатами его применения.

«Достоверность выводов исследователя зависит не только от объёма использованных им источников и научности методологии, но и от самой техники работы, избранной методики» (Кобрин 1995: 6), поэтому вторая важнейшая часть исследования — разработка процедуры перехода от полигонов к графикам и её иллюстрация (разделы 3, 5 и частично 9). Используемая в работе форма представления материала в виде графиков и таблиц с фиксированными номерами интервалов даёт возможность наглядно сравнивать археологические данные из разных источников, осуществлять с ними операции сложения и вычитания. Речь идёт о стандартизации форм представления материала после первичной обработки археологической информации. Например, поярусное распределение стеклянных браслетов на раскопе УС-IX (Урьева 1991: 96, рис.12) ничем не отличается от таких же распределений из раскопок Новгородской экспедиции, т.е. получается, что мор 1230-1232 годов в Смоленске, хотя город и не подвергался монгольскому погрому, сравним с ним по последствиям. Однако представление того же распределения в виде графика с равномерной шкалой времени показывает, что браслеты в быту смолян продолжали существовать в значительных количествах до второго десятилетия XV века (23 интервал).

Независимость коэффициента археологизации в одно и тоже время от места отложения артефактов проверялась только для различных раскопов Новгорода (разделы 3, 6, 7, 8), т.е. вычисленные в этой работе для различных артефактов $\alpha(20)$ и $\alpha(1)$ можно использовать, говоря строго, лишь с материалами Новгородской экспедиции.

Полученные в результате вторичной обработки археологической информации временные координаты характерных точек количественных зависимостей «живых» предметов от времени позволяют связать зафиксированные письменно события с их отражением в археологическом материале (разделы 7, 8, 9). Сами же данные графиков характеризуют количественные параметры ненаблюдаемого быта и их динамику в области потребления, производства, торговли, демографии и т.д., всё зависит от того, какие вопросы ставит перед материалом исследователь. Некоторые попытки использования этой информации в исторических целях (третичная обработка) заявлены в наименовании разделов 6, 8, 9. Несложность примеров вызвана тем, что основная цель работы была методическая — демонстрация конкретного способа вторичной обработки археологической информации. С этим связаны сознательное сокращение изложения теоретических основ метода и многократное повторение в тексте процедуры перехода от полигонов к графикам. По тем же соображениям из работы исключены некоторые разделы, написанные в процессе её выполнения.

Введение в археологический тезаурус понятия «коэффициент археологизации» ставит много новых вопросов (например, как он связан с уровнем развития общества, возможен ли его перенос из эпохи в эпоху, меняется ли коэффициент археологизации с изменением процентного содержания артефакта в слое и др.), решение которых влечёт за собой необходимость последующих исследований...

М. А. Стёганцев, 1980-1998

ЛИТЕРАТУРА

Авдусин Д.А. 1991. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи.// Смоленск и Гнёздово, МГУ.

Каменецкий И.С. 1978. Математическая статистика в археологии. // Природа №9.

Каргер М.К. 1949. Киев и монгольское завоевание. // СА XI.

Кобрин Б.В. 1995. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV-XVI в.в. Москва.

Колчин Б.А. 1956. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. // МИА №55. Москва.

Колчин Б.А. 1958. Хронология новгородских древностей. // СА №2.

Колчин Б.А. 1982. Хронология новгородских древностей. // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. Москва.

Колчин Б.А., Рыбина Е.А. 1978. Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология). // Археологическое изучение Новгорода. Москва.

Колчин Б.А., Рыбина Е.А. 1982. Раскоп на улице Кирова. // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. Москва.

Колчин Б.А., Хорошев А.С. 1978. Михайловский раскоп. // Археологическое изучение Новгорода. Москва.

Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. 1981. Усадьба новгородского художника XII века. Москва.

Колчин Б.А., Черных Н.Б. 1977. Дендрохронология Восточной Европы. Москва.

Колчин Б.А., Янин В.Л. 1982. Археологии Новгорода 50 лет. // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. Москва.

Курс экономической теории. 1997. Учебник. МГУ.

Лесман Ю.М. 1994. Кашинные бусы в Новгородской земле, материалы к изучению русско-ордынских связей. // Новгородские археологические чтения. Новгород.

Лихтер Ю.А., Щапова Ю.Л. 1991. Гнёздовские бусы. По материалам раскопок курганов и поселения. // Смоленск и Гнёздово, МГУ.

Лотман Ю.М. 1993. Пушкин. СПб.

Московский Кремль 1916 — Московский Кремль в старину и теперь. Книга II. Москва, 1916.

Полубояринова М.Д. 1963. Стеклянные браслеты древнего Новгорода. // МИА №117.

Поппе А. 1988. Политический фонд крещения Руси (русско-византийские отношения в 986-989 годах). // Как была крещена Русь. Москва.

Прошин Г.Г. 1988. Второе крещение. // Как была крещена Русь. Москва.

Рыбина Е.А. 1978. Археологические очерки истории новгородской торговли. МГУ

Рябцевич В.И. 1977. О чём рассказывают монеты. Минск.

Смирнова Г.П. 1976. Лепная керамика древнего Новгорода. // КСИА, вып.146.

Урьева А.Ф. 1991. Стратиграфия и хронология раскопа УС-V в Смоленске. // Смоленск и Гнёздово, МГУ.

Хорошев А.С. 1982. Новые материалы по археологии Неревского конца. // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. Москва.

Хорошев А.С. 1994. Топография, стратиграфия, хронология и усадебная планировка Троицкого раскопа (усадьба “А”). // Новгородские археологические чтения. Новгород.

Щапова Ю.Л. 1956. Стеклянные бусы древнего Новгорода. // МИА №55. Москва.

Янин В.Л. 1978. Тихвинский раскоп. // Археологическое изучение Новгорода. Москва.

Янин В.Л. 1994. Основные исторические итоги археологического изучения Новгорода // Новгородские археологические чтения. Новгород.

Янин В.Л., Колчин Б.А. 1978. Итоги и перспективы новгородской археологии. // Археологическое изучение Новгорода. Москва.

А.Л.Шпак

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МИЗАНТРОПИЯ

Объяснительная записка, или предвзятый комментарий неспециалиста

A.L.Shpak. The Mathematical Misanthropy. An Explanatory Note, Or A Biased Comment by a Dilettante.

This article reflects a computer sciences expert's viewpoint on use of mathematical methods and computers in archaeology. It briefly reviews various paradigms of mathematisation of theoretical archaeology and application of new information technologies and databases. The state of affairs in this area is regarded as a critical one. The author offers some ways to save the current situation.

Когда этот номер журнала был практически готов к печати, в редколлегии возникло мнение, что статье М.А.Стеганцева «Зависимости, связывающие поступление в эксплуатацию и выход из употребления массового археологического материала, и примеры их использования» будет как-то печально-одиноко в предназначенной для нее рубрике. Поэтому мне было предложено на выбор либо выразить свое мнение, как-то прокомментировать эту статью с точки зрения специалиста-математика, либо дать что-то свое, археологико-математическое. Все ниже изложенное прошу считать попыткой честно объяснить, почему именно мне не удалось ни то, ни другое.

«А нас никто не приглашал»

В середине 80-х годов, когда я пришел на работу в качестве инженера-программиста в Институт математики АН тогда еще МССР, жизнь на родном вычислительном центре простотаки бурлила. Только еще начинали внедряться в жизнь новые информационные технологии «с человеческим лицом», сначала на «больших» ЭВМ, затем начали появляться первые персоналки. И потянулись косяками на огонек монитора всевозможные физики-химики, географы с геологами, биологи и палеонтологи. С кем только не пришлось столкнуться! И все как-то норовили приобщиться и утомить глубокими познаниями в разных там методах. Многое пришлось тогда перечитать, чтобы, как говорится, не ударить. Как сейчас помню толстенную «Математическую генетику», всю сплошь из трехэтажных формул. А вот археолог в наших краях был тогда птица редкая, залетная, да и точек соприкосновения в виде взаимно интересных текстов практически не было. И лет через десять в ответ на вопрос "А где же вы были в те времена, ребята?" я услышал именно это: "А кто ж нас туда звал, на ваш ВЦ". Странно, не правда ли? Других вроде тоже никто не звал, однако… Может, наука такая очень специфичная, эта археология, подумал я. И отправился за ответом в экспедицию.

«Зачем копаете, ребята?»

Не скрою, двигало мной не только бескорыстное любопытство, но и нормальное профессиональное программистское желание чего-нибудь намазать на хлеб. К этому времени я уже повидал всего (так думал я, наивный): от задачи составления меню в желудочном санатории до проектирования системы имитации аварий на борту боевого самолета. И я знал, с чего начинать: конечно, с четкой постановки задачи, а конкретно — с выяснения собственно целей деятельности, подвергаемой компьютеризации. Но безобидный в любой другой ситуации вопрос о целях вызвал просто бурю эмоций — от жутких обид до сомнения в моих элементарных умственных способностях. Вообще, вся эта небрито-романтическая братия производила на меня тогда двойственное впечатление: иногда спорили «до хрипоты, до драки» о пустяках (так я считал), просто путали термины и модальности, иногда уходили в глубокую оборону: «Да что ты можешь понять в наших делах, ты — математик!» Однако я упорно искал возможности для наведения мостов, и вот что я в конце концов наискал.

Возможны варианты…

Археолог вникает в математику. Тут слово «вникает» не совсем точно — большинство

© А.Л.Шпак, 1999.

знакомых мне археологов давно забыло элементарную математику из школьной программы. Мог бы привести яркие и убедительные примеры, но не хотел бы случайно обидеть кого-нибудь из достойнейших во всех других отношениях людей. Однако ведь существует некоторая литература по теме «математика в археологии» (назовем пока это так). И, кажется, чего стоит взять, прочитать, вникнуть и с успехом применить. Однако видимых грандиозных успехов почему-то не наблюдается (будем честными хотя бы с самими собой). В чем же дело? А в том, что применение математических методов требует четкого осознания всех следствий и последствий, решения тонких вопросов адекватности и интерпретации результатов. Я утверждаю (и под этим утверждением подпишется любой профессиональный математик), что никакие математические методы, не будучи примененными совершенно ОСОЗНАННО, с пониманием всех возможных тонкостей, а не как готовые рецепты, никогда не дадут результатов более полезных, чем «нормальные» интерпретации на уровне здравого смысла. Подходы типа «применим-ка эту формулу, потому что такой-то ее уже однажды где-то применял» не дадут ничего хорошего в археологии, а только дискредитируют саму идею использования математики. Конечно, во многих случаях, наверное, могли бы быть полезны и факторный анализ, и дифференциальные уравнения, но все эти специальные модели требуют достаточно глубокой предварительной формализации объекта исследований, знания форм зависимостей и т.д. и т.п. Кто всем этим займется? Человек, знающий школьную математику на твердое «посредственно»? И вот что меня еще просто-таки шокировало. Долго я не мог понять, о каких таких «корреляциях» идет речь, ведь в математической статистике этот термин имеет вполне определенный, фиксированный смысл. Господа, назовите все это как-то иначе или не говорите, что это статистические методы, ведь путаница, ей-богу, получается!

Математик вникает в археологию. Казалось бы, да, возможно. Но я утверждаю, что такой математик, вникнувший до тонкостей, тут же и перестанет быть математиком (снова не хотел бы никого обидеть). Чтобы остаться именно на математически-профессиональном уровне, надо сразу же отбросить всю конкретику, связанную с технологией раскопок, а также «чистые» публикации, без интерпретаций (кстати, более тоскливы и заунывны, исходя из моего личного опыта, только бухгалтерские счета). Теоретическая археология явно даже не в детском, а в зачаточном состоянии. Вот вам, наконец, пример из жизни. Когда я спрашивал, чего бы почитать, все почти в один голос и не сговариваясь рекомендовали «Археологическую типологию» Л.С.Клейна. Но вот парадокс: прочитав эту великую книгу буквально запоем и от корки до корки, я просто не нашел, с кем все это обсудить. Уважаемый Лев Самойлович, простите, ради бога, за правду! Вот и дожили мы до 2000 года, а ведь никто не проникся. Что делать, у каждого свои проблемы. Есть, пожалуй, еще работы, которые можно бы назвать проблемными. Краткое содержание их всех таково: «В этих и этих местах, границы коих, впрочем, весьма не определены, в незапамятные времена, точно в какие — сказать совершенно нельзя, некий неизвестный доселе народец использовал вот эдакие предметы невыясненного назначения». Ну да, приврал, утрирую и сгущаю, но вы ведь поняли, о чем речь, братья-ученые! То есть в целом, мало что я из всего этого почерпнул для общего блага. Может, я такой дурак, но уж какой под рукой оказался.

Археолог осваивает «новые технологии». Вот-вот наступит такая золотая эра буквально для всех наук, в особенности гуманитарных, когда достаточно будет включить компьютер и, нажав большую красную кнопку, просто подумать: «Ну-ка, парень, давай реши все мои наболевшие проблемы!» И случится чудо! Очень много лет этой байке-наживке, а «чайники» все ловятся и ловятся. Ну, казалось бы, дожили до Windows95/98, этой радости с «дружелюбным лицом» (или, простите за точное выражение, интерфейсом), где каждая кухарка, по замыслу создателей, может написать программу любой сложности. И что? Ну, не расстраивайтесь, кухарки. Ведь, далеко не каждый профессионал, умудренный горьким опытом, в состоянии осознать всю глубину тех механизмов, с помощью которых ваша мечта должна была осуществиться. И всякие другие прелести, в виде наиреляционнейших баз данных и прочая и прочая. Всякий знает, что слишком серьезное отношение ко всему этому кончается перманентной переинсталляцией. Ну, кто знает, тот понимает, о чем речь. А кто не знает, тому радоваться! К счастью, большинство знакомых мне археологов все еще относится к компьютеру как к пишущей машинке, как-то хитро соединенной с калькулятором. И правильно! И вам больше пользы, и нам меньше хлопот. Да и что вы писать будете в эти базы данных? Давайте сначала определимся. Если то, о чем я читал до сих пор, то ситуация напоминает печальную историю с АСУ (автоматизированными системами управления), в которые в свое время вбухали уйму денег и сил, а у них оказалось «что на входе, то и на выходе» и «из пустого файла в порожний». Итак, во-первых, что писать в базы? Лев Самойлович считает, что в идеале надо бы все, вплоть до атомной структуры материала, а так как это невозможно, то вопрос оставляется на рассмотрение. Неправда! Атомная структура — дело физики-химии, никак не археологии. Предмет и термины определите, «типам»

своим и «культурам» дайте точный смысл, тогда и ясно будет, что вписывать! И, во-вторых, что на выходе хотим получать? Опять же, вопрос терминологии, предмета, целей и задач исследования. Нет, пора определяться!

Археолог ищет «на стыке» (ни в чей огород не камень). Ох уж эти «стыки»! И заметьте, всякий раз, когда где-то в науке возникает так называемый кризис, а на самом деле и не кризис никакой, а самый что ни на есть рост и бурное развитие, как тут же рядом расцветают всякие «околонауки»-паразиты, со своим новоязом, нужным только посвященным, весьма «диссертабельные», но без собственного предмета изучения (ну на стыке ведь!). Конкретно я имею в виду одну штуку на букву С. Искал я математические основы этой штуки (говорили, они где-то есть). И нашел только одну серьезную вещь, да и то написанную биологом. Ну, может быть, может быть. Археология и другие — это ведь науки о человеке, а человек — устройство тонкое, и, может быть, грубые «физические» парадигмы изучения с традиционным математическим подходом к нему не применишь, вот и нужны все эти особые навороты? Да, возможно. Если бы не медицина и психология, насквозь уже пронизанные и опутанные этими самыми грубыми (или точными?) «физическими» и математическими методами, прочно и навсегда упакованные в базы знаний и экспертные системы. Хотя, может, я что-то путаю. Может, это науки о каком-то другом человеке. Тут вспоминается мне один мой одноклассник. Дернул его черт поступать на факультет новомоднейшей в то время бионики. Помните такую науку? Мыкался потом с трудоустройством. Хотя зря я так. Он-то сейчас чем-то там приторговывает, и живет, поди, получше моего. В общем, не знаю, не знаю. Плохо я в этой штуке на букву С разбираюсь, каюсь, грешен. И в алхимии ни черта не понимаю, и в астрологии. Такой вот заскорузлый технарь-прагматик. Извините, если случайно обидел кого, не хотел.

И тут уж каждый вправе мне заметить: «Критиковать и ругаться, конечно, не сложно, а ты вот предложи что-нибудь!» Предлагаю.

В поисках диалога

Ну конечно, не все вовсе так мрачно! Масса есть и всякого позитивного! И упомянутая «Археологическая типология», и другие книги Л.С.Клейна с точки зрения предвзятого неспециалиста выдерживают! И другие блестящие работы других авторов. Невозможно все вспомнить и перечислить. Да вот хотя бы в этом же номере! Математически очень точная, блестящая статья! Искренне поздравляю автора. Не берусь как-то комментировать исключительно из страха выглядеть бледно-банальным на фоне. Однако эта статья — не вклад в математику (математика тут ясная и прозрачная), а именно в археологию, и место ей именно в археологическом журнале. Но видели бы вы глаза нашего редактора, полные ужаса, когда он впервые это увидел: «Здесь же одни формулы!»

И вот что я предлагаю. Существует большой позитивный опыт применения математических методов и новых информационных технологий в самых различных областях знаний. И каждый раз парадигма такова:

1. Точно и недвусмысленно определяются все нужные объекты (понятия). Это может быть не прямо вся археология, а для начала, возможно, какая-то узкая, но полезная ее область или задача. Но все тут должно быть определено в результате этой фазы точно и недвусмысленно!
2. Точно и недвусмысленно определяются все связи между объектами (понятиями).
3. Все это проверяется и отлаживается на различных ситуациях.
4. Составляется математическая модель — объекты и связи между ними переводятся на формальный язык. Если нужно, то пишется программа.
5. Все это обсчитывается.
6. Полученные результаты интерпретируются — переводятся с формального языка в исходные термины.

Этапы 4 и 5 выполняются математиками и/или программистами — специалистами по соответствующим моделям (динамическим, статистическим, базам данных и др.). Остальные этапы выполняются вместе, математиками и археологами.

И еще. В настоящее время бурно развивается сравнительно новая отрасль прикладной математики — так называемые «мягкие вычисления». Эта отрасль включает в себя теорию нечетких множеств, нечеткую логику, основанные на этих теориях прикладные модели и многое другое. Именно на этой основе разрабатываются упомянутые медицинские системы, современные методы в лингвистике и в теории управления. Ищите в Интернете по ключевым словам «нечеткий», «размытый», «fuzzy». Кстати, о «нечетких», «размытых», «fuzzy» типах упоминает Л.С.Клейн в «Археологической типологии» (на мой взгляд, все реальные типы именно таковы!).

И давайте, наконец, сотрудничать, без взаимного снобизма и выяснений, чья наука более научна и кто там чья служанка! За работу?

В заключение хочу выразить глубокую признательность тому, кто смог дочитать до этого места.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

В.И.Кулаков

ИРЗЕКАПИНИС *

V.I.Kulakov. Irzekapinis

The article offers for scientific use the findings of a Middle Age burial site study. Irzekapinis is the ancient name (Prussian 'graves of rowing men') of the burial site close to Klintzovka village in Zelenograd Raion in the North East of Kaliningrad peninsula (ancient land of Sambia). It is a ground burial site, the burials being made through cremation rite. The excavation found 163 graves. The findings both inside the burials and on the surface show that chronologically the site belongs to a period from V to the beginning of XII century A. D. at least. Besides the graves, a shrine belonging to the second half of X century was discovered within the excavated part of the site. The shrine is believed to have been used for funeral ceremonies.

Ceremony reconstruction: cremations were made outside, then the bones were brought to the site in a ceramic or bronze vessel and poured out into the grave, the lowest level of which had a horse skin buried earlier. The vessel then was dropped into the grave near the bones. There were fragments of other vessels (with funeral gifts?), weapons, household items and labour tools found in the graves. Quite many findings had fire traces on them. The fact that quite scarce objects of female decoration were found in the graves along with weapons and war horses suggests accompanying female burials present here. This ceremony emerges among the Prussians in VI century A. D. and persists till XIII century. The development of burial rite with the Prussians according to the Irzekapinis findings suggests creation of a military organization here, fully independent of tribal and early bodyguard structures. The Western (late IX – late X centuries) and Eastern (end of X – beginning of XI – late XI centuries) bodyguard groups of the site provide evidence for such organization. The article contains a catalogue of burials found in Irzekapinis, provides an integral typology of the burial artifacts and grounds for chronology of the site.

Северно-восточная часть Калининградского полуострова (древняя земля Самбия) на протяжении последних ста лет привлекала пристальное внимание археологов. В послевоенные годы раскопки велись к югу от г. Зеленоградска, на курганном могильнике Моховое (Кауп) (Гуревич 1967: 197-209). Результаты данных работ, а также материалы раскопок, освещаемые ниже, позволяли трактовать данную часть Самбии как дружинный центр пруссов IX-XI вв. (Кулаков 1985: 89-91).

В конце 30-х годов XX в. О. Клееманн, обследовавший памятники археологии северо-востока Самбии, отмечал в округе совр. пос. Клинцовки и Малиновки 9 пунктов. Данные пункты находок керамики и предметов вооружения автор связывал с остатками раннесредневековых поселений (Kleemann 1939: karte).

В апреле 1977 г. в ходе разведок, проводившихся Балтийской экспедицией в Зеленоградском р-не Калининградской обл. в 0,3 км к северу от пос. Клинцовки, в распашке на небольшой возвышенности были обнаружены фрагменты керамики, шиферное пряслице, обломок бронзовой фибулы, наконечник дротика. Большая часть предметов носила следы пребывания в огне. В распаханной почве было выявлено пятно золисто-углистого слоя, вытянутое по линии запад-восток и имевшее размеры 130 × 10 *м*. В ходе раскопок, проводившихся на данном памятнике, оказавшимся, вопреки мнению О.Клееманна, грунтовым могильником, было обнаружено 163 комплекса. Судя по находкам, сделанным как в погребениях, так и на поверхности могильника, общие хронологические рамки памятника охватывают период не менее, чем с V по начало XII вв. н.э. Кроме погребений, в пределах раскопанной части памятника было обнаружено святилище второй пол. X в., связанное с отправлением заупокойного культа (Кулаков 1980а: 87-92). В результате топонимического анализа, основанного на данных документов начала XIV в., удалось определить древнее название могильника — Ирзекапинис (прусск. — «могилы гребцов») (Кулаков 1980б: 242).

Обнаруженные при раскопках 1977-1986 гг. погребения Ирзекапиниса были сооружены по обряду кремации. Кости с расположенного вне пределов могильника в керамическом или

* Примечание. Частично материалы исследования могильника Ирзекапинис представлены в работе: Кулаков В.И. 1990. Древности пруссов VI—XIII вв. // САИ. Вып. Г1-9. М. С. 73-81. Информация о погребениях (с 1 по 116) была дана крайне ограниченно. Работа В.И.Кулакова в настоящем издании представляет собой полную публикацию материалов исследования могильника Ирзекапинис — базового памятника древностей пруссов эпохи викингов.

© В.И.Кулаков, 1999.

бронзовом сосуде приносились на территорию памятника и высыпались в могилу, в нижнем ярусе которой ранее было произведено захоронение шкуры коня. Рядом с костями в погребение бросался сосуд. Захоронение сопровождалось остатками других сосудов (с заупокойными дарами?), предметами вооружения, быта, орудиями труда. Значительная часть предметов носила следы пребывания на костре. Наличие в могилах с оружием и боевыми конями довольно редких женских украшений позволяет предполагать наличие здесь и сопутствующих женских захоронений. Данный обычай возникает у пруссов в VI в. н. э. (Gaerte 1931) и доживает до XIII в. (Пашуто 1955: 501).

Развитие погребального обряда пруссов по данным могильника Ирзекапинис позволяет предполагать (во всяком случае для северо-восточной Самбии) создание здесь полностью обособленной от родовых и ранне-дружинных структур воинской организации. Последней в ее развитии соответствует западная (кон. IX — кон. X вв.) и восточная (рубеж X-XI — кон. XI вв.) дружинные группы могильника (Кулаков 1987а: 223-225).

Обобщенную типологию погребального инвентаря в пределах устоявшихся в современной археологии систем можно представить следующим образом:

Керамические сосуды: тип 1 — биконические, правленные на поворотной дощечке; тип 2 — горшки с вдавлениями по венчику, лепные; тип 4 — круговые горшки (в основном — с линейным орнаментом), близкие к формам западнославянского фельдбергского типа (кон. X-XI вв.); вариант 4.1а — круговые горшки яйцевидной формы, крупных размеров (по Д. Селлинг — основная группа AIa, южноскандинавского происхождения со славянскими элементами, XI в.) (Selling 1955: 14).

Мечи: тип T_{II} (по Я. Петерсену) — с трехчастным навершием, XI в. (Petersen 1919: 149); тип X (поздний вариант) — с сегментовидным навершием, XI в.

Копья (даются в рамках типологий Я. Петерсена и А. Рутткаи) (Ruttkai 1976: 299-303): тип E — ланцетовидное перо ромбического сечения, характерны для Скандинавии, менее — для Восточной Европы в X в.; тип G — ромбическое перо, втулки таких копий нередко украшались серебряным листом с плакировкой, дата — первая пол. XI в. (Strömberg 1962: 149); тип IVб — треугольное перо, ромбическое сечение с выделенной центральной частью, втулка украшена плакировкой серебром с горизонтальными врезными линиями, имеющем прототипы в скандинавских древностях X в. (Arbman 1941: bd. II, taf. 9,3-5). За пределами земли пруссов подобный орнамент на копьях известен только в Турайде (Латвия) (Anteins 1976: 76 att.,1); тип III — лавролистное перо с миндалевидным сечением, втулка таких копий изредка украшалась плакировкой. К последнему типу относятся копья с сечением в виде сегмента. Происхождение данных копий (вариант а) — местное. На месте изготовлены и практически все копья Ирзекапиниса, откованные на высоком профессиональном уровне (Кулаков, Толмачева 1987: 99-101).

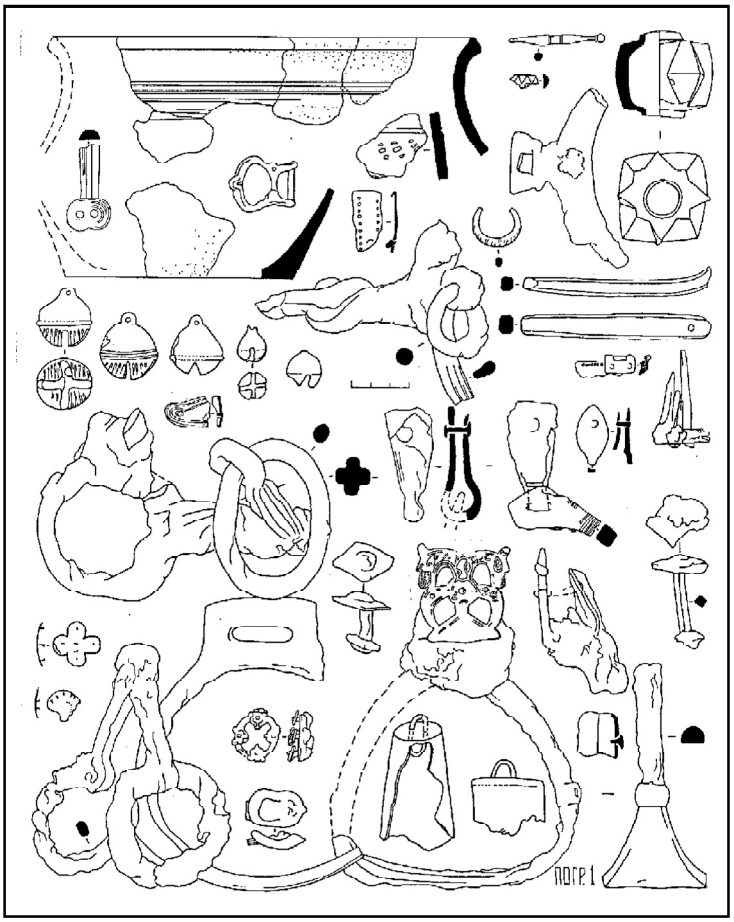
Удила: тип 1 — кольчатые с двучастным трензелем; подтип 1.2 удила с витыми стержнями трензеля, связываемые со Скандинавией X в. (Mühlen 1976: taf. 31, 32, 33, 34); тип 2 — кольчатые с трехчастным трензелем; тип 3 — удила с псалиями; подтип 3.1 — псалии роговые; подтип 3.2 — псалии серповидной формы («крыльчатые»), часто — с плакировкой и штампованным орнаментом. По мнению А.Н.Кирпичникова, данные удила возникли в X-XI вв. в степях Северного Причерноморья (Кирпичников 1973: 93,94). Однако основной массив удил подтипа 3.2 (только в земле пруссов — более 30 экз.) представлен в древностях балтов.

Стремена (типология — в основном в рамках системы Й.Антанавичюса)(Antanavicius 1976: 69-80): тип I — восходящие к аварским древностям кон. VII в. восьмеркообразные стремена IX в.; подтип IIIa — стремена с выносной рамкой для ремня, с двумя защипами в основании ступеньки — X - нач. XI вв. (Arne 1934: 71); вариант IIIa2 — стремена вытянутой треугольной формы; тип IV — стремена в форме вытянутого овала; тип VI — стремена яйцевидной формы, известные в Западном Поморье (Wilson 1980: 183) и Понеманье (Volkaite-Kulikauskiene 1971: 34 pav.) в нач. XI в.; тип VII — округлые стремена; подтип VII.1 — стремена округло-подтреугольной формы; подтип VII.2 — стремена с уплощенными сторонами; тип I — стремена трапециевидной формы без отверстия в верхней части; подтип I.2 — стремена со скрещенными в верхней части дужками; подтип I.3 — стремена с выступом в верхней части, но без отверстия в нем.

Шпоры (даются в рамках типологии А.Н. Кирпичникова): тип I – с сигарообразным шипом; подтип I.I – шпора с сигарообразным шипом миниатюрных размеров (975-1025 гг.) (Arne 1934: 70, taf. 11); тип II – с маковидным или коническим навершием; тип III – с сигарообразным шипом, поднятым над плоскостью дуги до 25°, как и тип I, зачастую покрыт серебром. Согласно А. Н. Кирпичникову, мутация форм шпор, появление изгиба в пределах выделенных им типов является отражением временного показателя, хотя контактные типы в пределах отдельных комплексов могут взаимовстречаться (Кирпичников 1973: 64).

Гирьки: тип 1 — форма куба со срезанными краями, 3,82 и 12,75 г (здесь и далее дается реконструированный вес до окаления гирьки); тип 2 — форма бочонковидная, железо с обтяжкой бронзой (в отличие от полностью бронзовых гирек типа 1), от 8,5 до 93,50 г; тип 3 —

Рис. 1.

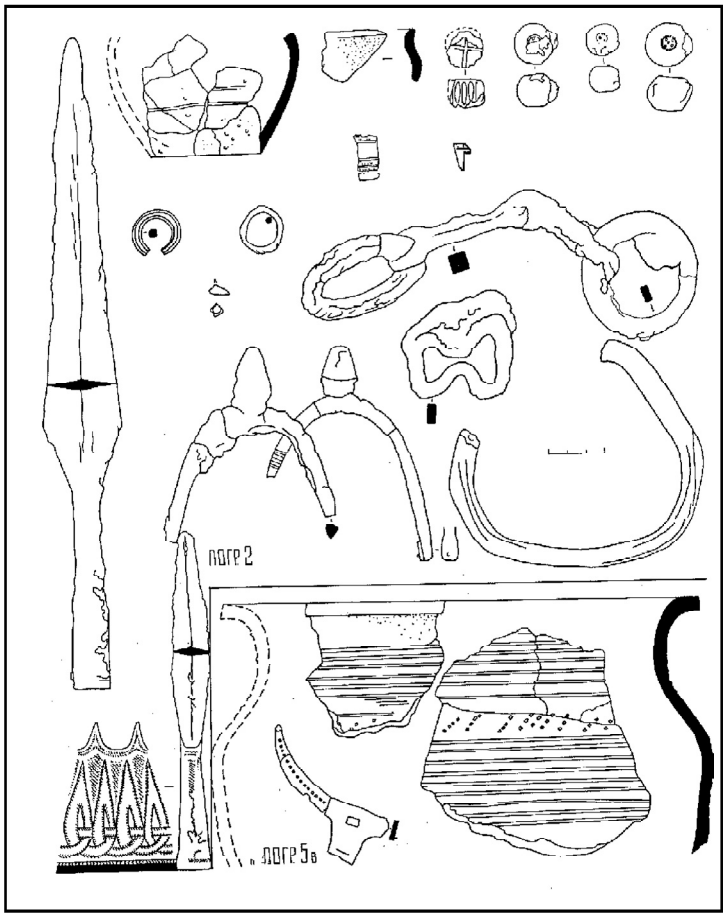

форма биконическая, материал — бронза; тип 4 — форма цилиндрическая с боковым рифлением, материал — свинец, 15, 28 г; тип 5 — в форме навершия подковообразной фибулы, материал — бронза. Все данные типы гирек известны у балтов в X-XII вв. (Kunciene 1972: 6 pav.). Анализ весов гирек Ирзекапиниса позволяет выдвинуть предположение о существовании у пруссов в кон. X — кон. XI вв. двух весовых систем — «северной» (исходный вес — «артуг»= 8,5 г) и «южной» (исходный вес 1/2 «диргема» = 1,91 г) в соответствии с типологией В.Л.Янина (Янин 1956: 204, § 6). По сравнению с гирьками «северной» системы (9 гирек) разновесы «южной» системы (28 гирек, включая находки вне погребений) преобладают. В землях балтов к северу от ареала пруссов в X-XI вв. наблюдается обратная картина (Kunciene 1972: 171). В. Ла Бом и И. Вильчек, картируя находки весов и гирек (в Самбии — 21 пункт из 47 для всей земли пруссов) не делают вывода об источнике их появления на данной территории (La Baume, Wilczek 1941: 43). Из анализа весовой системы пруссов по данным могильника Ирзекапинис видно ее восточно-европейское происхождение.

Каталог погребений могильника Ирзекапинис

Погр.1 — в яме округлой в плане формы диам. ок. 1,4 м, глуб. 0,53 м (здесь и далее замеры даются в пределах материка). На дне ямы обнаружен череп коня. Находки (рис.1) нижнего яруса располагались в основном в северо-западном секторе ямы, среди них — С-образно свернутый двулезвийный меч с обломанной рукоятью, фрагмент однолезвийного меча (также без рукояти), согнутое копье G с остатками серебряной плакировки на втулке, удила 1.0 с крестообразным сечением трензелей, удила 3.2 с псалиями из оловянисто-цинкового сплава, пара стремян VI, обломки пары стремян VII с медной инкрустацией, шпора I, , крупные бронзовые бубенчики (XI в.) (Lietuviu liaudies... 1966: 210), 8 железных пряжек конского снаряжения, стеклянная бусина зеленого цвета с двумя желтыми глазками, 4 ажурные бронзовые накладки (четверики конского оголовья) с головками зверей, восходящие к скандинавским древностям X в. (Arbman 1941: taf. 205) и датирующиеся в Прибалтике нач. XI в. (Volkaite-Kulikauskiene 1971: pav. XXXVIII), бесформенные куски железных предметов. Верхний ярус, вплотную примыкавший к нижнему, содержал большое количество рассредоточенных кальцинирован-

Рис.2.

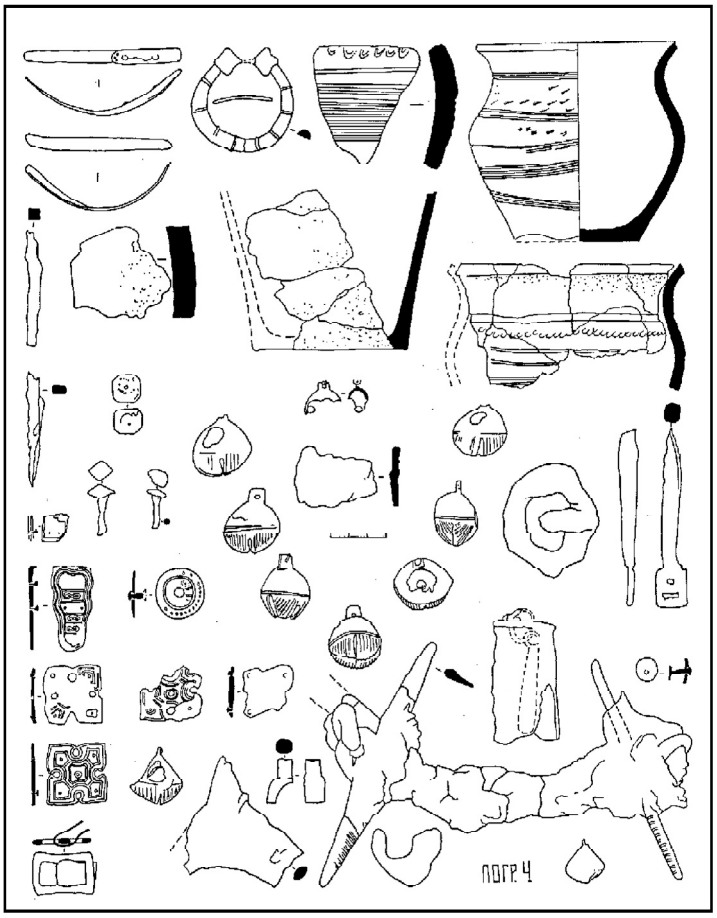

ных костей, 56 ладейных заклепок и 26 гвоздей (показатель проведения сожжения в ладье на стороне), бронзовую булаву кон. X — нач. XI вв. (Кирпичников 1966: вып. 2, с. 48, таб. XXVIII. II, XVI), небольшие по размерам бубенчики с крестовидной прорезью, поясную (?) накладку из бронзы, фрагменты двух ботал, обломок костяного сложносоставного двустороннего (?) гребня, рубчатый билоновый перстень, обрубок дрота из цинково-оловянистого сплава (вес 39,0 г, условный вес — 38,2, т.е. 20 долей 1/2 «диргема»), стержневидная бронзовая застежка, лировидная бронзовая пряжка с остатками железного язычка, оселок из серого сланца, фрагменты чашечек весов, железное навершие нагайки, фрагмент бронзовой фибулы «куршского типа» (XI в.) (Volkaite-Kulikauskiene 1971: 165), фрагменты двух сосудов 1.0, обожженные обломки бронзовых и железных предметов. Судя по номенклатуре инвентаря, могила содержала останки двух воинов (один из них сопровождался богатым снаряжением) и женщины. Дата по находкам — нач. XI в. В связи с нахождением в погр. 1, содержавшем останки знатного воина (вождя дружины) в сопровождении рядового дружинника и женщины, 56 заклепок и 26 гвоздей от ладьи, можно предположить следующее. Сожжение покойных (вместе с основной частью инвентаря) происходило на стороне в небольшой ладье (длиной ок. 5 м) типа «кнарр» (Müller-Wille 1968/1969: 33).

Погр. 2 — в округлой в плане яме диам. ок. 1,37 м, глуб. 0,42 м. В нижнем ярусе в западной и северо-восточной частях дна обнаружены истлевшие остатки отдельных конских костей. Инвентарь: удила 1.0, пара стремян IV, пара шпор I, ботало, два бронзовых кольца, железная 8-видная пряжка. В верхнем ярусе — подстилаемое несколькими камнями небольшое количество кальцинированных костей (восточная часть ямы), здесь же — (рис.2) копье G, копье E (втулка с плакировкой серебром), бронзовый бубенчик, гирька 4 (вес — 15,80 г, реконструированный вес — 15,28 г, т.е. 8 долей 1/2 «диргема»), три гирьки 2 (вес — 13,84 г, реконструированный вес — 13,37 г; вес — 26,52 г, реконструированный вес — 26,74 г; вес — 31,95 г, реконструированный вес — 32,47; соответственные доли 1/2 «диргема» — 7,14 и 17), обломки костяного односоставного двустороннего гребня (XI в.) (Давидан 1962: 103), железные заклепка и гвоздь (остатки сожжения с применением ладейной доски), фрагментированная временная урна 4.0. Дата — первая пол. XI в.

Погр. 3 — трупосожжение, произведенное на месте, оставило после себя на материке круглое в плане пятно золы диам. 0,37 м, мощ. 0,10 м, под ним — прокаленный грунт. В пятне золы — кальцинированные кости, фрагменты кругового сосуда с линейным ор-

Рис.3.

наментом. Дата — XI в.

Погр. 4 — в овальной в плане яме разм.1,20 × 1,80 м, глуб. — 0,48 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В северо-западной части дна — остатки черепов и костей ног (показатель наличия шкур) двух коней. Инвентарь нижнего яруса (рис. 3): удила 3.0 с псалиями из оловянисто-цинкового сплава, два ботала, остатки ремней конского оголовья с 5 большими бронзовыми, плакированными серебром накладками (покрывали ремень с двух сторон), восходящими к раннеболгарским накладкам IX — нач. X вв. (Кулаков 1986: 144), круглыми накладками, двумя наконечниками ремня (аналог — могильник Вольное, нач. XI в.) (La Baume 1944: 18, abb. 37), фрагментированная шпора I.I, крепившая ее на ноге бронзовая пряжка, 11 бубенчиков разной величины, 6 из них висели связкой под челюстью коня, поддерживая ботало, 2 полукруглые железные пряжки конского снаряжения. Находки в верхнем ярусе — временная урна промежуточного типа между 1.0 и 4.0 с небольшим количеством кальцинированных костей. Рядом в урне, среди высыпанных из нее костей — подковообразная фибула «куршского типа», обломки бронзового головного обруча, ключ, гирька 1 (вес 12,75, т. е. 1,5 доли «артуга»). Рядом с урной — фрагменты двух сосудов 4.0, три гвоздя, бубенчик, кусок янтаря. Дата — первая пол. XI в.

Погр. 5а — в четырехугольной яме разм. 1,20 × 1,18 м, глуб. 0,13 м ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе, на дне ямы — пара стремян VII.1 и удила 3.0, два ботала, железное кольцо (рис.4). В верхнем ярусе в северной части ямы — скопление остатков погребального костра с небольшим числом кальцинированных костей, перекрытое камнями. Рядом с костями — фрагменты сосуда 4.1а (временная урна) и копье III. Над западной частью ямы — фрагмент двулезвийного меча, поврежденного дренажем. Кроме того, здесь найдены бронзовая фибула «куршского типа», фрагмент куршского браслета из бронзы, два бочонковидных шиферных пряслица, гирька 2 (вес 14,80 г, реконструированный вес — 15,28 г., т.е. 8 долей 1/2 «диргема»), бронзовый бубенчик, два обломка бронзовых колец, фрагменты ножа, железные детали запора шкатулки, пять обломков заклепок, железный стержень, янтарное изделие (застежка?). Дата — первая пол. XI в.

Погр. 5б — в подпрямоугольной яме разм. ок. 1,10 × 0,90 м, глуб. 0,10 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток, прорезавшей южную часть погр. 5а. В нижнем ярусе — череп коня с удилами в зубах, следы тлена от конской шкуры и бронзовые окислы (следы

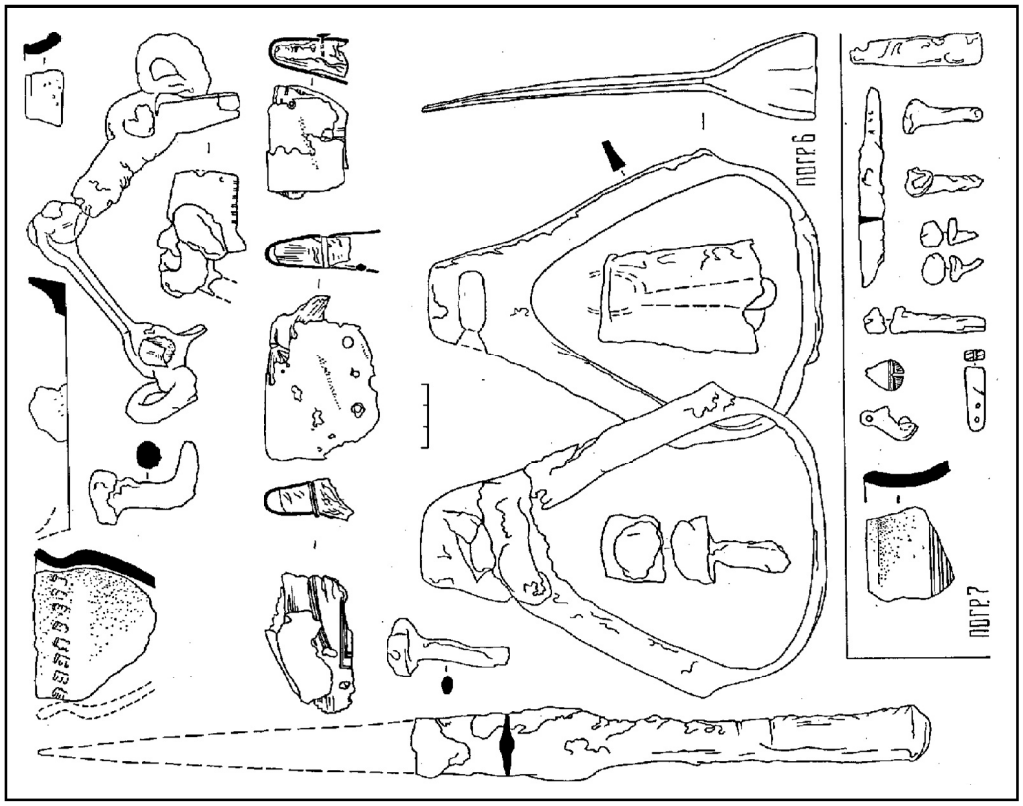

Рис.5.

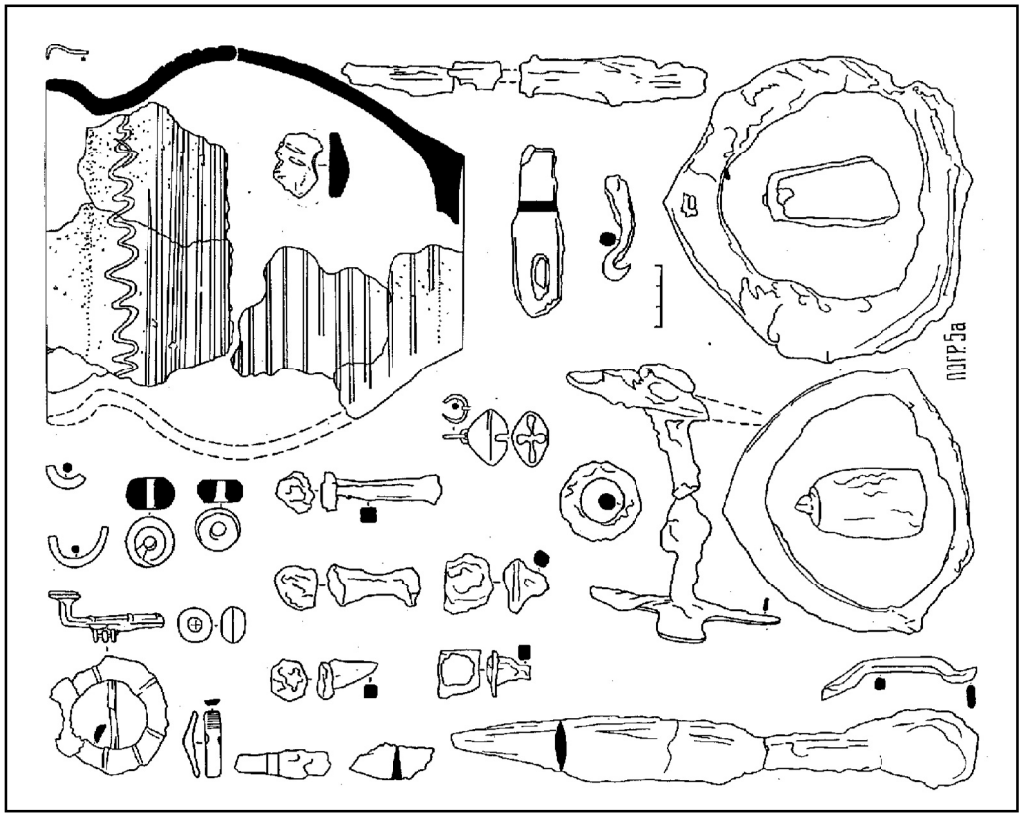
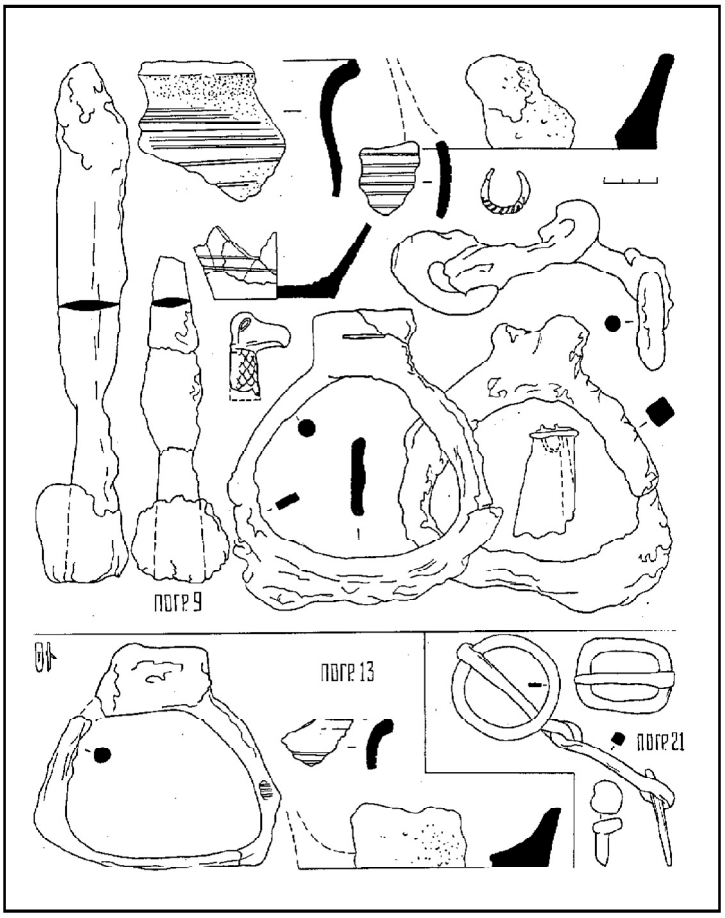

Рис.4.

Рис.6.

накладок оголовья). В верхнем ярусе — скопление остатков погребального костра с кальцинированными костями, среди них — свернутый меч X поздн., бронзовая обоймица портупеи в виде головки животного, заклепка, гирька. Дата — первая пол. XI в.

Погр. 5в — в подпрямоугольной яме разм. 1,15 × 1,00 м, глуб. 0,41 м, прорезанной в южной части погр. 5а. В нижнем ярусе — череп коня, перекрытый тремя камнями, пара стремян, удила 3.2, ботало, шпора (рис.2). В верхнем ярусе — фрагменты сосуда 4.1а, потревоженные дренажем.

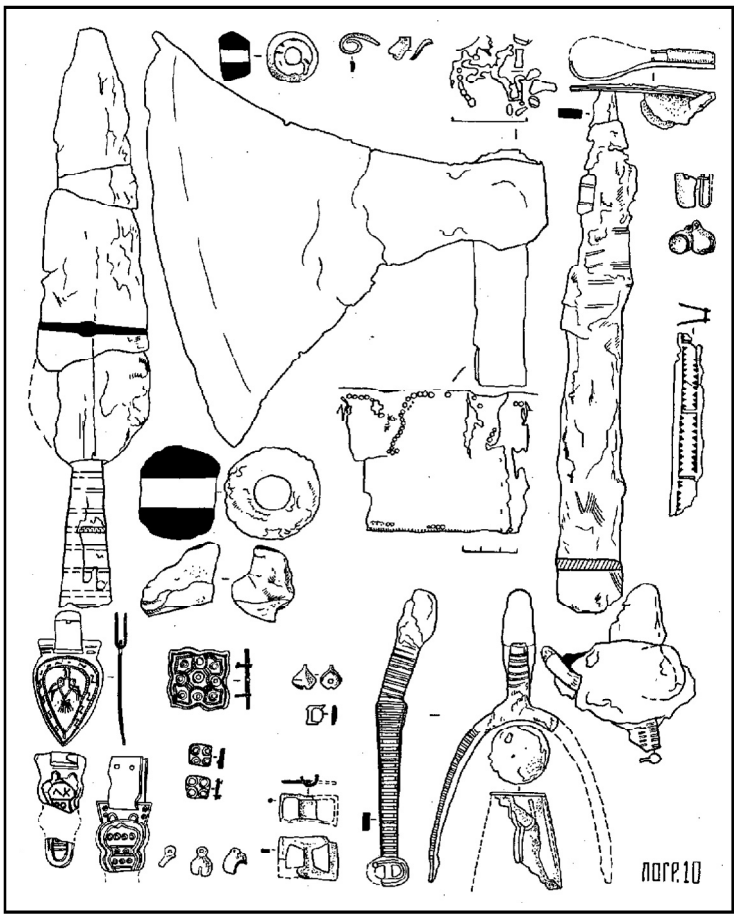
Погр. 5г — наиболее позднее в данном комплексе могил, представляло собой скопление остатков погребального костра диам. ок. 0,45 м, в котором среди кальцинированных костей находились потревоженные плугом обломки черепа коня с удилами 3.2 (псалии плакированы серебром, обожжены). Дата — середина XI в.

Погр. 6 — в овальной в плане яме разм. 1,69 × 1,30 м, глуб. 0,43 м ориентированной по линии север - юг (в южной части — ступенька). Края ямы перед заполнением грунтом были выложены мелкими камнями. В нижнем ярусе — череп коня с удилами 3.1, стремена раннемадьярского типа (IX в.) (Кулаков 1986а: рис.1), обломки деревянного седла с бронзовой оковкой, фрагмент копья G (рис. 5). В верхнем ярусе — рядом с группой кальцинированных костей — сосуд 2.0 (временная урна), 10 ладейных заклепок и 13 гвоздей (показатель сожжения на ладейных досках), куски железных предметов, фрагменты двух круговых сосудов, три бронзовые бубенчика. Дата — X в.

Погр. 7 — в овальной в плане яме разм. 1,64 × 1,20 м, глуб. 0,33 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе — в северо-западной части ямы — череп коня с удилами 1.0, пара стремян, три железные пряжки, два бронзовых бубенчика, ботало (рис.5). В верхнем ярусе, перекрытом мощным валуном, с небольшим количеством кальцинированных костей — фрагменты бронзового блюда XI в. (использовалось в роли временной урны) (Poklewski 1961: 49, tab. XXXII), два ножа, 4 гвоздя, фрагменты сосуда 4.0, обломок оселка с бронзовыми штифтами (X - сер. XI вв.) (Mühlen 1976: taf. 27). Дата — нач. XI в.

Погр. 8 — в круглой яме диам. 1,31 м, глуб. 0,53 м. В нижнем ярусе череп коня с удилами 1.0 в зубах, в восточной части дна — пара стремян VI, два ботала, железная пряжка, обломки оковки седла (?). В северо-западной части ямы — череп второго коня с остатками бронзовых накладок оголовья. Между черепами — вторая пара стремян. В верхнем ярусе, перекрытом кладкой из валунов — небольшое количество

Рис.7.

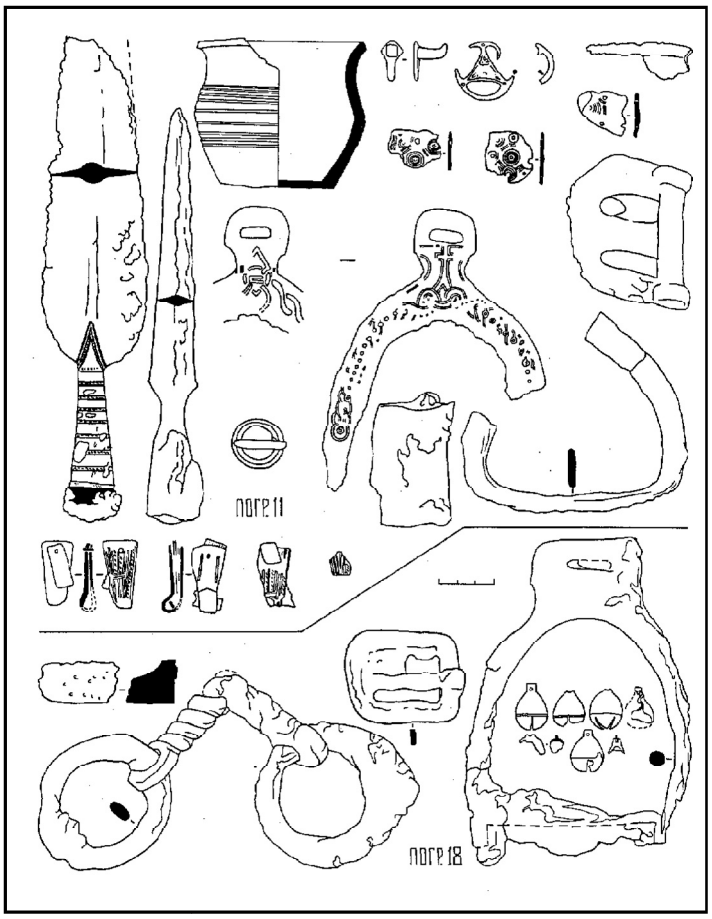

кальцинированных костей, два копья IVб и III, лежавших горизонтально остриями на юго-восток, бронзовая фибула «куршского типа» с плакировкой серебром, фрагменты головного бронзового венчика, обломки бронзового блюда, обломки сосуда 4.0, две железные заклепки и два гвоздя, нож. Дата — нач. XI в.

Погр. 9 — в овальной в плане яме разм. 1,75 х 1,20 м, глуб. 0,42 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В северной части нижнего яруса — череп коня, удила 1.0, пара стремян VI, две железные пряжки (рис. 6). В верхнем ярусе — перекрытое камнями небольшое количество кальцинированных костей, два копья III, ботало, бронзовое навершие плети в виде головки хищной птицы, обломки бронзовых бубенчиков, псевдовитой бронзовый перстень, фрагменты не менее двух сосудов 4.0, обломок бронзового блюда, 95 ладейных заклепок и 17 гвоздей (свидетельство сожжения в ладье на стороне). Дата — первая пол. XI в.

Погр. 10 — в овальной в плане яме разм. 1,84 х 1,53 м, глуб. 0,66 м, ориентированной по линии запад - восток. В западной части нижнего яруса — ремни оголовья, украшенного большими накладками в виде клиновидного креста и малыми квадратными накладками, наконечниками ремня и налобной подвеской миндалевидной формы с изображением ворона — знаком дружинника (Кулаков 1988а: 110-117), удила 3.2. Череп коня располагался к северо-западу от комплекса оголовья. Последнее дополняли две бронзовые пряжки, бубенчик, ботало. Кроме того, на дне ямы найдены шпора с серебряной чеканкой, кусок обработанного кремня (рис. 7). В верхнем ярусе — расположенные в восточной части ямы рассеянные кальцинированные кости. Здесь же после рассыпаний костей в заполнение ямы были вбиты в грунт остриями секира типа М (по Я. Петерсену — нач. XI в.) (Petersen 1919: fig. 129) с бронзовой втулкой, на торцовой верхней стороне которой был выбит знак собственности (?), копье III и боевой нож в бронзовых ножнах. Последний после погружения в грунт был дополнительно провернут по оси. Дата ножа — вторая пол. X-XI вв. (Mugurevičs 1977: tab. 13, 14). На торец топора и на копье и нож была надета пара стремян IV. Все данные предметы обожжены. Втыкание оружия в погребения — характерная черта обряда «эпохи викингов» (Равдоникас 1945: 40, 41). Кроме того, к верхнему ярусу относятся железная булава, бронзовая игла от подковообразной фибулы, фрагмент биконического шиферного пряслица, фрагменты бронзового блюда и керамики, шесть ладейных заклепок и гвоздь. Дата — нач. XI в.

Рис.8.

Погр. 11 — в овальной в плане яме разм. 1,92 × 1,00 м, глуб. 0,55 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе в северо-западной части дна — череп коня, рядом — ботало. Комплекс ремней оголовья — в юго-восточной части дна, представлен 5 большими и 40 малыми бронзовыми, с серебряной плакировкой накладками. Рядом — удила, железная полукруглая пряжка с подвижной штангой. Между черепом коня и комплексом оголовья найдены остатки ремня (повода?) со следами накладок, пара стремян IV с серебряной чеканкой в «стиле рунических камней» (нач. XI в.), шпора, две пряжки (одна из них — круглая бронзовая) (рис. 8). В верхнем ярусе — в юго-восточной части скопления остатков погребального костра с рассеянными кальцинированными костями — временная урна (сосуд 4.0) с небольшим количеством костей. К северу от нее крест-накрест, остриями к югу лежали два копья IVб и III. В пределах зольника — фрагмент бронзового блюда, 4 ладейные заклепки. Плугом из зольника вынесены фрагмент фибулы «куршского типа», фрагменты двух бронзовых поясных колец с изображением головок животных. Дата — первая пол. XI в.

Погр. 12 — в яме овальной формы, разм. 1,57 × 1,17 м, глуб. 0,41 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В северо-восточной части дна ямы, в нижнем ярусе — череп коня, удила 3.2 с псалиями из оловянисто-цинкового сплава (рис. 9), пара стремян, ботало, четыре бронзовых бубенчика, цилиндрический замок (X-XI вв.) (Tonisson 1974: 62, abb. 18), фрагменты весов. В верхнем ярусе — вместе с рассеянными отдельными обломками кальцинированных костей, перекрытые масивными валунами — копье G с остатками серебра на втулке, погнуто, два копья III, три сулицы (Кирпичников 1966: 54), относимые к XI-XII вв., железная полая булава с остатками свинцового заполнения, острога западнославянского типа, точило сланцевое, железное острие, оплавленная темно-синяя с зелеными и красными «глазками» бусина, зеленоватая бусина прозрачного стекла, фрагменты бронзового головного обруча, обломок шиферного боченковидного пряслица, гирька 1 (вес 3,64 г, реконструированный вес — 3,82 г, т. е. 2 доли 1/2 «диргема»), гирька 2 (вес 84,70 г, реконструируемый вес — 85,00 г, т. е. 10 долей «артуга»), фрагмент бронзового блюда на кольцевом поддоне, бронзовая овальная подвеска со следами серебрения (найдена в стороне от погребения), фрагменты сосудов 4.0 и 4.1а, обожженный обломок ножа, 53 ладейные заклепки и 27 гвоздей (показатель сожжения в ладье). Дата — XI в.

Погр. 13 — в овальной в плане яме, разм.

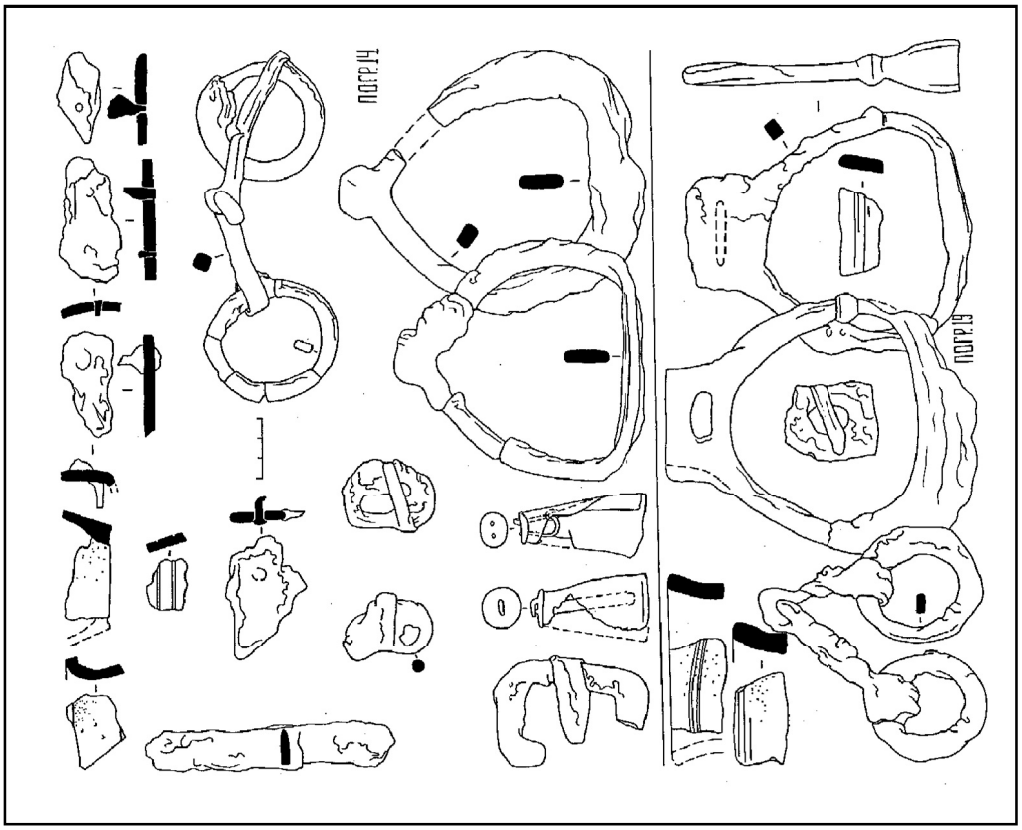

Рис.10.

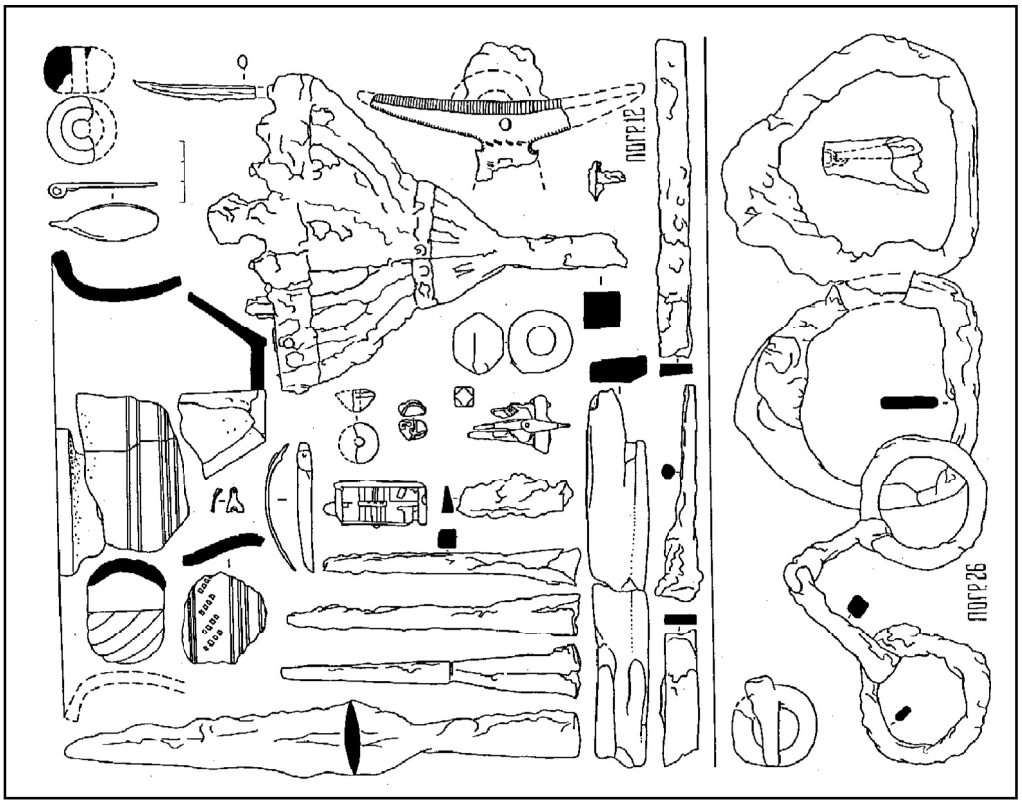
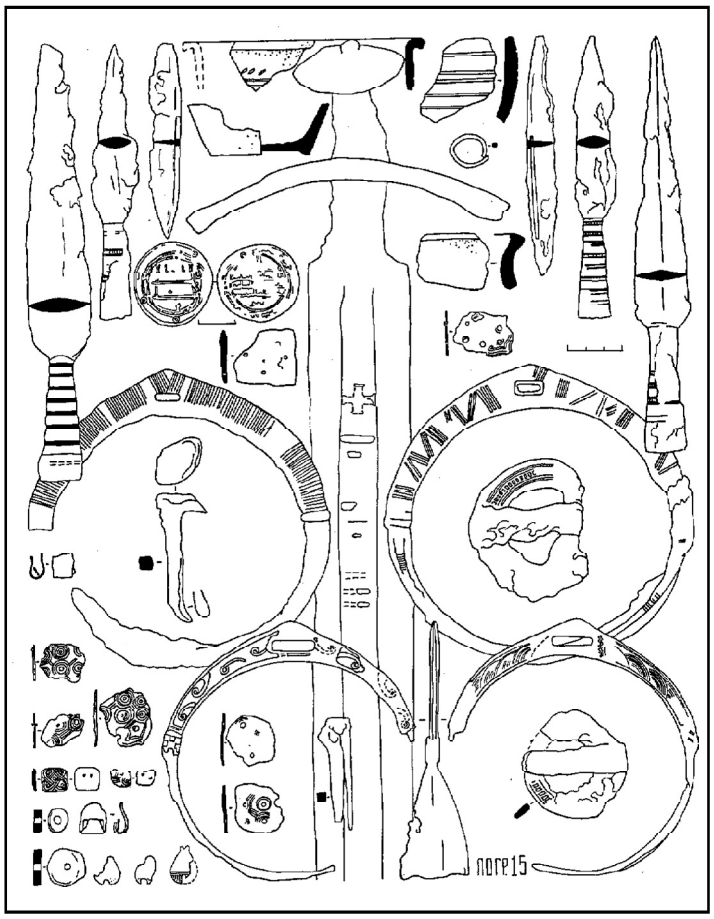

Рис.9.

Рис.11.

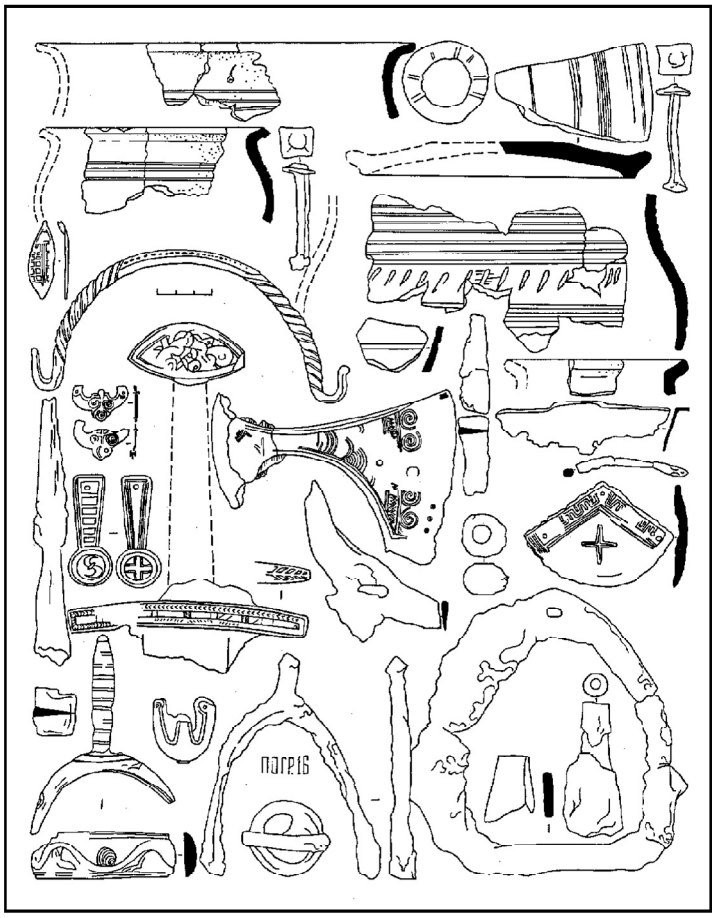

1,19 × 1,00 м, глуб. 0,33 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. Здесь расположен нижний ярус. Находки: череп коня, к западу от него — удила 1.0, пара стремян VI с остатками серебряной инкрустации, лежавшая на плоском камне, ремень с небольшими накладками, на ремне — ботало, бронзовый бубенчик, железная пряжка. Кроме того, здесь найден фрагмент костяного сложносоставного гребня, обломки кругового сосуда. К югу от данной ямы — остатки сожжения («верхний ярус») в округлой яме диам. 0,37 м, глуб. 0,05 м, без инвентаря. Дата — XI в.

Погр. 14 — в овальной яме разм. 1,28 × 1,06 м, глуб. 0,63 м, ориентированной по линии север - юг. В нижнем ярусе — черепа трех коней. Первый — в западной части дна, с удилами 1.0 и боталом (рис. 10). Второй — в северной части дна, с удилами (?), парой стремян I.3, остатками бронзовой оковки седла. Третий — в южной части ямы с удилами 1.0. Между первым и третьим черепами — пара стремян и прямоугольная пряжка конского снаряжения. У восточного края ямы — костный тлен (череп четвертого коня?). Кроме того, здесь — ботало, четыре железные накладки (стремянного ремня?), две железные конские пряжки овальной формы (рис. 10). В верхнем ярусе — с небольшим количеством кальцинированных костей — фрагменты сосуда 4.0, нож, две заклепки и три гвоздя. Дата — X в.

Погр. 15 — в яме овальной формы разм. 1,93 × 1,38 м, глуб. 1,00 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе — в западной части дна — черепа трех коней, подостланные и перекрытые слоями органического тлена (войлок). Северный и южный черепа перекрыты соответственно парами валунов, сохранили остатки оголовий с большими и малыми накладками и бубенчиками (рис.11). В зубах северного черепа — удила 3.0. Над третьим, южным черепом — кучка золы и углей (остатки дополнительного трупосожжения). У этого черепа — оголовье с накладками, дополненное бубенчиком и боталом. К затылочной части черепа с севера примыкает П-образная в разрезе конструкция из ремней, украшенных большими и малыми накладками, внутри которой — органический тлен и конский волос. Вероятно, это — остатки футляра для конской гривы. В зубах данного черепа — удила 3.0. Рядом — пара стремян VII с бронзовой чеканкой. У среднего черепа — пара стремян VII с серебряной плакировкой, железная пряжка круглой формы с серебряной чеканкой, шпора. Вторая шпора — у южного края ямы, у северного — остатки ремня с малыми накладками и тремя бронзовыми бубенчика-

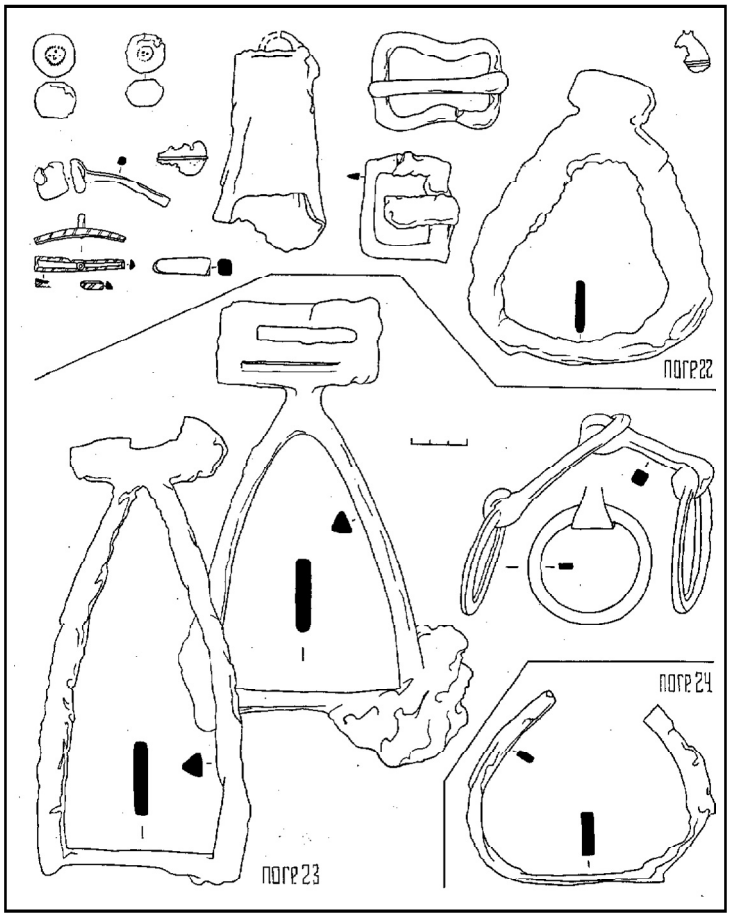
Рис.12.

ми. К юго-востоку от первой пары стремян, на дне ямы — углубление от кола диам. 5 см. В центре дна ямы — остатки органического тлена и обломки гвоздей. В верхнем ярусе — две группы костей (в центре ямы и у ее восточного борта). В первой группе — помещенное в заполнение ямы копье IVб с серебряной обтяжкой втулки (как и остальные копья), рядом — билоновое кольцо. К востоку — четыре копья, лежавшие горизонтально остриями на юг и юго-восток. К северу от первой группы костей — помещенный острием в заполнение могилы меч X с остатками надписи на клинке. Рядом со второй группой костей — фрагменты двух сосудов 4.0. В заполнении верхнего яруса — фрагменты бронзового блюда, бубенчик, две янтарные бусины, два ножа, железные заклепка и гвоздь. В стороне от могилы (вытащен из нее плугом) найден куфический диргем (чекан г.Нишапура, 809/810 гг.) (Определение Г.А. Федорова - Давыдова) подрезанный по краям и доведенный до веса 1,91 г. (1/2 «диргема»). Дата — начало XI в.

Погр. 16 — в подпрямоугольной яме разм. 1,25 × 1,08 м, глуб. 0,3 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе череп коня отсутствует. Здесь найден бронзовый наконечник ножен меча типа «наконечник с выемкой» (по типологии П. Паульсена) — XI в. (Paulsen 1953: 159), удила 3.2, шпора III с серебряной плакировкой и изображением дракона, шпора I, два ботала, железные накладки (от шкатулки или конского оголовья). Верхний ярус практически вплотную соприкасался с нижним ярусом. В верхней части могилы, над ее центром — два скопления кальцинированных костей. У южного скопления — сосуд 4.1а небольших размеров (временная урна), стоявший на камне (рис.12), шарнирная фибула «куршского типа», подвеска в виде ладьи-кнарра бронзовая. У северного скопления — обломки бронзового блюда (временная урна), меч X (свернут), железная подвеска к портупее железная, с серебряной плакировкой, топор вислообушный, с отверстием и серебряной чеканкой (XI в.) (Paulsen 1939: 76), два копья IVб и E, обломок ножа, фрагмент весов, гирька 2 (вес 28,50 г, реконструируемый вес — 28,65 г, т.е. 15 долей 1/2 «диргема»), железная, плакированная серебром пластина (центральная часть знамени), железная ручка от ведра, две бронзовые накладки, 60 ладейных заклепок (показатель сожжения в ладье). Все вещи обоих ярусов обожжены. По набору богатого снаряжения (Кулаков 1988б: рис.5) погр. 16, датируемое первой пол. - сер. XI в., является наиболее репрезентативным княжеским погребением Ирзекапиниса.

Рис.13.

Погр. 17 — в яме аморфных очертании (потревожена плугом) глуб. 0,5 м — остатки погребального костра с фрагментами круговой керамики.

Погр. 18 — в овальной яме разм. 1,50×1,16 м, глуб. 0,58 м, ориентированной по линии запад - восток. В нижнем ярусе — с черепом коня — удила 1.2, пара стремян IIIa (стояли вертикально), на черепе — остатки оголовья с налобной щитовидной подвеской и большими и малыми накладками, рядом — прямоугольная железная пряжка, 7 бубенчиков, обломки лепного сосуда, кусок янтаря (рис. 8). В восточной части ямы — остатки ремня с большими и малыми накладками. В верхнем ярусе — небольшое количество кальцинированных костей. Дата — вторая пол. X в.

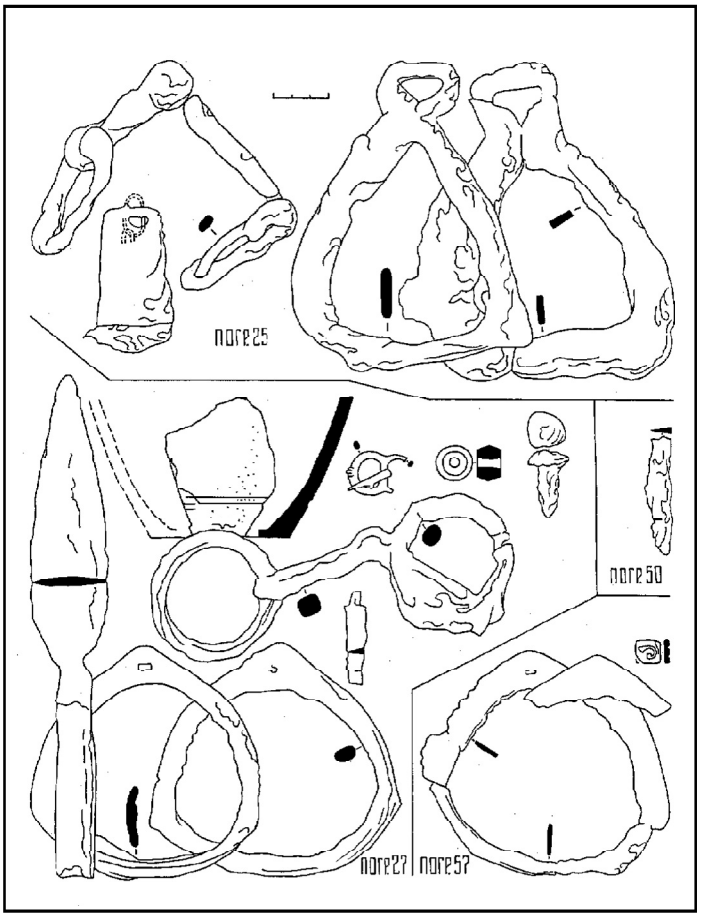
Погр. 19 — в овальной яме разм. 1,85 × 1,25 м, глуб. 0,25 м, ориентированной по линии северо-восток — юго-запад. В нижнем ярусе — в северо-западной части дна — череп коня с удилами 1.0, пара стремян VI, железная прямоугольная пряжка, два куска янтаря (рис. 10). В верхнем ярусе — небольшое количество кальцинированных костей и фрагменты сосуда 1.0 (?). Дата — кон. X в.

Погр. 20 — в овальной яме разм. 1,10 × 0,94 м, глуб. 0,30 м, ориентированный по линии запад - восток. В нижнем ярусе — с черепом коня — удила 1.0, пара стремян, ботало, железная пряжка. В верхнем ярусе — две группы кальцинированных костей. Дата — X в.

Погр. 21 — в овальной яме разм. 1,03 × 0,80 м, глуб. 0,28 м, ориентированной по линии северо-восток — юго-запад. В нижнем ярусе — череп коня с удилами 1.0, пара стремян, ботало, железная пряжка. В верхнем ярусе — небольшое количество кальцинированных костей и фрагменты керамики. Дата — X в.

Погр. 22 — в овальной яме разм. 1,62 × 1,15 м, глуб. 0,54 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе, в северо-западной части дна — череп коня с удилами 1.0 и остатками оголовья с большими накладками, пара стремян I.3, прямоугольная и 8-видная железные пряжки, ботало, отдельный ремень с большими накладками, оканчивавшийся щитовидной подвеской, два бубенчика (рис. 13). В верхнем ярусе , подстилаемом линзой глины, перекрытой и ограниченной валунами — скопление кальцинированных костей с двумя гирьками 2 (вес — 18,80 г, реконструируемый вес — 19,10 г, т.е. 10 долей 1/2 «дирхема»; вес — 34,71 г, реконструируемый вес — 34,0 г, т.е. 4 доли «артуга»), фрагмент сложносоставного одностороннего костяного гребня, обломок сланцевого точила, гвоздь, фрагмент кругового сосуда. Дата — вторая пол. X в.

Рис.14.

Погр. 23 — в овальной яме разм. 1,45 × 1,10 м, глуб. 0,48 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе, в северной части дна — череп коня с удилами 1.0, сдвинутым в сторону оголовьем с большими и малыми накладками, налобной щитовидной подвеской и боталом. Рядом — пара стремян IIIa2 с бронзовой инкрустацией (рис. 13). Одно из стремян было перекрыто стремянным ремнем с малыми накладками. В верхнем ярусе — небольшое количество кальцинированных костей, кусок янтаря, фрагмент керамики. Дата — сер. X в.

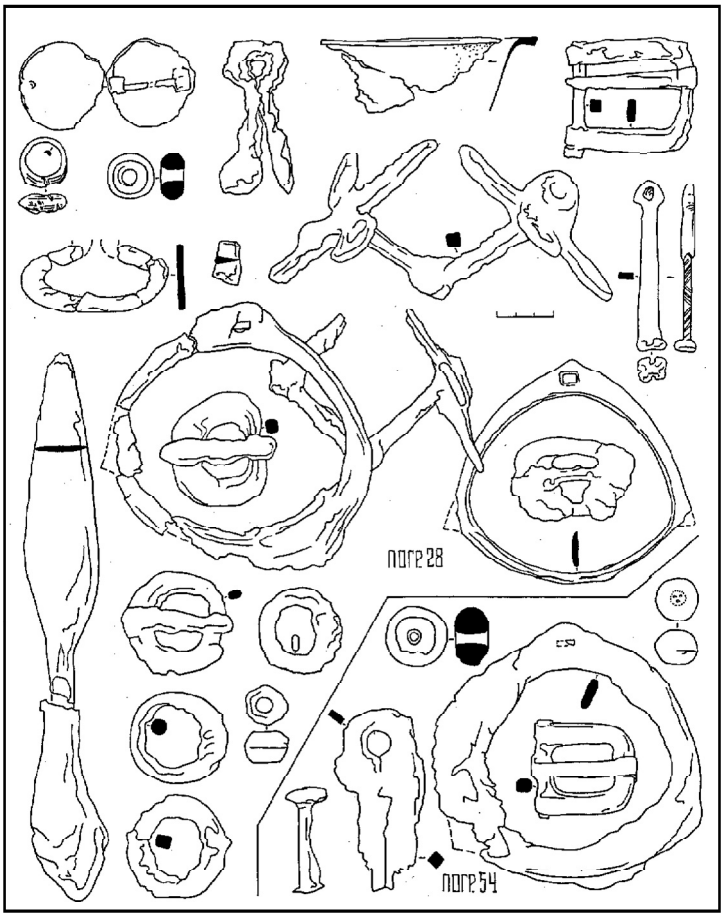
Погр. 24 — в овальной яме разм. 1,15 × 1,00 м, глуб. 0,4 м, ориентированной по линии запад - восток. В нижнем ярусе, в северо-западной части дна — череп коня с удилами 1.0 и с остатками оголовья с большими, малыми накладками и боталом. Рядом — пара стремян VII.1 (рис. 13) и железная пряжка. Вещи в нижнем ярусе перекрыты камнями. В верхнем ярусе — небольшое количество кальцинированных костей и фрагменты керамики. Дата — нач. XI в.

Погр. 25 — в овальной яме разм. 1,40 × 1,00 м, глуб. 0,22 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе , в северо-западной части дна — череп коня с удилами 1.0, рядом — стремя I, ботало, железная пряжка (рис. 14). Другое однотипное стремя — в южной части дна. В верхнем ярусе — отдельные кальцинированные кости, фрагменты керамики. Дата — X в.

Погр. 26 — в овальной яме разм. 1,30 × 0,92 м, глуб. 0,18 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе — череп коня, накрытый камнем, рядом — удила 1.0 (рис. 9), пара стремян VII.1, остатки оголовья с накладками, ботало, железная подпрямоугольная пряжка. В верхнем ярусе костей и находок не обнаружено. Дата — X-XI вв. (Развернутая публикация погр. 1-15, 17-26 см.: Кулаков 1980б: 214-242).

Погр. 27 — в овальной яме разм. 1,02 × 0,84 м, глуб. 0,25 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток, заполненной валунами. В нижнем ярусе — череп коня с удилами 1.0, пара стремян VII.1. К северу от ямы нижнего яруса — зольник («верхний ярус») в аморфной яме глуб. 0,20 м. Здесь — небольшое количество кальцинированных костей с фрагментом бронзового блюда (временная урна), копье «а», фрагмент кругового сосуда, бронзовая лировидная пряжка, бубенчик, шиферное биконическое пряслице, фрагмент ножа, гвоздь, гирька 2 (вес — 22,53 г, реконструируемый вес — 22,92 г, т.е. 12 долей 1/2 «диргема») (рис.14). Непосредственно над ямой нижнего яруса обнаружено второе скопление кальцинирован-

Рис.15.

ных костей. Видимо, в результате распашки часть находок отсюда, упомянутых выше, переместились к северу, во второе скопление костей. Дата — XI в. Следует отметить, что камни в южной части ямы нижнего яруса данной могилы связаны с сооружением соседствующего более позднего погр. 56 и являются сакральной границей между могилами. В западной части погр. 27 — мощный валун.

Погр. 28 — в овальной яме разм. 1,02 × 0,84 м, глуб. 0,25 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе, в центре придонной части — череп коня с удилами 3.0, пара стремян VII.1, ботало (рис. 15). В верхнем ярусе, заполненном большим количеством валунов — в северо-восточной части ямы, со скоплением кальцинированных костей — фрагменты ножниц, торцевой ключ, кресало, обломки бронзового блюда (временная урна), гирька 2 (вес — 16,20 г, реконструируемый вес — 17,00 г, т.е. 2 доли «артуга»). Судя по стратиграфии, яма погр. 28, самая поздняя на даном участке могильника, прорезает яму погр. 28а. Дата — кон. XI в.

Погр. 28а — в овальной яме разм. 2,0 × 1,56 м, глуб. 0,30 м, ориентированной по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток. В нижнем ярусе, в южной части ямы — череп жеребенка с удилами 3.0. В центре ямы — пара перекрытых камнями стремян. В верхнем ярусе — пара копий «а», пластинчатая шарнирная фибула, рубчатый перстень, фрагменты кругового сосуда, круглые и подпрямоугольные (с поворотной прямой штангой) пряжки (рис. 15). Дата — вторая пол. XI в.

Погр. 29 — в овальной яме разм. 2,0 × 1,70 м, глуб. 0,40 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. Ярусная структура в погр. 29 отсутствует. На всю глубину могила заполнена валунами. В ее восточной части, среди камней — скопление остатков погребального костра диам. 0,20 м. Среди камней — обломки ножа (ножниц?), гирька 2 (вес — 39,48 г, реконструируемый вес — 38,20 г, т.е. 20 долей 1/2 «диргема»), фрагменты сосуда 4.0, гвоздь. В южной части ямы, свободной от камней — копье III, железное кольцо и обломки бронзового блюда (рис. 16). Дата — XI в.

Погр. 30 — в овальной яме разм. 2,28 × 1,16 м, глуб. 0,24 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе, с черепом коня — удила 3.2, пара стремян VII.2, ботало, две овальные железные пряжки, шпора I, железное кольцо, янтарная бусина, три бубенчика (рис. 16). В верхнем ярусе — погнутый меч XV, копье IVб, нож, два шиферных биконических пряслица, фрагмент одночастного костяного гребня (двустороннего), железная

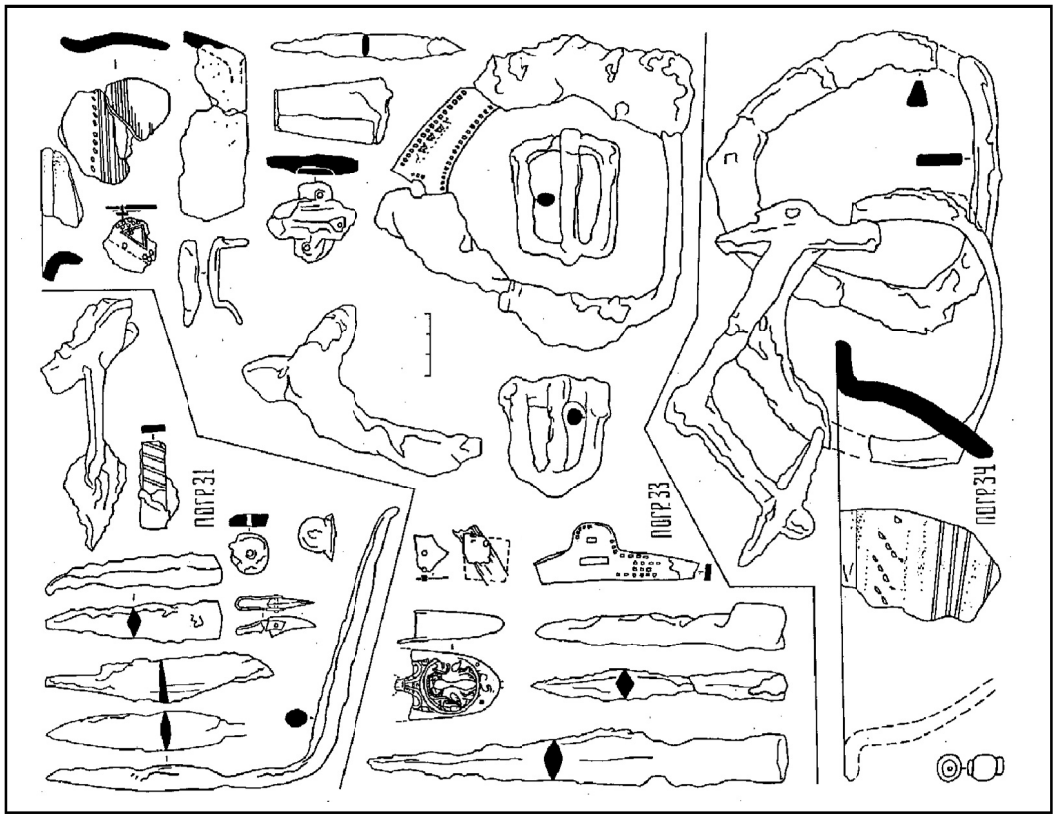

Рис.17.

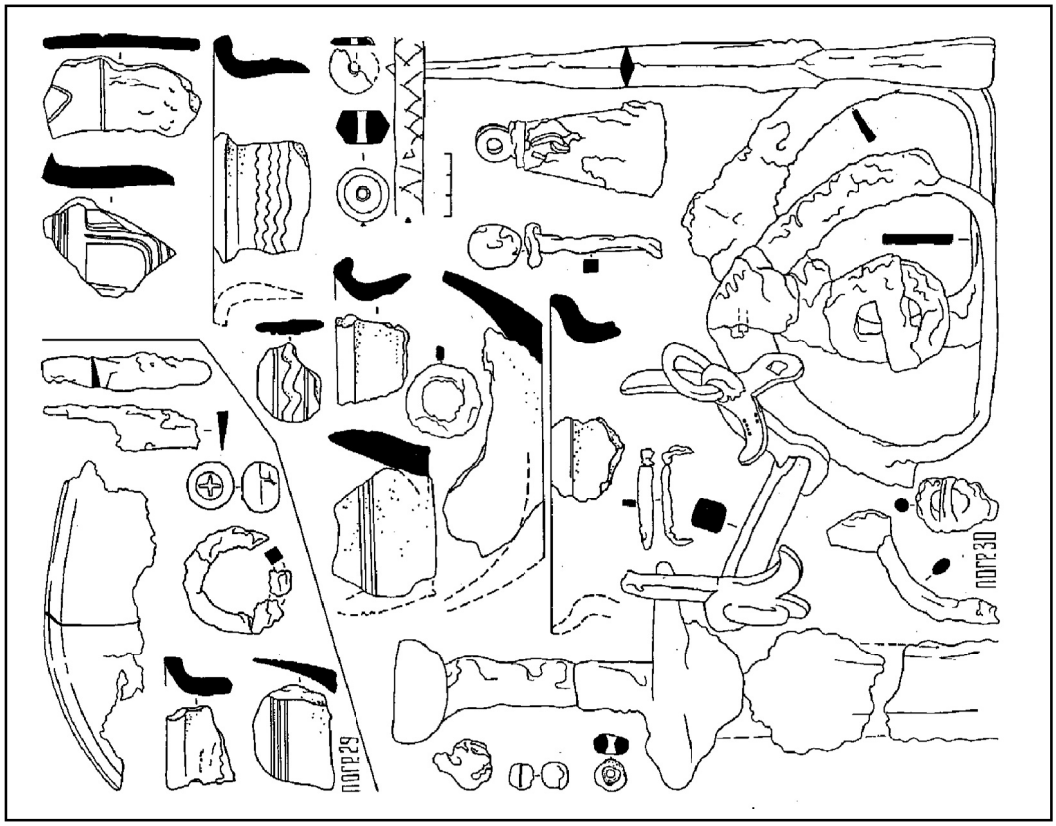
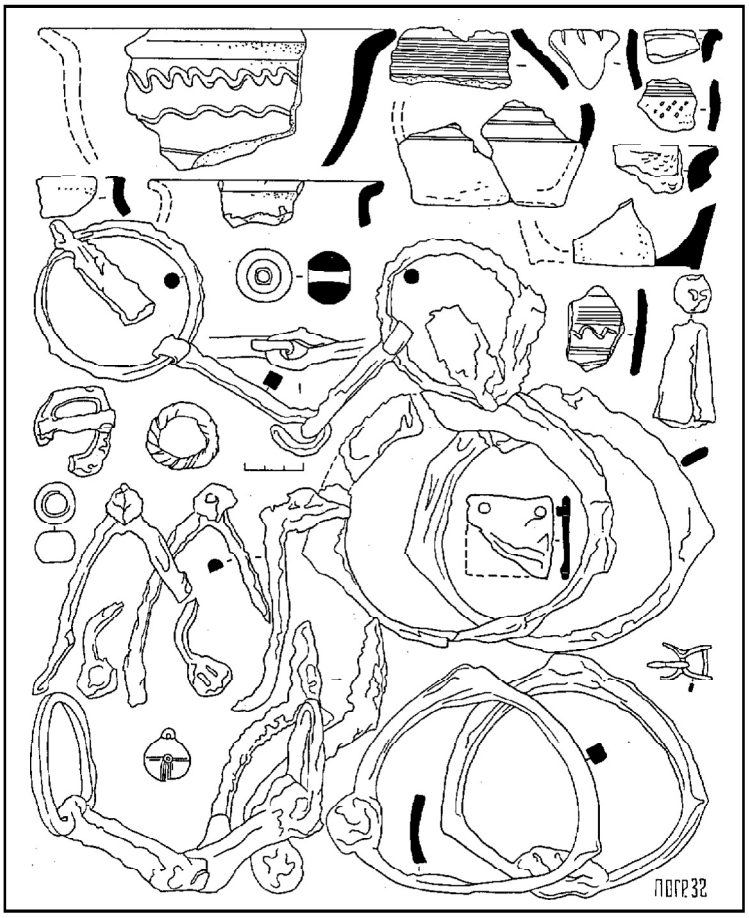

Рис.16.

Рис.18.

скоба, фрагменты сосудов 4.0 и 4.1а, гвозди. Большинство предметов обожжены. Дата — кон. XI в.

Погр. 31 — в округлой яме диам. 0,95 м, глуб. 0,32 м. В нижнем ярусе, на черепе коня — остатки ремней оголовья, в его зубах — удила 3.2, фрагмент ботала, пара стремян (рис.17). В верхнем ярусе, смыкающемся с нижним, частично перекрытом четырьмя крупными валунами — значительное количество кальцинированных костей, среди них — гнутый черешковый дротик, обломок копья (острие загнуто), янтарная бусина, нож с горбатой спинкой, медвежий (?) обработанный клык с бронзовой обоймицей для подвешивания. По последней находке могила датируется кон. XI в. (Tonisson 1974: taf. XXV ,4).

Погр. 32 — в трапециевидной яме разм. 1,60 × 0,85 м, глуб. 0,37 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. Ярусная структура в могиле отсутствует. В заполнении ямы, в 0,38 м выше ее дна обнаружены удила 1.0 с изображением головки дракона в центре трензеля, пара стремян VII.2, пара шпор III, в западной части могилы — удила 1.0, сосуд 4.0, ниже — пара стремян VII.1. В заполнении могилы рядом со вторыми удилами — остатки черепа коня, шпора I, глиняное боченковидное пряслице, гирька 2 (вес 29,30 г, реконструируемый вес — 30,56 г, т.е. 16 долей 1/2 «диргема»), железное витое кольцо, бронзовая лировидная пряжка, бубенчик, железная полукруглая пряжка, железная накладка, ботало, фрагменты лепного (?) и круговых сосудов (рис. 18). Дата — вторая пол. XI в.

Погр. 33 — в овальной яме разм. 1,73 × 1,65 м, глуб. 0,37 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе, в центре ямы — череп коня с удилами 3.0, оголовьем с покрытыми тонкими бронзовыми бляшками ремнями и 5-угольной налобной накладкой, пара стремян VII.2, шпора I, две железные пряжки с подвижной внешней штангой (рис. 17). В верхнем ярусе, перекрытом несколькими камнями, над центром ямы — скопление кальцинированных костей, среди них — копье IVб, два втульчатых дротика, бронзовый наконечник ножен меча, железная скоба, нож, фрагменты сосуда 4.0. Дата — вторая пол. XI в.

Погр. 34 — в овальной яме разм. 1,39 × 0,98 м, глуб. 0,20 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе, с черепом коня — удила 3.0, на разных глубинах — пара стремян VII.2, ботало (рис. 17). В верхнем ярусе, рядом с группой кальцинированных костей — копье «а», фрагмент круговой миски (временная урна), гирька в виде головки подковообразной фибулы (вес 13,53 г, реконструируемый вес — 13,37 г, т.е. 7 долей 1/2 «дирге-

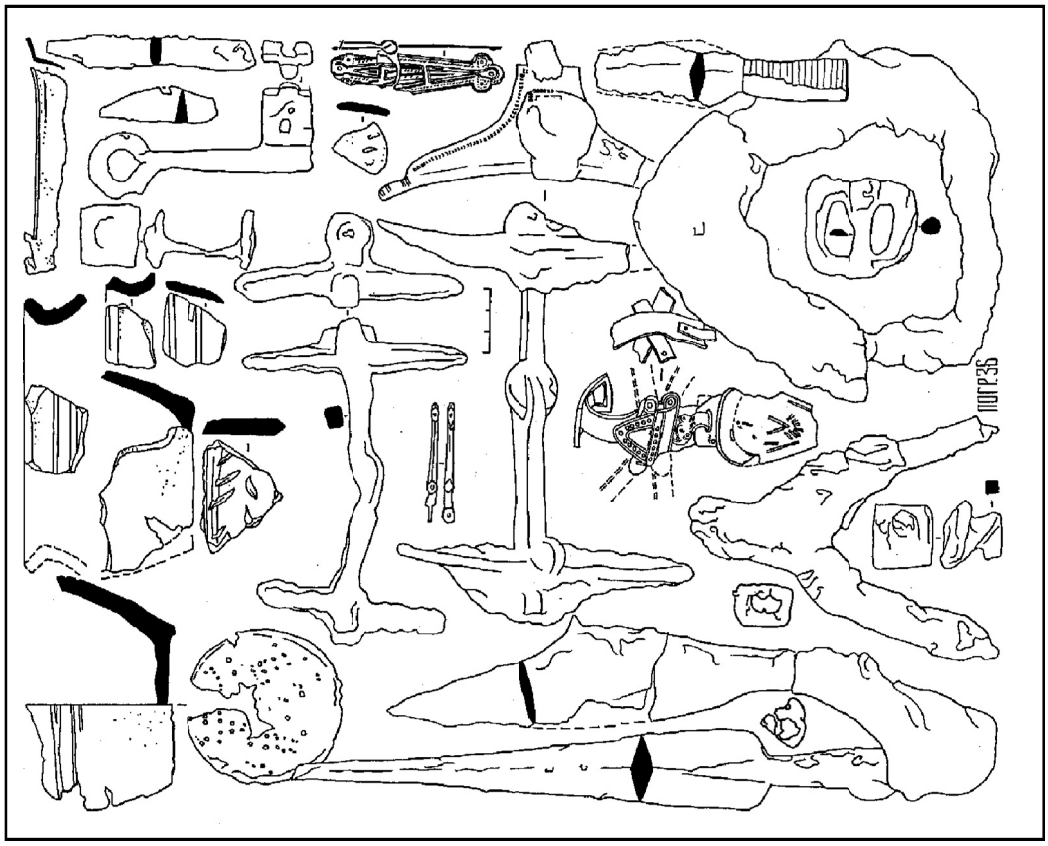

Рис.20.

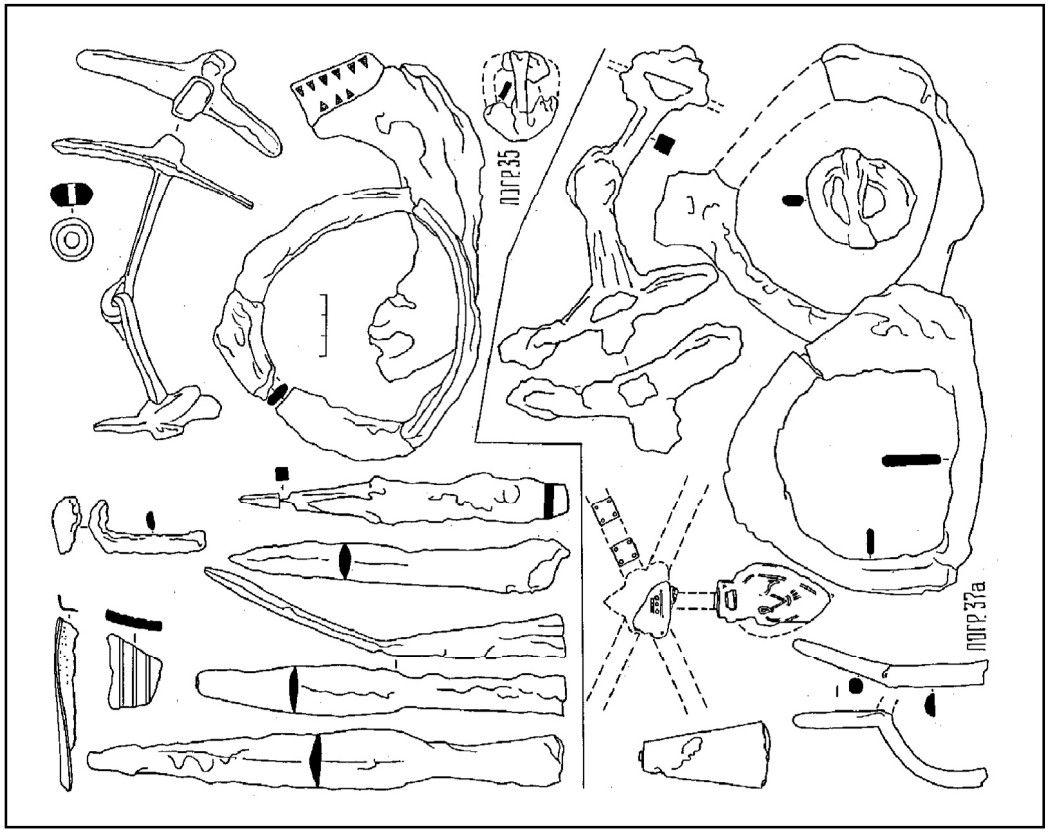
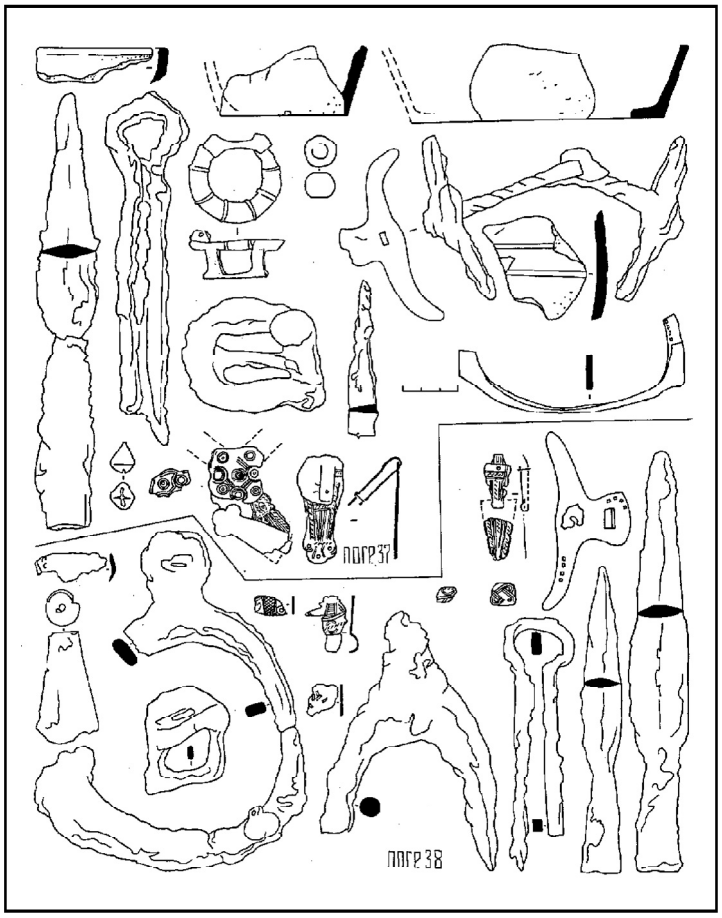

Рис.19.

Рис.21.

ма»), нож. Дата — вторая пол. XI в.

Погр. 35 — в овальной яме разм. 1,23 × 1,20 м, глуб. 0,54 м, ориентированной по линии северо-восток — юго-запад. В нижнем ярусе, с черепом жеребенка — удила 3.0, пара стремян VII.1 и VII.2, ботало, подпрямоугольная железная пряжка (рис. 19). В верхнем ярусе — небольшое скопление кальцинированных костей, частично окруженное мелкими камнями, копье G, дротик близкий E, дротик близкий «а» (погнут), сулица (?), шиферное биконическое пряслице, несколько гвоздей, фрагмент бронзового блюда, обломок кругового сосуда. Дата — сер. X в.

Погр. 36 — в овальной яме разм. 1,99 × 1,82 м, глуб. 0,42 м, ориентированной практически по линии север - юг. В нижнем ярусе, с расположенным в северной части дна черепом коня — удила 3.2, оголовье с малыми накладками, наконечниками ремней в виде трехлопастных крестов, налобными пятиугольной накладкой и щитовидной подвеской. Рядом — пара стремян VII.2. В юго-западной части дна — вторые удила 3.0, шпора I, бронзовая шпорная пряжка, железная подпрямоугольная пряжка (рис. 20). В верхнем ярусе, бессистемно перекрытом камнями — в его южной части — небольшое количество кальцинированных костей. Над ними — обломки сосуда 4.0 с выложенным по дну дресвой П-образным знаком собственности владельца (погребенного в могиле) (Кулаков 1982: 18). В зольнике верхнего яруса два крупных обломка бронзового блюда (временная урна), копье G, копье IVб, две железные заклепки, ключ с бородкой, балка весов, нож, погнутое во втулке копье «а», бубенчик, фрагменты сосудов 4.0. Дата — вторая пол. XI в.

Погр. 37 — в округлой яме разм. 1,74 × 1,36 м, глуб. 0,36 м, ориентированной по линии север - юг. В нижнем ярусе, у западного борта ямы — череп коня с удилами 3.2 и оголовьем, украшенным большими накладками и наконечниками ремня в виде трехлопастного креста. Рядом — пара стремян VII.1. В южной части ямы — вторые удила и шпора. В северной части дна — вторая пара стремян, две железные пряжки с подвижной внешней штангой, ботало, бронзовые бубенчики (рис. 21). В верхнем ярусе, перекрытом несколькими валунами — среди рассеянных (плугом) кальцинированных костей — фрагменты острия двулезвийного меча (рукоять утрачена ввиду проведения дренажных работ 30-х гг. XX в.), копье III, ножницы, бронзовая с серебряной плакировкой подковообразная фибула «куршского типа», заклепка, бубенчик, гирька 2 (вес — 15,25 г, реконструируемый вес — 15,28 г, т.е. 8 долей 1/2 «диргема»), фрагменты двух сосудов 4.0 и 4.1а. Дата — вторая пол. XI в.

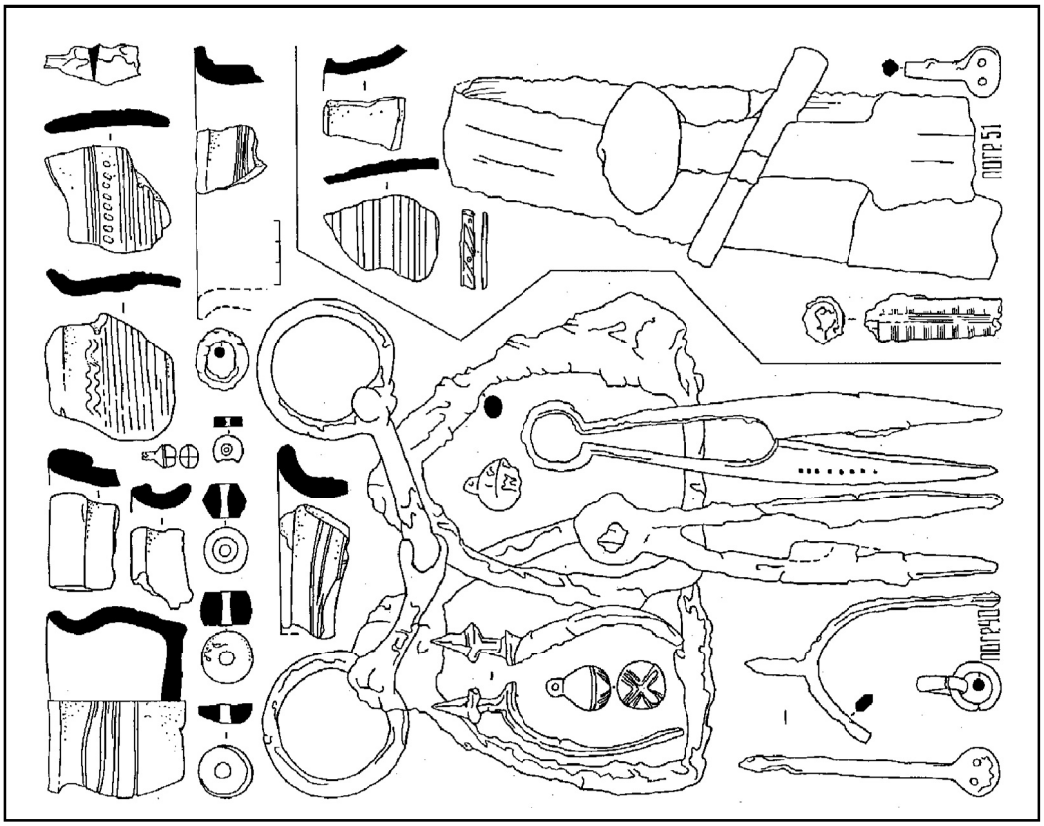

Рис.23.

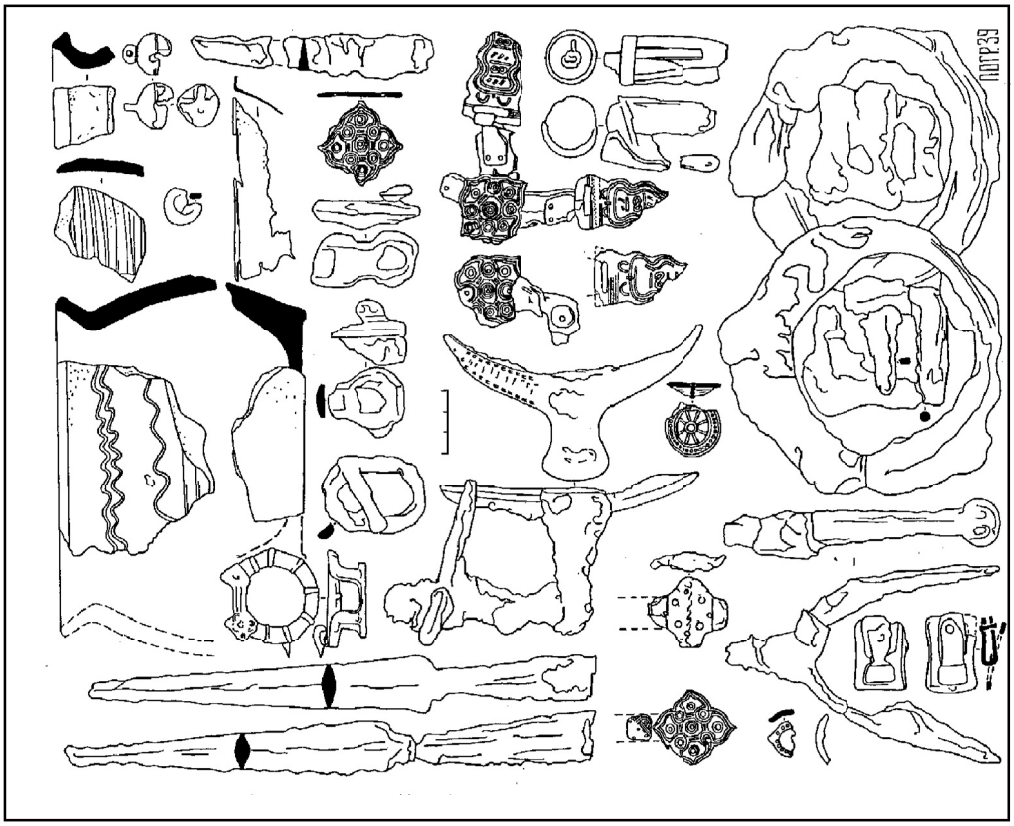
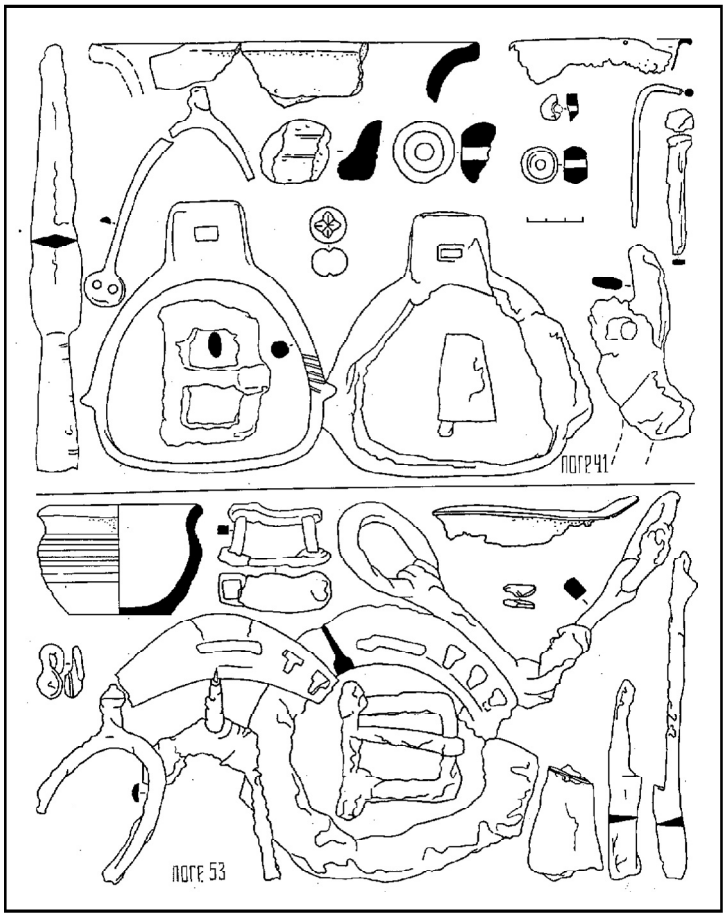

Рис.22.

Рис.24.

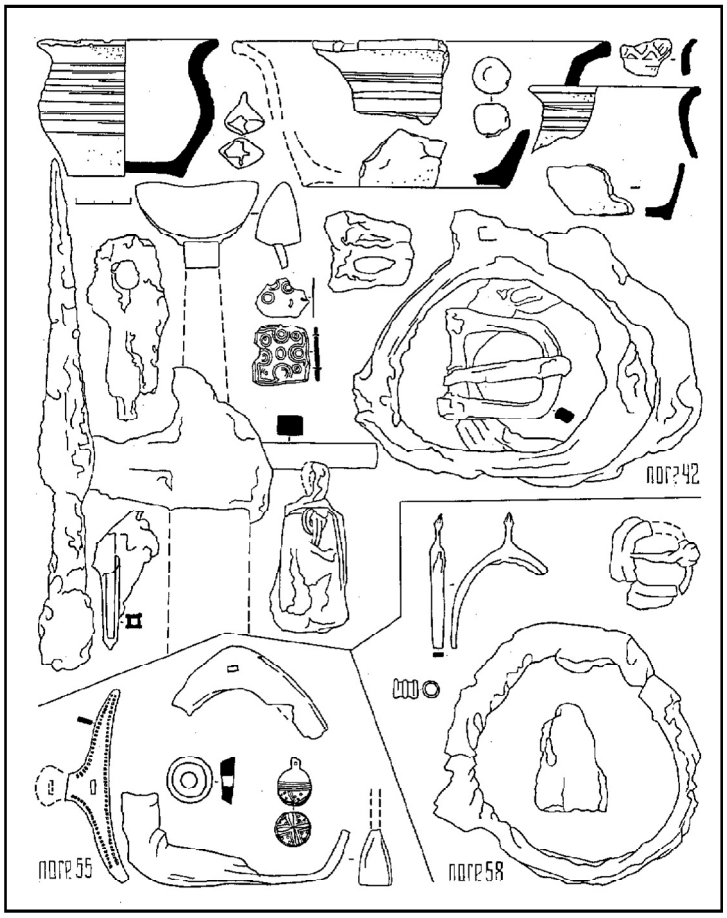
Погр. 37а — в овальной яме разм. 0,90 × 0,64 м, глуб. 0,19 м, ориентированной по линии север - юг. В нижнем ярусе — череп жеребенка с удилами 3.0, оголовьем с малыми накладками, налобными пятиугольной накладкой и щитовидной подвеской. Поблизости пара стремян VII.1, железная пряжка, ботало, шпора III (рис. 19). В верхнем ярусе, в его северо-восточной части, над черепом жеребенка — скопление остатков погребального костра с редкими кальцинированными костями. Все это скопление ограничено и частично перекрыто крупными валунами. К западу от скопления — копье, фрагмент кругового сосуда. Дата — вторая пол. XI в.

Погр. 38 — в подпрямоугольной яме разм. 1,27 × 0,99 м, глуб. 0,56 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе, в западной части дна — череп коня с удилами 3.2 и оголовьем, украшенным малыми накладками, бляхами с деградированным плетеным орнаментом и пятиугольной налобной накладкой. Левый ремень поводьев соприкасался с лежащим в стороне от черепа стременем IV. Рядом — щитовидная подвеска и бубенчик. К югу от черепа — шпора III (рис. 21). В верхнем ярусе, подстилавшемся слоем органики (войлок) и небольшими камнями, найдены рассеянные кальцинированные кости и два копья III, лежавшие рядом остриями на северо-восток. Здесь же — ножницы, фрагмент бронзового блюда. Дата — первая пол. XI в.

Погр. 39 — в трапециевидной яме разм. 1,45 × 1,22 м, глуб. 0,40 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе, в южной части дна с черепом коня — удила 3.2, остатки ремней оголовья с большими, круглыми накладками и наконечниками ремня в виде головы животного, малыми накладками и парой бронзовых прямоугольных пряжек. Рядом — пара стремян VII.1, шпора I (рис. 22). В верхнем ярусе, в пределах углистого пятна прямоугольной формы, окруженного по периметру камнями (остатки вторичного сожжения костей на носилках) — два копья IVб, подковообразная бронзовая фибула «куршского типа», нож, замок, бубенчик, фрагмент бронзового блюда, обломки двух (?) сосудов 4.1а, заклепка и пять гвоздей. Дата — первая пол. XI в.

Погр. 40 — в прямоугольной яме разм. 2,17 × 0,90 м, глуб. 0,30 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе — череп коня не обнаружен, находки — удила 1.0, пара стремян I.1, ботало, три бубенчика (рис. 23). В верхнем ярусе, перекрытом валунами, над центром ямы — скопление кальцинированных костей. В северо-западной части могилы — две пары ножниц, сломанных в древности, ключ, два боченковидных и одно

Рис.25.

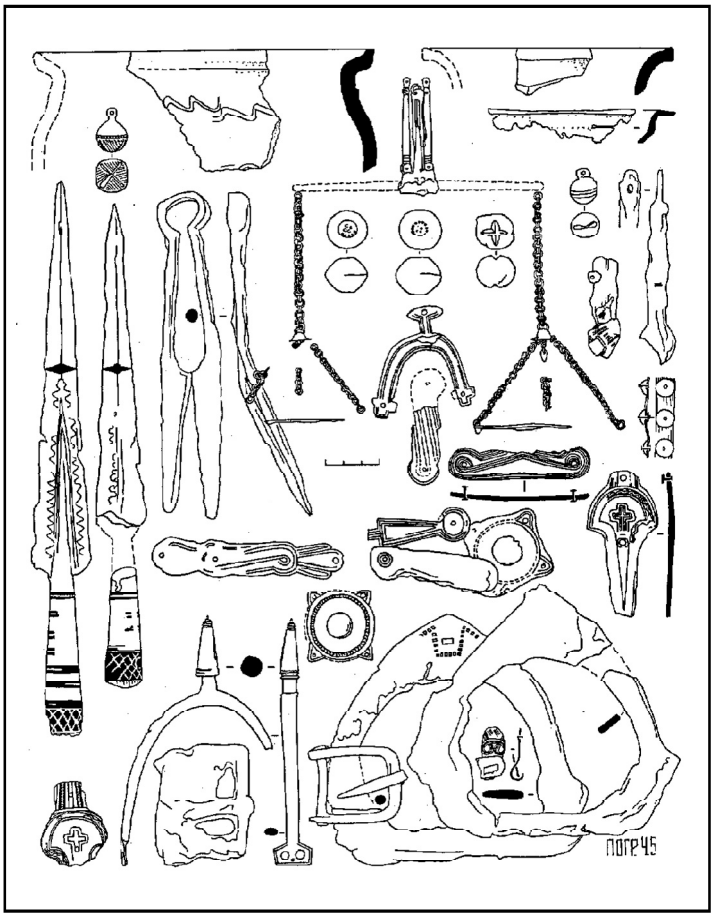
биконическое шиферных пряслица, янтарная бусина, бубенчик-«пуговица», железное кольцо, фрагмент ножа, обломки шпор I и III, сосуд 2.0 (лепная временная урна), обломки сосуда 4.1а и верхняя часть сероглиняного сосуда центральноевропейского происхождения. Дата — конец XI в.

Погр. 41 — в округлой яме разм. 1,17 × 1,15 м, глуб. 0,40 м, ориентированной по линии запад - восток. В нижнем ярусе — пара стремян IV с серебряной инкрустацией, фрагмент удил 3.0, железная пряжка с подвижной внешней штангой, ботало (рис. 24). Череп коня здесь отсутствует. В верхнем ярусе, потревоженном распашкой — копье IVб с остатками серебряной обтяжки втулки, обломок шпоры I, два шиферных боченковидное и биконическое пряслица, гирька 2 (вес — 18,45 г, реконструируемый вес — 19,10 г, т.е. 10 долей 1/2 «диргема»), часть бронзовой булавки, янтарная бусина, обломок бронзового блюда и фрагменты сосуда 4.0. Дата — первая пол. XI в.

Погр. 42 — в прямоугольной яме разм. 1,50 × 1,15 м, глуб. 0,37 м, ориентированной по линии северо-восток — юго-запад В нижнем ярусе с черепом коня — удила. В 0,20 м к северо-западу от черепа — остатки четырех ремней с малыми и большой накладками. У дна могилы — пара стремян IV, шпора, бубенчик, ботало. В верхнем ярусе, перекрытом валунами — фрагменты меча XV, лежавшие практически на черепе коня (ярусы совмещены), копье IVб, обломки второго копья, бронзовый футляр для трута, фрагмент ножниц, гирька 2 (вес — 13,70 г, реконструируемый вес — 13,37 г, т.е. 7 долей 1/2 «диргема»), гирька 2 (вес — 19,75 г, реконструируемый вес — 19,10 г, т.е. 10 долей 1/2 «диргема»), два гвоздя, сосуд 4.0 (временная урна), фрагменты аналогичного сосуда, обломки сосуда 4.1а. Все вещи в верхнем ярусе обожжены. Дата — сер. XI в.

Погр. 43 — в овальной яме разм. 1,27 × 0,94 м, глуб. 0,46 м, ориентированной по линии западвосток. В нижнем ярусе, в западной части дна — череп коня с удилами, вокруг сгруппированы пара стремян VII (на разной высоте), ботало, бубенчик (рис. 30). В верхнем ярусе, над черепом коня — стоящее на ребре бронзовое блюдо, ко дну которого прикипели три обломка кальцинированных костей и древесные угли (свидетельство высыпания в могилу костей из временной урны). Основное скопление костей — под блюдом. К востоку от блюда — два перекрещенных копья III, свернутый в виде квадрата бронзовый дрот, мелкие фрагменты железных предметов (остатки обернутых бронзовым дротом стрел?), фрагменты кругового сосуда, янтарная бусина. Все предметы в верхнем яру-

Рис.26.

се обожжены. Дата — вторая пол. XI в.

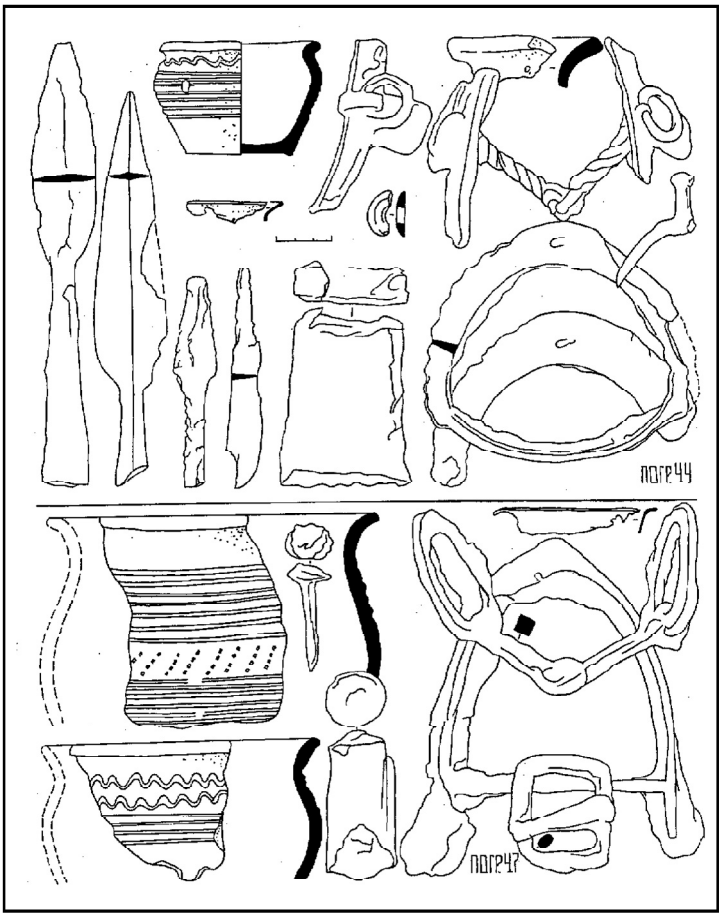
Погр. 44 — в округлой яме разм. 1,08 × 0,84 м, глуб. 0,71 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе — череп коня с удилами 3.0, пара стремян VII.2 (на разных глубинах), плоское ботало (рис. 27). В верхнем ярусе, над черепом коня — мощное скопление остатков погребального костра и кальцинированных костей. В скоплении находились сосуд 4.0 (временная урна, по дну изнутри выстланная мелкой дресвой, содержавшая отдельные обломки костей), копье «а», втульчатый дротик и нож с горбатой спинкой (рис. 27). В зольнике, кроме того, найдены фрагмент бронзового блюда, часть шиферного боченковидного пряслица, пять заклепок и гвоздей, фрагмент шпоры III. К северу от могилы найдено погнутое копье «а». Дата — конец XI в.

Погр. 45 — в прямоугольной яме разм. 1,40 × 1,00 м, глуб. 0,88 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе, под слоем камней — полный (что уникально для могильника Ирзекапинис) скелет коня головой на запад, с подогнутыми ногами, на животе. Скелет перекрыт слоем органики и бронзовой патины (остатки попоны с бронзовыми бляшками). На черепе коня — оголовье с железными, плакированными серебром и бронзовыми накладками (Кулаков 1988б: рис.6). Расположение и состояние накладок свидетельствует об их вторичном использовании при создании оголовья. Основной центр распространения железных накладок с плакировкой — окрестности г. Каунаса (могильники X-XII вв. Пакапяй, Граужяй и др.) (Lietuviu liaudies... 1966: №№ 107,109,167,169,175,185). На разной глубине в нижнем ярусе найдены пара стремян VII.2, бубенчики, ремни упряжи с полусферическими бронзовыми накладками. В зубах коня находились удила 3.2 с массивными псалиями, плакированными серебром, с изображением пары драконов, шпора III с серебряной плакировкой (рис. 26). В верхнем ярусе, бессистемно перекрытом камнями — обломки меча XV, пара копий IVб (сломаны в древности), весы, гирька 2 (вес — 27,53 г, реконструируемый вес — 26,74 г, т.е. 14 долей 1/2 «диргема»), гирька 2 (вес — 35,00 г, реконструируемый вес — 34,38 г, т.е. 18 долей 1/2 «диргема»), гирька, близкая по параметрам и весу к предыдущей, ключ с бронзовой инкрустацией, бубенчик, погнутые в древности ножницы, обломки бронзового блюда, до 10 гвоздей, фрагменты сосудов 4.0 и 4.1а. Дата — вторая пол. XI в.

Погр. 46 — в основном за пределами раскопа.

Погр. 47 — в овальной яме разм. 1,60 × 1,56 м, глуб. 0,50 м, ориентированной по линии севе-

Рис.27.

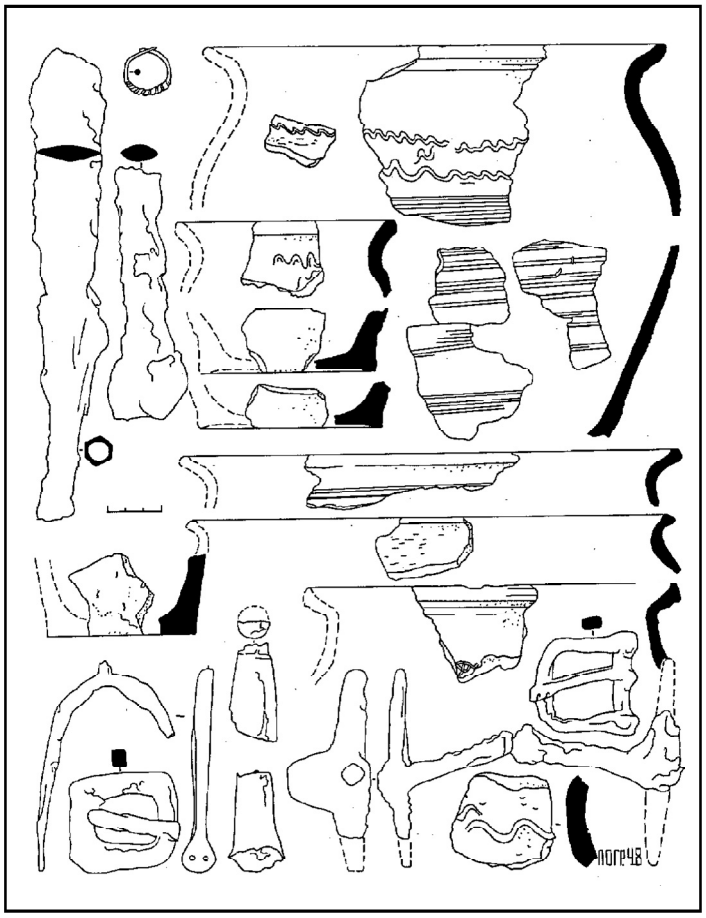
ро-запад — юго-восток. В нижнем ярусе, заполненном переотложенным материковым слоем, находок не обнаружено. В верхнем ярусе — рассеянные кальцинированные кости, среди них — копье III, обломки ножа, гирька 2 (вес — 12,5 г, реконструируемый вес — 12,75 г, т.е. 1,5 доли «артуга»), обломки трех гвоздей, фрагменты бронзового блюда, обломки сосудов 4.0 и 4.1а. В контактной зоне между верхним и нижним ярусами, но в пределах первого — пара стремян типа «стремени ГИМ´а» (Городцов 1926: 125-132), удила 1.0, ботало, пара железных прямоугольных пряжек. Все вещи обожжены. Восточная часть верхнего яруса бессистемно перекрыта валунами. Дата — конец XI в.

Погр. 48 — расположено в прямоугольной яме разм. 1,43 × 1,32 м, глуб. 1,50 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе — два черепа жеребят, оба — с удилами 3.0. У юго-западного черепа — три стремени (два — парой), пара железных пряжек (с подвижной внешней штангой и прямоугольная), в восточной части дна — шпора, 2 ботала (рис. 28). В верхнем ярусе, в восточной части могилы — скопление остатков погребального костра и кальцинированных костей. Здесь, над шпорой сгруппированы остатки бронзового блюда и обломки сосуда 4.0 (временные урны), два копья «а», бронзовый псевдо-витой перстень, фрагменты сосудов (не менее трех) 4.0 и 4.1а. Дата — вторая пол. XI в.

Погр. 49 — в овальной яме разм. 1,63 × 1,05 м, глуб. 0,33 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе, в восточной части дна — череп жеребенка с удилами (промежуточный вариант 1.0 и 3.0). С севера к черепу примыкало ботало, в стороне — пара стремян VII.1 (рис. 29). В верхнем ярусе, в западной части ямы — скопление кальцинированных костей, окруженное мощным зольником. Среди костей — фрагменты сосудов 4.1а, 4.0 (на дне последнего — выложенный мелкой дресвой двойной крест, известный впоследствии в литовской геральдике), горшка среднеевропейского происхождения с валикообразным венчиком, обломки ножа, заклепка. У западного борта могилы — гирька 2, фрагмент костяного сложносоставного гребня, часть бронзовых, обтянутых серебряным листом весов, железная шпора III и бронзовая шпора I, обломок удил 3.2. Дата — вторая пол. XI в.

Погр. 50 — в овальной яме разм. 1,29 × 0,98 м, глуб. 0,36 м, ориентированной по линии северо-восток — юго-запад. В нижнем ярусе, у западного борта могилы — череп коня с удилами 1.0. К юго-востоку от черепа — пара стремян. В верхнем ярусе — остатки вторичного сожже-

Рис.28.

ния на носилках (сохранились их ручки — два бруска овального сечения 4×3 см в поперечнике). Скопление кальцинированных костей ограничено несколькими камнями (подставка под носилки). Около костей — копье, фрагмент бронзового блюда. Дата — XI в.

Погр. 51 — в овальной яме разм. 1,45 × 1,00 м, глуб. 0,20 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. Ярусная структура в могиле отсутствует. Края могилы частично ограничены камнями. В северо-восточной ее части — мощное скопление золы и костей, среди которых — сожженное (на месте?) оголовье коня с умбонами, аналогичными находкам в погр. 45 (см. выше), свернутый меч X, заранее снятая бронзовая обкладка рукояти меча, фрагмент шпоры, обломок сложносоставного костяного гребня (рис. 23), обломки однотипных с находкой в погр. 45 удил с псалиями, покрытыми серебром, обломки кругового сосуда. Все вещи интенсивно обожжены. Дата — XI в.

Погр. 52 — в прямоугольной яме разм. 1,20 × 1,05 м, глуб. 0,68 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе — тлен от черепа и костей ног коня. У западной стенки могилы — скопление органических остатков, сбоку — обломки железных предметов (остатки седла с оковкой?). На дне ямы — налобная конская подвеска с изображением ворона, пара стремян VII.2, фрагмент шпоры и бубенчик (рис. 30). Верхний ярус практически полностью уничтожен при устройстве соседних более поздних погр. 16 и 39. Дата — первая пол. XI в

Погр. 53 — в овальной яме разм. 1,05 × 0,85 м, глуб. 0,70 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе, в восточной части дна — череп коня с удилами 1.0, парой стремян VII.2 с прорезным орнаментом, три железные пряжки с подвижной внешней штангой, ботало (рис. 24). В верхнем ярусе — лежавший на боку сосуд 4.0, подстилавшийся кальцинированными костями (высыпанными здесь из временной урны). Здесь же — фрагменты ножниц, обломок шпор I и III, две спаренные железные заклепки, обожженый обломок односоставного костяного гребня, фрагмент бронзового блюда, железная петля (как и заклепки, от шкатулки?). Дата — вторая пол. XI в

Погр. 54 — в трапециевидной яме разм. 1,45 × 1,30 м, глуб. 0,33 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе обнаружена в переотложенном состоянии пара стремян VII.2, железная пряжка. Конский череп отсутствует. В верхнем ярусе, поврежденном, как и нижний, при дренажных работах — фрагмент ножниц, шиферное боченковидное пряслице, заклепка, гирька 2

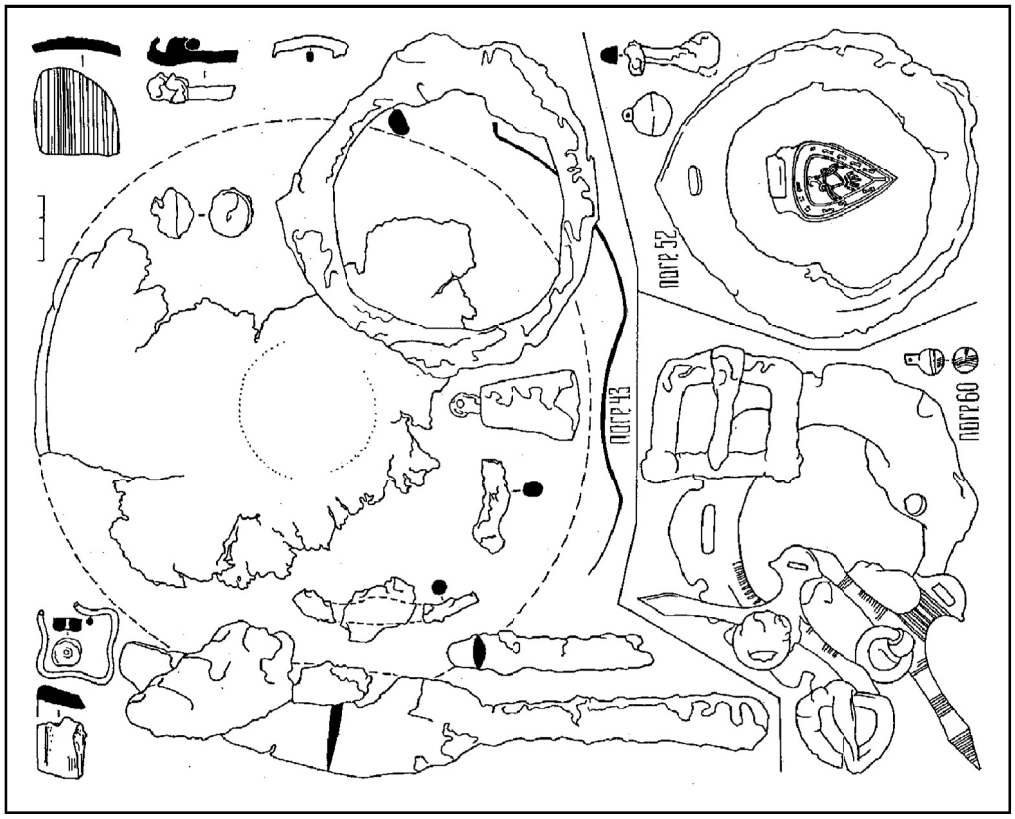

Рис.30.

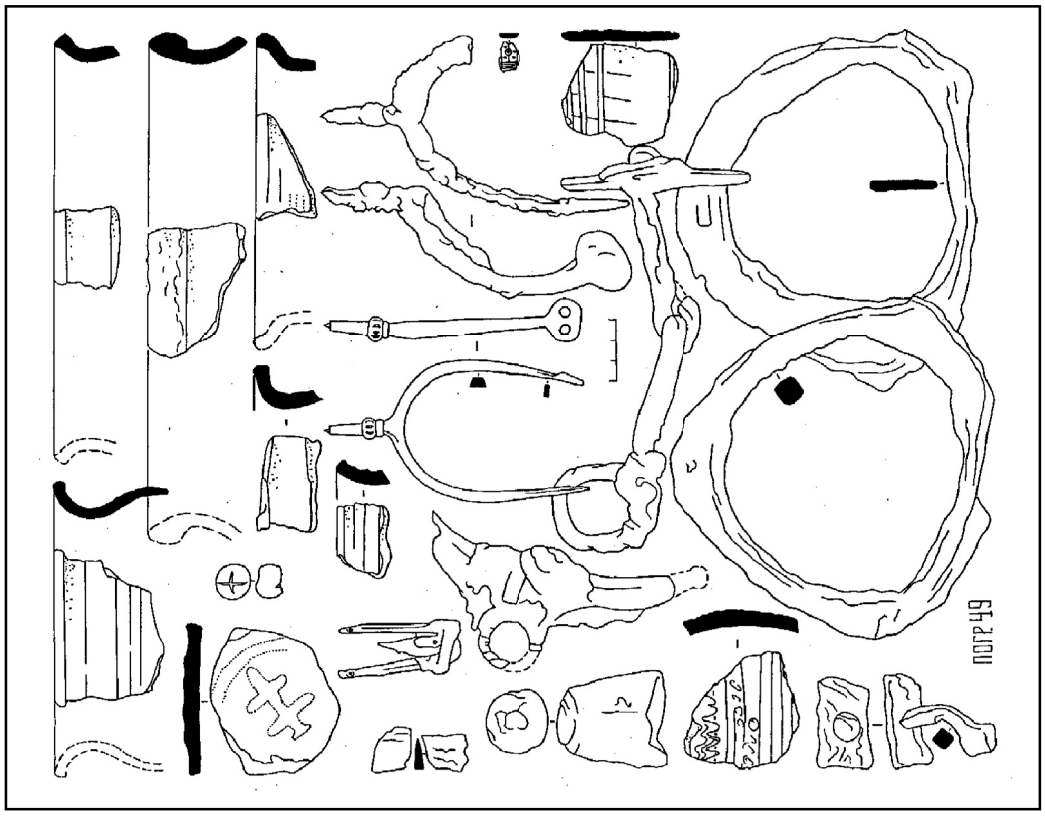
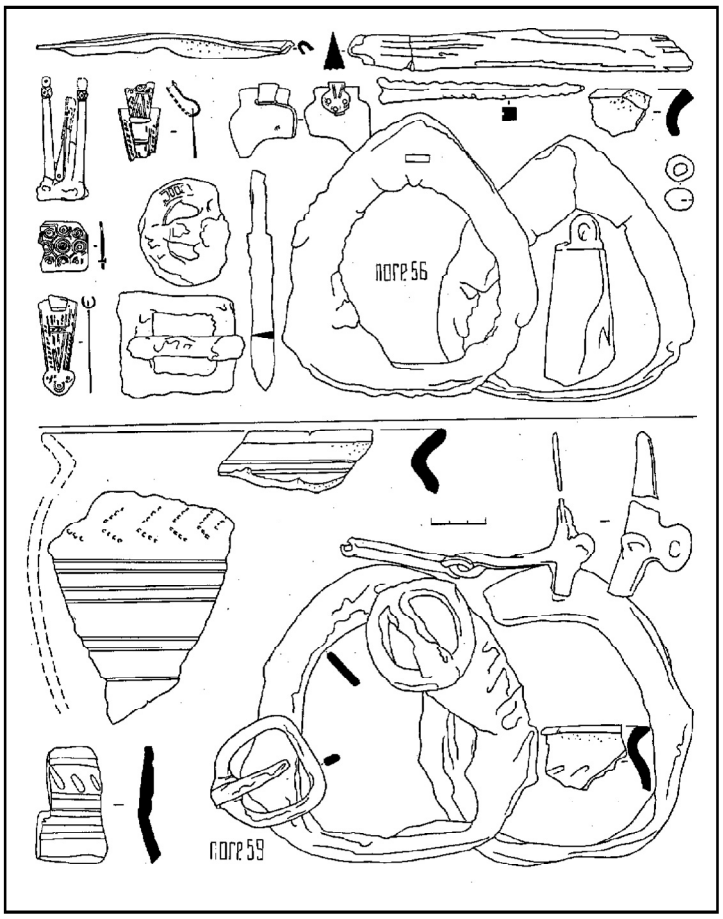

Рис.29.

Рис.31.

(рис. 15). Дата — XI в.

Погр. 55 — в овальной (?) яме разм. 1,45 × 0,90 м, глуб. 0,22 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе, в северной части дна — череп коня с удилами 3.2, пара стремян VII.2, бубенчик, шпора (рис. 25). В верхнем ярусе, потревоженном при сооружении соседних более поздних погр. 5а и 5б, найден фрагмент шиферного биконического пряслица. Дата — сер. XI в.

Погр. 56 — в прямоугольной яме разм. 1,60 × 1,19 м, глуб. 0,44 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе, в северной части дна — черепа коня с удилами и остатками оголовья, украшенного большими накладками и наконечниками ремня с окончаниями в виде трехлопастного креста (рис. 31), с налобной щитовидной подвеской. На дне могилы — пара стремян VII.2, ботало, прямоугольная и полукруглая (с серебряной инкрустацией) железные пряжки, бронзовая пряжка. В верхнем ярусе, перекрытом каменной кладкой, заходящей на соседнее, более раннее погр. 27, над центром могилы — небольшое скопление кальцинированных костей. Вокруг скопления найдены часть весов, нож, гирька 2, фрагменты бронзового блюда, сланцевое точило, обломки кругового сосуда, часть железного инструмента. Дата — сер. XI в.

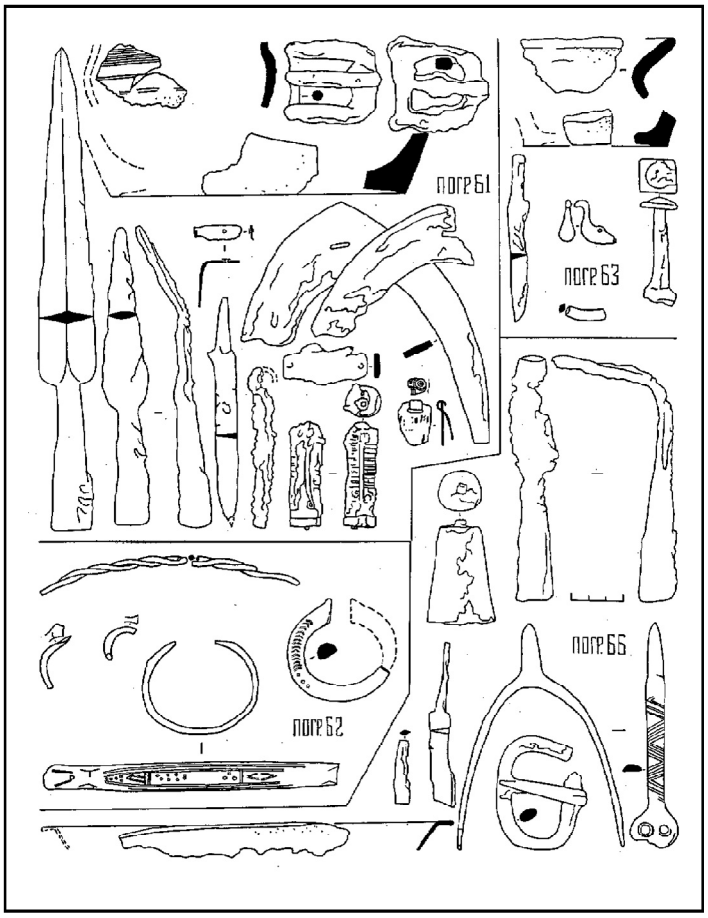
Погр. 57 — в овальной яме разм. 0,89 × 0,77 м, глуб. 0,72 м, ориентированной по линии северо-восток — юго-запад. В нижнем ярусе, в центре ямы — череп коня с удилами, пара стремян VII.2, бронзовая плакетка-матрица для штамповки накладок (рис. 14). Верхний ярус уничтожен при сооружении соседних позднейших погр. 40 и 43. Дата — сер. XI в.

Погр. 58 — в яме неправильной формы разм. 1,12 × 1,07 м, глуб. 0,45м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе, с черепом коня — удила, пара стремян VII.1, шпора I.I, ботало, прямоугольная пряжка (рис. 25). В верхнем ярусе — в юго-восточной части могилы — незначительное скопление остатков погребального костра с несколькими кальцинированными костями, среди них — бронзовая пронизка. Дата — сер. XI в.

Погр. 59 — в подпрямоугольной яме разм. 1,20 × 1,00 м, ориентированной по линии север — юг. В нижнем ярусе, с черепом коня — удила 3.0, пара стремян VII.2 с двумя прикипевшими железными стремянными пряжками круглой и прямоугольной формы, ботало (рис. 31). В верхнем ярусе — фрагменты двух сосудов (один из них — 4.1а). Дата — сер. XI в.

Погр. 60 — в овальной яме разм. 1,70 × 1,05 м, глуб. 0,35 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе, в сто-

Рис.32.

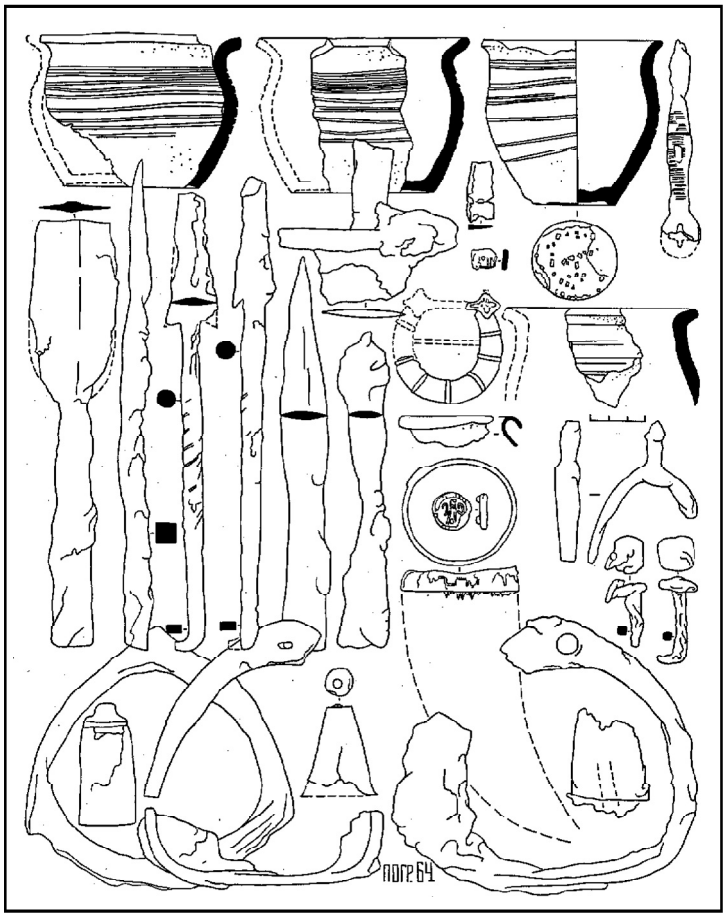
роне от черепа жеребенка — удила 3.0 со стреловидными окончаниями псалий и с серебряной инкрустацией, пара стремян VII.2 с серебряной инкрустацией, железная пряжка с подвижной внешней штангой (рис. 30). Верхний ярус уничтожен при сооружении соседних погребений. Дата — вторая пол. XI в.

Погр. 61 — в округлой яме разм. 1,35 × 1,30 м, глуб. 0,50 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе, с остатками черепа коня и остатками трубчатой кости его ноги — удила 3.0, пара стремян VII.2, бронзовые и железные пряжки, две последних — с подвижными внешними штангами, пара подвесок при удилах в виде трехлопастного креста (рис. 32). В заполнении нижнего яруса отмечены песчаные и углистые линзы (показатель многоразового заполнения этого яруса). В средней части заполнения — скопление органических остатков (попона, войлок). Края ямы нижнего яруса выложены мелкими камнями. В верхнем ярусе, планиграфически не совпадающем с контурами материковой ямы и по периметру ограниченным мелкими камнями — скопление кальцинированных костей, перекрытое параллельно лежавшими двумя копьями IVб (одно — согнуто, другое — с остатками сгоревшего древка), ниже — фрагменты сосуда 4.0 и обломки вертикального стоящего бронзового блюда. В заполнении зольника — железная накладка, замок, фрагмент бронзового головного венчика (рис. 32). Все вещи — обожжены. Дата — сер. XI в.

Погр. 62 — в круглой яме диам. 0,23 м, глуб. 0,03 м. Ярусная структура отсутствует. В яме находились крупные обломки кальцинированных костей без золы и угля. Среди них — фрагменты подковообразной фибулы с расширяющимся концами (с кон. X в.) (Сергеева 1977:36), гривны из двух бронзовых дротов, фрагментированный бронзовый браслет, обломки круговой керамики (рис. 32). Судя по браслету, характерному для куршей XI в. (Hoffman 1941: taf. XII), данный комплекс принадлежит женщине, прибывшей в землю пруссов с берегов Литовского взморья .

Погр. 63 — в овальной яме разм. 1,43 × 0,70 м, глуб. 0,20 м, ориентированной по линии север - юг. В нижнем ярусе обнаружен только фрагмент железного кольца (от удил?). В верхнем ярусе — скопление остатков погребального костра с кальцинированными костями, частично окруженное камнями. Вокруг костей — фрагменты сосуда 4.1а, обломок бронзового кольца (фибулы?), нож, две заклепки. К югу от могилы найдена бронзовая подвеска-«уточка», хорошо известная в древностях западной Литвы XI в.

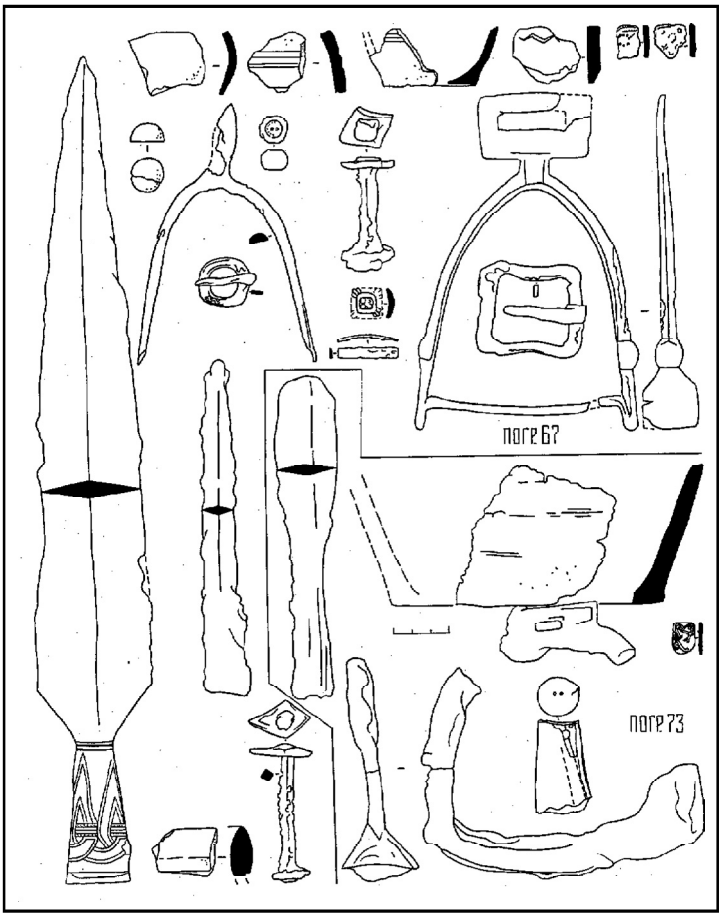
Рис.33.

Погр. 64 — в овальной яме разм. 1,75 × 1,25 м, глуб. 0,37 м, ориентированной по линии запад - восток. Эта яма прорезает более раннюю могилу подпрямоугольной формы разм. 1,35 × 1,15 м, глуб. 0,5 м, ориентированную по линии северо-восток — юго-запад. Ранняя яма в нижнем ярусе в северной части дна содержала череп коня, рядом — удила 3.0, южнее — две пары стремян VII.2 и железную пряжку. Верхний ярус, потревоженный более поздней могилой, не содержал четких скоплений кальцинированных костей. К нему относится сосуд 4.0 (временная урна), копье III, обломки круговых сосудов и бронзового блюда. Поздняя яма в нижнем ярусе в восточной части дна содержала череп коня, к востоку от него — удила 3.0 с серебряной накладкой, относившейся к поводьям и снабженной рисунком, сходным с позднейшим знаком князя Миндаугаса (рис. 33) (Gudavičius 1980: 71). На дне могилы располагалось два зольника с небольшим количеством кальцинированных костей. Рядом с западным зольником — оковка ритона, под восточным зольником — прямоугольное кожаное полотнище знамени, украшенное кожаными ремешками (в виде трехлопастных крестов) и серебряными накладками. К востоку от этого кострища — на дне ямы — кольцеобразное глиняное возвышение диам. 20 см, остатки крепления основания столба. Кроме того, у дна — две пары стремян VII.I, шпора I, ботало, фрагменты круговых сосудов. Верхний ярус содержал три скопления кальцинированных костей. Рядом с каждым из них находились обломки одного и того же меча T_{II}. Западное скопление с севера было ограничено фрагментом его острия, южнее находилась рукоять со сдвинутым перекрестием. Северное скопление, в котором располагались фрагменты двух круговых сосудов, перекрыто двумя крупными валунами. К востоку от восточного скопления — ключ и бронзовая фибула «куршского типа». Между западным и северным скоплениями — попарно обломок копья «а» с дротиком I и аналогичный дротик с железным стержнем. У восточного скопления — два дротика Е. В каждом из скоплений — по сосуду 4.0 (временные урны). Дата ранней могилы — первая пол. XI в., поздней (погребение вождя в сопровождении двух воинов) — вторая пол. XI в.

Погр. 65 — в овальной яме разм. 1,34 × 1,20 м, глуб. 0,92 м, ориентированной по линии север — юг. В нижнем ярусе, на дне, выстеланном слоем войлока — полный набор конского оголовья с большими и малыми накладками, пятиугольной налобной накладкой и щитовидной подвеской, ботало и две железные круглые пряжки (рис. 35). Оголовье, находившееся в

Рис.34.

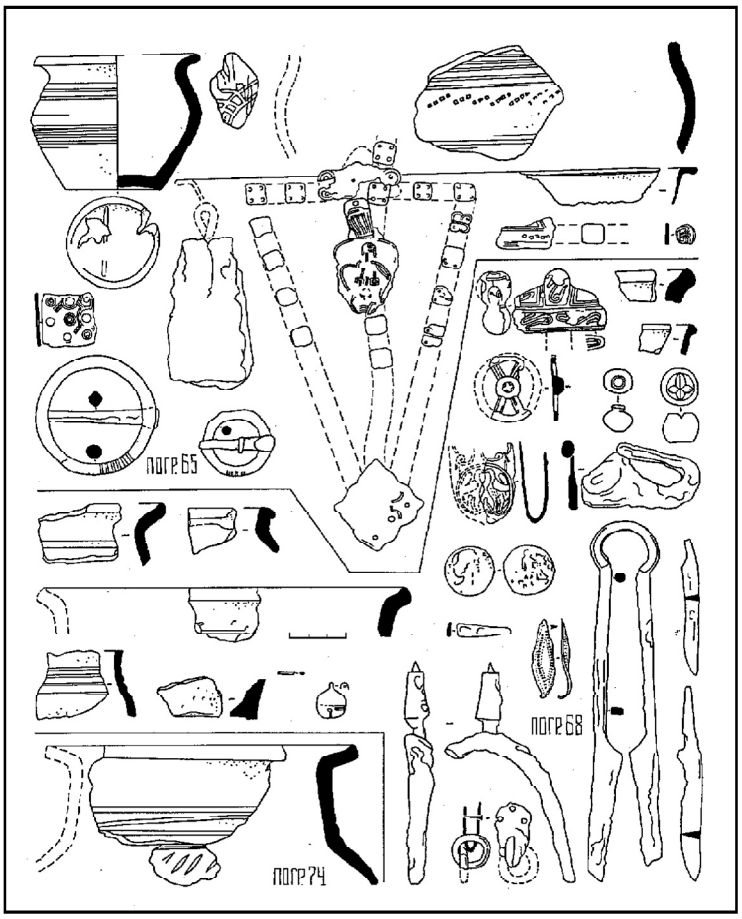
северной части ямы, перекрыто крупным валуном. В верхнем ярусе, в центре могилы небольшое скопление кальцинированных костей, по краям которого — обломки бронзового блюда и сосуд 4.0 с клеймом на дне. Рядом — железный предмет, два копья остриями вниз, фрагменты сосуда 4.1а. Дата — вторая пол. XI в.

Погр. 66 — в яме подквадратной формы разм. 1,10 × 1,10 м, глуб. 0,45 м. В нижнем ярусе, с остатками скелета коня — удила, пара стремян, шпора I, ботало, железная прямоугольная пряжка (рис. 32). В верхнем ярусе — фрагменты бронзового блюда с прикипевшими костями (временная урна), копье IVб (согнуто), нож. Дата — XI в.

Погр. 67 — в трапециевидной яме разм. 1,60 × 1,10 м, глуб. 0,50 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе, с черепом коня — оголовье с большими и малыми серебряными накладками, удила, пара стремян IIIа, шпора I, железная прямоугольная пряжка (рис. 34). В верхнем ярусе, представляющим собой сожжение на месте в части ладьи (на полубаке) типа «кнарр», обращенной форштевнем на северо-запад (разм. обломка ладьи — 1,05 × 0,50 м) — копья G и E (лежали параллельно штевню ладьи), 66 заклепок и 45 гвоздей. На остатках ладьи, перекрытых камнями — обломки сожженного ларца с железными накладками (располагались рядом со скоплением кальцинированных костей), глиняная игральная фишка, гирька 2, фрагменты круговых сосудов, в т.ч. — обломки сосуда с валикообразным венчиком, характерного для Германии XI-XIII вв. (Schimer 1939: taf XI), сосуда 4.0 и горшка с ангобированной поверхностью киевского происхождения. Дата — нач. XI в.

Погр. 68 — в яме подпрямоугольной формы разм. 1,50 × 1,30 м, глуб. 0,47 м, ориентированной по линии северо-восток — юго-запад. В нижнем ярусе, на дне могилы, перекрытом слоем войлока — череп коня, в стороне — удила 3.0 и оголовье с малыми накладками, пара стремян, ботало, две железные пряжки (рис. 35). В верхнем ярусе, в центре могилы — скопление кальцинированных костей. К северу от него — свернутый меч T_{11}, обломки бронзового блюда, фрагменты сосудов 4.0 и 4.1а, шило. Южнее меча — ножницы, кольцо портупеи, бронзовая поясная застежка западнославянского типа по форме напоминающая блесну в виде рыбы, употреблявшуюся рыбаками Волина в XI в. (Rulewicz 1978: tyc. 29), наконечник ножен меча из бронзы, железное калачевидное кресло, гирька 2 (вес — 37,80 г, реконструируемый вес — 36,29 г, т.е. 19 долей 1/2 «дирема»), бронзовая монета Фаустины Младшей (по

Рис.35.

определению В.В. Кропоткина), подточенная по периметру под реконструируемый вес 15,28 г (т.е. 8 долей 1/2 «диргема», реальный вес находки — 15,0 г), гирька в виде навершия подковообразной фибулы, шпора I, два ножа (один из них согнут). Дата — вторая пол. XI в.

Погр. 69 — в трапециевидной яме разм. 1,32 × 1,16 м, глуб. 0,5 м, ориентированной по линии север - юг. В нижнем ярусе, в южной части дна — череп коня с удилами, два комплекта конского снаряжения: две пары стремян, пара шпор III и I (последняя пара — бронзовая), две железные пряжки. Одиночными находками являются ботало и конское оголовье (рис. 36). В верхнем ярусе, в центре могилы — аморфное в плане скопление остатков погребального костра с мелкими кальцинированными костями. С юго-запада скопление ограничено мелкими камнями. В скоплении — обломки двух сосудов 4.0 и двух сосудов 4.1а, фрагментированное бронзовое блюдо, биконическое шиферное пряслице, сланцевый оселок с остатками железного стержня в отверстии. В северо-западной части могилы — второе скопление кальцинированных костей, прикрытое несколькими камнями. Рядом — железный предмет и обломки кругового сосуда. Между скоплениями костей — секира типа М (по Я. Петерсену), три копья «а», три гирьки 2 (одна из них весом 12,30 г, реконструируемый вес 12,75 г, т.е. 1,5 доли «артуга»), фрагмент весов, обломки железных предметов. Дата — сер. XI в.

Погр. 70 — в яме неправильной формы разм. 1,18 × 1,00 м, глуб. 0,15 м. В нижнем ярусе обнаружены только остатки шпоры. В верхнем ярусе, под мощной каменной кладкой — скопление остатков погребального костра с рассеянными кальцинированными костями. Здесь — остатки двух сосудов 4.1а, фрагменты бронзового блюда, копье «а», точило, фрагменты ножниц и ножа. Дата — вторая пол. XI в.

Погр. 71 — в подквадратной яме разм. 1,08 × 1,00 м, глуб. 0,15 м. В нижнем ярусе, несколько выше дна ямы — прямоугольная в плане деревянная конструкция, состоявшая из обожженных в разной степени вертикальных столбов и горизонтальных плах. Рядом с конструкцией, в южной части ямы — череп жеребенка с удилами 3.2, рядом — шпора, в стороне — пара стремян и две железные пряжки (рис. 36). На всей площади помоста разм. 1,00 × 0,52 м обнаружены кальцинированные кости коня, череп которого остался недожженным. В западной части ямы — ступенька выс. 0,18 м. В верхнем ярусе, перекрытом камнями — разрозненные кальцинированные кости, лежавшее горизонтально копье «а», фрагмент сложносоставного костяного гребня, заклепка, обло-

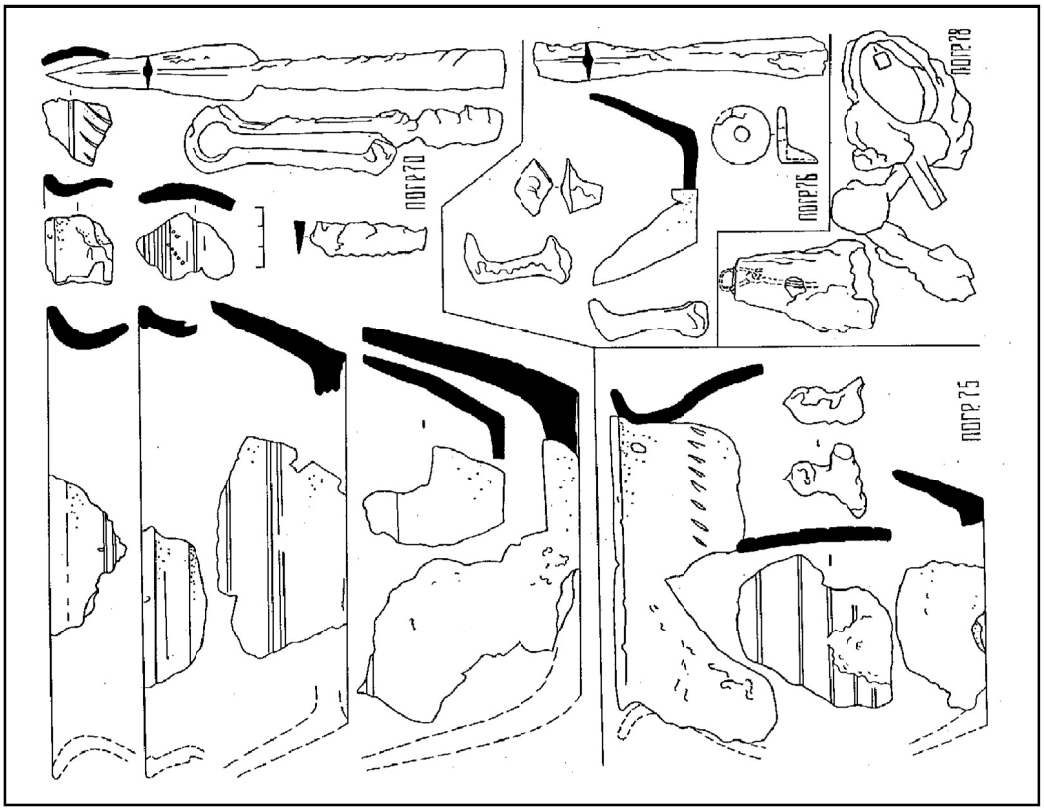

Рис.37.

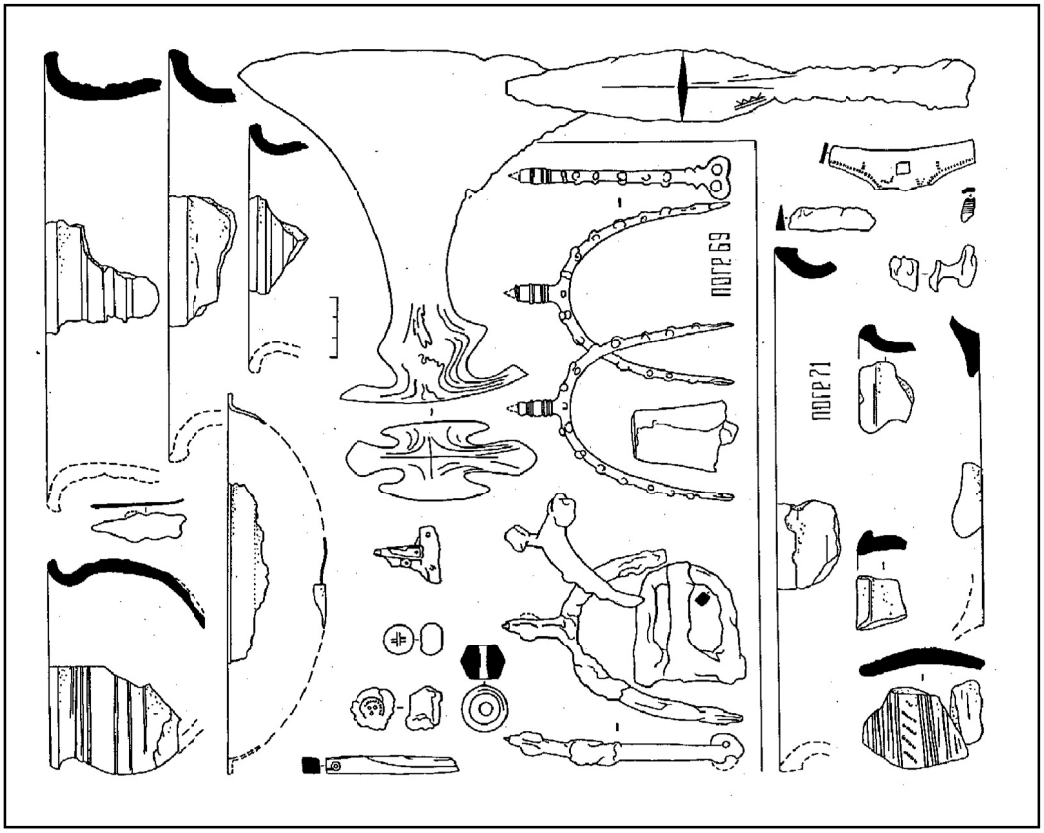
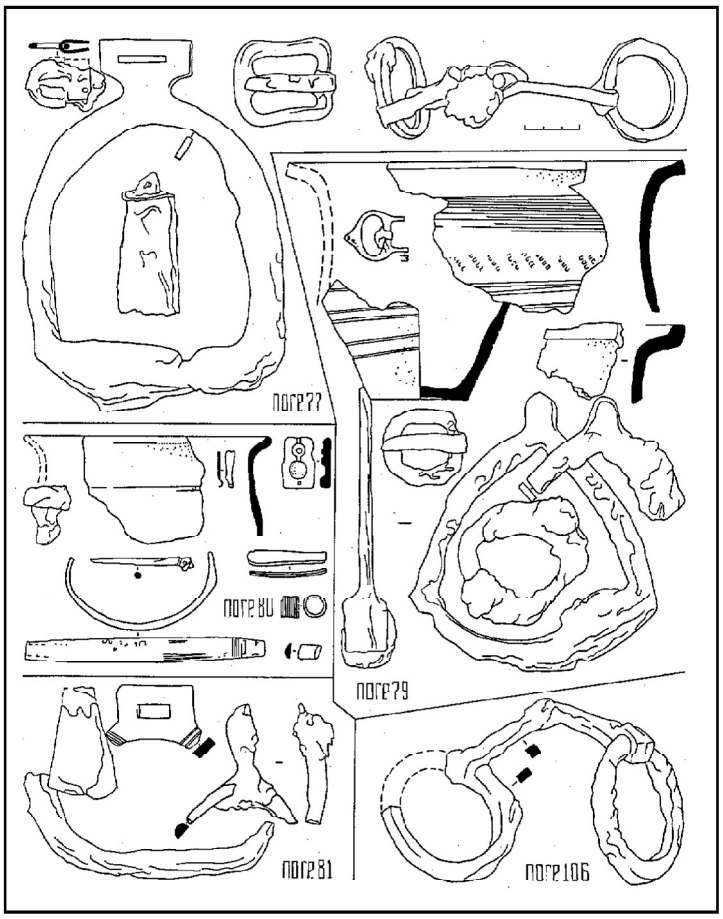

Рис.36.

Рис.38.

мок ножа, фрагменты сосудов (в т.ч. — 4.1а). Дата — сер. XI в.

Погр. 72 — в подпрямоугольной яме разм. 0,84 × 0,78 м, глуб. 0,18 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. Ярусная структура отсутствует. В юго-западной части могилы — отдельные обломки кальцинированных костей, рядом — фрагмент круговой керамики.

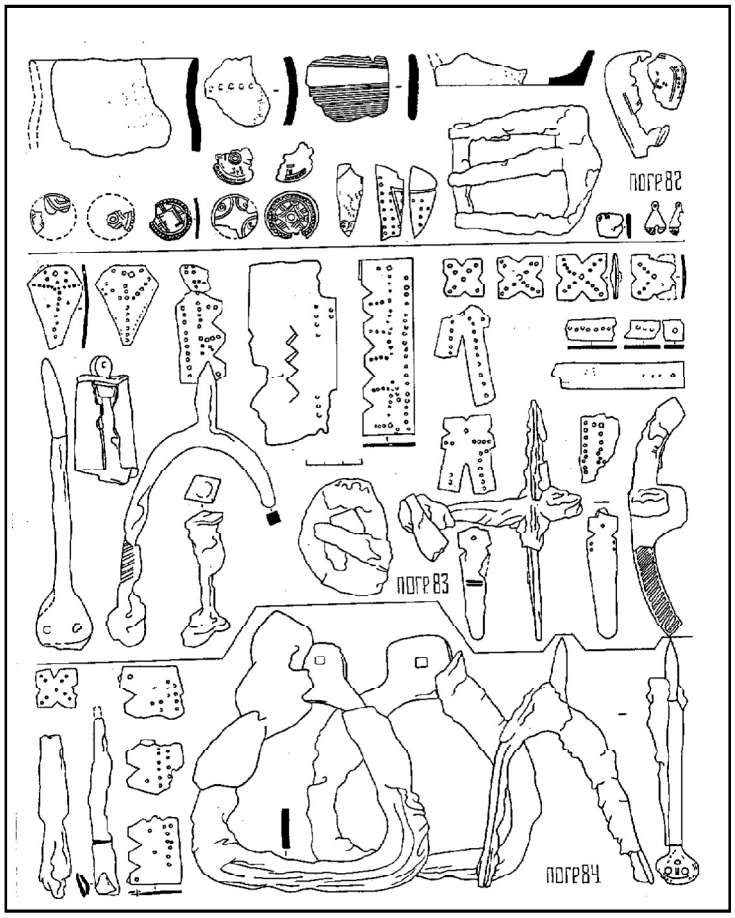
Погр. 73 — в овальной яме разм. 1,60 × 1,15 м, глуб. 0,30 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе — пара стремян VI, компактно сложенные удила 1.2, ботало, два железных предмета, ремень с малыми накладками (рис. 34). В верхнем ярусе — два скопления кальцинированных костей, подстилаемых слоем органики и разделенные группой камней. Между этими скоплениями обнаружены развал кругового сосуда (временная урна), гвоздь, железный предмет. В юго-восточной части, потревоженной позднейшим погр. 67, найдены копье III и шпора. Дата — нач. XI в.

Погр. 74 — в подпрямоугольной яме разм. 1,30 × 1,10 м, глуб. 0,3 м, ориентированной по линии северо-восток — юго-запад. В юго-западной части нижнего яруса — череп коня с удилами, рядом — пара стремян (один из них — вертикально). На дне ямы — три ямки от кольев. В верхнем ярусе — остатки сожженной тут деревянной конструкции (носилки) разм. 0,8 × 0,3 м. Среди углей — отдельные кальцинированные кости, сожженные на месте погребения вторично. Среди углей — фрагмент сосуда 4.0 и обожженное копье. Дата — XI в.

Погр. 75 — в овальной яме разм. 1,52 × 1,02 м, глуб. 0,45 м, ориентированной по линии северо-восток — юго-запад. Ярусная структура отсутствует. Могила перекрыта скоплением небольших камней, к югу от ямы сливающихся с каменной кладкой над ранней ямой погр. 64. В северной части могилы сконцентрированы остатки погребального костра и кальцинированные кости, образующие группу разм. 0,68 × 0,41 м, мощ. 0,10 м. Здесь обнаружены фрагменты сосудов (в т.ч. — 4.1а), железные гвозди, обломок шпоры I. Все предметы обожжены. Дата — сер. XI в.

Погр. 76 — в яме разм. 1,20 × 0,70 м, глуб. 1,0 м (форма ямы овальная), ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе находки отсутствуют. Верхний ярус имеет параметры 0,9 × 0,5 м и в плане не совпадает с очертаниями материковой ямы. Сожжение произведено на месте в остатках ладьи. Сохранились ладейные доски с девятью заклепками. Находки — копье E, фрагмент бронзового ботала, обломки сосуда 4.0 (вре-

Рис.39.

менная урна), куски янтаря, обломок кремня (рис. 37). Дата — кон. X в.

Погр. 77 — в яме неправильной формы разм. 1,25 × 1,00 м, глуб. 0,57 м, ориентированной по линии северо-восток — юго-запад. В нижнем ярусе, с черепом коня — удила 1.0, пара стремян IIIa с железной пряжкой прямоугольной формы, ботало (рис. 38). В верхнем ярусе, с кальцинированными костями — полукруглая железная поясная пряжка с обоймицей и фрагмент керамики. Дата — кон. X в.

Погр. 78 — в яме неправильной формы разм. 0,73 х 0,60 м, глуб. 0,25 м, ориентированной по линии северо-восток — юго-запад. Ярусная структура отсутствует. Среди зольника — фрагмент керамики.

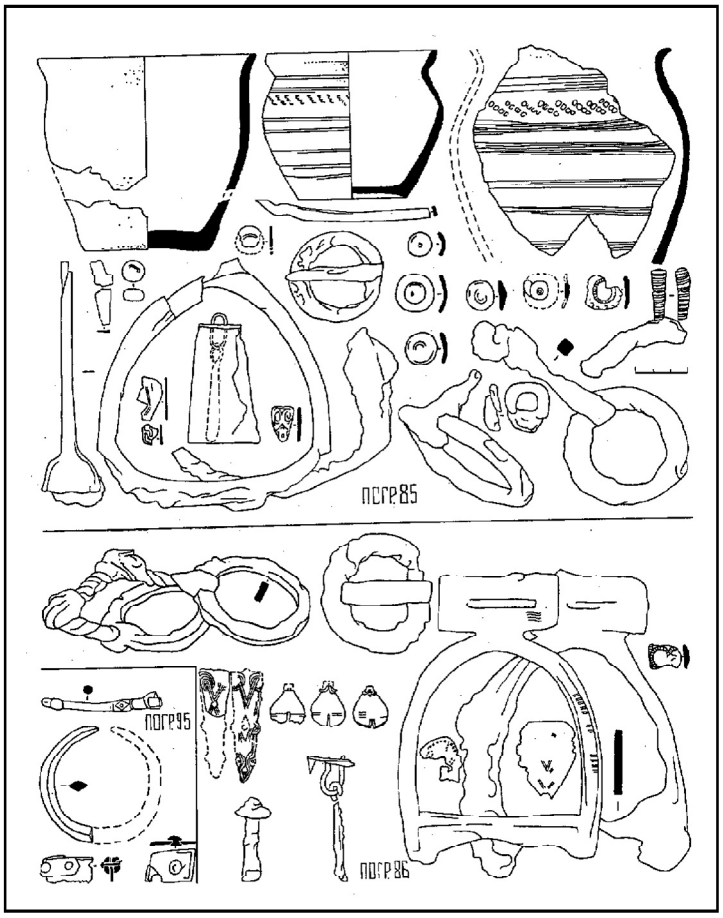
Погр. 79 — в овальной яме разм. 2,00 × 1,30 м, глуб. 0,75 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе, перекрытом слоями органики, в северо-западной части дна находился череп коня с удилами 1.0, перекрытый камнями. В стороне — пара стремян I.3, ботало, прямоугольная железная пряжка (рис. 38). В верхнем ярусе, на остатках сожженных плах — отдельные кальцинированные кости и лировидная бронзовая пряжка, фрагменты сосуда 4.0 и двух крупных круговых горшков. Дата — нач. XI в.

Погр. 80 — в овальной яме разм. 2,00 × 1,60 м, глуб. 0,5 м, ориентированной по линии северо-восток — юго-запад. Могила прорезана более поздним погр. 79. В нижнем ярусе, потревоженном погр. 79, находки отсутствуют. В верхнем ярусе — остатки головного венчика (первая группа X- XI вв. по В. П. Левашевой) (Левашева 1968: 97), бронзовая спиралька, бронзовая форма (матрица) для изготовления пуговиц-бубенчиков (рис. 38). В стороне от могилы — пластинчатый браслет куршского происхождения, бломок весов, фрагмент бронзовой фибулы «куршского типа», обломок второго браслета, часть сосуда 4.0. Дата — нач. XI в.

Погр. 81 — в яме подтреугольной формы разм. 1,50 × 1,00 м, глуб. 0,3 м, ориентированной по линии север - юг. В нижнем ярусе, в центре ямы — череп коня с удилами 3.0, перекрытый слоями органики (войлок), в северо-восточной части дна — пара стремян VI.3 (одно из них стояло вертикально), железная пряжка, ботало, обломок шпоры III (рис.38). В верхнем ярусе — скопление углей и кальцинированных костей диам. 0,3 м, мощ. ок. 8 см, перекрытое двумя камнями. Находок здесь не обнаружено. Дата — нач. XI в.

Погр. 82 — в трапециевидной яме разм. 1,25 × 1,05 м, глуб. 0,55 м, ориентированной по линии запад - восток. В верхней части заполнения нижнего яруса — конструкция из несожжен-

Рис.40.

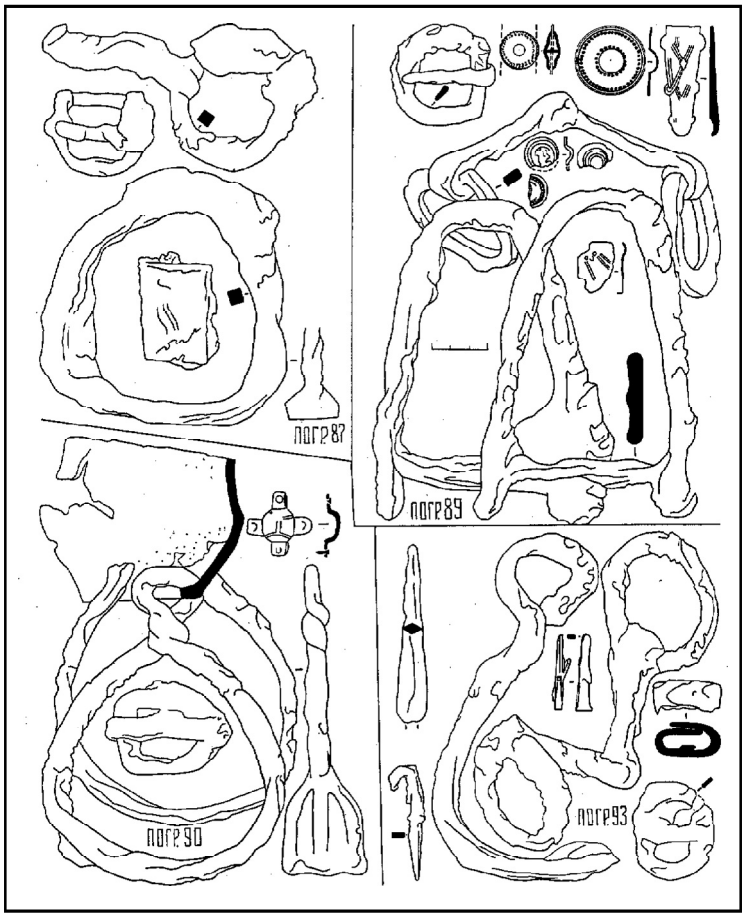
ных дерева, кожи и войлока, по форме и размерам соответствующая черепу коня. Конструкция (т.е. модель головы коня) сверху и с боков покрыта ремнями оголовья с серебряными и, в меньшей мере, железными накладками (рис. 39). Орнамент круглых накладок — северо-европейского происхождения (Седова 1981: рис. 13,5). К северу от данной конструкции — остатки ремня с накладками и бубенчиками. По центру ямы, у ее дна — пара стремян IIIa, шпора и железная пряжка с подвижной штангой. Верхний ярус представляет собой сожженную на месте деревянную конструкцию миндалевидной формы разм. 1,00 × 0,75 м, ориентированную по линии запад-северо-запад — восток-юго-восток. По периметру сохранились ямки от кольев, поддерживавшие данную конструкцию. В процессе раскопок выяснилось, что данная конструкция — сожженная на месте модель ладьи, доски которой скреплялись органическими материалами (например — деревянными шпонками). На досках данной модели найдены фрагменты сосудов 2.0 и 4.0, кусок янтаря. Пылевидное состояние кальцинированных костей подтверждает проведение здесь вторичного сожжения. Дата — кон. X в.

Погр. 83 — в трапециевидной яме разм. 1,20 × 1,05 м, глуб. 0,29 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе — череп коня с удилами 3.0 и трехременным оголовьем, украшенным железными, с серебрением накладками. Аналог — накладки в погр. 832 могильника Бирка (сер. X в.) (Arbman 1941: bd. I, taf. 20, 1a). Орнамент в виде трезубца, встреченный на щитовидных окончаниях ремня данного конского оголовья, указывает на княжеское звание погребенного здесь воина (Кулаков 1988а: 116). В верхнем ярусе, по центру могилы — округлое в плане скопление остатков погребального костра, содержавшее только заклепку и пару гвоздей (рис. 39). Дата — кон. X в.

Погр. 84 — в подтреугольной яме разм. 0,70 × 0,70 м, глуб. 0,36 м, ориентированной по линии северо-восток — юго-запад. В нижнем ярусе, в южном углу дна — череп коня с парой стремян VI и шпорой I (рис. 39). В северной части дна — железные накладки оголовья (?) и детали посеребренной железной оковки луки седла (?). В верхнем ярусе, потревоженном распашкой, найдены фрагмент копья IVб и нож с загнутым острием. Дата — кон. X в.

Погр. 85 — в овальной яме разм. 1,35 × 1,10 м, глуб. 0,58 м, ориентированной по линии запад - восток. В нижнем ярусе — череп коня (разрушен при помещении в могилу более позднего черепа). На дне могилы — пара стремян VII.1, удила 1.0, остатки ремней с же-

Рис.41.

лезными накладками, фрагменты серебряных накладок, шпора I, ботало, круглая железная пряжка (рис. 40). В верхнем ярусе, среди углей и несгоревших кусков дерева — мелкие кальцинированные кости, фрагментированные сосуды 2.0, 4.0 и 4.1а, часть головного бронзового венчика, гирька. Все вещи — обожжены. Дата — нач. XI в.

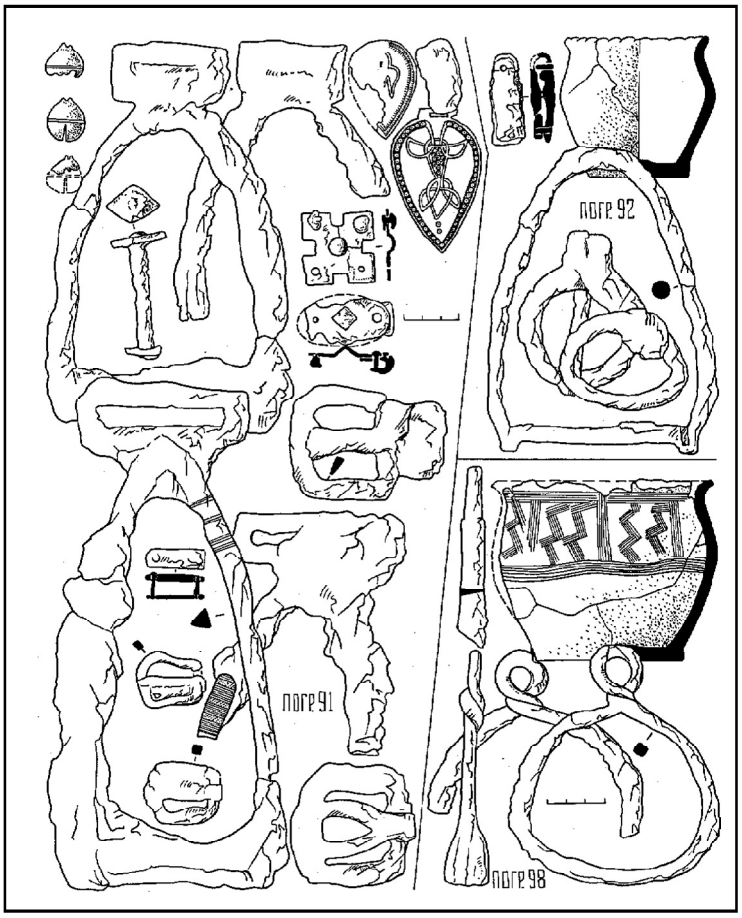
Погр. 86 — в округлой яме разм. 1,50 × 1,40 м, глуб. 0,5 м, ориентированной по линии северовосток — юго-запад. В нижнем ярусе, в центре дна — череп коня с удилами 2.0 (грызло, т.е. трензель — витой), с оголовьем, украшенным круглыми накладками и небольшой щитовидной подвеской из серебра. К югу от черепа коня — пара серебряных наконечников ремня (рис. 40), аналогичных находкам в кург. 74 могильника Гнездово (Сизов 1902: табл. III, I, 14). С севера и юга от черепа — пара стремян IIIа. Среди зубов коня — ботало. В верхнем ярусе — две заклепки. Дата — кон. X в.

Погр. 87 — в овальной яме разм. 1,07 × 0,96 м, глуб. 0,57 м, ориентированной по линии север - юг. В нижнем ярусе, в южной части ямы — череп коня с удилами 1.0, ниже под камнями — кости ног коня, к северу — стремя VII.1, западнее — ботало и железная пряжка (рис.41). В верхнем ярусе, почти полностью уничтоженном дренажем, — оселок. Дата — нач. XI в.

Погр. 88 — в прямоугольной яме разм. 1,25 × 1,00 м, глуб. 0,4 м, ориентированной по линии северо-запад — юго-восток. В нижнем ярусе — череп коня (переотложенный дренажем), рядом — ледоходный шип североевропейского типа кон. X в. (Arbman 1941: taf. 40, 2a, Gr. 831). Среди костей черепа коня — остатки оголовья с железными накладками и подвесками, рядом — шпора с серебряной инкрустацией и крепившая ее к ноге всадника бронзовая пряжка с обоймицей, на дне ямы — пара стремян VI. В верхнем ярусе, потревоженном дренажем — ланцетовидный втульчатый наконечник стрелы. Дата — вторая пол. X в.

Погр. 89 — в прямоугольной яме разм. 1,32 × 0,68 м, глуб. 0,28 м, ориентированной по линии запад - восток. В нижнем ярусе, в западной части дна — несколько костей коня, перекрытые слоем слабообожженной глины. Поблизости — отдельные ремни оголовья с серебряными накладками и парными наконечниками ремней (рис. 41). Конструкция данных ремней близка аварским древностям VI -VII вв. Среднего Подунавья (Bona 1979: 4. кер.). У дна ямы — удила 1.0, пара стремян I.1, полукруглая железная пряжка. В верхнем ярусе, по центру могилы — придонная часть кругового (?) сосуда с несколькими кальцинированными костями. В южной части зольник ограничен кам-

Рис.42.

нями. Дата — IX-X вв.

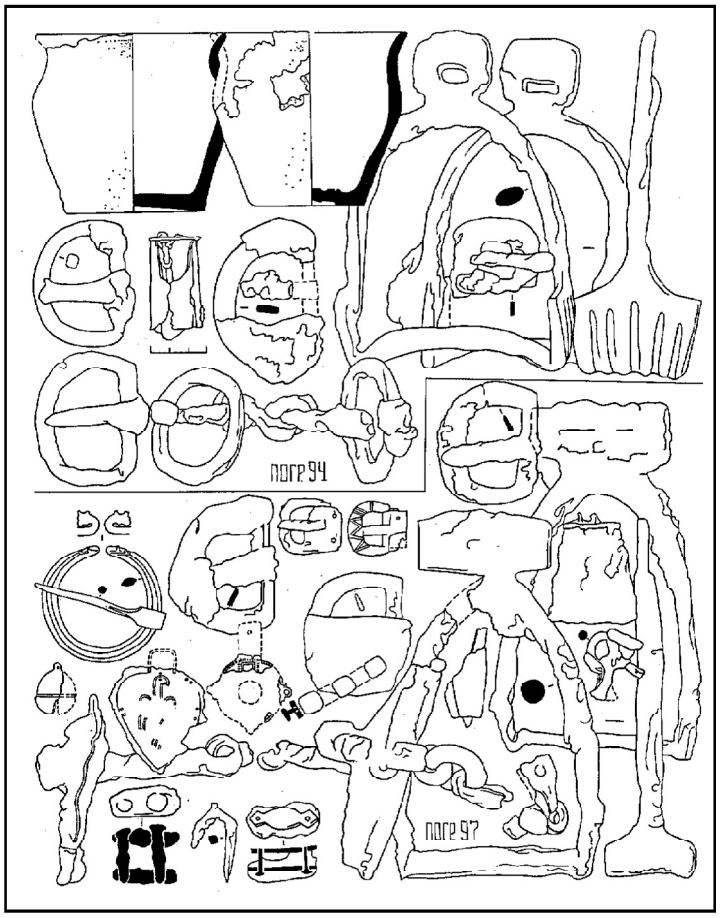
Погр. 90 — в овальной яме разм. 1,29 × 0,85м, глуб. 0,36 м, ориентированной по линии север-юг. В нижнем ярусе, в северо-западной части дна — череп коня с оголовьем, снабженным серебряными (?) накладками. Рядом — компактно сложенные удила 1.0 с железными обоймицами повода, удила 1 и полукруглая железная пряжка (рис. 41). В верхнем ярусе — остатки сожженных на месте деревянных носилок с бронзовой оковкой бортов, крепившейся бронзовыми заклепками. Центр носилок забутован кусками обожженной глины. Таким же образом носилки подстилались, причем глина достигала в ряде случаев дна могилы. Здесь найден бронзовый четверик конского оголовья, характерный для прусской культуры VIII- нач. IX вв. (Kleemann 1956: taf. XXXI, a). Данная находка попала в верхний ярус в процесе его сооружения, затронувшего совершенное ранее конское захоронение. Дата — кон. VIII-IX вв.

Погр. 91 – в прямоугольной яме разм. 2,05 × 1,35 м, глуб. 0,54 м, ориентированной по линии север - юг. В нижнем ярусе – три конских черепа с оголовьями, украшенными серебряными накладками и налобными подвесками. Северный череп потревожен, это указывает на то, что он первым был помещен на дно могилы. Ремни его оголовья, наряду с серебряными, были украшены и железными накладками и подвеской. Его четверки аналогичны находкам в кург. 955 могильника Бирка (вторая пол. X в.) (Arbman 1941: taf. 22). Северному и западному черепам сответствуют найденные поблизости две пары стремян IIIa2. В северо-восточный борт могилы была воткнута остриём шпора I, к которой примыкла небольшая бронзовая пряжка. Западнее – обломок удил. В южной части дна – ямка от кола глуб. 4 см. В верхнем ярусе, в западной части могилы – небольшое количество рассеянных в линзе золы кальцинированных костей. Среди них – обломки кругового (?) сосуда, четыре заклепки, кусок янтаря. Дата – вторая пол. X в.

Погр. 92 — в овальной яме разм. 0,98 × 0,75 м, глуб. 0,25 м, ориентированной по линии север - юг. В нижнем ярусе – череп коня, рядом – компактно сложенные удила 1.0, стремена I.1, железная обоймица (оковка стремянного ремня) (рис. 42). В верхнем ярусе – перекрытые валуном со следами подтески разрозненные кальцинированные кости, располагавшиеся непосредственно над черепом коня. Над камнем находились два сосуда 2.0. Дата – X в.

Погр. 93 — в овальной яме разм. 1,10 × 0,72 м, глуб. 0,20 м, ориентированной по линии север - юг. В нижнем ярусе, в северо-восточной части ямы – череп коня с железными обоймицей и

Рис.43.

скобой (остатки плети), рядом – удила 1.0, в стороне – пара стремян I (8-видные) (рис. 41). В верхнем ярусе, в северной части могилы – скопление остатков погребального костра с фрагментом копья IVб. Дата – нач. XI в. (?).

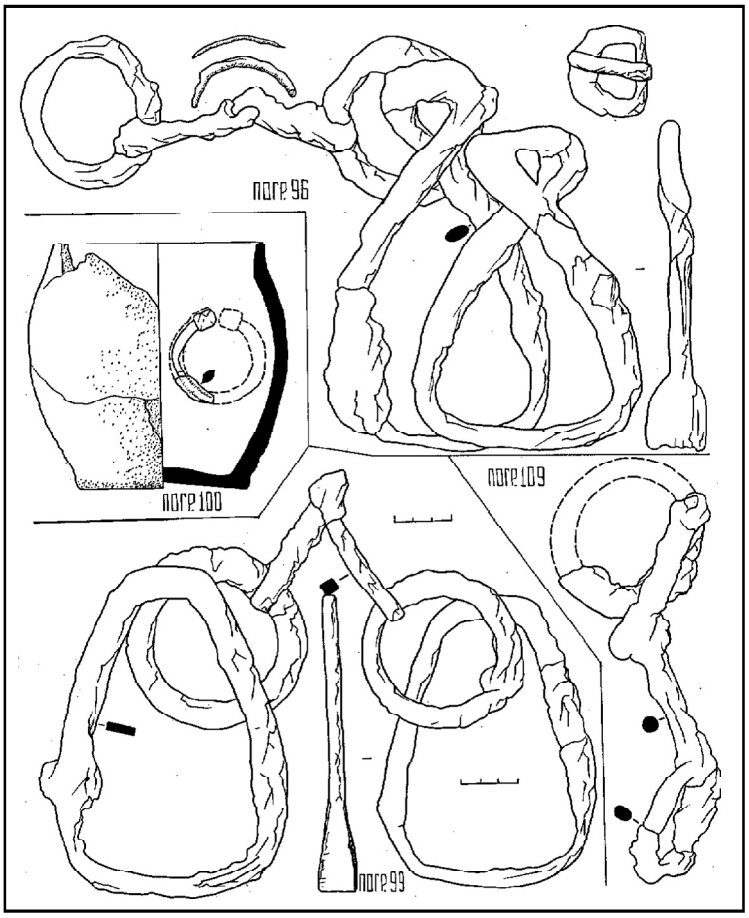
Погр. 94 – в округлой яме диам. 1,00 м, глуб. 0,27 м. В нижнем ярусе, в центре ямы – череп коня, рядом – компактно сложенные удила 1.2, пара стремян раннемадьярского типа последней трети IX в. (Hajdu, Kristo, Róna-Tas 1977: tabla), три железные полукруглые пряжки и ботало (рис. 43). В верхнем ярусе, занимавшем почти весь объем могилы, среди разрозненных кальцинированных костей – два сосуда 2.0 (временные урны), железная пряжка и кусок янтаря. Дата – третья четверть IX в.

Погр. 95 — в овальной яме разм. 1,25 × 0,93 м, глуб. 0,20 м, ориентированной по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. В нижнем ярусе находки отсутствуют. В верхнем ярусе – тонкий слой остатков погребального костра с кальцинированными костями, перекрытый линзой слабо золистого суглинка. Среди остатков костра – фрагменты керамики, обломок железной заклепки, часть сложносоставного одностороннего костяного гребня, обломки бронзовых подковообразной фибулы и весов (рис. 40). Дата – рубеж X-XI вв.

Погр. 96 — в овальной яме разм. 1,18 × 0,80 м, глуб. 0,25 м, ориентированной по линии север - юг. В нижнем ярусе, в восточной части дна – череп коня с удилами 1.0, парой стремян I и железной полукруглой пряжкой. В северной части дна – углубление глуб. 5 см, перекрытое слоем органики. Это, видимо, следы столба с висевшей на нем шкурой коня. В верхнем ярусе – остатки вторичного сожжения в деревянных носилках. В южной части могилы – развал сосуда 2.0 с кальцинированными костями (временная урна). Здесь же – обломки бронзовой подковообразной фибулы (браслета?) (рис. 44). Дата – X в.

Погр. 97 — в прямоугольной яме разм. 1,40 × 0,90 м, глуб. 0,5 м, ориентированной по линии север - юг. В нижнем ярусе, в западной части дна – череп коня с удилами 3.3 (псалии обтянуты серебром), перекрытыми стременем IIIa. Второе стремя – к востоку от черепа. Остатки оголовья и упряжи коня, украшенных малыми серебряными накладками, бубенчиками и щитовидной и в виде трехлопастного креста подвесками встречены в трех группах. Последняя подвеска с двумя ремнями располагалась в подбое, устроенном в западному борту могилы (рис. 43). В верхнем ярусе – остатки вторичного сожжения на ладейных досках с заклепками, располагавшимися над черепом коня. У самой большой доски (штевень ладьи?) – фрагменты

Рис.44.

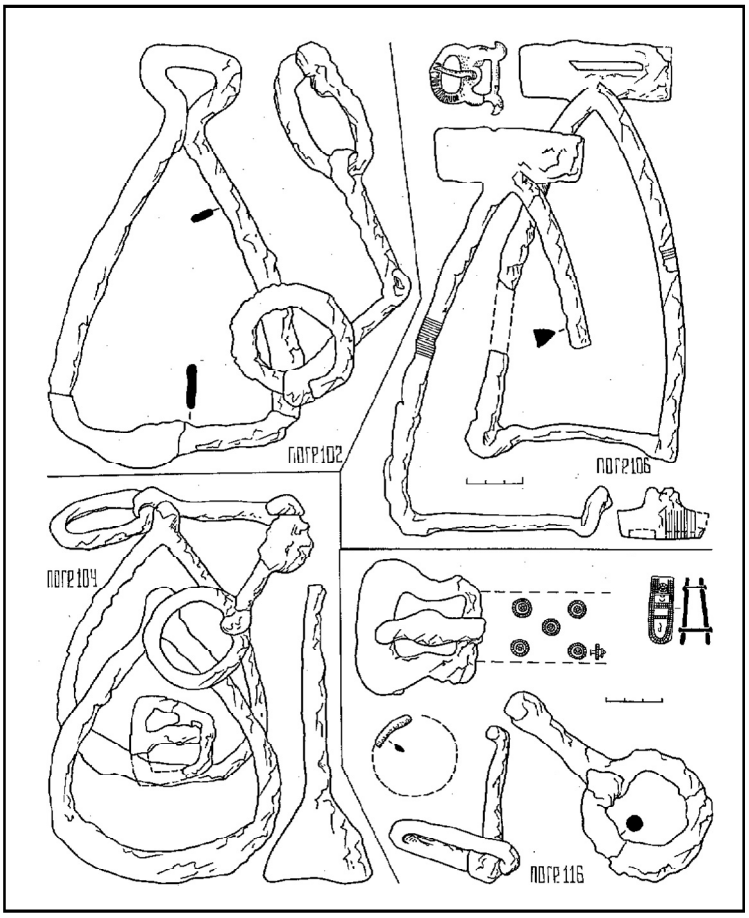
сосудов, под доской – бронзовая подковообразная фибула с головками козлов, севернее – остатки поясного набора (железная пряжка с обоймицей, железное кольцо с подвесками в виде «молоточка Тора», железные накладки). В стороне находилась бронзовая пряжка с обоймицей. По периметру остатки досок ограничены камнями. Дата — вторая пол. X в.

Погр. 98 — в округлой яме разм. 1,05 × 0,94 м, глуб. 0,15 м, ориентированной по линии запад - восток. В нижнем ярусе, рядом с черепом коня – компактно сложенные удила 1.0, южнее – пара стремян I, по пропорциям близкие к 8-видным аварским стременам. В земле пруссов данные стремена по находкам из погр. б/№ могильника Холмогорье (Правдинский р-н) датируются первой пол. VIII в. (Mühlen 1976: taf. 22, unten). Дата стремян из погр. 98 несколько позднее. В верхнем ярусе, доходящем в ряде случаев до дна ямы – небольшое скопление кальцинированных костей, причем сосуд (западнославянская менкендорфская группа, VIII-X вв.) (Herrmann 1970: abb. 3; 1976: abb. 66), из которого высыпаны кости, проник в рыхлом заполнении могилы ниже них. С костями – заклепка, два гвоздя, два куска янтаря, обломок ножа (рис. 42), фрагменты керамики. Верхний ярус перекрыт подтреугольной в плане каменной кладкой разм. 0,42 × 0,25 м. Дата – не позднее рубежа IX-X вв.

Погр. 99 — в яме неправильных очертаний разм. 0,92 × 0,78 м, глуб. 0,22 м, ориентированной по линии запад - восток. В нижнем ярусе, в южной части дна – череп коня, рядом – удила 1.0, стремя I.1 (второе – у северо-западного борта ямы). К западу от черепа – железная пряжка (рис. 44). В верхнем ярусе – округлое в плане скопление остатков погребального костра (диам. ок. 0,4 м), перекрытое двумя сгоревшими на месте досками. Кости рассеяны как в зольнике, так и на досках (вторичное сожжение). Вещи в верхнем ярусе не обнаружены. Дата – рубеж X-XI вв.

Погр. 100 — в миндалевидной яме разм. 1,50 × 0,85 м, глуб. 0,09 м, ориентированной по линии север-юг. В нижнем ярусе – остатки черепа коня, потревоженного при сооружении позднейшего соседнего погр. 117. По дну могилы прослежены 11 ямок от кольев, в плане образующих фигуру в виде неправильного ромба (каркас для растяжки шкуры коня). В верхнем ярусе, в ямке, специально выбранной в золистом заполнении этого яруса – стоящий на дне яйцевидный лепной сосуд. К югу от него – бронзовая подковообразная фибула X в. (рис. 44) (Salmo 1956: abb. 30-36). К юго-западу от первого сосуда найдены обломки второго, среди них – кальцинированные кости. Прочие наход-

Рис.45.

ки в верхнем ярусе – железная пряжка и кусок янтаря. Дата – X в.

Погр. 101 – в овальной яме разм. 1,00 × 0,5 м, глуб. 0,3 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. Могила почти полностью уничтожена при выборке позднейших погр. 89 и 177. Инвентарь – фрагмент керамики.

Погр. 102 – в подквадратной яме разм. 1,05 × 1,05 м, глуб. 0,17 м. В нижнем ярусе, с черепом коня – удила 1.0 и стремя I (8-видной формы) перекрывавшие череп. Второе стремя – в южной части ямы (рис. 45). В верхнем ярусе, над западной частью дна – скопление остатков костра, в его северной части – несколько кальцинированных костей. Могила перекрыта двумя валунами. Находки здесь отсутствуют. Дата — вторая пол. IX в.

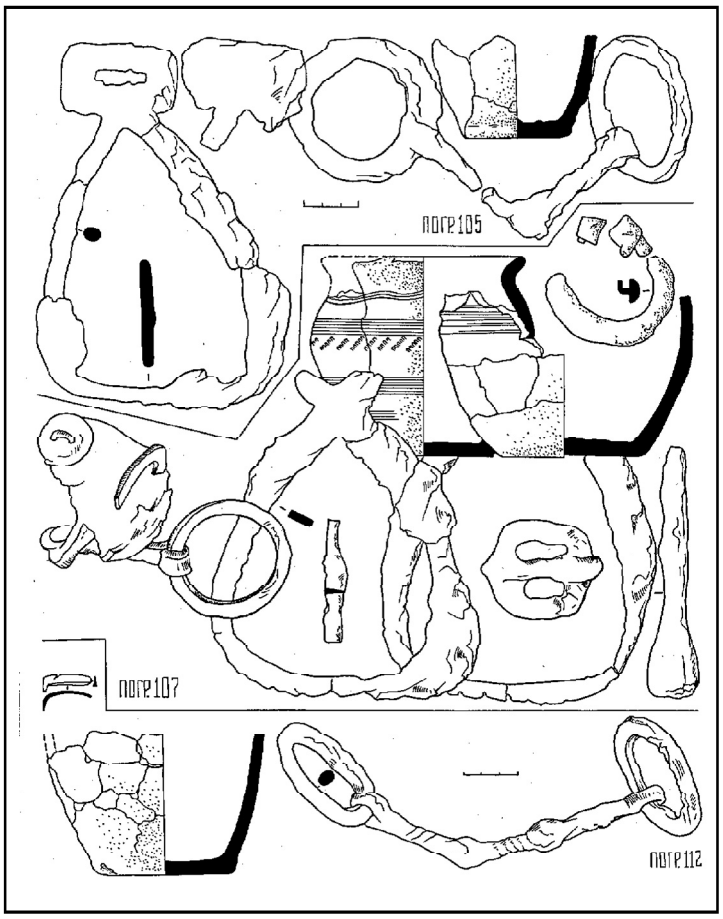
Погр. 103 — в подпрямоугольной яме разм. 0,79 × 0,55 м, глуб. 0,20 м, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток. Ярусная структура отсутствует. В скоплении остатков костра округлых очертаний диам. 0,45 м – несколько кальцинированных костей, находки отсутствуют.

Погр. 104 — в яме неправильных очертаний разм. 1,46 × 1,20 м, глуб. 0,28 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. В нижнем ярусе, в северной части дна – череп коня, рядом – компактно сложенные удила 1.0, южнее – пара стремян I.3 и ботало (рис.45) . На одном из колец удил отмечен орнамент типа «волчий зуб», что, судя по материалам могильника Суворово (Гвардейский р-н) характерно для прусских древностей VI-VII вв. (погр.221, 280) (Heym 1938). В верхнем ярусе – остатки погребального костра с большим количеством углей, достигающие дна могилы. Здесь – фрагменты керамики, нож. Дата – VIII - нач. IX вв.

Погр. 105 — в овальной яме разм. 1,50 × 1,00 м, глуб. 0,40 м, ориентированной по линии север - юг. В нижнем ярусе, в северо-западной части ямы, в слое органики – череп коня с удилами 1.0, рядом – стремя IIIa2, стоявшее на боку. Второе стремя находилось к юго-востоку от первого (рис. 46). В верхнем ярусе, кроме лежавшего в слое золы развала сосуда 2.0 (?) находки отсутствовали. На дне ямы – ямка от столба диам. 0,4 м, глуб. 0,15 м. Дата – X в.

Погр. 106 — в овальной яме разм. 1,37 × 1,21 м, глуб. 0,12 м, ориентированной по линии север - юг. В нижнем ярусе, южная часть придонного пространства которого перекрыта слоем органики, в юго-западной части ямы – череп коня с удилами 1.0. Рядом – стремя IIIa2, перекрытое мелкими камнями, второе стремя – в центре ямы вместе с бронзовой пряжкой – архетипом лировидных (рис. 45). В восточной части ямы – три серебряные (?) накладки. Верхний ярус

Рис.46.

уничтожен распашкой. Дата – X в.

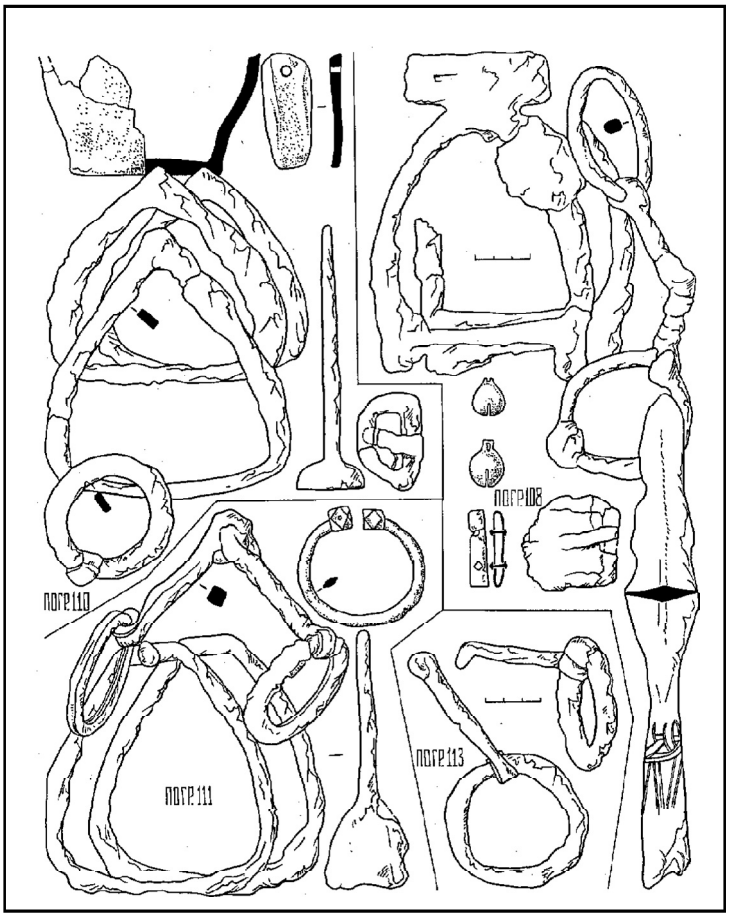
Погр. 107 — в ромбической яме разм. 1,20 × 1,20 м, глуб. 0,40 м, ориентированной по линии север - юг. В нижнем ярусе, у дна заполненном слоем органики, в северной части дна содержал череп коня с удилами 1.0 и боталом, в стороне – пара стремян I.2 (рис. 46). В верхнем ярусе, в южной части могилы – линза остатков костра, подстилаемая деталями сожженных на месте деревянных носилок. Последние представляют собой две поперечные лаги (рукоятки) с тремя продольными досками. Общая длина ручек – 0,9 м, прямоугольник, образованный поперечными лагами – 0,58 × 0,52 м. На досках – вторично пережженные мелкие кальцинированные кости. Это – наиболее ранний случай вторичного сожжения у пруссов. Факт использования ими носилок при погребальных церемониях зафиксирован в позднем средневековье (Hartknoch 1576: 187, 188). Выше, над юго-западной стороной носилок, обнаружено второе скопление костей, ограниченное с юга камнями. Первому скоплению костей, которое перекрыл, погасив костер, слой песка, соответствуют обломки оплавленной фибулы «куршского типа» и сосуд 4.0. Два аналогичных сосуда – у второго скопления, там же – помещенный острием в грунт обломок ножа. Дата – нач. XI в.

Погр. 108 – в округлой яме диам. 1,42 м, глуб. 0,2 м, ориентированной по линии запад - восток. В нижнем ярусе, в северо-западной части дна — череп коня с удилами 1.2 и накладками оголовья, в центре ямы – пара стремян IIIa. Между черепом и стременами – остатки не менее пяти ремней упряжи с накладками и тремя щитовидными накладками и бубенчиками. В верхнем ярусе – остатки костра, потревоженные плугом, вытащившим из могилы копье G (рис.47). Дата – рубеж X-XI вв.

Погр. 109 — в подквадратной яме разм. 0,70 × 0,70 м, глуб. 0,11 м. В нижнем ярусе, в западной части дна, под слоем органики – череп коня с удилами 1.0 . В центре дна – также слой органики. Верхний ярус уничтожен распашкой.

Погр. 110 — в овальной яме разм. 1,00 × 0,87 м, глуб. 0,34 м, ориентированной по линии запад - восток. В нижнем ярусе, в западной части дна – череп коня, рядом – удила 1.0, к юго-востоку от них – пара стремян I.3. В северной части дна – второй череп коня, к юго – востоку – сломанные в древности и обожженные удила 1.0 и пара стремян (вариант между I.1 и VII.1). Обоим черепам соответствовало по одной железной полукруглой пряжке. Возможно, данные захоронения проведены были одновременно, но по разным вариантам ритуала. В верхнем

Рис.47.

ярусе, на трех сгоревших на месте досках (остатки сожжения на носилках) – сосуд 2.0 (временная урна), к северу от него – мелкие обломки кальцинированных костей. К востоку от них – второй аналогичный по типу и функциям сосуд, в южной части могилы – вторая группа костей. Между сосудами – сланцевый оселок (рис.47). Слой верхнего яруса подстилался линзой слабо обожженной глины (глиняная подстилка под носилки, обоженная в процессе их горения). Дата – X в.

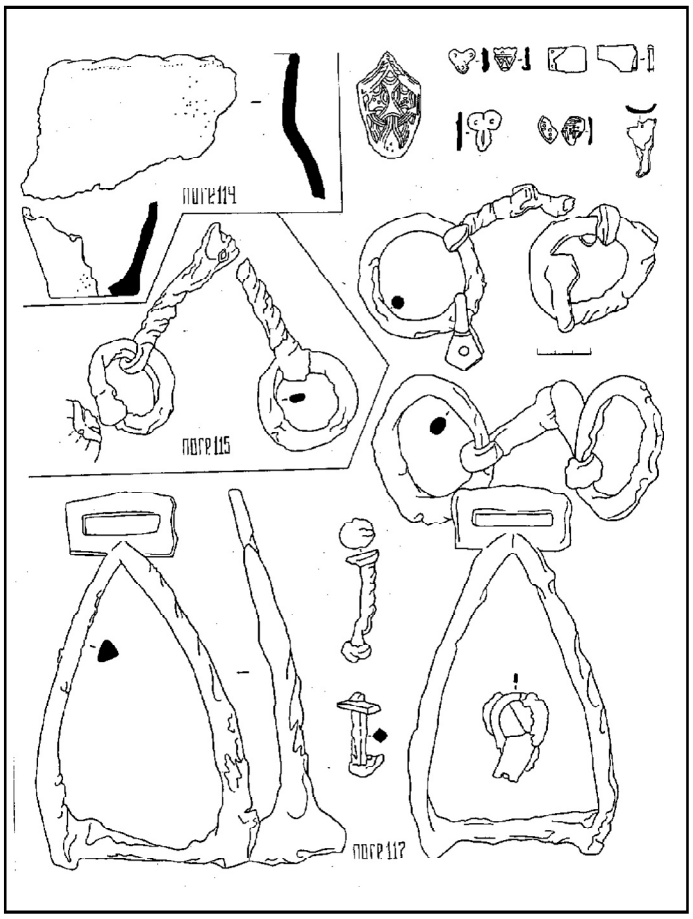
Погр.111 – в овальной яме разм. 1,30 × 0,87 м, глуб. 0,30 м, ориентированной по линии север - юг. В нижнем ярусе, в восточной части дна — череп коня, компактно сложенные удила 1.0, пара стремян I.1 (рис. 47). В верхнем ярусе, потревоженном более поздним погр. 114 – бронзовая подковообразная фибула, располагавшаяся над головой коня. В южной части могилы – группа кальцинированных костей. Обломки временной урны обнаружены на границе верхнего и нижнего ярусов. Дата — X в.

Погр.112 – в овальной яме разм. 1,12 × 0,75 м, глуб. 0,07 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. В нижнем ярусе, в юго-западной части дна – плотно втоптанные в грунт череп коня и кости его ног. У зубов – удила 2.0 (трензель — витой). В верхнем ярусе, перекрытом и подстилавшемся слоями обожженной глины, в плане образовавшими прямоугольник разм. 0,70 × 0,40 м – рассеянные кости, вторично сожженные на месте. В северо-восточной части могилы – сосуд 2.0. В стороне от могилы – фрагмент бронзового браслета (?) (рис. 46). Дата – X в.

Погр. 113 – в овальной яме разм. 1,04 × 0,86 м, глуб. 0,38 м, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток. В нижнем ярусе, в юго-западной части дна – остатки конского черепа, рядом – компактно сложенные удила 1.0 (рис. 47). По центру ямы – ямка от кола квадратной формы (0,10 × 0,11 м), в момент засыпки ямы кол находился в вертикальном положении. В верхнем ярусе, в юго-восточной части могилы – развал сосуда 2.0 и кальцинированные кости, рядом – кусок янтаря. Так как верхний ярус достигает дна ямы, сооружение обоих ярусов в могиле проводилось без временного перерыва. Дата – IX-X вв.

Погр.114 – в трапециевидной яме разм. 1,25 × 0,90 м, глуб. 0,35 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. В нижнем ярусе, в западной части дна – череп коня, к востоку от него – куски обожженной глины. В верхнем ярусе, среди обломков двух сосудов 2.0 (рис.48) – два фрагмента кальцинированных костей. Борта могилы, прорезавшей более ранее погр. 111, выложены мелкими камнями.

Рис.48.

Дата — X в.

Погр.115 — в прямоугольной яме разм. 1,50 × 0,92 м, глуб. 0,26 м, ориентированной по линии север - юг. В нижнем ярусе, в центре дна — череп коня, к северу – удила 1.2 (рис. 48). В заполнении нижнего яруса – отдельные фрагменты лепной керамики. В верхнем ярусе, в южной части перекрытом каменной кладкой и при заполнении ямы образовавшем на северном и южном бортах могилы «ступеньки», костей и находок не обнаружено. Дата – X в.

Погр.116 — в овальной яме разм. 1,00 × 0,75 м, глуб. 0,09 м, ориентированной по линии запад - восток. В нижнем ярусе, в южной части дна — череп коня с удилами 1.0. К югу от черепа обнаружена железная 8-видная пряжка с 16 серебряными заклепками и наконечником ремня (рис. 45). На дне ямы и на восточной и западной ступеньках борта зафиксировано четыре ямки от кольев. Последние поддерживали помост. В верхнем ярусе, располагавшемся, видимо, на досчатом помосте, опиравшемся на устроенные по сторонам света ступеньки в бортах ямы – три небольших скопления кальцинированных костей. Последние располагаются над центром ямы и над южной ступенькой. Рядом с восточной группой костей – обломок бронзовой подковообразной фибулы (?). Дата – VIII-IX вв.

Погр. 117 — в овальной яме разм. 1,52 × 0,90 м, глуб. 0,36 м, ориентированной по линии север - юг. В нижнем ярусе, перекрытом деревянным настилом – остатки двух черепов коней. Южный череп находился на деревянном перекрытии и при засыпке ямы переместился ниже уровня этого перекрытия. Остатки его оголовья, аналогичного ремням из погр. 89, остались на прежнем уровне. Второй череп – в северо-западной части дна, с удилами 1.0, к югу – стремя IIIa2 с железной пряжкой. Другое стремя из этой пары – в восточной части дна, рядом с переотложенными из более раннего погр. 100 остатками черепа коня. У северо-западного черепа — остатки ремней оголовья, к северо – востоку и к востоку – ремни с оловянными круглыми и квадратными накладками и втоптанные в грунт кости ног коня. В верхнем ярусе, на крышке перекрытия нижнего яруса, подпиравшейся вертикальными столбами (камерная конструкция) – остатки костра от сожженных на месте ладейных досок, 20 сохранившихся заклепок в плане воссоздают Т-образную конструкцию расположения ладейных досок. Мельчайшие кальцинированные кости рассеяны, среди них – остатки поясного набора с бронзовыми накладками, бронзовый наконечник ножен однолезвийного меча (рис. 48). Погр.117, первым на Ирзекапинисе совме-

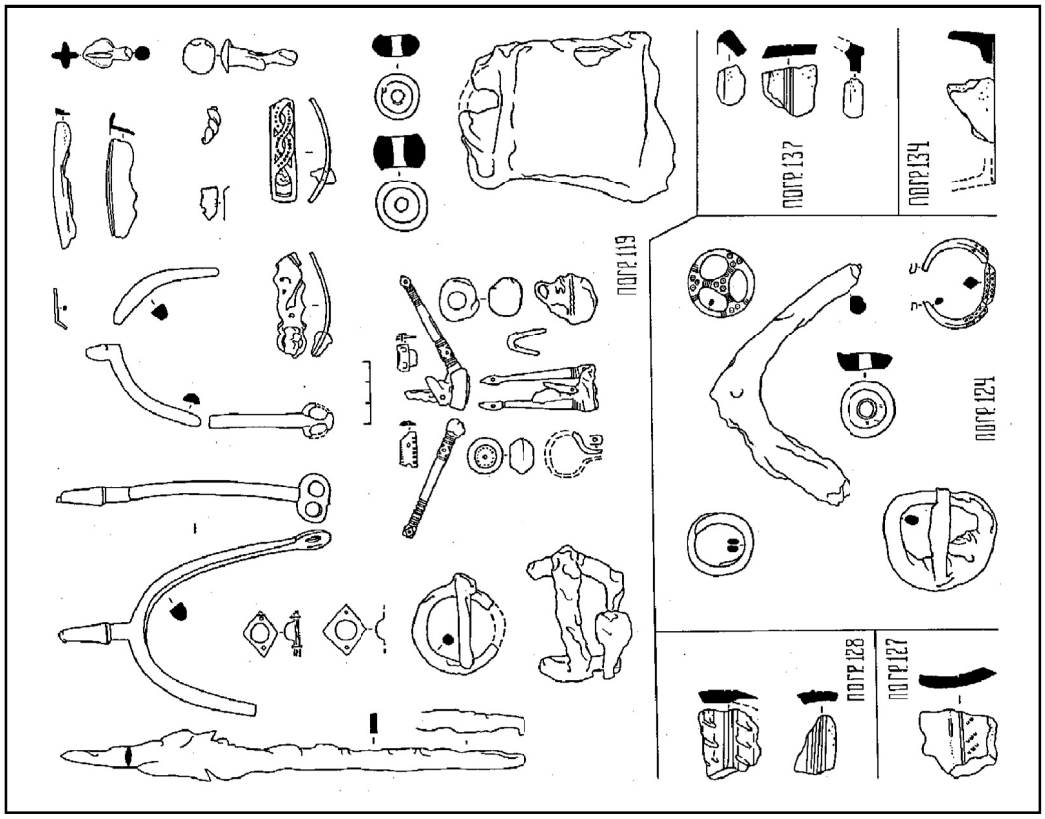

ПОГР.119
ПОГР.137
ПОГР.134
ПОГР.124
ПОГР.128
ПОГР.127

Рис.50.

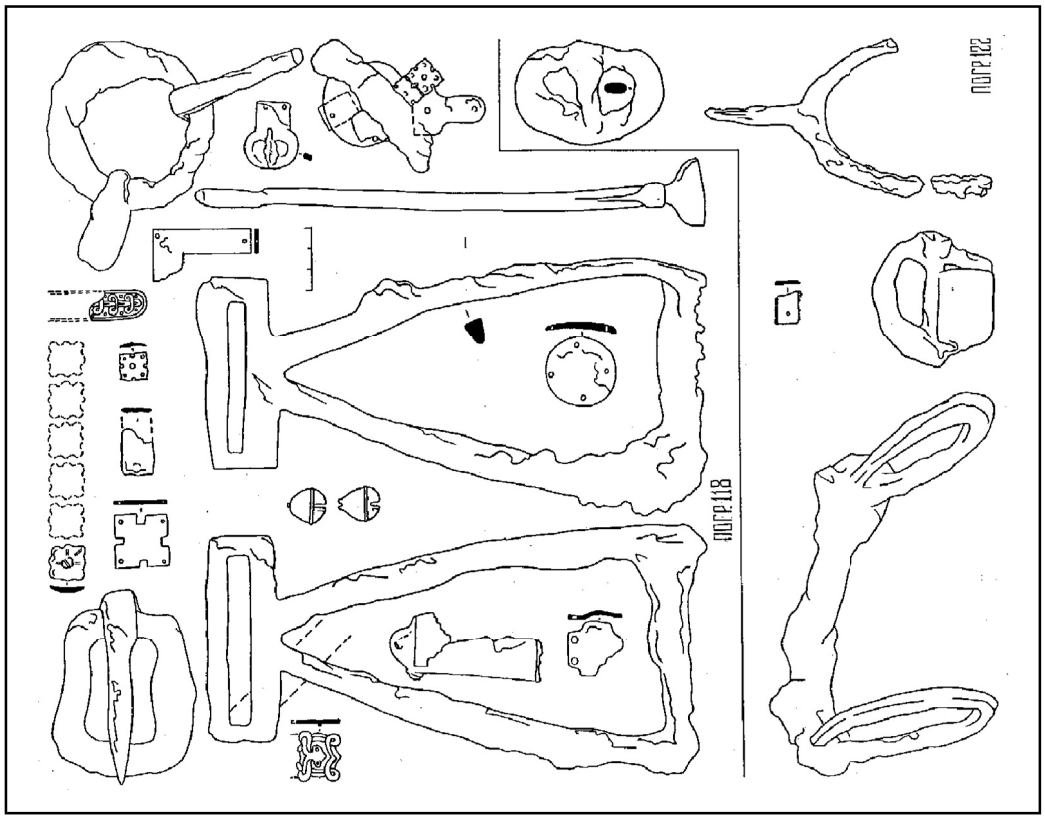
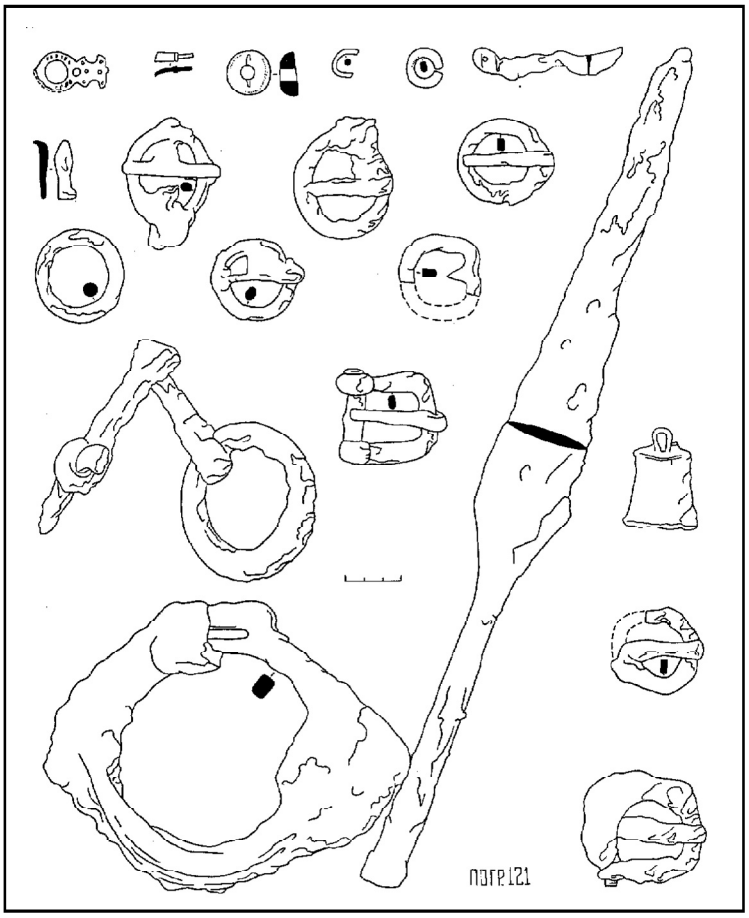

ПОГР.118
ПОГР.122

Рис.49.

Рис.51.

стившее скандинавские и кочевые черты обряда, содержит останки дружинника нач. X в. (Кулаков 1988б: 123).

Погр. 118 – в трапециевидной яме разм. 1,00 × 0,90 м, глуб. 0,36 м, ориентированной по линии запад - восток. В нижнем ярусе, в западной части дна – череп коня с удилами 1.0, перекрытые стременем IIIa2, второе стремя – в юго-восточном углу ямы (рис. 49). Между стременами – остатки ремня с серебряными накладками. Остальные ремни беспорядочно брошены в западной части могилы, они украшены как серебряными, так и железными накладками. Железное спаренное окончание ремня – в северной части дна. У дна – два бубенчика, 8-видная железная пряжка и ботало. В северном борту могилы – ступенька. В верхнем ярусе – серебряный наконечник ремня. Дата – X в.

Погр. 119 – расположено в овальной яме разм. 1,60 × 1,35 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. В нижнем ярусе, в северной части дна – череп коня с оголовьем, украшенным ромбическими бронзовыми накладками и боталом. К югу — удила 1.0, пара стремян, круглая железная пряжка (рис. 50). У оголовья коня – плоское ботало. В углублении по центру могилы, оставшемся после заполнения нижнего яруса, расположен верхний ярус. По оси могилы положены копье и дротик I, нож, бронзовая шпора I. Все это засыпано остатками погребального костра. В процессе заполнения ямы золой на ее дно попали вертикально стоящие остатки бронзового блюда (временная урна), гирька 2, фрагменты керамики. В верхней части зольника – скопление кальцинированных костей с остальными фрагментами блюда, обломок бронзовой шпоры I, железная скоба, два шиферных биконических пряслица, остатки весов, гирька 2, детали костяного сложносоставного двустороннего гребня, часть бронзового венчика, обломок свитой из двух дротов бронзовой гривны, часть бронзовой булавки, миниатюрная бронзовая стрела, гвоздь, две бронзовые, с железными остриями пряжки, железный бубенчик и бронзовая оковка ножен ножа (?). Дата – сер. XI в.

Погр.120 — в овальной яме разм. 1,20 × 1,047 м глуб. 0,25 м, ориентированной по линии запад - восток. В могиле, выбранной в предматериковом слое, ярусная структура отсутствует. Остатки погребального костра в северной части могилы подстилаются мелкими камнями. У северного края погребения – мощный валун. Среди рассеянных кальцинированных костей — фрагменты круговой керамики, гвоздь, ледоходный шип. Дата – XI в.

Погр.121 — в овальной яме разм. 1,75 × 1,35 м,

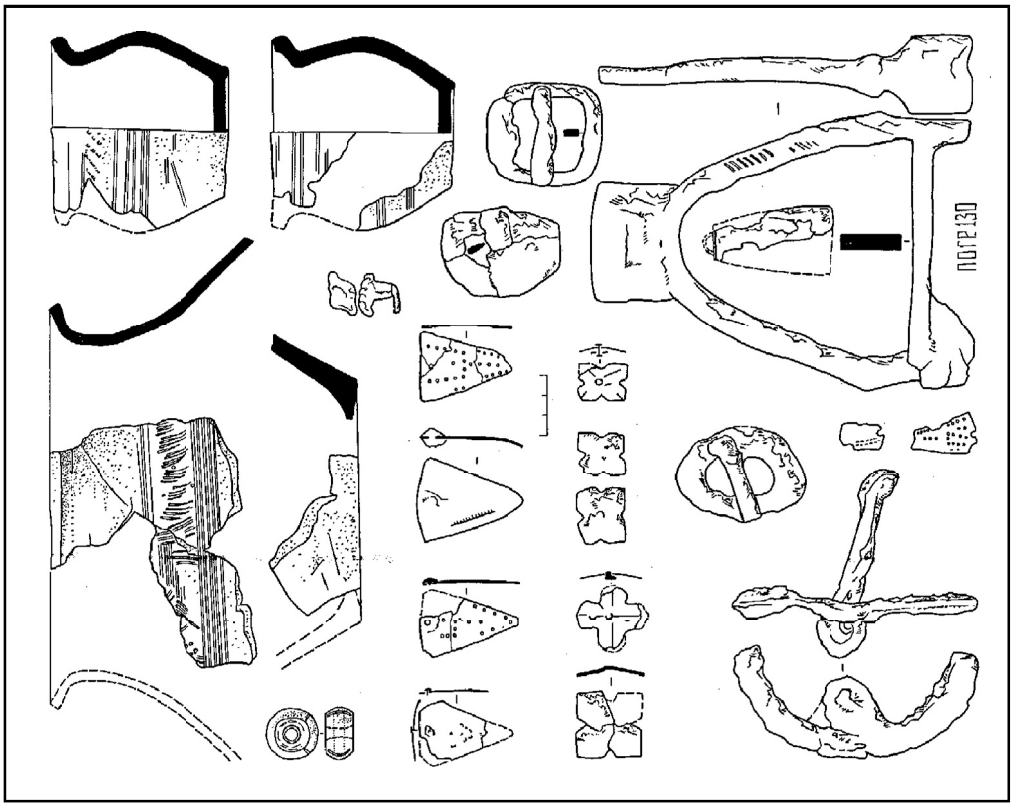

Рис.53.

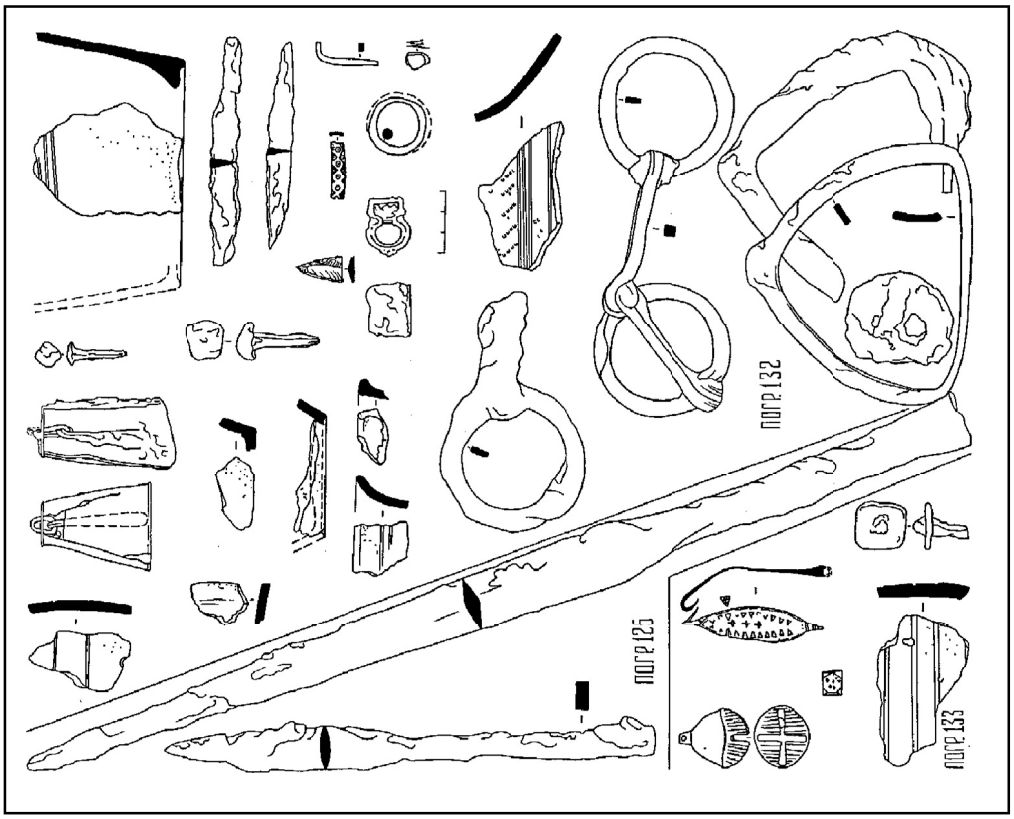
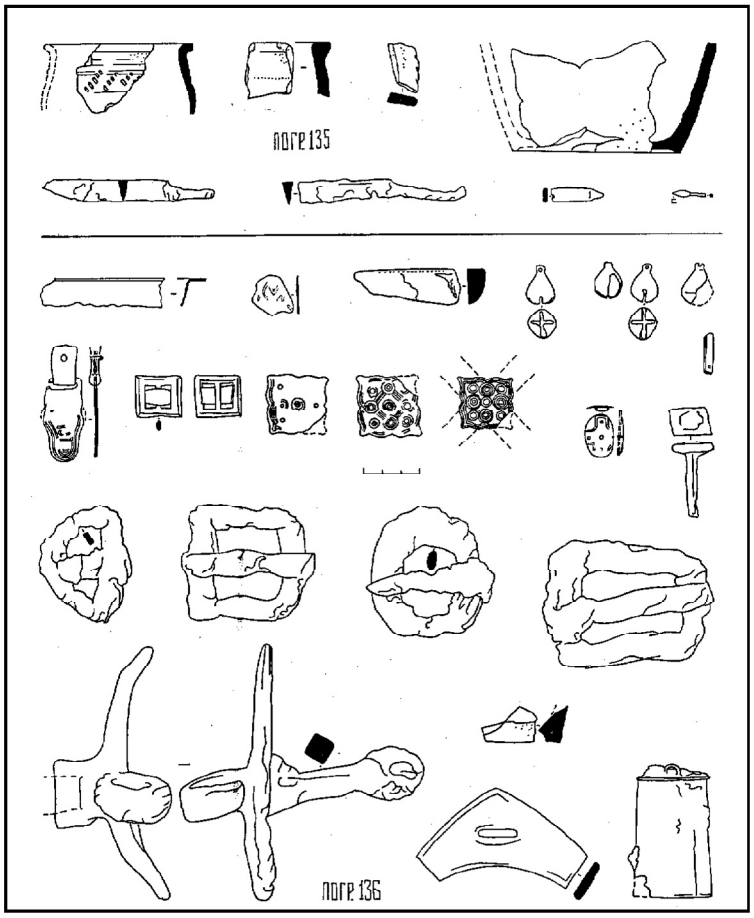

Рис.52.

Рис.54.

глуб. 0,75 м, ориентированной по линии запад - восток. В нижнем ярусе – нарочито поврежденный череп коня и часть удил 1.0, пара стремян VI, семь железных пряжек (в основном – круглой формы), ботало (рис. 51). В верхнем ярусе, над восточной частью дна – скопление кальцинированных костей, среди них — обожженное копье G, бронзовая пряжка, часть бронзовой гривны, боченковидное шиферное пряслице, обломок бронзового височного (?) кольца, бронзовое кольцо (пряжка?), железная бритва, многочисленные фрагменты круговой керамики. Зольник ограничен камнями, в плане создающими подквадратную фигуру разм. 1,67 × 1,65 м. Дата – кон. XI в.

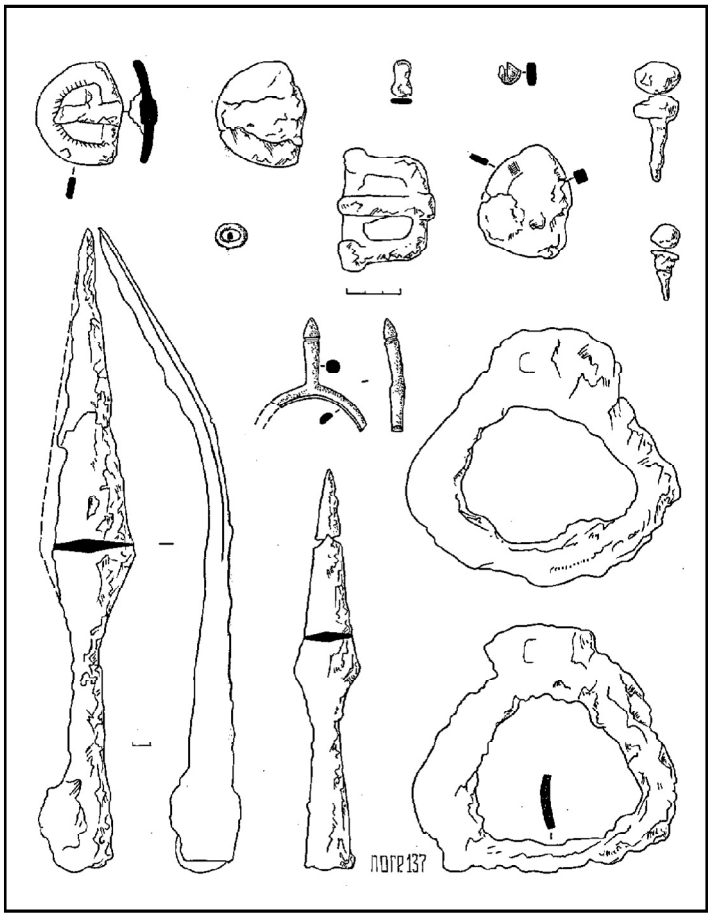
Погр. 122 — в трапециевидной яме разм. 1,51 × 1,33 м, глуб. 0,48 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. В нижнем ярусе, в западной части дна – череп коня с удилами 1.0, к западу – остатки оголовья с серебряными накладками, к северу и югу – пара стремян. У черепа на дне ямы – две ямки от кольев диам. До 0,20 м. У дна – две железные прямоугольные пряжки (рис. 49). В верхнем ярусе кости, с костра принесенные в бронзовом блюде, были поставлены в нем на песчаную подсыпку. Затем блюдо было перекрыто досками (носилками?), сожженными на месте. Вместе с костями — копье, шпора I, обломки двустороннего сложносоставного костяного гребня, бронзовые и железные предметы (поясной набор?). Дата – кон. XI в.

Погр. 123 — в овальной яме разм. 1,30 × 1,21 м, глуб. 0,25 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. В нижнем ярусе, разрушенном позднейшим погр. 121, находок не обнаружено. В верхнем ярусе — отдельные фрагменты керамики.

Погр. 124 — в округлой яме разм. 1,23 × 1,10 м, глуб. 0,83 м, ориентированной по линии запад - восток. В нижнем ярусе, в северной части дна – череп коня с удилами 1.0, пара стремян VII.1 и железная полукруглая пряжка (рис. 50). В верхнем ярусе, в восточной части могилы — группа кальцинированных костей, в зольнике – фрагменты серебряной подковообразной фибулы, два бронзовых височных кольца с заходящими концами, бронзовое поясное кольцо, обломок шиферного пряслица, копье, развалы двух круговых сосудов, ножницы. Дата – вторая пол. XI в.

Погр. 125 — в яме овальной формы, разм. 1,37 × 1,05 м, глуб. 0,13 м, ориентированной по линии север - юг. В нижнем ярусе, в северной части дна – череп коня с удилами 1.0, пара стремян, ботало, три железные пряжки. В верхнем ярусе, выходящем за пределы материковой ямы – копье III и черешковый дротик «а», раз-

Рис.55.

валы двух сосудов, фрагменты бронзового блюда, бронзовое кольцо (рис. 52). Дата – третья четверть XI в.

Погр. 126 — в округлой яме разм. 1,60 × 1,50 м, глуб. 0,32 м. Ярусная структура отсутствует. В юго-восточной части могилы – развал кругового сосуда и скопление кальцинированных костей, потревоженных плугом. Находки – фрагменты керамики и бронзового блюда, ножницы, нож. Дата – вторая пол. XI в.

Погр. 127 — в яме неправильных очертаний разм. 0,8 × 0,8 м, глуб. 0,15 м. Ярусная структура отсутствует. В центральной и западной частях могилы – скопления песка (в последнем случае – прокаленного). В заполнении – фрагменты круговых сосудов, в том числе – с оттисками гребенчатого штампа (рис. 50). Дата – первая пол. XI в.

Погр. 128 — в яме трапециевидной формы разм. 1,0 × 0,9 м, глуб. 0,2 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. Ярусная структура отсутствует. В западной части могилы – скопление остатков костра, однако кости рассеяны по всему заполнению погребения, в котором – три фрагмента круговой керамики (рис.50). Дата – первая пол. XI в.

Погр. 129 — в яме овальной формы, разм. 0,76 × 0,68 м, глуб. 0,40 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. Ярусная структура отсутствует. У дна яма заполнена прокаленным песком, выше – отдельные кальцинированные кости без вещей.

Погр. 130 — в овальной яме разм. 1,6 × 1,5 м, глуб. 0,48 м, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток. В нижнем ярусе, в центре дна – череп коня с удилами, близкими 3.0 (псалии – серповидной формы) и остатками оголовья, украшенного железными накладками и подвесками. К югу – пара стремян (между IIIa и VI), одно из них – вертикально, две полукруглые и одна прямоугольная железные пряжки, ремень с железными накладками и подвеской (рис. 53). В верхнем ярусе – скопление остатков костра, ограниченное камнями. В его центре – два сосуда 4.0, вокруг — кальцинированные кости. Здесь же – обломки крупного кругового горшка, часть фибулы «куршского типа» (бронза), шиферное биконическое пряслице, кусок янтаря, железные предметы. Дата – рубеж X-XI вв.

Погр. 131 — в овальной яме разм. 0,77 × 0,60 м, глуб. 0,12 м, ориентированной по линии запад - восток. Ярусная структура отсутствует. Заполнение – слабо прокаленный суглинок, с фрагментом гвоздя. Кости отсутствуют.

Погр. 132 — в подквадратной яме разм. 1,40 × 1,35 м, глуб. 0,70 м. В нижнем ярусе, в западной части дна — череп коня с удилами

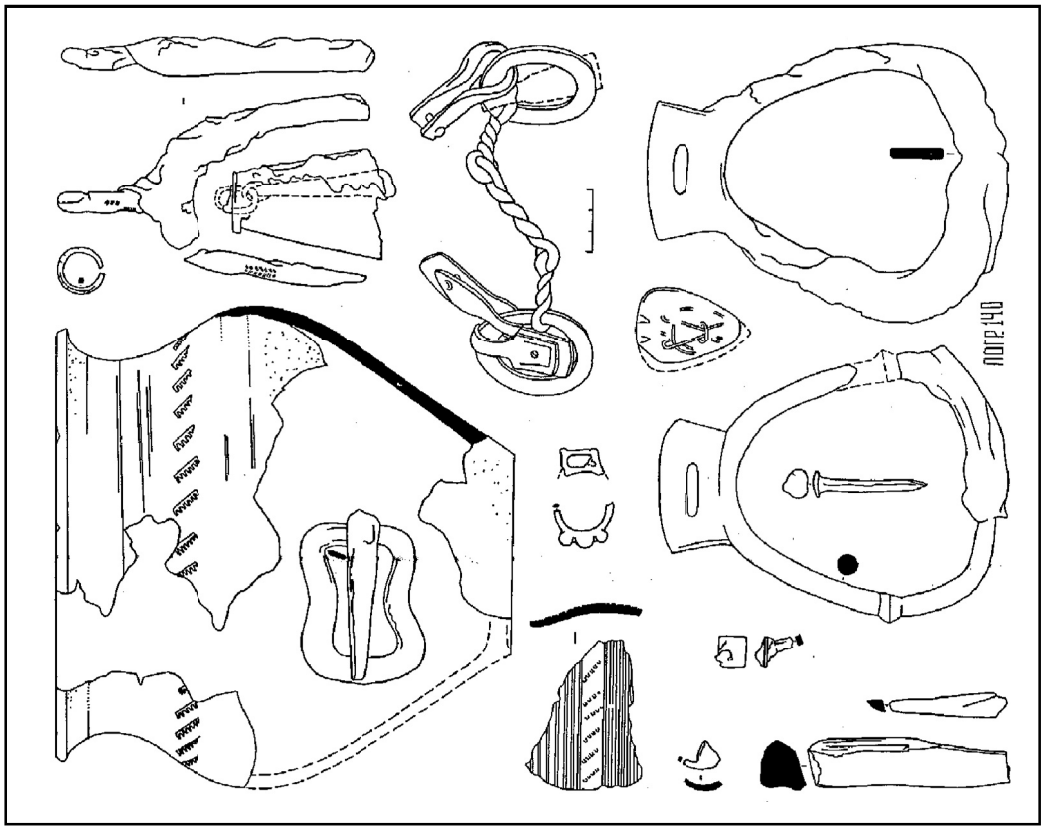

Рис. 57.

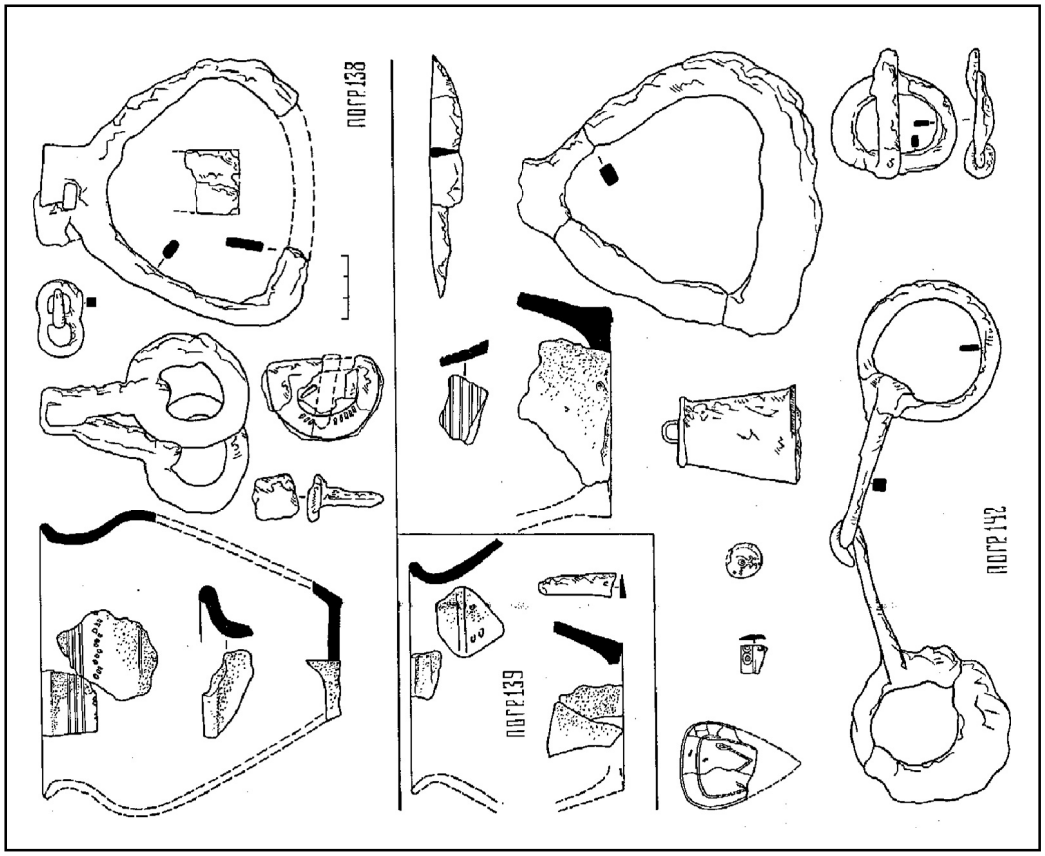

Рис. 56.

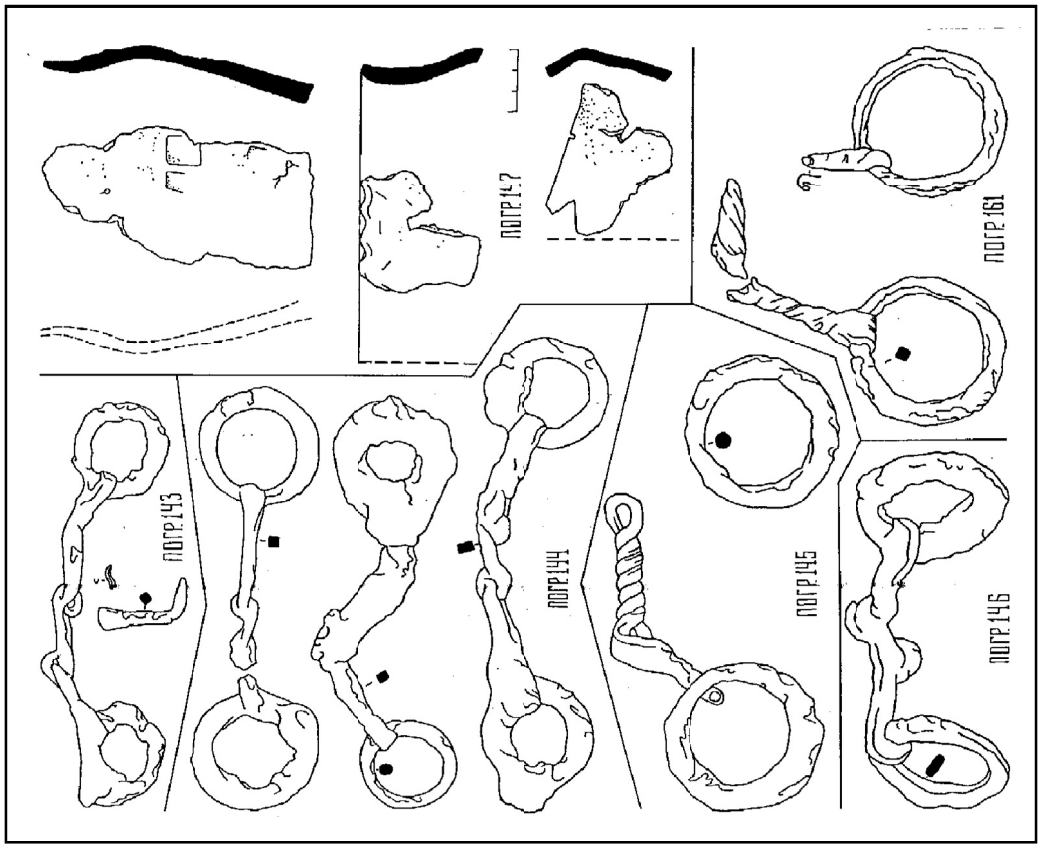

Рис.59.

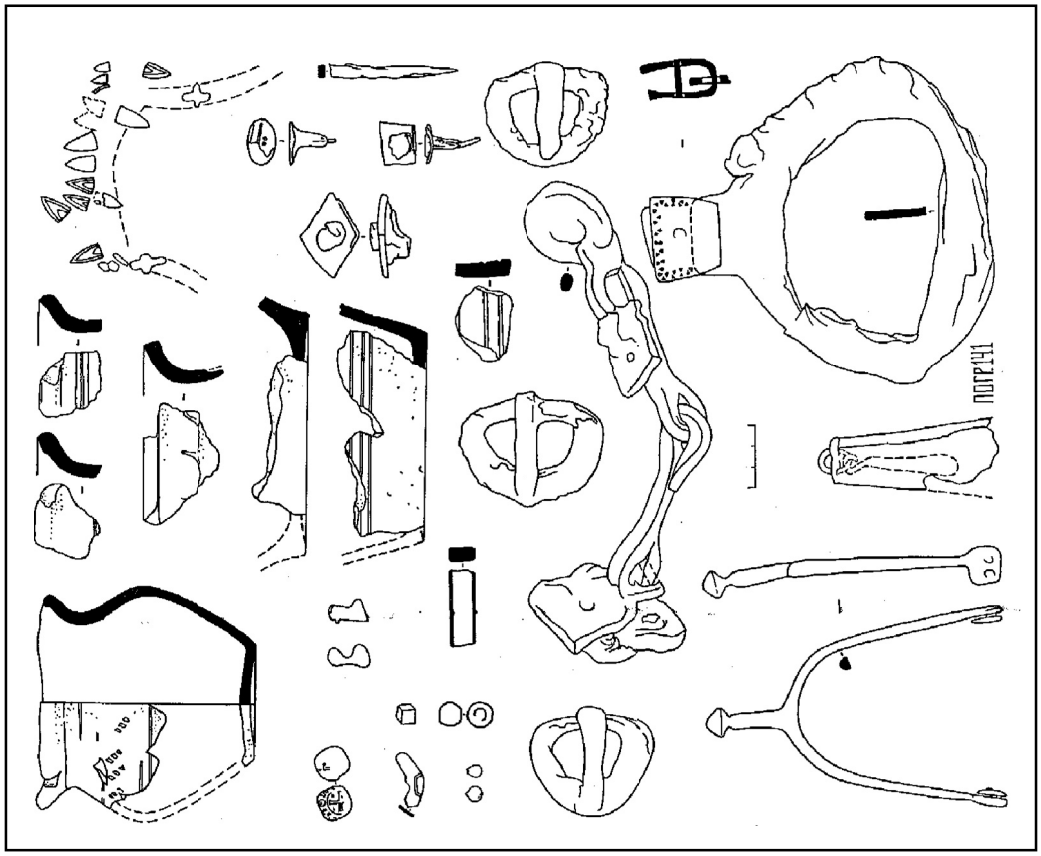
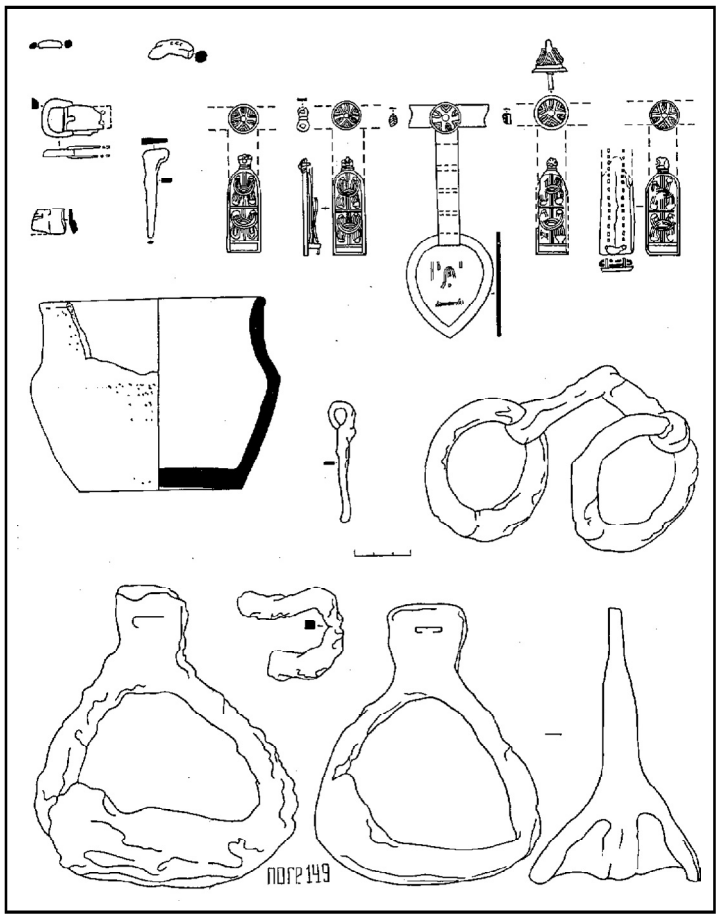

Рис.58.

Рис.60.

1.0, в южном углу могилы – второй череп. Между черепами – пара стремян VII.1, удила 1.0, железная полукруглая пряжка, два ботала, в южной части ямы – два гвоздя и фрагменты круговой керамики (рис. 52). В верхнем ярусе – рассеянные остатки костра. Для их размещения в заполнении нижнего яруса сделано углубление, западный борт которого выложен обожженной глиной, мелкими камнями. В южной части могилы – только отдельные кальцинированные кости, в северной части яруса – фрагменты круговых сосудов и керамической крышки, два гвоздя, два ножа, остатки поясного набора (бронзовые лировидная пряжка, обоймица и кольцо), обломок сложносоставного костяного гребня, кремневое острие, кусок янтаря, рыбий позвонок, фрагмент бронзовой булавки. Все находки обожжены. Верхний ярус на глуб. 0,46 м подстилали остатки сожженных на месте деревянных носилок. Кости в южной части могилы были собраны с носилок после вторичного сожжения. Дата – первая пол. XI в.

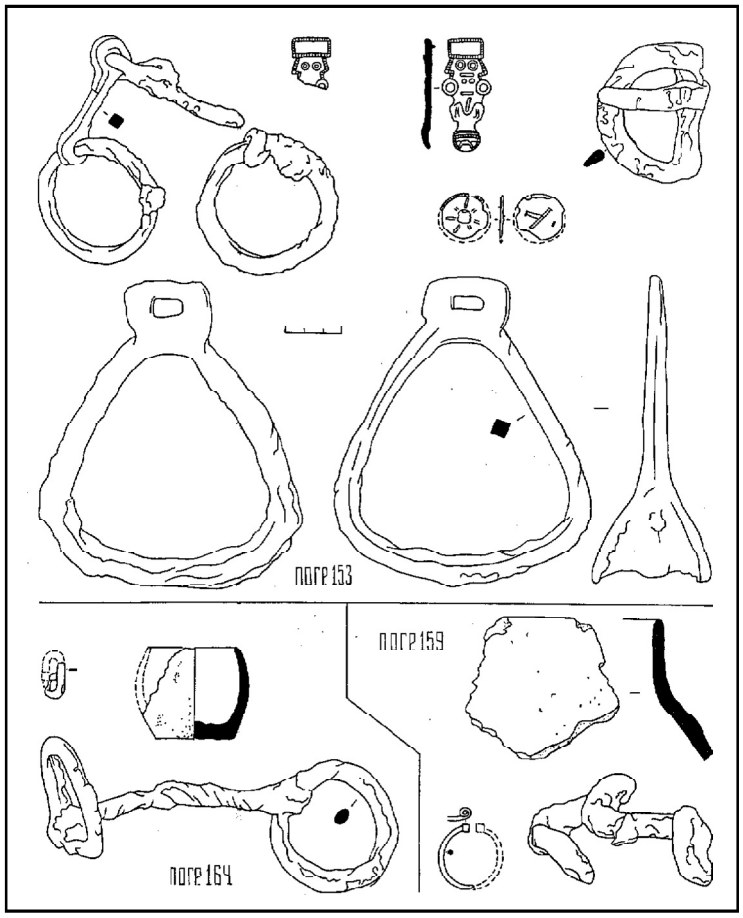
Погр. 133 — в подтреугольной яме разм. 0,81 × 052 м, глуб. 0,10 м, ориентированной по линии запад - восток. Ярусная структура отсутствует. Зольник перекрыт кладкой из мелких камней. Среди рассеянных кальцинированных костей, под камнями – фрагменты круговой керамики, обломки гвоздей и заклепок, железная кубическая гирька, поясной крючок западнославянского типа с бубенчиком, использовавшийся, видимо, как вертикальная застежка одежды (бубенчик служил подвеской к ней) (рис. 52). Дата – первая пол. XI в.

Погр. 134 — за пределами раскопа.

Погр. 135 — в овальной яме разм. 0,90 × 1,10 м, глуб. 0,23 м, ориентированной по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. В нижнем ярусе находки отсутствовали. В верхнем ярусе, в западной части могилы – группа камней и фрагменты двух сосудов 4.0 (временные урны). К юго-востоку – скопление кальцинированных костей, среди них – фрагмент ножа, обломок железной пластины (обожжены). Среди зольника — второй нож, фрагменты керамики (рис. 54). Дата – первая пол. XI в.

Погр. 136 – в прямоугольной яме разм. 1,05 × 1,34 м, глуб. 0,40 м, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток. В нижнем ярусе, в южной части дна – череп коня с оголовьем, украшенным большими накладками и бубенчиками, с северо-запада – ботало и стремя VII.2 (рис. 54). В северной части дна, под слоем органики – второе стремя с пряжкой, ремень с двумя железными пряжками и подвеской из трех ремешков, оканчивающихся парами бубенчиков, в стороне — четыре аналогичных ременных конструкции. К юго-востоку от расположен-

Рис.61.

ных у черепа удил 3.2 шпора с бронзовыми пряжками, острием в борт ямы. В верхнем ярусе, на его юго-западной границе, под камнем — бронзовое блюдо. По всему пространству рассеяны кальцинированные кости, также прикрытые отдельными камнями. Среди них – фрагменты керамики, кусок сланцевого точила, заклепка, кусок янтаря. Дата – вторая четверть XI в.

Погр. 137 — в подтреугольной яме разм. 1,96 × 1,56 м, глуб. 0,50 м, ориентированной по линии запад - восток. В нижнем ярусе, в восточном углу могилы – череп коня, в западной части дна – шпора с тонким оловянисто-цинковым покрытием III со шпорной железной пряжкой, между ней и черепом коня – пара стремян VI и четыре железные пряжки (в основном – полукруглой формы) (рис. 55). В верхнем ярусе, в его центре – скопление остатков костра с несколькими кальцинированными костями и обуглившейся доской (вторичное сожжение?), фрагменты круговой керамики, часть янтарной фишки для игры, железный предмет («молоточек Тора»?), гвозди. С востока и юго-востока к этому скоплению остриями направлены два копья G (одно — согнуто). Дата – вторая четверть XI в.

Погр. 138 — в прямоугольной яме разм. 1,30 × 1,05 м, глуб. 0,42 м, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток. В нижнем ярусе, на слое органики череп коня с удилами 1.0 и остатками оголовья, к западу – шпора со шпорной железной пряжкой, к северу — пара стремян VI с полукруглой железной, инкрустированной серебром пряжкой. По периметру края ямы выложены камнями. В верхнем ярусе — прямоугольное в плане скопления остатков костра разм. 0,70 × 0,40 м, мощ. 0,18 м (остатки носилок?), в его юго – восточной части – группа камней, фрагменты двух круговых сосудов, гвоздь (рис. 56) и мелкие обломки кальцинированных костей. Дата – первая четверть XI в.

Погр. 139 — в прямоугольной яме разм. 1,10 × 0,86 м, глуб. 0,16 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. Находки в нижнем ярусе, перекрытом мелкими камнями, отсутствуют. В верхнем ярусе — округлое скопление остатков костра, ограниченное и перекрытое камнями. Здесь – некомплектные фрагменты сосуда 4.1а, с песком в примеси (для Ирзекапиниса – нехарактерно) и обломок обожженного ножа (рис.56).

Погр. 140 — в овальной яме разм. 1,22 × 1,06 м, глуб. 0,60 м, ориентированной по линии запад - восток. В нижнем ярусе, в центре дна – накрытый камнями череп коня с удилами 2.0 и боталом (рис. 57). К югу и северу – пара стремян VI. В западной и северной частях ямы –

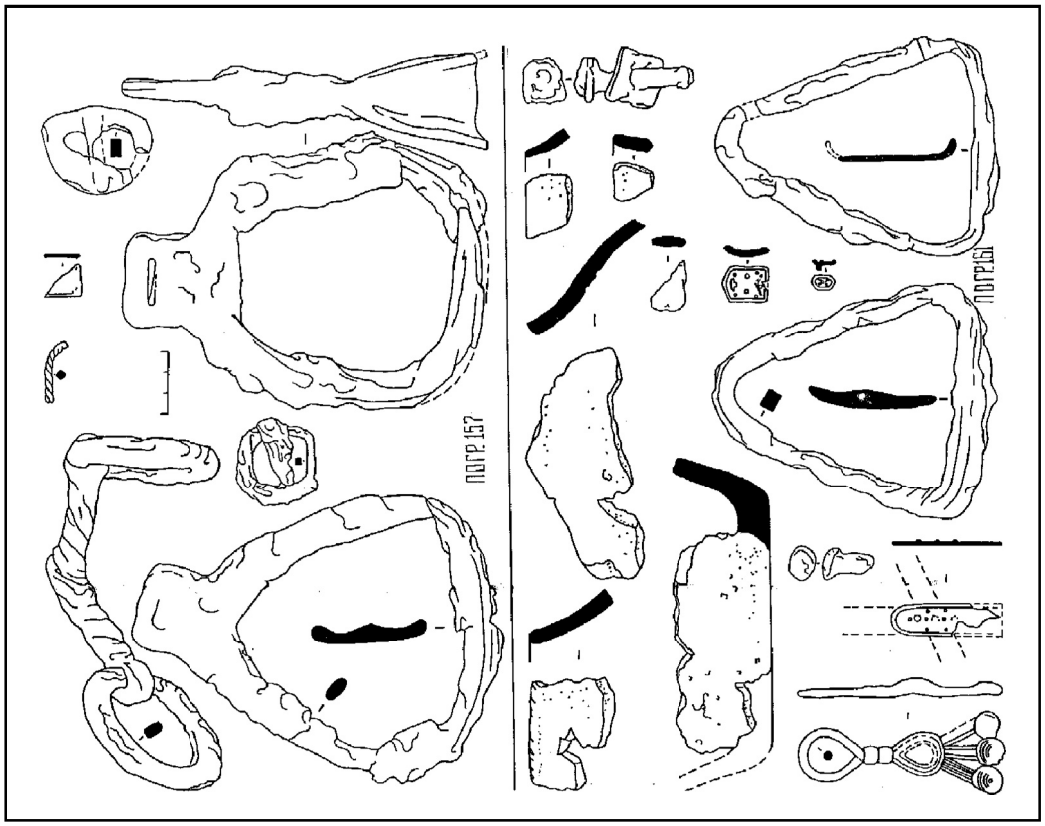

ПОГР.152
ПОГР.151

Рис. 63.

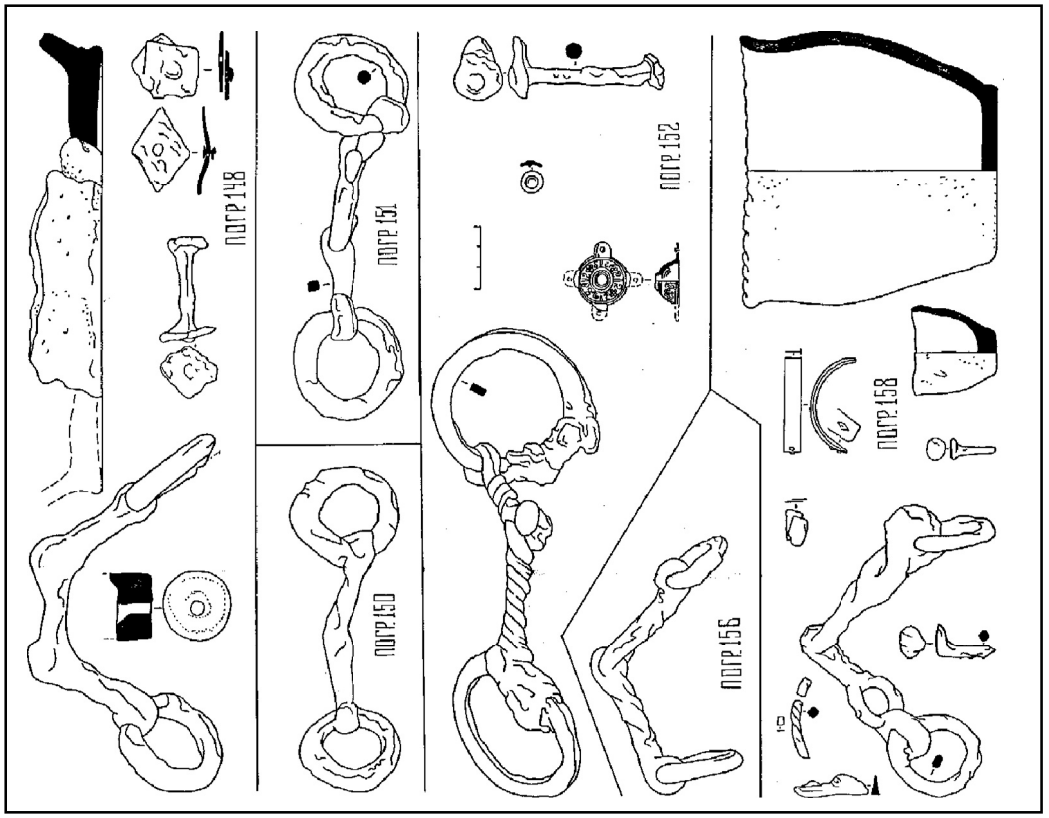

ПОГР.148
ПОГР.150
ПОГР.151
ПОГР.152
ПОГР.156
ПОГР.158

Рис. 62.

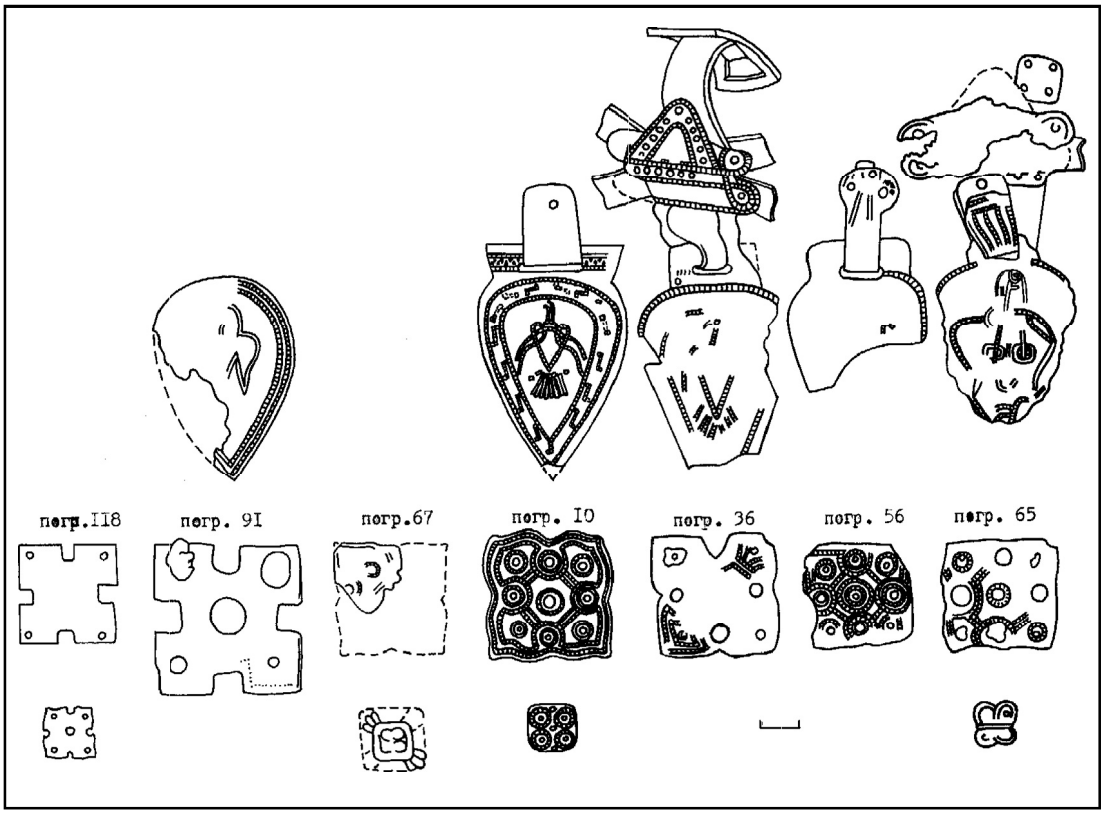

Рис. 64.

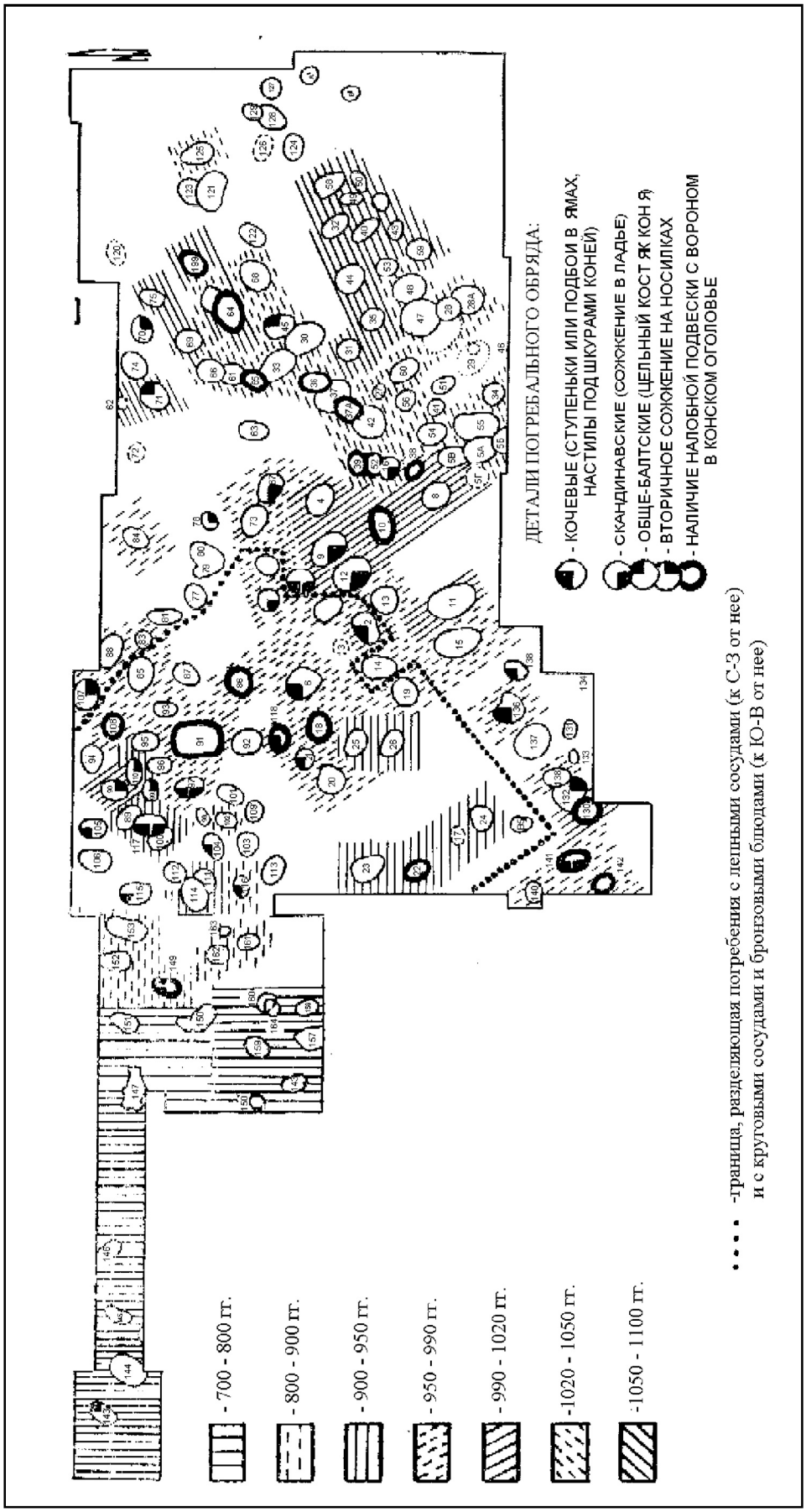
скопления ремней с накладками из серебра. Среди последнего – шпора I, плакированная, как и стремена, серебром. Среди ремней оголовья западного скопления – налобная щитовидная подвеска. В верхнем ярусе, среди рассеянных кальцинированных костей – развал крупного сосуда 4.0 со следами органики изнутри (ритуальная пища?), фрагменты точила, бронзовой пряжки, поясное (?) бронзовое кольцо, железный предмет («молоточек Тора»?), заклепка и гвозди обожженные. Дата – кон. X в.

Погр. 141 — в округлой яме разм. 1,50 × 1,50 м, глуб. 0,58 м. В нижнем ярусе, окруженном камнями, в восточной части дна – череп коня с удилами (псалии — костяные) и оголовьем, снабженным серебряными накладками. Выше черепа – остатки трупосожжения с конструкцией из ткани и кожаных полос, покрытых серебряными полу миндалевидными накладками. Последняя принадлежит женскому головному убору (рис. 58) (Кулаков 1986б: рис. 1). К западу от черепа коня — стремя VI с железной обоймицей. В южной части дна – ремни с серебряными накладками. В северо-западной части дна – аналогичные ремни, стремя и шпора I с оловянисто-цинковым покрытием. В верхнем ярусе — среди зольника – 109 заклепок и гвоздей (остатки сожжения в ладье). В южной части нижнего фаса этого яруса – остатки костра, окруженные по краям заклепками и изогнутыми тонкими досками, оставшимися от анкера – корабельного ведра. В юго-восточной части могилы – скопление кальцинированных костей. К северо – западу от них – сосуд 4.0 (временная урна). В зольнике кроме того фрагменты двух круговых однотипных (4.0) сосудов. Среди костей — серебряная, обрезанная под квадрат монета Оттона III (по определению А. С. Белякова, ГИМ), квадратная железная и боченковидная бронзовая гирьки, обломок орнаментированного бронзового блюда, фрагмент точила, две железные подвески в виде «молоточков Тора». Дата – нач. XI в.

Погр. 142 — в овальной яме разм. 1,40×0,92 м, глуб. 0,8 м, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток. В нижнем ярусе — череп коня с удилами 1.0, к северо-западу – оголовье с серебряными накладками, к западу и востоку — два стремени I.2 (последнее — вертикально). К востоку от черепа – кусок янтаря. В верхнем ярусе, над центром ямы — округлое в плане скопление остатков погребального костра диам. 0,7 м, окруженное камнями. Здесь – развалы двух (?) круговых сосудов (над черепом коня), к юго-востоку – несколько кальцинированных костей и часть ремня с серебряными накладками и щитовидной подвеской (рис. 56). Ниже – нож, фрагмент костяного гребня, гвоздь. Дата – вторая пол. X в.

Погр. 143 — в овальной яме разм. 1,32 × 0,67 м, глуб. 0,35 м, ориентированной по линии севе-

Рис. 65.

ДЕТАЛИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА:
- КОЧЕВЫЕ (СТУПЕНЬКИ ИЛИ ПОДБОИ В ЯМАХ, НАСТИЛЫ ПОД ШКУРАМИ КОНЕЙ)
- СКАНДИНАВСКИЕ (СОЖЖЕНИЕ В ЛАДЬЕ)
- ОБЩЕ-БАЛТСКИЕ (ЦЕЛЬНЫЙ КОСТЯК КОНЯ)
- ВТОРИЧНОЕ СОЖЖЕНИЕ НА НОСИЛКАХ
- НАЛИЧИЕ НАЛОБНОЙ ПОДВЕСКИ С ВОРОНОМ В КОНСКОМ ОГОЛОВЬЕ
- -граница, разделяющая погребения с лепными сосудами (к С-З от нее) и с круговыми сосудами и бронзовыми блюдами (к Ю-В от нее)
- 700 - 800 гг.
- 800 - 900 гг.
- 900 - 950 гг.
- 950 - 990 гг.
- 990 - 1020 гг.
-1020 - 1050 гг.
-1050 - 1100 гг.

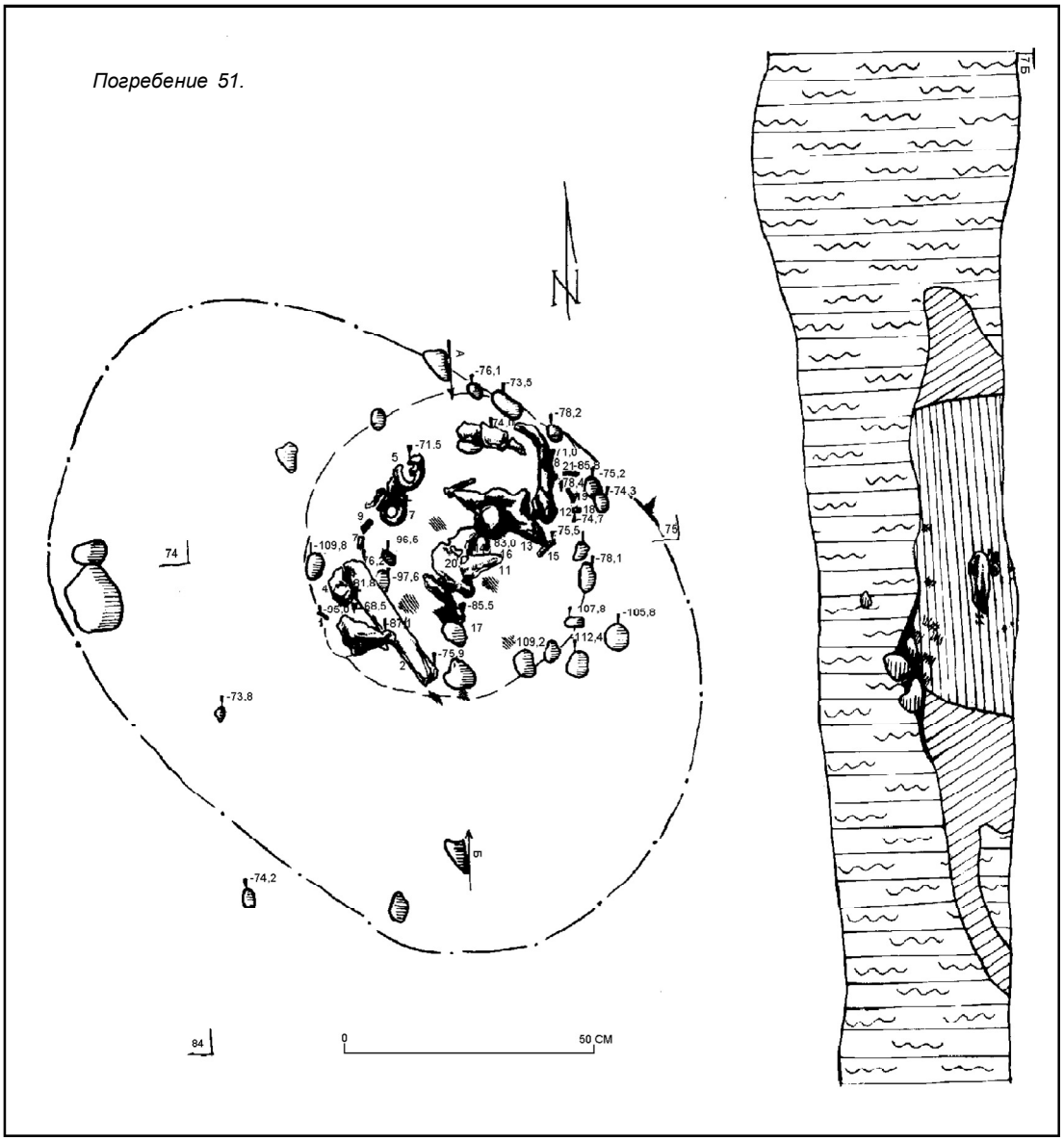

Рис. 66.

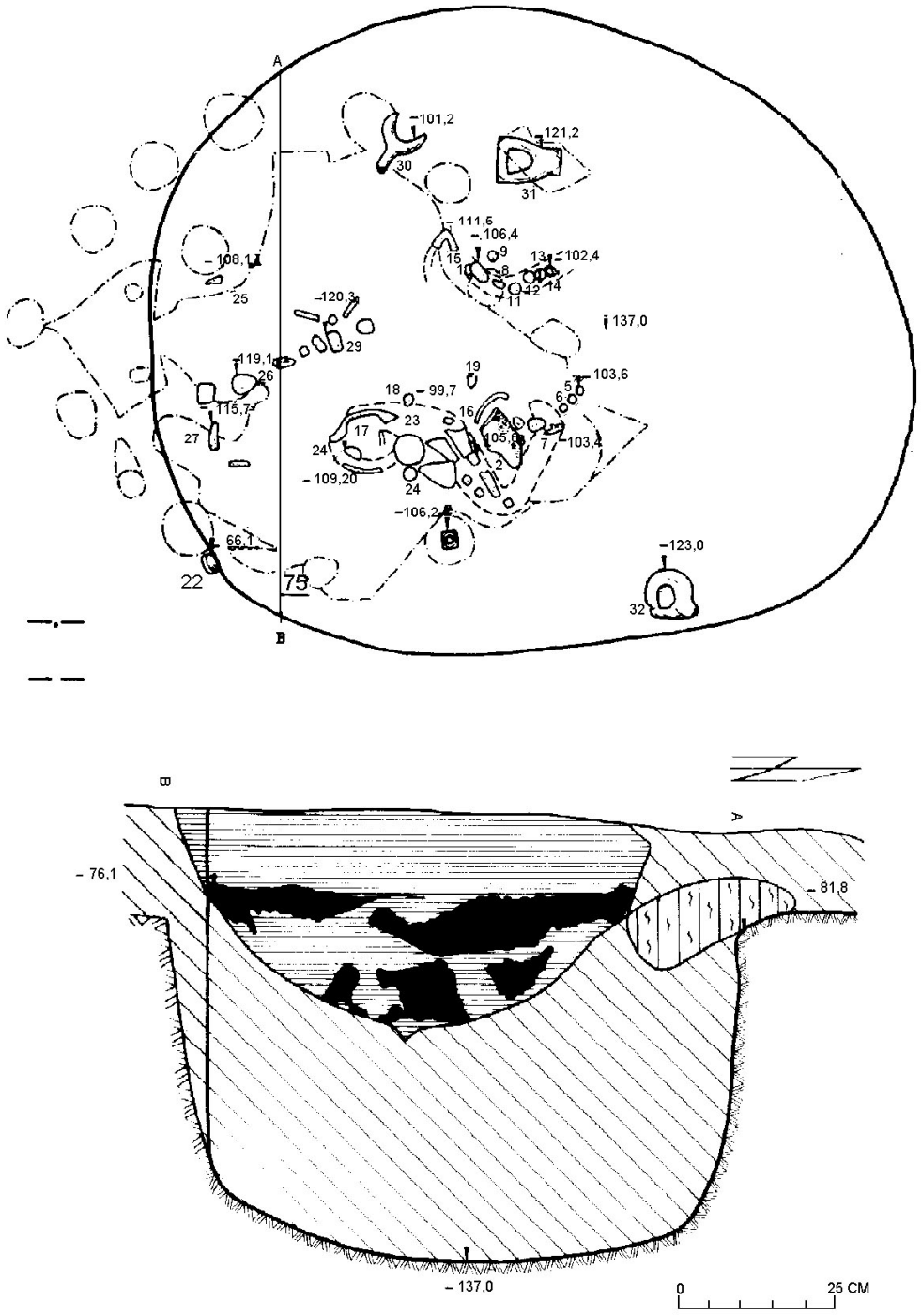
ро-восток – юго-запад. В нижнем ярусе – передняя часть костяка коня с черепом, ориентированным на юго-запад, в зубах – удила 2.0 (рис. 59). В верхнем ярусе, перекрытом кольцевидными в плане каменными кольцами – крепежом оснований столбов пересекшего здесь территорию могильника частокола – округлое в плане скопление остатков погребального костра диам. около 0,5 м с гвоздем, отдельными фрагментами лепной керамики и бронзовым острием пряжки.

Погр. 144 — в трапециевидной яме разм. 1,60 × 1,20 м, глуб. 0,48 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. В нижнем ярусе, в северной части дна, перекрытом слоем органики, обнаружены западный, южный и восточный черепа коней, каждый с удилами 2.0 (рис. 59). В верхнем ярусе, перекрытом мелкими камнями – два скопления кальцинированных костей с мелкими фрагментами лепной керамики.

Погр. 145 — в овальной яме разм. 1,25×0,74 м, глуб. 0,32 м, ориентированной по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. В нижнем ярусе, в южной части дна – череп коня с удилами 2.0 (рис. 59), перекрытый слоем органики. В верхнем ярусе — два обломка кальцинированных костей.

Погр. 146 — в яме овальной формы разм. 1,72 × 0,51 м, глуб. 0,26 м, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток. В нижнем ярусе, в северной части дна – череп коня с удилами 2.0 (рис. 59). В верхнем ярусе, в слабом зольнике, перекрытом крупными валунами – фрагмент кальцинированной черепной крышки человека и обломок лепного сосуда.

Погр. 147 — в прямоугольной яме разм. 1,10 × 0,90 м, глуб. 0,45 м, к которой примыка-

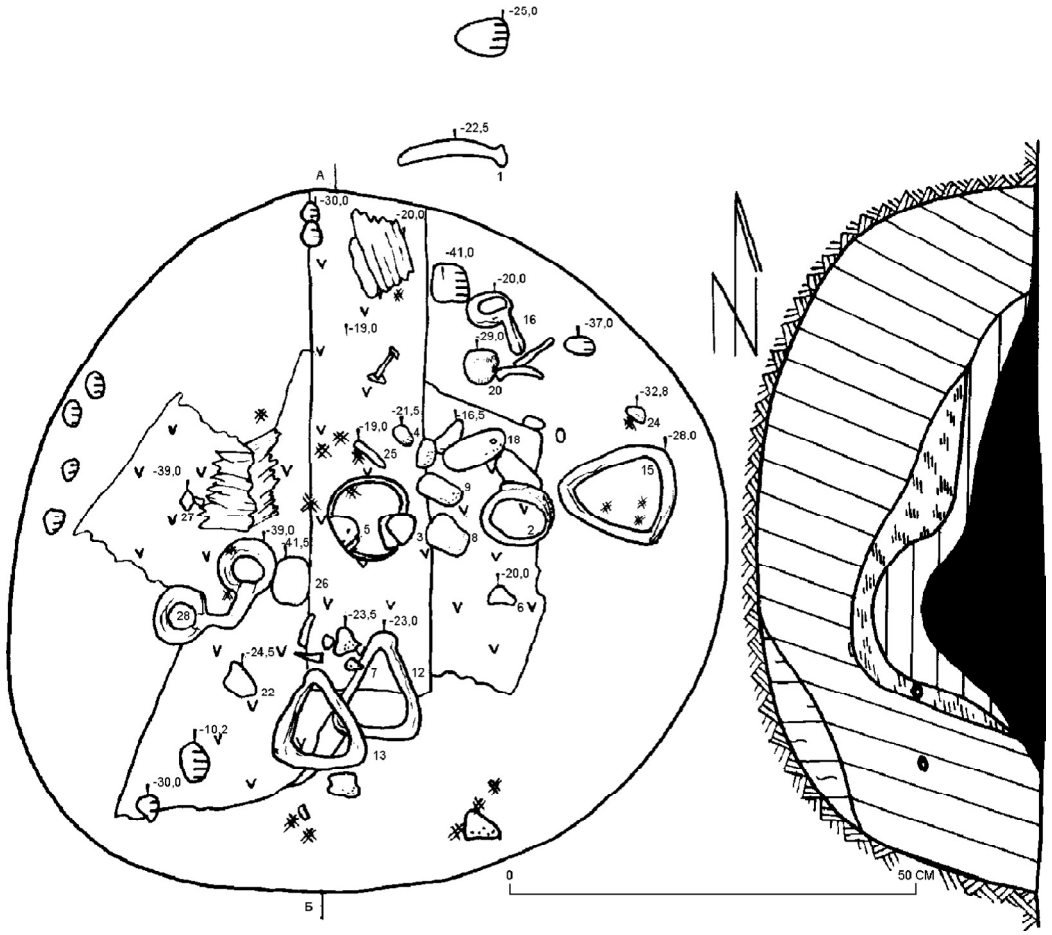
Погребение 82. Нижний ярус.

— • — • — контур деревянной конструкции верхнего яруса

— — — — контуры ременных и войлочных деталей конского оголовья

Находки: 1 — фрагмент керамики; 2 — фрагмент керамики; 3 — фрагмент керамики; 4 — кусок янтаря каленого; 5 — накладки сер.; 6 — накладки сер.; 7 — накладки сер.; 8 — накладки сер.; 9 — бубенчик сер.; 10 — накладки сер.; 11 — накладки сер.; 12 — накладки сер.; 13 — бубенчик; 14 — бубенчик; 15 — накладки сер.; 16 — накладки сер. (двусторонняя, окончание ремня) 17 — бубенчик; 18 — предмет бр. с сер. плакировкой; 19 — бубенчик; 20 — накладка сер.; 21 — бубенчик; 22 — фрагмент керамики; 23 — накладка сер.; 24 — накладка сер.; 25 — накладка сер.; 26 — накладка сер.; 27 — накладка сер.; 28 — накладка сер.; 29 — бубенчик; 30 — шпора; 31 — стремя; 32 — стремя.

Рис. 67.

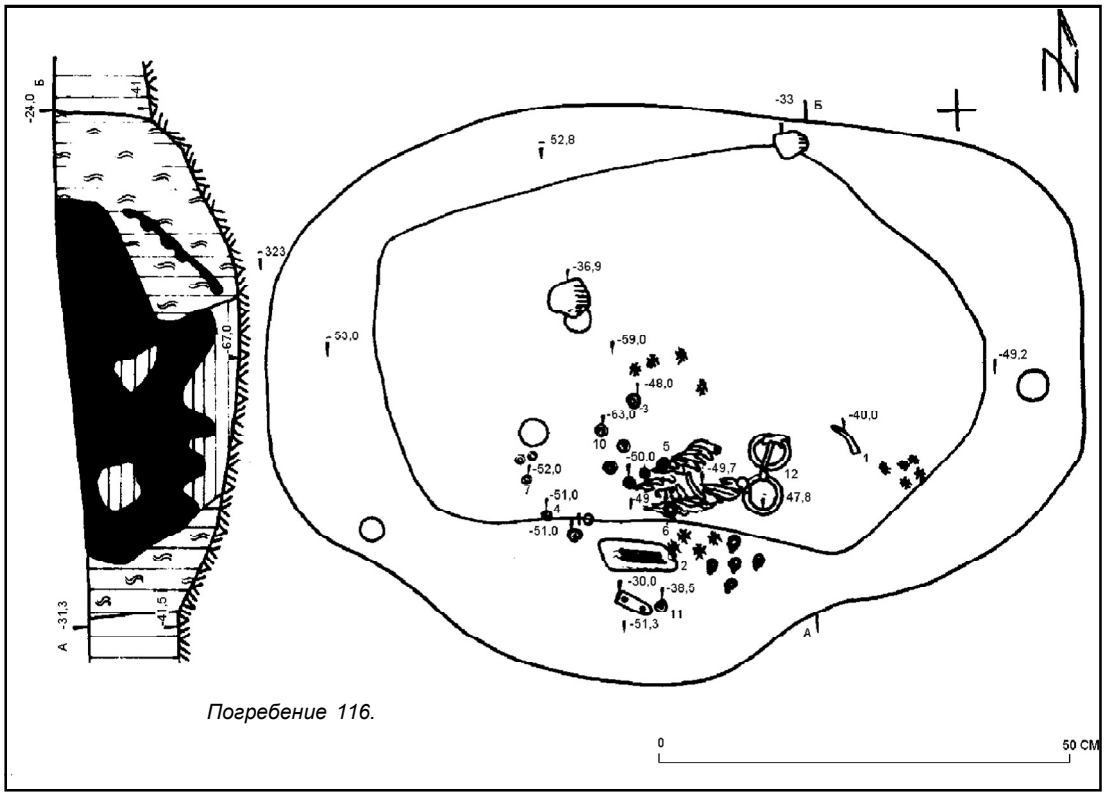
Погребение 110.

Находки: 1 — стремя (обожж., слом древний); 2 — сосуд; 3 — фрагмент керамики; 4 — фрагмент керамики; 5 — фрагмент керамики; 6 — фрагмент керамики; 7 — фрагмент керамики; 8 — фрагмент керамики; 9 — фрагмент керамики; 10 — сосуд; 11 — фрагмент керамики; 12 — стремя (обожж., пара с 110-1); 13 — стремя; 14 — фрагмент керамики; 15 — стремя (пара с 110-13); 16 — удила (слом древний, с прикипевшим углем); 17 — заклепка; 18 — оселок сланцевый (обожж.?); 19 — фрагмент керамики; 20 — пряжка жел.; 21 — фрагмент керамики; 22 — фрагмент керамики; 23 — кости кальцинированные; 24 — кости кальцинированные; 25 — кости кальцинированные; 26 — пряжка жел. обожж.; 27 — заклепка; 28 — удила.

Рис. 68.

ло углубление разм. 0,8 × 0,5 м, глуб. 0,21 м, по оси ориентированной по линии запад - восток. Ярусная структура отсутствовала. По четырем углам могилы – ямки от кольев глуб. около 0,20 м. В центре могилы – подквадратное углубление разм. 0,30 × 0,30 м, глуб. 0,10 м, перекрытое каменной кладкой. В этом углублении — скопление кальцинированных костей индивида 6 - 16 лет (определение антрополога Г. П. Романовой, ИА АН СССР). Кости подстилались и перекрывались обломками сосуда 1.0 с оттисками штампа (рис. 59). Среди камней над костями — обломки сосудов 1.0 и 2.0. Выше находились обломки обработанного валуна, лицевая часть которого с изображением трезубца, имевшего культовое значение (Кулаков 1987б: 120, рис. 3), в древности стояла вертикально. Изображение трезубца было направлено на северо-запад. Эта часть валуна в основании подпиралась другими его обломками. По своим очертаниям котлован погр. 147 напоминает жилища пруссов раннего средневековья (Гуревич 1960: рис.39). По керамическому материалу погр. 147 датируется VIII в.

Погр. 148 — в под прямоугольной яме разм. 1,40 × 0,95 м, глуб. 0,43 м, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток. В нижнем ярусе, в северо-западной части дна — череп коня с удилами 2.0, перекрытый слоем органики (рис. 62). Вблизи от черепа на дне ямы — две ямки от кольев диам. 0,1 м и глуб. 0,20 м для растяжки шкуры коня. В верхнем ярусе — скопление остатков погребального костра, в его южной части рассеяны кальцинированные кос-

Погребение 116.

Рис. 69.

ти. Здесь обнаружены шесть заклепок, фрагмент дна сосуда 2.0, железная обоймица, часть глиняного пряслица (рис. 62).

Погр. 149 — в овальной яме разм. 1,20 × 0,90 м, глуб. 0,49 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. В нижнем ярусе, в южной части дна – череп коня с удилами 1.0, к востоку – железный стержень — навершие нагайки (рис. 60). По сторонам черепа – остатки ременного недоуздка, соединяющиеся пряжкой из бронзы за затылком черепа. У западного края могилы – пара стремян, характерных для поволжских древностей начала IX в. (Геннинг, Халиков 1964: табл. IX, 10) . В верхнем ярусе, подстилавшемся мелкими камнями – сосуд 2.0 с элементами 1.0 (выделенное ребро) с одной кальцинированной костью. К северу от сосуда – железный «костыль», часть костяного гребня (?), два обломка бронзового дрота (гривны?). Здесь же, на ступеньке длиной 0,22 м – комплекс ремней с бронзовыми наконечниками. Центральный горизонтальный ремень украшали мелкие поперечные серебряные накладки. В центре всей ременной конструкции крепилась щитовидная серебряная подвеска. На вертикальных ремнях находились, кроме наконечников, бронзовые заклепки. Рядом с ремнями найдена железная 8-видная пряжка, ниже ремней – несожженные кости коня (?). Форма заклепок и наконечников ремней из данного комплекса имеет аналогии в кочевых древностях Южного Урала и Венгрии VIII - нач. IX вв. (Мажитов 1981: рис. 3, 2; Fettich 1937: tabl. C, 1, 2). Дата – кон. VIII - нач. IX вв.

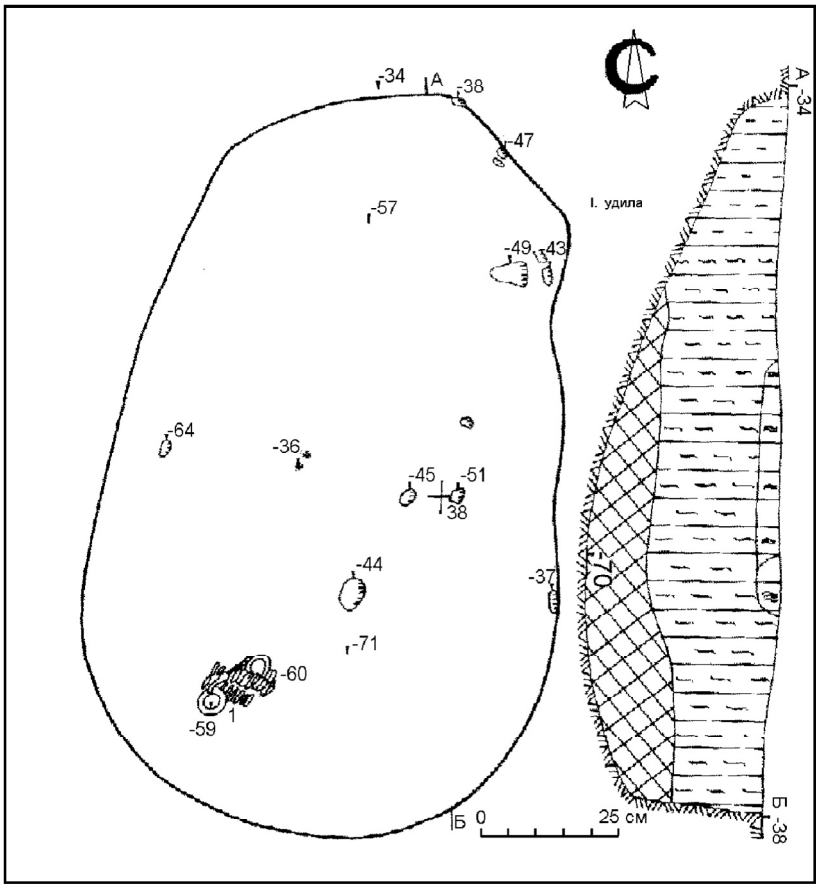
Погр. 150 – в прямоугольной яме разм. 0,90 × 0,80 м, глуб. 0,45 м, ориентированной по линии запад - восток. В нижнем ярусе, в юго-западной части дна – череп коня с удилами 1.0 (рис. 62). К востоку от черепа – несколько камней, далее – ступенька в борту ямы, по краям которой – две ямки от кольев диам. 0,10 м и глуб. 6 и 16 см. В верхнем ярусе – скопление остатков погребального костра без находок.

Погр. 151 – в овальной яме разм. 1,20 × 0,65 м, глуб. 0,15 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. В нижнем ярусе, в юго-восточной части дна – череп коня с удилами 2.0 (рис. 62). В верхнем ярусе, в северной части могилы – скопление кальцинированных костей, с юго-запада ограниченное камнями. Находки отсутствуют.

Погр. 152 — в овальной яме разм. 1,35 × 0,82 м, глуб. 0,20 м, ориентированной по линии север - юг. В нижнем ярусе, в юго-восточной части дна – череп коня с удилами 1.2. К западу от черепа – остатки ремней оголовья с серебряными прямоугольными накладками. Ремни обнаружены также к северу и к востоку от черепа. В последнем скоплении находился бронзовый, плакированный золотом четверик (рис. 62). В верхнем ярусе – два гвоздя. Дата – VIII-IX вв.

Погр. 153 – в подпрямоугольной яме разм. 2,05 × 0,9 м, глуб. 0,34 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. В нижнем

Погребение 145.

ярусе, у восточного борта ямы – разрушенный при сооружении верхнего яруса череп коня с разбитыми удилами 2.0 (рис. 61). Оголовье, также переотложенное, частично сохранилось в северной части ямы и представлено круглыми накладками из серебра, внутренняя часть которых была залита свинцом (оловом?) и двумя серебряными наконечниками ремней. У восточного борта могилы находились почти вертикально два стремени (между I.3 и IV). Верхний ярус, особенно его южная часть, заложены камнями, в северной части каменное заполнение потревожено, видимо, при создании углубления для остатков погребального костра. В нем обнаружен фрагмент лепного сосуда. Дата – нач. VIII в.

Погр. 154 – вне раскопа.

Погр. 155 – вне раскопа.

Погр. 156 – в яме овальной формы разм. 0,55 × 0,47 м, глуб. 0,45 м, ориентированной по линии запад - восток. В нижнем ярусе — перекрытый слоем органики череп коня с удилами 1.0 (рис. 62). В верхнем ярусе – безынвентарное скопление остатков погребального костра.

Погр. 157 – в овальной яме разм. 1,4 × 0,9 м, глуб. 0,76 м, ориентированной по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. В нижнем ярусе, в северо-западной части дна – череп коня с удилами 1.2, пара стремян IV, железные прямоугольная и полукруглая пряжки (рис. 63). В северной части дна – три заполненные углем ямки от кольев диам. 0,1 м, глуб. до 0,05 м. В верхнем ярусе, в зольнике – кальцинированные кости человека и животных (по определению остеолога В.П. Данильченко, ИА АН СССР), рядом с обломком черепной кости – фрагмент бронзовой тордированной гривны. Кроме того, здесь найдены фрагменты лепной керамики (некоторые – с дополнительным обжигом изнутри), железная накладка, кусок янтаря. Дата – рубеж VIII-IX вв.

Погр. 158 – в прямоугольной яме разм. 1,10 × 0,72 м, глуб. 0,5 м, ориентированной по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. В нижнем ярусе, на камне – череп коня с удилами (костяные псалии не сохранились). В юго-восточном углу ямы – бронзовая оковка ритона (рис.62). В верхнем ярусе – остатки погребального костра, ограниченные по периметру камнями. В северо-западной части этого скопления – лежащие на боку два сосуда 2.0 (временные урны), рядом – высыпанные из них кальцинированные кости (среди них – кости животных). Здесь же – фрагмент ножа, обломок тордированной бронзовой гривны, гвоздь, фрагмент вторично обожженного толстостенного лепного сосуда. Остальные находки также носят следы огня. По аналогии с конским погр. III (1/70) могильника Тумяны-Рыбачувка (Ольштынское воев. Польша), где обнаружены такие же тордированная гривна и удила, имевшие в древности костяные псалии (Dąbrowski

1970: 646-650), погр. 158 датируется первой пол. VIII в.

Погр. 159 – в яме овальной формы разм. 1,05 × 0,65 м, глуб. 0,23 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. В нижнем ярусе, вдоль западного борта – череп коня с удилами 2.0 (рис. 61). В верхнем ярусе – скопление остатков погребального костра, в своей западной части содержавшее несколько кальцинированных костей. Здесь найдены фрагменты сосуда 2.0, развалы еще двух сосудов и обломок бронзовой обожженной подковообразной фибулы, датируемой по аналогичной находке в погр. 17 могильника Вулька Прушиновска (Мазурское Поозерье, Польша) (Engel 1939: abb. 1, f-h) нач. VIII в. Это и является датой погр. 159.

Погр. 160 – в овальной яме разм. 1,0 × 0,75 м, глуб. 0,16 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. Могила полностью уничтожена при сооружении позднейшего погр. 164.

Погр. 161 — в овальной яме разм. 1,20 × 0,86 м, глуб. 0,5 м, ориентированной по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. В нижнем ярусе, в северной части дна – перекрытый мощным пластом органики череп коня с удилами 2.0 (рис. 59) и серебряной налобной подвеской. В центре дна – остатки многочисленных ремней с серебряными накладками различных форм (рис. 63). В юго-западной части дна – ремни, скрученные жгутом так, что накладки были поломаны. У черепа коня прослежены части войлочного мешка (?). В верхнем ярусе, с севера перекрытом мощным валуном – значительное скопление остатков погребального костра, в котором встречены остатки разбитых перед сожжением костей на стороне не менее пяти сосудов 1.0. Здесь же – ладейная заклепка (самая ранняя на могильнике), гвоздь, железный предмет (накладка?) (рис. 63). По аналогии с удилами из погр. XIII (3/71) могильника Тумяны-Рыбачувка (Baranowski, Dąbrowski, Zajączkowski 1972: 225) и подвесками из могильника «Атамановы кости» (Верхнее Поволжье) (Спицын 1941: 65, табл. V.2) погр. 161 датируется первой пол. VIII в.

Погр. 162 – в овальной яме разм. 0,72 × 0,87 м, глуб. 0,32 м, ориентированной по линии север - юг. В нижнем ярусе, перекрытом отдельными камнями – разрозненные кости черепа коня, к востоку от них – часть ремня с прямоугольными серебряными накладками. В верхнем ярусе, в слое остатков погребального костра – редкие кальцинированные кости и фрагмент повторно обожженной лепной керамики.

Погр. 163 — в овальной яме разм. 0,61 × 0,43 м, глуб. 0,07 м, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток. Ярусная структура отсутствует. Отмечены остатки сожженных на месте деревянных плах, среди которых рассеяны мелкие обломки кальцинированных костей. Иные находки отсутствуют.

Погр. 164 — в овальной яме разм. 1,0 × 0,75 м, глуб. 0,16 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. В нижнем ярусе, в центре дна – череп коня с удилами 2.0 (рис. 61), частично перекрытый камнями. В верхнем ярусе – рассеянные в зольнике кальцинированные кости, частично сгруппированные под сфероидным сосудом (временной урной). Рядом находилась железная поясная пряжка. Дата – первая пол. VIII в.

Хронология могильника Ирзекапинис

Для представленных в каталоге комплексов предварительно можно обозначить временные показатели, основанные на традиционной датировке отдельных предметов. В хронологической последовательности их список для могил Ирзекапиниса будет выглядеть следующим образом:

Круглые серебряные накладки со свинцовым заполнением внутренней поверхности – 700-725 гг. (абсолютные даты даются с долей условности) (Gräberfeld bei Sommerein... 1963-1967,1970).

Тордированные бронзовые гривны – до 725 г.

Подковообразные бронзовые и железные фибулы с тонкой дужкой, закрученной на концах – до 725 г.

Стремена типа I (8-образные) – в основном – 700-800 гг.

Стремена типа IV с широкой ступенькой – до 825 г.

Стремена раннемадьярского типа – 875-900 гг.

Железные накладки и четверики конского оголовья – 950-1000 гг.

Накладки бронзовые в виде головы животного – 975-1000 гг. (Gräslund 1984: 148-153).

Шпоры подтипа I.I – 975-1025 гг.

Сосуды типа 4 – 990-1100 гг.

Копья типа G – 1000-1050 гг.

Ажурные накладки конского оголовья с 4-мя головками животных – 1000-1025 гг.

Сосуды подтипа 4.1а – 1000-1100 гг.

Полусферические бронзовые скорлупообразные заклепки на ремнях конского оголовья – с XI в. (Volkaite-Kulikauskiene 1971: 20).

Медвежьи клыки-подвески – с 1090 г.

Кроме того, возможности для дробной хронологии комплексов могильника Ирзекапинис (в рамках дат, представленных выше) предоставляют планиграфическое наложение ям разновременных погребений, развитие в рамках общих типов отдельных артефактов погребального инвентаря (пример – «большие» и «малые» бронзовые, плакированные серебром накладки конского снаряжения и налобные щитовидные подвески, развивающиеся по линии деградации архетипа) (рис. 64).

ЛИТЕРАТУРА

Геннинг В.Ф., Халиков А.Х. 1964. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). Москва.
Городцов В.А. 1926. Древнее стремя Государственного Исторического Музея // Труды ГИМ, вып. 1.
Гуревич Ф.Д. 1960. Из истории юго-восточной Прибалтики в I тыс. н. э. // Материалы и исследования по археологии СССР. Москва. Вып. 76.
Гуревич Ф.Д. 1967. Норманский могильник у дер. Вишнево // Скандинавский сборник. VI. Таллин.
Давидан О.И. 1962. Гребни Старой Ладоги // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Ленинград. Вып. 4.
Кирпичников А.Н. 1966. Древнерусское оружие. — Москва - Ленинград. — (САИ: Е I - 36, вып. 1).
Кирпичников А.Н. 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. — Ленинград. — (САИ: Е I - 36).
Кулаков В.И. 1980а. Ритуальный комплекс в могильнике у Клинцовки // КСИА, № 160.
Кулаков В.И. 1980б. Результаты раскопок грунтового могильника у поселка Клинцовки в 1977 году // Acta Baltico-Slavica, т. XIII.
Кулаков В.И. 1982. Древности пруссов VI-XIII вв. (по данным погребальных памятников). АКД. Москва.
Кулаков В.И. 1985. Памятники археологии древней Самбии // Археологические памятники Европейской части РСФСР. Москва.
Кулаков В.И. 1986а. Степные реминисценции у раннесредневековых сембов // Волжская Булгария и Русь. Казань.
Кулаков В.И. 1986б. Работы в Калининградской обл. // АО 1984 г. Москва.
Кулаков В.И. 1987а. Ирзекапинис. Погребальный обряд // Конференция «Религиозные представления в первобытном обществе». Тезисы докладов. Москва.
Кулаков В.И. 1987б. Пруссы и восточные славяне // Труды пятого международного конгресса славянской археологии. Москва. III, вып. 1а.
Кулаков В.И. 1988а. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX-XI вв. // СА.
Кулаков В.И. 1988б. Дружинные элементы в могильниках пруссов VII - начала XI вв. // Археологические памятники Европейской части РСФСР. Москва.
Кулаков В.И., Толмачева М.М. 1987. Технология изготовления копий пруссов (по данным могильника Ирзекапинис) // КСИА, №190.
Левашева В.П. 1968. Венчики женского головного убора из курганов X-XII вв. // Славяне и Русь. Москва.
Мажитов Н.А. 1981. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. Москва.
Пашуто В.Т. 1955. Помезания. «Помезанская правда» как исторический источник изучения общественного и политического строя Помезании XIII-XIV вв. Москва.
Равдоникас В.И. 1945. Старая Ладога. Ленинград.
Седова М.В. 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода. Москва.
Сергеева З.М. 1977. О подковообразных фибулах с утолщенными концами на территории Древней Руси // КСИА, вып. 150.
Сизов В.И. 1902. Курганы Смоленской губернии // Материалы по археологии России. СПб. Вып. 1.
Спицын А.А. 1941. Древности бассейнов рек Оки и Камы // Древности мордовского народа. Саранск.
Янин В.Л. 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья (домонгольский период). Москва.
Antanavicius J. 1976. Balno kilpos Lietuvoje X-XIV a. // Труды Академии наук ЛитССР, серия А, т. 1 (54).
Anteins A. 1976. Melnais metals Latvija. Riga.
Arbman H. 1941. Birka. Die Gräber. Stockholm. Bd. I, II.
Arne T.1934. Das Bootsgräberfeld von Tuna in Alsike, Uppland. Stockholm.
Baranowski T., Dąbrowski K., Zajączkowski W. 1972. Badania wykopaliskowe w Tumianach, pow. Olsztynski w 1971 r. // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1 (115).
Bôna I. 1979. A szegvar-sapoldali lovasar. Adatok a korai avar temetkezesi szokásokhoz // Különlenyomat az archaeologiai ertesito 160, evi 1. Budapest.
Dąbrowski K. 1970. Badania wykopaliskowe w Tumianach, pow. Olsztynski w 1970 r. // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 110.
Engel C. 1939. Das Jungste heidnische Zeitalter in Masuren // Prussia. Bd. 33, h. 1-2.
Fettich N. 1937. A hónfoglalo Magyarsag fémmüvessége // Archaeologica Hungarica. XXI. Budapest.
Gaerte W. 1931. Wittwenverbrennung in vorordentlichen Ostpreußen // Prussia. Bd. 29.
Gräberfeld bei Sommerein (Österreich), Grabungen Lippert J. 1963-1967, 1970. Gr. 107 (опись автора раскопок, не опубликовано).
Gräslund A.-S. 1984. Beutel und Taschen // Birka II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm.
Gudavičius E. 1980. Žymenis ir ženklai Lietuvoje XII-XX a. Vilnius.
Hajdu P., Kristo G., Róna-Tas A. 1977. Bevezetes a magyar östörtenet kutatásának forrásaiba. II. LXXX. Budapest.
Hartknoch K.J. 1576. Selectae dissertationes de variibus rebus Prussicus, Regiomontis.
Herrmann J. 1970. Die Slawen in Deutshland. Berlin.
Herrmann J. 1976. Zwischen Hradschin und Vineta.
Heym W. 1938. Das Gräberfeld Zohpen. Diss. // Biblioteka Muzeum archeologicznego w Poznaniu. № 9177.
Hoffman J. 1941. Die spätheidnische Kultur des Memellandes. Königsberg. Leipzig-Berlin.
Kleemann O. 1939. Die vorgeschichtliche Funde bei Cranz und die Siedlung bei Wiskiauten // Prussia. Bd. 33. H. 1-2.
Kleemann O. 1956. Samländische Funde und die Frage der ältesten Steigbügel in Europa // Documenta archaeologica. W. La Baume dedicata. Bonn.
Kunciene O. 1972. Prekibiniai rysai IX-XIII a. // Lietuvos gyventou prekibiniai rysai I-XIII a. Vilnius.
La Baume W. 1944. Altpreußische Zaumzeug // Altpteußen. H. 1-2.
La Baume W., Wilczek J. 1941. Die mittelaterliche Silberwaage aus Ostpreußen // Altpreußen. 5. Jahrg. H. 4.
Lietuviu liaudies menas. 1966. — Vilnius. — T. II.
Mugurevics E. 1977. Olinkalna un Lokstenes pilnovadi. LIV. Riga.
Mühlen B. 1976. Die Kultur der Wikinger in Ostpreußen // Bonner Hefte zur Vorgeschichte. 11.
Müller-Wille M. 1968/1969. Bestattung im Boot // Offa. Bd. 25/26.

Paulsen P. 1939. Axt und Kreuz in nordischen Raum. Berlin.
Paulsen P. 1953. Schwertortbänder der Wikingerzeit. Stuttgart.
Petersen J. 1919. De norske vikingersverd // Videnskappsels kapets Skripter P. Hist.-filos. Kl. Kristiania.
Poklewski T. 1961. Misy brazowe z XI, XII i XIII wieku.
Rulewicz M. 1978. Ze studiow nsd ryboiowstwem we wczesnosredniowiecznych miastach przy ujsciu Odry // Archeologia Polski. T. XIX.
Ruttkai A. 1976. Waffen und Reiterausrüstungodes 9. bis zur ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts in der Slowakei (II) // Slovenska archeologia. XXIV-2.
Salmo H. 1956. Finnische Hufeisenfibel. Helsinki.
Schimer I. 1939. Die Deutsche Irgendware des 11-15 Jahrh. Jena.
Selling D. 1955. Wikingerzeitliche und frьhmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm.
Strömberg M. 1962. Eine silbertauschierte wikingerzeitliche Speerspitze in einen Schonischen Privatsammlung // Swiatowit. XXIV.
Tonisson E. 1974. Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur. Tallin.
Volkaite-Kulikauskiene R. 1971. Lietuvios kario zirgas // Acta Historica Lituanica. VII. Vilnius.
Volkaite-Kulikauskiene R. Lietuviai IX-XII a.
Wilson D. 1980. Kulturen in Norden. München.

Н.П.Тельнов, Р.А.Рабинович

ПОСЕЛЕНИЕ СКОК.

Результаты исследований в 1988 г.

N.P.Telnov, R.A.Rabinovich. The Settlement of Scoc. The Results of the Investigations in 1988.

The article is dedicated to the results of the archaeological excavations of 1988 of the Slavonic settlement of the VI-X c. that is situated in Moldova on the river Reut. An area of 1732 m^2 of the settlement was investigated, where 9 semi pit-houses, 8 individual stoves, 16 household pits and a considerable number of real material: ceramics, items of iron, bone and stone were studied.

All the dwellings are analogous to those semi pit-houses with stoves investigated earlier on this monument and on other synchronous Slavonic settlements of Moldova. With all their constructive features they are referred to the Eastern-Slavonic group of antiquities. Similar stoves are also found on the early medieval Eastern Slavonic monuments both in Moldova and on the neighboring territories. Household pits represent an ordinary type of pits-cellars that are widely spread on the early medieval settlements.

The ceramics is subdivided into hand-made one and into primitive potter's one. In the cultural respect they are referred to the Prague-Korchac culture of the VI-VII centuries and to the culture of the Luca-Raikhovetsky type of the late VII – early X c. Due to the typological peculiarities and stratigraphical observations the ceramics of the Luca-Raikhovetsky type is subdivided into following phases: beginning – end of the VII-VIII centuries; middle – end of the VIII century and late IX – beginning of the X century. This also allows to date the studied complexes on the settlement. The studied constructions and various real material allow to study more thoroughly different aspects of the material culture, production activity and social relations of the Eastern-Slavonic population of the region between the rivers Dniester and Prut in the early Middle Ages.

Поселение Скок расположено в урочище Скок в 3 *км* к северу от с. Требужень Орхейского уезда Республики Молдова. Оно было открыто археологической экспедицией Молдавского филиала АН СССР в 1946-1947 гг. (Смирнов 1964: 248-254). В 1950 и 1953 гг. на поселении было исследовано 64 *м*^{2} площади (Рикман 1957: 82-83). В 1955 г. на нем было раскопано еще 70 *м*^{2} площади. В результате этих небольших раскопок памятник получил известность в литературе как славянское селище VI-IX вв. (Фёдоров 1957: 288-289; Он же 1960: 179-222, 280; Ляпушкин 1968: 44-45). Стационарные археологические раскопки на памятнике Скок были начаты Н.П.Тельновым в 1982 г. и продолжались все последующие годы. С результатами этих исследований можно ознакомиться по предшествующим публикациям (Тельнов 1986: 84-96; Он же 1988: 101-113; Он же 1989: 187-192; Тельнов, Рабинович 1990: 194-212; Они же 1992: 208-223; Они же 1997: 253-264). Цель же данной работы — ввести в научный оборот материалы исследований, проводившихся на поселении Скок в 1988 г.

В 1988 г. памятник, как и в предшествующие годы, раскапывался большой площадью. Для решения исследовательских задач был заложен раскоп №12 общей площадью 1732 *м*^{2} (рис.1), примыкавший к раскопу № 11 с северо-восточной стороны. Раскоп №12 (длиной 60 *м* и шириной 28 *м*) был ориентирован вниз по склону с юго-запада на северо-восток.

В культурном слое поселения на исследованной площади кроме фрагментов керамики, костей животных, железного шлака были найдены: железный нож (рис. 8, 3), железный гвоздь для подковы (рис. 8, 6), железная пластинка (рис. 9, 6), бронзовый скифский наконечник стрелы (рис. 9, 3), два целых керамических пряслица (рис. 8, 7, 12) и один фрагмент пряслица (рис. 12, 3), ручка амфоры со следами обработки (рис. 12, 5), заготовка для ручки из рога (рис. 11, 3), точильный брусок (рис. 12, 8) и фрагмент стеклянной бусины (рис. 8, 8).

На вскрытой площади были выявлены и исследованы 9 жилищ полуземляночного типа, 8 подбойных купольных печей и 16 хозяйственных ям. Практически все сооружения были выявлены на глубине 45-50 *см* от уровня современной дневной поверхности[1].

Полуземлянка 53 (рис. 4, 3). Котлован в плане подпрямоугольной формы размером 340x315x320x310 *см,* ориентирован стенами по

[1] Культурный слой поселения сильно пострадал от плантажной вспашки после выкорчевки росшего на нем виноградника. Далее в тексте глубина всех исследованных сооружений дается от уровня обнаружения.

© Н.П.Тельнов, Р.А.Рабинович, 1999.

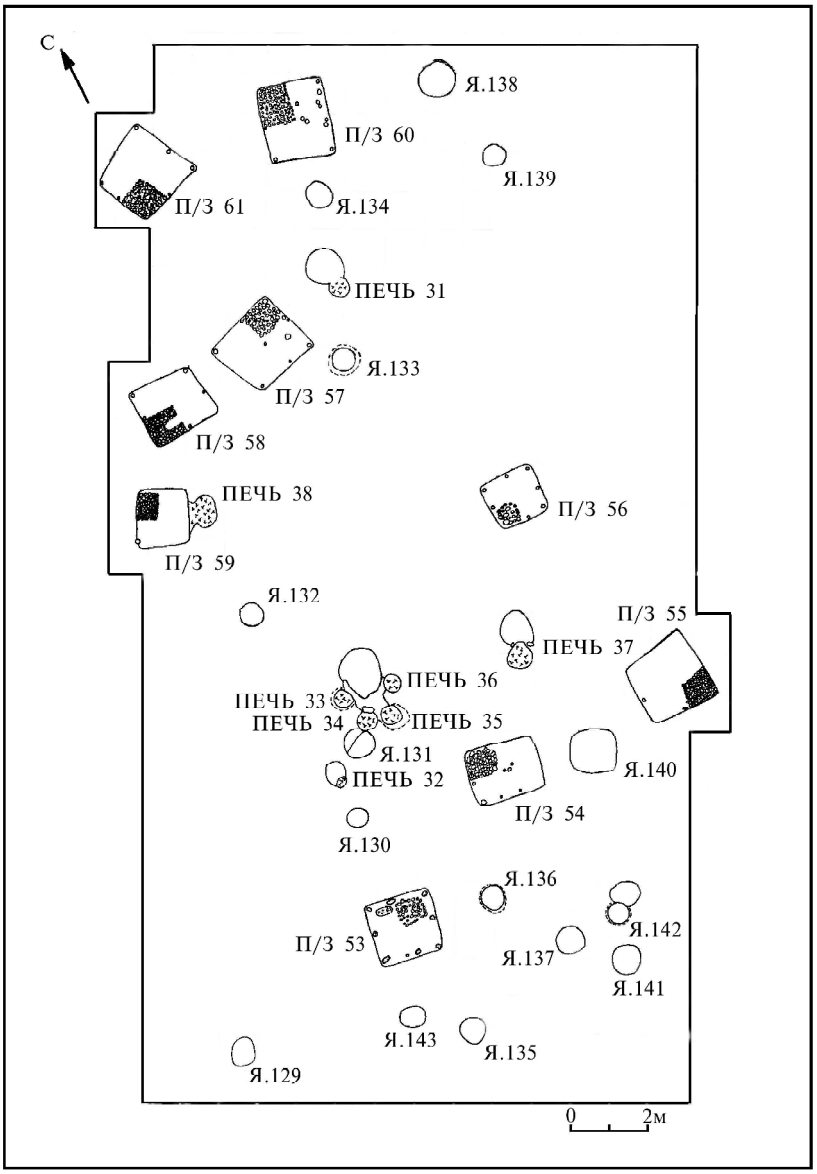

Рис.1. План донной части раскопа 12 и сооружений.

сторонам света с небольшим отклонением, углублен на 95 *см* в верхней части склона и на 35 *см* в нижней. Стены материковые, прямые, отвесные. Углы котлована слегка скруглены. Пол горизонтальный, ровный, материковый. В полу посередине стен и по углам котлована выявлено 9 столбовых ямок. Все они овальные или круглые в плане размером 20-45 *см* и углубленные в пол на 15-35 *см.*

Отопительное сооружение в полуземлянке 53 — печь-каменка. Первоначально она размещалась в северо-западном углу котлована. На это указывает наличие пода от печи в северо-западном углу котлована. Материковый под имел подпрямоугольную форму размером 85х50 *см* и глубину прожога более 2 *см.* Судя по направлению пода, первоначальная печь-каменка была ориентирована устьем к юго-восточной стене котлована. Эта печь была разобрана, и новая построена в северо-восточном углу жилища, где и была выявлена во время раскопок. В плане она имела прямоугольную форму размером 160х140 *см* и возвышалась на 40 *см* над уровнем пола. Но и вновь сооруженная в северо-восточном углу жилища печь-каменка подвергалась перестройке, о чем свидетельствует наличие под каменным развалом двух подов, перекрывающих друг друга. Первоначальный под, материковый, прямоугольный в плане, размером 90х60 *см,* имел глубину прожога 4 *см.* Судя по расположению этого пода, печь-каменка была ориентирована устьем к юго-западному углу котлована. Второй под, также материковый, но овальный в плане, размером 60х55 *см* частично перекрывал первоначальный прямоугольный. Глубина прожога второго пода достигала 2 *см.* Судя по его расположению, печь-каменка после ее перестройки уже в северо-восточном углу также была ориентирована устьем к юго-западной стене котлована полуземлянки.

Заполнение котлована полуземлянки 53 состояло из однородного темного грунта. В нем най-

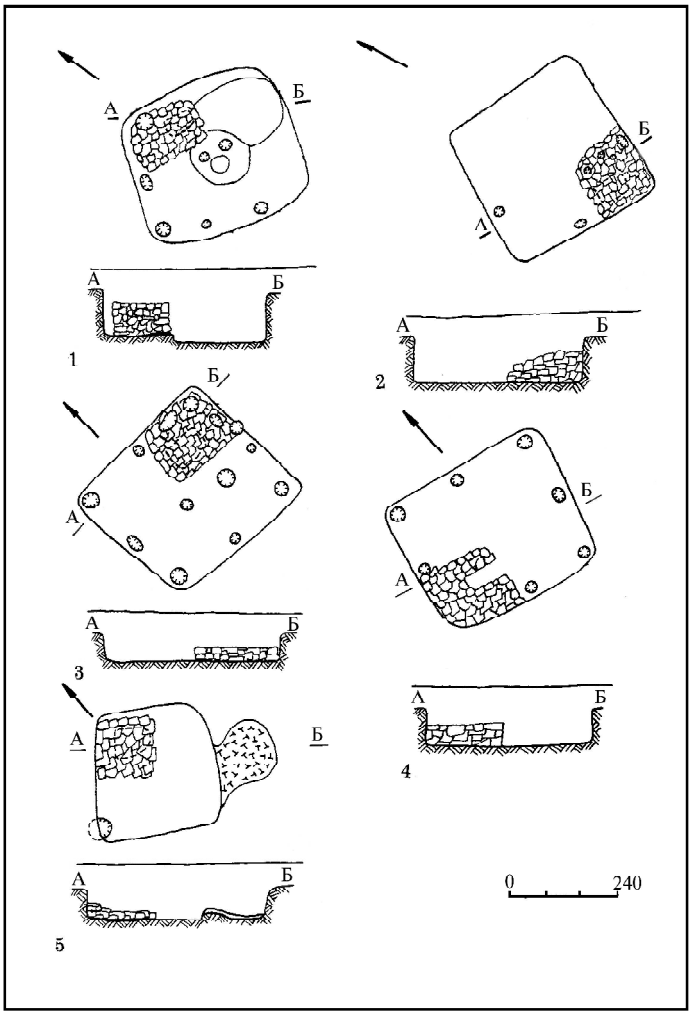

Рис.2. 1 — п/з 54; 2 — п/з 55; 3 — п/з 57; 4 — п/з 58; 5 — п/з 59; печь 38.

дены четыре костяные проколки (рис. 10, 3, 5, 6; 9, 11) и в развале печи-каменки точильный брусок из сланца (рис. 12, 6). Кроме одного кругового фрагмента из заполнения, вся керамика в количестве 28 фрагментов, как из заполнения, так и из развала печи-каменки относится к средней фазе культуры типа Луки-Райковецкой. Это позволяет датировать полуземлянку 53 VIII-IX вв.

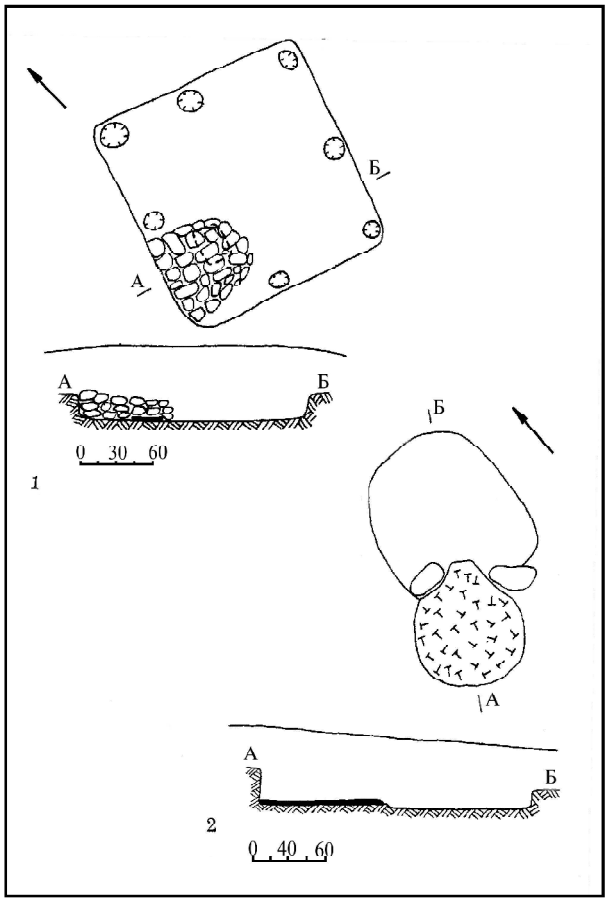
Полуземлянка 54 (рис. 2, 1). Котлован в плане подпрямоугольной формы размером 360х350х300х280 *см,* ориентирован углами по сторонам света с небольшим отклонением, углублен на 135 *см* в верхней части склона и на 110 *см* в нижней. Стены материковые, прямые, отвесные. Углы котлована слегка скруглены. Пол горизонтальный, ровный, материковый. В полу выявлено 7 столбовых ямок, пять из которых располагались по углам и у стен котлована и две в центре жилища. Все они круглые или овальные в плане размером 20-40 *см* и углубленные в пол на 10-40 *см.* В центре пола располагалась еще одна округлая в плане ямка диаметром 20х30 *см* и углубленная в пол на 10 *см.* Она была заполнена плотной массой слежавшейся золы. Подобные ямки с плотной массой золы на поселении Скок встречались и ранее в некоторых жилищах.

В северном углу жилища располагалась печь-каменка. Она в плане подпрямоугольной формы размером 160х140х140х130 *см,* возвышалась над уровнем пола на 75 *см.* Печь сложена из больших и средних камней. Под печи материковый, в плане прямоугольный, размером 70х42 *см* и глубиной прожога 4 *см.* Устьем печь-каменка ориентирована к юго-восточной стене котлована.

Заполнение полуземлянки 54 состояло из плотного темноватого грунта с большим включением мелких известняковых камней. На полу жилища были найдены две хорошо сохранившиеся костяные проколки (рис. 9, 5;10, 2) и костяное орудие (рис. 11, 1), изготовленное из пястной кости лошади. Длина его 22 *см,* одна сторона сильно сработана и залощена. Поперек кости имеется 28 бороздок-нарезок. Возможно, это орудие использовалось при ткачестве. Кроме одного фрагмента кругового сосуда, в заполнении жилища и развале печи-каменки было найдено 28 фрагментов лепной керамики типа Луки-Райковецкой, по которой полуземлянку 54 можно датировать VIII — началом IX вв.

Полуземлянка 55 (рис. 2, 2). Котлован в пла-

Рис.3. 1 — п/з 56; 2 — печь 37.

не прямоугольной формы размером 360x360x340x330 *см,* ориентирован стенами по сторонам света с небольшим отклонением, углублен на 120 *см* в верхней части склона и на 70 *см* в нижней. Стены материковые, прямые, отвесные. Углы котлована слегка скруглены. Пол горизонтальный, ровный, материковый. В полу посередине южной и западной стенок котлована выявлены 2 столбовые ямки. Они овальные в плане размером 20-30 *см,* углублены в пол на 15-20 *см.*

В южном углу полуземлянки располагалась печь-каменка. Она в плане почти квадратной формы размером 150x160x160x155 *см,* возвышалась над уровнем пола на 100 *см.* Печь была сложена из больших и средних по размерам камней. Под печи материковый, в плане прямоугольной формы размером 90x65 *см,* имел глубину прожога 4 *см.* Устьем печь-каменка была ориентирована к западной стене.

Заполнение состояло из довольно темного грунта, местами насыщенного углем. В заполнении найден фрагмент железного предмета (бритва?) (рис 8, 1). В развале печи-каменки найдено два целых керамических пряслица (рис. 8, 10; 12, 1) и один фрагмент керамического пряслица (рис. 12, 2), а также костяная проколка (рис. 10, 4), фрагмент проколки (рис. 10, 1) и сланцевый точильный брусок (рис. 12, 4). В заполнении полуземлянки 55 было найдено 7 фрагментов круговой керамики и 74 фрагмента лепной. На полу и в развале печи-каменки было найдено 144 фрагмента лепной керамики (рис. 13, 7-9), относящейся к ранней фазе культуры типа Луки-Райковецкой и 3 фрагмента стенок красноглиняной амфоры (?). По керамическому материалу с пола и печи-каменки полуземлянку 55 можно датировать VII-VIII вв.

Полуземлянка 56 (рис. 3, 1). Котлован в плане квадратной формы, размером 260x260x250x265 *см,* ориентирован стенами по сторонам света, углублен на 60 *см* в верхней части склона и на 30 *см* в нижней. Стены материковые, прямые, отвесные. Углы котлована слегка скруглены. Пол горизонтальный, ровный, материковый. В полу посередине стен и по углам котлована выявлены 7 столбовых ямок. Все ямки круглые или овальные в плане размером 20-30 *см,* углублены в пол на 10-25 *см.*

В юго-западном углу котлована полуземлянки размещалась печь-каменка. Она в плане подквадратной формы размером 120x110x110x110 *см,* возвышалась над уровнем пола на 30 *см.* Печь была сложена из камней крупных, средних и мелких размеров. Под печи материковый, прямоугольный в плане, размером 60x30 *см,* имел глубину прожога 5 *см.* Устьем печь-каменка ориентирована к северной стене жилища.

Заполнение котлована полуземлянки состояло из плотного темноватого, однородного грун-

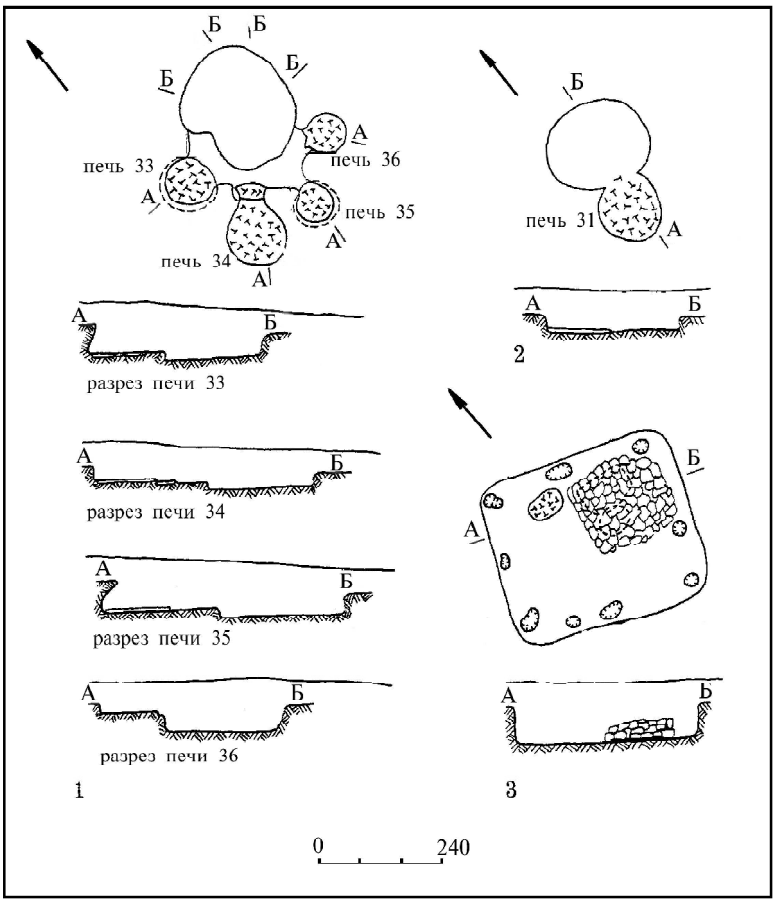

Рис.4. 1 — печи 33, 34, 35, 36; 2 — печь 31; 3 — п/з 53

та. В заполнении найдены: 20 фрагментов раннеславянской лепной керамики. В развале печи-каменки найдены еще 9 фрагментов раннеславянской лепной керамики (рис. 13, 13-15), по которым полуземлянку 56 можно датировать VI-VII вв., возможно началом VIII в.

Полуземлянка 57 (рис. 2, 3). Котлован в плане прямоугольной формы размером 380х355х344х340 *см,* ориентирован стенами по сторонам света, углублен в материк на 130 *см* в верхней части склона и на 70 *см* в нижней. Стены материковые, прямые, отвесные. Углы котлована слегка скруглены. Пол горизонтальный, ровный, материковый. В полу посередине стен, по углам и в центре котлована выявлены 13 столбовых ямок. Все они круглые или овальные в плане, размером 20-40 *см,* углублены в пол на 10-30 *см.*

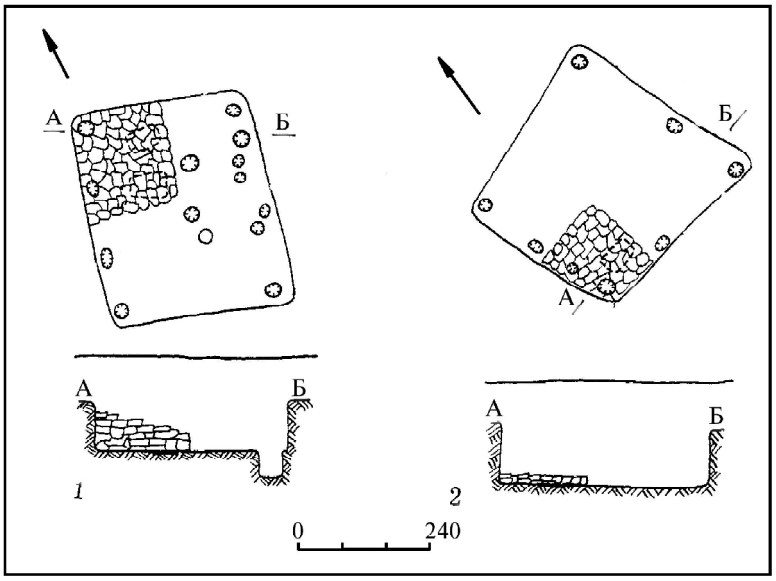
В северо-восточном углу котлована располагалась печь-каменка. Она в плане почти прямоугольной формы размером 180х170х150х140 *см,* возвышалась над уровнем пола на 32 *см.* Печь была сложена из камней средних и мелких размеров. Под печи материковый, прямоугольный в плане размером 85х65 *см* и глубиной прожога 4 *см.* Устьем печь-каменка ориентирована к западной стене котлована.

Заполнение котлована полуземлянки состояло из довольно светлого и плотного по консистенции грунта без видимых примесей. В заполнении полуземлянки найден железный наконечник стрелы (рис. 8, 5), в развале печи каменки найдено керамическое пряслице (рис. 8, 11) и на полу найдена костяная проколка (рис. 10, 7). В заполнении котлована жилища и в развале печи-каменки найдено 39 фрагментов лепной керамики средней фазы культуры типа Луки-Райковецкой (рис. 13, 10). По керамическому материалу из заполнения и печи-каменки полуземлянку 57 можно датировать VIII-IX вв.

Полуземлянка 58 (рис. 2, 4). Котлован в плане прямоугольной формы размером 370х320 *см,* ориентирован стенами по сторонам света, углублен на 115 *см* в верхней части склона и на 70 *см* в нижней. Стены материковые, прямые, отвесные. Углы котлована слегка скруглены. Пол горизонтальный, не везде ровный, материковый. В полу посередине стен и по углам котлована выявлены 7 столбовых ямок. Все они круглые или овальные в плане диаметром 20-25 *см,* углублены в пол на 20-30 *см.*

В юго-западном углу котлована полуземлянки располагалась печь-каменка. В плане она почти квадратной формы размером 160х150 *см,* возвышалась над уровнем пола на 60 *см.* Печь хорошо сохранилась. Она была сложена из камней больших и средних размеров. Размер топочной камеры печи достигал 90х45 *см.* Устьем печь-каменка ориентирована к восточной сте-

Рис.5. 1 — п/з 60; 2 — п/з 61.

не котлована.

Заполнение полуземлянки 58 состояло из светлого песчанистого грунта. В заполнении найдены 45 фрагментов лепной керамики средней фазы культуры типа Луки-Райковецкой. По керамическому материалу из заполнения полуземлянку 58 можно датировать концом VIII-IX вв.

Полуземлянка 59 (рис. 2, 5). Котлован в плане трапециевидной формы размером 260х240х300х270 *см,* ориентирован углами по сторонам света, углублен на 85 *см* в верхней части склона и на 45 *см* в нижней. Стены материковые, прямые, отвесные. Углы котлована скруглены. Пол горизонтальный, ровный, материковый. В западном углу котлована в полу выявлена ямка, подбоем уходящая в стенку жилища, круглая в плане, диаметром 30 *см* и углубленная в пол на 20 *см.*

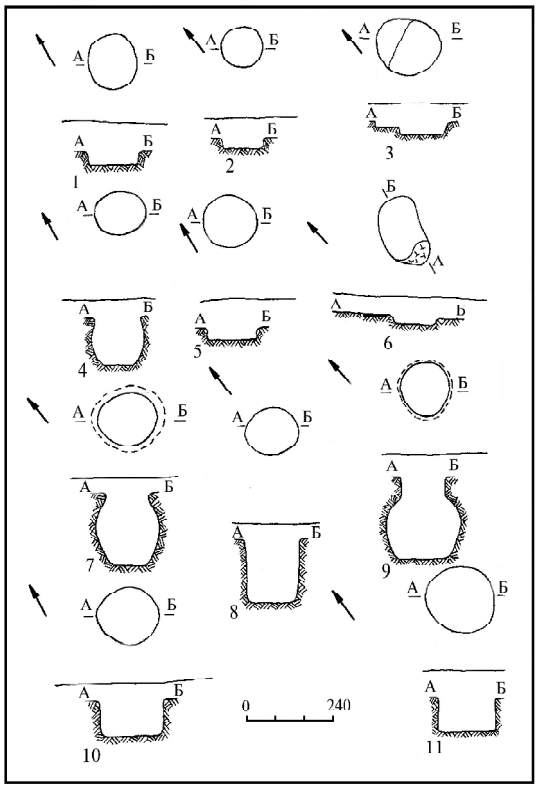

Рис.6. 1 — я. 129; 2 — я. 130; 3 — я. 131; 4 — я. 132; 5 — я. 134; 6 — печь 32; 7 — я. 133; 8 — я. 135; 9 — я. 136; 10 — я. 137; 11 — я. 138.

В северном углу полуземлянки размещалась печь-каменка. Она в плане почти прямоугольной формы размером 150х130х120х120 *см,* возвышалась над уровнем пола на 45 *см.* Печь сложена из камней больших, средних и мелких размеров. Под печи материковый, прямоугольный в плане размером 80х60 *см* и глубиной прожога 3 *см.* Устьем печь-каменка ориентирована к юго-восточной стене котлована.

Заполнение полуземлянки состояло из смешанного грунта, местами светлого, местами темного, золистого. В нем найдены два фрагмента глиняных фигурок животных (рис. 9, 7, 8). Кроме этого в заполнении найдены 17 фрагментов лепной раннеславянской керамики. На полу и в развале печи-каменки найден еще 21 фрагмент керамики ранней фазы культуры типа Луки-Райковецкой. По керамическому материалу с пола и печи-каменки полуземлянку 59 можно датировать концом VII-VIII вв.

Печь 38 (рис. 2, 5). Располагалась в верхней части юго-восточной стены котлована полуземлянки 59. Печь подбойная, плохой сохранности, свод не сохранился. Топочная камера овальная в плане размером 150х135 *см.* Под печи обмазан глиняным раствором толщиной 4-6 *см,* обожжен. Ширина разрушенного устья печи достигала 90 *см.* Устьем печь ориентировалась к северо-западу. Предтопочной ямой для печи 38 служила западина от котлована полуземлянки 59. Об этом свидетельствует темное золистое пятно, имеющее в плане подовальную форму размером 110х80 *см,* выявленное при расчистке котлова-

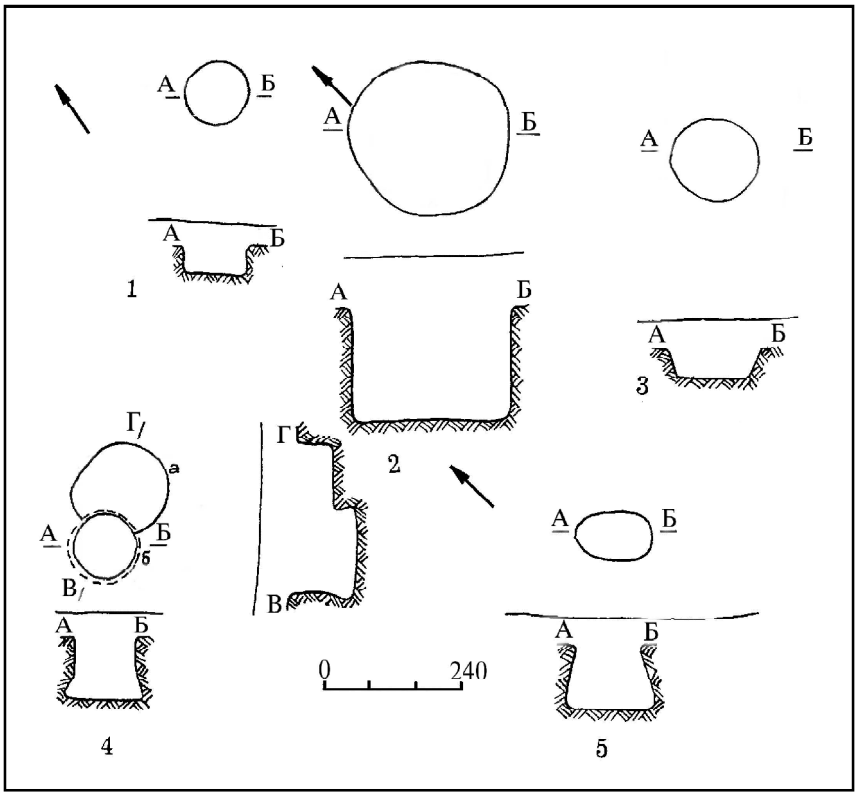

Рис.7. 1 — я. 139; 2 — я. 140; 3 — я. 141; 4 — я. 142 (а, б); 5 — я. 143.

на полуземлянки 59 возле юго-восточной стены на уровне устья печи 38. Под этим золистым заполнением располагался слой светлого материкового грунта, насыпанный в котлован полуземлянки 59 при сооружении топочной камеры печи. Указанный светлый материковый грунт перекрывал непосредственно пол жилища.

В заполнении топочной камеры печи не было найдено керамики. Учитывая отмеченные стратиграфические особенности, следует заметить, что печь 38 функционировала позже существования полуземлянки 59 как жилища.

Полуземлянка 60 (рис. 5, 1). Котлован в плане прямоугольной формы размером 420х380х320х320 *см,* ориентирован стенами по сторонам света с небольшим отклонением, углублен на 110 *см* в верхней части склона и на 85 *см* в нижней. Стены материковые, прямые, отвесные. Углы котлована скруглены. Пол материковый, горизонтальный, не везде ровный. В углах котлована, возле стен и в центре пола выявлены 13 столбовых ямок. Все они круглые или овальные в плане размером 20-35 *см,* углубленные в пол на 10-30 *см.* Кроме этого, в юго-восточной части котлована выявлена в полу ямка, овальная в плане, диаметром 30 *см,* углубленная в пол на 7 *см.* Ямка была заполнена спрессованной массой золы. Подобные ямки со спрессованной золой были уже неоднократно найдены в жилищах на поселении Скок в предыдущие годы раскопок.

В северо-западном углу котлована полуземлянки располагалась печь-каменка довольно значительных размеров. В плане она подпрямоугольной формы размером 210х185х170х160 *см,* возвышалась над уровнем пола на 70 *см.* Печь имела два материковых пода. Один под, ближний к северной стене полуземлянки, прямоугольной в плане формы размером 70х40 *см* и глубиной прожога 4 *см.* Другой под имел трапециевидную в плане форму размером 60х60х50х30 *см* и глубину прожога 3-4 *см.* Оба устья печи ориентированы к восточной стене котлована. Так как проследить стратиграфически, какой под первоначальный, было невозможно, то можно лишь предположить, учитывая конструктивные особенности, что на заключительном этапе своего существования печь функционировала с топкой, которой соответствовал под, расположенный ближе к северной стене котлована.

Заполнение полуземлянки 60 состояло из очень темного плотного грунта. В нем найден железный нож (рис. 8, 4) и медное височное кольцо (серьга?) (рис. 9, 4). Кроме этого в заполнении найдены 88 фрагментов лепной керамики типа Луки-Райковецкой и 2 фрагмента круговой керамики. При разборе печи-каменки найдено еще 48 фрагментов лепной керамики типа Луки-Райковецкой. По керамическому материалу из заполнения и печи-каменки полуземлянку 60 можно датировать IX веком.

Полуземлянка 61 (рис. 5, 2). Котлован имел в плане трапециевидную форму размером 380х350х360х300 *см,* был ориентирован углами по сторонам света с небольшим отклонением, углублен на 125 *см* в верхней части склона и на 100 *см* в нижней. Стены прямые, отвес-

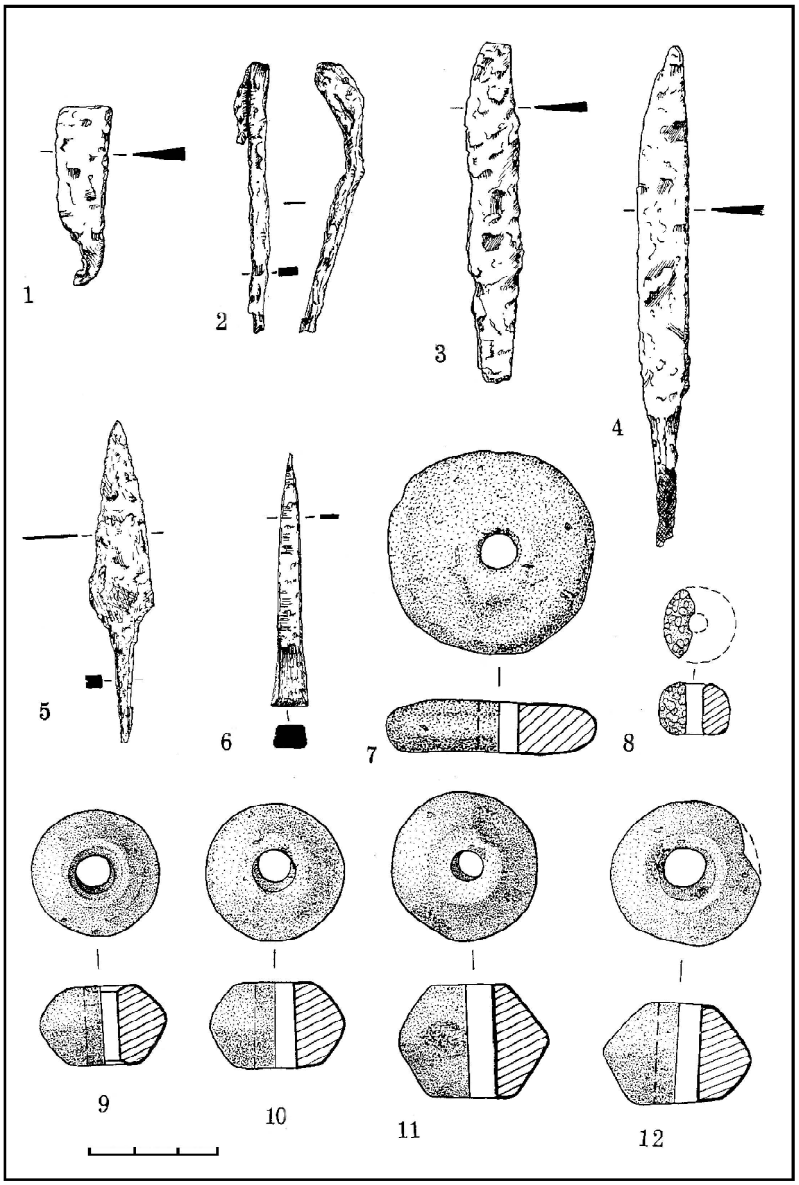

Рис.8. Индивидуальные находки из культурного слоя и сооружений.1, 10 — п/з 55; 2 — п/з 61; 3, 6, 7, 8, 12 – культурный слой; 4 — п/з 60; 5, 11 — п/з 57; 9 — я.134.

ные, материковые. Углы котлована слегка скруглены. Пол материковый, горизонтальный, ровный. По углам котлована и вдоль стен выявлены 8 столбовых ямок. Все ямки круглые или овальные в плане, размером 15-40 *см,* углублены в пол на 20-30 *см.*

В юго-западном углу котлована размещалась печь-каменка. Развал печи-каменки в плане прямоугольной формы размером 160х150 *см,* возвышался над уровнем пола на 20 *см.* Под печи материковый, прямоугольный в плане размером 65х50 *см* и глубиной прожога 4 *см.* Устьем печь-каменка ориентирована к восточной стене котлована полуземлянки.

Заполнение котлована полуземлянки состояло из темного, плотного грунта, насыщенного мелкими известняковыми камнями. В заполнении котлована найдены: фрагмент железного стержня (рис. 8, 2), костяной наконечник стрелы (рис. 9, 2), костяная лопаточка для обработки шкур (рис. 9, 10), фрагмент обработанной кости (рис. 11, 2), фрагмент круглого точильного камня с квадратным отверстием посередине (рис. 12, 7). Кроме того, в заполнении котлована полуземлянки 61 найдено 132 фрагмента лепной керамики типа Луки-Райковской и 25 фрагментов круговой (рис. 13, 2, 18, 19). На полу жилища и в развале печи-каменки найдено еще 47 фрагментов лепной керамики ранней фазы культуры типа Луки-Райковской. По керамическому материалу с пола и с печи-каменки полуземлянку 61 можно датировать концом VII-VIII в.

Печь 31 (рис. 4, 2). Ее топочная камера в плане овальной формы размером 130х120 *см.* Под печи находился на глубине 30 *см* от уровня обнаружения, обмазан глиной и обожжен. Он повышался по направлению к устью. Его толщина на всех участках неравномерна и варьирует от 3 до 6 *см.* Свод печи не сохранился.

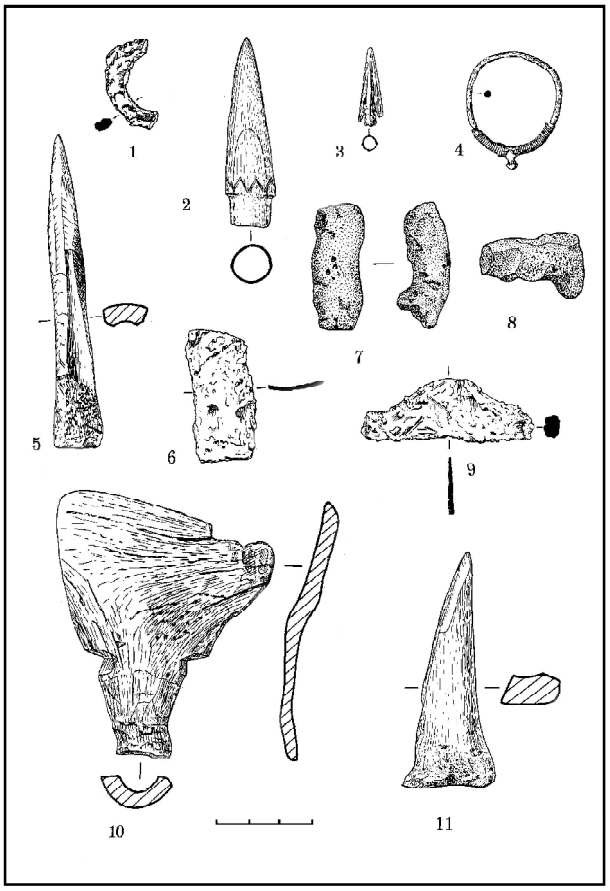

Рис.9. Индивидуальные находки из культурного слоя и сооружений. 1 — я.136; 2, 10 — п/з 61; 3, 6 — культурный слой; 4 — п/з 60; 5 — п/з 54; 7, 8 — п/з 59; 9 — я.137; 11 — п/з 53.

Ширина устья печи достигала 60 *см.* Устьем печь ориентирована к северу, то есть вниз по склону.

Перед устьем печи располагалась круглая в плане предтопочная яма диаметром 195 *см,* углубленная на 25-30 *см* от уровня обнаружения. Заполнение топочной камеры и предтопочной ямы состояло из светлого однородного грунта, в котором было найдено 16 фрагментов лепной керамики типа Луки-Райковской и 1 фрагмент кругового сосуда (рис. 13, 17). По керамическому материалу из заполнения печь 31 можно датировать IX в.

Печь 32 (рис. 6, 6). Печь оказалась сильно разрушенной. Сохранилась лишь часть пода. Топочная камера в плане имела, видимо, овальную форму. Размер сохранившейся части 70х50 *см.* Под печи обмазан глиной и обожжен. Он находился на уровне обнаружения. Определить высоту свода и ширину устья было невозможно. Ориентирована печь устьем к северу, то есть вниз по склону. Перед устьем печи располагалась овальная в плане предпечная яма размером 110х100 *см,* углубленная на 10 *см* от уровня обнаружения. Заполнение топочной камеры и предтопочной ямы состояло из светлого грунта.

Следующие четыре печи 33, 34, 35 и 36 были объединены общей для всех предтопочной ямой в один комплекс (рис. 4, 1).

Печь 33 (рис. 4, 1). Топочная камера в плане овальной формы размером 120х100 *см.* Под печи находился на глубине 50 *см* от уровня обнаружения, обмазан глиняным раствором и обожжен. Его толщина достигала 4,5 *см.* Свод печи материковый. Его верхняя часть не сохранилась. Ширина частично разрушенного устья достигала 80 *см.* Устьем печь ориентирована к востоку в общую предтопочную яму печей 33, 34, 35 и 36.

Печь 34 (рис. 4, 1). Топочная камера в плане овальной формы размером 140х110 *см.* Под печи находился на глубине 30 *см* от уровня обнаружения и слегка повышался к устью. Был обмазан глиняным раствором и обожжен. Его толщина достигала 4 *см.* Свод материковый. Его верхняя часть не сохранилась. Ширина устья составляла 50 *см.* Устьем печь ориентирована к востоку, т.е. в общую для печей 33, 34, 35 и 36 предтопочную яму.

Печь 35 (рис. 4, 1). Топочная камера в плане овальной формы размером 140х130 *см.* Под печи находился на глубине 60 *см* от уровня обнаружения и слегка повышался к устью. Он был обмазан глиняным раствором и обожжен. Его толщина составляла 3-5 *см.* Свод печи материковый. Верхняя часть его не сохранилась. Ширина устья достигала 50 *см.* Устьем печь ориентирована к северо-востоку, то есть вниз по склону в общую для печей 33, 34, 35 и 36 предтопочную яму.

Печь 36 (рис. 4, 1). Ее топочная камера в

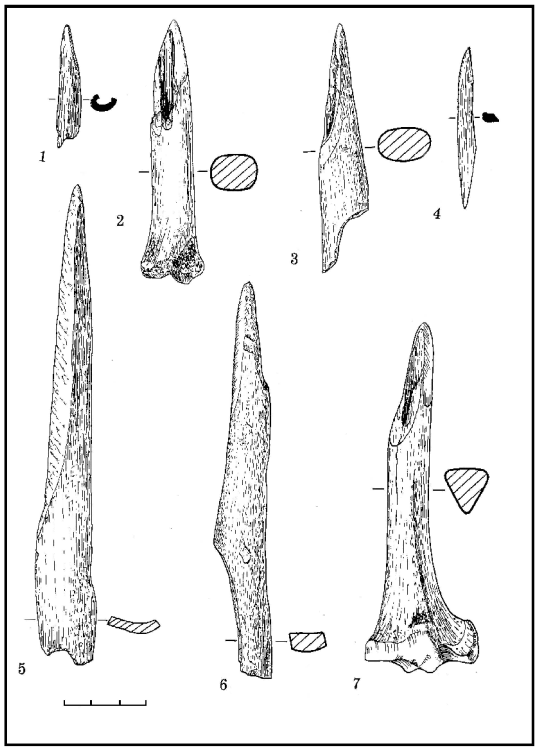

Рис.10. Индивидуальные находки из сооружений. 1, 4 — п/з 55; 2 — п/з 54; 3, 5, 6 – п/з 53; 7 — п/з 57.

плане овальной формы размером 90х80 *см.* Под печи находился на глубине 60 *см* от уровня обнаружения. Он был обмазан глиняным раствором и обожжен. Его толщина составляла 2-3 *см.* Свод печи материковый. Верхняя его часть не сохранилась. Ширина устья достигала 40 *см.* Устьем печь ориентирована к северо-востоку в общую предтопочную яму.

Предтопочная яма, являющаяся общей для печей 33, 34, 35 и 36, имела в плане овальную форму размером 320х210 *см.* Она ориентирована длинной осью на северо-восток, то есть вниз по склону и углублена на 40-55 *см.* Стенки ее были слегка косыми. Дно наклонно повышалось параллельно уровню склона. Заполнение ямы состояло из смешанного темного грунта. В заполнении найдено 41 фрагмент лепной раннеславянской керамики ранней фазы культуры типа Луки-Райковецкой (рис. 13, 4, 5, 20). По керамическому материалу из заполнения предтопочной ямы печей 33, 34, 35 и 36 этот комплекс с определенной долей вероятности можно отнести к VIII в.

Печь 37 (рис. 3, 2). Ее топочная камера в плане овальной формы размером 130х120 *см.* Под печи находился на глубине 25 *см* от уровня обнаружения, обмазан глиной и обожжен. Его толщина достигала 5 *см.* Свод печи материковый. Его верхняя часть не сохранилась. Ширина устья печи достигала 45 *см.* Устье печи ограничивалось двумя известняковыми камнями размером 40х20 *см* и 50х2 *см.* Устьем печь ориентирована к северо-востоку, то есть вниз по склону. Предтопочная яма печи в плане овальной формы размером 160х155 *см.* Она ориентирована длинной осью к северо-востоку, то есть вниз по склону и углублена до 20 *см* от уровня обнаружения.

Кроме описанных полуземляночных жилищ и печей на поселении Скок в 1988 г. было раскопано, как сказано выше, 16 хозяйственных ям. Все они круглые или реже овальные в плане диаметром в среднем от 100 до 180 *см,* углублены в грунт до 120-200 *см.* В сечении ямы имели цилиндрическую, бочковидную, усеченно-коническую форму (рис. 6; 7). Дно обычно круглое и плоское. В заполнении большинства ям кроме костей животных, древесного угля, камней, железного шлака, обмазки была найдена керамика VI-X вв., в яме 134 найдено керамическое пряслице (рис. 8, 9), в яме 136 — фрагмент железного кольца (рис. 9, 1), в яме 137 — фрагмент железного кресала (рис. 9, 9).

Таким образом, за полевой сезон 1988 г. на поселении Скок исследован ряд новых жилых, хозяйственных и производственных сооружений, а также вещевой материал, который существенно дополняет уже имеющиеся данные об этом памятнике. Так все 9 полуземляночных жилищ в конструктивном отношении являются подобными жилищам, исследованным ранее на этом поселении. Они все представляют собой квадратные или прямоугольные полуземлянки площадью от 7 до 13 м^2 и глубиной 1-1,9 *м* от современной дневной поверхности, ориентиро-

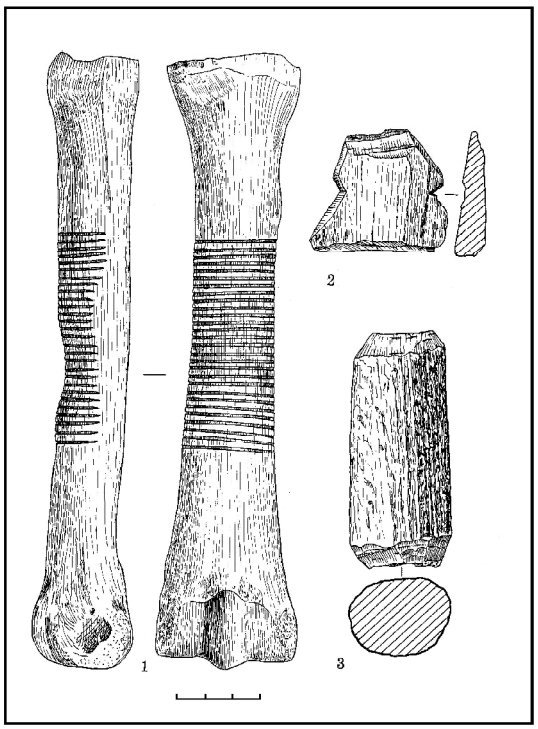

Рис.11. Индивидуальные находки из культурного слоя и сооружений. 1 — п/з 54; 2 — п/з 61; 3 – культурный слой.

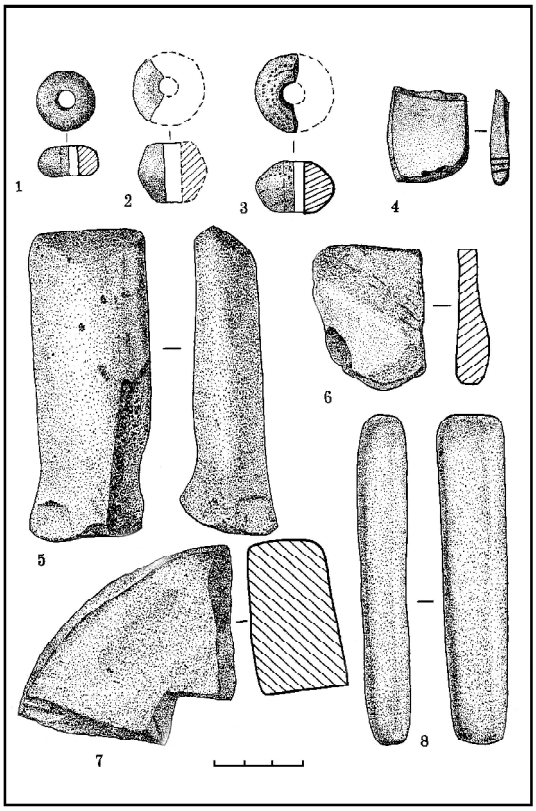

Рис. 12. Индивидуальные находки из культурного слоя и сооружений. 1, 2, 4 – п/з 55; 3, 5, 8 — культурный слой; 6 — п/з 53; 7 — п/з 61.

ванные углами или сторонами с незначительным отклонением по сторонам света. Стенки их отвесные, прямые, пол материковый, горизонтальный, ровный. В полу практически всех жилищ прослежены столбовые ямы. Они располагались в основном по периметру стен котлована, но в некоторых случаях столбовые ямки имелись и в центре пола жилища. Во всех жилищах в одном из углов располагались хорошо сохранившиеся печи-каменки кубовидной формы. Они сооружались прямо на материковом полу. Топка, как правило, выкладывалась крупными плитчатыми, поставленными на ребро известняковыми камнями. Поды большинства печей имели в плане прямоугольную форму и представляли собой хорошо обожженный материк. В пяти из девяти полуземлянок печи находились в северной половине жилищ. В двух случаях в полу полуземлянок были выявлены ямки, содержащие спрессованную массу золы. Аналогичные случаи наблюдались на данном поселении в пяти жилищах и ранее.

На поселении Скок исследовано 65 полуземляночных жилищ, включая и те девять, раскопанных в 1988 г. По конструкции они практически ничем не отличаются от жилищ, исследованных на других славянских поселениях в Днестровско-Прутском междуречье. Подобный тип жилищ в Молдове с VI до X в. включительно доживает практически без каких-нибудь существенных изменений, фиксируемых археологически. Это подтверждает однородность жилищного строительства восточнославянской культуры в Днестровско-Прутском междуречье. Жилища этого региона находят полные аналогии в других районах распространения восточнославянских древностей VI-X вв. (Тельнов 1991)

Печи, исследованные в 1988 г. на поселении Скок, также аналогичны уже исследованным на этом памятнике печам. Их топочные камеры имели в плане овальную или круглую форму диаметром 110х150 *см* и высоту купольного свода примерно 50 *см.* Ширина их устья достигала, примерно, 35-40 *см,* поды были хорошо обмазаны раствором глины с песком. Перед устьем располагались подовальные в плане предтопочные ямы, углубленные в материк немного ниже уровня пода. Иногда у устья находились обожженные известняковые камни, которые ограничивали топку и, возможно, играли роль заслонки.

Четыре сооружения с печами имели по одной печи, то есть по одной топочной камере, а в одном случае единый комплекс составляли четыре печи, имевшие общую предтопочную яму. На поселении Скок подобное сооружение первое. Ранее были исследованы сооружения с одиночными печами, двумя и тремя печами. Эти сооружения отличаются лишь количеством устроенных в них печей, т.к. сами печи практически одинаковые. На поселении Скок, а также на других славянских памятниках Молдовы наиболее представлены сооружения с одиночными печами, реже сооружения с двумя печами, и гораздо реже встречены сооружения с тремя печами. Помимо поселения Скок, они исследованы на памятниках Ханска, Рудь, Алчедар и др. За пределами Молдовы они известны на Добриневском городище (Тимощук 1976: 111-112), поселении Рашков (Баран 1971: 291-292), городищах Монастырёк и Звенигород (Петрашенко 1985: 82; Русанова, Тимощук 1993: 75-76, рис. 62, 64 и др.). Исследованы они и на раннесредневековых памятниках Румынской Молдовы в Пруто-Карпатском регионе (Mitrea 1980: 71; Teodor 1984: 64). Такие сооружения бытуют в широком хронологическом диапазоне от VI в. до XIII в.

Подобные печи чаще всего связываются исследователями с ремесленной деятельностью. Судя по имеющимся данным, такие печи могли иметь различное назначение. Одни могли функционировать как одноярусные горны для обжига керамики, другие служили для производства железа, на что указывают прикипевшие к их подам куски железного шлака. И.П.Русанова и Б.А.Тимощук, как и некоторые другие исследователи, считают, что подобные печи, не связанные с производством железа, предназначались для выпечки хлеба (Русанова, Тимощук 1993: 75-78). Скорее всего, такие сооружения имели многофункциональное назначение.

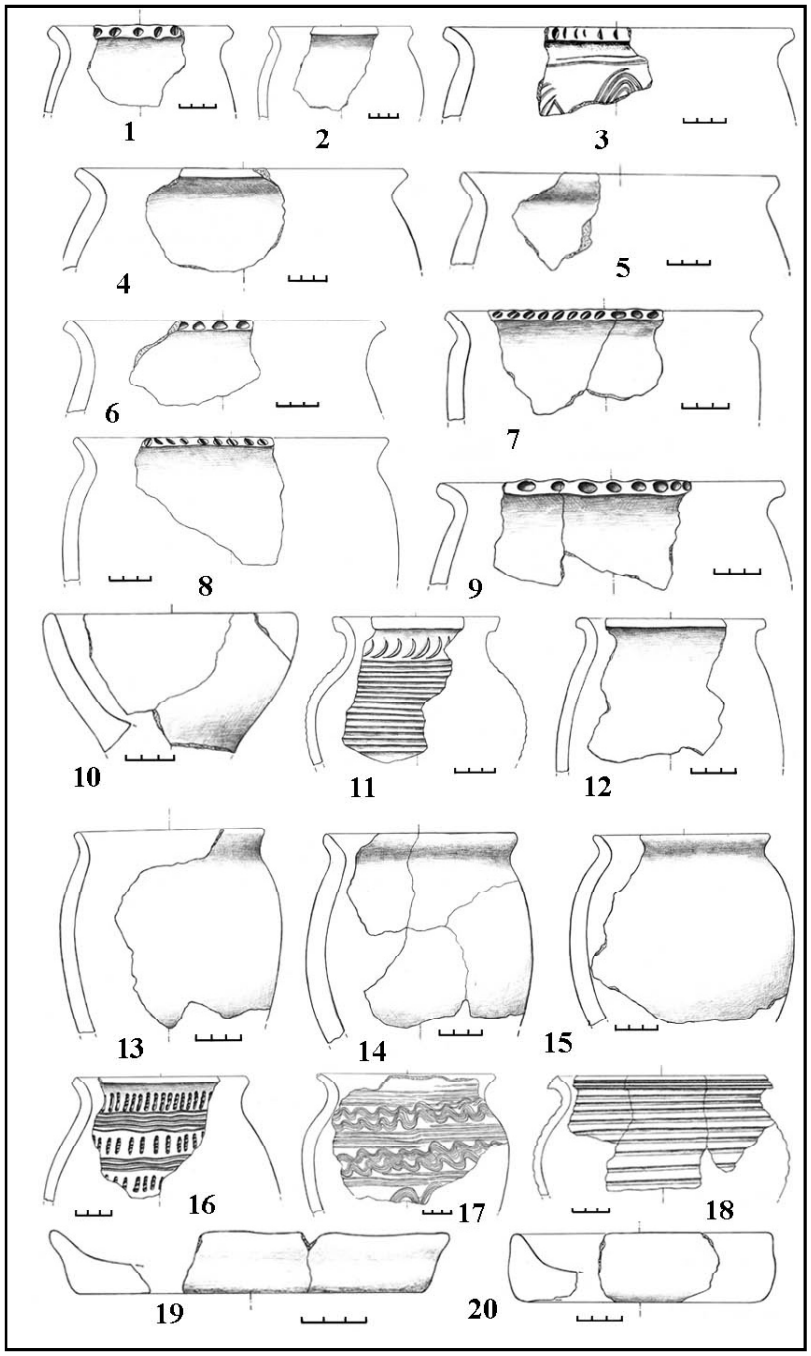

Рис.13. Керамика из сооружений. 1, 16 — я.136; 2, 18, 19 — п/з 61; 3, 6, 11 – я.132; 4, 5, 20 – яма печей 32 — 36; 7 — 9 — п/з 55 печь — каменка; 10 — п/з 57; 12 — я.142; 13 — 15 – п/з 56 печь — каменка; 17 — печь 31.

Из вещевого материала, найденного на поселении, наиболее презентативна керамика. Она подразделяется на лепную, раннегончарную и гончарную. Выделяются комплексы наиболее ранние, содержащие керамику пражско-корчакского типа, и типа Луки-Райковецкой.

Комплексы Прага-Корчак содержали лепную относительно тонкостенную керамику, имеющую в тесте примесь мелкого шамота и отличающуюся плотным черепком и довольно хорошим обжигом. Цвет наружной поверхности неоднороден. Основная форма — горшки и в небольшом количестве сковороды. Горшки имеют наибольшее расширение в верхней части тулова, венчики их прямые или слегка отогнутые, изредка украшенные насечками. Подобная керамика известна на славянских поселениях пражско-корчакского типа и датируется VI-VII вв. (Русанова 1973: 10-12).

Комплексы с керамикой типа Луки-Райковецкой с учетом исследованных сооружений в предыдущие годы по керамическому материалу и стратиграфическим наблюдениям подразделяются на три хронологических периода.

Сооружения периода ранней фазы культуры, датирующиеся концом VII-VIII вв., содержали лепную керамику с относительно рыхлой структурой черепка и толстыми стенками. Сре-

ди форм посуды выявлены горшки, миски и сковороды. Горшки в основном имели стройные пропорции, наибольшее расширение приходилось на верхнюю часть тулова. Венчики были в разной степени отклонены и часто украшены пальцевыми вдавлениями. Подобная керамика относится к славянской культуре типа Луки-Райковецкой и известна как в Молдове, так и за ее пределами (Русанова 1973: 13-16; Тимощук 1976).

Сооружения периода средней фазы культуры, датирующиеся концом VIII-IX вв., содержали также лепную керамику практически аналогичную керамике ранней фазы. Самым заметным отличием является то, что стенки сосудов в это время довольно часто были орнаментированы волнистым и линейным орнаментом, иногда имелся орнамент в виде пальцевых вдавлений. В этот период в незначительном количестве появляется грубая раннегончарная посуда.

В наиболее поздних сооружениях найдена лепная, раннегончарная и гончарная керамика, которая относилась к поздней фазе культуры типа Луки-Райковецкой, датирующейся концом IX — первой половиной X вв.

Таким образом, керамический комплекс поселения Скок разнообразен и хронологически охватывает период от VI до X вв. Соответственно и исследованные сооружения датируются этим же временем. Полученные в 1988 г. материалы, совместно с материалами исследований этого памятника за предыдущие годы, дают возможность изучить самые разные аспекты материальной культуры восточнославянского населения в Днестровско-Прутском междуречье. Так анализ жилых сооружений и их конструктивных особенностей обогащает наши знания о технике и типах домостроительства у местных славян. Данные о планировке жилищ дают возможность выйти на проблему социальной типологии селища. Сооружения производственного характера дополняют уже известную характеристику производственных процессов, присутствующих в экономике славянских поселений. Кроме изучения производственной деятельности и социальной структуры славян накануне образования Древнерусского государства, материалы, полученные при исследованиях на этом памятнике, будут способствовать решению вопросов генезиса и развития культуры типа Луки-Райковецкой в регионе, соотношение ее с пражско-корчакской, древнерусской и балкано-дунайской археологическими культурами, уточнение этнической принадлежности рассматриваемых древностей, уточнение их датировки и периодизации.

ЛИТЕРАТУРА

Баран В.Д. 1971.Раскопки славянского поселения у села Рашков на Днестре. // АО 1970. М., с. 291-292.

Ляпушкин И.И. 1968.Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. // МИА, № 155.

Петрашенко В.А. 1985.Городище Монастырёк VIII-X вв. в свете новых исследований. // Земли Южной Руси в IX-XIV вв. Киев, с.71-84.

Рикман Э.А. 1957.Раскопки селищ первых веков нашей эры в Поднестровье. // КСИИМК, Вып. 68, М. с. 75-83.

Русанова И.П. 1973.Славянские древности VI-IX вв. между Днестром и Западным Бугом. // САИ. Вып. EI-25. М.

Русанова И.П., Тимощук Б.А. 1993.Языческие святилища древних славян. М.

Смирнов Г.Д. 1964.Археологические разведки в нижнем течении Реута. // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев, с. 248-254.

Тельнов Н.П.1986.Исследование железоделательных сооружений поселения Скок. // АИМ в 1982 г. Кишинев, с.84-96.

Тельнов Н.П.1988. Исследование славянского селища Скок. // АИМ в 1983 г. Кишинев, с.101-113.

Тельнов Н.П.1989. Раскопки поселения Скок. // АИМ в 1984 г. Кишинев, с.187-192.

Тельнов Н.П.1991.Славянские жилища VI-X вв. Днестровско-Прутского междуречья. // Древности Юго-Запада СССР (I — середина II тысячелетия н.э.) Кишинев, с.145-166.

Тельнов Н.П., Рабинович Р.А.1990.Результаты работ на поселении Скок. // АИМ в 1985 г. Кишинев, с.194-212.

Тельнов Н.П., Рабинович Р.А.1992. Археологические раскопки на поселении Скок. // АИМ в 1986 г. Кишинев, с.208-223.

Тельнов Н.П., Рабинович Р.А.1997. Археологические исследования на поселении Скок. // Vestigii arheologice din Moldova. Chişinău, p. 253-264.

Тимощук Б.О.1976. Слов'яни Північної Буковини V-IX ст. Київ.

Фёдоров Г.Б.1957. Древние славяне и их соседи в Молдавии. // Учен. зап. Ин-та истории, языка и литературы. МФ АН СССР. Т. VI Серия историческая. Кишинев, с.237-311.

Фёдоров Г.Б. 1960.Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. // МИА, № 89.

Mitrea I. 1980. Regiunea Centrală a Moldovei dintre Carpaţi şi Seret în secolele VI-IX e.n.// Carpica, XII, Bacău, p. 55-190.

Teodor D.1984. Continuitatea populaţiei autohtone la est de Carpaţi în secolele VI-XI e.n. Iaşi.

МЕЖДУ ВИЗАНТИЕЙ И СТЕПЬЮ

О.А.Щеглова

ЖЕНСКИЙ УБОР ИЗ КЛАДОВ «ДРЕВНОСТЕЙ АНТОВ»: ГОТСКОЕ ВЛИЯНИЕ ИЛИ ГОТСКОЕ НАСЛЕДИЕ?

«Девы готские у края
Моря синего живут.
Русским золотом играя,
Время Бусово поют.»

Слово о полку Игореве, XII в.
Поэтическое переложение Николая Заболоцкого.

O.A.Scheglova. Female Adornment from the Hoards of the "Antiquities of Antes": Gothic Influence or Gothic Heritage?

Clothing and adornment both are an essential part of material culture, especially in traditional societies. For early medieval and barbarian societies, the lack of fine arts, human images or description of the cloths in literary sources force scholars to turn to the archaeological data, uncompleted and poor, but the only sources for reconstruction.

The situation in early Slavonic archaeology is even more complicated, because of the specific burial customs – cremation with a poor grave goods, which were spread around the Slavonic lands in the second part of the I-st Millenium A.D. The only source to reconstruct the traditional adornment produce a number of hoards found in a Middle Dnieper basin, just in the neighbouring regions of the modern Ukraine, Russia and Buelorus'. Now it is known 24 hoards included sets of women's decorations, belt fittings and some other things, all dated back to the 7-th and 8-th centuries A.D. The richest treasures (some of them contains more than 150 samples) are Martynovka, Kozievka, Novaya Odessa, Kharievka and three hoards, found at Pastyrskoye in Ukraine; Sudza, Gaponovo, Trubtchevsk in Russia). Set of female decorations usually included lamellate silver head-bands; bronze and silver torques; temple rings with slightly widened or spiral edges; bispiral, shield-boss shaped and trapeziform pendants; radiate-head, zoo-anthropomorthic and two-splint fibulae; small bells, beads and arm rings of different types. In the latest hoards temple rings were submitted by the earrings with the star-shaped or hollow pendants.

It is necessary to estimate the possibilities of the material possessed as a source to reconstruction of the traditional set of ornaments. I am about to ground that the hoards of the "Antiquities of Antes" were not the treasures of the nobility or votive complexes, but accumulation of festive decoration, which were kept in each ordinary family and served for ritual purposes. That's why it is possible to use these complexes for reconstruction of traditional costume, keeping in mind, that there could be more than one different sets of festive ornaments. The next step would be defining the limits for involving of the parallels, borrowed from ethnography and traditional cultures. As it is not proved yet that inhabitants of the Middle Dnieper basin in the third quarter of the I-st millenium A.D. were ethnically the ancestors of modern Slavs, so only general principles of ethnology could be extrapolated on these archaeological material without special preliminary studies. Nevertheless it seems to be possible to define special set of ornaments that belonged to maiden dress of bride and another one that belonged to dress of young married woman by comparing with traditional sets of ornaments inherent to these different age female groups in traditional societies.

The first attempt to reconstruct the traditional set of female jewelry on the base of the data of hoards was made more than 40 years ago by B.A.Rybakov. He used traditional Russian peasant clothing as a comparable material, and created the example of reconstruction, which became classic. All of the modern reconstructions made on a base of newly founded treasures are very close to that model. Although the interest to the problems of the early Slavonic culture is evidently grow, ornaments are usually used for the needs of chronology establishing, or to characteristic of the trade or international connections. Conventionally it is no doubt, that the hoards which got a name "Antiquities of Antes" belong to one of the early medieval Slavonic tribes, mentioned in Byzantine Chronicles – the Antes.

But now became evident, that the closest parallels and analogies to the sets of female ornaments from the hoards are spread from the territories, where were no Slavs that time. So, many scholars rejected the idea of the Slavonic origin of the adornments, although new hoards were found exactly in a contexts of the early Slavonic sites. A rare cases when a set of described female jewelry was reproduced in details in a burial complexes in Crimea (Lutchistoye) and in Steppe zone (Mokhnatch near Khar'kov and Dancheni in Moldavia), where were evidently no Slavs, is analyzed as like as a small number of inhumations with the same grave goods found in the Middle Dnieper region.

Some observations on the peculiarities of construction of brooches reveals that one set usually included a pare of similar fibulae, one of which was dedicated for left shoulder, and the other – for the right. This feature is of grate importance, because after the works of J.Werner a common view existed, that the Dnieper Slavs wore only one fibula on the breast unlike all Germans who used a pare of fibulae in different compositions. Two fibulae on the shoulders were a characteristic feature of the dress of the Eastern German tribes: West- and

© О.А.Щеглова, 1999.

Ost-goths and Gepids. So the fact that the inhabitants of the Middle Dnieper basin wore the dress familiar to traditional German needs the historical explanation. It is noticeable that only ornaments of head-dress survived in Slavonic culture of the Medieval Times and even up to the beginning of the XX century, transformed from metal into organic materials.

The area of the distribution of the unified set of female adornments was not corresponded with any of the synchronous archaeological cultures, which traditionally are connected with the Slavs, but lay at their borders. One of the suggestions to prove is that the set of ornaments represented in hoards might reflect the market of the production of the flourished center of decorative metalworking, which determined the fashion even more, than the local traditions.

На первый взгляд, вопрос, вынесенный в подзаголовок этой статьи, может быть воспринят сегодня исключительно как относящийся к проблемам историографии. Действительно, появившееся на рубеже XIX века название «готские фибулы», с легкой руки барона де Байя (Baye 1892: 1-16) на некоторое время закрепилось за пальчатыми и близкими к ним типами раннесредневековых фибул, найденных в Среднем Поднепровье. Однако уже А.А.Спицин назвал комплексы с такими вещами «древностями антов» (Спицин 1928). Нандор Феттих увидел в ювелирных украшениях раннесредневековых днепровских кладов сложное сочетание германских — готских и восточных — кочевнических элементов, которое позволило ему говорить о своеобразной синкретической «мартыновской культуре» (Fettich 1937). Б.А.Рыбаков, посвятивший критике готской теории происхождения этих украшений целую главу «Ремесла Древней Руси» (Рыбаков 1948: 46), сначала принял точку зрения А.А.Спицина, затем предложил переименовать рассматриваемые комплексы и называть их «древностями русов» (Рыбаков 1953). Это название как-то само собой не прижилось в археологической практике, хотя стоявшая за ним гипотеза и её аргументация практически не подвергались печатной критике. Однако подробный и даже въедливый разбор построений Б.А.Рыбакова был проведен крупнейшим знатоком ювелирного ремесла Г.Ф.Корзухиной в аналитической части её монументального труда «Среднее Поднепровье в V — VIII вв.», которая, к сожалению, так и не увидела света и ждет своего часа в Рукописном Архиве ИИМК РАН (Корзухина 1970: 207-292). Но потребовалось почти 50 лет, чтобы В.Д.Баран осмелился оспорить «русскую» принадлежность антских кладов (Баран 1998: 15-28). Интересно, что, скрупулезно рассматривая мнения и системы аргументации своих современников Б.А.Рыбакова, М.Ю.Брайчевского, Н.Феттиха, Й.Вернера и Х.Кюна, Г.Ф.Корзухина почти не упоминает «готскую теорию» происхождения пальчатых фибул, считая, по-видимому, это уже исключительно достоянием историографии. Однако некоторые реминисценции «готицизма» все-таки время от времени проявляются на уровне терминологии и до сих пор. Так, И.О.Гавритухин ввел и активно использует тяжеловесный и неудобопроизносимый, но достаточно адекватно отражающий суть дела термин «поствосточногерманская группа фибул» (Гавритухин 1991: 127-128; Гавритухин, Обломский 1996: 36-38),

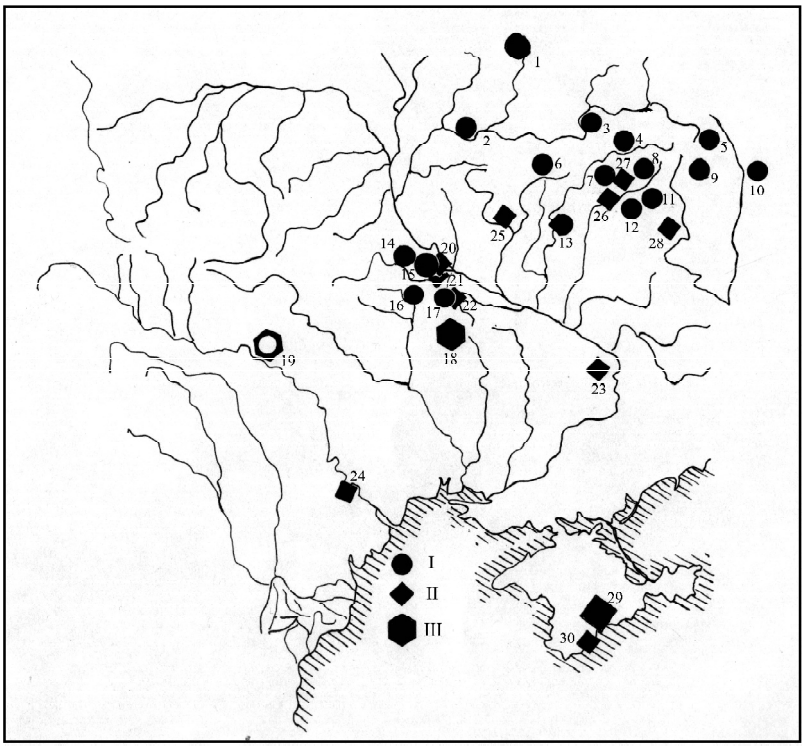

Рис.1. Карта распространения кладов и погребений с вещами типа “древностей антов”. I – клады. *II – погребения – ингумации III – поселения*
1 – Трубчевск, 2 – Мена, 3 – Гапоново, 4 – Суджа, 5 – Углы, 6 - Большие Будки, 7 – Нижняя Сыроватка, 8 – Смородино, 9 – Первое Цепляево, 10 – Колосково, 11 – Козиевка, 12 – Новая Одесса, 13 – Блажки, 14 – Малый Ржавец, 15 – Мартыновка, клад, 16 – Вильховчик, 17 – Хацки, 18 – Пастырское городище, 19 – Бернашевка, 20 – Мартыновка, погребение, 21- Бабичи, 22 – Балаклея, 23 – Алексеевка, 24 – Данчены, 25 – Поставмуки, 26 – Березовка, 27 – Рябовка, 28 – Мохнач, 29 – Лучистое, 30 – Суук-су.

применение которого постепенно входит в обиход, хоть и было подвергнуто критике И.С.Винокуром (Винокур 1994: 23-26, 1998: 139).

Однако я хотела бы остановиться сейчас не на неисчерпаемой историографии, а на одном из чрезвычайно интересных сюжетов, который долгое время оставался в тени других проблем. Это — попытка воссоздать облик парадного женского убора, зафиксированного в серии днепровских кладов «древностей антов», относящихся к достаточно узкому хронологическому отрезку, а именно – к середине VII в.н.э. (рис.1) Некоторые результаты этих реконструкций, как я постараюсь показать ниже, заставляют задуматься о том, что призыв доверять первому впечатлению не всегда так банален, как принято считать, и образ «готской девы», играющей золотом, возможно, жил в воображении обитателей далекой лесостепной поднепровской глухомани задолго до того, как их гениальный потомок вывел его в «Слове о полку Игореве».

Почему именно клады? Потому что ни изобразительных источников, ни могильников с погребениями по обряду трупоположения с инвентарем, которые относились бы к раннеславянским пражской, пеньковской и колочинской культурам, нет. А состав кладов и обилие случайных находок украшений типа «древностей антов» в Среднем Поднепровье, на Днепровском лесостепном Левобережье и в бассейне Дона свидетельствует о том, что костюм обитателей этих районов в раннем средневековье был красив и своеобразен, насыщен ювелирными изделиями.

Мне уже доводилось говорить о том, что из 25 известных сегодня «антских» кладов к этому времени можно отнести 16 комплексов, в состав которых входят пластинчатые венчики; большие височные кольца разных типов – круглые и С-образные с завитком на конце; массивные шейные гривны с гладким или фасетированным дротом; часто — стеклянные и янтарные бусы; ожерелья с разнообразными металлическими пластинчатыми подвесками: трапециевидными, умбоновидными, квадратными и сложнопрофилированными, расположенными иногда вперемешку с колокольчиками; литые пальчатые, антропозооморфные или украшенные каймой из птичьих головок по головному щитку фибулы; цельнолитые браслеты, в том числе с расширенными концами, а также поясные наборы геральдического стиля; иногда – предметы вооружения или их детали. Вторая группа из 9-ти кладов, которую я считаю более поздней, не содержит мужских вещей – поясных наборов, оружия, привозных предметов роскоши; там нет ни венчиков, ни височных колец – украшения головы представлены неизвестными в первой группе серьгами; нет пальчатых и «птицеголовых» фибул, а антропозооморфные представлены иными, развитыми типами, зато появляются большие пластинчатые застежки; богатство шумящих нагрудных ожерелий сменяется одной подвеской и несколькими полыми тиснеными бусинами; а среди браслетов и гривен появляются полые украшения (Щеглова 1990; 1995: 376-377, 383). Все это свидетельствует об общей смене моды и стиля (Щеглова 1995), как теперь стало очевидно благодаря исследованиям О.М.Приходнюка на Пастырском городище, связано с заимствованием приемов, инструментов и техники ювелирного дела из Подунавья (Приходнюк 1994: 64-75).

Что касается достаточно безапелляционного датирования рассматриваемой группы кладов именно серединой VII в.н.э., то здесь я опираюсь на фундаментально обоснованное И.О.Гавритухиным отнесение бытования осевших в этих комплексах вещей ко 2-ой и 3-ей четвертям VII в.н.э., а выпадения самих кладов – к 3-ей четверти VII в.н.э. (Гавритухин, Обломский 1996: 89-95), хотя не во всем соглашусь с предпринятой авторами «Гапоновского клада» новой группировкой комплексов и её интерпретацией (Гавритухин, Обломский 1996: 53-57, 146-148).

Принципы отбора материала и критика источников

Как своеобразный археологический источник, вещевые клады имеют определенную специфику. Она прежде всего связана с тем, что находят клады, в основном, случайные люди при случайных обстоятельствах. В нашем случае в первой группе антских кладов только комплекс из Великих Будков был обнаружен при систематических археологических раскопках (Горюнова 1992: 127). Несмотря на то, что место находки клада в Гапонове было обследовано буквально по горячим следам, вещи, составляющие комплекс, попадали к исследователям по частям (Гавритухин, Обломский 1996: 7-10), и в их числе оказался обломок ручки алюминиевой чайной ложки, занявший место в музейной коллекции и в публикации (Гавритухин, Обломский 1996: 16, 208). Трубчевский клад, найденный в городке, где традиционно хорошо поставлен археологический надзор, попал в музей лишь через год после находки, и к этому времени уже был утрачен сосуд – вместилище клада. Известно, что пластинчатый венчик (?) из Суджи был пущен находчиком на контакты для трактора (Корзухина 1996: 404), серебряная диадема из Мартыновки пошла на блесну (Корзухина 1996: 362), а шлем из Колоскова был выброшен в Оскол (Корзухина 1996: 420). Даже в музейных коллекциях судьба комплексов после находки также зачастую складывалась драматически. Не случайно полным публикациям знаменитого Мартыновского клада на Украине и за рубежом предшествовала долгая работа исследователей

по идентификации предметов из не менее чем 6-ти поступлений в 3 разных учреждения (Пекарська 1991: 124-129; Приходнюк, Шовкопляс и др. 1991: 72-74; Kidd 1989: 103-107; Pekarskaja, Kidd 1994: 16-24). В разоренных Второй мировой войной музеях Киева и Харькова были безвозвратно утрачены многие находки, другие – депаспортизованы и перепутаны (так получилось с вещами Козиевского и Новоодесского кладов, – см. Корзухина 1996: 401-402). В недавнее время часть антских вещей из Поднепровья, вывезенных во время оккупации из Киевского исторического музея, обнаружилась в Кракове, причем некоторые сохранили этикетки, ошибочно относящие ряд предметов к кладу из Хацков (Parczewski 1991: 116,127; 1993: 113-122). Всё это заставляет с осторожностью подходить к оценке достоверности и комплектности кладов, особенно в тех случаях, когда ставится задача реконструкции гарнитура. Поэтому в качестве основного источника о составе антских кладов я использовала Каталог Г.Ф.Корзухиной (Корзухина 1996), где приведены материалы, сбор которых Гали Федоровна начала еще в конце 30-х гг. Кроме того, каждый комплекс, вошедший в этот Каталог, подвергнут скрупулезному анализу с точки зрения внешней критики источника, прослежена история находки, хранения и публикации вещей. Таким образом, доверяя Г.Ф.Корзухиной, я не буду специально останавливаться на тех случаях, когда атрибуция рассматриваемых вещей, качественный и количественный состав анализируемых комплексов не во всем соответствует данным, приводимым в классических и широко известных работах Н..Феттиха, Б.А.Рыбакова и И.Вернера – комментарии есть в соответствующих разделах Каталога. Что касается последних по времени находок антских кладов – из Великих Будков, Гапонова и Трубчевска, то они изучены как по соответствующим публикациям (Горюнова 1992; Гавритухин, Обломский 1996; Приходнюк, Падин, Тихонов 1996), так и в фондах ИИМК РАН, Курского областного музея археологии, Трубчевского районного краеведческого музея.

Число комплексов, на основании которых я пытаюсь восстановить облик женского убора, меньше числа известных кладов. Из рассмотрения выпадают, во первых, небольшие комплексы, в состав которых явно входило больше вещей, чем удалось зафиксировать (Мена и Блажки – см. Корзухина 1996: 408, 394); во-вторых, документированные находки, содержавшие 1-3 категории вещей, представленных единичными образцами (Углы и Первое Цепляево – см. Корзухина 1996: 418; Дьяченко 1978: 27-29); в-третьих, «мужской» клад из Вильховчика (Приходнюк 1980: 99,129).

Однако, даже если достоверность и полнота состава клада не подлежат сомнению, существует ряд сложностей при использовании его для реконструкции костюма. Они могут быть связаны с характером и продолжительностью накопления комплекса, а также с тем, к какому типу кладов он относится.

И.О.Гавритухин и А.М. Обломский показали, что все рассматриваемые клады I группы не являются комплексами длительного накопления (Гавритухин, Обломский 1996: 95). Только предметы византийского происхождения, среди которых имеется серебряная чаша с клеймом времени Юстина II (565-578) и серия поясных накладок, имеющая аналогии в лангобардских древностях Северной Италии конца VI – перв. пол. VII в. из Мартыновки (Pekarskaja, Kidd 1994: 36-42; 129: Taf.36: 4-7; 133: Taf.40: 5), да фрагмент серебряной пальчатой фибулы из Больших Будков, изготовленной в одной из ювелирных мастерских Подунавья примерно в то же самое время, свидетельствуют о том, что к моменту упокоения кладов в третьей четверти VII в. в обиходе их владельцев еще могли находиться отдельные предметы почти вековой давности.

В литературе широко распространены мнения о том, что «древности антов» относятся к категории кладов-сокровищ, приобретенных знатью в качестве военной добычи (Рыбаков 1953: 99; Приходнюк, Падин, Тихонов 1996: 94; Баран 1998: 17) или принадлежавших «элите» нового формирующегося политического объединения (Гавритухин, Обломский 1996: 145). Однако в кладах почти полностью отсутствуют привозные изделия, совсем нет золотых вещей. Украшения изготовлены из латуни и серебра с высоким содержанием меди, многие несут следы починки. Состав комплексов унифицирован: они содержат не только общие категории вещей, но одинаковые типы, а в ряде случаев – вещи серийного изготовления. Так, большие пальчатые днепровские фибулы, сделанные с применением одного и того же шаблона для оформления продолговатого щитка (этот шаблон имеет характерную асимметричную деформацию у конца, и изделия, выполненные с его применением, легко опознаются) попали одновременно в Мартыновский, Смородинский, Нижнесыроватовский и Трубчевский клады (соответственно Корзухина 1996: 598, таб.8: 3; 650, таб.60: 1; 651, таб.61: 1; Фонды ТКМ № 4780/138). Среди великого множества случайных находок «древностей антов» в Среднем Поднепровье встречаются ювелирные изделия куда более высокого качества, чем те, что отложились в кладах. Поэтому представляется, что в рассматриваемых нами комплексах осели не сокровища элиты, а «предметы массового потребления». Другое дело – одновременное и однократное выпадение антских кладов I группы, несомненно, связанное с драматическими и необратимыми событиями, в которые оказалось вовлеченным в третьей четверти VII в.н.э. население Среднего Поднепровья и Днепровского лесостепного Левобережья. Можно сказать, что «антские» комплексы превратила в клады не добрая воля, а

злая судьба их хозяев.

При всем сходстве типологического состава, рассматриваемые комплексы делятся на две группы: клады мастеров и клады – «ларчики». В состав последних входит содержимое семейной «укладочки», в которой обычно хранятся 1-2 праздничных (или обрядовых) убора, надеваемых лишь в особых случаях, и отдельные реликвии. К комплексам этого типа относятся клады из Хацков, Малого Ржавца, Вильховчика, Мены, Суджи, Смородина, Нижней Сыроватки, Первого Цепляева, Новой Одессы, Углов и, с некоторыми оговорками, Гапонова. Именно эти клады в наших обстоятельствах, при отсутствии не только изобразительных материалов, но и достоверных комплексов погребений по обряду трупоположения в ареалах пеньковской и колочинской культур, выступают в роли лучшего из имеющихся источников реконструкции праздничного убора обитательниц Среднего Поднепровья и Днепровского лесостепного Левобережья в VII в.н.э.

Клады мастеров содержат сломанные и деформированные изделия, в числе которых встречаются импортные вещи; металлические слитки и пластины – полуфабрикаты; иногда – инструменты. В некоторых комплексах число предметов, относящихся к какой-либо категории украшений, намного превышает количество, необходимое для использования в комплекте с украшениями других разновидностей (19 фибул из Трубчевска, 29 браслетов и 10 фибул из Козиевки, 48 браслетов и их фрагментов в Колоскове, сотни бляшек в Больших Будках). Мастерам принадлежали Трубчевский, Колосковский, Козиевский, Большебудковский клады, вероятно – «пудовый» комплекс из Блажков. В Мартыновском кладе, где есть и почти все компоненты нарядного женского убора, и поясные гарнитуры, встречено большое количество ювелирного лома, но нет ни одного предмета, который можно было бы считать изделием владельца клада. Поэтому мнения исследователей разделились : Н.Феттих (Fettich 1937: 283), М.И.Артамонов (1970), Г.Ф.Корзухина (Корзухина 1970: 570) считали клад принадлежащим ювелиру. Однако традиционно он интерпретируется, как клад-сокровище. Для нас это не так важно: во все перечисленные выше клады мастеров, кроме комплекса из Больших Будков, составной частью входили и уборы из «укладочек». Количество индивидуальных гарнитуров, содержащихся в многокомпонентном кладе мастера, может быть различным. Наблюдения над стилистическими особенностями разных категорий женских украшений мало что дают, в отличие от поясных наборов, где именно стиль декора и мелкие конструктивные детали помогают выявить единые комплекты. Во всяком случае, мне не удалось найти ни одного полного набора украшений, про который можно было бы сказать, что его составляющие выполнены в одном стиле. Ближе всего к этому подходит комплект серебряных вещей из Мартыновского клада, но, строго говоря, их объединяет не стиль, а материал. Вторая попытка скомпоновать «серебряный убор» из состава Трубчевского клада уже не вполне удалась – не хватило фибулы и браслетов. На самом деле, отмеченные выше диспропорции в составе кладов мастеров со значительным преобладанием одной или нескольких категорий находок над остальными уже свидетельствуют в пользу достаточно высокой специализации ювелирного дела, когда бижутерия не изготовлялась на заказ целыми гарнитурами, а мастера выпускали украшения всего одной или нескольких излюбленных категорий. Кстати, это еще раз ставит под сомнение определение антских кладов, как сокровищ.

По- видимому, особое место, промежуточное между домашним промыслом и специализированным ремеслом, занимало не требующее особых навыков производство вещей из свинцово оловянных сплавов. Так, если хозяин клада из Больших Будков, сотнями отливавший бляшки и даже покушавшийся на изготовление фибул, мог, наверное, работать с другими сплавами (во всяком случае, ювелирный лом он для чего-то копил), то владелец Гапоновского клада умел обращаться только с легкоплавким материалом и даже утерянный щиток серебряной псевдопряжки своего парадного пояса восстановил из свинцово-оловянистого сплава (Щеглова, Егорьков, в печати). Находка 64-х формочек для отливки бляшек, ворворок, подвесок и маленьких фибул из таких сплавов в жилище на Бернашевском поселении пражской культуры в Поднестровье (Винокур 1997) снова наводит на грустные размышления об ограниченности возможностей реконструкции костюма по археологическим материалам.

Почему в ареале пражской и соседней пеньковской культур нет ни одного изделия, выполненного по моделям из бернашевских формочек? Куда подевались отливки мелких подвесок, нашивных бляшек, ворворок, колечек – ведь формочки для многоразовой отливки предполагают их массовое серийное изготовление? Даже если предположить, что набор форм бернашевского мастера почему-то не был в употреблении (а это не так – см. Винокур 1997: 105-106), то где изделия из аналогичных формочек, найденных в небольшом количестве, но на многих синхронных памятниках региона (Семенки, Самчицы, Тетеревка, Хотомель, Ханска, Данчены и т.д.)? Ответ на этот вопрос помогают дать очень близкие аналогии формочкам, в деталях повторяющие изображения на них, концентрирующиеся на памятниках абсолютно иной культурной принадлежности, расположенных за сотни километров к северу, а именно в Юго-Восточной Эстонии и на Псковщине (Рыуге, Камно, Отепя, Изборск, Псковское городище и др.), и относящихся не ранее, чем к VIII в.н.э.. Отдельные

находки есть и «по дороге» – в Белоруссии (Лукомль), на Смоленщине (Шугайловка), на Верхней Волге (Осечен, Подол III). Исследователь каменных литейных формочек Прибалтики Х.Моора на своем материале столкнулся с той же проблемой: формочки есть, а отливок нет (Моора 1963: 358). Он подметил, что плавильники – литейные ложечки, часто встречаемые на памятниках вместе с формочками, рассчитаны на легкоплавкий металл, т.к. имеют втулку для вставной деревянной ручки, не переносящей высокой температуры. Именно такой тигельчка и найден вместе с формочками в бернашевском жилище 36 (Винокур 1997: 51, рис.15). В Прибалтике традиция изготовления мелких украшений из оловянно-свинцовых сплавов дожила до зрелого средневековья, нашивные бляшки фиксируются в этнографическом костюме. Однако изделия из подверженного быстрому разрушению олова и сплавов с большим его содержанием практически не сохранились в раннесредневековых памятниках и там. Однако в консервирующих условиях Земляного Городища в Старой Ладоге такие изделия (кстати, полностью отвечающие и негативам с бернашевских формочек) встречены начиная с середины 60-х гг. VIII в.

Тот факт, что изделия, отлитые в формах, подобных бернашевским, обнаружены в синхронных и родственных культурах исключительно в кладах «древностей антов», я склонна объяснять особыми консервирующими условиями, которые возникли при компактном хранении нестойких свинцово-оловянных изделий вместе с вещами из сплавов на основе меди и серебра. Количество экземпляров каждом таком комплексе колеблется (около1200 в Больших Будках, десятки — в Гапонове и Новой Одессе, «много» – в Козиевке, единицы – в Нижней Сыроватке и Смородине), однако простота изготовления, массовость и, вероятно, дешевизна этих вещей, обеспечивавшая их доступность, заставляют предполагать, что именно они составляли существенный компонент убора из металлических украшений. Однако всё многообразие и богатство мира свинцово-оловянных украшений, косвенно реконструируемого по негативам на бернашевских формочках, исчезло, погубленное «оловянной чумой». Сохранность изделий из свинцово-оловянных сплавов в кладах «древностей антов» — редчайший, если не единственный пример того, что клад в некотором отношении может быть информативней для реконструкции костюма, чем другие источники.

Подводя итоги сказанному, повторю положения, на основании которых я считаю возможным использовать комплексы антских кладов не только для установления хронологии и характеристики культурно-экономических связей и развития ювелирного дела оставившего их населения, но и для реконструкции бытовавшего в этой среде праздничного женского убора, в отдельных случаях позволяющего говорить и об особенностях традиционного костюма.

1. «Древности антов» – не клады-сокровища. Они формировались недолго, выпали одновременно, и относятся к категории кладов-«ларчиков», в которых отложились не богатства элиты, а в достаточной степени однотипные «плоды индивидуального накопления» рядовых носителей культуры, среди которых были и мастера-ювелиры.

2. Среди разных по объему и достоверности комплексов можно выделить серию содержащих достаточное количество предметов разных категорий, характеризующих нарядный женский убор.

3. Повторяемость сочетаний категорий украшений в кладах позволяет говорить об устойчивом традиционном наборе.

Реконструкции женского убора «антских» кладов в археологической литературе: основания и результаты

Наиболее известна классическая реконструкция женского убора из Мартыновского клада, сделанная Б.А.Рыбаковым в 1953 г. (рис.2) на основании параллелей с поздним этнографическим женским убором. (Рыбаков 1953: 3). Женская головка в кокошнике с «ухом» прилежно воспроизводится в обобщающих, справочных и популярных изданиях (см., например, Седов 1986: 34, Семенова 1998: 407), как образец живучести традиций народного костюма, отдельные элементы которого (в данном случае – головной убор) сохраняют конструктивные особенности на протяжении более чем тысячелетней истории. Однако использование в реконструкции именно того набора предметов, который был предложен Б.А.Рыбаковым, весьма спорно. Выше уже было отмечено, что Мартыновский клад, наряду с женским и мужским нарядными уборами, содержит некоторое количество ювелирного лома и некомплектных вещей. Именно к числу последних относится пальчатая фибула и непарные накладные пластины-«бобы», которые, кстати, другие исследователи считали украшениями шлема. С другой стороны, использованы не все возможные вещи из этого комплекса, в частности, «забыты» пара антропозооморфных фибул, шейные гривны и браслеты. Поэтому выполненная через 40 лет на основании того же комплекса реконструкция О.М.Приходнюка и художника П.Л.Корниенко, которые использовали только парные серебряные вещи из Мартыновского клада, выглядит уже совсем по-иному (рис.3 – Давня історія…1995: 44).

Авторы публикации Гапоновского клада И.О.Гавритухин и А.М.Обломский, напротив,

Рис.2. Реконструкция женского убора из Мартыновского клада по Б.А.Рыбакову, 1953 г.

расположили на макете украшения всех типов, представленные в кладе, не обратив внимания на то, что смешивают, по крайней мере, два разных комплекта (рис.4 — Гавритухин, Обломский 1996: 236, рис.57). Однако рисунок из этой монографии стал воспроизводиться, как образец реконструкции (Баран 1998; Kazanski 1999: 114).

И.С.Винокур вместе с Г.И.Якубовским попытались найти место в женском уборе для предметов, которые могли быть отлиты по моделям из формочек Бернашевского клада (рис.5 — Винокур 1997: 157, рис.51, 158). Полученная реконструкция оказалась очень похожа на «княгиню» XII-XIII вв. — известную иллюстрацию из монографии П.П.Толочко (Толочко 1980: 100-101). Однако если головной убор с колтами и височными кольцами и многочисленные украшения шеи и груди для XII-XIII вв. документированы и изобразительными и многочисленными археологическими источниками, то для переноса всего этого комплекса украшений в более раннее время нет достаточных оснований, тем более, что комплекс с колтами считается уже специфическим городским типом костюма (Рабинович 1986: 52,57-59). Кроме того, художник в несколько раз увеличил пропорции украшений по отношению к изображенной фигуре, поэтому полученная картинка не может претендовать на достоверность.

Таким образом, каждая из существующих реконструкций, с одной стороны, подчинена определенной логике, а с другой – вызывает ряд вопросов, ответы на которые должны быть обоснованы.

Любая реконструкция костюма или хотя бы убора, состоящего из металлических украшений по материалам кладов, всегда будет ущербной, поскольку, в отличие от погребений-ингумаций, которые дают возможность проследить хотя бы размещение находок на костяке, в нашем случае приходится дополнительно обосновывать функциональное определение имеющихся вещей, а оно не всегда очевидно. Так, Г.Ф.Корзухина относила к числу предметов неизвестного назначения длинные серебряные ленты, встреченные в Мартыновском, Суджанском, Козиевском, Новоодесском и Колосковском кладах (Корзухина 1970: 541-568), но только после находки двух недеформированных и орнаментированных изделий в Гапонове стало понятно, что это – головные венчики (Гавритухин, Обломский 1996: 11,49). Не до конца ясно, считать ли кольца диаметром 13-15 см с несомкнутыми слаборасширенными концами из Суджи, Гапонова и Козиевки гривнами (Гавритухин, Обломский 1996: 11,50) или височными кольцами (Рыбаков 1953: 64, рис.11), хотя четное число найденных экземпляров могло бы подкрепить последнее предположение, если бы была уверенность в полноте комплексов. Так же по-разному может определяться положение в комплексе разных видов подвесок и трубочек, нашивных бляшек и трубочек-пронизок.

Поиск аналогий в традиционном костюме и

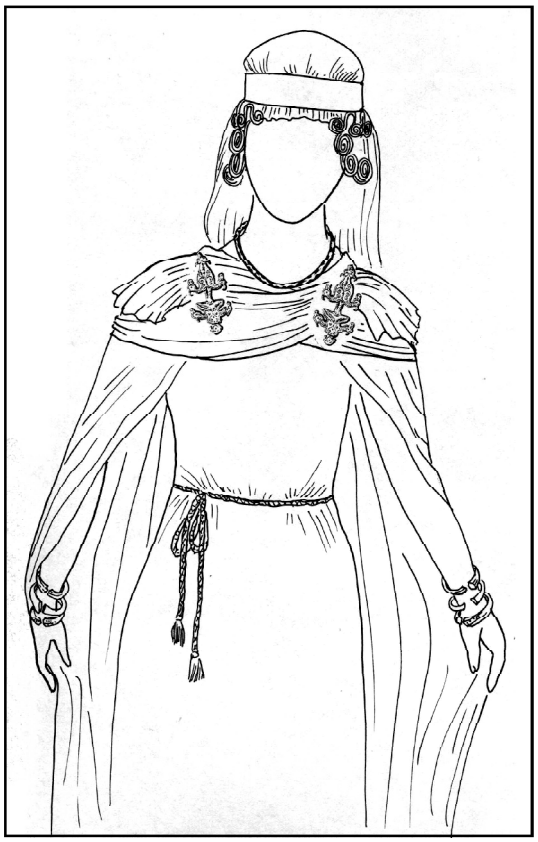

Рис.3. Реконструкция женского убора из Мартыновского клада по О.М.Приходнюку и П.Л.Корниенко. Рисунок Л.В.Шамшевой.

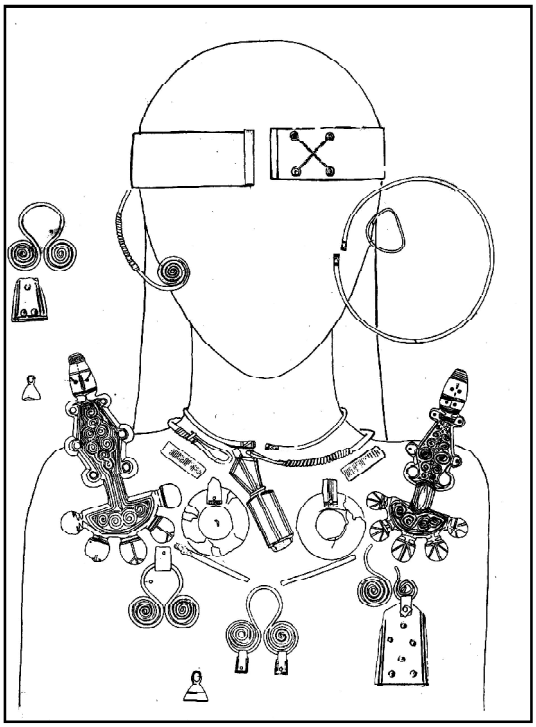

Рис.4. Реконструкция женского убора из Гапоновского клада по И.О.Гавритухину и А.М.Обломскому.

Рис.5. Реконструкция женского убора на основании отливок из Бернашевских форм по И.С.Винокуру и Г.И.Якубовскому.

наборе украшений восточных славян мог бы быть перспективен лишь при совпадении нескольких условий. Одним из них является документированная или хотя бы реконструируемая (не обязательно по археологическим данным) преемственность между населением, оставившим клады, и тем, из этнографии которого предполагается черпать материал для проведения параллелей. Однако для рассматриваемой территории, которая в конце XIII-XV вв. была просто опустевшим «диким полем», а затем испытала вторичную славянскую колонизацию уже в XVI-XVII вв. (Чижикова 1988: 14-21), собранные в этих краях этнографические данные, относящиеся к концу прошлого века, будут не более достоверным источником аналогий, чем происходящие из любой другой точки восточнославянского мира. Господство обряда трупосожжения вплоть до конца X в. также серьезно осложняет дело. Более того, если отвлечься от узкой задачи исследования, и посмотреть на историю материальной культуры региона в целом, станет очевидно, что между нашими древностями середины VII в. и теми погребальными памятниками конца X –XI в., на основании исследования которых можно впервые сделать некоторые палеоэтнографические наблюдения, в том числе и по традиционному костюму и набору украшений, фиксируются по крайней мере два периода значительных потрясений, которые фактически привели к смене культур, хотя и не сопровождались сменой населения (Щеглова 1991).

Выход из этой безнадежной ситуации видится мне в том, чтобы рассмотреть совокупность доступных нам данных на широком фоне материалов, происходящих из синхронных соседних культур, а также в хронологической перспективе и ретроспективе, не пренебрегая этнографическими параллелями, но, тем не менее, сознавая ограниченные возможности их привлечения. И первое, что должно быть рассмотрено с этой точки зрения – это культурные явления, которые являются своеобразными исключениями из правил каждое в своей среде: отдельные погребения по обряду трупоположения в Среднем Поднепровье и отдельные погребения с наборами вещей типа «древностей антов» за его пределами.

Женские погребения с вещами типа «древностей антов» в Среднем Поднепровье и за его пределами

Редкие трупоположения с вещами круга «древностей антов» в ареале пеньковской культуры в целом и в зоне распространения рассматриваемых кладов в частности в последнее время привлекают внимание исследователей и их сводки, учитывающие как старые, архивные, так и самые недавние данные, опубликованы с достаточной полнотой (рис.1 — Корзухина 1996: кат № 27,68,76,82; Родинкова 1996: 161-162; Приходнюк 1998: 29-33, 145-160). Однако боль-

шинство этих комплексов либо довольно плохо документированы (Мартыновка, Балаклея, Поставмуки, Березовка, Алексеевка), либо содержат лишь отдельные предметы (Рябовка, Селиште погр.№ 48). Во всех перечисленных случаях пол погребенных по костяку не был определен, также, как и место находки сопровождающего инвентаря. В Мартыновке, Березовке и Балаклее из погребений происходят по две фибулы разных типов, в последнем случае встречены еще браслет, стеклянные и янтарные бусы, трубочка-пронизка и другие мелочи. В Поставмуках скелет сопровождала одна антропозооморфная фибула и пряслице, погребение №59 в Селиште – маленькая пальчатая фибула, пряслице, игла и набор пастовых и янтарных бус, причем все предметы, кроме пряслица, были найдены в районе черепа. В одном из трех погребений в Алексеевке возле черепа зафиксированы по два односпиральных височных кольца и янтарные бусины.

На этом фоне выделяются комплексы, происходящие с удаленных друг от друга окраин пеньковской культуры – женское погребение №280 из Данчен в Молдавии (Рафалович 1986: 24-27,132) и случайно обнаруженное катакомбное захоронение из Мохнача на Харьковщине (Аксенов, Бабенко 1998). Комплекс из Данчен, обнаруженный на территории известного могильника черняховской культуры, небогат, но раскопан и издан так, что на его основе возможно восстановить положение предметов на теле погребенной. Парные одинаковые фибулы расположены симметрично на плечевых костях и ключицах головными щитками вниз, браслет с орнаментированными концами охватывал кости левой руки, в районе шейных позвонков найден темный бисер и пастовые бусины (рис.6).

Полная публикация комплекса из Мохнача, оперативно предпринятая обследовавшими место находки харьковскими археологами, моментально вызвала горячий интерес и комментарии специалистов (Приходнюк 1998: 30-33,91; Kazanski 1999: 105). Если бы эта находка была сделана лет тридцать назад, то точка зрения, согласно которой «древности антов» принадлежали «пастырской» культуре кочевого населения, разделяемая в конце 60-х гг. такими выдающимися исследователями, как М.И.Артамонов, Г.Ф.Корзухина и И.И.Ляпушкин, считалась бы бесспорно обоснованной (Горюнова, Щеглова 1998: 131-133). Но сегодня, несмотря на явно неславянский обряд и тип погребального сооружения, О.М.Приходнюк и М.М.Казанский, в отличие от В.С.Аксенова и Л.И.Бабенко, независимо друг от друга назвали найденный в захоронении инвентарь славянским. Дело в том, что в этом погребении представлены практически все без исключения типы металлических украшений, имеющиеся в кладах «древностей антов», в том числе и такие, принадлежность которых к женскому костюму ранее находилась под вопросом. Так, впервые выявлены элементы женской поясной гарнитуры: пряжка без щитка, коробчатый наконечник пояса и круглые блях и на свинцовой основе. По следам окислов на лобных костях определено место в костюме тисненой пластины – диадемы. Сочетание янтарных бус с крупными раковинами подтвердило неслучайность таких же находок в Хацковском кладе. Наконец, впервые в погребении было встречено три фибулы – две парные внешне одинаковые пальчатые и одна подвязная широкопластинчатая. Выполненная художником Ю.Е.Титинюком реконструкция (рис.7 — Аксенов, Бабенко 1998: 118, рис.5) демонстрирует наряд с плащом, который удерживают пальчатые фибулы, и верхней распашной одеждой, ворот которой скреплен широкопластинчатой фибулой.

Погребения в Данченах и Мохначе расположены вне ареала кладов «древностей антов», но, по крайней мере, в пределах распространения памятников пеньковской культуры. Существует, однако, и куда более удаленный в географическом и культурном отношениях регион, из которого происходят погребальные комплексы, в деталях воспроизводящие женский убор из антских кладов. Это – Южный Крым, где с начала VII в. в отдельных склепах и подбойных могилах некрополей крымских готов появляются фибулы днепровских типов, а в могильнике Лучистое найдено и несколько погребений, содержавших, помимо фибул, ожерелья с металлическими подвесками и бубенцами, браслеты и трубочки-пронизки (Айбабин 1990; 1995; Хайрединова 1998; 1999: 88, рис.72; 89, рис.75; 92, рис.80; 93, рис.81).

Присутствие фибул днепровских типов в готских могильниках Крыма отмечалось с момента открытия первых комплексов с соответствующим инвентарем в Суук-Су (Репников 1906; 1907), предметом обсуждения становились место их производства (Рыбаков 1948: 67-70; Werner 1953: 162; Якобсон 1958: 464, 465; Пудовин 1962: 147; Корзухина 1970: 591-597; Айбабин 1990: 23-26; Амброз 1995: 46-47) и время бытования (Айбабин 1988; 1990: 59-64; Амброз 1971: 96-123; 1988: 9-11; Гавритухин, Обломский 1996: 63-69). Однако для наших задач наиболее важной представляется серия недавних публикаций А.И.Айбабина и Э.А. Хайрединовой (Айбабин 1990; 1994; Айбабин, Юрочкин 1995; Хайрединова 1997; 1998; Aibabine, Khairedinova 1997; Chajredinova 1999), которые вводят в научный оборот комплексы с днепровскими элементами или посвящены непосредственно реконструкции женского костюма на их основе (рис.8).

Наиболее показательными являются детские погребения из Лучистого, обнаруженные в склепах 54 (погр.20), 38 (погр.9), 10 (погр.17), и женские из Лучистого (склеп 43, погр.4; склеп 10, погр.4) и Баклинского оврага (могила 11).

Рис.6. Женский убор из погр.280 в Данченах. Рисунок Л.В.Шамшевой.

Рис.7. Женский убор из погребения в Мохначе по В.С.Аксенову, Л.И.Бабенко и Ю.Е.Титинюку. Рисунок Л.В.Шамшевой.

В Крыму фибулы днепровских типов встречаются парами, на костяке расположены у плечевых костей головным щитком вниз. Пара редко состоит из одинаковых фибул (всего 4 случая из более чем полутора десятков погребений с днепровскими фибулами), чаще в комплект объединены разные типы пальчатых или антропозооморфных, возможно сочетание тех и других. В Баклинском овраге в могиле 11 оказались вместе пальчатая и литая двупластинчатая фибулы, которые никогда не совстречаются в кладах (Айбабин, Юрочкин 1995: 227), а в погр.4 склепа 10 из Лучистого – 2 маленькие «мазуро-германские» фибулы разных серий (Айбабин 1994: 151), которые также не отложились в антских кладах, за исключением пары из свинцово-оловянного сплава из Больших Будков. По наблюдению Э.А.Хайрединовой, в непарных комплектах фибула, расположенная справа, всегда значительно крупнее левой (Хайрединова 1998: 112; Chajredinova 1999: 87).

Фибулы соединялись цепочками из восьмеркообразных проволочных звеньев, на которые нанизывались колокольчики, или низками крупных стеклянных и янтарных бус. Ожерелья из пластинчатых, умбоновидных или двуспиральных подвесок (Лучистое: склеп 54, погр.20, погр.16; склеп 38,погр.9) держались на нити, пропущенной через трубочки-пронизки.

Следует обратить внимание на то, что такие трубочки вместе с соединенными попарно небольшими трапециевидными подвесками могут принадлежать вовсе не ожерельям. Так, в погребении девочки (Лучистое: склеп 54, погр.20), где отсутствует атрибут костюма взрослой женщины – орлиноголовая пряжка, скопления трубочек-пронизок, лежащих параллельно друг другу, зафиксированы у локтей погребенной. Рядом, уходя под сочленения плечевой и локтевой костей, находились попарно соединенные колечками трапециевидные подвески (Айбабин 1990: 235, рис.56). В реконструкции костюма из этого погребения Э.А.Хайрединова помещает свободно висящие украшения из вертикально расположенных пронизок с трапециевидными подвесками по обеим сторонам груди, а как они закреплены – неясно (Chajredinova 1999: 92: abb.80). Мне кажется, скорее, здесь мы имеем дело с украшениями двух кос, спускавшихся по спине девочки. В погребении младенца (Лучистое: склеп 10, погр.17) в области груди так же прослежены остатки подобного шумящего украшения, состоящего из кольца с деревянной бусиной и 5-ти пропущенных через пронизки нитей с парами трапециевидных подвесок на концах (Айбабин 1994: 163, рис.18). Остальной инвентарь погребения – женский, без пряжки. По-видимому, и в некоторых из антских кладов, трапециевидные подвески и трубочки относились не к ожерельям, а к девичьим накосникам.

Браслеты в готских погребениях Крыма одеты либо на обе, либо только на левую руку, причем на левой руке всегда один (Хайрединова 1997: 88).

В Крыму не встречено металлических венчиков или диадем, височных колец, шейных гривен (за исключением гривен (?) небольшого диаметра с напущенной умбоновидной подвеской из раннесредневекового некрополя Херсонеса – Якобсон 1959: 280, рис144: 1), нашивных бля-

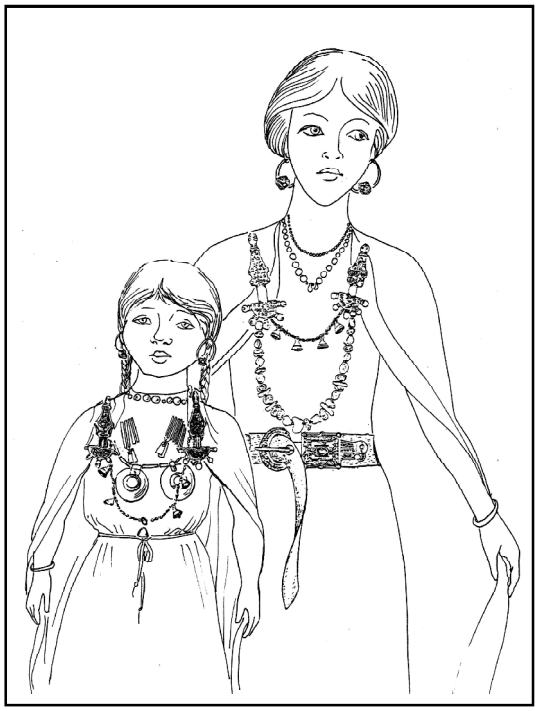

Рис.8. Женский убор из погр.20 в склепе 10 (девочка) и погр.4 в склепе 43 (взрослая женщина) могильника Лучистое по Э.А.Хайрединовой. Рисунок Л.А.Шамшевой.

шек. Серьги, женские пряжки со щитками разных типов и перстни со вставками, напротив, не представлены в антских кладах, нет их и среди многочисленных случайных находок в Поднепровье. Поэтому говорить об общей культурной и этнической принадлежности (славянской, как утверждали Е.В.Веймарн и С.Ф.Стржелецкий в 1952 г., или аланской, по мнению А.И.Айбабина) населения, оставившего днепровские клады, и женщин и детей, похороненных с вещами днепровского происхождения в готских могильниках Крыма, нет достаточных оснований. Однако близость кладов и рассмотренных погребальных комплексов так велика, что не может рассматриваться, как простой результат следования моде, как считал А.К.Амброз (Амброз 1994: 46-48), и нуждается в объяснении.

Заимствуя из раннесредневековых крымских материалов целый ряд сведений о том, какое место в костюме занимала та или иная вещь, я старалась по возможности учитывать, что костюм этот – погребальный, а в кладах мы находим набор праздничных или обрядовых украшений, который может и не совпадать со «смертным». Поэтому, описывая инвентарь захоронений и реконструкции одежды, сделанные на его основе, я всячески избегала слов: «они носили» или «принято было надевать». Вопрос о многообразии вариантов погребального костюма в зависимости от возраста, семейного положения и обстоятельств смерти человека был подробно рассмотрен в приложении к древнерусскому археологическому материалу М.А.Сабуровой (Сабурова 1988: 266-271), к этой проблематике обратились В.С.Аксенов и Л.И.Бабенко, интерпретируя набор украшений погребенной из Мохнача (Аксенов, Бабенко 1998: 118-119). В частности, М.А.Сабурова показала, что помимо известного соотнесения погребального обряда и соответствующего костюма с брачным, существовали более тонкие градации в зависимости от возраста и семейного положения умершего. Так, юных девушек хоронили в костюме просватанной невесты в подвенечном уборе, что соответствовало первому этапу свадебного обряда, а молодую замужнюю женщину – в наряде, завершающем свадьбу, который надевался после венчания. В нашем случае только погребения девочек содержат шумящие накосники и пластинчатые металлические ожерелья с умбоновидными подвесками (Chajredinova 1999: 92, abb.80; 93, abb.81), которые представлены почти в каждом кладе Днепровского Левобережья. В то же время, погребения девочек, в которых имеются пряжки со щитком, пластинчатых подвесок не содержат (Chajredinova 1999: 92, abb.79, 93, abb.82), пряжка из погр.9 в склепе 38 – другого типа. Можно предположить, что эти украшения, о соответствующей семантике которых писал в свое время Н.Феттих (Fettich 1972), входили в состав праздничной одежды девушки-невесты, и именно поэтому были почти в каждом семейном «ларчике», но отнюдь не в каждом женском погребении. В.С.Аксенов и Л.И.Бабенко, совершенно справедливо отмечавшие, что отсутствие умбоновидных подвесок в ожерельях молодой женщины из Мохнача свидетельствует о её принадлежности к иной социально-возрастной группе, не учли, что в Крыму такие подвески сопровождают детские погребения, поэтому предположили, что они могут быть атрибутом костюма зрелых женщин, имеющих детей (Аксенов, Бабенко 1998: 118-119). Но в погребениях юных, взрослых и пожилых женщин готских могильников не подвески, а большая орлиноголовая пряжка – это, во-первых, индикатор не столько определенного возрастного, сколько семейного положения (замужество); во-вторых, деталь костюма, которая, будучи приобретена владелицей во время брачного обряда, действительно носилась или надевалась в торжественных случаях (отсюда – фиксируемые следы ремонтов и изношенности – см. Хайрединова 1997: 88); в-третьих, это этноопределяющий признак, характерный с VI в. для готов на всей территории их расселения, также, как пара фибул на плечах (Амброз 1994: 61). В этом смысле показательно погребение 7 из 180 склепа городского некрополя Боспора (Засецкая 1998: 433-434), в котором на плечах погребенной находились изношенные фибулы местного боспорского производства со сломанными и сточенными иглодержателями, которые могли исполнить только символическую роль в

погребальном костюме, но когда-то использовались в костюме брачном.

Отмеченная Э.А.Хайрединовой закономерность в размещении некомплектных фибул днепровских типов на костяке, когда правая застежка всегда значительно (на 3,5-4 см) больше левой (Хайединова 1998: 112), также заставляет вспомнить то исключительное положение, которое занимает в традиционной культуре бинарное противопоставление «правый – левый», однако делать прямые выводы на основании положения вещей в погребениях именно в этом случае небезопасно, потому что переход покойника в другой мир зачастую обозначался действиями разного рода переворачивания связанных с ним предметов (Толстой 1995: 213-222).

За пределами нашего обзора остались те случаи, когда отдельные вещи типа «древностей антов», в основном это касается фибул, обнаруживались в погребениях соседних культур. Как мы попробуем показать ниже, именно в результате переоценки информативности таких находок в литературу внедрилось неверное представление о принципиальном отличии «антского» женского костюма от современного ему готского, содержащего совокупность сходных элементов.

Вернемся теперь к краткому описанию основных составляющих женского убора по материалам кладов «древностей антов» с привлечением приведенных выше аналогий.

Составляющие женского убора по материалам кладов

Украшения головы: Венчики и диадемы

Украшения головы (или не дошедших до нас головных уборов): венчики из длинной полосы фольги с тисненым орнаментом и проволочные височные кольца со спиральным завитком или без него – за редким исключением не встречаются в синхронных древностях сопредельных территорий. Длинные серебряные ленты с закрученными в спираль концами или их хрупкие фрагменты зафиксированы в Мартыновском, Хацковском, Суджанском, Козиевском, Новоодесском, Колосковском, Трубчевском и Гапоновском кладах. Один из двух венчиков, обнаруженных в Гапонове, был, помимо креста с тиснеными выпуклыми окружностями на концах, орнаментирован гравированными свастиками, которые были обнаружены после реставрации предмета и не отражены в публикации (Гавритухин, Обломский 1996: 189, рис.15, 2а). Под фрагментами подобного венчика в Трубчевском кладе сохранилась холщовая ткань, которая могла как принадлежать покрывалу, на которое надевался венчик, так и случайно сохраниться под консервирующим воздействием серебра, если в неё были завернуты какие-нибудь предметы клада.

Единственный пример того, что серебряная лента с тиснением действительно служила венчиком, в синхронных кладам материалах можно найти в Подунавье, в могильнике Циллингталь (рис.9). В погребении D 48, относящемся ко второму среднеаварскому периоду, подобная, но более узкая, лента находилась на черепе молодой женщины (Daim 1990: 299). Уже отмечалось, что в этом погребении были и трехрогие пластинчатые подвески, грубые аналоги которых известны в Козиевке (Гавритухин, Обломский 1996: 49).

Положение диадемы из Мохнача было уста-

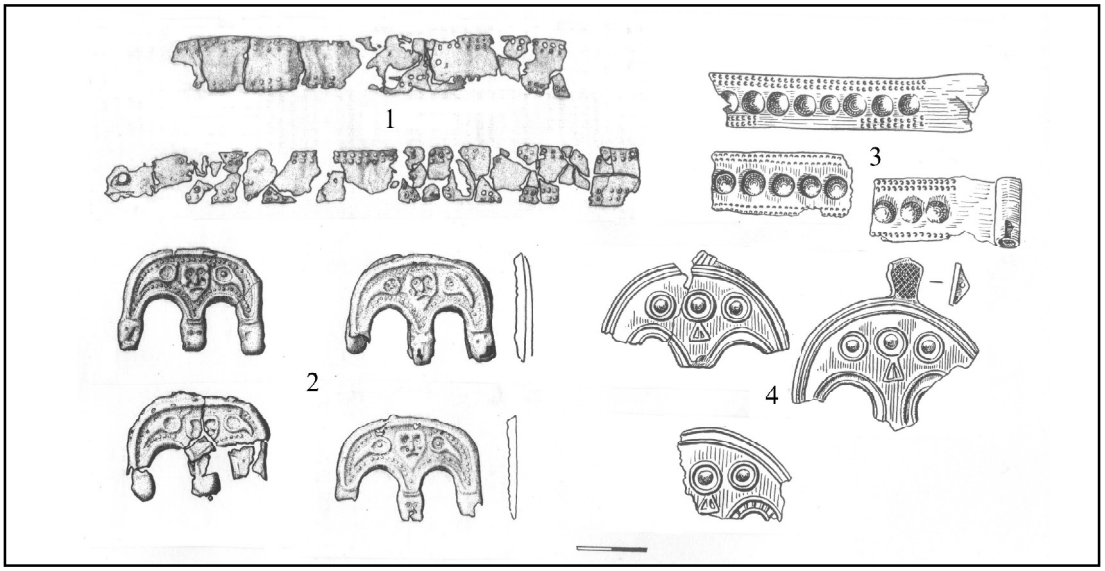

Рис.9. Венчик и подвески из погр.D 48 в могильнике Циллингталь (1,2) и из Козиевского клада(3,4)

новлено путем сопоставления вещи с полосой окислов на черепе погребенной (Аксенов, Бабенко 1998: XX). Авторы публикации справедливо указали на то, что нераспознанные фрагменты подобных изделий есть в антских кладах, в частности в Мартыновке (Корзухина 1996: 600, табл.10, 2). К этому можно добавить Колосково (Корзухина 1996: 694,табл.104: 7,8,11-14,16).

Металлические головные венчики, в виде ленты фольги (как в Гапонове) или в виде диадемы (как в Мохначе) – единственная деталь антского убора, которая безусловно была унаследована восточнославянской культурой в более позднее время. Они зафиксированы в курганных древностях X-XIII вв. от Ижорской земли до Полтавщины (Седов 1994: 117-118). В ряде случаев прослежена их твердая берестяная, кожаная или матерчатая основа, к которой могли крепиться височные кольца или ремешки для их подвешивания (Сабурова 1975: 21). В Бровар-ках на Суле В.В.Хвойко обнаружил венчик, надетый поверх матерчатой шапочки, полностью закрывавшей волосы погребенной (Седов 1982: 139,211; 1994: 118, рис.13,120), что позволяет рассматривать эту деталь, не только как обязательный элемент девичьего, но и возможную принадлежность женского головного убора. Металлические венцы антских кладов в древнерусское время частично продолжали бытовать, частично трансформировались в головные повязки на твердой основе с золотым и серебряным шитьем или обильной вышивкой бусами и бляшками, которые дожили в традиционном костюме до начала XX в (Сабурова 1975: 22).

Височные кольца

Височные кольца из кладов «древностей антов» также считаются элементом головного убора, который был унаследован древнерусской курганной культурой, правда не столь повсеместно, как венчики. Б.А.Рыбаков обозначил направление развития от биспиральных, очковидных подвесок типа суджанских к северянским S-образным височным кольцам через Полтавский клад (Рыбаков 1952: 68). Однако тут дело обстоит не так однозначно – появление височных колец древнерусского времени, как категории украшений во всем многообразии локальных типов следует связывать с тем мощным культурным импульсом, который исходил из Подунавья с конца VII в., зафиксирован, в частности, во второй, поздней группе антских кладов (Щеглова 1990а,б; Scseglova 1995; Приходнюк 1996) и наложился на традиции местного населения.

В антских кладах имеется три категории предметов, которые обычно называют височными кольцами. Это односпиральные и круглые кольца диаметром от 10 до 15 см, а также «очковидные» двуспиральные привески. Отнесение двух последних типов вещей к головному убору вызывает сомнения: одни принимают за гривны, другие — за подвески (Гавритухин, Обломский 1996: 49-50). Несмотря на простоту и распространенность форм, точных аналогов этим изделиям пока неизвестно – они слишком большого размера для того, чтобы быть сопоставленными с браслетообразными височными кольцами культуры псковских длинных курганов и гладкими проволочными из ранних погребений муромских могильников (Безводнинский, Кочкинский и др.) или двуспиральными подвесками к ожерельям из синхронных могильников Венгрии. Однако серийность, достаточно высокое качество изготовления и достаточно частое попадание в клады свидетельствует об их широком использовании в костюме. Гладкие и орнаментированные кольца встречены в Гапоновском (11), Суджанском (6) и Трубчевском (4) кладах, а двуспиральные – в Мартыновке, Судже, Козиевке, Гапонове и Колоскове, т.е.там, где есть цепочки и много разнотипных подвесок (за исключением Мартыновки).

Таким образом, только односпиральные С-образные кольца несомненно являются височными. Они есть на правобережье Днепра – в Малом Ржавце и Мартыновке, на Левобережье – в Трубчевске, Гапонове, Козиевке, найдены в двух погребениях – в Мохначе и Алексеевке, причем в последнем случае зафиксировано их местоположение у висков погребенной, и в культурном слое поселений (Приходнюк 1998: 89, рис.18, 15; 90, рис.19, 23; 91, рис.20, 5; 134, рис.64, 7; 140, рис.71, 3; 143, рис.75, 16-20). Наиболее близкие вещи – в погребениях по обряду ингумации в восточно-литовских курганах IV-V вв., где часто встречаются спиралеконечные С-образные кольца с обмоткой, которые, наряду с другими признаками составляют своеобразие восточнолитовского женского костюма (Волкайте-Куликаускене 1986: 154, рис.51, а, г; 159; Tautavicius 1996: 161; Седов 1987: 444). Дальнейшее развитие этой категории вещей не прослеживается из-за перемен в погребальном обряде, а в костюме исторической литвы колец уже нет.

Покрывало или шапочка?

Выше речь уже шла о свинцово-оловянных изделиях, найденных в составе Козиевского, Ново-Одесского, Смородинского, Нижне-Сыроватского, Гапоновского и Большебудковского кладов. Часть из них (бляшки разных типов и ворворки — усеченно-конические бусины) вполне могли быть в составе украшений женского головного убора, однако совсем не такого, как это представлено в реконструкции по материалам Бернашевской мастерской (Винокур 1997: 157,рис.51). В статье В.М.Горюновой, специально посвященной бляшкам из антских кладов, приведено описание обстоятельств находки бляшек из клада в Больших Будках, свидетельствующее о том, что часть из них была нашита на ткань в несколько рядов в определенном порядке (Горюнова 1987: 89-90). Поэтому наиболее близкими аналогами нашим материалам я считаю именно те случаи, когда свинцово-оловянные литые бляшки сходных форм оказывались украшениями сшитых или не сшитых полотнищ. М.А. Сабурова, публикуя реконструкцию расшитого бляшками разных типов и бисером широкого покрывала, расположенного поверх мягкого войлочного головного убора, из кургана 9 в Новинках II на Вологодчине (Сабурова 1974: 90,рис.3; 94), приводит целую серию примеров подобного использования свинцово-оловянных бляшек в курганных древностях X-XII вв. от территории кривичей до Подмосковья (Сабурова 1974: 94). Интересно, в реконструкции покрывала из Новинок нашлось место и для оттягивающих концы полотнища круглых металлических предметов, функцию которых могли в более раннее время исполнять ворворки.

Орнаментация нашивными оловянными бляшками полотнищ ткани широко известна у балтов, а именно у латгалов (Zarina 1970: att.110: 2) и ливов (Зариня 1985: 40; 1986: 176), где распространены наплечные покрывала – виллайне, в VII-XII вв. обильно украшенные вплетенными в ткань бронзовыми колечками и спиральками. Там же зафиксирована обшивка бляшками подола и ворота наплечной одежды (Зариня 1985: 144).

Второй вариант использования свинцово-оловянных бляшек – обшивка головного убора – плотно прилегающей к голове шапочки или высокого «кокошникообразного» убора на жесткой основе. Ареал таких головных уборов в целом совпадает с распространением нашивных бляшек на покрывалах и виллайне, но в Прибалтике, несмотря на то, что традиция ношения головных уборов с бляшками имеет очень древние корни (Волкайте-Куликаускене 1986: 152-155), именно оловянные вещи зафиксированы там сравнительно поздно, уже в этнографических материалах (Зариня 1986: 186, 174: рис.61б; Лаул 1986: 201; Моора 1963). А в древнерусской курганной культуре это довольно характерная находка, в частности на Смоленщине, но и не только там (Сабурова 1974: 89; 1975: 20; Седов 1994: 119-120). Однако типы бляшек из обшивок головных уборов все же несколько отличаются от тех, что представлены в кладах.

Если же отвлечься от способа изготовления (литье) и материала (свинцово-оловянистые сплавы), то наборы тисненых золотых бляшек, близких по размерам и форме, относятся к более раннему времени, а именно к первой половине V в. и принадлежат широко разбросанным по Европе от Керчи до Нормандии богатым погребениям горизонта Унтерзибенбрунн, появление которых исследователи связывают с перемещением варварских племен сармато-аланов и готов на юг и запад под давлением обосновавшихся в Северном Причерноморье гуннов (Засецкая 1993: 38; Айбабин, Хайединова 1998: 309). По материалам, обнаруженным в компактном скоплении из 265 золотых предметов в могиле 82 в Лучистом, реконструирован головной убор — диадема, на который и были в определенном порядке нашиты все эти бляшки (Айбабин, Хайединова 1998: 300-301). Аналоги таких бляшек были обнаружены, кстати, и в погребении в Большом Каменце под Суджей. Однако напрямую связать появление похожих нашивных металлических украшений у населения Среднего Поднепровья и его соседей — балтов с «сармато-аланской» модой, распространившейся в начале V в. на Боспор, Горный Крым, а так же Центральную и Западную Европу пока сложно.

На основании сопоставления с прибалтийскими и позднейшими восточнославянскими материалами можно предположить, что бляшки из антских кладов входили в состав украшений покрывал типа найденного в Новинках II и головных уборов, традиция ношения которых продолжалась и в древнерусское время. Однако не исключены и другие возможности их использования.

Накосники?

Рассматривая выше погребения с вещами типа «древностей антов» из Крыма, я уже останавливалась на том, что трубочки-пронизки, заканчивающиеся трапециевидными подвесками на колечках, расположенные вертикально на груди (или на спине) погребенных могут входить в состав шумящих накосников, которые, как и пластинчатые ожерелья с умбоновидными подвесками, встречаются только в детских погребениях (Лучистое

склеп 54, погр.10; склеп10, погр.17).

Г.Ф.Корзухина обратила внимание на то, что в большинстве антских кладов прослеживается совстречаемость полых свернутых из латунной пластины трубочек и трапециевидных подвесок и предположила, что они могли входить в состав одного сложного украшения (Корзухина 1970: 523-524). Она же заметила, что в кладе из Новой Одессы трубочки–пронизки крепятся проволокой к крючку – детали какого-то утраченного изделия. В том же кладе есть еще детали непонятных конструкций из тонкой проволоки с крючками на концах и нанизанных на нее тонких серебряных пластин (Корзухина 1996: 635, табл.45: 4,5). Что это такое, становится ясно при знакомстве с украшением из погр.17 в склепе 10 из Лучистого (рис.10), где подобная конструкция служит твердой основой с пластинчатыми оковками для органической (в данном случае, деревянной) сердцевины, а к крючкам крепятся пронизки с трапециевидными подвесками (Айбабин 1994: 163, рис.18). Кроме Новой Одессы, такие или близкие, но без металлической основы органических частей, украшения повидимому были в Хацках и Судже, где найдено соответствующее количество попарно соединенных трапециевидных подвесок и трубочек, могли они присутствовать и в Козиевке, Сморадине, и Нижней Сыроватке. При том, что ношение трапециевидных подвесок в составе ожерелий прекрасно документировано для Поднепровья, использование этих простых деталей в составе разных уборов вполне вероятно. Показательно то, что ближайшая аналогия, объясняющая устройство подвески-накосника из днепровского клада, снова происходит из Крыма. В Гапоновском кладе присутствовали детали накосника другого типа и другого культурного круга – коническая прорезная и четырехгранная пирамидальная привески, принадлежащие к типам, широко распространенным в финно-угорских позднедьяковских древностях и в раннесредневековых памятниках Поочья (Гавритухин, Обломский 1996: 48).

Украшения шеи

Гривны

Украшения шеи – гривны серебряные и медные – широко представлены в кладах, но встречены только в одном из погребений – в Мохначе, зато сразу 3 штуки. На первый взгляд, определить их происхождение, дальнейшее развитие и круг аналогий легко, однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что именно гривны из интересующей нас группы кладов лишены отчетливых диагностических признаков, которые позволили бы сопоставить их с определенными синхронными древностями сопредельных территорий.

Наиболее широко распространенные в Восточной Европе в последней трети I тыс.н.э. гривны с седловидным замком не встречаются в кладах с пальчатыми фибулами, зато их много в кладах второй хронологической группы, что свидетельствует об их появлении в Поднепровье одновременно со сменой стиля украшений в целом в конце VII – начале VIII вв. Гривны ранних кладов относятся к двум основным типам – круглым гладким с петлевидным замком и обмоткой загнутых концов и с фасетированным дротом. Последние, серебряные, встречены только в Мартыновке и Трубчевске, а простые круглые – не только в этих кладах, но и в Гапонове, Судже, Колоскове, Козиевке, Цепляеве, Малом Ржавце, Нижней Сыроватке

В поисках похожих вещей естественно было бы бросить взгляд в сторону соседних балтских и финно-угорских культур лесной зоны, где гривны чрезвычайно популярны. В частности, именно здесь искала родину днепровских украшений Г.Ф.Корзухина (Корзухина 1978: 59-60; 1970: 476-489). Однако среди прибалтийских украшений самые распространенные в Поднепровье простые гладкие с петлеобразными концами и обмоткой хотя и известны (например, в кладе в Вийра, в Эстонии – Аун 1992: 139, табл.VII: 2,4), но составляют ничтожную долю среди многообразия местных типов, а точных аналогов найденным в Мартыновке и Трубчевске серебряным изделиям с фасетированным дротом и своеобразным замком мне вообще не известно.

Нагрудные украшения

Металлические ожерелья и низки бус

Нагрудные украшения – длинные ожерелья из стеклянных и янтарных бус, цепочек и пронизей с различными пластинчатыми подвесками могли держаться как на шее, так, по аналогии с крымскими комплексами, крепиться на пружинном механизме пары фибул.

Исследования набора типов и цветовой гаммы бус антских кладов в целом не проводилось, потому что именно эта часть коллекций зачастую оказывается утраченной. Подробно описаны и атрибутированы только стеклянные, коралловые и янтарные бусы Гапоновского клада, причем для определения их хронологической позиции бусы рассматривались в сравнении с хорошо исследованными северокавказскими материалами (Мастыкова 1996: 42-46). Перспективным может оказаться сопоставление с бусинными наборами из Данчен, Мохнача и крымских погребений, но это – дело будущего.

Своеобразие набора нагрудных украшений

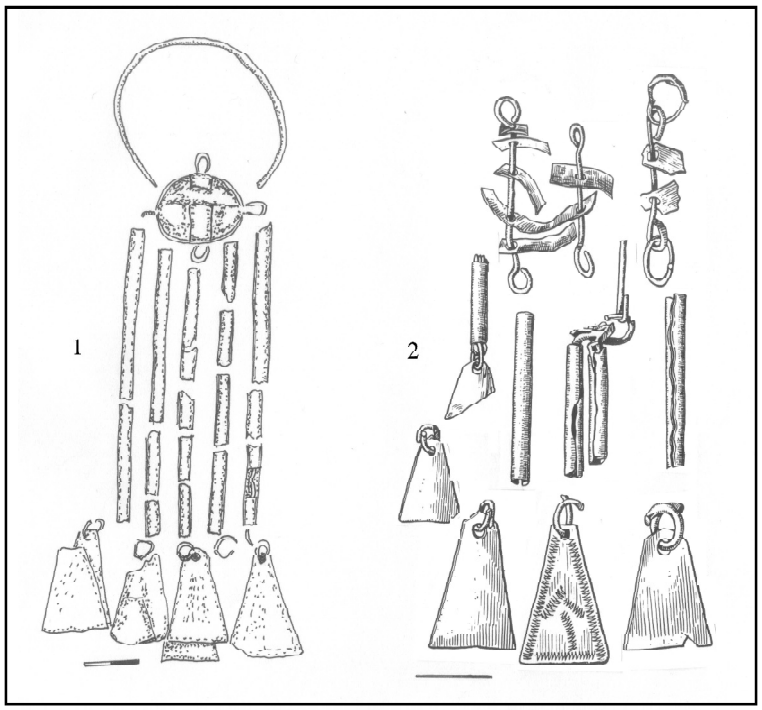

Рис.10. Накосник из погр. 17 в склепе 10 Лучистого (1) и детали накосника из Новой Одессы (1).

антских кладов составляют металлические пронизки и подвески. Следует иметь в виду, что какая-то часть пронизей — длинных трубочек и попарно сцепленных трапециевидных подвесок может относиться к накосникам, как это было зафиксировано в детских погребениях могильника Лучистое. Но находки крупных трапециевидных подвесок, нанизанных на двуспиральные украшения (Гапоново) и, вперемежку с колокольчиками, на длинных цепочках из 8-образных звеньев в погребениях из Мохнача и Лучистого (погр.9 склепа 38), а также в составе случайной находки из Полтавы (Корзухина 1996: 668,табл.8) не оставляют сомнения в том, что некоторые из них были в составе ожерелий.

Шумящие пластинчатые ожерелья в днепровских кладах включали несколько типов подвесок. Там, где удалось проследить особенности крепления подвесок, прослеживается определенная закономерность: крупные трапециевидные подвески, иногда на промежуточной пластине – держателе, крепятся на цепочках с бубенчиками (Козиевка, случайная находка из Полтавы); средние, скрепленные попарно колечками, совстречаются с круглыми трубочками, и именно из них могли формироваться шумящие накосники; а круглые умбоновидные сочетаются с уплощенными пронизками.

В числе аналогий необходимо упомянуть группу украшений, происходящих из Среднего Подунавья: набор шумящих украшений из разрушенных погребений в Черкуте, ожерелье из умбоновидных пластин с подвесками в погр.18 в Пече (Kiss 1977: 17-18) и уже упоминавшиеся трехрогие подвески из погребения D-48 с венчиком в Циллингтале (Daim 1990: 299). В отличие от крымских все эти вещи не являются в полном смысле слова аналогиями днепровским: они прекрасно выполнены в технике тиснения, сложно орнаментированы, меньшего размера. Однако повторяется в деталях «козиевский» набор форм: умбоновидные, трапециевидные с выделенной и закругленной верхней частью, трехрогие лунницы и Ш-образные пластины, совпадает время бытования – первые три четверти VII в. На сходство днепровских и подунавских пластинчатых украшений указывал Н.Феттих, которому, кстати, даже не был в полном объеме известен самый показательный в этом отношении комплекс – Козиевский клад (Fettich 1972). Так же, как и ряд других исследователей, Н.Феттих считал «колье» из шумящих подвесок в Подунавье связанными со славянским или славяно-болгарским компонентом полиэтничного населения. Сомнения в правомерности прямого соотнесения дунайских пластинчатых украшений с днепровскими высказал И.О.Гавритухин, рассмотревший отдельно маленькие трапециевидные подвески и показавший, что они входили на разных территориях в состав разных украшений, а в Среднем Поднепровье трапеций такого размера практически нет (Гавритухин 1997: 43-49). В отношении умбоновидных и трехрогих пластин тот же автор предполагает, что в качестве их отдаленного прототипа следует рассматривать составляющие византийского престижного женского убора со вставками драгоценных камней (Гавритухин, Обломский 1996: 48). Это вполне соотносится с представлениями о принадлежности антских кладов знати, элите с выраженными претензиями на определенное место в варварской среде византийской периферии. Но я придерживаюсь другого мнения относительно характера кладов и вижу

одно из косвенных подтверждений их «этнографического» характера — распределение пластинчатых украшений разных типов в погребениях Лучистого и Мохнача в соответствии с возрастным и брачным статусом их владелиц. В этом случае оглядка на византийские прототипы представляется натяжкой и истоки традиций использования разных пластинчатых украшений, цепей и бубенчиков следует искать в другом культурно-историческом контексте, в древностях лесных соседей – балтов и финнов.

Однако пока находки полных аналогий как ожерельям с умбоновидными подвесками, так и цепям с колокольчиками и трапециями за пределами ареала кладов, найдены, за исключением Мохнача, только в женских и детских погребениях Лучистинского могильника вне зависимости от того, встречены они в комплексах с днепровскими фибулами (склеп 38, погр. 9; склеп 54, погр. 10; склеп 10, погр. 17) или с фибулами других типов (склеп 42, погр. 1; склеп 38, погр. 17 ; склеп 102, погр. 3).

Фибулы

Фибулы – не только декоративная, но и функциональная деталь костюма, связанная с особенностями покроя и скреплением между собой разных частей одежды. В наших кладах встречены фибулы трех родственных категорий: пальчатые, окаймленные венцом из птичьих голов и антропозооморфные, причем эти категории представлены типами, производство которых связывается с самим Поднепровьем. Среди случайных находок на той же территории есть достаточное количество изделий, происхождение которых связывается с Подунавьем или Боспором, но в кладах они не отложились, за исключением обломка серебряной фибулы из Больших Будков. Еще одна категория – широкопластинчатые фибулы – встречена только в комплексах Днепровского Левобережья. Г.Ф.Корзухина разработала детальную типологическую характеристику фибул из Поднепровья (Корзухина 1970: 321-449). В данном случае нас интересуют не столько классификационные признаки фибул, сколько их место в костюме и возможность косвенно определить по ним какие-то характеристики скрепляемой ими одежды.

В отношении днепровских пальчатых фибул в специальной литературе постоянно воспроизводятся два положения об особенностях использования их в костюме местного населения. Первое состоит в том, что, в отличие от многих европейских народов, в костюме которых пальчатые фибулы располагались полукруглым щитком с «пальцами» вниз, обитатели Поднепровья носили их полукруглым щитком вверх. Это положение высказал Б.А.Рыбаков, который подметил, что в эволюционном ряду антропозооморфных фибул изделия будут распознаваться, как антропоморфные образы, только будучи помещенными полукруглым щитком с нанесенным на центральном выступе человеческим лицом вверх. Поскольку развитие пальчатых фибул совпадает с эволюцией антропозоморфных, для правильного восприятия их надо располагать так же (Рыбаков 1949: 68). На первый взгляд, в пользу сказанного свидетельствуют и 2 одинаковые фибулы, происходящие из случайных находок с Пастырского городища и из Хмельны, у которых на одном из пальцев полукруглого щитка читается личина (Корзухина 1996: 619,табл.29: 1; 672,табл.82: 2). Однако куда более представительная серия фибул, которую И.Вернер объединял в одну группу «с личиной на ножке», воспринимается правильно, лишь если их перевернуть ножкой вверх. Личина на обломанном полукруглом щитке превращенной в подвеску пальчатой фибулы из Трубчевска была нанесена на него уже после превращения фибулы в подвеску (Приходнюк, Падин, Тихонов 1996: 80,рис.1: 4). Однако самым сильным аргументом за то, что фибулы носили все-таки полукруглым щитком вниз, является их положение в погребениях крымских могильников, где они зафиксированы in situ, причем это касается всех разновидностей днепровских фибул, попавших в комплексы. Размышляя о положении фибул в праздничном и погребальном костюме, я вполне допускала возможность их ритуального переворачивания в погребениях, поскольку такие вещи фиксируются, в частности, в славянской этнографии (Толстой 1995: 213-222). Однако то, что цепочки или нити, на которых висят бусы и подвески крепятся всегда к пружине застежки, заставляет признать, что фибулы были застегнуты на погребальной одежде именно так, как они носились в жизни.

Второе положение – о том, что этнографической чертой костюма славян – обитателей Поднепровья было использование одной, а не двух фибул,—обязано своим распространением абсолютным доверием специалистов авторитету Иоахима Вернера. Именно он писал, что в Поднепровье практически нет парных фибул (Werner 1953: 170), и продемонстрировал серию женских погребений, происходящих из соседних культур от Мурома до Венгрии, в которых по одной фибуле расположено в области таза погребенной (Вернер 1972: 107, рис.3). И. Вернер считал их принадлежащими славянкам, жившим в иноэтничной среде и похороненным со своими вещами, но по обряду, принятому там, куда их занесла судьба. Этот тезис, не пересматривая, повторяют ведущие исследователи (Седов 1979: 128; Баран 1998: 17-18), иллюстрацию к статье И.Вернера воспроизводит М.М.Казанский, оговаривая, правда, что на ней изображены примеры использования фибул днепровских типов в костюме неславянского населения

(Kazanski 1999: 79).

Пальчатые и близкие к ним фибулы – элемент общеевропейской моды середины и третьей четверти I тыс. н.э., а отдельные типы и способ их ношения (или использования в погребальном костюме) действительно может являться этнодиагностическим признаком. Специальную работу по выявлению закономерностей размещения пальчатых фибул в погребениях разных германских племен в меровингское время проделал М.Мартин (Martin 1995). Он внес в таблицу данные о размерах, взаимной ориентировке и положении на корпусе по отношению к линии талии пар пальчатых фибул, найденных в могильниках франков, аллеманов, баваров, тюрингов и лангобардов, и получил наглядные схемы, иллюстрирующие основные тенденции этих закономерностей (Martin 1995: 657-658, abb.29, 31, 32, 33). Фибулы оказались за очень редкими исключениями ориентированы полукруглым щитком с пальцами вниз или вбок (в основном, влево) и расположены одна над другой в области живота погребенной. В зависимости от того, как пары фибул лежали по отношению к линии талии, реконструируется их положение в костюме в качестве застежек распашной наплечной одежды (у франков, аллеманов, баваров) или украшений свисающего конца широкого пояса (у тюрингов и лангобардов).

У восточных германцев – готов, куда бы ни занесли их бурные события великого переселения народов, в V-VI и VII вв.н.э. сохранялся однотипный костюм с двумя большими двупластинчатыми или пришедшими им на смену пальчатыми фибулами, расположенными по плечам, головной пластиной вниз, симметрично центральной линии корпуса. Считается, что 2 парные фибулы на плечах – в более раннее время «этнографическая особенность костюма черняховского населения» (Э.А.Сымонович). В данном случае речь шла о двучленных подвязных или воинских фибулах. Однако тот же признак – парные фибулы на плечах — называет Ф.Бирбрауэр в числе «постоянных черт, сохраняющихся со времен континентального этногенеза готов», и включает его в «специальный ансамбль костюма с украшениями … этнографически обозначающий готский ареал расселения» (Бірбрауер 1995: 44). Здесь имеются в виду, прежде всего, легко узнаваемые от Кавказа и Крыма до Кастилии и Сеговии комплексы женских погребений V-VI вв. с парой серег, парой крупных двупластинчатых фибул (иногда в сопровождении одной подвязной у горла), ожерельем, крупной пряжкой с большим декоративным щитком и парой браслетов (Bierbrauer 1994: 144, 160-161, Амброз 1994: 61). В готских могильниках Крыма место больших двупластинчатых занимают пальчатые фибулы, а с середины VII в. в их числе достаточно органично появляются фибулы днепровских типов, причем их не-

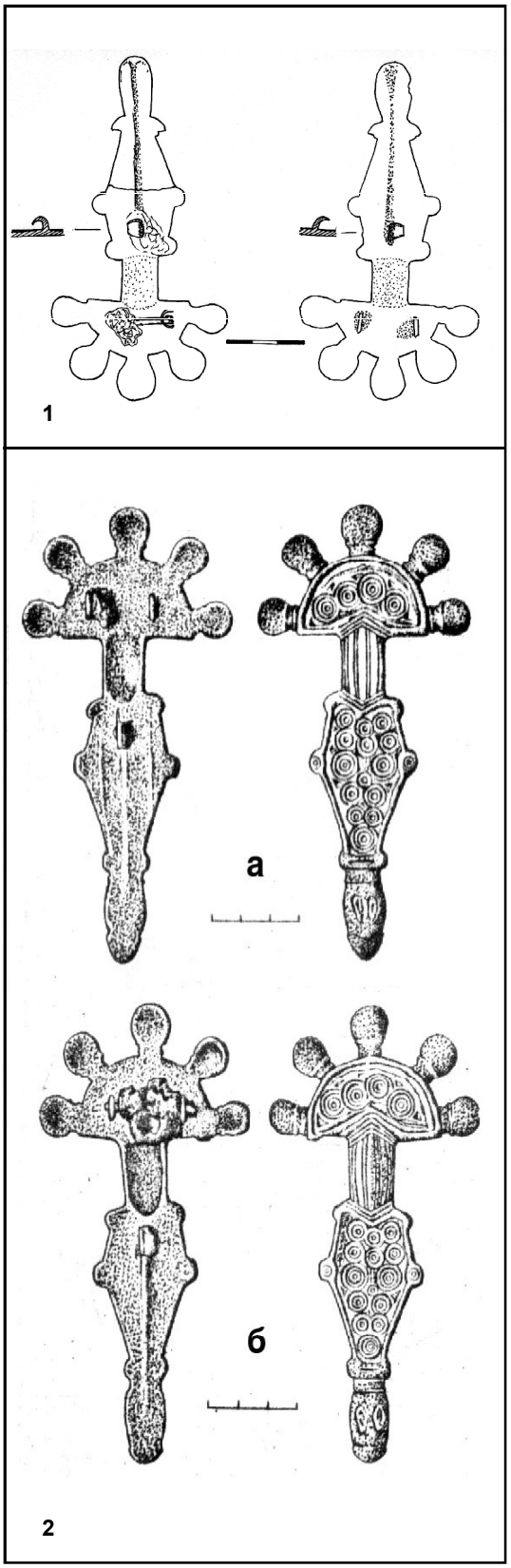

Рис.11: 1 — пара фибул из Мохнача. Оборотная сторона; 2 — пальчатые бронзовые фибулы из Данчен (по: Рафалович 1986: 132, табл. XIV, 1, 2).

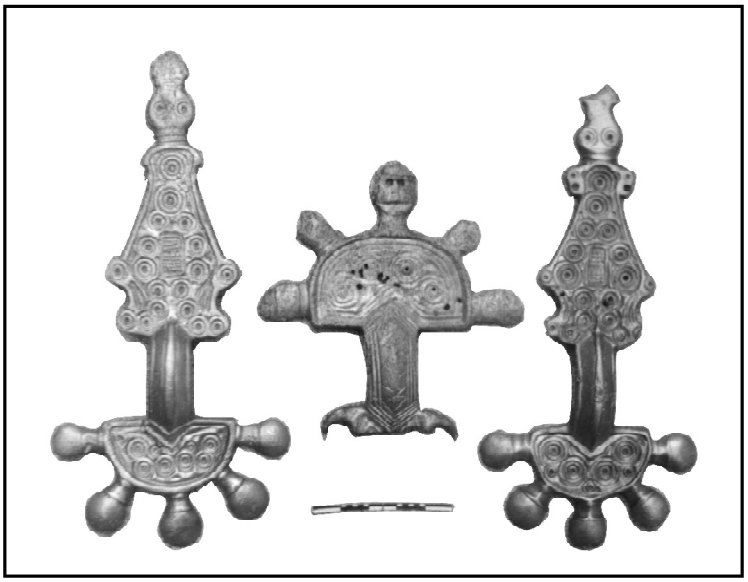

Рис. 12. Парные фибулы и подвеска из Трубчевского клада.

редко сопровождают и другие вещи, характерные для «антских» кладов. Любопытно, что на противоположном конце готского мира, в Испании, логика развития двупластинчатых фибул приводит к появлению типов, напоминающих все три разновидности днепровских: пальчатые, с каймой из сросшихся птичьих головок и антропозооморфные (см., например, Ripoll 1988: 105, fig3).

Наблюдения над традициями ношения фибул сделаны по материалам погребений. Казалось бы, восстановить способ крепления днепровских фибул из кладов не представляется возможным. Между тем, еще Г.Ф.Корзухина отмечала, что район находок наибольшего числа пар внешне одинаковых фибул днепровских типов совпадает с ареалом «антских» кладов (Корзухина 1970: 285,574). Среди этих фибул есть парные и одинаковые. Сразу необходимо оговорить, что эти понятия не тождественны. К сожалению, даже в самых лучших изданиях принято давать изображение лишь лицевой стороны вещи, и все выводы и наблюдения строятся на основании ее изучения. А для наших фибул особую роль играет именно расположение иглоприемника. Эта деталь важна потому, что опираясь на немногочисленные материалы погребений с фибулами в Поднепровье (Мартыновка), Поднестровье (Данчены) и Подонье (Мохнач), можно утверждать, что пальчатые фибулы носились (или использовались в погребальном костюме) парами и крепились на груди у плеч, также, как в могильниках Юго-Восточного Крыма. Для удобства застегивания иглоприемники парных фибул должны быть развернуты симметрично в разные стороны, т.е. можно определить «правую» и «левую» вещи. С такой точки зрения, серебряные совершенно идентичные с обеих сторон антропозооморфные фибулы из Мартыновского клада парными не являются, а близкие по размеру антропозооморфные фибулы Трубчевского клада могли быть парными, хотя одна из них серебряная, а другая – латунная, и относятся они к разным разновидностям типа.

Фибулы из погребения в Мартыновке являются парными, но при этом они не одинаковы. Парными и одинаковыми оказались фибулы из Мохнача, рисунок оборотной стороны которых любезно предоставил В.С.Аксенов (рис.11: 1). А вот с погребением 280 из Данчен все не так просто. Это – один из немногих комплексов, где прорисовка обратной стороны фибул дана при первой публикации (Рафалович 1986: 132, табл.14: 1,2), и отчетливо видно, что иглоприемники изделий развернуты в одну и ту же сторону. Тут уместно вспомнить, что этот комплекс с днепровскими фибулами и пеньковским горшком был известен И.Вернеру, но он считал, что это – погребение готской женщины в характерном костюме (Werner 1988: 260-262). Фибулы из Данчен в настоящее время находятся в экспозиции Музея археологии при Институте Археологии и Этнографии АН Молдовы. Мне удалось детально познакомиться с ними благодаря любезности хранителей Н.П.Тельнова и И.Г.Власенко. Оказалось, что иглоприемник фибулы №16 в древности был обломан, а затем починен с помощью дополнительной пластинки и гвоздика, поэтому сказать, куда он был развернут первоначально, невозможно. По- видимому, одинаковые с внешней стороны фибулы из Данчен тоже были парными (рис. 11: 2).

В комплексах кладов парные одинаковые фибулы выявлены в Гапонове (2 комплекта), Судже (1 комплект), Трубчевске (1 комплект пальчатых и 1 комплект «птицеголовых» — рис.12). Думаю, что парными были комплекты пальчатых и антропозооморфных фибул из Козиевки, возможно и другие из других комплексов, которые остались неизученными с этой точки зрения.

Почему я уделяю такое внимание столь незначительной детали, как разворот иглоприемника? Дело в том, что положение иглоприемника закладывается еще при изготовлении соответствующей створки литейной формы до отливки самой фибулы. То есть вещь изначально задумывается, как «правая» или «левая», несмотря на полное внешнее сходство с парной. За этим стоит не случайность, а культурная норма, зафиксированная в производственной традиции.

Попробуем выяснить, что же это за культурная норма? Помимо того, что в традиционной культуре за осознанным разделением мира на правую и левую части стоит целый мир ассоциаций и образов (см., например, Толстой 1995: 151-166, там литература), «правая» и «левая» фибулы предусматривают симметричное расположение этих вещей относительно вертикали – центральной линии корпуса. А это, в свою очередь, означает что в костюме обитательниц Поднепровья была не одна, а две фибулы, и носились они так, как это было принято в готской традиции.

По устному свидетельству Э.Хайрединовой, парными, но не всегда одинаковыми были фибулы из женских погребений могильников крымских готов. В публикациях мне удалось найти только одно доказательство того, что фибулы «готского» костюма в Крыму также изначально изготовлялись, как правая и левая. Такие двупластинчатые застежки были обнаружены в подбойной могиле 315 некрополя городища Эски-Кермен, относящейся к первой половине VII в. (Айбабин 1991: 45,237, рис.2: 10).

Парность фибул, обозначенная не только размерами, формой и декором, но и функциональными признаками, позволяет уверенно говорить об их положении в костюме. Э.Хайрединова полагает, что в Крыму пара застежек крепила к платью легкий распашной плащ или накидку. Наличие в ряде комплексов Днепровского Левобережья широкопластинчатой подвязной фибулы (Гапоново, Колосково, Козиевка, Новая Одесса, Мохнач) позволяет предполагать, что верхнюю накидку держала у горла именно такая фибула, а парные были связаны функционально с кроем одежды.

Остатки или следы тканей – чрезвычайно редкая находка в рассматриваемых кладах и погребениях. Я уже упоминала о холщовой ткани под серебряным венчиком Трубчевского клада и о реконструируемой материи, на которую были нашиты бляшки в Больших Будках. К ним нужно добавить отпечаток ткани на свинцовом слитке из Гапонова (Гавритухин, Обломский 1996: 206, рис. 31: 14; 16, кат.60). Однако эти следы и остатки могут не иметь, а, скорее всего и не имеют, никакого отношения к одежде. Другое дело – фрагменты ткани, обнаруженные нами вместе с В.С.Аксеновым и Ю.И.Цитковской при изучении остатков сильно корродированной железной гривны из Мохнача (Аксенов, Бабенко 1998: 113, рис.2: 6,7; наличие ткани не указано). Они происходят из погребения и находились под гривной, скорее всего в верхней части груди. Ю.И.Цитковская сразу отметила наличие двух слоев тонкой ткани разного переплетения, наложенных друг на друга. Маловероятно, что ткани принадлежали покрывалу, савану или плащу, поскольку они сохранились под гривной. Скорее, они принадлежат двум разным деталям костюма, по- видимому, относящимся к наплечной одежде. Однако ничего более определенного до исследования тканей сказать невозможно.

Таким образом получается, что парные фибулы – единственная деталь, которая может косвенно свидетельствовать о крое одежды. Если посмотреть документированные аналогии более позднего времени, то станет очевидно, что парными фибулами по обеим сторонам груди скреплялась одежда типа прямой высокой юбки на лямках, похожей на сарафан. Такая одежда с петлеобразными или тканевыми лентообразными бретелями известна у скандинавов эпохи викингов (Hagg 1974: 33, fig.21; 108, fig.24), у ливов в XI в. (Зариня 1986: 183, цв.

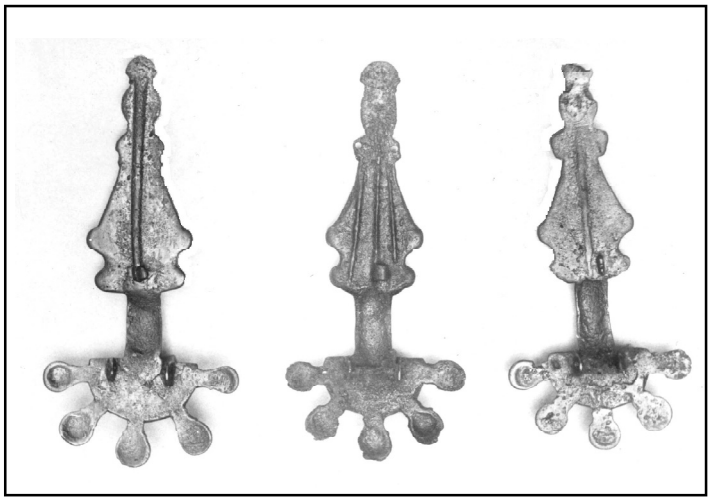

Рис. 13. Парные и непарные фибулы из Трубчевского клада (оборотная сторона).

рис.3); у латгалов в XIII в. (Зариня 1986: цв. рис.2б), в Финляндии и Карелии. Считается, что балтийские и финские народы позаимствовали её у скандинавов. А вот русский этнографический сарафан северных и центральных губерний – явление позднее, и, по одним данным, для времени ранее XIV в.(Рабинович 1986: 68-69), а по другим – ранее XVII в. вообще не фиксируемое (Маслова 1987: 272; Соснина, Шангина 1998: 282-288). Однако происхождение лямочного сарафана-«московки» также связывается с опосредованным влиянием одежды народов Прибалтики и Северной Европы. Я бы поостереглась говорить даже о возможности того, что парные фибулы держали лямки «сарафанообразной» одежды, если бы не заглянула для очистки совести в последнюю статью М.А.Сабуровой о средневековых тканях из Суздаля (Сабурова 1998: 290-296). И тут оказалось, что фрагменты сборчатого сарафана типа «московки» из тонкого полотна обнаружены в датированном комплексе XII в. Значит, уже тогда этот тип женской одежды, причем в развитой форме, был не чужд древнерусскому населению. М.А.Сабурова считает, что заимствование лямочного сарафана произошло в домонгольское время от северных соседей, причем его возможное финское происхождение подтверждается и лингвистическими данными (Сабурова 295-296). Поэтому позволю себе очень осторожно предположить, что в VII в. парные фибулы антских кладов служили для крепления одежды типа высокой юбки на лямках, не чуждой в это время соседним балтийским и восточногерманским народам, у которых также был распространен убор с симметричными парными фибулами.

Украшения женского пояса

Находка пряжки и поясных накладок в женском погребении в Мохначе заставила отыскать «женские», не входящие в состав геральдических поясных наборов, пряжки и поясные наконечники. Такие вещи нашлись для каждого из комплектов Гапоновского клада (Гавритухин, Обломский 1996: 204, рис.29: 8,9; 205, рис.25: 2,3). По-видимому, такие вещи могут найтись и в других комплексах, однако, в отличие от готских погребений Крыма, где массивная пряжка была почти непременным атрибутом костюма взрослой замужней женщины (Хайрединова 1997: 87-88), они не являются обязательным украшением пояса.

Украшения рук

Браслеты и перстни, представленные не во всех кладах, могли носиться как на обеих (Мохнач), так и на одной (Данчены) руке. Не останавливаясь подробно на типологии этих, в общем, достаточно унифицированных украшений, отметим, что среди них выделяется группа прибалтийских серебряных изделий с массивными граненными сильно расширенными концами, украшенными точками или кружками. Такие браслеты встречены по одному в комплексе, причем ни разу – целыми. Сами перечисленные комплексы содержат ювелирный лом (Мартыновка, Козиевка, Большие Будки).

Гладкие браслеты с расширенными круглыми и подграненными концами, украшенные разными сочетаниями насечек, или без них, обнаружены в Малом Ржавце (2), Мартыновке (2 пары), Нижней Сыроватке (1), Мене (5), Колоскове (18), Козиевке (18), Трубчевске (7), Больших Будках (2). Эти вещи – местного производства, на экземплярах из Колоскова и Козиевки встречается неудаленный литейный брак.

Третья группа браслетов, из тонкого дрота, со штампованным изображением змеиной головки на концах, также представлена в Козиевском (11), Колосковском (6) и Трубчевском (1) кладах, причем из дрота такого сечения могли изготавливаться перстеньки и звенья цепочек (Гапоново).

Несмотря на то, что браслеты являются той категорией украшений, местное производство которых (за исключением упомянутого серебряного лома) вполне очевидно, пока не удалось выделить собственно «антских» типов. Браслеты с массивными расширенными концами широко распространены в лесной зоне Восточной Европы, они переживают здесь VIII в. Однако те же типы мы видим в VII в. в погребениях Крымских некрополей.

Интересно, что в достоверных комплексах Суджанского и Гапоновского кладов браслетов нет совсем.

Структура убора

Таким образом, реконструируется весьма устойчивый и своеобразный тип женского парадного убора, существовавшего на территории Среднего Поднепровья в VII в. н.э (рис.13, 14, 15, 16). Если подойти к его оценке с точки зрения Ю.М.Лесмана, который предложил рассматривать украшения, как отражение демонстративного поведения их владелицы, направленного на привлечение внимания окружающих к разным частям тела (Лесман 1996: 3-4), то нужно отметить, что красота и женская привлекательность обитательниц Среднего Поднепровья

Рис. 14. Вариант реконструкции девичьего убора из Гапоновского клада. Фото Н.А.Тихомирова (Курский музей Археологии)

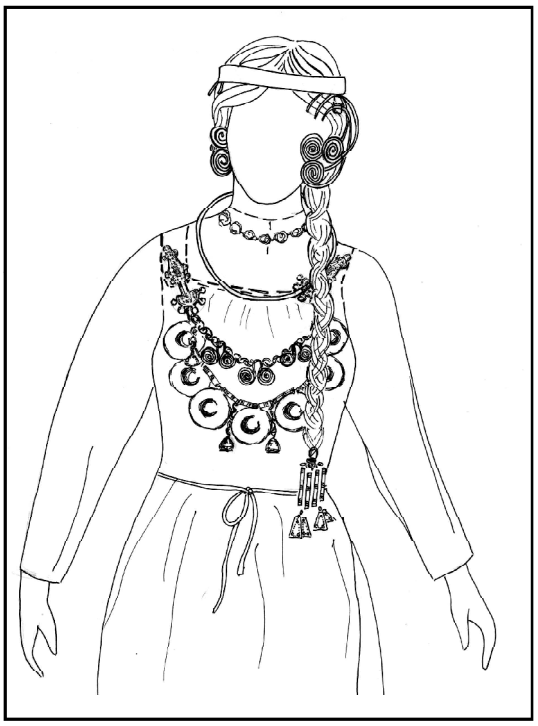

Рис. 15. Вариант реконструкции девичьего убора из Суджанского клада.

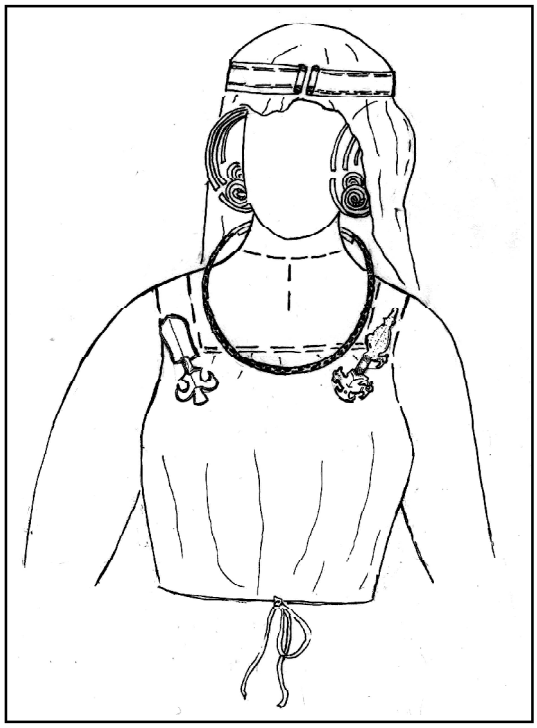

Рис. 16. Вариант реконструкции женского "серебряного" убора из Трубчевского клада.

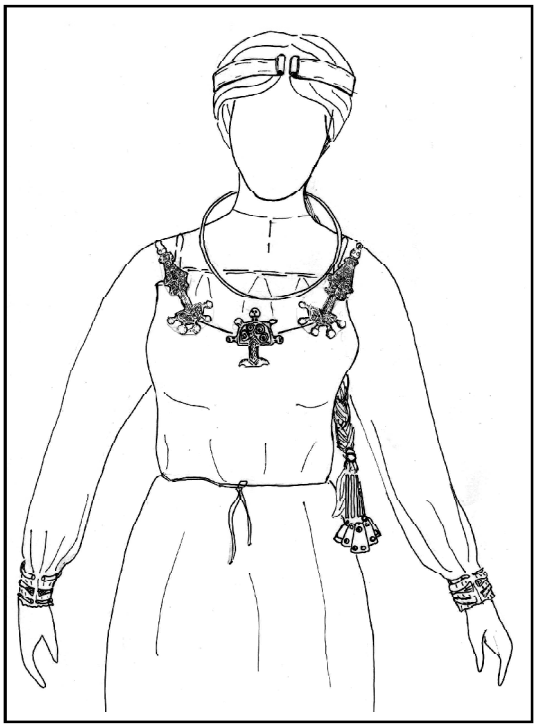

Рис. 17. Вариант реконструкции девичьего "латунного" убора из Трубчевского клада.

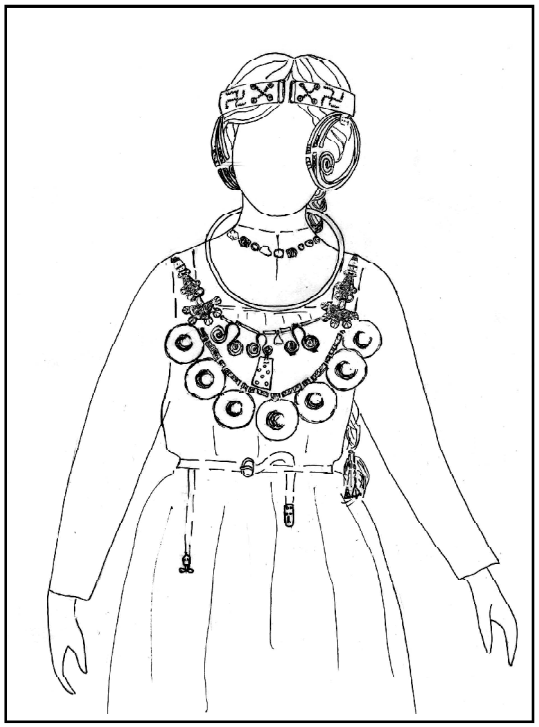

Рис. 18. Вариант реконструкции девичьего убора из Гапоновского клада.

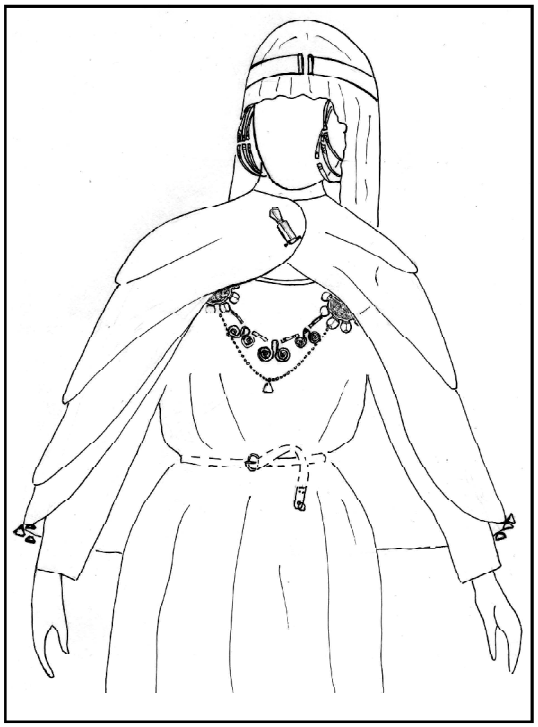

Рис. 19. Вариант реконструкции женского убора из Гапоновского клада.

VII в. была «сосредоточена» в верхней части тела: голове, шее, груди. Клады не дают возможности достоверно разделить украшения на принадлежности девичьего и женского праздничного костюма, но определенные гипотезы на этот счет позволило высказать сопоставление наших материалов с погребениями могильников крымских готов.

Рассматривая составляющие днепровского парадного костюма в культурно-хронологической перспективе, отметим, что металлические украшения головы или головного убора, постоянно заставляют нас обращаться в поисках аналогий к синхронным древностям лесного, в первую очередь, балтийского мира. В то же время, они своеобразны и именно венчики, височные кольца и покрывала получают развитие в древностях последующего времени.

Комплекс украшений корпуса, функционально связанный с одеждой, в целом соответствует схеме традиционного этнографического костюма готов. Не случайно изделия днепровских ювелиров органично входят в состав убора крымских готов, как отдельными элементами, так и в комплексе. Однако уже в VIII в., пережив «период возвращения» с Дуная, обитатели Среднего Поднепровья сохраняют лишь общую схему убора, дополненную заимствованными изделиями в технике тиснения, а в конце VIII-IX вв. «двухфибульный» костюм полностью забыт.

Неоднократно отмечаемый факт наложения ареала кладов, а следовательно, и зафиксированного в них убора, на район пограничья пеньковской и колочинской культур позволяет с равной степенью доказательности высказать 2 гипотезы. Первая состоит в том, что реконструируемый по кладам и погребениям типа Данчен и Мохнача женский убор генетически связан с традициями «двухфибульного» костюма носителей черняховской культуры, поздние памятники которой известны там, где в последствии будет распространен рассматриваемый убор. Тут необходимо вспомнить недавнюю работу М.М.Казанского, который смело разместил на Днепровском Левобережье королевство Винитария и его наследников (Казанский 1997: 184). Именно он справедливо определил антский костюм с парой пальчатых фибул, как восточногерманский по происхождению (Казанский 1997: 185). Я старалась не только максимально обосновать последнее положение, но и продемонстрировать, что дело обстоит не так просто – ведь даже количественно «балтизмы» в женском костюме из днепровских кладов значительно преобладают над «готицизмами», которые, однако, больше бросаются в глаза. Тем не менее, обращаясь к началу разговора, хочу снова напомнить «готских дев» с их золотом. Их появление в «Слове о полку Игореве» заставляет задуматься о некоторых неизученных закономерностях исторической памяти и о том, что судьба населения и история его материальной культуры не всегда совпадают.

Вторая гипотеза основывается на представлениях о механизме распространения продукции раннесредневековых мастеров-ювелиров, которые не столько удовлетворяли спрос на тра-

диционные типы украшений, сколько диктовали престижную моду, предлагая свой ассортимент изделий. Тогда закономерно предполагать, что зафиксированный в кладах убор во многом – результат деятельности ювелиров – мастеров и торговцев, создававших изделия «поствосточногерманского» облика под влиянием современных ювелирных школ Крыма и Подунавья.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. 1988. Хронология пальчатых и зооморфных фибул днепровского типа из Крыма // Труды V Международного Конгресса Археологов-славистов. Т.4. Секция I. Древние славяне. К. С.5-9.

Айбабин А.И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып.I. С.4-87, 175-241.

Айбабин А.И. 1991. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. Вып.II С.43-51, 236-242.

Айбабин А.И. 1994 Комплексы с большими двупластинчатыми фибулами из Лучистого. // МАИЭТ, вып.IV. С.132-172.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 1998. Ранние комплексы могильника у с.Лучистое в Крыму // МАИЭТ, вып.VI. С.274-311.

Айбабин А.И., Юрочкин В.Ю. 1995. Могильник «Баклинский овраг» (по материалам раскопок 1992-1993 г.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь С.125-135, 206-235.

Аксенов В.С., Бабенко Л.И. 1998. Погребение VI-VII веков н.э. у с. Мохнач // РА №3. С.111-122.

Амброз А.К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА №2.С.96-123.

Амброз А.К. 1988. Основы периодизации южнокрымских могильников типа Суук-Су // Древности славян и Руси. М. С.5-12.

Амброз А.К. 1993. К происхождению днепровских антропоморфных фибул // РА, №2

Амброз А.К. 1994. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв // МАИЭТ, вып.IV. Симферополь .С.31-88

Артамонов М.И.1970. Болгарские культуры северного и западного Причерноморья // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л

Аун М. 1992. Археологические памятники второй половины I тыс.н.э. в Юго-Восточной Эстонии // Таллинн.199 с.

Баран В.Д. 1998. Скарби VI-VIII ст. Анти чи Русь? // Археологія №1. К. С 15-28.

Бірбрауер Ф.1995. Готи в I-VII ст.: територія розселення та просування за археологічними джерелами // Археологія №2.

Винокур І.С. 1994. Перша ливарна форма для пальчастих фібул // Старожитности Руси-України. Київ. С.23-27.

Винокур І.С. 1997. Слов'янськи ювелири Поднистров'я. Каменец-Подольский.

Винокур И.С. 1998. Бернашевский ювелирный комплекс и историко-культурный процесс в Европе V-VII вв // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. ТД Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора М.И.Артамонова. СПб. С.137-141.

Волкайте-Куликаускене Р.К.1986. Одежда литовцев с древнейших времен до XVIII в // Древняя одежда народов Восточной Европы. М. С.146-171.

Гавритухин И.О. 1991. Пальчатые фибулы пражских памятников Поднестровья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М. С. 127-142.

Гавритухин И.О. 1997. Хронология пражской культуры // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т.3. М. С.39-52.

Гавритухин И.О.,Обломский А.М. 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М. 296с.

Гавритухин И.О. 1997. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю // Гістарычна – археалагічны зборнік. №12. Мінск.

Горюнова В.М. 1987. К вопросу об оловянных украшениях «антских» кладов // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской Лесостепи. Воронеж. С.85-93.

Горюнова В.М. 1992. Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические вести, №1. СПб. С.126-140.

Горюнова В.М., Родинкова В.Е. 1999 Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор) // Stratum plus №4. С.167-219.

Горюнова В.М., Щеглова О.А. 1998. Спор длиною в четверть века: А.И.Артамонов и П.Н.Третьяков о «пастырской культуре» // Скифы. Хазары .Славяне. Древняя Русь. ТД Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Михаила Илларионовича Артамонова. СПб. С.130-136.

Давня історія Україні.1995. Кн.2. К.

Дьяченко А.Г. 1978. Технология изготовления предметов из Цепляевского клада раннеславянского времени // Использование методов естественных наук в археологии. К. С.27-35.

Зариня А.Э. 1985. Одежда ливов X-XII вв. // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин. С.36-46

Зариня А.Э. 1986. Одежда жителей Латвии VII-XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М. С. 172-198

Засецкая И.П. 1993.Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ, вып.III. С.23-105.

Засецкая И.П. 1998.Датировка и происхождение пальчатых фибул Боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ, вып.VI. С.394-477.

Казанский М.М. 1997. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum + Петербургский Археологический Вестник. Европейская Сарматия. Сборник статей к 60-летию Д.А.Мачинского и М.Б.Щукина. СПб. — Кишинев. С.181-193.

Корзухина Г.Ф. 1955. К истории Среднего Поднепровья в середине I тыс. н.э // СА. Т. XXII.

Корзухина Г.Ф. 1970. Среднее Поднепровье в V-VIII вв. // Рукописный архив ИИМК РАН. Фонд №77, Дело № Р-134. Текст 952 л. Илл.187 л.

Корзухина Г.Ф. 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V-первой половины VI вв // САИ Е 1-43. Ленинград. 122 с.

Корзухина Г.Ф. 1996. Клады и случайные находки вещей круга «Древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ, вып.V.С.352-425, 526-705.

Лаул С.К. 1986. Одежда эстонцев I-XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М. С. 190-207.

Лесман Ю.М. 1996. Украшения древних новгородок и древнерусская эротика // Чело №2 (9). Новгород. С.3-4.

Маслова Г.С. 1987. Одежда // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М. С.259-292.

Массалитина Г.А. 1991. Мощинский клад // КСИА №205. М. С.29-37.

Мастыкова А.В. 1996. Бусы // Гавритухин И.О.,Обломский А.М. 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М. С.42-45.

Моора Х. 1963. Об оловянных украшениях и их изготовлении в Прибалтике // Munera archeologica Josepho Kostrzewski. Poznan. С.355-365.

Пекарська Л.В. 1991. Про долю Мартинивского скарбу // УІЖ №6. С. 124-129.

Приходнюк О.М. 1980. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI-IX ст.н.е. К. 150с.

Приходнюк О.М. 1994. Технология виробництва та витоки ювелирного стилю металевых прикрас Пастирского городища // Археологія №3.

Приходнюк О.М. 1996. Версия Нестора о расселении славян из Подунавья (опыт хронологической стратификации и исторической интерпретации) // Матеріали І тис.н.е. з археології та історії України й Угорщини. К. С. 64-79.

Приходнюк О.М. 1998. Пеньковская культура. Воронеж.170 с.

Приходнюк О.М., Падин В.А., Тихонов Н.Г. 1996. Трубчевский клад антского времени // Материали І тис. н.е.з археології та історії України й Угорщини. К. С.79-102.

Приходнюк О.М., Шовкопляс А.М., Ольговская С.Я., Струина Т.А. 1991. Мартыновский клад // МАИЭТ, вып.II. С.72-92.

Пудовин В.К. 1962. Три боспорские лучевые фибулы. // СА №2. С.142-148.

Рабинович М.Г. 1986. Древнерусская одежда IX-XIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М. С.40-62.

Рафалович И.А.. 1986. Данчены. Могильник Черняховской культуры III-IV вв.н.э. Кишинев. 222с.

Репников Н.И. 1906. Некоторые могильники крымских готов. // ИАК. Вып.19. СПб. С.1-80.

Репников Н.И. 1907. Некоторые могильники области крымских готов. // ЗООИД. XXVII. Одесса. С.101-148.

Родинкова В.Е. 1996. Раннесредневековые памятники Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья с датирующими находками // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М. С.155-162.

Рыбаков Б.А. 1948. Ремесло Древней Руси. М. 783с.

Рыбаков Б.А. 1949. Новый Суджанский клад Антского времени // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Т.XXVII С.75-90.

Рыбаков Б.А. 1953. Древние русы // СА. Т.XVII. С. 23-104.

Сабурова М.А. 1974. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) // СА №2. С.85-97.

Сабурова М.А. 1975. О женских головных уборах с жесткой основой в памятниках домонгольской Руси // КСИА № 144. М. С.18-22.

Сабурова М.А. 1988. Погребальная древнерусская одежда и некоторые вопросы её типологии // Древности славян и Руси. М. С.266-271.

Сабурова М.А. 1998. Ткани начала XII – начала XIII в. из Суздаля // Культура славян и Русь. М. С.290-296.

Седов В.В. 1979. Происхождение и ранняя история славян. М. 153с.

Седов В.В. 1986. Одежда восточных славян VI-IX вв // Древняя одежда народов Восточной Европы. М. С.30-39.

Седов В.В. 1987. Финноугры и балты в эпоху средневековья. М. 509с.

Седов В.В. 1994. Женские головные уборы восточных славян (по курганным материалам) // Очерки по археологии славян. М. С.115-123.

Семенова Мария 1998. Мы – славяне! Популярная энциклопедия. СПб. 560с.

Соснина Н., Шангина И. 1998. Русский традиционный костюм. Иллюстрированная энциклопедия. СПб. 400с.

Спицин А.А. 1928. Древности антов // Сборник статей в честь академика А.И.Соболевского. Л.

Толочко П.П. 1980. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII-XIII веков. К. 223с.

Толстой Н.И. 1995. Бинарные противопоставления типа *правый – левый, мужской —женский* // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике.С.152-166.

Толстой Н.И. 1995. Переворачивание предметов в женском погребальном обряде // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике.С.213-222.

Хайрединова Э.А. 1997. Женский костюм с орлиноголовыми пряжками второй половины VI-VII в. по материалам могильника у с.Лучистое // Международная конференция «Византия и Крым».ТД. Симферополь 1997. С.87-89.

Хайрединова Э.А. 1998. Фибулы и украшения круга «древностей антов» в костюме варваров раннесредневекового Крыма. // Скифы. Хазары .Славяне. Древняя Русь. ТД Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Михаила Илларионовича Артамонова. СПб. С.112.

Чижикова Л.Н. 1988. Русско-Украинское пограничье: История и судьбы традиционно-бытовой культуры. М. 252 с.

Щеглова О.А. 1990а. Вещи дунайского происхождения в поздних кладах «Древностей антов» // Тезисы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX-XIII вв.» Чернигов. С.164-169.

Щеглова О.А. 1990б. О двух группах древностей антов в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск. С.162-204.

Щеглова О.А. 1991. Среднее Поднепровье конца VII - первой половины VIII вв.: причины смены культур // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. Материалы методологического семинара ИИМК АН СССР. СПб. 1991. С.42-50.

Щеглова О.А., Егорьков А.Н. 1998 Об одной технологической особенности изготовления латунных предметов Трубчевского клада «древностей антов» // Ювелирное искусство и материальная культура. ТД V коллоквиума. СПб. С.84-85.

Щеглова О.А., Егорьков А.Н. в печати. Литейные формочки из Бернашовки и свинцово-оловянные украшения раннесредневековых кладов Днепровского левобережья // Ювелирное искусство и материальная культура. ТД VII коллоквиума. СПб.

Якобсон А.Л. 1958. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА №85. С.458-501.

Якобсон А.Л. 1959. Раннесредневековый Херсонес. // МИА №63. 255с.

Aibabine A.I., Khairedinova E. 1997. La nécropole de Loutchistoe // Archéologie de la Mer Noire. La Crimée

a l'époque des Grandes Invasions IV-VIII siècles. Caen. P.67-78.
Baye, de. J. 1892. La bijouterie des Goths en Russie // Mémories de la Société Nationale des Antiquares de France. Paris. L.I. P.1-16.
Bierbrauer V. 1994. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1.-7. Jahrundert. Versuch einer Bilanz. Berlin.
Chajredinowa E. 1999. Die Tracht der Krimgoten im 6. und 7. Jahrhundert. // Unbekannte Krim. Heidelberg. S.84-93.
Daim F. 1990. Der awarische Greif und die byzantinische Antike // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. Teil 2. Wien. S.273-304.
Fettich N. 1937. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn // AH №XXI.
Fettich N. 1951. Arhäologische Studien zur Geschichte der späthunnischen Metallkunst // AH. № XXXI.
Fettich N. 1972. Vestiges archéologiques slaves de l'époque des Grandes Migrations, dans le bassin des Carpathes – relations koutourgoures // Les questions fondamentales du bassin des Carpathes du VIIIe au Xe siècle. Budapest. P. 85-97.
Hagg I. 1974. Kvinnodrakten in Birka // AUN. №2. Uppsala. P.
Kazanski M. 1999. Les Slaves. Les origines. Ier-VIIe siècle aprés J.-C. Paris. 159 p.
Kidd D. 1989. The History of the European Early Medieval Collections in the British Museum // JHC, Vol.1, Part 1. P.103-107.
Kiss A. 1977. Avar Cemeteries in County Baranya. Cemeteries of the Avar Period in Hungary 576-829. Budapest.
Martin M. 1995. Tradition und Wandel der fibelgeschmucketen frühmittelalterlichen Frauenkleidung // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz. 38. Jahrgang 1991. S.629-680.
Parczewski M. 1991. Metalowe zabytki naddnieprzańskie z VI-VIII w. w zbiorach krakowskiego Muzeum Archeologicznego // Archaeoslavica №1. Kraków. P.115-128.
Parczewski M. 1993. Dalsze metalowe zabytki naddnieprzanskie z VI,VII-VIII w. w zbiorach krakowskich // Archaeoslavica №3. Kraków. P.113-122.
Pekarskaja L.V., Kidd D. 1994. Der Silbershatz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. Und 7. Jarhundert. Innsbruck. 175 S.
Ripoll G. 1988. Problèmes de chronologie et de typologie à propos du mobilier funéraire hispano-wisigothique // Actes des IXe Journées d'Archéologie Merovingienne: Gaule mérovingienne et Méditerranée. P.101-109.
Scseglova O.A. 1995. A Kozep-Dnyeper-videki «Ant regisegek» vagy «Martinovkai tipusu» kincsleletek tanulmanyozasanak nehany probleaja. (Some problems of the «Ant antiquites» or «Martinovka type» treasure finds of the middle Dnieper region) // Studia Archeologica. Szeged. P.375-399
Tautavicius A. 1996. Vidurinis gelezies amzius lietvoje (V-IX a.). Vilnius. 367 s.
Werner J. 1950. Slavische Bugelfibeln des 7. Jahrhunderts // Reinecke Festschrift. Mainz. S.150-172.
Werner J. 1988. Danceny und Brangstrup // Bonner Jahrbücher. Bd.188. Köln-Wien. S.241-286.
Zarina A. 1970. Seno latgalu apgerbs 7.-13. gs. Riga. 250 s.

Н.П.Тельнов

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ VIII-X ВВ. ДНЕСТРОВСКО-ПРУТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

N.P.Telnov. Eastern-Slavonic Antiquities of the VIII-X c. of the Region Between the Rivers Dniester and Prut.

The article provides a summary of the results of studies in the region of the Eastern-Slavonic culture of the Luca-Raikhovetsky type. The history of investigation of these antiquities is shortly presented, the characteristics of fortified and non-fortified monuments of this culture is given, the data of the analysis of the 200 semi pit-houses are offered, the constructive peculiarities of the metallurgical and other industrial and household constructions are reflected, as well as the results of the investigations of the burials in the region are provided.

In the present study, a special place is given to ceramics. Its typology, stratigraphical observations and also the dated finds allow to single out three chronological periods in the Luca-Raikhovetsky culture.

Industrial constructions, various tools, weapons, household items, position of the settlements and their planning allow to speak about the level of development of production and social relations among the population of the region.

The comparison of the archaeological data with the information provided by the chronicles allows to consider the ethnic belonging of the antiquities and to define them as those of Tivertsy.

Восточнославянские древности VIII-X вв., как и вся славянская культура в Молдове, начали изучаться лишь в конце 40-х годов XX века.

В целом, историю исследования славянских памятников можно условно разделить на два этапа по организационному принципу.

Первый, с конца 40-х и до начала 70-х годов, характеризуется в основном работой археологических экспедиций АН СССР. Следует учесть, что славянские древности второй половины I тысячелетия, представленные поселениями с бедным культурным слоем, содержащим в основном маловыразительную лепную керамику, не сразу привлекли к себе внимание исследователей. Первоначально начали изучаться более представительные древнерусские памятники, аналогичные уже хорошо известным на других территориях, и лишь со временем, с накоплением значительного фактического материала, эти древности были выделены в самостоятельную культуру (Федоров 1960). Этому способствовало также и широкое изучение подобных древностей в других регионах. При дальнейшем изучении они были разделены на два хронологических периода: древности VI-VII вв., отнесенные в основном, к пеньковскому типу и VIII-IX вв., относящиеся к культуре типа Луки-Райковецкой (Рафалович 1972).

К началу 70-х годов в результате более чем двадцатилетних полевых работ в Молдове были выявлены и исследованы славянские памятники широкого хронологического диапазона, которые в некоторых случаях содержали слои с древностями заключительной четверти I тысячелетия. Но все же эти древности к тому времени были исследованы еще довольно слабо и изучались недостаточно целенаправленно.

К проблеме изучения этих древностей обращались Г.Б. Федоров, И.А.Рафалович, И.Г.Хынку, Г.Ф.Чеботаренко. Большинство работ по этой проблематике отражали результаты исследований отдельных поселений. Впервые попытку обобщения исследований на раннеславянских памятниках Днестровско-Прутского междуречья предпринял в 1960 г. Г.Б.Федоров (Федоров 1960). В 1972 г. И.А.Рафалович на более обширном материале глубже осветил некоторые конкретные вопросы темы (Рафалович 1972). Необходимо все же отметить, что до начала 70-х годов публикаций непосредственно о древностях VIII-X вв. появилось мало, так как было мало раскопано памятников этого времени. Кроме этого, исследователи не всегда четко их выделяли при раскопках многослойных поселений.

В течение второго этапа, начавшегося с начала 70-х годов и связанного с деятельностью археологических экспедиций АН МССР, памятники VIII-X вв. начинают изучаться более целенаправленно, что приводит к заметному накоплению археологических источников. Значительные работы были проведены на таких памятниках, как Ханска, Глинжены, Гординешты, Рудь, Скок, Дурлешты и др. (Тельнов 1988: 3-19). Создались предпосылки для разработки внутренней периодизации древностей VIII-X вв., конкретизации вопроса возникновения древностей, обобщения всего имеющегося материала и т.д.

Как результат более интенсивного и целенап-

© Н.П.Тельнов, 1999.

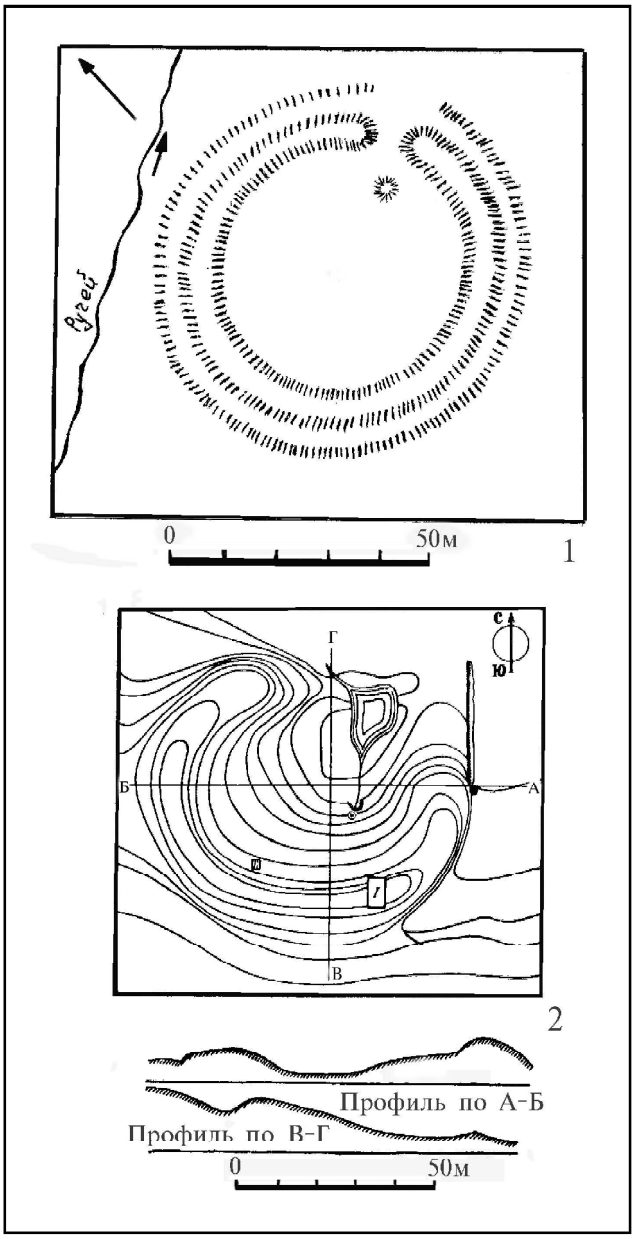

Рис.1. Планы круглых городищ: 1 — Рудь, 2 — Екимауцы.

равленного изучения славянских памятников именно VIII-X вв., появились публикации, отражающие общий характер исследованных древностей, которые были датированы суммарно VIII-X вв., сделана попытка определения их культурной принадлежности, поставлены некоторые другие вопросы.

Несмотря на то, что достигнутые успехи далеко не восполняют все пробелы, существующие в изучении славянской культуры в Молдове, проделанная работа и накопленный фонд источников дают надежную основу для всесторонней характеристики славянских древностей VIII-X вв. в указанном регионе.

На рассматриваемой территории в настоящее время известно около 140 восточнославянских памятников VIII-X вв. Почти на 30 из них проводились раскопки. Памятники представлены неукрепленными поселениями, городищами, курганным и грунтовым могильниками. Значительнее были заселены районы среднего течения Днестра и его притоков, притоки Прута в северной части Молдовы и район верхнего и среднего течения реки Ботны, т.е. непосредственная граница степи и лесостепи. В определенной мере это, очевидно, объясняется и степенью изученности названных районов. Подтверждением этому является то, что в традиционно считавшейся мене заселенной степной части региона за последнее время выявлен ряд славянских памятников VIII-X вв. Наиболее представительными из них являются поселение у с.Румянцево Кантемировского района, два поселения у с. Кырпешты того же района, поселение у с.Червоноармейское Болградского района Одесской области. Особый интерес пред-

ставляют материалы, выявленные у с. Червоноармейское при раскопках Траянова вала (Чеботаренко, Субботин 1991: 124-145).

На всей территории преобладали неукрепленные поселения. Наиболее распространенным их типом был приречной. Он характерен для всего названного региона.

Поселения располагались на первой, второй надпойменных террасах или на высоком коренном берегу реки, ручья, балки. Вторым типом был мысовой, когда поселения располагались на мысах, образованных изгибом русла реки, ручьями или мелкими речками при их впадении в более крупные реки, двумя оврагами и речной долиной, двумя оврагами, переходящими в один. Третьим типом поселений, встреченным значительно реже, является водораздельный. В этом случае поселения располагались вдали от рек и ручьев в местах выхода грунтовых вод.

Размеры славянских селищ VIII-X вв. различны. Они занимали обычно площадь от 0,5 га до нескольких га. Преобладали поселения от 0,5 до 3 га. Селища, площадь которых превышала 3 га, составляли около 20%. Самые большие по площади поселения иногда располагались рядом с городищами и, как правило, чаще всего были многослойными, т.е. имели отложения VI-XII или VIII-XII вв.

Некоторые другие селища развиваются также непрерывно на протяжении VI-X вв. Примером могут служить такие поселения как Скок, Ханска, Одая, Бранешты I и др. Можно отметить и то, что ранние поселения с керамикой ярко выраженного пеньковского облика такие как Данчены, Селиште, Старый Орхей не имеют более поздних отложений VIII-X вв. с керамикой типа Луки-Райковецкой. Непрерывно развиваются поселения, ранний пласт которых представлен комплексами с пражско-корчакской керамикой.

Исследование селищ второй половины I-го тысячелетия н.э. в Днестровско-Прутском междуречье показывает значительное увеличение их количества в VIII-X вв. по сравнению с VI-VII вв. Одновременно увеличивается площадь многих из них, количество жилищ и хозяйственных построек. Это трудно объяснить только новой волной славянских переселенцев (Рафалович 1972: 41-42). Подобные изменения происходили в это время и на других восточнославянских территориях (Русанова 1973: 8) и связаны, очевидно, с социально-экономическими изменениями, происходящими в славянском обществе. Этим объясняется и возникновение реальных гнезд поселений, синхронных во времени и связанных между собой социально-экономическими нитями, ибо появление «гнезд» поселений в более раннее время определялось, скорее всего, непрочной оседлостью, обусловленной экстенсивным ведением хозяйства.

К наиболее широко исследованным неукрепленным поселениям, где сохранились сооружения конца I тыс. н.э. относятся: Ханска, Скок, Дурлешты, Глинжены, Рудь, Гординешты. Некоторые поселения дают представление о планировке жилищ. На всех топографических типах славянских поселений VIII-X вв. преобладал бессистемный кучевой тип застройки. На некоторых больших по площади поселениях отмечен гнездовой тип. Третьим типом застройки, выявленным на нескольких поселениях, является рядовой, что, в определенной степени может свидетельствовать о существовании отдельных жилищно-хозяйственных комплексов.

Городища в количественном отношении значительно уступают неукрепленным поселениям. В основу классификации этих памятников положена группировка их по двум признакам: плановой структуре оборонительных сооружений в порядке их усложнения и использованным строительным приемам (Раппопорт 1967). Из 24 городищ, на которых обнаружены следы жизни славян VIII-X вв., только 10 сооружены славянами, остальные были воздвигнуты в раннем железном веке. Однако даже это сравнительно небольшое их количество дает возможность сделать некоторые выводы об их типологии. На изучаемой территории в VIII-X вв. существовали два типа славянских городищ, отличающихся плановой системой укреплений и месторасположением. К первому типу относятся 6 городищ, укрепления которых не подчинены естественному рельефу местности. Они расположены на плоской поверхности, на пологих склонах имеют в плане круглую форму (рис. 1). Ко второму типу относятся 4 городища сложно-мысового типа с несколькими защищенными площадками, устроенные с учетом защитных свойств рельефа местности. Наиболее наглядным примером этого типа городищ является исследованное в последнее время городище Речула (рис. 2, 1) (Власенко 1990: 212-229).

Городища, сооруженные в более раннее время, также подразделяются на два типа и по основным параметрам приближаются к двум типам достоверно славянских городищ. Отличие ранних мысовых городищ заключается в том, что они состоят из одной укрепленной площадки, круглые – аналогичные славянским. Таким образом, можно сделать вывод, что славяне «обживали» лишь те городища, которые по своей плановой структуре, местоположению, характеру укреплений, размерам походили на собственно славянские городища.

Оборонительные валы круглых городищ были сооружены с внутренним деревянным каркасом, заполненным глиной, землей, камнями. Сложно-мысовые городища имели оборонительные деревянно-земляные валы с основой из закопанных столбов, которые использовались для сооружения тына или квадратных клетей. Валы круглых городищ были выше валов сложно-мысовых городищ, хотя по размерам площадок последние всегда превосходили первые.

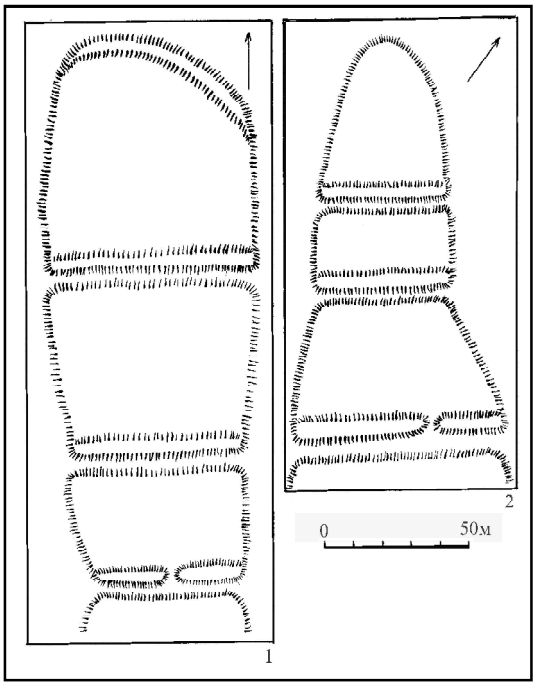

Рис.2. Планы сложно-мысовых городищ: 1 — Речула, 2 — Ла Трей Кручь.

Иногда внутренние и внешние склоны валов были укреплены дополнительно невысокими стенками из камня или плетнем. Рвы укреплений городищ имели треугольный или реже трапециевидный профиль и почти одинаковую крутизну склонов. На некоторых сложно-мысовых городищах наблюдалось эскарпирование склонов (Речула, Мерешовка).

Простейшим типом наземных оборонительных конструкций были частоколы. Исследованы также столбовые стены и укрепления, состоящие из двух рядов параллельных столбов, вкопанных в землю таким образом, чтобы они составляли квадратные в плане клети. Четвертый тип представлен деревянными стенами в виде сплошного ряда срубных клетей, которые могли быть забиты грунтом или использовались в качестве хозяйственных или жилых помещений.

На маленьких по площади круглых городищах строения примыкали к внутренней стороне вала, либо непосредственно входили в его конструкцию. Сложно-мысовые городища были застроены полуземляночными жилищами, производственными или хозяйственными сооружениями. Вокруг круглых городищ всегда располагались довольно большие неукрепленные по-

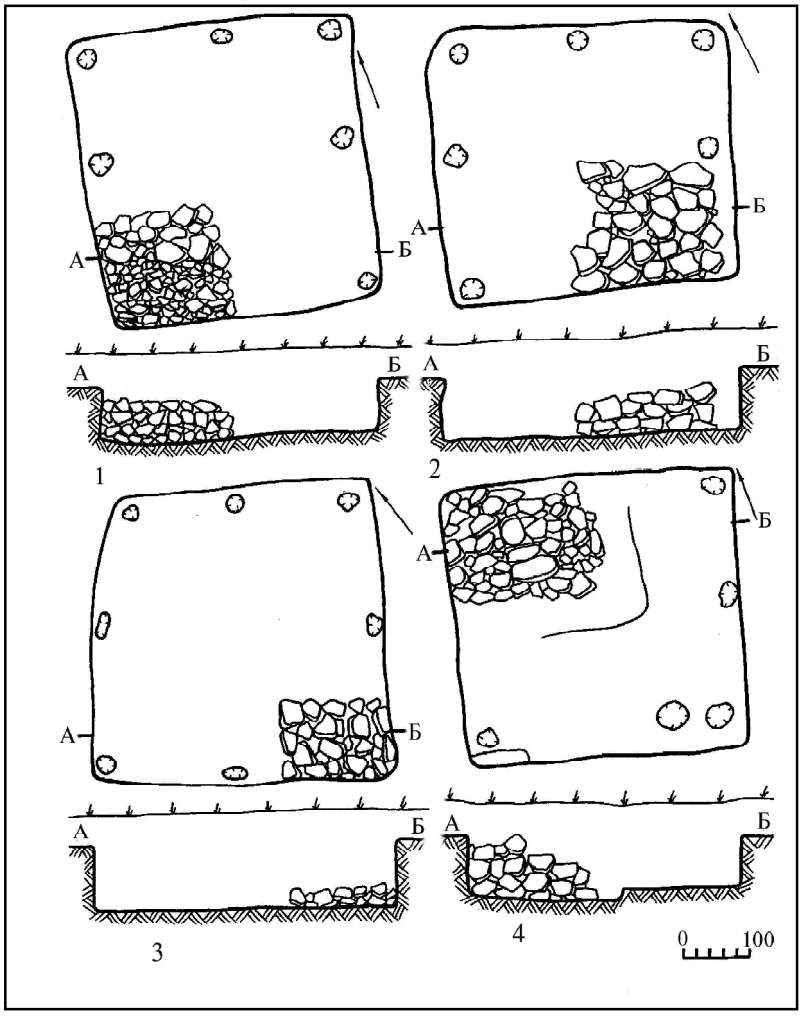

Рис.3. Планы и разрезы жилищ поселения Скок: 1 — жилище 3; 2 — жилище 4; 3 — жилище 7; 4 — жилище 6.

селения. Жилища и другие сооружения за оборонительными линиями сложно-мысовых городищ почти всегда отсутствуют. Следует отметить, что социальный облик укрепленных поселений очень трудно определить, если даже они достаточно полно исследованы. Учитывая то, что о большинстве городищ Молдовы имеются данные лишь предварительного характера, рискованно делать выводы, претендующие на окончательную истину. Но несомненно то, что городища VIII-X вв. представляли собой общинные поселки или поселения с городищами-убежищами. В социально-экономическом отношении их нельзя считать ни городами, ни деревнями, ибо, как справедливо отметил И.И.Ляпушкин, «города в это время еще не сложились и, следовательно, противопоставления города деревне еще не могло существовать» (Ляпушкин 1958: 225).

В рассматриваемом регионе достоверно известны только углубленные славянские жилища, число которых достигает более двухсот (рис. 3). Для их характеристики использована выборка из 200 жилищ, имеющих исчерпывающую характеристику. Это позволило на основе статистического анализа наиболее полно сопоста-

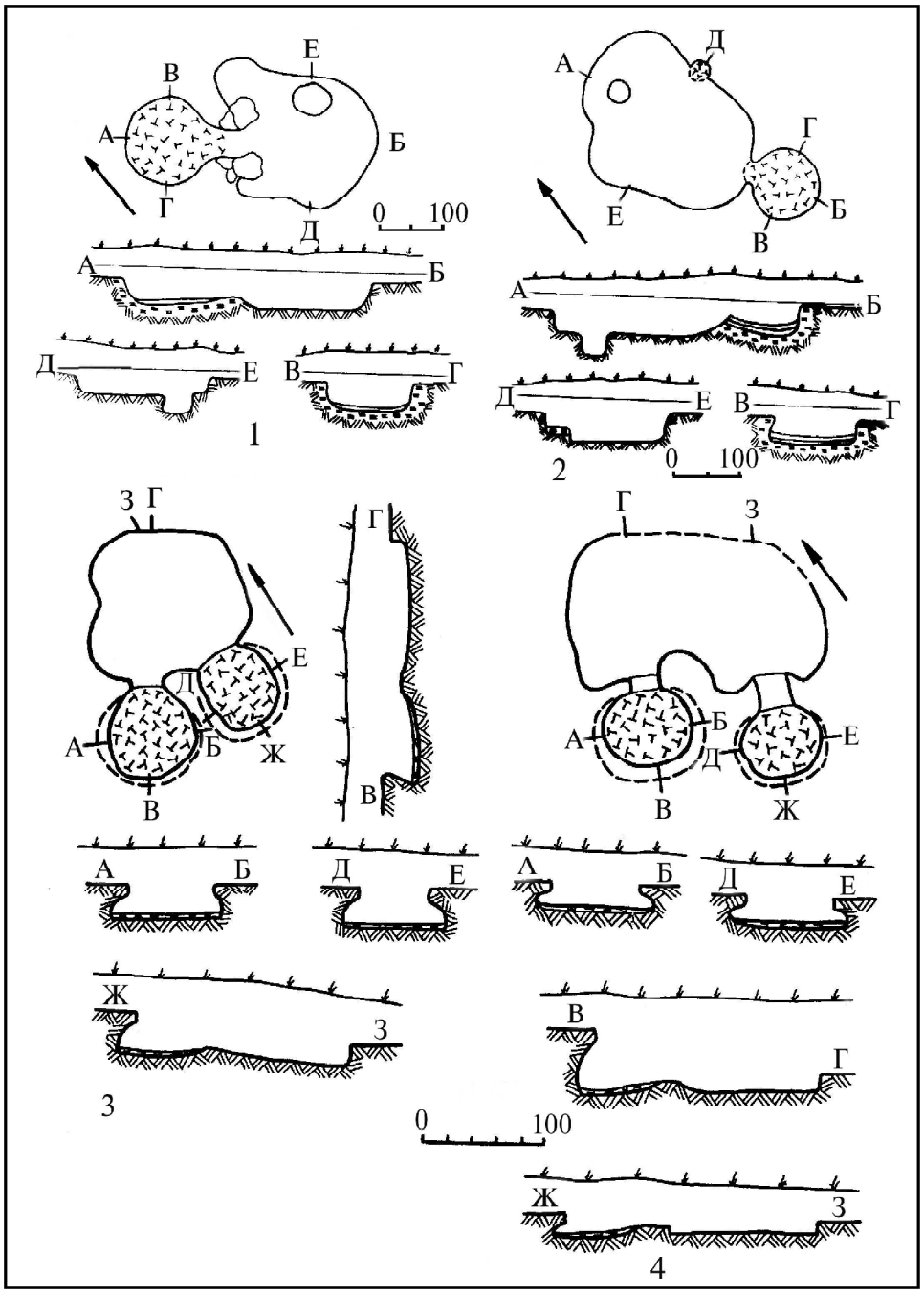

Рис.4. Планы и разрезы сооружений с купольными печами: 1,2 — сооружения с одной печью; 3,4 — сооружения с двумя печами.

вить их по единой системе. Для типологии жилищ выбрана характеристика котлована и печи. Котлован определяют форма, размеры, ориентация, глубина от современной поверхности, конструкция стен, устройство пода, размещение входа. При характеристики печи учитывалось ее размещение в жилище, размеры, материал, из которого она сооружена, размеры пода и его конструкция, ориентировка устья печи.

Среди жилищ преобладали квадратные полуземлянки площадью 9-14 кв. м (49,5 %), распространены также маленькие жилища до 9 кв. м включительно (26,5 %) и большие – от 14 до 25 кв.м. (24%). Независимо от площади котлована жилища оптимальной была средняя глубина от 1,0 до 1,8 м. Лишь 12 % жилищ имели маленькую глубину – до 1 м и только 9 % — большую, свыше 1,8 м. Большинство жилищ (113) были ориентированы по сторонам света углами, меньше (87) – стенами. Пол в жилищах всегда устраивался горизонтально и являлся материковым. Явно преобладала столбовая конструкция стен. Входы, как правило, не прослеживались. Во всех 200 жилищах выявлены печи-каменки. Большая часть печей, в силу природных условий, сложена насухо из известнякового камня. В основании печей на материковом полу устанавливались крупные камни, ограничивающие топку, которые обкладывались более мелкими таким образом, чтобы печи придавалась кубовидная форма. Представляет определенный интерес и размещение печей в жилище для выяснения внутренней планировки. Наблюдается преобладание печей в северной части жилища, хотя оно и не столь значительно. Налицо преобладание ориентировки печей-каменок устьем к югу, востоку или юго-востоку. Если придерживаться мнения, что печь устьем была обращена ко входу, то можно сделать вывод, что большинство жилищ было обращено входом к южной или восточной стороне. Если же учесть, что вход в то время мог быть и источником освещения, так как оконных проемов еще не было (Раппопорт 1975: 132), то это является дополнительным подтверждением ориентировки большинства жилищ входом к юго-востоку. Отсюда следует, что при выборе места для поселения предпочтение отдавалось определенным склонам, т.е. учитывался рельеф местности. Несмотря на то, что в 12 случаях отмечено сочетание печей-каменок с очагами открытого типа, печь-каменка является основным типом отопительного сооружения. Такое явление следует, на наш взгляд, объяснить моноэтничностью населения, чему не противоречит и общая конструкция жилищ. Приемы жилищного строительства практически выдерживаются от ранних, VI-VII вв., до поздних — X в. — жилищ и не выходят из рамок восточнославянской домостроительной традиции.

На славянских поселениях конца I тысячелетия н.э. в Молдове известны и производственные комплексы, к которым относятся железоделательные сооружения и сооружения с купольными печами, очевидно, многофункционального назначения.

Выделяются два вида железоделательных сооружений, отличающихся по конструкции и функциональному назначению, которые, в свою очередь, подразделяются по своим морфологическим признакам на два типа каждый.

К первому виду относятся стационарные, сыродутные горны многоразового использования (рис. 5). По конструктивным особенностям лещади они подразделяются на два типа.

Сыродутные горны первого типа были сооружены в специально выкопанных для них ямах, стенки которых были обмазаны огнеупорным раствором. На уровне дневной поверхности была расположена только их верхняя колошниковая часть. В плане они имели, как правило, овальную форму, а размер лещади в среднем равнялся 37 х 30 см. В сечении горны имели усеченно-коническую форму. Внизу возле лещади стенки горнов расширялись, у колошника в верхней части сужались. Средняя высота горнов составляла 60-70 см, наименьший диаметр колошникового отверстия достигал 10-12 см. В передних стенках горнов имелись арочные отверстия, предназначенные для воздуходувных сопел и извлечения готовой крицы, средние размеры которых достигали 25 х 17 см. Почти всегда стенки горнов состояли из нескольких слоев обмазки. Это надежное свидетельство их многоразового использования. Плоские лещади этого типа горнов были устроены наклонно от отверстия в передней стенке к задней. Почти всегда перед горнами располагались небольшие предгорновые ямы. Иногда горны располагались парами, что может указывать на их одновременное функционирование.

Необходимо отметить, что подобные горны являются основным типом сыродутных горнов изучаемого региона. Они были исследованы на таких поселениях как Алчедар, Екимауцы, Петруха, Ханска, Глинжены V, Старый Орхей, Скок. Общее количество достоверно известных горнов этого типа в Днестровско-Прутском междуречье – 46. Наиболее близкие аналогии им находятся на славянском поселении VIII-IX вв. у с.Григоровка в Винницкой обл. на Днестре (Артамонов 1955: 100-117; Он же 1955а: 26-29) и на поселении у с.Гайворон на Южном Буге (Бидзіля 1963: 123-144).

Другой тип сыродутных горнов отличается от первого, в основном лишь конструкцией лещади. В центральной части по всей длине лещади были сооружены выступающие в высоту на 5-8 см горизонтальные площадки, отстоящие на расстояние до 8 см от боковых стенок и изготовленные, как и сами горны, из того же огнеупорного раствора. Этот тип горнов на территории Молдовы исследован пока только на славянском поселении Рудь XX в количестве 5 со-

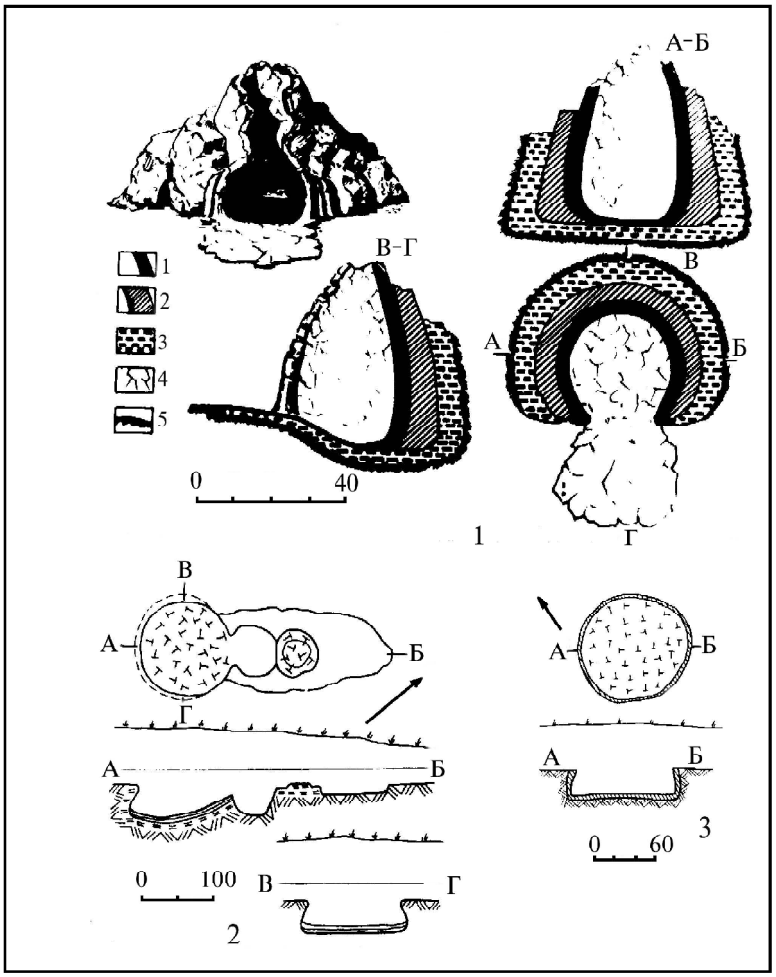

Рис.5. Железоделательные сооружения поселения Скок: 1 — общий вид, план и разрезы сыродутного горна 2. Условные обозначения: 1 — первый слой обмазки; 2 — второй слой обмазки; 3 — обожженный материк; 4 — обожженная обмазка; 5 — материк. 2. план и разрез печи 1; 3 — план и разрез ямной печи 16.

оружений. Аналогичные горны известны на славянском поселении у с.Григоровка (Артамонов 1955). Оба типа горнов служили непосредственно для выплавки железа.

Второй тип железоделательных сооружений представлен печами, конструктивно отличающимися от сыродутных горнов, В свою очередь и они по своему устройству и, очевидно, назначению также подразделяются на два типа.

К первому относятся подбойные печи, сооруженные в материковом грунте (рис. 5,2). Их топочные камеры имели в плане круглую или овальную форму диаметром 100-160 см, высота купольного свода достигала 45-50 см, ширина устья – 35 см. Под был тщательно обмазан огнеупорным раствором и слегка возвышался в сторону устья. Перед устьем располагались ямы подовальной в плане формы, углубленные несколько ниже уровня пола. Некоторые из печей под обмазкой пода имели каменные выкладки, другие имели два слоя обмазки. Такие печи были исследованы на поселении Алчедар, Екимауцы, Рудь XX, Петруха, Старый Орхей, Скок в количестве 17 сооружений. Следует отметить, что к железоделательным сооружениям мы относим только те печи, к подам которых прикипел железный шлак, т.е. с явными следами железоделательного производства. Существует мнение, что подобные печи служили для обогащения руды, хотя прикипевший к поду шлак указывает на довольно высокую температуру в печах, что позволяет предположить возможность окончательного восстановления железа в них, возможно, по другой технологической схеме, чем в сыродутных горнах.

Ко второму типу отнесены ямные круглые в плане печи диаметром 80-100 см (рис. 5,3). Под печей ровный, материковый. Материковые стенки у пода слегка расширялись. Следов обмазки не наблюдалось. Устье и предтопочные ямы у них отсутствуют. Найденные в них куски обожженной руды и древесный уголь указывают на их связь с железоделательным производством и позволяют считать их именно обогатительными печами. Найдено всего две таких печи на поселении Скок.

Производственные комплексы представлены также сооружениями с подбойными купольными печами, достоверное назначение которых еще не выяснено. В конструктивном отношении они идентичны печам, которые явно были задействованы в железоделательном производстве. Выявлены они на таких поселениях как Одая, Ханска, Алчедар, Рудь, Дурлешты, Скок

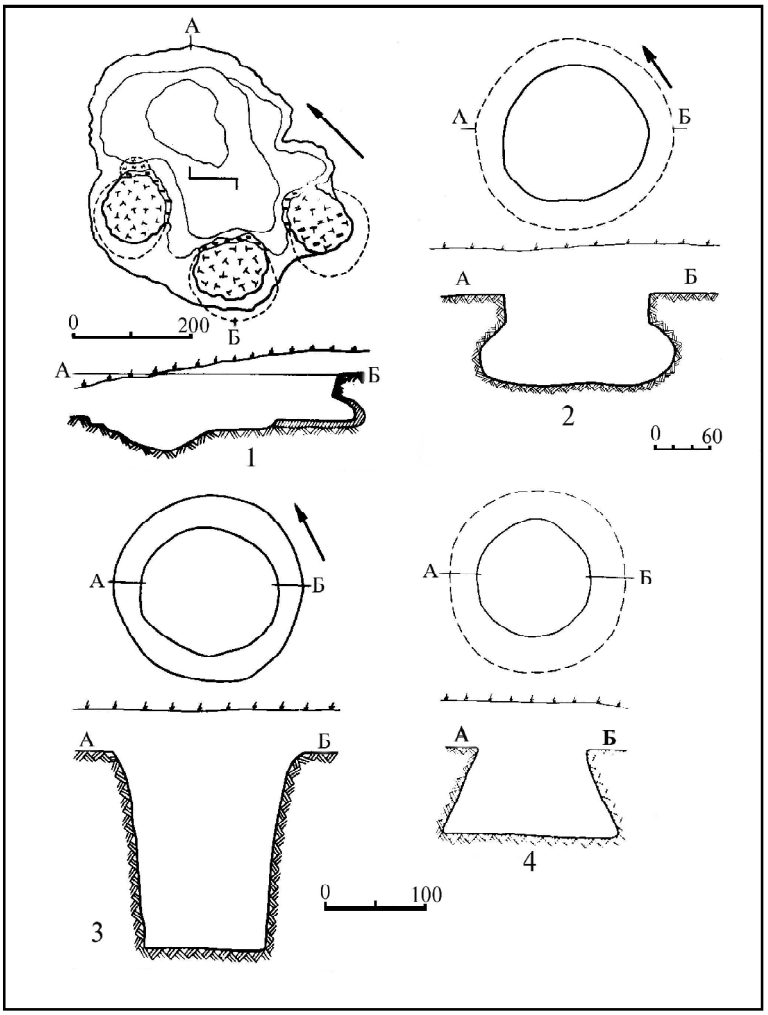

Рис.6. Планы и разрезы сооружений: 1 — сооружение с тремя печами; 2 — хозяйственная яма грушевидной формы; 3 — хозяйственная яма цилиндрической формы; 4 — хозяйственная яма колоколовидной формы.

и других. Общее их число достигает 60. В основном, преобладали одиночные печи (рис. 4, 1-2), но исследованы также сооружения с двумя, тремя и четырьмя печами (рис. 4, 3, 4; 6, 1). За пределами рассматриваемой территории аналогичные печи исследованы на Добринивском городище, на поселении Рашков, на городище Монастырек и у с.Гайворон (Тимощук 1976: 111-112; Баран 1971: 291-292; Петрашенко 1985: 82; Бидзіля 1963). Исследователи связывают их с ремесленной деятельностью населения. Скорее всего, они имели многофункциональное назначение.

Хозяйственные постройки также как и жилые полуземлянки были углублены в грунт. В отличие от жилищ, имеющих ряд устойчивых конструктивных признаков (форма, размеры, ориентировка, печь-каменка, столбовые ямы и др.), хозяйственные полуземлянки не имеют таких устойчивых признаков и отличаются не только от жилищ, но в большинстве случаев и друг от друга. Тем не менее, все же можно выделить у них и общие черты, позволяющие отнести их к отдельному типу сооружений. Они менее углублены, чем жилые полуземлянки, их форма в плане чаще всего напоминает вытянутый прямоугольник, в полу котлованов отсутствуют столбовые ямы и всегда отсутствуют печи-каменки.

Учитывая же то, что так называемых хозяйственных полуземлянок на поселениях в Молдове было исследовано всего около 15, следует полагать, что данный вид сооружений не совсем типичен для славянских поселений, и в настоящее время ни характер находок из заполнения, ни сама конструкция их не дают оснований для сколько-нибудь точного определения их назначения.

Довольно часто на славянских поселениях в Молдове встречаются хозяйственные ямы. Среди исследованных сооружений в количественном отношении они занимают первое место. Большинство ям имеют круглую или овальную форму. Они углублены в грунт от 40 до 250 см от современной дневной поверхности, чаще всего от 100 до 200 см. В сечении ямы имеют, как правило, грушевидную, колоколовидную или цилиндрическую форму (рис. 6, 2, 4).

На поселениях открыты также, очевидно, летние очаги и печи-каменки, расположенные вне углубленных жилищ, имеющие очень маленькие размеры.

На изучаемой территории славянские мо-

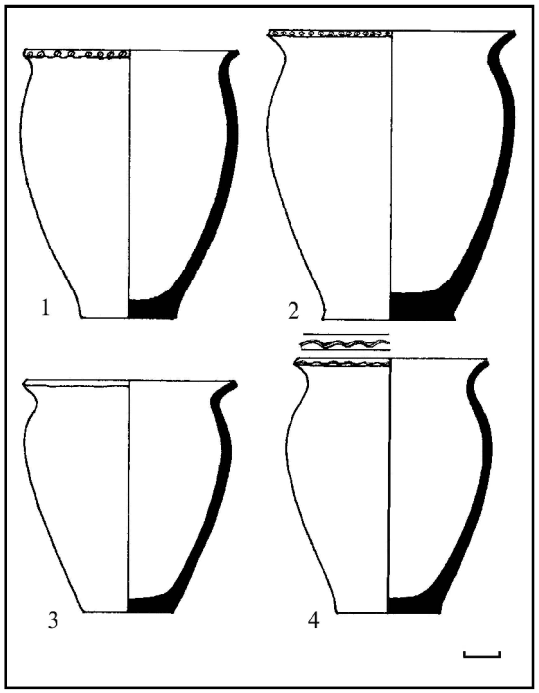

Рис.7. Горшки типа I подтипа Б.

гильники, относящиеся ко времени ранее конца IX в., еще пока не выявлены. Известно всего лишь два могильника, нижний рубеж существования которых исследователи относят к концу IX в. Они дают определенное представление о погребальном обряде славян этого региона, который, практически, мало, чем отличался от погребальных обрядов славян других восточнославянских территорий. Наиболее ранний из могильников — Алчедарский. Погребения в нем совершены по обряду кремации с последующим захоронением под курганами. Г.Б.Федоров считает, что Алчедарский курганный могильник аналогичен славянским языческим могильникам древлян, вятичей, кривичей, словен и других восточнославянских племен (Федоров, Чеботаренко 1974: 102).

Вторым исследованным в регионе восточнославянским могильником является Бранештский. Из 98 грунтовых погребений – три являлись урновыми трупосожжениями. В одном из них в качестве урн использовался лепной славянский горшок типа Луки-Райковецкой. Кальцинированные кости двух других погребений находились в раннегончарных горшках. Все погребения с трупоположениями ориентированы головой на запад с незначительными сезонными отклонениями (Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984: 35-36). Убедительно свидетельствует в пользу восточнославянской принадлежности Бранештского могильника инвентарь из погребений. Очень важные выводы, касающиеся этнической интерпретации материалов Бранештского могильника, дает антропологический материал, определение которого провела М.С.Великанова. Широкие межгрупповые сопоставления, проведенные с учетом важнейших краниологических признаков, позволили ей выявить отчетливое сходство физического облика поднестровских славян с относительно широколицыми популяциями древнерусского населения, и в первую очередь, с древлянами. По мнению М.С.Великановой, это сходство отражает их глубокую генетическую общность, указывая на то, что главную роль в славянском заселении Днестровско-Прутского междуречья играло передвижение в южном направлении из более северных, преимущественно полесских, регионов восточнославянского мира. В пользу этого важного и ответственного вывода, по ее мнению, свидетельствуют существенные антропологические различия между населением, оставившим Бранештский могильник, и его южными и западными соседями, носителями балкано-дунайской археологической культуры, включающей тюрко-болгарский компонент, и славянами Карпатских земель и Балканского полуострова (Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984: 93-96). Особенности погребального обряда, материальная культура и антропологические данные указывают, что Бранештский могильник был оставлен восточнославянским населением.

Таким образом, можно отметить, что имеющиеся в настоящее время данные о погребальном обряде населения конца I — начала II тысячелетия н.э. указывают на его восточнославянский характер, что согласуется с другими категориями археологических источников. В VIII-X вв. в данном регионе был распространен об-

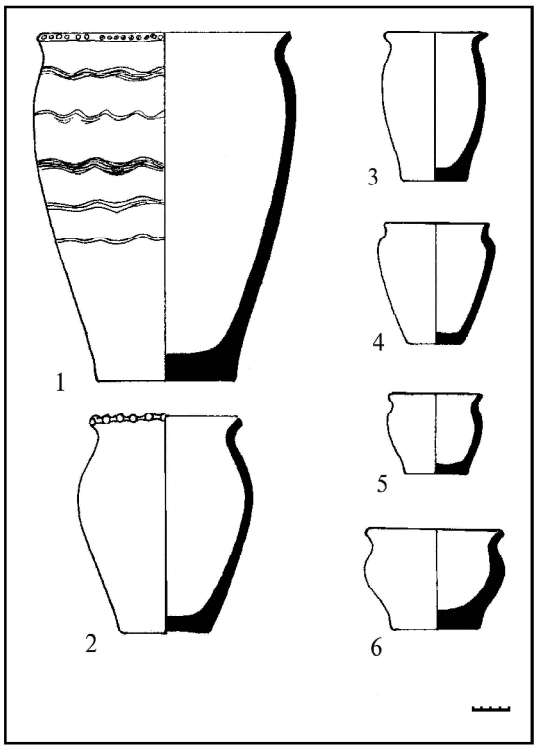

Рис.8. Горшки типа I; 1 — подтип Б; 2 — 4 — подтип А; 5,6 — подтип В.

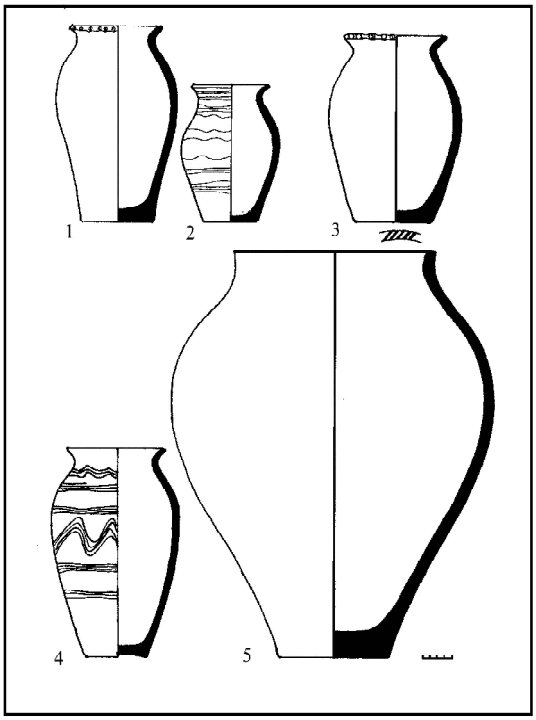

Рис.9 Горшки типа II: 1 — 3 — подтипа А; 4 — подтипа Б;5 — подтипа В.

ряд трупосожжения, а в конце этого периода в связи социальными изменениями в славянском обществе и проникновением христианства, происходит замена последнего обрядом трупоположения.

Вещевой материал состоит из керамики, орудий труда, оружия, снаряжения коня, украшений и различных предметов быта. Самая многочисленная категория находок – керамика, которая по технике изготовления подразделяется на лепную преобладающую и гончарную. Лепная керамика изготовлена из теста с большой примесью шамота, известняка или крупнозернистой дресвы. Сосуды изготовлялись ленточным способом. Лепная керамика представлена горшками, коническими мисками, сковородами и жаровнями. Ведущее место среди этих форм лепной посуды занимают горшки. Лепные горшки по форме и пропорциям тулова делятся на два типа. К первому типу относятся, в основном, высокие конусовидные горшки, расширяющиеся в верхней части тулова, суженные у дна и слегка у горла, имеющие округлые плечики, прямую или отогнутую шейку. В зависимости от высоты сосуда и величины его дна и горла сосуды первого типа подразделяются на три подтипа: вытянутые горшки с узким дном и суженным горлом; вытянутые горшки с узким дном и широким горлом; низкие горшки с широким горлом (рис. 7; 8).

Ко второму типу относятся горшки с овальным туловом, расширяющимся в средней части и сужающимся у дна и горла. Шейка у них прямая или слегка отогнутая, венчик закруглен, заострен и срезан. Они также подразделяются на три подтипа: высокие горшки с суженным горлом и почти равным ему по диаметру дном; высокие горшки с суженным дном и покатыми плечиками; высокие горшки с узким дном и суженным горлом и раздутым туловом (рис. 9).

Оба типа лепных горшков по верхней части сосуда – величине и степени отогнутости шейки, форме плечика – делятся на варианты, по форме венчика – на подварианты. Встречены как неорнаментированные, так и орнаментированные сосуды. Наиболее часто украшаются пальцевыми и ногтевыми вдавлениями, ямками и насечками венчики горшков. Стенки украшались прямыми горизонтальными и волнистыми линиями в определенных сочетаниях, иногда ямками или гребенчатыми наколками.

Конические миски по профилировке верхней части подразделяются на три типа. У некоторых мисок имелись в дне или в придонной части стенок отверстия. Этот вид посуды иногда также орнаментировался (рис. 10).

Сковородки по высоте бортика и толщине дна подразделяются на два типа. Иногда бортик сковородок по краю украшался косыми насечками или ямками (рис.11; 12).

Жаровни бывают округлыми и прямоугольными с закругленными углами. Сделаны они из рыхлого теста с примесью шамота и половы. В большинстве случав жаровни устанавливались стационарно сверху печей и в таком положении служили для нужд жителей.

Раннегончарная керамика по технологическим качествам и форме близка лепной посуде. Формы гончарных горшков продолжают оста-

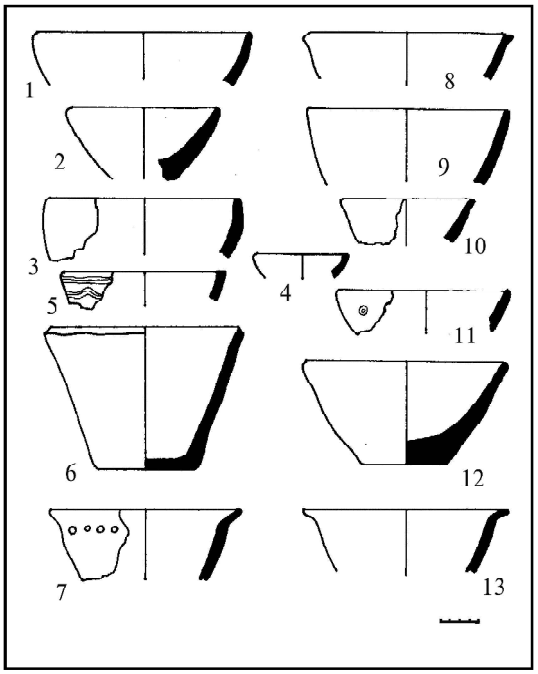

Рис.10. Миски: 1 — 4 — типа I; 5,6,8 — 12 — типа II; 7,13 — типа III.

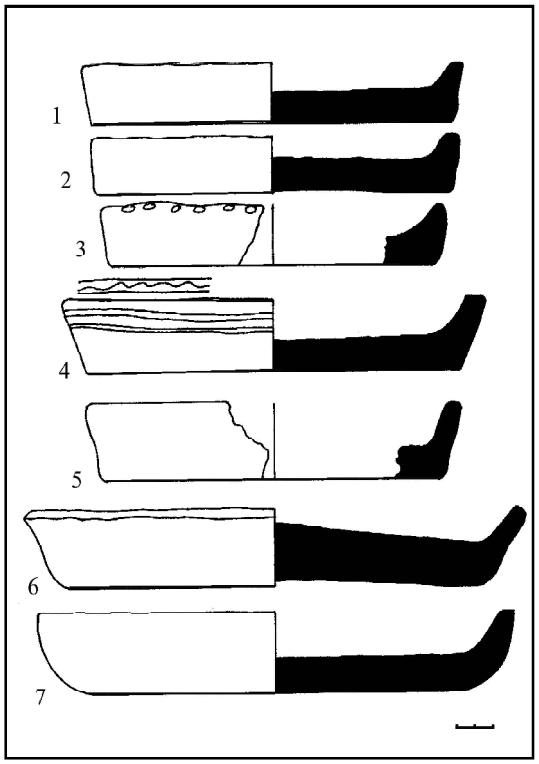

Рис.11. Сковороды типа II.

ваться очень близкими к типам лепной керамики и практически повторяют две формы, характерные для лепных сосудов. По верхней части сосуда гончарные горшки делятся на несколько вариантов.

Гончарные горшки украшались линейно-волнистым орнаментом, который часто покрывает весь корпус сосуда. Встречен также гребенчатый и накольчатый орнамент. На позднем этапе развития культуры появляются более совершенные гончарные горшки с характерным манжетовидным венчиком.

На некоторых памятниках типа Луки-Райковецкой среди керамического материала изредка встречены фрагменты сероглиняной салтоидной посуды.

Орудия труда, найденные на памятниках типа Луки-Райковецкой, связаны в основном, с земледелием и ремеслами. Они представлены серпами, железными и костяными мотыжками, наральниками, жерновами, резцами, ножами, шильями, точильными брусками, проколками, керамическими тигельками, пряслицами. Оружие представлено в основном различными наконечниками стрел. К снаряжению всадника можно отнести железные удила. Встречены также немногочисленные предметы быта, такие как железные кресала, рыболовные крючки, дужки от ведер и украшения, среди которых височные кольца, серьги, перстни, бусы и т.д.

Хронология древностей типа Луки-Райковецкой Днестровско-Прутского междуречья опирается на стратиграфическую последовательность сооружений на широко раскопанных памятниках, корреляцию керамических комплексов, относящихся ко времени обитания жилищ, сопоставление этих комплексов с находками датирующих предметов, а также на аналогии с надежно датированными комплексами этой культуры других регионов. Рассматриваемые древности подразделяются на три периода или фазы. Ранняя фаза датируется концом VII-VIII вв. Для нее характерны сосуды, продолжающие местные традиции культуры пражско-корчакского типа, но отличающиеся большей профилированностью верхней части, отогнутым венчиком, край которого часто украшен ямками или ногтевыми насечками (рис. 13). Целые сосуды ранней фазы Луки-Райковецкой по форме и основным пропорциям относятся к тем же типам, что и горшки пражско-корчакского типа. Стратиграфически сооружения этой фазы перекрывают сооружения с керамикой пражско-корчакского типа. Средняя фаза датируется концом VIII-IX вв. Керамика этой фазы по форме и основным пропорциям мало отличается от керамики ранней фазы. Самые заметные изменения происходят в орнаментации сосудов. Наряду с ямочным орнаментом по венчику появляется волнистый, линейный, накольчатый и комбинированный по тулову горшков (рис. 14). В некоторых комплексах в незначительном количестве появляется раннегончарная керамика, которая по всем параметрам повторяет лепную. Поздняя фаза датируется концом IX — серединой X вв. Керамика этого периода сохраняет черты и развивает традиции предыдущего времени, что указывает на прямую их преемственность. В керамичес-

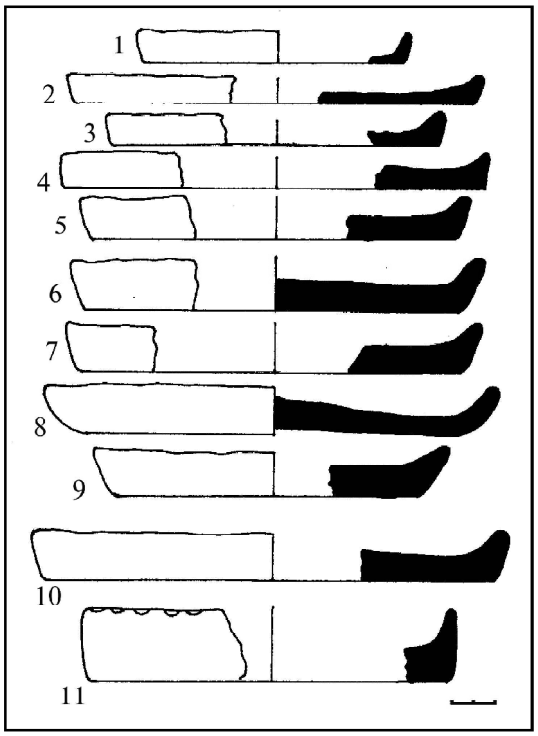

Рис.12. Сковороды: 1 — 10 — типа I; 11 — типа II.

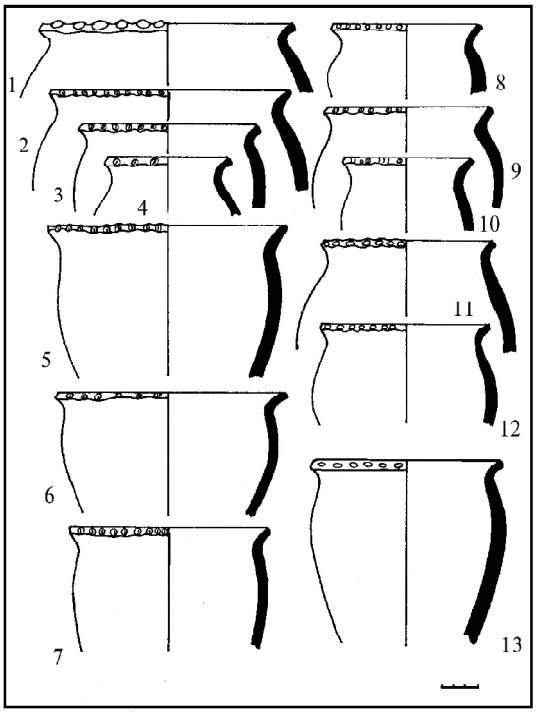

Рис.13. Керамика ранней фазы типа Луки-Райковецкой.

ких комплексах этого времени сочетается лепная и гончарная керамика тех же форм и пропорций, что и в предыдущий период. Но если ранее преобладала лепная посуда, то в комплексах IX-X вв. чаще стала преобладать раннегончарная керамика (рис.15; 16). Ее формы близки к лепным горшкам поздних вариантов. Венчики горшков часто отогнуты и косо срезаны. Отличительной чертой керамики этого периода являются горшки с манжетовидными, валикообразными и сложнопрофилированными венчиками. Поверхность гончарных горшков часто орнаментирована по всему тулову горизонтальным рифлением. Встречаются и другие виды орнамента. В стратиграфическом отношении сооружения этого времени самые поздние.

Данная периодизация и датировка, и выявленная последовательность в эволюции керамических комплексов VIII-X вв. исследуемого региона, по времени и содержанию в основном совпадает с аналогичными явлениями, происходящими во всем ареале культуры Луки-Райковецкой (Русанова 1973; Тимощук 1976; Приходнюк 1980; Петрашенко 1982).

Анализ керамики типа Луки-Райковецкой

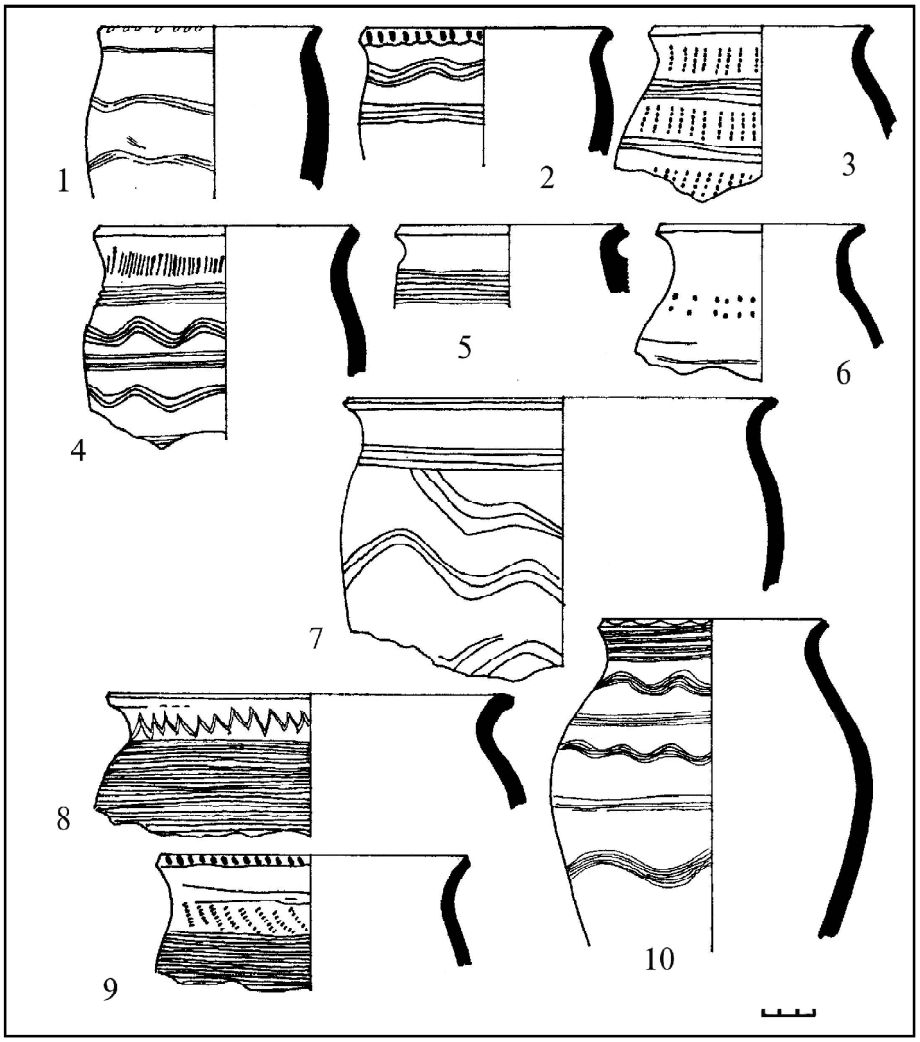

Рис.14. Керамика средней фазы типа Луки-Райковецкой.

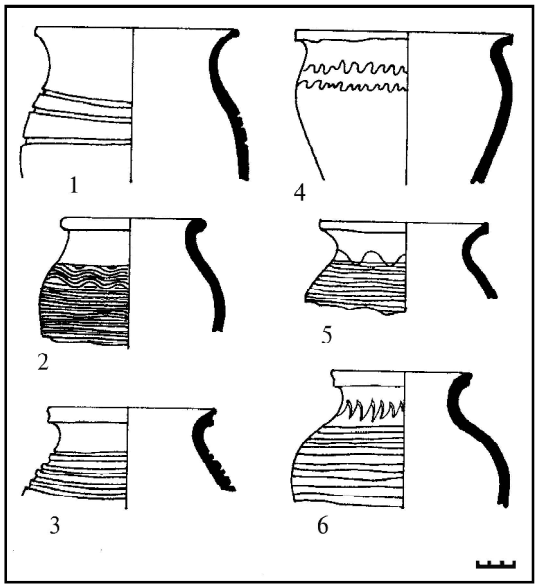

Рис.15. Керамика поздней фазы типа Луки-Райковецкой.

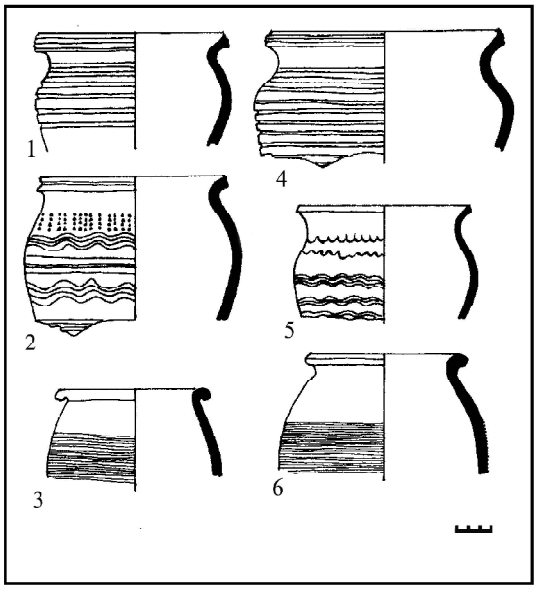

Рис.16. Керамика поздней фазы типа Луки-Райковецкой.

позволяет заключить, что развитие этой культуры на рассматриваемой территории происходило на основании местных пражско-корчакских древностей VI-VII вв. (рис.17;18;19).

Попытки выделения локальных особенностей культуры типа Луки-Райковецкой в Днестровско-Прутском междуречье не дают объективных положительных результатов.

При общем единообразии восточнославянской культуры типа Луки-Райковецкой в указанном регионе на заключительном этапе ее развития она претерпевает определенные изменения и в северной части междуречья перерастает в древнерусскую культуру, что характерно для всего ареала древностей этого типа, а в южной – становится подосновой памятников, которые имели заметное влияние южных элементов и могут быть определены как памятники контактной зоны между древнерусской и балкано-дунайской культурами.

Археологические источники отражают заметные изменения в социально-экономическом развитии восточнославянских племен VIII-X вв. Днестровско-Прутского междуречья по сравнению с предшествующим периодом. Как было уже указано, значительно увеличилось количество поселений VIII-X вв., увеличилась площадь многих из них, количество жилищ и хозяйственных построек. Более многочисленными становятся орудия труда, изготовленные из железа.

Основными видами хозяйства в VIII-X вв. оставались земледелие и скотоводство. Из выращиваемых культурных растений наиболее часто встречены при раскопках зерна различных видов пшеницы, ржи, ячменя, овса, проса, гороха.

По остеологическому материалу можно заключить, что первое место среди домашних животных принадлежало крупному рогатому скоту, затем шла свинья, мелкий рогатый скот, лошадь и птица.

Заметную роль в хозяйстве играли охота и рыболовство. Судя по найденным костям, охотились на зубров, туров, оленей, лосей, косуль, волков, лисиц, бобров, зайцев, птиц. Часто на поселениях находят чешую и кости различных рыб.

Весьма сложным остается вопрос об уровне развития ремесленного производства. К наиболее развитым видам ремесленного производства можно отнести металлургию и металлообработку. Следы железоделательного производ-

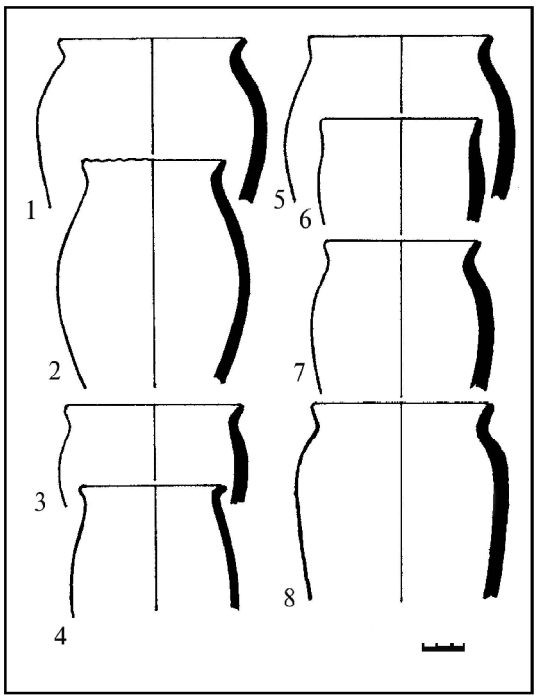

Рис.17. Керамика пражско-корчакского типа VI—VII вв.

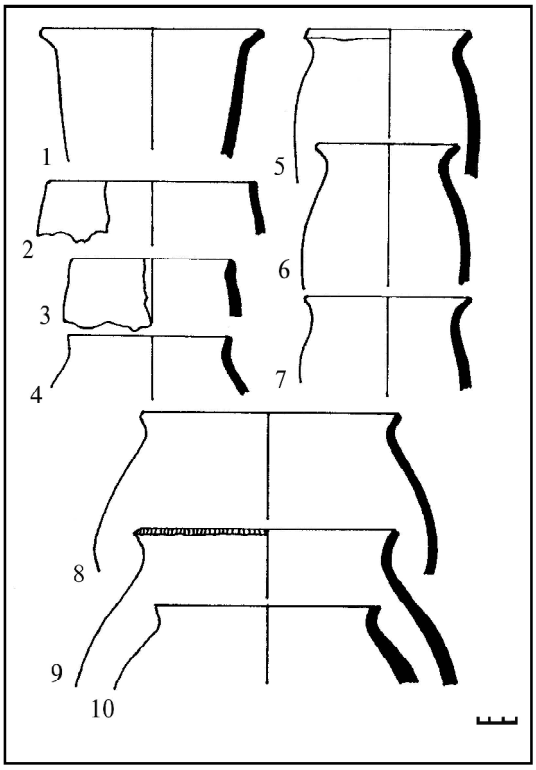

Рис.18. Керамика пражско-корчакского типа VI—VII вв.

ства на многих поселениях и особенно синхронных соседних являются доказательством того, что каждое поселение самостоятельно обеспечивало себя железом, и в этой связи вряд ли правомерен вывод о существовании у славян в рассматриваемый период специализированных железоделательных центров. Железоделательное производство, очевидно, находилось в это время еще на стадии общинного ремесла, когда ремесленники работали для удовлетворения нужд, прежде всего населения поселка. Процесс отделения ремесла от земледелия в самостоятельную отрасль труда находился в начальной стадии.

Таким образом, анализ археологических источников показывает, что рассматриваемые древности принадлежат к восточнославянской культуре, распространенной между Днепром на востоке и Карпатами на западе, Припятью на севере и Нижним Дунаем и Черным морем на юге, получившей название типа Луки-Райковецкой. О единстве черт этой культуры убедительно свидетельствуют типы поселений, жилищное строительство, керамический материал, погребальный обряд и т.д. Единство археологической культуры типа Луки-Райковецкой, в ареал которой входит и Днестровско-Прутское междуречье, обусловлено общностью исторических судеб ее носителей. В этой связи следует отметить, что весьма сложным вопросом является определение особенностей культуры упоминаемых летописью союзов восточнославянских племен в предгосударственный период. Наибольшая же трудность отмечается исследователями в определении особенностей культуры – юго-западной группы восточнославянских племен, где распространена однородная культура типа Луки-Райковецкой (Археология: 1986, 3, 190-191; Славяне 1990: 38). Локальные особенности этой культуры не проявляются столь достоверно, чтобы играть роль надежного этнокультурного индикатора. В памятниках типа Луки-Райковецкой явно преобладают черты культурной общности, поэтому эти древности относятся исследователями к тем или иным племенам или союзам племен не по этнографическим признакам, а по территориальным, хотя и предпринимаются попытки выделения этнографических особенностей культуры. Не составляет исключения в этом смысле и Днестровско-Прутское междуречье. Попытки выделения здесь реальных локальных особенностей древностей VIII-X вв. пока не дали положительных результатов.

Основным письменным источником для определения племенной принадлежности древностей VIII-X вв. Днестровско-Прутского междуречья, как и в других регионах, является «Повесть временных лет». В ней при перечислении восточнославянских племен сообщается, что в указанном регионе размещались уличи и тиверцы (ПВЛ: I). В Ипатьевской летописи также на изучаемой территории упомянуты уличи и тиверцы (ПСРЛ: II, 10). Из этих указаний можно заключить, что уличи и тиверцы обитали в Поднестровье до Черного моря и Нижнего Дуная, т.е. в рассматриваемом районе. Первое упоминание об уличах и тиверцах в хронологической части «Повести временных лет» относится к 885 г., из которого следует, что уличи и тиверцы, в отли-

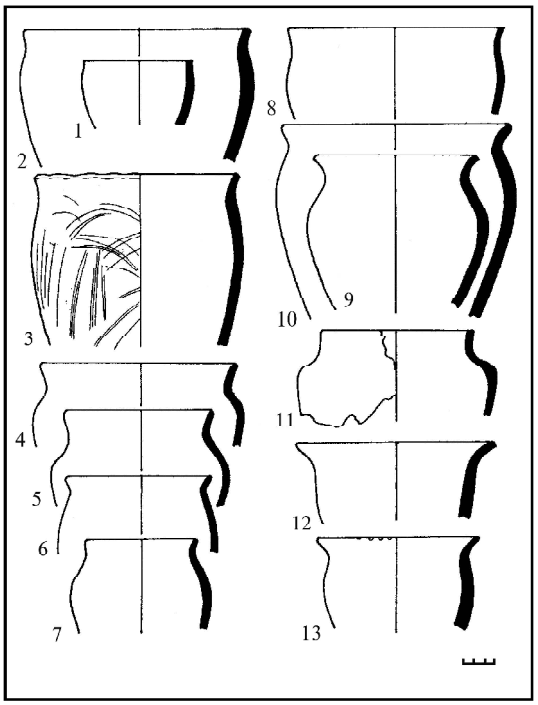

Рис.19. Керамика пражско-корчакского типа и ранней фазы типа Луки-Райковецкой.

чие от других племен, еще сохраняли свою самостоятельность. Последнее летописное сообщение об уличах связано со взятием их города Пересечена и переселением их с Днепра в междуречье Буга и Днестра и датируется 940 г.

Летописные данные позволяют предположить, что основной территорией обитания уличей до середины X в. было Поднепровье южнее Киева. Тиверцы в последний раз упомянуты в летописях под 944 г., как участники похода князя Игоря на Византию уже в составе основного русского войска.

Таким образом, из сообщений летописей и интерпретации их исследователями (Рыбаков 1950: 3-17; Седов 1982: 130-132) следует, что из двух упомянутых в Поднестровье племен там постоянно, т.е. в рассматриваемый период жили тиверцы, а уличи переселились в середине X в., вероятнее всего, в междуречье Буга и Днестра. К культуре тиверцев, судя по датированным упоминаниям их в летописях, следует отнести древности VIII-X вв. типа Луки-Райковецкой. Как принадлежность этих древностей восточным славянам, так и то, что они были распространены в Поднестровье до моря и Дуная, где летопись размещает тиверцев, является подтверждением этому. Однородность древностей типа Луки-Райковецкой в настоящее время не позволяет более четко локализовать упомянутые летописные племена. Сообщения об уличах и тиверцах анонимного Баварского географа и византийского императора Константина Багрянородного не конкретизируют летописные данные и не уточняют локализацию названных племен.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов М.И. 1955. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952-1953 гг.// КСИИМК, вып.59, с.100-117.

Артамонов М.И. 1955а. Славянские железоплавильные печи на Среднем Днестре.// СГЭ, вып.7.

Археология 1986 – Археология Украинской ССР. 1986, т. 3. Киев.

Баран В.Д. 1971. Раскопки славянского поселения у села Рашков на Днестре. // АО-1970, М., с.291-292.

Бидзіля В.І. 1963. Залізоплавльні горні средини I тисячоліття н.е. на Південному Бузі. // Археологія, т.15, с.123-144.

Власенко И.Г. 1990. Исследования городища Речула. // АИМ-1985, с.212-229.

Ляпушкин И.И. 1958. Городище Новотроицкое — МИА, вып.74.

Петрашенко В.А. 1982. Лесостепное Правобережное Поднепровье в VIII-X вв. Автореф. дисс… канд. ист. наук. Киев.

Петрашенко В.А. 1985. Городище Монастырек VIII-X вв. в свете новых исследований.// Земли Южной Руси в IX-XIV вв. Киев.

ПВЛ 1950 — «Повесть временных лет» 1950. М.-Л., т. I.

Приходнюк О.М. 1980. Археологічні пам'ятки Середнього Подніпров'я VI-IX ст.н.е. Київ.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. 1962, т.II, Ипатьевская летопись.

Раппопорт П.А. 1967. Военное зодчество западнорусских земель X-XIV вв. — МИА, вып. 140.

Раппопорт П.А. 1975. Древнерусское жилище. — САИ, вып. EI-32.

Рафалович И.А. 1972. Славяне VI-IX веков в Молдавии.Кишинев.

Русанова И.П. 1973. Славянские древности VI-IX вв. между Днепром и Западным Бугом. – САИ, вып. EI-25.

Рыбаков Б.А. 1950. Уличи (историко-географические заметки) // КСИИМК, вып. 35, с.3-17.

Седов В.В. 1982. Восточные славяне в VI-XIII вв. – Археология СССР. М.

Славяне 1990 – Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. 1990. Киев.

Тельнов Н.П. 1988. Некоторые итоги и задачи изучения славянской культуры VI-IX веков на территории Молдавии.// АИМ-1983, с.3-19.

Тимощук Б.О. 1976. Слов'яни Північної Буковини V-IX ст. Київ.

Федоров Г.Б. 1960. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. МИА, вып. 89.

Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. 1974. Памятники древних славян (VI-XIII вв.) – АКМ, вып. 6, Кишинев.

Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф., Великанова М.С. 1984. Бранештский могильник X-XI вв. Кишинев.

Чеботаренко Г.Ф, Субботин Л.В. 1991. Исследования Траяновых валов в Днестровско-Дунайском междуречье. // Древности Юго-Запада СССР. Кишинев.

П.П.Бырня

ПРОЦЕСС ГРАДООБРАЗОВАНИЯ В ПОДНЕСТРОВЬЕ В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

P.P. Birnea. On the Urbanisation Process in the Dniester Region in the Early Middle Age Period

The article deals with the earliest (Ancient Russian) stage in the process of urbanisation on the above-mentioned territory. On this stage (middle of X – beginning of XI centuries) socially and economically most developed settlements just reached the level of feudal centres – prince' s fortresses surrounded by open and unfortified satellite settlements. They were on the stage of early urban settlements, proto-towns, when the process of their further development was interrupted, most likely by intrusion of nomad Turks.

Средневековый город, являясь составной частью общей системы социальных отношений эпохи феодализма, зарождался одновременно с генезисом этой формации. Развитие феодальных отношений в Поднестровье в силу объективных условий географического и политического положения в конце евразийского «коридора», длительного нахождения здесь кочевых племен и из-за их передвижений приобрело своеобразный прерывистый характер. Поэтому здесь можно проследить несколько этапов в развитии феодализма — древнерусский, золотоордынский и молдавский — со свойственным каждому из них своеобразным типом городского поселения, которые в конечном итоге составляли три хронологическо-типологических этапа в развитии городской жизни в регионе.

В данной статье речь будет идти только о первоначальном, древнерусском этапе процесса градообразования, имевшего место на территории Днестровско-Прутского междуречья.

Процесс градообразования начинается при достижении обществом определенного уровня социально-экономического развития. На территории Днестровско-Прутского междуречья указанный уровень был достигнут впервые в результате развития восточнославянского общества и достижения им такой стадии, когда происходит отделение ремесла от земледелия. Этот процесс в Поднестровье изучен очень слабо, что объясняется полным отсутствием письменных источников по данной проблеме, недостаточным материалом археологических исследований. И все же на имеющемся, хотя и недостаточном, материале раскопок древнерусских поселений в Молдове, таких, как Екимауцы, Алчедар и др., были сделаны первые попытки в изучении градообразования у древнерусского населения на этой территории.

Вопрос о возникновении самых ранних городов в Поднестровье — древнерусских феодальных городов — изучался Г.Б.Федоровым. Он считает, что города здесь возникли на рубеже IX-X вв., они стали центрами ремесла и торговли, средоточием товарного производства (Федоров 1973: 50). Города, по мнению Г.Б.Федорова, выросли на базе развития ремесел и торговли из наиболее удобно расположенных для этого неукрепленных поселений. Возведение оборонительных сооружений в центре этих поселений привело к стремительному разрастанию их ремесленных посадов, к росту их значения как центров военно-административной власти, ремесла и торговли (Федоров 1973: 60). Наиболее выразительными поселениями городского типа в Днестровско-Прутском междуречье автор считает городища Алчедар (IX-XII вв.) и Екимауцы (IX-XI вв.). Он полагает, что все древнерусские городища с кольцевым и овальным валами в Молдове, такие, как Рудь, Алчедар, Екимауцы, Лукашовка, появились на открытых поселениях VIII-IX вв.(Федоров, Чеботаренко 1974: 76, 81, 93, 96). Это означает, что возникновение укрепленных поселений было подготовлено развитием поселений VIII-IX вв., то есть в период, когда в хозяйстве славян, где железные орудия стали занимать значитель-

* Данная статья была опубликована в 1991 г. в сборнике "Древности Юго-Запада СССР (I — середина II тысячелетия н.э.), изданном небольшим тиражом и ставшим уже сразу после выхода библиографической редкостью. Учитывая важность этой работы для исследования проблем раннесредневековой истории Молдовы и оценки научного наследия Г.Б.Федорова, редколлегия журнала "Stratum Plus" приняла решение переопубликовать статью П.П.Бырни с незначительными сокращениями.

© П.П.Бырня, 1999.

ное место, наметился определенный прогресс (Русанова 1976: 50).

Дополнительное изучение материалов из раскопок древнерусских поселений Алчедар, Екимауцы и др. позволило проследить два этапа в развитии этих поселений до и после середины X в., причем установлено, что наиболее заметные успехи в социально-экономической жизни восточнославянского населения Поднестровья были достигнуты в середине X в. только после включения этой территории в состав древнерусского государства (Бырня 1984: 29-30).

Изучению феодального города вообще и древнерусского в частности в историографии уделяется значительное внимание. Особенно важным является вопрос о времени зарождения феодального города, его раннегородском этапе. Речь идет о разработках Б.А.Тимощука и А.В.Кузы, которые исследовали именно начальные этапы зарождения древнерусского города, наиболее глубоко и обоснованно вникли в их изучение, определили основные градообразующие признаки, или индикаторы для древнерусского феодального города.

Ознакомление с исследованиями в области истории градообразования (Тимощук 1981: 125-129; Тимощук 1983; Куза 1983: 4-36), а также дополнительное изучение материалов исследований древнерусских городищ Молдовы, проведенных Г.Б.Федоровым, позволили попытаться по-новому подойти к изучению процесса формирования древнерусского раннефеодального города в Поднестровье.

Большим подспорьем для понимания и выяснения этого процесса послужила методика исследований памятников, разработанная Б.А.Тимощуком на базе изучения славянских комплексов Северной Буковины. Она опирается не на изучение одного памятника, а на совокупность исследований материалов всего гнезда разнохарактерных взаимосвязанных между собой поселений, расположенных даже на значительном расстоянии (иногда до нескольких километров) друг от друга. На основе тщательного обследования каждого поселения и анализа археологического материала из жилых сооружений автор определил их социально-экономическое назначение в общей системе гнезда, а также роль каждого из них в формировании раннефеодальных городов (Тимощук 1983). Изучение гнезд поселений производилось с учетом их эволюции во времени и пространстве.

Специфика древнерусского города заключается в том, что он состоял из нескольких поселений — детинца, посада, а иногда и предградья. Появлению городов — центров ремесла и торговли — предшествовали поселения, которые своим развитием подготовили почву для возникновения посадов и детинцев (Тимощук 1981: 117). Установлено, что в VIII-X вв. у восточных славян появляются ремесленные поселения, что свидетельствует о значительных сдвигах в развитии ремесла. Эти поселения при благоприятных условиях в процессе своего развития становились ремесленно-торговыми посадами феодальных городов (Тимощук 1983: 32). Основой же зарождения детинцев зачастую были княжеские крепости-укрепления профессиональных воинов (Тимощук 1983: 32).

К сожалению, восточнославянские памятники на территории Молдовы изучены недостаточно глубоко и всесторонне. Однако, используя имеющиеся далеко не исчерпывающие и неполные данные об этих памятниках в Молдове, можно попытаться наметить некоторые вехи в процессе формирования раннефеодальных городов на всей территории, что позволит более подробно и углубленно осветить данную проблему в дальнейших исследованиях.

Материалы из раскопок Г.Б.Федорова показали, что на месте Алчедарокого поселения в VIII-IX вв. располагалось поселение площадью свыше 20 *га* (Федоров 1961: 79-80). В это время, то есть в VIII — первой половине X в., здесь располагалось не только это поселение, но целое гнездо поселений: городище, не менее двух селищ, а также курганный могильник. О наличии укрепленного поселения — городища — свидетельствует найденная под подошвой насыпи северной части вала древнерусского времени ступенчатая конструкция стены из обугленных бревен, уложенных горизонтально по периметру вала (Федоров 1968: 85-86), и открытый под насыпью вала в южной части городища колодец 2, от которого сохранилось восемь венцов сруба. Яма колодца 2 была плотно засыпана крупными известняковыми камнями, поверх которых насыпан вал. В заполнении колодца найдена керамика, состоящая из одного лепного фрагмента, обломков керамики из рыхлого грубого теста, характерного для культуры Лука-Райковецкая, и более развитой керамики с примесью в черепке песка и слюды. Обнаруженная в заполнении керамика датирует колодец IX — первой половиной X в. (Федоров 1968: 88-90). Следует попутно отметить, что здесь же, рядом с колодцем 2, в 2 *м* от него найдены остатки другого, более позднего колодца 1, который датируется керамикой, полученной из его заполнения и характерной для древнерусского времени (Федоров 1968: 90).

Таким образом, материал из колодцев убедительно показал, что колодец 2 предшествовал колодцу 1, выкопанному рядом с первым в период существования более позднего городища. Как колодец 1 был основным источником питьевой воды для древнерусского городища, так колодец 2 являлся источником питьевой воды на первом, более раннем городище, снабжавшем ею население гнезда поселений, которое находило здесь убежище в момент воен-

ной опасности или осады.

Более раннее городище IX — первой половины X в., ко времени существования которого относятся остатки сгоревшей деревянной оборонительной линии и колодца 2, представляло собой тип городища-убежища, для которого характерна оборонительная деревянная конструкция, обугленные остатки которой были найдены на месте перехода вала ко рву Алчедарского городища. Она, по описанию Г.Б.Федорова, состояла из горизонтально уложенных по периметру вала бревен на радиальных опорах консольного типа (Федоров 1968: 86).

К западу от городища-убежища, на правом склоне лощины, располагалось густонаселенное поселение, которое Г.Б.Федоров называет «районом металлургов». На его площади размером 800 × 400 *м* открыты 94 комплекса, в том числе 27 полуземлянок о печами-каменками, а также связанные с ними сооружения: шесть наземных жилищ-мастерских, 11 домниц для выплавки железа и несколько десятков их остатков, три каменные рабочие площадки, связанные с горячей обработкой металлов, два колодца, 71 яма и т.д. (Федоров, Чеботаренко 1974: 83). Жилища располагались небольшими группами, каждая из которых состояла из двух-пяти полуземляночных жилищ, расположенных неподалеку друг от друга. Как и в северной Буковине, часто в центре такого гнезда жилищ находился общий производственный комплекс — домница для выплавки железа. Эти группы жилищ могли представлять малые неразделенные семьи, состоящие, видимо, из двух поколений родственников — отца и его взрослых сыновей (Тимощук 1983: 15).

В 500 *м* к западу от городища-убежища находился курганный могильник конца IX — первой половины X в., который состоял из 34 насыпей, расположенных узкой полосой с юго-запада на северо-восток. Г.Б.Федоров считает курганы усыпальницами патронимных семей из «района металлургов», но, видимо, они были усыпальницами малых неразделенных семей, как определяет подобные группы жилищ Б.А.Тимощук (Тимощук 1983: 15).

В 2—2,5 *км* к северо-западу от городища-убежища располагалось селище-спутник Алчедара VII – Хутор Одая, время существования которого занимает период рубежа VII-VIII — начало X в. Здесь выявлены полуземлянки с печами-каменками, открытые очаги, зерновые ямы и различные предметы — железный серп, спиральные сверла, кресало, ножи, глиняные пряслица, костяные проколки и др. (Федоров, Чеботаренко 1974: 58), свидетельствующие о земледельческом характере поселения. Видимо, это не единственное селище-спутник этого времени, входящее в данный комплекс или гнездо поселений, остальные, наверное, находятся под лесом.

Итак, все эти памятники составляли, как отмечает Г.Б.Федоров, Алчедарское гнездо поселений, в которое входили крепость, общинный центр, городище-убежище (Бырня 1984: 25), окруженное деревянной стеной, ремесленное поселение («район металлургов») с курганным могильником и окружающие селища-спутники. Указанное гнездо поселений в IX — первой половине X в. представляло собой единый общественно-политический организм. Это было не поселение городского типа, а, скорее всего, большая соседская община — вервь с общинным центром, городищем-убежищем. Его можно отнести к одному из 148 «городов — civitates» тиверцев, о которых писал в последней четверти IX в. Баварский Анонимный географ (Шафарик 1848: 70).

Подобный общинный центр VIII-X вв. выявлен и предварительно исследован у с. Рудь. Он занимал площадь 1 × 1 *км* и состоял из городища, окружающего его поселения с ремесленными железообрабатывающими сооружениями и селища Рудь XX. Городище овальной формы размером 60 × 70 *м*, диаметр его в плане 50 *м*. Оно окружено кольцевым валом. Высота вала достигает 4-6 *м*, а кольцевой ров, окружающий вал, сохранился на глубину до 2 *м*, ширина его 2-4 *м* (Федоров 1972: 143-144).

В наиболее низменной (северо-восточной) части городища, как и на Алчедарском, имеется западина, видимо, тоже от древнего водоема. Городище располагалось в центре поселения, по крайней мере, последнее окружало его с трех сторон: восточной, северной и западной. Следует подчеркнуть также, что раскоп, заложенный у подошвы вала, в его северной части, не дал следов каких-либо сооружений. Раскопками на неукрепленном поселении вскрыто около 20 полуземляночных жилищ с печами-каменками, домницы для выплавки железа, различные производственные печи, хозяйственный и бытовой инвентарь, то есть материал, не отличающийся от материала из «района металлургов» в Алчедаре.

Южнее этих поселений, на левом высоком склоне оврага, по дну которого течет ручей, впадающий близ городища Рудь в Днестр, находится славянское селище, известное под названием Рудь XX. Полученный здесь керамический материал позволил предварительно отнести его к VI-IX вв. Поверхность поселения сплошь была покрыта железными шлаками. Здесь открыты жилые и ремесленные сооружения, в том числе полуземлянка с печью-каменкой и домница для выплавки железа, а также бытовые предметы. В слое много железного шлака, керамических сопел, золы (Бейлекчи, Тельнов, Власенко 1983: 171-183). Покрытая густым лесом округа не позволила пока выявить присутствие и других синхронных ему поселений. Как видим, здесь располагалось еще одно гнездо славянских поселений — община-вервь, центром которой являлось горо-

дище-убежище, игравшее роль общинного центра. Общинными центрами могли быть поселения разного типа, хотя выполняли они одни и те же общественные функции. Это могли быть объединяющие центры, такие, как коллективные убежища и ремесленные поселения, важные пункты обороны и языческие святилища. Они сглаживали противоречия, которые возможны между различными поселениями в отдельными семьями (Тимощук 1983: 25).

Ярко выраженные остатки общинного центра — городища-убежища — прослежены и на Екимауцком городище, о котором Г.Б.Федоров говорит, что на нем, как и на Алчедарском и на Царевском городищах, можно различить два периода. Судя по вещевым находкам и стратиграфическим данным, как считает автор, во второй половине X в. оборонительные сооружения Екимауцкого городища частично были разрушены или перестроены и значительно усилены. Границы первого строительного периода четко прослеживались по прослойке в 5-15 *см* из угля, идущей по древнейшей поверхности вала (Федоров 1953: 45). В северовосточной части городища выявлен небольшой водоем, который использовался, видимо, на протяжении обоих периодов существования городища.

Основным признаком того, что к первому строительному периоду относились остатки общинного центра — городища-убежища, являются обнаруженные в центре открытой площадки обломки большого общественного дома. Это было удлиненное полуземляночное сооружение размером 30 × 40 *м*, разделенное на два помещения. Общественный характер этого сооружения подтверждается его центральным положением на городище, отсутствием стационарных печей, а также находками в его заполнении языческих амулетов, остатков сосудов и множества костей животных, употребляемых в пищу (Щукин 1957: 22-23). Длинные дома — это контины, являющиеся характерной чертей застройки городищ — общинных центров, важным элементом, присущим прежде всего городищам-убежищам. Их присутствие на городищах-убежищах является немаловажным доводом в пользу того, что эти городища выполняли не только военно-оборонительные, но и общественные функции (Тимощук 1983: 17-18). В них могли проводиться собрания общины, устраиваться пиры братчины, игрища, магические обряды или храниться общественные запасы (Тимощук 1983: 17).

Присутствие здесь городища-убежища с континой в центре предусматривает также гнездо поселений, но пока что только вокруг городища на довольно значительной площади выявлено открытое поселение ремесленников-металлургов и земледельцев. Здесь находились полуземлянки с печами-каменками, как и в «районе металлургов» в Алчедаре, располагались они гнездами по два — пять жилищ, которым обычно соответствовали общие производственный комплекс, зерновая и хозяйственная ямы. Здесь же открыты домницы для выплавки железа, найдено много железного шлака, руды, керамических сопел, большое количество костей домашних и диких животных, рыб (Федоров, Чеботаренко 1974: 93).

Основная трудность в изучении открытых поселений, центрами которых являются укрепленные городища, заключается в том, что до настоящего времени их материал хронологически не расчленен, ибо на этих памятниках есть как материалы VIII-X вв., так и более поздние — древнерусские. Во всех работах о подстилающем слое VIII-X вв. говорится вскользь, а сами памятники рассматриваются только как древнерусские, относящиеся к раннефеодальной эпохе, невзирая на то, что имеются веские данные о двух периодах жизни на них.

Именно хронологическое расчленение материалов городищ с окружающими их поселениями, таких, как Алчедар, Екимауцы, переживших два строительных периода, является первостепенной задачей исследователей поселений восточнославянской культуры VIII-XII вв. на ближайшее время, ибо только после ее решения станет возможным изучение социальной эволюции этих поселений и определение основных предпосылок формирования раннефеодального города на этой территории. Исходя из уровня современных исследований, наша задача более скромна и заключается в постановке данного вопроса и предварительной наметке основных ступеней этой эволюции на территории Днестровско-Прутского междуречья.

Имеющиеся материалы показывают, как уже подчеркивалось, что древнерусским городищам в большинстве случаев предшествуют поселения с культурой типа Лука-Райковецкая VIII — первой половины X в. Центрами некоторых из них в это время были городища-убежища (Рудь, Алчедар, Екимауцы, Царевка), являвшиеся общинными центрами, то есть центрами гнезд поселений соседских общин-вервей. Остальные поселения гнезд составляли, как правило, поселки ремесленников, металлургов и земледельцев.

В отличие от Рудянского гнезда поселений (число последних, как и в остальных гнездах, вне всякого сомнения, не ограничивается только открытыми до настоящего времени памятниками), которое в X в. прекратило свое существование, социально-экономический характер остальных гнезд (Алчедарского, Екимауцкого и др.) в первой половине X в. претерпел серьезные изменения. Укрепления общинных центров этих гнезд — городищ-убежищ были разрушены и сожжены. Но на том же месте, видимо, наиболее удобном и занимающем ключевую позицию по отношению к окружающим его поселениям, воздвигнуты более мощные укреп-

ления, с которых и начинается их второй период и качественно новый этап их эволюции. На месте городищ-убежищ общинных центров воздвигаются феодальные центры — княжеские крепости.

Социальное содержание феодальных центров — городищ-княжеских крепостей — и их отличие от общинных центров — городищ-убежищ — можно выяснить на основе анализа системы и конструкции оборонительных линий и характера застройки их укрепленной площадки.

Итак, характерной особенностью Алчедарского городища на этапе общинного центра было отсутствие строений на площадке внутреннего двора, который был застроен только в древнерусский период, и наличие главной оборонительной линии в виде деревянной стены из горизонтально уложенных бревен, сгоревшие следы которых были прослежены под подошвой вала городища второго строительного периода.

Оборонительная линия второго периода городища, построенная в первой половине X в., состояла из земляных укреплений в виде кольцевого насыпного вала, современная высота которого доходит до 3,5 *м*, глубина рва — до 3 *м*, а ширина — 5-7 *м*. Вал был сложной конструкции, имел панцирное каменное покрытие. На его верхней платформе были сооружены бревенчатые прямоугольные городни-клети размером 1, 8 × 3 *м*, высотой не менее 3,3 *м*. Городни были заполнены камнями, глиной, землей. Над ними, возможно, возвышались забороло (Федоров, Чеботаренко 1974: 78-79). Скат вала с внутренней стороны поддерживали три каменные подпорные стены — ряжи, а внешнюю стену рва — одна каменная стена (Щукин 1957: 14, рис. 10) . Рядом с колодцем предшествующего времени был сооружен большой двухкамерный колодец из бревенчатых спаренных срубов с деревянным водоподъемным механизмом.

Жилища и мастерские на Алчедарском городище располагались по кругу у подножия внутреннего склона вала, причем в верхней части склона находились жилища знати и воинов, а в нижней, у водоема, по мнению Г.Б.Федорова, селились ремесленники — кузнецы, оружейники, ювелиры (Федоров 1961: 80).

Крепость окружали открытые синхронные поселения: о севера Алчедар II, с юга — поселение «Поляна», с юго-востока — другое открытое поселение. На них, судя по найденным материалам, есть следы, свидетельствующие о занятии жителей земледелием, гончарным и металлургическим производством. Размер поселения 133 × 650 — 1000 *м*, общая площадь — 100 *га*. В 1 *км* к западу от городища сохранилось синхронное последнему селище-спутник X-XI вв. Алчедар-Хоминский Лес размером 80 × 3000 — 100 × 3000 *м*. Отсутствие следов металлургического производства и отдаленность его от городища свидетельствуют о том, что это селище населяли земледельцы.

Характерной чертой общинного центра в Екимауцах — городища-убежища — было отсутствие каких-либо производственных и жилых строений на его укрепленной площадке, за исключением длинного дома — контины, свидетельствующего об общинном характере городища и одновременно являющегося характерным элементом застройки городищ-убежищ. Оборонительная линия раннего городища-убежища в Екимауцах состояла из широкого рва с довольно пологими стенками и насыпного вала высотой 2,5-3,5 *м*, на верху которого, скорее всего, мог быть частокол (Федоров 1953: 45).

Оборонительная линия городища второго строительного периода — княжеской крепости — состояла из более мощных деревянно-земляных укреплений — рва и вала. Ров достигал в ширину 12 — 15 *м*, а в глубину — 5 *м*. Во избежание размыва ливневыми водами внешний скат рва был усилен ряжем из кольцев, жердей и плетня. Вал, насыпанный из земли, достигал 5 *м* в высоту, а установленные по его гребню срубы-городни, заполненные грунтом, увеличивали высоту вала до 8—8,5 *м*. Городни были сооружены из бревен диаметром до 35 *см* и достигали высоты 3—3,5 *м*. Над ними, вероятно, в качестве защитного ограждения возвышалось забороло. Скаты вала были усилены подпорными стенками: внутренней каменной и внешней плетневой (Щукин 1957: 12-14).

Жилища и мастерские на городище располагались по кругу, вдоль подножия вала, а внутренняя площадка не была застроена. Плохая сохранность остатков длинного дома — контины в центре городища — свидетельствует о том, что во время второго периода жизни на городище он не играл какой-либо роли, видимо, им не пользовались. На городище жили представители социальной верхушки — знать, ремесленники высокой квалификации, воины. На окружающем городище поселении располагались ремесленники-металлурги и земледельцы. Общие размеры поселения, судя по имеющимся данным, достигали более 38 *га*. Вокруг городища в радиусе 5 *км* от него, по данным Г.Б.Федорова, находилось несколько древнерусских селищ (Федоров 1952: 94).

Таким образом, приведенные материалы показывают, что городища-убежища, характерные для первого периода жизни на этих поселениях, отличались от городищ — княжеских крепостей, свойственных второму, последнему периоду их жизни, как по застройке внутренней их территории, так и по системе оборонительных сооружений.

Для первых характерны внутренняя площадка, свободная от застройки жилыми или ремесленными сооружениями, за исключением контин, а также простые оборонительные укрепления в виде земляной насыпи и частокола. В

городищах второго периода — феодальных центрах — производилась застройка ремесленными и жилыми сооружениями по определенной системе вдоль насыпи вала со свободной центральной площадкой или застройка самой площадки и возведение сложной земляно-деревянной фортификационной системы на базе высоких земляных валов, укрепленных чаще всего деревянными или реже каменными конструкциями. Для городищ второго периода характерно, видимо, присутствие синхронных селищ-спутников, выявленных пока только на Алчедарском гнезде поселений, и то, видимо, далеко не всех.

Два строительных периода отмечены на Царевском городище (Федоров 1953: 45), а подстилающие слои известны и на Лукашовском древнерусском городище (Федоров, Чеботаренко 1974: 96).

Приведенные материалы показали, что на большинстве археологических комплексов прослежены два строительных периода, отражающих разный уровень их социально-экономического развития. Поселения — центры этих разных периодов отличаются как характером застройки укрепленных площадок, так и конструкцией оборонительных сооружений и составом археологических находок на них. Основным, ключевым моментом в изучении эволюции этих поселений является факт разрушения старых городищ и сооружения новых, что, как показали материалы, касающиеся других областей Древней Руси, стало следствием «окняжения», то есть распространения центральной княжеской власти на территории восточнославянских племен. Княжеские крепости в этом процессе играли роль опорных пунктов в обложении местного населения данью. Самое раннее летописное свидетельство о строительстве княжеских крепостей и их предназначении относится к 882 г., когда Олег «нача городы ставиты и устави дани словенами, кривичем и мери» (ПВЛ: I, 30).

Этот процесс вызывал сопротивление местных общин и общинной знати, противившейся насаждению новых феодальных порядков. Поэтому он сопровождался уничтожением общинных центров. Ярким примером этого служит расправа княгини Ольги в 946 г. с древлянами, которая сожгла их «грады», городских старейшин забрала в плен, других людей убила, третьих отдала в рабство своим людям, а остальных заставила платить дань (ПВЛ: I, 43).

Археологически этот процесс убедительно прослежен и раскрыт Б.А.Тимощуком на материалах памятников северной Буковины, где разрушение старых общинных центров, отмеченное следами больших пожаров, и строительство новых городищ — княжеских крепостей — носило массовый характер (Тимощук 1983: 29).

То же самое явление демонстрируют, на наш взгляд, приведенные и проанализированные выше материалы Алчедарского, Екимауцкого и других археологических комплексов Днестровско-Прутского междуречья, где проходил процесс «окняжения» территории тиверцев. Здесь, судя по следам, оставшимся от сгоревших деревянных конструкций, старые городища-убежища также были ликвидированы. Вместе с разрушением последних могли прекратить свое существование и некоторые селища-спутники, где обитало земледельческое население. Так, вместе с Алчедарским городищем в первой половине X в. прекратило свое существование и селище Алчедар VII — Хутор Одая.

Воздвигнутые к середине X в. княжеские крепости в Алчедаре и Екимауцах были мощно укреплены, видимо, заселены княжескими «мужами» — дружинниками, которых князь обычно «сажал» в своих феодальных центрах (ПВЛ: I, 20). Так, в княжеской крепости в Алчедаре жилища дружинников и военно-феодальной знати, как отмечал Г.Б.Федоров, занимали верхнюю ее часть, о чем могут свидетельствовать находки там литой массивной шейной серебряной гривны, украшенной сканью, — знака богатства и власти (Федоров 1960: 39-40, рис. 18), железных копий, многочисленных стрел, костяных, железных и свинцовых кистеней, частей сабель и, что очень важно, железных шпор, которые носили всадники (Федоров 1961: 80). Судя по находкам кольчужных колец и остатков зерцального доспеха из кованых железных пластин (Федоров 1960: 40, рис. 19), дружинники были защищены железными кольчугами и пластинчатыми доспехами. Здесь же, в княжеской крепости, кроме представителей военно-феодальной знати и дружинников, жили и ремесленники или воины, совмещавшие военное дало с занятием кузнечным, ювелирным, оружейным и другими ремеслами. Они занимали нижнюю часть городища у подошвы вала, ближе к водоему. В крепостях найдены остатки мастерских ювелира и оружейника с наборами инструментов, наковаленок, клещей, пробойников, зубил и упомянутых уже кольчужных колец и пластин доспехов.

Население из княжеских крепостей сочетало военное дело и ремесленные занятия, что подтверждают материалы раскопок Екимауцкого городища. Их жилища располагались вдоль насыпи вала. Разрушенные внезапным штурмом, эти жилища сохранили комплексы военно-ремесленных находок, в которые входили боевые топоры, копья, стрелы и др., и ремесленного инструментария. Так, например, в мастерской кузнеца и ювелира найдено 132 предмета, среди которых отметим тигли для плавки цветных металлов, набор кузнечных и ювелирных инструментов, куски железа и шлака и др. (Щукин 1957: 16).

Неподалеку от городищ, на различном расстоянии от них находились синхронные им се-

лища-спутники. В Алчедаре они занимали территорию к западу, югу и востоку (Алчедар I, II, Поляна), где найдены были мастерские, домницы для выплавки металла, земледельческие орудия. На некотором расстоянии от городища, особняком, как уже отмечалось, располагалось другое синхронное селище-спутник — поселение земледельцев Алчедар-Хоминский Лес. Окружающие городище открытые поселения снабжали военно-ремесленный гарнизон крепости необходимым сырьем для металлургического производства и продовольствием (Тимощук 1983: 20).

Населением селищ-спутников, особенно на раннем этапе строительства феодальных крепостей, могли быть прежние жители общинных центров, которые попали в зависимость от дружинной знати в результате «окняжения» территории, сопровождавшегося уничтожением общинных центров. Судя по данным летописи, общинная верхушка уничтожалась, а остальное население обкладывалось данью и принуждалось к труду в пользу княжеской власти (Тимощук 1983: 29) на землях, где свои порядки устанавливали уже княжеские дружинники. Л.В.Черепнин, обобщивший материалы источников по Древней Руси, отмечал, что там «шло освоение общинной земли и подчинение свободных общинников путем распространения на них суда и дани государственной властью как органом правящего класса» (Черепнин 1972: 150).

Процесс «окняжения» территории тиверцев в Поднестровье происходил в первой половине X в. Это было время уничтожения общинных центров и строительства княжеских крепостей — форпостов установления княжеской власти, освоения территории и сбора дани с местного окрестного населения.

Длительное время тиверцы сохраняли свою самостоятельность и одним из последних восточнославянских племенных союзов вошли в состав Древнерусского государства. Об этом свидетельствуют данные летописи, где говорится, что в 885 г. «обладая Олег поляны и древляны и северяны и радимичи, а с уличи и тиверцы имеще рать» (ПВЛ: I, 21). В 907 г. тиверцы наряду с остальными племенами, в частности с соседями-хорватами, принимали участие в походе на Византию в составе войска князя Олега и «яже суть толковины» (ПВЛ: I, 23). В 944 г. они упоминаются в войске Игоря, который «совокупив вои многи, варяги, Русь и поляны, словени, и кривичи, и теверце, и печенеги наа... пойде на греки» (ПВЛ: I, 34-35). Это последнее упоминание о тиверцах в летописи. Как видим, борьба за покорение этого племени древнерусскими князьями и включение его территории в состав Древнерусского государства относится к середине X в. С этого времени, на наш взгляд, начинается древнерусский этап в развитии славянского населения и его материальной культуры в Днестровско-Прутском междуречье, а также новый этап в процессе формирования поселений городского типа в Поднестровье. Это стало возможным в результате развития в VIII — первой половине X в. восточнославянского общества тиверцев, увеличения населения, появления пашенного земледелия, увеличения сельскохозяйственной и ремесленной продукции, что в конечном итоге привело к феодальному обществу и проявилось в появлении новых гнезд поселений вокруг феодальных центров — княжеских крепостей, возникновении новых, более совершенных ремесленных сооружений (мастерских), ремесленных инструментов и сельскохозяйственных орудий труда, оружия и т.д.

Б.А.Тимощук, намечая процесс становления раннефеодального города, указывает, что на определенном этапе развития славянского общества слияние ремесленных поселений с поселениями военно-феодальной знати явилось исторической необходимостью, что и должно было привести к формированию города (Тимощук 1981: 20). Причем при благоприятных условиях первые становились торгово-ремесленными посадами, а вторые — детинцами раннефеодальных городов. К этому он уточняет, что древнерусский город является особой категорией феодального поселения, совмещающего в себе центр феодального властвования (детинец), относительно самоуправляющийся посад и пригородные села, совершенно справедливо отмечая при этом, что наличие городской общины является одним из существенных признаков древнерусского города (Тимощук 1983: 21).

Далее автор, основываясь на анализе большого археологического материала, дает предварительное определение главных признаков посада (Тимощук 1983: 21). К ним он относит расположение посада рядом с детинцем в окружении других поселений, наличие значительного количества ремесленных мастерских и других объектов, связанных с производственной деятельностью населения; укрепленный характер поселения; находки на поселении предметов и объектов, указывающих на дальнюю (импортные вещи) и местную торговлю; наличие на поселении улиц, усадеб, городского благоустройства, монументальных сооружений (например, храмов) и т.д. (Тимощук 1983: 21).

В свете рассмотрения этих признаков посада городской общины постараемся определить место Алчедарского и Екимауцкого гнезд поселений в процессе формирования древнерусского города. Из всех признаков по отношению к этим памятникам можно применить лишь первый — расположение ремесленного поселения рядом с детинцем. Что же касается самого важного, на наш взгляд, второго признака, то необходимо подчеркнуть, что центр ремесла (мастерские, ремесленный инструмен-

тарий) в этих гнездах поселений находился, видимо, в самой княжеской крепости, но не на соседнем с ним поселении, где он должен был находиться. Более того, на последнем вместо наличия остатков с признаками разнообразных мастерских и других объектов, говорящих о разносторонней ремесленной деятельности, прослежены главным образом лишь остатки одного ремесленного профиля – металлургического производства, готовящего сырье для металлообрабатывающих ремесел, сосредоточенных в пределах городища. Отсутствуют на этих поселениях характерные для посадов укрепления, не говоря уже о наличии улиц, монументальных и других сооружений городского благоустройства, следы которых не прослежены. Все это указывает на то, что ремесленные поселения, окружающие городища, — княжеские крепости еще не достигли уровня посадов, в основе которых лежала бы торгово-ремесленная деятельность их жителей.

Другой исследователь, внесший значительный вклад в изучение древнерусского города, А.В.Куза, считает, что состояние источников X-XII вв. не позволяет вводить в определение древнерусского города как обязательный признак наличие посадской общины (Куза 1983: 14-15), поэтому свое главное внимание в решении этого вопроса он сосредоточивает на изучении укрепленных центров в гнезде поселений.

Анализируя группировки поселений по размерам защищенной территории, он указывает, что о памятниках, имеющих защищенную площадь менее 0,3 *га*, нельзя говорить как о городских поселениях. Более того, он считает, что поселение с защищенной площадью до 1 *га* из-за его незначительных размеров и, следовательно, малой степени концентрации населения несовместимо с городским типом поселения общины (Куза 1983: 19-20).

Методом определенных им самим корреляций археологических индикаторов города А.В.Куза попытался выявить социальный тип укрепленных древнерусских поселений IX-XIII вв. Для этого он систематизировал признаки города по 8 основным рубрикам и 20 подрубрикам следующим образом:

I. Экономика:

1) ремесло (производственные комплексы, орудия труда, полуфабрикаты);

2) сельское хозяйство (орудия обработки почвы, орудия уборки урожая);

3) торговля (импорт, детали весов, монеты и денежные слитки).

II. Административное управление (печати и пломбы).

III. Военное дело:

1) наступательное оружие;

2) доспехи;

3) снаряжение коня и всадника.

IV. Идеология:

1) каменные храмы;

2) другие культурные сооружения (капища, идолы).

V. Культура:

1) памятники эпиграфики;

2) орудия письма;

3) книжные застежки и накладки.

VI. Быт феодалов:

1) предметы боярско-княжеского парадного убора;

2) дорогая посуда;

3) высокохудожественные предметы прикладного искусства.

VII. Внутренняя топография:

1) усадебно-дворовая застройка;

2) дифференциация жилых построек по местонахождению, размерам и устройству.

VIII. Плановая структура поселения:

1) простая (с одной укрепленной площадкой);

2) сложная (с несколькими укрепленными площадками);

3) неукрепленные селища-посады (Куза 1983: 24).

В результате составления корреляционной таблицы археологических индикаторов исследователь пришел к выводу, что только поселения середины XII — середины XIII в. с укрепленной площадью более 2,5 *га* обладают всем набором археологических признаков, чтобы признать их подлинными городами (Куза 1983: 25-26).

Используя метод корреляции археологических индикаторов города, выделенных А.В.Кузой, мы с целью определения социального типа укрепленных поселений середины X — начала XII в. в Молдове составили таблицу по материалам Алчедара и Екимауц.

Уже сама площадь укрепленных площадок поселений в Молдове, составлявшая не более 0,6 *га*, снимает вопрос об их городском характере. Вместе с тем нужно отметить, что развитие ремесел на территории городищ определяется не только количеством находок, но и их разнообразием. Отмечено несколько направлений ремесленного производства: куз-

Наименование	Размеры укрепленной площади, га	Археологическая характеристика																			
		I			II	III			IV		V			VI			VII		VIII		
		1	2	3	1	1	2	3	1	2	1	2	3	1	2	3	1	2	1	2	3
Алчедарское городище	0,56	*	1	1	0	*	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	*
Екимауцкое городище	0,50	*	*	*	0	1	0	1	0	*	0	0	0	0	1	0	0	0	*	0	*

Условные обозначения: * - много, 1 - мало, 0 - отсутствие признаков.

нечное, ювелирное, оружейное, меднолитейное, косторезное, кожевенно-сапожное с наборами соответствующих инструментов. Занятие сельским хозяйством широко представлено различными орудиями: пашенными (лемех, плужный нож, чересло), для уборки урожая (серпы), обмолота урожая (жернова), а также зерновыми ямами, десятками килограммов культурных растений — пшеницы, проса, ржи, гороха, ячменя, льна. Торговля представлена привозной посудой, денежной гривной, среднеазиатскими серебряными дирхемами, весовыми гирьками. Военный характер поселений подтверждается находками разнообразного оружия, сотен стрел, тяжелых копий — рожнов, легких метательных копий — сулиц, железных и свинцовых кистеней, боевых топоров, деталей оборонительных доспехов. Найдены также предметы снаряжения коней и всадников. Шедевром древнерусского прикладного искусства и показателем имущественной дифференциации населения поселений следует признать серебряную дротовую гривну, украшенную сканью, серебряные серьги, подвески-лунницы, эерненые бляшки от ожерелья, бусы, покрытые тончайшей зернью [1]. Эти предметы были достоянием только местной феодальной знати, являясь неотъемлемыми частями княжеского и боярского костюма.

По плановой структуре все поселения относятся к поселениям простого типа — с одной укрепленной площадкой. Возле них отмечены обширные неукрепленные посады.

Необходимо отметить также, что многие очень важные археологические индикаторы города отсутствуют, а именно: следы каменных храмов, памятников культуры, быта феодалов, усадебно-дворовой застройки, данные об административном управлении, дифференциации жилых построек по местоположению, размерам и устройству, а также об окольных городах, которые, на наш взгляд, являются одним из главных признаков древнерусского города.

Таким образом, отсутствие многих очень важных отмеченных выше признаков города, без которых поселение нельзя характеризовать как город, не позволяет отнести укрепленные поселения в Алчедаре, Екимауцах к разряду городских детинцев.

Итак, применение методик Б.А.Тимощука для выявления торгово-ремесленного посада и А.В.Кузы для определения детинца в гнездах Алчедарского и Екимауцкого поселений не оставляют сомнений в том, что эти поселения не достигли еще уровня города.

В период прекращения жизни на них эти поселения представляли собой, видимо, феодальные центры — княжеские крепости с располагавшимися в окрестностях открытыми неукрепленными поселениями-спутниками. Крепость была средоточием военно-феодальной знати, дружинников и ремесленников. На окружающих их поселениях располагались ремесленники-металлурги, гончары, крестьяне-земледельцы, снабжавшие своей продукцией жителей крепости.

Таким образом, гнезда древнерусских поселений середины X — начала XI в. в Молдове уровня города не достигли в силу отсутствия ряда отмеченных выше важных городских признаков. Они были вместе с тем поселениями раннегородского типа, находящимися на стадии трансформации в город, для чего очень важно было прежде всего формирование городской общины окольного города-посада, в полном смысле этого слова. В отличие от сложившегося города, раннегородские поселения имели лишь некоторые градообразующие признаки, что дает возможность применить к ним термин «протогород».

Древнерусским протогородам типа Алчедарского и Екимауцкого поселений, видимо, в процессе дальнейшего социально-экономического развития при благоприятных условиях (когда княжеские крепости вследствие значительного расширения их площади могли превратиться в детинцы, а окружающие их ремесленные поселения с остатками сооружений различного рода производств — в торгово-ремесленные посады) предстояло перерасти в подлинные города. Но длительный процесс первого этапа градообразования в Днестровско-Прутском междуречье вместе с общим развитием феодальных отношений, которое на этой территории шло по древнерусскому пути (Федоров 1973: 42-52), был внезапно прерван, причиной чему могло быть вторжение тюрок-кочевников.

[1] Материалы, характеризующие более полно уровень ремесла, сельского хозяйства, военного дела, торговли и т.д., см.: Федоров 1953а: 104-126.

ЛИТЕРАТУРА

Бейлекчи В.С., Тельнов Н.П., Власенко И.Г. 1983. Раскопки славянского поселения Рудь XX в 1980 г. // АИМ 1979-1980, Кишинев.

Бырня П.П. 1984. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV — нач.XVI в.). Кишинев.

Куза А.В. 1983. Социально-историческая типология среднерусских городов X-XIII вв. // Русский город (исследования и материалы). Выпуск 6., М.

ПВЛ – «Повесть временных лет». 1950, ч.I, М.-Л.

Русанова И.П. 1976. Славянские древности VI-VII вв. М.

Тимощук Б.А. 1981. Древнерусские города Северной Буковины // Древнерусские города. М.

Тимощук Б.А. 1983. Общинный строй славян (по археологическим данным Северной Буковины). Автореферат дисс. … докт.ист.наук. М.

Федоров Г.Б. 1952. Славяне Поднестровья // Вестник АН МССР, No 2

Федоров Г.Б. 1953. Славянские городища в Молдавии (К итогам работ Молдавской археологической экспедиции в 1953 г.) // Вестник Академии наук СССР, No 4.

Федоров Г.Б. 1953а. Городище Екимауцы. // КСИИМК, 50.

Федоров Г.Б. 1960. Работы Пруто-Днестровской экспедиции // КСИА, 81.

Федоров Г.Б. 1961. Работа Пруто-Днестровской экспедиции в 1959 г. // КСИА, 86.

Федоров Г.Б. 1968. Работа Пруто-Днестровской экспедиции в 1963 г. // КСИА, 113.

Федоров Г.Б. 1972. Древнерусское поселение на севере Молдавии // АИМ-1968, Кишинев.

Федоров Г.Б. 1973. Генезис и развитие феодализма у древнерусского населения Днестровско-Прутского междуречья в IX — XII вв. // Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев.

Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. 1974. Памятники древних славян (VI-XIII вв.) — АКМ. Вып. 6. Кишинев.

Черепнин Л.В. 1972. Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX-XV вв. // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М.

Шафарик П.И. 1848. Славянские древности. I-II, ч. III. М.

Щукин Г.Б. 1957. Городище Екимауцы в Молдавии // Архитектурное наследство, No 8.

С.С.Рябцева

«БЛИЗНЕЦЫ» ИЛИ «ДВОЙНИКИ»?

О сходстве и отличии «волынских» и «прикамских» серег

S.S.Ryabtseva. "Twins" or "Tweedledum and Tweedledee"? On Similarities and Differences Between "Wolyn'" and "Kama" Earrings.

The article deals with a comparative analysis of jewelry: earrings and temple rings, which have a large number of analogies in the South-Eastern, Central and Eastern Europe. Due to their external similarities, the scientists sometimes take the earrings of so-called "Wolyn' type", spread from the Dnieper region to the Balkans and Middle Danube region, for "Kama" earrings, spread in the Kama and Volga region.

The term "earrings of Wolyn' type" is understood as a totality of morphologically similar ornaments found in the treasures of Dnieper and Wolyn' regions. Yet each of these types differs by the manufacturing method, origin and area of prevalence. The author distinguished A, B, C and D types.

Thus, the basis of A type are earrings with embossed pendants, represented in proto-Bulgarian (middle VII – early VIII century) and the Great Moravia Antiquities (VIII – IX centuries).

In IX – XI centuries the earrings with pendants of a similar shape (but mainly cast ones) were spread on Bulgarian territory (version 3A). In Russia and Poland peculiar versions (1A and 2A) of earrings with larger embossed pendants decorated by granules were spread since the middle of X century. "Wolyn' earrings" of B type are derived from the earrings characteristic for Middle Avar period. Analogous ornaments with glass beads replaced by metal ones evolve in IX century. The "Wolyn' earrings" of B type were spread in the Carpathian and Dnieper region, Bulgaria and Yugoslavia. "Wolyn' earrings" of C type, which pendant consists of just small balls, also derived from Avar and Great Moravian prototypes, were spread on a vast territory embracing Carpathian-Dniester region, Wolyn', Dnieper region, Transylvania, Hungary, Poland and Yugoslavia. Analogous are the earrings with rolled strings occupying major part of the pendant. They are distinguished as D type and represented, mainly, on the Serb and Yugoslavian territories. As individual findings they are also met in the treasures in the Dnieper region.

Earrings and temple rings spread in Kama and in Volga Bulgaria regions are very similar to the mentioned "earrings of Wolyn' type". The author examines peculiarities of their morphological structure and manufacturing method in order to distinguish their similarities and differences. Thus, Kama earrings, very similar to the "Wolyn' earrings" of A type but made using a different manufacturing method, evolved on this territory from VII to XI centuries. They emerged independently of the earrings of "Wolyn' type" but were also influenced by the Danube models. Grape-like earrings emerge independent of "Wolyn' earrings" of B and C types and earlier than the latter ones (late VIII-IX centuries) and exist till X century in the Kama region. Yet with all the external similarities, there is a number of differences in the arc of the ring and the grape-like pendant of the Kama earrings, analogous both with late Avar, Caucasus and Saltov jewelry.

Thus, "Wolyn'" and "Kama" earrings demonstrate two different jewelry traditions having, however, common origins connected with the jewelry art of Danube and Balkan region based on a compound mixture of nomads' and settled people's tastes and Byzantine jewellers' skills.

Древнерусский ювелирный убор представляет собой весьма сложное и многокомпонентное явление. В нем выделяются пласты, связанные с собственно восточнославянской, а также с западнославянской, византийской, североевропейской и финно-угорской ювелирными традициями. В качестве отдельных включений могут рассматриваться заимствования, произошедшие из западноевропейского и восточного ювелирного дела. Среди древнерусских украшений есть типы, являющиеся узколокальными, характерными для конкретных регионов (некоторые типы височных колец, перстней, подвесок к ожерельям, головных венчиков). Встречаются и отдельные типы украшений, имеющие весьма широкий круг аналогий, далеко выходящий за рамки территории обитания восточных славян. Вопрос о соотношении древнерусских украшений и их аналогов, происходящих с соседних территорий, возможно решить, на наш взгляд, только прослеживая истоки возникновения данных типов в каждом конкретном регионе, а также детально анализируя сходство и отличие тех технологических приемов, которые использовали ювелиры разных ювелирных школ, изготовлявшие сходные на первый взгляд украшения.

Одним из типов древнерусских украшений, имеющих наиболее широкий круг аналогий, встречающихся как на территории расселения

© С.С.Рябцева, 1999.

западных славян, так и в финно-угорском мире, являются так называемые «серьги волынского типа».

В работе 1946 года Г.Ф. Корзухина привела ряд аналогов и возможных прототипов для славянских серег «волынского типа» (Корзухина 1946: 45-52). В качестве прототипов исследовательницей предлагались античные амфоровидные серьги конца I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э. Как промежуточное звено между античными и славянскими украшениями X — XI вв. Гали Федоровна рассматривала серьги с подвесками-«фонариками», находимые на Пастырском городище и в Пастырских кладах. В качестве аналогов для волынских серег были представлены серьги и височные подвески, распространенные в памятниках Прикамья (например, найденные в Верхне-Кандасском кладе: Гос. Эрмитаж 548/1).

Действительно, некоторые типы прикамских серег внешне очень близки волынским образцам. Этот факт подчас приводит к терминологической путанице. Так, в публикации Архангельского клада 1989 г. (Носов, Овсянников 1997: 146-157) авторы определяют найденную в кладе височную подвеску как «волынскую», аналогичную тем, что находят в кладах Среднего Поднепровья второй половины X — начала XI в., отмечая, правда, что подобные украшения производились и в мастерских Волжской Булгарии. Абсолютную уверенность дало бы, конечно, визуальное изучение украшения, так как основным отличием схожих по форме и декору изделий из Волжской Булгарии и Поднепровья является различие в технике изготовления. Подвески «волынских серег» состоят из двух продольных тисненых половинок, а у «прикамских» и «булгарских» — из трех деталей (верхнего небольшого шарика, цилиндрика и нижнего шарика более крупного размера), соединенных штырем. Но даже по изображению (Носов, Овсянников 1997: ил. 3, *2*) и описанию в тексте статьи можно с большой долей уверенности констатировать, что украшение, найденное близ Архангельска (рис.16, 3), вышло не из поднепровских, а из поволжских ювелирных мастерских. Так, для волынских серег типична пятичастная форма подвески, а не «бутылкообразная», как указано в тексте описания, для «волынских» серег характерно украшение дужки и тулова серьги сканью, а не рубчатой проволокой, примененной на архангельской серьге.

В свете вышеуказанных затруднений с культурной интерпретацией близких форм украшений, изготовлявшихся в различных регионах, нам представляется необходимым остановиться на выявлении различий между волынскими и прикамскими группами серег и височных колец. Причем можно выделить несколько основных групп различий: в происхождении, технологии изготовления и особенностях декора.

Волынские серьги

Волынские серьги были введены в научный оборот в конце XIX века. Первая типология всей совокупности данных украшений была предложена Г.Ф. Корзухиной. По технике изготовления подвески и особенностям декора кольца исследовательница поделила их на две группы (Корзухина 1946: 49). Работы по более дробному типологическому делению данных украшений были проделаны Е.Ю. Новиковой (Новикова 1990: 107-114), а также автором этих строк (Рябцева 1996: 62-65; Рябцева 1997: 62-64).

Первый вариант по типологии Г.Ф. Корзухиной «с полой штампованной, спаянной из двух половинок подвеской» был выделен нами в тип «А». Второй вариант по Г.Ф. Корзухиной «с подвеской, составленной из множества полых крупных и мелких шариков», был поделен на типы «В», «С» и «D» (Рабі-

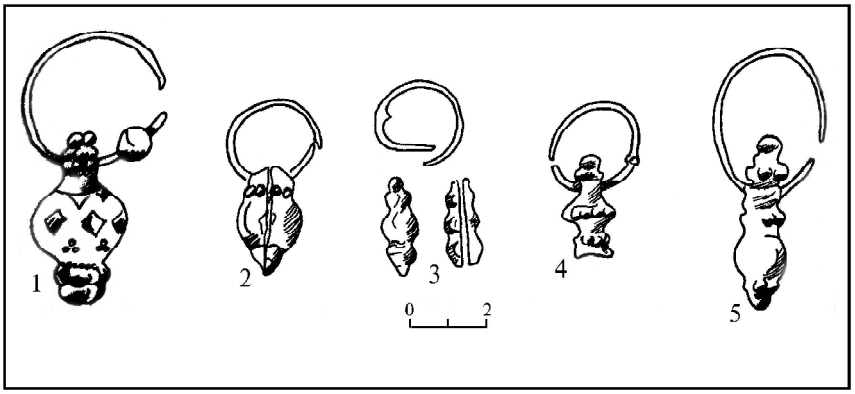

Рис. 1. Прототипы Волынских серег типа "А". Сер. VII-IX вв: ***1.*** *Келегейский комплекс.* ***2.*** *Пастырское городище.* ***3.*** *Новотроицкое городище.* ***4.*** *Нитра (Среднее Подунавье).* ***5.*** *Трновец над Вагом (р-н. Галанта) (Среднее Подунавье).*

При составлении иллюстраций были использованы работы Айбабина А.И, Алажова Д., Бобринского А.А., Въжаровой Ж., Гатева П., Генинга В.Ф., Голдиной Р.Д., Голубевой Л.А., Иванова М.Г., Ляпушкина И.И., Корзухиной Г.Ф, Милчева А., Новиковой Е.Ю., Носов Е.Н. и Овсянников О.В., Семенова В.А., Bona I., Budinský-Kriča, Chilińska Z., Cropovsky B., Haisig H., Jurič R., Kiersnowski R., Kurnatowska Z., Masov S., Mesterhazy K., Reyman J., Teodor D., Ћоровић-Љубинкоић M., Vana Z.

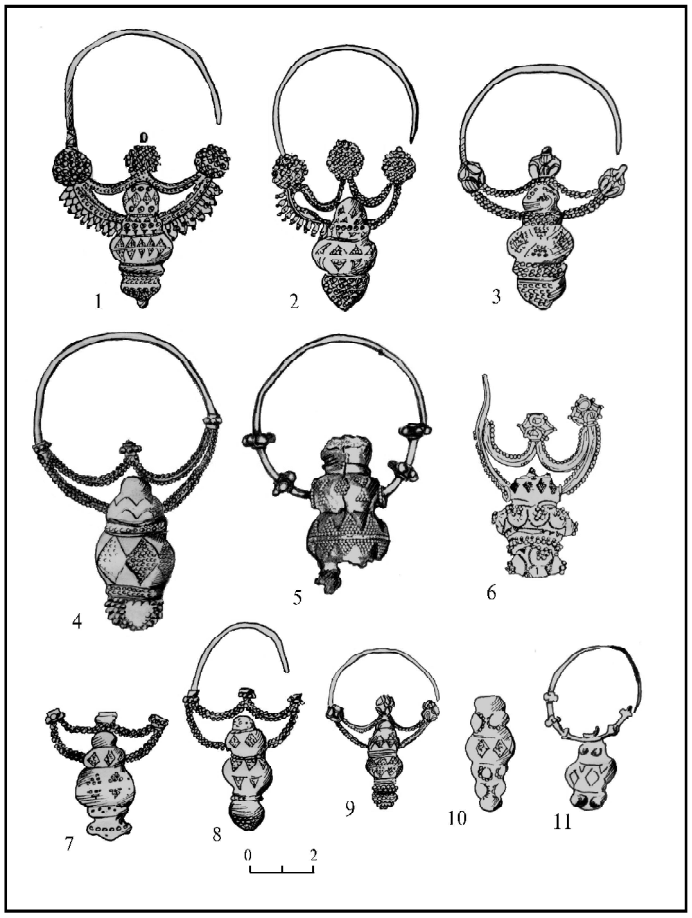

Рис. 2. Волынские серьги типа "1А". Конец X-XI вв. ***1-3.*** *Борщевский клад (Волынь).* ***4.*** *Гнездовский клад (Поднепровье).* ***5.*** *Бёсоб (Среднее Подунавье).* ***6.*** *Тушта (Хельсингланд).* ***7-8.*** *Кол. Щукина (ГИМ).* ***9.*** *Гущинский клад (Поднепровье).* ***10.*** *Кол. Гос. Эрмитажа.* ***11.*** *Бранештский могильник (Молдова).*

нович, Рябцева 1997: 237-238).

Волынские серьги типа «А» (с полой штампованной подвеской) возникли, на наш взгляд, на основе болгарских ювелирных украшений типа золотой серьги из Келегейского комплекса сер. VII в. (рис. 1, 1) (Древнее золото 1975) и серебряной серьги с полой тисненой, составленной из двух вертикальных половинок подвеской, происходящей с Пастырского городища (рис.1, 2) (тип 3-2 по А.И. Айбабину) (Айбабин 1973: 70). В VIII-IX вв. украшения с подобными подвесками встречаются в Великой Моравии (рис. 1, 4-5) (Cropovsky 1961: 139-160; Cropovsky 1978: 42, p.11) (рис. 20, 10, 12, 15, 17). Для древностей этого региона в более позднее время серьги с подобными подвесками не характерны. С IX в. серьги с подвесками аналогичной формы довольно широко распространены на территории Дунайской Болгарии (Въжарова 1976: табл. 18). Как результат контакта роменского населения с выходцами из Великой Моравии или Болгарии можно рассматривать находку тисненой подвески от «волынской» серьги в жилище 43 Новотроицкого городища (Ляпушкин 1958: 127, рис. 83, 11) (рис.1, 3, рис.20, 13, 15, 17, 18).

С конца X по середину XI вв. височные кольца с тиснеными подвесками, богато декорированными зернью, бытуют в Поднепровье и на Волыни. В этот же период на территории Польши широко распространены схожие височные подвески, отличающиеся, однако, рядом конструктивных и декоративных особенностей. Для украшений этих двух регионов нами выделены два варианта типа «А» (рис. 20, 14, 16, 19). Несколько иные, но все же близкие по форме к поднепровским, серьги и височные подвески встречаются в IX-XI вв. на территории Болгарии. Они выделены в вариант «3А».

Вариант «1А» – классический вариант «волынской серьги» (рис.2). Территория распространения данных украшений охватывает районы Волыни и Поднепровья. Две пары таких серег были обнаружены за пределами этой территории в Венгрии (рис.2, 5), причем серьги из Соб-Венелина были найдены в составе погребального инвентаря (Mesterhazy 1994: abb. 10, 11). Для этого типа «волынских серег» характерна пятичастная тисненая подвеска, декорированная в средней части ромбами и треугольниками, выложенными мелкой зернью, а также крупной зернью – в нижней части. Нижняя часть дужки, расположенная над подвеской, в ряде случаев оформлена в виде трехрогой лунницы, украшенной зернью. В особо изящных вариантах к нижней части этой лунницы дополнительно припаяны фестоны, вырезанные из полоски серебра и унизанные зернью (височные подвески из Борщевского клада: Гос. Эрмитаж 1017) (рис.2, 1-2). Дужки волынских серег этого типа украшались серебряными бусинами (тиснены-

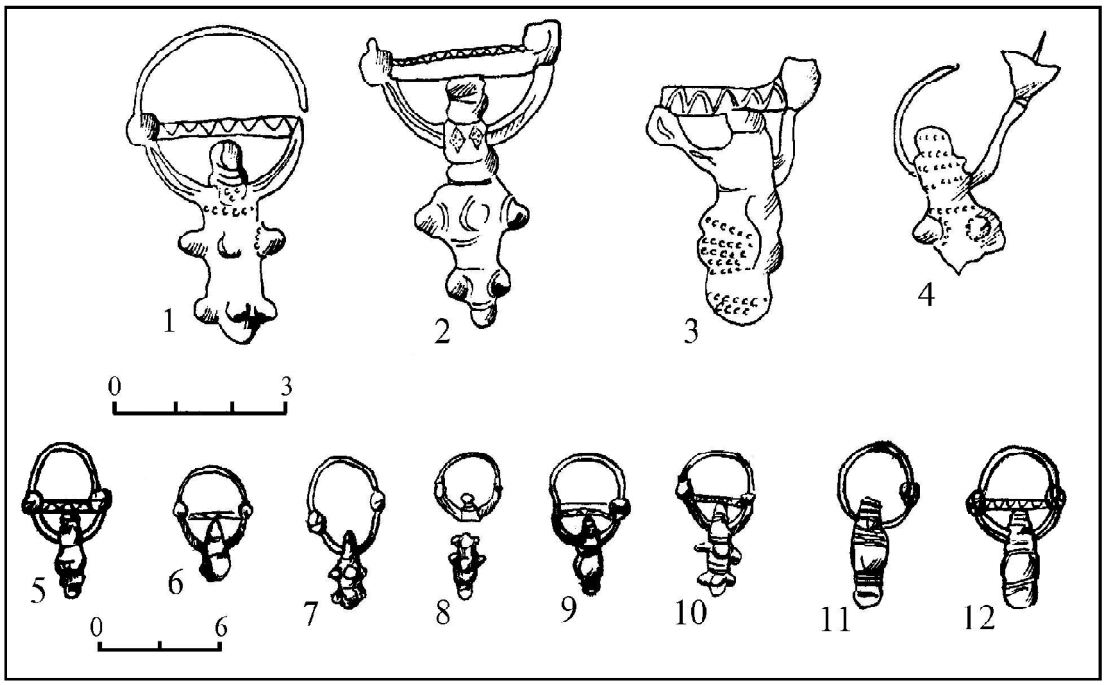

Рис. 3. Волынские серьги типа "2А". Середина X-XI вв. ***1.****Тульчинский клад, Кашинского у.* ***2-4.*** *Клад Кинно (Польша).* ***5-10.*** *Клад Майков (Польша).* ***11-12.*** *Клад Обра-Нова (Польша).*

ми, усыпанными зернью или ажурными, выполненными из проволочных колечек) или же колечками, спаянными из мелких шариков (Рабинович, Рябцева 1997: 237).

Необходимо отметить, что на территории Руси в составе погребального инвентаря этот тип серег находят исключительно на Волыни. В погребении №29 Пересопнинского могильника на Волыни было раскопано захоронение ювелира, изготовлявшего такие серьги (Мельник 1901; Корзухина 1946: 48). В могилу был положен маленький ящичек с молоточком и наковаленкой, а также девять бронзовых и железных штампов. Штампы предназначались для тис-

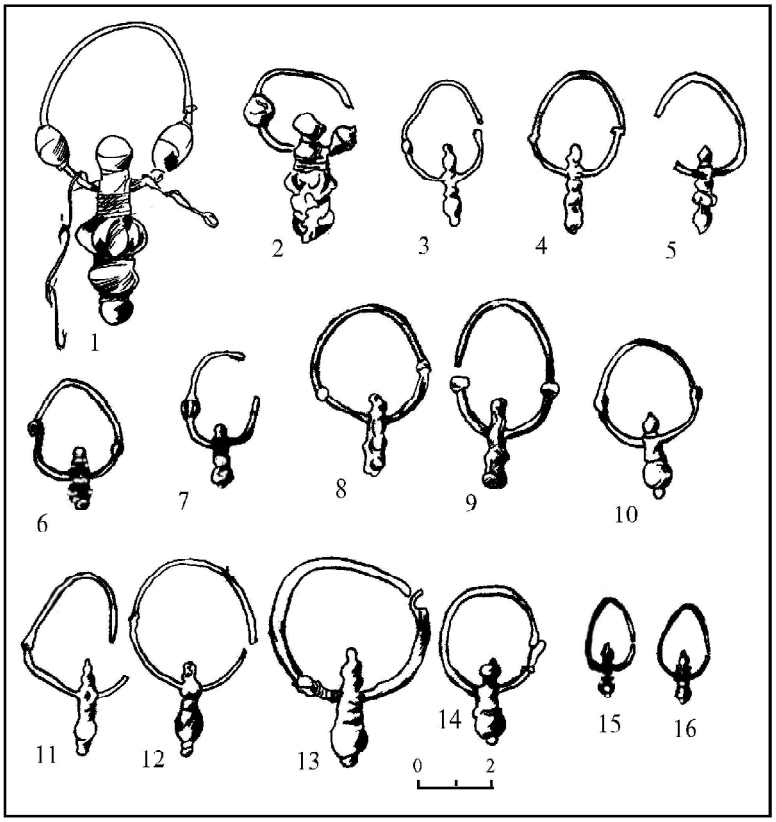

Рис. 4. Волынские серьги типа "3А" IX-XI вв. (все Болгария). ***1,3.*** *Некрополь Градешники.* ***2, 15, 16.*** *Некрополь Вълчедром.* ***4-10.*** *Некрополь Галиче (*погр. 5, 56, 63 и из разрозненного материала). ***11, 12.*** *Некрополь Луковит* (погр. 59). ***13, 14.*** *Некрополь Михайлово* (погр. 4, 1).

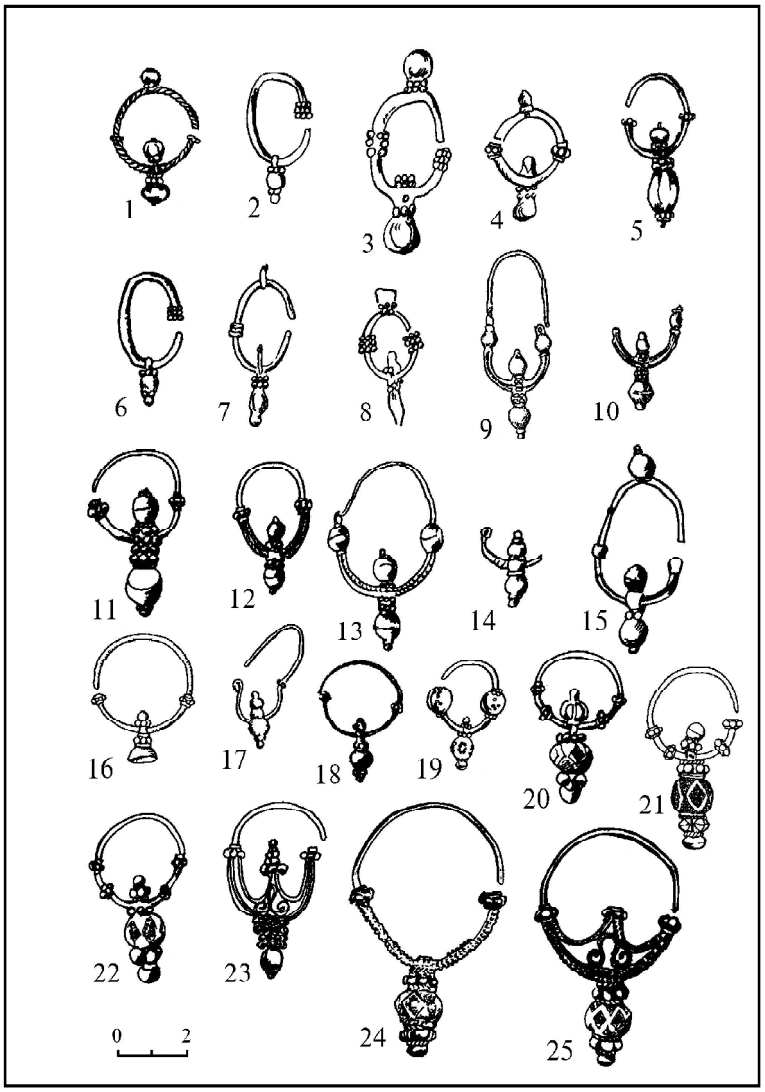

Рис. 5. Волынские серьги типа "В" и их прототипы VII-XI вв. ***1.*** *Желовице (Среднее Подунавье).* ***2, 19.*** *Старое Место (Среднее Подунавье).* ***3.*** *Сирак (Среднее Подунавье).* ***4.*** *Вац (Среднее Подунавье).* ***5.*** *Гальяре (Среднее Подунавье).* ***6.*** *Хоргош (Среднее Подунавье).* ***7.*** *Будимпешта (Среднее Подунавье).* ***8.*** *Чорна (Среднее Подунавье).* ***9.*** *Место находки не известно.* ***10, 16.*** *Винча (Среднее Подунавье).* ***11.*** *Скалиска (Среднее Подунавье).* ***12.*** *Преслав (Болгария).* ***13, 18.*** *Градешники (Болгария).* ***14.*** *Луковит 1* (погр. 64) *(Болгария).* ***15.*** *Галиче (Болгария).* ***17.*** *Троянов Мост (Среднее Подунавье).* ***20.*** *Елизаветградский уезд.* ***21.*** *Юрковецкий клад. (Побужье).* ***22.*** *Копиевский клад. (Побужье).* ***23.*** *Городище Поганско (Среднее Подунавье).* ***24.*** *Кол. ГИМ.* ***25.*** *Борщевский клад (Волынь)*

нения подвесок серег «волынского» типа, лопастных бусин и полушариков, которыми украшались подвески-лунницы. По-видимому, этот ювелир изготовлял именно тот набор украшений, который наиболее часто встречается в кладах конца X — начала XI вв., находимых на территории Поднепровья и Волыни. В 1983 г. была сделана находка двух серег волынского типа «А» в погребении пожилой женщины в кургане М-7 могильника в урочище Майдан у с. Берестье (Гупал 1996: 124, рис.11) [1]. По всей видимости, «волынским» в полном смысле слова можно считать именно этот вариант, изготовлявшийся и носившийся на данной территории.

Вариант «2А». Характерен для территории Польши (рис.3). В монографии Ханны Коцкой-Кренц учтено 48 местонахождений украшений этого типа, основная масса которых происходит из кладов, но есть и шесть находок из погребений. Комплексы эти датируются последней четвертью X — последней четвертью XI вв., но большая часть их приходится на конец X — начало XI вв. (Kocka-Krenz 1993: Map. 31). От собственно волынских эти украшения отличает форма подвески со слабо намеченной, а зачастую и отсутствующей пятичастностью. Отличительной особенностью этих подвесок можно считать также несколько поясков из тисненых полусфер, скупое применение зерни, оформление дужки в виде двухрогой лунницы, украшенной проволочными зигзагами (Рабинович, Рябцева1997: 237). На территории Древней Руси подобные украшения происходят из Тульчинского (Г.Ф. Корзухина. Рукописный архив ИИМК, ф.77, д. 8., лист. 75) и Дегтянского кладов (Перхавко 1986: рис.2) и являются польским импортом (рис. 3, 1).

Вариант «3А». Характерен для территории Дунайской Болгарии (второй тип, виды 1, 3 по типологии Ж. Въжаровой) (Въжарова 1976: табл. 18) (рис. 4). Если на территории Руси и Польши подобные украшения представлены в основном в кладах, то на Балканах их нахо-

[1] Приношу благодарность А.А. Песковой, обратившей мое внимание, на данную публикацию.

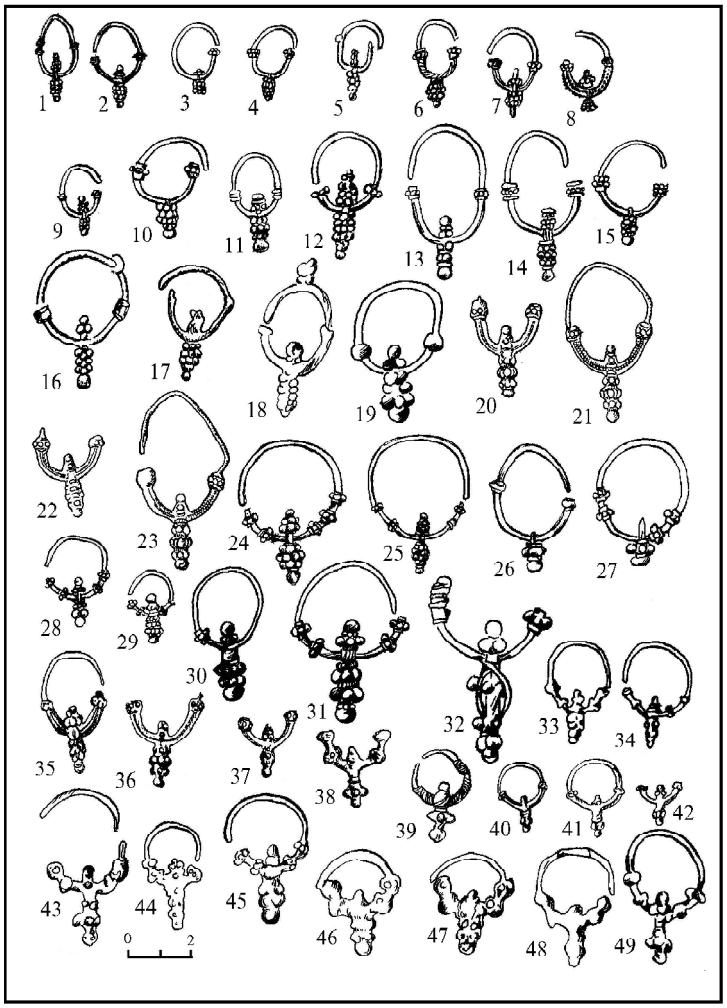

Рис. 6. Волынские серьги типа "С" к. VIII-XI вв. ***1, 2.*** *Дуцево (Среднее Подунавье).* ***3-8, 10, 17.*** *Старое Место (Среднее Подунавье).* ***9.*** *Блучин (Среднее Подунавье).* ***11.*** *Триль (Среднее Подунавье).* ***12.*** *Желенка (Среднее Подунавье).* ***13, 16.*** *кол. Книнского музея.* ***14.*** *Пшедмости (Среднее Подунавье).* ***15.*** *Количин (Среднее Подунавье).* ***18.*** *Немешвелч (Среднее Подунавье).* ***19.*** *Гочево.* ***20-23.*** *Место находки не известно.* ***24, 25.*** *Трновец. (Среднее Подунавье).* ***26.*** *Гурбаново, р.-н. Комарно. (Среднее Подунавье).* ***27.*** *Тер. прихода Саболеш (Среднее Подунавье).* ***28.*** *Вац. (Среднее Подунавье).* ***29.*** *Нови Княжевец. (Среднее Подунавье).* ***30.*** *Киев* (погр. 124). ***31.*** *Елизаветградский уезд.* ***32.*** *Галиче погр. 5. (Болгария).* ***33-34.*** *Луковит 1* (погр. 5) *(Болгария).* ***35.*** *Биело Брдо (Среднее Подунавье).* ***36.*** *Берестовец (Среднее Подунавье).* ***37, 38.*** *Троянов Мост (Среднее Подунавье).* ***39.*** *Курвинград (Среднее Подунавье).* ***40-42.*** *Пилин. (Среднее Подунавье).* ***43.*** *Птуй (Среднее Подунавье).* ***44.*** *Хисар (Болгария).* ***45, 48.*** *Клоштар (Среднее Подунавье).* ***46.*** *Вельки Верди (Среднее Подунавье).* ***47.*** *Вельки Варадни (Среднее Подунавье).* ***49.*** *Предлока (Среднее Подунавье)*

дят, как правило, в погребениях. Наиболее типичны для этого региона серьги первого вида, по типологии Ж. Вържаровой, с узкой многочастной подвеской-балясинкой (рис. 4, 3-15). Их находят в захоронениях, датируемых IX-XI вв. По большей части это небольшие бронзовые серьги с литыми подвесками, зачастую свободно передвигающимися по кольцу (Милчев 1963: т.1; Kurnatowska 1980: 155-163, гус.2). Реже встречаются датируемые тем же периодом более крупные серьги с полыми тиснеными подвесками, близкими к подвескам волынских серег типа «А», отнесенные Ж. Вържаровой к третьему виду второго типа (Вържарова 1976: 363) (рис. 20, 21, 22).

Волынские серьги типа «В» внешне схожи с серьгами типа «А», но отличаются от них по технике изготовления. Подвеска этих украшений собрана из крупного тисненого и мелких тисненых или литых шариков, разделенных рядами скани. Для крепления подвески используется штырь. Данный тип дает довольно большое количество вариантов, различающихся по наличию или отсутствию зерневого декора крупной бусины, особенностям оформления головки подвески и дужки. «Головка» подвески может представлять собой бусину — ажурную или глухую тисненую (тисненые бусины иногда обрамлены колечками из шариков или сканью; украшены шариком сверху). Может подвеска завершаться и композицией из мелких шариков (пирамидкой из трех шариков или колечком из шариков, окруженным проволочкой и увенчанным литым шариком). Дужка серьги бывает гладкая либо украшенная рубчатой проволокой или зернью. На дужку нанизывались колечки из шариков, обрамленные проволокой, или тисненые бусины. В ряде случаев дужка дополнена проволочной зерненой лунницей, аналогичной той, что встречается на волынских серьгах типа «1А» (совместная находка подобных серег типов «1А» и «В» происходит из Борщевского клада: Гос. Эрмитаж, инв. 1017) (рис. 2, 1-2; рис. 5, 25). Составные варианты серег типа «В» встречаются на Руси, на территории Венгрии, Болгарии, Югославии, Румынии (Корзухина 1946: 50; Новикова 1990: 115; Рабинович, Рябцева 1997: 237; Vana 1954: tab. 4; Masov 1979: 39; Гатев 977: 34; Ћоровић-Љубинкоић 1951: 44; Teodor.1980: 404). Литые аналоги этому типу волынских серег представлены в основном в Венгрии, Югославии и Болгарии (Раби-

нович, Рябцева 1997: 237).

Перечисленные выше особенности строения и декора подвесок являются региональными признаками. Так, подвески, украшенные зернью, приурочены к Карпато-Поднепровью (Корзухина 1954: 84; Teodor 1980: 404; Mesterhazy 1994) (рис. 5, 20-22, 24-25, рис. 7, 10; рис. 8, 1). Балканы дают несколько другую разновидность (Въжарова 1976, Ћоровић-Љубинкоић 1951): подвески этих серег обычно лишены зернового декора, на кольцо, украшенное рубчатой проволокой, а также в качестве головки подвески здесь, как правило, нанизываются тисненые бусины (рис. 5, 12-15). Исключение представляют серьги из Винче и Троянова Моста (Югославия) (Ћоровић-Љубинкоић 1951: сл. 7) и из Градешников (Болгария) (Masov 1979: fig. 8, *2*), на кольцо которых нанизаны композиции из шариков, головка тоже — пирамидка шариков (рис. 5, 16-18). По внешнему виду эти серьги близки украшениям из Токайского (рис.7, 10) или Копиевского кладов (рис. 5, 22), но не украшены зернью. Декорированная зернью серьга была найдена в Сербии в Нише в погребении некрополя церкви св. Пантелеймона. У этой серьги подвеска выполнена не из тисненого шарика, а из свернутых в кольца металлических полос (Новикова 1990: 113, рис. IV, *г*).

В целом распространение данного типа украшений в Южной и Центральной Европе в об-

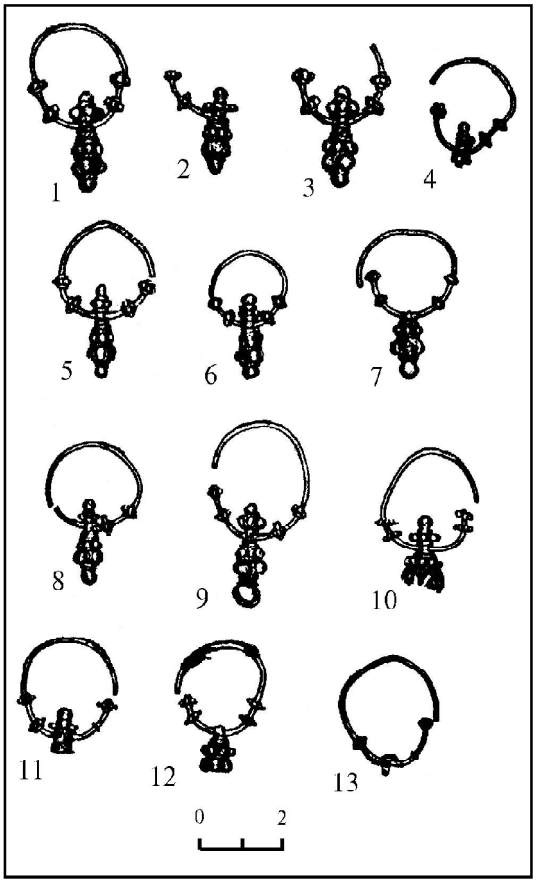

Рис. 7. Токайский клад (Венгрия) (по Мештерхази 1994).

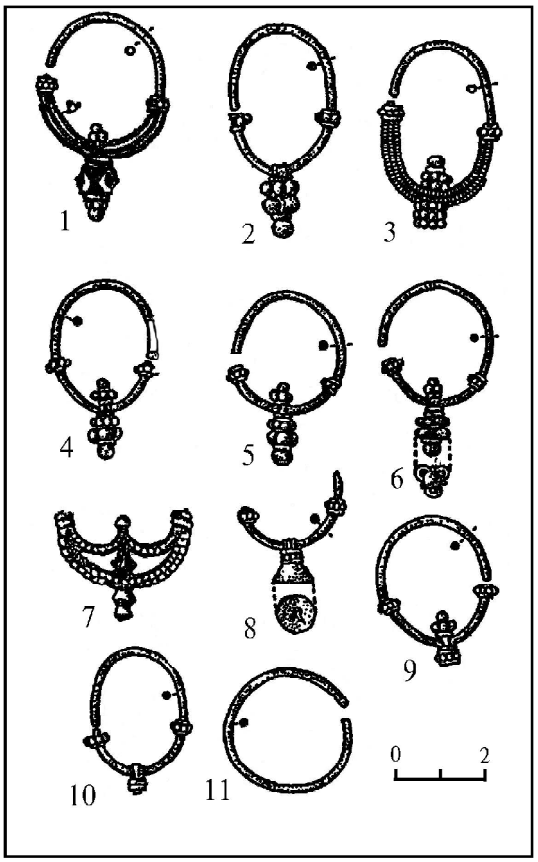

Рис. 8. Клад Рэдукэнень (Румыния) (по Д. Теодору 1980)

щих чертах совпадает с той территорией, которую исследователи отводят культуре Биело-Брдо середины X-XI вв. (Ћоровић-Љубинкоић 1951: 21-55). Необходимо отметить, что на Балканах данный тип украшений встречается в основном в захоронениях (Милчев1963: 22-37, т. 2, 3; Въжарова 1974: 9-22; Masov 1979: 31-47, fig. 8, *1*). В Венгрии —в захоронениях и в Токайском кладе (Ћоровић-Љубинкоић 1951: сл. 21), а в Румынии (рис.8, 1) и на Руси подобные украшения, изготовленные, как правило, из серебра и декорированные зернью, представлены практически только в составе кладов и случайных находок (Teodor 1980; Корзухина 1954).

Исключение составляют, пожалуй, только два обломка украшений этого типа, найденные не в составе клада, а на Екимауцком городище в Молдове и связанные, вероятно, с функционировавшей на городище ювелирной мастерской. Екимауцкие фрагменты были нанизаны на перстневидные разомкнутые колечки и носились, возможно, не как серьги, а как височные кольца (Кишинев, Археологический музей. Инв. №416).

Таким образом, территория распространения данного типа украшений распадается на два больших региона (Болгария, Югославия, Венгрия, с одной стороны, и Румыния, Русь — с другой), дающие различные варианты, отличающиеся особенностями декора подвесок.

Происхождение волынских серег типа «В» мы склонны связывать с бытовавшими с середины VII по первую четверть IX вв. на широкой территории, охваченной аварским влиянием, весьма близких по форме подвески и оформлению дужки, серег, составленных из кольца и нанизанной на штырь стеклянной подвески (Chilinska 1963) (рис.20, 23, 24). В IX веке в Подунавье встречаются аналогичные украшения, у которых бусины выполнены уже не из стекла, а из металла (например, серьги из Скалиска и Вини в Словакии) (Holcik 1991: 85-105, Tab. 5; Budinský-Krička 1959: abb. 28*, 15*) (рис.5, 11; рис. 20, 25).

В конце X в. производство подобных украшений начинается и на Руси. В этот же период появляются и наиболее изящные разновидности подобных украшений, декорированные зернью (клады Копиевский, Борщевский, Токайский, Рэдукэнень, находка в Елизаветградском у. Екатеринославской губ.) (Рябцева 1997: 2-64). Можно предположить, что в Подунавье, богато насыщенном различными типами височных украшений, в том числе и возникшими под влиянием византийского ювелирного ремесла (Выжарова 1980: 259-310, рис. 3), данный тип украшений был чем-то весьма заурядным и прочно вошел в убор, в том числе и рядового населения. На Руси же данные серьги и височные подвески принадлежали к числу элитарных, богато декорированных украшений, на основе которых не возникло более дешевых бронзовых составных или литых вариантов. Этим объясняется, на наш взгляд, и тот факт, что подунайские образцы происходят из погребений, а поднепровские – из кладов.

Волынские серьги типа «С» представляют собой кольцо со сложной составной подвеской, нанизанной на штырь (рис.6). Подвеска составлена из поясков, спаянных из мелких литых или тисненых шариков, разграниченных проволочными, сканными или зерненными колечками. На кольцо нанизаны аналогичные пояски из мелких шариков, головка подвески представляет собой пирамидку из подобных шариков. Подражания данному типу украшений изготовлялись в литье. Из всех типов «волынских серег» данный имеет наиболее обширную территорию распространения, охватывающую Карпато-Поднестровье, Волынь, Поднепровье, Трансильванию, Венгрию, Польшу, Югославию (Рабинович, Рябцева 1997: 237, там же литература).

Прототипами для данного типа украшений считаются гроздевидные серьги, представленные в аварских могильниках VIII вв. (Перхавко 1986: 30). Так же как и прототипы предыдущих типов «волынских серег», прототипы серег типа «С» получили дальнейшее развитие в древностях Великой Моравии (рис. 6, 1-12; рис. 20, 34-36). На Руси три гроздевидных серебряных кольца моравского типа, датируемых концом IX — первой половиной X вв., были найдены в Гнездове (Пушкина1987: 55), литая гроздевидная серьга найдена на Гочевском городище (Корзухина, Рукописный архив) (рис. 6, 19).

Вопрос о времени появления в Подунавье серег «С» остается до сих пор дискуссионным. Так различные исследователи определяют его в пределах середины VIII – конца IX (первой половины X) вв. (Jurič 1986: 263-264, там же литература).

Так же как и в случае с серьгами типов «А» и «В», для территории Чехии характерны в основном ранние образцы серег типа «С», датируемые в данном случае IX-X вв. (рис. 6, 24, 25). Столь же ранние находки характерны, пожалуй, только для территории Югославии (Jurič 1986, Tab. IV). В остальном же ареале распространения данных украшений они датируются в основном X-XI вв. В Венгрии и Трансильвании известно около 30 местонахождений серег данного типа (Mesterhazy 1994: abb. 14), встречающихся как в составе кладов, так и в погребениях. Для Польши находки серебряных (зачастую фрагментированных) серег данного типа характерны для «кладов рубленого серебра» — на этой территории данные серьги представлены в составе 22 кладов (только одна находка четырех украшений была сделана на городище Любомий) (Kocka-Krenz 1993: 84). На Балканах находки данного типа украшений концентрируются в погребальных памятниках на территории бывшей Югославии (Jurič 1986: Tab. IV, VI), встречаются они и в Болгарии (так, бронзовые литые серьги данного типа были найдены в некрополях Луковит и Галиче, а серебряная зерненная в погр. 5 некрополя Галиче) (Въжарова 1976: 207, 244; Выжарова 1987: 298-308, рис. 4).

Данный тип «волынских» серег находят на Руси не только в составе кладов (Юрковецкий и Копиевский клады — Корзухина 1954: 84), но и на городищах: только на городище Екимауцы было найдено 32 экземпляра (Федоров1953: 125), еще пять сережек были найдены в слоях середины X в. на городище Червоне на Южном Буге (Хавлюк 1969: 164), встречаются они и в захоронениях (в Пересопнинских курганах) (Мельник 1901) и погребениях 124 и 112 Киевского некрополя (Голубева 1949). Наличие на городище Екимауцы ювелирной мастерской, одной из основных специализаций которой было изготовление серег этого типа, документируется находкой набора ювелирного инструментария — наковальни-волочила (причем отверстия волочила совпадают с диаметром проволоки, из которой выполнены дужки «волынских колец», найденных на городище), тиглей, молоточков, зубильцев, ножниц, матриц для тиснения. Среди серег, найденных на городище, есть как серебряные составные, так и литые экземпляры, а также одна бронзовая литая серьга. Среди материалов, хранящихся в Музее археологии г.Кишинева, выделяется несколько пар идентичных составных серег. Между собой пары

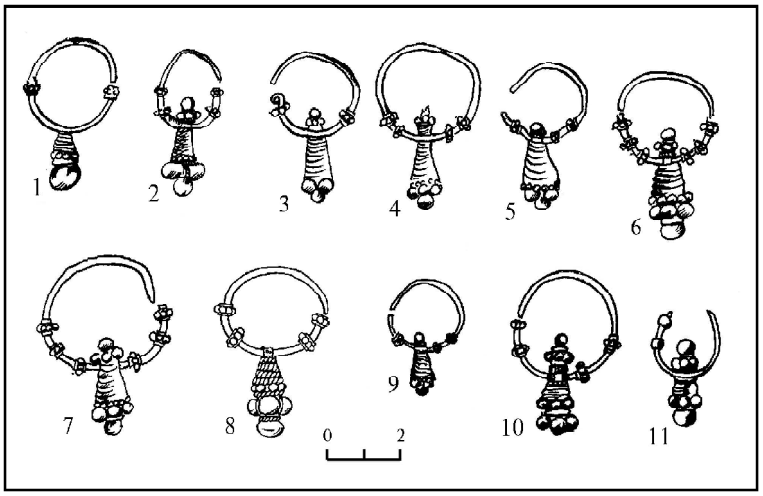

Рис. 9. Волынские серьги типа "D" IX-XI вв. ***1.*** *Брно Маломешнице. (Среднее Подунавье).* ***2.*** *Бранчево. (Среднее Подунавье).* ***3, 4.*** *Любеново (Болгария).* ***5.*** *Лешье. (Среднее Подунавье).* ***6.*** *Батайцы. (Среднее Подунавье).* ***7.*** *Мирково. (Болгария).* ***8.*** *Юрковецкий клад. (Побужье).* ***9.*** *Копиевский клад. (Побужье).* ***10, 11.*** *Денисовский клад. (Поднепровье).*

различаются размерами, количеством витков сканной, проволочной или зерненной обмотки (Кишинев, Археологический музей, Инв. №77, 78, 413-421; № 43, 250).

По всей видимости, так же как и в случае с серьгами типа «В», можно выделить два центра производства серег типа «С». Один из них приурочен к Балканскому региону, второй – к Карпато-Поднепровскому. Причем второй центр, по всей видимости, снабжал данными украшениями и территорию Польши, где они оседали в виде сокровищ в кладах (Новикова 1990: 113; Рабинович, Рябцева 1997: 241).

Волынские серьги типа «D» отличаются от типа «С» тем, что основную часть подвески составляют ряды сканной проволоки (рис. 9). Распространен данный тип украшений в основном на Балканах – в Болгарии (второй тип, пятый вид, первая разновидность по типологии Ж. Въжаровой) (Въжарова 1976) и в Сербии (Ћоровић-Љубинкоић 1951; Алажов 1969: 139, обр. 3) (рис.9, 1-7; рис. 20, 41, 42). На территории Древней Руси подобные, но несколько более миниатюрные серьги были найдены в Юрковецком, Копиевском и Денисовском кладах (Корзухина 1954) (рис.9, 8-11; рис. 20, 43)

Таким образом, **совокупность «волынских» серег** была представлена в Карпато-Днестровских землях, на Днепровском Правобережье в русских кладах второй хронологической группы по Г.Ф.Корзухиной: Юрковецком, Копиевском, Борщевском, в материалах Пересопнинского могильника на Волыни. Их находят в первом и втором Киевских некрополях, на городище Червоне в верховьях Южного Буга. На Левобережье Днепра их находят в кладах у сел Денис и Гущино. В верховьях Днепра — в материалах Гнездовского комплекса: на поселении, в могильнике, кладе 1993 года. Наконец, самой северо-западной точкой, где были встречены подобные украшения, можно считать могильник у деревни Чемихино под Тихвином. Их находят также в Скандинавии (в Южной Швеции и на о. Готланд), в Пруссии, Польше, Венгерском Потисье и Трансильвании, Моравии и на юго-западе Балкан (Рабинович, Рябцева 1997: 238, там же и литература).

Картографирование местонахождений серег волынского типа на территории Восточной Европы дало довольно убедительную картину, отражающую процесс продвижения западнославянского населения в глубь восточнославянской территории, вплоть до Гнездова, а возможно, и далее на северо-запад в Поволховье (находка в Чемихино) (Рабинович, Рябцева 1997: карта 1). Интересно, что форма и размеры 6 височных колец волынского типа «А», найденных в Гнездовском кладе 1993 года (монеты 839-951 гг.), точно совпадают с двумя из четырех штампов, найденных в Пересопнинском могильнике на Волыни (Ениосова, Пушкина 1997: 24). Находки серег «волынского типа» на территории Скандинавских стран свидетельствуют о дальнейшем продвижении западнославянской волны на север Европы (Рабинович, Рябцева 1997: 240).

Прикамские серьги

Как уже отмечалось выше, тип украшений, сходный с «волынскими серьгами», встречается и на территории Прикамья и Волжской Булгарии. Однако в технике изготовления поднепровских и прикамских украшений есть ряд весьма значительных различий.

Все многообразие серег и височных подвесок, находимых в древностях Ломоватовской культуры, было поделено Р.Д. Голдиной на два отдела (при выделении отделов исследовательница опиралась на общую форму украшений и технику их изготовления; типы и подтипы выделялись по форме привески и кольца). Отдел А по этой классификации содержит украшения с полой привеской в виде шаров и конусов, а отдел Б – украшения с литыми привеска-

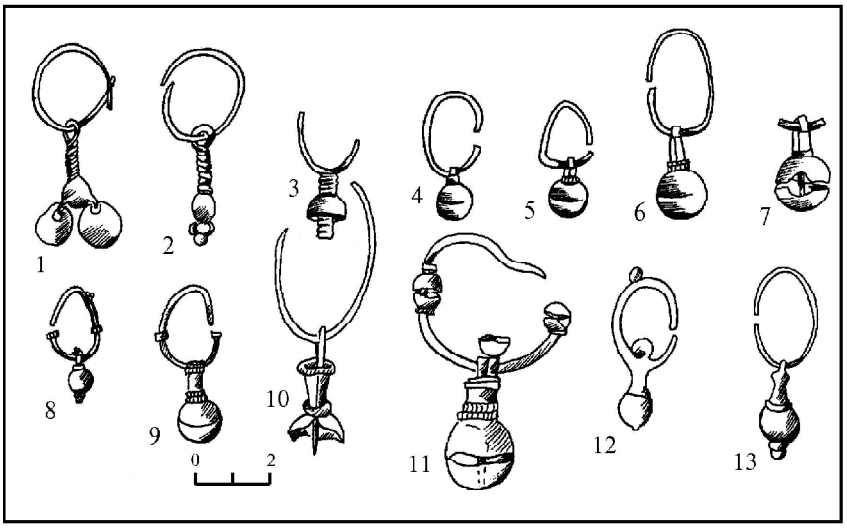

Рис. 10. Прикамские серьги VI-VIII вв. (все Прикамье). ***1, 2, 4-6, 9.*** *Варнинский могильник* (погр. 291/2, 210, 149, 239/2, 293, 287, 16). ***3, 7.*** *Поломский могильник* (погр. 86, 9). ***8.*** *Могильник Мыдлань-Шай (*погр. 69). ***10.*** *Могильник Горбунята.* ***11.*** *Деменковский могильник (*погр. 98*).* ***12, 13.*** *Каневский могильник.*

ми (Голдина 1985: 34-35). Признавая в целом правомерность подобной классификации, необходимо отметить, что в данном случае в одном отделе оказываются серьги и височные подвески, сформировавшиеся на базе различных ювелирных традиций – собственно прикамских, подунайских, салтовских.

Нам удалось наметить схему видоизменения и усложнения формы и декора украшений, подвеска которых составлена из шарика и цилиндрика (отдел А, тип 3, по Голдиной). Их наиболее пышные поздние образцы по внешнему виду близки волынским серьгам типа «А». Необходимо отметить, что богатые вещевым инвентарем древности Ломоватовской и Родановской культур (а также близкие к ним памятники Удмуртии), отличающиеся, с одной стороны, стабильностью и культурной преемственностью, а с другой — чутко реагирующие на изменения в евразийской моде, дают уникальную возможность для построения подобных цепочек. [2]

Прикамские «двойники» волынских серег типа «А». В конце VI — начале VII в. в Прикамье бытуют бронзовые серьги, состоящие из двух деталей – кольца и продетого сквозь ушко загнутого в верхней части бронзового крученого стержня-подвески (рис. 10, 1-2). В нижней части на стержень надета бронзовая бусина, в ряде случаев украшавшаяся плоскими подвесками или пирамидками зерни (например, погр. 291/2 Варнинского мог.) (Семенов 1980: т. I, *15-18*). У некоторых экземпляров подвеска не составная, а цельнолитая.

В конце VII — начале VIII вв. в изготовлении этих украшений происходит ряд технологических изменений – стержень у более поздних серег не крученый, а тордированный, бусина не припаивается к нему намертво, а надета свободно (например, серьга из погребения 86 Поломского могильника (Гос.Эрмитаж, инв. 606/759) (рис. 10, 3).

Кроме этого, в конце VII века в древностях Ломоватовской культуры появляются серьги и височные подвески несколько иного облика. Эти украшения также состоят из кольца-дужки, продетого сквозь петлю, в которую загнут штырь (уже не витой или тордированный, а гладкий), на который нанизана подвеска, состоящая из цилиндрика и шарика (например, погр. 71, 64, 65 Варнинского мог. (Семенов 1980: т. I, *27*). Серьги данного типа будут иметь в этом регионе весьма длительной период бытования, причем их декор будет постепенно усложняться (рис.10, 4-7).

Необходимо отметить, что довольно близкие украшения, выполненные по той же морфологической схеме: кольцо и подвеска, составленная из цилиндрика и шарика (рис. 14), встречаются в Поднепровье во второй группе древностей антов, по О.А.Щегловой, датируемой началом VIII века (Щеглова 1990: 176). Бросающаяся в глаза близость пастырских украшений к золотым серьгам, встречающимся в поздних сарматских памятниках (рис.13), заставляет предположить, что серьги с «подвесками-фонариками» могут иметь весьма ранние прототипы.

Как уже отмечалось выше, Г.Ф. Корзухиной было высказано предположение, что прототипами для пастырских серег с «подвесками-фонариками» являются античные амфоровидные серьги, имевшие весьма длительный период существования (Корзухина 1946: 45-52). В качестве таких прототипов предлагались античные амфоровидные серьги конца I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э.

Различные амфоровидные подвески были излюбленными деталями декорировки греческих украшений с периода архаики до эллинизма (Петренко 1978: 40). Золотые амфорки использовались в качестве подвесок как к ожерельям, так и к серьгам. В IV в. до н.э. золотые подвески-амфориски украшали роскошные ожерелья и серьги (например,

[2] Пользуясь случаем, приношу благодарность с.н.с. Гос. Эрмитажа О.И. Оятьевой, а также коллегам из Пермского Краеведческого и Археологического музеев, Госуниверситета и Пединститута за любезно предоставленную возможность ознакомиться с коллекциями.

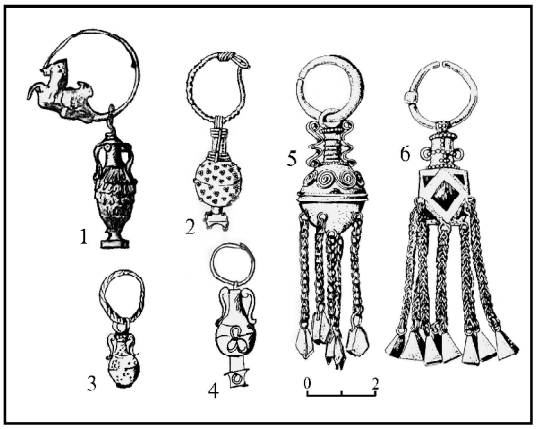

*Рис. 11. Амфоровидные серьги. **1.** Несебр (Болгария). **2-4.** Керчь. **5.** Унтерзибенбрун (Австрия). **6.** Ирагинский могильник (Дагестан).*

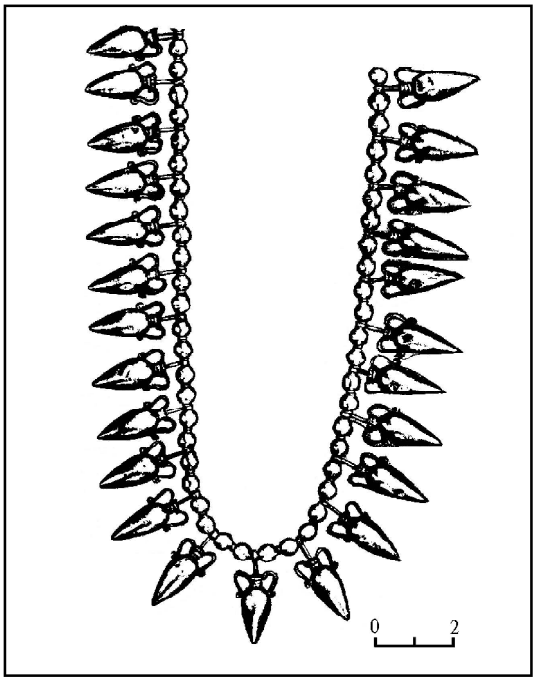

Рис. 12. Золотое ожерелье. Северный Иран.

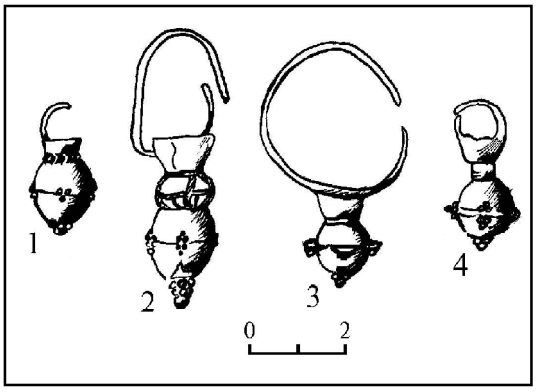

*Рис. 13. Серьги, характерные для сарматских памятников III в. **1.** Смела. **2.** С. Смолянинова. **3.** Красный Маяк. **4.** Ольвия.*

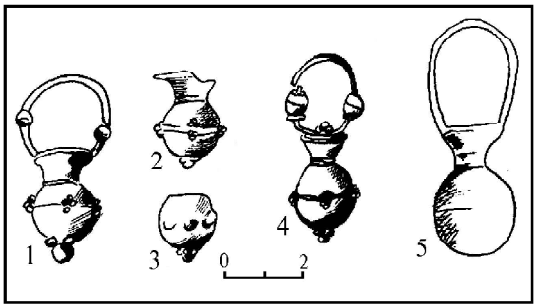

*Рис. 14. Серьги пастырского типа н. VIII в. **1.** Пастырский клад. **2.** Урочище "Игрище"* (случайная находка). ***3.*** *Каневский у.* (случайная находка). ***4.*** *Харьевский клад. **5. П**оселение у д. Выгоничи* (жилище 2).

известные украшения из Большой Близницы и Куль-Обы). В обоих случаях верхний ряд украшения составляют мелкие гладкие подвески, в нижних рядах — более крупные амфорки, украшенные проволочно-зерневыми композициями (необходимо отметить, что для этого периода не характерно изображение ручек сосудиков). Кроме роскошных женских ожерелий, украшенных амфоровидными подвесками, в V-III вв. до н.э. существовали, по всей видимости, и аналогичные мужские ожерелья, состоявшие из трубчатых пронизок и амфоровидных подвесок. Подобные украшения были найдены во втором Семибратнем кургане, Луговой Могиле, кургане Мастюгина, в юго-восточной камере Чертомлыка, боковом погребении Солохи (Манцевич 1948: 68-73).

Золотые амфоровидные подвески, декорированные зеленой и синей эмалью и проволочными розетками, использовались в этот период и для декорировки костюма. Подобная находка была сделана, например, в Старшем Трехбратнем кургане, где амфоровидные подвески крепились предположительно к ампику (Кириллин 1968: 183).

Кроме этого, у скифского населения были весьма популярны серьги со стеклянными подвесками в виде амфорок и кувшинчиков, встречаются также серьги в виде кольца и стилизованной золотой или бронзовой амфоровидной подвески (без ручек сосудика).

На памятниках фракийского гальштата представлены бронзовые ожерелья с различными подвесками, в том числе и в виде сосудиков. Подобное ожерелье было найдено на территории Румынии в Караш-Северин (Goldhelm schwert 1994: Fig. 35)

С III в. до н. э. по всей античной ойкумене распространяются серьги в виде кольца и весьма реалистично выполненной амфоровидной подвески. У этих серег подвески-амфорки уже, как правило, снабжены ручками. Такова, например, пара золотых серег середины III в. до н. э., происходящих из клада, найденного в Месемврии – ныне Несебыр (Болгария) (Клады Болгарских земель 1965). Серьги состоят из кольца, украшенного полой протомой Пегаса и укрепленной на штырь полой амфоровидной подвески (один конец штыря завернут в петлю, сквозь которую продето кольцо). Подвеска составлена из свернутой из золотого листочка полой цилиндрической шейки сосудика, а также продолговатого тисненого тулова, украшенного зернью и филигранью, и подставки (рис.11, 1).

Несколько разнообразных амфоровидных серег,

датируемых в пределах II в. до н.э. — II в.н.э., находят в Керчи (рис.11, 2-4). Дужки этих серег подчас дополнительно декорированы щитками с розетками или палицами Геракла (Корзухина. Рукописный архив ИИМК.ф. 77.д. №8).

Серьги с амфоровидными подвесками встречаются и в этрусских гробницах III-II вв. до н. э., весьма популярны они с I в. н. э. в Сирии и Египте, где существуют до II-III вв. н. э., в Месопотамии и Иране подобные серьги датируются концом I в. до н. э. — II в. н. э. (Литвинский 1973: 42). Кроме серег на территории Ирана в этот период изготовляли и ожерелья, содержащие до полусотни амфоровидных подвесок (Jewelry from Persia 1978: Fig. 50, 56, 59) (рис.12).

О распространении подобных украшений в Средней Азии свидетельствует находка на Мунчак-Тепе литейной формы для отливки амфоровидных серег. Формочка предназначена для отливки сразу двух сережек, состоящих из кольца и подвески-амфорки с коротким горлом, каннелированным туловом и шариком в нижней части подвески. Одна из амфорок имеет дополнительно восьмеркообразные ручки (Литвинский 1973: табл.19).

Таким образом, в конце I тыс. до н.э. и начале I тыс. н.э. были весьма широко распространены крайне реалистичные флакончики, служившие деталями серег и подвесками к ожерельям. Несколько позже появляются и более схематизированные образцы: такова, например, лишенная ручек сосудика серьга из Керчи (ОАК 1912: 31-32, рис. 59) (рис. 11, 2). Наиболее поздние серьги с достаточно реалистичными амфоровидными подвесками, украшенными в нижней части цепочками с ромбовидными или трапециевидными подвесками, представлены в древностях эпохи Великого переселения народов в могильниках Ираги (Дагестан) и Унтерзибенбрунн (неподалеку от Вены) (Кузнецов, Пудовин 1961: 79-95; Bona 1991: 108, fig.42).

Весьма схематизированной «производной» от амфоровидных серег можно считать и золотые серьги, характерные для культуры сармат. В этих украшениях читается все та же схема: тисненый шарик — тулово сосуда и свернутый из золотого листика цилиндрик — шейка сосуда. Отличительной особенностью сарматских сережек можно считать то, что «шейка» и «тулово» сосудика спаяны не непосредственно друг с другом, а при помощи пояска из проволочных колечек. По горизонтальному шву тисненая бусина-тулово сосудика украшена зерневыми ромбиками, а внизу к подвеске крепится пирамидка зерни (рис.13). Подобные украшения находят в сарматских погребениях у с. Заветное и Керчи в Крыму, с. Смолянинова на Луганщине и с. Золотая Балка в низовьях Днепра, на городище Красный Маяк (Шкорпил 1903: 83, рис. 4; Вязьмітіна 1962: 198, рис. 82, 1, 5, 6, 9). Были они найдены и в кладе II в. у с. Залевки в Среднем Поднепрвье (Бобринский 1897: табл. XXI, 7, 8). Зарождение этих сарматских украшений связывается исследователями с причерноморским ювелирным делом, впитавшим в себя античные традиции, центрами которого были Херсонес и Ольвия (Вязьмітіна 1962: 199).

Как мы уже отмечали раньше, золотые сарматские украшения весьма схожи с пастырскими серьгами с подвесками «фонариками» варианта 3-1, по типологии А.И. Айбабина (Айбабин 1973: 70). От сарматских пастырские серьги отличает наличие у ряда экземпляров двух тисненых бусин, нанизанных на кольцо серьги. Кольцо к подвеске пастырских серег крепится поверх закрытого горлышка «сосудика». У ряда экземпляров серег из Пастырского и Харьевского кладов на дужку дополнительно припаяна пирамидка зерни (расположена посередине «крышки сосудика») (рис. 14,1, 4). В остальном зерневой декор сарматских и пастырских серег совпадает полностью.

Однако довольно значительный временной хиатус между исчезновением сарматских и появлением пастырских серег заставляет предположить, что прямыми прототипами для последних послужили аналогичные серьги с составными тисненными подвесками, находимыми в Подунавье. Детали серег с подвесками-«фонариками» входили в состав богатых кладов византийского происхождения из Землянского Вробка и Залесья (Svoboda 1953: tab. XLIV; Приходнюк 1998: 94-99).

Более ранние даты появления серег и височных украшений с подвесками, составленными из цилиндрика и шарика, в Прикамье (конец VII в.), чем в Поднепровье (начало VIII в.), дают основание говорить о самостоятельной линии развития подобных украшений в Прикамском регионе (возможно, напрямую связанной с Подунавьем).

Можно выделить ряд технологических и морфологических особенностей, характерных для подвесок, распространенных в Прикамских древностях. Одна из наиболее характерных деталей конструктивного строения височных украшений, распространенных в этом регионе, – наличие металлического стержня, на который нанизываются детали подвески. У схожих сарматских и пастырских серег подвеска крепится напрямую к кольцу. Цилиндрик у сарматских и пастырских образцов расширяется в верхней части и близок по форме к горлышку античной амфоровидной серьги, а у прикамских подвесок он, наоборот, сужается кверху, что создает общую каплевидную форму украшений (исключением является, пожалуй, фрагмент бронзовой серьги из могильника Горбунята: Гос.Эрмитаж 569/88, у которой цилиндрик расширяется в верхней части) (рис.10, 10). Серьги, распространенные у сармат, изготовлялись в основном в золоте, пастырские – в серебре и золоте, ранние прикамские образцы — бронзовые.

Первоначально все детали прикамских серег и височных колец (кольцо, подвеска и штырь) выполнялись из бронзы. Во второй половине VIII в. наряду с бронзовыми серьгами (например, погр. 188 Варнинского мог. — Семенов 1980: т. I 29) появляются образцы с серебряными подвесками, надетыми на бронзовый штырь — например, серьги из Деменковского могильника (рис.10, 11) или могильника Телячий Брод (колл. Пермского Пединститута).

С X в. встречаются украшения, целиком выполненные из серебра, но есть экземпляры и с бронзовыми, и с железными штырями-основами.

В восьмом столетии происходит усложнение формы данных украшений — появляются

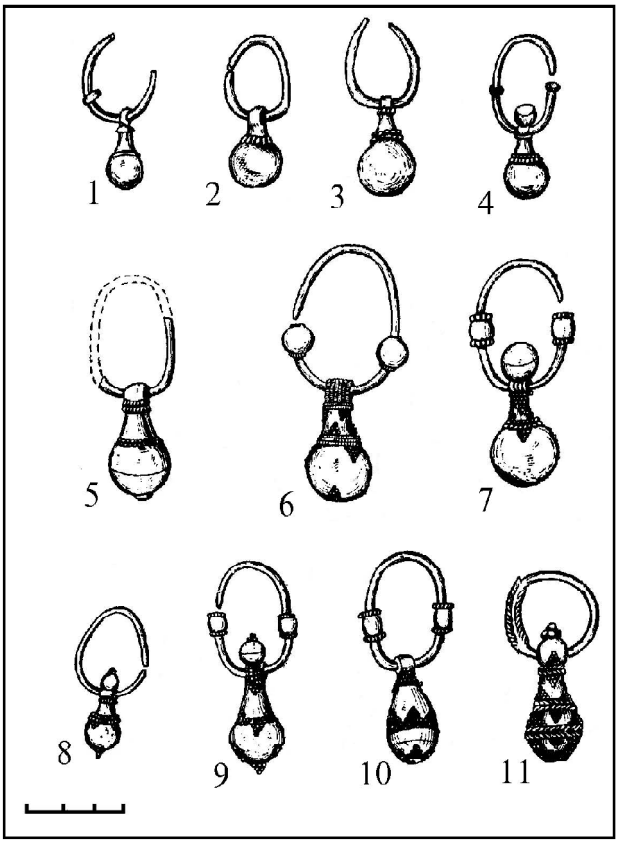

Рис. 15. Прикамские серьги VIII-IX вв. (По Голдиной). ***1-3.*** *Уринский могильник* (погр.10, 20, 10). ***4, 5, 8, 10****. Деменковский могильник* (погр. 112, 34, 37, 63, 139). ***6.*** *Аверинский могильник* (погр. 215). ***7.*** *Бояновский могильник (Загарье).* ***9.*** *Каневский могильник* (погр. 6). ***11.*** *Рождественское.*

боковые шарики, нанизанные на дужку кольца. В VIII-IX вв. верхнюю часть подвески начинают украшать тисненым шариком (например, могильник Телячий Брод, погр. 20 — раскопки Пермского Пединститута).

Происходят видоизменения и в декоре украшения. Если наиболее ранние подвески гладкие, то с конца VII -VIII вв. они уже украшаются рубленой проволокой (например, серьги из Варнинского могильника (погр. 41, 39-40, 16, 149, 239), Деменковского, Урьинского могильников (Семенов 1980: т. I, *29*; Генинг, Голдина 1970: 46) (рис. 10, 11; рис. 20, 7).

В конце VIII — начале IX вв. продолжает использоваться рубленая проволока, но начинает применяться и зерневой декор, существовавший на протяжении X-XI вв. (например, могильники Мыдлань-Шай — погр. 69, 65, 74; Поломский — 7, 76; Варнинский — погр. 6. 249. 24, 157; Каневский — погр. 6; Бояновский — 10, 13; Деменковский — 139, 63; Тольёнский — погр. 44). Схема размещения зерни и рубчатой проволоки на этих серьгах довольно проста: как правило, она располагается в местах стыка деталей и прикрывает припай (рис.15, 6-11; рис.16). С X – начала XI вв. в убранстве прикамских серег начинают использовать и скань.

У некоторых украшений шарик головки приподнят над дужкой. Так, у серьги из погребения 77 Поломского могильника (Гос. Эрмитаж ОИПК 606/ 624) шарик «головки» крепится к «шейке», выполненной из мелкой зерни. В некоторых случаях (погребение 63 Деменковского могильника, погребения 249, 254, 24, 157 Варнинского могильника, погребение 7 Поломского могильника) в конструкции подвески появляется дополнительная деталь – расположенный горизонтально цилиндрик, сквозь который продето кольцо-дужка. Цилиндрик либо гладкий, либо украшен рубчатой проволокой. Целая подборка зерненных серебряных серег с подобным цилиндриком, украшенным рубчатой проволокой, была найдена в составе Мальцевского клада (Колл. Гос.Эрмитажа. Инв. 577).

В IX-X вв. центр производства этих украшений перемещается в Волжскую Булгарию. В этот период подвески становятся более тяжеловесными. Например, подвески из Верхне-Кандасского клада или Сайгатинского 1 святилища: Гос. Эрмитаж инв. 548, УАЭ-182 (Восточный художественный металл 1991: кат. 7) (рис. 16,10, 12). Носили их уже зачастую не как серьги, а как височные кольца, прикрепляя к головному убору при помощи металлических цепочек (например, подвески из Больше-Тиганского могильника) (рис.16, 6). Верхний шарик поздних прикамских серег этого типа подчас как бы сливается с телом подвески. У некоторых экземпляров дужка кольца расположена не под шариком, а проходит сквозь него (например, подвеска из погребения 45 Аверинского могильника или из с. Рождественское на р. Обве) (Корзухина Рукописный архив ИИМК ф. 77, д. 8, л. 4) (рис.16.2), и форма подвески принимает еще более ярко выражен-

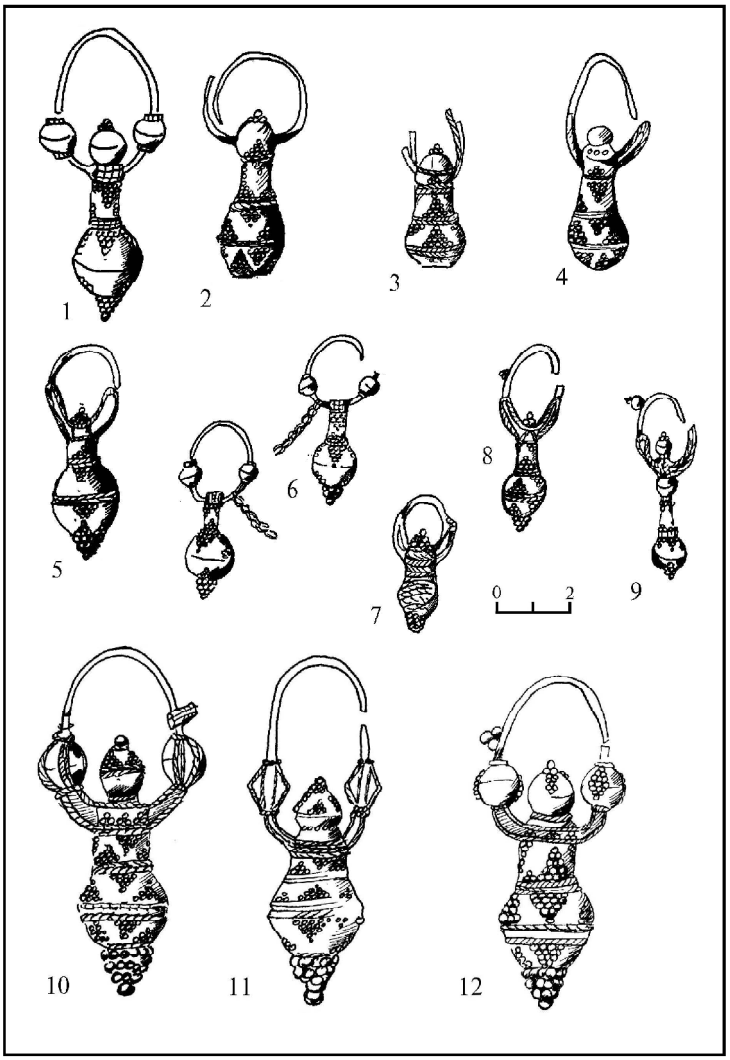

Рис.16. Прикамские серьги IX-XI вв. (Прикамье, Поволжье, Приуралье, Беломорье). ***1.*** *Могильник Мыдлань-Шай.* (погр. 74). ***2.*** *с. Рождественское.* ***3.*** *Архангельский клад.* ***4.*** *д. Белоключевская* (Случайная находка). ***5.*** *Вашкурский клад.* ***6.*** *Больше-Тиганский могильник.* ***7.*** *Прикамье.* ***8.*** *Маловенежский могильник.* ***9.*** *Варнинский могильник* (погр.6). ***10.*** *Верхне-Кондасский клад.* ***11.*** *Прикамье.* ***12.*** *Сайгатинское святилище.*

ную каплевидную форму. Все это делает эти украшения весьма похожими на волынские серьги типа «А» (например, серьга из случайной находки у д. Белоключевской) (Корзухина. Рукописный архив ф 77, д. 8, л. 4) (рис.16, 4). Интересно, что в этот период появляется сканный и псевдосканный декор на дужках колец, напоминающий сканно-зерненые лунницы, которыми украшались дужки волынских колец. Такова, например, подвеска из клада, найденного у д. Вашкур (Пермский Краеведческий Музей), или пара серег, соединенных цепочкой, найденных в Маловенежском мог. на р. Чепце (Иванова 1982: рис. 5, 8) (рис.16, 5, 8). Это видоизменение формы и декора подвесок, возможно, является отражением влияния славянского ремесла на ювелирное дело Прикамья и Поволжья.

Таким образом, мы, вероятно, имеем дело с непрерывным развитием на территории Прикамья местной ювелирной традиции, впитавшей ряд инноваций, исходивших из юго-западных регионов. Так же как и для волынских серег типа «А», для этого типа серег отправной точкой послужили, вероятно, подунайские образцы, но исполненные с рядом технологических отличий, касающихся в основном техники изготовления подвески.

Прикамские «двойники» волынских серег «В» и «С». В конце VIII — IX вв. в древностях Поломской культуры появляются литые и составные серьги, схожие с волынскими серьгами типов «В» и «С» (Голдина 1985: рис. 16, 117, 118, табл. I, 3, 4; табл. II, 5-19; Семенов 1988: рис. I, *6-9*; рис. III, *2-7*).

. Прикамские серьги, близкие по виду волынским типа «В», представляют собой кольцо с надетым на него штырем, на который нанизана металлическая бусина, обрамленная сверху колечком зерни и пирамидкой зерни в нижней части. В некоторых вариантах кольцо отлито вместе со стержнем. В месте перехода к стержню кольцо у серег второго варианта расширяется и утолщается (посередине – ребро). Головка подвески представляет собой пирамидку зерни. Аналогичная пирамидка припаяна и в верхней части кольца-дужки (например, могильники Мыдлань-Шай — погр. 65, 69; Поломский — погр. 8, 9. 15 (Гос.Эрмитаж, инв. 606), Варнинс-

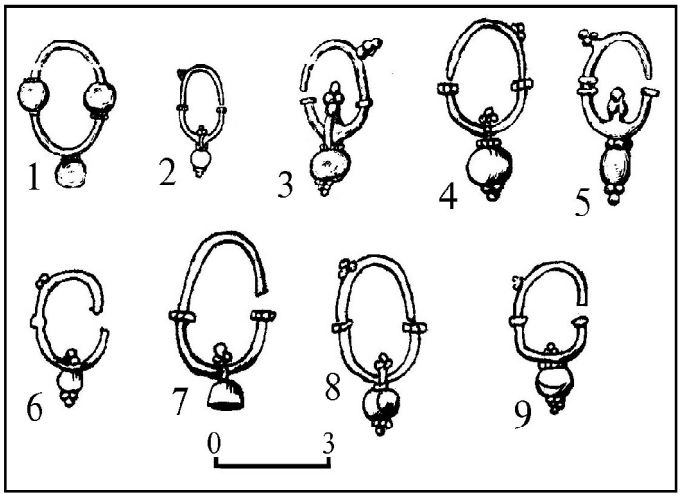

Рис. 17. Прикамские серьги к. VIII-IX вв. (По Голдиной и Семенову) (Прикамье, Приуралье). ***1.*** *Аверинский могильник* (погр. 94)*, Агафоновский* (погр. 369). ***2.*** *Тольёнский могильник (*погр. 39). ***3.*** *Аверинский могильник* (погр. 210). ***4, 6.*** *Могильник Мыдлань-Шай* (погр.69, 65). ***5.*** *Уринский могильник* (погр. 19). ***7, 8.*** *Поломский могильник* (погр. 8, 9). ***9.*** *Варнинский могильник* (погр. 262).

кий мог. — погр. 262, 221 (Семенов 1980: т. I, 32); Тольёнский мог. — погр. 39) (рис. 17, 3, 4-6, 8, 9). Необходимо отметить, что у этого типа серег сама бусина зернью не украшалась. Встречаются и цельнолитые подобные подвески. Такова, например, серьга из погребения 19 Урьинского могильника (Генинг, Голдина 1970: 46) (рис. 17. 5).

Аналогом волынским серьгам типа «С» можно считать прикамские гроздевидные серьги. Их морфологическая схема очень близка к схеме описанных выше прикамских украшений. Штырь изготовлялся отдельно или отливался вместе с кольцом (рис. 18; 19). Подвески представляют собой различного размера грозди литых или тисненых шариков. Гроздь может быть как очень маленькой в виде пирамидки зерни (Варнинский мог. — погр. 37, 60, 69, 204. 283 (Семенов 1980: табл.II), так и довольно большой (как правило, ромбической формы, расширяющейся в средней части) (например, Тольёнский мог. — погр. 106, 97, 118, 76, 107) (Семенов 1988: 25-58, рис. 3, *2-6*). Существуют как бы гибридные варианты (например, серьга из погребения 12 Тольёнского мог.) (Семенов 1988: рис. 1, *10*), где в верхней части расположен шарик, а дальше – гроздь зерни.

На дужку таких серег припаивалось две пирамидки литых шариков – одна в качестве головки подвески, вторая в верхней части кольца (рис. 18; 19). Дужки бывают гладкие, зерненые, псевдозерненные, выполненные из рубчатой

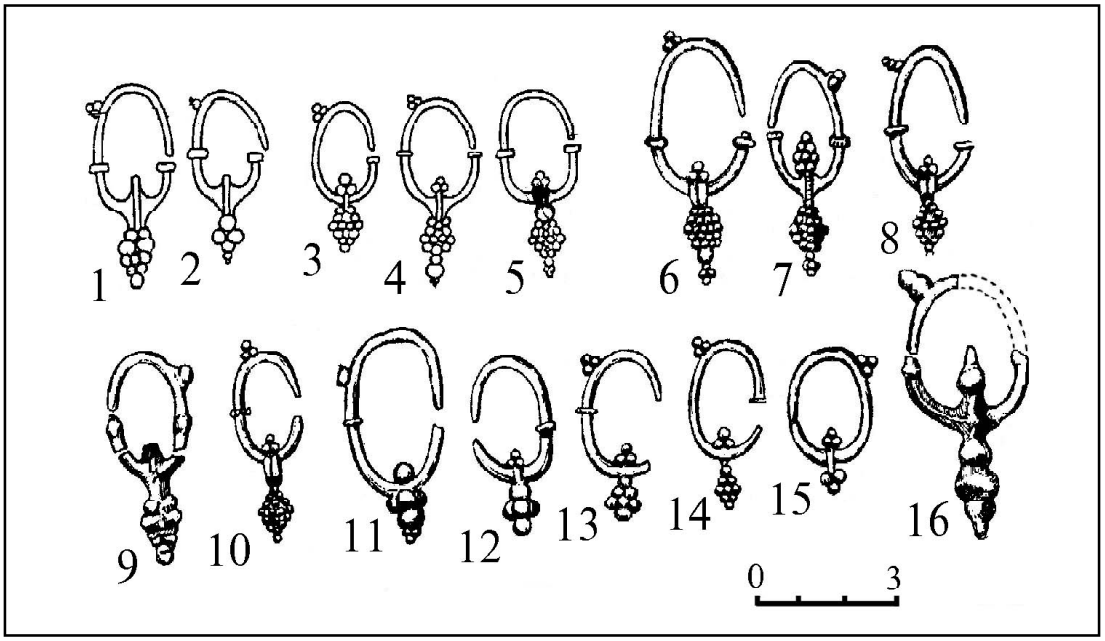

Рис. 18. Прикамские серьги к. VIII - IX вв. (по Голдиной и Семенову). ***1-5.*** *Тольёнский могильник* (погр. 106, 97,76, 107). ***6.*** *Каневский могильник* (погр. 5), *Аверинский могильник* (погр. 18). ***7.*** *Аверинский могильник* (погр. 90). ***8.*** *Плеснинский могильник* (погр. 45)*, Аверинский мгогильник* (погр. 188). ***9.*** *Аверинский могильник* (погр. 103. 202), *Мальцевский клад.* ***10.*** *Каневский могильник* (погр. 1, 8. 10. 26), *Плеснинский могильник* (погр. 21), *Аверинский могильник (*погр. 83). ***11, 12.*** *Аверинский могильник* (погр. 138, 212). ***13, 14.*** *Каневский могильник* (погр. 13. 28). ***15.*** *Редикарский мог. (*погр. 4). ***16.*** *Мальцевский клад*

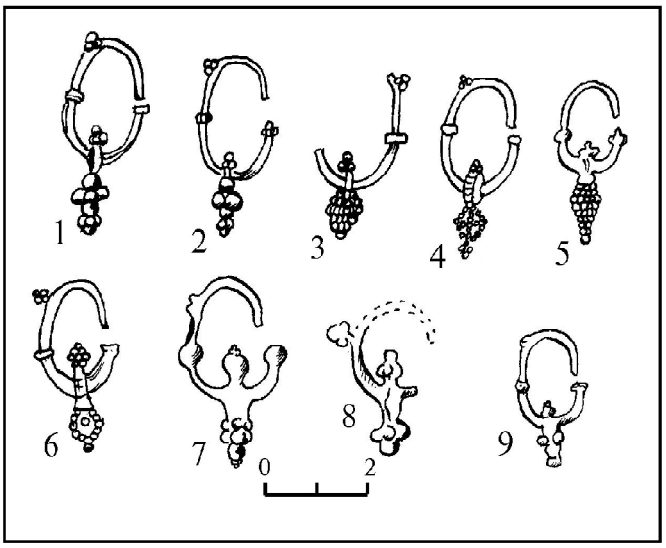

Рис. 19. Прикамские серьги к. VIII - IX вв. ***1-3.*** *Поломский могильник* (погр. 15, 9, 40). ***4-7.*** *Варнинский могильник* (погр. 163, 73, 26. 47, 38). ***8.*** *Поломский могильник* (погр. не определено). ***9.*** *Могильник Мыдлань-Шай* (погр. 57)

проволоки (например, серьги из Юмского и Мальцевского кладов — Гос. Эрмитаж инв.550, 577). Так же как и предыдущий, этот тип украшений дублируется в литье (например, серьга из Поломского мог. — погребение не определено) (Гос. Эмитаж инв. 606/1685) (рис. 19, 8).

Сразу бросается в глаза ряд отличий данного варианта прикамских серег от волынских типа «С». У волынских серег дужка выполнена из волоченой проволоки, стержень изготовлен отдельно, а у прикамских стержень зачастую отлит вместе с дужкой. У волынских серег X-XI вв., распространенных в Поднепровье, ряды зерни на подвеске разделены сканными или проволочными колечками. У прикамских серег подобное разделение отсутствует, да и форма подвески иная, с явно выделенным расширением в средней части — например, в Каневском мог., погр. 5, 8, 13 (Генинг, Голдина 1980: 54), Поломский мог. — погр. 40, 9. 15 (Гос. Эрмитаж инв. 606), тогда как у волынских серег максимальное расширение приходится на нижнюю треть подвески.

Появляются данные типы украшений в Прикамье гораздо раньше, чем аналогичные серьги волынского типа в Поднепровье, а именно в конце VIII-IX вв., как раз в тот период, когда аналогичные украшения получают распространение и в Подунавье (рис. 20, 23-25, 31-33). Вместе с тем ряд характерных черт, выделяемых для подобных серег, находимых в Прикамье, а именно: цельнолитое вместе со стержнем, утолщенное в средней части кольцо, пирамидка зерни в верхней части кольца — тяготеют не к Подунавью (где кольцо одинаковое по всему диаметру, штырь изготовлялся отдельно, на дужку надевались колечки, а не пирамидки зерни), а к ювелирным украшениям Кавказа, сложившимся также на базе аварских прототипов (например, серьга из Терской области с. Зельга) (ОАК 1898: 143, р. 272). Аналогично выполнялись кольца и переход от кольца к дужке у ряда салтовских серег (Степи 1981: рис.37). Таким образом, можно предположить, что мода на ношение подобных украшений попала в Прикамье не прямо из Подунавья, а опосредованно через Кавказ или Подонье.

В заключение необходимо отметить, что выделенные нами хронологические, морфологические, технологические и декоративные особенности, характерные для волынских и прикамских типов украшений, позволяют говорить о двух самостоятельных и, в какой-то мере, параллельных линиях развития украшений, созданных в рамках общеевразийской моды середины VII — XI вв., сложившейся на основе синтеза вкусов кочевых и оседлых народов. Причем сходство височных украшений, находимых в этих регионах, не ограничивается только общностью морфологического строения подвесок и близостью прототипов, но и тем взлетом использования техники зерни, который отмечается на украшениях, находимых в Прикамье и Поволжье для IX-XI вв., а для древнерусских образцов — в конце X-XI вв.

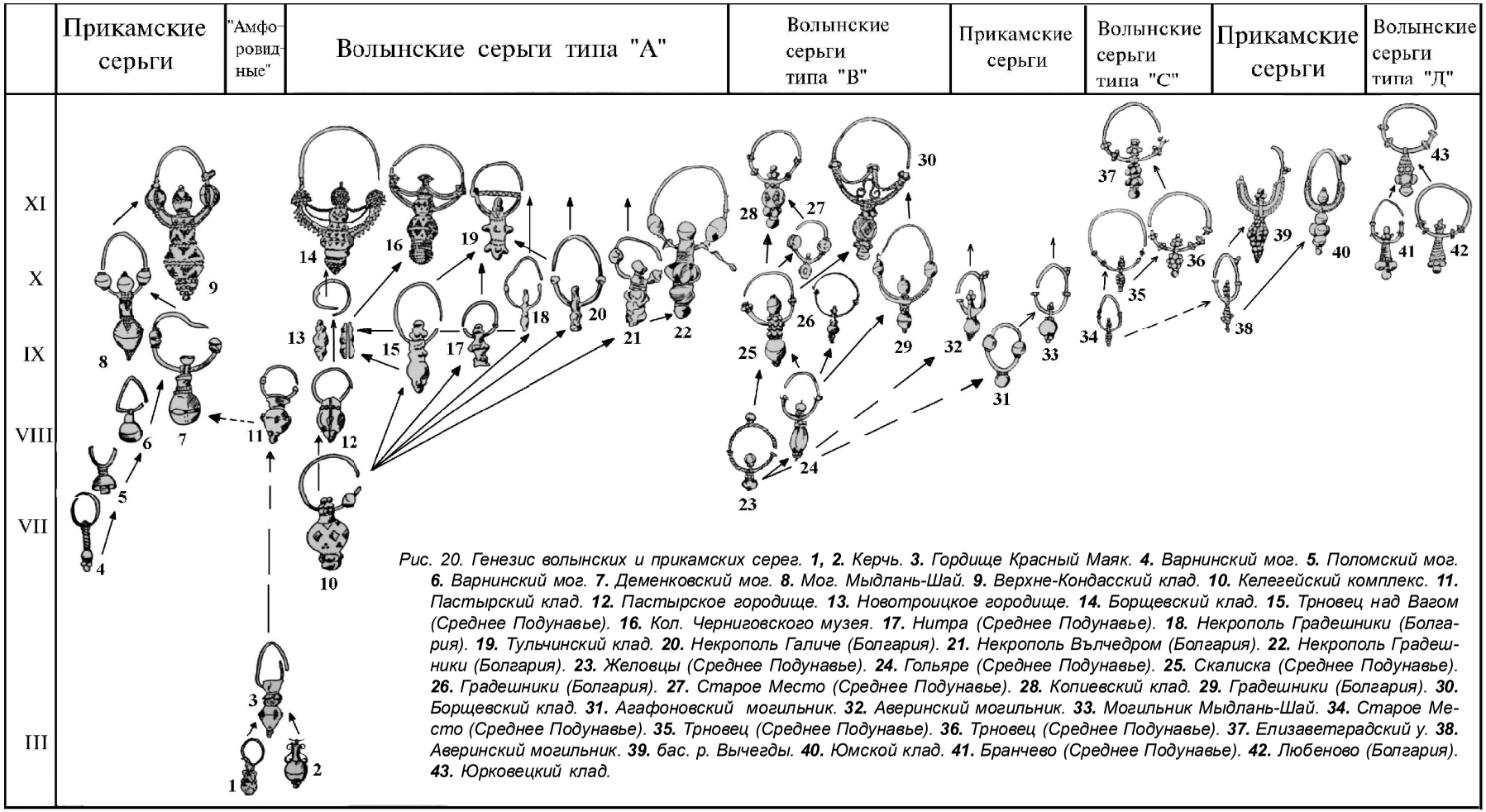

Рис. 20. Генезис волынских и прикамских серег. ***1, 2.*** *Керчь.* ***3.*** *Гордище Красный Маяк.* ***4.*** *Варнинский мог.* ***5.*** *Поломский мог.* ***6.*** *Варнинский мог.* ***7.*** *Деменковский мог.* ***8.*** *Мог. Мыдлань-Шай.* ***9.*** *Верхне-Кондасский клад.* ***10.*** *Келегейский комплекс.* ***11.*** *Пастырский клад.* ***12.*** *Пастырское городище.* ***13.*** *Новотроицкое городище.* ***14.*** *Борщевский клад.* ***15.*** *Трновец над Вагом (Среднее Подунавье).* ***16.*** *Кол. Черниговского музея.* ***17.*** *Нитра (Среднее Подунавье).* ***18.*** *Некрополь Градешники (Болгария).* ***19.*** *Тульчинский клад.* ***20.*** *Некрополь Галиче (Болгария).* ***21.*** *Некрополь Вълчедром (Болгария).* ***22.*** *Некрополь Градешники (Болгария).* ***23.*** *Желовцы (Среднее Подунавье).* ***24.*** *Гольяре (Среднее Подунавье).* ***25.*** *Скалиска (Среднее Подунавье).* ***26.*** *Градешники (Болгария).* ***27.*** *Старое Место (Среднее Подунавье).* ***28.*** *Копиевский клад.* ***29.*** *Градешники (Болгария).* ***30.*** *Борщевский клад.* ***31.*** *Агафоновский могильник.* ***32.*** *Аверинский могильник.* ***33.*** *Могильник Мыдлань-Шай.* ***34.*** *Старое Место (Среднее Подунавье).* ***35.*** *Трновец (Среднее Подунавье).* ***36.*** *Трновец (Среднее Подунавье).* ***37.*** *Елизаветградский у.* ***38.*** *Аверинский могильник.* ***39.*** *бас. р. Вычегды.* ***40.*** *Юмской клад.* ***41.*** *Бранчево (Среднее Подунавье).* ***42.*** *Любеново (Болгария).* ***43.*** *Юрковецкий клад.*

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. 1973. К вопросу о происхождении сережек пастырского типа. // СА № 3. С. 62-72.
Алажов Д. Средновековни погребения в Югоусточна България. // ИБМ том. I София. 1969.
Бобринский А.А. 1897. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. Т.I. СПб.
Восточный художественный металл Среднего Приобья. Новые находки. 1991. Л.
Вържарова Ж. 1974. Селища и некрополи (края на VI-XI в.) // Археология №3. С. 9-22.
Вържарова Ж. 1976. Славяни и прабългари по данните на некрополи. София.
Выжарова Ж. 1980. Богатое погребение женщины в могильнике возле большой базилики в Плиске // Slované VI-X. století. Brno. С. 259-310.
Выжарова Ж.Н. 1987. Славяне к югу от Дуная. // СА. №4. С. 298-308.
Вязьмітіна М. І. 1962. Золотая Балка. Киев.
Гатев П. 1977. Накити от погребения от XI-XII в. // Археология, год. XIX. Кн. 1. София.
Генинг В.Ф. 1962. Мыдлань-Шай – удмурдский могильник VIII — п.п. X вв. // ВАУ 3. Свердловск.
Генинг В.Ф. Голдина Р.Д. 1970. Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе // ВАУ 9. Свердловск.
Голдина Р. Д. 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Ижевск.
Голубева Л.А. 1949. Киевский некрополь. // МИА, 11. С. 103-118.
Гупало В. 1996. Дослідження курганного могильника в урочищі Майдан біля села Берестяне. // Materiały i Sprawozdania Rzeszówskiego Ośrodka Archeologicznego. Tom. XVII. Rzeszów.
Ениосова Н.В., Пушкина Т.А. 1997. Сканные и зерненые украшения из кладов Гнездова // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов. стр. 24-2. С. Пб.
Древнее золото. 1975. М.
Иванова М.Г. 1982. Маловенежский могильник // Средневековые памятники бассейна реки Чепцы. Ижевск.
Клады Болгарских земель. 1965. София.
Литвинский. Б.А. 1973. Украшения из могильников Западной Ферганы. М.
Ляпушкин И.И. 1958. Городище Новотроицкое. // МИА, 74.
Мельник Е.Н. 1901. Раскопки в земле лучан, произведенные в 1897-1898. // Труды XI АС в Киеве. М. Т. I.
Кириллин Д.С. 1968. Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л. С. 178-188.
Корзухина Г.Ф. 1946. О технике тиснения и перегородчатой эмали в Древней Руси X-XII вв. // КСИИМК, вып. 13. С. 45-52
Корзухина Г.Ф. 1954. Русские клады IX-XIII вв. М-Л.
Корзухина Г.Ф. Рукописный архив ИИМК. ф.77, д. 8.
Кузнецов В.А., Пудовин В.К. 1961. Аланы в Западной Европе в эпоху «Великого переселения народов» // СА №2. С. 79-95.
Манцевич А.П. 1948. Шейные уборы скифского периода. // КСИА. Вып. XXII. С. 68-73.
Милчев А. 1963. Ранносредновековни български накити и кръстове енколпиони от Северозападна България // Археология година V. кн. 3. С. 22-37,
Новикова Е.Ю. 1990. О серьгах «екимауцкого типа». // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ). Тр.ГИМ., вып. 74. С. 107-114. М.
Носов Е.Н., Овсянников О.В. 1997. Архангельский клад. // Славяне и Финно-угры. Археология, история, культура. СПб. С. 146-157.
ОАК за 1897 г. СПб. 1898.
ОАК за 1911 г. СПб. 1912.
Перхавко В.Б. 1986. Западнославянские элементы в раннесредневековой культуре междуречья Днепра и Немана. // КСИА, 187. С. 28-35.
Петренко В.Г. 1978. Украшения Скифии VII-III вв. до н. э. М.
Приходнюк О.М. 1998. Пастырський скарб 1992 року. // Археологічний літопис Лівобережної України. №1-2. С. 94-99.
Пушкина Т. А. 1987 Височные кольца Гнездовского комплекса. // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Киев. 18-25 сентября 1985 г. Т. III, вып. 1а, М. С. 50-57.
Рабинович Р.А, Рябцева С.С 1997. Ювелирные украшения с зернью из Карпато-Поднестровья в контексте культурно-исторических процессов X-XI вв. // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб.-Кишинев. С. 236-245.
Рябцева С.С. 1996. К вопросу о серьгах «волынского типа». // Ювелирное искусство и материальная культура. ТД участников второго коллоквиума. СПб. Гос. Эрмитаж. С. 62-65
Рябцева С.С. 1997. К вопросу о происхождении серег «волынского типа» (тип «В»). // Ювелирное искусство и материальная культура. ТД участников третьего коллоквиума. СПб. Гос. Эрмитаж. С. 62-64.
Семенов В.А. 1980. Варнинский могильник. Новый памятник Поломской культуры. Ижевск.
Семенов В.А. 1988. Тольёнский могильник. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск.
Степи 1981 — Степи Евразии в эпоху средневековья. 1981. М.
Федоров Г.Б. 1953. Городище Екимауцы. // КСИА, вып. 50. С. 104-126.
Хавлюк П.І. 1969. Древньоруські городища на Південному Бузі. // Словяно-руські старожитності. Київ. С. 156-174.
Шкорпил В.В. 1903. Отчет о раскопках гробниц в городе Керчи и его окрестностях в 1901 г. // ИАК. Вып. 7. СПб.
Щеглова О.А. 1990. О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск. С. 162-203.
Bona I. 1991. Das Hunnen – Reich. Stuttgart.
Budinský-Kriča. 1959. Slovanské mohily v Skalici. Bratislava.
Chilinska Z. 1963. Slawisch-awarishes Gräberfeld in Ňove Zamky. Bratislava 1966.
Cropovsky B. 1961. K Otazkam historicheho postavenia Nitry v VIII a IX storoci // Studijne zvesti ausav cb. Nitra. Str.139-160.
Cropovsky B. 1978. Krasa slovienseho sperku. Pallas.
Goldhelm schwert und silberschätze. 1994. Frankfurt am Main.
Holcik Š. 1991. Vel'komoravské pohrebisko v Bíni. // Zborník Slovenského národného múzea. R. LXXV-1990. Bratislava. S. 85-105.
Hruby V. 1955. Stare Mesto. Velkomoravske pohrebiste «na Valach». Praha.
Jewelry from Persia. 1978.

Jurič R. Srednjovjekovni nakit Istre i Dalmacije. // Izdanja Hrvatskog arheoloskog drustva, 11/2. Str. 245-289.
Kocka-Krenz H. 1993. Biżuteria Północno-Zachodnio Słowiańska we wcześnym średniowieczu. Poznań.
Kurnatowska Z. 1980. Pola strefy naddunajskiej w formowaniu się kultury słowiańskiej VIII-IX wieku // Slované VI-X. století. Brno. S. 155-163,
Masov S. 1979. La necropole médiévale près du village Gradesnica, dep. de Vraca // Culture et art en Bulgarie médiévale (VIII — XIV s.). Sofia. S. 31-47.
Mesterhazy K. 1994. Az un. Tokaji kincs revizioja. // Folia Archaeologica XLIII. Budapest. S.193-239.
Svoboda B. 1953. Pohlad byzantskeho hovotepes v Zemlanskem Vrobky // Pamarky archeologiche.
Teodor D.1980. Tezaurul de la Răducăneni. Iaşi. // SCIVA, 31, 3. P. 403-423.
Ћоровић-Љубинкоић Мирјана. 1951. Метални накит Белобрдског типа Гроздолике миђуше. // Старинар. Нова Серија к. II. Београд. S 21-55.
Vana Z.1954. Madari a slovane ve svete archeologickych nalezo X-XII stoleti. // Slovenska archeologia. Bratislava. S. 50 — 95.
Velka Morava. 1964. Nitra; Velka Morava. Tisileta tradice statu a kultury. Praha.

Р.А.Рабинович

ПРИЗРАЧНАЯ БЕРЛАДЬ.
О достоверности одной фальсификации

«...Происхождение этого документа покрыто сказочным туманом...»
А.И.Соболевский «Грамота кн. Иванка Берладника 1134 г.»

«Румынскому патриотизму, старающемуся изгладить в своей области следы церковно-славянского языка, интересно было бы не подделать, а уничтожить подобную грамоту, которая ясно показывает, что в XII в. было здесь чисто русское княжество».
Д.И.Иловайский. (Из Протоколов VIII Археологического съезда 1890 г.)

R.A.Rabinovich. Illusory Berlad: About Authenticity Of a Distortion.

The article deals with the issues related to the medieval Berlad, Berladians and activities of the Prince Ivan Rostislavich the Berladian. The data provided by the Russian chronicles on these issues are not debated by the researchers. Quite a different attitude is adopted to the Deed of the Berladian of 1134. Since its publication by B. Hajdeu in 1860, many researchers have considered it a distortion. The author proved that the issue of the deed distortion cannot be considered as a definite one. His research found the deed text compliance with the historic realities. The results of a linguistic analysis showed that the deed was possibly copied after the XII century. Those spelling and editorial changes considered to be an evidence of distortion were introduced by later copying. The author does not exclude a possibility of an actual distortion of the deed made in order to prove an early tradition of trade privileges for some cities, but only in XIV-XV centuries and not any later.

But in this case, its distortion in XIV-XV centuries was either based on authentic written records or real historic knowledge of oral tradition dating back to an earlier time. The author concludes that there is absolutely no ground to believe that either B. Hajdeu himself or a person contemporary to him distorted the deed. Further evidence of authenticity of the Berladian's Deed of 1134 is provided by the author in connection with his hypothesis of a new localisation of Berlad. The research proposes the Danube's right bank in Dobruja nearby modern Hirsova as Berlad's localisation. To prove this the data of toponymy, linguistics, archaeology, and analysis of written records are used. The data about the Berladians provided in the chronicles are not contradictory to the new localisation of Berlad, compared to its old localisation identified with the modern Romanian city of Birlad. The new localisation of Berlad is not contradictory to the information in the Berladian's Deed of 1134, which is a bilateral proof of its authenticity. According to the new localisation, Berlad was situated in the region of Byzantine Danube cities. For the Ancient Rus' its location seems to correspond to the location of Olessje and Tmutarakani.

В исследованиях о Берлади, берладниках и Грамоте Ивана Берладника 1134 г. давно достигнут некий статус-кво. Причем и в румынской, и в русской исторической науке статус-кво свой. «Была Берладь, но не было Грамоты Берладника» — в русской историографии. «Не было Берлади, Грамота Берладника фальсифицирована» — в румынской науке. Цель данной статьи — «реабилитация» Берлади как научной проблемы, «реабилитация» Грамоты Берладника, как источника для постановки и решения научной проблемы. Не скрою, одна из целей данной статьи, возможно и субъективная с точки зрения объективной науки, — реабилитация (я употребляю это слово уже без кавычек) честного имени замечательного писателя и исследователя Богдана Петричейку Хашдеу, открывшего научному миру Грамоту Берладника.

Ни одна из этнополитических формаций или групп населения в Карпато-Подунавье в XII-XIII вв. не вызывала в русской историографии столько интереса и вопросов, сколько упоминаемые в русских летописях Берладь и берладники. С одной стороны интерес подогревался возможным существованием в низовьях Дуная русского этнического массива и даже, как

© Р.А.Рабинович, 1999.

многие полагают, отдельного русского княжества, отрезанного от основных русских земель. С другой — уникальностью судьбы князя-изгоя Ивана Ростиславича Берладника, широко известного своими похождениями на Руси, злейшего врага и преданного друга сильнейших властителей русских княжеств, ведшего длительную и непримиримую борьбу за княжеский стол в Галиче. В отличие от других сюжетов русских летописей, сообщения о берладниках и князе Иване Берладнике вызвали значительный интерес и в румынской историографии. Но надо признать, что своеобразным допингом для возбуждения исследовательского интереса к Берлади, берладникам и самому князю-скитальцу Ивану Ростиславичу Берладнику послужила сенсационная публикация известным румынским писателем Б.Хашдеу т.н. «Грамоты Ивана Берладника 1134 г.».

Все же следует отметить: русские исследователи дореволюционного времени мало внимания уделяли истории берладников. Больше других об этом писали С.М.Соловьев, К.Я.Грот, Н.П.Барсов, Н.Молчановский, С.М.Середонин (Грот 1881: 273; 1889: 74, 236-238, 303; Барсов 1885: 113-115; Молчановский 1883: 80-85;Середонин 1916: 184-186). Затрагивая этот период в истории региона, исследователи главное внимание уделяли вопросу об аутентичности Грамоты Ивана Берладника 1134 г. (Протоколы 1897: 103; Голубовский 1884: 207; Дашкевич 1904: 366-381; Мутафчиев 1928: 20-23; Соболевский 1897: 173-174; Богдан 1897: 164; ПРП 1953: II, 26-31; Насонов 1951: 143). Румынская историография подлинность грамоты с момента ее публикации и до сегодняшнего дня практически единодушно отвергала (Богдан 1897; Panaitescu 1932; Spinei 1994: 21).

Русские ученые практически единогласно считали берладников населением, по своему образу жизни приближающимся к более позднему казачеству. Румынские исследователи считали их принадлежащими к восточнороманскому этносу (Мохов 1964: 81-82). Наибольшие споры у румынских авторов вызывало и вызывает отождествление Берлади русских летописей с молдавским городом Бырладом, этническое происхождение берладников и их государственная принадлежность (Iorga 1927-1928: 147-150; Cihodaru 1963: 237-238; Bălan 1928: 15-17; Olteanu 1974: 30-32; Spinei 1994: 21, 177-179; Мохов 1964: 83).

Если в дореволюционной русской историографии больше обсуждался вопрос об аутентичности Грамоты Берладника 1134 г., то в советской литературе послевоенного времени акцент сместился на проблемы истории непосредственно самой Берлади. При этом часть авторов ссылается на грамоту 1134 г. как на подлинный документ, не предлагая в защиту ее достоверности каких-либо аргументов, другие же продолжают доказывать ее фальсифицированность (Котляр 1985; Перхавко 1996).

Смещение акцента привело даже к возникновению традиции видеть в Берлади особое русское княжество. Летописную Берладь М.Н.Тихомиров, например, считал «особым княжеством, принадлежащим боковой линии галицких князей», а берладников — предшественниками позднейших бродников (Тихомиров 1947: 154; Он же 1956: 209). А.Н.Насонов довольно противоречиво высказывался по поводу статуса Берлади: он считал ее зависимой от Галицкого княжества землей, но при этом независимой волостью (Насонов 1951: 141-142). Прямым предшественником Молдавского государства назвал Берладь молдавский историк Н.А.Мохов (Мохов 1978: 49-52). Фактически уже настоящим государством выглядит Берладь в книге И.П.Русановой и Б.А.Тимощука. Эти авторы определили границы Берладского княжества, этнический состав и социальную структуру (Русанова, Тимощук 1981: 84-89). Против придания Берлади статуса настоящего княжества определенно выступал лишь В.П.Шушарин (Шушарин 1972).

Отношение современной румынской историографии к проблеме Берлади полнее других авторов демонстрирует В.Спиней. Берладников В.Спиней относит к кочевому или полукочевому населению тюркского происхождения. Он отвергает связь между летописной Берладью и молдавским городом Бырладом, считает принципиально невозможным существование в Южной Молдове в XII в. русского княжества, зависимого или независимого от Галича или Киева. Берладников исследователь считает временными жителями в Карпато-Днестровских землях, не оказавшими существенного заметного влияния на историю региона (Spinei 1994: 177-180).

Резюмируя историографическую часть, выделим главное. Основные вопросы, интересовавшие исследователей в связи с берладниками, следующие: а) этнический состав берладников; б) политический статус земли берладников (княжества); в) подлинность Грамоты Берладника 1134 г. и тех сведений, которые она сообщает; г) локализация летописной Берлади.

По поводу этнического состава берладников в русской и румынской литературе были высказаны следующие мнения: русские, восточные романцы, кочевое или полукочевое население тюркского происхождения, полиэтничное население, по своему образу жизни и социальному статусу напоминающее более поздних казаков. Политический статус Берлади: независимое политическое объединение, напоминающее Запорожскую Сечь; удельное галицкое княжество; особое княжество, зависимое или независимое от Галицкого княжества. По вопросу о грамоте 1134 г. мнения, как известно, разделились. Локализация Берлади в русской и молдавской (советского периода) литературе была связана исключительно с молдавским городом Бырладом, расположенным на одноименной реке. Румынские исследователи данную локализацию отвергают, ссылаясь на отсутствие археологических

«городских» и «русских» слоев XII-XIII вв. на этом средневековом поселении, а саму связь в названиях молдавского Бырлада и летописной Берлади иногда попросту игнорируют.

Сведения о берладниках содержатся в русских летописях и Грамоте Берладника. Непосредственно берладники в летописях упомянуты только два раза. Один раз упоминается Берладь. Значительно чаще упоминается князь Иван Ростиславович Берладник. Причем один раз берладники упоминаются как участники эпизода, связанного с князем Иваном Ростиславовичем, а один раз самостоятельно в эпизоде, на участие в котором Ивана Берладника летописи не указывают, но которое, исходя из контекста всех событий, могло вполне реально быть.

Рассмотрим все летописные известия в хронологическом порядке. Поскольку все сообщения об Иване Берладнике и берладниках многократно рассматривались исследователями XIX-XX вв. (недавно это вновь сделал В.Б.Перхавко — Перхавко 1996: 70-75), мы очень коротко остановимся на основных вехах их истории.

Иван Берладник и берладники. Летописные известия

Звенигородский удельный князь Иван Ростиславич, сын перемышльского князя Ростислава Володаревича, начинает упоминаться в летописях с 1144 г. Воспользовавшись отсутствием галицкого князя Владимира Володаревича, отправившегося на длительную охоту, галичане пригласили Ивана из Звенигорода занять галицкий стол. В результате сражения с войском Владимира Володаревича Иван был вынужден бежать на Дунай, а затем в Киев к великому князю Всеволоду Ольговичу (ПСРЛ 1962: II, 316-317).

В 1146 г. покровительствующий Ивану Ростиславичу киевский князь Всеволод Ольгович попытался отбить у галицкого князя Владимира Володаревича Звенигород, но неудачно. В том же году князь Всеволод умер, и Иван Ростиславич, за которым с этого момента в летописи закрепляется имя или прозвище «Берладник», перешел на службу вместе со своей дружиной к его брату Святославу Ольговичу. Уже в начале следующего, 1147 г. он перешел на службу к смоленскому князю Ростиславу Мстиславичу (ПСРЛ 1962: II, 329, 334, 338).

На этом его деятельность как наемного полководца не закончилась. В 1149 г. летописи отмечают его на службе у Юрия Владимировича Долгорукого. При этом Новгородская первая летопись называет его «Берладским князем» (НПЛ: 28). Последующие восемь лет Иван Берладник провел на службе у Юрия Долгорукого в Суздале. Когда последний стал киевским князем, к нему обратился его зять Ярослав Владимирович Галицкий с просьбой выдать ему Берладника. Юрий Долгорукий хотел это сделать. Иван Берладник в цепях был доставлен из Суздаля в Киев, но затем под давлением киевского духовенства Юрий Долгорукий отменил свое решение и отослал Берладника обратно в Суздаль. По дороге Ивана Берладника отбил черниговский князь Изяслав Давыдович (ПСРЛ 1962: II, 488).

После смерти Юрия Долгорукого великим киевским князем стал черниговский князь Изяслав Давыдович. Последнему верой и правдой служит Иван Берладник. В 1159 г. Ярослав Галицкий, собрав коалицию князей против Изяслава Давыдовича, в которую привлек венгров и поляков, обратился с требованием к последнему выдать ему Берладника (ПСРЛ 1962: II, 496-497). И хотя Изяслав отказался это сделать, Иван Берладник бежит к половцам. Летописное известие об этих событиях содержит ценную информацию об антигалицкой деятельности Берладника на Дунае и упоминает первый раз берладников:

«*Иванъ ... еха в поле къ Половцемъ. и шедъ с Половци и ста в городехъ Подунайскый и изби две кубаре. и взя товара много в нею. и пакостяше рыболовомъ Галичьскымъ. и приидоша к нему Половци мнози. и Берладники оу него искупися 6000. и поиде къ Кучелмину и ради быша ему. и отуда къ Оушици поиде и вошла бяше засада Ярославля в городе и начаша бити крепко. засадници из города. а смерды скачу чересъ заборола. къ Иванови и перебеже ихъ. И хотеша Половци взяти городъ. Иванъ не да имъ взяти. и розгневшеся Половци. ехаше от Ивана...*»
(ПСРЛ 1962: II, 496-497).

Данное известие интересно тем, что показывает независимость Карпато-Днестровских земель в этот период от Галицкого княжества. Кучелмин и затем Ушица были пограничными галицкими городами, куда Иван подошел со своим войском. В то же время любопытна независимость и Ивана Берладника от половцев. Он не побоялся им отказать в их желании «взять город». Видимо, это было чревато грабежами и выходом ситуации из-под его контроля. В то же время половцы, даже разгневавшись, просто уехали от Берладника прочь, не вступая с ним в дальнейший конфликт. Возможно, дело здесь было не только в шести тысячах берладников, остававшихся с Иваном, а в особенностях взаимоотношений между половцами и Берладью. Если полагать, что половцы, пришедшие с Иваном к Ушице, были местными — дунайскими, то можно предположить, что Берладь, где бы она ни находилась, была независима от половцев. На этот момент необходимо обратить внимание.

Уход половцев ослабил силы Ивана перед лицом наступающего на него галицкого войска. Он оставляет свои планы и вновь отправляется в Киев под защиту киевского князя Изяслава Давыдовича. В том же 1159 г. Изяслав Давыдо-

вич совершает поход на Ярослава Галицкого, «ища волости» Ивану Ростиславичу (ПСРЛ 1962: II, 498).

В результате войны между Киевом и Галичем киевский князь Изяслав Давыдович был смещен с престола своими врагами и в Киеве «сел» враг Ивана Берладника князь Ростислав Мстиславич. И как следствие, враждебные действия берладников против Киева не заставили себя ждать: в 1160 г. берладники ограбили важнейший киевский порт на Днепре Олешье. «*Посла Ростиславъ ис Киева Гюргя Нестеровича и Якуна в насадехъ на Берладники. иже бяхуть Олешье взяли и постигше я оу Дциня избиша я и полонъ взяша...*» (ПСРЛ 1962: II, 505).

Данное известие любопытно тем, что в нем упомянуты берладники без связи с Иваном Берладником. Также важно упоминание о нижнедунайском городе Дичине, которое может способствовать выяснению локализации Берлади. Последнее известие летописей об Иване Берладнике сообщает о его трагической гибели в 1162 г. в греческой Солуни от яда (ПСРЛ 1962: II, 514). Историки предполагают, что он был отравлен убийцей, подосланным Ярославом Галицким (Котляр 1985: 106; Перхавко 1996: 72). В 1189 г. овладеть галицким престолом попытался сын Ивана Берладника Ростислав. Галицкие бояре призвали его, но в самый решительный момент изменили ему. Он был ранен в бою с венграми и взят в плен. Венгры приложили смертельный яд к ранам Ростислава, отчего он умер (Молчановский 1883: 82).

И, наконец, последнее летописное известие, имеющее отношение к рассматриваемому вопросу, неоднократно привлекающееся исследователями. В 1174 г. Андрей Боголюбский разгневался на Ростиславичей и велел им передать: «*... не ходите в мое воли. ты же Рюриче поиди вь Смолньскь кь брату во свою отчиноу а Давиду рци а ты поиди вь Берладь а в Руськои земли не велю ти быти...*» (ПСРЛ 1962: II, 573).

Таковы все летописные известия, имеющие отношение к Берлади, берладникам и «берладскому князю» Ивану Ростиславовичу. Ценные сведения об истории Берлади содержатся в так называемой грамоте Ивана Берладника 1134 г. К ее анализу я и приступаю далее.

Грамота Берладника 1134 г.

Приведем текст грамоты: «*У име отца и сына [и святого духа]: аз, Иванко Ростиславовичь от стола Галичского, кнезь Берладськы сведчую купцем [месии]бриським да не платет мыт у граде нашем [у Ма]лом у Галичи на изклад, разве у Берлади и у Текучом и о[уч]радох наших. А на исъвоз розьным товаром тутошным и угръськым и руськым и чес[кым], а то да платет николи жь разве у Малом у Галичи. А кажить воевода. А на том обет. [В лето] от рождества Христова, тисещу и стъ и тридесять и четире лет месяца мае 20 день.*» (ПРП 1953: II, 26).

Из современных исследователей поддельной грамоту считают Н.Ф.Котляр, О.А.Купчинский, В.Спиней, В.Б.Перхавко и др. (Котляр 1985: 101; ДПИ 1991: 66; Перхавко 1996: 72-73; Spinei 1994: 21). Подлинным документом грамоту Берладника признали И.А.Линниченко, Д.И.Иловайский, П.В.Голубовский, Н.Дашкевич, М.С.Грушевский, П.Мутафчиев, В.Т.Пашуто, В.В.Мавродин, М.В.Левченко, А.А.Зимин, А.Н.Насонов и др. исследователи (Протоколы 1897: 103; Голубовский 1884: 207; Дашкевич 1904: 366-381; Пашуто 1950: 169-171; Левченко 1956: 437-438; ПРП 1953: II, 26-31; Насонов 1951: 143; Соболевский 1897: 173; Коновалова 1991: 47).

Большинство из этих исследователей оговорилось, что необходимо пока воздержаться от полного решения вопроса о подложности грамоты (Дашкевич 1904: 381; Насонов 1951: 143). У А.А.Зимина сомнение вызывает не подлинность грамоты, а ее дата. Он полагает, что следует читать вместо «тридесять» — «четыредесять», то есть датировать 1144 г., временем, когда впервые упомянут в летописи Иван Ростиславич (ПРП 1953: II, 31). Очевидный факт, но в списке исследователей — сторонников подлинности Грамоты практически не видно действующих ныне исследователей.

Румынская историография и ранее, и теперь подлинность грамоты практически единодушно отвергает (Богдан 1897: 163-164; Мохов 1964: 82-83; Panaitescu 1932: 46-51; Cihodaru 1963: 238-242; Spinei 1994: 21).

Следует обратить внимание на следующий момент. Исследователи, которые считают грамоту поддельной, продолжают и в новейших исследованиях это доказывать (Котляр 1985: 101; Перхавко 1996: 72-73). Исследователи из вышеперечисленных, которые придерживались мнения об аутентичности грамоты, ссылались на нее как на подлинный документ, как бы не замечая всего того, что «наработала» в плане аргументов фальсифицированности противоположная сторона. Последним, кто пытался аргументировать подлинность грамоты, был еще Н.Дашкевич (Дашкевич 1904).

Происхождение грамоты Берладника весьма загадочно. Она была опубликована известным румынским писателем Б.П.Хашдеу. Он рассказывает, что она была доставлена его отцу в 1848 г. русским офицером Викентием Рольским. Документ, по словам Б.Хашдеу, был написан на пергаменте, полууставом, выцветшими чернилами. Отец Б.П.Хашдеу сделал копию с оригинала рукописи, но сам оригинал вскоре утерял.

В 1860 г. в ясском журнале «Instrucțiunea publică, revista septemânară din Moldova» Б.П.Хашдеу публикует впервые эту грамоту. Но

вскоре после публикации исчезает и выполненная отцом Б.П.Хашдеу копия, по которой и была осуществлена публикация. После опубликования грамоты в 1860 г. она вызвала подозрение исследователей в ее поддельности ввиду некоторых характерных несоответствий для документов XII в. В 1869 г. в бухарестской газете «Trajanu» (No 50) Б.П.Хашдеу повторно издает грамоту, но с изменениями тех характерных ошибок текста, которые выдавали его более позднее происхождение. Такое «исправление» как раз и натолкнуло исследователей на мысль, что Хашдеу знал о поддельности грамоты (Соболевский 1897: 173; Мохов 1964: 83; Котляр 1985: 99-100).

В отличие от А.И.Соболевского, одного из «главных разоблачителей» подложности грамоты, заявившего, что, «кто именно был виновником подлога, мы не будем разыскивать» (Соболевский 1897: 174), румынские исследователи выдвинули обвинение в фальсификации этого документа против Б.Хашдеу. Его цель, по мнению И.И.Богдана, «могла быть следующая: указать уже в XII веке зародыш румынского государства, хотя бы ценою зависимости от России» (Богдан 1897: 164). П.Панаитеску назвал «фальсификацию» Б.П.Хашдеу «патриотической» (Panaitescu 1932).

Тот факт, что патриотически настроенному румынскому писателю не было выгодно указывать на существование государства, которое не могло восприниматься в XII в. как «зародыш румынского» из-за явно славянского (если не русского) происхождения берладников и русского происхождения Ивана Ростиславича, отмечал еще Д.И.Иловайский в 1890 г. (Протоколы 1897: 103). Б.П.Хашдеу был блестяще исторически образован, его исторические хроники могут рассматриваться как научный труд. Он не мог допустить многие из тех ошибок, которые ставятся ему в вину. [1]

Наиболее веские доводы сторонников подложности грамоты высказаны А.И.Соболевским, И.И.Богданом и П.Панаитеску. Рассмотрим их.

А.И.Соболевский отметил следующие моменты: «Пестрая смесь южнорусских и болгарских лингвистических элементов, чего неизвестно ни в одной древнерусской грамоте»; «ряд грамматических неправильностей (ошибок), подобные которым совсем чужды как русским, так и болгарским памятникам XII в.»; «орфографические и лингвистические особенности», характерные для молдавских документов XIV-XV вв; в молдавских документах XIV-XV вв. «летоисчисление иногда ведется по западно-русскому обычаю от Р.Хр.»; «с исторической точки зрения сомнение возбуждается уже тем, что Берладник называет себя «князем от стола Галичского» (Соболевский 1897: 173-174; Протоколы 1897: 103).

Румынский исследователь И.И.Богдан указал на более убедительные, как он считает, чем высказанные А.И.Соболевским, признаки подложности грамоты. Таковыми признаками, по И.И.Богдану, являются следующие:

Формы прилагательных*: Угрьскый, берладьськый, месембрисьскый* могли возникнуть только в голове фальсификатора, подделывающегося под древнерусский язык без достаточного знания его истории: источником ошибки послужила древнерусская форма слова *русьскый* при более новых *руськый, рускый, русскый*...»;

Грамота Ивана Берладника находится в противоречии с дипломатическими формулами XII в. и «состоит в зависимости от молдавских и галицких дипломатических формул XIV-XV века»;

Содержание грамоты не сходится с известиями русских летописей об Иване Берладнике. Выражение «князь Берладский от стола Галицкого», «неясное само по себе и не находящее объяснение в дипломатических нормах», толкуется исследователями «в смысле происхождения и в смысле зависимости. Но по происхождению Иван Ростиславич не имел никаких прав на Галич, а в зависимости от него не мог состоять, потому что: 1) он был непримиримым врагом галицких князей, сначала Владимирка, потом Ярослава Осмомысла и уж конечно, не мог получить от них удела «Берладского»; 2) в 1134 г. соединенное Червонно-русское княжество еще не существовало: оно создалось только в 1144 г.» (Богдан 1897: 163-164).

Источником подделки И.И.Богдан считает отрывок русской летописи под 1149 г., называющий Ивана Ростиславича Берладским князем. Грамота 1134 г. — торговая, она «позволяла заключать о государственной связи придунайской страны с Галичиной и о существовании княжества Берладского уже в XII в.» (Богдан 1897: 164).

Очень важным мне представляется следующее замечание И.И.Богдана, как специалиста по молдавскому средневековью. И.И.Богдан говорит, что «Соболевский, доказывающий подложность грамоты на основании ее поздней графики и средне-болгарских особенностей языка, немыслимых для русской грамоты XII века, упустил из вида другое, столь же возможное, объяснение отмеченных им явлений: грамота (ныне утраченная) могла быть списком, сделанным в Молдавии в XIV-XV столетии с недошедшей русской грамоты XII века. Как известно, в XIV-XVII веках в румынских господарствах в церковном

[1] Например, Б.П.Хашдеу не стал бы указывать дату 1134 г., зная, что Галич начинает упоминаться с 1140 г., а Иван Ростиславич — с 1144 г. Летописные данные о берладниках и Иване Берладнике Хашдеу должен был бы прекрасно знать, хотя бы потому, что они, как считают его обвинители, служили источником для фальсификации. Не говоря уже о таких ошибках, как летоисчисление от Рождества Христова или существование некоторых городов. Б.Хашдеу мог догадываться, что грамота сфальсифицирована, и потому «исправил» во втором издании характерные ошибки.

употреблении был старо-славянский язык в среднеболгарской его редакции». Более убедительными признаками подложности, по его мнению, как раз и являются те, которые мы перечислили выше (Богдан 1897: 163).

В румынской литературе наиболее веские доводы за подложность грамоты выглядят следующим образом: летоисчисление от Р.Х., тогда как таковое в галицких документах появляется только в XIV в.; города Месембрия и Малый Галич в XII в. не существовали; начальная фраза «У име отца и сына..», такой оборот появляется с XIV в.; до 1144 г. Иван Ростиславич правил в Звенигороде, его деятельность в Подунавье и Галиче по летописям началась только после 1144 г.; характерные ошибки в написании слов, о которых говорил И.И.Богдан и А.И.Соболевский (см.Мохов 1964: 83).

В.Б.Перхавко в качестве «источников фальсификата» рассматривает летописную речь Святослава 969 г. о торговом значении Переяславца на Дунае, уставную грамоту молдавского господаря Александра львовским и подольским купцам от 8 октября 1407 г., в которой упоминается о взимании мыта в г.Берладе, и «ряд других более поздних источников» (Перхавко 1996: 74). [2]

Итак, мнения исследователей об аутентичности грамоты Берладника разделились: часть из них считает, что она является подлинным документом XII в., их оппоненты утверждают обратное. Существует в историографии и **третья** точка зрения на эту проблему, не получившая развития, высказанная Д.И.Иловайским во время обсуждения доклада А.И.Соболевского на VIII Археологическом съезде. «Что касается языка (грамоты), то вопрос: какую историю прошла грамота, пока дошла до нас? Очень может быть, что она несколько раз переписывалась, искажалась и подвергалась различным влияниям. Если бы мы имели дело с подлинником, тогда мы судили бы по языку и орфографии» (Протоколы 1897: 103).

Теоретическую возможность, что к Б.П.Хашдеу попал список, сделанный в Молдавии в XIV-XV вв. с недошедшей русской грамоты XII в., как указывалось, допускал и И.И.Богдан. Соболевский А.И., полемизируя с Д.И.Иловайским, сослался на утверждение издателя, что рукопись — подлинник (Протоколы 1897: 103). Однако этому аргументу Соболевского нельзя придавать очень серьезное значение: пергамент с текстом грамоты выглядел в глазах Б.Хашдеу «достаточно» и «настолько древним», что он вряд ли бы визуально отличил подлинник XIV в. от подлинника XII в. При переписывании грамоты 1134 г. в последующих столетиях в нее, конечно, помимо особенностей графики могли быть внесены и чисто редакторские изменения, что не является чем-то необычным с точки зрения исторической практики. Полагаю, что само переписывание грамоты могло быть вызвано к жизни ситуацией, вследствие которой молдавские господари и выдавали торговые грамоты купцам.

Здесь же выскажу мнение о вероятности, с моей точки зрения, и **четвертой** версии происхождения грамоты. Да, она действительно могла быть сфальсифицирована, но сфальсифицирована в XIV-XV вв.(!) На это как раз указывают те особенности языка, орфографии и «несоответствия историческим реалиям XII в.», которые отмечаются исследователями. Какова цель подобной фальсификации? Она достаточно очевидна: показать, что некоторые города еще «с древних времен» обладали определенными торговыми привилегиями и потому вполне имеют право на продолжение выгодной для них традиции. На то, что грамота была сфальсифицирована именно в указанное время, указывает и плохое знание ее изготовителем летописных данных, известных именно нам, о деятельности Ивана Берладника и ее хронологии, и «незнание» древнерусского языка и нелепое искусственное словообразование.

Однако не следует забывать, что даже изготовленная в XIV или XV в. грамота является историческим источником, способным отразить определенные исторические реалии предшествующего времени. Для ее фабрикации в любом случае были использованы подлинные документы или реально существовавшие исторические знания, историческая информация об Иване Берладнике и Берлади. Еще И.А.Линниченко отмечал, что с исторической точки зрения в содержании грамоты нет ничего сомнительного: говорится о льготах, которые дает князь купцам в разных городах (Протоколы 1897: 103). О Берлади и берладниках нам многократно говорят русские летописи. И так ли очевидно то несоответствие грамоты историческим реалиям, о котором любят говорить авторы, отвергающие ее подлинность? Действительно ли так «обстоятельно доказано И.И.Богданом, А.И.Соболевским, П.П.Панаитеску ее несоответствие историческим реалиям XII в.» (цитирую Перхавко 1996: 72), как представляется некоторым исследователям?

Что касается лингвистического анализа, то, как мы отмечали, орфографические и лингвистические особенности грамоты свидетельствуют, что дошедший вариант, скорее всего, был написан или являлся списком XIV или XV в. Присутствие болгарских лингвистических элементов в грамоте вполне естественно, учитывая локализацию Берлади на юге Запрутской Молдовы. [3]

[2] В.Б.Перхавко не указал, какие именно “более поздние источники” послужили для фальсификации. Все те особенности, которые отмечали И.И.Богдан и А.И.Соболевский, характерны для XIV-XV вв.

[3] Новая, предлагаемая мною локализация Берлади, о которой будет подробно сказано позже, еще проще объясняет наличие в тексте грамоты болгарских элементов.

О времени написания (или переписки) дошедшего до Б.Хашдеу варианта Грамоты Берладника — предположительно XIV-XV вв. говорит и отмеченная И.Богданом зависимость текста грамоты от молдавских и галицких дипломатических формул этого времени. Но обратимся к анализу того самого «несоответствия историческим реалиям».

Грамота Берладника и ее соответствие историческим реалиям

С исторической точки зрения исследователей смущает выражение «князь Берладский от стола Галицкого». «По своему происхождению Иван Ростиславич не имел никаких прав на Галич». Так считает И.Богдан. Но так не считал сам Иван Берладник, посвятивший столько лет борьбе за галицкий престол. Так не считали галичане, приглашавшие неоднократно (как минимум три раза, согласно летописям) Берладника княжить в Галич. Видимо, так же не считали великий князь Всеволод Ольгович, его брат — новгород-северский Святослав Ольгович, да и остальные братья-сюзерены — смоленский Ростислав Мстиславич, Юрий Долгорукий и черниговский, а затем киевский князь Изяслав Давыдович.

Возможная разгадка вопроса, почему Иван Ростиславич называет себя князем от стола Галицкого, кроется в той запутанной ситуации, которая сложилась в ходе объединения будущей Галицкой земли Владимирко Володаревичем в 20-40 гг. При ее анализе надо иметь в виду, что, согласно правилам феодального престолонаследия, освободившийся после смерти того или иного князя престол переходил к его следующему по старшинству брату, а не сыну.

В 1124 г. умер перемышльский князь Володарь Ростиславич. Перед смертью он завещал Перемышль со всей землей старшему сыну Ростиславу — отцу Ивана Берладника. Видимо, опасаясь, что его младший сын Владимирко Володаревич восстанет против брата, Володарь в 1124 г. выделил в составе Перемышльского княжества Звенигородское удельное княжество, которое и было отдано Владимирко Володаревичу.

Далее, дошедшие до нас летописи до 1140 г. молчат о том, как развивались события в будущей галицкой земле, но польский хронист Ян Длугош и «История» В.Н.Татищева сообщают, что Владимирко Володаревич вскоре после смерти отца (1126/1127) попытался отнять у Ростислава Володаревича Перемышль. Эта попытка окончилась неудачей. Владимирко бежит с семейством в Венгрию, Ростислав неудачно осаждает Звенигород, а попытки Мономаховичей помирить братьев также неудачны. Когда умер Ростислав, неизвестно, как неизвестны и обстоятельства его смерти (Котляр 1985: 78-79).

Под 1140 г. (первое упоминание Галича) Ипатьевская летопись «связывает» Володимерко Володаревича с Галичем: когда киевский князь Всеволод Ольгович пошел на Волынь, он «*Ивана Василковича и Володаревича из Галичя Володимерка, на Вячеслава (и) на Изяслава на Мьстиславича посла*» (ПСРЛ 1962: II, 218; Котляр 1985: 80). «Однако не следует буквально верить этому сообщению, — пишет Н.В.Котляр, — в Галиче тогда княжил Иван Василькович» — и ссылается на известие этой же летописи под 1141 г. (Котляр 1985: 80). Действительно, летопись под этим годом сообщает, что в Галиче умер князь Иван Василькович, и его волость принял и стал княжить в Галиче Владимирко Володаревич.

Однако такое расхождение информации одной и той же летописи в высшей степени интересно в плане рассматриваемого нами вопроса о грамоте Берладника. В Галиче правит Иван Василькович, а летопись говорит, что из Галича и Иван Василькович, и Владимирко Володаревич, который, как мы увидим ниже, в это время княжил в Перемышле.

Мне это напоминает ситуацию с Иваном Берладником, который, будучи князем Звенигородским (в 1144 г.), в грамоте (в 1134 г.) называет себя князем берладским от стола Галичского. Так, может быть, перефразируя Н.Ф.Котляра, «не следует буквально верить» и сообщению грамоты 1134 г. о том, что Иван Ростиславич от стола Галичского. Не могла ли «странная» зависимость Владимирко Володаревича, сидевшего в Перемышле, от Галича в 1140 г. быть «одной природы» со столь же «странной» зависимостью Ивана Ростиславича, представленного как князь Берладский от того же Галича в 1134 г.? Не будем пока задумываться над этим вопросом и пойдем дальше.

Владимирко Володаревич с конца 20-х гг. правил в Перемышле. Об этом «постфактум», как считает Н.Ф.Котляр, свидетельствует летописное известие 1144 г. о пребывании в Звенигороде Ивана Ростиславича (Котляр 1985: 81). Поскольку умерший Иван Василькович, помимо Галича, владел и всей Теребовльской волостью, доставшейся ему после смерти его брата Григория (Ростислава) Васильковича, то в результате вокняжения Володимерка Володаревича в Галиче в 1141 г. он завладел практически всей территорией формирующейся Галицкой земли. Почти всей, поскольку после этих событий он не владеет... Звенигородским удельным княжеством. На этот момент следует обратить внимание.

Сообщения Длугоша и Татищева говорят о том, что после событий 1126-1127 г., после неудачной попытки Владимирко Володаревича овладеть Перемышлем — княжеством своего старшего брата Ростилава Володаревича, Владимирко бежит в Венгрию, а Ростислав неудач-

но пытается овладеть Звенигородом. После этого нам известны только уже рассматривавшиеся сообщения летописей 1140 и 1141 г. Каким образом убежавший Володимерко Володаревич стал перемышльским князем в конце 20-х гг. (так считает Н.Ф.Котляр), видимо, после смерти Ростислава Володаревича? Обстоятельства смерти нам неизвестны. Каким образом в 1144 г. Звенигородское удельное княжество — бывшее княжество Володимерка (не ликвидированное Ростиславом Володаревичем в ходе событий 1126-1127 гг.?) оказывается во владении сына Ростислава и племянника Володимерка — Ивана Ростиславича? Источники нам не дают ответа на эти чрезвычайно важные вопросы. И не связаны ли ответы на них со «странным» упоминанием Владимирко Володаревича — союзника киевского князя Всеволода Ольговича в походе на Волынь — в связи с Галичем, в котором «сидит» Иван Василькович, также союзник киевского князя в этом походе?

Мы можем только пытаться реконструировать ситуацию, возникшую между 1127 и 1144 годами. После смерти Ростислава Володаревича предположительно в конце 20-х гг. (причастен ли был к ней Володимерко Володаревич?) его младший брат Володимерко Володаревич мог «законно сесть» в Перемышле только в результате согласия на это Васильковичей, владевших Теребовлем, и великого киевского князя Всеволода Ольговича, союзниками которого последние выступают. Условием вокняжения Владимерко в Перемышле могло быть предоставление Звенигородского удельного княжества, бывшего княжества самого Володимерка, во владение сыну покойного Ростислава Володаревича Ивану Ростиславичу. Помимо Звенигородского княжества, Ивану Ростиславичу могли быть предоставлены и какие-либо придунайские владения перемышльского и теребовльского княжеств (земли Берлади). К 1140 г. Галич является мощным административным центром, уже «обогнавшим» Теребовль, бывший резиденцией Ивана Васильковича. И Владимерко Володаревич (сообщение летописи 1140 г.), и Иван Ростиславич (если достоверны известия грамоты Берладника, включая условия ее переписки в XIV-XV вв.) в 30 — самом начале 40-х гг. формально или реально зависели от стола в Галиче, что и отразилось в сообщении летописи 1140 г. и грамоты Берладника 1134 г.

Не исключено, что Звенигородское княжество было пожаловано Ивану Ростиславичу после 1134 г. (так как в грамоте нет ни слова о Звенигороде) и даже после 1141 г., когда Владимерко Володаревич занял Галич после смерти Ивана Васильковича. Возможно, что в этом случае условием вокняжения перемышльского князя в Галиче и было выделение Ивану Ростиславичу Звенигорода. Звенигород по своему положению потенциального центра мог конкурировать с Галичем (Котляр 1985: 78), и это обстоятельство учитывал в своей политике великий киевский князь Всеволод Ольгович.

Когда Владимерко Володаревич «сел» в Галиче, объединив земли и Перемышльской, и Теребовльской волостей, он не мог не видеть в Иване Ростиславиче своего врага и особенно врага своего сына Ярослава. Совершенно прав Н.Ф.Котляр, когда пишет: не следует забывать о том, что в сравнении с Ярославом Владимировичем Иван Ростиславич имел преимущественные права на галицкий стол (которому принадлежали бывшие перемышльские земли), ведь он был сыном старшего из Володаревичей, Ростислава (Котляр 1985: 104). Конфликт между Владимерко Володаревичем и Иваном Ростиславичем, которого, как потенциального претендента на галицкий стол, поддерживали и великий киевский князь Всеволод Ольгович, и его сюзерены, был действительно неминуем. События 1144 г. и выразились в попытке Ивана Ростиславича «почти законно» сесть в Галиче.

Не вдаваясь более в анализ системы престолонаследия в Древней Руси вообще и прав Ивана Ростиславича на галицкий стол в частности, заметим: Иван Берладник считал себя вправе занять галицкий стол и хотя бы по этой причине мог издавать документы, называя себя и удельным галицким князем, и даже галицким князем. [4]

Любопытно, что галицкие бояре, спустя столько лет после смерти Ивана Ростиславича в Солуни в 1162 г., в 1189 г. вспомнили про его сына Ростислава Берладничича, служившего в это время смоленскому князю Давыду Ростиславичу, и тоже пригласили в Галич княжить. Таким образом, не только сам Берладник, но и его род имел на это право, исходя из определенной логики галичан и всех вышеперечисленных лиц.

Но продолжим рассмотрение аргументов исследователей, считавших грамоту подложной. И.Богдан, доказывая подложность грамоты, логически некорректен. Он изначально признает фальсифицированность грамоты, а уж затем, исходя из этой посылки, доказывает ее подложность. И.Богдан говорит, что Иван не мог получить от галицких князей удела «Берладского», так как «он был их непримиримым врагом». Отношения между Иваном и его дядей Владимиром Володаревичем, согласно летописям, испортились после событий 1144 г. и, если исходить не из изначального условия подложности грамоты, а ее аутентичности или достоверности сведений, которые послужили источниками для ее фабрикации, то вполне логично предположить, что в 1134 г. отношения между Иваном и Владимерко Володаревичем формально были настолько мирными, что последний мог бы отдать в удел звенигородскому князю прилегающий к низовьям Дуная район. Я упомянул о Владимерке Володаревиче в этом моменте чисто условно, чтобы показать, насколько формаль-

[4] Вспомним, как великие самозванцы в истории Руси не “стеснялись” издавать документы под именем и статусом, которых добивались.

но некорректен И.Богдан. На самом деле он не прав и по сути. До 1141 г., как мы видели, в Галиче «сидел» Иван Василькович, после смерти которого в нем стал княжить Владимирко Володаревич.

И.Богдан говорит, что Иван Берладник не мог «состоять в зависимости» от галицкого князя, поскольку «в 1134 г. соединенное Червонно-русское княжество еще не существовало: оно создалось только в 1144 г.» Рассмотрим и это суждение.

1144 г. — это, конечно же, не год создания Галицкого княжества. В 1144 г. Владимерко Володаревич захватил звенигородские земли вошедшего с ним в конфликт Ивана Ростиславича. То есть после этого все земли галицкой земли оказались в одних руках — Владимерко Володаревича. Н.Ф.Котляр доказал, что будущая галицкая земля развивалась из территории, в основном, двух волостей — Перемышльской и Теребовльской (Котляр 1985: 76-81). И если исходить из формального признака — объединения Перемышльской и Теребовльской волостей, то это произошло в 1141 г., а не в 1144.

Но Галич в летописях впервые упомянут в 1140 г., и не просто как обычный город, а как резиденция князя Ивана Васильковича, которому еще до 1140 года достался теребовльский стол после смерти его старшего брата Григория (Ростислава) Васильковича. Мы не знаем, когда это событие произошло, но это и неважно. В любом случае, Иван Василькович не перешел в Теребовль, а сидел в Галиче. Значит, это был уже крупный административно-политический центр, превосходивший старый — Теребовль. В 1141 г. и Владимерко Володаревич не остался в своей резиденции в Перемышле, а «сел» в Галиче.

Василько Ростиславич умер в 1125 г. Его сыновья: старший — Григорий (Ростислав) и младший Иван (Игорь) — оба княжили в отцовском домене, в Теребовльской волости. Как считает Н.Ф.Котляр, Григорий был, по-видимому, старшим среди них, поскольку сидел в Теребовле, а Ивану достался новый стол — в Галиче (Котляр 1985: 79). Летописи молчат о событиях в Перемышльской, Теребовльской и Звенигородской землях с 1125 по 1140 годы. Поэтому мы не знаем, когда умер Григорий Василькович и Иван Василькович стал полновластным хозяином Теребовльской волости, оставаясь при этом «сидеть» в Галиче. Даже если в 1134 г. Григорий был еще жив, все равно в это время в Галиче стол уже существовал, так как в нем сидел младший Василькович — Иван.

Поэтому, несмотря на то, что Галич в летописях впервые упомянут в 1140 г., я не вижу формальных препятствий для того, чтобы Иван Ростиславич в грамоте 1134 г. мог называть себя князем от стола Галицкого. Если же в 1134 г. Григория уже не было в живых, а это, учитывая свидетельства 1140 г., вероятно, то галицкий стол представлял собой главный (а не уездный) политический центр Теребовльской земли. Вполне возможно, что княжество уже и называлось Галицким, ведь с 1125 по 1140 гг. летописи никак его не называют, а с 1140 г. для Теребовльской волости и с 1141 гг. для объединенных Владимерко Володаревичем Перемышльской и Теребовльской земель центром неизменно называется Галич.

Вот как о событиях 1141 г. сообщает летопись: «*Сего же лета преставися у Галичи Василкович Иван, и прия волость его Володимерко Володаревич; седе во обою волостью, княжа в Галичи*» (ПСРЛ II, 221; Котляр 1985: 80). Как мы видим, Теребовль не упоминается вообще. Речь идет о волости, в которую входила Теребовльская земля и центром которой был Галич. Но тогда меняется весь контекст критики сведений грамоты 1134 г. Иван Ростиславич мог быть уже в этом году князем от стола галицкого, но галицкий стол в это время был административно-политическим центром «бывшей» Теребовльской земли, а не объединенной галицкой (теребовльская + перемышльская) земли, как это понимают И.Богдан и его последователи. Поэтому вопрос о взаимоотношениях Ивана Ростиславича и Владимерко Володаревича относительно 1134 г. сам собой отпадает.

Каким образом Иван Ростиславич, сын бывшего перемышльского князя Ростислава Володаревича, в 1134 г. мог бы считать себя князем, зависимым от стола Галицкого, на этот вопрос я попытался ответить выше, когда говорил, каким образом он смог стать звенигородским князем, а его дядя Владимерко Володаревич — перемышльским, а затем и галицким.

Таким образом, если исходить из всего вышеизложенного, а также если считать достоверными сведения грамоты 1134 г. (или списка с этой грамоты, сделанного в XIV-XV вв.), то налицо наиболее раннее упоминание Галича. На 6 лет раньше, чем летопись, упоминает Галич грамота Берладника. В 1140 г. Галич — это не просто большой город, это резиденция князя Теребовльской земли. Само же упоминание грамотой 1134 г. Галича под этим годом, более ранним, но столь близким к первой летописной дате, может быть косвенным аргументом в пользу ее достоверности или, по крайней мере, достоверности сведений, которые в ней сообщаются.

Тем более логически некорректным выглядит утверждение И.Богдана: раз грамота датирована 1134 г., то есть ранее, чем упомянуто Галицкое княжество, значит, Иван Ростиславович не мог состоять в зависимости от Галича, как это, по его мнению, вытекает из смысла текста грамоты. А это, по И.И.Богдану, означает в свою очередь, что «содержание грамоты не сходится с довольно многочисленными известиями русской летописи об Иване Берладнике». Но ведь это последнее утверждение как раз и является, по И.Богдану, признаком подложности грамоты с исторической точки зрения. Он в достоверность грамоты изначально не верит, поэтому

признак, свидетельствующий о подложности грамоты, доказывается им при помощи факта ее подложности. Налицо явная нелогичность аргументации И.Богдана.

Этот момент в аргументации И.И.Богдана популярен в румынской историографии. Исследователи пишут: до 1144 г. Иван Ростиславич правил в Звенигороде, его деятельность в Подунавье и Галиче по летописям началась только после 1144 г. (Мохов 1964: 83). В такой ситуации хочется задуматься: а не производится ли насилие над источником? Разве упоминание летописи о правлении Берладника в Звенигороде (в 1144 г.! Когда же он там стал править, летопись не сообщает) исключает возможность его более раннего или одновременного владения землями Берлади или просто пребывания там? Разве летопись, повествуя об эпизоде 1144 г., говорит о том, что Иван Ростиславич первый раз оказался на Дунае? Как раз наоборот, контекст двух упоминаний летописью дунайских эпизодов жизни Берладника свидетельствует скорее, что в 1144 г. он на Дунае был не в первый раз. Рассмотрим и этот момент.

Иван Ростиславич после поражения под стенами Галича в 1144 г. бежит сначала на Дунай, а потом степью в Киев. Возникает вопрос: почему не сразу в Киев, где ему было гарантировано покровительство могущественного великого князя Всеволода Ольговича? Видимо, потому, что Берладник мог рассчитывать или укрыться в Берлади, или собрать там военный потенциал для продолжения борьбы с Владимиром Володаревичем. И то и другое требовало наличия на Дунае того самого военного потенциала, или, иначе говоря, преданного ему воинского контингента, который смог бы выступить в его защиту. Того самого контингента, который не покинул его, как половцы, во время осады Ушицы. Того самого контингента, с помощью которого он грабил купеческие корабли и галицких рыболовов. Ивана Ростиславича должны были знать на Дунае, чтобы он мог рассчитывать на поддержку местного населения.

Любопытно, что когда коалиция враждебных Берладнику сил во главе с Ярославом Галицким потребовала от великого князя Изяслава Давыдовича выдать его им, Иван Ростиславич, несмотря на то, что киевский князь отказался это сделать, все-таки бежит на Дунай в Берладь. И это после «первого» его опыта 1144 г. И как факт, берладники его поддержали. Все это не может не наводить на предположение, что Иван Ростиславич в 1144 г. был не в первый раз на Дунае. Поэтому я считаю: нельзя утверждать, что «деятельность Ивана Берладника в Подунавье по летописям началась только после 1144 г.». Исходя из анализа летописных данных, это можно только предполагать, поскольку, как я показал выше, вероятны и другие аргументированные варианты решения этого вопроса.

Рассмотрим и другие доводы сторонников идеи подложности грамоты. Все исследователи отмечают такой момент, как летоисчисление в грамоте, которое указано от Рождества Христова, в то время, как в галицких и молдавских документах таковое появляется в XIV в. Возможны два варианта решения этого вопроса.

Первый: в грамоте, изданной в 1134 г., действительно указан год от Рождества Христова. Как видно из текста грамоты, города в Берладской земле были активно посещаемы купцами из Руси, Венгрии и Чехии. Но именно в последних двух странах в это время было принято такое летоисчисление. Например, им пользуется Козьма Пражский — хронист второй половины XI-начала XII в. (Козьма Пражский 1962).

Второй: в первоначальном тексте грамоты было указано традиционное для южнорусских и болгарских документов того времени летоисчисление, но переписчик более позднего времени с целью сделать текст грамоты, который имел практическое, жизненно важное для его времени значение, более понятным современникам, перевел его на понятное всем летоисчисление от Р.Х. Возможно, при этом пересчете была допущена переписчиком ошибка: на эту мысль наталкивает «очень круглое» число «десять» разницы дат 1134 и 1144 гг. Последняя, как указывает летопись, связана с приходом Ивана Ростиславича на Дунай.

Рассмотрим еще один довод противников аутентичности грамоты 1134 г.: города Месембрия и Малый Галич в XII в. не существовали. Но разве это можно утверждать? Малый Галич исследователи часто связывают с современным румынским Галацем на Дунае. Но, кроме грамоты Берладника, нет данных о существовании в XII в. Галича на Дунае, — полагают исследователи. Так ли это? А.Петрушевич еще в 1865 г. отождествил город Галисийа сочинения арабского географа ал-Идриси (1154 г.) с Галичем на Дунае (Петрушевич 1865: 37-38). Большинство авторов отождествляют упомянутое ал-Идриси название с Галичем на Днестре. Но, что показательно, мнение А.Петрушевича не нашло поддержки в историографии не в силу аргументации исследователей в пользу Галича на Днестре, а из-за сомнений в подлинности грамоты Берладника (Коновалова 1991: 47). Исследователи отказываются от подтверждения достоверности сведений грамоты Берладника независимыми сведениями ал-Идриси из-за сомнений в подлинности грамоты. Опять мы видим все тот же заколдованный круг.

Востоковеды считают, что название Галисийа в передаче ал-Идриси соответствует названию западноевропейских источников, а не выводится непосредственно из славянского «Галич» (Коновалова 1991: 47). Естественным выглядит предположение, что этим источником для ал-Идриси была информация тех самых купцов, сопровождавших венгерские и чешские товары по грамоте Берладника. Правобережье Нижнего Дуная и придунайские земли, судя по всему, были знакомы ал-Идриси лучше, чем отдален-

ные от Дуная земли Поднестровья (Коновалова 1991; Овчинніков 1994).

Как показали работы Б.А.Рыбакова и других авторов, следовать за картой в интерпретации сообщения ал-Идриси о Галисийа невозможно, не приходя в противоречие с его текстом. Это, по мнению И.Г.Коноваловой, является косвенным свидетельством того, что город Галисийа стоял не на Днестре. Характер информации ал-Идриси об этом городе показывает, что он являлся русским, «причем пограничным населенным пунктом» (Коновалова 1991: 51; Рыбаков 1952: 14-32). Отметим, что город Галич, бывший во времена Идриси административно-политическим центром большого сильного княжества, никак не ассоциируется с «пограничным населенным пунктом».

Больше не настаивая на отождествлении города Галисийа ал-Идриси с Малым Галичом (Галацем?), хочу высказать следующее соображение. Нелепым выглядит предположение, что вблизи места возле последнего крутого поворота Дуная к Черному морю, вблизи места, где в реку Сирет вливаются крупные притоки, где сам Сирет и Прут вливаются в Дунай, не было города, о названии которого может напоминать название современного города Галац (рис. 1). [5]

Еще более странным выглядит суждение о том, что в XII в. не существовало города Месемврии (совр. Несебыр) — важнейшего торгового центра, согласно Константину Багрянородному, конечного пункта торговых экспедиций россов, совершающих плавание по пути «из варяг в греки» (Константин Багрянородный 1991: 51). И позднее упоминается город Месемврия в византийских источниках, например, в связи с богомилами в 1079 г. (Цанкова-Петкова 1980: 64).

Источником подделки грамоты И.Богдан считает отрывок летописи, называющий Ивана Ростиславича под 1149 г. берладским князем (НПЛ: 28). Часть исследователей на основании этого выражения полагает, что можно говорить о Берладском княжестве, часть, как мы видели, это отрицает. В.Б.Перхавко считает, что этому упоминанию нет смысла придавать какого-либо значения, поскольку летопись только один раз его так называет, «да и то, скорее, иронически» (Перхавко 1996: 72).

Мне кажется, следует обратить внимание, что летописи очень разнообразно называют Берладника: Иван, Иван Ростиславич, Берладник, Иван Ростиславич «*рекшему Берладнику*». Наиболее употребительны первые две формы. Поэтому нет никаких оснований считать, что выражение «берладский князь» было случайным из-за его единичности. Еще меньше я вижу оснований думать, что летопись назвала Берладника таким прозвищем иронически. [6]

В качестве источника фальсификации грамоты Берладника В.Б.Перхавко предлагает рассматривать летописную речь Святослава 969 г. о значении Переяславца на Дунае и грамоту молдавского господаря Александра Доброго львовским купцам 1407 (1408) г., в которой г.Быр-лад впервые упомянут вообще и как место сбора пошлин в частности (ПВЛ: I, 48; ИСв: I, 42; Перхавко 1996: 74). С В.Б.Перхавко можно согласиться, но с одной оговоркой: источником фальсификации, если она имела место, могли быть не только упомянутые документы, но и сам факт оживленных торговых отношений на Нижнем Дунае в период средневековья.

В плане предложенного источника фальсификации речь Святослава могла бы фигурировать, если бы фальсификация имела место не ранее середины XIX в. Но и в этом случае вызывает сомнение несоответствие по «национальному» облику товаров, указанных в двух документах. Что заменило греческие товары речи Святослава в грамоте Берладника? Ведь Берладское княжество рассматривается сторонниками аутентичности грамоты как русское, а некоторыми — как галицкое удельное княжество. К этому моменту стоит вернуться чуть позже, при рассмотрении проблемы локализации летописной Берлади.

Подведем некоторые итоги. Летописные сообщения о Берлади, берладниках и Иване Ростиславиче, достаточно определенные и ясные, не вызывают особых споров исследователей. Совсем другое отношение к такому источнику, как Грамота Берладника 1134 г.

Предлагаемое исследование показало, что вопрос о подложности грамоты нельзя считать решенным, как это представляется в работах последних десятилетий. Разбор аргументов сторонников подложности грамоты, свидетельствующих о «несоответствии грамоты историческим реалиям», показал, что мнение , будто оно «обстоятельно доказано» И.Богданом, А.И.Соболевским, П.Панаитеску и другими исследователями, не соответствует действительности.

Лингво-филологические доказательства, представленные еще в прошлом веке А.И.Соболевским, свидетельствуют только о том, что текст написан в XIV-XV вв. в орфографических и лингвистических традициях молдавских и

[5] В этом районе (совр. г. Мэчин вблизи Галаца), но на правом берегу Дуная локализуется знаменитый Дичин, Дисина, Дцин, Вичин. Последней работой, где затрагивался вопрос о Дичине — Дцине — Вичине, была монография И.Г.Коноваловой (Коновалова 1991: 44-46). Там же представлены и итоги продолжавшейся почти сто лет дискуссии.

[6] Даже если ирония летописца имела место, что из этого следует? Например, то, что Иван Берладник в 1149 г. являлся в глазах летописцев «князем без княжества», «князем-изгоем», предводителем берладников, в которых исследователи уже второе столетие видят прообраз казаков? Но разве из этого следует, что в 1134 г. Иван Ростиславич не мог владеть какими-то землями на Нижнем Дунае? Не думаю, что мы вообще потенциально способны адекватно воспринять иронию столь «серьезных» авторов, как летописцы. Слишком много времени нас от них отделяет.

болгарских документов этого времени. А это сразу ставит вопрос о переписывании грамоты (возможно, многократном) в последующие после XII в. эпохи. Необходимость ее переписки в «молдавское» время могла быть вызвана стремлением «продолжить традицию» торговых льгот для некоторых городов. Для того, чтобы ее сделать ясной и понятной современникам, и были внесены те орфографические и редакторские изменения, которые служат свидетельством подложности грамоты у некоторых исследователей.

В то же время я не исключаю возможности, что грамота была сфальсифицирована в это же время для того, чтобы показать упомянутую предшествующую традицию. Но тогда я хотел бы заметить следующее. По моему мнению, при ее фальсификации в XIV-XV вв. были использованы достоверные письменные источники или реальные исторические сведения устной традиции, восходящие к предшествующему времени.

Таким образом, в вопросе о грамоте возможны три варианта решения: 1) к Б.Хашдеу попал подлинник грамоты; 2) к Б.Хашдеу попал не оригинал грамоты, а список с нее, сделанный в XIV-XV вв.; 3) к Хашдеу попал фальсификат, изготовленный в XIV-XV вв, но при фабрикации которого были использованы достоверные исторические источники и сведения. Полагаю, что нет оснований, считать, что фальсификат был сделан самим Б.Хашдеу или в близкое к нему время. Из трех вышеупомянутых вариантов решения о происхождении грамоты наиболее вероятным считаю второй, хотя совсем исключить остальные два считаю неправомерным. Новые дополнительные доказательства в пользу достоверности сведений, сообщаемых грамотой Берладника, я представлю в следующем разделе, посвященном обсуждению локализации и статусу Берлади.

Где находилась летописная Берладь? (представление гипотезы)

Вопрос о локализации Берлади, как это ни странно, далек от окончательного решения. Казалось бы, наличие одноименной реки вблизи Дуная и города с названием Бырлад на этой реке (рис.1) должно было бы почти автоматически решить этот вопрос. Однако этого не произошло. Исследования румынских археологов на территории современного города Бырлада не обнаружили следов городской жизни для этого времени, слои XII-XIII вв. вблизи современного города выражены чрезвычайно слабо, представлены материалами поселений сельского типа культуры Рэдукэнень. Материалы, характерные для древнерусских поселений, в этом районе не найдены. Нет археологических доказательств, — считают современные румынские археологи, — в пользу существования на юге Молдовы древнерусского, подчиненного Галичу, княжества (Spinei 1994: 178).

К сожалению, именно результаты исследований археологов в последние десятилетия настраивают ученых на пессимистический лад в изучении проблем, связанных с берладниками. [7]

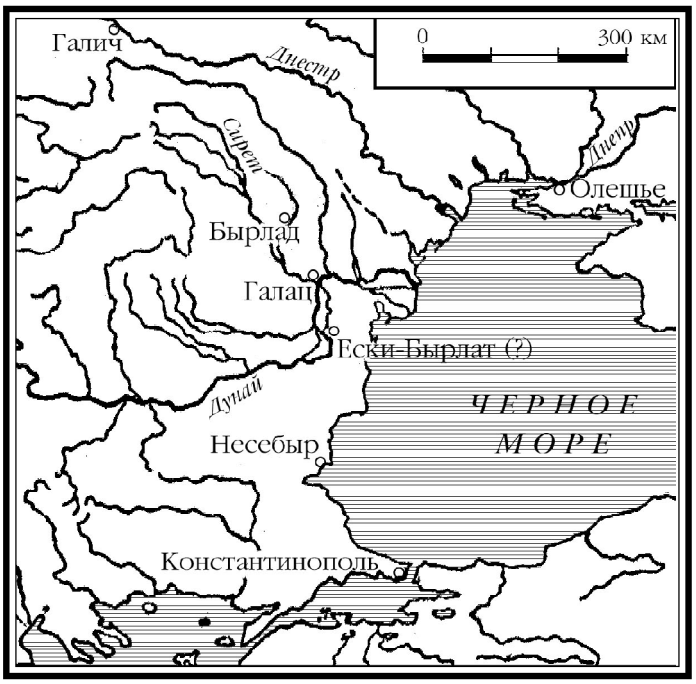
Характерными стали заявления, аналогичные тому, какое сделал И.О.Князький: «Долгое время некоторые историки полагали, что в южной части Днестровско-Карпатских земель в XII в. существовало Берладское княжество с центром на месте современного города Бырлада. Углубленное изучение письменных источников (наверное, имеется в виду сомнение по поводу подлинности грамоты 1134 г.?! — Р.Р.) и привлечение археологических материалов показало, что это мнение не соответствует истине» (ИМ I, 254-255).

Налицо нелогичность подобных рассуждений. Разве тот факт, что на месте современного города Бырлада археологи не обнаружили средневековых слоев XII-XIII вв., может являться доказательством того, что Берладское княжество, земля берладников, летописная Берладь никогда не существовали? Отсутствие предлагают считать окончательным доказательством. Argumentum ex silentio non est argumentum. Летописная Берладь — это не историческая фикция. Ее существование зафиксировано в источниках, не вызывающих сомнение своей достоверностью, — русских летописях. Окончательным доказательством быть не может, но может дать другое направление нашим поискам.

Вспомним даже в истории Молдовы примеры, когда средневековые города в силу разных причин запустевали, а в другом месте возникали новые, но с тем же названием (например, Старый Орхей — Бырня 1991а: 5). Именно последнее наблюдение и подсказало мысль, что современный город Бырлад мог и не входить в летописную Берладь, а связан названием с прежним, другим местом локализации данного формирования.

[7] Оптимизм исходит от недавней небольшой заметки киевского исследователя О.Овчинникова, отождествляющего город Секлахи сочинения ал-Идриси, подписанный на карте между Днестром, Дунаем вблизи Карпат, с летописной Берладью. Об этом городе нет никакой информации в тексте сочинения ал-Идриси. Овчинников не привел аргументы в пользу своей точки зрения и не соотнес свои исследования с исследованиями И.Г.Коноваловой, специально посвятившей изучению известий ал-Идриси о Карпато-Днестровских землях значительную часть монографии. Сама И.Г.Коновалова отождествляет город Секлахи с городом Пятра-Нямц в Запрутской Молдове, основываясь на цифровых данных арабского географа (которым, как она же показывает, не всегда можно доверять) и «обеспеченности богатыми археологическими материалами за XII в.» (?!) (Овчинніков 1994: 49; Коновалова 1991: 52).

Рис. 1. Локализация Берлади.

Изучение данных топонимики, лингвистики, письменных и археологических источников привело меня к гипотезе, что Берладь (или ее центр) размещалась не в районе современного Бырлада и даже не на левом берегу Дуная, а на его правом берегу, уже не в Южной Молдове, а в северо-западной Добрудже, непосредственно на Дунайском побережье. Это не означает, что сама область берладников не могла простираться на север до Берладского плато, но реальный исторический центр этой области находился в указанном месте. Рассмотрим аргументы, которые, могут быть положены в систему доказательств данной гипотезы.

1. Данные топонимики

Обратившись к монументальному труду по исторической географии Н.П.Барсова, среди предлагаемых им топонимов, связанных с историческими событиями, отраженными в русских летописях, я обнаружил любопытное название населенного пункта в Добрудже. Это название уже не появлялось на современных Н.П.Барсову картах, но оно фигурировало на более древних. Назывался этот населенный пункт «Ески-Бырлат» (тюркск. «Старый Бырлад»). Размещался он, согласно Н.П.Барсову, «по дороге из Базарджика (Пазарджика) в Гирсов (совр. Хиршово) (близ него к юго-востоку по дороге в Кистенджи)» (Барсов 1885: 115) (рис.1).

Учитывая закономерности в распространении топонимов, возникает предположение, что если есть «Старый Бырлад», то, естественно, где-то должен быть и «новый». Поскольку «нового» Бырлада в окрестностях нет, то под новым вероятнее всего предполагать современный город Бырлад, который возник, по мнению некоторых исследователей, не позднее XIII в. (Перхавко 1996: 73). Нельзя не обратить внимания на такие особенности локализации «Ески-Бырлата», как расположенность вблизи дунайского берега, близость к г.Мэчин (предполагаемый Дичин), Галацу (предполагаемый Малый Галич), близость к другим нижнедунайским центрам, в том числе Малому Преславу — Переяславцу на Дунае русских летописей (Перхавко 1988: 68-73).

2. Данные лингвистики

Какова этимология слова «Берладь»? М.Фасмер полагает, что в лингвистическом отношении оно связано с русским словом «берлога». В славянских языках слово «берлога» и близкие означают следующее: болг. *бърлок* «мусор, мутные помои», «лужа»; сербохорватским *брлага*, что означает «лужа», «логово», «мусорная свалка»; в чешском и словенском — «логово, пещера, убежище»; польском — «мусор, нечистоты»; и т.д. По мнению М.Фасмера, это слово связано с литовским *burlungis* — «топкое место» (Фасмер 1996: I, 157-158). В румынский язык это слово проникло, видимо, из славянских языков — *bârlog* и означает «логово», «пристанище, убежище». Итак, мы видим, что основной смысловой контекст этого слова означает — «лужа», «топкое место», «мутные потоки», но также представлен контекст — «логово», «убежище».

Если обратить внимание на размещение «Ески-Бырлата» (рис.1), то сразу поражает смысловое соответствие с его названием слова «берлога». Старый Бырлад размещался неподалеку от Хиршова. Это место на берегу Дуная в его низинах, в тех местах, где у него чрезвычайно широкое течение, где его русло разветвляется на мелкие рукава. Эти места чрезвычайно топки и заболочены. Само Хиршово расположено между прибрежным местом, называемом «Балта Яломицей» (выше по течению), при переходе его в место, называемое «Балта Брэиле» (ниже по течению). [8]

Интересно в плане отмеченного соответствия посмотреть на географическое положение современного Бырлада. Город расположен на юге прикарпатского плато, высота которого (свыше 500 *м* над уровнем моря) сравнима с внутренними областями соседней Трансильвании. То есть в отношении современного Бырлада соответствия с этимологией слова Берладь нет. Это не может не наводить на мысль, что в данном районе это название могло быть привнесенным из другого места, где данное соответствие имеется, а именно — из более южных придунайских районов.

Однако интересен и другой контекст — «логово», убежище». Исследователи давно пришли к заключению, что берладники — это придунайская вольница, прообраз или предтеча позднейшего казачества. Упоминания летописей об их пиратских ограблениях Олешья, а также участие в не очень благовидных военных мероприятиях Ивана Ростиславича, таких, как ограбление купеческих кораблей, действительно дают основания так считать. М.Фасмер полагает, что само слово «берладник» могло означать «авантюрист, грабитель из области Берладь» (Фасмер 1996: I, 157). В самой Берлади некоторые исследователи видели что-то вроде Запорожской Сечи. В.П.Шушарин, ссылаясь на данные румынского исследователя Т.Балана, приводит интересные данные о значении слова «берлад» в немецкоязычных грамотах Буковины второй половины XVII-XVIII вв. В буковинских грамотах «берладским путем» называется не дорога, ведущая на Бырлад, а «воровской», «разбойничий» путь — «берладский путь, называемый также разбойничьей дорогой» (Шушарин 1972: 172; Bălan 1928: 20-21).

Учитывая также и то, что в румынский язык слово «берлога» проникло только в значении «логово», «убежище», в то время как слова *болото*, *топи* и т.д. представлены иными словами, родственными по происхождению славянским (сравните рум. «балта» — русс. «болото»), но не содержащими контекста «логова», можно предполагать, что в какой-то период слова, связанные со словом Берладь и означающие первоначально «топкие заболоченные места», благодаря «разбойничьей деятельности» жителей Берладской области стали нарицательными.

3. Данные письменных источников

В обоснование предложенной гипотезы можно представить ряд наблюдений, основанных на анализе данных письменных источников.

В летописном сообщении 1159 г. говорится, что Иван Ростиславич Берладник ушел в поле к половцам, пошел с половцами и «*ста в городах подунайских*» и там захватил два кубаря с товарами и, видимо, там же «*пакостяше*» галицким рыболовам (ПСРЛ II, 497). Эти мероприятия никак не «вяжутся» с местоположением современного Бырлада. Река Бырлад впадает в р.Сирет, которая, в свою очередь, впадает в Дунай. И галицкие рыболовы, и купеческие корабли вряд ли могли оказаться так далеко от Дуная. Вообще трудно представить себе, чтобы город Бырлад (если говорить о современном городе) мог входить в понятии летописца в число «подунайских городов», поскольку его отделяет от Дуная около сотни километров. Исходя из контекста византийских, восточных и русских источников, в понятие «подунайские города» входили города, расположенные непосредственно на берегу Дуная, причем для этого времени — только правобережные. Размещение центра Берлади на правом берегу Дуная в районе Хиршова полностью отвечает контексту употребления понятия «подунайские города».

В летописном известии 1160 г., в котором сообщается, что киевский князь Ростислав послал Георгия Нестеровича и Якуна вдогонку за берладниками, ограбившими Олешье, говорится, что берладников настигли у Дциня (Дичина) и там «*избиша я и полон взяша*» (ПСРЛ II, 505). Исследователи не обращали внимания на нелогичность маршрута, которым берладники, нагруженные награбленным добром, уходили от киевлян. Берладники не вошли в реку Сирет, чтобы затем попасть в реку Бырлад к родным берегам. Если берладники не знали о преследовании киевлян, тогда тем более непонятно, почему они, не свернув на Сирет, поплыли дальше по Дунаю и оказались в районе Дичина. Однако все эти несообразности и нелогичности возникают при локализации Берлади на реке Бырлат, но сразу устраняются при локализации Берлади, предлагаемой нами теперь. Дичин (совр. Мэчин) находится на правом берегу Дуная (на 60 км «по прямой») ниже по течению, чем Хиршова. Берладники, уходя от погони, попросту не успели доплыть до «старого» Бырлата.

Локализация Берлади в районе современного г.Бырлада не могла объяснить активной деятельности Ивана Ростиславича на Дунае:

[8] В румынском языке слово «balta» переводится достаточно однозначно — озеро, болото, стоячая вода, топь, лужа.

ведь Берладь находилась в стороне от «стратегического простора» и никаких выгод не сулила. Предлагаемая локализация Берлади позволяет представить, каким образом берладники могли бы «пакостить» галицким рыболовам, спускающимся вниз по Днестру или Пруту к Дунаю и Черному морю.

Рассмотрим еще некоторые моменты, исходя или из условия достоверности грамоты Берладника, или ее фальсификации, при которой были использованы достоверные исторические сведения. При «старой» локализации Берлади из трех перечисленных в грамоте городов она располагалась дальше всех от Дуная. Еще неизмеримо дальше она располагалась от Месемврии. Было непонятно, какую стратегическую торговую выгоду сулило плыть месемврийским купцам по реке Бырладу, истоки которой терялись в пространстве между Прутом и Сиретом. Гораздо выгоднее было бы плыть им по Дунаю, по Пруту и по Днестру, что предлагало несопоставимо огромные рынки сбыта. Предлагаемая локализация Берлади эту нелогичность грамоты Берладника устраняет. Берладь «стала» намного ближе к Месемврии, намного ближе двух других упомянутых в грамоте городов. И что очень важно, при «новой» локализации «появляется» экономическая целесообразность в установлениях князя Ивана Ростиславича.

В установлении Ивана Берладника месемврийские купцы были освобождены от платы пошлин при складировании товаров («изклад») в Малом Галиче, но должны были ее платить в Берлади и Текуче. В то же время при операции с товарами «на исъвоз» (место причала и выгрузки товаров) купцам из Месемврии нужно было платить только в Малом Галиче. Купцы из Месемврии могли попасть в Берладь, Малый Галич и Текуч (современный Текуч расположен на реке Бырлад недалеко от места впадения ее в реку Сирет) морским путем до устья Дуная, затем по Дунаю до города Малый Галич. Далее, чтобы попасть в Берладь (по предлагаемой локализации), им нужно было еще плыть дальше по Дунаю, а чтобы попасть в Текуч, им нужно было в районе Малого Галича свернуть в реку Сирет, а затем по ней добираться до реки Бырлад и города Текуча. Таким образом, цель установления Ивана Ростиславича становится ясной: способствовать превращению Малого Галича в крупный перевалочный пункт товаров на Нижнем Дунае и при этом поощрить месемврийских купцов плыть в более дальние и труднодоступные районы и доставлять товары в города Берладь и Текуч.

Еще на один момент в тексте грамоты Ивана Берладника необходимо обратить внимание в свете предлагаемой гипотезы новой локализации Берлади. В грамоте упомянут ряд товаров различной «национальной» принадлежности. Порядок их перечисления следующий: «местные», «венгерские», «русские» и «чешские».

Во-первых, сразу бросается в глаза противопоставление товаров местных и русских. Это еще раз подтверждает выводы, сделанные на основании летописного эпизода 1174 г. (Андрей Боголюбский отсылает Давида Ростиславича за пределы Русской земли в Берладь), о том, что Берладь нельзя рассматривать в качестве русского княжества.

Во-вторых, в списке товаров не названы товары византийские [9], которые, учитывая географическое положение Берлади, должны были бы присутствовать обязательно. Ведь упомянуты даже чешские товары, которые должны были проделать путь гораздо более далекий — еще из-за пределов Венгрии. Это тем более очевидно, поскольку грамота дается купцам Месемврии. Если бы Берладь находилась на левобережье Дуная, в Сиретско-Прутском междуречье, то наряду с другими «этнически» определенными товарами должны были бы быть обязательно упомянуты византийские (греческие) товары. Поскольку последние не упомянуты, а грамота дается купцам Месемврии, то можно придти к выводу, что понятию «товары местные» более или менее адекватно понятие «товары греческие, византийские». Следовательно, исторический центр Берлади находился в византийских пределах, а значит, на правобережье Дуная. О том, что земли Берлади лежат в византийских пределах, свидетельствуют данные и других, менее «сомнительных», чем грамота 1134 г., письменных источников. Их сведения я разберу чуть ниже.

В-третьих, любопытен сам порядок перечисления «этнически» определенных товаров: местные, венгерские, русские, чешские. Если придерживаться «старой» локализации Берлади на р. Бырлад, то закономерность в порядке перечисления обнаружить трудно. Но если исходить из локализации Берлади на правобережье Дуная, то эта закономерность достаточно очевидна: товары перечислены в порядке возрастания сложности их транспортировки в Берладь. Наиболее доступными, безусловно, являются товары местные, под которыми естественно понимаются «греческие». Далее следуют товары венгерские. Их транспортировка в Берладь достаточна проста — по течению Дуная вниз: из Среднего («Венгерского») Подунавья в Нижнее («Византийское»). Далее названы товары русские. Их путь в Берладь сложнее: или морским путем, как часть пути «из варяг в греки», описанного Нестором и Константином Багрянородным, до Дуная, или из пределов Галицкой земли по Пруту и Сирету до Дуная, или, более вероятно, — по Днестру в Черное море, а затем по Дунаю. Путь русских товаров в Берладь сложнее и длиннее, чем путь венгерских. Зато путь чешских то-

[9] Поскольку во времена Ивана Берладника территория Болгарии входила в состав Византии, то мы будем ее называть византийской или, следуя летописям, греческой.

варов, названных последними, наиболее протяжен и сложен: или в Венгрию и затем по «венгерскому» пути — по Дунаю, или севернее Карпат до галицких земель и затем по «русскому» пути, то есть пути русских товаров в Берладь.

Поскольку в ходе дальнейшего изложения аргументов в пользу выдвинутой гипотезы я не буду больше обращаться к данным текста Грамоты Берладника, хотелось бы обратить внимание на следующий момент. Сведения грамоты Берладника, несмотря на сомнения в ее подлинности, удивительным образом подтверждают гипотезу локализации Берлади в месте, указанном теперь мной. Но, как мы видели, и данные русских летописей подтверждают данную локализацию. В таком случае нельзя не признать, что сведения грамоты 1134 г., независимо от степени ее аутентичности, достаточно достоверны и соответствуют историческим реалиям. Б.Хашдеу не высказывался в пользу локализации Берлади на правобережье Дуная. Очевидно, он придерживался традиционной точки зрения и связывал летописную Берладь с современным ему Бырладом. Поэтому он не мог настолько продумать и так составить текст грамоты, чтобы он наиболее полно соответствовал и условиям «новой» локализации и не противоречил летописным данным, также соответствующим данной локализации. Исходя из этого, я еще раз могу констатировать, но уже на базе новых, только что полученных наблюдений: Грамота Берладника не могла быть сфальсифицирована Б.Хашдеу и вообще в его время, и, независимо от характера ее происхождения, я признаю, что грамота содержит исторически достоверные сведения.

Рассмотрим еще несколько свидетельств письменных источников — арабских сочинений ал-Идриси и Ибн Халдуна и германского автора Готфрида Витербоского. Ал-Идриси на карте никак не определил политический статус Карпато-Поднестровья. Последнее не относилось ни к Дунайской Болгарии, границей которой был Нижний Дунай, ни к Руси, подписанной на картах на левобережье Днестра. Текст при этом полностью соответствует карте. Но вместе с тем в одной из секций другого климата, посвященной описанию берегов Черного моря, сицилийский географ сообщает, что Русь одним из своих рубежей имела черноморское побережье, где она граничила с Дунайской Болгарией (Коновалова 1991: 56-57).

Политического образования, то есть государства болгар, во времена ал-Идриси не существовало. Болгарские территории полностью попали под власть Византии не позднее 1018 г. Поэтому можно полагать, что, говоря о «странах» и называя их, ал-Идриси в первую очередь имел в виду этнический состав населения местности, а не их политический статус. Но где же проходила по ал-Идриси граница между русскими и болгарами? И.Г.Коновалова полагает, что по Нижнему Дунаю. Это традиционная точка зрения, и вряд ли она, в целом, не соответствовала исторической действительности. Но возможно ли, учитывая предлагаемую нами локализацию, предположить, что указанная граница проходила по черноморскому побережью, но южнее Дуная, то есть уже в Добрудже? Ведь ал-Идриси не говорит в этом случае про Дунай.

В позднейшей арабской литературе сохранилось словесное описание карт ал-Идриси, сделанное Ибн Халдуном в последней четверти XIV в. Ибн Халдун дважды подчеркнул, что Русь и Дунайская Болгария лежат на побережье Черного моря и имеют общую протяженную границу. Описывая соседние секции и климаты, географ говорит, что «Русь окружает страну бурджан» с запада, севера и востока (Коновалова 1991: 32-33;57).

Подобное уточнение Ибн Халдуном показаний ал-Идриси, казалось бы, только запутывает и осложняет и без того очень тяжелое восприятие информации, предоставляемой ал-Идриси. Совершенно непонятно, каким образом болгары и русские имели общую протяженную границу по побережью Черного моря, если она должна была проходить по Дунаю. И совсем непонятно, как русские могли «окружать» болгар со всех сторон, исключая южную (то есть обращенную к Византии, греческим областям) сторону.

Конечно, можно посчитать, что Ибн Халдун, рассказывая о столь отдаленных от него областях, что-то «напутал» и его известие не отражает никакой исторической реальности. [10]

Однако признание, что часть русского этнического массива населяла не только левобережные придунайские области, но и правобережные в Добрудже, где оно могло находиться даже южнее Хиршова, между последним и Чернаводой, где некоторые исследователи размещали летописный «Переяславец на Дунае» (Перхавко 1988: 69), наполняет сообщение Ибн Халдуна реальным историческим содержанием, а известия ал-Идриси (которого Ибн-Халдун дополнял) о границах Руси и Болгарии позволяет интерпретировать не столь традиционно, как принято в литературе.

Обратимся к сочинению германского средневекового историка и писателя Готфрида Витербоского «Пантеон», написанному в 1186 г. В части XV, гл.25 он пишет о Дунае: «...Там Дунай находит своей первый исток, а Венгрия, Рутения, Греция дают ему (Дунаю — Р.Р.) прибежище...» (Латиноязычные источники 1990: 346).

[10] Судя по мнению востоковедов, Ибн Халдун выделяется известным своеобразием среди арабских авторов. Он «был свободен от традиционных схем… в смысле большой способности указать на новые процессы…», для него характерно «стремление точно описать картину мира». Его работа «особенно интересна как комментарий к трудам его предшественников» (Поляк 1964: 30-31).

Это выражение является метафорой, в которой поэт отразил пограничное положение Дуная, отделяющего в своем нижнем течении Русь от Византии. «Откуда у Готфрида представление о том, что Дунай течет по землям Греции (Византии) и Руси, неясно, — вопрошает комментатор текста М.Б.Свердлов. — Вероятно, это отражение тех смутных географических представлений о Восточной Европе в среде, к которой принадлежал писатель» (Латиноязычные источники 1990: 347). Так, может, данное свидетельство является отражением представлений автора о русском населении подунайских городов правобережья Дуная, и в частности, земли берладников?

Итак, я предполагаю, что земля берладников, ее исторический политический центр, называвшийся Берладью, находился на правобережье Дуная, в Добрудже, то есть территории, которая в указанный источниками для берладников период (с 1134 по 1174 гг.) входила в государственную территорию Византийской империи. В свете этого интересно, насколько допускают данные византийских источников предполагать реальность высказанной гипотезы.

Из-за ограничений объема данной публикации я не буду касаться характеристики политической и этно-демографической ситуации на византийском правобережье Дуная в районах так называемых подунайских городов. Необходимо отметить следующее:

Во-первых, полиэтничный характер населения подунайских городов вообще и наличие в них русского населения в частности. О русском населении говорит и указание на правителя подунайского города по имени Сеслав у Анны Комниной, а также указание византийских авторов на некоего славянина Нестора, которого правительство в 1074 г. послало договариваться со взбунтовавшимся против Константинополя населением подунайских городов (Анна Комнина 1859: 309-310; Васильевский 1872: 147);

Во-вторых, слабость власти византийской администрации в подунайских городах, периодически становящейся чисто номинальной. Как известно, византийская администрация выплачивала подунайским городам даже ежегодные богатые поминки, чтобы последние хотя бы формально признавали над собой власть императора.

В-третьих, стремление византийских властителей «приручить» подунайскую вольницу с тем, чтобы создать в ней опору против кочующих между Балканами и Дунаем и ведущих себя деструктивно печенегов, потомков печенежских орд Тираха и Кегена, переселившихся на территорию Византии еще в конце 40-х гг. XI в. (Васильевский 1872: 118-136).

С этой целью византийское правительство поощряло переселение на правый византийский берег Дуная с левобережья оседлого населения, убегающего от кочевников. В качестве доказательств можно привести данные:

1) русской летописи (известие под 1069 г.) о возможности русских «уйти в греческую землю» (ПВЛ: I, 116);

2) сообщения Михаила Атталиата о «неких скифах», каявшихся в 1078 г. византийскому императору, в которых В.Васильевский убедительно видит русское население Дунайского правобережья (Васильевский 1872: 305);

3) известия Анны Комниной (кн.6, гл.14) о переселении в 1086 г. одного «скифского» племени на правобережье Дуная, которое договорилось об этом с властителями подунайских городов. Эти «скифы» потом «возделывали землю и сеяли просо и пшеницу» (Анна Комнина 1959: 309-310). В пользу «русского» происхождения «скифов» в этом эпизоде высказались П.Голубовский, В.Васильевский, А.Н.Насонов и Г.Б.Федоров (Васильевский 1872: 304-305; Насонов 1951: 139; Федоров 1974: 119). [11]

Но наибольший интерес в данном отношении представляет сообщение Иоанна Киннама. Рассказывая о приготовлениях к войне против венгров императора Мануила I Комнина, который сколачивал коалицию из западных союзников и сил русских княжеств, Киннам сообщает:

«Около этого времени добровольно пришел также к Римлянам с детьми, женою и со всеми силами один из владетелей Тавроскифии Владислав. Ему подарена была придунайская страна, которую царь прежде отдал пришедшему в Византию Василько, сыну Георгия, занимавшему первое место между филархами Тавроскифии...» (Киннам 1859: 262).

К сожалению, это интересное известие Киннама чрезвычайно сложно для определения хронологии и участников описанных событий. В нецитированной нами части о приготовлении Мануила к войне и сколачивании антивенгерской коалиции имена русских князей перепутаны, а некоторые имена, например, некий Примислав, вообще ни с кем не идентифицируются (Киннам 1859: 260-262). И в цитированном нами фрагменте непонятно, кто же скрывается под именем Владислав.

В.Н.Карпов предполагает, что этими переселенцами из Руси в пределы Византии были кто-

[11] Я также присоединяюсь к мнению о славянской принадлежности упомянутых «скифов». Указание на оседлость пришельцев и занятия земледелием вряд ли могут указывать на печенегов (так считает Я.Н.Любарский — 1959: 529), поскольку из труда того же В.Васильевского известно, какие усилия были затрачены византийской администрацией, чтобы привести к оседлости печенегов орд Кегена и Тираха, притом эти усилия так и не увенчались успехом. Представления о легкости оседания кочевников на землю бытуют в исследованиях по Карпато-Балканскому региону (Чеботаренко 1982: 57; Диакону 1964: 257-263). Однако, например, известно, что кочевники, переселившиеся в Венгрию еще в конце XI-XII вв., только в начале XV в. «обратились в оседлых земледельцев» (Голубовский 1889: 4-28).

то из Всеславичей — Давид (упом.1129), Ростилав (упом.1140), Святослав (упом.1129) и их племянников — Василько и Иоанн, которые были изгнаны из полоцкого княжества сыном Владимира Мономаха Мстиславом Великим (1125-1132) (Киннам 1859: 262).

В.Б.Перхавко считает, что данное событие произошло позднее — в 60 гг., а придунайские земли на территории Добруджи были отданы в держание русским князьям Васильку Юрьевичу (сыну Юрия Долгорукого) и Владиславу (Перхавко 1996: 73-74). К сожалению, автор ничего не сказал по поводу таинственного Владислава, которому, собственно, и была «подарена придунайская страна».

Не вдаваясь в дискуссию о хронологии и действующих лицах в указанном фрагменте византийского хрониста, отмечу главное:

1) придунайские земли на правобережье неоднократно дарились русским князьям именно в период, когда протекала на Дунае деятельность Ивана Ростиславича Берладника;

2) мы можем предположить, что среди тех князей, которым «дарились» придунайские области, мог быть и Иван Ростиславич, причем уже в тот период, который обозначен грамотой 1134 г.;

3) на основании летописного сообщения 1174 г. можно предполагать, что практика существования каких-то русских политических формирований, возглавляемых русскими князьями, но почти наверняка формально, как и подунайские города, подвластных Византии, продолжалась и после смерти Ивана Берладника. В.Васильевский назвал данную историческую практику «получением русскими князьями уделов от византийского императора» (Васильевский 1872: 304).

Обстоятельства гибели Ивана Ростиславича Берладника в Солуни в 1162 г. безусловно, заслуживают внимания исследователей. Возможно, и прав В.Б.Перхавко, предполагающий, что Ивана Ростиславича отравили византийцы по просьбе их союзника Ярослава Владимировича Галицкого (Перхавко 1996: 72). Однако сам факт, что привыкший к борьбе и всю свою жизнь боровшийся Иван Ростиславич жил перед смертью в Византии, говорит о достаточно интересных обстоятельствах взаимоотношений Берладской земли с официальным Константинополем.

Возможно, не случайно Иван Ростиславич и берладники, совершавшие походы на галицкие города, грабившие галицкие купеческие корабли и рыболовов, ходившие на далеко расположенный киевский торговый порт Олешье, не грабили рядом находившихся византийцев, не имели конфликтов с византийскими властями. Исследователями не обращалось внимания на то, что берладники, бывшие по общему в русской историографии мнению, деклассированным разбойничьим элементом, прообразом будущего казачества, профессиональными пиратами, плавая по Дунаю и Черному морю, не «замечали» в Византии богатую добычу, которая была рядом, за которой не надо было плыть в устье Днепра или вверх по Днепру. [12] Ни одно нападение на греков, ни один конфликт берладников с византийцами не нашли отражение ни в одном из русских или греческих источников.

Данные наблюдения с учетом всего вышесказанного позволяют мне выдвинуть предположение не только о том, что центр исторической летописной Берлади находился на территории Добруджи, формально принадлежащей Византии, но и о том, что Берладская земля была формально зависимой от Византии. Это не было княжество, зависимое от Галицкой Руси, по крайней мере, с 1144 г., и это не была в полном смысле «казачья вольная республика».

Последний вопрос, который я бы хотел осветить в рамках привлечения данных письменных источников, — отношения Ивана Ростиславича и берладников с половцами. Уже привлекалось летописное свидетельство об осаде в 1159 г. Иваном Ростиславичем с берладниками и половцами Ушицы. При анализе этого фрагмента, комментируя уход половцев от Ивана, я предположил, что «Берладь, где бы она ни находилась, была независима от половцев». Иначе трудно было бы объяснить, почему половцы послушались Ивана Берладника, почему мирно и спокойно от него ушли.

Интересные факты, касающиеся взаимоотношений Ивана Берладника с половцами, предоставляет летопись В.Н.Татищева, который использовал при написании этого сюжета ряд не дошедших до нас летописных данных. В.Н.Татищев сообщает, что после того, как Иван Берладник в 1159 г. ушел из Киева от Изяслава Давыдовича к половцам и стал в городах подунайских, галицкий князь Ярослав Владимирович оказал давление на венгров, и те отправили посольство к половцам с требованием выдать им Ивана Берладника. Половцы не только ответили отказом, но даже, когда венгры попытались увезти Ивана Ростилавича силой, вступили с венграми в бой, после чего посольство выгнали (Татищев 1964: III, 64-65).

Сиретско-Прутской локализацией Берлади трудно объяснить подобный характер взаимоотношений Ивана Берладника с половцами. Несмотря на возможные личные симпатии к русскому князю, у половцев и у Ивана Ростиславича могли быть разные интересы. Если бы Берладь размещалась исключительно на землях юга Молдовы, то она была бы беззащитна перед многочисленными половцами, контролировавшими этот район. В то же время локализация Берлади на правом берегу Дуная, в Добрудже сразу же делает типологически близкими отношения Ивана с половцами и правителей

[12] В данном случае неважно, где располагалось летописное Олешье – в устье Днепра или на 60 км вверх по течению Днепра, возле современного Цюрупинска. По этому поводу см.: Сокульский 1980: 64-73.

подунайских городов с половцами. Они были традиционно союзными. В качестве примера можно привести сюжет из сочинения Анны Комниной: когда в 1088 г. император Алексей Комнин осадил подунайский город Дерстр, его «руководитель» Татуш ушел за Дунай к половцам просить помощи. Алексей сразу же снял осаду и оставил свои планы покорения города (Васильевский 1872: 163). Видимо, расположение, по крайней мере, части земли берладников на правобережье Дуная создавало необходимый баланс сил, который половцам было невыгодно нарушать.

Таковы, на мой взгляд, аргументы в пользу локализации Берлади на правобережье Дуная, исходя из анализа письменных источников.

4. Данные археологии

Результаты исследований археологов имеют при решении проблемы локализации летописной Берлади первостепенное значение. Я уже говорил, как археологическая «неуловимость» Берлади внесла скептицизм не только в среду археологов, но и историков. И как результат, в исследованиях последних десятилетий проблемы, связанные с берладниками, вообще не затрагиваются, а если и затрагиваются — то на уровне представления историографии, в которой первое место принадлежат сомнениям по поводу подлинности грамоты Берладника.

Археологическим показателем локализации Берлади, по мнению исследователей, должны выступать фиксируемые остатки культуры городского облика и предметы специфически древнерусского происхождения. На месте современного Бырлада ярко выраженных слоев XII-XIII вв. не обнаружено. Что же касается вещей древнерусского облика, то, например, такая специфическая категория вещей, как древнерусские энколпионы, была обнаружена в достаточно большом количестве только в северной и центральной части Запрутской Молдовы не южнее районов Бакэу и Васлуй. То есть в северных районах, которые вряд ли могли входить в область Берладь, подобные вещи есть. Один энколпион найден даже в центральной части Днестровско-Прутского междуречья на поселении Ханска (Postica 1995: 61), а на территории юга Румынской Молдовы, где существуют река и город с названием Бырлад, такие находки пока не известны (Комша 1987: 104-105; Spinei 1975: 235-242; Spinei, Coroliuc 1976: 319-328).

М.Комша, картографировавшая памятники на территории Румынии, на которых встречены изделия древнерусского происхождения, в качестве которых у нее выступают шиферные пряслица, лунницы, колты, металлические браслеты, стеклянные перстни и браслеты, янтарные бусы, энколпионы, шейные и нагрудные крестики, яйца — писанки и другие предметы, показала, что южнее района Бакэу в Запрутской Молдове они не встречаются, хотя севернее представлены в 22 пунктах (Комша 1987: 101-102, рис.1).

Данное явление, безусловно, требует своего объяснения. А пока отметим: в месте традиционной локализации летописной Берлади — на юге Запрутской Молдовы подобные вещи не обнаружены. Данный факт, а также отсутствие слоев XII-XIII вв. в г.Бырладе, как уже отмечалось, конечно, не позволяют делать окончательные выводы, но все же позволяют предполагать, что Берладь, по крайней мере, ее центральные области в этом районе не находились.

В плане предлагаемой локализации Берлади в Добрудже обратимся к археологическим материалам из этого региона в интересующее нас время. Мы видим кардинально противоположную картину в распространении вещей древнерусского происхождения.

Наиболее массово встречаемыми предметами древнерусского происхождения (место производства — Овруч) в Добрудже являются шиферные пряслица розового, красного, фиолетового цветов, которых только на поселениях Диногеция, Пэкуюл луй Соаре и Исакча найдено несколько сот экземпляров. Овручские пряслица встречаются на указанных поселениях даже в кладах с украшениями и византийскими монетами, что неудивительно, поскольку они могли использоваться в качестве обменного эквивалента. Как полагает М.Комша, по образцу привозных овручских пряслиц на указанных поселениях делали пряслица и из местного серого шифера. (Комша 1987: 100-103; Dinogeţia 1967: 100-119; Barnea 1954: 197; idem 1955: 169-180; idem 1984: 103; Păcuiul lui Soare 1972: I, 170-173; Диакону 1961: 492; Ştefan 1955: 730-732; Comşa, Bichir 1960: 234-239).

Найденные на поселениях Диногеция и Исакча металлические лунницы, М.Комша считает местной имитацией лунниц, широко распространенных в русских кладах второй хронологической группы по Г.Ф.Корзухиной (Dinogeţia 1967: 281; Barnea 1955: 175-176; Mănucu-Adamestianu 1984: 243; Комша 1987: 103; Корзухина 1954).

Найденные при раскопках подунайских городов и поселений их округи — памятников Диногеция, Капидава, Исакча, Мэчин, Нуфэрул, Пэкуюл луй Соаре стеклянные браслеты и перстни исследователи считают привозными из Руси (Dinogeţia 1967: 314; Capidava 1958: 237-238; Barnea 1954: 199; Vasiliu 1980: 482; idem 1984: 530-534; Mănucu-Adamestianu 1983: 472; Комша 1987: 104).

Также привозными из Руси, вероятно, киевского производства, М.Комша считает и янтарные бусы, двуусеченной конической формы, многогранные, найденные на поселении Пэку-

юл луй Соаре и могильнике XI-XII вв. в Исакче (Комша 1987: 104; Păcuiul lui Soare 1972: I, 137-138; Vasiliu 1980: 483; idem 1984: 534-539).

Среди предметов культа древнерусского происхождения интерес вызывают находки энколпионов в Пэкуюл луй Соаре. М.Комша полагает, что часть из них была изготовлена в Киеве, а часть в Галиче. В Диногеции и Исакче найдены довольно многочисленные шейные и нагрудные бронзовые крестики XI-XII вв. с одинаковыми концами с выпуклостями, аналогичные волынским (Седов 1982: 199-200, табл. XXV, XXVI, 30), а также бронзовый крестик (Диногеция) с неравными, закругленными и украшенными шипами концами, которые орнаментированы спиралевидным узором, заключенным в окружность. Этот экземпляр, как считает М.Комша, аналогичен новгородским (Седова 1951: 235, табл.4, 9). Исследовательница полагает, что киевского происхождения могут быть и два, найденных также в Диногеции, бронзовых крестика с равными расширяющимися концами, имеющими на лицевой стороне черненый узор (Комша 1987: 105; Dinogeția 1967: I, 357-366, fig. 191, 2; 192, 3-5; Barnea 1973: 309, 317, fig.9, 2;15, 4; Mănucu-Adamestianu 1984: 244-245; 636-637; tabl.III, 31-33; IV, 34).

На всей территории Румынии только в Добрудже, а именно на поселениях Диногеция и Исакча, найдены полихромные поливные яйца — писанки, которые, по мнению И.Барни, изготовлены в мастерских Киева и, возможно, Белгорода (Dinogeția 1967: I, fig.149: 12, 13; Barnea 1954: 198-199; Vasiliu 1984: 115).

Таким образом, мы видим большое количество вещей древнерусского происхождения в Добрудже, причем на поселениях, расположенных по берегу Дуная в Северной и Западной Добрудже. По нашей локализации, Берладь находилась в районе Хиршова. Территориально этот район «укладывается» между Мэчином (летописный Дичин) и Пэкуюл луй Соаре, расположенным выше по течению Дуная, чем Хиршова. Обилие находок древнерусского происхождения в таком дальнем пункте, как хорошо изученное археологически поселение Пэкуюл луй Соаре, делает нашу локализацию достаточно обоснованной и в плане археологии. Широкое распространение предметов древнерусского происхождения на подунайских поселениях в Добрудже вряд ли можно объяснить только широко развитой торговлей этого региона с Русью (Комша 1987: 106).

Возможно, что и торговля с Русью приняла широкие масштабы из-за наличия большого русского этнического массива на правобережье Дуная во второй половине XI — XII вв. М.Комша отмечает, что абсолютное большинство предметов древнерусского происхождения появилось здесь в XI-XII вв. и позже (Комша 1987: 101-106). Вспомним, что речь Святослава 969 г. о Переяславце, локализующемся в этом районе (Нуфэру — Перхавко 1988: 73), как центре торговли, свидетельствует о ее развитии уже к середине X в. А массовое появление древнерусских вещей фиксируется позже. К концу X в. из древнерусских вещей, отмеченных исследователями на подунайских поселениях Добруджи, относятся только овручские пряслица. Но в большом количестве они появились здесь уже в XI в. (Комша 1987: 101). Лунницы, обнаруженные в Диногеции и Исакче, имитирующие древнерусские, относятся также к XI в. (Комша 1987: 103). Любопытно, что многие из перечисленных предметов были найдены в погребениях, что не может не наводить на предположение об «этнической значимости» этих вещей.

В любом случае большое количество вещей древнерусского происхождения на придунайских правобережных памятниках Добруджи, некоторые из которых отождествляются с «подунайскими городами» византийских и русских источников, связано с наличием среди населения подунайских городов русского этнического массива, засвидетельствованного письменными источниками. Я согласен с В.Б.Перхавко, что часть этих городов и была передана византийским императором Мануилом Комнином в удел русским князьям, о чем повествует Киннам (Перхавко 1996: 73-74). Определить, какие из них могли входить в 1134-1174 гг. в некое сообщество «Берладь», достаточно сложно, но возможно.

Радикально решить археологическими методами задачу локализации Берлади в указанном районе, наверное, могли бы румынские археологи, идентифицировав на местности исчезнувший еще при Н.П.Барсове Эскер-Бырлат. Во всяком случае, я полагаю, что археологических доказательств локализации летописной Берлади в Добрудже, а не на юге Запрутской Молдовы на сегодняшний день существует гораздо больше.

ЛИТЕРАТУРА

Барсов Н.П., 1885. Очерки исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. Изд.2. Варшава, 371 с.

Богдан И.И., 1897. Грамота князя Ивана Ростиславича «Берладника» 1134 года. Сообщение. // Труды Восьмаго Археологическаго Съезда въ Москве в 1890 г. , т.IV, М., с.163-164.

Бырня П.П., 1991. Из истории исследования Старого Орхея (1946-1958 гг.) // Археологические исследования в Старом Орхее. Кишинев, «Штиинца», с.5-43.

Васильевский В., 1872. Византия и печенеги (1048-1094) // ЖМНП, ч.CLXIV ноябрь, с.116 — 165; декабрь, с.243-332.

Голубовский П.В., 1884. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX-XIII вв. Киев, изд-во ун-та Св.Владимира, 254 с.

Голубовский П.В., 1889. Половцы в Венгрии. Исторический очерк. // Известия Киевского Университета 1889 года, с.1-28.

Грот К.Я., 1881. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. СПб.

Грот К.Я., 1889. Из истории Угрии и Славянства в XII веке (1141-1173). Варшава.

Грушевский М., 1911. Киевская Русь. т.I, СПб., 480 с.

Дашкевич Н.П., 1904. Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. // Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирскому-Буданову, Киев.

Диакону П., 1961. Крепость X-XV вв. в Пэкуюл луй Соаре в свете археологических исследований. // Dacia, NS, No 5

Диакону П., 1964. К вопросу о глиняных котлах на территории РНР. // Dacia, NS, VIII, p. 249-263.

ДПИ — Древнерусские письменные источники X-XIII вв., 1991. М., «Кругъ», 80 с.

ИСв, 1965.- Исторические связи народов СССР и Румынии в XV -начале XVIII в., т.I (1408-1632), М., 1965.

История Венгрии 1971. В трех томах., т.I, М., «Наука», 644 с.

ИМ — История Молдавской ССР., 1987. В 6 т., т.1, Кишинев, «Картя Молдовеняскэ», 416 с.

Киннам Иоанн, 1859. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118-1180). Труд Иоанна Киннама. Пер. под редакцией проф. В.Н.Карпова. — Византийские историки, переведенные с греческого при С.Петербургской Духовной Академии. СПб, 363 с.

Козьма Пражский, 1962. Чешская хроника. Вступит.-статья, перевод и комментарии Г.Э.Санчука. М., Издательство АН СССР, 295 с.

Комнина Анна, 1859. Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина (1081-1118).Перевод под редакцией проф. В.Н.Карпова. — Византийские историки, переведенные с греческого при С.Петербургской Духовной Академии [кн.2]. С-Петербург, 435 с.

Комнина Анна, 1965. Алексиада. Вступительная статья, перевод, комментарий Я.Н.Любарского, М.

Комша М. 1987. Изделия древнерусских городов на территориях к юго-западу от Киевской Руси. // Труды V Международного конгресса славянской археологии, Киев 18-25 сентября 1985 г., т.III, выпуск 1а, М., с.100-110.

Коновалова И.Г., 1991. Арабские источники XII-XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1990 год. М., «Наука», с.5-115.

Константин Багрянородный, 1991. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. Изд.2., М., «Наука», 496 с.

Корзухина Г.Ф., 1954. Русские клады IX-XIII вв. М., -Л.

Котляр Н.Ф., 1985. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX-XIII вв. Киев, «Наукова думка», 183 с.

Латиноязычные источники, 1990 — Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. Середина XII — середина XIII в., 1990. Составление, перевод, комментарий М.Б.Свердлова. М.-Л., 398 с.

Левченко М.В., 1956. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., Издательство АН СССР, 554 с.

Молчановский Н., 1883. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года.(Преимущественно по летописям). Студента. Киев, 390 с.

Мохов Н.А., 1964. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, «Картя Молдовеняскэ», 440 с.

Мутафчиев П., 1928. Произходътъ на Асеневци. // Македонски прегледъ, IV, 4.

Насонов А.Н., 1951. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 260 с.

НПЛ 1950 — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов, 1950. Под ред., предислов. А.Н.Насонова. М.-Л., Издательство АН СССР, 651 с.

Пашуто В.Т., 1950. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., Издательство АН СССР, 328 с.

Перхавко В.Б., 1988. Летописный Переяславец на Дунае. // Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР В.Т.Пашуто. М., 1988, ТД, М., с.68-73.

Перхавко В.Б., 1996. Князь Иван Берладник на Нижнем Дунае. // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. VIII Чтения памяти В.Т.Пашуто. М., с.70-75.

Петрушевич А., 1865. Было ли два Галичи, княжеские города, один в Угорско-Словацкой области, а другий по сю сторону Карпат над Днестром, или нет? // Науковый сборник, издаваемый Литературным обществом Галицко-русской матицы. Львов, вып.1, с.24-49.

ПВЛ — «Повесть временных лет», 1950. ч.I, II. Подготовка текста, статьи и комментарии Д.С.Лихачева. М.-Л., Издательство АН СССР.

ПРП, 1953 — Памятники русского права. Выпуск 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси (XII-XIV вв.). Составитель А.А.Зимин. М., «Государственное издательство юридической литературы», 442 с.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. 1962. т.II. Ипатьевская летопись. М., Изд-во восточной литературы, 938 с.; 1856. т.VII «Летопись по Воскресенскому списку», СПб, 345 с.; 1965. т.IX «Патриаршая или Никоновская летопись», М., Наука, 256 с.

Поляк А.Н.1964. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Под ред.А.С.Тверитиновой. М., «Наука», с. 29-66.

Протоколы, 1897 — Протоколы Заседания Отделения VI. Памятники славяно-русского языка и письма. // Труды Восьмаго Археологическаго Съезда въ Москве въ 1890 г. т.IV, М., 1897, с.101-104.

Овчинніков О., 1994. Галицько-Волинські міста XII ст. за трактатом Ал-Ідрісі. // Населення Прутсько-Дністровського межиріччя та суміжних територій в другій половині I — на початку II тисячоліть н.е. ТД, Чернівці, «Рута», с.48-49.

Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1981. Древнерусское Поднестровье. Ужгород, «Карпати», 144 с.

Рыбаков Б.А., 1952. Русские земли по карта Идриси 1154 года. // КСИИМК, No 43, с.3-44.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI-XIII вв. Археология СССР, М., «Наука», 326 с.

Седова М.В., 1951. Ювелирные изделия Древнего Новгорода. МИА, No 65.

Середонин С.М., 1916. Историческая география. Лекции, читанные в Императорском Петроградском Археологическом Институте. Петроград, 240 с.

Соболевский А.И., 1897. Грамота кн.Иванка Берладника 1134 г. // Труды Восьмого Археологического Съезда в Москве 1890 г., т. II, М., с.173-174.

Сокульский А.Л., 1980. К локализации летописного Олешья. // СА, 1, с.64-73.

Татищев В.Н., 1963;1964. История Российская. В 7 томах. М.-Л., Издательство АН СССР, т.2;3.

Тихомиров М.Н., 1947. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Славянский сборник. М., ОГИЗ, с.125-201.

Тихомиров М.Н., 1956. Древнерусские города. Изд.2, М., Госполитиздат, 477 с.

Фасмер М., 1996. Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. Перевод О.Н.Трубачева. СПб., Издательство «Азбука», Издательский центр «Терра».

Федоров Г.Б., 1974. Население Прутско-Днестровского междуречья и левобережья Нижнего Дуная в конце I и начале II тысячелетия н.э. Рукопись. Хранится в библиотеке Высшей Антропологической Школы (Кишинев, Молдова).

Цанкова-Петкова Г., 1980. Съдбата на Българския град под византийско владичество. // Средновековният Блъгарски град. София, с.57-66.

Чеботаренко Г.Ф., 1982. Население центральной части Днестровско-Прутского междуречья в X-XII вв. Кишинев, «Штиинца», 75 с.

Шушарин В.П., 1972. Этническая история Восточного Прикарпатья IX-XII вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. Материалы научной сессии польских и советских историков. Киев, «Наукова думка», с.166-179.

Bălan T., 1928. Berladnicii. Cernăuți.

Barnea I, 1954. Elemente de cultura materială veche rusească şi orientală in aşezarea feudală (secolele X-XII) de la Dinogeția. // Studii şi referate privind istoria României. Bucureşti, I.

Barnea I., 1955. Byzance, Kiev et l'orient sur le Bas Danube du X au XII siècle. Nouvelles etudes d'histoire. Bucarest, t.I, p.169-180.

Barnea I., 1973. Noi descoperiri din epoca feudalismului timpuriu la Dinogeția-Garvan Jud. Tulcea (1963-1968). // MCA, X, p.309-317.

Barnea Al., 1984. Săpăturile de salvare de la Noviodunum. // Peuce, Tulcea, IX.

Capidava, 1958. — Gr.Florescu, R.Florescu şi P.Diaconu. Capidava. Monografie arheologică, vol.I, Bucureşti, 265 p.

Cihodaru C., 1963. Considerații în legătură cu populația Moldovei din perioada premergătoare invaziei tătarilor (1241). // SCS, XIV, 2, Iaşi.

Comşa E., Bichir Gh., 1960. O nouă descoperire de monete şi obiecte de podoabă din secolele X-XI în asezarea de la Garvan-Dinogeția (Dobrogea). // SCN, III.

Dinogeția, 1967. Aşezarea feudală timpurie de la Bisericuța — Garvan. Gh.Ştefan, I.Barnea, M.Comşa, E.Comşa., I, Bucureşti, 409 p.

Giurescu C.C., 1967. Tîrguri sau oraşe şi cetăți moldovene din secolul al X-lea pînă la mijlocul secolului al XVI-lea. Bucureşti.

Iorga N., 1927-1928. Brodnicii şi românii. // Analele Academiei Române, Memoriile secțiunii istorice, seria III, VIII, p.147-174.

Mănucu-Adamestianu Gh., 1983. Cercetări arheologice efectuate în com. Nufăru (Jud.Tulcea). // MCA.

Mănucu-Adamestianu Gh., 1984. Descoperiri marunte de la Isaccea (sec. X-XIV). // Peuce, Tulcea, IX.

Olteanu St., 1974. Bîrladul şi veacurile sale de istorie. // Magazin istoric, VII, 9(90).

Păcuiul lui Soare, 1972. Bucureşti, I.

Panaitescu P., 1932. Diploma bîrladeană din 1134 şi hrisovul lui Iurg Cariatovici din 1374 (falsurile patriotice ale lui B.P.Haşdeu). // «Revista istorică Română», II, p.46-51.

Postică Gh., 1995. Civilizația veche românească din Moldova. Chişinău, «Ştiința», 80 p.

Spinei V., 1975. Les rélations de la Moldavie avec le Byzance et la Russie au premier quart du II millenaire à la lumière des sources archéologiques. // Dacia, NS, XIX, p.227-242.

Spinei V., 1994. Moldova în secolele XI-XIV. Chişinău, Universitas, 495 p.

Spinei V., Coroliuc G., 1976. Circulația unor obiecte de cult din sec. XII-XIII. // SCIV, 27, 3, p.319-328.

Ştefan Gh., 1955. Şantierul arheologic Garvan-Dinogeția. // SCIV, VI, 3-4.

Vasiliu I., 1980. Cercetările arheologice intreprinse în cimitirul feudal timpuriu (secolele XI-XII) de la Isaccea. // Materiale şi cercetări arheologice. Tulcea.

Vasiliu I., 1984. Cimitirul feudal timpuriu de la Isaccea. // Peuce, Tulcea, IX.

Н.Д.Руссев

МОЛДАВИЯ В «ТЕМНЫЕ ВЕКА»:
материалы к осмыслению культурно-исторических процессов

«В старину вся Молдавия делилась на три части: нижнюю, верхнюю и Бессарабию»
Димитрий Кантемир

N.D.Russev. Moldavia in «Dark Ages»: Materials for Understanding Cultural and Historical Processes.

The article provides an analysis of some vague pages of history of Carpathian-Dniester lands on basis of archaeological, numismatic and written sources.

An analysis of messages given by various written records of Tatar domination epoch concludes that a «Country of Vlachs and Russians», an ethno-political formation genetically connected with the medieval Moldavian state existed in the Eastern Carpathian region already in the second half XIII century. A newly emerged large political centre under a powerful Mongol commander Nogay in the Low Danube region enabled constitution of a rather independent and advanced in its cultural and historical development Golden Horde province.

It managed to preserve its characteristic features in XIV too, in spite of changes in the internal political situation in Djuchi's Ulus. Nomads' steppes coexisted here with towns and regions of settled life, merging traditions of Europe and Asia into a complicated structure.

After dismantle of the Horde State, Moldavia emerged to the international stage and during a quite long period of time continued integrating «the Upper Country», «the Lower Country» and «Bessarabia» into one whole historic space. The beginning of exploitation of lands between Prut and Dniester (in the time of Bogdan I) and the first break-through of the Moldavians to the Lower Danube (in the time of Petru Muşat) were of a great importance for a successful development of Moldavian statehood. These acquisitions, happened to be short-term ones at a time, were made on the background of a large ethno-cultural variation of the population. Medieval records perfectly showed a close Roman, Slavic and Turk interaction which laid down the basis for a peculiar Moldavian civilisation of XIII-XV centuries.

1. «Страна валахов и русских»

Историографическая традиция, начало которой положили еще летописцы XV в., однозначно связывает появление Молдавского государства с освобождением Карпато-Днестровских земель от власти ордынцев. Много сложнее обстоит дело с анализом исторических процессов в регионе в то время, когда он находился в зоне политического господства Улуса Джучи. Между тем, именно характер отношений между местным и пришлым населением в значительной мере обусловил конечный результат — ассимиляцию тюркского элемента в романоязычной среде. К сожалению, нынешнее состояние источниковой базы не позволяет заниматься историческими реконструкциями широкого масштаба. Для начала необходимо проведение работ по освещению отдельных сюжетов и установлению особенно важных фактов изучаемого процесса. Именно детализация проблематики при одновременном накоплении достаточного количества положительных решений создает надежные научные предпосылки для перехода к более высокому уровню обобщения.

Первые столкновения населения Карпато-Дунайского региона с монголами относятся к 1241 г., а «с 1243 г. начался новый период истории, то есть сложилась новая расстановка сил и целей» (Гумилев 1989: 513) — возникла Золотая Орда. Из донесения католического миссионера Гильома Рубрука, датированного маем 1253 г., можно составить представление о владениях монголов в Европе: *«От устья Танаида к западу до Дуная все принадлежит им; также и за Дунаем, в направлении к Константинополю, Валахия, земля, принадлежащая Ассану, и Малая Булгария до Склавонии»* (Путешествия 1957: 89). В письме венгерского короля

© Н.Д.Руссев, 1999.

Белы IV папе Иннокентию IV сообщается, что данниками татар в 1254 г. являются *«области, которые граничат с востока с моим королевством — Русия, Кумания, бродники, Булгария»* (Писма 1981: 101). Разглядеть за средневековыми терминами обитателей Восточного Прикарпатья оказывается трудной задачей, тем более, что в течение последних десятилетий высказано немало зачастую противоположных точек зрения. Тем не менее имеется несколько письменных свидетельств, по всей видимости, действительно относящихся к населению будущей Молдавии. Они требуют более подробного рассмотрения.

В сочинении персидского историка Рашид ад-дина (1247-1318) «Джами-ат-Таварих» — «Сборник летописей» (Тизенгаузен 1941: 38; Рашид-ад-дин 1960: 44-45. См. Петрушевский 1952: 7-37; Новосельцев 1989: 222, 230) имеется не раз обращавший на себя внимание отрывок. В прочтении румынского ориенталиста А.Дечей он выглядит следующим образом: *«Бучек, пройдя по дороге Караулаг через горы, разбил те племена Улаг. И оттуда он вошел в лес и горы Япрак-Так до пределов Мишелава и разбил неприятелей, ожидавших его там»* (Decei 1973: 104-120). Так один из полководцев Бату с боями прошел в 1241 г. в Венгрию. Надо думать, что при всем искажении имен собственных *«Япрак-Так»* означает Карпаты, *«Мишелав»* — известного валашского воеводу XIII в. Сенеслава, а *«Улаг»* — влахов, живущих в Карпатах. Впрочем, такое толкование не единственно возможное — *«пределы Мишлява»*, например, отождествлялись и с Милковской епископией (см. Параска 1981: 27-28). Что касается понятия *«Караулаг»*, то за ним легко читается значение «черные влахи» или даже «Черная Влахия». Смысл определения «черный» А.Дечей объясняет как «зависимый». Однако, судя по всему, ближе к истине взгляд, сопоставляющий данный топоним с византийским эквивалентом «Мавровлахия», означавшим Молдавию XIV-XV вв. (Павлов 1989: 29). Если это так, то здесь впервые встречается будущее наименование страны. Для трактовки названия «Караулаг» логично привлечь ордынские представления о цветовой символике. В соответствии с ними белый цвет ассоциировался с западом, синий или голубой — с востоком, красный — с югом, а черный — с севером. Не случайно некоторые восточные источники называют владения Бату и его наследников Ак-Ордой, то есть Белой Ордой, западной в числе подчиненных Чингисидам земель (Егоров 1985: 160). В данном контексте понятно, что речь попросту идет о «северных влахах» или «Северной Влахии». Это на самом деле фиксировало местоположение Молдавии и ее жителей во всем восточнороманском ареале расселения. Интересно, что обозначением народов и государства по сторонам света не пренебрегали и в Европе. В Византии ордынцев Северного Причерноморья иногда именовали «гиперборейскими скифами» (Кантакузин 1980: 377), а в латиноязычных документах встречается топоним «Аквилонская Татария» — Tartaria Aquilonaris (Golubovich 1913: 72, 267, 268, 568), что в обоих случаях означает реалии северные, из районов «северного ветра».

Еще один знаменательный пассаж содержится в труде Плано Карпини — посланца упомянутого уже Иннокентия IV к великому хану. Возвращаясь в 1247 г. в Европу, он повстречался с двигавшейся на восток делегацией. *«При выезде из Комании мы нашли князя Романа, который въезжал в землю Татар, и его товарищей и живущего поныне князя Алогу (Aloha) и его товарищей. С нами из Комании выехал также посол князя Черниговского и долго ехал с нами по Руссии. И все это Русские князья»* (Путешествия 1957: 82). Исследователи давно обратили внимание на князя, названного «Алога», «Aloha», »Olaha». Этот князь «Волох» (!?), как полагают, отнесен к числу «русских» по религиозному признаку, поскольку, в отличие от путешественника-католика, все встреченные им люди исповедовали православие (Brătianu 1991: 133-140; Spinei 1982: 189).

Данный отрывок можно сопоставить с информацией Рубрука о выплате дани татарскому хану валахами, которые сами *«едут ко двору»* ордынского властителя (Путешествия 1957: 117). Правда, не всегда ясно, идет ли речь о населении Восточного Прикарпатья или же о представителях общностей, обитавших южнее Карпатской горной гряды. Между тем, важным основанием для локализации земель загадочного князя является упоминание рядом с ним Романа, который отождествляется с сыном Даниила. Этот самый западный из русских князей, как известно, правил в Галиче, пытаясь распространить свою власть на соседние земли, вплоть до Киева (см.: Крип'якевич 1984: 92-104). Если такое понимание верно, то земли князя «Олаха» нужно искать где-то близ пределов Галицкой Руси, как раз на восточных склонах Карпат. Кстати, пара Роман и Олаха поразительно напоминает другую — *«два брата Романъ да Влахата»* из славяноязычной молдавской летописи (СМЛ 1976: 55).

Следующий отрывок, касающийся избранного круга вопросов, сохранили египетские ученые-энциклопедисты — Рукн ад-дин Бейбарс (1245-1325) и следующий в изложении за ним ан-Нувайри (1279-1332). Излагая события рубежа XIII-XIV вв., современниками которых они являлись, эти арабские авторы отмечают *«грабительский поход в земли Валахов и Русских»*. Его возглавляли два монгольских военачальника: Тунгуз и Таз — зять знаменитого темника Ногая, владевшего едва ли не всем Улусом Джучи (Тизенгаузен 1884: 116-117, 159). Высказаны мнения, относящие место происходившего рейда к двум разным странам (Параска 1981: 63-64) или к

одной — на севере Молдавии, граничившей с западнорусскими территориями (Spinei 1982: 190 etc.). Однако, как показало специальное исследование, арабские тексты указывают на одну *«землю»* или *«страну валахов и русских»* — *«билад авлак-ва-р-рус»* египетских энциклопедистов (Коновалова 1991: 73-75, 91-92).

Вполне возможно, что, говоря об упомянутой стране, авторы из Египта хотели передать не только, а может и не столько этническую ситуацию в ней. Скорее всего, здесь наука встречается с наименованием страны, причем отнюдь не сконструированным чужедальними учеными, а звучавшим в тогдашней повседневности. В частности, с ним могли быть неплохо знакомы обитатели Нижнего Подунавья, поскольку в дунайской Исакче со своим пышным двором обосновался в конце XIII в. Ногай. Благодаря активной дипломатии этого временщика связи его ставки с мамлюкскими султанами были довольно тесными (см. Закиров 1966). Такого рода гипотеза подтверждается документами Константинопольской патриархии XIV г. В греческой политической терминологии Молдавия называлась «Россовлахией» и «Молдославией», на что уже было обращено внимание (Коновалова 1991: 92). Стало быть, не лишено оснований утверждение: как египетская, так и византийская формы наименований являются отражением одной и той же традиции наименования района Восточного Прикарпатья. Трудно удержаться от дальнейшего развития этой мысли, вспоминая сведение из сочинения Плано Карпини. Однако именно в разрезе предложенного тут понимания значения арабского выражения «Страна валахов и русских» становится понятным, почему папский посланец, непосредственно общавшийся с князем «Олаха», считает его русским.

Таким образом, уже материалы эпохи первых десятилетий ордынского господства позволяют говорить о существовании в Восточном Прикарпатье некоего территориального образования с названием «Караулаг» («Черная Влахия») и «Страна валахов и русских», закрепившимися в византийской дипломатической практике XIV в. Кстати, на юго-западе современной Черновицкой области Украины по крайней мере с XIV в. археологически засвидетельствована «этнически смешанная полоса поселений, где рядом со славянскими возникали и волошские села». В местности, где один из важнейших городов назывался «Черновцы» (!), судя по хронологии материальной культуры, вовсе нельзя исключать и более ранней датировки этой сети селищ (Тимощук 1969: 137-138, 143-181).

Отношения с ордынцами до некоторой степени вскрывают политические структуры этой «Северной Влахии». Глава страны, доставлявший дань лично монгольскому хану и именуемый «князем», по кругу функций в общих чертах может быть сопоставлен с русскими князьями, во всяком случае, в плане обязательств перед Ордой. Относительно спокойные периоды даннических отношений, как и в Восточной Европе, чередовались с годами жестоких военных вторжений. Вспышки агрессивности татар вызывались не только попытками освободиться от зависимости со стороны угнетаемого населения, но и внутренними неурядицами в самом Улусе Джучи. Так, набег Тунгуза и Таза, имевший место около 700 г.х. (1300-1301 гг.), произошел на фоне жестокой борьбы за главенство в золотоордынских пределах и носил, по словам арабских авторов, *«грабительский»* характер (Тизенгаузен 1884: 116). О присутствии в этих землях баскаков хана свидетельствует ряд топонимов, производных от названия ордынских представителей в подчиненных странах (см. Параска 1981: 34).

Реальность второй половины XIII в., подробно проанализированная П.Ф.Параской и В.Спинеем (Параска 1972: 175-190; его же. 1981: 9-62 и др.; Spinei 1982: 157-203), может быть дополнена и уточнена в свете выявленных нюансов. В частности, славяно-молдавская летопись 1359-1504 гг. отмечает районы кочевок татаромонголов в Восточном Прикарпатье и даже имя местного вождя: *«В лето Владислава коралевъства воздвижеся на Угры брань от татаръ, от князя Неймета с своих кочевищъ, с рекы Прута и с рекы Молдавы»* (СМЛ 1976: 55). Именно вдоль рек отряды номадов в последней четверти XIII в. проникали в лесистые предгорные районы, заставляя оружием подчиняться себе местных жителей или просто занимаясь грабежом. Такое положение отмечают и памятники молдавского народного творчества. Как заметил Л.Л.Полевой, некоторые из исторических легенд Буковины связывают воедино рассказы о борьбе с татарами и о переселении сюда Драгоша (Полевой 1985: 94-96). Скажем, правивший в Кымпулунге легендарный капитан Негря (опять же «Черный»!), побеждает татар в кровопролитном двухдневном сражении, отстраивает разрушенный врагом город и выдает свою дочь замуж за Драгоша (Леженде 1975: 199-200). По другой легенде, воевода Драгош получил приглашение от послов из Сирета и Сучавы, прибывших с дорогими дарами от жителей городов, помогать в защите края от врагов Молдавии, включая татар. Драгошу действительно удалось *«в короткое время очистить страну от них»*. Затем по решению местной знати воевода был избран господарем страны и поселился в Сирете (Marian 1981: 34-36). Независимо от того, как датировать приход Драгоша — 80-ми гг. XIII в. или серединой XIV в. (Параска 1981: 50-62; Полевой 1990: 17-21 и др.), — можно утверждать, что в Восточном Прикарпатье во второй половине XIII в. уже существовала политическая формация, находившаяся в зависимости даннического характера от ордынских ханов и подвергавшаяся время от времени нападениям со стороны монголов. Можно, пожалуй, предпо-

лагать существенную роль внешнего фактора (ордынского) в кристаллизации государственных структур этого образования (Параска 1972: 185-190; его же 1981: 30-62, 79-84 и др.; Spinei 1982: 157-289). Называлась вновь возникшая формация «Черная Влахия» в значении «северная» или «Страна валахов и русских», «Руссо-Влахия». Эти названия затем в XIV в. унаследовала Молдавия. При этом показательно, что официальное наименование государства надолго сохранило тип словесной конструкции, зафиксированной впервые на рубеже XIII-XIV вв. Речь идет о формуле *«Земля Молдавская»* в смысле «Страна Молдавская», регулярно фиксируемой документами 1384-1504 гг. (DRH.A I-III 1975-1980) да и более позднего времени. Не исключено отражение в такой типологически архаичной фразе стремительности процесса сложения молдавской государственности на базе более древних территориальных образований.

Отношения с Золотой Ордой у раннемолдавского государства сохранялись примерно на одном и том же уровне вплоть до середины XIV в. Затем Улус Джучи потрясли внутренние усобицы, позволившие отбросить ордынскую зависимость. Прежние договорные отношения к этому времени, очевидно, перестают существовать, хотя данное обстоятельство едва ли мешало ордынцам видеть в прикарпатских землях объект для своих грабительских рейдов. Общее изменение ситуации произошло во второй половине столетия примерно со времени, которое по летописной традиции принято считать точкой отсчета в развитии молдавской государственности, — 1359 г. Записанная в эпоху Стефана Великого версия основания государства гласит: *«И выбра из своей дружины себе мужа разумна именем Драгоша и назваша его себе господаремъ и воеводою. И оттоле начашася божиимъ произволениемъ Молдавская земля»* (СМЛ 1976: 57-58).

Молдавский летописец Григоре Уреке, написавший свое произведение на родном языке в 1642-1647 гг., трактует это событие как *«дескэликат»* — буквально «спешивание». У него Драгош оказывается выборным предводителем *«пастухов из Ардяла»* (Уреке 1971: 60, 67). Считается, что главными источниками Григория Уреке были не дошедший до нас памятник, именуемый «молдавский летописец» (Eşanu 1994: 11-43), и богатый фольклорный материал (Гацак, Рикман 1977: 203-216; Полевой 1990: 10-12). Переписчик Симион Даскэл сделал в первоначальный текст летописи Григоре Уреке вставку о встрече Драгоша в районе будущего города Сучава со стариком Яцко (Ецко). В этом эпизоде убившие тура люди по дыму костра вышли на пасеку, принадлежавшую русскому человеку из польских владений — *«рус ден Цара Лешаскэ»*. От Ецко Драгош со спутниками узнали, что *«это место — пустынное и без хозяина» («есте ун лок пустиу ши фэрэ стэпын»)*. Поэтому вскоре они собрали за горами соплеменников и вновь перешли Карпаты, где *«обосновались сначала в предгорьях и расселились по Молдове вниз» («ау дескэликат ынтей супт мунте ши с-ау лэцит пре Молдова ын жьос»)*. В свою очередь пасечник привел *«много русских» («рус мулць»)* из «Земли Ляшской», поселившихся вверх по реке Сучава и по Сирету со стороны Ботошань (Уреке 1971: 65-66). Интересно, что археологически селища с керамикой галицкого типа обнаружены даже в Кодрах центральной части Прутско-Днестровского междуречья. Эти поселения появляются тут еще в XII в. и связываются с миграцией из Юго-Западной Руси т.н. «галицких выгонцев». Судя по материальным остаткам, жизнь на некоторых из названных памятников продолжалось и в золотоордынское время, по меньшей мере до середины XIV в. (Бырня 1969а: 91-102). В последнее время в ходе изучения керамического комплекса Старого Орхея XIV-XVI вв.выделена еще одна группа гончарных изделий галицкого типа. Эта посуда, представленная в коллекции городища довольно большим числом фрагментов, находит прямые аналогии на памятниках Рашков и Гореча. Для галицких горшков характерны прямые отклоненные наружу венчики и грубый штампованный в виде трех- и четырехугольников орнамент, нанесенный косыми рядами на плечики сосудов. Данная категория орхейских находок датирована второй половиной XIII — первой половиной XIV вв.(Gorodenco 1999: 11).

Сложно доказать, что рассмотренный пассаж из летописи Григоре Уреке целиком соответствует действительным событиям. Вместе с тем, романско-славянский состав населения края — факт неоспоримый. Замечу, что «русскими» молдавская летопись называет русинов, которых этнографы сближают, а иногда и отождествляют с украинцами (Гацак, Рикман 1977: 215). Их потомки, более-менее сохранившие свою традиционную культуру, до сих пор и нередко бок о бок с романоязычными соседями проживают на территориях современных Украины, Венгрии, Словакии, Румынии и Молдовы. Такого рода этноязыковой ситуации в средневековой Молдавии и стремился дать историческое толкование летописец, обращаясь к фольклорному по характеру сюжету о встрече Драгоша с Яцко. Показательно, что молдавско-русинский народностный облик касается прежде всего *«Верхней страны»* или *«Цара де сус»* (см. Кантемир 1973: 21-24) и по времени сложения связывается источником с ордынским периодом истории. Именно тогда, когда Восточное Прикарпатье находилось *«во край татарьскых кочевнищь»* (СМЛ 1976: 57-58), в арабскую литературу проникли первые сведения о *«Стране валахов и русских»*.

2. Судьба улуса Ногая

Расцвет кочевых степей на юге будущей Молдавии историография связывает с темником Ногаем, деятельность которого представляет наиболее значительное явление во внутренней жизни Золотой Орды последней трети XIII в. Закрепившись на самом западе монгольских владений, беклярибек Ногай проводил независимую от Сарая политику. Благодаря его деятельности, здесь на окраине евразийских степей возник второй политический центр Золотой Орды. В последние два десятилетия XIII столетия Ногай стал фактическим повелителем всего государства Джучидов, подчинив себе многих русских князей, Болгарию, Византию; совершая дальние походы в Центральную Европу. В прямой зависимости от роста политического значения владений временщика находится и временный подъем экономики у номадов Поднестровья во второй половине XIII в. Как активизация жизни кочевников воспринимается и изменение демографической ситуации за счет переселения в Северо-Западное Причерноморье новых групп степняков.

Вместе с тем, вопрос об улусе Ногая относится к малоразработанным аспектам монгольского господства на западе степного Причерноморья (см.: Егоров 1985: 19, 22). Господство Ногая в Золотой Орде попало в поле зрения многих современников, да и более поздних авторов, оставивших о нем более или менее полные свидетельства. Тенденциозность и противоречивость источников делают их общую для этого сюжета линию достаточно «узкой». Во-первых, владения Ногая, помещаемые в Дунайско-Днестровских низовьях, различные авторы расширяют как на восток, так и на запад. Во-вторых, документы единодушно отмечают исключительность роли Ногая в золотоордынском государстве. Не случайно русские летописи именуют его то ханом, то царем. В-третьих, источники повествуют о крахе Ногая в жестокой борьбе с ханом Токтой. Практически все прочие проблемы однозначно не решаются. Одним из спорных вопросов оказывается и исследование местоположения владений Ногая.

По сообщениям арабских авторов, Ногай пребывал на самом западе подчиненных монголам земель. Как следует из источников, после его гибели сын хана Токты Тукулбуга или Букулбуга по приказу отца *«утвердился в Исакчи, на реке Дунае и на местах, прилегающих к Железным Воротам, где находились становища Ногая»* (Тизенгаузен 1884: 117, 161). Топоним «Железные Ворота» нередко смущает исследователей, поскольку таково традиционное наименование Дербента. Однако в данном случае весьма показательно обстоятельство места — «на Дунае». Это название применительно к Дунаю встречается и в источниках европейского происхождения — например, в записках баварского рыцаря Иоганна Шильтбергера (Шильтбергер 1984: 9). Под Железными Воротами, как указывал Ф.К. Брун, издревле подразумевалась переправа в районе Исакчи, известная с античного времени (Брун 1880: 198). Однако с большим основанием это место локализуется гораздо выше по течению реки, близ румынского города Турну-Северин, где Нижнедунайская низменность резко прерывается горной грядой.

Границы владений Ногая, похоже, не просто доходили до Дуная, но включали земли на его правом берегу и, в частности, в северной части Добрудже. Это мнение уже высказывалось в исторической науке (Федоров, Полевой 1973: 345), но затем вследствие отсутствия достаточной аргументации было подвергнуто критике. По утверждению В.Л.Егорова, опирающегося на арабские и византийские источники, Ногай не мог владеть задунайскими землями (Егоров 1985: 35).

Действительно, византийский историк Никифор Григора, описывая время освободительной войны в Болгарии под предводительством Ивайла, сообщает, что монголы были силой оружия отброшены за Дунай. На этой ситуации еще предстоит остановиться ниже, а сейчас уместно подчеркнуть, что период наибольшего могущества Ногая в Подунавье приходится на последние 15-20 лет XIII в. Именно тогда он становится полновластным хозяином региона. При этом отношения могущественного темника с Болгарией, в отличие от Византии или Сербии, едва можно вписать в привычную схему «сюзерен — вассал». Болгарский царь Георгий I Тертер (1280-1292) примерно с 1285 г. оказывается едва ли не целиком во власти временщика, несмотря на брак его дочери с сыном Ногая — Чакой. Чтобы сохранить за собой престол и хотя бы видимость самостоятельности, пребывание дочери в монгольском гареме оказалось недостаточным. Болгарский царь вынужден был отправить заложником в ставку к своему свату сына и соправителя Тодора Светослава. Последующие попытки Георгия I Тертера проводить отчасти независимую политику потерпели крах, и он, попав в немилость, бежал из Болгарии. На тырновский престол был посажен царь-марионетка Смилец (1292-1298), претендовавший не более чем на исполнение воли Ногая (см.: ИБ-3 1982: 297-298). О походах на Болгарию в самом конце XIII в. источники ничего не упоминают, тогда как в 1297 г. ордынцы совершают опустошение византийских территорий и Смилец действует заодно с ними (Златарски 1972: 604). Из сказанного следует, что северо-восточные болгарские земли, в частности Добруджа, оказываются под жестким контролем Ногая. Особо важным в стратегическом отношении был район

переправы через Дунай, где размещались становища мятежного военачальника.

Решающим подтверждением такой точки зрения являются нумизматические данные. Сравнительно недавно осуществлено издание коллекции монет, выпущенных неизвестным прежде политическим образованием XIII-XIV вв. в зоне дунайской дельты с центром «Сакджа» — Исакча. Этот город производил от имени Ногая и его сына Чаки (Джеки) серебряные и медные монеты, которые, в соответствии с наблюдениями Э.Оберлендер-Тырновяну, по стилю исполнения ближе к деньгам Сельджуков или Хулагуидов, а не Золотой Орды. Всего выделено 8 типов дирхемов и 4 типа пулов Ногая, а также 3 типа дирхемов Чаки, чеканенных в 696-700 гг.х. — максимум с 30 октября 1296 г. по 8 августа 1301 г. В ряде случаев имя эмитента сопровождалось титулом «хан». Кроме того, монетные мастерские Ногая выпустили 22 типа дирхемов в подражание ряду крымских чеканов хана Токты (Oberländer-Târnoveanu 1985: 585-590; idem 1997: 93-128).

Особый интерес представляет уникальная серебряная монета с тамгой Ногая из знаменитого клада, найденного на холме Узунбаир неподалеку от Исакчи. Ее греческая легенда содержит имена Ногая и Чаки (Iliescu, Simion 1964: 220, 226. Fig. 38). Помимо того, к «гибридным» принадлежат две категории монет «деспотата Исакча». Первая чеканена около 1285-1295 гг. в Исакче, находившейся в вассальной зависимости от Ногая. На аверсе монет этой категории (свыше 100 экз.) также изображена тамга темника. Реверсы выбивались штемпелями трех видов: с легендой IC-XC, с «греческим» крестом и надписью IC/XC/N/K или двуглавым орлом. Более поздняя серия выпущена около 1301-1307 гг., когда Исакча признавала верховную власть золотоордынского хана, надо думать, Токты. Эту малочисленную группу (8 экз.) отличают «тамга дома Бату» на лицевой стороне и надпись из греческих букв — на оборотной. Третья категория «гибридных» денег выпущена генуэзской сеньорией Исакчи около 1307-1311/1312 гг. На аверсах 45 экз. так называемых «генуэзско-татарских» эмиссий имеется тамга Джучидов, а на оборотной стороне — крест и латинские буквы, читаемые как «Сакджа». На некоторых монетах читаются даты по хиджре — 707 г. (1307/1308 гг.), 710 г. (1310/1311 гг.) и 711 г. (1311/1312 гг.). Гибридные монеты Подунавья чеканились главным образом из меди или бронзы (Oberländer-Târnoveanu E., Oberländer-Târnoveanu I. 1981: 89–110; idem 1989: 121-128; Oberländer-Târnoveanu 1987: 245–248).

Таким образом, примерно с 1285 г. до 1312 г. на Нижнем Дунае непрерывно ведется чеканка монет, связанных с господством Ногая, Чаки и Токты. При этом переходы от выпуска «гибридных» эмиссий к собственно «ногаевским» и обратно, несомненно, фиксируют усиление, а затем ослабление власти ордынцев в крае. Эти находки во многом проясняют политическую обстановку в Подунавье конца XIII в. и являются неоспоримыми свидетельствами истории владычества Ногая, пытавшегося создать новую ханскую династию.

Продуктивно в данной ситуации проанализировать всю совокупность нумизматического материала золотоордынского времени в бассейнах Дуная и Днестра. Изучив случайные находки джучидских монет в степях, Г.А.Федоров-Давыдов еще в 60-е гг. сделал вывод о более интенсивном развитии товарно-денежных отношений у номадов Поднестровья во второй половине XIII в. по сравнению с другими районами юга Восточной Европы. Было отмечено и затухание товарно-денежных отношений в XIV в. (Федоров-Давыдов 1966: 216). Со вторым политическим центром Золотой Орды и его разгромом, вне сомнений, связаны клады, тезаврированные на рубеже XIII-XIV в. Кризис, вызванный борьбой Токты с Ногаем, дал в руки археологов и нумизматов ряд сокровищ: Аккерманский, Оцеленский, Узунбаирский и Прэжештский клады. Они насчитывают тысячи серебряных монет и другие ценности, что совершенно несопоставимо с небогатыми кладами XIV в. Наряду с джучидскими, эти клады содержат и византийские монеты. Старшие из монет Оцеленского и Узунбаирского кладов чеканены в 683 г.х., а Аккерманского — в 686 г.х. Младшие из монет Узунбаирского и Аккерманского кладов относятся к 699 г.х., а Оцеленского — к 698 г.х. К последним двум десятилетиям XIII в. относятся и монеты Прэжештского клада. Большое количество монет принадлежит крымскому чекану Токты и придунайским подражаниям (Iliescu, Simion 1964: 225; Iliescu, Ţarălungă 1992: 247-253; Федоров, Полевой 1973: 366; Федоров-Давыдов 1974: 177, 178; Нудельман 1975: 95, 96; Oberländer-Târnoveanu 1985: 585-590; idem 1997: 93-128). Эти клады отмечают время апогея господства Ногая. Показательны и единичные монетные находки XIII в. из придунайской полосы Мунтении, Молдовы и Добруджи (Iliescu 1958: 447-463; idem 1960: 263-277; Федоров, Полевой 1973: 345-346). Здесь они абсолютно преобладают над монетами XIV в. и намного превышают количество подобных себе к востоку от Днестра.

Немаловажно рассмотреть и погребения кочевников золотоордынского времени, количество которых в результате археологических исследований последних десятилетий резко возросло. В Северо-Западном Причерноморье обнаруживаются две зоны их концентрации — 1) нижнедунайская, тяготеющая к переправе у Исакчи, и 2) тираспольская — к востоку от Днестра, близ еще одной древней переправы через реку напротив Бендер. К сожалению, безынвентарность или отсутствие в захоронениях узкодатирующих материалов заставляют датировать эти памятники довольно широко — второй половиной XIII-XIV вв. или даже X-XIV вв. (Добролюбский 1986: 82-103). Кроме монголов,

кочевники региона представлены печенежско-торческим и, в меньшей мере, половецким населением, что отразилось в погребальном обряде. Во второй половине XIII в. отмечено и появление захоронений черных клобуков, переселившихся к Дунаю из Поросья.

Тираспольская группа насчитывает 49 захоронений в курганах, в 7 из которых найдены монеты. Эти компактно локализованные погребения совершены в большинстве своем уже в XIV в. (см. Добролюбский, Дзиговский 1981: 134-144; Добролюбский 1982: 28-39; его же 1984: 155, 162-173). Соотнесение нижнедунайских погребений с известными тут нумизматическими материалами и появление в буджакских степях черных клобуков позволяет датировать эту группу памятников в основном XIII в.

Можно обоснованно утверждать, что центр улуса Ногая — район дельты Дуная с прилегающими к ней территориями на обоих берегах реки. Клады рубежа XIII-XIV вв. в историческом плане, несомненно, зафиксировали конец эпохи Ногая. Их картографирование фиксирует ареал от Сирета и Нижнего Дуная до устья Днестра. Топография кладов отмечает не только границы территорий военно-политического противостояния Ногая и Токты. Их близость к крупным городам в низовьях Дуная (Исакча — Вичина) и на Днестровском лимане (Белгород) показывает, что борьба в Золотой Орде особенно ударила по торговле генуэзских купцов. Цветущие города Крыма были опустошены походом Ногая 1298 г. Кроме ликвидации Ногая, итальянцы, очевидно, хотели бы сокрушения византийцев как соперников в черноморской торговле. Положение греческих торговцев могло укрепиться во время сближения императора Михаила VIII Палеолога с Ногаем, хотя, по свидетельству Никифора Григоры, генуэзцы запретили им торговать без разрешения *«у побережий скифов по ту сторону Истра»* (см. Левченко 1956: 524). В свою очередь, серьезные неприятности генуэзцам могли причинить их вечные соперники — венецианцы. Еще в 1292 г. по решению Большого Совета Венеции к Ногаю прибыло специальное посольство, чтобы договориться об условиях торговли в землях монгольского властелина. Послу предписывалось в случае успеха переговоров остаться консулом Республики Св. Марка (Коновалова, Руссев 1988: 75-76). Именно при Ногае размах международных торговых сделок в низовьях Дуная достигает больших масштабов. К сожалению, вопрос о глубоком археологическом исследовании ставки Ногая остается пока открытым. Небольшие раскопки Исакчи дали недостаточно материала для изучения роли этого центра в золотоордынскую эпоху. Однако работы Э.Оберлендера-Тырновяну наглядно показали перспективность исследования владений Ногая именно на территории Добруджи.

Может создаться впечатление, что вопрос о локализации улуса беклярибека Ногая решен вполне однозначно и исчерпывающе. Это не совсем так, поскольку ставка временщика была весьма мобильна уже в силу традиций кочевой знати, вытекающих из характера хозяйства номадов. Имеются сведения об изменении границ улуса Ногая. Прежде всего, это сообщения наиболее осведомленных византийских авторов — Георгия Пахимера и Никифора Григоры. Пахимер указывает, что в ходе восстания Ивайла монголы уже к осени 1277 г. были изгнаны за Дунай, используя для обозначения ордынцев термин *«придунайские скифы»* (Пахимер 1980: 185). Отмечу факт, подчеркиваемый многими исследователями, — восстание вспыхнуло на северо-востоке Болгарии, где более всего хозяйничали ордынцы. Сюда, если следовать Пахимеру, *«соседние тохарцы»* совершали набеги *«ежедневно»* (Пахимер 1862: 400). Никифор Григора прямо пишет, что Ногай имел *«постоянное местопребывание по ту сторону Истра»* (Григора 1862: 143; его же 1983: 139). Эти сведения не согласуются с цитированными ранее сообщениями арабских авторов и связаны с более глубоким знанием византийскими авторами быстро изменявшейся политической обстановки в регионе. Смещение улуса в бессарабские степи как раз и фиксирует нестабильность положения края. После разгрома восстания в Болгарии границы подвластных территорий вновь продвигаются на запад, на этот раз включив в себя значительную часть болгарского государства.

Конфигурация улуса претерпевала изменения и в ходе борьбы с ханом Токтой. Прослеживается стремление Ногая вести военные действия вдали от своей ставки и придунайских владений. По данным Рукн ад-дин Бейбарса, он передал сопернику слова*: «Наши кони хотят пить, и мы хотим напоить их водою из Дона».* Поясняющая фраза энциклопедиста — *«это река близ Сарая и на ней находятся становища Токты»* (Тизенгаузен 1884: 110) — дает некоторые представления о том, где проходила граница между двумя улусами. Сражений на собственной территории Ногай обоснованно опасался, поскольку войско его было набрано в подвластных землях и даже, согласно М.В.Левченко, главным образом в Болгарии и Молдавии (Левченко 1956: 514, 515). Кровавые вооруженные столкновения и сопутствующие им бедствия, перенесенные во враждебные страны, — являлись основной предпосылкой «легкой» вне зависимости от исхода сражений войны. Не случайно первая битва Ногая с ханом произошла в глубине Дешт-и-Кипчак, вероятно, на Северском Донце (Егоров 1985: 200).

Последняя битва временщика произошла *«в местности, называемой Куканлык»* (Тизенгаузен 1884: 114). Прежде предпринималось немало попыток идентифицировать этот топоним с известными в настоящее время, но вопрос

так и не решен окончательно. Несомненно лишь одно — битва имела место во владениях Ногая, много западнее первого сражения, быть может в Буджаке, на речке Когыльник (Spinei 1982: 171; Егоров 1985: 201). Однако предпочтительными выглядят доводы Ф.К. Бруна, который отождествлял «Куканлик» с одним из одесских лиманов — Куяльником. Ему же принадлежит локализация юрта Ногая на восточном берегу Днестра (Брун 1880: 353), и для этого он нашел серьезные основания. На морской карте Андреа Бианко 1436 г. исследователь увидел сравнительно небольшой район, ограниченный нижним течением Днестра и его левым притоком Кучурганом, обозначенный надписью *«zizera ya de nogay».* Современное издание карты венецианца дает возможность прочитать слово *«nogai»*, действительно помещенное близ моря, вдоль левого берега Днестра (Димитров 1984: № 17).

С одной стороны, подавляющее большинство исторических фактов и датировок как будто целиком противоречит этой гипотезе, но с другой — они не дают ключ к пониманию источника. Это противоречие можно удовлетворительно объяснить, если привлечь накопленные материалы золотоордынской эпохи из Поднестровья. Тираспольская группа погребений кочевников компактно расположена как раз в регионе, отмеченном на карте Андреа Бианко. Ряд из них датируется серебряными джучидскими монетами, охватывающими хронологический диапазон 681-729 гг. х. — это эпоха Ногая, Токты и частично Узбека. Хотя рисунки монет отсутствуют, а их словесные характеристики очень общи, есть основания предполагать наличие в погребениях дирхемов, чеканенных в Исакче на Нижнем Дунае. В частности, к ним, вероятно, принадлежат две монеты с изображением птицы и зверя, неизвестные определявшему их О.Ф.Ретовскому (Гошкевич 1930: 104-111).

Примечательно, что, в отличие от тираспольских погребений, джучидские клады Поднестровья XIV в., включая и зону Кодр, как правило, датируются более поздним временем — 40-ми — 60-ми гг. (Нудельман 1975: 96-98). Памятники оседлого населения золотоордынского времени XIV в. также оказываются в ареале, отмеченном кладами. Мое наблюдение касается сельских поселений и городов — центров синкретической культуры: Старого Орхея, Костешт, Белгорода. Начало их существования под властью ордынцев, судя по всему, также следует относить ближе к середине века. Исследование письменных памятников показывает, что Днестр с начала XIV в. становится рубежом, отделяющим непосредственные монгольские владения от земель, перешедших болгарскому царю Тодору Светославу (Brătianu 1926: 153-167; Коновалова, Руссев 1988: 33-45). В таком случае можно обоснованно полагать, что карта Андреа Бианко отметила не местонахождение самого Ногая, а пределы расселения «ногаевцев», подданных беклярибека, которые остались обитать на западных окраинах Золотой Орды и в XIV в. В таком выводе ничего удивительно нет, поскольку даже прямые потомки и родственники Ногая перешли на сторону ханапобедителя Токты (Тизенгаузен 1941: 72).

О переселении «ногаевцев» источники ничего не сообщают, да и едва ли оно было практически осуществимым в условиях золотоордынской государственности, когда хозяйство номадов оказалось связано со строго определенными зонами и маршрутами кочевок. По-видимому, в новых условиях, когда граница Золотой Орды проходила по Днестру, этот кочевой конгломерат продолжал осознаваться современниками в качестве улуса темника. Поэтому совпадение региона высокой концентрации древностей степняков XIV в. с ситуацией, отраженной картой 1436 г., оказывается не случайным. Отмечу, что карта Бианко вероятно не единственный источник, сообщающий о «ногаевцах». Ф.О.Петрунь, ссылается на неизвестную мне «Валашскую хронику», которая под 1402 г. свидетельствует, что Белгород входит в *«землю ногайскую»* (Петрунь 1928: 167). Другое не совсем ясное по содержанию сообщение о «белгородских ногайцах» датируется 1489 г. (Гизер 1999: 128). Можно думать, что во всех случаях говорится о некогда подчиненных Ногаю людях, а не о собственно ногайцах, известных в регионе вплоть до начала XIX в., но появившихся здесь при содействии Османской империи лишь в 1539-1568 гг. (Дрон 1983: 105).

Небезынтересным представляется прослеживаемый по источникам факт связи с Ногаем и его «наследством» двух городов — Исакчи и Белгорода. Известия о них хронологически совпадают с периодом возвышения и разгрома улуса Ногая. Об Исакче мы узнаем из арабских сочинений в конце XIII в., примерно тогда же — и о Белгороде, но от итальянцев (Полевой 1979: 67; Коновалова 1983: 35-50). Первыми из арабских авторов золотоордынской эпохи Белгород упоминают в 30-е гг. XIV в. Абу-л-Фида и ал-Омари. Оба знают город под одинаковым названием — «Акчакерман» (Тизенгаузен 1884: 236, 237; Aboulfeda 1848: 317), в котором современные исследователи видят вариант позднейшего — «Аккерман». Обращает на себя внимание созвучие наименований «Сакджа» и «Акчакерман», образованных от субстантивированных прилагательных, обозначающих неполноту признака. Наличие в топониме «Акчакерман» аффикса *ча/жа* позволяет переводить прилагательное «*а:к-ча*» или «*ак-жа*» как «беловатый». Однако наиболее старые значения этой общетюркской основы читаются как «серебряная монета» (сравните: «акче» — название турецкой монеты), «шелковая материя», «парча» (Севортян 1974: 120-121, 570-571). Напрашивается гипотеза о том, что в золотоордынское время название города в устье Днестра ассоции-

ровалось у современников вовсе не с беловатым или белесым цветом стен, а главным образом с богатством, развитой торговлей. Это вероятно, так как археологические изыскания, равно как и письменные источники, действительно представляют средневековый Белгород важным узлом международной торговли (см. Полевой 1979: 67-69; Кравченко1975: 176-177) .

Итак, возвышение Ногая и создание им на западе Дешт-и-Кипчак второго политического центра Золотой Орды привело к расширению улуса беклярибека. Степи до Дона и Крым на востоке и de facto Болгария на западе оказались в его власти. Центром временщика стало нижнее Подунавье со ставкой в Исакче. После гибели Ногая его улус не был совершенно разгромлен. Он все еще сохранял свое созданное в 60-70-х гг. XIII в. ядро и даже название. После того как в начале XIV в. низовья Дуная и Днестра, в частности, портовые города, хан передал в управление болгарскому царю, центр «ногаевцев» сместился на восток, в район современного Тирасполя. Улус Ногая, в смысле удела, народа, прежде принадлежавшего эмиру-временщику, в той или иной форме существовал на протяжении всей истории господства татаро-монголов в Северо-Западном Причерноморье, лишь изменяя в зависимости от политической ситуации свои пределы.

3. Татарские «отчичи и дедичи» между Дунаем и Днестром

Распад Золотой Орды как единого государства начался вскоре после смерти хана Джанибека (1342-1357), что фактически совпадает с датой, провозглашенной молдавским официальным летописанием в качестве года основания государственности в Восточном Прикарпатье. Однако тенденция к распаду Улуса Джучи вовсе не означала быстрого схождения на нет роли кочевых орд и их властителей в жизни оседлых народов. Напротив, началась ожесточенная борьба зависимого населения ордынских окраин против прежнего засилья со стороны степи.

Для Молдавии прямых сведений об этом почти нет. До недавнего времени можно было назвать лишь грамоту Юрга Кориатовича 1374 г. В ней литовский князь и одновременно господарь Молдавии пожаловал белгородскому наместнику, некоему Якше Литавору, село Зубровцы за верную службу, в частности, за подвиги, совершенные в борьбе с татарами на Днестре — *«a naipaceji chr'blii podvizi is tatary ou sela zovomae V'lidici, na D'niestr'»* (DRH.A-I 1975: 416). Если верить процитированному документу, подлинность которого вызывает большое сомнение, к указанному году молдаване уже продвинулись до Днестра, овладели Белгородом, не позволяя ордынцам хозяйничать на юге Карпато-Понтийского пространства. Не останавливаюсь специально на событиях времени правления литовского князя в Молдавии (см. Параска 1981: 106-109), хочу обратиться к сюжетам, касающимся роли ордынцев в крае с середины XIV в..

Археологические исследования наглядно показали восточный характер материальной культуры городов юга Карпато-Днестровских земель в 1350-1370 гг. — городища Белгород, Старый Орхей, Костешты (Кравченко 1986; Полевой 1969; Полевой, Бырня 1974: 13-24 и др.; Абызова, Бырня, Нудельман 1981; Бырня 1984; Рябой 1993). Можно говорить о высоком уровне социальной организации названных ордынских центров, несомненно, входивших определенным образом в государственные структуры находившегося в состоянии «замятни» Улуса Джучи. По мнению С.А.Яниной, город на Реуте (городище Старый Орхей) был провозглашен знаменитым Мамаем и его марионеткой, ханом Абдуллахом, столицей под именем Шехр ал-Джедид или Янги-Шехр, то есть «Новый город» (Янина 1977: 193-213). Показательно, что название «Орхей» прямо сопоставляют с тюркско-монгольским «урга» в значении «ставка правителя» (Раевский 1964: 60; Дрон 1987: 54).

Как бы то ни было на самом деле, не приходится отрицать наличие сильных связей ордынских городов края с сельской округой — археологически это главным образом население, оставившее памятники с т.н. «красно-желтой ленточной керамикой» (Полевой 1964: 182-196; Полевой, Бырня 1974: 9-12 и др.), кочевыми степями Причерноморья и крепнущей тогда Молдавией. Параллельное существование двух противоположных по природе государственных структур между Карпатами и Днестром — на северо-западе и юго-востоке ареала — закономерно обращает внимание исследования к судьбе осколков Золотой Орды в Северо-Западном Причерноморье.

Хорошо известно, что созданное Бату государство являлось «носителем как бы двух стихий — кочевой, степной и городской, ремесленно-торговой». При этом «города и оседлость, с одной стороны, и кочевые степи — с другой, являлись двумя социально-экономическими сферами в Золотой Орде, мало и поверхностно связанными друг с другом» (Федоров-Давыдов 1965: 57; его же 1973: 29; его же 1976: 48). Однако их политические связи составляли важнейшее звено того единства, в котором главенствующее положение занимали представители кочевой аристократии. Хотя в первой трети XIV в. Улус Джучи и напоминал «купеческий султанат» (Гумилев 1989: 537), стоило лишь ослабнуть власти хана, как юг Восточной Европы превратился во множество мелких враждующих друг с другом, грабящих города и села кочевых владений. Именно такие обра-

зования, последыши гигантского государства Чингисидов, и представляли главную опасность для Молдавии.

Воспринимать номадов как дикие племена, беспорядочно носившиеся по степям, в корне неверно. О жестко регламентированной силовой схеме организации у монголов Плано Карпини пишет: *«Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают тысячникам, тысячники — сотникам, сотники — десятникам»*. Его слова дополняет Гильом Рубрук: *«Всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью»* (Путешествия 1957: 45-46, 91). При этом «тысяча» или «сотня» — вовсе не один лишь воинский отряд, а количество кочевых хозяйств, способных выставить данное число всадников.

Некоторые сведения о степных владениях кочевников в Подунавье содержат нотариальные акты генуэзца Антонио ди Понцо, составленные в Килии в 1360-1361 гг. Они называют трех «тысячников» – Конакобея, Менглибугу и Кою, перечисляют «сотни» Рабека, Келоги, Когикариоси и «десятки» Бору, Когимая и Токояра. Именно люди из подразделений этих начальников разного ранга участвовали в различных сделках в городе на Дунае, нотариально засвидетельствованных генуэзцем. Так имена всего лишь трех рядовых татар — Тобока, Темира и Даока — свидетельствуют о местном административно-политическом устройстве:

Thoboch tartarus de miliario Coia de centanario de Rabech de decena de Boru;

Themir tartarus de miliario de Conachobei de centanario Cheloghi de decena Cogimai;

Daoch tartarus de miliario Megliabocha de centanario Cogichariosi de dexena de Thocoiar (Pistarino 1971: 16, 22, 175).

Очевидно, что неподалеку от дунайской дельты кочевали коллективы номадов, организованные по принятой в Орде четкой десятичной системе. Естественно, если даже из окрестных с городом степей ордынцы могли бы быстро собрать войско только из этих трех «тысяч», то и они составили бы реальную угрозу оседлому населению края, которое вынужденно считалось со своенравием беспокойных соседей, особенно угрожавших городской жизни.

Между тем, помимо тысячников, должны были существовать обладавшие еще большей (в 10 раз) мощью «вожди» или «темники». По всем признакам, таковыми следует считать трех татарских военачальников, о которых сообщают белорусско-литовские летописи и хроники. *«Князь великий Ольгерд, собрав силы свои литовские, пошел и побил татар на Синих водах, трех братьев, Хачибея, Кутлубугу и Дмитрия. А те три брата в Орде правили и были отчичами и дедичами Подольской земли, и от них на Подолии были назначены атаманы, которые ведали всеми доходами, и к ним приезжали татарские баскаки и, забирая у тех атаманов дань, отвозили в Орду»* (Быховец 1966: 56; ПСРЛ-32 1975: 43-44, 139; ПСРЛ-35 1980: 66, 74, 138, 160, 186, 207, 228). Как установлено, это сражение произошло осенью 1362 г. на притоке Южного Буга реке Синюхе, где пользовавшиеся наследственными правами на Подолье представители высшей ордынской знати потеряли свои владения. Победа над ними открыла Ольгерду дорогу к черноморскому побережью. Разбитые ордынские отряды во главе со своими предводителями бежали. По некоторым сведениям, один из татарских вождей ушел к устьям Дуная и далее в Добруджу (Параска 1981: 103). Особый интерес у исследователей вызывал татарский вождь с христианским именем «Дмитрий». В нем иногда видят главу Ямболукской орды, районы кочевий которой определяются не совсем четко — от отрогов Карпат до Южного Буга (Шабульдо 1987: 67-73). Высказано мнение, что на самом деле Дмитрий, будучи лишь ленником Хаджибея, являлся одним из последних болоховских князей Подолья (Войтович 1996: 106-107). Существование столь радикально противоположных точек зрения историков ясно показывает, что история этого предводителя и возглавляемого им улуса остается пока слишком темной.

В литературе не раз говорилось об отражении имен двух из трех татарских вождей в гидронимии Северо-Западного Причерноморья. Речь идет о находящемся восточнее Одессы Хаджибеевском лимане и придунайском озере Катлабух. Местоположение водоемов с этими названиями делает вполне обоснованным предположение, что юрт Хачибея находился к востоку от Днестра, а Кутлубуги — в степях между Днестром и низовьями Дуная. В обоих случаях о хронологических разрывах или простом совпадении речи быть не может. Литовский замок Кочубей на черноморском берегу (Caczibieiow in litrole maris sita), очевидно, близ одноименного лимана, зафиксирован грамотой 1442 г., а по данным Длугоша, существовал уже в 1415 г. (см. Грушевський 1995: 58-59, 607-608). Топоним *«Кътлъбуга»* встречается в летописном тексте под 1485 г. (СМЛ 1976: 30).

Что касается Дмитрия, то маловероятно, чтобы он владел хотя бы частью Добруджи или Белгородом (Греков, Якубовский 1950: 282; Iorga 1899: 79; Spinei 1982: 274-278; Iliescu 1997: 161-178). Скорее всего, его земли следует помещать западнее Прута вплоть до Карпат, но на юге их естественной границей служил Дунай (во всяком случае, в районе Галац — Брэила). Такой подход к локализации земель Дмитрия находит документальное подкрепление. В районе, расположенном восточнее впадения Сирета в

Дунай, по грамоте короля Венгрии Людовика от 22 июня 1368 г. как раз и получили возможность вести торговые операции купцы из Брашова. Режим торговых льгот во владениях «Деметрия» (*in terra ipsius domini Demetrii)* устанавливался в обмен на аналогичные преимущества для купцов татарского правителя — *marcatores domini Demetrii, principis Tartarorum* (DRH.D-I 1977: 90). Договорные отношения с Деметрием венгерского короля свидетельствуют о значимости самого «принцепса» и о большой важности подчиненных ему земель в стратегических интересах Людовика I.

Вопрос о том, как далеко на восток уходили владения Дмитрия, кажется более сложным. Уже достаточно давно И.Г.Коновалова читала на некоторых экземплярах монет типа Шехр ал-Джедид не замеченное ранее слово «эмир». Изучая деньги местной чеканки из Старого Орхея, румынский нумизмат Е.Николае особо выделил выпуски в 769 и 770 гг. х. (1367-1369 гг.) с надписью «эмир». Он связал их выпуск с деятельностью крещеного татарского властителя Дмитрия. Это, конечно, предполагает его господство и в Прутско-Днестровском междуречье (Nicolae 1997: 197-200). Из-за недостатка материалов в настоящее время трудно однозначно сказать, насколько исследователь прав. Однако для такой локализации владений Дмитрия, пожалуй, имеется еще одно основание.

Православный монах Зосима, направлявшийся в 1419 г. в Святые места, описывает находившуюся на пути его паломничества переправу через литовско-молдавскую границу: *«Обретохом реку велику под Митиревыми Кишинами, еже зовется Нестр; туто бяше перевоз и порубежье волоское»* (Зосима 1984: 121/299). Если в этом явно татарском топониме (см. ниже) определение «Митиревы» следует понимать как «Дмитриевы», тогда «земля» ордынского темника простиралась до Днестра. При этом указанный пункт достаточно далеко от устья реки, поскольку, согласно источнику, Белгород находился в трех днях пути от него. Считается, что названная переправа находилась в районе Бендер или даже Сорок (см. Аствацатуров 1997: 11-19).

Для понимания ранга татарских вождей ключевым является титул одного из них — Хачибея, т.е. «Хаджи бея». Титул «бей», равнозначный понятию «эмир», в Золотой Орде носили представители аристократии, не связанные узами кровного родства с Чингисидами. На латынь термины «бей» и «бег» переводились как *baron* или *princeps* (Федоров-Давыдов 1973: 46). А ведь именно «принцепсом» именуется Деметрий в латиноязычной венгерской грамоте 1368 г. Стало быть, точно устанавливается, что два из трех «братьев» носили один и тот же титул. По всей видимости, это были самостоятельные правители, имевшие в подчинении «тумены» или «тьмы», поставлявшие 10 тыс. воинов. Кстати, в средневековой дипломатии термин родства «братья» подразумевал именно равенство сторон, а отнюдь не наличие общих родителей. Если это так, то эти-то военачальники-беи и определяли статус западных пределов Золотой Орды периода ее распада. Имея в виду их политический вес, легче понять, почему первоначально темник Мамай с удовлетворением воспринял победу Ольгерда у Синих вод в 1362 г. (Гумилев 1989: 619). Очень вероятно, что именно Хачибей, Кутлубуга и Дмитрий находились в числе тех, кто стоял на пути установления власти Мамая во всем Улусе Джучи. По сообщению Никоновской летописи, события развивались следующим образом: *«Князь Ординский темник Мамай воздвиже ненависть на царя своего, и бысть силен зело; и возста на царя своего на Темирь Хозю, Хидырева сына, и замяте всем царством его Воложским* (т.е. «Волжским» — авт.), *и приат себе царя именем Авдула, и бысть брань и замятня велиа во Орде»* (ПСРЛ-10 1965: 233). В условиях столь живо описанного распада золотоордынского государства улусы «братьев», бывших, подобно Мамаю, темниками, стали самостоятельными государствами, правда, не отличавшимися большой прочностью.

Много споров связано с именем крещеного татарского «принцепса». Высказано предположение, что Дмитрий и сражавшийся в 1374 г. с литовцами «Темерь» или «Темерез» — одно и то же лицо. В таком случае все зафиксированные источниками варианты имени («Дмитрий», «Деметрий», «Темерь», «Темерез», «Митирь») являются различными огласовками и переосмыслениями распространенного у тюрок антропонима «Темир» (ОВИМК 1987: 20). Особых препятствий относительно трактовки христианского вероисповедания ордынского предводителя, жившего в пограничной с восточноправославной и католической цивилизациями полосе, тоже не возникает. Здесь еще во времена Ногая на стороне византийцев действовал крещеный военачальник из татар Касимбег, которому император пожаловал титул протостратора (Пахимер 1980: 181). Для анализа обстановки второй половины XIV в. продуктивным оказывается сопоставление западных владений Дмитрия с во многом совпадающей по местоположению католической Куманской, а позднее Милковской епископией (см. Князький 1980: 244-252; Параска 1981: 77-78 и др.; Spinei 1982: 67-71, 265-268 etc.). Именно в ее пределах Венгрия на протяжении долгого времени имела устойчивые интересы, что объясняет и мотивы, побудившие королевство к установлению связей в 1368 г. через Деметрия. Наслоением тонкого монгольского адстрата на половецкую основу с христианской традицией появление в Подунавье такого рода ордынского предводителя объясняется вполне удовлетворительно.

Такого рода этнический синтез не является плодом кабинетной фантазии. О роли половцев (куманов, кипчаков) в этногенезе ордынцев ясно говорит наиболее оригинальный из

египетских энциклопедистов ал-'Омари (1301-1349): *«В древности это государство было страною Кипчаков, но когда им завладели Татары, то Кипчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар) и все они стали точно Кипчаки, как будто одного (с ними) рода, оттого, что Монголы (и татары) поселили на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (кипчаков)»* (Тизенгаузен 1884: 235). Данный процесс не был чужд и степям Северо-Западного Причерноморья. В нотариальных актах Антонио ди Понцо среди ордынцев, упомянутых в сделках, присутствуют татары, *«сарацины»* (как правило, горожане — вероятно, приверженцы ислама) и даже одна рабыня монгольского происхождения (*de proienia Mogolorum*). Однако все они говорят в Килии на одном языке, с которого и переводят на латынь их речь, — куманском: *comanescha* (Pistarino 1971: 16, 22, 103, 175-176; Balard 1980: 84-86, 98-99, 107-108, 147, 193-194). Напомню, что часть этих людей принадлежит вполне определенным кочевым образованиям, существовавшим севернее дунайских низовий всего за год-два до первого упоминания о Дмитрии.

Проследить дальнейшую судьбу кочевых владений на западных окраинах распавшейся Золотой Орды невозможно без обращения к более поздним свидетельствам. В отрывке из книги турецкого автора Мехмеда Нешри (XV в.), повествующем о походе османов под предводительством великого везиря Али-паши в 1388 г. против Болгарии, имеется интересное указание. Турки послали специальных послов в земли, лежащие севернее устий Дуная, где кочевали татарские орды двух известных уже «братьев» — Янджэ (Хаджи)-бея и Кутлу-бега. На их помощь рассчитывал возглавлявший 30-тысячное турецкое войско Али-паша (Нешри 1984: 93; Гюзелев 1995: 80). Показательно отсутствие в этом случае упоминания о Дмитрии, «земля» которого находилась поблизости. Можно думать, что взаимодействие османов с татарами основывалось на принципе общности веры. Тогда становится понятным, почему, воюя с христианами, Али-паша привлекал к союзу одних татар — мусульман, а пренебрегал другими — христианами.

4. Господарь Богдан — «эмир» ордынцев?

Следы Дмитрия логично искать в стане единоверцев. В частности, обращают на себя внимание факты, относящиеся к молдавскому господарю Богдану I, с именем которого уже не одно поколение исследователей связывает создание независимого государства к востоку от Карпат (Panaitescu 1990: 83-84). Трудности возникают с датировками. Господарство Богдана при всей разности позиций авторов относят к не очень широкому хронологическому промежутку — 1359-1369 гг. (например, ИМ-I 1987: 324, 370, 393; Gorovei 1973: 115, 120; idem 1997: 289; Parasca 1997: 14; Sacerdoţeanu 1969: 42-43; Bolşacov-Ghimpu 1979: 119). Судя по несколько противоречивым сообщениям летописцев, он правил Молдавией то ли 4 года, то ли 6 лет (СМЛ 1976: 24, 35, 58, 62, 68, 105). Если не мудрствовать и исключить невероятную возможность правления Богдана после Лацку, то элементарные подсчеты показывают, что рассматриваемый господарь находился у власти с 1365 по 1369 или даже 1371 г.

Историческое сочинение, принадлежащее придворному хронисту венгерского короля Людовика I и дошедшее до наших времен в составе свода XV в., сохранило данные о начальном этапе деятельности этого господаря. *«Богдан, воевода волохов из Марамуреша (Wayvoda Olachorum de Maramorosio), собрав волохов того района, перешел в тайне в Землю Молдавии, которая была подчинена венгерской королевской короне, но из-за соседства татар давно оставленную жителями. И хотя ему многократно пришлось сражаться с войском самого короля, он одержал верх, число волохов, населяющих эту землю, намного выросло, и она превратилась в королевство»* (Spinei 1982: 313; Полевой 1985: 139; ИМ-I 1987: 324). Использование в тексте понятия «королевство» (regnum) показывает, что Молдавия добилась того же статуса, что и ее сюзерен. В итоге самой Венгрии пришлось согласиться с самостоятельностью возглавленной Богданом страны.

Близкие к приведенным сведения имеются в грамоте того же короля от 1365 г. Документ сообщает, что *«пораженные дьяволом»* воевода Богдан и его сыновья *«тайно перешли из королевства нашего в указанную Землю нашу Молдавскую и пытаются ее удержать на позор нашему величеству» — de dicto regno nostro Hungarie in pretactam terram nostram Molduanam clandestine recedentes, eandem in nostre maiestatis contumeliam moliuntur conservare* (DRH.D-I 1977: 80-83; Полевой 1985: 139-140).

Богдан из Кухя в одной из грамот венгерского короля еще 1343 г. называется *«бывшим воеводой»* Марамуреша и *«неверным» (infidelis)* короне. Уже тогда он был не у дел, а может быть, даже и скрывался за марамурешскими пределами. Этот непокорный мятежник упоминается затем в 1349 г. Причем из документа следует, что Богдан являлся «династическим воеводой», поскольку воеводами также были его брат и племянник (Параска 1981: 94).

Когда в Молдавии вспыхнуло восстание против власти венгров и их сторонников, на его подавление по приказу короля в 1359-1360 гг. был

послан с войском Драгош из Джулешть (DRH.D-I 1977: 75-78). Впрочем, это выступление не являлось единственным. Восстания тут отмечены еще в 1342, 1349, 1364 гг. (Cihodaru 1980: 130-131). В такой ситуации изменивший королю марамурешский воевода Богдан легко нашел убежище и поддержку в Восточном Прикарпатье. Оперевшись на солидарное с его борьбой местное население, он смог остановить карательные экспедиции венгров и отстранить от власти находивших общий язык с короной последователей Саса. Вполне правдоподобно, что появился Богдан в Молдавии в 1359 г., а утвердился тут в качестве господаря только к 1365 г. (Параска 1975: 48-49; его же 1981: 57).

Разумеется, основой для достижения независимости страной стала не его относительно малочисленная дружина. Богдан I со своими людьми оказался лишь в центре уже начавшегося в молдавских землях процесса кристаллизации самодостаточной государственной структуры. Вполне закономерно, что личный вклад господаря в международное признание страны отразило ее новое название — «Богдания». Оно использовалось как равнозначное понятию «Молдавия» прежде всего на востоке, особенно долго в Османской империи (Panaitescu 1990: 83-84).

В литературе высказаны догадки о договорных отношениях Богдана с Литвой, которая, разбив ордынцев на Синих Водах, в первой половине 60-х гг. XIV в. успешно продвигала пределы своих владений в Причерноморье (Полевой 1979: 34; Параска 1981: 95, 107). Идея такого рода заслуживает внимания, если учесть последующее вытеснение татар из края и роль литовских князей в истории Карпато-Днестровских земель. Вместе с тем нельзя не заметить, что расцвет находившихся в руках золотоордынских властителей городов Кодр (их остатками являются городища у сел Костешты и Требужены) и немалого числа окружающих поселений приходится именно на время правления Богдана I. Его успех в противостоянии с могущественным Венгерским королевством возможен был только при условии мира на востоке. Это дает основания для предположения о лояльных отношениях, а то и военном союзе молдавского господаря с соседями-татарами. Более того, высказано мнение, что Богдана I в качестве ставленника «поддерживал хан Подольского улуса Тимур» — упомянутый выше «Темерь» (Войтович 1996: 111). По этой причине, независимо от того, как квалифицировать такое взаимодействие, очень вероятно, что ордынцы первыми стали называть Молдавию страной«Богдан».

В этом плане интерес вызывает сообщение еще одного восточного автора, Ибн Арабшаха (1388-1450). Он рассказывает как в конце XIV в. в ходе ожесточенной борьбы между Едигеем и Токтамышем *«отделилась часть»* ордынцев. *«Она ушла к румийцам и русским и, по своей злополучной участи и превратной судьбе своей, очутилась между христианами безбожниками и мусульманами пленниками. ... Имя этому отряду — Карабогдан»* (Тизенгаузен 1884: 532). В этом не совсем ясном отрывке привлекает наименование «Карабогдан», хорошо известное и позднее (Нешри 1984: 319-320). Отмеченное «гибридное» имя обнаруживает аналогии сразу с двумя древними названиями Молдавии — «Богдан» и «Черная Влахия» («Караулаг»). На западное направление миграции из Золотой Орды указывает упоминание *«румийцев и русских»*. Очевидно, имеются в виду владения византийских императоров и галицких князей, смыкавшиеся, согласно историографической традиции средневековья, в Карпато-Дунайском регионе. Любопытно, что пограничные особенности края улавливаются и на уровне материальной культуры. Например, известный клад первой половины XIII в. из Войнешть содержал украшения из Византии, а равно вещи киевского и галицкого происхождения (Теодору 1961: 503-520). В известной степени на этом культурно-историческом стыке и складывалась молдавская государственность.

В центре румынского города Рэдэуць сохранился древнейший в Молдавии храм Св.Николая, являвшийся господарской усыпальницей. В юго-восточном углу наоса этой трехнефной с мощными (до 1,40 *м*) каменными стенами и узкими окнами церкви похоронен ее ктитор, господарь Богдан I. Славянская надпись на украшенной богатым растительным орнаментом и щитом с головой тура надгробной плите гласит, что 27 января 1480 г. ее установил *«своему прадеду старому Богдану воеводе»* Стефан Великий (Grigoraş, Caproşu 1968: 9-14. Fig. 20).

По данным исследования в могиле in situ лежал скелет мужчины 60-65 лет. Ассортимент вещей из погребения не велик: 63 серебряные с позолотой пуговицы и золотой перстень, который был надет на безымянный палец левой руки. Судя по реконструкции господарского костюма, он вполне соответствовал стилю одежды европейской знати того времени. Напротив, в массивном (24,73 *г*) литом перстне соединены «готический мотив» (композиция из четырех голов хищных зверей с лапами) с арабской надписью «Аллах» на вставке. Вероятно, такие изделия могли выпускать ювелирные мастерские связанных с востоком портовых городов, вроде Перы, Каффы или Белгорода. Высказано предположение, что перстень Богдана I отразил дружественные отношения молдавского господаря с каким-то высокопоставленным монголом, возможно даже с ханом Абдуллахом, ставка которого располагалась на месте Старого Орхея. Вполне вероятно, что эта вещь является косвенным материальным доказательством идеи о военном сотрудничестве молдаван с татарами в борьбе против Венгрии (Bătrîna L., Bătrîna A. 1983: 326-333).

Примечательно присутствие имени бога му-

сульман и на ряде монет чеканки Шехр ал-Джедид 767-769 гг. (Янина 1977: 209). На некоторых экземплярах слову «Аллах» сопутствует титул «эмир». Однако фраза *«эмир Аллах»* кажется настолько нелепой, что Е.Николае, не останавливаясь на ее анализе, счел возможным отнести эти монеты к выпускам правившего здесь немусульманина Дмитрия (Nicolae 1997: 200). В самом деле, «Аллах» как самое общее наименование бога до сих пор известно и у отдельных христианских народов. Например, у тюркоязычных гагаузов.

Однако монетные легенды, о которых идет речь, составлены, по замечанию С.А.Яниной, грамотно (Янина 1977: 209). Это ставит под вопрос версию о, казалось бы, очевидной абсурдности словосочетания *«эмир Аллах»*. В свою очередь, надпись на господарском перстне из погребения в Рэдэуць выглядит слишком лапидарной, чтобы носить охранительный характер. В таком качестве логичнее было бы использовать короткие восклицания или заклинания с именем Аллаха, в изобилии известные исламской традиции (см. Коран 1990). Сказанное позволяет мне обратиться к отвергнутой с порога и все же более естественной версии толкования обоих памятников.

Несомненно, на перстнях обычно помещались имена их обладателей, а на деньгах — имена эмитентов. Однако какую же антропонимическую нагрузку может скрывать слово, ясно читаемое как «Аллах»? У мусульманских народов немало имен, в составе которых содержится понятие «Аллах» (Гафуров 1987: 116-214). Однако называться именем бога в «чистом» виде — настоящее святотатство. Каждый правоверный знает: никто из людей не сопоставим с богом, поскольку *«превыше Он того, что ...Ему придают в соучастники»* (Коран 1990: 164). Вместе с тем особенность имени захороненного в Рэдэуць молдавского господаря заключается в недвусмысленной смысловой сопряженности с надписью на его перстне — «Богдан» и «Аллах», т.е. «бог». Создается устойчивое впечатление, по меньшей мере, сознательного намека на данный антропоним. Арабское слово на перстне можно воспринимать и как неполный перевод имени молдавского господаря. Развивая далее эту мысль, трудно устоять перед соблазном прочтения странной монетной легенды *«эмир Аллах»* в значении «воевода Богдан». Титул арабского происхождения «эмир» или «амир» (в переводе — «правитель», «предводитель») характеризовал в Золотой Орде обладателей ленных держаний разных рангов — десятников, сотников, тысячников и темников, начальников городов и беклярибеков. Как правило, это были военачальники (Федоров-Давыдов 1973: 46-51; Егоров 1985: 166-171; Гафуров 1987: 79-80, 125).

Перевод имени собственного для письменной культуры эпохи средневековья был делом довольно обычным. Именно так в результате пословного перевода греческой теофорной модели «Феодор» или «Феодот» и появилось славянское «Богдан» (Суперанская 1990: 154 и др.). Не являют в этом плане исключение и авторы рассматриваемых монетных легенд. Они редактировали название Нового города в двух вариантах: арабском и тюркском — *«Шехр ал-Джедид»* и *«Янги-шехр»*. Написание имен православных правителей арабской графикой — факт тоже известный. Так, например, поступали на монетном дворе Москвы, где даже во времена Ивана III (1462-1505) выпускались деньги с «татарскими» надписями, передававшие имя эмитента как *«Ибан»* (Спасский 1957: 45-46).

Разумеется, эти данные объясняют далеко не все. Замена на монетах имени *«Абдуллах»* (буквально «раб Аллаха») на *«Аллах»* как будто демонстрирует явное противопоставление с повышением статуса эмитента, вопреки его не очень четкому титулу. Если под монетным сеньором подразумевается Богдан I, то надо признать хотя бы номинальную зависимость Нового города с округой или, скорее, всего улуса Дмитрия от молдавского господаря. Такая постановка вопроса требует объяснения отсутствия полного перевода имени «Богдан» на монетах.

Конечно же, составителям монетных легенд были известны разнообразные и распространенные в исламском мире эквивалентные имена, варианты такого перевода, в частности «Атаулла», «Тухфатулла», «Аллахдад» и особенно тюркское «Аллаберди» — все со значением «дар бога» или «дарованный (данный) богом» (Гафуров 1987: 124, 128, 196). Отмеченная несуразица рождает догадку о стремлении монетных мастеров и их прямых начальников — от городских властителей до Дмитрия — что-то утаить, и не только от людей, чьи нужды должны были обслуживать выпускаемые в Шехр ал-Джедид деньги. Правители улусов Золотой Орды, раздираемой тогда кровавыми внутренними усобицами, остро реагировали на изменения статусов соседних областей прежде единой державы. По этой причине в обстановке крайней нестабильности отношений такого рода знаки подчинения, прокламации которых добивались сюзерены, вассалы старались маскировать. Подобные случаи зафиксированы в истории постджучидских монет. На некоторых монетах Василия I (1389-1425), чеканенных после 1410 г., встречается надпись PAPAI, читаемая исследователями как «Мамай». Считается, что таким образом отмечено имя Едигея, заставившего московского князя признать его верховенство. При этом прозвание «Мамай» указывало на типологическую близость двух правителей, незаконно претендовавших на ханскую власть. «Тайнопись была скрытым восстановлением на монетах Василия I «ордынского» элемента как выражения подданства Орде» (Федоров-

Давыдов 1981: 64-65, 125-127). Мне представляется, что приведенные аргументы в какой-то мере проливают свет на историю молдавско-татарских взаимодействий к востоку от Карпат в 60-е гг. XIV в.

Некоторые нумизматы пытались связать с деятельностью Богдана I начало чеканки монет в Молдавии. Теоретически такое событие — показатель суверенных прав главы государства — вероятно. Однако нумизматические доказательства пока отсутствуют. Попытки связать отдельные типы молдавских монет с именем «Богдан» с перешедшим Карпаты марамурешским воеводой оказались неудачными. Их в настоящее время относят либо к Богдану II (середина XV в.), либо к Богдану III (начало XVI в.) — соответственно отцу и сыну Стефана Великого. Надежды на то, что такое открытие еще предстоит сделать довольно мало (Полевой 1972: 9). Вместе с тем имя Богдана I и его достижения на юго-востоке Карпато-Днестровского пространства в весьма своеобразной форме отразили наиболее поздние монеты Шехр ал-Джедид. Они дают основания полагать, что этот молдавский господарь, сделавший независимой «Верхнюю страну», предпринял первые успешные шаги к подчинению «Нижней страны», улуса крещеного татарина Дмитрия.

Впрочем, татарский фактор продолжал играть важную роль в истории региона. В конце XIV в. в Нижнем Подунавье еще сохранялись остатки прежде мощных ордынских улусов. В некоторых валашских грамотах, самая ранняя точно датированная из которых выдана 27 декабря 1391 г., имеется указание на протяженность владений Мирчи Старого (1386-1418) от гор до границ Татарии – *incipiendo ab alpibus usque ad confinia Tartarie*. Эта фраза на латинском, а также на славянском *(«къ Татарским странам»)* языках содержится и в титулатуре преемников Мирчи — господарей Михаила и Радула Прасналава. В последний раз она встречается в грамоте от 1 июня 1421 г. (DRH.B-I 1966: 31, 36, 63, 66, 70, 73, 80, 88, 90, 96. А также см.: DRH.D-I: 119, 127, 197). Нужно отметить употребление словосочетания во множественном числе, т.е. речь идет как минимум о двух «татарских странах». Соседними с Валахией в конце XIV – первые десятилетия XV вв. могли быть только владения Дмитрия и Кутлубуги, очевидно, управлявшиеся уже их преемниками.

История названных татарских владений рассматриваемого периода могла быть связана прочно только с Молдавией, две части которой («Нижняя страна» и «Бессарабия») обнаруживают генетическую связь с периодом ордынской истории края. В этом плане огромный интерес представляет один тип серебряных и медных молдавских монет, известных теперь всего лишь по двум экземплярам. На лицевой стороне монет отчеканен герб Молдавии в виде головы тура, а на оборотной — тамгообразный знак, свойственный золотоордынским правителям. Серебряная монета из частной румынской коллекции условно отнесена к эмиссиям полугрошей Александра Доброго (Luchian, Buzdugan, Opresсu 1977: 64). Несколько больше можно сказать о медном полугроше с серебряной амальгамой. Монета происходит из клада, найденного в 1931 г. в Бистрице (ком. Хинова, жуд. Мехединць). Самыми младшими экземплярами из состава тезаврации являются дукаты Мирчи Старого, выпущенные в 1415-1418 гг. Соответственно около этого времени, но не ранее 1400 г., отчеканен и полугрош молдавского господаря с тамгой (Stîngа 1992: 133-136). Данный гибридный монетный тип отражает период освоения Молдавией одной из ордынских структур, сохранявшую какое-то время автономию, но уже признавшую верховную власть молдавского господаря. Можно думать, что это было ордынское владение, связанное с Килией. Этот город имел богатые традиции товарно-денежных отношений, вероятно, чеканки собственной монеты, а в состав Молдавии вошел только в 1408-1412 гг. (Параска 1980: 82. См. также Iliescu 1971: 261-266).

Косвенное указание на улус Дмитрия, по всей видимости, содержится в рукописном немецком гербовнике конца XV в. Он составлен на основе информации из «Хроники» Ульриха Рихенталя, описавшего в 1420-1430 гг. события Констанцского собора. Под болгарскими гербами с изображениями львов имеется надпись, содержащая следующий пассаж: *«Царь Болгарии, который должен иметь также одного представителя от Орды» (Der Kayser von Bulgarien der mus och ainen haben zu vicarien von Ordo).* Болгарским царем, очевидно, именуется сын Ивана Шишмана, Фрунжин, долго служивший венгерскому королю Сигизмунду Люксембургу (Бегунов 1974: 61-62). На него рассчитывали католические правители при организации борьбы с османами. Но о каком подчиненном ему татарском улусе может идти речь, если он и сам не имел реального владения? Противоречие можно снять просто, вспомнив о зоне интересов Венгрии на юго-западе Молдавии, куда простиралась «земля Деметрия». Коль скоро этот «принцепс» был христианином, то становится понятным, почему он или его потомки должны были иметь представителей на Констанцском соборе. Фрунжину же эти земли, которые, вероятно, еще предстояло завоевать, могли быть пожалованы венгерским королем. Так создавались предпосылки для нового крестового похода через Дунай на османов, а заодно и присоединения к королевству земель, на которые оно давно претендовало. Учитывая, что всего несколькими годами прежде в 1412 г. Венгрия заключила с Польшей тайный договор о разделе Молдавии, получив по нему и указанные территории, вместе с Килией (см.: Параска 1980: 82), ничего удивительного в такой акции нет. Тут важ-

но, что отторгать у Молдавии часть ее владений предполагалось с помощью тех же ордынцев, очевидно, недовольных тем режимом, который устанавливала Сучава. Как можно убедиться, инкорпорация татарских улусов степного юга происходило болезненно.

Вероятно, одно из последних свидетельств о взаимоотношениях с ордынцами в пределах территории Молдавского государства XV в. содержится в привилее Стефана Великого львовским купцам от 3 июля 1460 г. В документе сказано: *«А тото мыто татарское, што было установлено у Былом городе, а мы тото мыто Ливовчаном отпустили, абы не давали ни пинязя, хоте от тысяча коп, хоте буд там татарскыи царевич, хоте не буд»* (Bogdan 1913: 274-275). Содержание грамоты указывает на то, что данное установление направлено против белгородцев, неоднократно проявлявших своеволие и независимость от властей Сучавы. Судя по всему, для противопоставления себя центральной власти они пытались использовать какого-то «царевича» (вероятно, перевод титула «эмир») из ордынцев окрестных степей. Он мог быть выходцем с правобережья Днестра и, с гораздо меньшей долей вероятности, с немолдавского левого берега. Однако в обоих случаях этот степной владетель являлся каким-то наследником известных уже Кутлубуги и Хачибея. Однако в отношениях с татарами Молдавия, начиная с последней трети XIV в. действует как активная сторона, стремящаяся освоить владения ослабевших ордынских эмиров Карпато-Днестровского ареала.

5. Прорыв на Нижний Дунай

Переломное в истории Европы XIV столетие поначалу проходило для нижнедунайских земель под знаком прочно установившегося влияния Золотой Орды, Второго Болгарского царства и Генуи. Однако во второй половине XIV в. стали четче обозначаться новые очертания региональной политической ситуации. В рассматриваемом географическом ареале появились Венгрия, Валахия, Молдавия, Каварнский деспотат, Литва, Турция, что сопровождалось острым соперничеством за право быть хозяином положения. Применив известное определение реалий Монгольской империи XIII-XIV вв. (см. Конрад 1972: 96), можно утверждать: культурно-историческое развитие Нижнего Подунавья должно изучаться как явление, принадлежавшее и Востоку, и Западу. Поскольку место Молдавии в системе политических координат Юго-Восточной Европы на исходе XIV в. изучено недостаточно (Параска 1981; Papacostea 1973), обращение к теме актуально, несмотря на ограниченный круг источников.

Имеющиеся материалы ясно показывают, что стратегическая инициатива на левобережье Дуная примерно с середины XIV в. постепенно переходит к Венгрии. Веские претензии королевства на господство в районе Нижнего Дуная реализуются посредством настойчивого продвижения через Трансильванию и далее по линии Брашов-Брэила. Между Карпатами и Дунаем венгры при поддержке папства восстанавливают существовавшую некогда в землях куманов и уничтоженную ордынцами Милковскую католическую епископию (DRH.D-I 1977: 45, 63). Установление власти короля наталкивалось на вооруженное сопротивление ордынцев, державших в своих руках территории до самого моря. Недаром разгромленные около 1345 г. отряды Атламоша бежали в приморские степи *«к другим татарам» — ad partes maritimas longe diftantes ad alios tartaros fugerunt* (Chronica 1973: 106). Тем не менее Венгрия закрепляется у Дуная, и уже в 1358 г. король Людовик I (1342-1382) дал право на свободный провоз товаров купцам из Брашова через междуречье Бузэу и Прахова (DRH.D-I: 72).

Эти действия не могли оставить беспристрастным наблюдателем Геную, первенство которой в черноморско-средиземноморской торговле раз за разом оспаривала Венеция. Так, венецианцы не преминули вклиниться в партнерские отношения своих противников с золотоордынскими властителями, что отразилось и на положении в устьях Дуная. Представители Генуэзской республики были вытеснены ордынцами из Вичины, до того главной итальянской колонии на Дунае. Закономерно в такой ситуации союзником Генуи становилось Венгерское королевство, боровшееся за далматинские города с Венецией и за Подунавье с Ордой. Заключенный в 1352 г. венгерско-генуэзский союз способствовал успеху Людовика I в войне с венецианцами в 1356-1358 гг. и восстановлению генуэзского господства в дунайской дельте — район Ликостомо — Килия (ИВ-I 1971:185; Тодорова 1981: 224-227, 236-237).

В перераспределении сфер влияния на Дунае раздираемая внутренними противоречиями и занятая изнуряющая борьбой с османами Болгария не участвовала. Вместе с тем ни одно из государств региона не собиралось уступать свои позиции добровольно. Перемещение центра деятельности Генуи ближе к устьям Дуная сильно урезало возможности Каварнского деспотата, поэтому Добротица вел активные действия против итальянского присутствия здесь уже в октябре 1360 г. (Balard 1980: 164). Годом ранее отмечено вмешательство в события на Дунае Валашского государства: при активном содействии господаря последний митрополит Вичины перебрался в Куртя де Арджеш, став высшим православным иерархом страны. Вичинская митрополия прекратила свое существование (DIR.B 1953: 13-16). Очевидно, что назван-

ные акции православных правителей находятся в прямой зависимости от крена нижнедунайской политической обстановки в пользу католических государств.

Дальнейшая эволюция ситуации в крае характеризуется двумя грамотами 1368 г. В одной из них валашский владетель Владислав (1364-1377), упорядочивая таможенную пошлину, делает исключение лишь для брэильского направления, которое вело за границу. При этом он действует только как вассал Венгрии, ссылаясь на своего сюзерена — Людовика I (DRH.D-I: 90). В другом документе, составленном от имени венгерского короля, говорится о праве свободной торговли для брашовян и купцов татарского князя Деметрия (DRH.D-I 1977: 78). Территориальное разграничение, предусмотренное для всех сторон, очевидно. Между Валахией и Венгрией пограничным был, по всей вероятности, порт Брэила. Об определенности владений татарского князя свидетельствует фраза: *«в земле господина Деметрия».* Как сказано выше, эта «земля» вплотную подходила к валашско-венгерскому пограничью с востока и юго-востока. Тогда же в титуле венгерского короля вновь, как и в первой половине XIII в., фигурирует «Кумания», локализуемая где-то в районе впадения Сирета в Дунай (DRH.D-I 1977: 69, 73, 75, 78, 80). Таким образом, если власть татар в Подунавье сохраняется и к концу 60-х гг. XIV в., а Валахия продолжает здесь реализацию своих внешнеполитических устремлений, то только в силу договоренностей с венгерской короной, признавших ее доминирующее положение.

Что касается Генуи, то она сохраняла свою провенгерскую ориентацию, ведь вопрос о сокрушении Республики Св. Марка все еще не был решен, а Людовик I добился большего могущества, заняв в 1370 г. и польский трон. Не удивительно, что в очередной венгерско-венецианской войне 1378-1381 гг. Республика Св. Георгия вновь выступила как союзник королевства. Эта поддержка была оплачена в июне 1379 г., когда генуэзцы получили широкие торговые привилегии на реке и на суше — вверх по Дунаю до Оршовы и далее посуху до Буды (ИВ-I 1971: 185-186; Eskenasy 1981: 2057). С другой стороны, военные действия против Генуи продолжал Добротица. Вспыхивая после недолгих затиший с новой силой, война длилась до 1387 г., когда деспота уже не было в живых и к власти пришел его сын Иванко (Тодорова 1982: 111-118). Казалось бы, никакой альтернативы католическому венгерско-генуэзскому господству не оставалось. Однако вскоре выяснилось, что это не вполне соответствует действительности.

Олицетворением мощи, способной всерьез изменить ситуацию в низовьях Дуная, стало с 60-х гг. XIV Великое Литовское княжество. Когда князь Ольгерд (1345-1377) в 1362/1363 г. разбил объединенные войска крупных ордынских феодалов Хаджи-бея, Кутлубуги и Димитрия, господство татаро-монголов в Подолье и Северо-Западном Причерноморье пошатнулось. По некоторым данным, Литве удалось распространить свои владения вплоть до моря — «Белобережия» (ПСРЛ-11 1965: 2). Выйдя на авансцену региональной истории, литовские князья быстро стали центром притяжения симпатий антивенгерски и антикатолически настроенных правителей.

Как раз с Литвой связаны первые сообщения об участии молодого Молдавского государства в делах юга Дунайско-Днестровских земель. Речь идет о слабо изученном правлении в Молдове Юрия — одного из братьев Кориатовичей, племянников Ольгерда, которым после событий 1362/1363 гг. на «Синей воде» было пожаловано Подолье (см. Войтович 1996: 106-115). По данным летописей, *«Князя Юрия Волохове взяли его собе воеводой и тамо окормили»* (ПСРЛ-35 1980: 66 и др.). Призвание и убийство Юрия Кориатовича датируют обычно 1374-1377 гг. Из информации источников следует, что события происходили на территориях, тяготеющих к приморскому побережью в низовьях Дуная и Днестра. В различных текстах упоминаются Белгород, Бырлад, Васлуй, сражения с татарами, в том числе поход литовцев *«на Темиреза»* или *«Темеря»,* в котором порой видят Дмитрия — участника битвы с Ольгердом и владельца улуса в Подунавье (ПСРЛ-11 1965: 21; ПСРЛ-15 1922: стб. 106; ОВИМК 1987: 20). К сожалению, научно не доказана аутентичность всех учтенных нами документов, но несомненно, что их сведения не противоречат, а лишь дополняют друг друга.

Приход к власти в Молдавии литовского князя вполне объясним и с точки зрения общего контекста событий. В условиях едва ли не полного диктата в Карпато-Дунайских землях короля Венгрии и Польши Людовика I молдавский господарь Лацко (наследник Богдана I), правивший в начале 70-х гг., не смог противостоять давлению извне. Он едва балансировал между признанием венгерского сюзеренитета и перспективой окатоличивания страны (ОВИМК 1987: 17-19). В то же время Литва стала претендовать на превращение в оплот православия, являясь единственным реальным противовесом венгерско-польскому натиску. Поэтому и вокняжение, и убийство Юрия Кориатовича понятны, если *«волохове взяли его себе»,* чтобы противопоставить Лацко. Когда в 1377 г. Ольгерд умер и преимущество перешло на сторону Людовика I, а Кориатовичи вместе с другими литовскими князьями присягнули королю, Юрий был отравлен.

Знаменательно, что владения Юрия также локализуются на юго-востоке средневековой Молдавии, слабо интегрированном в единое целое с Восточным Прикарпатьем. Вероятно, реализация претензий на бывший татарский улус Дмитрия («Нижнюю страну») рассматривалась

в некоторых кругах как законная акция. Исходя из феодального права, это событие прямо вытекало из военного успеха, определившего судьбу власти в Подолии, где братья Кориатовичи заместили Дмитрия с «братьями». Успехи Литвы в Причерноморье неминуемо вели к распространению ее влияния до Дуная, поскольку литовские князья пытались консолидировать вокруг себя суверенный потенциал православных стран — Молдовы, Валахии и даже болгарских земель с Византией. Это подрывало могущество татар и венгров, с которыми и произошли наиболее жестокие столкновения. Не удивительно, что, подчиняя себе дунайско-днестровский юг, Юрий Кориатович нашел поддержку феодальной оппозиции молдавскому господарю Лацко.

С литовскими победами следует связать и быстрый отход Валахии от Венгрии, а также активизацию боевых операций Добротицы против генуэзцев в устьях Дуная. Не случайно в одном итальянском документе сентября 1374 г. деспот назван *«злобным и жестоким врагом коммуны Генуя и всех генуэзцев»* (Balbi, Raiteri 1973: 208). Впрочем, в итоге верх одержали Венгрия, Республика Св. Георгия и Орда. В 1377 г. Людовик сумел не только добиться покорности литовцев, но и намеревался вернуть под свою руку Валахию (DRH.D-I 1977: 111), а известный Мамай объединил «почти все ордынские улусы к западу от Волги», обложив данью население подвластных Литве районов, включая и Подолье (Шабульдо 1987: 105). В тот же период Генуя создает важную для обороны Дуная с моря островную крепость Ликостомо (Balbi, Raiteri 1973: 197, 201, 205 etc.). Однако реставрация венгерского господства на Нижнем Дунае была неполной. Отстранить Валахию от участия в жизни края и подчинить ее Людовику I так и не удалось. Это вызвало жесткую торговую блокаду со стороны венгров, которую отмечают документы 1382 и 1384 гг. (DRH.D-I 1977: 113, 117).

В 80-е гг. XIV в. произошли новые перемены в низовьях Дуная. В книге учета выплат и поступлений Каффы 2 мая и 14 августа I386 г. зафиксирована отправка двух послов к Маокастро (Белгороду). Им было предписано прибыть к *«Константину и Петру воеводе»,* то есть к господарю Молдовы Петру Мушату (1377-1391) и, по всей видимости, к автономному правителю приднестровского юга, административным центром которого был Маокастро. Цель каффских посольств заключалась, вероятно, в установлении отношений, обеспечивающих нормальную торговлю итальянцев в крае (Параска 1981: 109-110; Papacostea 1973: 55-58). Необходимость договора назрела из-за нарушения прежних связей вследствие войны генуэзцев с ордынцами и утраты монголами господствующих позиций на севере-западе степного Причерноморья, где главными фигурами стали Константин и Петр. Независимо от того, кого представлял Константин, его деятельность однозначно относится к Белгороду, в котором итальянцы имели давние коммерческие интересы. Однако возможности тесно связанной с морем торговли Каффы в землях Петра Мушата были ограничены, если не допускать мысли о выходе границ Молдавии в низовья Дуная. В всяком случае, молдаване являлись соперником ордынцев, а также потенциальным союзником и торговым партнером Каффы, о чем и говорит источник.

На самом деле после смерти Людовика I Венгрия пережила тяжелейший кризис. В сложном положении находились Польша и Литва. Нестроение в соседних больших державах обеспечило возможности Молдавии в расширении своих пределов. Когда Венгерское королевство вновь окрепло и посягнуло на молдавскую независимость, Петр Мушат предпочел в 1387 г. стать вассалом польского короля Владислава Ягайло (1386-1434) (Грамоти 1974: 79-81; Costachescu 1931: 599-606; Ciobanu 1985: 16-18). Более того, при посредничестве молдавского господаря в 1390-1391 гг. аналогичное соглашение с Владиславом Ягайло заключил и Мирча Старый (1386-1418) (DRH.D-I 1977: 122, 125-126). Эти договоры с четко выраженной антивенгерской направленностью демонстрируют близкие интересы Молдавии с Валахией на Нижнем Дунае. Как раз здесь на их пути постоянно становилась Венгрия, и здесь Петр Мушат с Мирчей Старым могли выступить единым фронтом. О валашско-молдавской границе на Дунае можно судить по хрисовулу Мирчи, который около 1390 г. дал львовским купцам право свободной торговли в валашских землях, в том числе по дунайским бродам, *«почавше от Железных врат дори до самого Браилова»* (Грамоти 1974: 104-106). Стало быть, входившие в приморскую зону территории Придунавья ниже Брэилы были подчинены Петру Мушату. Это положение, судя по всему, признавал молдавско-польский договор 1387 г. В отличие от Венгрии, польская корона прямо на эти земли не претендовала, но проявляла заинтересованность в свободном доступе к ним, По этой причине для обеих сторон, подписавших акт, зафиксированные отношения были взаимовыгодными. Договор заложил правовую основу длительным вассально-сюзеренитетным отношениям Молдавии с Польским королевством.

Мои утверждения о проникновении Молдавии при Петре Мушате в зону дунайской дельты находят подтверждение и в монетных находках. В низовьях Дуная отмечено довольно много случаев находок денег Петра-воеводы, единичных и в составе кладов (Iliescu 1990: 651, 653-654; Vetran, Custurea 1988-1989: 381, 383). Их плотность в зоне уступает таковой только в Восточном Прикарпатье и многократно превышает эти показатели по другим областям страны. Любопытно, что монеты другого молдавского гос-

подаря конца XIV в. Стефана I (1394-1399) на Нижнем Дунае не обнаружены. Это позволяет говорить о недолговечности политического и экономического присутствия Молдавии в регионе, которое уже во второй половине 90-х гг. XIV в. было ликвидировано.

После Петра Мушата молдавский престол занимал господарь Роман (1391-1394). Он не выпускал денег от своего имени, хотя, может быть, продолжал чеканку введенных его предшественником типов (Iliescu 1958: 458). Однако, если в организации денежного хозяйства Роман и мог сохранять заложенные братом традиции, то этого нельзя сказать о стиле его внешнеполитической деятельности. Роман в 1392-1393 гг. с явным вызовом могучим соседям величал себя самодержавным властителем Земли Молдавской от гор до моря. Тем самым не только «высвечивались» пределы господарского суверенитета, установленные Петром Мушатом, но и отвергался какой-либо сюзеренитет. Воспользовавшись успехами литовского князя Витовта (1392-1430) в борьбе с Польшей, Роман выступил против Владислава Ягайло. Однако уже в начале 1393 г. он вынужден был присягнуть польскому королю. Впрочем, вскоре молдавский правитель поддержал подольского князя Федора Кориатовича в войне против объединившихся Владислава Ягайло и Витовта. Когда же Федор попросил помощи у венгерского короля Сигизмунда (1387-1437), перед Молдавским государством вновь замаячила опасность восстановления господства Венгрии. Это не случилось по причине победы Витовта, но Роман лишился трона, а к власти Литва и Польша привели своего ставленника — Стефана I (Грамоти 1974: 109, 120-121; Costăchescu 1931: 607-609; DRH.A-I 1975: 3-6; Шабульдо 1987: 139- 140).

Крушение честолюбивых замыслов Романа открывало путь венгерской экспансии в низовьях Дуная. Свою роль в этом сыграла и достигшая территорий Дунайского левобережья агрессия османов. После сражения на Косовом поле (1389 г.) турки впервые совершили рейды за Дунай: сначала в подчиненный венграм Банат, а в 1391 г. в Валахию. Только завоевание Подунавья давало бы Сигизмунду в условиях нависшей над ним смертельной угрозы стратегически выигрышные позиции. Однако для этого он должен был вернуть в фарватер внешней политики королевства Валашское и Молдавское государства.

Падение под ударами турок в 1393 г. Тырновской Болгарии вплотную приблизило рубежи османских владений к землям Мирчи Старого, что предопределило сближение господаря с королем Венгрии. События 1394 г. и битва при Ровине окончательным сориентировали Валахию на союз с Сигизмундом. Вместе с тем, готовые идти на сговор с завоевателями группировки знати выдвинули на престол боярина Влада (1394-1397). По данным Болгарской анонимной хроники XV вв., тогда вторгшийся было в валашские земли султан Баязид I (1389-1402) отступил, поставив по дунайским бродам стражу (Тютюнджиев, Павлов 1993: 43). Путь к морю был отрезан для всех стран дунайского левобережья: теперь через Добруджу могли передвигаться разве что люди проосмански ориентированного Влада Узурпатора.

Примечательно, что 6 января 1395 г. новый господарь Молдавии Стефан I принес клятву Владиславу Ягайло *«противу кроля Оугорского, противу воеводы Басарабьского, против турок...»* (Грамоти 1974: 126-128). Совершенно ясно, что интересы перечисленных сторон сталкивались на Нижнем Дунае, а сучавский правитель, имевший за спиной могучего сюзерена, вовсе не собирался отказываться от прав на приморские земли. Все надежды на реализацию этих планов перечеркнула экспедиция Сигизмунда начала 1395 г. в район молдавской крепости Нямц.

Вынудив Стефана I признать свое поражение, но затем едва избежав полного разгрома на обратном пути из Молдавии, венгерский король не упустил инициативы в борьбе за придунайские земли. В этом плане поход через Карпаты имел для Венгрии положительные результаты. Об удаче свидетельствует предоставление льгот за услуги в молдавской кампании торговцам Брашова — трансильванского города, в котором Сигизмунд пребывал уже в феврале 1395 г. Привилегии распространялись и на район Нижнего Подунавья. В Брашове 7 марта состоялось и заключение антитурецкого договора с Мирчей Старым. В его тексте упоминалась опасность, исходившая тогда из земель Добротицы. В тот же день были подтверждены грамоты Людовика I 1358 и 1377 гг. о правах брашовян в валашской и нижнедунайской торговле. Похоже, что Венгрия едва поспевала контролировать стремительный ход событий. Во всяком случае, 11 марта короля еще заботил незаконный вывоз товаров из Валахии, а 6 апреля он приказал своим войскам выступить в валашские земли для борьбы с турками (DRH. D-I: 130-131, 134-143, 145-147, 149-150).

Трагическая развязка последовала через год, когда Сигизмунд возглавил поход на османов. Никопольской катастрофе, постигшей разношерстное крестоносное воинство в конце сентября 1396 г., предшествовало шествие по придунайским районам, население которых выступило в поддержку христианской армии. Даже после победы Баязиду I далеко не сразу удалось вернуть под свою власть отвергшие господство османов земли. По свидетельству венецианского документа от 27 января 1397 г., спасаясь бегством на галере, венгерский король побывал в дунайском Ликостомо и Калиакре (см. Гюзелев 1973: 128), которые в конце 1396 г., надо понимать, не были в руках турок. Сопоставимые материалы имеются в записках Иоганна

Шильтбергера. По его данным, южнее дунайской дельты тогда располагалась территория *«третьей Болгарии»,* соответствующей деспотату Добротицы. Сведения баварского рыцаря не очень конкретны, но в них как некий рубежный пункт упоминается порт Брэила, а также придунайские государства — *«Большая Валахия»* и *«Малая Валахия»* (Шильтбергер 1984: 37, 137). Принимая во внимание историческую географию начала 90-х гг. XIV в., можно полагать, что Подунавье и позднее находилось в сфере влияния Валахии и Молдавии (или они хотя бы претендовали на это), а граница между зонами интересов соседей проходила где-то у Брэилы.

По наблюдениям исследователей, к тому же времени следует относить и направление посольств к литовскому князю Витовту, к которому под покровительство просились *«господарь земли Мольдавской и Босарабъския, по власкому языку зовемем воеводы, такожь осподарь той земли Болгарскои, по болгарскому языку зовемыя деиспоты»* (ПСРЛ-35 1980: 59). Цель этих миссий, очевидно, состояла в поиске союзника для отражения агрессии турок. Происходило объединение православных сил. Скорее всего, это сближение стало возможным благодаря усилиям молдавского господаря, который способствовал и установлению союзнических отношений переменившего ориентиры Влада с Польшей (Ciobanu 1985: 23). Благоприятное воздействие оказал наметившийся осенью 1396 г. альянс Польского королевства, Литовского княжества и Московского государства. Эти тесные связи, освященные митрополитом болгарского происхождения Киприаном, нашли документальное воплощение в знаменитом «Списке русских городов, дальних и ближних». В тексте памятника внимание привлекает сдвоенность рубрики, под которой помещены болгарские и *«волоский гради».* Не исключено, что в отступлении от принятой составителями нормы нужно видеть реминисценции первой трети XIV в. (НПЛ 1950: 475; Шабульдо 1987: 114; Руссев 1990: 34-35). Однако изучение сюжетов конца XIV в. убеждает, что такой прием мог диктоваться и более поздними реалиями. Ко времени составления «Списка» Молдавия уже имела немалое влияние на Нижнем Дунае, но болгары также считали себя тут законными хозяевами. Составители документа явно пытались сгладить противоречия между союзниками. Однако в дальнейшем претензии обеих сторон так и остались нереализованными.

Неудачи в антитурецкой борьбе не только расстраивали планы государственных деятелей, но и толкали вчерашних врагов к созданию военной коалиции. В январе 1397 г. сам константинопольский патриарх Антоний рекомендовал Владиславу Ягайло заключить оборонительный союз против «неверных» с королем Сигизмундом. Одновременно к такому шагу высший «вселенский» иерарх склонял и Киприана (Шабульдо 1987: 145). Искусственно, вопреки опыту исторического развития, конструировалась иллюзия возможности прочного общехристианского блока. Склонности политических деятелей (в том числе облеченных в духовный сан) к подобным мероприятиям в условиях критичности момента противостояла складывавшаяся столетиями ментальность. Конфессиональные противоречия и предрассудки были настолько велики, что далее эфемерных соглашений, зачастую пропитанных лицемерием, дело никогда не шло. Перспективным могло быть лишь общеправославное единство, но и эта идея погибла, не дав зримых практических результатов.

На примере Нижнего Подунавья конца XIV в. прекрасно видно, что политическая ситуация и здесь формировалась в условиях «непрекращающейся перегруппировки сил, когда ни одна из соперничающих сторон не обладала очевидным превосходством» (Греков 1980: 134). Стремясь удовлетворить собственные интересы, они довольно долго дезориентировали друг друга и своих партнеров, что мешало осознанию масштабности деструктивного воздействия османского фактора. В итоге «новая восточная волна», накатившая из Малой Азии, не просто накрыла, но оставила под собой на века едва ли не весь Карпато-Балканский ареал. Границы Азии продвинулись далеко на запад. Однако истинный драматизм происходивших метаморфоз состоял в том, что практически все будущие жертвы завоевания в значительной мере сами создавали предпосылки собственного заклания. В итоге под ногами не щадившего иноверцев врага оказалась естественная историческая перспектива всего региона. Свою лепту в печальный перелом линии судьбы нижедунайской зоны внесли государства, пережившие тогда упадок и находившиеся на подъеме. Объективную сторону этого процесса можно иллюстрировать многими фактами.

Ф.Броделю принадлежит констатация: «От краха Византии (имеются в виду результаты IV крестового похода — авт.) выиграли все итальянские города; точно так же выиграли они и от монгольского нашествия, которое после 1240 г. на столетие открыло прямой путь по суше от Черного моря до Китая и Индии» (Бродель 1992: 106). Если отбросить «национальную оболочку» этой формулы, то ее можно истолковать так: от поражения православного мира выиграл католический; как равным образом он выиграл и от торжества язычников-монголов. Нечто подобное случилось и после исламско-османского триумфа над православными народами Юго-Восточной Европы.

6. «Кешенев» как зеркало этнокультурного взаимодействия

Более столетия юго-восточные районы Карпато-Днестровского пространства находились в границах ордынского государства. Джучидские монеты датируют завершение этого периода истории края примерно 1370 г. В последующие два-три десятилетия эти земли постепенно вошли в состав Молдавии. Деятельность властей Сучавы в центральной части Прутско-Днестровского междуречья отмечена впервые лишь в начале XV в. Самой ранней документальной записью об этом может считаться грамота, жалующая Влада Долхича пустошью у реки Сэрата. Однако и данное свидетельство относится к 1406 г. с большой долей условности (DRH.A-I: 28-29). Более точной датой является 1408 г., когда господарский привилей львовским купцам засвидетельствовал существование молдавского таможенного пункта на Днестре *«Тягянякчу»* — Тигины, Бендер (ИСН-I 1965: 40-41). Такую хронологию подтверждают молдавские монеты, обнаруженные в ходе изучения городища Старый Орхей. Наиболее ранние из них выпущены от имени Александра I Доброго (1400-1432) (Абызова, Бырня, Нудельман 1982: 63, 69, 91). Поскольку становление государственных территорий Молдавии на востоке сопровождалось вытеснением Золотой Орды, новые процессы в основном пресекли прежнюю направленность социально-политического развития территорий правобережья Нижнего Днестра. По этой причине едва ли можно говорить о преемственности системообразующих структур молдавской государственности от функционировавших в Орде.

Вместе с тем воспринятому Молдавией татарскому «наследству» посвящено немало страниц исторических исследований (например, Stahl 1972: 62). Одна из наиболее интересных проблем в современной историографии — этнокультурная преемственность в ходе общественных преобразований, охвативших центральную часть Прутско-Днестровских земель во второй половине XIV — первой трети XV вв. Показательно, что рассматриваемый регион был наиболее плотно населенным в междуречье Прута и Днестра, как под властью Золотой Орды, так и Молдавии. Здесь сосредотачивалась основная масса сельских поселений XIV-XV вв., локализуемых историками и археологами в пределах территорий современной Молдовы (см. Полевой, Бырня 1974: 8-10, 43-49 и др.). Очевидная дискретность в генезисе государственности в местности, известной под названием «Кодры», оставляет единственный путь для трансляции традиций одной эпохи в другую — посредством передачи опыта между поколениями рядовых обитателей, объединенных в общинно-патриархальные коллективы. Собственно говоря, вопрос целесообразно поставить следующим образом: каковы доказательства сосуществования в Кодрах рассматриваемого периода пришлого с востока разноплеменного оседлого населения и молдаван?

К сожалению, прямых сообщений на этот счет памятники письменности не содержат. Варианты же интерпретации археологических материалов (памятников так называемой балкано-дунайской культуры, типа Ханска-Рэдукэнень, «красно-желтой ленточной керамики») оказываются очень противоречивыми (см. Хынку 1974:127-150; Бырня, Рафалович 1978: 65-75; Постикэ 1988: 15-16 и др.). На мой взгляд, позитивный результат может принести ретроспективный анализ молдавских поземельных грамот XV в.

Сведения из грамот молдавских господарей и итоги их изучения достаточно четко характеризуют топографию заселенности кодровой зоны в XV в. (Бырня 1969: 32-37 и др.; Полевой 1979: 84-113). Среди объектов, фигурирующих в документах, выделяются села, пустоши, селища, а также монастыри, пасеки, колодцы и т.п. Практически для всех сел, существовавших на данной территории, к моменту первого упоминания отмечены *«старый хотари, куда из века оживали».* Наличие этой формулы позволяет отнести возникновение сел к периоду золотоордынского господства. При этом две трети поселений XV в. имеют молдавские названия и лишь 17 из 54 — славянские. Кроме того, господарские грамоты нередко предоставляют землевладельцам пустоши для основания сел. Из всех районов Молдовы в конце XIV — первой половине XV вв. больше всего таких мест приходится на зону Кодр (41 из 91). В центральной части Прутско-Днестровского междуречья давалась полная свобода в освоении земель новыми селами — свыше 97,5% пустошей, тогда как в других районах страны господарь предпочитал определять хотар – 64% случаев. Регион обладал очень большими резервами освоения, которое шло в XV в. весьма быстро. Наличие тут слабо заселенных лесных массивов подтверждается локализацией в Кодрах более половины упомянутых в молдавских грамотах XV в. пасек. Помимо того, поземельные документы называют ряд заброшенных ко времени их письменной фиксации сел — селищ («селишт»). Считается, что эти пункты, как правило, еще сохранявшие в XV в. прежние названия, обезлюдели около середины XIV в. в связи с действиями ордынцев или против них. В пользу такой трактовки свидетельствует местоположение подавляющего большинства селищ из грамот конца XIV — первой половины XV вв. — 82,8% из них (53 из 64) находились к востоку от Сирета, в местах, где татарское господство было особенно эффективным. Именно факт сосуществования в домолдавский период старых сел кодровой

зоны и населенных пунктов, превратившихся спустя некоторое время в селища, дает хорошую возможность изучения феномена этнокультурной преемственности, начиная от рубежа их хронологического стыка.

Грамоты 1406-1436 гг. зафиксировали в этом ареале пять селищ: *«Тигомирово селиште»* — 1420 г., *«селиште Хегетише»* — 1432-1433 гг., *«Поросячика», «Береза»* и *«татарская селишта»* — 1436 г., а также *«городиште»* — 1420 г. (DRH.A-I: 67, 159, 210, 218). Число селищ в рассматриваемых документах очень незначительно по сравнению с количеством сел. Например, в грамоте от 25 апреля 1420 г. названы десять сел, одно селище и одно городище. Все упомянутые села характеризуются полной формой топонима, на образование которой, по Л.Л.Полевому, требуется в среднем 102 ± 29 года. Следовательно, расчетное время основания этих населенных пунктов — 1289-1347 гг. (Полевой 1979: 12-23 и др.). Судя по названиям, изначально они не были этнически однородными. Явно молдавские топонимы *«Сэкрении», «Хомичешти», «Миклэушешти»* и др. соседствуют со славянскими — *«Лознова», «Садова»,* а также прямо указывающим на этнос топонимом *«Цигэнештии»*. Если о «городиште» из документа трудно сказать что-либо определенное, поскольку имя его утеряно во времени (возможно, оно относилось к доордынскому периоду), то *«Тигомирово селиште»,* похоже, вписывается в разряд топонимов со славянской основой. Однако настаивать на этом трудно, поскольку это географическое название можно возводить к разным по происхождению антропонимам: «Тихомир» или «Токтомер» и т.п. Вместе с тем очевидно славянское происхождение названий *«Поросячика»* и *«Береза».* Неясность топонима *«селиште Хегэтише»,* к сожалению, не компенсируется его соседством с новым селом, *«где есть князь Оника»,* возникшим 32 ± 16 года тому назад (Полевой 1979: 14), т.е. в конце XIV в, или даже в начале XV в. Зато *«татарская селишта»,* упомянутая в контексте сел с переходной и полной формами топонимов, прямо указывает на породившую это название этнокультурную общность. Если ориентироваться на села *«Козаровци»* и *«Мачковци»,* возникшие где-то в 1305-1363 гг., то «татарское» поселение существовало примерно в то же время.

Образование сел в Кодрах, имевших в первой половине XV в. полную форму топонима, приходится на время ордынского господства и хронологически соответствует археологическим памятникам с «красно-желтой ленточной керамикой». Этот тип посуды абсолютно преобладает и на городище Старый Орхей, в его золотоордынском слое (Бырня, Руссев 1988: 122-131; они же 1989: 100-108). Более того, раскопки на памятнике Лозово открыли тут не только следы обитания, но и гончарную мастерскую по производству названной посуды, а также небольшой клад джучидских монет, в том числе и местной чеканки, схороненный в начале последней трети XIV в. (Полевой 1969: 29, 75 и др.; его же 1979: Табл. 13; Нудельман 1975: 97-98). Такая керамика встречается и на поселениях с посудой галицкого типа, датируя их существование в Кодрах последней фазой золотоордынской эпохи (Бырня 1969а: 91-102).

«Татарская селишта» из грамоты Ильяша I и Стефана II, выданной 17 июня 1436 г., находилась на месте, занятом теперь городом Кишиневом. Она называется среди имений логофета Ванчи — *«близъ Быку, по той стороне, на долину што падаеть, против Акбашева Кешенева, у Кръници где есть Татарская селишта, против леска»* (DRH.A-I 1975: 218; МЭФ-II 1978: 77). Описание этого района встречается и в более поздних документах, которые представляют интерес в связи с развитием топонимов первоначального текста. Хронологически за процитированной следует грамота Стефана Великого 1466 г., дошедшая до нас в переводе первой половины XVIII в. От пассажа 1436 г. в ней осталась видоизмененная короткая фраза: *la Chişinău, la Fîntîna Albişoara* (DRH.A-II 1976: 187). Любопытно, что оригинал более поздней подтвердительной грамоты, выданной в 1517 г. Стефаном IV Младым вистернику Еремии, дает более полные сведения. В документе называется село *«по тои сторони Быка, против Албашева лазня, у Великой Кръници»* (МЭФ-II: 233). Грамота 1525 г. того же господаря выдана на *«половина село, по той сторони Бъка, против Албашеву лазню, у Великой Кръници, вышняя половина, и со ставом и с млином на Бъце»* (МЭФ-II: 256). Между тем господарские грамоты 1576 и в 1615 гг. упоминают *«едно село на име Кишинеул на Бъку у волост Лапушною и с млини у Бъку»* и *«едно село на име Кишинеул на Бъку в волост Лапушной»* (МЭФ-I 1961: 89; МЭФ-III 1982: 119).

Самое раннее описание содержит наибольшее число географических ориентиров и является единственным сообщением, позволяющим состыковать молдавский период истории края с ордынским. Со временем информативность характеристики данной местности в однородных документах господарской канцелярии постоянно убывала, и до сего дня дожили только два названия: «Бык» и «Кишинев». При этом отраженные документально топонимические реалии хронологически соответствовали моментам составления грамот. Исключением является перевод акта 1466 г., сделанный в XVIII в., особенности которого нужно учитывать.

Возможность дать историческое толкование топонимического описания района будущего Кишинева не раз привлекала исследователей, однако их усилия, главным образом, сосредотачивались на происхождении и значении названия современной молдавской столицы (О точках зрения на проблему см. Богач 1959: 94-

96; Дмитриев, Драгнев 1960: 6-7; Раевский 1964: 60; История Кишинева 1966: 13-14; Фоменко 1969: 221-224; Еремия 1982: 56, 86). Мне представляется целесообразным проанализировать всю информацию, касающуюся этого места — грамоты 1436, 1466, 1517, 1525 гг. По сути дела, исследование располагает эволюционной цепочкой длиной в 90 лет. Нужно определить, о каких топонимических объектах идет речь, как их следует локализовать и какова пространственная связь между ними, что они обозначали, каким образом изменялись их названия и почему.

Грамота 1436 г. называет несколько объектов, отмечающих местоположение владения логофета Ванчи у реки Бык. По всей видимости, оно находилось на левом берегу реки. В тексте сказано ясно — *«по той стороне, на долину што падает»,* т.е. открывается по направлению к реке, меж холмов, на одном из которых возведен комплекс зданий цирка. Выход к Быку этой долины, перекрытый сравнительно недавно насыпной дорогой, обозначен ориентирами рукотворного происхождения — *«против Акбашева Кешенева, у Кръници»*. Из контекста разбираемого пассажа можно понять, что *«Акбашев Кешенев»* — наиболее загадочный объект описания — располагался на правом берегу, напротив того места, где слева к реке «падала» долина. Ясно. что упомянутую *«Кръницю»* (колодец) следует искать на левой стороне, поскольку возле нее заканчивалась долина. Вероятно, местонахождение колодца может быть уточнено по отрывку текста, который локализует его там, *«где есть Татарская селишта»* — заброшенное к 1436 г. ордынское селение. Судя по обычной топографии памятников с «красно-желтой ленточной керамикой», его целесообразно помещать где-то на склоне холма, у вершины которого сооружена церковь Св. Константина и Елены. Наконец, обстоятельство *«противь леска»* удается удовлетворительно соотнести с местонахождением селища. По всей видимости, они находились на противоположных холмах, причем запустевшее татарское селение располагалось на мысу между рекой Бык и открывающейся к ней слева долине. Локализация ордынского селища будет оставаться условной до тех пор, пока либо подтвердится, либо окажется несостоятельной с позиций археологических. Однако предложенная интерпретация претендует на истинность местоположения других объектов, важных для понимания топонимической картины, а также анализа высказанных в литературе суждений.

Оставляя пока в стороне грамоту 1466 г., обратимся к документам 1517 и 1525 гг. Хотя их топонимическое содержание отличается от предыдущего, основные объекты-ориентиры 1436 г. узнаваемы. Часть *«по той сторони Быка»* имеет практически неизменный вид. Вместо раннего *«против Акбашева Кешенева»* читается *«против Албашева лазня»* и *«против Албашеву лазню»,* а вместо *«у Кръници»* — *«у Великой Кръници»*. Играющие центральные роли в локализации владения предлоги пространственного значения и указательное местоимение *«тои»* не деформированы. Это объясняется тем, что они долго служили точными показателями местоположения, и подтверждает правильность предложенного выше размещения объектов.

Гораздо сложнее толковать перевод XVIII в. Вероятно, его автор четко не представлял положения владения XV в., а точность в передаче формы наименований и связи слов в описании были для него делом второстепенным. Можно предположить: для переводчика, осмыслявшего топографию почти трехсотлетней давности в соответствии с понятиями своего времени, главным фиксирующим местоположение обстоятельством было название «Кишинеул», единственное, кроме наименования «Бык», дожившее до нового времени. Едва ли топоним Albişoara существовал в обиходе современников переводчика, скорее он сконструировал его сам при передаче содержания грамоты XV в. на молдавском языке.

Действительно, сопоставление фразы *la fîntîna* с подобными из подлинников 1436, 1517 и 1525 гг. дает основания думать, что топоним перевода возник искусственно вследствие искажения оригинального текста 1466 г. В трех других грамотах определения, от которых происходит позднейшее *Albişoara*, не относятся к колодцу. Они говорят о двух различных объектах, один из которых *«Акбашев Кешенев»* или в первой четверти XVI в. *«Албашева лазня»,* а другой — *«Кръниця»* или *«Великая Кръниця»*. Очевидно, взяв из одного названия определение «Албашева», а из следующего за ним в порядке перечисления — наименование самого объекта — «Кръниця», переводчик XVIII в. и получил новую смысловую конструкцию. В результате вместо фразы типа *«против Акбашева Кешенева, у Кръници»* (документ 1436 г.) появилась другая — *la Chişinău, la Fîntîna Albişoara*, в которой определение от первого объекта перекочевало ко второму. Впрочем, из перевода грамоты 1466 г., следует, что во время составления утерянного подлинника уже употреблялась новая: не *«Акбашев»,* а *«Албашев»,* зафиксированная в 1517 и 1535 гг. Исходя из изложенных соображений, фразу из переведенной в XVIII в. грамоты Стефана III Великого предлагаю реконструировать как *«у Албашева Кешенева, у Кръници»*. Хотя документ был искажен поздним переводом, сохранились наименования двух главных топографических привязок владения XV в. — *«Албашев Кешенев»* и *«Кръниця»*. Пространственное отношение между ними не прослеживается, но оно, надо полагать, осталось неизменным по крайней мере в 1436-1525 гг.

В связи с колодцем на левом берегу особых затруднений не возникает. По всей вероятности, эта «кръниця» в 1436 и 1466 гг. была единственной в данной местности. К 1517 г. положение изменилось. Старая «кръница» получила эпитет «Великая» очевидно, появившийся в употреблении позднее, когда появилась необходимость отличать ее от другой или других подобных сооружений.

Топоним *«Акбашев Кешенев»,* связываемый мной с правым берегом реки, многократно находился в центре дискуссий исследователей. Известно несколько этимологических толкований наименования «Кишинев». Наиболее распространенной является точка зрения Г.Ф.Богача, возводящая этот топоним к гипотетическому, ныне не существующему старомолдавскому слову со значением «артезианский колодец; родник, источник», которое, в свою очередь, ведет к латинской основе pissare. Далее, отталкиваясь от слова «с легко восстанавливаемой этимологией», ставшего якобы нарицательным для артезианских колодцев, Г.Ф.Богач заключал: «Здесь же, у мощного колодца, предприимчивый Албашев соорудил настоящую баню, снабжаемую водой из артезианского колодца» (Богач 1959: 94-95).

Другой взгляд принадлежит В.Г.Фоменко, предложившему следующую трактовку. Автор строит ее на едином для тюркских языков слове «Кишения» и объясняет топонимы типа «Кишинев», «Кишеньки» производными от названий «древних захоронений — в виде мавзолеев, памятников и надгробий». Термин «Акбашев» он переводит с тюркского как «белоголовый» или «беловерхий», коль скоро сооружение имело вид дома (Фоменко 1969: 221-224). Такие гробницы ордынской эпохи известны по археологическим исследованиям и в Молдавии (Чеботаренко, Бырня 1960: 45-53). Однако погребальные комплексы, как правило, не сооружались в низменных местах на берегах рек.

Имея в распоряжении наименования одного топообъекта в четыре разных момента времени — «Акбашев Кешенев», 1446 г.; «Албашев Кешенев» (?), 1466 г.; «Албашева лазня», 1517 и 1525 гг. — нельзя не видеть, что оба автора правы в некоторых частностях. Не ошибался Г.Ф.Богач, говорившей о бане — «лазне», названной в грамотах первой четверти XVI в. Кстати, восточнее, в низовьях Южного Буга и Днепра в то же время отмечены топонимы типа «Витовтова баня» — *Vitoldinum balneum* (Грушевський 1995: 315). При этом прав В.Г.Фоменко в том, что «Акбашев» или «Албашев» — не фамилия «предпринимателя», а определение со значением «белоголовый». В самом деле, слово «лазня» имеется во многих славянских языках и, в частности украинском, влияние которого улавливается в молдавских грамотах. «Акбаш» по-тюркски означает «Белая голова», но это скорее прозвище, чем имя (см.: Гафуров 1987: 122, 133). Однако для понимания развития названия недостаточно знать значение первой части топонимической пары в самом раннем временном срезе, а второй — в последних. Особенно важно разобраться в том, каковы механизмы и смысловая сущность превращения «Акбаш» в «Албаш», «Кешенев» в «лазня».

Смена одной буквы «к» на «л» можно было бы отнести за счет случайностей, если не обращать внимание на грамоту 30 ноября 1436 г. Между тем среди перечисленных в ней обитателей татарского села Темишешти в устье реки Нямц один холоп-татарин носит имя *«Албаш»* (DRH.A-I 1975: 229). Молдавская среда оказывала влияние на ордынцев, что отразили и их имена. Большинство татар носило не просто христианские, но часто и молдавские имена — *«Оанчул», «Тодер», «Тома», «Штефан»,* хотя у некоторых сохранялись татарские – *«Тула», «Мамай»* (DRH.A-I 1975: 109, 229, 322). Представляется, что тюркское *«Акбаш»* могло быть некоторым образом переосмыслено молдавским населением, которое, сохраняя в тюркоязычной среде свой язык, понимало и татарские наречия. В этом случае часть имени или прозвища «Ак» со значением «белый» была заменена отчасти созвучным эквивалентом «Алб» (alb), тогда как вторая часть — «баш» — осталась в неизменном виде. Таким образом, после частичного перевода возникла промежуточная форма «Алб баш», из-за естественной контаминации оказавшихся рядом двух «б» принявшая близкий к первоначальному вариант звучания: «Албаш».

Семантическое тождество «лазни» XVI в. с «кешеневом» XV в. доказать сложнее, но оно вероятно. «Кешенев» на реке Бык — далеко не единственный в Молдавии. Средневековыми господарскими грамотами зафиксированы еще два таких топонима — на Ботне и Реуте (DRH.A-I 1975: 109, 229, 322), которые хорошо локализуются в местах ордынской оседлости. Несомненно, что и называвшиеся уже *«Митиревы Кишины»* на Днестре (Зосима 1984: 121/299) — наименование того же рода. Надо думать, общего происхождения с ними современный топоним *«Каушаны»* и даже древнее двусоставное название Бендер — *«Тягянякячу».* Во всяком случае, Г.О.Аствацатуров толкует *«кечу»* как родственное *«кечин», «кошун», «каша»* и др. Среди большого количества значений, найденных им в словаре В.В.Радлова, привлекает внимание *«забор из прутьев, баня»* (Аствацатуров 1997: 26). Показательно, что один известный документально «кешенев» находился на городище Старый Орхей, где у реки раскопаны остатки нескольких больших каменных бань XIV в. — непременных санитарных и общественных сооружений восточных городов (Бырня, Зиливинская 1988: 4-27). Появления оснований для смысловой связи наименований «кешенев» и «лазня», убеждает в правиль-

ности отнесения возникновения топонима к ордынскому периоду истории (см. Фоменко 1969: 221-224; Дрон 1987: 54), когда в Кодрах существовали города Золотой Орды и сельские поселения с «красно-желтой ленточной керамикой». Если в данном контексте попытаться продолжить цепочку взаимозависимых понятий «баня» — «кешенев» — «лазня», то естественно возникнет вопрос о топониме «*Лознова*» («*Лазнова*»?), соотносимом с памятником ордынского времени Лозово. Однако, разумеется, тут необходима квалифицированная филологическая экспертиза.

Надо думать, не случайно первые из феодализирующихся Молдавским государством населенные пункты в центре Прутско-Днестровского междуречья находятся в местах существования оседлости ордынского периода и носят, главным образом, полные формы топонимов. Трансформация «Акбаш» в «Албаш» прямо указывает на проживание молдавского населения в районе, занятом в XIV в. ордынцами. Лишь при этом условии население, ставшее тогда хотя бы отчасти двуязычным, могло четко переосмысливать в изменившейся исторической обстановке XV в. прежние собственные имена. Несколько иное превращение претерпело слово «кешенев». Оно вполне осознанно переведено как «лазня», поскольку на берегу реки, очевидно, в действительности находилась баня. Это название, скорее всего взятое из местного говора, исчезло по мере растворения славян в среде молдаван. В итоге за населенным пунктом у р. Бык закрепился куда менее однозначный и со временем потерявший первоначальное содержание топоним «Кишинэу» («Кишинев»).

По всей вероятности, когда власть Молдавии распространилась на эти земли, собственно татар здесь было мало. Зато новая государственность застала в Кодрах не ассимилированное завоевателями восточнороманское и славянское население, а также говоривших по-тюркски, но уже потерявших этническую самобытность людей — потомков смешанного разноплеменного населения, жившего оседло в Золотой Орде. Эта группа сформировалась как нечто единое где-то на востоке южнорусских степей, еще до прихода сюда в XIV в. Из этого контингента, очевидно, и рекрутировались татары-холопы в Молдавии XIV-XV вв. Не этих ли людей называет *«мусульманами пленниками»* Ибн Арабшах, рассказывая о судьбе отряда «Карабогдан»? Позднее они стали христианами, но еще долго сохраняли социальную обособленность, отдельные имена, прозвища и другие отметины своего ордынского прошлого. Одну из таких специфических черт наблюдал в Нижней стране Димитрий Кантемир: *«Жители округа Фалчиу уснащают молдавскую речь татарскими словами»* (Кантемир 1973: 188). Некоторые этнографические особенности того же происхождения встречаются до сих пор у старого населения Кодр, пращуры которого сами принесли «груз ордынского наследия» в жизнь Молдавского государства XV в.

Подводя некоторые итоги, целесообразно подчеркнуть, что существовавшая уже во второй половине XIII в. в Восточном Прикарпатье «Страна валахов и русских» являлась этнополитическим образованием, генетически связанным со средневековым Молдавским государством. Возникновение на Нижнем Дунае крупного политического центра под властью могущественного монгольского военачальника Ногая способствовало оформлению в крае продвинутой в культурно-историческом развитии и в значительной мере обособленной провинции Золотой Орды. Несмотря на изменение внутриполитической обстановки в Улусе Джучи, регион сохранял свои характерные черты и в XIV в. Кочевые степи здесь соседствовали с городами и районами оседлой жизни, соединяя в сложный конгломерат традиции Европы и Азии. С развалом ордынского государства на международную арену вышла Молдавия, достаточно долго интегрировавшая в единое историческое пространство «Верхнюю страну», «Нижнюю страну» и «Бессарабию». Огромную важность для успешного развития молдавской государственности имели начало освоения земель между Прутом и Днестром (уже при господаре Богдане) и первый прорыв молдаван на Нижний Дунай (в правление Петра Мушата). Эти приобретения, оказавшиеся тогда кратковременными, происходили на фоне большого этнокультурного разнообразия населения. Средневековые памятники археологии, нумизматики и литературы вполне точно отразили тесное романско-славянско-тюркское взаимодействие, которое и лежит в основе своеобразия цивилизационного облика Молдавии XIII-XV вв.

ЛИТЕРАТУРА.

Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. 1981. Древности Старого Орхея. Золотоордынский период. Кишинев.

Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. 1982. Древности Старого Орхея. Молдавский период. Кишинев.

Аствацатуров Г. 1997. Бендерская крепость. Бендеры.

Бегунов Ю.К. 1974. Древний герб Болгарии и «Хроника Констанцкого собора» Ульриха Рихенталя // Советское славяноведение. № 2. С. 59-63.

Богач Г.Ф. 1959. Заметки по молдавской топонимике и ономастике // Известия Молдавского филиала АН СССР (за 1957 г). № 12 (45). С. 91-100.

Бродель Ф. 1992. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. Т. 3: Время мира. М.

Брун Ф.К. 1880. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Часть

2. // Записки Новороссийского университета. Т.30. Одесса.
Бырня П.П. 1966. Карта сельских поселений Молдавии XV века // Проблемы географии Молдавии. Вып. 1. Кишинев. С. 112-119.
Бырня П.П. 1969. Сельские поселения Молдавии XV-XVII вв. Кишинев.
Бырня П.П. 1969а. К вопросу о керамике галицкого типа на территории Молдавии // Далекое прошлое Молдавии. Кишинев. С. 91-101.
Бырня П.П. 1984. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV — начало XVI в.). Кишинев.
Бырня П.П., Зиливинская Э.Д. 1988. Бани Старого Орхея // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев. С. 4-27.
Бырня П.П., Рафалович И.А. 1978. Проблема местного населения Днестровско-Прутского междуречья X-XII вв. и балкано-дунайская культура // Известия АН Молдавской ССР. Серия общественных наук. № 1. С. 65-75.
Бырня П.П., Руссев Н.Д. 1988. Гончарный комплекс XIV в. из Старого Орхея // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев. С. 122-131.
Бырня П.П., Руссев Н.Д. 1989. О неполивной керамике XIV в. из Пруто-Днестровья // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI веках. Ростов-на-Дону. С. 100-108.
Быховец 1966. Хроника Быховца. М.
Войтович Л. 1996. Удільні князівства Рюриковичів і Гедиміновичів у XII-XVI ст. Історико-генеалогічне дослідження. Львів.
Гафуров Ф. 1987. Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М.
Гацак В.М., Рикман Э.А. 1977. Легенда о Драгоше и отражение в ней средневековой этнической ситуации в Восточном Прикарпатье // Этническая история и фольклор. М. С. 203-216.
Гизер С.Н. 1999. Белгородские «казаки» первой половины XVI века // Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса. С. 128-130.
Гошкевич В.И., 1930. Погребения, датированные джучидскими монетами. Из раскопок И.Я. Стемпковского // Вісник Одеськоі комісіі краезнавства при Українській АН. Секция археологічна. Ч. 4-5. С. 104-111.
Грамоти 1974. Грамоти XIV ст. Київ.
Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. 1950. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.
Греков И.Б. 1980. Место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы XIV в. // Куликовская битва. М. С. 113-141
Григора 1862. Римская история Никифора Григоры (1204-1341). Т. I. СПб.
Григора 1983. Никифор Григора. Византийска история // Гръцки извори за българската история. Т. XI. София. С. 122-193.
Грушевський М. 1995. Історія України-Руси. Т. VI. Київ.
Гумилев Л.Н. 1989. Древняя Русь и Великая степь. М.
Гюзелев В. 1973. Средневековна крепост Калиакра през XIII — средата на XV в. // Известия на Народния музей — Варна. Кн. IX (XXIV). С. 113-138.
Гюзелев В. 1995. Очерци върху историята на Българския североизток и Черноморието (края на XII — началото на XV век). София.
Димитров Б. 1984. България в средновековна картография XIV-XVII век. София.
Дмитриев П.Г., Драгнев Д.М. 1960. К вопросу о происхождения названия города Кишинева и первых упоминаниях о нем // Тезисы докладов II конференции молодых ученых Молдавии. Кишинев. С. 6-7.
Добролюбский А.О. 1982. Этнический состав кочевого населения Северо-Западного Причерноморья в золотоордынское время // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев. С. 28-39.
Добролюбский А.О. 1984. Древности средневековых кочевников в Нижнем Поднестровье (материалы раскопок И.Я.Стемпковского) // Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинев. С. 155-173.
Добролюбский А.О. 1986. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев.
Добролюбский А.О., Дзиговский А.Н. 1981. Памятники кочевников IX-XIV вв. на западе причерноморских степей (материалы к археологической карте) // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев. С. 134-144.
Дрон И.В. 1983. К вопросу о периодизации тюркско-молдавских взаимосвязей // Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван. Кишинев. С. 98-114.
Дрон И.В. 1987. Гидронимы гагаузов Молдавской ССР (субстраты «золотоордынский» и буджакско-ногайский) // Советская тюркология. № 2. С. 52-61.
Егоров В.Л. 1985. Историческая география Золотой Орды. М.
Еремия А.И. 1982. Географические названия рассказывают. Кишинев.
Закиров С. 1966. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII-XIV вв.). М.
Златарски В. 1972. История на Българската държава през средните векове. Т.Ш. София.
Зосима. 1984. Хожение Зосимы в Царьград, Афон и Палестины // Книга хожений. Записки русских путешественников XI-XV вв. М. С. 120-136 / 298-315.
ИБ-3 1982. История на България. Т. 3: Втора българска държава. София.
ИВ-I 1971. История Венгрии. Т. I. М.
ИК 1966. История Кишинева. Кишинев.
ИМ-I 1987. История Молдавской ССР. Кишинев.
ИСН-I 1965. Исторические связи народов СССР и Румынии XV-XVIII вв. Т. I (1408-1632). М.
Кантакузин Й. 1980. История // Гръцки извори за българската история. Т. X. София. С. 218-296.
Кантемир Д. 1973. Описание Молдавии. Кишинев.
Князький И.О. 1980. О половецких епископиях в Карпато-Дунайских землях // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.) Кишинев. С. 244-251.
Коновалова И.Г. 1983. Итальянские навигационные пособия XIII-XIV вв. как источник по истории и исторической географии Северо-западного Причерноморья // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М. С. 35-50.
Коновалова И.Г. 1991. Арабские источники XII—XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1990 год. М. С. 5-115.
Коновалова И.Г., Руссев Н.Д. 1988. О политическом положении региона днестровско-дунайских степей в первой трети XIV в. // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев. С. 33-45.
Конрад Н.И. 1972. Восток и Запад. Статьи. М.

Коран. 1990. М.

Кравченко А.А. 1975. Ремесленное производство золотоордынского Белгорода // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тезисы докладов юбилейной конференции. Киев. С. 176-178.

Кравченко А.А. 1986. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII -XIV вв.). Киев.

Крип'якевич І.П. 1984. Галицько-Волинське князівство. Київ.

Левченко М.В. 1956. Очерки по истории русско-византийских отношений. М.

Леженде 1975. Леженде, традиций ши повестирь орале молдовенешть. Кишинэу.

МЭФ I-III 1961, 1978, 1982. // Молдавия в эпоху феодализма. Кишинев. Т.I: Славяно-молдавские грамоты (XV — первая четверть XVII вв.); Т.II: Славяно-молдавские грамоты XV-XVI вв.; Т.III: Славяно-молдавские грамоты (1601-1640).

Нешри М. 1984. Огледало на света. История на османския двор. София.

НПЛ 1950. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.

Новосельцев А.П. 1989. Некоторые аспекты развития мусульманской историографии средних веков // Всемирная история и Восток. М. С. 222-230.

Нудельман А.А. 1975. К вопросу о составе денежного обращения в Молдавии в XIV — начале XVI вв. (по материалам кладов) // Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев. С. 94-124.

ОВИМК 1987. Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV — начало XIX в.). Кишинев.

Павлов Пл. 1989. България, «Златната орда» и куманите (1242 — около 1274) // Векове. Кн. 2. София. С. 24-33.

Параска П.Ф. 1972. Золотая Орда и образование Молдавского феодального государства // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев. С. 175-190.

Параска П.Ф. 1975. Политика Венгерского королевства в Восточном Прикарпатье и образование Молдавского феодального государства // Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев. С. 33-52.

Параска П.Ф. 1980. Территориальное становление Молдавского феодального государства во второй половине XIV в. // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.) Кишинев. С. 62-87.

Параска П.Ф. 1981. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев.

Пахимер 1862. Георгия Пахимера история о Михаиле и Андронике Палеологах. СПб.

Пахимер Г. 1980. Михаил Палеолог. Андроник Палеолог // Гръцки извори за българската история. Т. X. София. С. 149-217.

Петрунь Ф.О. 1928. Нове про татарську старовину Бозько-Дністрянського степу // Східній світ. № 6. С. 155-171.

Петрушевский И.П. 1952. Рашид-ад-дин и его исторический труд // Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1. М.; Л. С. 7-37.

Писма. 1981. Писма на папа Инокентий IV // Латински извори за българската история. Т. IV. София. С. 82-104.

Полевой Л.Л. 1964. Об одной из групп керамики на поселениях XIV в. в Пруто-Днестровском междуречье // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев. С. 182-196.

Полевой Л.Л. 1969. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. По материалам раскопок гончарного квартала на поселении Костешты. Кишинев.

Полевой Л.Л. 1972. Зарождение денежного хозяйства Молдавского феодального государства (XIV в.) // Вопросы экономической истории Молдавии эпохи феодализма и капитализма. Кишинев. С. 6-38.

Полевой Л.Л. 1979. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XIV вв. Кишинев.

Полевой Л.Л. 1985. Раннефеодальная Молдавия. Кишинев.

Полевой Л.Л. 1990. «...И с того времени началась Земля Молдавская». Кишинев.

Полевой Л.Л., Бырня П.П. 1974. Средневековые памятники XIV-XVII вв. // Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 7. Кишинев.

ПСРЛ. // Полное собрание русских летописей: Т. 10-11. Патриаршая или Никоновская летопись. М. 1965; Т.15. Вып.1. Рогожский летописец. Петроград. 1922; Т. 32. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М. 1975; Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М. 1980.

Постикэ Г.И. 1988. Глиняная посуда центральной части Молдавии конца I — начала II тысячелетия н.э. как исторический источник. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.

Путешествия. 1957. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.

Раевский Н. 1964. Топониме де орижине ираникэ ши турчикэ // Лимба ши литература молдовеняска. № 1. С. 56-60.

Рашид-ад-дин. 1960. Сборник летописей. Т. II. М.; Л.

Руссев Н.Д. 1990. Этнический и конфессиональный состав населения Белгорода (Четатя Албэ) золотоордынского периода // Молдавский исторический журнал. № 4. С. 29-37.

Рябой Т.Ф. 1993. Шехр-ал-Джедид — золотоордынский город Днестровско-Прутского междуречья. Автореферат ... канд. ист. наук. М.

Севортян Э.В. 1974. Этимологический словарь тюркских языков. М.

СМЛ 1976. Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. М.

Спасский И.Г. 1957. Русская монетная система. М.

Теодору Д. 1961. Раннефеодальный клад украшений, найденный в Войнешти (Яссы) // Dacia. T. V. P. 503-520

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. СПб. 1884; Т. 2: Извлечения из персидских сочинений. М.; Л. 1941.

Тимощук Б. 1969. Північна Буковина — земля слов'янська. Ужгород.

Тодорова Е. 1981. Вичина, Килия и Ликостомо // Български средновековни градове и крепости. Т. 1: Градове и крепости по Дунав и Черно море. Варна. С. 217-243.

Тодорова Е. 1982. Отношения на Добротица с генуезците // Средновековна България и Черноморието. Варна. С.111-118.

Тютюнджиев И., Павлов Пл. 1993. Българска държава и османската експанзия (1369-1422 гг.). Велико Търново.

Уреке Г. 1971. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу.

Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. 1973. Археология Румынии. М.

Федоров-Давыдов Г. А. 1965. Города и кочевые степи в Золотой Орде в XIII веке // Вестник МГУ. История. № 6. С. 49-57.

Федоров-Давыдов Г.А. 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.

Федоров-Давыдов Г. А. 1973. Общественный строй Золотой Орды. М.

Федоров-Давыдов Г.А. 1974. Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века. М. С. 176-182.

Федоров-Давыдов Г. А. 1976. Общественный строй кочевников в средневековую эпоху // Вопросы истории. № 8. С. 39-48.

Федоров-Давыдов Г.А. 1981. Монеты Московской Руси (Москва в борьбе за независимое и централизованное государство). М.

Фоменко В.Г. 1969. Еще о топониме «Кишинев» // Ономастика. М. С. 221-224.

Хынку И.Г. 1974. Памятники балкано-дунайской культуры (X-XIV вв.) // Древняя культура Молдавии. Кишинев. С.127-150.

Чеботаренко Г.Ф., Бырня П.П. 1960. Археологические раскопки у с. Бравичены в 1956 году // Известия Молдавского филиала АН СССР. № 4 (70). С. 45-53.

Шабульдо Ф.М. 1987. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев.

Шильтбергер И. 1984. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1327 год. Баку.

Янина С.А. 1977. «Новый город» (=Янги-шехр = Шехр ал-Джедид) — монетный двор Золотой Орды и его местонахождение // Труды ГИМ. Вып. 49. М. С. 193-213.

Aboulfeda 1848. Geographie d'Aboulfeda. T. II. Pt. 1. Paris.

Balard M. 1980. Gęnes et l'Outre-Mer. T. 2: Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzo. 1360. Paris.

Balbi G., Raiteri S. 1973. Notai genovesi in Oltremare. Atti a Caffa e a Licostomo (sec. XIV). Genova.

Bătrîna L., Bătrîna A. 1983. O mărturie arheologică despre relaţiile internaţionale ale Moldovei în vremea lui Bogdan I // SCIVA. T. 34. Nr. 4. P. 326-333.

Bogdan I. 1913. Documentele lui Ştefan cel Mare. Vol. II. Bucureşti.

Bolşacov-Ghimpu A.A. 1979. Cronica Ţării Moldovei pînă la întemeiere. (Contribuţii la istoria Moldovei în secolele IV-XIV). Bucureşti.

Brătianu G. 1926. Les Bulgares a Cetatea Albă (Akkerman) au debut du XIV siecles // Byzantion. T.II. Paris.

Brătianu Gh.I. 1991. Tradiţia istorică despre întemeierea statelor româneşti. Chişinău.

Chronica 1973. Chronica Hungarorum 1473. Budapesten.

Cihodaru C. 1980. Observaţii cu privire la procesul de formare şi de consolidare a statului feudal Moldova in sec. XI-XIV (II) // AIIAX. T. XVII. P. 117-139.

Ciobanu V. 1985. Ţările Române şi Polonia. Secolele XIV-XVI. Bucureşti.

Costăchescu M. 1931. Documentele moldoveneşti înainte de Ştefan cel Mare. Vol. 1. Iaşi.

Decei A. 1973. L'invasion des Tatars de 1241/1242 dans nos région selon la *Djamî' ot-Tevarikh* de Fäzl ol-lah Răšid od-Din // Revue Roumain d'Histoire. T. XII. ą 1. P. 101-121.

DIR 1953. Documente privind istoriei României. Veacul XIII, XIV şi XV. B. Ţara Românească (1247-1500). Bucureşti.

DRH // Documenta Romaniae Historica. Bucureşti: A. Moldova. Vol. I. (1384-1448). 1975; Vol. II. (1449-1486). 1976; Vol. III. (1487-1504). 1980; B. Ţara Românească.Vol I. (1247-1500). 1966; D. Relaţii între ţările române. Vol. I (1222-1456). 1977.

Eskenasy V. 1981. Din istoria litoralului vest-pontic: Dodrotici şi relaţiile sale cu Genova // Revista de istorie. T. 34. Nr. 11. P. 2047-2062.

Eşanu A. 1994. «Întemeierea» Statului Moldovenesc (Interpretări şi comentarii după «Letopiseţul Ţării Moldovei» de Grigore Ureche) // Evul mediu timpuriu în Moldova (probleme de istoriografie şi istorie urbană). Chişinău. P. 11-43.

Gorodenco A. 1999. Ceramica locala de la Orheiul Vechi în secolele XIV-XVI. Rezumatul tezei de doctorat. Iaşi.

Gorovei Şt.S. 1973. Îndreptări cronologice la istoria Moldovei din veacul al XIV-lea // AIIAX. T. X. P. 99-123.

Golubovich P.G. 1913. Biblioteca Bio-Bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Francescano. T.2: Addenda al sec. XIII, e fonti pel sec. XIV. Firenze.

Grigoraş N., Caproşu I. 1968. Biserici şi mănăstiri vechi din Moldova pîna la mijlocul secolului al XV-lea. Bucureşti.

Iliescu O. 1958. Însemnări privitoare la descoperiri monetare (II) // Studii şi cercetări de numismatică. Vol. II. P. 447-463.

Iliescu O., 1960. Monede tătăreşti din secolele XIII – XV găsite pe teritoriul Republicii Populare Române (nota preliminară) // Studii şi cercetări de numismatică. Vol. III. P. 263-277.

Iliescu O. 1971. Emisiuni monetare ale oraşelor medievale de la Dunărea de Jos. // Peuce. Vol. II. P. 261-266.

Iliescu O. 1990. Monedele Ţării Româneşti şi ale Moldovei la Marea Neagră (secolele XIV-XV) // Revista istorică. T.1. Nr.6. P. 651-656.

Iliescu O. 1997. Génois et Tatars en Dobroudja au XIVe siècle: l'apport de la numismatique. // Études byzantines et post-byzantines. III. Bucureşti. P. 161-178.

Iliescu O., Simion G. 1964. Le grand tresor des XIII et XIV siecles trouve en Dobroudja // Revue des Etudes Sud-Est Europeennes. T. II. Nr.1-2. P. 217-228.

Iliescu O., Tarălungă P., 1992. Un tezaur monetar de la sfîrşitul secolului al XIII-lea descoperit la Prăjeşti (jud. Bacău) // Carpica. Vol. XXIII /2. P. 247-253.

Iorga N. 1899. Studii istorice asupra Chiliei şi Cetăţii Albe. Bucureşti.

Luchian O., Buzdugan G., Oprescu C.C. 1977. Monede şi bancnote româneşti. Bucureşti.

Marian S.Fl. 1981. Legende istorice din Bucovina. Iaşi.

Nicolae E. 1997. Queiques considérations sur les monnaies tatares de «la Ville Neuve» (Yangi-şehr/ Şehr al-cedid) // Studii şi cercetări de numismatică. Vol. XI (1995). Bucureşti. P. 197-200.

Oberländer-Târnoveanu E., 1985. Documente numismatice privind relaţiile spaţiului Est-Carpatic cu zona Gurilor Dunării în secolele XIII – XIV // AIIAX. T. XXII/2. P. 585-590.

Oberländer-Târnoveanu E., 1987. Numismatical contributions to the history of the South-Eastern Europa at the end of 13th century // RRH. Nr. 3. P. 245-248.

Oberländer-Târnoveanu E., 1997. Începuturile prezenţei tătarilor în zona Gurilor Dunării în lumina documentelor numismatice // Originea tătărilor. Locul lor în România şi în lumea turcă. Bucureşti. P. 93-128.

Oberländer-Târnoveanu E., Oberländer-Târnoveanu I., 1981. Contribuţii la studiul emisiunilor monetare şi al formaţiunilor politice din zona Gurilor Dunării în

secolele XIII-XIV // SCIVA. Nr. 1. P. 89-110.
Oberländer-Târnoveanu E., Oberländer-Târnoveanu I., 1989. Noi descoperiri de monede emise în zona Gurilor Dunarii în secolele XIII – XIV // SCN. Vol.IX . P. 121-128.
Panaitescu P.P. 1990. Istoria Românilor. Partea I. Chişinău.
Papacostea Ş. 1973. La începuturile statului moldovenesc. Consideraţii pe marginea unui izvor necunoscut // Studii şi materiale de istorie medie. Vol. VI. P. 43-59.
Parasca P. 1997. Evoluția politică internă şi poziția internațională a Moldovei. Jumătatea secolului XIV — începutul secolului XV. Autoreferatul tezei de doctor habilitat. Chişinău.
Pistarino G. 1971. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzo (1360-61). Borgighera.
Sacerdoțeanu A. 1968, 1969. «Descălecători de țară, dătători de legi şi datini» // Magazin istoric. Nr. 12. P. 2-10; Nr. 1. P. 37-47.
Spinei V. 1982. Moldova în secolele XI-XIV. Bucureşti.
Stahl H.H. 1972. Studii de sociologie istorică. Bucureşti.
Stînga I. 1992. Contribuții privind circulația monedelor moldoveneşti în Țara Românească // BSNR. Anii LXXX-LXXXV (1986-1991). Nr. 134-139. Bucureşti. P. 133-136.
Zaharia N., Petrescu-Dîmbovița, Zaharia Em. 1970. Aşezări din Moldova. De la paleolitic pînă în secolul al XVIII-lea. Bucureşti.
Vetran A., Custurea G. 1988-1989. Cronica descoperirii monetare în Dobrogea (VIII) // Pontica. Vol. XXI-XXII. P. 381- 383.

Л.С.Гераськова

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЫ КОЧЕВНИКОВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Geraskova L.S. The New Data in Study of Monumental Sculpture of Medieval Nomads

The sculpture of the medieval Turkic-speaking nomads of Euroasian steppes is one of the many sources that can provide information about culture, history, ethnic and social structure of the societies which left them. However, any knowledge of the primary location of these statues being lost, receiving this information is made difficult, as the statues were subjected to secondary use and were moved from their primary places. The geological-petrographic method used for determination of rock of which the statues were manufactured helped restore the lost knowledge. Owing to the peculiarities of these rocks, the major number of statues were "linked" to their analogous outcrops. The materials used to manufacture the statues found "in situ" compared with their analogous outcrops showed that sculptures were not brought far from the place of their manufacture in antiquity. Mapping of the abruptions used in manufacture of the statues helped localise the places of possible quarries and workshops of sculpture manufacture. As a result, 6 areas in East-European steppes and 6 areas in Asian ones were distinguished.

The results obtained based on geological-petrographic analysis were checked then by means of traditional archaeological methods, which confirmed the conclusions. The distinguished geological areas turned out to be represented by statues with explicit ethnographic peculiarities allowing seeing in them a reflection of actual ethnic processes in Middle Ages.

East-European steppes allowed to distinguish two vast areas: the Black and the White Cumania, the two areas very well traced by sculptures material. Thus, the Black Cumania localised in the Donbass region and Caucasus foothills is chiefly represented by the statues of sitting persons without any "background", their clothes ornamented with round lines or without any ornament.

The White Cumania, with its centre in the Black Sea – Dnieper region, is mainly represented by statues of standing persons with the "background". Their clothes are normally ornamented with broken lines. The statues of this group often have images of animals and horsemen.

Asian steppes revealed peculiar features determining the sculpture of the Western and Eastern Turkic Khaganates (Nomadic Empires), as well as a region that by the percentage of various iconographic types of statues turned out to be very similar to the East-European region where the statues of Ancient Turkic type were spread.

Use of geological-petrographic analysis allowed restoring partly the lost knowledge about the statues and obtaining conclusions that do not contradict the known historical facts.

Введение

Евразийские степи обладают удивительными памятниками, поражавшими всех на протяжении многих веков. Это так называемые «каменные бабы», в большом количестве разбросанные по степям от Монголии до Болгарии.

С сер. XIX в. начинается систематический сбор информации о них, делаются первые попытки ее систематизации (Пискарев 1851; Спасский 1857; Надеждин 1859; Костров 1864; Терещенко 1866; Уваров 1871). Разгораются горячие дискуссии, посвященные решению вопроса, кем и когда были оставлены эти поражавшие всех памятники. По поводу атрибуции скульптуры высказывались самые разнообразные точки зрения. Их относили к гуннам, уграм, финнам, славянам, скифам, половцам и т.д.[1]

Открытие Н.М.Ядринцевым в 1889 году на р. Орхон в Монголии поминальных комплексов с древнетюркскими руническими надписями решило спор по поводу этнической принадлежности «каменных баб» в пользу древних тюрков (Ядринцев 1890; 1892; Радлов, Мелиоранский 1897; Бартольд 1966: 21-91).

Последующие активные археологические исследования на Алтае, в Сибири, Монголии и Китае в начале и середине XX века позволили исследователям разработать типологию и хронологию древнетюркских древностей (Евтюхова, Киселев 1940; Бернштам 1940; 1943; 1947; 1950; 1952; Грязнов 1950; Евтюхова 1952; Грач 1961; Кызласов 1964; 1979; Шер 1966). Исследования показали, что предметы, изображенные на статуях, находят себе аналогии в древнетюркских погребениях и погребениях древнетюркского времени (Евтюхова 1952; Шер 1966), т.е. связь азиатских статуй с древнетюркским кочевым миром не вызывает больше

[1] Подробный анализ мнений по поводу атрибуции «каменных баб» см. Веселовский 1915.

© Л.С.Гераськова, 1999.

сомнений. Более точная увязка статуй с какими-либо конкретными племенами пока затруднительна.

Что же касается восточноевропейской скульптуры, то Н.И.Веселовский, опираясь на сообщения Г. Рубрука, открытия на р. Орхон, а также на анализ одежды, украшений, изображенных на восточноевропейских каменных бабах, и сравнивая их с одеждой и украшениями современных тюркских народов, доказал, что каменные бабы европейских степей также оставлены тюркоязычными кочевниками IV-XIII ст. (Веселовский 1915).

Последующие исследователи, опираясь на работу Н.И.Веселовского, стали считать, что все восточноевропейские «каменные бабы» оставлены половцами, хотя сам Н.И.Веселовский был осторожен и никогда прямо не утверждал ничего подобного (Федоров-Давыдов 1966; Плетнева 1974).

Несмотря на то, что большинство статуй датируется XI-XIII вв. по предметам, изображенным на них, т.е. временем половцев, не надо забывать, что в массиве скульптуры восточноевропейских степей встречаются достаточно разнообразные экземпляры, на что указывал еще Котвич (Kotwicz 1937).

Ныне в науке утвердилась и стала традиционной тенденция раздельного рассмотрения азиатской и европейской скульптуры. И хотя исследователи не отрицали генетическую связь статуй обоих регионов, никто не сделал попытки рассмотреть скульптуру азиатских и европейских степей как единое целое, хотя необходимость такого подхода назрела. Особенно это стало ясно после открытия на территории Восточной Украины статуй древнетюркского типа (Гераськова 1973; 1975; 1991).

Каждый исследователь, начинавший изучать средневековую каменную скульптуру, сталкивался с отсутствием точных данных о ней. Это является большой проблемой в ее изучении, что отмечалось многими исследователями. Практически почти все известные ныне восточноевропейские статуи свезены со своих мест, и сведения об их первоначальном местонахождении или утрачены, или неточны. Несколько лучше обстоит дело с азиатскими статуями. Там много статуй сохранилось на своих первоначальных местах у поминальных оградок.

Восточноевропейской скульптуре в этом плане повезло значительно меньше. Перемещение и уничтожение скульптуры началось еще со времен прихода в европейские степи монголов, о чем свидетельствуют остатки разбитых статуй, использованных при устройстве могил или курганов XIII-XIV ст. (Федоров-Давыдов 1966: 186).[2]

Активное заселение степей Восточной Европы, начавшееся в XVI в. также сопровождалось интенсивным уничтожением кочевнической скульптуры. Наибольшую активность этот процесс получил в конце XIX — начале XX ст. Статуи использовали как строительный материал для жилищ, как верстовые столбы на дорогах; их ставили возле ворот домов, ими украшали помещичьи усадьбы (Пассек 1840). Это привело к тому, что почти все статуи средневековых кочевников оказались свезенными со своих первоначальных мест. Даже в тех случаях, когда исследователи находили статуи на курганах, в селах, это еще не значило, что данное местонахождение статуи было первичным. Показателен в этом отношении опыт В.А.Городцова, который обследовал в начале века 8 курганов с «каменными бабами», а потом при расспросах местных жителей выяснил, что все статуи были привезены из различных мест и установлены на древних курганах в недавнее время (Городцов 1905: 215).

Депаспортизация средневековой кочевнической скульптуры стала одним из серьезнейших препятствий на пути ее изучения. С развитием сети железных дорог статуи перевозились иногда в очень отдаленные регионы. Например, известны скульптуры средневековых кочевников в Санкт-Петербурге, Москве, Твери, Львове, то есть в местах, где ни половцы, ни другие тюркоязычные народы никогда не жили. Так известно, что основное ядро коллекции каменных изваяний ГИМа в Москве состоит из изваяний Донбасса (Кельсиев 1887: 76-80). В подобных случаях перемещение скульптур очевидно, но в степной части юга Восточной Европы, в районе распространения статуй такие перемещения проследить тяжело.

Постановка задачи

Мнение, что бабы изготавливаются из местных пород, появляется уже в середине XIX века (Маркевич 1904: 90; Ружицкий 1906: 112; Керцелли 1876: 50). В дальнейшем оно становится как бы само собой разумеющимся, и все коллекции или отдельные статуи в районах преобладающего распространения средневековой кочевнической скульптуры рассматривались обычно как происходящие из близлежащих местностей. Исследователи считали возможным делать карты распространения статуй, опираясь на музейные коллекции скульптур. Первоначальным местонахождением статуи считался населенный пункт, откуда она была привезена в музей. Если и эти данные были неизвестны, то считалось, что статуя происхо-

[2] Другая статуя была найдена в кургане у с.Ново-Тошковка Лисичанского района Луганской области. Статуя находилась в яме средневекового времени. Голова у статуи отбита в древности, так же как и у азиатских статуй. (см. Гераськова 1991: рис. 14)

дит из близлежащих районов (Плетнева 1974: 13; Федоров-Давыдов 1966: 188).

Опираясь на такие основания и считая доказанной половецкую атрибуцию всей восточноевропейской скульптуры, исследователи попытались выделить различные группы статуй, которые можно было бы связать с летописными свидетельствами о местах обитания различных половецких племен. Однако попытка разделения скульптуры по этнографическим признакам, по признанию самих же исследователей, оказалась неудачной, и прежде всего из-за «перепутанности материала в музеях», поскольку «не всегда можно с полной уверенностью говорить о принадлежности статуи именно к той группе половцев, на территории которой она в данное время сохраняется» (Плетнева 1974: 52).

Стало ясно, что изучение материалов, из которых делались каменные изваяния и выявление мест выходов на поверхность аналогичных пород — это единственный путь для определения районов, где создавались статуи (Гераськова 1980; Гераськова, Багно 1981; Дашкевич, Трыярски 1982: 161).

Первая попытка определения материалов, из которых сделаны статуи, с целью изучения их связи с местными материалами была предпринята Ружицким, который собрал в 1905 году в Таврической губернии «несколько образчиков местного камня» и послал их в Археологическую комиссию (Ружицкий 1906: 112). Но результаты петрографического анализа этих образцов никогда не публиковались и, по-видимому, такой анализ не производился вообще.

Высказывались также мысли о существовании карьеров и мастерских по изготовлению каменных скульптур (Городцов 1905: 255; Ружицкий 1906: 112), которые затем распространялись в близлежащих местностях.

В большинстве же случаев при изучении средневековой евразийской скульптуры исследователи не часто уделяли внимание геологическому определению пород, из которых изготовлены статуи. Когда же определения производились, то носили непрофессиональный, случайный характер[3]. Были случаи, когда давалось определение геологической породы с указанием возраста, но не назывался ареал распространения этой породы[4]. Исследователи восточноевропейской скульптуры также пытались давать определения пород, которые, к сожалению, вызывают серьезные сомнения. Например, статуи, изготовленные из неогеновых известняков, описываются как песчаниковые, а статуи из девонских и пермских песчаников — как гранитные (Плетнева 1974: статуи NN 9, 14, 16, 19, 20 и др.) и т.д. Отсутствие квалифицированного геологического подхода в изучении скульптур средневековых кочевников Евразии негативно повлияло на результаты исследований.

Нам известна единственная попытка проведения петроархеологических исследований небольшой (17 экз.) коллекции каменных изваяний заповедника Аскания Нова (Дашкевич, Трыярски 1982). С помощью специалистов были проведены петрографические анализы, в результате которых все породы были поделены на две группы: карбонатные породы осадочного происхождения и кристаллические породы (Рыбачок, Филиппова-Путий 1982: 170-176). Однако увязать их с какими-либо геологическими районами авторам не удалось[5]. Как бы оправдываясь, исследователи, подытоживая обзор петрографических исследований, закончили его словами: «Выводы о петрографических исследованиях каменных баб Аскании Нова нуждается, несомненно, в критическом подходе, т.к. они сделаны на очень специфическом материале» (Дашкевич, Трыярски, 1982).

Таким образом, необходимость геологического и петрографического анализа значительной по количеству и территории распространения памятников назрела, что и определило наше исследование.

Приступая к решению данной проблемы, мы исходили из следующих соображений.

1. Разные геологические породы отличаются одна от другой характером породообразования, химическим составом, структурой, цветом, возрастом, местом и характером залегания. Породы определенного состава и возраста имеют свой ареал распространения, выходов на поверхность и глубину залегания.

2. Исторический опыт свидетельствует, что камень для строительных и скульптурных работ добывался не в глубинных пластах, а брался прямо с поверхности или добывался открытым карьерным способом. В этом случае возможный ареал, в котором добывался материал для скульптуры, может быть сужен до количества выходов на поверхность соответствующих геологических пород.

3. Определение пород камней, использованных для статуй, и идентификация их с аналогичными, обнаженными на поверхности породами, позволит выяснить достоверные места изготовления статуй.

4. Если статуи, найденные in situ, будут на-

[3] Например: «фигура изготовлена из округлого валуна светло-серого цвета» (Грач 1961: 51), «серый гранит» (Бернштам 1941: табл.10, 8), «серый песчаник» (Шер 1966: 144, статуя N101)

[4] «Статуя изготовлена из красного девонского песчаника» (Грач 1961: 52, статуя N56)

[5] В результате нашего исследования и дальнейших специальных анализов вырисовывается следующая картина: 14 изваяний изготовлены из известняков неогенового возраста Черноморско-Днепровского региона; 2 изваяния — из гранитов Приазовья и 1 изваяние — из песчаника неогенового возраста.

ходиться в регионе обнажений тех же геологических пород, из которых они изготовлены, то можно утверждать, что статуи не перемещались далеко от мест своего изготовления. Регионы обнажений геологических пород можно принять за достоверные места изготовления статуй и тем самым восполнить, с большой долей вероятности, утраченную информацию о месте установления скульптур. Полная паспортизация ее на сегодняшний день невозможна.

5. Если статуи производились в местах обнажений соответствующих пород, то статуи из различных регионов степи должны иметь свои этнографические отличия. В случае выявления таких особенностей можно считать сформулированные выше предположения доказанными.

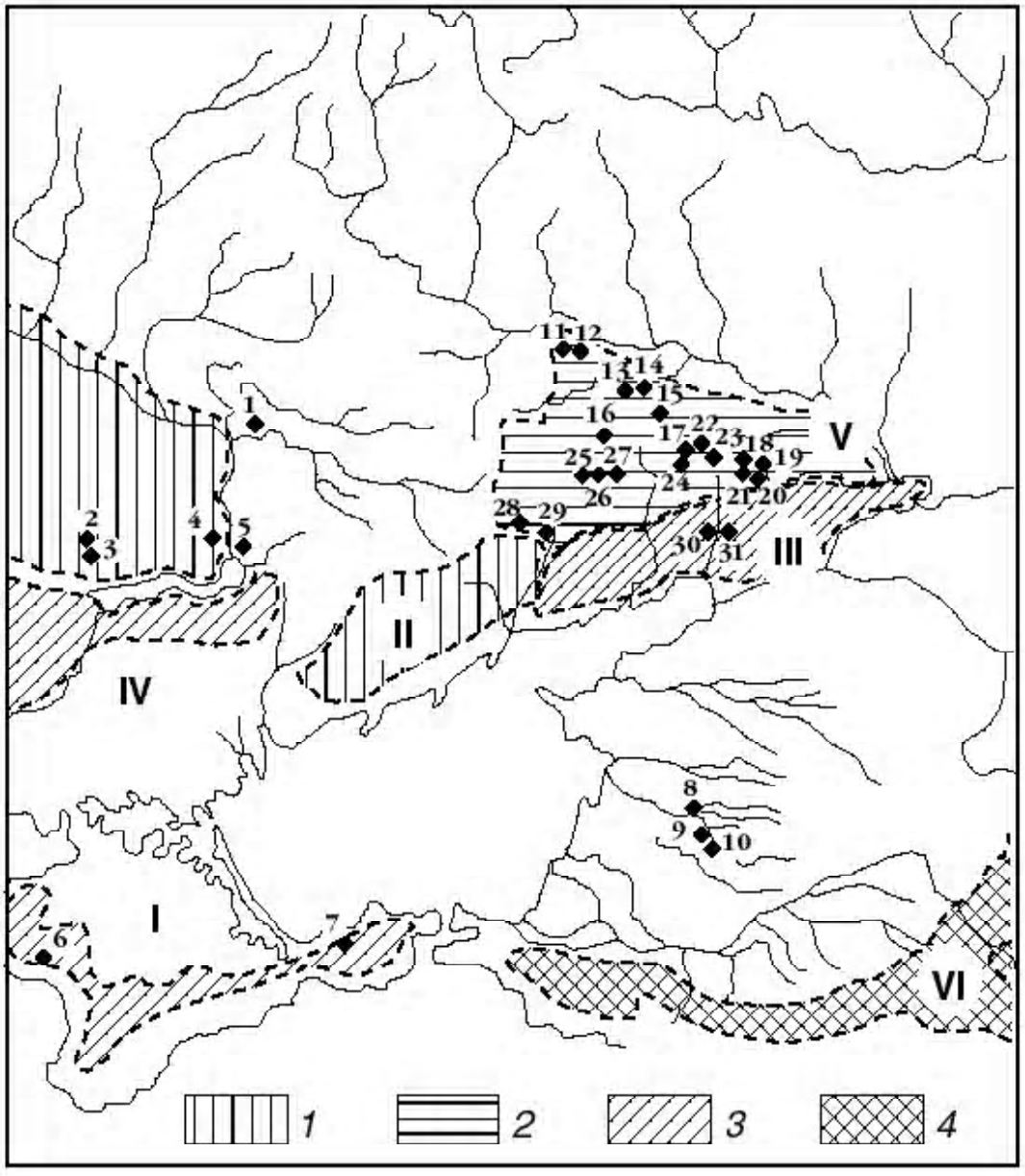

Рис. 1. Регионы геологических пород в Восточной Европе, из которых изготовлялись статуи, и распространение статуй из этих пород, найденных in situ:

1 — докембрийские породы; 2 — карбоновые породы; 3 — неогеновые породы; 4 — неогеновые породы Кавказа.

I — Крым; II — Приазовье; III — Азово-Донской регион; IV — Черноморско-Днепровский регион; V — Донбасс; VI — Предкавказье.

1 — Соколово; 2, 3 — Апостолово; 4 — Гюновка; 5 — Выводово; 6 — Вознесенка; 7 — Ленино; 8 — ст. Малороссийская; 9, 10 — ст. Раздольная; 11, 12 — Червановка; 13 — Хорошее; 14 — Ново-Тошковка; 15 — Каменка; 16 — Чернухино; 17 — Дарьино-Ермаковка; 18 — Нагольно-Тарасовка; 19, 20 — Провалье; 21 — Свердловск; 22, 23 — Гуково; 24 — Красный Кут; 25, 26, 27 — Шахтерск; 28, 29 — Комсомольское; 30, 31 — Коминтерна.

Анализ

В нашей работе, которая была начата в 1977 году, мы прибегли к помощи специалистов-геологов, которые для решения поставленной задачи избрали методы макроструктурного описания и петрографического анализа.

Геологический и петрографические анализы статуй проводились специалистами Института геологии АН Украины во главе с доктором геологических наук В.Н.Семененко, доктором геологических наук И.М.Афанасьевой из Института геохимии и физики минералов АН Украины, петрографом Л.А.Тубиной и геологом Г.Ф.Багно и доктором геологических наук М.Я.Бланк из Луганской комплексной геологоразведочной экспедиции Треста «Луганскгеология».

Вместе с геологом Г.Ф.Багно (Гераськова 1980: 161; Гераськова, Багно 1981: 126-127) нами были непосредственно изучены все большие и малые доступные для исследования коллекции статуй в Москве, Киеве, Переяславе Хмельницком, Одессе, Днепропетровске, Кривом Роге, Запорожье, Бердянске, Мелитополе, Аскании Нова, Харькове, Изюме, Донецке, Артемовске, Велико-Анадоле, Полтаве, Лубнах, Луганске, Свердловске, Лисичанске, Старобельске, Симферополе, Ялте, Керчи, Ростове-на-Дону, Новочеркасске, Танаисе, Таганроге, Азове, Краснодаре, Ставрополе, Санкт-Петербурге, Саратове, Волгограде, Оренбурге, Самаре, Тбилиси и др. Удалось обследовать и отобрать образцы практически со всех из известных на сегодня коллекций Украины и частично Северного Кавказа. (Всего отобрано более 700 образцов, среди которых небольшое количество относится к изваяниям эпохи бронзы и раннего железа.)

При выделении геологических регионов в азиатских степях мы руководствовались теми же принципами, что и для Восточной Европы. За основу выделения региона брались области обнажений тех или иных пород камня, использованных для изготовления статуй.

Мы не имели возможности специального геологического и петрографического исследования азиатской скульптуры. Сведения о материалах статуй из азиатских регионов почерпнуты нами из работ, посвященных скульптуре этих регионов. Поэтому привязка статуй к тем или иным геологическим регионам, сделанная нами, в будущем может быть уточнена.

Нами установлено, что для изготовления средневековой кочевнической скульптуры использовались известняки, граниты и песчаники, отличающиеся геологическим возрастом, структурой и местами локализации (Рис. 1, 2). Ниже приводим их характеристику.

Материалы для изготовления скульптур из степей Восточной Европы

Песчаники

В степной части Восточной Европы песчаники являются самой распространенной породой камня. Поэтому без установления их возраста и выявления мест их локализации на поверхности установить пункты происхождения статуй из песчаника практически невозможно.

Табл. 1. Распространение статуй степей Восточной Европы по материалам и геологическим регионам

РЕГИОНЫ	МАТЕРИАЛ													
	Гранит и гнейс Докембрий (Pcm)	Песчаник Карбон (C)	Песчаник Девон (D)	Песчаник Пермь (P)	Песчаник Неоген (N)	Песчаник Неоген (Кавказ)	Известняк Карбон (C)	Известняк Верхний Мел (Cr)	Известняк Верхний Мел (Cr) Кавказ	Известняк Неоген(N) Кавказ	Известняк Неоген(N)	Дерево	Не известно	ВСЕГО
Донбасс	0	298	14	18	3	0	4	6	0	0	0	0	3	**346**
Предкавказье	0	0	0	0	0	16	0	0	16	24	0	0	0	**56**
Азово-Донской регион	0	0	0	0	6	0	0	0	0	0	69	6	0	**81**
Приазовье	64	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	**64**
Черноморско-Днепровский регион	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	80	0	0	**81**
Крым	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	17	0	0	**17**
Болгария	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	**2**
Район неизвестен	4	0	0	0	23	0	0	0	0	0	29	0	5	**61**
ВСЕГО	**68**	**298**	**14**	**18**	**33**	**16**	**4**	**6**	**16**	**24**	**195**	**6**	**10**	**708**

С помощью анализа установлено, что для статуй применялись песчаники девонского, карбонового, верхнепермского и неогенового периодов. Наибольшее количество известных скульптур выполнено из карбонового песчаника. По нашим данным, их насчитывается 298 экземпляров. (Табл.1)

Песчаники карбонового возраста или Карбоновые (С) песчаники

Карбоновый песчаник — это кварцевая порода с небольшими примесями полевых шпатов и других минералов от мелко- до крупнозернистых, гравелистых, грязно-бурого цвета. Нередко встречаются светлые, очень крепкие кварцитоподобные разновидности с плотной упаковкой зерен. Статуи из таких пород хорошо сохранились. Выходы этих пород на поверхность наблюдаются на сравнительно небольшой площади, которая представляет т.н. открытый Донбасс. Он простирается от Донецка до Лисичанска на западе и до устья Северского Донца на востоке. Здесь, на склонах долин есть удлиненные высотки — «гривы», которые представляют собой выходы на поверхность пластов твердых пород. На крутых склонах эти стойкие к выветриванию породы создают скальные обрывы и развалы, удобные для добывания камня.

12 статуй из карбонового песчаника зафиксированы in situ в зоне распространения отложений карбонового возраста (Рис.1), которые характеризуют достаточно узкую локальную территорию — Донбасс. Именно в коллекциях музеев в Донбассе (Донецкая и Луганская области) находится наибольшее количество статуй (130 экз.), выполненных из карбонового песчаника. Поскольку территория Донбасса в дореволюционное время входила в состав бывших Екатеринославской и Харьковской губерний, а также Области Войска Донского, то именно этим объясняется то, что в губернских музеях Днепропетровска (Екатеринослава), Харькова, Ростова-на-Дону, Новочеркасска появились статуи из карбоновых песчаников. Известно, что статуи из Донбасса вывозились академиком Д.Я.Яворницким в Екатеринослав (Днепропетровск) профессорами В.А.Городцовым, Д.Е.Багалеем и Е.П.Трефильевым в Харьков и Изюм, Кельсиевым в Москву. Всего по музеям нам удалось разыскать 168 экземпляров, изготовленных из донецких карбоновых песчаников, в том числе: Днепропетровск и область — 50; Запорожье и область — 6; Киев — 5; Москва — 29 экз.; Одесса –19; Полтава — 4; Переяслав-Хмельницкий — 2; Ростовская область — 14; Харьков-Изюм — 39.

Песчаники Пермского возраста или Пермские (Р) песчаники

Песчаники Пермского возраста — это очень разнообразный комплекс осадочных пород: от глиняно-песчаных и известково-доломитовых до ангидридов и солей. На территории западной части Донбасса, в Бахмутской котловине, в районе г. Артемовска Донецкой области известны выходы песчаников пермского возраста. Из них выполнено 18 статуй. Для изготовления статуй использовались лишь песчаники верхней перми: темно-бурые, железистые, грубые, гравелистые, с обломками белого кварца, переходящие в конгломераты. Вышеописанные Пермские песчаники Донбасса невозможно перепутать с подобными породами соседних регионов. Поэтому статуи из донбасских пород легко распознаются в любых коллекциях. Шесть статуй из пермских песчаников найдено нами в Запорожье, 4 — в с. Пологи Запорожской области, 1 — в Мелитополе, 3 — в Днепропетровске, 1 — в Луганске, 1 — в Ростове, 1 — в Харькове и еще 1 — в Москве.

Песчаники девонского возраста или Девонские (D) песчаники

Песчаники Девонского возраста — это своеобразные, грубые, крепкие полевошпатные породы. Они имеют довольно ограниченное распространение, обретаются в районе г. Волновахи Донецкой области, где среди остальных менее стойких пород выходят на поверхность. На юго-западе, в зоне соединения Донецкого кряжа с Приазовьем, есть выходы девонских песчаников, из которых изготовлено 14 статуй. Пять статуй выявлено в Запорожской области в селах Гусарка, Пологи, Конские Раздоры, 6 — в Донецкой области (города Донецк, Мариуполь, Ново-Азовск), 2 — в Днепропетровске и 1 — в Одессе.

Кроме Донбасса, аналогичные описанным породы обнажаются значительно восточнее, начиная с Урала. Пермские песчаники широко представлены на левом берегу Волги до западных предгорий Южного Урала, девонские песчаники широко распространены среди выходов горных образований Урала, Казахского мелкосопочника, Саяно-Алтая и Тянь-Шаня. Карбоновые песчаники представлены на Урале.

Огромные пространства, разделяющие Донбасс и Урал, не позволяют предполагать, что статуи, найденные в восточноевропейских степях, могли изготавливаться в районе Урала и далее на востоке и затем привозиться на Донбасс, имеющий аналогичные обнажения. Таким образом, мы имеем все основания считать, что все восточноевропейские статуи, выполненные из карбоновых, пермских и девонских песчаников, происходят с территории Донбасса.

Песчаники неогенового возраста или неогеновые (N) песчаники

Песчаники неогенового возраста — это плохо цементированные, серые известняковые породы. Их выходы известны во многих местах европейской части СССР и различить их невозможно. Нам известны 33 статуи из таких

пород, том числе: в Азове — 1, Бердянске — 2, Днепропетровске — 1, Донецке — 2, Луганске — 3, Москве — 1, Мариуполе — 3, Новочеркасске — 4, Одессе — 4, Полтаве — 3, Таганроге — 5, Танаисе — 2, Херсоне — 2 .

Широкая распространенность выходов на поверхность неогеновых песчаников не позволяет уточнить места изготовления статуй, сделанных из такой породы. Поэтому уточнить вероятное место происхождения такой статуи (при полной утрате информации о месте находки изваяния) практически невозможно

Песчаники неогенового возраста (N) Кавказа

На Северном Кавказе мы обследовали только коллекцию каменных изваяний (55 экз.) в городе Краснодар. 16 статуй в коллекции сделаны из неогеновых песчаников. Наличие некоторых специфических особенностей у неогеновых песчаников Северного Кавказа позволяет связывать эти статуи с местными выходами неогеновых песчаников в районе г. Крымска и восточнее от него в бассейне реки Кубани.

Известняки

Известняки представлены в восточноевропейской скульптуре породами верхне-меловых, палеогеновых, неогеновых и карбоновых систем. Из них изготовлено 245 изваяний.

Известняки неогенового возраста или неогеновые (N) известняки

Неогеновые известняки, как правило, светло-серого, нередко с желтовато-бурым оттенком цвета. Они состоят из ракушки (ракушняка) либо из детрита и шлама. Поверхность, как правило, грубая, ноздреватая.

Обнажения неогеновых известняков широко известны в бассейне Нижнего Днепра и Причерноморья. Они выявлены и на южных отрогах Донбасса, от Мариуполя до Ростова-на-Дону. Одну статую из неогенового известняка вблизи Новочеркасска найдено во время раскопок кургана (Бранденбург 1908: 117).

Широкое распространение получили неогеновые известняки в предгорьях Крыма. Их выходы известны от Севастополя до Старого Крыма, в районе Евпатории (Черноморск) и на Керченском п-ове. В Крыму во время раскопок в насыпях курганов вблизи Вознесенки, Чокрака, Ерофеевки и Ленино найдены статуи из неогеновых известняков. Места находок размещались недалеко от обнажений. Поэтому маловероятно, что они попали сюда из Приазовья либо Поднепровья, где известняки этого возраста перекрыты мощными четвертичными отложениями.

Статуи из неогеновых известняков самые многочисленные (195 экз.)и сохраняются в музейных коллекциях областей: Днепропетровской — 23, Донецкой — 28, Запорожской — 27, Киевской — 13, Луганск — 1, Москва — 3, Николаевская — 2, Одесса — 7, Полтавская — 3, Ростовской — 39, Симферополе — 17, Херсонской — 32.

Среди исследованных образцов есть породы, которые относятся к разным ярусам неогена — *верхний сармат, меотис и понт.* Однако, разрушительное воздействие атмосферных явлений на поверхности статуй привело к тому, что пробы, которые брались для образцов, оказались непригодными для определения возраста известняков с точностью до яруса. Так из 140 образцов, исследованных в лаборатории Института геологии АН УССР, только 20 определено с точностью до яруса.

Из них: к *верхнесарматскому ярусу* отнесено пять статуй (Херсон — 2, Мариуполь — 1, Новоазовск — 1, Запорожская область, в насыпи кургана — 1);

К *понтийскому* ярусу — девять (Днепропетровск, с. Вотиевка — 1, Новоазовск — 2, Запорожская область — 4, заповедник «Хомутовская степь» — 1);

К *меотийскому* ярусу — четыре статуи (Одесса — 2, Апостолово — 1, Новоазовск, в кургане — 1).

Природные выходы отложений известняков всех вышеупомянутых ярусов приурочены к долинам речек и больших балок Северного Причерноморья, к нижнему течению Днепра, Ингула, Ингульца, Южного Буга. Присутствуют они в Северном Приазовье, на южном склоне Приазовского блока Украинского кристаллического щита, в верхних частях долин речек Берды, Обиточной и др. Однако в этом районе они не имеют сплошного распространения, как в Причерноморской впадине.

Меотийские известняки залегают на территории от нижней части долины Днепра на запад до меридиана городов Одессы и Белгород-Днестровский. Еще севернее меотийские и понтийские отложения представлены в глинисто-песчаных фациях и маломощными прослойками известняков, не пригодных для ваяния.

Выходы понтийских известняков в районе Днепра имеют довольно узкую локализацию — у поворота реки от Каховки к Днепрорудному. Небольшие обнажения их есть и по берегам р. Молочной. Именно здесь известны находки статуй из неогеновых известняков, обнаруженных в насыпях курганов (Рис. 1, N2, 3). Поскольку между выходами известняков вблизи Днепра и Приазовского кристаллического массива расстояние довольно значительное, можно предположить, что известняковые, нередко некрепкие, статуи коллекций местных музеев пополнялись экземплярами из ближайших окраин.

Известняки неогенового возраста (N) Кавказа

На Кавказе неогеновые известняки выходят на поверхность в предгорьях от Таманского п-

ова через Крымское, Майкоп и дальше к Ставрополю. Они четко отличаются от остальных известняков неогенового возраста. Статуи из коллекции Краснодара (24 экз.) выполнены из неогеновых известняков Кавказа, что не вызывает сомнений в их местном происхождении.

Известняки верхнемеловой (Cг) системы

Верхнемеловые известняки встречаются нескольких видов. Одни — плотные, светло-серые, с редкой ракушкой — обнажаются в Крыму. Они выходят на поверхность узкой полосой в районе Бахчисарай — Симферополь. Сейчас широко используются для внешней облицовки домов. В Крыму статуи, выполненные из подобных известняков, нам не встречались, хотя это не значит, что они не будут обнаружены в будущем.

Другой вид верхнемеловых известняков — своеобразные, белые, мелоподобные, довольно плотные, однородные, массивные, внешне напоминают мрамор. Это хемогенные известняки. Они обнажаются на Северном Кавказе и выходят на поверхность узкой вытянутой полосой от Анапы через Хадыженск к реке Белой. Своеобразность и особенность черт верхнемеловых известняков дают надежное определение происхождения статуй, выполненных из них.[6] Нам известно 16 статуй из хемогенных известняков в Краснодарской коллекции. Местное происхождение этих изваяний также не вызывает сомнений.

На Донбассе известняки представлены мергелями и опоками, обнажающимися на юге Луганской области. Статуи (6 экз.) найденные в этих местах выполнены из таких известняков (Рис.1, пункты 15, 21, 22, 23), что подтверждает их местное изготовление, а местонахождение их in-situ говорит о том, что статуи устанавливались недалеко от мест их изготовления.

Известняки карбонового возраста или карбоновые (C) известняки.

Карбоновые известняки — это породы желто-серого цвета, плотные, массивные, обогащенные тонкопесчанистым и глинистым материалом, обнажаются только на Донбассе. Породы карбоновых известняков использованы при изготовлении четырех статуй (Харьков — 2, Днепропетровская область — 1, Луганск — 1).

Породы докембрийского возраста

Граниты.

Для изготовления статуй использовались главным образом граниты серые, розовые, мелко- средне-, сильнокристаллические, плотные, массивные, плагиоклазовые, ортоклаз биотитовые, иногда с жильными розовыми образованиями. Это древнейшие из всех изученных нами пород, которые относятся к докембрийским образованиям. Из таких пород составлен Украинский кристаллический щит. Выходы на поверхность этих пород в качестве откосов и развалов, удобных для разработок камня, широко известны на склонах долин в междуречье Днепра и Южного Буга от Новоград-Волынского и Винницы на западе до Запорожья на востоке. Отдельные скалистые возвышения, составленные кристаллическими породами докембрийского возраста, встречаются среди равнин на востоке от Приазовья до Мариуполя.

Всего нам известно 68 статуй из гранита. Статуи распределены по музеям и селам Донецкой области — 24, Запорожской — 31, Днепропетровской — 5, т.е. областей, которые входят в зону Украинского кристаллического щита. Наличие гранитных статуй в музейных коллекциях Москвы (1), Одессы (4), Лубен (1), Аскания Нова (2) объясняется их вывозом из тех мест, где располагались выходы на поверхность гранитных отложений Украинского кристалличского щита.

Нам представляется возможным более точно очертить ареал первичного местонахождения статуй районом юго-восточной конечной части Украинского кристаллического щита, то есть Приазовьем. Именно здесь локализуются многочисленные коллекции гранитных статуй — более 60. Они составлены буквально за последнее десятилетие. Это связано с бурным развитием музейного дела и созданием школьных, сельских, районных и городских музеев. Так в Бердянском краеведческом музее насчитывается 17 гранитных статуй, в Мариуполе — 9, Велико-Анадольском лесничестве — 2, заповеднике «Хомутовская степь» — 1, заповеднике «Каменная Могила» — 1, с. Старченково (Темрюк) — 7, Аскании-Нова — 2, Мелитополе — 2, Токмаке — 1, Гусарке — 4, Великомихайловке — 1 экз.

Гранитные статуи в Кривом Роге можно было бы считать местными по происхождению

---

[6] Очень показателен в этом отношении наш спор по поводу атрибуции одного изваяния из коллекции ГИМ в Москве с геологом Григорием Багно. Обследуя коллекцию, мы по иконографическим признакам и по внешнему виду материала статуи, очень походившего на карбоновый песчаник, хотели отнести ее к региону «Донбасс». Г.Багно упорно утверждал, что материал — не карбоновый песчаник, а известняк мелового периода с характерными особенностями, специфичными для Кавказа, и следовательно, статуя должна быть отнесена к Кавказскому региону. Наш спор неожиданно разрешился в пользу специалиста. Мы нашли в Архиве ГИМ фотографию статуи, стоящей в парке г. Пятигорска. По мнению С.А.Плетневой, эта статуя сделана из «серого плотного песчаника» (Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния, М., 1974, с.110, изваяние N1289).

Настоящий случай показал нам две важные вещи. Во-первых, ненадежность визуального определения материалов, делаемого археологами, во-вторых, исключительная важность грамотного определения материала, из которого изготавливались

поскольку Криворожье входит в зону Украинского кристаллического щита и там есть выходы на поверхность гранитов. Учитывая это обстоятельство, исследователи и связывали эти статуи с Криворожьем (Плетнева 1974: 63). Однако, как нам стало известно от сотрудников криворожского краеведческого музея, в Кривой Рог эти статуи завезены из Приазовья из с. Конные Раздоры Запорожской области. Две (гранитная и гнейсовая) статуи музея в г. Новомосковск привезены из-под Бердянска.

Таким образом, все гранитные статуи можно считать происходящими из Приазовья. Во всяком случае, основательных доводов относительно их происхождения из других районов у нас пока нет.

Геологические регионы Восточноевропейских степей

В результате проведенного геологического анализа скульптуры средневековых кочевников европейских степей стало возможным связывать статуи из определенных материалов с соответствующими геологическими регионами. Все изученные нами статуи могут быть отнесенные к большим геологическим регионам (Рис. 1).

Крымский регион

Представлен территорией полуострова Крым, где кроме известняков неогенового возраста, подобных известнякам Причерноморской низины, присутствуют известняки палеогенового и верхнемелового возраста.

Приазовье

Включает территорию Правобережной и Левобережной Украины, включая Приазовскую возвышенность, представленную гранитами и гнейсами докембрийского периода. Однако, зона возможного изготовления и распространения статуй из пород докембрийского возраста Украинского кристаллического щита может быть ограничена его южной конечной частью, то есть территорией Приазовского блока Украинского кристаллического щита, либо Приазовья.

Выходы известняков неогенового возраста представлены в Черноморско-Днепровском и Азово-Донском регионах, но разделены значительным пространством выходов гранитов Приазовья, что позволило нам выделить два самостоятельных региона: Черноморско-Днепровский и Азово-Донской.

Черноморско-Днепровский регион

Включает территории степной части Левобережной и правобережной Украины в бассейне Днепра и черноморского побережья, откуда происходят неогеновые известняки верхнесарматского, меотийского и понтийского ярусов. Судя по статуям, найденным in situ (Рис.1), район распространения статуй средневековых кочевников в этом регионе должен быть более узким и включать все левобережные выходы известняковых пород и незначительную часть на Правобережье Днепра.

Азово-Донской регион

Занимает территорию степной части побережья Азовского моря и бассейна Нижнего Дона, откуда происходят неогеновые известняки верхне-сарматского, меотийского и понтийского ярусов. Границы Азово-Донского региона хорошо очерчиваются находками статуй и выходами известняков

Донбасс

Этот регион занимает территорию древнего горного массива Донецкий кряж, возвышающегося над уровнем моря до 300 м. Этот компактный район, получивший название Донбасс (от сокращения Донецкий каменноугольный бассейн, т.е. по месторождению каменного угля в районе бассейна реки Северский Донец), находится на правом берегу реки Северский Донец и представляет собой каменистую степь густо изрезанную балками и каменными грядами песчаников карбонового возраста и известняков верхнемелового и карбонового возрастов. В северо-западной части Донбасса в Бахмутской котловине он представлен песчаниками пермского периода. В юго-восточной части Донбасса, в районе сочленения с Приазовской возвышенностью — песчаниками девонского периода.

По административно-территориальному делению этот регион занимает юг Луганской области, юго-запад Ростовской области, центральную и северо-восточную часть Донецкой области.

Предкавказье

Занимает территорию бассейнов рек Кубани, Маныча, Сала, Терека и горных отрогов Северного Кавказа, где есть выходы песчаников, мергелей и известняков неогенового возраста, а также верхнемелового периодов.

Поволжье

Этот регион в Доно-Волжском междуречье, Нижнем и Среднем течении Волги нами выделен особо.

По географическому делению Поволжье входит в Восточную часть Европы, однако по культурно-историческому значению рассматриваемых памятников в этой области данный регион занимает промежуточное место между азиатскими и европейскими степями. В древности и средневековье граница Азии проходила по реке Дон, поэтому мы сочли возможным рассмотреть регион Поволжья совместно с азиатскими регионами.

q Как видим, всего в Восточной Европе нами по геологическим породам выделено

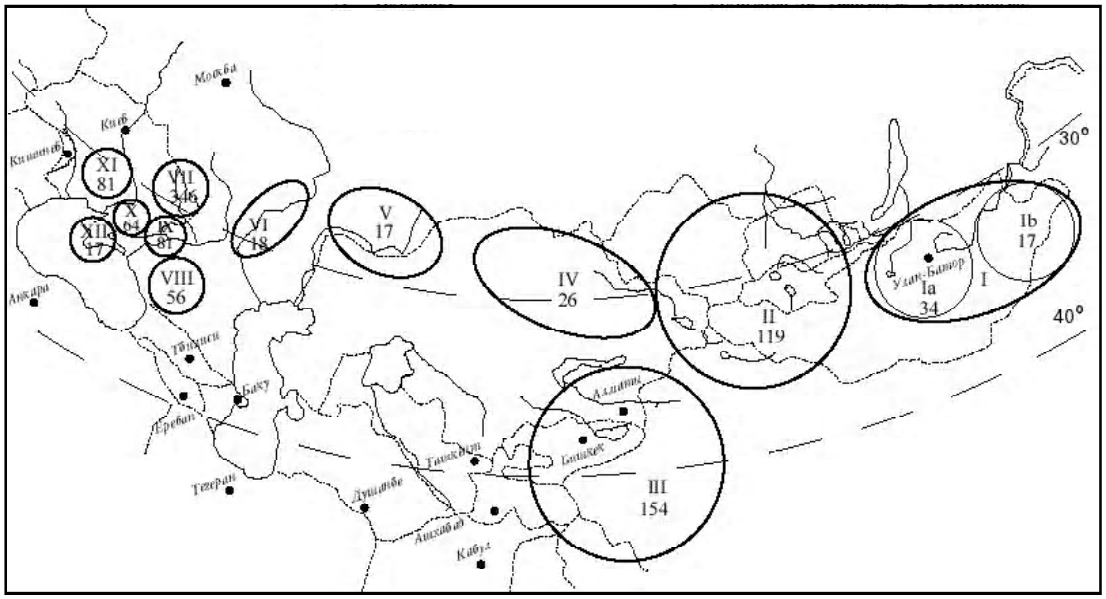

Рис. 2. Геологические регионы происхождения каменной скульптуры тюркоязычных кочевников эпохи средневековья.

***Азия**: I — Монголия (Ia — Хангай, Ib — Гоби-Хинган); II — Саяно-Алтай; III — Тянь-Шань; IV — Тургайская столовая страна и Казахский мелкосопочник; V — Южный Урал.*

***Европа**: VI — Поволжье; VII — Донбасс; VIII — Предкавказье; IX — Азово-Донской регион; X — Приазовье; XI — Черноморско-Днепровский регион; XII — Крым.*

шесть районов возможного изготовления средневековых кочевнических скульптур. Находки статуй «in situ» в каждом из выделенных районов (Рис. 1) подтверждают правильность такого выделения: 1) Крым — 17 статуй из известняков неогенового возраста; 2) Приазовье — 64 статуи из гранитов и гнейсов, 3) Азово-Донской регион — 81 статуя из песчаников (6) и известняков неогенового возраста (69) и 6 статуй из дерева; 4) Черноморско-Днепровский регион — 81 статуя из известняков и песчаников неогенового возраста (80 — известняк, 1 — песчаник); 5) Донбасс — 346 статуй, выполненных из песчаников и известняков карбонового возраста (298 — песчаник, 4 — известняк), песчаников верхней перми (18 экз.) и девона (14 экз.), опок (6 экз.), 3 экз. — из неогенового песчаника;[7] 6) Предкавказье — 56 статуй из песчаника (16 экз.), известняка неогенового возраста (24 экз.), а также известняков верхнемелового периода (16 экз.) (Табл.1).

❑ Проведенный анализ показал существование четкой связи между породами, использованными для изготовления статуй и обнажениями аналогичных пород на территории Восточной Европы. Благодаря геологическому анализу удалось связать с определенными регионами 636 статуй, что дало возможность пересмотра и уточнения существующих представлений о местах изготовления и распределения средневековой кочевнической скульптуры в степях Восточной Европы.

Геологические регионы Азиатских степей

На территории азиатских степей подобная работа не проводилась. Исследователи выделяли районы распространения статуй не по геологическим регионам, а на основании административно-политических делений. Таким образом, были выделены Алтай, Тува, Хакасия, Монголия, Китайский Алтай, Синьцзян. В Казахстане, который имеет громадную территорию, исследователи выделили 5 разновеликих регионов: Западный Казахстан, Северный Казахстан, Центральный Казахстан, Восточный Казахстан и Южный Казахстан.

По географическому основанию были выделены регионы Тянь-Шань и Семиречье, основу которых составляют цепи гор и предгорий Тянь-Шаня. Эти регионы находятся между собой в непосредственной близости. Более того, с севера к этим регионам примыкает территория Южного Казахстана, а с юга — китайский Синьцзян. Восточный Казахстан примыкает к предгорьям Алтайского горного массива с его западной части. В северной части Алтая находится Алтайская автономная область. Северо-восточнее — Хакасия, а с востока — Тува. На юге Алтайских гор находится с восточной стороны территория Западной Монголии, а с западной стороны — Китайский Алтай.

Анализ сведений по материалам, из которых изготавливались изваяния средневековых тюрко-язычных кочевников Азии, дает основа-

[7] Материал 3 статуй, происходящих из Донбасса, нам неизвестен.

ние для следующих выводов: основными материалами для статуй служили граниты. Из 201 статуй, для которых имеются данные о материалах из которых они изготовлены, 123 экземпляров сделаны из гранитов. Вторую по величине группу составляют изваяния из песчаников — 34 экземпляра. К сожалению, очень большое количество (186 экз.) из учтенных нами в этой работе азиатских изваяний (387 экз.) не имеют никаких сведений о материалах из которых они изготовлены.

Геологическое изучение азиатских степей позволяет выделять в качестве геологических регионов территории, характеризуемые горными складчатыми образованиями разного возраста. Эти регионы достаточно четко отделяются друг от друга. (Рис.2, Табл.2)

Поволжье

Поволжье характеризуется выходами пород палеогенового, мелового, пермского и неогенового возрастов. Находки изваяний в этой местности, которые, по словам исследователей, выполнены в своем большинстве из песчаников и известняков как бы подтверждают это. Правда, отсутствие квалифицированного подхода в изучении пород камня, послуживших материалом для статуй, не позволяет сказать, из каких именно песчаников они были изготовлены. Если из палеогеновых, то это может быть Правобережье Волги, где находится Приволжская возвышенность, а если это песчаники пермского периода, то тогда этот материал мог быть взят лишь с Левобережья Волги, где находится Бугульминско-Белебеевская возвышенность, богатая пермскими отложениями. Что касается неогеновых пород, то как выше мы уже говорили, они, как правило, трудно различимы.

Мы обследовали коллекции и отдельные статуи из этого региона, которые хранятся в музеях Саратова и Саратовской области, а также в музеях Самары, Волгограда и др., и насчитывающие 18 статуй. Однако, к сожалению, нам не удалось исследовать образцы пород, из которых изготавливались статуи, найденные в курганах Приволжской возвышенности.

Южный Урал

Территория Южного Урала и примыкающий к нему с юга Западный Казахстан дают нам выразительную картину. Здесь имеется очень большое количество выходов на поверхность пород докембрийского и кембрийского возраста, яркими представителями которых являются граниты и гнейсы. Кроме того, в этом регионе имеются известняки меловых формаций, породы каменноугольного и девонского периодов, а также неогеновые породы. К сожалению, ни для одной из 17 статуй, известных на Южном Урале не проводились геологические определения материалов. А единственный экземпляр, который происходит из Западного Казахстана, сделан, по словам исследователей, из гранита, что в определенной мере может служить свидетельством ее местного происхождения.

Казахский мелкосопочник и Тургайская столовая страна

В этот регион входят Центральный и Северный Казахстан, занимающие области Тургайской столовой страны и Казахского мелкосопочника, где наряду с докембрийскими и кембрийскими породами широко представлены отложения палеозоя, палеогена, неогена, меловых и четвертичных образований. На этой территории известно 26 экземпляров статуй. Три из них, происходящие из Тургайской степи, сделаны из гранитов, а одна из Центрального Казахстана имеет невыразительное геологическое определение — песчаник, но без указания вида и возраста материала.

Саяно-Алтайский регион

В эту территорию мы считаем возможным включить выделяемые исследователями специальные районы: Восточный Казахстан, Алтай, Хакасия, находящиеся в междуречье верхних течений рек Иртыша, Оби и Енисея, Тува, северо-западная часть Монголии (Монгольский Алтай) и Китайский Алтай. Этот регион характеризуется большим количеством выходов пород кембрийского и докембрийского возраста, ордовикскими, девонскими отложениями и четвертичными эффузиями. По материалам исследователей, описывавших статуи из этих регионов, мы можем судить, что основное количество изваяний выполнено из гранитов (37), из сланцев — 6, из песчаников — 5, из мраморов — 2. Для одного изваяния из песчаника исследователь дал определение геологического возраста, отнеся красный песчаник к девонскому периоду (Евтюхова 1952: 96)[8].

Тянь-Шань

Этот регион охватывает горный массив и окрестности горных гряд Тянь-Шаня, озера Иссык-Куль, долин рек Чу, Или и др., т. е. районы юга Казахстана, Киргизии, юго-востока Узбекистана и Таджикистана, а также Китайский Синьцзян. Он представлен выходами пород докембрийского и кембрийского возрастов, породами меловых и триасовых систем, а также неогеновыми и четвертичными отложениями.

Сведения о геологических породах, использованных для изготовления статуй, приводимые исследователями, рисуют нам достаточно выразительную картину. Из 154 изваяний 79 эк-

[8] Нами вместе с геологом Григорием Багно в коллекции ГИМа были обследованы несколько тюркских изваяний, происходящих из Алтайского региона (изв. 3, 6, 40 по Л.А. Евтюховой), которые представлены кристаллическими породами докембрийского возраста (сланцы — изв.3, 6) и красноватым песчаником девонского возрастов. Это изв.40, определенное Л.А.Евтюховой как розовый гранит.

Табл. 2. Распределение статуй по материалу и геологическим регионам

РЕГИОНЫ	СТРАНА	Всего в стране	МАТЕРИАЛ								Всего в регионе
			Не известно	Гранит	Диорит	Известняк	Мрамор	Песчаник	Сланец	Туф	
Поволжье	Россия	**18**	3	0	0	4	0	11	0	0	**18**
Урал Южный	Казахстан	**3**	2	1	0	0	0	0	0	0	**17**
Урал Южный	Россия	**14**	14	0	0	0	0	0	0	0	
Тургайская столовая страна	Казахстан	**21**	18	3	0	0	0	0	0	0	**26**
Казахский мелкосопочник	Казахстан Центральный	**5**	4	0	0	0	0	1	0	0	
Саяны	Тува	**43**	10	27	0	0	2	2	2	0	**119**
Алтай	Казахстан	**18**	12	5	0	0	0	0	1	0	
Алтай	Китай	**10**	10	0	0	0	0	0	0	0	
Алтай	Монголия	**13**	12	1	0	0	0	0	0	0	
Алтай	Россия	**29**	22	3	0	0	0	1	3	0	
Алтай	Хакасия	**6**	3	1	0	0	0	2	0	0	
Хангай	Монголия Центральная	**34**	18	0	0	0	16	0	0	0	**34**
Гоби-Хинган	Монголия Восточная	**17**	1	3	0	0	3	1	0	9	**17**
Тянь-Шань	Казахстан	**69**	16	45	1	0	1	6	0	0	**154**
Тянь-Шань	Казахстан	**18**	10	6	0	0	0	2	0	0	
Тянь-Шань	Семиречье	**60**	22	28	0	0	0	8	2	0	
Тянь-Шань	Китай	**7**	7	0	0	0	0	0	0	0	
Не известно	Казахстан	**1**	1	0	0	0	0	0	0	0	**1**
Не известно	Монголия	**1**	1	0	0	0	0	0	0	0	**1**
ВСЕГО		**387**	**186**	**123**	**1**	**4**	**22**	**34**	**8**	**9**	**387**

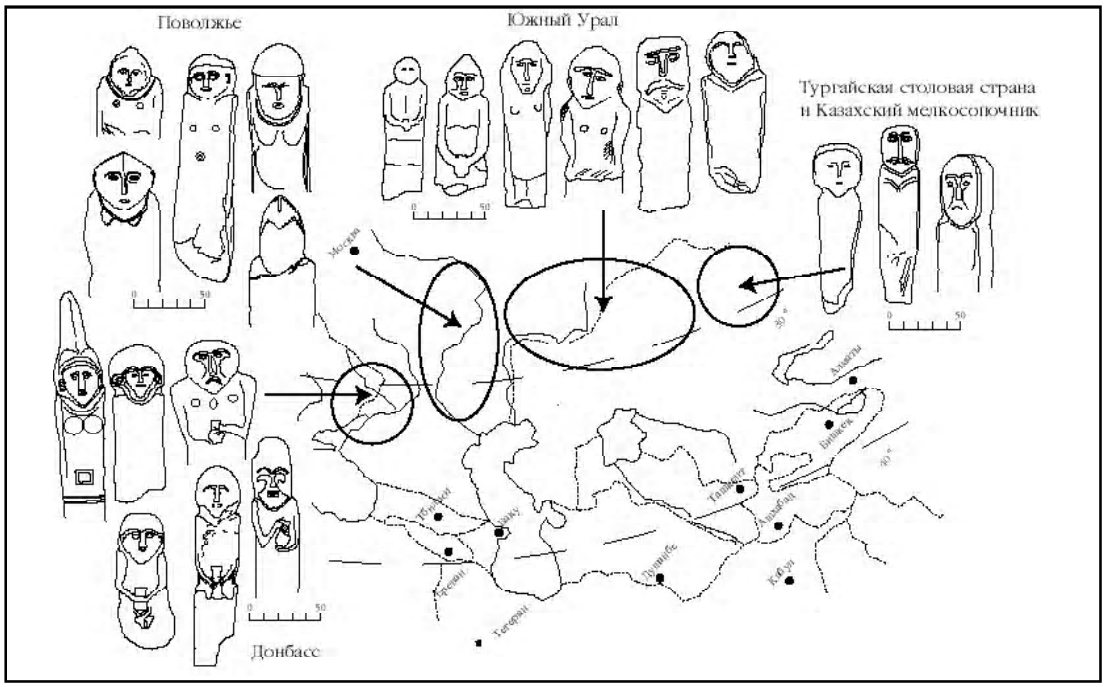

Рис. 3. Распространение каменных статуй (VI-X вв.) тюркоязычных кочевников эполхи средневековья по геологическим регионам.

земпляров, найденных в этом регионе, сделаны из гранитов, 16 из песчаников, 2 — из сланца и 1 из мрамора. Геологический возраст пород, однако, остается неизвестным.

Хангай и Гоби-Хинган

Эти территории занимают Центральную и Восточную часть Монголии. Регион Хангая находится в Центральной Монголии, в бассейне реки Орхон и горной цепи Хангай, где нам известны изваяния из мраморов (16 экз.) и других неизвестных пород (18) . Именно на этой территории находятся несколько известных поминальных комплексов древнетюркских ханов Восточного каганата.

Гоби-Хинганский район занимает территорию Восточной Монголии и расположен в непосредственной близости с пустыней Гоби и предгорьями Хингана, откуда происходят 9 изваяний из вулканического туфа, 3 — из гранита, 1 — из песчаника, 3 — из мрамора.

Имеющиеся письменные источники и данные многих исследователей указывают, что все мраморные статуи Монголии отличаются большим искусством отделки и тщательностью изготовления. В своем большинстве они установлены на поминальных комплексах выдающихся ханов Восточного Тюркского Каганата. О них известно, что они были сделаны китайскими мастерами. И даже в тех случаях, когда таких сведений не имеется, как, например, на Востоке Монголии в Дариганге, по технике обработки камня и другим стилистическим особенностям можно безошибочно определить работу китайских мастеров. Следует отметить, что мрамор, вероятно, рассматривался в тюркской среде как очень ценный и престижный материал, что объясняет наличие нескольких примитивных тюркских статуй из мрамора на Алтае и Тянь-Шане.

Проверка гипотезы

Итак, мы установили существование нескольких регионов происхождения статуй.

Далее мы высказали утверждение, что статуи изготавливались из местных пород камня и далеко от мест изготовления не перевозились. Это значит, что выделенные нами геологические регионы должны соответствовать определенным кочевым объединениям, обитавшим в этих местах.

Если наши предположения верны и регионы изготовления статуй правильно соотнесены нами с регионами обитания кочевых объединений, то между статуями различных регионов должны обнаружиться кроме материала изготовления дополнительные отличительные признаки.

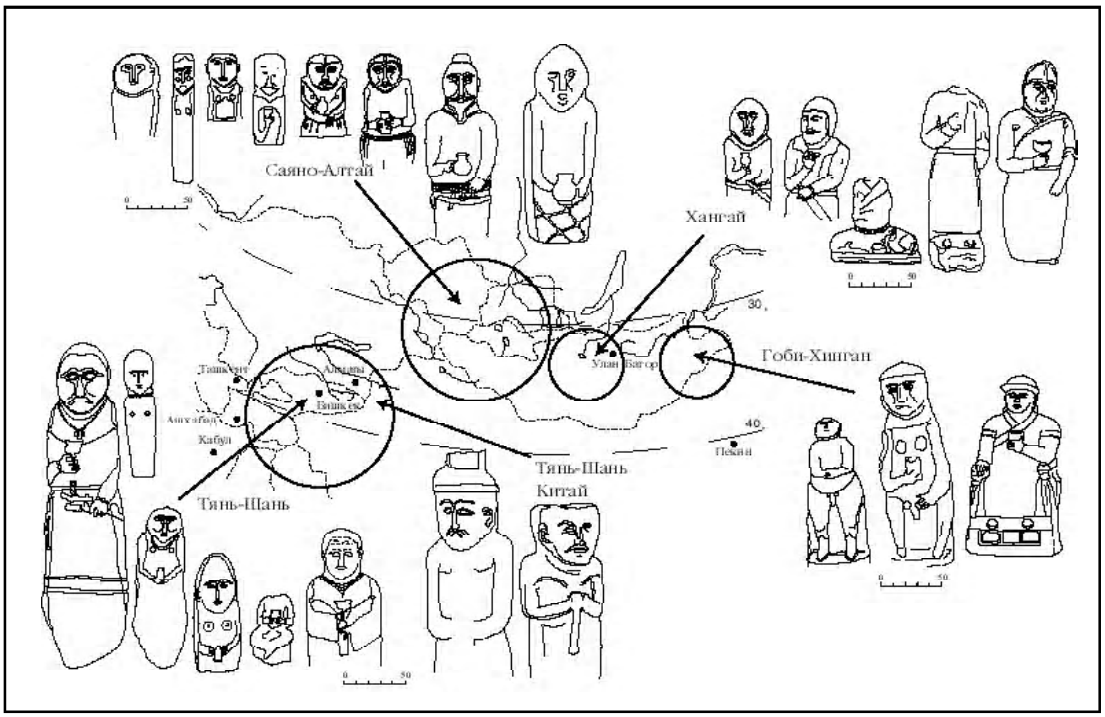

Рис. 4. Распространение каменных статуй тюркоязычных кочевников эпохи средневековья по геологическим регионам Азии.

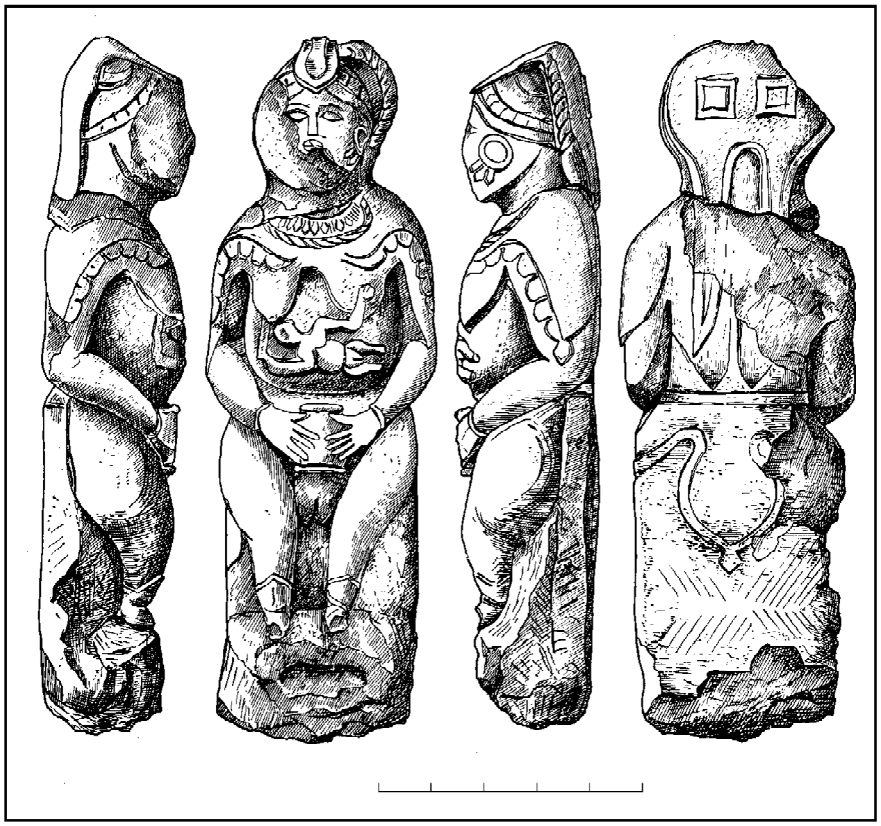

Рис. 5. Статуи с «фоном». Материал — карбоновый песчаник. С. Чернухино, Луганская область, Донбасс. (Рис. автора).

Скульптура европейских степей

Для проверки гипотезы на материале скульптуры европейских степей мы использовали половецкую скульптуру, атрибуция которой у нас не вызывала сомнений (Гераськова 1991). Это наиболее массовый и наиболее перепутанный в музеях материал.

Все половецкие статуи мы разделили на 4 типа, отличающиеся друг от друга двумя классификационными признаками: поза и фон[9] - стоящие фигуры с фоном, сидящие фигуры с фоном (Рис. 5, 6), стоящие фигуры без фона, сидящие фигуры без фона (Рис. 7).

Фон. Под фоном мы понимаем плиту, к которой будто бы прислонена нижняя часть фигуры. Фон в статуях, по нашему мнению, несет определенную смысловую нагрузку, не связанную с технологией изготовления, поэтому мы выделили этот признак как классообразующий. Никем из исследователей фон не рассматривался как признак, имеющий самостоятельный смысл. Он рассматривался как сугубо технологическая деталь, связанная с рельефностью скульптуры (Плетнева 1974: 61, 65). Статуи с фоном воспринимались как менее рельефные и совершенные, а поэтому более ранние. Анализируя технологию изготовления статуй, мы пришли к выводу, что ваяние статуй с фоном намного сложнее, потому что для высекания из камня фона необходимо создавать фигуру сложного профиля, которая требует значительно большего технического мастерства, нежели просто оболванить блок, придавая ему округлость пол кафтана. Таким образом, нет оснований считать фон признаком более раннего изготовления скульптуры и более примитивной техники.

Но если фон это не технологический прием, то он несет определенный смысл, и причем настолько важный, что вынуждал мастера тратить много усилий на его изготовление, даже из таких сложных материалов, как гранит. Смысловая нагрузка этого признака может иметь два аспекта. Фон может отражать социальный статус изображенных либо их этническую принадлежность. Если этот признак отображает социальный статус, то он должен быть распространен на всей территории проживания половцев в степях Восточной Европы. Если статуи с фоном будут преобладать в каком-либо регионе, то можно говорить об этническом аспекте данного признака.

Для проверки мы провели картографирование статуй по признаку фон.

Как видно из рисунков (Рис.8, 9), для Дон-

[9] Выделению этих типов предшествовала большая классификационная работа, о которой в настоящей работе нет возможности говорить (см. Гераськова, 1991). Поэтому здесь мы будем пользоваться только готовыми результатами проведенного анализа.

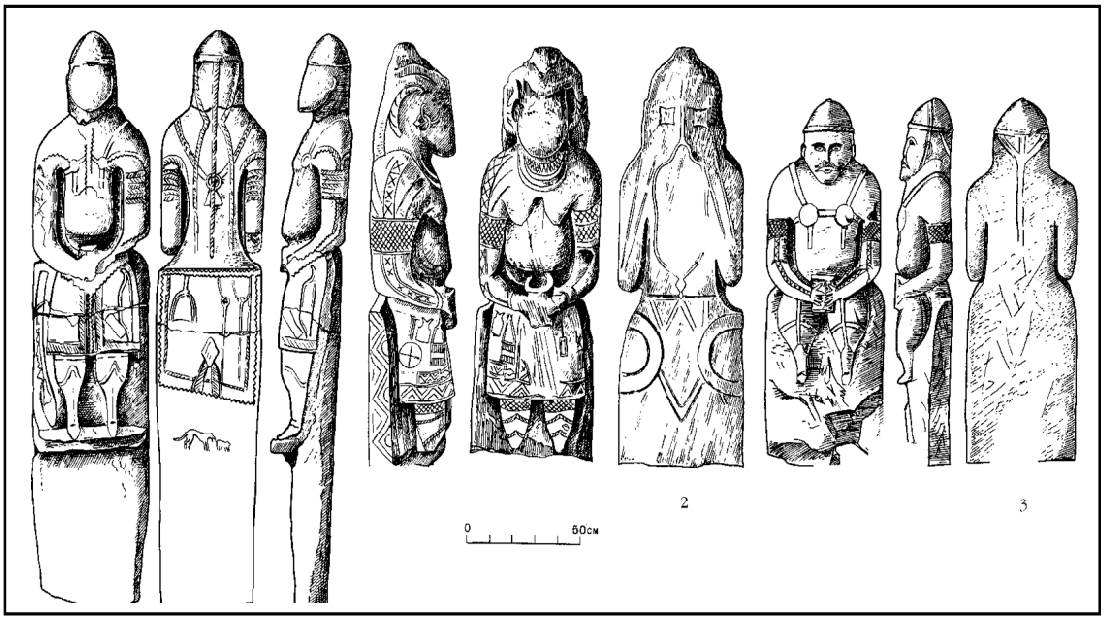

Рис. 6. Статуи с «фоном»из неогеновых песчаников. 1, 3 — хранится в Симферополе (Крым); 2 — хранится в Днепропетровске, Черноморско-Днепровский регион (рис. по С.А.Плетневой).

басса и Кавказа характерны статуи без фона, а в Азово-Донском регионе скульптуры обоих типов распределены почти равномерно. Но Черноморско-Днепровский район, Крым, Приазовье представлены исключительно статуями с фоном. Особенно значителен процент (92%±6, 6%) статуй такого типа в Черноморско-Днепровском районе. Метод доверительных интервалов для процента позволил проверить полученные данные и получить точную картину процентных отношений[10] (Писларий, Пожидаев 1982: 178-187).

Проверка методом доверительных интервалов процента распределения статуй с фоном или без фона на разных территориях показала, что выявленная тенденция преобладания в одних районах статуй с фоном, а в других — без фона действительно имеет место. Наглядное представление дает графическое изображение доверительных интервалов для процентов на Рис. 9. Признак фон позволяет разделить половецкую пластику на две территориальные группы: 1) Донбасс и Кавказ, где преобладают статуи без фона; 2) Черноморско-Днепровский регион и Крым, где преобладают статуи с фоном; Азово-Донский регион занимает промежуточное место.

Четкое территориальное разделение статуй с фоном и без него позволяет утверждать, что фон является показателем этнического порядка. Справедливость нашего утверждения о существовании двух территориальных групп статуй подтверждается и особенностями, имеющими этнический оттенок. Одним из таких признаков является орнамент.

Орнамент. Для его анализа мы использовали такие особенности орнамента, как изломанность или округлость линий рапорта. В результате выделены два типа: орнамент из прямых линий, орнамент из округлых линий.

Картографирование статуй с орнаментом и без него показало, что основными статистически наполненными выборками являются группы статуй из Донбасса и Черноморско-Днепровского региона. Все остальные регионы, из-за незначительных объемов выборок имеют низкие проценты по разным типам орнаментов. Наличие у статуй определенных территорий орнамента одного типа и отсутствие второго позволило выявить характерные тенденции для скульптуры каждого региона.

Наглядное представление о процентном

[10] Доверительный интервал означает, что подлинное значение процента находится не в той единственной усредненной величине, которая обычным образом рассчитывается, а в некоторой доверительной области этой величины. Эта доверительная область зависит прежде всего от объема выборки, которую мы оцениваем. Чем больше выборка, тем меньше доверительный интервал, то есть действительное значение процента становится близлежащим к усредненной величине доверительного интервала. Может случиться так, что проценты по двум усредненным значениями четко отличаются один от другого. Если выборки, которые мы сравниваем, малые, то область доверительных интервалов может быть настолько большой, что они «перекроют» друг друга. Например, выборка 1 представляет собой 35% ± 20%, а выборка 2 — 65% ± 20%. Подлинное значение процента для выборки 1 будет находиться в интервале значений от 15% до 55%, в выборке 2 — от 45% до 85%. Такие доверительные интервалы пересекаются в круге значений 45% — 55% и, таким образом, первичные различия в процентах при проверке их методом доверительных интервалов оказываются недействительными

распределении дает график доверительных интервалов (Рис. 10). На нем хорошо видно, что Донбассу и Черноморско-Днепровскому региону, имеющим наибольшее количество статуй, присущи разные типы орнаментов. Для Черноморско-Днепровского региона характерен орнамент из ломаных линий. Для Донбасса типичен орнамент из округлых линий или же отсутствие орнамента. Наличие только орнамента из ломаных линий на статуях с изображением орнамента в Азово-Донском регионе, Приазовье и Крыму позволяет объединить эти регионы с Черноморско-Днепровским.

В Предкавказье есть статуи, орнаментированные округлыми линиями, и совсем отсутствуют скульптуры, на одежде которых орнамент состоит из прямых ломаных линий. Это позволило объединить Предкавказье и Донбасс в единую территориальную группу.

Картографирование двух типов орнаментов подтвердило разделение всех половецких регионов на две большие группы: 1) орнамент с округлыми линиями присутствует лишь на статуях донбасского и кавказского происхождения (Рис. 10; V, VI); 2) ломаные прямые линии — преимущественно на статуях Черноморско-Днепровского региона (Рис. 10; IV).

Дальнейший анализ выделенных групп свидетельствует, что они кроме фона и орнамента отличаются еще рядом других признаков.

В первой группе сидящие и стоящие фигуры распределяются в целом равномерно. Среди сидящих статуй преобладают мужские изображения (67% ± 7, 4 %), среди стоящих — женские (63% ±6 %). Изображения оружия для статуй первой группы не характерны и составляют всего 2 %. Статуи этой группы вытесывались из плотных карбоновых песчаников.

Первая группа связана с Донбассом и Предкавказским геологическими регионами и локализуется на территории Донбасса (Луганская, Донецкая области) и Северного Кавказа (Краснодарский и Ставропольский края) (Рис. 7, 8).

Во второй группе почти нет сидящих фигур, но характерны изображения стоящих фигур (92% ± 6, 6%). На них встречаются изображения оружия: сабля, сагайдак, лук, стрелы. (Рис. 6). На статуях Черноморско-Днепровского региона, составляющих основу этой группы, оружие изображено в 33 % случаев. Скульптура этой группы имеет еще одну особенность: изображения на нижних тыльных частях статуй людей, животных, всадников. Известно 10 статуй с такими изображениями. В пластике первой группы встречены лишь две статуи с подобными изображениями.

Изваяния делались, как правило, из мягких неогеновых известняков, а в районе Приазовья из местных гранитов. На территории этой группы вместе со статуями людей найдены скульптурные изображения животных.

Вторая группа связана с Черноморско-Днепровским, Приазовским, Азово-Донским, Крымским геологическими регионами и лока-

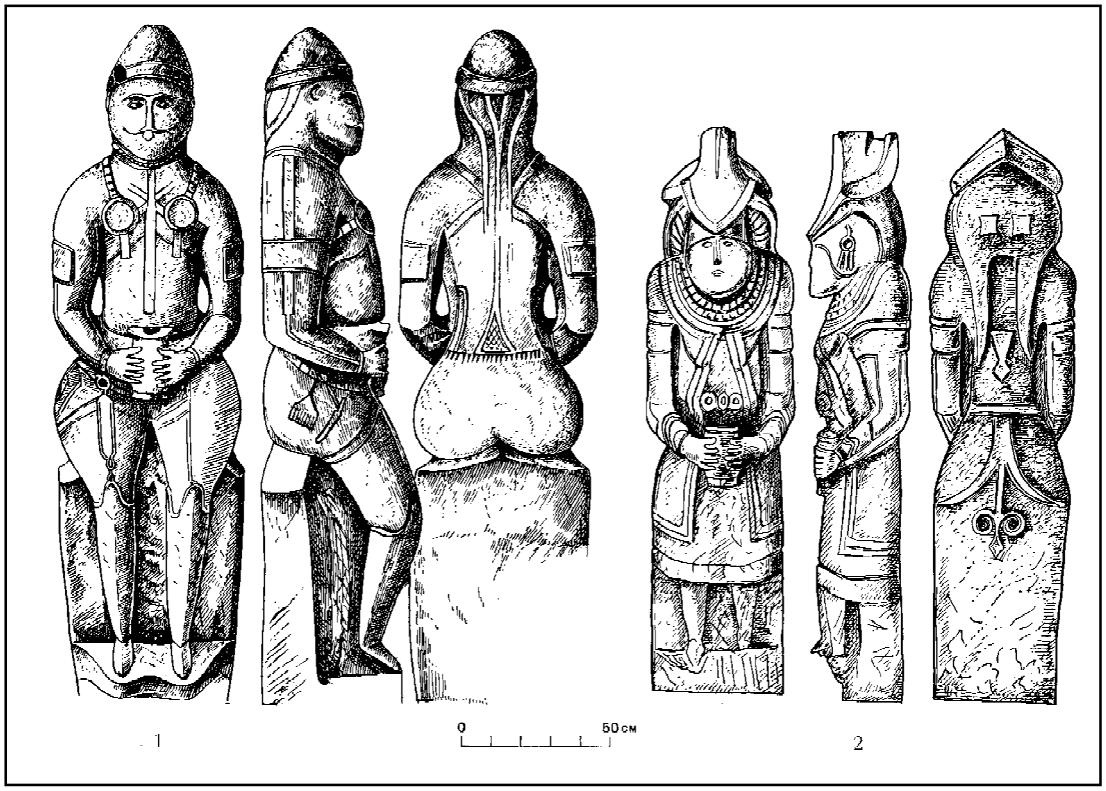

Рис. 7. Статуи без «фона». Материал — карбоновый песчаник. 1 — с. Николаевка, Луганская область, Донбасс; 2 — с. Ступки, Донецкая область, Донбасс (рис. по С.А.Плетневой).

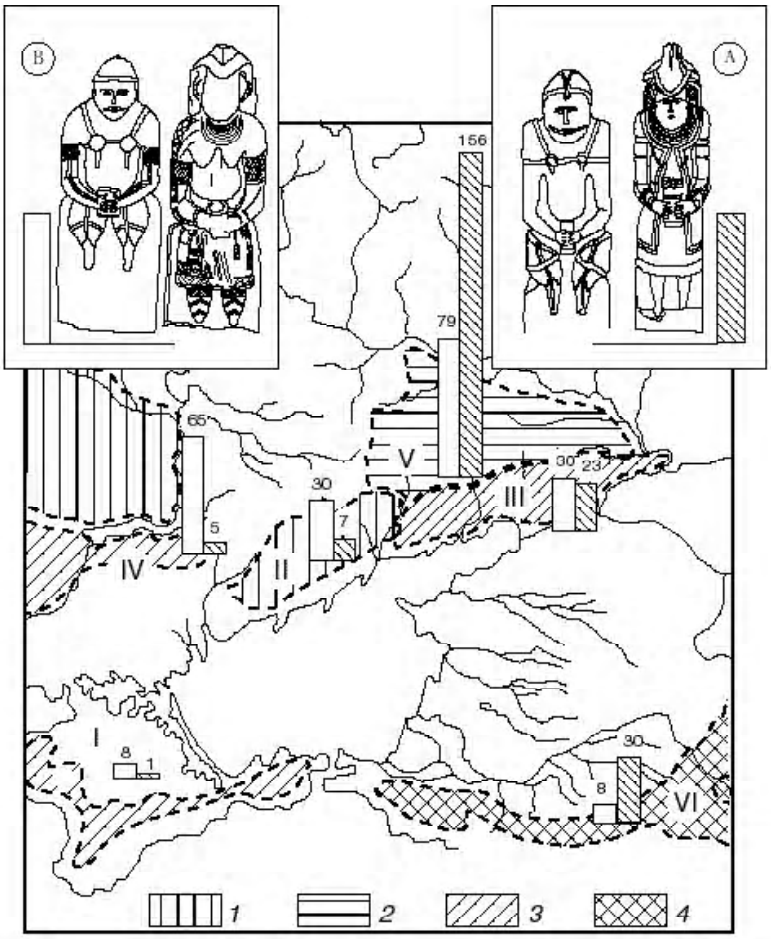

Рис. 8. Распространение в степях Восточной Европы скульптур с фоном и без фона.
А — статуи без фона; В — статуи с фоном. Цифры обозначают количество экземпляров.
1 — докембрийские породы; 2 — карбоновые породы; 3 — неогеновые породы; 4 — неогеновые породы Кавказа.
I — Крым; II — Приазовье; III — Азово-Донской регион; IV — Черноморско-Днепровский регион; V — Донбасс; VI — Предкавказье.

лизуется на территории Крыма, Левобережья Нижнего Поднепровья до устья Дона (Рис. 8).

Итак, можно утверждать, что вся половецкая скульптура разделяется на две большие территориальные группы. Скульптура каждой из выделенных групп имеет свою специфику, в которой проявляются этнические особенности коллективов, образовывавших половецкое общество. Разделение половецкой скульптуры на две территориальные группы, отражает типичное для кочевых обществ деление на два крыла.

Указанные выше территории соответствуют территориям половецкой степи, где размещались половецкие племенные объединения Белая и Черная Кумании (Рыбаков 1952: 42-43; Плетнева 1974: 18, 23.). Границей между Куманиями был водораздел Днепра и Донца (Рыбаков 1952: 44). (Рис. 11)

Черная Кумания

Черная Кумания располагалась в восточной части причерноморских степей и была наиболее сильным половецким объединением. Она играла важную роль в политической жизни половецкой степи. Это хорошо отражено в письменных источниках, сообщающих нам о хане Кончаке, который в 1185 году заявил о своих претензиях на территорию Приднепровских половцев, т.е. Белую Куманию.

Это хорошо заметно и на материале скульптуры. Донецкие статуи представляют собой половину всех статуй и именно в них наиболее ярко прослеживаются стремления к монументализму. Именно здесь создаются изображения сидящих фигур, в которых, как известно, отражается более высокий социальный статус изображенного.

Как мы говорили прежде, к донбасской группе памятников по многим параметрам примыкает предкавказская группа. Связь предкавказских и донбасских половцев зафиксирована и хорошо объясняется историческими источниками, из которых видим, что предкавказские половцы — не что иное как часть донецких, которые убежали с ханом Отроком на Кавказ от войск Владимира Мономаха. Сын Отрока — Кончак, позднее вернулся вновь на родину, в Донбасские степи, и возглавил борьбу за объединение племен под единой ханскою властью.

Белая Кумания

Белая Кумания занимала территорию от Приазовской возвышенности и дальше на запад до Дуная. Нам представляется возможным связывать регионы Черноморско-Днепровский, Приазовский, Крым с Белой Куманией, центром которой был Черноморско-Днепровский регион. Две статуи стоящих фигур с фоном, найденные в Болгарии, дают нам представление о западных границах

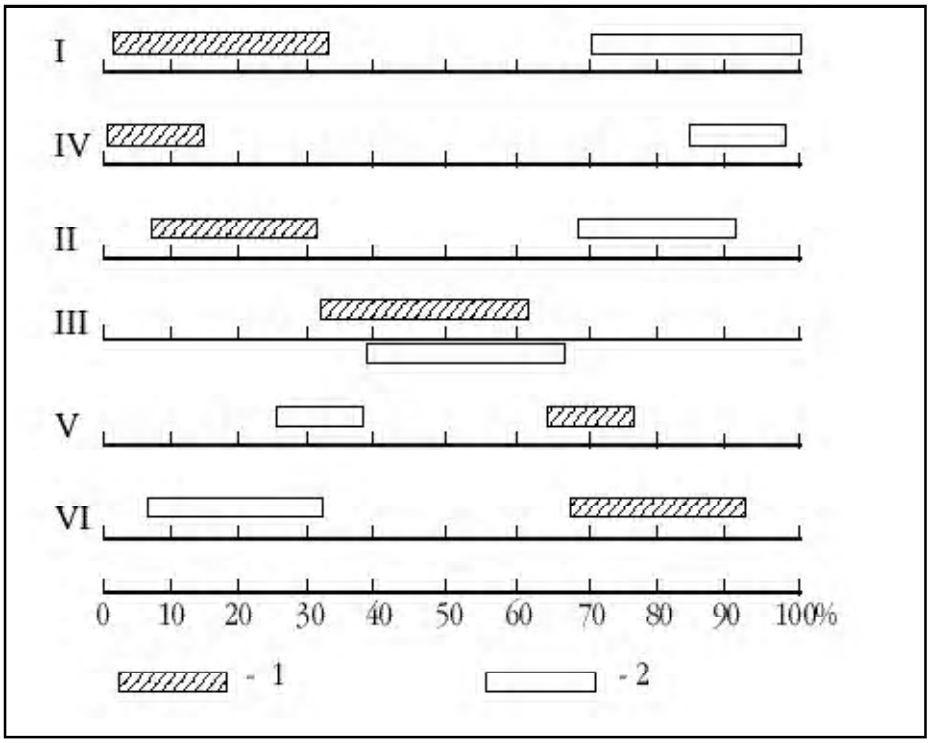

Рис. 9. Доверительные интервалы процентов распределения статуй с фоном и без фона:
1 — статуи без фона; 2 — статуи с фоном;
I — Крым; II — Приазовье; III — Азово-Донской регион; IV — Черноморско-Днепровский регион; V — Донбасс; VI — Предкавказье.

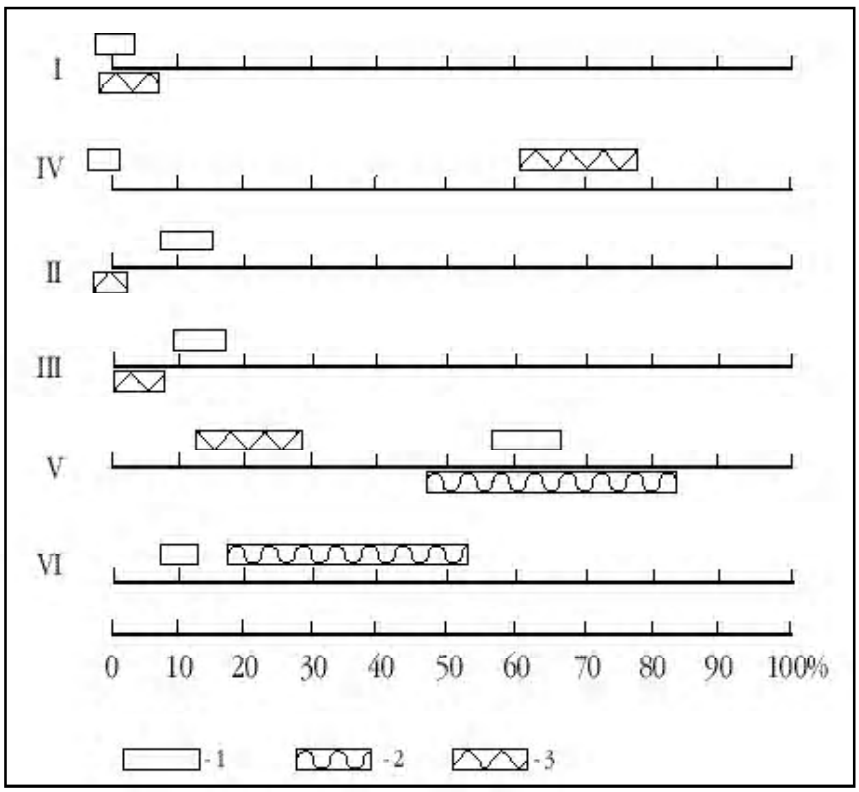

Рис. 10. Доверительные интервалы процентов распределения типов орнамента на каждой территории:
1 — отсутствие орнамента (n = 301); 2 — орнамент из плавно изогнутых линий (n = 91); 3 — орнамент из ломаных линий (n = 26).
I — Крым; II — Приазовье; III — Азово-Донской регион; IV — Черноморско-Днепровский регион; V — Донбасс; VI — Предкавказье.

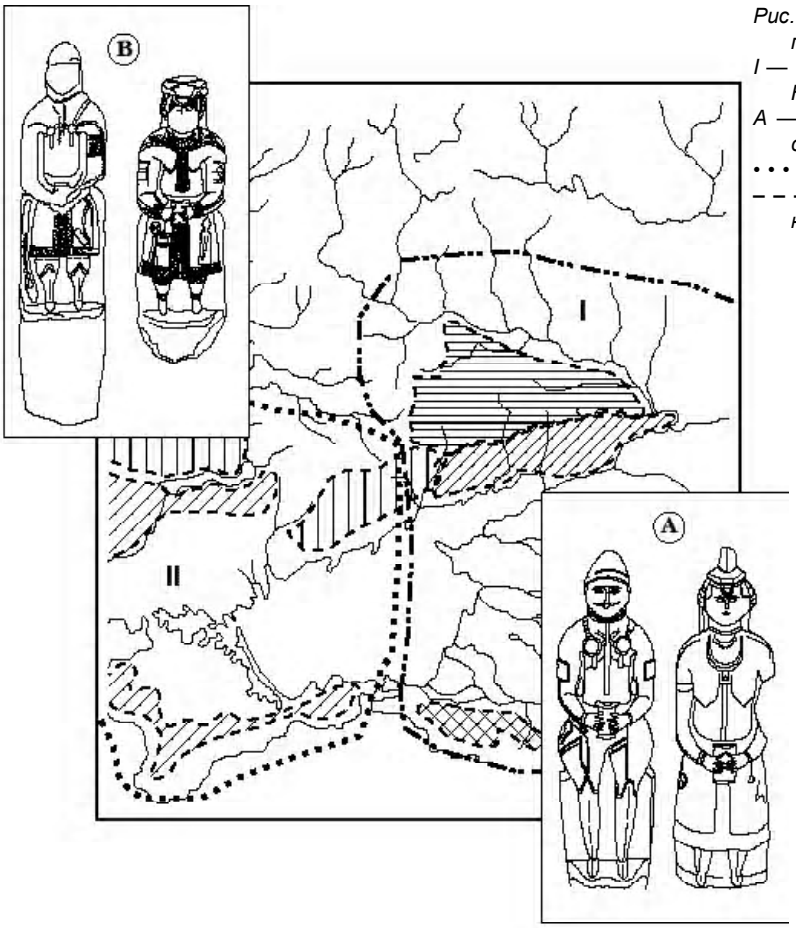

Рис. 11. Доисторические группы половецкой скульптуры:
I — Черная Кумания; II — Белая Кумания;
А — статуи без «фона»; В — статуи с «фоном»;
• • • • — граница Белой Кумании;
– – – — граница Черной Кумании.

Белой Кумании (Feher 1931).

Белая Кумания представлена в основном стоящими статуями с фоном. Сидящие фигуры чрезвычайно редки. Если принять гипотезу, что поза изображенного отражала его социальный статус, а статуи Орхона подтверждают это (Радлов, Мелиоранский 1897; Jisl 1960), то абсолютное преобладание в Белой Кумании статуй стоящих свидетельствует о подчиненной роли Белой Кумании в рамках взаимодействия двух больших племенных объединений, что не противоречит историческим данным, свидетельствующим о существовании у тюркоязычных кочевников деления племен на два крыла, из которых одно занимало привилегированное положение по отношению к другому.

Азово-Донской регион по географическому местоположению занимает промежуточное место между Белой и Черной Куманиями, что хорошо прослеживается на материале статуй. На этой территории видим равное распределение признаков, характеризующих скульптуру как Белой (наличие «фона», орнамент из ломаных линий), так и Черной Куманий (преобладание статуй без «фона» и без орнамента) (Рис. 8, 9, 10)

Скульптура азиатских степей

Анализ распределения различных типов статуй по выделенным нами регионам в азиатских регионах, также дал интересную картину (Табл. 2, Рис. 12).

Типы статуй определялись на основе тех же классификационных признаков, какие использовались нами при анализе скульптуры европейской (Гераськова 1991: 37-53), но в менее детализированной форме: 1 — частичные изображения с асимметричным положением рук, 2 — частичные изображения с симметричным положением рук; 3 — частичные изображения без рук, 4 — статуи с полным изображением фигуры[11].

Так, для территории Гоби-Хинган характерно преобладание статуй с полным изображе-

[11] Полные изображения фигуры человека в азиатских степях встречаются достаточно редко. Они, как правило, связаны с поминальными комплексами наиболее высокопоставленной знати тюркских каганатов, где встречаются фигуры как с асимметричной, так и с симметричной позицией рук. Учитывая малочисленность данной группы и считая в данном случае главным признак «полнота изображения», а не признак «позиция рук», мы объединили статуи в одну группу «полные изображения фигуры».

нием фигуры и полное отсутствие статуй без изображения рук (Рис. 4).

На территории Хангай преобладают полные изображения фигуры и статуи с асимметричным положением рук (Рис. 4).

Территория Саяно-Алтая отличается преобладанием изваяний с асимметричной позицией рук. Вторую по количеству группу составляют изваяния без изображения рук. Статуи с полным изображением фигуры и изваяния с симметричным положением рук составляют небольшую группу и по доверительным интервалам не различимы между собой (Рис. 4, 12).

На территории Тянь-Шаня количественно преобладают изваяния с асимметричной и симметричной позициями рук, которые по доверительным интервалам неразличимы между собой. Вторая группа представлена полными изображениями фигуры и изваяниями без изображения рук, которые также не различаются между собой по доверительным интервалам (Рис. 4, 12).

Сходная ситуация прослеживается и на территории Казахского мелкосопочника и Тургайской столовой страны, с тем различием, что первую группу составляют изваяния с асимметричной позицией рук и изображения без рук, а вторую, меньшую группу — изваяния с полным изображением фигуры и статуи с симметричной позицией рук (Рис. 3, 12).

На территории Южного Урала совершенно отсутствуют статуи с полным изображением фигур, а изваяния с симметричной, асимметричной позициями рук и без изображения рук по доверительным интервалам практически не различимы (Рис.3, 12).

Поволжье представлено исключительно изваяниями без изображения рук. (Рис.3, 12).

Для полноты картины мы включили в сравнение и часть статуй азиатского типа в степях Восточной Европы. Это т.н. статуи древнетюркского типа (Гераськова 1991). Они сосредоточены на территории Донбасса. Здесь представлены все типы изваяний, а их количественное распределение диаметрально противоположно распределению статуй на территории Хангая. Статуи с симметричной позицией рук и без изображения рук являются преобладающими и не различимы по доверительным интервалам между собой. Полные изображения фигур и изваяния с асимметричной позицией рук составляют значительно меньшие по количеству группы, и также не различимы между собой по доверительным интервалам (Рис.3, 12).

Полученные результаты анализа распределения статуй различных типов позволяют сделать определенные интерпретации.

Известно, что регион Хангай в Центральной Монголии, включающий в себя бассейн реки Орхон, содержит великолепные поминальные комплексы наиболее знатных ханов Восточно-Тюркского каганата, где преобладают статуи с полным изображением фигуры, выполненные китайскими мастерами. Статуи ханов и их жен изображаются всегда сидящими. Это позволяет нам интерпретировать признак «полнота изображения» (для азиатской территории) и сидящая поза изображенного как признаки, отражающие в скульптуре социальную стратификацию в древнетюркском обществе.

Наличие большого количества статуй в регионах «Саяно-Алтай» и «Тянь-Шань» подтверждает известную из письменных источников информацию о существовании на этих территориях мощных кочевнических государственных образований: Восточного и Западного Тюркских каганатов.

Доверительные интервалы распределения статуй позволяют увидеть как признаки, объединяющие эти территории, так и признаки, определяющие специфические различия между регионами (Рис.12).

Статуи с асимметричным положением рук, характерные для обоих регионов, определяют общетюркскую специфику этих территорий. Статуи без изображения рук специфичны для Алтая, в то время как статуи с симметричным положением рук определяют специфику Тянь-Шаня.

Вообще типы статуй с симметричным положением рук и без рук дают очень выразительную картину для Алтая и Тянь-Шаня, ярко определяя особенность каждого региона. Преобладание статуй с симметричным положением на Тянь-Шане (территории Западно-Тюркского каганата) говорит о зарождении именно здесь новых элементов культуры, получивших затем наиболее мощное проявление в половецкой скульптуре восточноевропейских степей. Одной из характерных особенностей половецких статуй является именно симметричное положение рук.

На территории Тянь-Шаня в тюркской скульптуре очень хорошо прослеживаются влияния соседних высокоразвитых земледельческих культур Средней Азии и Китая. Территории, соседствующие с Согдом и Тохаристаном, дают статуи, напоминающие по одежде, украшениям, иконографии персонажей в монументальной живописи из архитектурных ансамблей Балалык-Тепе, Аджина-Тепе, Пенджикента, Афрасиаба и др. (Лобачева 1979: 18-48). Высокая техника ваяния скульптур свидетельствует о привлечении к их изготовлению иностранных мастеров. Территории, соседствующие с Китаем, дают изображения китайского облика (Ван Цзы-юнь 1956: 11- 15) (Рис.4).

Интереснейший результат дала группа статуй без изображения рук. На территории Гоби-Хинган он не известен вообще. В Центральной Монголии на Хангае этот тип статуй встречается очень редко. Затем по мере удаления на запад количество статуй этого типа начинает неуклонно расти, получая абсолютное преоб-

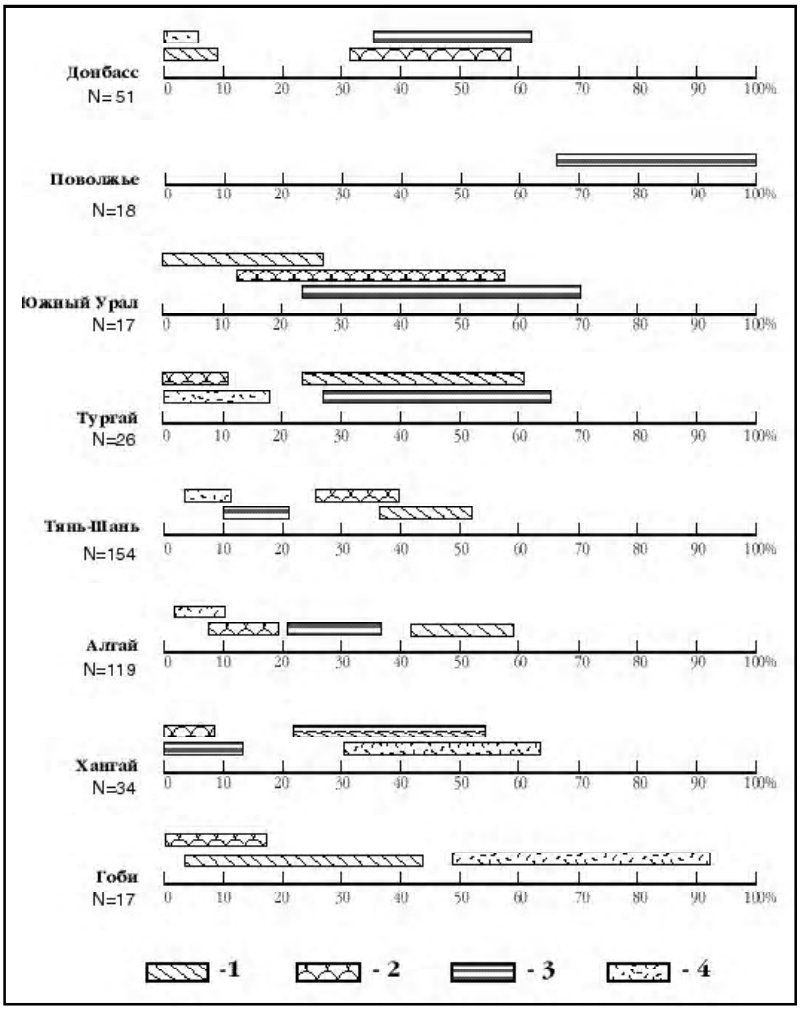

Рис. 12. Распределение скульптуры по типам в геологических регионах. 1 — изваяния с асимметричной позицией рук; 2 — изваяния с симметричной позицией рук; 3 — изваяния без изображения рук; 4 — изваяния с полным изображением фигуры.

ладание в Поволжье. (Рис. 12)

Концентрация памятников одного типа на локальной территории обычно трактуется археологами как показатель этнической специфики населения, проживавшего на данной территории и оставившего такие памятники. Это значит, что мы имеем полное право связывать статуи без изображения рук с каким-либо конкретным народом, проживавшим в средние века на территории Поволжья.

Не имея возможности подробно останавливаться на рассмотрении вопроса, каким народом оставлен данный тип памятников, мы все же хотим высказать некоторые замечания по этому поводу. Нам представляется возможным отнесение их к торкам.

Косвенным указанием на такую этническую атрибуцию скульптуры Поволжья можно считать сообщение Ибн-Фадлана, совершившего в 921-922 годах путешествие в Волжскую Булгарию. Проезжая степями по левобережью Волги (ныне Западный Казахстан), он побывал у торков-гузов и оставил описание их погребальных обычаев, сходных с погребальными обычаями древних тюрков, в том числе и обычай установки изображений врагов, убитых покойным (Ковалевский 1956: 128).

Регион Тургайская столовая страна и Казахский мелкосопочник по распределению различных типов статуй приближается к соседящему с ним Саяно-Алтайскому региону.

Регион Южного Урала по распределению статуй без рук и с симметричным положением рук тяготеет к изваяниям древнетюркского типа Донбасса, что позволяет сделать предположения о возможном родстве населения, оставившего статуи на Донбассе и на Южном Урале.

Особое место занимают статуи из Восточной Монголии, региона Гоби-Хинган (Рис.4). Статуи, обнаруженные в районе Дариганги, очень специфичны (Казакевич 1930: 1-36), что привело почти к полному молчанию по их поводу археологов на протяжении более полувека. По характеру изображений и искусству ваяния они четко делятся на две группы. Одна группа статуй, изображающих людей в креслах, шелковых китайских халатах с драконами, несет на себе ярко выраженное влияние китайской культуры.

Другая группа изваяний, представленная фигурами обнаженных людей, выполнена значительно более примитивным об разом. Казакевич В.А., отметивший несомненное сходство

статуй этой группы с кругом тюркской скульптуры, отнес эти изваяния к древним тюркам и датировал их VII-VIII вв. (Казакевич 1930: 33-35).

Наиболее смущающим фактом при атрибуции Даригангских статуй была их полная обнаженность — факт не известный в древнетюркской скульптуре. Затем, изображенные на даригангских статуях сидят по-европейски, опустив ноги вниз, что также не характерно для древнетюркских статуй, изображающих людей, сидящих со скрещенными ногами.

Находка на Донбассе половецкой статуи изображающей полностью обнаженную женщину с ребенком (Рис. 5) позволила связать Даригангские статуи с кругом половецкой культуры и датировать их периодом не ранее XIII века. (Гераськова 1988: 34-36). Замечательным фактом, подтверждающим связь даригангских статуй с половецкой скульптурой, является наличие на одной из даригангских статуй «фона» (Казакевич 1930: табл.VIII, 1) — признака, присущего только половецкой скульптуре и датирующего ее наиболее поздним временем (Гераськова 1991). Статуи с выраженным китайским влиянием по деталям изображений мы датировали 15-16 вв. (Гераськова 1988: 34-36).

* * *

Таким образом, проведенный анализ скульптуры и сопоставление полученных результатов с историческими источниками подтвердил нашу гипотезу о существовании связи между геологическими регионами обнажений пород, использовавшихся для изготовления статуи, и местами изготовления и установки этих статуй. С другой стороны, выявлена связь геологических регионов с местами обитания определенных кочевнических племен.

Для восточноевропейской скульптуры удалось выявить очень локальные места обнажений геологических пород, из которых она изготавливалась. Это дало возможность с большой долей вероятности восстановить утраченную информацию о местах изготовления статуй по материалу, из которого они сделаны.

Благодаря проведенному геологическому и петрографическому анализам удалось выявить взаимосвязи между различными типами восточноевропейских статуй и связать с конкретными половецкими объединениями — Белой и Черной Куманиями, т.е. получить интересные исторические выводы, которых ранее исследователям не удавалось получить из-за «перепутанности материала в музеях».

Для азиатских статуй в виду огромных территорий их распространения и отсутствия профессионального геологического обследования каждой статуи такая точность пока невозможна.

Однако, выделение геологических регионов в азиатской степи и выявление специфических особенностей в скульптуре этих регионов говорит о существовании в азиатской скульптуре такой же тенденции, какую нам удалось обнаружить в скульптуре восточноевропейских степей.

Проведенный анализ показал исключительную важность точного и профессионального определения пород, из которых изготовлены статуи и абсолютную необходимость выявления мест обнажений этих пород, послуживших скульптурным материалом. Только после такой работы можно опираться на положение о том, что в древности статуи далеко от мест своего изготовления не вывозились, т.е. без точного определения геологических пород и мест выходов их на поверхность правильное в принципе утверждение теряет свой смысл.

ЛИТЕРАТУРА

Бартольд В.В. 1966. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. // Соч. М. Наука. Т. IV.

Бернштам А.Н. 1940. К исторической топографии Чуйской долины. // ВДИ. N.2.

Бернштам А.Н. 1943. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам большого Чуйского канала. — Фрунзе: Киргиз. филиал АН СССР, Ин-т языка, лит. и истории.

Бернштам А.Н. 1947. Проблемы истории Восточного Туркестана // ВДИ. N.2.

Бернштам А.Н. 1950. Очерк истории культуры древнего Семиречья по археологическому материалу // МИА. N.14.

Бернштам А.Н. 1952. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА. N.26.

Бранденбург Н.Е. 1908. Журнал раскопок 1888-1902 гг. — СПб.

Ван Цзы-юнь. 1956. Синцзянское искусство резьбы по камню //Вэньуцанкао цзиляо. N 8. (кит. яз.)

Веселовский Н.И. 1915. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах» // ЗООИД. Одесса. Т.XXXII.

Гераськова Л.С. 1973. Находки древнетюркских «каменных баб» на Украине // УИЖ. N.4. (укр. яз.)

Гераськова Л.С. 1975. К вопросу об истоках половецкой скульптуры // Новейшие открытия советских археологов // Тез. докл. конференции. Киев. Т.3.

Гераськова Л.С. 1980. О материалах средневековой кочевнической скульптуры евразийских степей.// Археологические исследования на Украине в 1978-1979 гг. // Тез. докл. конф. Днепропетровск.

Гераськова Л.С. 1988. Половцы и Дариганга // Актуальные проблемы охраны и исследований археологических памятников в центральном Донбассе. Тез. Докл. Г. Перевальск.

Гераськова Л.С. 1991 Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. Київ. Наукова думка.

Гераськова Л.С., Багно Г.Ф. 1981. К проблеме лока-

лизации центров изготовления скульптуры половцев на основе геологических данных // Тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых. Киев.

Городцов В.А. 1905. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии // Тр. XII АС. Т.1.

Грач А.Д. 1961. Древнетюркские изваяния Тувы. М.

Грязнов М.П. 1950. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. // СА. N.ХП.

Дашкевич Я.Р., Трыярски Э. 1982. Каменные бабы Причерноморских степей. (Коллекция из Аскании-Нова). Wrociaw-Warszawa-Krakyw-Gdacsk-Jydų. Zaklad narodowy imienia ?ssolinskich: Wydawnictwo Polskiej AN.

Евтюхова Л.А. 1952. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. N.4.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. 1940. Чаа-тас у с. Копен. // Тр. ГИМ., Вып.11.

Казакевич В.А. 1930. Намогильные статуи в Дариганге. Поездка в Даригангу // Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР, вып. 5, Л.

Кельсиев А.И. 1887. О каменных бабах // Тр. V АС. т.1.

Керцелли Н.Г. 1876. Об историко-географических изысканиях В.И.Мочульского, о курганах и каменных бабах Южной России // Труды Антропологического отдела. Кн. 2, вып.1, М.

Ковалевский А.П. 1956. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу. Харьков.

Костров Кн. 1864. Список каменным изваяниям, находящимся в Минусинском округе Енисейской губернии. // Записки Сибирского отд. И.Р.Г.О. Иркутск. Кн.VII.

Кызласов Л.Р. 1964. О назначении древне-тюркских каменных изваяний, изображающих людей // СА. N 2.

Кызласов Л.Р. 1979. Древняя Тува. — М. МГУ.

Лобачева Н. 1979. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенных росписей) // Костюм народов Средней Азии. М.

Маркевич А.И. 1904. Каменные бабы в Таврической губернии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — Симферополь. N 36.

Надеждин Н.И. 1859. Заметка о каменных бабах // Известия Императорского Археологического Общества. СПб. Т.1. Вып.3.

Пассек В. 1840. Курганы и городища в Харьковском, Валковском и Полтавском уездах // Рус. Ист. Сб. 1838-1840. М. Т.Ш.

Пискарев А.И. 1851. О местонахождении каменных баб в России // ЗРАО Т. Ш. С.205-220.

Писларий И.А. Пожидаев В.Ф. 1982. О применении метода процентных соотношений // Методологические и методические вопросы археологии. К.

Плетнева С.А. 1974. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е4-2.

Радлов В.В., Мелиоранский П.М. 1897. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме, Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т.IV. СПб.

Ружицкий А. 1906. Краткое сообщение о каменных бабах в Таврической губернии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь. N 39.

Рыбаков Б.А. 1952. Русские земли по карте Идриси 1154 г. КСИИМК, вып. 43. С.42-43.

Рыбачок Е.П., Филиппова-Путий А.Д. 1982. Результаты петрографических исследований каменных баб Аскании Нова // Каменные бабы Причерноморских степей. (Коллекция из Аскании-Нова). Wrociaw-Warszawa-Krakyw-Gdacsk-Jydų. Zaklad narodowy imienia ?ssolinskich: Wydawnictwo Polskiej AN.

Спасский Г. 1857. О достопримечательных памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусским // ЗРГО 1857. Кн. Х11.

Терещенко А., В. 1866. О могильных насыпях и каменных бабах в Екатеринославской и Таврической губерниях // Чтения в Общ-ве истор. и древн. Российских. М. N 4.

Уваров А.С. 1871. Сведения о каменных бабах // Тр. 1 АС. М.

Федоров-Давыдов Г.А. 1974. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. МГУ.

Шер Я.А. 1966. Каменные изваяния Семиречья. М.-Л.

Ядринцев Н. М. 1890. Каменные могилы и каменные бабы в Монголии и Сибири. Тр.VIII АС, т. IV, М.

Ядринцев Н.М. 1892. Предварительный отчет об исследованиях по рр. Толе, Орхону и в Южном Хангане. Труды Орхонской экспедиции, т. I, СПб.

Feher Geza 1931. Les monuments de la culture protobulgare et leurs rélations hongroises. Budapest

Jisl L. 1960. Vyzkum kulteginova pamatniku v Mongolske Lidove Republike // Archeologicke rozhledy, roc. - Praha, T.XVIII. — ses.1.

Kotwicz W. 1937. Quelques remarques encore sur les statues dites «baba» dans les steppes de l`Eurasie. — Rocznik Orjentalistyczny. Lwów. T.XIII.

В.Г.Котов

ОБ ОДНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ К БАШКИРСКОМУ ЭПОСУ «АЛДАР И ЗУХРА»

V.G.Kotov. About an Archaeological Illustration to the Bashkirian Epos "Aldar and Zuhra".

In 1992, in Ulianovsk region of the Russian Federation, archaeologist R.S. Bagautdinov found fragments of bone plates with illustrations on them in the burial of the Shilov mound of the second half of VII c. A.D. The carvings are of the same style and made by the same craftsman. They represent various scenes: a hunting of a bear, a battle of warriors and a fight between two winged dragons. The author of the article links this set of scenes to the plot of the medieval Bashkirian epos "Aldar and Zuhra". The epos emerged in VI – early VII century A.D. among the ancient Bulgarians-Hungarians, and was finalised in the pre-Mongolian Age by the ancient Bashkirians. Fantastic images from epos "Aldar and Zuhra" can be found on the belt decorations from the Big-Tigan burial. Preservation of certain historic realities in the oral-poetical traditions during a long period of time allows to reconsider the use of epic texts as a historical source.

Археология, как известно, изучает вещественные остатки былых эпох и поэтому так велика ее роль в исследовании бесписьменных народов. У последних огромное значение имело устное поэтическое творчество, которое, несомненно, должно было отразиться в произведениях искусства. Ряд исследователей уже предпринимал попытки сопоставления изображений с персонажами и мотивами какого-либо мифо-эпического текста (Тревер 1935; Граков 1950; Шелов 1950; Рыбаков 1950). Большую редкость представляют находки композиционных изображений, по которым можно было бы, как по пиктограмме, восстановить сюжет, чтобы затем его можно было однозначно сопоставить с сохранившимися текстами в устно-поэтической традиции (Грязнов 1961). В свете этого огромный интерес вызвала находка предметов изобразительного искусства в погребении раннесредневекового времени со сценами из жизни кочевников.

В 1992 году Р.С.Багаутдиновым в Ульяновской обл. в погребении второй половины VII в. были обнаружены фрагменты костяных пластин с изображениями (Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998: 183-190). Рисунки сделаны в технике гравировки в одном стиле и, очевидно, одним мастером. Они представляют собой разнообразные сцены: охоты на медведя, сражения воинов и борьба двух крылатых драконов (рис. 1).

На первой костяной накладке изображены два крылатых дракона с переплетенными языками, нарисованные в профиль. Они абсолютно идентичны между собой и образованы как бы из двух половин. Передняя часть (протома) состоит из частей различных животных: передняя лапа от крупного хищника, скорее всего, льва, небольшие крылья и звериная морда с длинными ушами, вытянутой собачьей пастью, из которой торчит загибающийся кверху змеиный язык, и на темени — два козлиных рога. Голова и длинная шея вытянуты вперед, так что обозначился характерный для копытных животных выступ у основания шеи. Крылья небольшие, загнутые вверху. Нижняя часть крыла имеет подтреугольную форму с волютообразным основанием и вписанным в него заштрихованным треугольником (рис. 1, 1). Детали оформления крыла выдают влияние сасанидского канона (Тревер 1933; Маршак 1971; Тревер, Луконин 1987). Вторая половина представляет собой хвост змеи, закручивающийся двумя кольцами. На конце он завершается характерной кисточкой, напоминающей плавник рыбы. Хвост второго дракона пришелся на излом, поэтому отсутствует. Чудовища изображены с переплетенными языками, а под их мордами нарисован заяц. Он оцепенел от страха и лежит, распластавшись брюхом по земле, с прижатыми ушами, вытаращенным глазом и вздыбившейся шерстью, причем лапа правого дракона касается его тела (рис. 2, 3). Другой заяц изображен позади первого дракона, и у него тоже прижаты уши, но шерсть у него не вздыблена. В целом он выглядит более спокойным, чем первый (рис.1, 1). Вся эта сцена производит впечатление напряженного противостояния двух чудовищ из-за зайца, причем в нем какое-то участие принимает и другой зверек. Лаконизм образа дракона и его зеркальное повторение говорит о раз-

© В.Г.Котов, 1999.

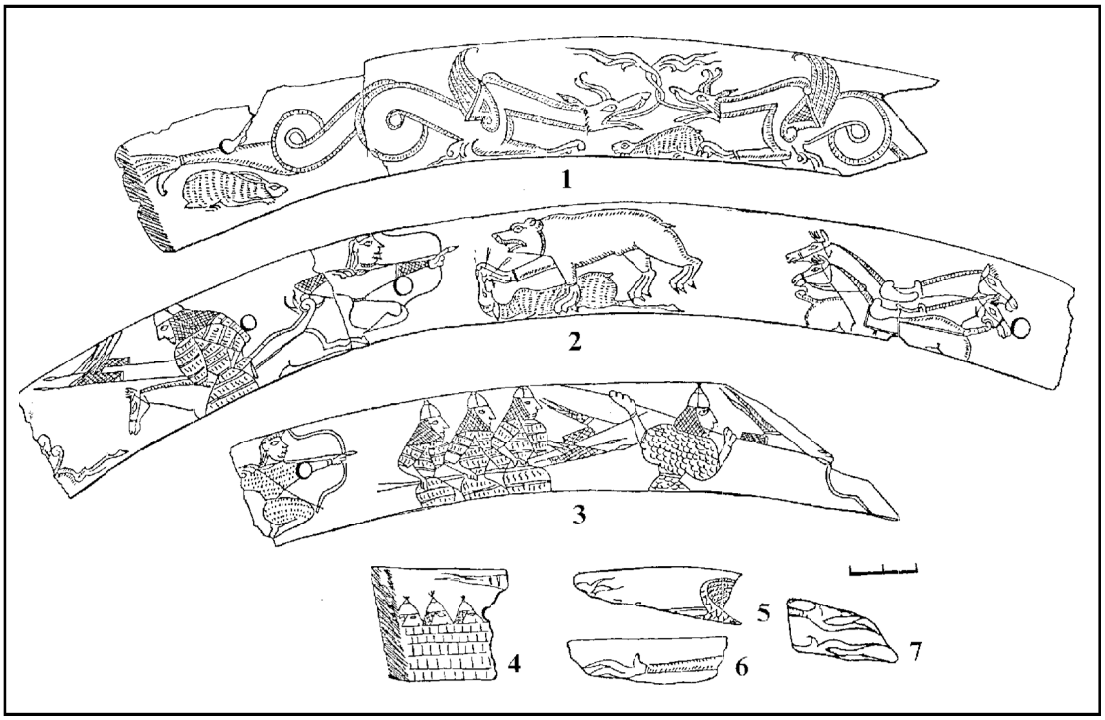

Рис. 1.

работанности и устойчивости данного символа в местной иконографии. Об этом же свидетельствует присутствие такого же крылатого дракона на поясной накладке из Больше-Тиганского могильника (рис. 4, 6) (Халикова 1976: 171, рис.11, 17).

На другом фрагменте пластины мы находим сцену охоты на медведя (рис. 1, 2). Посередине изображен лучник с длинными распущенными волосами без шлема, на котором надет халат, туго затянутый в поясе. Он явно не соответствует иконическому знаку «полноценного мужа-воина» (Трад. миров. тюрков Ю. Сибири: 209). У лучника, в отличие от других людей, тщательно нарисован в профиль глаз «восточного типа», подбородок и губы (рис. 1, 2; 2, 1). Правда, в стремлении изобразить красивые губы и мягкий двойной подбородок мастера подвела рука. Создается впечатление, что художник стремился подчеркнуть именно красоту данного персонажа. Лучник стреляет в ощетинившегося медведя, терзающего лань. У медведя — единственного среди всех животных — нарисованы все четыре лапы, поза животного статична, при этом мастером сознательно преувеличены размеры кистей с когтями. Медведь правой лапой приподнял голову лани (риски на правой кисти зверя, очевидно, появились в результате повреждения) (рис. 1, 2; 2, 1). Эти детали в изображении животных выдают заимствование из среды сасанидского искусства. Об этом же свидетельствует почти полное сходство этого фрагмента со сценой терзания львом лани, запечатленной на серебряном блюде VIII в. из Согда (Маршак 1971: табл. 29). Кроме того, обозначение шкуры лани и зайцев вертикальными рядами коротких насечек является распространенным приемом в иранской традиции (Тревер, Луконин 1987: илл. 63, 111). Обращает на себя внимание то, что у медведя, как ни странно, шерсть обозначена только по контуру (на спине этот прием в данном случае может показывать вздыбившуюся шерсть). Из этого можно сделать только один вывод: художник так хотел обозначить *белый* цвет шерсти (рис. 2, 1). Слева от лучника в противоположную сторону скачут два всадника в полном боевом облачении: в пластинчатых доспехах и с копьями наперевес. Впереди них нарисованы, очевидно, еще два всадника — сохранились только ноги и хвосты лошадей. Справа от медведя изображены сбившиеся в кучу от страха четыре лошади под седлами. У них тоже короткими рисками изображена вздыбившаяся шерсть, что косвенно может свидетельствовать о принадлежности их к этой же сцене. Относятся ли всадники к этой композиции, с полной уверенностью сказать нельзя. Но все же то, что хвосты и копыта лошадей у всадников соприкасаются с лучником, в результате чего у последнего не были даже прорисованы ступни (как это мы видим у такой же фигуры на другой пластинке), а также то, что здесь явно нарушен интервал, обычно выдерживаемый между фигурами, позволяет нам предполагать, что на этом фрагменте одна композиция. Этот случай лишний раз убеждает нас в том, что сцены на пластинках были в соответствии с каким-то замыслом размечены *заранее.* Хвосты у всех изображенных лошадей обрезаны и скручены в узел на тюркский манер (Несте-

ров 1990: рис. XI).

На третьей пластине изображена батальная сцена (рис. 1, 3). На фрагменте накладки четыре воина с копьями и лучник ведут с кем-то бой. Обращает на себя внимание, с какой дотошностью автор изобразил все детали доспехов и другого воинского снаряжения, а также конского убора. Первый воин выделяется своими размерами, и он единственный, кто одет в чешуйчатый доспех. Он колет копьем с двуязычным флажком на древке какого-то противника, от которого сохранился лишь выпуклый фрагмент двойной линии, очевидно, часть лука, фрагмент большого пальца и наконечник стрелы (если это так, то лучник здесь должен быть изображен стреляющим стоя, иначе основание лука упиралось бы в его колено — как это мы видим у первого лучника). За ним три воина в пластинчатых доспехах. И опять художник изобразил двуязычные флажки на копьях, причем один похож на тот, что у первого богатыря, а другой идентичен флажкам на копьях всадников со второй пластины (рис. 2, 4, 5)*. Последнее лишний раз убеждает не только в соприкосновении сюжетов, отображенных на второй и третей пластинках, но и говорит о связи всадников с лучником на композиции второй пластины. Позади этих фигур опять в той же позе изображен стреляющий лучник. Он без шлема и с длинными до плеч волосами. У него прорисован длинный, тонкий нос, удлиненный («восточный») глаз, пухлые губы и двойной подбородок. Очевидно сходство этого персонажа с лучником на второй накладке. Он одет, скорее всего, в кольчужный панцирь ниже колен, который обозначен горизонтальными рядами коротких насечек. В этой сцене еще резче подчеркивается отличие лучника от остальных воинов не только по вооружению, но и по антропологическому типу. Возможно, что старательной прорисовкой черт лица и прически художник стремился передать не только красоту персонажа, но и его *женский* пол. Распущенные волосы в фольклоре башкир являлись символом женской красоты (образы красавиц, расчесывающих свои золотые волосы в эпосе «Акбузат», сказках и легендах (БНТ: 2, №№ 21, 109, 126)), и, кроме того, характерная женская поза — на корточках (Трад. мировоз. тюрков Ю. Сибири: 215) свидетельствует о том, что в данном случае могла быть изображена *женщина***.

На четвертом фрагменте изображены три воина в шлемах с кисточками, сидящих за кир-

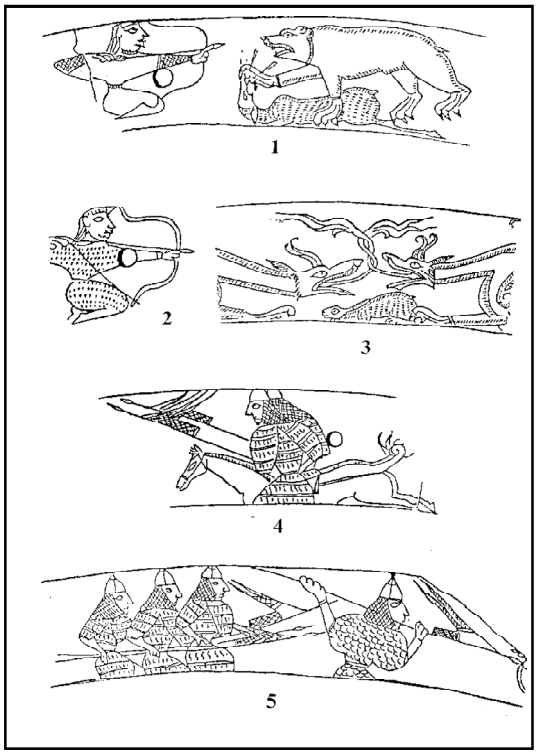

Рис. 2.

пичными (каменными) стенами крепости (рис. 1, 4). Над ними развевается двуязычный флажок с двумя вертикальными полосками. Скорее всего, здесь изображен штурм какой-то крепости.

Пятый, шестой и седьмой фрагменты, очевидно, являются частями туловища, какого-то дракона или другого фантастического существа: сохранились детали крыла (?) и хвоста (рис. 1, 5, 6, 7).

Подытоживая все выше сказанное, следует остановиться на следующем. Изображения на пластинках, несомненно, являются композициями, насыщенными разнообразными деталями и подробностями. И то, что одни и те же персонажи встречаются на разных пластинках, по нашему мнению, доказывает, что данные изображения являются иллюстрацией к какому-то одному тексту. Батальные сцены, сцены сражения фантастических крылатых драконов и борьбы героя с хищным животным свидетельствуют о том, что здесь иллюстрируется какой-то эпический текст.

Судя по характерному вооружению и другим деталям, а также изображению лесных животных (заяц, медведь), речь может идти, скорее всего, об эпосе какого-то кочевого народа, находящегося под влиянием сасанидской культуры и проживавшего во второй половине I тыс. н.э. в лесостепной зоне Урало-Поволжья. Основное содержание этого эпоса должно разворачиваться вокруг подвигов двух героев, которых условно можно назвать «лучник» и «батыр». Главным подвигом для «лучника» стала победа над свирепым медведем белого (?) цвета. Другой под-

* В знамени, по представлению древних тюрок, заключалась связь с тотемом или предком, чем и объясняется внимание мастера к этой детали (Новгородова 1989: 82)

** Ради справедливости следует указать, что длинные волосы могли быть и у мужчин в эпоху средневековья, как это видно на предмете, где были изображены 6 сражающихся между собой воинов с длинными распущенными волосами и большими усами (Худяков, Табалдиев, Солтобаев 1997: 145, рис. 2, 1).

виг совершает «батыр», а «лучник» ему только помогает сражаться. Третьим сюжетом является штурм какого-то города или крепости с каменными стенами. Четвертая линия связана с кознями хтонических персонажей против этих героев. Этот набор сцен, с нашей точки зрения, поразительно точно совпадает с сюжетом башкирского эпоса «Алдар и Зухра».

Эпос «Алдар и Зухра»

Среди эпических произведений башкирского фольклора эпос «Алдар и Зухра» занимает особое место по причине оригинальности и богатства сюжета. Известен только один вариант этого произведения, который был обнаружен М.Г.Рахимкуловым в 1961 году в архиве Р.Г.Игнатьева, хранящегося в рукописном отделе Санкт-Петербургской публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. Р.Г.Игнатьев в 1870-е годы собирал на Южном Урале рукописные книги. О том, что этот эпос был известен башкирам, свидетельствует упоминание о нем в старинном предании «Алдар-Шымай и Зухра». В нем рассказывается о батыре и метком стрелке по имени Шымай, которого за удаль прозвали Алдаром. Была у него любимая по имени Зухра, «грациозная, как лань, и тонкая, как камышинка. Только пожениться они так и не смогли. В этих местах появилось чужеземное вражеское племя. Алдар-Шимай выступил против него». В сражении с врагами Алдар гибнет. «После смерти Алдара недолго прожила и Зухра». Могилы влюбленных находятся недалеко от аула Биккулово Миякинского района, где и бытует это предание. Сходство с сюжетом эпоса очень приблизительное — в именах героев и в ключевых событиях их жизни. Но зато содержание предания увязано с эпосом: «В прежние времена существовало дивное сказание про Алдара и Зухру» (БНТ: 2, 191).

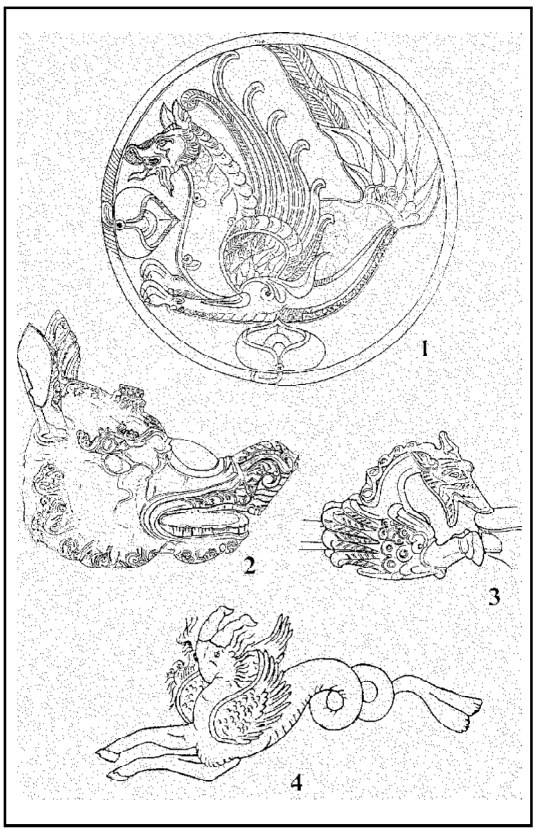

Рис. 3.

Текст эпоса «Алдар и Зухра» сохранился не полностью: у рукописи нет первых страниц и отсутствует завершение. Повествование написано на русском языке и ведется от имени рассказчика, причем оно произвольно, вне связи с содержанием, разбито на небольшие, примерно одинаковые куски — вечера. Это свидетельствует, о том, что это эпическое произведение было записано на слух. В посвящении переводчика можно понять, что сам он происходит из образованных людей, очевидно, дворянин (себя он называет барином), знакомый Н.Н.Бахметьева, который в 1798—1803 гг. был Оренбургским генерал-губернатором. Ему и предназначалась эта рукопись «Мои вечера. Сказки башкирские» *. Так как переводчиком приводится ссылка на Географический словарь, изданный в 1801 г., то рукопись была окончена между 1802-1803 годами. Здесь же в несколько уничижительном тоне поминается некто Конка, как соавтор «Вечеров». Скорее всего, Конка и был тем рассказчиком, от которого и было записано это произведение. Повесть написана образным литературным языком и характерным для этого времени витиеватым стилем, что можно отнести на счет переводчика. Знание же деталей быта башкир, их обычаев и фольклора предполагает, что автор или сам башкир, или хорошо знал их обычаи, язык и культуру. О том, что данное произведение существовало в рамках устной традиции, говорит и тот факт, что структура его построена по образцу восточной сказки — сюжет в сюжете.

В повествовании рассказывается о сватовстве башкирского баша Алабирде к прекрасной Зухре, разворачивающееся по всем законам сказочного жанра, обогащенного религиозной восточной мистикой: встреча с чудесным белым всадником, возвестившем Алабирде божественную волю; затем дальнее путешествие со многими опасностями, которые он со своим спутником преодолевает, воспользовавшись чудесными дарами святого старца (усиливающая вода, заговоренное оружие, неуязвимая одежда) и помощью огромной белой птицы. Одолев хищ-

* При публикации этому произведению дали настоящее название «Алдар и Зухра»: БНТ: 2, 151-292).

ных зверей, насылаемых чарами двух пяриев, которые сватаются к Зухре, после победы над одним из них, Алабирде добирается до своей невесты. Жениху и его спутнику Зухра начинает подробную повесть о своей жизни, на фоне которой подвиги Алабирде меркнут, да и само это путешествие за невестой выступает лишь как обрамление основного содержания эпоса, посвященного подвигам Алдара и Зухры.

Героическая повесть об Алдаре и Зухре распадается на три сюжетные линии. Первое содержит описание детства и отрочества Зухры, а также ее подвигов в охоте на зверей. Центральное место здесь занимает победа над ***огромным белым медведем,*** которая прославила ее среди башкирских родов.

Вторым подвигом Зухры стала опасное и далекое путешествие к колдуну-прорицателю для того, чтобы узнать свою судьбу. Яркий образ чародея, развернутая им перед Зухрой историческая панорама события Урало-Поволжья делает этот эпизод наиболее значительным во всем произведении. Главным содержанием этого исторического экскурса явился рассказ чародея об основании и разрушении великого города на Волге. Третья сюжетная линия повествования Зухры посвящена свадьбе и совместному подвигу Зухры и ее жениха Алдара: сражению со злобным великаном Дью-Пярием.

На счастливом возвращении в кочевье Алдара рукопись обрывается, но из отдельных фраз мы знаем, что этот славный подвиг стал причиной новых испытаний для Зухры и Алдара: братья убитого Пярия похитили их первенца. Это стало причиной безвременной смерти батыра Алдара, сама же Зухра оказалась изолированной на долгие годы.

Красавица-батырша Зухра является центральным персонажем эпоса. По тексту, ее отличает даже среди мужчин-сородичей необыкновенная сила и ловкость, доставившие ей первенство среди лесных башкир в борьбе, в верховой езде и стрельбе из лука *. Для нас важно, что лук и стрелы являются неотъемлемой чертой этого образа: стрельба из лука должна была входить в предсвадебное состязание женихов; необыкновенно тугой лук, подаренный ей отцом, сопутствует ей во всех ее подвигах, этот же лук был на ней в день свадьбы, как знак принадлежности к батырам. Его мог натягивать только батыр Алдар, и он же был использован для испытания силы жениха Алабирде. В дополнении к облику Зухры следует добавить, что отважная девушка носила мужскую одежду, а свои длинные волосы прятала под головным убором (БНТ: 1, 357). Сражение с медведями и победа над их предводителем — огромным ***белым*** *медведем* принесло Зухре заслуженную славу и почетное звание батыр-кыз (девушки-батырши). По нашему мнению, этот эпизод соответствует той сцене на второй пластинке из Шиловского кургана, где лучник стреляет в разъяренного медведя. Сбившиеся в кучу оседланные лошади со вздыбившейся шерстью на крупах, возможно, изображают испуганный табун лошадей, а скачущие слева всадники — это, очевидно, испугавшиеся чудовищного зверя сородичи Зухры (рис. 1, 2). Как бы то ни было, сцена охоты лучника на медведя является уникальной для иконографии раннего средневековья **.

В другом башкирском эпосе «Куз-Курпяч» (версия Т.Беляева) также есть сцена сражения главного героя с огромным ***белым медведем,*** повелевающим другими зверями — воплощениями злобных Дью-Пяриев (БНТ: 1, 313). С другой стороны, сражение героя с медведем как одно из главных событий в его жизни характерно для эпического наследия финно-угорских народов Прикамья (Микушев 1978). Мотив предсвадебного состязания девушки-батырки с медвежьим батыром присутствует и в башкирском предании о происхождении медвежьего рода у бурзянцев и усергенцев: «Когда пришла пора его (медвежьего батыра — В.К.) женить, ему не могли найти ровню: всех страшила его мощь. А на берегу Тока жила девушка-батырка. Она два мельничных жернова под мышкой таскала. Схватилась она как-то с медвежьим батыром, и оказалось, что силы у них равные. Они поженились» (БНТ: 2, 111).

Трудное и опасное путешествие Зухры к колдуну-прорицателю имеет черты обряда инициации-посвящения. Сходный сюжет — посещение героем колдуньи-прорицательницы — опять же присутствует в эпосе «Зая-Туляк» (версия Т.Беляева) (БНТ: 1, 303-311). В обоих случаях прорицателем выступает служитель языческого культа: индийский маг или шаманка Мяскай, что позволяет предполагать сосуществование какое-то время языческой и мусульманской обрядности у башкир. На фоне всего произведения, насыщенного языческими мотивами и образами, эта часть эпоса «Алдар и Зухра» выделяется особо.

Прежде всего, обращает на себя внимание облик прорицателя. Он описывается как индийский маг, своими знаниями соперничающий с богом: он один из великих мудрецов, которые «некогда знанием своим наполняли всю вселенную», повелевая всем сущим в ней (БНТ: 1, 367). Облик его — старик в высокой шапке, обвитой двумя шипящими змеями — напоминает жреца или божество из зороастрийской ре-

* Образ девушки-батырши занимает видное место в башкирском фольклоре, начиная с эпоса «Акбузат» и заканчивая преданиями и сказками (БНТ: 1, 135-176; 2, №№31, 77, 85, 196, 370; 3, №№2, 3, 12, 52, 53.)

** Среди сасанидской торевтики известны два блюда со сценами царской охоты на медведей, которые по композиции существенно отличаются от описываемой здесь сцены (Тревер , Луконин 1987: рис. 5, 62).

лигии. Не случайно его сходство с легендарным шахом Заххакой из «Шахнаме». Он насылает на своих врагов различных, хищных зверей и чудовищ, а также возмущает небесные стихии. Вместе с тем этот образ нельзя назвать чисто языческим, так как этот колдун нашел эликсир долголетия и за свою двухтысячелетнюю жизнь не раз возвышал те или иные народы, создавал государства и был свидетелем их упадка. Вся его жизнь, оказывается, была посвящена соперничеству с богом. Очевидно, это и есть та сила, которая «превозмогает» все его усилия. На берегах Иделя (Волги) он предпринимает новую попытку и создает большой город с каменными стенами, который в честь себя называет «Брахим». Из дальних стран он приводит в эти пустынные места народы, делает одних воинами, а других обучает купечествовать. Воины охраняют город и собирают дань с подвластных племен. Через какое-то время город, согласно неумолимому року, гибнет в пламени от рук «белого воинства». Для нас важно, что это событие подано как религиозное противостояние. Колдун вынужден скрыться в глуши, где его и находит Зухра. Отважной девушке на пути к нему пришлось встретиться со многими страшными зверями, преодолеть множество препятствий, которые с помощью своих чар создавал маг. Главной причиной этому было то, что батыр-кыз была ***мусульманкой*** и пользовалась покровительством мусульманского отшельника, который дал ей волшебную плеть для «прогнания злых очарований», насылаемых колдуном. Сам же чародей называет мусульманского дервиша своим гонителем.

Таким образом, вся совокупность характеристик основателя-повелителя Великого города и государства однозначно свидетельствует о нем как о зороастрийском жреце-царе, а противостояние с мусульманством указывает время и место создания этого самобытного сказания о гибели великого города: это, скорее всего могла быть или Средняя Азия, или находящийся в сфере ее этнокультурного влияния регион VII-VIII веков нашей эры (Толстов 1948: 270).

О том, что описанные здесь события не имели отношения к Волжской Булгарии, свидетельствует тот факт, что об основателе Великого города на Волге услышал посланник булгарского царя только от местных жителей, проезжая мимо. После разрушения города мудрец начинает новое собирание народов на берегах Идели. Он предсказывает возникновение «обширного и крепкого града» на левом берегу Идели. Хотя место и не указано точно, но по тому, что пришедшие народы покорят соседние народы уар, мокшу и черемис, можно предполагать, что речь идет о Великом городе Булгарского царства. Тем более здесь упоминается, что под их власть попадут и лесные башкиры, «быв единого с ним толку магометова» (БНТ: 1, 372). Таким образом, на втором этапе государственное объединение является уже мусульманским, и оно, по замыслу его создателя, было направлено против «белых князей и его народов», которым они, усилясь, нанесут великий вред и несколько лет дани получать с них будут. Затем описывается объединение белого народа под властью одного князя, за которым последует окончательное разрушение Великого города и государства на Волге. Таким образом, здесь в чрезвычайно сжатой форме описываются как будущие события монголо-татарское нашествие, Золотая Орда и падение Казанского ханства. Возможно, что описанное здесь противостояние мусульманской Золотой Орды и Казанского ханства с христианской Россией было ассоциировано с предшествующими коллизиями (например, с ожесточенной борьбой башкир и Волжской Булгарии с монголо-татарским нашествием или даже с противостоянием с хазарами). Очевидно, этот отрывок был создан башкирскими сэсэнами в последующее время, о чем красноречиво свидетельствует описание «умаления» башкир, постепенно утративших навыки кочевников-воинов под влиянием переселившихся соседних земледельческих народов. Слабо завуалированное негативное отношение к этнополитическому давлению русского самодержавия говорит о том, что данный исторический экскурс был изменен переводчиком в незначительной степени.

Обращает на себя внимание и то, что переводчик был знаком с предположением Татищева о городе Брахимове. Известный российский историк, основываясь на летописных данных о походе Андрея I на булгар в 1164 г., совмещает Брахимов с Великим городом и, опираясь на предание черемис, помещает его в устье реки Суры на ***правом*** берегу р. Волги — будто бы здесь жил их «святой волхв». И далее Татищев пытается объяснить происхождение этого названия: «... а понеже у них вера принесена была из Индии: то, может быть, от некоего знатного Брахмина и имя сие получил» (БНТ: 1, 517). Возникает вопрос: насколько переводчик использовал эти сведения при дополнении этого исторического экскурса, если таковые были. Сразу бросается в глаза то, что в эпосе волхв назван индийским магом. И вполне возможно, что переводчик мог литературно развить эту тему, но в ограниченной мере, поскольку на рубеже XVIII — XIX веков востоковедение делало свои первые шаги, а первое изображение крылатого змея-дракона будет обнаружено только через 170 лет! Кроме того, местоположение первого города вообще не указывается, а второй вновь создается на высокой горе в некотором отдалении от Идиля, на ***левом*** берегу (БНТ: 1, 372). Очевидно, рассказ волхва — это самостоятельная эпическая версия того же предания, что и у черемис.

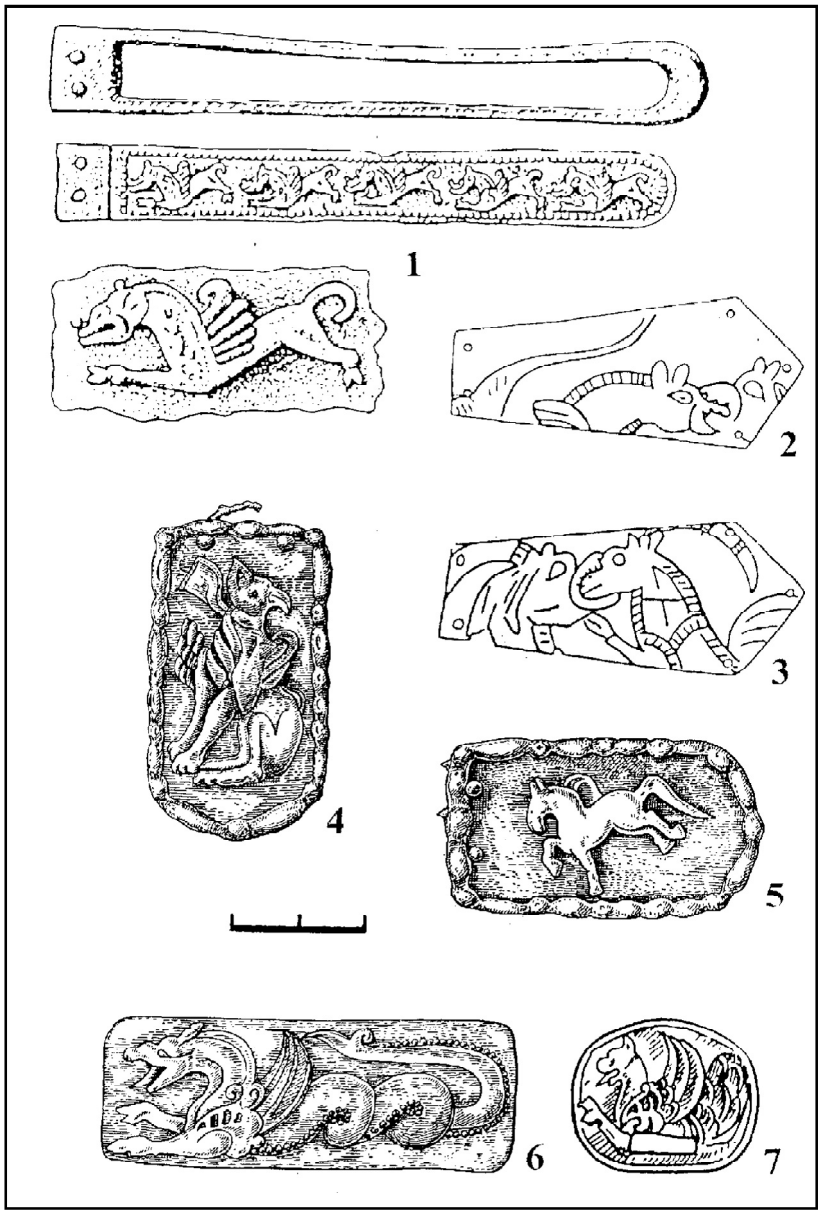
Упоминание же в качестве основателя города некоего царя-жреца и мудреца Брахима,

давшего городу свое имя, перекликается как с научной, так и с легендарными точками зрения на этот предмет. Согласно историческим данным, город Ибрагимов (Ибрахимов, Брахимов, Брячев) соответствует городу Болгар, основанному при слиянии реки Камы и Волги (Фахрутдинов 1987: 17-19). Свое имя он, вероятно, получил в честь одного из царей XI века — Ибрахима, при котором болгарское царство возвысилось настолько, что стало принимать участие в религиозной жизни других мусульманских стран (Фахрутдинов 1987: 19-20). Возможно, что образ этого правителя, давшего городу свое имя, совместился с легендарным образом основателя города, который по различным преданиям ассоциировался с каким-то иноземным мудрецом-лекарем. Арабский путешественник-миссионер Ахмед Ибн-Фадлан приводит рассказ-предание о посещении болгар неким мудрецом из Синда, который был принесен в качестве жертвы их языческому богу (Ковалевский 1956: 137). Другой арабский путешественник XII в. Абу-Хамид ал-Гарнати приводит легенду, взятую им, очевидно, из книги «История Булгара» булгарского историка Якуба ибн-Нугмана, с которым он встречался во время своего пребывания в Булгаре (Хусаинов 1996: 12). Согласно этой легенде, булгары приняли мусульманство после того, как один ученый-мусульманин вылечил болгарского царя. И отсюда возник этноним «болгар», являющийся арабизированным производным от слова «балар», что значит «ученый человек» (Хузин 1997: 159-160). По нашему мнению, основой для возникновения таких легенд могло быть восприятие со стороны коренного населения тех культурных инноваций, которые были привнесены в этот регион пришлыми народами во второй половине I тысячелетия н.э. (Смирнов 1974: 6; Хлебникова 1987: 52).

Опираясь на все вышесказанное, можно предположить, что весь эпос окончательно сложился в булгарское время (Хусаинов 1997: 15). Об этом свидетельствует и присутствие в эпосе такого персонажа, как посланник булгарского царя, пренебрежительное соперничество башкирских батыров, которых выдает их двойственное отношение к Волжской Булгарии. Болгарский ильчи действует и в третьей части повествования Зухры. Этого трусливого царедворца они освобождают из плена Пярия, и он сопровождает их до кочевья Алдара. Этот герой, наряду с Зухрой, объединяет в единую линию все три сюжета повествования батыр-кыз. По нашему мнению, он необходим для того, чтобы резче выделить богатырские подвиги основных персонажей и героический дух живущих в простоте кочевников-башкир.

Еще один образ присутствует во всех трех частях повести о Зухре и Алдаре и ни разу не встречен в части, посвященной Алабирде. Это фантастическое существо — *крылатый змей,* который имеет различный облик и всегда является воплощением потусторонних существ: колдуна или Дью-Пярия. Первый раз с крылатым чудовищем Зухра встретилась на пути к магу. Очень важно, что он описывается достаточно подробно: «... из стремнины выскочило ко мне крылатое чудовище. Голова у него была звериная. Имело оно две передние лапы, а другая половина тела была змеиная, и покрыта чешуею. Он поднялся на воздух и с яростью хотел ринуться на меня, но при появлении чудесной моей плети, лопнул он над головою моею и исчез, и сие было последнее страшилище, которым чародей хотел меня в пути устрашить и, к великой радости моей, стремнины не стало, а вместо него явился луг...» (БНТ: 1, 366). Во всем облике этого существа подчеркивается его связь с тремя стихиями: воды, земли и воздуха. Триединая природа данного образа перекликается с проявлением чародея, который мог «повелевать небом и землей и всем сущим в них» (БНТ: 1, 367-368). Возможно, что крылатый змей является одним из воплощений колдуна — об этом говорит его облик: «...у него на голове высокая шапка, вместо повивала, обвита была шипящими змеями» (БНТ: 1, 367). Крылатый змей был изображен на зачарованном шлеме предводителя великого города — витязя Оркана, который вместе с другими доспехами изготовил для него сам чародей и в котором была заключена вся их магическая оберегающая сила (БНТ: 1, 371). Такой же заколдованный шлем, «...изображающий крылатого змея, из челюстей коего исходила пламя...», был на голове Пярия во время поединка с Алдаром (БНТ: 1, 425-426). С Дью-Пярием связан образ другого крылатого змея. Он описывается как «...крылатый зверь ростом с большого быка, голову имел наподобие птицы, с кривым носом и шею длинную. Передние лапы вооружены были долгими ногтями, задние тоже. Хвост длинный, а крылья как бы у летучей мыши. По извержении на свет сего чуда земля затворилась, и стук земной перестал» (БНТ: 1, 425). В поединке Зухра побеждает его, и крылатое чудовище исчезает. Оно присутствует в повествованиях о своих злоключениях батыра Аккубяка и красавицы Гульбики. Храбрый Аккубяк на подступах к тому месту, где обитал Пярий, сразился с крылатым змеем, который выглядел сходным образом: «Сей последний имел кожу огненного цвета, а крылья черные, подобные нетопырю. Ноги звериные и острыми ногтями вооруженные, голову длинную, и нос кривой, как у беркута, только несравненно толще, хвост же имел длинный с острыми чешуями» (БНТ: 1, 449). В крылатое чудовище огненного цвета превращался Пярий и в сражении с батыром, о котором рассказал ильчи болгарского царя (БНТ: 1, 424). О том, что Пярий будет превращаться в «разные виды чудовищ», предупреждал Алдара и Зухру святой старец (БНТ: 1, 422).

Рис. 4.

Таким образом, крылатые змеи являются одним из основных воплощением потусторонних существ в данном эпосе. Они различаются по внешнему виду: у одного две лапы и звериная морда, а у другого четыре лапы и голова хищной птицы.

Для первого змея более характерна водная стихия — вместе с ним исчезает и водный поток, поэтому этот образ напоминает «речную змею» — воплощение Ангро-Манью зороастрийской религии, ассоциирующуюся с Ажи-Дахакой — чудовищным змеем Авесты (Толстов 1948: 293). Этот тип змея совпадает со змеями, изображенными на костяной пластинке из Шиловского кургана и на поясной накладке из Большe-Тиганского могильника (рис. 1, 1; 4, 6).

Другой крылатый змей появляется из расщелины скалы или из расступившейся земли, причем появление его сопровождается подземным стуком, дымом и пламенем (БНТ: 1, 425). У этого чудовища подчеркивается как воздушная ипостась — птичья голова и крылья, — так и земная, точнее, подземная — крылья летучей мыши, туловище хищника и длинный змеиный хвост с острыми чешуями (БНТ: 1, 425, 449). Данное существо больше похоже на грифона античной традиции, если бы небольшой змеиный хвост. Так же как и первый крылатый змей, оно охраняет подступы к жилищу потустороннего существа. С другой стороны, оно используется Пярием в качестве птицы – перевозчика *. Все эти характеристики соответствуют Симург – Сенмурв – Саэна — птице иранской традиции. Например, в одной среднеперсидс-

* По рассказу туркменской красавицы, злой чародей Пярий похитил ее на черном крылатом коне (БНТ: 1, 437-438).

кой книге «Бундахишне» к птицам отнесены летучая мышь и Саэна-птица, которые объединены в одну группу: «Как говорят: «летучих мышей причисляют к трем родам — собак, птиц и мускусных *крыс;* ибо они летают, как птицы, имеют зубы, как собаки, и живут в норах, как мускусные крысы» (цит. по Бертельс 1997: 168-169). Считается, что это существо по своей тройственной природе уже создано для потустороннего мира (Тревер 1933: 299-300). В другом среднеперсидском источнике «Дадистани Мину-йи хирад» Симург восседает на «древе Орла» вместе с судьей Рашном: «Симург дает душе бессмертие и относит ее в потусторонний мир, а Рашн судит ее по справедливости» (Бертельс 1997: 166).

В итоге птица Сэн – Сенмурв предстает как сложный образ потустороннего существа, который имеет черты орла, собаки, летучей мыши и крысы.

Существо, обладающее всеми этими признаками, присутствует на поясной накладке из Болыше-Тиганского могильника (Халикова 1976: 171, рис. 12, 1). На этой накладке оно изображено сидящим на задних лапах, с туловищем, повернутым влево. У него небольшая голова, повернутая в другую сторону, со стоящими острыми ушами, наподобие собачьей, маленький глаз и изогнутый клюв. В районе плеча передних лап изображены небольшие крылья, причем одно из них напоминает перепончатое крыло. На шее видны какие-то полосы, которые, возможно, изображают гриву.

За головой развевается шарф, он же обмотан вокруг шеи. За туловищем на крупе виден небольшой загнутый хвост (рис. 4, 4). Аналогичное фантастическое существо с телом хищного крылатого животного, с головой птицы и длинным хвостом, —изображено на Сасанидской чаше VI-пер. половины VII века (Тревер, Луконин 1987: 117, рис. 101). Складывается впечатление, что основой для этого изображения на поясной накладке послужило какое-то сасанидское изображение*. Кроме этого крылатого дракона, на оборотной стороне накладки изображен крылатый конь (рис. 4, 5). По эпосу он является еще одним воплощением Дью-Пярия, с помощью которого чародей перемещался в пространстве (БНТ: 1, 437-438). Этот персонаж занимает видное место в башкирском фольклоре (Котов 1997).

Среди украшений поясного набора того же погребения есть накладка овальной формы с каноническим изображением Сенмурва — протома крылатой собаки с павлиньим хвостом (рис. 4, 7) (Халикова 1972: рис. 11, 15). Несомненно, что обе накладки сделаны одним мастером, об этом свидетельствует полное сходство деталей крыла (Халикова 1972: рис. 11, 15, 17). Отсюда можно сделать вывод, что существовало два образа крылатых существ: Сенмурва и дракона. Если образ Сенмурва был заимствован из иранской иконографии, то крылатый змей-дракон с двумя лапами и звериной мордой не встречен за пределами этого региона. Между тем, сходство передней половины этого существа с Сенмурвом дает повод говорить о переработке образа последнего под влиянием местной традиции: к протоме Сенмурва был добавлен длинный змеиный хвост, при этом, чтобы уравновесить «композицию», пришлось значительно удлинить его шею. Само сочетание в одном существе характерных деталей различных животных уже предрасполагает к такому конструированию. Тем более что речь идет о местных мастерах, не связанных канонами и, очевидно, традициями в рамках какой-либо школы или мастерской.

Все же трудно объяснить присутствие такого количества зороастрийских религиозных символов у приуральских кочевников простым иконографическим заимствованием. Подробное описание второго крылатого дракона в эпосе «Алдар и Зухра», его цвета и, главное, крыльев как у летучей мыши, которые на всех известных иконографических образцах изображались по единому канону — как у птицы, убеждает нас в том, что кочевое население этого региона в эпоху раннего средневековья было знакомо с какими-то зороастрийскими религиозными текстами. В эпосе «Зая-Туляк» есть описание фантастической собаки, из шерсти которой чудесным образом сыплется пшеница (БНТ: 1, 302). Это явно полузабытый образ собаки-птицы Сенмурва, рассыпающей семена для обеспечения плодородия Земли, также почерпнутый из зороастрийской мифологии (Тревер 1933: 298). Тесные связи населения Южного Урала со Средней Азией в раннебулгарское время говорят о возможности таких заимствований (Вошинина 1953; Кузеев 1968: 231-240).

Вполне возможно, что появление образа крылатой собаки-змеи было связано со среднеазиатской культурной традицией, поскольку в согдийской торевтике известен образ крылатого фантастического существа с рыбьим хвостом (Маршак 1971: табл. 17). К.В.Тревер считает, что это уникальное изображение следует относить к особой группе Сенмурвов (Тревер 1933: 314). От канонических изображений крылатых собак его отличает следующее: его тело покрыто крупной чешуей, а короткое «рыбье» туловище завершается хвостом, «вовсе необычное для птицы и чем-то напоминающее перистые, пышные хвостовые плавники некоторых морских рыб» (Тревер 1933: 315). Кроме того, у этого фантастического существа изображена лошадиная грива и козлиная борода. Как считает К.В.Тревер, «в трактовке хвоста Сенмурва... и

* Похожее крылатое четвероногое существо изображено на поясном наконечнике, обнаруженном в погребении VI-VII вв. близ Самарканда (Добжанский 1990: табл. XXV, 4, С).

чешуи (если это чешуя) можно было бы видеть выражение водного естества Сенмурва» (Тревер 1933: 315). Его облик в основных чертах сходен с обликом крылатого существа на пластинке из Семибратнего кургана (V в. до н.э.), у которого вместо рыбьего хвоста была изображена голова и шея лебедя (Тревер 1933: 313). Последнее как раз могло также символизировать его водную ипостась. В торевтике Согда есть голова «Сенмурва» близкая к изображению на серебряном блюде (Маршак 1971: табл. 19). У него такой же вздернутый нос, с ноздрей, оформленной растительным орнаментом, и шишкообразная выпуклость ниже лба (рис. 3, 1). Интересно, что орнамент из волют, образующий нос «Сенмурва», аналогичен орнаменту на кубках из Перещепинского погребения кочевого предводителя VII века (Маршак 1971: 52-53).

Типологически сходно с ними завершение ручки кувшина в виде протомы крылатого существа с открытой, удлиненной пастью, со вздернутым носом и шишковидным выступом на лбу и торчащими ушами. Шея изогнута, как у коня, и имеет гриву. Передние конечности, имеющие укороченные пропорции, заканчиваются копытами (рис. 3, 3) (Маршак 1971: табл. 8). Завершения ручек сосудов в виде голов «драконов» являются характерной деталью в оформлении согдийских кувшинов (Маршак 1971: 7, 13). Соответственно, саму ручку можно рассматривать как змеевидное тело дракона.

Подобный фантастический зверь известен среди росписей городища Афрасиаб. Интересующее нас изображение обнаружено на северной стене дворца согдийского правителя Вархумана (90-е годы VII века н.э.), тюрка по происхождению. Здесь была нарисована лодка с сидящими в ней женщинами, одетыми в китайские платья. Очевидно, это свадебное посольство, сопровождающее китайскую принцессу — невесту Вархумана. Параллельно им плывет «фантастическое животное, выполненное контурными красными линиями, морда у него похожа на клюв птицы (?), рога козла, крупные глаза выступают из-под опущенных бровей, передние ноги с копытами, видимо, козлиные, по бокам большие крылья, спиралеобразно закрученное тело змеи заканчивается хвостом рыбы» (рис. 3, 4) (Альбаум 1975: 68-69, рис. 21). Морда этого существа сохранилась плохо, поэтому исследователь не утверждает, что у него был нарисован именно клюв. На прорисовке видно, что от морды вверх и вниз расходятся волнистые и закручивающиеся линии, похожие на его гриву (Альбаум 1975: 21, 6). Эта деталь в его облике напоминает морды вышеописанных согдийских «Сенмурвов». По мнению Л.И.Альбаума, это существо, сопутствующее гостям, является своеобразным покровителем самаркандского царя (Альбаум 1975: 71). Образы подобных фантастических покровителей — сенмурвов, крылатых коней и львов встречаются в орнаментации костюмов на других рисунках этого же дворца (Альбаум 1975: табл. XVIII, XXI, LIII, LVI). Проанализировав изображение Афрасиаба, Л.И.Альбаум пришел к выводу, что их содержание демонстрирует смешение культур ираноязычных и тюркоязычных народов Средней Азии и что художником, скорее всего, был согдиец, рисовавший по заказу правителя-тюрка (Альбаум 1975: 106-107).

Отсюда можно сделать вывод, что сложный образ фантастического крылатого животного, являющегося покровителем-фарном, со всей очевидностью должен был обладать большой значимостью в мировоззрении населения Средней Азии и соседних тюркоязычных народов.

Не случайно у последних крылатый дракон, сенмурв и другие крылатые существа украшают поясные наборы, наиболее престижную деталь костюма кочевника-воина, являющуюся знаком его доблести и социального статуса (Традиционное мировоззрение: 175).

Мы установили, что в образе крылатого фарна в среднеазиатском регионе соединялись черты птицы, зверя, копытного животного и змеи / рыбы. Присутствие последних в иконографии «сенмурвов» является особенностью согдийского центра в сасанидской торевтике, что должно быть связано с глубинными мировоззренческими пластами населения Средней Азии. Известно, что конь и змея являются парными образами, и их генезис уходит своими корнями в тотемическую мифологию, причем почитание змея является изначальным по отношению к коню (Толстов 1948: 303-307). С.П.Толстов даже говорит о тождестве фратрии змеи и коня, чем объясняется широкое распространение в Средней Азии со времен раннего железного века образа крылатого коня-змея (гиппокампа) (Толстов 1948: 304). Во всяком случае, в мифологии Средней Азии почитание коня, как и змеи, стойко ассоциируется с культом воды (Толстов 1948: 304).

Южно-Уральский регион также является центром концентрации фольклорных сюжетов, связанных с почитанием змея-дракона и коня. В древнейших мифологических эпосах «Уралбатыр» и «Акбузат» крылатый конь и змей дракона выступают как парные образы-антагонисты. В эпосе «Акбузат» крылатый конь является наряду со змеями-драконами, обитателями подводного мира. Широко распространено среди башкир поверье о крылатых конях, вышедших из озера Шульган или из других озер, рек, колодцев (Сулейманова 1994: 49-50; Котов 1997: 34-41.) *. Считается, что от них произошли лучшие башкирские кони и что в них заключен *«мал к о т о»* — плодовитость всего скота (Сулейма-

* Отголоски почитания крылатых коней, обитающих в горах или пещере, зафиксированы в Среднем Азии и Тохаристане (Толстов 1948: 303). В Среднем Поволжье известна легенда о крылатых конях, сходная с поверьями башкир (Худяков 1933: 266).

нова 1997: 153). В некоторых легендах и сказках конь и змея являются тотемными предками (Сагитов 1984: 74-75; Хусаинов 1996: 145; Котов 1997). Доминирующая роль коня среди других животных образов выявлена в композициях палеолитического святилища Шульган-Таш (Каповая) (Котов 1997 а: 9). В другом палеолитическом святилище на Южном Урале, в пещере Игнатиевской, есть три змеиных изображения, причем в одном случае в композиционном единстве с рисунком лошади (Петрин 1990: рис. 38).

О глубокой древности почитания змей свидетельствует связь этого мифологического образа с древнейшими обрядами инициации (Котов 1997: 21-24). Многоголовые змеи или змееобразные чудовища (дивы) в эпосах «Урал-батыр» и «Акбузат», сказках, преданиях и хикаятах выступают как хозяева подземного/подводного мира или какого-либо водного источника, с которыми сражаются батыры (БНТ: 1-4; Хусаинов 1996: 146-148; Котов 1997: 26). Властитель нижнего мира, им обычно выступает в мифологии один из братьев-участников космогонического акта, является первопредком — родоначальником одной из двух фратрий. Последнее, например, очень ярко проявляется в башкирском фольклоре: змей-дракон или сам является женихом, похищающим девушку-красавицу, или девушки являются его дочерьми, которых должны добыть батыры (Котов 1997). Во многих фольклорных произведениях со змееборческим сюжетом ощущается двойственное отношение к хтоническому герою, а в ряде произведений змеиный персонаж оказывается помощником, покровителем или супругом главного героя (Хусаинов 1996: 146-148; Котов 1997). Почитание змеи у древних булгар было отмечено еще Ибн-Фадланом (Ковалевский 1956: 131-136)*. У отдельных башкирских родов культ змеи сохранялся еще очень долго, причем он, по мнению Г.Б.Хусаинова, «отражался не только в преданиях, но и в форме отдельных циклов, групп, переходит также в сказки, легенды-сказания и образует целые сюжеты, версии мотивов» (Хусаинов 1996: 7-8). По представлениям башкир, обыкновенная змея (йылан), прожившая сто лет, превращается в *Аждаху* — огромную змею (дракон), которая обитала в озерах или глубоких колодцах и пожирала мелкий скот, приходящий на водопой. Дожив до пятисот или тысячи лет, аждаха превращается в *Юха*. Юха пожирала людей, особенно девушек и могла принимать облик человека, часто прекрасной девушки или егета. На этом превращение змеи не заканчивалось: Юха «... по истечении некоторого времени забирался на небо» (Руденко 1973: 7, 18, 25-26). Эволюция змея здесь явно обусловлена его возрастом. Но по эпосу «Урал-батыр» изменения статуса дракона и его облика связаны с «природой» заглатываемых жертв, что, очевидно, отражает представления о круговороте души в потустороннем мире и/или в ходе посвятительной обрядности (Котов 1997: 22-23).

Облик аждахи, судя по эпосам и многочисленным сказкам, описывается как многоглавый змей-дракон, изрыгающий дым и пламя, нападающий на людей и обитающий в каком-то водоеме — обычно в озере, море, реже в ущелье, в пещере, на горе. Нередко он являлся хозяином воды и подводного мира, и победа над ним знаменовала отверзание водного источника или снятие запрета на пользование им для окрестного населения, после чего наступали возрождение природы и счастливая жизнь (БНТ: 1, 3, 4). Этот сюжет, известный в евразийском фольклоре, уходит своими корнями в глубины индоевропейской мифологии; по крайней мере, он ясно просматривается в сюжете борьбы Индры со змеем Вритрой веддийской традиции (РГВ: 40-41, 65, 72, 74, 249, 253-254, 382). Скорее всего, само имя чудовищного змея Аждахи происходит от мифического змея Ажи-Даххаки в Авесте (Топоров 1995: 161). От этого древнего образа в преданиях башкир сохранилось представление о связи его с подземным миром и размеры: огромная змея-дракон, а о многоголовости уже не упоминалось.

Важнейшей особенностью змеиного существа Юхи является оборотничество и *небесная* ипостась. В башкирском фольклоре Юха — это еще и ведьма, которая может принимать образы прекрасной девушки или юноши, а также огромной змеи (БНТ: 4, № 29, с. 68). Соответственно в представлении башкир о Юхе совместились образы водяного змея (Аждахи), воздушного змея-дракона и ведьмы-оборотня (албасты, мяскай, шурале, русалки, старухи убыр) (БНТ: 2, №№ 126, 132; 3, № 29; 4, № 68). Это соединение существа «о трех естествах» (водяной-крылатый змей) с повелительницей трех стихий (ведьма, колдунья, шаманка) вполне закономерно. Самой близкой аналогией Юхе является змей *Шаркань* венгерской мифологии. Представление о нем разграничивается на два слоя, где первый, представленный в сказках, является свирепым чудовищем с большим количеством голов, которое сражается со сказочным героем-богатырем. С другой стороны, существует поверье об *одноглавом крылатом змее* как об одном из *помощников колдуна* (шамана) (Хелимский 1991: 621). Этот персонаж венгерской мифологии можно сравнить как с Юхой, так и с Аждахой. Это сходство дополняется образом «венгерской ведьмы-оборотня, по имени Босоркань» (Хоппал 1991: 98). Связь этих мифологических образов в башкирском и венгерском фольклоре не случайна. Возможно, они сформировались в те времена, когда предки

* Ахмед Ибн-Фадлан пишет о том, что он даже «видел» огромную змею, которую он поначалу принял за ствол большого дерева. Несомненно, что в данном случае он приводит предание болгар об огромной змее-аждахе (?) (Ковалевский 1956: 136).

венгров и башкир, оставившие памятники кушнаренковской культуры, обитали в Приуралье. К этому же кругу памятников относится и погребение Больше-Тиганского могильника (Халиков 1988: 75). Соответственно, накладки с изображением крылатых драконов, медведей и зайцев в Шиловском кургане можно соотносить, в том числе, и с угорским этносом. То, что изображение крылатого змея присутствует среди наиболее престижных украшений воина-кочевника привилегированной социальной группы (Халикова 1976: 178), перекликается с образом крылатого дракона — помощника и охранителя языческого волхва и волшебного оберега в двух других случаях (шлемы с крылатыми змеями у витязя Оркана и Дью-Пярия) по эпосу «Алдар и Зухра».

На территории Башкортостана известны изображения крылатых фантастических существ. Например, крылатое четвероногое существо на поясной накладке обнаружено при раскопках Манякского могильника, который Н.А.Мажитов относит к VII-VIII вв. Существо это имеет драконью голову, загнутый хвост кошачьего хищника и лапы, заканчивающиеся копытами (рис. 4, 1) (Мажитов 1981: 6, рис. 3, 10). Две сцены с дерущимися фантастическими крылатыми (?) существами обнаружены в погребении 3 Ишимбаевского 3 кургана, которое автор раскопок датирует IX-X вв. (рис. 4, 2, 3) (Мажитов 1981: 90, рис. 47, 7, 8).

Из этого можно сделать вывод, что образ крылатого чудовища-змея является особо значимым в культурном контексте народа, когда-то населявшего территорию междуречья среднего течения реки Белой и Нижней Камы. В этой связи небезынтересно то, что в одном из преданий таныпского рода башкир говорится о почитании змей следующее: «Мы потомки марийцев, которые, оставив марийские обычаи, перешли в мусульманскую веру. Наши прадеды поклонялись змеям; у многих были бляхи с изображением змей. Бляхи пришивались к материи. И женщины тоже носили их на груди или на лбу» (БНТ: 2, 136). Эта ассоциация определенного этноса с образом змея, несомненно, отразилась в ряде исторических преданий, как, например, в шежере башкирского рода юрматы, который кочевал на землях, «называвшихся Зай, Шишма» и воевал с *драконом-змеем,* а после нашествия Хромого Тимура они ушли на другой берег Идели-Волги (Башкирские шежере I960: 27). В другом литературном произведении, кисе из дастана «Чингизname» («Кисса-и Аксак Тимер»), в котором описывается нашествие Хромого Тимура на город Буляр, говорится о народе *бараж,* который жил издревле у устья реки Зай и, потерпев поражение в сражении с *драконом,* бежал к булгарам (Хусаинов 1996: 120) *.

Очевидно, в мифопоэтическом сознании башкир образ врага мог облекаться в форму мифического персонажа, например, змея-дракона, как это видно по шежере родов Айле и Юрматы, где описывается монгольское нашествие (Хусаинов 1996: 24). Вместе с тем разработанная иконография крылатого дракона в тексте эпоса «Алдар и Зухра» и в искусстве кочевников Урало-Поволжья, а также функциональное содержание этого образа позволяют предполагать, что он является символом этнической (родовой) или сословной принадлежности. Косвенно об этом свидетельствует фратриально-тотемическое содержание образа змея в мифологии Урало-Поволжья и Средней Азии. В этой связи интересно то, что и образ собаки-птицы Сенмурва также имел смысл «...благословения, доброго пожелания, силу талисмана, оберега?» (Бертельс 1997: 171). Этим сходством, очевидно, и было обусловлено слияние этого хтонического образа с образом змея-дракона.

Все характеристики крылатого змея и связанные с ним ассоциации указывают на среднеазиатский регион как на место сложения этого символа. Соответственно там же следует искать тот этнический компонент, в среде которого сложились эти представления. Им, скорее всего, должны быть тюркские кочевники, в тесном контакте с которыми постоянно находились и кочевые угры: в VI в. они были в составе Тюркского каганата, а с VII в. обитали в междуречье Белой и нижней Камы вплоть до середины IX в., когда под давлением печенегов, древних башкир и других тюркских племен венгры начинают свой исход на Запад (Халиков 1988: 75-76). Среди тюркских кочевников степей Казахстана в IX-X вв. господствовало племя кимаков, тотемом которых был речной дракон-змея — бог воды и дождя, хозяин нижнего мира (Ахинжанов 1989: 111-112). Соответственно в тюркской среде кимаки именовались *уран*, а в монгольской *кип* , что значит *змея*** . С середины XI в. кимаки или народ-змеи в составе кыпчаков-половцев появляются у границ древнерусского государства, «что и нашло свое отражение в русских летописях, преданиях и былинах» (Ахинжанов 1989: 133-134). У половцев на Дону в XI в. появляется ряд поселений, и среди них город Шарукан, названный по имени хана Шарукана (1068-1107). Этимология половецкого имени Шарукан, по мнению ряда ученых, восходит к венг. *sarkan(y)* — «дракон». Поппе выводит венг. *sarkan* из тур., Крым., куман. *sazayan* «дракон, змея», которое первоначально имело значение «великий дух» или тотемное животное (Ахинжанов 1989: 133-134). По нашему мнению, имя венгерского дракона «Шаркань» не случайно созвучно имени персонажа башкирской мифоло-

* Дастан «Чингизname» считается самым характерным образцом башкирской литературы XVI в. (Хусаинов 1996: 119).

** На территории Башкортостана известно два кыпчакских этнических подразделения с этнонимом *уран* и *елан* (Кузеев 1978: 153, рис. 11).

гии — дракона Заркума. Заркум — сын повелителя змей Кахкахи в эпосе «Урал-батыр». Имя персонажа, как считает Г.Р.Шарапова, произошло от арабского слова «зарк», обозначающего хитрость, лицемерие. «Заркум» обозначает ядовитое дерево, смертельную горечь (БНТ: 1, 534). И то и другое соответствует представлению о хтоническом существе — змее вообще, и, возможно, этот теоним является одним из названий змея, заменяющий его табуированное имя в арабо-персидской традиции.

Тяготение образа дракона к иранскому миру совсем неслучайно. Дракон-змей занимал видное место в миропредставлении средневековых иранцев, как это видно по эпосу «Шах-наме» Фирдоуси. В этом известном эпическом произведении X века, вобравшем в себя все богатство духовной культуры народов Ирана и Средней Азии, дракон является самым сильным существом — воплощением мощи и неустрашимости. Например, многие богатыри, как свои, так и чужие, сравниваются с драконом, причем наиболее часто с ним сравнивается непобедимый Рустам — не случайно дракон изображен на его знамени (Фирдоуси 1980: 19, 20, 66, 101, 126, 127, 184 и др.). Сам же дракон является образом потусторонних существ — дивов, с которыми сражается Рустам. Более того, победы в поединках с дивами-драконами Аржангом и Белым дивом принесли витязю славу непобедимого богатыря (Фирдоуси 1980: 67). О многом говорит и драконоподобный облик царя Заххака.

В «Шах-наме» нет подробного писания облика дракона. Да и, очевидно, не было какого-то одного устойчивого «типа» этих фантастических существ. Все же по ряду признаков можно составить сводный портрет чудовища. Прежде всего, подчеркивается его размер: «Огромный — сам подобие горы» (Фирдоуси 1980: 65) или «Горою черной — мертвый змей лежал» (Фирдоуси 1980: 53). У него одна голова, змеиный хвост, две лапы с когтями и две ноги (Фирдоуси 1980: 52-53, 61, 65-66, 101). При описании белого дива, повелителя всех дивов, упоминается грива (Фирдоуси 1980: 65). Как типичный хтонический персонаж дракон является огнедышащим, он обитатель тьмы и его жилище — пещера, ему свойственны колдовство и злобность. Немаловажно и то, что у самого яркого представителя этой нечисти, Белого дива, целебными являются сердце, кровь и мозг (Фирдоуси 1980: 50-53, 63-66).

Само сражение со змеем-драконом происходит по схеме богатырского поединка: вызывание на бой, узнавание имени, а затем схватка с оружием или без. Обычно богатырь (в данном случае Рустам) отсекает голову чудовищу, а затем из огромного, как гора, тела вытекают реки крови (Фирдоуси 1980: 52-53, 66). Рассечение тела змея-горы и отверзание скованных им вод — есть древнейший мифологический мотив, присутствующий в Ригведе и у древних индоевропейцев (Ригведа: 40-41. 71-73, 74; Топоров 1995: 189-190).

Со всей очевидностью можно констатировать, что образ дракона наиболее ярко представлен в среднеперсидской традиции. Свое происхождение он имеет в древнейших пластах индоиранской мифологии. Поэтому логично предположить, что этот мифологический образ был заимствован кочевыми народами у оседлых народов Ирана в эпоху раннего средневековья, наложившись на более древние, тотемно-мифологические представления о хтонических существах.

Как бы то ни было, а образ крылатого змея появился до того, как в степях было установлено господство кимаков-половцев. Принимая во внимание, что образ крылатого змея — дракона сохранился в венгерской мифологии и, менее полно, — в башкирской, а также то, что крылатый змей, вместе с другими крылатыми существами, представлен на памятниках 2-ой половины I тыс. н.э., можно предположить, что и сюжет эпоса «Алдар и Зухра» первоначально возник в среде булгаро-мадьяр в раннебулгарское время. Очевидно, эпический текст начал складываться в VI — начале VII в. н. э. — сразу после их выхода из Тюркского каганата, в составе которого кочевые угры и болгары принимали участие в беспрерывных войнах с Сасанидским Ираном и Византией (Халиков 1988: 75). В это время, очевидно, и были заимствованы не только иконографические образцы, но и воспринята мифология зороастризма и культурная традиция Востока в целом. Сюжет эпоса, очевидно, окончательно сложился в домонгольскую эпоху в среде древних башкир и потом только обогащался новыми деталями и персонажами. Накладки из Шиловского кургана по сложности изображений сравнимы лишь с настенными росписями дворцов средневековых правителей Средней Азии. Совпадение содержания этих сцен с сюжетом средневекового эпоса «Алдар и Зухра» достаточно убедительное, к тому же оно подкрепляется сходством крылатых змеев. Присутствие всех фантастических образов из этого эпоса на поясных украшениях из Больше-Тиганского могильника неоспоримо указывает на их связь между собой. Эти факты позволяют определить время возникновения и окончательного сложения данного эпического произведения, которое, по нашему мнению, укладывается в промежуток между VI-VII — X-XI вв. Само по себе сохранение на протяжении длительного времени определенных исторических реалий в рамках устно-поэтической традиции позволяет по-новому ставить вопрос об эпических текстах как историческом источнике.

ЛИТЕРАТУРА

Альбаум Л.И. 1975. Живопись Афрасиаба. Ташкент.
Ахинжанов С.М. 1989. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата.
Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. 1998. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара.
Башкирские шежере. 1960. Сост., пер., введ. и коммент. Р.Г.Кузеева. Уфа.
БНТ, кн. 2 — Башкирское народное творчество. Эпос. Кн. 2. Сост. А.И. Харисов, Уфа, 1973 (на башк. яз.).
БНТ, т. 1 — Башкирское народное творчество, т. 1. Эпос. Уфа. 1987.
БНТ, т. 2 — Башкирское народное творчество, т. 2. Предания и легенды. Уфа. 1987.
БНТ, т. 3 — Башкирское народное творчество, т. 3. Богатырские сказки. Уфа. 1988.
БНТ, т. 4 — Башкирское народное творчество, т. 4. Волшебные сказки. Сказки о животных. Уфа. 1989.
Бертельс А.Е. 1997. Художественный образ в искусстве Ирана IX — XV веков (слово, изображение). М.
Вошинина А.И. 1953.О связях Приуралья с Востоком в VI — VII вв. // СА, вып. XVII.
Граков Б.Н. 1950.Скифский Геракл // КСИИМК, вып. 34, С. 7-14.
Грязнов М. П. 1961. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ, вып. 3, Л., С. 7-31.
Добжанский В.Н. 1990. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск.
Ковалевский А.П. 1956. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 — 922 гг. Харьков.
Котов В.Г. 1997. Мифология Южного Урала. К вопросу о реконструкции хтонических культов. Препр. Уфа.
Котов В.Г. 1997а. Пещера Шульган-таш и мифология Южного Урала. Препр. Уфа.
Кузеев Р.Г. 1968. К этнической истории башкир в конце I — нач. II тыс. н.э. // Археология и этнография Башкирии, т. 3, Уфа.
Кузеев Р.Г. 1978. Историческая этнография башкирского народа. Уфа.
Мажитов Н.А. 1981. Курганы Южного Урала VIII — XII вв. М.
Маршак Б.И. 1971. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М.
Микушев А.К. 1978. Пермско-угорские контакты по данным фольклора // Фольклор народов РСФСР. Уфа. С. 3-10.
Нестеров С.П. 1990. Конь в культах тюрко-язычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск.
Новгородова Э.А. 1989. Знамя — вместилище души (сулдэ и туг) у тюрко-монгольских народов // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Т.Д., ч. 3. М., С.81-82.
Петрин В.Т. 1992. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск.
РГВ — Ригведа. Мандалы, I — IV. М., 1989.
Рыбаков Б.Н. 1965. Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА, № 1.
Руденко С.И. 1973. Башкирские сказки и поверья.// Археология и этнография Башкирии, т. V. Уфа, С. 17-31.
Сагитов М.М. 1984. Культ животных в башкирском фольклоре // Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа, С. 74-81.
Смирнов А.П. 1974. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары // Города Поволжья в средние века. М., С. 4-13.
Сулейманова Р.И. 1994. Доисламские верования и обряды башкир: дисс. ... канд. ист. наук. Уфа / Архив УНЦ РАН.
Топоров В.Н. 1995. Из «русско-персидского» дивана. Русская сказка *301 А, В и «Повесть о Еруслане Лазаревиче» — «Шах-наме» и авестийский «Замязат-яшт». (Этнокультурная и историческая перспектива) // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., С. 142-200.
Толстов С.П. 1948. Древний Хорезм. М.
Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири / Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Новосибирск, 1989.
Тревер К.В. 1933. Сэнмурв — Паскудж, собака — птица. // Из истории докапиталистических формаций. М. — Л., С. 293 — 328.
Тревер К.В., Луконин В.Г. 1987. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III — VIII веков. М.
Фахрутдинов Р.Г. 1987. Болгар в письменных источниках // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., С. 8-31.
Фирдоуси 1980. Шахнаме. М., «Художественная литература».
Халиков А.Х. 1988. Новые данные о пребывании древних венгров между Камой и Уралом // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, С. 67- 78.
Халикова Е.А. 1976. Больше-Тиганский могильник // СА, № 2, С. 158-178.
Хелимский Е.А. 1991. Шаркань // Мифологический словарь. М., С. 621.
Хлебникова Т.А. 1987. Предболгарские памятники на территории Болгарского городища // Города Болгар. Очерки истории и культуры. М., С. 32 — 88.
Хоппал М. 1991. Босоркань // Мифологический словарь. М., С. 98.
Худяков М.Г. 1933. Культ коня в Прикамье. // Из истории докапиталистических формаций. М. — Л., С. 251 — 279.
Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтыбаев О.С. 1997. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрок на Тянь-шане // СА, № 3, С. 142-147.
Хузин Ф.Ш. 1997. Волжская Булгария в домонгольское время (X — нач. XIII веков). Казань.
Хусаинов Г.Б 1996. Башкирская литература XI — XVIII вв. Уфа.
Шелов Д.Б. 1950. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье (Сатир и грифон на пантикапейских золотых статерах IV в. до н.э.) // КСИИМК. Вып. 34. С. 62-69.

СОВРЕМЕННАЯ АНТИЧНОСТЬ

А.О.Добролюбский

ОДЕССА: АРХЕОЛОГИЯ ИМЕНИ

Ждет идея, как чистая дева,
Кто возложит невесте венец.
«Прячься», — робко ей шепчет мудрец.
А глупцы завывают от гнева.
Но безумец-жених к ней грядет
И в полуночи, духом свободный,
Сочетанья их плод первородный
Человечеству счастье дает.

Беранже. «Безумцы»

A.O.Dobroljubski. Odessa: Archaeology of Name

The Article is dedicated to solution of the genuine meaning of the ancient name of Odessa. The author attempts to do it through a survey of the life circumstances of Iosif De-Ribas, Odessa' s founder. His life and relations with the surrounding world of people are analysed from the view point of psychology described in "Theory of Games" by Eric Bern. The author was lucky to find evidence of the ritual and the place of Odessa' s foundation (1794) during archaeological excavations in the historical center of the modern Odessa. Both the ritual and the genuine city's layout followed ancient models. De-Ribas lived in the epoch of classicism when ancient realities were models for imitation. The author assumes that De-Ribas associated himself with Odysseus, and like Alexander the Macedonian tended to found a town of his name. Like heroes of ancient culture, De-Ribas had countless feats (he used to win impossible battles), had Athena's protection (it was the Empress Catherine II herself), struggled with enemies, among which the most powerful one was Poseidon (prince Potemkin). Finally, the sense of Odessa' s foundation, a city with such a name, consists in the fact that De-Ribas erected a monument to himself.

Методология «вчувствования»

Попытки разгадать подлинный смысл античного имени «Одесса» имеют историю, едва ли не равную по продолжительности истории самого города. Этот смысл не был ясен многим современникам основателя Одессы Иосифа де-Рибаса, он не был установлен и последующими историками Одессы. Версий создано немало, и среди них нет ни одной убедительной или, хотя бы, удовлетворительной.

Причин тому также немало — не сохранилось решительно никаких документальных источников, объясняющих имя Одессы. Очень неоднозначно и отношение последующей исторической традиции к самому де-Рибасу — оно колеблется в широком диапазоне от прямой апологетики этого человека вплоть до стремления полностью вычеркнуть его имя из истории. Не будем здесь «научно» оценивать эти попытки — их можно понять. Очевидное хитроумие де-Рибаса, его способность всегда «провести всякого», его склонность к тайне, игре, мистификациям, интригам, его удачливость, стремительная и «незаслуженная» карьера — все это, безусловно, не могло не раздражать многих его современников и потомков. Как не могли не восхищать яркость и блеск его личности, его остроумие, образованность, благородство, отвага, решительность и целеустремленность. Впечатляют и его деяния — герой Хаджибея, Измаила, основатель Одессы — те яркие поступки и достижения, которые недоброжелатели де-Рибаса пытались и пытаются затушевать или же приписать другим лицам.

Загадку имени «Одесса» историки давно надеются решить, если будет обнаружен документ, об этом свидетельствующий. «Официального распоряжения собственно о переименовании Гаджибея в Одессу не отыскано, хотя вероятно оно и было», — писал К. Смольянинов в 1852 году (Смольянинов 1852: 352). Оно не отыскано до сих пор, и трудно ожидать, что это произойдет. Поэтому версий за истекшие с того времени полтора столетия о происхождении имени Одессы не слишком прибавилось. Эти версии хорошо известны (Горбатюк, Глазырин 1994: 22-26), их нет смысла здесь перечислять. Не вызывает, пожалуй, сомнений лишь изначальная античная подоснова этого

© А.О.Добролюбский, 1999.

имени. В остальном —остается лишь продолжать строить догадки. А это — дело неверное.

Очередная попытка обратиться к этому «бородатому» вопросу может показаться несколько самонадеянной. И это было бы действительно так, если бы несколько лет назад не были случайно найдены археологические остатки ритуала основания Одессы Иосифом де-Рибасом. Эта находка — археологический «документ» с очень точной датировкой: 22 августа 1794 года (Губарь, Добролюбский 1996: 17). И поэтому его можно изучать археологическими приемами — с целью установления утраченного культурного смысла обряда.

Такое установление в археологии производится «герменевтическими» приемами, ибо герменевтика (*hermeneutikos — разъясняющий, истолковывающий*) — это «искусство интерпретации всех зафиксированных проявлений жизни». Или, точнее, — «искусство постижения чужой индивидуальности, вписанной в смысловое поле текста — как “второй”, “задний” план, как подтекст» (Кузнецов 1991: 3-11). Желание интерпретировать по-своему исторические события у нас всегда есть. Зыбкость и неопределенность этого (как, впрочем, и любого) «искусства» должны удерживать «серьезного ученого» от применения такого «научного инструментария». Но это же обстоятельство придает таким задачам особую интеллектуальную привлекательность.

Естественное желание понять потаенный смысл ритуала основания Одессы — личного поступка де-Рибаса, который, по моему убеждению, таит в себе «подтекст» — тайну ее имени — возникло у меня едва ли не в момент обнаружения его археологических остатков осенью 1995 года. Это желание сдерживали упомянутые сомнения. Все эти годы, не слишком убежденно, я делился этими сомнениями и соображениями с друзьями, близкими, коллегами, а также в публичных выступлениях. Общая положительная реакция «референтной группы» вернула мне некоторую уверенность и смелость, а заодно и желание довести дело до публикации. Я также уповаю и на свой многолетний опыт историко-археологического изучения обрядности. Ведь любой обряд — это всегда и «текст», и «подтекст».

Археологическая герменевтика, или искусство расшифровки археологических «текстов», исходит из простой истины: любой «археологический» факт удовлетворительно объясняется лишь в конкретном культурном контексте своего времени. Развитие же любой культуры есть определенное изменение во времени некоего «порогового смысла», которое направлено к «идеалу» — условной «цели» культуры. «Цель» культуры задается традицией, которая этим определяет смысл культуры и дает ему соответствующее имя. Имя —«видимая» для нас цель, зная его, мы получаем культурный код к расшифровке заданных традицией культурных смыслов (см.: Ткачук 1996: 131-173). Разумеется, поиск этих смыслов возможен лишь в рамках соответствующей культурной традиции. В нашем случае, известно имя — «Одесса». И мы знаем культурную традицию, в лоне которой оно возникло, — классицизм XVIII века. Остается выяснить его смысл, который был задан «культурным героем» классицизма — Иосифом де-Рибасом.

При такой постановке вопроса археологическая проблематика смещается в область изучения «археологии личности» самого де-Рибаса. Это значит, что нам предстоит выяснить его жизненные идеалы и цели. Узнав их, мы сможем узнать и смысл совершенного им обряда.

Изучение «археологии личности» предусматривает «постижение чужой индивидуальности». Это — психологическая герменевтика, определяемая также как методология «вчувствования» (*выражение бл. Августина*) (Кузнецов 1991: 15-24). Принципы такой «методологии» и ее научный инструментарий разработаны американским психологом Эриком Берном, который составил типологию человеческих судеб и взаимоотношений (Берн 1992). Развитие любой личности (*как и культуры — А. Д.*) также изменяется во времени по установленному «сценарию» («смыслу») и также задается «родительской средой» («традицией»). Сценарий направлен на достижение жизненных целей и идеалов. Существуют три основных типа жизненных сценариев — «победителя», «непобедителя» и «неудачника», которые программируют все жизненное поведение (Берн 1992: 285 слл.). «Победителем», с этой точки зрения, может считаться человек, который решил достичь в своей жизни определенной цели (идеала) и, в конечном счете, добился своего.

Другой стороной концепции Э. Берна является «теория игр», которая дает надежный герменевтический инструмент для изучения подтекстов человеческих взаимоотношений. Эта теория хорошо согласуется с вполне «респектабельной» концепцией Й. Хейзинги о сущности игры как источника культуры (Хейзинга 1992). Изучение поведения исторических персонажей с позиций «игрового подхода» позволяет увидеть «археологию» их взаимоотношений. Например, очевидно, что Екатерина постоянно играла в игру «А ну-ка, подеритесь», которая определила, пожалуй, едва ли не весь ход русско-турецкой войны 1787-1791 гг.

Сказанное дает нам основания для «археологической» реконструкции любых типов личности — достаточно установить «родительскую среду» (традицию) и «сценарий» (смысл), чтобы понять заданную цель (идеал). А также и «рецепты» для понимания характеров «игроков». Остается попытаться рассмотреть с этой точки жизнь Иосифа де-Рибаса и попытаться применить упомянутую методологию «вчувство-

вания». Ключ к смыслу обряда основания Одессы нужно искать в области жизненного «сценария» де-Рибаса («сценария на всю жизнь») (Берн 1992: 175-177). И рассмотреть с этой точки зрения его биографию. Кажется очевидным, что по своим психологическим установкам де-Рибас — несомненный «победитель».

Поэтому изучение судьбы Иосифа де-Рибаса должно быть направлено на выяснение мотивов его поведения, конкретных поступков и определенных ими событий. Логика психологического «постижения» в этом смысле глубоко «археологична» — она предполагает воссоздание событий по неявным, «подтекстовым» признакам. Это реконструкция по оттенкам. Оговорим лишь: при рассмотрении типов поведения основных персонажей этого очерка используется «сценарно-игровая» терминология, которая обрамлена античными «одеждами» (Кнабе 1993: 323-342).

Остается надеяться, что предлагаемый путь к воссозданию смысла имени «Одесса» позволит хоть отчасти компенсировать как недостаток конкретных документальных сведений о де-Рибасе, так и искаженность восприятия нашего «культурного героя» последующей исторической традицией.

Ритуал и место основания Одессы

Обнаружение археологических остатков ритуала основания Одессы произошло при окончании раскопок на углу нынешних Ланжероновской и Ришельевской улиц. Эти раскопки мы задумали и осуществили с писателем и краеведом Олегом Губарем осенью 1995 года. Нам тогда хотелось узнать, что может получиться, если покопаться в мусорных ямах знаменитой ресторации Отона, прославленной великим Пушкиным. Хотя научное обоснование таких работ могло бы показаться сомнительным, нам все же удалось убедить городские власти дать на них разрешение. И, с некоторым недоумением, власти нам позволили на время разнообразить хрестоматийный городской пейзаж близ Оперного театра пыльным котлованом, окруженным кучами земли и старого строительного мусора.

Находка была совершенно неожиданной и произвела на нас очень сильное впечатление. На дне упомянутого котлована, при зачистке фундамента первого одесского дома — князя Григория Волконского, в заполнении первой траншеи Одессы, непосредственно на кирпичном фундаменте мы нашли обломки хрустальных **бокалов** и **подноса**, бутылочные осколки с пробкой, **монету — «пятак» 1784** г. с вензелем императрицы Екатерины и российским двуглавым орлом, а также проржавевший **кинжал**, от которого сохранилась лишь рукоять и прилегающая к ней часть лезвия. Бокалы частично «восстанавливались» из собранных осколков — они имели формы, близкие к современным фужерам. Археологически очевидно, что бокалы были разбиты об кирпичный фундамент в открытой траншее — затем эта траншея была засыпана. Екатерининский «пятак», аккуратно положенный гербом вверх, ясно датировал время этого возлияния, т. е. terminum post quem (временной рубеж, позднее которого произошло событие) — после 1784 г., года чеканки монеты (Губарь, Добролюбский 1996: 17).

Мы оказались тогда на том самом месте, где ровно 201 год и два месяца тому назад, у открытой траншеи, из этих бокалов выпили именно вице-адмирал Иосиф де-Рибас со своим другом, генерал-поручиком Григорием Волконским. И сделали это в день основания Одессы, 22 августа 1794 г. А перед нами — археологические следы первого празднования Дня ее рождения.

Установлено, что 19 августа де-Рибас, начальник Экспедиции строительства города и порта, вручил Волконскому «Открытый лист №1» — право на владение участком, который мы раскапывали (Смольянинов 1852: 330). Значит, через три дня, 22 августа, они торжественно выпили у закладной траншеи и, в знак зачатия и на грядущее счастье будущего города, разбили свои бокалы об кирпичный фундамент «дома №1» — дома Волконского, который, как известно, находился на углу нынешних Ланжероновской и Ришельевской улиц. Таким образом, мы чудом нашли археологические остатки этого возлияния, обозначающего место основания Одессы — и они выставлены сейчас в экспозиции Одесского историко-краеведческого музея *(рис. 1).*

Разбитые бокалы — типичные кубки в терминологии того времени — были роскошны и распространены в обиходе российской знати второй половины XVIII века. Они крайне редки в Причерноморье. Типологически такие кубки (бокалы) представлены в собраниях Исторического музея в Москве, Эрмитажа, крупнейшем собрании русского стекла Е. и Ф. Лемкуль и др. (Губарь, Добролюбский 1996: 17). Бокалы нашим вельможам были поданы, видимо, кем-то из присутствовавших на хрустальном подносе, который вслед за этим также был разбит о каменную отмостку в открытой траншее. Мог ли этот поднос держать в руках Франц де-Волан?

Предлагаемая реконструкция обрядовых действий участников основания Одессы 22 августа 1794 года по археологическим наблюдениям кажется наиболее вероятной. Мы столкнулись с достаточно привычным ритуалом возлияния при закладке дома. Такой обряд прослеживается со времен седой античности и был широко распространен в эпоху классицизма.

Рис. 1. Археологические остатки ритуала основания Одессы.

Особенно стойким он был в среде российской военной знати — об этом однозначно свидетельствует вся литература эпохи. Поэтому неудивительно, что участники обряда в конце XVIII века ведут себя как античные «культурные герои» (Кнабе 1993: 343-364).

Даже беглое рассмотрение античной обрядовой традиции показывает, что монета в основании постройки — это лишь символ благополучия дома. Однако изначальный античный сакральный смысл этого символа в ментальности классицизма меняется — монеты закладывались под памятник. В европейской и российской культурной традиции второй половины XVIII — начала XIX вв. это наблюдается почти повсеместно. Под памятники выдающимся «культурным героям» эпохи классицизма очень часто закладывались монеты. Дабы не обращаться к петербургским примерам («Медный всадник», памятник А. В. Суворову на Марсовом поле и пр.), приведем здесь одесский. «В 1827 году, 30 июля, произведена была закладка подножия памятника Дюку де-Ришелье», —пишет К. Смольянинов в «Истории Одессы». — «По совершении молебствования и освящении места, в углублении самого большого камня, составляющего фундамент памятника, положены были различные медали и монеты, принадлежащие к царствованиям Людовика XVI, Екатерины II, Павла I, Александра I, Людовика XVIII, которым Ришелье имел счастье служить. К сим памятникам присовокуплена была медаль Государя Императора Николая Павловича, несколько серебряных монет 1827 года и бронзовый медальон с изображением покойного Дюка, выбитый по случаю смерти его в Париже в 1822 году» (Смольянинов 1852: 405). О выраженном античном облике Дюка — памятника Ришелье здесь нет нужды напоминать.

Итак, мы нашли место закладки не просто дома, а Города. Что же мог иметь в виду Иосиф де-Рибас, закладывая в основание будущего Города монету с вензелем своей государыни-императрицы? Уж не памятник ли самому себе?

Как бы там ни было, ясно, монета и кинжал, освященные ритуальным возлиянием в момент рождения Города, означали для де-Рибаса нечто очень личное и существенное. В этих символах явно содержался особый, известный только ему **смысл**. А это значит, что, обнаружив их археологические остатки, мы, образно выражаясь, невольно коснулись тайны рождения Одессы, тайны ее происхождения и имени, которую нам оставил ее основатель.

Что же это за тайны? Напомню, что, несмотря на двухвековые усилия историков, по-прежнему остаются совершенно неясными два обстоятельства: зачем де-Рибас столь упорно добивался, чтобы город был основан именно на этом месте, несмотря на жесточайшее противодействие влиятельных противников. И почему город был впоследствии назван именно Одессой — тайно, без всякого указа, задним числом? Почему это было для него так важно? Попытаемся установить **смысл** этого поступка, венчающего успешное осуществление некого замысла.

Подражание древним — «сценарий на всю жизнь»

Методология «вчувствования» в эпоху классицизма довольно проста. Все «значимые» поступки людей во второй половине XVIII века определялись духом и соответствующей модой на античность. Это была не просто античная «вуаль» — античность была как бы реальностью. Девиз классицизма сформулировал Иоганн Винкельман: «Единственный способ для нас быть великими, если возможно, неподражаемыми — это подражание древним». Действительно, глубинная «античная» ментальность тогдашней европейской культуры, омываемой

«Гольфстримом античности» и организующей весь строй своей жизни по античным образцам, кажется очевидной (Кнабе 1993: 171-180).

Общая ментально-культурная атмосфера классицизма неминуемо обрамляла «античной мотивацией» поступки всех людей этой эпохи. Это значит, что ключ к тайным смыслам обряда, совершенного 22 августа 1794 года Иосифом де-Рибасом, лежит в его конкретных тогдашних побуждениях. Они были определены типом его личности, судьбы, его «идеалом» — и как «культурного героя античности» и, одновременно, «героя своего времени» (Кнабе 1993: 182-198).

Биографы де-Рибаса этого обстоятельства, как будто, специально не подчеркивали. Исторический очерк о нем помещен в «Словаре достопамятных людей Русской земли» Н. Бантыш-Каменского (т. 4, с. 308-314) и эти сведения неоднократно воспроизводились. Известно, что де-Рибас был сыном чиновника, служившего в Неаполитанском военном министерстве. Принято считать, что дон Хосе (Иосиф) де-Рибас-и-Бойонс родился в Неаполе 6 июня 1749 г. Эта дата надежно не документирована — однако она вошла в большинство справочных пособий и литературу. По другим данным, как будто бы сохранившихся в записках его брата Феликса, Хосе появился на свет 13 октября 1751 г. Вопрос этот туманен и для наших целей не столь существенен.

Как бы там ни было, детство и первые юношеские годы дона Иосифа приходятся на 1750-е — начало 1760-х гг. Об этом периоде его жизни — периоде, когда формируются все стержневые качества личности человека — мы знаем крайне мало. Поэтому обстановка, в которой рос и воспитывался молодой человек, воссоздается лишь в общих чертах.

А они вот каковы. Известно, что рубеж 50-60-х гг. XVIII в. — это начало эпохи европейского классицизма — подражающей античности фазе европейской культуры и ментальности. Античная ментальность во второй половине этого столетия заразила все европейское общество. Истоки этого процесса — именно в Неаполе, а точнее — в Геркуланум и Помпеях. Раскопки Геркуланума велись в 1733-1766 гг.; с 1748 года, незадолго до рождения дона Иосифа, начались раскопки в Помпеях. Эти раскопки ознаменовали встречу европейцев с непосредственным и бытовым миром древности. Извлеченные в результате их античные шедевры вызвали настоящий «бум» античной культуры в Европе. Иоганн Винкельман в своем труде «История искусства древности» первым применил для изучения античных памятников едва ли не всю греческую мифологию. Его образные и яркие выводы произвели огромное впечатление, вызвали горячее сочувствие античным идеалам. Все поколение Иосифа де-Рибаса воспитывалось на античных образцах, на «Илиаде» и «Одиссее». Сам же молодой де-Рибас воспитывался в «эпицентре» начавшегося бума античной культуры, в королевском дворце Неаполя, где прежде всего скапливались богатейшие помпеянские и геркуланумские коллекции. Это естественно — ведь семья де-Рибасов жила при дворе. В залах дворца, среди многочисленных античных сокровищ, мальчик провел все свое детство. И, если справедливы утверждения романистов и биографов, то можно судить и о типе его личности — «мальчик отличался от своих сверстников чересчур живым воображением, ясным умом, страстностью натуры и нетерпеливостью характера» — это отмечали все его гувернеры, объясняя шотландско-испанским темпераментом (Феденев 1993: 57 сл.).

Органичная классическая образованность молодого де-Рибаса очевидна — она была настолько глубока, что позволила ему впоследствии быть равным собеседником самых блестящих умов его времени — Ивана Бецкого, Дени Дидро, да и самой Екатерины. Де-Рибас хорошо владел семью языками (Горбатюк, Глазырин 1994: 39).

Показательным для выяснения сценарно-мифологической ориентации де-Рибаса является использование им в своей переписке терминологической «номенклатуры» античных богов и героев. Даже беглый ее просмотр свидетельствует, что он отдает предпочтение Одиссею и мечтает быть Александром Великим. Иными словами, это — сценарий «победителя» Одиссея с идеалом Александра (Де-Рибас 1872: 230-238; Де-Рибас 1879: 378-436; Феденев 1993: 68-214; Шахермайер 1984: 364-366).

Тип сценария «победителя» Одиссея, в терминологии Э. Берна, может звучать как «перед тем, как…». Это значит — для того, чтобы вернуться на родину с победой, Одиссею необходимо было выполнить множество условий-испытаний. Девиз этого сценария формулируется как «бороться и искать, найти и не сдаваться» — он может означать и постоянное стремление к риску и подвигу. Такой девиз подошел бы и самому Александру Македонскому.

В представлениях античности и в терминологии Аристотеля и Александра такое качество личности именуется **«потосом»** (*букв.: «влечение», «побуждение»*) — это стремление к подвигу, присущее истинным героям, которое влечет их к **«аретэ»** (*букв.: «доблесть», добродетель»)*. **«Аретэ»** при этом понимается как присущее героям чувство долга, более важное для них, чем знатность происхождения или богатство (Шахермайер 1984: 364-365). Этически это — высшая доблесть. Такие особые качества обеспечивают способность личности превращать некую умозрительную и крайне малую вероятность в свершившийся факт, в «объективную реальность». В терминах современной

биоэнергетической теории все сказанное именуется «пассионарностью» (Гумилев 1990: 258-298) и измеряется «пассионарным напряжением».

Души «пассионариев» XVIII в. были органично пропитаны античным «субстратом», они искренне себя ощущали античными героями, им подражали, называли себя античными именами. Литературных примеров тому не счесть. И если в письмах зрелого де-Рибаса содержатся «комплиментарные» оценки Одиссея, то ничто не мешает полагать: ориентация именно на этого героя определила контуры всей его судьбы.

Такое предположение герменевтически обосновывается типом личности де-Рибаса. Если попытаться обобщить впечатления о нем современников, то это был одновременно необычайно умный, хитрый, ловкий, осторожный, крайне обаятельный человек, блестящий мастер интриги. Эти качества в нем удивительным образом сочетались с исключительной отвагой, бесстрашием и благородством, личным физическим мужеством. Известно также, что в культурной античной ментальности Одиссей-Улисс — это литературно-мифологический эталон «многоумия» — хитрости, ловкости, смелости (Тахо-Годи 1969: 220-228). Типологическое сходство характеров Одиссея и де-Рибаса, пожалуй, кажется очевидным. Обладая такими качествами, де-Рибас, безусловно, был человеком, способным творчески применять «сценарную методику Одиссея» при любых жизненных обстоятельствах. Как и Одиссей, «возбуждающий боевой пыл воинов», он обладал высокой «пассионарной индукцией» (Гумилев 1990: 276-280).

При сравнительном рассмотрении семантического параллелизма судеб де-Рибаса и Одиссея нас интересует «тип поведения» (*выражение Ю. М. Лотмана*) (Лотман 1988: 158-204), а потому и не слишком смущают документальные лакуны. Поступки де-Рибаса типологически соответствуют жизненным установкам Одиссея-«победителя» и соответствующему «сценарию на всю жизнь». Для его осуществления необходимо проходить через «пороговые» подвиги-испытания, которые, в случае успеха, должны быть вознаграждены. Награда («выигрыш» в терминологии Берна) в таком случае побуждает к следующему подвигу-испытанию. Таким образом, перед нами типичная жизненная «игра», которая обладает ее основными характеристиками — скрытыми мотивами и наличием (возможностью) выигрыша (Берн 1992: 37-38).

Любовь Афины и мальтийский талисман

В 1769 году молодой де-Рибас покидает Неаполь, поступает на русскую службу и отправляется на бесконечную войну с Турцией-Азией — за «свободу Эллады». Он покидает родину из-за вендетты — так и Одиссей оставил Итаку не по своей воле. Этот «знаковый» поступок определил ориентацию на судьбу Одиссея — вынужденного «странника», скитальца на чужбине, мечтающего вернуться «домой».

С этого момента вступает в игру «сила вещей» (*выражение А. С. Пушкина*) (по: 14:124-150).

В Ливорно де-Рибас почувствовал «ветерок судьбы» (*выражение Р. К. Феденева*) (Феденев 1993: 11) и отдался ему полностью. Качества Одиссея спасают его через год при Чесме — как командир зажигательного брандера он должен был проникнуть в сердце турецкого флота («метод Троянского коня»). Де-Рибас фактически был обречен на смерть (как и Одиссей, проникнувший в Трою, был узнан Гекабой). Оставшись в живых, де-Рибас заслуживает особое доверие «богов» своего «Олимпа».

Ему тайно поручается «дело Таракановой» — и она хитростью заманивается на флагманский корабль. Видимо, это была первая очень серьезная услуга, оказанная императрице (Феденев 1993: 142-160) (как и Одиссей с Диомедом тайно похищают из Трои Палладий Афины, чем спасают ее честь). «Выигрыши» и Одиссея, и де-Рибаса в обоих случаях были очень велики — обретение высочайшего покровительства, которое обеспечивает дальнейший жизненный успех. «Интеллектуальный героизм» Одиссея находится под неусыпным покровительством Афины (Тахо-Годи 1969: 224).

Этот тип «интеллектуального героя» де-Рибаса высоко оценила императрица и начала ему особо покровительствовать. «Выигрыш» от истории с похищением Таракановой оказался очень перспективным для «победителя» и определил дальнейшее направление его карьеры. Де-Рибас становится воспитателем Алеши Бобринского — сына Екатерины от Григория Орлова. Императрица его женит на дочери своего любимца И. И. Бецкого — Анастасии Соколовой — и селит прямо во дворце (по слухам, Бецкой был чуть ли не возможным отцом самой Екатерины?) (Феденев 1993). За неполных три года он из капитана становится полковником. «Ее Величество оказывает Рибасу всевозможные милости, — пишет маркиз де Жуиньи графу де Вержен 25 июня 1776 года. — Она желала бы даже дать ему знаки отличия, но вместе с тем желала бы, из-за общественного мнения, иметь причины, которые оправдывали бы ее особые милости» (цит. по: Горбатюк, Глазырин 1994: 83-84). Де-Рибас становится для Екатерины-Афины «своим» Одиссеем. Как будто примерно на это же время приходится начало их романа

(Горбатюк, Глазырин 1994: 82-84).

В связи с этим уместно вспомнить, что именно Афина после спасения ее Палладия стала особо покровительствовать Одиссею (Тахо-Годи 1969: 222). Поэт-мифолог Роберт Грейвс специально подчеркивает их интимные, едва ли не любовные отношения. При этом она сознательно подвергает его мужество все новым и новым испытаниям, однако неизменно и выручает его в самых безнадежных ситуациях (Грейвс 1992: 531-547).

Сопоставление очевидно «порочной» Екатерины с Афиной-Палладой (Девой) современному «мифологически образованному» человеку может показаться почти кощунственным. Между тем ее прямое отождествление с Афиной-Минервой воспринималось современниками совершенно естественно. Эпоха в этом открыто сознается. Так, в 1791 году поэт Державин в «Оде…» на смерть князя Потемкина писал, как нечто само собой разумеющееся:

«Не ты ль наперсником близ трона
У северной Минервы был...»

Ясно, что де-Рибас-Одиссей вполне мог считать Екатерину своей Афиной. Сам факт их романа весьма вероятен по уже упоминавшейся «силе вещей» и хорошо объясняет все последующие «игры» партнеров. Этот роман прослеживается по своим последствиям и обеспечивает де-Рибасу очередные «выигрыши» и «награды». Императрица в 1777 году тайно «дарит» ему сына — Иосифа Сабира (перевертыш «Рибас-Сабир»). Следующий подарок своему «кавалеру» она делает в 1778 году — орден Св. Иоанна Иерусалимского — высшую награду Мальтийского ордена (см. подробности: Горбатюк, Глазырин 1994: 81-86). Большей милости императрица тогда де-Рибасу оказать просто не могла, поскольку «настоящие», военные ордена можно было получить только на войне (Кузнецов 1985: 11-26). Этот орден — безусловный подарок «настоящему кавалеру» в благодарность за Сабира — в оценке «де-Рибаса-победителя» обладал высшей ценностью и мог бы стать окончательным смыслом его жизни — если бы де-Рибас не был Одиссеем. Известно, что, несмотря на «комфортное» положение при дворе, он томится в Петербурге от «невостребованности» (Феденев 1993: 238-272). И потому ищет новые испытания на пути к подлинно высшей цели и, как Одиссей, отправляется в «странствия».

Награждение де-Рибаса командорским крестом древнейшего в Европе Мальтийского ордена может означать и то, что императрица разглядела в нем истинно рыцарские черты характера, оценила и задала соответствующие рыцарские мотивацию поступков и «тип поведения». Де-Рибас обречен в дальнейшем играть с императрицей в игру «Кавалер» (Берн 1992: 142-144).

Можно видеть, что Екатерина, как и Афина в случае с Одиссеем, отправляет де-Рибаса на очередные испытания. И он в 1784 году отправляется в десятилетние «странствия» — на юг, в действующую армию. Мальтийский крест, как мы увидим, окажется в них надежным оберегом.

Таким образом, тип личности де-Рибаса-Одиссея — «странника», «рыцаря» с пассионарной установкой Александра Великого — определил его «сценарную мечту» — основание «своей Александрии». Эта мечта и обусловила последующую «игровую» типологию его поведения, приведшую к основанию Одессы.

Во власти Светлейшего Посейдона, или «А ну-ка подеритесь»

Екатерина отправила де-Рибаса в распоряжение Потемкина, который, по словам Байрона, был

«...*муж великий в те года,*
когда величие убийством и развратом
Стяжалось. Если честь нам титул и звезда
Дают, — он славен был и был вдвойне богатым.
Саженый рост его доставил без труда
Ему внимание царицы...»

(Дон Жуан, песнь 7, 37).

Можно видеть, что этим императрица совершает один из «маневров» своей «ритуальной» женской игры: «А ну-ка, подеритесь (АНКП)». Такие игры относятся к категории сексуальных (Берн 1992: 103-108), в их основе всегда лежит женская психология. Отношения де-Рибаса с Потемкиным были с самого начала определены этим «маневром» императрицы. Его основное, «честное» правило — женщина ловко сталкивает двух симпатизирующих ей мужчин, давая понять или даже пообещав, что будет принадлежать победителю. По окончании «сражения» она выполняет свое обещание. Предполагается, что отныне дама и ее партнер «будут жить долго и счастливо». Впрочем, эта игра предполагает и женское коварство в самом широком диапазоне (напр.: «изменить» обоим сражающимся с третьим «игроком» и т. п.).

Для Афины это — самое обычное поведение. Однако известно, что по отношении к Одиссею она вела себя честно. И выручала всегда (Тахо-Годи 1969: 223-225). Точно так же поступала Екатерина с де-Рибасом, который при этом играл в свою «игру». Все десятилетие 1784-94 гг., предшествующее основанию Одессы, для де-Рибаса в «лучшем мужском» возрасте «акме» оказалось периодом «странствий» — это серия подвигов, акций личного мужества и бесстрашия, нарастающих как по своей значимости, так и по получаемым наградам. Тогда и сформировалась окончательно репутация де-Рибаса у его недоброжелателей как «человека необычайно ловкого, о котором говорили,

что он может провести всякого. Но в отваге и решительности ему никак нельзя было отказать». В терминах личного идеала античности «игра» де-Рибаса — это попытка пройти путь Александра Великого методами Одиссея.

Итак, в начале 1784 года де-Рибас попадает в подчинение «великолепному князю Тавриды» Г. А. Потемкину. Современники единодушно отмечают, что основным внешним поведенческим признаком князя было то, что он всегда мрачно грыз ногти — в процессе едва ли не любого общения (Феденев 1993: 161-215). Светлейший князь в антично-мифологическом мышлении остроумного де-Рибаса более всего мог напоминать Посейдона — главного гонителя Одиссея, после того, как последний не слишком уважительно обошелся с его сыном Полифемом. Отвратительный характер Посейдона хорошо известен — своенравный, капризный, угрюмый, сварливый, склонный к обжорству тип, коварный, злобный и мстительный (Тахо-Годи 1969: 143-144). В дальнейших событиях, как мы увидим, оба «игрока» постоянно используют соответствующие методы, извлекаемые из собственного «сценарного аппарата». Каждый — из своего.

По тезаурусу игр, составленному Э. Берном, отношения, в которые своей игрой (АНКП) Екатерина поставила Потемкина с де-Рибасом, типологизируются как «Полицейские и Воры» (ПиВ). «Вор» (де-Рибас) ненавидит «Полицейского» (Потемкина), а потому от умения его перехитрить получает не меньше удовольствия, чем от полученной «добычи». Потемкин вынужден вести себя по сценарию «Ну, что, попался, негодяй!», а де-Рибас, со своей стороны, играет по гибким правилам «Как отсюда выбраться?», творчески сочетая их с вариантами игры «Давай надуем Джо!» (Берн 1992: 53-146).

Попытаемся «вчувствоваться» в их отношения. «Игровая эпопея» началась с того, что де-Рибас подает Потемкину свой, составленный им еще в Петербурге, проект реорганизации русского флота. Известно, что в ответ Его Светлость ставит де-Рибаса «на место» и отправляет служить не во флот, а в кавалерию — командиром Мариупольского полка. Видимо, это было первым унижением, первой обидой де-Рибаса на князя, которые со временем проявились в их разговоре об Оське (Иосифе) Сабире (*см. ниже*). Видимо, де-Рибас не вполне понимал, чем он, собственно, хуже Потемкина, которому вынужден подчиняться. Он, в душе, считал себя выше князя, поскольку обладал выраженным «потосом», который побуждал его стремиться к «аретэ», а также «рыцарским» благородством. Таких качеств у Потемкина, безусловно, не было. Напротив, в представлениях античной ментальности Потемкин был типичным автократором, причем с явно выраженным **«гибрисом»** (*букв.: «дерзость», «наглость», «высокомерие*»). Гибрис присущ человеку, возомнившему себя равным богам (Шахермайер 1984: 364). О таком гибрисе писал, например, Ф. Шиллер в «Кольце Поликрата». И действительно, полководческими талантами князь не отличался — это было общеизвестно, хотя амбиции его были очень велики. Со своей стороны, князь вполне мог видеть в де-Рибасе потенциального соперника — трудно себе представить, чтобы он не знал ничего о карьере этого «выскочки» при дворе. Поэтому его нужно унизить, если не уничтожить.

Мы не найдем в письмах де-Рибаса прямых недоброжелательных отзывов о князе Таврическом. Думается, что «археологию» отношения мальтийского «рыцаря», героя Чесмы, с присущим ему «аретэ» и, одновременно, любимца Екатерины — к *«сыну Ночи»,* трусливому, желчному, завистливому автократору Потемкину *(«…ведь княжьих подвигов День не видал вовеки»),* точнее всего выразил Байрон в приведенных строках из «Дон-Жуана» ***(песнь 7, 37, 41)*** (2). Таковым было общественное мнение эпохи. К слову, медицинское заключение после вскрытия тела князя, подтвердило его исключительную желчность (*см. ниже*).

К началу очередной русско-турецкой войны, в 1787 году, Потемкин берет «рыцаря» де-Рибаса к себе в услужение, на лакейскую должность — дежурным генералом при своем штабе. «Мальтийский командор» вынужден терпеть это оскорбление все десять месяцев бездарной очаковской осады. Он был не одинок в своем унижении.

Не менее оскорбленными Светлейшим, но по-иному, могли чувствовать себя и черноморские казаки во главе со своими старшинами — Антоном Головатым и Захаром Чепегой. Известно, что после разгрома Новой Сечи в 1775 году — острое, сильное и все еще достаточно свежее унижение — они образовали «личную гвардию» Потемкина и также вынуждены были ему служить. Не менее известно, что казаки неоднократно на протяжении 1788 г. настаивали на немедленном штурме Очакова, чтобы показать русским, как нужно воевать по-настоящему (Скальковський 1994: 573-574). Они были очень «пассионарны». Сближение униженных казаков с униженным де-Рибасом было совершенно естественным: у них был общий враг — Потемкин. Ясно, что они роптали и тоже размышляли, как бы поудачнее сыграть в игру «Давай надуем Джо!» (3:118-119).

Надо думать, этот ропот Потемкину надоел, и он решил проучить Головатого, используя любимый педагогический прием Посейдона — загнать в смертельную ловушку, из которой выбраться невозможно (Тахо-Годи 1969: 144). Поэтому он в ноябре 1788 г. посылает его отряд на верную смерть: взять штурмом турецкую крепость на острове Березань. Без всякой поддержки. Его Сиятельству не было жаль амбициозных и пассионарных казаков.

Как известно, отряд Головатого 4 ноября высадился на острове, но, встреченный картечью с крепостных стен, оказался в уготовленной Потемкиным ловушке — турецкий флот уже возвращался к Березани. Русский же флот бездействовал — приказа помочь казакам не было. Один лишь генерал Иосиф де-Рибас по своей инициативе на двух канонерских лодках прорвался к острову. Это позволило казакам взять крепость и вернуться под Очаков, который был ими же захвачен через месяц (Скальковський 1994: 574-576).

Этот «знаковый» эпизод, обеспечивший дальнейшую тесную боевую дружбу де-Рибаса с черноморцами, которая продолжалась до самого окончания войны в 1791 г., находит надежное герменевтическое объяснение. Оно требует некоторого отвлечения.

Пассионарные казаки-черноморцы считали себя «мальтийскими рыцарями». Это, в частности, подтверждается множеством крестовидных каменных надгробий на их кладбищах, сходных с геральдическими мальтийскими знаками (Добролюбский, Добролюбская 1997: 28-29). Хронологически они появляются не ранее 1780-х гг., что соответствует времени образования Черноморского казачьего войска после уничтожения Новой Сечи в 1775 г. *(рис. 2).*

«Рыцарская» ментальность запорожского казачества давно отмечена историками (напр.: Скальковський 1994: 219-224). Она приобрела конкретный «мальтийский» характер в процессе постоянной борьбы с турками на стороне Мальтийского ордена. Это прослеживается в источниках еще с XVI в. Казаки считали себя «мальтийцами», независимо от того, кем они были на самом деле. Важно не то, кем они **были,** а то, кем они себя **считали**. Это определяло стереотипы поведения казачества, принципы их «рыцарской» организации, которая была сохранена в отрядах черноморцев, служивших России. Мы знаем, что крест, подобный мальтийскому, сохранялся на знамени Черноморского казацкого войска вплоть до 1803 г. Известно также, что Павел I после избрания его Великим магистром Мальтийского ордена учредил «донат» — знак этого ордена. Эта награда чрезвычайно высоко ценилась потомками черноморцев, проживавшими в южно-украинских селах. Донаты передавались из поколения в поколение и хранились под иконами в красном углу. Это обстоятельство способствовало широкому применению формы мальтийского креста для надгробий юга Украины и в XIX в. (Добролюбский, Добролюбская 1997: 32-33).

Де-Рибас был единственным из русских офицеров, грудь которого украшал «настоящий» командорский крест Мальтийского ордена. Естественно, что после того, как он спас жизнь отряду Головатого на Березани, казаки восприняли де-Рибаса как своего органичного вожака: он не был в их глазах каким-то русским генералом — он был неаполитанцем-«мальтийцем», настоящим рыцарем-командором, который доказал это делом. Иными словами,

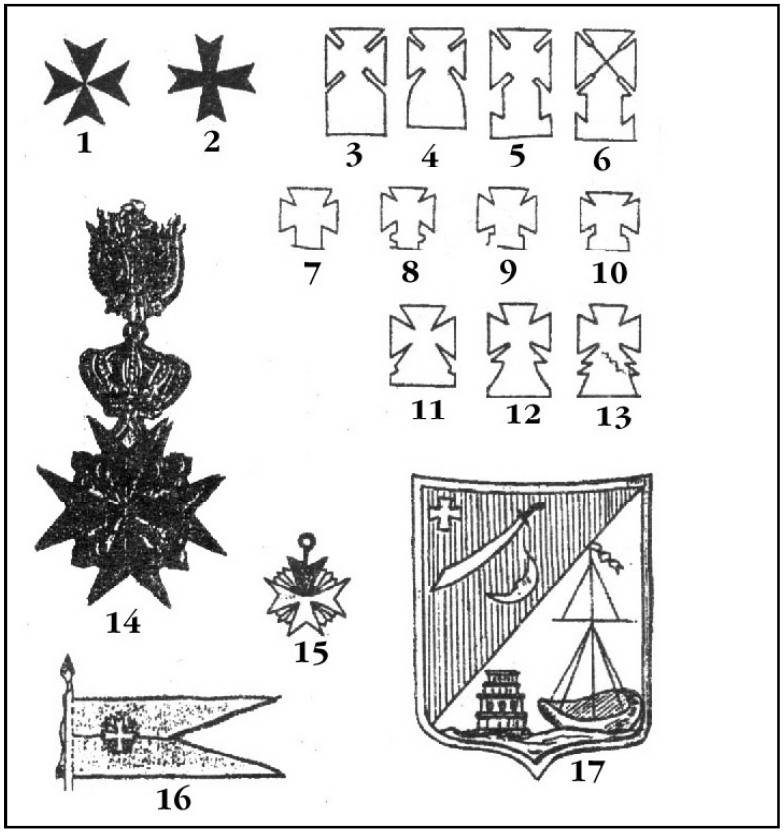

Рис. 2. 1-2 — геральдические мальтийские кресты; 3-6 — типы крестов с пропилами по углам; 7-13 — типы крестов с уширенными пропилами; 14 — командорский крест ордена Св. Иоанна Иерусалимского (Мальтийский); 15 — знак Мальтийского ордена (донат); 16 — знамя Черноморского казачьего войска 1803 г.; 17 — герб Измаила.

для казаков он был «своим». В этих условиях они ему безоглядно и с удовольствием подчинились. К тому же у них оказался общий враг — Потемкин. Так подарок Екатерины обеспечил де-Рибасу верность черноморского казацкого войска. Видимо, он почувствовал себя более уверенно и позволил себе довольно рискованную светскую выходку в обращении с князем Таврическим.

Выходка эта мало известна. В начале 1789 года де-Рибас, как бы дружески конфиденциально, просит Потемкина принять на службу своего сына Иосифа Сабира. Де-Рибас ведет себя «по-приятельски», именует его просто Оськой, который «имеет вкус к фо…(?) и он, по моему, похож на врача» (Де-Рибас 1879: 424). Потемкин, естественно, тоже «по-приятельски» интересуется — что это за сын, мол, от кого? Де-Рибас, явно издеваясь над бывшим «главным» фаворитом, разыгрывает смущение и «выдавливает» из себя признание, что мать — сама императрица. И Потемкин, не справившись с собой от неожиданности, устраивает де-Рибасу громкий скандал.

Так этот эпизод выглядит в изложении С.Положенского (цит. по: Горбатюк, Глазырин 1994: 84-85). Такая игра называется «Дурачок», она требует от исполнителя немалого актерского таланта (Берн 1992: 136-138). Ясно, что де-Рибас им обладал — и ему блестяще удалось унизить своего соперника. Разумеется, оба «игрока» сделали вид, что ничего не произошло. Но **Такое** не прощают. Видимо, с этого момента Потемкин решается угробить де-Рибаса и начинает искать для этого любую возможность.

Метод «Сциллы и Харибды» под Хаджибеем

Коварный Посейдон, как известно, желая отомстить Одиссею, заманил его в ловушку между Сциллой и Харибдой. Потемкин поступил точно по такому же рецепту. И де-Рибас со своими «спутниками» — черноморскими казаками Головатого и Чепеги (бывшей «гвардией» князя) отправляется «в ссылку» — в деревню Тузлы, к генералу И. В. Гудовичу, который командовал корпусом, предназначенным для взятия Хаджибея.

Светлейший знал свои возможности главнокомандующего, и у него не было особых оснований сомневаться в успехе. Не получилось разделаться с де-Рибасом и казаками под Березанью — не беда, получится в другой раз. И он ставит отряд де-Рибаса в самое неопределенное положение.

Это отразилось в переписке. Де-Рибасу остается продолжать играть в «Дурачка», в июле он пишет В. С. Попову: «объясните мне, пожалуйста: нахожусь ли я под началом генерала Гудовича, или нет? Я думаю, что да! И всегда буду доносить ему о том, что до меня касается. Здесь многие думают иначе. И он сам выступает с “сообщениями” и не пишет мне иначе; может быть из вежливости» (Де-Рибас 1879: 402). Де-Рибас, таким образом, не знал, «состоит ли этот отряд в корпусе Гудовича или от него независим» (Дерибас 1990: 1-2).

Известно, что этот отряд под руководством де-Рибаса тщательно готовился к захвату «Гаджибейского гнезда». Сплоченные кровью Березани и рыцарской дружбой, замешанной на неприязни к Потемкину, «казаки любили храброго генерала, не брезговавшего личным участием в их набегах» (Дерибас 1990: 2). Все дальнейшие события это подтверждают: набег Чепеги под Хаджибей после Березани по просьбе де-Рибаса, а также состав его передового отряда, который должен был брать Хаджибейскую крепость: он состоял почти только из одних черноморцев под командованием Головатого (Дерибас 1990: 3). Совершенно очевидно, что в Тузлах оказалась едва ли не идеальная «пассионарная» группа. Ее вожак — генерал де-Рибас — 9 августа пишет В. С. Попову: «Я гибну от желания что-нибудь совершить» (Дерибас 1990: 6; 16:403).

Тем временем Светлейший готовился к захвату Хаджибея по-своему. Он «передергивает карты». Формально им были отданы соответствующие распоряжения. 3 сентября Гудович выступил из Очакова со своим корпусом, имея приказ Потемкина атаковать и взять Хаджибей. Эту операцию сухопутных сил было решено провести совместно с флотом. Такой же приказ получил и М. И. Войнович — предусматривалось, что русская Лиманская флотилия у Очакова под его командованием подойдет к Хаджибею и вступит в бой с турецким флотом, крейсировавшим близ крепости. Войнович еще в августе доносил Потемкину: «Располагаем сделать атаку в одно время на море и на земле».

Главнокомандующему, как и всем офицерам, было хорошо известно, что опасность Хаджибейского замка была отнюдь не в силе его стен и гарнизона, а именно в защищенности всей орудийной мощью турецкого флота, курсирующего в Хаджибейской бухте. Поэтому крепость могла быть успешно взята русскими войсками лишь при взаимодействии достаточно крупных контингентов с суши и моря. Срок штурма был назначен — ночь с 13 на 14 сентября. Это был приказ Потемкина — главнокомандующего, и нарушить его было невозможно.

Этот приказ — брать крепость — и получает де-Рибас как командир головного отряда корпуса Гудовича. Получает, естественно, по инстанции, через Гудовича. Однако при этом ос-

новные силы корпуса были почему-то остановлены у Тилигула, и отряд де-Рибаса оказывается один на один с Хаджибеем. При этом, как выясняется, Войнович и не подумал являться в назначенный срок.

Ясно, что военные люди не могут не подчиняться приказу. Но оба — и Гудович, и Войнович — этого не сделали. А приказ де-Рибасу атаковать, отменен при этом не был. Факты именно таковы — и они могут означать только одно: негласную отмену приказа Потемкиным Гудовичу и Войновичу.

Так де-Рибас со своими «спутниками» оказался между Сциллой (турки) и Харибдой (Войновичем и Гудовичем). Лишенный поддержки сухопутных сил и взаимодействующего с ними флота, его головной отряд был обречен на верную смерть под Хаджибейскими стенами — ясно было, что в случае самостоятельной атаки турки его полностью уничтожат.

Это был сильнейший выигрышный «ход» Потемкина в его игре «Ну, что, попался, негодяй!». Понял ли это де-Рибас в туманную ночь с 13 на 14 сентября, сидя со своими казаками в Кривой балке, в четырех верстах от крепости? Получалось, что де-Рибасу приказ никто не отменял, И, если его не выполнить, то он трус и ничтожество, что и требовалось Потемкину доказать. Это позор, которого не пережить. И императрица точно узнает. А выполнить невозможно — потому что это смерть, и его самого, и его отряда. Тот же позор, только посмертный. Для «рыцарей» такое невыносимо (Смольянинов 1852: 120-123).

Выхода не было. И де-Рибас обсудил это с казацкими старшинами. Они принимают единственно возможное в их положении «мужское» решение — нужно было овладеть крепостью одним ударом, чтобы державшийся у берега турецкий флот не успел высадить десант. Таким лишь мог быть ответный «ход» Одиссея в этой игре «Как отсюда выбраться?» — игре без правил: взять крепость неожиданно и молниеносно.

Опустим здесь подробности штурма — они хорошо известны. Маленький «пассионарный» отряд де-Рибаса в густом тумане, обмотав соломой пушечные колеса, а тесаки — паклей, сумел незаметно подкрасться к стенам Хаджибея и почти мгновенно им овладеть. Их заметили с турецкого флота, но было поздно — де-Рибас успел выставить батарею майора Меркеля из 12-ти пушек…

«Свежая» оценка действий других своих «товарищей по оружию» Гудовича и Войновича дана де-Рибасом в письме из захваченного им Хаджибея В. С. Попову от 17 сентября (Де-Рибас 1879: 407). Он сетует на то, что Гудович нарушил свое обещание и своевременно не послал графа Безбородко с отрядом и батареей с 20-ю пушками к маяку. Это имело бы «громадное действие; неприятель потерял бы вдвое судов… но я не знаю, по какому случаю генерал не поспел этого сделать: он был в 13 верстах от меня, когда я начал атаку; он прибыл верхом и когда все было кончено, и его полк на два часа позже. Он наверно думал, что темнота меня устрашит, и что я не посмею вступить в бой. Вот мне кажется причина, по которой он не послал свой отряд». Что до Войновича, то «страшно слышать разговоры здешних о гр. Войновиче. Я умалчиваю о своих прежних рапортах, но морской журнал всегда будет говорить… Я печален и очень, несмотря на многие причины быть довольным» (*подчеркнуто нами — А. Д.).*

Действительно, этих причин было немало. Де-Рибасу удалось проскочить между своими Сциллой и Харибдой, он снова блестяще и в совершенно безнадежной ситуации «выиграл» у коварного Посейдона — лишь своим мужеством, отвагой, решительностью. Сложившаяся ситуация была для Потемкина очень унизительной — выигрыш де-Рибаса был очень высоко оценен при дворе. «Это произвело здесь большое впечатление, — пишет мужу Настасия Ивановна. — Государыня говорила мне о вас и о вашей победе, милостиво выражая свое удовольствие. Принц Нассаусский поздравил меня с одержанной вами победой» (цит. по: Дерибас 1990: 18). О подвиге Хаджибея Екатерина немедленно сообщила и в своей переписке барону Гримму. Лично поздравил де-Рибаса и А. В. Суворов. Да и награда за подвиг — орден Владимира 3-й степени, недавно учрежденный самой Екатериной (1782 г.), была очень высокой и почетной — она давалась исключительно за боевые подвиги (Кузнецов 1985: 69-75).

Все это произвело на «рыцаря» и «античного героя» де-Рибаса огромное впечатление. Видимо, он все же не мог рассчитывать, что останется жив. Но — пронесло. И это значит, что для де-Рибаса Хаджибей имел огромное «экзистенциальное» значение. Мы знаем, что победа была немедленно отпразднована по-античному: именно в кофейне грека Симона Аспориди встретил Иосиф де-Рибас утром 14 сентября 1789 г. восход солнца — Солнца своей победы над Хаджибеем. Хаджибей пал между 4 и 5 часами утра. Кофейня была «античной», греческой, офицеры праздновали победу также античными, «лучшим кипрским вином и душистой мастикой» (Дерибас 1990: 110-111). Кофейня находилась на том самом месте, где и был через пять лет совершен обряд основания Одессы.

Если попытаться поставить себя на место де-Рибаса-Одиссея-«победителя», празднующего победу на античный манер, то не покажется невероятной еще одна ассоциация. Известно, что имя «Хаджибей» может переводиться как «спутник великого Хаджи». Одиссей же переводится как «спутник Зевса». Уместно

предположить, что в сознании де-Рибаса (при его владении многими языками) это могло преломиться семантически: Хаджибей и Одиссей — одно и то же имя. Античный Одиссей в знак своей победы над «варваром» Хаджибеем должен увековечить это место и построить здесь город в свою честь[1].

Если сказанное справедливо, то именно ранним утром 14 сентября, при восходе Солнца Его Победы над Хаджибеем, де-Рибас-Одиссей задумывает основать город своей мечты именно здесь — на месте своего «экзистенциального» подвига. И назвать его одновременно и в честь Одиссея, и в честь своей Дамы-Афины. Иначе трудно объяснить его дальнейшее острое желание и настойчивость именно в этом.

Именно здесь, у кофейни Аспориди, и в этот момент, пройдя Сциллу и Харибду и утерев нос самому Посейдону, после совершения «сверхпоступка» Одиссея, де-Рибас мог по-настоящему ощутить «потос» Александра Великого. Его судьба обрела новый «пороговый смысл». У него была «своя» преданная армия — черноморские казаки, перед которой стояла новая «сверхзадача» — выиграть с этой армией войну против Турции. А заодно и расправиться с Потемкиным.

Напомним, что войны с Турцией воспринимались европейским классицизмом как борьба Европы и Азии. Османская империя — это «варварская» Персия, империя Ахеменидов. Измаил же Байрон прямо называл Троей.

Мысленно примеряя «мантию Александра Великого», де-Рибас всем своим новым «потосом» стремится к «новому «аретэ» — он желает со своей казацкой армией отправиться туда, куда совершил свой первый поход юный Александр, — на Дунай и выиграть всю русско-турецкую войну. И делает все от него зависящее для осуществления этого намерения — вплоть до подписания Ясского мира.

Измаильская «Илиада»

Известно, что Потемкин никак не наказал ни Гудовича, ни Войновича, несмотря на их жалкие роли в деле Хаджибея. Отряд де-Рибаса удерживал крепость более 10 дней, не давая турецкому флоту высадить десант. Затем казаки-черноморцы во главе со своими «навархами» — полковниками Чепегой и Головатым под руководством де-Рибаса поднимают на поверхность затопленные турецкие лансоны между Хаджибеем и Очаковом и сами создают Черноморскую гребную флотилию. Потемкин снова посылает ее на смерть — и эта флотилия в октябре 1790 г. совершает очередной подвиг. В устье Сулинского рукава Дуная отряд де-Рибаса, снова под покровом ночи, захватывает турецкие батареи. То же в Килийском рукаве делают черноморцы отряда Головатого. Они снова чудом остаются живы. «Помощь Провидения» — пишет де-Рибас Попову (Де-Рибас 1879: 408). От устьев Дуная «подвиг за подвигом, наводя ужас на турецкие поселения то бомбардировкою, то десантами, истребляя провианты, завоевывая крепости Тульчу, Исакчу и другие, флотилия все ближе подходила к Измаилу, уничтожила все его прибрежные батареи и защищавшие его с реки турецкие суда и сделала, таким образом, возможным взятие силой, считавшейся до сего неприступной, крепости» (Дерибас 1990: 20).

Де-Рибас хорошо видел эту возможность — он сам ее создал. Видели и другие. «Браво, дорогой генерал, — пишет 14 ноября де-Рибасу князь Репнин, — вы широко продвигаетесь с вашей прекрасной флотилией. Тульча ваша и вы, так сказать, у ворот Измаила! К вам идут, дорогой генерал, как некогда стремились в Афины *(подчеркнуто нами — А. Д.)*. Все хотят сражаться под вашими знаменами и если послушать этих юных и доблестных воинов, которые прибыли к нам из-за границы, то все они отправились бы к вам» (Дерибас 1990: . 21).

Граф Ланжерон, который тогда оказался в числе «этих юных и доблестных воинов», оценивал ситуацию так же: «Смелость предприятия адмирала де-Рибаса, быстрое покорение Тульчи, потом Исакчи, дали основание думать, что попытка взять Измаил может иметь успех». Сражаться под знаменами де-Рибаса мечтали и другие «доблестные юноши» — среди них отметим герцога Ришелье и Франца де-Волана. Последний, как мы знаем, и после Измаила остался органичным соратником и единомышленником де-Рибаса.

«Воспоминания» о штурме Измаила другого из «юных и доблестных воинов», принца Шарля де Линя, помогают нам и сегодня «*разогнать туман забвения, что стал его скрывать*», — так выразился «Гомер Измаила» Байрон (Байрон 1947). Действительно, седьмая и восьмая песни его «Дон-Жуана» являются подлинной «Илиадой» измаильской эпо-

[1] Такое предположение вероятно — античные ассоциации при наименовании российских городов, видимо, были совершенно прозвольными. Ни один российский город, получивший античное имя, не назван в честь своего предшественника по местонахождению. Так, Херсон основан далеко от Херсонеса. То же касается Ольвиополя, Тирасполя и др. Одесса же, по мнению антиковедов XVIII века, была основана на месте древнего Одессоса. Оказалось, что это не так — но таковым было **мнение** эпохи. Поэтому не столь важно, является ли этимологически верным отождествление Хаджибея и Одиссея. Де-Рибас так **считал** — и это было для него достаточным основанием.

пеи. И сам Измаил прямо связывается поэтом с Троей-Илионом. Между тем, в отличие от «Илиады», песни поэмы строго документированы и хронологизированы, поскольку основаны на подробнейших «Воспоминаниях» де Линя. В «Дон-Жуане», таким образом, точно воспроизводится событийная канва. Это позволяет «вчувствоваться» в «археологию» событий, в «археологию» поступков всех действующих лиц.

Надо думать, что если вся русская армия и вся Европа ожидали к концу ноября 1790 года взятия Измаила именно де-Рибасом, то это не было тайной и для Потемкина. Способность де-Рибаса совершить этот подвиг уже теперь вряд ли вызывала у него сомнения. Тем более что сам де-Рибас постоянно настаивает на немедленном штурме. Это зафиксировано в многочисленных рапортах генерала на имя Г. А. Потемкина, в письмах В. С. Попову, в воспоминаниях Ришелье, Ланжерона, Рошешуара и того же де Линя. «Потос» де-Рибаса и необычайную пассионарность его флотилии отметил Байрон:

«И русский генерал, известный Де Рибас,
Упорно требовал от генералитета
Назначить общий штурм, но получил отказ.
И старцев, и юнцов — всех устрашило это
Но споры излагать не стану я…».

(Дон Жуан, песнь 7, 35).

Отказ был понятен — снова «вчувствуемся» в положение Потемкина. Угробить де-Рибаса никак не удается, мало того, его враг и соперник вплотную приблизился к самому гребню славы. А ведь *«слава — выигрыш!»* ***(песнь 7, 33).*** Если допустить, что де-Рибас возьмет Измаил, то он и выиграет всю войну. Вся слава достанется де-Рибасу, а не ему, Потемкину. Но он находился в безвыходном положении — не только вся армия, но и сама Екатерина требовала «достать мир с турками», а это было невозможно, пока держался Измаил и «вязал руки» наступавшим войскам.

Откладывать далее штурм было невозможно. И князь решил обмануть судьбу.

Известно, что с суши Измаил был блокирован русскими войсками. Их командующие — генералы Самойлов и Потемкин (родственник князя Г. А. Потемкина) полагали, что взять Измаил невозможно. Формально власть де-Рибаса распространялась лишь на флотилию — под Измаилом было три равноправных начальника, власть которых не была объединена. И два из них 26 ноября, по негласному указанию (просьбе?) главнокомандующего, начинают отводить свои войска. Все было сговорено и сделано тихо, по-родственному. Турки не верили своему счастью:

«С восторженным “Алла”, вытягивая шеи,
Дивились турки: враг осаду снял, бежит!»

(песнь 7, 42).

Нетрудно представить себе бессильное в этот момент отчаяние де-Рибаса — у него отняли самый крупный «выигрыш» — славу! Ведь *«известность — как лото, и слава — выигрыш!».*

И в этом отчаянии

«… отправил
Рибас к Потемкину курьера. Удалась
Его затея: он все дело так представил,
Что план его вполне одобрил властный князь.
Что адмирал писал, и как в письме лукавил, —
Не знаю...».

(песнь 7, 38).

«Властный князь» сумел обмануть де-Рибаса иначе — снимая осаду с Измаила, он одновременно

«приказ “взять штурмом Измаил”
Любовнику войны — Суворову — вручил!»

(песнь 7, 39)

Это было очень умно и как бы патриотично — нельзя было допустить, чтобы слава взятия самой мощной в то время в Европе крепости досталась иностранцу и казакам. Руководить штурмом должен был только «настоящий» русский генерал. Тем более такой любимый войсками, как А. В. Суворов — это была идеальная кандидатура. Да и де-Рибасу здесь невозможно было возражать — с Суворовым у него были самые добрые отношения. Потемкин «сыграл» блестяще — он противопоставил своему врагу не меньшего, пожалуй, «пассионария». Сила воздействия «пассионарной индукции» Суворова на русскую армию была огромной.

Суворов прибыл под Измаил 2 декабря, лишь за 8 дней до штурма, к которому де-Рибасом уже все было подготовлено.

Штурм Измаила многократно описан исключительно с позиций русского патриотизма. В этом может убедиться каждый, кто обратится к любому учебнику по истории России или СССР или к любой подобной литературе. Можно видеть, что Потемкину все же удалось отнять у де-Рибаса основную долю славы этой победы в глазах потомков.

Но не в глазах очевидцев, участников штурма и современников — они прекрасно знали, что решающую роль в овладении Измаилом сыграли именно де-Рибас с Головатым и возглавляемая ими казацкая гребная флотилия. Очевидно, несмотря на всеобщий массовый героизм русской армии под Измаилом, действие «пассионарной индукции» де-Рибаса, казацких старшин, гренадеров Эммануила оказалось самым высоким. Именно они своим мужеством решили исход штурма в пользу остальной русской армии, действия которой носили, в основном, вспомогательный характер. Самим Суворовым атака русских войск была задумана как отвлекающая. Основную задачу должен был решить флот. Впрочем, войска не должны были об этом знать.

Опустим здесь подробности штурма — его судьбу действительно решил массовый героизм солдат и офицеров. И не стоит ни умалять заслуги Суворова, ни приписывать ему чужие

подвиги. Но крепость была сдана турками именно де-Рибасу, а не Суворову:

«И к Де Рибасу вмиг помчался бей, спеша
Уведомить, что флаг готов спустить паша».
(песнь 8, 120).

Такого же мнения был и сам Суворов. «На третий день после штурма, — пишет герцог де Ришелье, участник этой битвы, — генерал Суворов обедал на борту корабля де-Рибаса и высказал ему много комплиментов, приписывая ему, не без основания, наибольшую долю чести этого подвига». И даже в своей военной реляции Суворов официально аттестовал де-Рибаса «как принявшего в штурме Измаила самое большое участие, присутствуя везде, где более надобности требовалось, ободряя мужеством подчиненных, взял великое количество в плен и представил отнятые у неприятеля сто тридцать знамен».

Описывая свою поездку с Пушкиным в Измаил в конце 1821 г., И. П. Липранди замечает, что Пушкин был «очень чуток к подвигу». Подробности штурма Измаила ему были известны очень хорошо. И единственное, что поразило воображение поэта, — то, «каким образом де-Рибас мог со стороны Дуная взобраться на эту каменную стену» (Добролюбский, Добролюбская 1997: 32).

Если посмотреть на изображение первого герба Измаила, то можно увидеть казацкую чайку на волнах Дуная, «кавальер», казацкую саблю и поверженный мусульманский полумесяц. А также знак Георгиевского креста. У составителей герба не было сомнений в том, кто на самом деле взял Измаил: этот подвиг совершили «мальтийские» рыцари — запорожские казаки под командованием де-Рибаса (Добролюбский, Добролюбская 1997: 33) [2].

Гнев и милости Афины

Де-Рибас-Одиссей сумел-таки взять свою Трою. Это был очередной «сверхпоступок» и крупнейший психологический «выигрыш». И его Афина это оценила самым высоким образом — ведь императрица знала, кто были главными героями этого штурма. Именно де-Рибас был награжден Георгием 2-й степени и шпагой, осыпанной бриллиантами. Казаки, помимо наград, получили и многочисленные льготы (Скальковський 1994:).

При этом императрица-Афина была очень недовольна князем Таврическим — очевидно, она видела всю историю войны от Очакова до Измаила своими глазами — Екатерина, видимо, имела все основания думать, что де-Рибас был отстранен Потемкиным от головного командования штурмом несправедливо. Поэтому измаильский подвиг де-Рибаса и был ею оценен максимально — ведь орден Георгия мог получить лишь тот, кто, «лично предводительствуя войском, одержит над неприятелем, в значительных силах состоящим, полную победу, последствием которой будет совершенное его уничтожение», или «лично предводительствуя войском, возьмет крепость» (Добролюбский, Челомбитько 1999: 45-46). Не случайно и то, что Суворова в награду за Измаил она произвела лишь в подполковники Преображенского полка — того самого, полковником которого была Екатерина. Ясно, что императрица считала участие Суворова в этом деле «ситуационным». Да Суворов и сам об этом знал.

Судьба Потемкина после Измаила была полностью сломана. Очевидно, «команда де-Рибаса» успешно потрудилась и на светском «фронте» — в феврале 1791 года Потемкин был вызван в Петербург, «на ковер». Мы не знаем подробностей царственной выволочки и последующей опалы. Но зато знаем результаты: отставка была решена — за бездарность у Очакова, за подлость под Хаджибеем, за трусость при Измаиле. За все. Стресс его был сильнейший, князь очень переживал свое унижение и поражение — ясно, что этот человек, которому было всего 51 год, не хотел далее жить. Любой врач может подтвердить это, если прочтет письмо канцлера князя А. А. Безбородко, которое он пишет из Ясс графу П. В. Завадовскому. «Склонность его к желчи, при геморроях, раздраженная разными неприятностями, в последнюю его у вас бытность (*с 24 февраля по 24 июля — А. Д.*), вызвала приступ «молдавской лихорадки», от которой лечиться он не желал — «по обычаю своему, растворяя ночью окна, не воздерживался в пище и не принимал лекарства..., дошел до крайности, исповедовался и причащался…», затем «съел целого гуся и впал в рецидиву. Тут еще более отрекся он от лекарств… по ночам велел лить себе eau de Cologne на голову, опрыскивал себя кропилом с холодной водою и тем мешая всякой транспирации концентрировал весь жар во внутренности своей» (Безбородко 1879: 503-504). 4 октября, отъехав пять верст от станции Резина, он попросил вынести его из коляски и положить на землю. Так он скончался. Снова прокомментируем это словами Байрона:

«От несварения он умер, пищей сладкой
Объевшись — и лежал у придорожных лип,
Стяжав проклятия страны, им разоренной, —
Как саранча, что мрет на ниве обнаженной»
(песнь 7, 36)

[2] Этот герб был «патриотически» подправлен и изменен с 1826 г. — убраны изображения кавальера и казацкой чайки. Вместо них показаны нос корабля на якоре и часть берега. В его описании говорится, что символика герба связана, почему-то, с победой при Кагуле (Винклер П. П. Гербы городов, губерний и посадов Российской империи. —СПб, 1899).

И дополним свидетельством Безбородко: «При вскрытии тела его найдено необычайное разлитие желчи, даже, что части ея, прильнув к некиим внутренностям, затвердели… Много он должен казне…».

После смерти Потемкина императрица назначает главнокомандующим друга де-Рибаса, князя Г. С. Волконского. Под его руководством еще в июле 1791 года де-Рибас, возглавляя каперийскую атаку при Мачине, решает исход этого боя в пользу русских. За Мачин он награждается Афиной орденом Александра Невского (*наверное, Потемкина это добило — А. Д.)*. А затем, в составе русской делегации, подписывает Ясский мир. Он выиграл свою войну — совершил суперподвиги, победил своего Посейдона и снискал благодарность Афины и подлинную славу.

На пути к Городу Солнца

Если справедливо предположение, что «Одиссей» — это, в «компаративно-лингвистическом» сознании де-Рибаса, перерожденный (возрожденный) «Хаджибей», то нетрудно себе представить, что замысел основать город с таким античным именем на месте своей победы возник у него именно утром 14 сентября 1789 года, в кофейне Аспориди, на нынешнем углу Ланжероновской и Ришельевской. И он стал к этому готовиться.

«После взятия Хаджибея, де-Рибас оставался в нем еще долго… и не терял напрасно времени; его поразила доброта Хаджибейского рейда, и свои предположения о возможности построения здесь гавани… он подкрепил целым рядом наблюдений и лично сделанных измерений, — пишет А. Дерибас. — Несомненно, что будущий сподвижник его по основанию Одессы, Франц Павлович де-Волан, состоял при нем еще в Хаджибее…По всем вероятиям, работы по измерениям рейда и другие были произведены ими вместе… Во всяком случае, план основания Одессы… был выработан исподволь, систематично, основательно» (Дерибас 1990: 4-6).

Показателем античных пристрастий де-Волана может для нас послужить тот факт, что при строительстве укреплений бывшего турецкого Аджидера (Овидиополя) он в 1795 году случайно наткнулся на древнюю могилу в каменном ящике. И немедленно объявил ее гробницей самого Овидия, о чем, как о сенсационной находке, оповестили мир парижские газеты (Формозов 1986: 106-107). Разумеется, это оказалось ошибкой — впоследствии выяснилось, что захоронение действительно было античным, но совершено лет за 350 до рождения поэта-изгнанника. Однако факт сам по себе диагностичен — де-Волану очень хотелось найти «античного» Овидия. [3]

Не менее антично-диагностичным в этом отношении оказывается и первый план Хаджибея-Одессы, составленный де-Воланом зимой-весной 1794 года. Он свидетельствует, что город был задуман как античный с самого начала. Попытаемся «вчувствоваться» в замысел де-Волана.

В античной ментальности, любые существенные действия, заполняющие человеческую жизнь, — рождение, брак, смерть, основание города, дома или храма, освоение новой территории и т. д. — обладают значением и ценностью не сами по себе, а как повторение мифологического, идеального образца, как воспроизведение некоторого прадействия. И в античной мифологии существует представление об отделении богами тверди от хляби — о выделении организованного упорядоченного пространства из первозданного хаоса как об изначальном акте творения. Овладение новой землей, будь то на основе военного ее захвата, будь то в результате открытия, становилось подлинно реальным в переживании каждого, только если с помощью точно исполненного ритуала в нем обнаруживалось повторение изначального мифологического акта творения.

Так, в частности, объяснялись обряды закладки городов у древних римлян еще в эпоху Ранней империи. Проведя ночь у костра, основатели будущего города втыкали в землю шест (или копье), следя за тем, чтобы он стоял строго вертикально, и когда шест, озаренный первым лучом восходящего солнца, отбрасывал на землю длинную тень, по ней поспешно **проводили плугом борозду,** определявшую направление первой главной улицы — декумануса; к ней выставлялся перпендикуляр, становившийся второй главной улицей — кардином, и у их пересечения возникало ядро города, центр, одновременно деловой, общественный и сакральный. Происходило как бы заклятие неупорядоченной первозданной природы; на ее хаотическую пустоту, повторив первичный акт творения, оказывалась наложенной четкая геометрия порядка и воли.

Мы сегодня знаем, что все эти соображения были органично присущи де-Рибасу и де-Волану — «в тот же день» (*рождения Одессы — А. Д.*) была проведена **первая борозда** для фундаментов городских строений**»** (Дерибас 1990: 8). Это означает, что основатели города строго соблюдали античные ритуальные действия. Рассмотрим несколько подробнее об-

[3] Турецкая крепость Хаджидер (переводится как бедный скиталец) названа Овидиополем теми же де-Рибасом с де-Воланом. Именно Овидий был бедным скитальцем в сознании классицизма того времени. По **мнению** эпохи, он некогда жил именно здесь. Поэтому и де-Волан так тоже **считал.** Он же — автор и первого «античного» плана Овидиополя.

разцы, на которые они были сориентированы.

В Римской империи на бесконечных просторах от Атлантики до Двуречья и Причерноморья возникают одни и те же города, с одной и той же основной, «декуманусной» магистралью, которую в центре пересекает другая магистраль; у их скрещения одна и та же площадь, на которой стоят одни и те же здания: базилика, храм Капитолийской триады, рынок, храм императора. Неподалеку от центральной площади находятся термы, амфитеатр, театр, или цирк — место для зрелищ, тоже носивших сакральный характер. В определенное время там происходят выборы руководства гражданского коллектива. «Жить по-другому нельзя, жить — это значит быть гражданином, жить — значит жить в полисе, в городе, ценить его и хранить... *Античность — это полис*» (Кнабе 1993: 18).

Несмотря на греческие наименования, новые города в Российской империи, основанные во второй половине XVIII века на отвоеванных территориях, планировались по римским образцам — это наблюдается решительно во всех случаях. Чаще всего это происходило без учета условий местности (Тимофеенко 1984: 200) — сетка прямоугольных кварталов, рассеченных

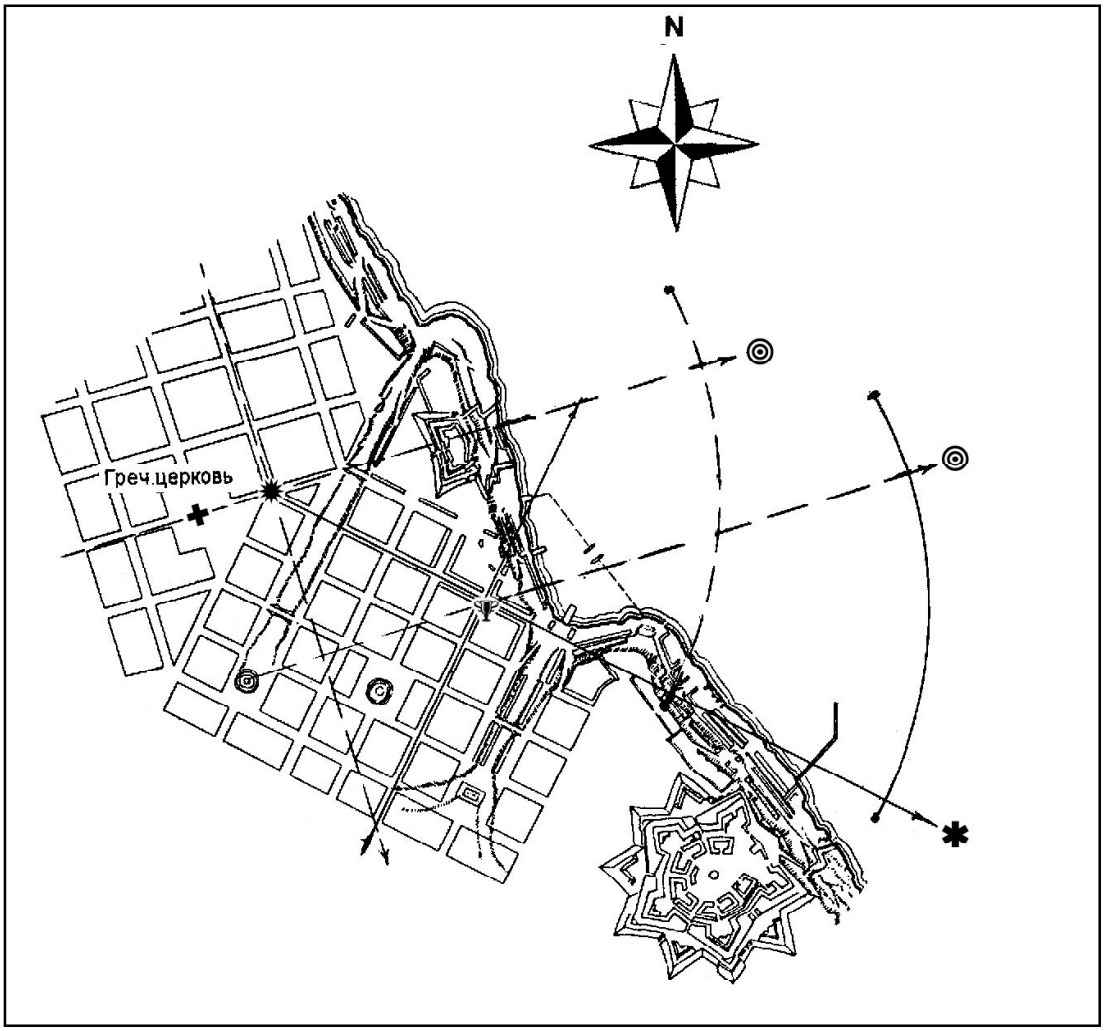

Рис. 3. «План города Гаджибея». Составлен Ф. де-Воланом в январе-феврале 1794 г. Утверждён 27 мая 1794 г.

✱ — *точка восхода Солнца над Одессой в середине января (азимут 120º).*

◎ — *точка восхода Солнца над Одессой в день её рождения — 22 августа (азимут 75º).*

🏆 — *место археологического обнаружения обряда основания Одессы (сакральный центр — угол Ланжероновской и Ришельевской).*

⟵ — *линии декумануса и кардана для Военного форштадта.*

⟵ - - — *линии декумануса и кардана для Греческого форштадта.*

✷ — *солярный центр Одессы.*

— *диапазон изменений освещения Одессы Солнцем.*

— *крайние азимуты от 125º до 55º: из сакрального и солярного центров.*

меридиональными и широтными улицами, механически накладывалась на избранное для города место. Так, при утверждении проекта Вознесенска прямо указано, что «улицы города сего расположены перпендикулярно от севера к югу и от востока к западу». Отклонения от меридиональной ориентировки немногочисленны и допускались лишь в связи с существенными ландшафтными помехами.

Незначительно отклонялись от меридиана и основные улицы Одессы и Овидиополя — городов, проектировавшихся де-Воланом. Попытаемся проникнуться его замыслом первого плана Одессы.

«План города Гаджибея», разработанный де-Воланом и утвержденный Екатериной II 27 мая 1794 г., считается первым основным проектом города. Это эскизная схема, из которой заимствовали размеры кварталов, улиц и принцип композиционного построения (Тимофеенко 1984: 150-154). Отклонение от строгой меридиональной ориентировки в литературе объясняется необходимостью использовать естественную параллельность Военной и Карантинной балок и сместить тем самым трассировку ведущих к морю улиц Военного форштадта от строгой оси север-юг. Это, на первый взгляд, кажется очевидным.

Между тем известно, что план составлялся де-Воланом на местности зимой 1794 г. Именно в это время солнце над Одессой восходит с отклонением к юго-востоку. Солнечные лучи в середине зимы идут вдоль улиц, параллельных нынешней Ланжероновской. Азимут восхода солнца, считаемый от точки севера по часовой стрелке, в середине января (по старому стилю) составляет около 120°. [4] Это означает, что упомянутый «принцип композиционного построения» оказывается в полном соответствии с описанным древнеримским ритуалом «декумануса» как раз для того времени года, когда составлялся «План...» *(рис. 3).*

Действительно, на рассматриваемом «Плане...» ряды улиц, параллельные нынешней Ланжероновской, направлены к точке восхода солнца в январе, а потому образуют линии «декумануса» *(decumanus ager* — поле, с которого вносится десятая часть продуктов). Тогда все перпендикулярные улицы (параллельные нынешней Ришельевской) образуют линии «кардина» (*cardinis* —ось, небесный полюс, граница). Изначальное деление Одессы на кварталы и участки, таким образом, восходит к древнейшим римским сельскохозяйственным нормативам распределения земли. «План...», таким образом, доказывает, что римская градостроительная идея в него была заложена еще на уровне первичного замысла. Не случайно позднее римляне стали называть главную улицу военного лагеря или города термином *decumanus maximus*.

Место совершения обряда Основания Одессы — у кофейни Аспориди — указывает нам на ту точку, которую его участники считали исходным центром — место, где де-Волан с де-Рибасом устанавливали символический шест или копье. Обряд «маркирует» для нас это место. И, если находиться в этой точке на незастроенной местности при восходе солнца в середине января, то оно встанет над морем, прямо над Карантинной балкой в том месте, где в нее ведет нынешний Ланжероновский спуск.

Этот обряд на месте закладки первого дома Одессы 22 августа 1794 г. (Губарь, Добролюбский 1996: 7-9) был совершен примерно полгода спустя после составления «Плана города Гаджибея», который Одессой еще не назван. Но участники обряда заранее ведут себя как античные «культурные герои», «обустраивающие» будущий город (ритуальное возлияние, закладка монеты, сломанное оружие и т. п.). [5]

Сказанное позволяет полагать, что первой главной улицей Военного форштадта — декуманусом — была задумана будущая Ланжероновская улица. Тогда кардином становилась будущая Ришельевская. Этим де-Рибас с де-Воланом предопределяли общественный и сакральный центр города. Здесь был заложен первый дом— дом аристократа, князя Г. С. Волконского. И, как известно, первый социокультурный эпицентр будущей Одессы в конце XVIII — начале XIX вв. (дом Ришелье, театр, гостиница Рено, аристократический клуб, коммерческое казино, ресторация Отона, биржа, дворец Ланжерона, плац-парад) образовался именно здесь.

Военная и Карантинная балки используются как спуски из города в порт, с ними же увязана и трассировка «кардинных» и «декуманусных» улиц. Получается, что не одна лишь естественная параллельность балок предопределяла отклонение этой трассировки от строгой линии север-юг, а их изначальная «кардинная» направленность. Это обусловило выбор де-Воланом на побережье залива такого конкретного плато, где планировка оказалась бы в полном соответствии, как с античной градостроительной традицией, так и с условиями местности. Именно плато, ограниченное «кардинно» ориентированными Военной и Карантинной балками, отвечало нужным условиям — лишь на нем можно было оптимально соединить систему прямых улиц с требованиями антично-

[4] Все азимуты вычислены от точки севера на восток, по часовой стрелке. Максимальное значение азимута восхода Солнца 22 декабря (по новому стилю) — 125°, минимальное, 22 июня — 55° (округление с точностью до одного градуса).

[5] Точно на этом месте, в кофейне грека Симона Аспориди, встретил Иосиф Де Рибас утром 14 сентября 1789 г. восход солнца — Солнца своей победы над Хаджибеем (азимут 90°). Хаджибей пал между 4 и 5 часами утра. Солнце в этот день всходило точно на востоке (см. выше).

го обряда. Так было выделено основное, «сакральное» ядро будущего города. Его западная, «профанная» часть (Греческий форштадт) проектировалась уже на другом плато, под углом 45° к основной сетке и рассматривалась как периферийная.

Однако и такая планировка Греческого форштадта оказывается не случайной. Если перенести на него «декуманусные» линии, то им будут соответствовать улицы, параллельные нынешней Тираспольской, а «кардинные» — Нежинской. В таком случае азимут восхода солнца составляет около 75°. Такое расположение улиц Греческого форштадта соответствует линии декумануса на 22 августа по старому стилю — день основания Одессы. В этот день солнце восходит ровно под углом в 45° по отношению к плану Военного форштадта, одинаково равномерно освещая, таким образом, его декуманусные и кардинные улицы. Можно видеть, что день торжественной закладки Одессы был избран ее основателями заранее и сознательно, из вполне научных соображений.

Можно видеть и другое — именно в день рождения Одессы «кардинная» ось Греческого форштадта, по замыслу де-Волана, становится солярной осью для всего города, его действительным «небесным полюсом». В таком случае солярный центр Одессы оказывается на стыке Военного и Греческого форштадтов, а точнее — примерно на нынешнем углу Преображенской, Ланжероновской и Херсонской. Солнце всегда встает над морем, диапазон изменений его точек восхода над Одессой составляет 70°. Город, таким образом, расположен самым благоприятным образом для своего самого гармоничного солнечного освещения с учетом всех конкретных условий — местности и времени года. А в день рождения Одессы такое освещение становится едва ли не идеальным.

На солярной, «небесной» оси располагается и задуманная здесь де-Воланом Греческая церковь. Последнее обстоятельство лишний раз подчеркивает изначальную античную обусловленность «Плана города Гаджибея» (Добролюбский, Челомбитько 1999: 6-7).

В дальнейшем полисная идея была модифицирована де-Воланом в планах Одессы 1803, 1809 и 1811 гг. в так называемую «очаговую» или «мегаполисную». Она заключалась в проектировке восьми площадей как будущих самостоятельных очагов экономического и социокультурного притяжения населения строящегося города (Чарнецкий 1997: 46-47). Такие очаги, по мысли де-Волана, при своем стихийном разрастании объединяются в общий мегаполис по единому, «римскому» плану, «как бы постепенно сливающимися крупными пятнами». Эта идея создавала дополнительные резервы жизнеспособности Одессы. Одним из таких запланированных «очагов» была нынешняя Греческая площадь. Возможно, не случайно «круглый дом», находящийся именно на ней, расположен точно на линии восхода солнца в день рождения Одессы.

Трудно сказать, мог ли де-Волан знать при составлении плана зимой 1794 г. задуманное де-Рибасом имя будущего города. Но ясно, что оно могло быть только античным.

Становится объяснимым и выбор конкретной даты основания Одессы. «Надлежало начертанный де-Воланом план города наложить в натуральную величину на пустынную территорию Хаджибея...наметить места для храмов. С благословения Гавриила, в присутствии де-Рибаса и де-Волана, 22-го августа 1794 года было положено основание нашего города» (Дерибас 1990: 7-8).

Удивительно удачная планировка одесских улиц и связанные с этим «комфортные» ощущения одесситов многократно отмечались в литературе. Этим мы обязаны не только высочайшему профессионализму и таланту де-Волана, но и его необычайной культурной чуткости к древнейшим традициям античного градостроения. Своим планом он сумел оптимально обеспечить освещение будущего города Солнцем. План де-Волана оказался, таким образом, совершенным воплощением античного градостроительного замысла де-Рибаса.

Одесса как памятник де-Рибасу, или «археология» имени

В царствование Екатерины создание новых городов на юге России (как и в Римской империи) было самым обычным делом. «Избирался какой-либо пункт местным администратором… писалось об этом в Петербург, откуда шел на его имя указ: «*повелеваем* на сем, избранном вами, месте *град воздвигнуть*». Таких городов воздвигалось до десятка ежегодно (Атлас 1992: 26-28). Поэтому кажется удивительным, что градостроительная затея де-Рибаса с де-Воланом рассматривалась их противниками как едва ли не государственное преступление. Но это было именно так. «Никогда еще преступление не поднимало головы так высоко... безнаказанность и дерзость Рибаса достигли своего апогея». Более всего сопротивлялись сторонники устроения главного порта на Черном море в Очакове. Самыми активными из них были граф Ф. В. Растопчин и вице-адмирал Н. С. Мордвинов — злейшие враги де-Рибаса. Начались бесконечные интриги. Впрочем, Растопчин предвидел свое поражение — «борьба не будет равной», потому что «добродетель и достоинство всегда терпят поражение, когда против них вооружаются интрига и преступление».

Мы знаем, что «вооружившись интригой и преступлением», де-Рибас «выиграл» свою Одессу. Де-Волан пишет об этом: «Приманчивые и корыстолюбивые предупреждения не

Рис. 4. Иосиф Михайлович Де-Рибас.

укоснили возникнуть и, напрягая усилия свои возродить недоверчивость и затмить важное сие предприятие (построение одесского порта), вопияли о невозможности приведения сего в действо; однако твердость духа и усердие тех, на коих возложено руководство к произведению работ, противостояли буре сей, и устроение возымело свое начало 1794 года августа в 22 день» (Лотман 1988: 349).

Можно видеть, что хитроумный де-Рибас и здесь повел себя как Одиссей — формально он добивался лишь устроения порта Хаджибей, а фактически заложил **Город**. Оставалось дать ему желаемое имя.

Последовательность взаимных «подарков» Афины и Одиссея такова. Рескрипт об устройстве в Хаджибее военной гавани с купеческою пристанью был подписан Екатериной 27 мая 1794 г. Эта дата — день свадьбы де-Рибаса. Подписывая рескрипт, императрица тем самым делала ему очередной подарок. Как бы «в ответ», 22 августа де-Рибас закладывает монету с вензелем своей Богини в основание будущего города и, тем самым, посвящает его Ей. Этим же он ставит «памятник» себе, Одиссею. Естественно, что пока этот город никак не назван и продолжает именоваться Хаджибеем. Происходит это на месте, где некогда, по мнению де-Рибаса, был античный Одессос.

Проследим тайное и внезапное появление имени «Одесса». В декабре «вице-адмирал де-Рибас выехал в С.-Петербург, к Высочайшему Ея Императорского Величества двору...и минул первый и последний год жизни города Гаджибея!» (Смольянинов 1852: 531). «В начале 1795 года название Гаджибей исчезает: его место заступает Одесса... Слово «Одесса» встречается в первый раз в заглавии Высочайше утвержденного 10-го Генваря 1795 года штата запасного соляного магазина...В другой раз город Одесса упомянут в указе 27-го Генваря 1795 года об учреждении Вознесенской губернии. На основании этого указа в состав новой губернии входили двенадцать уездов с 12-ю окружными и 7-ю приписными городами. Между приписными упомянут и «город Одесса, татарами Гаджибей именованный», приписанный к Тираспольскому округу» (Смольянинов 1852: 532).

Вот и вся тайна. Де-Рибас специально приехал в Петербург, чтобы договориться с императрицей о новом имени Хаджибея. Екатерина сделала де-Рибасу высший и тайный подарок — позволила ему назвать новый город своим античным именем, освятив его своей «женской» сущностью и покровительством. Никакого специального указа о названии города в таких условиях и быть не могло — это было закамуфлировано другим «указом» — о соляном магазине.

Трудно себе представить, чтобы штат «запасного соляного магазина» требовал именно Высочайшего утверждения! Не менее трудно представить, чтобы имя «Одесса» после **Такого Утверждения** могло бы в России кем-то оспариваться. И это имя, данное явочным порядком, было закреплено в следующем указе — от 27 января — как факт, который уже далее не обсуждается. Он и не обсуждался. И, чтобы у де-Рибаса в дальнейшем было поменьше неприятностей с Растопчиным, Мордвиновым и др., императрица подчинила его непосредственно своему последнему любимцу — Платону Зубову, тогда екатеринославскому, таврическому и вознесенскому генерал-губернатору. А также «подарила» своему Одиссею на развитие новорожденной Одессы 712 тыс. рублей (по утверждениям Ф. В. Растопчина — 1 миллион 200 тыс.).

Трудно не восхититься — придумано все очень остроумно: Одесса началась с шутки и розыгрыша. Афина с Одиссеем развлеклись и снова всех провели. Никто ничего не понял. Завистникам оставалось только брюзжать, что де-Рибас «обманным образом вынудил у престарелой государыни согласие на построение никому не нужного города» (Атлас 1992: 23). Императрица с де-Рибасом обхитрили и современников, и потомков — они тайно поставили памятник в лице Одессы самим себе. В этом и есть **смысл** их поступка.

Смысл основания Одессы де-Рибас «обозначил» и другой существенной для себя символикой: дата на монете — 1784 год — не случайна, отстояла от даты закладки ровно на **10 лет**. Это — срок **странствий Одиссея**, после которых он вернулся домой. Так и де-Рибас, основав свою Одессу, закончил свою военную эпопею и **«вернулся домой»** — в знак этого он уложил оружие (кинжал) в закладную траншею дома своего боевого друга князя Волконского, с которым вместе выиграл свою последнюю битву при Мачине [6].

[6] В первом гербе Одессы, Высочайше утвержденном 22 апреля 1798 г., при жизни де-Рибаса, обозначена также и существенная для него «мальтийская» символика. В верхней части, под разветвлением шеи орла, видны «ласточкины хвосты» подарка Екатерины — ордена Св. Иоанна Иерусалимского (Винклер 1899: 109).

После смерти Екатерины в ноябре 1796 года Одессу у де-Рибаса отняли. Его жизнь без любимой государыни, без любимого «игрового» партнера во многом утратила вкус, стала пресной. Остаток своих лет он проводит в Петербурге, вынужденный терпеть унижения и бесконечные капризы императора Павла. Возможно, не случайно, оставшись без покровительства своей Афины, он утрачивает свой «потос» и погибает через четыре года, запутавшись в собственных интригах.

Одесса за эти годы без де-Рибаса тоже чуть было не погибла. Но ее спасли и поставили на ноги наследники де-Рибаса — Ришелье и Ланжерон — продолжатели его дела. Они сумели воплотить его мечту в жизнь. Поэтому Одесса оказалась лучшим «выигрышем» де-Рибаса — она самим своим существованием «обессмертила» его имя. Наверное, также не случайно Провидение позаботилось о том, чтобы мы через двести лет нашли остатки его тайного, «археологического» замысла. Ведь образ Одиссея и в нашем сознании — это символ тайны, надежды и выживания культуры вопреки всем испытаниям, выпавшим на ее долю в XX столетии.

…Историческая память причудлива. У постамента памятника Екатерине бронзовые фигуры де-Рибаса и Потемкина были поставлены рядом, в одной компании с Зубовым и де-Воланом. В такой же компании они остались и в дворике Одесского историко-краеведческого музея. Быть может, с «высшей» точки зрения это и справедливо. Ведь Потемкин своими руками «создал» именно «такого» де-Рибаса, который сумел основать именно «такую» Одессу.

ЛИТЕРАТУРА

Атлас Д. Г. 1992. Старая Одесса, ее друзья и недруги. Одесса.

Байрон Д. 1947. Дон Жуан. М.

Безбородко 1879 — Письмо канцлера А.А.Безбородко графу П. В. Завадовскому // ЗООИД. Т. 11. Одесса, 1879. С. 503-504.

Берн Э. 1992. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. СПб. Лениздат.

Винклер П. П. 1899. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. СПб.

Горбатюк А. И., Глазырин В. Л. 1994. Юная Одесса в портретах ее создателей. Одесса.

Грейвс Р. 1992. Мифы Древней Греции. М.

Губарь О. И., Добролюбский А. О. 1996. Ритуал основания Одессы // Роль музеев в развитии исторического краеведения в городе Одессе и крае. Одесса.

Гумилев Л. Н. 1990. Этногенез и биосфера Земли. Л.

Дерибас А. М. 1990. Старая Одесса. Одесса.

Добролюбский А. О., Добролюбская Ю. А. 1997. О «мальтийской» ментальности черноморских казаков // Запорозьке козацтво в пам» ятках історії та культури. Секція III-V. — Запоріжжя. С. 28-33.

Добролюбский А. О., Челомбитько А. П. 1999. Город Солнца // Ланжерон. Июль. Одесса. С. 6-7.

Кнабе Г. С. 1993. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М.

Кузнецов А. А. 1985. Ордена и медали России. М.

Кузнецов К. Г. 1991. Герменевтика и гуманитарное познание. М.

Лотман Ю. М. 1988. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. — М.

Письма 1872 — Письма генерал-майора О. М. де-Рибаса князю Потемкину-Таврическому // ЗООИД. Т. 8. Одесса, 1872. С. 230-238.

Письма 1879 — Письма адмирала Иосифа Михайловича де Рибаса правителю канцелярии фельдмаршала князя Потемкина-Таврического // ЗООИД. Т. 11. Одесса, 1879. С. 378-436.

Скальковський А. О. 1994. Історія Нової Сечі. Дніпропетровськ.

Смольянинов К. 1852. История Одессы // ЗООИД. Т. 4. Одесса. С. 338-442.

Тахо-Годи А. А. 1969. Греческая мифология. М.

Тимофеенко В. И. 1984. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века. Киев.

Ткачук М. Е. 1996. Археология свободы. Кишинев.

Феденев Р. К. 1993. Де Рибас. Одесса.

Формозов А. А. 1986. Страницы истории русской археологии. М.

Хейзинга Й. 1992. Homo ludens. М.

Чарнецкий В. А. 1997. Загадка Деволана // Одесса. №11-12.

Шахермайер Ф. 1984. Александр Македонский. М.

КУЛЬТУРНАЯ ПРОВОКАЦИЯ

От редактора

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬСЯ НА «РАСКОПКИ САКРАЛЬНОГО ТЕКСТА». ИЛИ — ПОЧЕМУ ЭТУ СТАТЬЮ ОПУБЛИКОВАЛИ

Читатель, перелистывая следующие страницы, будь осторожен! Это – провокация! Научная… культурная… местами тактичная, местами не очень, но — провокация. Традиционная формула – напоминание о том, что «мнение редакции (или других авторов) не совпадает с мнением отдельного автора…» или «редакция не несет ответственности…», как никогда справедлива и должна быть произнесена с редакционной трибуны именно в преддверии чтения статьи историка из Санкт-Петербурга Сергея Эрлиха «Россия колдунов-2».

Если бы вообще речь шла о том, что «мнение не совпадает»... Поступление статьи С.Эрлиха в редакционный портфель произвело эффект разорвавшейся бомбы. Раскинутые взрывной волной члены редколлегии, придя в себя, принялись ожесточенно спорить. Дискуссионная лихорадка охватила не только «ученые эшелоны», но и студенческую аудиторию Высшей Антропологической Школы. Как симптом брожения молодых умов немедленно среди заявленных тем тьюторских и курсовых работ замелькали слова: «Россия и молдавская цивилизация», «интеллигенция и народ», «воины и колдуны». Мнение редакции не разделилось по вопросу – печатать или не печатать? Мнение редакции разделилось по поводу – можно ли и нужно ли ученому так писать. Крайне резкая, рубящая, переходящая грань «фола» манера изложения Эрлиха в последнем разделе статьи передалась всем читавшим рукопись и привела в состояние аффекта даже традиционно спокойных спорщиков.

Что вообще произошло?! Основная (большая) часть, она же и первая часть статьи С.Эрлиха «Россия колдунов-2», — это продолжение и в большой степени переработка статьи «Россия колдунов», опубликованной в журнале «Знание-сила» (1995, №11). Автор переносит троичную («колдуны-воины-работники») схему устройства древних индоевропейских обществ по Дюмезилю на средневековое и современное русское общество. Аргументировано, принятыми в науке приемами показывает, как древний индоевропейский (только ли индоевропейский?) архетип определяет и пронизывает насквозь историю этого общества. Такой угол зрения и «призма русской истории» позволяют С.Эрлиху к концу статьи придти к заключению, что последнее поколение русских «колдунов» – интеллигенция сегодня «умерла», то есть перестала выполнять заданную «дюмезилевским» архетипом функцию извечной борьбы с властью. На этой констатации и заканчивалась «Россия колдунов» образца 1995 г. Но эта констатация в итоге оказалась не самой печальной. Рефлексируя по поводу современных российских реалий («позорная кавказская война» и т.д.), С.Эрлих отмечает упадок «воинского» этнического духа, который уже не придет на смену почившей в бозе сакральной власти интеллигенции. Для автора это означает тотальную гибель смысла российской цивилизации. «Россия «воинов» умерла!» – печально констатирует Эрлих в 1999 году. «Россия колдунов», как мы теперь уже знаем, умерла еще в 1995 г. Все, как в известной песне из «захаровского» фильма: «В общем, все умерли».

Но Сергей Эрлих, которого многие из редколлегии лично знают, — неисправимый оптимист. Он не может похоронить без веселой, терзающей слух покойников, музыки. И он дарит русским читателям надежду. Заодно дарит и молдавским. Будущее России – в Молдавии! В расцвете и осуществлении молдавской цивилизации «от моря до моря». Простите за неточность, автор более современен и глобогеополитичен: «Молдавия от Атлантики до Тихого океана!» Тихий океан – конечно, не Индийский, сапоги как следует не помоешь, но тоже приятно.

Именно последний, седьмой раздел статьи, выпадающий из нее по стилю (т.н. «Послероссие»), целиком посвящен проблеме спасения русского культурного наследия методом его творческого развития на бывшей «окраине». Безусловно, я не могу не посочувствовать и не присоединиться к автору в выражении его боли: «…Русский – мой единственный родной язык, — пишет С.Эрлих, — смерть русской культуры

© Р.А.Рабинович, 1999.

будет и днем моей духовной гибели». Автор находит выход: «…чтобы обеспечить будущее, необходимо предсказать новую цивилизацию, в которой будут преодолены традиции русских “воинов” и спасено наследие русских “колдунов”». И русский историк и российский гражданин, уроженец Кишинева, Сергей Эрлих естественным образом «находит» новую цивилизацию-спасительницу на своей «исторической родине» – в Молдавии. Выглядело бы, наверное, странным, если бы он находил ее в Сибири или, скажем, в Средней Азии…

Идея о том, что русская культура – язык и наследие – принадлежит не только этническим русским, но и всем русскоязычным и русским на «национальных окраинах», не нова. Особенно на национальных окраинах. Идея о том, что Молдавия, в обстоятельствах прогнозируемого (не только археологами) надвигающего кризиса и крушения нынешних законодателей мод и культурных стандартов, выражаясь археологическим языком, центров культурогенеза (США и западный мир), может при благоприятно складывающихся исторических условиях сама стать законодателем мод и источником культурных новаций, в том числе и для Восточной Европы, также не вчера вечером вылупилась из яйца. И не Сергей Эрлих это яйцо высиживал. Он это знает и предельно честно отказывается от авторства и называет даже дату, когда он с «молдавской идеей», вернее, с ее «туманным настроением» познакомился. Дело было летом 1989 г. Правда, после этого, всю первую половину 90-х гг. и практически до последнего российского кризиса Сергей Эрлих переживал период недоверия к «молдавской идее». Он в это время вообще не верил в вероятность существования независимого молдавского государства и в возможность какой-либо значительной самостоятельной культурной жизни в нем. Так же, как всегда, по-эрлиховски прямо заявлял об этом «во всеуслышание, чтобы потом отступаться было стыдно». «Во всеуслышание» не очень одобрительно относился к возвращению молдавских аспирантов после кандидатских защит из блистательного Петербурга на отсталую родину.

Ну что ж, уверовал в «молдавскую идею»? Прекрасно.

Стал ее апологетом?

Тоже неплохо.

Но вот здесь уже главное — «не навредить».

Сергей Эрлих навредил. Предупреждаю, что выражаю личное мнение. Считаю, что навредил. И дело не в том, что он попытался перевести научную, в чем-то абстрактную конструкцию в практическую, если хотите, политически-бытовую плоскость (как известно «идея, брошенная в массы, — это девка, брошенная в полк»), а в том, что предложенный автором уровень аргументации, основанный на личных ощущениях, настроениях, наблюдениях, высказываниях знакомых и т.д. на мой взгляд, резко «снизил планку» и научной глубины, и притягательности «молдавской идеи», даже для тех, для кого она имеет ненаучное практическое значение. К сожалению, у этой медали есть еще одна сторона, лично для меня совсем неприятная.

Кое-какие «аргументы» некоторым читателям нелегко будет отмежевать от человеконенавистничества, расизма, биологического детерминизма, русо-, румыно- и молдавофобии и т.д. Хотя, если проанализировать весь текст, становится совершенно ясно, что автор таких воззрений и не придерживается. При прочтении финальной части статьи невольно возникает мысль, что черты этнического характера, этнические стереотипы, национальный темперамент становится основой для нелестных для той или другой нации исторических прогнозов-приговоров. (Просто смешны примеры превосходства молдавских математиков и программистов над российскими коллегами и очень напоминают детский спор о том, у кого папа сильнее. Разве автор не знает, от чего зависит статус, получаемый учреждениями или странами СНГ в международных западных фондах и организациях? Это вопрос сугубо политический и конъюнктурный). Эрлих критикует не нации как форму, аккумулирующую стадную психологию толпы, и даже не народы, а как бы всех их индивидуальных представителей персонально. И даже перемежающиеся с «аргументами» сеансы любви то к русскому народу, то молдавскому, то к обоим вместе ситуацию не спасают: настроение уже испорчено.

Подобное положение возникло, как мне кажется, и из-за того, что автор отказался от системы аргументации, характерной для всей статьи. Отбросил прежний академический стиль, отбросил, как он выражается, «костыли традиции», «плюнул на авторитеты» со всеми ссылками на чьи-либо исследования, разработки и просто обоснованное мнение. К примеру, если бы Сергей Эрлих показал «отсталость Румынии» с цифрами и фактами в руках, если бы он подтвердил тезис о «вторичности как неотвратимой судьбе Румынии» мнением румына-«эксперта» по этому поводу, а это было несложно сделать, то и весь «румынский пассаж» не выглядел бы как антирумынский выпад, интимно направленный к каждому румыну.

Досталось и молдаванам, вернее, молдавской интеллигенции. Автор заявляет: «Крестьянская молдавская интеллигенция не способна понять и поддержать программу молдавской цивилизации». Не способна только по Эрлиху, только потому, что ему просто так кажется, с такой ноги он встал и сел писать статью. Завтра может показаться иначе, если встанет с другой ноги. Аргументов не приведено. Способна или не способна молдавская интеллигенция понять молдавскую идею Эрлиха, зависит не только от самой интеллигенции, но и от качества самой

идеи, качества её доказательства. Я думаю, что и эрлиховскую идею она способна и понять, и принять! Нужно только объяснить ей ее не в таком безапелляционно-назидательном стиле. Надо, чтобы вчерашние сельские ребята, которые сегодня обучаются, чуть ли не в сорока вузах Кишинева, в нее не сходу поверили, но поняли, что эта идея – единственная возможность сохранения их молдавско-бессарабской или русско-молдавской идентичности. А для этого не нужно создавать искусственные психологические препоны, чтобы каждый молодой читатель сначала проглотил обиду и преодолел «национальные комплексы», а только затем оценивал главное и конструктивное.

А как же обошелся Сергей Эрлих с русской интеллигенцией, архетипически мертвой, но физически живой? Ее язык и культуру он любит и хочет спасти, а вот в отношении носителей — чувства сложнее. И здесь не обошлось без выпадов, один из которых меня лично крайне возмутил. Автор ссылается на «непроходимую тупость» (она же аргумент «прямолинейности», стандартизации смысла, признак умирающей культуры) группы студентов МГУ, принявшей участие в раскопках в Молдавии в 1989 г. Они же, как он замечает, будущая элита России. Сергей Эрлих находился в этой экспедиции на правах гостя и, видимо, времени зря не терял, с истинно этнографическим остранением тщательно выяснял умственные способности каждого. На самом деле речь идет не о тупости, а о серьезности как антиподе ироничности, юмористичности (коих действительно у нас по-южному в избытке) и об этнически специфическом восприятии смешного у северян.

Поскольку я возглавлял работу упомянутой археологической экспедиции и прекрасно знаю людей, о которых идет речь, я не мог не потребовать от С.Эрлиха объяснений по этому поводу. Выяснилось, что автором имелся ввиду некий С., весьма начитанный молодой человек, которому его начитанность помешала «адекватно» реагировать на «искрометный молдавский юмор», например, по поводу «румынской подводной лодки, затонувшей в Днестре в районе Могилева-Подольского в период последней мировой войны». Конечно же, С.Эрлих вместе с цитированным по этому поводу Г.Гориным прав, что «серьезное лицо – еще не признак большого ума…», однако из этого не следует, что оно — признак тупости. И вообще, если автору хотелось подчеркнуть момент «вырождения», то почему бы ему не обратиться за примерами к многочисленным сочинениям российских авторов, ведь тема вырождения русского народа так специфически популярна в России? Зачем нужно было подвергать «лабораторному» анализу поведение людей, с которыми делил тяготы и радости экспедиционной жизни?

Не могу удержаться без комментария еще одного момента, касающегося и «экспедиционного эпизода». По моему глубокому убеждению, М.Е.Ткачук никак не связывал чье-либо «серьезное лицо» с идеей взаимного перехода от смешного к сакрализованному и наоборот. И уж конечно, не русско-молдавский «диалог культур» в интерпретации С.Эрлиха позволил М.Ткачуку сформулировать закон-диагноз умирающих и рождающихся культур, к которому последний относится с гораздо меньшей помпезностью, чем сам Эрлих. В итоге то «серьезное лицо», которое «делает» Эрлих при цитировании Ткачука, действительно выглядит очень смешным.

Легкость и безаппеляционность автора при изложении «молдавской идеи» иногда просто поражает. Молдавско-галилейские параллели с хорошим вином и полиэтничностью Бессарабии легко можно заменить другими. Идеи: «Колдовская» власть волохов над славянами во время «карпатской» стоянки конца VII — начала IX вв.; «получение славянскими жрецами имя «волхвов» (синоним слова «волох» в «Повести временных лет»)», — высказанные как гипотеза в более ранней статье (Эрлих 1997), в этой приобретают характер установленного факта.

Последний раздел статьи резко резонирует с остальными по жанру. Он приобрел откровенно газетно-пропагандистский характер. В личной беседе Сергей Эрлих объяснил, что не мог аргументировать каждое высказанное положение. «Заключительная часть – это манифест, это то, что выстрадано, то, ради чего написаны и все предшествующие части, без этого последнего мне не важно первое», — говорил он. «Это “сакральный текст”, где ты видел, чтобы сакральные тексты писались со сносками?» Да, верно, не видел. Но лично я не увидел в этой заключительной части и сакрального текста. Я вижу новое, безусловно, талантливое и, вероятно, даже гениальное осмысление «молдавской» идеи, авторской которую в данном случае не назовешь. Время покажет, сумел ли наш автор действительно «воспользоваться верным шансом на приобщение к Вечности» или заработал скандальную славу, которая окажется лишь незначительным шагом вперед в сравнении со скромной аннотацией в журнале «Новый мир» (1996, №2, с.255), опубликованной по поводу первой версии статьи. В отличие от автора, я думаю, что на «вечную жизнь» в науке действительно претендует именно первая и основная часть статьи, та, которой автор не особенно дорожит и публикацией которой я горжусь как редактор этого номера.

По иронии судьбы, в день, когда я читал заключительную часть статьи С.Эрлиха, мне довелось побывать на лекции Марка Ткачука в Высшей Антропологической школе, посвященной возможным перспективам Молдовы в футурологически-реконструируемых условиях кризиса англо-американский цивилизации. Лектор, основываясь на анализе культурной ситуации в ре-

гионе в период от эпохи энеолита до сегодняшнего дня, на основе анализа воздействия на Молдову соседних культурных миров — очагов культурогенеза, на основе анализа культурной генотипии региона и закономерности повторяемости культурных процессов обосновал возможность и вероятность культурного подъема региона. М.Ткачук подробно остановился на парадоксах этнической идентичности жителей Молдовы. Предположил, что вне зависимости от их национальности, зафиксированной в паспорте, единственным реальным критерием их этнической идентификации является самосознание, которое столь же противоречиво и парадоксально. В определенных условиях, по мнению Ткачука, именно этноним «молдаване» станет компромиссным именем-программой, объединяющим всех, кто независимо от языка, готов оптимистически строить будущее Молдовы. В аудитории сидела разноязычная публика, не ощущавшая перед лекцией ни особого единства, ни мало-мальски выраженного оптимизма. Но лектор сумел, никого при этом не обвиняя, никого при этом не оставляя за бортом творцов новой цивилизации, всех объединить. Когда лекция закончилась, глаза у слушателей горели, этот день им запомнится надолго. Взаимное неприятие, неприязнь, вражда построить «новое будущее» не поможет, ведь и сам С.Эрлих признает, что «ненависть — это не творческая страсть».

Уверен, что публикация статьи С.Е.Эрлиха «Россия колдунов-2» никого не оставит равнодушным. С ней будут спорить и соглашаться, ее будут критиковать, а возможно, даже несправедливо поносить, но вряд ли кто решится сказать, что она неинтересна и не заслуживает самого пристального читательского внимания. И последнее: да, «редакция не несет ответственности…», если ее «мнение не совпадает...», но она несет ответственность перед научным сообществом, если не публикует то, что хотя бы претендует (!?) на вечность или вполне нормальную «земную» жизнь в науке.

Роман Рабинович.

С.Е.Эрлих

РОССИЯ КОЛДУНОВ-2
(Раскопки сакрального текста)

«В наше время, время видимого крушения России, а на самом деле — время ее <...> возрождения в перерожденном виде; <...> у всех у нас есть потребность обратиться к России в ее историческом целом, окинуть взором <...> основы и первоосновы ее культуры, из коих все вышло и к коим все сводится, <...> увидеть все это не только в исторической ткани нашей страны, но и в нас самих, в наших душах, в их сознательном и бессознательном укладе, в явных деяниях дня и в тайных сновидениях ночи»

И.А.Ильин (1991: 3) «О России»

«Культура, при всем многообразии форм ее внешнего проявления, есть некоторое внутреннее единство, единство смысла, который в конечном счете определяет характер целеполагания и деятельности индивидов, так же как и структуру общественных институтов и направление научного поиска. Целостность умонастроения и миропонимания, называемая культурой, пронизывает собой все сферы жизни».

П.П.Гайденко (1995: 3)

S.E.Ehrlich. The Russia of wizards – 2 («digging» the sacred text).

«The author from S.-Petersburg identifies the triad «intelligentsia, power, people» with the Indo-European triad «wizards, warriors, workers». The first generation of Russian 'wizards' was composed of sorcerers, the second – of orthodox clergy, the third – of intelligentsia (born on December, 14, 1825 as Ehrlich S. assumes). The author wittily treats the heritage of Decembrists as 'a sacred text' protected by the intelligentsia just as sorcerers guarded pagan sacred places. In author's opinion today intelligentsia is dead. What fourth generation of 'wizards' is coming to take its place?»

Vasilevsky A. (Annotation from the journal «Novii Mir» 1996, N 2, p.255)

I. К ВОПРОСУ О НАЗВАНИИ

Почему заголовок статьи, посвященной русской духовной элите, пародирует названия низкопробных западных фильмов? Потому что «одни писатели всю жизнь пишут одну книгу, а другие — одну и ту же» (В.М.Зелинский).

Представление об интеллигенции как жреческом сословии России XIX-XX вв. — «истины жрецы» (П.А.Вяземский), «жрецы революции» (Д.А.Волкогонов), «жрецы науки и искусства» (И.В.Бестужев-Лада) — захватило меня после знакомства с идеями Ж.Дюмезиля о социальности как триединстве «колдунов», «воинов» и «работников». По времени это знакомство совпало с сермяжной русской революцией начала 90-х гг. Призрачные дотоле общественные отношения стали прозрачными:

«Власть» оказалась бандой грабителей вроде Святослава, «наехавшего» на вятичей: «Не платите хазарам. Я буду вашей «крышей»;

Еще раз подтвердилась старая истина, что «Народ» «всегда останется глуп и невежествен: это скот, которому нужны лишь ярмо, кнут да сено» (Вольтер);

Тут же выяснилось, что возвышенные средства «Интеллигенции» — развенчание «Власти» и обожествление «Народа» — не оправдывают ее низменной цели, обозначенной одним из самых ярких интеллигентов как «хождение во власть» (А.Собчак).

«Россия колдунов» впервые была опубликована в журнале «Знание-сила» (1995. №11). Но поток «дюмезилевских» ассоциаций не прекратился. Редакция археологического журнала «Stratum plus» любезно предоставила возможность опубликовать текст в нынешнем его состоянии. Я не преминул воспользоваться таким верным шансом на приобщение к Вечности.

© С.Е.Эрлих, 1999.

II. Что есть интеллигенция?

Вынесенный в заголовок вопрос — представляет змеиный клубок цепляющихся друг за друга вопросов. Чтобы ответить — необходимо указать общественную функцию интеллигенции. Но функция может быть определена только применительно к социальной структуре. А представление о структуре зависит от мировоззрения. Советские идеологи, к примеру, рассматривали интеллигенцию в качестве «прослойки» бутерброда из рабочего класса и крестьянства. Интеллигенция обижалась, когда ее именовали «прослойкой»:

«Сейчас интеллигенцию перестали третировать как «прослоечных паразитов», хватит уж, дотретировались» (Семенов 1990: 3).

Она осмысливала свое предназначение в триаде — «интеллигенция», «власть», «народ».

Клубок развернулся в цепь: какова функция интеллигенции в структуре, сообразной мировоззрению интеллигенции? Возможен ли новый ответ на старый, как интеллигенция, вопрос? Автор видит такую возможность в выходе за пределы собственно интеллигентской эпохи XIX-XX вв.; в рассмотрении происхождения и роли интеллигенции в общем контексте русской истории. Следовательно, чтобы ответить: что есть интеллигенция — необходимо знать, «что замыслил Творец о России» (Н.А.Бердяев). Каким же образом предполагается «умом Россию» понимать?

Поскольку «содержание» немыслимо вне «формы», нужно выбрать из двух противоположных способов изложения — дедуктивного и индуктивного. Согласно первому, идея сперва выдвигается, а потом доказывается. Соответственно второму, «становление результата» происходит непосредственно из «реальности».

Индуктивный метод — весьма эффектен. Автор, избравший такой путь, как фокусник, прямо на глазах изумленной публики преобразует песок фактов в бисер теоретических построений. Восхищаясь, помните: фокус — всегда обман. Индукция не соответствует научной практике, где внезапное «озарение» («доказательство для себя») — «ванна Архимеда», «яблоко Ньютона», приснившаяся «таблица Менделеева» — предшествует длительному, не всегда жизни хватает, логическому «доказательству для других».

Кроме того, индуктивный метод существенно затрудняет восприятие. Читатель, не имея руководящей идеи, вынужден догадываться, что доказывают приводимые автором «факты».

Общий подход к рассмотрению российского контекста задает идея М.Вебера (1990: 56) о взаимозависимости общественной организации и религиозных воззрений:

«В прошлом основными формирующими жизненное поведение элементами повсюду выступали магические и религиозные идеи и коренившиеся в них этические представления о долге».

Необходимо заметить, что Вебер в своих исследованиях «хозяйственной этики» ограничился «представлениями о долге», присущим мировым религиям, и абстрагировался от эпохи язычества. В данном случае вопрос ставится несколько шире: каким образом исходные «магические и религиозные идеи» повлияли на все последующее «жизненное поведение» общественного организма?

Возможно ли допустить зависимость общественного устройства Российской империи или Советской России от языческого мировоззрения древних славян? Л.Февр (1991: 80-81), расценивая подобные «прыжки назад» как «рискованные», все же признавал, что при изучении

«какой-нибудь политико-социальной формации <...> чаще всего и впрямь можно заметить, что в эпохи, иной раз отдаленные от нее значительным промежутком, формация эта была предвосхищена другими формациями, в которых без труда угадываются кое-какие из ее отличительных признаков. <...> Мы, историки, только тем и занимаемся, что ищем подобные прообразы!»

Классик «Анналов» предупреждал, что смотреть на эти поиски можно двояко: «либо как на игру, либо как на средство, помогающее в конечном счете составить общее представление о законах образования общественных формаций». Я рассматриваю «эти поиски» как «средство» постижения сокровенного смысла русской цивилизации. И, потому, — убежден, что скромные труженики, подносящие кирпичи монографий на постройку храма исторической науки, воспримут вышеназванное переложение «германского гения» как бессмысленную «игру». Подобное неприятие понятно и объяснимо — новая «связь времен» грозит распадом священному зданию.

В качестве прикладного инструмента используются идеи Ж.Дюмезиля (1986), открывшего троичное («колдуны», «воины», «работники») устройство древних индоевропейских обществ.

В.Н.Топоров (1987: 189) отмечает связь, которую образуют «такие основоположные категории русской жизни, как святость (и священство), царство, земство («мир») <...> с трехфункциональной схемой, исследованной Дюмезилем»:

«Роль этих трех элементов и воплощающих их сил в истории Руси исключительна, а понимание их чаще всего остается на низком уровне <...> Необходима целая серия исследований, которые позволили бы исторически точно определить суть этих категорий, особенности их функционирования и результаты взаимодействия соответствующих сил. Пока этого не сделано, трудно понять многие важные явления русской истории XVI — XVII вв. (не говоря уж о древней Руси), как, например, те

сложные взаимоотношения между священством и царством, <...> между царством и земством. Spiritus movens каждой из участвующих в этом взаимодействии сил неизбежно ускользает от внимания исследователей, как только они пытаются свести эти категории к исключительно формальной сфере или изучать их только в прагматическом плане».

В основу данной статьи положена гипотеза о генетической связи и функциональном тождестве триады: «интеллигенция», «власть», «народ» с дюмезилевскими «колдунами», «воинами» и «работниками». Все последующее изложение посвящено доказательству этой гипотезы.

А.С.Панарин (1991; 1997: 10) еще в 1991 году «попытался приложить к анализу современных политических процессов архетипическую триаду Ж.Дюмезиля». Тогда же И.В.Бестужев-Лада (1991: 22-24) наметил параллели между кастовым делением Древней Индии (частным случаем схемы Дюмезиля) и советской «сословностью»:

«кшатрии» — «уже упоминавшаяся номенклатура — господствующий класс общества»;

«брахманы» — «жрецы науки и искусства, идеологически обслуживающие номенклатуру»;

«вайшии» — торговцы, к которым присоединяется не менее многочисленная обслуга «кшатриев» и «брахманов», «шудры» — рабочие, «парии» — колхозники. Мне приятно сознавать, что я не одинок в своем «пандюмезильстве».

Первым и важнейшим возражением против такого подхода является сомнение в правомерности прилагать концепцию, разработанную на архаическом материале, к обществам нового и новейшего времени. (В.Н.Топоров не случайно ограничивает применение «трехфункциональной схемы» Дюмезиля «рубежом XVII — XVIII веков».)

Это сомнение восходит к механистическому, в духе Просвещения, взгляду на историю. Согласно последнему сознательная деятельность людей способна изменить общество в любом выбранном направлении безотносительно к прошлым его состояниям:

«Душа действует свободно, следуя правилам целевых причин» (Г.Лейбниц) (Цит. по: Гайденко 1995: 19).

Поэтому после стольких социальных экспериментов «века Разума» между древними и современными обществами — очень мало общего. Поэтому невозможно их сопоставлять.

Альтернативой такому взгляду является точка зрения Романтизма, что общество — живой организм, детерминированный всем своим прошлым, и прежде всего моментом рождения.

И «просветители», и «романтики» правы каждый по-своему. Поэтому выбор той или иной точки зрения определяется не критериями объективной истины, а ценностями исследователя (Ткачук 1995: 3). Меня, в силу различных причин, интересует «то в прошедшем, что не проходит» (В.О.Ключевский). Объясняя свое тяготение к преемственному «организменному» подходу личными пристрастиями, я надеюсь, что коллеги столь же критично подойдут к источникам собственных воззрений:

«Начиная свой рассказ о безумствах и злодеяниях римских императоров, великий историк П.Корнелий Тацит пытался уверить читателей, что он приступает к нему «без гнева и пристрастия». В действительности же в мировой литературе трудно найти книгу более пристрастную, чем его «Анналы» и «История». <...> Даже самый объективный историк остается человеком, которому «ничто человеческое не чуждо». Его субъективность выдает себя уже в самом отборе фактов, которые он учитывает или, наоборот, не учитывает в своем повествовании. Ведь учесть все практически невозможно. Настоящий историк не пытается скрыть свои симпатии и антипатии и не откладывает их в сторону, когда берется за перо. Он стремится только к тому, чтобы как можно лучше их обосновать» (Андреев 1998: 6);

«Будем прежде всего искренни, откровенны с самими собой: откровенность не все, что требуется в научном изучении, но — это первое, что в нем требуется» (Ключевский 1987: 416).

Объем публикации позволяет осветить лишь важнейшие повороты темы, что придает повествованию известную долю схематизма и декларативности. С другой стороны, это обстоятельство имеет и свои преимущества. Невозможность укрыть идеи за спасительным «частоколом фактов» (В.С.Дякин) облегчает критику основных положений. Стремясь скорректировать слабые места, я нарочно выпячиваю их посредством провокационно-прямолинейного «стиля Гинденбург» (Свасьян 1993: 62).

Утверждение нового взгляда на русскую историю сопровождается неуютным ощущением одиночества. Противоядием этому чувству служит обильное цитирование авторитетов. Дублируя их высказываниями свои выводы, я нарушаю наглое единство избранного стиля. Такова плата за возможность опираться на костыли традиции.

В статье рассматриваются:

1) «Воинская» природа России;

2) «Колдовская» сущность интеллигенции;

3) Формирование и эволюция «декабристской легенды» — интеллигентского сакрального текста;

4) Участь интеллигенции;

5) Судьба России.

III. Формула России

Исходными для индоевропейцев, считает Ж. Дюмезиль (1986: 25), являются представления о социальности как триединстве сакральной, военной и экономической функций.

Исходные представления, в соответствии с которыми образуется общество, различно именуются в социологии. Я использую термин «архетип», так как разделяю выдвинутую в концепции архетипов К.-Г.Юнга идею о преимущественно бессознательной трансляции последних.

Наиболее древний, единый для всех индоевропейцев архетип — представление о сакрально-военно-экономическом устройстве общества — с завидным постоянством воспроизводится в мифологии индоариев («брахманы», «кшатрии», «вайшьи»); античной философии (государство «философов», «воинов», «производителей» Платона); средневековой схоластике («oratores», «bellatores», «laboratores»); социологии Нового Времени (века «Богов», «Героев» и «Людей» Дж.Вико); новейшей политологии («правовой», «репрессивный», «поощрительный» типы власти В.В.Крамника). Подтверждая преимущественно бессознательную трансляцию архетипа, авторы многочисленных триад обычно не подозревают о первоисточнике своих представлений.

Ж.Дюмезиль в силу демократических предрассудков рассматривает элементы триады как равноправные, способные, под влиянием исторических обстоятельств, занимать любые места в общественной иерархии. Такой подход обусловил статичность дюмезилевской концепции, отсутствие в ней механизма преобразования социальных структур. Ф.Ницше (1990: 83), задолго до Дюмезиля, вещал:

> *«Природа разделяет людей духовных по преимуществу, людей по преимуществу мышечных, с сильным темпераментом и, наконец, третьих, не выдающихся ни в одном, ни в другом, посредственных. Третьи — большое число, а первые и вторые — элита».*

Вызывающий аристократизм Ницше мешает осознанию возвещенной им истины — историю творят «колдуны» и «воины». «Работники» — всего лишь объект, вечный «навоз истории». История как «живое творчество масс» — льстивая утопия «колдунов»-лицемеров.

Преобладание людей «мышечных» и «духовных» над «посредственными» отразилось в составе православных святых. Владимир Соловьев (1991: 20) подметил, что невозможно найти между святыми «купца, или дьяка, или приказного, или мещанина, или крестьянина — одним словом, какой бы то ни было профессии, кроме монахов и военных».

Первоначальная иерархия трех функций восстанавливается по их расположению на «мировом древе». Крона отводится «колдунам», ствол — «воинам», корни — «работникам» (Попович 1985: 21). Приниженное положение последних объясняется их подчинением власти «колдунов» и «воинов». «Колдуны» управляют мыслями, «воины» — действиями. В предельных абстракциях «слова» и «дела» — сущностные отличия сакральной (духовной) власти «колдунов» и светской власти «воинов»:

> *«Архиерейская власть <...> над душами. Царская власть в вещах мира сего» (Никон) (Цит. по: Милюков 1994: 167).*

Сакральная власть — это «слово», это власть знания. Луна — космический символ «колдунов» выдает «ночную», тайную природу сакральной власти, вслух себя «властью» не именующей (Попович 1985: 83-84). Сакральная функция подразделяется на творение и хранение основополагающих смыслов, т.е. представлений о добре и зле, сформулированных в виде этического Закона (см. Приложение 1). Светская власть — это «дело», это власть силы. Солнце — космический символ «воинов» свидетельствует о «дневной», явной природе СВЕТской власти, в обиходе именуемой просто «власть» (Попович 1985: 83-84). В идеале «воины» организуют и защищают общество согласно этическим предписаниям сакрального Закона:

> *«Меч царский должен быть готов на неприятелей веры православной; архиерейство и все духовенство требуют, чтобы их обороняли от всякой неправды и насилий, и в этом состоит обязанность мирских людей. Мирские нуждаются в духовных для душевного избавления; духовные нуждаются в мирских для обороны внешней» (Никон) (Цит. по: Милюков 1994: 167).*

«Очень хорошо получается на бумаге — иронизирует Л.Февр (1991: 280) — выровнять крен и привести к мирной гармонии прогресс умственный и социальное совершенствование. А на практике? Это два могущественных бога, и как подчинить одного другому или — несколько наивная химера — заставить их существовать бок о бок?» В реальности сакральная («прогресс умственный») и светская («социальное совершенствование») ветви власти постоянно противоборствуют.

А вот как размышляет на эту же тему «воин» и «колдун», генерал-писатель Д.А.Волкогонов (1989: 193):

«Идеально, когда между силой и мудростью существует гармония. Так бывает очень редко. Чаще будущее принадлежит сильным, не обязательно, к сожалению, мудрым. Обычно одно из начал берет верх на каком-то отрезке исторического пути. Осознаем мы или не осознаем этот феномен, он существует наряду с другими. В эти исторические моменты выбора в соотношении мудрости и силы бывает всякое». Жак Ле Гофф (1992: 242, 250-251) отмечает, применительно к западному Средневековью, «древнее соперничество воинов и колдунов», в котором каждая из сторон стремится при-

своить функции другой:

«Подлинный кофликт разворачивался между «sacerdos» и «rex», между священным владыкой и государем. Каждая из сторон пыталась разрешить его в свою пользу. Соединяя обе власти в своем лице, папа становился императором, король становился священником. Каждый пытался реализовать по-своему единство духовной и светской власти («rex-sacerdos»)».

Различные исходы этой борьбы — «с перевесом в сторону жречества и в сторону светской власти» (Померанц 1992: 37) — во многом повлияли на несхожесть архетипов созданных индоевропейцами цивилизаций. В этих архетипах кристаллизованы представления о структуре власти, бытовавшие в момент возникновения той или иной общности. Все они являются вторичными модификациями исходного сакрально-военно-экономического образца.

Пытаясь определить «типичные» черты России, необходимо помнить: любому обществу в любое время присущи любые свойства, в том числе и взаимоисключающие. «Количественное» преобладание тех или иных «качеств» в таком «единстве противоположностей» может быть определено только ОТНОСИТЕЛЬНО других обществ:

«Верно, определительно схватить и ясно выразить различие в психическом строе разных народностей — весьма трудно. Различия этого рода как между отдельными лицами, так и между целыми народами имеют только количественный, а не качественный характер. Едва ли возможно найти какую черту народного характера, которой бы совершенно недоставало другому народу; разница только в том, что в одном народе она встречается чаще, в другом реже, в большинстве лиц одного племени она выражается резко, в большинстве лиц другого племени слабо, но эти степени, эта частость или редкость, числами невыразимы. Такой статистики еще не существует» (Данилевский 1991: 178).

Архетип русской цивилизации проявляется наиболее отчетливо при сравнении с многовековым эталоном, «аршином общим» — цивилизацией Запада. Человек Иван «глядится как в зеркало» в сумерки «Заката Европы» и с содроганием отворачивается. Хотя «на зеркало неча пенять..». Исходные представления цивилизаций (т.е. представления о соотношении сакральной и светской властей, современные образованию государственности) реконструируются методом подобия. Согласно этому методу, отношения в пантеоне того или иного языческого народа воспроизводят взгляды последнего на общественное устройство:

«Подобно тому как люди уподобляют вид богов своему виду, так точно они распространили это представление и на образ жизни богов» (Аристотель);

«По Ж.Дюмезилю трехчастная структура индоевропейского общества <...> соответствовала структуре пантеона» (Жрец 1991: 663);

«Римская (собственно латинская) мифология, по выражению Моммзена, есть результат отражения земного Рима в высшей, идеальной области, в которой с мелочной точностью воспроизводится все — и малое и великое. Государство и род, каждое явление природы и каждая отрасль духовной деятельности, каждый человек, каждое место или предмет, даже каждое действие в области римского права, находят себе отражение в мире римских богов» (Фаминцын 1995: 88).

Что понимается под началом государственности и, следовательно, цивилизации?

В отношении России вопрос: «Откуда есть пошла...?» — подразумевает достаточно бесспорный ответ. Ее государственность основана легендарным Рюриком в Новгороде и распространена до Киева полуисторическим Олегом.

Начало Запада обычно усматривают в так называемой «античности», под которой понимается якобы единая «греко-римская цивилизация». Это заблуждение вызвано взаимовлиянием синхронных «культурно-исторических типов» (Н.Я.Данилевский). Римская армия завоевала Грецию, греческая культура околдовала Рим. Но принимать вызванные этими взаимовлияниями черты сходства за проявление цивилизационного единства так же ошибочно как причислять к европейцам арабов, индийцев, китайцев или японцев, одетых в европейский костюм:

«Если мы снимем <...> позднейшее эллинское наслоение, то открывается совершенно своеобразная древнеиталийская мифология» (Фаминцын 1995: 87).

Если говорить о начале цивилизации Запада, неизбежен выбор между Грецией Миноса и Римом Ромула. Греческому полису следует предпочесть римский civitas. Главная причина — генетическая связь общественного устройства средневекового и современного Запада с властными представлениями древних римлян, существенно отличными от взглядов эллинов (см. Приложение 2):

«Ж.Дюмезиль блестяще обосновал гипотезу о том, что трехчастное деление свойственно всем индоевропейским обществам и средневековый Запад связан в данном случае с италийской традицией» (Ле Гофф 1992: 240).

Носителем исходных представлений явилась не только латынь — язык, на котором христианский Запад осознал себя. Римское право — один из столпов западной цивилизации — основано на сакральном этическом Законе римского народа. В данном случае не столь важно, что римское право стало достоянием Запада благодаря «византийскому» Своду Юстиниана. Принципиально, что Свод воспроизводил представления о добре и зле, рожденные на холмах «вечного города».

Для взаимоотношения сакральной и светской властей древних римлян характерны два принципа:

1) Верховенство сакральной власти (верховный бог Юпитер — покровитель сакральной

сферы, в т.ч. и Закона);

2) Четкое разделение функций («Богу — богово, кесарю — кесарево») сакральной и светской властей (Дюмезиль 1986: 113).

Первое обстоятельство способствовало уважению к Закону, всегда отличавшему людей Запада. Латинские поговорки: «Правосудие — основа государства», «Закон суров — но это Закон», «Пусть погибнет мир, но да свершится Правосудие», — свидетельствуют о давнем проникновении законности в народное правосознание.

Второй момент сказался как на ничейном исходе средневековой борьбы пап с императорами, так и на современном разделении исполнительной (функция «воинов») и законодательной (функция «колдунов») властей. А.М.Салмин считает, что тщетность взаимных попыток одной из средневековых властей подавить другую привела к современной западной демократии, которую отличает терпимость к иному.

Ж. Ле Гофф (1992) пишет о «борьбе империи и папства»:

«...Отношения глав христианского мира демонстрировали соперничество на самой вершине двух господствующих, но конкурирующих между собой церковной и светской иерархий, священников и воинов, шаманической власти и военной силы» (с. 248). «“Царю-жрецу” соответствовал “жрец-царь”» (с. 253);

«...Став христианами, варварские короли пытались вернуть себе ту власть царя-жреца, которой обладали франкские языческие вожди — “reges criniti”, косматые цари коротковолосого народа, в чьих длинных волосах таилась чудодейственная власть царей, “подобных Самсону”» (с. 252);

«Со стороны папы подобные попытки присвоения императорских функций особенно ощутимы с XIII в., с создания подложного “Константинова дара”» (с. 252);

«Ничейный» исход этой борьбы — «Папа сумел помешать императору и королю присвоить себе священнические функции, но ему не удалось захватить светскую власть» (с. 256) — был в пользу священства. Распределение «мест слагаемых» в средневековой триаде «oratores», «bellatores», «laboratores» «делает воинов защитниками церкви и религии, подчиняя их тем самым священникам». «Шаманическая власть, правда в сильно очищенном виде, поглотила воинскую доблесть» (с. 242).

Суммируем вышесказанное. Архетип западной цивилизации — представления о верховенстве сакральной власти и разделении властей. С верховенством сакральной власти связано уважение к Закону, с разделением властей — терпимость к иному. Благодаря архетипическим представлениям поддерживается норма, относительно которой, вопреки отклонениям — от обожествления древнеримских императоров и средневековых королей до модернового фашизма и постмодерновой борьбы за демократические ценности путем бомбежек — осуществляется преемственность западной цивилизации. Из сказанного не вытекает, что на Западе нет беззакония и нетерпимости. Но последние, находясь в противоречии с архетипом, проявляются менее интенсивно, в сравнении с цивилизациями, где подобный культурный сдерживатель отсутствует.

События в Югославии (весна 1999 г.) требуют существенных уточнений данной характеристики. Оказалось, что вдохновлявшие все поколения русских интеллигентов этические нормы западной цивилизации — терпимость и соблюдение буквы закона — сами представители Запада соблюдают только в отношениях с гражданами западного мира:

«Давно на почве европейской <...> Двойная правда создалась: Для них — закон и равноправность, Для нас — насилье и обман» (Ф.И.Тютчев)

М.Е.Ткачук нашел поразительную аналогию двойного стандарта США и НАТО — демократия для «своих» и рабство для «варваров» — в практике Афинского морского союза. История античного «военно-политического блока» доказывает губительность лицемерия «внутренней» и «внешней» морали.

Сами американские идеологи вдохновляются аналогиями с «прежними империями» и, прежде всего, Римской:

«И все же глобальное господство Америки в некотором отношении напоминает прежние империи, несмотря на их более ограниченный, региональный масштаб. Эти империи опирались в своем могуществе на иерархию вассальных, зависимых государств, протекторатов и колоний, и всех тех, кто не входил в империю, обычно рассматривали как варваров. В какой-то степени эта анахроничная терминология не является такой уж неподходящей для ряда государств, в настоящее время находящихся под влиянием Америки» (Бжезинский 1998: 20-21).

В древней Руси взаимоотношения сакральной и светской властей — противоположны. Их отличают:

1) Верховенство светской власти (верховный бог Перун — покровитель «воинов»):

«Культ Перуна восходит к культу бога грозы <...> Бог грозы уже в индоевропейской традиции связывался с военной функцией и соответственно считался покровителем военной дружины и ее предводителя (у славян — князя), особенно на Руси» (Иванов, Топоров 1991: 438);

2) Смешение функций светской и сакральной властей.

«В русской традиции тот из трех «доисторических» героев, кто представляет первую функцию, Волх или Вольга, одновременно и шаман и князь-воин: во главе своей дружины он совершает чудесные подвиги, но не столько благодаря отваге, сколько магии, хитрости, дару превращений» (Дюмезиль 1986: 136).

Что же касается «исторических» героев, то прозвание «вещий» свидетельствует, что, помимо обязанностей светского правителя, князь Олег осуществлял сакральные функции (Попович 1985: 86).

Устойчивость модели «воин-колдун» в русской традиции подтверждается суеверием суворовских «чудо-богатырей» (этот речевой оборот генералиссимуса также восходит к архетипу):

«В солдатских глазах Суворов выступал то в облике благочестивого воина <...>, то колдуна» (Лотман 1994: 269).

Вышесказанное позволяет сформулировать гипотезу об «особенной стати», противоположном Западу архетипе русской цивилизации. Последний заключается в представлениях о верховенстве светской власти и смешении властей.

Безраздельное господство государственного («воинского») начала является этнической программой русского народа:

«Непосредственная связь русского государственного и этнического самосознания свойственна истории Руси и России до наших дней» (Петрухин 1995: 242);

«Для русских очень важно осознавать себя частью «великой державы» с героическим прошлым, с богатым набором всяческих реликвий, символов, знамен, легендарных подвигов и преданий. Для русского человека жить правильно — значит служить Отечеству, и нет большей доблести, чем честно исполнить свой долг перед Родиной, каким бы он ни был. В глубине души своей они исповедуют идеологию героичности и самопожертвования, идеологию общего долга, заставляющего сплачиваться перед общей угрозой, идеологию служения государству, лояльности, подчиненности власти. <...>

Эта иррациональность, по-видимому, и составляет основу «загадочной русской души», а представление о себе как о заложниках государственной воли является стержнем русской национальной идеи, которую нынче многие ищут да все никак не найдут» (Юлия Калинина).

С верховенством светской власти связана приниженность Закона:

«В России не существует законов, которым бы подчинялись» (Армфельд — шведский эмигрант, советник Александра I. Цит. по: Тарле 1992: 33).

Неуважение к Закону — незыблемый закон русской жизни. Пословица: «Закон что дышло...» — свидетельствует о правосознании «низов». Законодательная практика «верхов» (перефразируя на современный лад Герцена, у нас Основной закон переменить, что клубный пиджак перевернуть) поддерживает устойчивость народных представлений.

Со смешением сакральной и светской властей связана нетерпимость к иному. Последняя — настолько очевидна, и более того, ощутима, что нет необходимости как-то аргументировать значение этого фактора для нашей истории и современности.

Следует оговориться, что русская почва отнюдь не исключает законности и терпимости. Однако исходные представления способствуют более интенсивным, в сравнении с Западом, проявлениям беззакония и нетерпимости.

Ю.М.Лотман (1995: 5), исходя из совершенно иной концепции о «тернарной» структуре Запада и «бинарном» устройстве Руси, дает аналогичные характеристики этим обществам:

«<...> В западной культуре доминировал договор — начало юридическое, базирующееся на основах римской юриспруденции»;

Устройство русского общества не допускает «даже относительного равенства сталкивающихся сторон, которое позволяло бы предположить за противоположной стороной право если не на истину, то хотя бы на существование, где бы ни возникал конфликт: в политике, религии, науке или искусстве. Сама идея терпимости чужда психологии бинаризма. Для нее находятся другие определения: беспринципность, оппортунизм, неверие. Поэтому психология бинарности признает только бескомпромиссную победу».

Существует и противоположная точка зрения на рассматриваемую проблему: определяющая черта западной цивилизации есть «насильственность», а славянский мир отличает «терпимость». Такое мнение высказано ни кем иным, как гениальным создателем теории цивилизаций Н.Я.Данилевским. Подтверждение своим взглядам последний находил, прежде всего, в сравнении православия и западного христианства. Первое — «неискаженное», благодаря исконной терпимости славян. Второе — «искажено» насильственной природой «германороманских народов» (Данилевский 1991: 179, 187). Следовательно, как «терпимость» одних, так и «насильственность» других унаследованы еще с языческих времен. В то же время Данилевский вовсе не рассматривает языческий «субстрат» двух «культурно-исторических типов». Тем самым он допускает непростительную для крупного ученого-естественника ошибку. Утверждение о «насильственности» Запада и «терпимости» славян является не «теоремой» — продуктом выводного знания, т.е. НАУКИ, а «аксиомой» — т.е. принятым на ВЕРУ. То что Данилевский-православный считает правильной («неискаженной») собственную религию, не вызывает удивления. Поразительно забвение Данилевским-ученым того факта, что вера всегда берет верх над разумом. Автор безусловно знакомой Данилевскому «Жизни Иисуса» утверждал по сходному поводу:

«Безусловная вера несовместима с искренней историей» (Ренан 1991: 70).

Неспособность к «остранению» обращает выдающегося теоретика и провидца в казенного религиозного публициста. Последнему ничего не остается, как доказывать принятую на веру «аксиому» длинным (тщательно подбирая каждую «соринку») перечнем западных зверств. В то же время в «своем глазу» Данилевский умудряется не заметить ни одного из чудовищных «бревен» русской истории.

Сравнение архетипов Запада и России с общеиндоевропейским показывает, что первый является прямым продолжением исходной структуры, а второй — радикальным отклонением от нее. Пока трудно сказать, какими воздействиями они произведены у восточного славянства. Но у иранских народов смешение сакральных и светских функций объясняется, как считает М.В. Попович (1985: 22), «влиянием на собственно индоевропейскую систему, в которой сосуществовали верховный жрец и главный военачальник, ближневосточной системы с царем-деспотом, наделенным магической силой, священной властью».

Славяне не имели контактов с цивилизациями Ближнего Востока. Но их предки неизбежно встречались с ираноязычными скифами и сарматами.

«В период существования черняховской археологической культуры (примерно рубеж II-III вв. — конец IV в.) на территории Среднего Поднепровья шел интенсивный процесс славянизации местного сармато-аланского населения» (Васильев 1989: 148);

«Наиболее важную роль в процессе юго-восточной колонизации славян играл, по-видимому, их синтез со скифами, сарматами и другими народами преимущественно иранского происхождения.

<...> У юго-восточных славянских племен <...> сохранились реликты иранской лексики, а также иранские по происхождению и названиям божества восточнославянского языческого пантеона (Хорс, Симаргл, Вий и другие) (История Европы 1992: 195, 196);

«В середине I в. н.э. два одновременных толчка — сарматский на юге и вельбаркский в северо-западном углу <...> вызвали те процессы «брожения», которые и привели в конечном итоге к появлению славян» (Щукин 1994: 286).

Позже восточные славяне испытали воздействие иудаизированного Хазарского каганата. Титул киевского князя — «хакан-рус» — одно из свидетельств этого воздействия.

Можно предположить, что «деспотическая» ближневосточная структура была привита к «демократической» индоевропейской наследственности Руси через посредничество либо иранских народов, либо «антисистемы» (Л.Н.Гумилев) иудеев-хазар. В этом контексте споры либералов-западников и почвенников-консерваторов приобретают комический оттенок. Первые ратуют за возвращение к исконному индоевропеизму, вторые охраняют чужеродные «семитские» ценности.

Сочетание в архетипе взаимоисключающих тенденций — разделения-«раскола» и слияния-«соборности» — объясняет принципиальную двойственность «Великого востоко-запада» (Вл.С.Соловьев) — русской цивилизации. В отношениях «воинов» и «колдунов» «раскол» и «соборность» периодически сменяют друг друга. «Ближневосточное» начало соединяет сакральные и светские функции в одних руках, «индоевропейское» — восстанавливает исходное разделение властей.

IV. Три поколения русских «колдунов»

Можно предположить, что Перун — покровитель «воинов» и Велес — покровитель «колдунов» менялись местами в иерархии славянского пантеона, в зависимости от соотношения сил в вечном противоборстве светской и сакральной «ветвей» власти.

Разрозненные свидетельства начальной истории славян и Руси позволяют допустить, что верховное положение Перуна и, следовательно, господство «воинов» приходится на периоды военной активности славян VI-VII вв. и Руси второй половины IX — X вв. Походы на Византию, несомненно, поднимали престиж «военного» бога.

О возможности господства «колдунов» и верховенстве Велеса свидетельствует происхождение самого понятия «власть» от имени «скотьего бога» (Топоров 1961: 29-31; Иванов, Топоров 1973: 51; Успенский 1982: 180-181). Словарь Даля зафиксировал тождество этих понятий: «Волосъ м. ряз. власть» (Даль 1989: 235). Естественно предположить, что преобладание жрецов совпадало с временами относительного внешнеполитического затишья. Наиболее вероятное время владычества последних — промежуток двух «перуновых» эпох — «темные века» (конец VII — начало IX) истории будущих восточных славян (Эрлих 1997).

Можно предположить, что в IX в. «воины», которыми могли быть легендарные варяги, установили безраздельное господство, свергнув «колдовскую» власть жрецов Велеса — волхвов. «Верховным общерусским богом» провозглашен был «княжеско-дружинный» Перун (Васильев 1989: 149, 151). Насаждение культа Перуна иноземными завоевателями косвенно подтверждается тем, что «Русь клянется Волосом, а дружина — Перуном» (Топоров 1987: 245).

Менее вероятно, что «воины» были туземного происхождения. Тогда «антивелесовский» переворот должен рассматриваться как «первая русская революция».

В любом случае борьба велась на уничтожение. Об этом свидетельствует отсутствие «скотьего бога» в пантеоне, сооруженном в 980 году Владимиром в Киеве.

«Отсутствие Велеса/Волоса неоднократно привлекало внимание исследователей, вызывая у них недоумение, и получало весьма разнообразные интерпретации» — пишет, предваряя их перечень, М.А.Васильев (1999: 81-82):

«Ф.Е.Корш (1908: 2) выразил следующее мнение: «Возможно, что летописец перечислил не всех богов, которых изображения стояли при Владимире на этом холме. Так, например, неужели там не было кумира Велеса? Казалось бы, как на посвященном богам холме, так и в летописном известии о нем, он должен был занимать второе место после Перуна»»;

«Е.В.Аничков (1914: 313) писал, что Велес не назван среди Владимировых богов потому, что являлся божеством «несомненно более широкого распространения, чем боги Владимира»»;

«Б.Д.Греков (1953: 387) полагал, что Волоса в пантеоне нет, «конечно, потому, что ему и не надлежало быть тут. Он стоял на другом месте, на рынке, на Подоле, у самой реки Почайны» как бог купцов, купеческое божество. (Мысль о том, что Волосов кумир месторасполагался на Подоле, первым, ка-

жется, высказал, гипотетически, Н.Закревский (1868: 217), обосновав ее следующим образом: относительно улицы Волоской или Волошской он писал, что «она находилась в той части Киево-Подола, которая в 1650 г. называлась Епископскою или Бископскою <...> Не вела ли она в древности к капищу Волоса, от коего и получила свое название?»). Аналогичной точки зрения придерживаются В.В.Иванов и В.Н.Топоров (1992: 453);

«Выдвинув свое предположение о причинах возникновения киевского пантеона и принципах его организации (стремление упорядочить язычество и противопоставить языческую систему все возраставшему влиянию христианства), Б.А.Рыбаков (1987: 446) писал: «Возможно, что и невключение в пантеон Волоса — бога, почитаемого разнузданными карнавалами, звериными масками и буйными русалиями, <...> связано со стремлением придать пантеону более приличный, достойный вид, устраняя из него все то, что слишком контрастировало с православным церковным благолепием и внешней благопристойностью греческой веры»»;

Ю.В.Кривошеев (1988: 15) увидел в Велесе божество словен новгородских, попавшее в Киев в результате похода Олега 882 г.; «как бог присоединенного племени Велес был поставлен в Киеве “ниже” (полянского — М.В.) Перуна»;

«По мнению А.П.Новосельцева (1988: 109), забвение в пантеоне столь важного языческого божества, как Волос, объяснялось тем, что “этот бог был покровителем воинов-купцов, совершавших далекие заморские походы еще при отце и деде Владимира, который от таких походов отказался и явно их не поощрял”»;

«А.Г.Кузьмин (1988: 12) выразил мнение, согласно которому отсутствие Велеса в пантеоне могло быть связано с каким-то конфликтом в Киеве: не исключено, что торгово-ремесленный Подол остался на стороне Ярополка в его борьбе с Владимиром за великокняжеский престол»;

«А.Карпов (1997: 112) объяснял отсутствие Велеса тем, что он являлся божеством «нижнего» мира, богом богатства и земледелия. «Поэтому ему не было места рядом с “высшими”, небесными божествами на “Перуновом холме”. Он и оказался “внизу” на Подоле».

По мнению самого М.А.Васильева (1999: 82), Перун и Велес «были, с одной стороны, постоянными и непримиримыми противниками. Но, с другой стороны, они, как главные участники «основного» мифа, являлись богами неотрывно взаимосвязанными, равно великими, обладающими верховной природой. В силу этих обстоятельств одно божество просто не могло быть подчинено другому, так как это «взрывало» бы самые основы славянской мифологической системы, разрушало бы одну из ее ключевых архетипических составляющих. И коль скоро структура Владимирова пантеона не носила случайного характера, вполне закономерно то, что Велес/Волос не мог в него войти, оказываясь тем самым в “подданстве” у Перуна; то, что Волосов идол стоял в Киеве, но вне рамок созданного великим князем на Старокиевской горе капища». Таким образом, исследователь, объясняя «отсутствие Велеса/Волоса в киевском пантеоне князя Владимира» «в первую очередь не в социально-политической, а в религиозно-мифологической плоскости», присоединяется к приведенной точке зрения В.В.Иванова и В.Н.Топорова о «топографическом» разделении героев «основного» мифа. Отказ от поиска «социально-политических» причин отсутствия Велеса в пантеоне вступает в противоречие с указанием на общественные предпосылки религиозных реформ Владимира, утвердившего в качестве «верховного общерусского бога» «княжеско-дружинного» Перуна (Васильев 1989: 149, 151), в одной из прежних работ этого автора.

Еще два любопытных факта:

Оба — цветовой и космический — былинных эпитета Владимира Красное Солнышко являлись, согласно индоевропейской символике, синонимами слова «воин» (Попович 1985: 58, 83-84);

Прямо-таки «дюмезилевские», параллели обнаруживаются в «социальном происхождении» владимировых «трех богатырей»: «Если в Илье Муромце подчеркивается его крестьянское происхождение, а в Алеше Поповиче — “поповское” (духовное), то Добрыня Никитич — воин» (Иванов, Топоров 1995: 162).

Взаимное ожесточение борьбы запечатлено в двух текстах — «воинском» и «колдовском». Первый — знаменитое конное изображение Георгия Победоносца, пронзающего змея. Второй — легенда «Повести временных лет», больше известная в пересказе Пушкина как «Песнь о вещем Олеге». Для понимания сокровенного смысла текстов необходимо расшифровать их символику. Первый ее пласт связан с языческими представлениями о символических животных. Бык и змея — символы «колдунов» (в этой связи прозвание Велеса «скотий бог» абсолютно закономерно), конь — символ «воинов» (Попович 1985: 92-94). Второй символический ряд связан с христианской традицией приспособления к языческим культам. Культ Перуна был перенесен на Георгия Победоносца, культ Велеса — на Николая Угодника (Попович 1985: 91).

Существует и другой взгляд на распределение символических животных между Перуном и Велесом. По мнению Д.А.Мачинского (1981: 127), Перун связан с быком; Велес — со змеей и конем. Такое несовпадение взглядов связано и с тем, что бык — «один из противоречивейших символических образов», что «уже в древности не сложилось единой символической трактовки образа быка даже там, где, казалось бы, были одинаковые природные и социальные условия» (Похлебкин 1995: 67).

Связь Велеса со Св.Николаем объясняет, видимо, влиятельность последнего в народном религиозном сознании. Иван Посошков — публицист начала XVIII в. — отмечает предпочтение, оказываемое простолюдинами Николаю-чудотворцу даже «перед Спасителем и Богоматерью» (Милюков 1995: 204).

Поединок Победоносца со змеем читается как апофеоз Перуна, свергающего Велеса, как торжество «воинов», посрамивших «колдунов»:

> *«Перун, первоначально в образе всадника на коне <...>, поражает своим оружием змеевидного врага <...> в изначальном варианте мифа — то мифологическое существо, которому соответствует Волос-Велес» (Иванов, Топоров 1991: 438).*

Значение для «воинов» этого победоносного текста подтверждается его центральным расположением на гербах Великого княжества Московского, Московского царства и Российской империи. Мстительный взгляд «колдунов», зафиксирован в легенде о «вещем» Олеге. Внимание читателя сосредоточивается на двух моментах: «кудесник»-волхв предсказывает гибель князю; князь гибнет от укуса змеи (символ «колдунов»), выползающей из конского черепа (символ «воинов»):

«Мотив смерти Олега <...> от змеи может рассматриваться в связи с реконструируемым противопоставлением Перуна и Велеса в славянской мифологии» (Петрухин 1991: 415).

В «Киево-Печерском патерике» (составлен в конце первой четверти XIV в.) поединок сакральной и светской властей также нашел свое отражение. Церковный характер включенных в свод рассказов одного из авторов патерика Поликарпа не может скрыть их языческие «основно-мифическую» сущность и форму «Песни о вещем Олеге» («Рассказы Поликарпа написаны так безыскусственно, наивно, так много встречается в них просторечных оборотов типа пословиц, так непосредственно смешивается фантастика с реально-бытовыми деталями, что нетрудно увидеть их устно-поэтическую основу» (Водовозов 1958: 110)):

1) «Мстислав, по наущению «люта и свирепа советника», приказал допросить печерского монаха Федора о будто бы сокрытом им кладе. Когда Федор ничего не сказал, «князь повеле его мучити крепко, яко омочиться и власянице от крови. И по сем повеле его в дыме повесити и привязать его опакы и огнь возгнетити». Пьяный или, как пишет Поликарп, «шумне быв от вина», Мстислав «стрелою уязви» монаха Василия, друга Федора. Тот «изем стрелу от утробы своеа, верже ю к князю и рече: сею стрелою сам уязвлен будеши». В последующей за тем битве Мстислав, как пишет Поликарп, был убит именно этой стрелой» (Водовозов 1958: 111). (Мотивы священнослужитель — князь — советник — клад присутствуют и в «Житии Св. Авраамия Ростовского», где он прямо связывается с Велесом. Авраамий, уничтоживший «идолу камену» Волоса в Ростове, «едва не стал жертвой беса», преобразившегося в свою противоположность «в образ воина, который возвел на него навет «царю» Владимиру..». Бес «обвинил Авраамия в том, что тот занимается волхвованием, что он утаил от князя найденный им в земле медный котел с деньгами» (Рапов 1988: 312-313).)

2) «Монах Григорий мыл на берегу Днепра грязный сосуд, когда мимо проезжали братья-князья Владимир Мономах и Ростислав со своими дружинами, отправляясь на войну с половцами. Ростислав начал смеяться над монахом, за что тот предрек ему скорую смерть. Разгневанный Ростислав приказал утопить Григория в Днепре. В происшедшей затем битве братья-князья потерпели поражение. Ростислав, спасаясь бегством, стал переправляться через речку Стугну и утонул в ней. О безвременной гибели Ростислава вспомнил и автор «Слова о полку Игореве», но он горячо сочувствовал юноше, смело сражавшемуся за родину с врагами. Под пером Поликарпа гибель Ростислава получила объяснение как небесная кара князю за смерть монаха» (Водовозов 1958: 111).

Обращает внимание противоположность гибели повешенного (т.е. вознесенного в сферу влияния громовержца) монаха из первой истории в огненной «перунической» стихии и князей — в первом рассказе «уязвленного» стрелой (аллегория змеи — символа Велеса), во втором — утонувшего в водных глубинах, т.е. владениях Велеса.

Эти тексты взаимной ненависти — один прославляющий победу «воинов», другой предрекающий их поражение от «колдунов» — постоянно воспроизводятся в противостоянии сакральной и светской властей.

Волхвы — первое поколение русских «колдунов» — были разгромлены властью «силы». Второе поколение — православное духовенство было навязано русскому обществу силой светской власти.

Россия, в данном отношении, не является исключением. С.В.Шкунаев (1989: 8, 9) приводит примеры заинтересованности «воинов» Ирландии и Индии в принятии новой религии с целью избавиться от влияния «колдунов»: «Вполне вероятно, что быстрое и совершенно безболезненное распространение новой религии (христианства — С.Э.) в Ирландии <...> объяснялось заметным повышением активности королевского и, шире, военного сословия общества. Именно оно могло быть заинтересованно в смене более динамичной и гибкой религией друидической организации, которая в силу своего контроля над ритуальной стороной жизни имела, по всем сведениям, совершенно исключительное значение. Здесь уместно вспомнить аналогию с древней Индией, где сословие кшатриев оказалось на стороне буддизма именно потому, что оно давало большую свободу социальной активности сословий и смягчало значении ритуализации общественной жизни, на которой строилось влияние брахманизма. Распространение буддизма точно совпадало с повышением военной активности в стране».

«Антиколдовские» цели «воинов» в деле христианизации Руси обнаруживаются в клятвах договоров Олега, Игоря и Святослава с греками. «Весьма популярные» (Иванов, Топоров 1965: 21), т.е. ориентированные на широкие круги «воинов», «колдунов» и «работников» Олег и Святослав клянутся Перуном — «богом своим» (покровителем «воинов») и Велесом — «скотьем богом». В то же время в клятве Игоря, «выступающего преимущественно в роли предводителя дружины» (Иванов, Топоров 1965: 21), на первом месте выступает Бог «хрестьян» (христиан), на втором — Перун, а покровитель «колдунов» — Велес отсутствует.

Поэтому православие — самая несакральная из сакральных властей русской истории:

«...Наше духовенство никогда не противоборствовало мирской власти, ни княжеской ни царской: служило ей полезным оружием в делах государственных и совестью в ее случайных уклонениях от добродетели» (Н.М.Карамзин). (Цит. по: Анисимов, Каменский 1994: 55).

В контексте взаимоотношения «воинов» и «колдунов» легенда о «выборе веры» получает дополнительное подтверждение. Византий-

ское христианство с его цезарепапизмом — верховенством императора при смешении сакральной и светской функций — подходило к властной структуре языческой Руси. Принятие новой религии преследовало ту же цель, что и реформа языческого пантеона (исключившая из числа богов покровителя «колдунов» — Велеса) — сакрализовать безраздельное господство «воинов». Тождественное по отношению к светской власти православие лучше других вер подходило для этой цели (см. Приложение 2).

М.А.Васильев (1989: 151) полагает, что переход от «восточнославянского язычества <...> к христианству» совершался следующим образом:

«политеизм — верховное общегосударственное языческое божество (Перун) — христианство. И с этой точки зрения акт принятия христианства явился не резким разрывом с язычеством, а, в сущности, лишь заменой языческого верховного общегосударственного бога христианским».

А.Г.Кузьмин (1988: 189) отмечает, что первоначально «церкви воздвигались на месте языческих святилищ». Такая практика, «очевидно, не могла считаться ортодоксальной. Ведь таким образом христианство не столько отрицало, сколько продолжало и преобразовывало предшествующие верования».

«Пребывание в положении «над Церковью» всевластного монарха, использующего христианство в качестве официальной имперской идеологии, <...> вызывало зависть у новокрещенных Византией славянских царств» (Бессмертный 1989: 132).

Зависть, в частности русских князей, объяснялась тем, что «до татарского нашествия высшее духовное лицо в России — киевский митрополит прямо назначался из Константинполя». Однако с иерархами менее высокого ранга Рюриковичи уже тогда, по примеру константинопольских самодержцев, не церемонились:

Когда игумен Киево-Печерского монастыря Феодосий «захотел вмешаться в княжескую распрю и убедить князя Святослава вернуть старшему брату незаконно похищенный у него престол, вся братия была напугана княжескими угрозами — сослать игумена. Она упросила своего начальника прекратить свои пастырские увещания»; «За попытку удержать несколько лишних постных дней в году два архиерея подряд, Нестор и Леон, поплатились в Ростове своей кафедрой. Они были просто-напросто изгнаны паствой и кн. Андреем Боголюбским (1162)» (Милюков 1994: 23, 29).

Вышесказанному не противоречит мнение ряда историков (М.Д.Приселков, А.Е.Пресняков, Н.К.Никольский) о крещении Руси по образцам, отличным от византийской ортодоксии: болгарским, моравским, ирландским (см. историографию и библиографию: Кузьмин 1988). Независимо от первоначального источника русского христианства, Владимира Святого в новой вере привлекали не догматические вопросы, в которых «он вряд ли разбирался», а «формы церковной организации», точнее, «неограниченные возможности князя в решении организационных проблем», т.е. византийский образец взаимоотношения императора с патриархом: «Церковь на Руси изначально стояла все-таки под княжеской властью». Это утверждение тем более верно, что в княжение Ярослава Владимировича византийское православие стало преобладать над другими исповеданиями Древней Руси: «Византинизм не сумел полностью победить в домонгольский период. Но он все-таки получил определенный перевес по сравнению с <...> другими невизантийскими течениями». «Уступив <...> Константинополю в праве назначать митрополитов, русские князья сохранили за собой практику назначения епископов, лишь номинально утверждаемых митрополитами. Церковь оставалась в экономической и потому в политической зависимости от светской власти» (Кузьмин 1988: 220, 231, 65, 228).

Стремясь быть «совестью», а не только «полезным оружием» (Н.М.Карамзин) светской власти, церковь не раз пыталась нарушить византийскую «симфонию» властей в свою пользу. Однако архетипические представления препятствовали успеху «нестяжателей» и Никона. Подчинение «священства» «царству» усиливалось по мере «собирания Руси».

«Делаясь национальной», русская церковь «в то же время становилась государственной: она признавала над собой верховенство государственной власти и входила в рамки московских правительственных учреждений» (Милюков 1994: 33);

«С ростом Москвы увеличивается личная несвобода ее подданных и самого московского православия. Одной из величайших трагедий нашего православия является тот факт, что именно тогда, когда Русь окончательно становится Россией (XV — XVI вв.), Церковь как общественный институт окончательно «национализируется», порабощается государством и насильственно ограничивается в социальной сфере» (Бессмертный 1989: 131).

Зависимость православных иерархов, которые «без уведомления и разрешения великого князя <...> не делают ничего, что могло бы иметь хоть какое-нибудь значение», западные путешественники отмечают уже с XV — XVI вв. С того же времени становятся очевидными сакральные притязания светской власти. А.Поссевино (1983: 21, 23) пишет об Иване Грозном, что последний «решительно хочет казаться чуть ли не первосвященником и одновременно императором». Традиция эта, по мнению Поссевино, «заимствована от греческих патриархов и императоров, и то, что относилось к почитанию Бога, он перенес на прославление самого себя».

Закономерным итогом этого процесса была десакрализация православия в результате реформ Петра I. Последний «объявил себя главою церкви, уничтожив патриаршество, как опасное для самодержавия неограниченного» (Н.М.Карамзин). Начиная с царя-«Антихриста» (с точки зрения приверженцев «старины») или, говоря словами петровских «птенцов», царя-«земного Бога», церковь превратилась в одно из подразделений государственного аппарата.

«Со времен Петровых упало духовенство в России. Первосвятители наши уже тогда были угодниками царей и на кафедрах языком библей-

ским произносили им слова похвальные <...> Если государь председательствует там, где заседают главные сановники церкви, если он судит их или награждает мирскими почестями и выгодами, то церковь подчиняется мирской власти и теряет свой характер священный» (Н.М.Карамзин) (Цит по: Анисимов, Каменский 1994: 55);

«Самодержавие, прикрываясь своими сакральными привилегиями, постоянно и грубо вмешивалось в церковные дела и даже вероучительные, богословские дискуссии. Это вносило в церковную жизнь казенно-бюрократический дух, роняло авторитет пастырей в глазах народа. Достаточно сказать, что власти требовали нарушать в политических целях тайну исповеди. А чего стоила хотя бы инструкция выдавать справку о причастии как гарантию благонадежности!» (Мень 1989: 102).

В.М.Живов и Б.А.Успенский (1987) в основополагающей статье «Царь и Бог» приводят многочисленные доказательства осуществления русскими царями, начиная с Петра I, сакральной функции, (см. Приложение 2).

Карикатурой на сакральные притязания светской власти и, в то же время, доказательством укорененности таких представлений у русских людей служит учение основателя скопчества Кондратия Селиванова (2-я половина XVIII в.). Последний «принял на себя, кроме звания «Бога», еще звание «царя» (Милюков 1994: 117).

Аналогичных взглядов придерживался основатель другой мистической секты, прыгунов — Максим Рудометкин (середина XIX в.), полагавший, что в «тысячелетнем царстве царем будет он, разделяя власть с вернувшимся Христом» (Эткинд 1998: 55).

Лидеры хлыстов — родственной скопцам и прыгунам мистической секты еще в начале XX в. совмещали сакральные и светские функции, именуясь «христами-царями». М.М.Пришвин отмечал сущностное подобие власти «хлыстовского» и «общего» царей:

«Мир отражается иногда в капле воды» (Цит. по: Эткинд 1998: 482).

Восемнадцатый век, который в России продолжался до 1825 года, прошел под знаком безраздельного господства «воинов». Вторая их победа символизирована «Медным всадником», попирающим «позеленевшего змия». «Задавив гадину»-церковь (Вольтер) русское государство соединило «слово» и «дело», «знание» и «силу» в одних руках. Взятая на вооружение рациональная идеология Просвещения ориентировалась, взамен христианского, на античные образцы.

О темпах проникновения идей «века Разума» свидетельствуют радикальные перемены такого консервативного явления, как погребальный обряд. В некрополе XVIII столетия Александро-Невской лавры взамен надгробных крестов на могилах знатных «воинов» воздвигнуты колонны, погребальные урны, саркофаги и другие сооружения просвещенческой «античной» символики.

Касаясь «образа смерти» в дворянской культуре того времени, Ю.М.Лотман (1994: 211-212) пишет о его литературном воплощении:

«Не случайно тема посмертной славы в поэзии вызывала античные (языческие), а не христианские ассоциации. Так, весь цикл «памятников» — Ломоносова, Державина, Пушкина — представлял собой открытую вариацию традиции Горация. <...> Уже само воплощение мысли о смерти в образах, развернутых полностью вне христианства, было решительно невозможно до XVIII века».

Образованное общество и просвещенная власть — совпадали в лице историка-губернатора Татищева, поэта-министра Державина, «философа на троне» Екатерины II. Преодоление раскола властей путем уничтожения сакральной власти — главное условие военных (Суворов и Кутузов), государственных (Потемкин и Сперанский), культурных (Ломоносов и Пушкин) успехов, пик которых пришелся на «золотой век» Екатерины, последний всплеск — на «дней александровых прекрасное начало».

Между тем именно блестящие царствования Екатерины и Александра образуют начальную и конечную точки — от Новикова до декабристов — внутриутробного развития третьего поколения «колдунов» — интеллигенции. Зарождение интеллигенции может быть представлено как неизбежное торжество «раскольничьего» индоевропейского начала над «соборными» силами «ближневосточного» деспотизма.

Рассмотрим инкубационный период «размежевания путей» (Н.В.Рязановский) интеллигенции и власти. Но прежде необходимо определить: в чем состоит сакральная функция интеллигенции в триаде «интеллигенция», «власть», «народ»? Для этой цели необходимо сравнить функции русской интеллигенции и западных интеллектуалов.

Западный интеллектуал — это прежде всего профессионал умственного труда. Он не склонен отвлекаться на что-либо, выходящее за рамки его специальности.

Русский интеллигент — напротив, вовсе не сводится к образованию и профессии, таковой может быть и «образованщина» (А.И.Солженицын). Главное в определении интеллигента — нравственность, «служение народу»:

> *«Мерилом здесь является приверженность общественному благу <...> По условиям такого определения, образовательный уровень и классовое положение играют подчиненную роль. Хотя образованный и обеспеченный человек, естественно, лучше может разобраться в том, что же не так в его стране, и поступать сообразно с этим, совсем не обязательно, что ему придет охота это сделать. В то же самое время простой, полуграмотный рабочий человек, пытающийся разобраться в том, как действует его общество, и трудящийся на его благо, вполне отвечает определению интеллигента» (Пайпс 1993: 330).*

Подчеркивание нравственности и пренеб-

режение профессией свидетельствуют, что мистически-креативной сакральности Варуны (Творца) интеллигенция предпочитает этически-социальную сакральность Митры (Хранителя) (см. Приложение 1).

С.Л.Франк (1991: 169-170) в знаменитых «Вехах» в качестве отличительных черт интеллигенции называл морализм и антиинтеллектуализм:

«Русский интеллигент не знает никаких абсолютных ценностей, никаких критериев, никакой ориентировки в жизни, кроме морального разграничения людей, поступков, состояний на хорошие и дурные, добрые и злые. <...> Теоретическая, научная истина, строгое и чистое знание ради знания, бескорыстное стремление к адекватному интеллектуальному отображению мира и овладению им никогда не могли укорениться в интеллигентском сознании».

Наш современник вторит Франку:

«Обычное научное знание и методы познания недоступны российским интеллигентам, поскольку это элементы совсем другой, не интеллигентской культуры» (Кордонский 1995: 80).

С.О.Шмидт (1996: 411) также подчеркивает, присущие понятию «интеллигентность» «нравственный оттенок (если даже не акцент!) и необязательность социопрофессионального признака (т.е. занятости в сфере умственного труда, культуры)».

Возникновение интеллигенции, как уже говорилось, обусловлено внутренними особенностями архетипа. Но ее оформление имеет внешнюю масонскую природу:

«В момент, когда русская интеллигенция вырастала из рамок частных дружеских, масонство дало ей готовую форму для более широкой группировки — на основании общей идейной связи. В масонстве, как средстве организации, всегда заключалась огромная социальная сила» (Милюков 1995: 348).

Русское масонство, проникшее в страну одновременно с Просвещением, с самого начала отличалось от мистического ритуализма своего западного образца преимущественно этической и социальной направленностью (Новиков 1994). Унаследованная «змеиная» ненависть содействовала тому, что этичность и социальность обернулись обличениями безнравственной и антинародной власти.

С большой осторожностью можно предположить, что масонству прединтеллигенции благоприятствовала вероятная связь сакральности славянских волхвов с традициями друидов. (Ср. мнение В.И.Григоровича о том, что институт жречества у славян «заимствован от кельтов» (Преображенский 1959: с. 94).) Масоны, согласно гипотезе М.Б.Щукина (1993: 40), могли происходить (через ирландских монахов и средневековые ордена) от тех же друидов.

Русские масоны ощущали общие корни двух сакральных традиций. Иван Шварц писал о вольных каменщиках:

«сходствие их с церемониями и обрядами церкви нашея столь совершенно, <...> что неотменно заключить должно, что те и другие проистекают из единого источника» (Цит. по: Эткинд 1996: 144-145).

Возможно, что именно благодаря «друидическому» духовному родству «в русском масонстве формировались все основные черты» новой сакральной власти, «будущей «передовой» интеллигенции — на первом месте здесь стоял примат морали и сознание долга служить обществу» (Зеньковский 1991: 108).

Надо сказать, что власть тысячелетним инстинктом сразу распознала, «где таится погибель». Екатерина II обрушила репрессии на масонов — Новикова и Радищева. Александр I окончательно запретил масонские ложи.

Но было поздно. Сакральная функция уже не связывала себя с материнской утробой масонства. Восстание декабристов, прошедших отличную масонскую выучку, продемонстрировало это самым убедительным образом.

14 декабря 1825 года — день рождения интеллигенции, третьего поколения русских «колдунов»:

«14 декабря 1825 года — печальная дата русской истории — явилось днем открытого разрыва российского правительства с русским обществом — первым днем их жестокой столетней войны, где дальнейшими траурными вехами служат 1 марта 1881 года, 17 октября 1905 года, 2 марта 1917 года, а всеобщим эпилогом — 25 октября» (Керсновский 1993: 37).

V. Три метафоры сакрального текста

Архетип выступает как инвариант, основанной на его представлениях культуры. Но архетип — ученая абстракция, как бы не существующая для носителей культурной традиции. Источником их архетипических представлений выступает реальный архетипизированный текст. Этот текст — посредник между архетипом и культурой представляет набор символов — «букв», из которых составляется текст культурной традиции.

Такую функцию способен осуществлять только хранимый «колдунами» сакральный текст. Он может иметь как туземное, так и чужеземное происхождение. В любом случае, сакрализуясь, текст архетипизируется, становится носителем исходных представлений культуры. При этом расхождение между «буквой» сакрального текста и ее архетипическим «духом» может дойти до противоположности.

Каждое поколение «колдунов» видит собственное предназначение в хранении своего сакрального текста. Для волхвов — это языческие мифы. Для православного духовенства — Священное писание. Какой сакральный текст придает смысл интеллигенции?

Если принять во внимание, что ядром сак-

рального текста обычно является открытое выступление «первоколдуна», то у интеллигенции был выбор между литературной критикой Радищева и декабристской «критикой вооруженной рукою» (П.А.Вяземский). Анализ историографии показывает, что Радищеву, в лучшем случае, отводится роль «предтечи»:

«Все либералы и радикалы признают его своим предтечей» (Пайпс 1993: 338).

В начале интеллигенции было не сакральное «слово» отчаянного одиночки, а военное «дело» группы заговорщиков. Сакрализация декабристов соответствует архетипическим представлениям о верховенстве «воинов» и «соборном» слиянии в руках «воинов-пророков» (А.И.Герцен) сакральной и светской функций.

Примечательно воздействие архетипа на исследовательскую литературу о Радищеве, когда, вопреки фактам, его неоднократно «пробовали представить вождем обширной, но оставшейся неразоблаченной политической группы, или хотя бы вдохновителем легального литературно-общественного движения» (Лотман 1994: 262).

Декабристская легенда — архетипизированный сакральный текст русской интеллигенции.

Важным свидетельством сакральности являются количественные несоответствия западной и отечественной литературы о декабристах. Во всей огромной зарубежной историографии России едва наберется дюжина значительных декабристоведческих работ. Примечательно, что важнейшие из них написаны русскими эмигрантами. Отечественная литература давно перевалила за 12 тысяч публикаций. И это не только специальные исследования. Ее отличают авторское и жанровое разнообразие — от Николая I до Окуджавы, от следственных дел до оперных либретто.

Столь же разительно отличается и отношение к декабристам. Для западной историографии — это рядовой эпизод российской истории. Для отечественной литературы — «лучезарная точка в русских летописях» (М.С.Лунин).

Творение сакрального декабристского текста пришлось на время между рождением интеллигенции 14 декабря 1825 года и ее инициацией (обретением имени) в 60-х годах XIX столетия. Строительным материалом послужили сакральные тексты язычества и христианства. Примечательно, что канонизация декабристов в общественном сознании протекала по евангельскому образцу — от презрения и насмешек к оБОЖанию. М.Е.Ткачук усматривает здесь действие общекультурного механизма сакрализации. В любом случае, декабристы претерпели весь скорбный путь Сына Человеческого.

«Пока смысл не открыл своего нового имени, он — согласно теории «пороговых смыслов» М.Е.Ткачука (1995: 16) — витает в воздухе, относясь не к сфере запретного, а к сфере смешного. Сакральное и смешное — это главная бинарная оппозиция культуры. Смешное — <...> область латентных изменений <...> Абсолютно новое всегда выглядит смешным. Оно никогда не воспринимается как достойный конкурент устоявшегося. В переломные моменты саморазрушения всех иерархий традиции, возникают точки, в которых выбор уже не мотивирован какими-либо объективными критериями. Логика процесса такова, что в результате происходит переворот (инверсия) — сакральное договаривается до смешного, становясь анекдотом, а смешное сакрализуется. В процессе инверсии смысл наделяется именем».

Реакция современников не имела ничего общего с последующим пиететом. Народ, которого так не хватало декабристам, тихо злорадствовал унижению мучителей-дворян (Кудрявцев 1926). Отклики последних необъяснимы вне понятия корпоративной дворянской чести. Освобожденное от порки сословие переживало декабристскую виселицу как общесословную казнь, настолько постыдную, что от нее избавлены даже рабы.

Повешение, аналогично распятию, издревле считалось позорной казнью. «Позорной» назвали свою смерть К.Ф.Рылеев (по свидетельству В.И.Беркопфа) и С.И.Муравьев-Апостол (по свидетельству т.н. Самовидца). О «позорной казни» пишет в своих мемуарах декабрист А.Е.Розен (Цит. по: Невелев 1998: 82, 98, 113).

Расстрел, напротив, рассматривался как казнь, достойная военного и благородного человека. Еще во время следствия в Петербурге и в провинции носились слухи о расстреле главных заговорщиков:

«Сказывают, что на Волковом поле расстреляли пять бунтовщиков» (А.И.Сулакадзев. Дневная запись от 8 января 1826 г.);

«На нынешней неделе некоторые гвардейские роты при параде среди С-Петербурга расстреливали пятерых бунтовщиков по высочайшему повелению» (Семинарист из Владимирана-Клязьме. Дневная запись от 20 февраля 1826 г.) (Цит. по: Невелев 1998: 35).

О расстреле говорили также накануне и во время казни:

«Говорят, что 5 или 6 из главных виновных будут расстреляны на гласисе Петербургской крепости» (Агент III Отделения. Донесение от 12 июля 1826 г.);

«Некоторые (из приговоренных — С.Э.) обратились к императору с прошением о замене виселицы расстрелом» (А.П.Волконская. Письмо от 12 июля 1826 г.);

П.И.Пестель «<...> увидя виселицу, с большим присутствием духа произнес следующие слова «Ужели мы не заслужили лучшей смерти? кажется мы никогда не отвращали чела своего ни от пуль, ни от ядер. Можно бы было нас и расстрелять»» (П.Н. Мысловский). Аналогичны свидетельства императрицы-матери Марии Федоровны («Пестель жаловался на объявленный ему род смерти: он надеялся, что его расстреляют») и А.Я.Булгакова («Пестель, увидя приготовления, сказал: “Как! Меня вешать? Я должен быть расстрелян, — я военный”»). К.Ф.Рылеев, сорвавшись с виселицы яко-

бы произнес: «Этот случай доказывает, что хотя я и заслужил смерть, род казни незаконен, как офицера меня должны были расстрелять» (Le Moniteur universel. 1826. 18 septembre. N 261) (Цит. по: Невелев 1998: 35, 143, 94, 145, 147, 148).

Бессильный гнев пушкинской подписи над рисунком той кошмарной виселицы: «И я бы мог, как [шут, ви<сеть>]» — направлен отнюдь не на власть, а на бывших друзей — виновников несмываемого позора:

«Восстанавливая «ужасное зрелище», Пушкин стремился представить себе жуткую картину во всех подробностях, стать очевидцем казни, переживающим ужас совершающейся на его глазах насильственной ПОЗОРНОЙ (выделено мной — С.Э.) смерти»

— так объясняет Г.А.Невелев (1998: 35) побуждения, водившие пером Пушкина по листу 37 третьей масонской тетради.

Сам Пушкин устыдился несдержанности «написанного пером» и зачеркнул слово «шут». Но «слово не воробей..». Пушкинисты, шокированные таким откровением «друга декабристов», — в частности, Б.В.Томашевский (1934: 317; Цит. по: Невелев 1998: 311) отмечает «смущавший исследователей характер «формулы» Пушкина» — предприняли массу усилий, чтобы «вырубить топором» крамольную надпись (историю вопроса см.: Невелев 1998: 309-313). Первый комментатор — внук декабриста В.Е.Якушкин (1884: 550) вместо «как шут» прочел «как тут». «Несовместность» получившейся безвкусицы с гением Пушкина вынудила пояснение С.А.Венгерова (1908: 529-530; Цит. по: Невелев 1998: 309), в котором второе и третье предложения опровергают первое:

«Если и читать шут, то никаких выводов о пренебрежительном отношении Пушкина к декабристам из этого делать не следует. <...> Повешение недаром считается казнью позорною. Сложить голову на плахе — тут есть нечто героическо-красивое, а повешенный именно болтается как шут».

В.Ф.Боцяновский (1921: 8-9), Н.О.Лернер (1921: 80-81), А.М.Эфрос (1934: 935) и М.А.Цявловский (Рукою Пушкина 1935: 159-160), спасая «священный наш союз» поэта и заговорщиков, положили начало почти общепринятому предположению, что «слова «как шут» относятся к Пушкину, противопоставляющему себя «декабристам, героям и мученикам»» (Цит. по: Невелев 1998: 311). Такое толкование противоречит грамматике пушкинской «формулы». Соединительный союз «и» плюс сослагательное наклонение («я бы мог») недвусмысленно указывают, что под «шутами» подразумеваются те, кто в действительности, «умирая <...> дрыгали ногами» (Гессен 1936: 423-424; Цит. по: Невелев 1998: 311). «Дрыгание ногами» фигур на пушкинском рисунке заметил А.М.Эфрос (1933: 360; Цит. по: Невелев 1998: 44): «<...> у второго еще движутся ноги, третий и четвертый — в конвульсиях». «Состояние движения, читаемое в изображении трех фигур посередине» — отмечает Г.А.Невелев (1998: 44). Единственный в среде утонченных пушкинистов неинтеллигент — типичный представитель «красной профессуры» Д.Д.Благой (1931: 287) сумел выйти за пределы интеллигентского сакрального текста, подчеркивая, «что слово «шут» употреблено Пушкиным в данном случае как социально позорящее, унизительное для достоинства дворянина» (Цит. по: Невелев 1998: 310).

Современники повешенных, так же как современники Распятого, не были готовы поверить в опозоренного Бога.

Временной разрыв между историческими событиями и их литературным воплощением для декабристской легенды характерен так же, как и для евангельской. Евангелист декабристов — Герцен сумел «развернуть агитацию» только к концу николаевского царствования. И не одни цензурные препятствия тому виной. Приобщение к вере в униженного Бога было психологически невозможно, пока не народилось новое поколение, способное воспринимать декабристов иначе, чем символ собственного позора.

Декабристская легенда — неотделима от ее творца. Выбор христианских символов — «букв» для трансляции архетипического «духа» насилия объясняется тем, что мировоззрение Герцена формировалось до и после 14 декабря, на переломе эпох Просвещения и Романтизма (Riasanovsky 1976: 104). Эти эпохи, как известно, объединены причинно-следственной связью и противоположны настроением. Оптимизм Просвещения, с его идеей рационального преобразования МЕХАНИЗМА общественного устройства породил Великую французскую революцию. Трагизм порожденного этой революцией Романтизма был основан на постулате невмешательства в жизнь общественного ОРГАНИЗМА. Примечательно, что и культурные образцы обеих эпох — «залитая солнцем» Античность и «темное» христианское Средневековье — находятся в тех же отношениях генетической связи и противоположности. Вполне вероятно, что гениальные парадоксы Герцена, вроде «русского социализма» — гибрида идеи прогресса, унаследованной западниками у Просвещения, с романтическими фантазиями славянофилов по поводу общины — происходят от невозможного сочетания оптимизма и трагичности вскормивших его эпох.

На том же принципе соединения несовместимого — идей Просвещения с оболочкой Романтизма — основана декабристская легенда, приводимая в движение парадоксальной упряжкой коня революционной пропаганды и трепетной лани христианской символики. Ее суть выражается излюбленным герценовским эпитетом применительно к «героям 14 декабря», декабристы — «мученики».

В первую очередь она реализуется в отождествлении декабристов и Христа. Параллели — очевидны. Прежде всего, в их истории повторяются ключевые моменты евангельского сюжета — неудачное восстание (именно так квалифицирует З.Косидовский (1987: 196-197)

въезд Христа в Иерусалим), неправый суд, немилосердная и позорная казнь, нежданное Воскресение (возвращение из Сибири — указал М.В.Пулькин). В.Д.Цуркан подсказал, что в имени «декабристы» воплощена, помимо прочего, ассоциация между временем их символической смерти на Сенатской площади («Ах, как славно умрем!» — восклицал А.И.Одоевский накануне 14 декабря) и Рождеством Христовым.

Герцен, гениальный пропагандист метафоры «декабристы — Христос», не был ее изобретателем. Тем более не им придуман образ Христа-революционера.

Декабристы сами были не чужды использования христианской символики для революционной пропаганды. Широко известно совместное сочинение С.И.Муравьева-Апостола («Апостола Сергея» — выражение Н.Я.Эйдельмана) и М.П.Бестужева-Рюмина «Православный катехизис», который полковой священник прочел перед восставшим Черниговским полком 31 декабря 1825 г.:

«Главная задача «Катехизиса» <...> состояла в том, чтобы сломать укоренившуюся в солдатском сознании устойчивую вертикаль Бог — царь — офицер, убрать из нее второй элемент. Выполнив ее, заговорщики смогли бы полностью обосновать свое право на власть в отсутствие царя. А значит, дисциплина в полку была бы сохранена. Без этого запланированная Васильковской управой военная революция превращалась в обыкновенный солдатский бунт» (Киянская 1997: 70).

А.Л.Кучевский, основатель обнаруженного в 1822 г. в Астрахани тайного общества, отбывавший наказание в Сибири вместе с декабристами и поэтому часто к ним причисляемый, вел пропаганду, самоотождествляясь с Христом-революционером:

«Христос был тот же человек, как и мы, и состоял в таком же обществе, которое они ныне возобновили. Имел ученейших друзей 12, наименовав учениками; хотел весь мир сделать так, чтобы ни царей, ни князей, ни господ, ни рабства не было, а чтобы все были единобратцы» (Цит. по: Петров 1926: 11).

Если соузник декабристов Кучевский сравнивал себя с Христом, то власти снижали образ предков интеллигенции, «внушая свыше», что ссыльный декабрист — «человек опасный, это МАГ и ЧАРОДЕЙ, а потому надо от него подальше и много-то с ним говорить опасно, иначе что-нибудь худое получится» (Овчинников 1914: 59-60).

Г.А.Невелев (1998: 71- 151) опубликовал «Каталог источников» о казни декабристов. Читая одно за другим воспоминания современников об этом событии, поражаешься обилию параллелей с казнью Христа.

Один из распорядителей казни декабристов В.И.Беркопф приписывает К.Ф.Рылееву следующие слова:

«Хотя мы и преступники и умираем позорною смертию, но еще мучительнее и страшнее умирал за всех нас Спаситель мира» (С. 82).

По свидетельству т.н. Самовидца С.И.Муравьеву-Апостолу принадлежит аналогичное высказывание:

««Какая позорная смерть! Для нас все равно, но жаль, что пятно ляжет на детей наших». И потом, несколько помолчав: «Ну нечего делать, Христос тоже страдал, быв менее нас виноват. Мы чисты в совести своей, и нас Бог не оставит»» (С. 98).

Даже если Рылеев и Муравьев ничего подобного не говорили — эти свидетельства тем более доказывают, что в сознание современников вслед за чувством позора закрадывалась ассоциация «декабристы — Христос».

Священник П.Н.Мысловский в своем описании казни подчеркивает, что Пестелю было «не более 33 лет» (С. 93). Скорее всего, это указание на «возраст Христа».

Гораздо больше подобных свидетельств принадлежит декабристам-мемуаристам:

И.Д.Якушкин передает, что С.И.Муравьев-Апостол «молил за царя, как молил Иисус на кресте за врагов своих» (С. 112);

В воспоминаниях А.Е.Розена и Н.Р.Цебрикова приводится эпизод, когда С.И.Муравьев-Апостол

«<...> обернулся к духовному отцу П.Н.Мысловскому и сказал ему, что он очень сожалеет, что на его долю досталось сопровождать их на казнь как разбойников; на это замечание священнослужитель ответил ему утешительными словами Иисуса Христа на кресте к сораспятому с ним разбойнику» (С. 117),

«<...> дорогою сказал громко провожавшему священнику, что вы ведете пять разбойников на Голгофу — и «которые, — отвечал священник, — будут одесную Отца»» (С. 132);

А.Е.Розен также вспоминает «образ Спасителя, несущего крест, овальный, вышитый <...>, оправленный в бронзовый обруч», принадлежавший М.П.Бестужеву-Рюмину. «На этом образе дали клятву двенадцать членов тайного общества союзных славян» (С. 117). Несомненно, что, приводя число «двенадцать», Розен имел в виду аналогию между членами тайного общества и апостолами;

Е.П.Оболенский называет казненных товарищей «жертвы искупительные за грех общий», которые «приняв смерть, приняли вместе с нею и венец мученический» (С. 124);

Н.В.Басаргин, вспоминая «пять первых наших политических мучеников» подчеркивает, что «они проложили России новый путь, усеянный ТЕРНИЯМИ (подчеркнуто мной — С.Э.), опасностями, но ведущий к высшей цели» (С. 122);

Н.Р.Цебриков в своем описании Пестеля также напоминает читателю о «венце терновом»:

«Он был после болезни, испытавши все возможные истязания и пытки времен первого христианства! Два кровавых [широких] рубца на голове были свидетелями этих пыток! Полагать должно, что железный обруч, крепко свинченный на голове, с двумя вдавленными глубокими желобами, оставил на голове его свои глубокие два рубца» (С. 131);

Далее Цебриков указывает:

«Адская мысль подвести любоваться виселицами, на которых уже висели мученики, принадлежит собственно Чернышеву, а не Николаю. Тиберий еще был новичком в новом своем ремесле» (С. 134).

Русский император здесь прямо отождествляется с римским императором, в чье правление был

распят Христос. Следовательно, военный министр А.И.Чернышев, «на которого императором было возложено исполнение приговора» (Воспоминание неизвестного французского дипломата в записи А. де Кюстина, С. 100), косвенно сравнивается с Понтием Пилатом.

В.И.Штейнгейль пишет, что «пять жертв» «умерли как святые» (С. 125);

А.М.Муравьев, вспоминая «наших пятерых мучеников», подчеркивает, что «они искупили преступление, наиболее ненавистное для толпы: быть проводниками новых идей», в то время как «новые Иуды, те, кто составлял Следственный комитет, получили титулы и награды; это была цена крови» (С. 129-130).

Но более важным представляется следование христианской логике сакрализации с ее аксиомой унижения как истинного величия. В декабристах, сознательно приносящих себя в жертву во искупление дворянских грехов, — весь пафос благой вести от Искандера. Воплощением этого пафоса явился мессианский призыв: «В народ!», повинуясь которому поколение «детей», разбуженных Герценом, искупало грехи поколения «отцов».

Не столь явны параллели, манифестированные обложкой «Полярной звезды». Изображения топора и плахи, отрубленных голов в круглом обрамлении должны были ассоциироваться у тогдашних читателей «тамиздата» с Иоанном Крестителем. Более явной эту ассоциацию делало то обстоятельство, что первоначально пятеро повешенных были приговорены к четвертованию. Отождествляясь с Христом и Крестителем, декабристы становились предтечами самим себе, исходной точкой, «первым поколением»:

«Заметно стремление декабристов не связывать свои идеи с его (Радищева — С.Э.) именем и традицией» (Лотман 1994: 258).

Говоря о евангельских параллелях герценовской «легенды», нельзя упускать из виду противоречивое сочетание христианской формы с «иудейским» содержанием. Она аккумулировала не смиренную евангельскую максиму о подставленной щеке, а бунтарский ветхозаветный тезис о праве народа на восстание против неправой власти. И в этом смысле сакрализация декабристов равносильна освящению насилия, возведению его в ранг средств, дозволенных во имя благой цели. Впоследствии Герцена не раз упрекали в идеализации декабристов (Покровский 1927). Действительно, созданный им образ не совмещается с их реальным поведением. Первое знакомство со следственными документами повергает в шок любого, кто воспитан на преклонении перед «дворянскими революционерами».

П.Е.Щеголев (1926: 138) вспоминал, что открытие архивов следствия и публикация их материалов, ставшие возможными в результате революции 1905 года, вселили «горькое разочарование в современное сознание, полное благоговейной памяти о героях 14 декабря. Привлеченные к следствию заговорщики, от прапорщика до генерала, — не проявили никакой стойкости и с удивительной безудержностью спешили поведать своим судьям все тайные действия, все мысли даже самые сокровенные; спешили назвать возможно больше имен, хорошо зная, что всякое указание влечет за собой арест, не останавливаясь по временам даже перед наветами и оговорами своих товарищей, и раскаивались, раскаивались без конца».

Но Герцен писал не ученый трактат, а сакральный текст. Говоря его собственными словами, «только гении способны ошибаться подобным образом».

Другая причина «идеализации» связана не с целями работы, а с характером герценовских источников. Н.Я.Эйдельман (1987: 348) усматривает ее в том, что «первый пласт декабристских материалов, попавший в Вольную типографию, был связан с Луниным». Обаяние этого «богатыря из кованной стали» — бретера и воина, остроумца и мыслителя — перенеслось на остальных участников тайных обществ. Герцен писал «декабристы», подразумевая «Лунин».

Лунинские работы, впервые опубликованные «Полярной звездой», представляют лаву расплавленных смыслов. Часть из них кристаллизовалась в интеллигентской традиции. Для примера, можно отметить если не связь, то параллель христианской символики герценовской легенды и лунинской самохарактеристики — «апостолы свободы».

С Луниным связана также альтернатива «истинно индоевропейской» — «Православие, Самодержавие, Народность» — теории «официальной народности». Реакционность уваровской триады заключалась в игнорировании действительной сакральной власти — интеллигенции и реанимации давно десакрализованного православия. В пику Уварову Лунин (1987: 55) сформулировал принципы сакрального суверенитета интеллигенции («лиц политических», по его терминологии) в триаде «интеллигенция», «власть», «народ», представители которой «отрекаются [от] жизни и тем свидетельствуют правдивость своего послания, истину своих начал и законность своей власти».

Сакральное отношение к Лунину было сильнее политических пристрастий. Ф.М.Достоевский, мировоззренческий оппонент А.И.Герцена, с восхищением передавал в антиреволюционном романе «Бесы» «ЛЕГЕНДАРНЫЕ воспоминания» о Лунине. Достоевский, далекий «от приятия ЗАВЕТОВ декабристов», «не исключает декабристов из своего осуждения всего русского революционного движения». Тем не менее всю жизнь он был верен «восторженному КУЛЬТУ жен декабристов» (все три выражения принадлежат Л.Г.Гофману), которые навестили в Тобольском остроге осужденных по делу Петрашевского:

«они благословили нас в новый путь, перекрестили и каждого оделили евангелием».

Благодать, которую изливают на Герцена, воображаемые им декабристы, равносильна благодати, воспринятой Достоевским от реальных жен декабристов:

«Тот факт, что свидание с женами декабристов и передача ими евангелия, а затем чтение этой единственной разрешенной на каторге книги послужило поворотным пунктом в эволюции миросозерцания писателя от утопического социализма к ХРИСТИАНСКОМУ народничеству, прочно установлен в биографии писателя. Нам остается только упомянуть о нескольких показательных моментах в жизни Достоевского, где он сам отмечает свою духовную связь с женами декабристов и роль их в перерождении своего миросозерцания.

Одно из первых писем Достоевского по выходе из каторги адресовано экзальтированной и мистически настроенной жене декабриста — Фон-Визиной, и в нем писатель впервые сообщает свой новый, тогда еще полный сомнений, СИМВОЛ ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЫ.

На последнем этапе идеологического развития новый редактор «Гражданина» — Достоевский — открывает свою публицистическую деятельность помещенным в первой главе «Дневника писателя» описанием своего перехода от атеистического социализма Белинского к ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЕ русского народа. И тут же обрывает эту первую руководящую статью своего органа общеизвестным изображением свидания со своими ВЕРОУЧИТЕЛЬНИЦАМИ, женами декабристов.

*Наконец, на смертном одре Достоевский передает «ЕВАНГЕЛИЕ ДЕКАБРИСТОВ», как самую СВЯЩЕННУЮ семейную РЕЛИКВИЮ, своему сыну Федору и тем самым показывает, что мысль об этом драгоценном даре, вобравшем в себя дорогие для писателя воспоминания о женах декабристов, не покидает его до самой кончины» (*выделено мной — С.Э.*) (Гофман 1926: 192, 194, 195, 196).*

Сходство обеих конструкций — в акцентировании «долга перед народом» — третьим лишним в прежних спорах двух властей:

«Объединяет оба лагеря лишь одно — вера в «народ», в обоих случаях понимаемая по своему» (Бессмертный 1989: 153).

Л.П.Карсавин (1997: 263) трактует эту борьбу «именем народа» как междусобойчик саморазлагающегося «правящего слоя», который «высокопарно называют борьбою общества (и даже народа!) с властью. Правда, обе стороны — и «общество», и «власть» — ссылаются на народ и считают себя выразителями его воли. Но обе одинаково ошибаются или, по крайней мере, «преувеличивают». Их вражда — вражда внутренняя, семейная, до которой народу мало дела. Обе составляют один правящий слой, крестьян считают пейзанами и иногда даже осознают свое родство, хотя задним числом и по истечении долгого времени. Так и проекты Сперанского заносятся в почетный ряд памятников борьбы с самодержавием или интеллигенты заказывают 14 декабря панихиду по... императоре Николае I. Нравы меняются, но существо дела, т.е. принадлежность интеллигенции к правящему слою, остается тем же». В этом рассуждении примечательно «осознание родства» интеллигенции и власти в контексте 14 декабря, Сперанского и Николая I.

«Треугольник» российской истории XIX-XX столетий основан не на любви, а на НЕНАВИСТИ:

«Вера русского интеллигента обязывает его ненавидеть; ненависть в его жизни играет роль глубочайшего и страстного этического импульса» (Франк 1991: 185).

Периодизация нашей новейшей истории строится в зависимости от того, власть ли с народом давят интеллигенцию, либо народ с интеллигенцией сокрушают власть:

«Мы не собираемся здесь оправдывать декабристов, ни тем более русское общество XIX и начала XX столетия, воспитанное на их культе. Вина русского общества — точнее, «передовой» его части — перед Россией огромна и не искупима, но виновато и правительство. Пусть на стороне общества и львиная доля — три четверти всей вины, а на стороне правительства только одна четверть — без нее не было бы тех «общественных» трех четвертей» (Керсновский 1993: 37).

Уровень взаимной ненависти, парализующий любую попытку сотрудничества светской и сакральной властей, демонстрирует беседа А.С.Суворина с Ф.М.Достоевским времен «царской охоты» интеллигентов-революционеров на Александра II. Далеко не революционные собеседники согласились, что узнав о подготовке покушения на императора, ни в коем случае не стали бы доносить (Суворин 1992: 15-16).

Новый пик ненависти был достигнут в царствование последнего Романова. Ненасильственная христианская символика стала препятствовать всеобъемлющему выражению архетипической «змеиной» злобы. На первый план выдвинулся языческий пласт легенды о декабристах. Ни В.И.Ленин, ни Н.П.Павлов-Сильванский, ни Б.Б.Глинский, ни какой-либо другой партийный идеолог эпохи не являются творцами языческой метафоры сакрального текста. Еще Герцен определил преемственность с декабристами в кровнородственных категориях тотемизма — доисторической религии священного предка: «потомки», «предки», «наследники», «родство», «поколение» и т.д. (Цамутали 1993: 6). О «трех поколениях» в русском революционном движении задолго до Ленина, Павлова-Сильванского и Глинского писал Н.П.Огарев (Тараканов 1964: 60).

Была и другая причина преобладания языческой метафоры «декабристы-“тотем”» над христианской — «декабристы-“мученики”». Начиная с первой русской «революции нового типа» (М.Вебер), наряду с противостоянием интеллигенции и власти, обострилась усобица «колдунов». Приобщаясь к тотемному предку, каждая партия приписывала себе исключительную сакральную силу и потому отрицала священное родство конкурентов. Знаменитые ленинские «три поколения»: дворянские, разночинские, пролетарские революционеры —

должны были доказывать монополию большевиков на «декабристское наследство».

«В истории часто бывает так, что о событиях, вроде бы всем известных, в действительности мы знаем очень мало. Это происходит потому, что для потомков они значат больше, чем для современников, или же потомки их иначе воспринимают. Подправляя сведения о деяниях прошлого, они подтягивают их под собственные представления и желания. Борьба за наследство редко обходится без искажения истины, даже если искажение и не осознается» (Кузьмин 1988: 19).

Поражение царских «воинов» в 1917 году не означало победу «колдунов»:

«Война эта, ведшаяся с обеих сторон с невероятной озлобленностью и с еще более невероятным непониманием, нежеланием понять друг друга, окончилась так, как никто из них не ожидал, — гибелью обоих противников, погубивших своей распрей величайшую империю и великую страну» (Керсновский 1993: 37).

Власть архетипа привела к мгновенной милитаризации большевистского режима. Не случайно эпоха его становления вошла в историю как «военный коммунизм». Знаменитый марш: «Мы красные КАВАЛЕРИСТЫ, и про нас // БЫЛИННИКИ речистые ведут рассказ» — закономерно апеллировал ко временам «старого Владимира», к поединкам трех богатырей с трехголовым Змеем Горынычем. К архетипическому единоборству конного воина со змеем-колдуном восходит и клич «раздавить гидру контрреволюции».

Укорененность последнего в русской змееборческой традиции отмечал еще Г.П.Федотов:

«Борьба Империи с Революцией. <...> Размышляя об этой борьбе перед кумиром Фальконета, как не смутиться, не спросить себя: кто же змий, кто же змиеборец? Царь ли сражает гидру революции или революция сражает гидру царизма?» (Цит. по: Топоров 1995: 308).

В связи с выражением «гидра царизма» находятся проклятия Георгия Гапона «зверю-царю» Николаю II после «Кровавого воскресенья»:

«Так отмстим же, братья, проклятому народом царю и всему его ЗМЕИНОМУ отродью» (Первое послание);

«Да будешь ты проклят со всем своим августейшим ЗМЕИНЫМ отродьем» (Второе послание) (Цит. по: Обнинский 1992: 103, 105).

Превращение царя-«живого Бога» после «Кровавого воскресенья», когда по словам Гапона «пули царских солдат <...> убили <...> веру в царя», в «зверя-царя» — типичный путь превращения прежнего бога в чудовище:

«былые боги превращаются нередко в сказочных людоедов-драконов» (Голосовкер 1993: 7).

Гражданская война «белых» (цвет сакральной власти) и «красных» (цвет военной функции) (Попович 1985: 58) явилась смертельным поединком интеллигентных «колдунов» и второго, советского поколения «воинов».

В наименовании романа «Белая гвардия» М.А.Булгакова «слово “белый” <...> имеет <...> сакральный смысл» (Балонов 1997: 25).

Н.А.Бердяев (1990: 101, 126) отмечает, что за время гражданской войны изменился даже «антропологический тип» большевика. «Революция, о которой интеллигенция всегда мечтала, оказалась для нее концом».

Нельзя согласиться с последним утверждением Бердяева. Русская интеллигенция видоизменилась в «народную», «советскую», но не умерла. О ее живучести свидетельствует то обстоятельство, что подавление интеллигенции было первоочередной задачей Советской власти на протяжении всех семидесяти трех лет. Создавая подконтрольные «творческие союзы», Сталин подражал мерам Петра I по огосударствлению церкви. Однако, в отличие от православия, приручennая «кнутом» и прикормленная «пряником» советская интеллигенция сумела сохранить сакральность.

Сразу после кончины «верховного главнокомандующего» она заявила о своих претензиях на верховную власть:

«Критикуя власть за непоследовательность в проведении реформ, за неверные шаги и попятные движения, предлагая свои услуги на поприще совершенствования социализма, интеллигенция тем самым искала свое место в советском обществе, подобное тому, что некогда она занимала в старой России. <...> Критика со стороны интеллигенции была прежде всего способом социального самоутверждения, попыткой найти идейные основания для превращения в социальную силу, способную соперничать с бюрократией за право практически реализовывать социалистическую идею» (Лейбович 1993: 177).

Интеллигенция выполняла свой «нравственный долг» в невероятных условиях главлитовской цензуры. Чтобы сохранять сакральность, ей было необходимо «обличать» власть. Но обличать так, чтобы «народ» понимал, а «власть» не догадывалась. Для этой цели был изобретен шизофренически раздвоенный «эзопов язык» советской культуры. Его код (один обличающий полунамек на десять подличающих славословий) потребовал специальной теории — семиотики, «чтобы «Муху-цокотуху» между строк читать» (М.Е.Ткачук):

«Интеллигенция, рупором которой выступает Е.А.Евтушенко, с позиций коммунизма обличает сегодняшнюю повседневность с ее устоявшейся иерархией. “Коммунизм” поэтов-шестидесятников — альтернатива будничному быту, господству рутины, своеобразная оппозиция новому классу, занятому собственным благоустройством и забывшему о служении народу. Одновременно — это аттестат на лояльность — гарантия против репрессий. Евтушенко становится символом свободомыслия (надпись на стене туалета Пермского политехнического института, переписанная для обкомовской справки: “Почему не дают свободу творчества Евтушенко?”) и в то же время не-

утомимым пропагандистом высших целей правительственной политики: "Евтушенко сумел просто и доступно разъяснить народу — что же происходит в стране и мире"» — так О.Л.Лейбович (1993: 165) описывает «эзопов язык» хрущевской «оттепели».

Н.Я. Эйдельман (1989: 22-23) в эйфорическом угаре последней русской «перестройки» с воодушевлением вспоминал интеллигентский язык намеков брежневского «застоя»:

«Намек — то было целое искусство, от незамысловатого «кукиша в кармане» до целой, пародийной, сатирической системы! Намек, которого более или менее опытный читатель постоянно ожидал, а порою отыскивал даже там, где его и не было;

<...> Мир намеков, "кукишизма", подтекстов: со временем будет написана их история, собраны разнообразные примеры, забавные и печальные;

<...> Наибольшее число намеков заимствовалось из прошлого, располагалось в исторических романах и исследованиях».

Подводя итог «тоталитарному прошлому», Эйдельман мастерски намекает на свою ностальгию:

«Гласность, вторгаясь с 1985 года в наш мир, отодвигает в прошлое, можно сказать, целую литературу, обширную словесность, историю, филологию, философию, построенную целиком или частично на недомолвках <...>».

В связи с тем, что большевики-«колдуны» рассматривали декабристов как священных предков, большевики-«воины» канонизировали их в качестве «первого поколения». Интеллигенция не могла связывать себя с официозной метафорой. В то же время сакральный текст должен был приспособиться к «эзопову» механизму трансляции сакральности.

Если метафора «декабристы-"тотем"» была влиятельна накануне коммунистической революции, то сменившая ее «декабристы-"аллюзия"» готовила антикоммунистическую перестройку. В новой ипостаси декабристы рассматривались как универсальная модель социально-политической ситуации. Интеллигенты-шестидесятники отождествляли реформы Александра I с хрущевской оттепелью, николаевский застой с брежневским, ссылку декабристов в Сибирь со своим изгнанием на московские «кухни». В полной мере метафора «декабристы-"аллюзия"» проявилась в литературе. Наиболее яркий пример — повесть Б.Ш.Окуджавы «Глоток свободы». Ее рецепт незамысловат:

«Исторический роман
Сочинял я понемногу <...>
Было вымысла в избытке.
И из собственной судьбы
Я выдергивал по нитке <...>
И поручиком в отставке
Сам себя воображал».

В историографии, не считая беллетризованных исследований Н.Я.Эйдельмана, продолжала господствовать официальная метафора «декабристы-"тотем"». С.В.Яров (1994) связывает это с тем, что литературе, рассматривающей «единичное» и «случайное», было легче обходить идеологические запреты, чем социальной науке, исследующей «типическое» и «закономерное».

Отголоски аллюзивной метафоры до недавних пор чувствовались в оппозиционной прессе, где неудачливые путчисты августа 91-го сравнивались с декабристами. (Любопытно, что победившая сторона прибегла к скрытому цитированию герценовской метафоры «декабристы-"мученики"». «Оборона Белого дома» приобрела свой символический смысл только в связи с мученической смертью трех участников дорожно-транспортного происшествия).

VI. Колдун умер. Да здравствует колдун?

Сакральный текст пережил три стадии, три метафоры: «декабристы-"мученики"», «декабристы-"тотем"», «декабристы-"аллюзия"». Каждая из них представляет реакцию интеллигенции на общественную ситуацию. Характер реакции позволяет судить о состоянии интеллигенции.

Одновременно с перестройкой количество публикаций о декабристах стало стремительно уменьшаться. Сегодня сакральный текст переживает четвертую стадию — стадию молчания. Что можно сказать об интеллигенции на основании такой немногословной реакции?

Фигура умолчания — весьма многозначна. «Молчание — золото». «Молчание — знак согласия». Когда «народ безмолствует», молчание — символ несогласия. Но в предельном смысле молчание равнозначно смерти.

На клинический вопрос: «Умерла ли интеллигенция?» — надлежит отвечать утвердительно. Репрессии Сталина не могли десакрализовать «колдунов». Гонения его последователей только создавали мученический ореол святости. Какой Илья Муромец порубал интеллигентного Змея Горыныча на Калиновом мосту постперестройки?

На этот раз все обошлось мирно, без воинских подвигов Георгия Победоносца, «Медного всадника» и «красных кавалеристов». Интеллигенция тихо угасла, после того как ее вожди совершили «хождение во власть». За несколько лет экс-«колдуны» побили семидесятитрехлетние рекорды коммунистов по всем видам коррупции. Однако не сумели овладеть не очень виртуозными умениями «партноменклатуры» по организации повседневной жизни людей.

Недавние «властители дум» с тоской вспо-

минают о днях сакрального величия:

«Российская интеллигенция почти полностью растеряла свой авторитет» — сетует один из «ходоков» Г.Х.Попов — «никто ей не внимает» (Цит. по: Дубов 1994: 14).

Более дальновидные торопятся конвертировать остатки популярности в твердую валюту, либо кривляясь в рекламных роликах, либо скоморошествуя перед nouveaux russes'ами. Остальные продолжают юродствовать. Благополучно «проскочив» шестидесятилетний рубеж, бодро озвучивают утратившие смысл тексты. Но смертельная тоска в глазах выдает. Как они завидуют Высоцкому...

Интеллигенция, и утратив сакральность, продолжит свое посюстороннее существование. Ее реликтовая будущность временами будет схожа с участью языческих кудесников, продолжающих, в соответствии с тысячелетней традицией, волхвовать в глухих селах. Порой, аналогично православной церкви, она будет даже переживать периоды наружного подъема. Новый Вечный жид — русская интеллигенция обречена поучать, «как обустроить Россию, которую мы потеряли» (Г.Амелин), твердо зная, что ее никто не собирается слушать.

Умрет ли Россия вместе с интеллигенцией? Судя по апокалиптичным настроениям, последней хочется ответить на этот вопрос положительно: «Судьба России в <...> интеллигентском представлении — судьба ее интеллигенции» (Кордонский 1995: 78).

Но интеллигенция переоценивает свое значение. Для России ее смерть — всего лишь кончина третьего поколения «колдунов».

Нынешний редактор журнала «Новый мир» Андрей Василевский предполагает, что на смену интеллигенции идет «четвертое поколение» — «звезды» масс-медиа:

«Недавно в журнале «Знание — сила» я наткнулся на любопытную статью петербуржца Сергея Эрлиха «Россия колдунов». Вкратце: существует архаическая индоевропейская триада общественного устройства колдуны, воины и ремесленники, и автор накладывает эту триаду на историю России. По его мнению, первым поколением русских колдунов были волхвы, вторым — православное духовенство, третьим — русская интеллигенция с декабристов и по сей день. Но эта эпоха интеллигенции, считает С.Эрлих, исторически уже изжита, завершена. Сошлюсь на частный разговор: мы эту статью обсуждали с присутствующей здесь Ириной Бенционовной Роднянской — какое может быть четвертое поколение? Она сразу сказала: «звезды» масс-медиа! Четвертое поколение колдунов — это певцы, модельеры, киноактеры, даже парикмахеры и т.д. Мне кажется, что в этом много правды. И тогда, может статься, литературы и вовсе не будет. Во всяком случае, то, что мы, здесь присутствующие, по своей исторической замшелости привыкли считать литературой. Конечно, и книжки будут издаваться, и гонорары выплачиваться, и авторы тусоваться, но, видимо, реальный успех и влияние будут иметь только те произведения и авторы, что будут создаваться и потребляться по законам масс-медиа, по законам четвертого поколения колдунов». (Вопросы литературы. 1996. №6.)

Исчезновение сакральной власти, напротив, предвещает благоприятные перспективы. Вполне вероятно, Россию ждет новый «восемнадцатый век» — век экономических, политических и культурных успехов.

Разумеется, новый порядок не будет схож с милыми сердцу старичков-«шестидесятников» демократиями западного образца. Не лицемерный двойной стандарт «прав человека», а неприкрытый «государственный интерес», т.е. исключительное право на власть «воинского» сословия, образует этос грядущего этапа российской истории. «Соборное» соединение светской и сакральной властей в руках просвещенного деспота, очередного «революционера на троне» позволит реализовать креативные возможности государства — главной творческой силы русской цивилизации.

Но не стоит впадать в безудержный оптимизм. Никто не знает, когда ждать четвертого пришествия «колдунов».

На этой радостной и фальшивой ноте заканчивалась «Россия колдунов» издания 1995 г. Прошедшие годы доказали, что оптимизм был чересчур «безудержным».

Русские общественные и политические деятели пугают себя и других развалом государственности, крахом экономики и вымиранием населения. Но перечисленные опасности не смертельны. Подобные явления Россия пережила и во время татарского нашествия, и в семнадцатом веке, и в семнадцатом году. Даже в эти периоды национального унижения русские не теряли своего «воинского» этнического смысла. Александр Невский, покоряясь Орде, отважно сражался со шведами и немцами. Минин и Пожарский с оружием в руках восстановили утраченную было государственность. О милитаризме «конармии» Буденного напоминать не приходится. Не случайно за названными «смутами» наступали эпохи «царского», «имперского» и «советского» возрождения военной мощи. Над Россией нависла небывалая и воистину смертельная опасность.

Позорная кавказская война вынуждает думать, что воинский дух, отличавший русских от времен первых князей до последних генеральных секретарей, иссяк. Трудно заподозрить в руководителях и участниках беспомощных действий, только по недоразумению называемых «боевыми», потомков тех несгибаемых солдат, по поводу которых Фридрих II Прусский с раздраженным восхищением воскликнул:

«Русские — это стена из мяса. Их мало убить, их надо еще и повалить!»

Неужели Россия «воинов» «испустила дух»?

К величайшему прискорбию, это уже не прогноз, а запоздалое признание факта. Паничес-

ким надеждам интеллигентов на «сильную руку» нового «тоталитарного режима» сбыться, скорее всего, не суждено.

И тем более не имеют шансов на успех вчерашние мечты интеллигенции о «демократических реформах». «Реформированная» Россия не станет «демократической». Она перестанет быть Россией. Страна, рожденная под знаком Перуна отважными гребцами-грабителями (наиболее вероятная этимология слова «русь» — «гребцы-воины» варяжских кораблей), не может переродиться и сохранить собственное имя. Потому что имя — «это программа смысла» (Ткачук 1996: 163). Если «русь» изначально было именем «воинов», то обозначенное им сообщество, потеряв свой «программный» воинский смысл, неизбежно переименуется в не-Россию. Этническая программа, аналогично компьютерной, стирается из памяти вместе с именем.

Имя «новые русские», возникшее как каламбур («nouveaux russes» — «nouveaux riches»), привилось к русским богачам, потому что их деятельность не полностью вписывается в программу старого имени «русский».

Россия «воинов» умерла.
А России «колдунов» быть не может.
Что будет после России?

VII. Послероссие

В мире нет ничего невозможного. Поэтому любой предсказатель может быть посрамлен ходом истории, «не терпящей сослагательного наклонения». В нижеследующем тексте бесспорно только одно: со смертью русской цивилизации население «одной шестой» стало «этнографическим материалом» (Н.Я.Данилевский) для других «культурно-исторических типов».

Самый вероятный сценарий — заполнение «Черной дыры» (З.Бжезинский) — бывшей России соседними цивилизациями. Запад осуществит мечту генерала де Голля об Европе «от Атлантики до Урала». Южные территории отойдут миру ислама. Большая часть Сибири и Дальний Восток окажутся за Великой китайской стеной.

Взаимодействие с Западом включит в себя три процесса. Из них первый оскорбляет меня больше, чем второй:

— красивые женщины отправятся увеличивать генетическое разнообразие «горячих американских парней»;

— умные мужчины отдадут свой талант во славу приютивших их народов;

— оставшиеся посредственности будут частично оттеснены в неблагоприятные места, частично ассимилированы колонизаторами. Последний процесс аналогичен тысячелетней давности «мирному» расселению славян среди «коренных» балтских и финских обитателей Русской равнины.

Отличия «южного» и «восточного» направлений от «западного» будут в следующем:

— эмиграция в Азию бывших русских будет невелика;

— а колонизационные потоки, напротив, будут и агрессивней, и численно гораздо значительней.

Один из парадоксов российской Евразии-Азиопы приведет к тому, что большая часть территории отойдет к восточным цивилизациям, а преобладающая доля населения — к западным христианам. Следовательно, ассимиляция Западом — наиболее вероятная судьба большинства пока еще русских людей.

«Направление», преобладающее в отечественных средствах массовой информации, убеждает, что подобное будущее не удручает русские элиты. Напротив, они делают все, чтобы перевести его из вероятного состояния в неотвратимое:

«Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья!»
(В.С.Печерин)

Меня, незаконного отпрыска народа, сохранившего СВОЮ веру в двухтысячелетнем плену, не может не возмущать, как легко русские предают Россию. Уезжая, перестают быть русскими, оставаясь, стараются походить на американцев. Современная Россия — единая «пятая колонна»:

«Антирусский заговор действительно существует, но в нем участвует все взрослое население России» (В.Пелевин).

В сценарии поглощения России уже существующими цивилизациями нет ни фанатизма, ни, даже, фантазии. Он чересчур будничен, чтобы стать действительностью. Если бы в переломные моменты брали верх тенденции размеренных эпох, «конец истории» (Ф.Фукуяма) состоялся бы в начале каменного века. Жанр истории — не миф, не «волшебная сказка» и не детектив, с ограниченным набором мотивов и предопределенным финалом. История — это роман, текст максимально открытый и принципиально непредсказуемый.

Мое предсказание — не прогноз, а проект личного спасения. Существуют две «предпосылки, с которых мы начинаем» (К.Маркс, Ф.Энгельс):

Я ненавижу человеконенавистническое «Государство Российское». И оно всегда отвечало мне взаимностью. Имею основания опасаться, что его возрождение положит предел моему физическому существованию;

Я восторгаюсь «всечеловечески-братской» (Ф.М.Достоевский) русской культурой и горд тем, что думаю, пишу и говорю на одном языке с ее

гениями. Как атеист льщу себя созданием бессмертных текстов — единственной надеждой на «жизнь вечную». Поскольку русский — мой единственный родной язык, смерть русской культуры будет и днем моей духовной гибели.

Следовательно, чтобы обеспечить будущее, необходимо предсказать новую цивилизацию, в которой будут преодолены традиции русских «воинов» и спасено наследие русских «колдунов». То есть скроить меха под стать выдержанному вину. Отношения наследницы к России могут быть подобны «двоюродной» взаимосвязи Древнего Рима и христианского Запада. Русские классики вошли бы в культурный фонд новой цивилизации на правах «древних авторов». Русский язык продолжил бы свое литературное и разговорное бытие, подобное функциям ученой и вульгарной латыни. Вместе с тем языческие нравы времен «солдатских императоров» были бы смягчены новой «колдовской» идеологией.

Возможно, родство будет более близким. Вроде «отцовского комплекса» ненависти, определяющего отношение христиан к иудеям. Тогда священные книги русской культуры составят «Ветхий завет» новой цивилизации.

Где Палестина, способная преобразить Третий Рим?

Бесспорно, что она не может находиться в пределах собственно русских земель. Над последними слишком довлеют «традиции всех прошлых поколений». Ведь и христианство не способно было зародиться в Италии. «Месторазвитие» новой цивилизации — где-то на окраине, в одной из бывших «республик свободных». Чтобы уточнить — где именно? — стоит поискать аналогии во взаимосвязи и взаимном отталкивании завета Моисея и благой вести Иисуса.

В правление Тиберия в Палестине рядом с «настоящими» иудеями Иудеи соседили новообращенные иудеи Галилеи и убежденные язычники Самарии. Христос и большинство апостолов были родом не из «чистой» Иудеи или «нечистой» Самарии, а из межеумочной, лишь вполовину «своей», Галилеи. Последнее позволяет вычеркнуть из прогноза иноверных «самаритян» Прибалтики, Средней Азии и Кавказа. Остаются единоверные белорусы, украинцы и молдаване. Молдаване (одновременно и свои — православные, и чужие — русские упорно отождествляют их с цыганами-язычниками) — самые анекдотичные из троих, и потому — самые вероятные претенденты на «один шаг» к великому. В связи с недавним исследованием (Ткачук 1996: 168-172) природы взаимных переходов «смешного» и «великого» этот смехотворный аргумент представляется особенно серьезным.

Оставаясь в пределах библейских метафор, в «русско-молдавских связях» можно подглядеть множество мелких аналогий с Иудеей и Галилеей:

В обоих случаях метрополия и провинция не имели общих границ;

Население обеих окраин было полиэтничным;

В древней Галилее рядом с евреями жили финикийцы, сирийцы, арабы и греки (Ренан 1991: 80). Об этническом разнообразии современной Молдавии свидетельствуют три государственных образования на ее крошечной территории: всеми признанное государство «титульной» нации, автономная Гагауз Ери и «никем не признанное» Приднестровье русских и украинцев. Молдавские болгары, вдохновленные успехом гагаузов, также требуют самоуправления. Два других значительных народа — евреи и цыгане привыкли обходиться без государственной опеки. Эту пестрота могла быть большей, если бы по Молдавии не проехал нивелирующий — «несть ни эллина, ни иудея» — каток советского режима. До включения Бессарабии в СССР (июнь 1940 г.) здесь, помимо перечисленных, проживали большие группы немцев, греков, поляков и армян. О двух последних в настоящее время напоминают одноименные кладбища в Кишиневе.

В Иерусалиме земляков Христа, как и молдаван в Москве, любили пригвоздить эпитетом «глупый»;

Зато вино в имперскую эпоху и в Галилее, и в Молдавии, в отличие от постсоветских времен, было хорошее. Но подобные «доказательства» несоразмерны с великим проектом преемницы русской цивилизации. Гораздо убедительнее, на мой взгляд, следующее соображение в пользу молдавского будущего России.

Вполне вероятно, что такая перспектива была заложена в далеком прошлом, когда славянские предки русских в VI — VII вв. впервые столкнулись на Дунае с предками молдаван — волохами:

«Волхом бо нашедшем на словени на дунайския, и седшем в них и насилящем им..». (ПВЛ 1950: 11).

Возвращаясь после «дунайского эпизода» на север, славяне во время «карпатской стоянки» конца VII — начала IX вв. находились под «колдовской» властью волохов. Поэтому славянские жрецы и получили имя «волхвов» (синоним слова «волох» в «Повести временных лет») (Эрлих 1997: 150-151).

Под влиянием этих обстоятельств «колдовские» традиции волохов, восходящие, в свою очередь, к «антигосударственникам»-друидам, не могли не стать «матрицей» (образцом деятельности) «жрецов» русской культуры. По своему глубинному мировосприятию — вечной враждебности к милитаристскому государству, интеллигенты (третье поколение русских «колдунов») — несомненные волохи. Замечательная черта молдаван, сохранивших свой «колдовской» импульс, — их своеобразный анархизм, стремление полагаться на собственные силы, не дожидаясь государственной милости

«доброго царя». Поэтому утверждение новой «колдовской» цивилизации будет происходить как органичное возвращение «на круги своя».

И еще один важный аргумент — имя молдаван, программа их этнического смысла:

> *«В истории не раз встречаются великие призвания, поводом которых было имя, случайно данное ребенку» (Ренан 1991: 80).*

Согласно легенде, Молдавия была основана в XIV в. группой молодых охотников, перевалivших Карпаты в пылу погони за священным быком. По мнению В.Д.Цуркана, «молдаване» и означает «молодые», новый народ, отделившийся от волошского этноса. Такое название вполне объяснимо тем, что к XIV в. все соседние народы были «старше» пришельцев. Народ, названный «молодым», обречен на великие свершения в силу задора, присущего молодости. Славянская этимология этого счастливого имени облегчает его наполнение «послерусским» программным смыслом. Согласно последнему:

Великое призвание молдаван — стать новыми русскими, основать новую цивилизацию от Атлантики до Тихого океана.

Главное препятствие на пути молдавской цивилизации — фольклорная молдавская интеллигенция. Я первым буду возражать против расхожего мнения — «молдаван тяжелый» (А.С.Пушкин) — о природном тугодумии молдаван. Видимость умственной отсталости вызвана преобладанием в молдавском обществе архаичной культуры, не позволяющей достойным образом реагировать на вызовы современности. Замечательно, что в точных и естественных науках, где влияние культурной среды не имеет решающего значения, молдаване добиваются выдающихся успехов. Они прекрасные врачи, математики, программисты.

Но в гуманитарной сфере, которая, собственно, и является смыслообразующей для интеллигенции как общественного слоя, молдаване в массе своей чрезвычайно некомпетентны. Сверхсложный постиндустриальный мир воспринимается ими как всего лишь увеличенная копия родного сельского мирка. Доверять им руководство — все равно, что доверяться штурману, который прокладывает курс, руководствуясь картой Птолемея.

Замечательная параллель — первый русский ученый, «крестьянский сын» М.В.Ломоносов — выдающийся физик и химик и, одновременно, никудышный историк.

Не имея способностей соответственно реагировать на возникающие проблемы, молдавская интеллигенция вынуждена стремиться к внешней зависимости. Оказавшись вне крепостного состояния после развала СССР (в советской Молдавии, в отличие от Прибалтики и Западной Украины, не было ни вооруженного, ни диссидентского национального сопротивления), она добровольно отдается в рабство Румынии. Это противоестественное «вхождение в Европу» per rectum прежде всего противно жизненным интересам самих молдавских элит. Получив образование и заняв ключевые государственные посты исключительно благодаря «ленинской» национальной политике, они с приходом румын неминуемо потеряют свои властные и вузовские синекуры. Чиновники — по причине сокращения штатов, профессора — из-за плохого владения румынским языком.

«Национальная» программа, выдвинутая молдавской интеллигенцией, сводится к тому, что молдаване — это «бессарабские румыны» по причине «общей истории, территории, культуры и языка». Неизвестно, осведомлены ли поборники румынизма о том, что повторяют определение нации, данное таким знатоком национального вопроса, как И.В.Сталин. В ошибочности сталинского определения унионистов (сторонников присоединения к Румынии) можно многократно убедиться, даже не выходя за пределы европейского континента. Ведь подобное можно сказать о немцах и австрийцах; французах и бельгийцах; французах, итальянцах и немцах с одной стороны и Швейцарской конфедерации — с другой. А еще есть показательный пример отношений сербов и хорватов.

Молдавским интеллигентам просто не под силу принять современное определение этноса:

> *«<...> кроме этнонима, фиксирующего некую форму самосознания, не существует никаких иных критериев этноса» (Ткачук 1996: 157).*

Действительно, пока большинство населения Молдавии считает себя молдаванами — «есть такая» нация! Однако унионисты уже многое сделали, чтобы вычеркнуть собственный народ из истории. Флаг, герб, (одно время и гимн), административное деление Молдавии копируют румынские образцы. Предпринимаются усилия для внесения поправки в конституцию и переименования молдавского языка в румынский.

Может, молдаван, ставших румынами, ожидают благоприятные перспективы, недостижимые в условиях самостоятельности? Может, отсталость Румынии только до поры и «последние станут первыми»?

Обратимся к этнической программе, заложенной в имени румын. Государство, чье имя повторяет название великой империи прошлого, не имеет будущего. Снаряд истории не падает в воронку исчерпанного смысла. Заложенная в имени вторичность — неотвратимая судьба Румынии. Кроме того, румыны, повсюду униженные, вымещают свои садомазохистские комплексы, высокомерно относясь к «домашним своим» — молдаванам. Поэтому можно утверждать, что оказавшись в составе Румынии, Молдавия обречена на жалкую участь последней провинции последнего из задворков Европы.

Крестьянская молдавская интеллигенция не способна понять и поддержать программу молдавской цивилизации. Поэтому, творцами нового «культурно-исторического типа» станут городские жители Молдавии. Последние, независимо от происхождения, являются в большинстве не только «русскоговорящими», но и «русскодумающими».

В молдавских школах Кишинева учителя постоянно напоминают детям, чтобы они не говорили на переменах по-русски. Городские молдаване, окончившие национальную школу, не раз признавались мне, что, разговаривая по-молдавски, в уме переводят с русского.

Русский язык, вытесненный из официального обращения, занимает ведущее положение в престижных сферах общественной жизни, основанных на частной инициативе, — бизнесе, элитном образовании, средствах массовой информации. Это обстоятельство позволит обеспечить преемственность старой России и «России молодой» — Молдавии от Атлантики до Тихого океана.

Впоследствии найдется много желающих приписать себе авторство «молдавской идеи». Считаю своим долгом засвидетельствовать, когда, где и от кого я услышал ее впервые.

Лето 1989. Осмелевшие молдаване толпами бегают по Кишиневу с возгласами: «Чемодан, вокзал, Россия». Непривычные к погромам русские, выходя на улицу, благоразумно стараются помалкивать. «Как? Ужасно? А мы так всю жизнь!» — успокаивают остающихся русских отъезжающие евреи. На севере Молдавии идут раскопки древнеславянского городища. В них принимает участие большая группа студентов Московского университета — можно сказать, будущая элита России. М.Е.Ткачук первым тогда заметил, что самоуверенная серьезность этой «элиты» безошибочный признак непроходимой тупости:

«Серьезное лицо — еще не признак большого ума. Все величайшие глупости на свете совершались именно с таким выражением лица» (Григорий Горин). И «многознание уму не научает».

Ткачук открыл, что русские из России и русские из Молдавии представляют разные культурные типы, хотя и говорят на одном языке. И, напротив, молдаване и молдавские русские, даже говоря на разных языках, представляют единую культурную общность. Русские и молдаване (т.е. все народы, живущие в Молдавии) — не просто разные, они полярны в своих мироощущениях:

Первые любят считать себя умными;

Вторым нравится прикидываться дураками.

Русско-молдавский «диалог культур» сводится к немногим словам. На прямолинейное — «глупый молдаван» следует двусмысленность — «умный русский».

Видимо, вынесенные из того «диалога» впечатления позволили Ткачуку (1996: 126-128) сформулировать закон-диагноз умирающих и рождающихся культур:

«Прямолинейность» (стандаризация) смысла — признак, общий всем умирающим культурам;

«Двусмысленность» (многозначность) — свидетельство зарождающейся культурной общности.

Сейчас трудно представить какой это был удар для нас, гонимых в Молдавии и связывающих все надежды с Россией. Ведь прежде мы всегда безоговорочно считали себя русскими. Ощущение, возникшее тогда, стало последним в «трехфазном» процессе этнической самоидентификации:

С детства нас воспитывали в сознании недостаточности нашего культурного багажа в сравнении с ленинградцами и москвичами;

В студенческие годы мы имели дерзость думать, что они такие же умные, как мы;

С лета 1989 возникло новое чувство — превосходства, смешанного с жалостью к нашим русским «братьям меньшим». Тогда еще не было «молдавской идеи» — только туманное НАСТРОЕНИЕ. В начале для понятия, объемлющего все народы Молдавии, было избрано устарелое региональное имя «бессарабцы». А.С.Тулбуре первым заметил «каинову печать» зависимости и провинциализма — в качестве «Бессарабии» Молдавия входила как в состав Российской империи (1812-1917), так и Румынии (1918-1940) — присущих этому имени. Он отказался от фашизоидных биологизирующих подходов советской этнографии и распространил этноним «молдаване» на всех жителей Молдавии. Созданный А.С.Тулбуре культурный и политический смысл имени «молдаванин», обеспечивает последнее необоримым прозелитическим потенциалом:

Настоящий молдаван — тот, кто уверовал в идею молдавской цивилизации от Атлантики до Тихого океана!

За прошедшие годы идея эта во многом прояснилась, но еще не приобрела кристальный вид «единственно верного учения». Возможны два варианта молдавской цивилизации, в зависимости от характера преемственности:

«Продолжающий» (по типу Рим — христианский Запад) — «русофильский»;

«Отрицающий» (по типу иудаизм — христианство) — «русофобский».

В первом случае преображенная русская культура получит возможность дальнейшего развития. Во втором — основная часть наследия будет законсервирована. Поскольку в моем восприятии молдавская цивилизация — не способ погрузить русскую культуру в анабиоз, но средство продлить ее творческую жизнь, второй вариант для меня абсолютно неприемлем.

Ненависть — это не «творческая страсть».

И последнее. В отличие от М.Е.Ткачука, бывшего все десять последних лет «партизаном» самоценной молдавской идеи, я до сих пор не мог смириться с тем, что у России нет будущего. Почему же, вновь обращенный в молдавскую веру, я набрался наглости излагать ее «символ» раньше автора, способного сделать это гораздо лучше?

Ткачук, видимо, полагает, что будучи опредмеченной в ученом тексте, молдавская цивилизация никогда не станет предметом изучения историков будущего. Я придерживаюсь противоположного мнения. Поставив цель, всегда заявляю о ней во всеуслышание, чтобы потом отступаться было стыдно.

Итак:

Молдавия от Атлантики до Тихого океана!

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. САКРАЛЬНОСТЬ МИТРЫ И САКРАЛЬНОСТЬ ВАРУНЫ

У индоариев творение — функция природно-далекого, «темного» бога Варуны; хранение — обязанность социально-близкого, ясного бога Митры (Дюмезиль 1986: 38-62).

> *«Уже в ведийский период Митра и Варуна различаются в ряде отношений. В брахманах эти различия превращаются в стройную систему противопоставлений: благой — неблагой, правый — левый, близкий (внутренний) — далекий (внешний), восточный — западный, связанный с солнцем — с луной, с днем — с ночью, с огнем — с водой <...>, белый — черный <...>, видимый — невидимый, связанный с космосом — с хаосом, коллективный — индивидуальный, социальный — природный, юридический — магический» (Топоров 1991: 370).*
>
> *«Митра и Варуна <...> воплощали жреческую («правовую» и магическую) функцию» (Жрец 1991: 663).*

Акт творения — всегда нарушение действующего Закона, необъяснимое посредством логики. Потому Варуна — мистичен.

Процесс хранения Закона от посягательств требует четкого определения, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Потому Митра — этичен.

По аналогии первая функция может обозначаться как сакральность Варуны (Творца), вторая — как сакральность Митры (Хранителя).

Разделение сакральных функций не имеет ничего общего с идиллическим разделением труда, где гончар и кузнец, портной и сапожник взаимовыгодно обмениваются «потребительными стоимостями». Отношения Творца и Хранителя — величайший по трагизму конфликт, ожидающий равного себе Шекспира.

Варуна придает смысл Митре. Но Варуна, продолжающий творить небывалые смыслы, подрывает авторитет прописных истин охраняемого Митрой Закона. Силлогизм: Варуна жизненно необходим Митре, живой Варуна грозит Митре духовной гибелью — имеет единственное для последнего решение. Творца надлежит убить (например, распять) и объявить пророком, себя же назначить хранителем учения. Посмертное признание — великий удел Творца. Жизненные блага — жалкая компенсация, выплачиваемая Хранителю от щедрот Вечности. Митра не способен стать Варуной. Но Варуна постоянно испытывает искушение спуститься с надмирных высот в паутину социальности. Горе ему, если искушение победит. Варуна, ставший Митрой, автоматически превращается в самоубийцу.

Конфликт Творца и Хранителя обнаруживается только изнутри. Внешнему взору предстают иные очертания сакральности. Магические импульсы Варуны едва проникают сквозь социальность митраического Закона. Благодаря такому обману зрения сакральность Митры и сакральность Варуны сливаются в единстве этической по форме и мистической в сущности сакральной власти.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. В.М.ЖИВОВ И Б.А.УСПЕНСКИЙ ОБ АРХЕТИПАХ ЗАПАДА И ВИЗАНТИИ

Определяя инокультурные предпосылки петровских церковных реформ, эти авторы выдвигают суждения, с которыми невозможно согласиться (Живов, Успенский: 1987).

В соответствии с точкой зрения В.М.Живова и Б.А.Успенского, для Византии характерен «параллелизм», т.е. разделение сакральной и светской функций: «христианство и империя в Византии существовали как взаимосвязанные, но независимые начала» (С.55). Для Запада же свойственны «магические представления о вожде» (С.60), т.е. слияние указанных функций.

Как видим, В.М.Живов и Б.А.Успенский придерживаются мнения, противоположного идее автора о «разделении властей» как архетипе западной цивилизации и их смешении как архетипе Византии. На чем основаны их положения? «Параллелизм монарха и Бога как «тленного» и «нетленного» царя» соавторы связывают с сочинением византийского писателя VI в. Агапита (С.50). «Магические представления о вожде, от которого мистически зависит благосостояние племени», характерные, по их мнению, для западного Средневековья, происходили от народного поверья, согласно которому «монарх воспринимался как источник благополучия, в частности, считалось, что прикосновение к нему способно исцелять от болез-

ней или обеспечивать плодородие» (С.60-61). Из факта существования подобных мнений отнюдь не следует, что они были господствующими, т.е. определяли реальное взаимодействие сакральной и светской властей. Насколько же влиятельны были указанные В.М.Живовым и Б.А.Успенским представления в, соответственно, западной и византийской традициях?

В цивилизации средневекового Запада столкнулись несхожие архетипы римлян и германцев.

Для римской религии, как уже говорилось, характерно разделение сакральной и светской властей: «Juppiter <...> сведен к великолепному теологическому описанию и к покровительству над главными ритуалами. Таким образом, Юпитер находится на первом уровне, над Марсом <...> он надзирает за правом» (Дюмезиль 1986: 113).

Первым же признаком германских религий Дюмезиль (1986: 113, 137) считает «прежде всего <...> то, что вторая функция — нужды и мораль войны — глубоко проникла в первую, верховную. Она ее не подавила и не присоединила <...>, но пронизала и отклонила в свою сторону». Пережитки представлений древних германцев о «воине-колдуне» воплотились в средневековом поверье о «Королях-целителях» (М.Блок).

Однако не германская традиция определяла, в конечном итоге, взаимоотношения папы и императора, а римский (доимператорского периода) закон разделения функций жреца и вождя.

В качестве «фактического подкрепления» приведем данные Ю.П.Малинина (1995: 21-24), рассмотревшего, как в различных слоях французского общества XIV-XV вв. воспринимались сакральные притязания королей. Он отмечает, что из различных «образов» королевской власти в сознании французов «наиболее древним <...> был сакральный, божественный, восходящий еще к древнегерманским, дохристианским представлениям».

В процессе усиления королевской власти «в ученой литературе развитие сакральной концепции королевской власти шло по нарастающей». Тем не менее Ю.П.Малинин задается справедливым вопросом: «В какой мере эта литература отражала общественное восприятие монархии и насколько «божественный лик» короля был привычен широким слоям его подданных?» Если дворянство «как будто не видело божественной ипостаси королевской власти», то «народ, горожане и крестьяне, был, надо полагать, более подвержен воздействию идеи сакральности монархии». Однако «явных свидетельств в пользу этого предположения совсем не много». Что же касается византийской идеи «параллелизма», то ее сторонниками и пропагандистами, по вполне понятным причинам, были церковники. Сам факт выдвижения идеи равенства «священства» и «царства», но отнюдь не верховенства Церкви, косвенно свидетельствует о ее приниженном положении:

«Известно, какую большую власть над церковью имел византийский император, «архиерей внешних дел», как называл себя уже Константин Великий. По словам отцов пятошестого собора, Бог поручил церковь императору. Канонист XII в. Вальсамон признавал даже власть императорскую выше власти патриаршеской. В титул императора было введено название «святого», «владыки христианской вселенной», он мог входить в алтарь, благословлять народ и участвовать в богослужении» (Милюков 1994: 33);

«В Византийском государстве <...> император <...> фактически являлся одновременно главой церкви. <...> Византийская церковь в экономическом отношении значительно больше зависела от государства, чем католическая, <...> ее права не были конституированы, назначение патриарха являлось прерогативой императора» (Каждан 1974: 711);

«В Византийской империи <...> союз церкви с государством строился на руководящей роли императорской власти, которая обладала сакральными функциями и имела право участвовать в решении церковных вопросов». «Православные иерархи, за редким исключением, не претендовали на главенство над могущественной светской властью, а церковь, в противоположность западной, не являлась носительницей универсалистских тенденций, а наоборот, проповедовала единение церкви и государства. Ей была чужда доктрина римской курии о примате духовной власти над светской». «При этом отчетливо давали себя знать идейные традиции обеих церквей: на Западе — влияние юридизма, восходящего к классическому римскому праву, на Востоке — спекулятивной греческой философии, прежде всего неоплатонизма» (История Европы 1992: 560, 581, 582);

«В Византии «басилевсу» удалось заставить рассматривать себя как священную особу, бывшую одновременно главой духовной и политической власти» (Ле Гофф 1992: 251).

Архетипом взаимоотношений византийских василевсов и патриархов служило не ученое сочинение Агапита, а культ императора-бога, сложившийся под эллинистическими влияниями в Римской империи:

«Царский культ обрел в период эллинизма «второе дыхание». Пример был показан самим Александром, который, узурпировав привилегию фараонов, объявил себя сыном египетского бога Амона. <...> Завершился этот процесс вторичной сакрализации власти в Средиземноморье римским императорским культом, который был введен Октавианом Августом в 29 г. до н.э. <...> Начиная с восточных провинций, воздвигаются храмы в честь «гения императора». Августа изображают в позе и одеянии Юпитера, перед его статуями воскуряют фимиам» (Мень 1989: 94-95).

В.М.Живов и Б.А.Успенский справедливо отмечают эту преемственность:

«Действительно, в Византии подверглись христианской обработке античные представ-

ления об императоре как о боге, входившие в официальный культ Римской империи. <...> В Византии император как бы вводился в церковную иерархию и поэтому мог восприниматься как священнослужитель <...> Можно сказать, что в условиях симфонии между священством и царством, принятой в Византии, сакрализация царя предстает как его участие в священнической харизме (возможно, что и это восходит в той или иной степени к традициям Римской империи, где император в языческой иерархии выступал как pontifex maximus)» (С.60).

На Западе эта «традиция Римской империи» была преодолена. Благодаря крушению земного Рима под ударами варваров и политическому раздроблению Средневековой Европы, духовная империя папы римского сумела утвердиться в качестве самостоятельной силы:

«Отсутствие сильной централизованной власти способствовало укреплению позиции римских епископов — пап» (История Европы 1992: 561).

Последнее обстоятельство привело к реставрации исходного разделения сакральной и светской властей древних латинов.

В Византии слияние властей было «подморожено», главным образом, по причине тысячелетней «агонии» Восточной Римской империи.

Другая возможная причина — греческий субстрат «византизма». Зевс, в отличие от Юпитера, отягощен царскими регалиями (Дюмезиль 1986: 113). Закон эллинов лишен беспрекословной святости «Закона римского». Греки не воспринимали своих богов как творцов и блюстителей морали и права:

«Греческое божество не дает в откровении никакого закона, который стоял бы выше природы, никакой святой воли» (М.Нильссон);

«По своей сущности гомеровские боги были лишены каких бы то ни было этических качеств» (М.Финли);

«Благодаря этому закон и этика могли развиваться среди греков в качестве человеческой мудрости <...> Изречения мудрецов и законы вырезывались на стенах храмов, но в них всегда видели устремления человеческого разума, а не божественное откровение» (В.Буркерт) (Цит. по: Андреев 1998: 302, 319).

Так, «первый законодатель Эллады» — Минос, взошедший, подобно Моисею (сходство имен, возможно, не случайно), на гору для собеседования с Зевсом и вернувшийся с нее, нагруженный «девятью скрижалями» писаных законов, «собственный произвол поставил законом для себя» (Герои 1992: 246). Хотя гипотеза о «теократической администрации» на минойском Крите ныне оспаривается, все же монархи той эпохи осуществляли и сакральные функции:

«Возле дома царя совершались многие общенародные сакральные церемонии, в которых правитель традиционно играл ведущую роль» (История Европы 1988: 146-147).

Крушение Кносса не привело к полному разрыву традиции:

«Многочисленные минойско-микенские реминисценции прослеживаются в греческой культуре, особенно в такой наиболее консервативной ее области, как религия и культ, вплоть до эпохи эллинизма» (История Европы 1988: 219).

Смешение сакральной и светской функций также пережило катастрофу «темных веков». Цари-басилеи архаической Греции

«на войне <...> становились во главе ополчения и должны были первыми бросаться в битву, показывая пример храбрости и отваги рядовым ратникам. Во время больших общенародных празднеств басилей совершал жертвоприношение богам и молил их о всеобщем благе и процветании» (История Европы 1988: 226, 250).

В классическую эпоху прямой демократии с переходом власти от «царей» к «народу» изменяется «форма» — должность жреца исполняется избранными народным собранием «мирянами». Суть — подчиненное положение сакральной власти по отношению к светской не изменяется:

«В отличие от стран Востока, где жрецы, начиная с древнейших времен, составляли особую касту или сословие профессиональных священнослужителей, резко обособленных от всего остального общества и пользовавшихся огромной властью и авторитетом, в Греции в совершении священных обрядов мог участвовать практически любой «мирянин», т. е. полноправный свободный гражданин, избранный на жреческую должность в народном собрании либо общим голосованием, либо по жребию. Чаще всего от такого человека не требовалось ни специальной подготовки, ни каких-то особых личных качеств, необходимых для успешного выполнения его обязанностей. Единственным условием занятия должности жреца было отсутствие у кандидата каких-либо серьезных физических дефектов. Считалось, что боги не любят больных и увечных. Как правило, жрец занимал свою должность в течение года или шести месяцев, а затем уступал ее другому народному избраннику. Довольно часто священные обряды (молитвы, возлияния и жертвоприношения богам) совершались лицами, не облеченными жреческим саном. Это могли быть и высшие должностные лица того или иного полиса (например, члены коллегии архонтов в Афинах, так называемые «цари» в Спарте), и военачальники, если нужно было умилостивить богов перед началом похода или сражения, и просто рядовые граждане, если обряд совершался в частном доме в кругу семьи (в таких случаях функции жреца обычно брал на себя сам глава семейства). Как мы видим, в религии, так же как и в политике или в военном деле, греки отдавали предпочтение любителям перед профессионалами, стремясь соблюсти основной принцип прямого народовластия и обеспечить возможно более широкому кругу граждан полиса право на участие в жизненно важных для всего общества контактах с потусторонним миром. Ведь по существу религиозные обряды

были в их понимании такой же неотъемлемой частью жизнеобеспечения гражданской общины, как и дебаты в народном собрании, постройка флота и крепостных сооружений или доставка из-за рубежа хлеба и других съестных припасов. Соответственно и те должностные лица, на которых возлагалось исполнение этих обрядов, ничем принципиально не отличались от всех прочих полисных магистратов» (Андреев 1998: 298-299).

Сакрализация власти в эллинистическую эпоху упоминалась выше. А от эллинизма до Византии — рукой подать. Не исключено, что минойское «родимое пятно» сказалось на византийских потомках народа, подарившего миру слово «демократия».

А.Г.Кузьмин (1988: 80) подчеркивает отличия западного и восточного типов взаимоотношений церкви и императора:

«На Востоке императорская власть помогла церкви укрепиться в качестве господствующей, но и вынудила ее признать примат светской власти над церковной. На Западе светская власть не предоставляла гарантий и побуждала церковь возвыситься над этой неэффективной властью».

Можно заключить, что представление о слиянии сакральной и светской властей не было господствующим в средневековой Западной Европе; а мнение о «параллелизме» — разделении «священства» и «царства» не преобладало в Византии. Напротив, и то и другое противоречили общепризнанным воззрениям своих культур.

ЛИТЕРАТУРА:

Андреев Ю.В. 1998. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб.

Анисимов Е.В., Каменский А.Б. 1994. Россия в XVIII — первой половине XIX века: История. Историк. Документ: Экспериментальное учебное пособие для старших классов. М.

Аничков Е.В. 1914. Язычество древней Руси. СПб.

Балонов Ф.Р. 1997. «Мы любим все — и жар холодных числ, и дар божественных видений», или опыт археологического литературоведения // STRATUM+ Петербургский археологический вестник. СПб.; Кишинев. С. 21-28.

Бестужев-Лада И.В. 1991. Август девяносто первого. Социальные предпосылки, последствия, прогноз // Вестник АН СССР, N 11. С. 16-29.

Бердяев Н.А. 1990. Истоки и смысл русского коммунизма. М.

Бессмертный А.Р. 1989. Национализм и универсализм в русском религиозном сознании // На пути к свободе совести. М. С. 122-171.

Бжезинский З. 1998. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.

Благой Д.Д. 1931. Социология творчества Пушкина. 2-е изд. М.

Боцяновский В.Ф. 1921. Пушкин и декабристы // Вестник литературы. N 2.

Васильев М.А. 1989. Боги Хорс и Семаргл восточнославянского язычества // Религии мира. История и современность. Ежегодник 1987. М. С. 133-156.

Васильев М.А. 1999. Канун крещения Руси: «Проводы — похороны» киевских кумиров Перуна и Волоса // Славяноведение. N 2. С. 79-84.

Вебер М. 1990. Избранные произведения. — М.

Венгеров С.А. 1908. По поводу рисунка Пушкина на листе 38 тетради N 2368 // Пушкин. Под ред. С.А.Венгерова. Т. II. СПб.

Водовозов Н.В. 1958. История древней русской литературы. М.

Волкогонов Д.А. 1989. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В.Сталина. В 2-х книгах. Кн. 1. Ч. 1. М.

Гайденко П.П. 1995. Христианство и генезис новоевропейского естествознания // Вопросы истории естествознания и техники. N 1. С. 3-20.

Герои 1992 — Герои Эллады: Мифы Древней Греции. Екатеринбург.

Гессен С.Я. 1936. Рец. на книгу: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935 // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. 2. М.; Л.

Голосовкер Я.Э. 1993. Сказания о титанах. М.

Гофман Л.Г. 1926. Декабристы и Достоевский // Тайные общества в России в начале XIX столетия. М. С. 192-198.

Греков Б.Д. 1953. Киевская Русь. Л.

Даль В.И. 1989. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.

Данилевский Н.Я. 1991. Россия и Европа. М.

Дубов А. 1994. Межрегионалы меж времен // Новое время. N 22.

Дюмезиль Ж. 1986. Верховные боги индоевропейцев. М.

Живов В.М., Успенский Б.А. 1987. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М. С. 47-153.

Жрец 1991 — Жрец // Мифологический словарь. М. С. 663.

Закревский Н. 1868. Описание Киева. М. Т. 1.

Зеньковский В.В. 1991. История русской философии. Т. 1. М.

Иванов В.В., Топоров В.Н. 1973. К проблеме достоверности поздних вторичных источников в связи с исследованиями в области мифологии (Данные о Велесе в традициях Северной Руси и вопросы критики письменных текстов) // Труды по знаковым системам, VI. Уч. записки Тартуского гос. университета. Вып. 308. Тарту.

Иванов В.В., Топоров В.Н. 1991. Перун // Мифологический словарь. М. С. 438-439.

Иванов В.В., Топоров В.Н. 1992. Славянская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. Т. 2. М. С. 450-456.

Иванов В.В., Топоров В.Н. 1995. Добрыня Никитич // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М. С. 162-164.

Ильин И.А. 1991. О России. М.

История Европы 1988 — История Европы. Т.1. Древняя Европа. М.

История Европы 1992 — История Европы. Т.2. Средневековая Европа. М.

Каждан А.П. 1974. Цезарепапизм // Советская историческая энциклопедия. Т.15. М. Ст. 711-712.

Карпов А. 1997. Владимир Святой. М.
Карсавин Л.П. 1997. Феноменология революции // Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М. С. 248-307.
Керсновский А.А. 1993. История русской армии: В 4-х т. М. Т. 2.
Киянская О.И. 1997. Южный бунт: Восстание черниговского пехотного полка (29 декабря 1825 г. — 3 января 1826 г.). М.
Ключевский В.О. 1987. Сочинения: В 9-ти т. Т.1. М.
Кордонский С. 1995. Российская интеллигенция: корни и судьба // Знание — Сила. N 6. С. 75-82.
Корш Ф.Е. 1908. Владимировы боги. Исторический очерк. Харьков.
Косидовский З. 1987. Сказания евангелистов. М.
Кривошеев Ю.В. 1988. Религия восточных славян накануне крещения Руси. Л.
Кудряшев К.В. 1926. Народная молва о декабристских событиях 1825 года (по неизданным материалам) // Бунт декабристов. Юбилейный сборник. 1825-1925. Под ред. Ю.Г. Оксмана и П.Е. Щеголева. Л. С. 311-322.
Кузьмин А.Г. 1988. Падение Перуна: (Становление христианства на Руси). М.
Ле Гофф Ж. 1992. Цивилизация Средневекового Запада. М.
Лейбович О.Л. 1993. Реформа и модернизация в 1953 — 1964 гг. Пермь.
Лернер Н.О. 1921. Пушкин о казненных декабристах // Книга и революция. N 1.
Лотман Ю.М. 1994. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.
Лотман Ю.М. 1995. Механизм смуты. К типологии истории русской культуры // Всемирное слово. N 8. С. 5-9.
Лунин М.С. 1987. Взгляд на русское тайное общество с 1816 до 1826 года // Лунин М.С. Письма из Сибири. М. С. 54-58.
Малинин Ю.П. «Королевская троица» во Франции XIV-XV вв. // Одиссей. Человек в истории. 1995. М. С. 20-36.
Матузова В.И. 1979. Английские Средневековые источники. IX — XIII вв. (Тексты, переводы, комментарии). М.
Мачинский Д.А. 1981. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский север: проблемы этнографии и фольклора. Л. С. 110-171.
Мень А. 1989. Религия, культ личности и секулярное государство (Заметки историка религии) // На пути к свободе совести. М. С. 88-111.
Милюков П.Н. 1994. Очерки по истории русской культуры. В 3-х т. Т.2. Ч. 1. М.
Милюков П.Н. 1995. Очерки по истории русской культуры. В 3-х т. Т. 3. М.
Невелев Г.А. 1998. Пушкин «об 14-м декабря»: реконструкция декабристского документального текста. СПб.
Ницше Ф. 1990. Антихристианин // Сумерки богов. М. С. 17-93.
Новиков В. 1994. Российское масонство: потаенная перекличка веков // Общественные науки и современность. N 2. С. 78-88.
Новосельцев А.П. 1988. Принятие христианства Древнерусским государством как закономерное явление эпохи // История СССР. N 4.
Обнинский В.П. 1992. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М.
Овчинников М.П. 1914. Несколько слов о майоре А.Кучевском (декабристе) // Труды Иркутской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 2. С. 59-61.
Пайпс Р. 1993. Россия при старом режиме. М.
Панарин А.С. 1991. Революционные кочевники и цивилизованные предприниматели // Вестник АН СССР. N 10. С. 19-37.
Панарин А.С. 1997. Погоня за ускользающей реальностью. О постклассических методах политологии // Вестник РАН. Т. 67. N 1. С. 6-14.
ПВЛ (Повесть временных лет). 1950. Ч. 1. М.
Перро Ж. 1996. Чудесное путешествие Льюиса Кэррола в царство русских сказок // Звезда. N 3. С. 190-199.
Петров В. 1926. «Тайное общество», открытое в Астрахани в 1822 году // Тайные общества в России в начале XIX столетия. М. С. 9-31.
Петрухин В.Я. 1991. Олег Вещий // Мифологический словарь. М. С. 414-415.
Петрухин В.Я. 1995. Начало этнокультурной истории Руси IX — XI веков. Смоленск; М.
Покровский М.Н. 1927. Предисловие к брошюре А.И.Герцена о декабристах // Покровский М.Н. Декабристы. Сборник статей. М.; Л. С. 58-61.
Померанц Г.С. 1992. С птичьего полета и в упор // Мировое древо. N 1.
Попович М.В. 1985. Мировоззрение древних славян. Киев.
Поссевино А. 1983. Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.) М.
Похлебкин В.В. 1995. Словарь международной символики и эмблематики. М.
Преображенский А.Г. 1959. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.
Ренан Э.Ж. 1991. Жизнь Иисуса. М.
Рукою Пушкина. 1935. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л.
Русанова И.П., Тимощук Б.А. 1993. Языческие святилища древних славян. М.
Рыбаков Б.А. 1987. Язычество древней Руси. М.
Свасьян К.А. 1993. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М. С. 5-122.
Семенов Ю. 1990. // Совершенно секретно. N2.
Соловьев В.С. 1991. Три Разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе и с приложениями. М.
Суворин А.С. 1992. Дневник. М.
Тараканов Н.Г. 1964. Н.П.Огарев о роли сословий и классов в русском революционно-освободительном движении (К 150-летию со дня рождения Н.П.Огарева) // Вестник МГУ. N 1. С. 54-62.
Тарле Е.В. 1992. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М.
Ткачук М.Е. 1995. Гетика. Культурогенез и культурная трансформация в Карпато-Дунайских землях в VII-II вв. до н.э. Автореферат дис. СПб.
Ткачук М.Е. 1996. Археология свободы. Опыт критической теории. Кишинев.
Томашевский Б.В. 1934. Из пушкинских рукописей // Литературное наследство. Т. 16-18. М.
Топоров В.Н. 1961. Фрагмент славянской мифологии // Краткие сообщения Института Славяноведения. Вып. 30. С. 14-32.
Топоров В.Н. 1987. Об одном архаичном индоевро-

пейском элементе в древнерусской духовной культуре — *svet- // Языки культуры и проблемы переводимости. М. С. 184-252.
Топоров В.Н. 1991. Митра // Мифологический словарь. М.
Топоров В.Н. 1995. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.
Успенский Б.А. 1982. Филологические разыскания в области славянских древностей. М.
Фаминцын А.С. 1995. Божества древних славян. СПб.
Февр Л. 1991. Бои за историю. М.
Франк С.Л. 1991. Этика нигилизма // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. Свердловск С. 166-198.
Цамутали А.Н. 1993. Актуальные проблемы изучения отечественной историографии // Изучение и преподавание историографии и источниковедения в высшей школе. Новгород. Ч. 1. С. 3-6.
Шкунаев С.В. 1989. Община и общество западных кельтов. М.
Шмидт С.О. 1996. К истории слова «интеллигенции» // Россия, Запад, Восток: встречные течения. К 100-летию со дня рождения академика М.П.Алексеева. СПб. С. 409-416.
Щеголев П.Е. 1926. Декабристы. М.
Щукин М.Б. 1993. Снова о Чеширском Коте и его улыбке // Знание — Сила. N 8. С. 36-46.
Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. СПб.
Эйдельман Н.Я. 1987. М.С. Лунин и его сибирские сочинения // Лунин М.С. Письма из Сибири. М. С. 301-352.
Эйдельман Н.Я. 1989. «Революция сверху» в России. М.
Эрлих С.Е. 1997. Поклонение волхвам (опыт динамического структурализма) // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб. С. 148-177.
Эткинд А.М. 1996. Содом и Психея: Очерки интеллектуальной истории Серебрянного века. М.
Эткинд А.М. 1998. Хлыст (Секты, литература и революция) М.
Эфрос А.М. 1933. Рисунки поэта. М.; Л.
Эфрос А.М. 1934. Декабристы в рисунках Пушкина // Литературное наследство. Т. 16-18. М.
Якушкин В.Е. 1884. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // Русская старина. N 6.
Яров С.В. 1994. Политико-психологические исследования 1950-х — 80-х годов: особенности трансформации // История России XIX-XX веков: историография, новые источники. Нижний Новгород. С. 52-53.
Riasanovsky N.V. 1976. A parting of ways. Goverment and the educated public in Russia. 1801-1855. Oxford.

НОВЫЕ СТАРЫЕ КНИГИ

Л.А.Мосионжник

ВЕЧНЫЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ МИФА

К выходу в свет на русском языке книги Мирчи Элиаде «Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость»

L.A.Mosionjnic. Eternal Returns of the Myth. On the First Russian Edition of Mircea Eliade's book «The Myth of the Eternal Return. Archetypes and Repetitiveness».

The article considers the basic ideas of one of the most known works by Mircea Eliade – essay «The Myth of the Eternal Return». A brief biographic introduction is followed by the main part of the article written in the form of a dialogic reading of the book together with the reader of the article, and discussion of the ideas arising while reading. A special attention is paid on the actual value of the ideas expressed by M. Eliade in his book nowadays, and their current, sometimes rather unexpected aspects: for instance, parallels between the world of mythological consciousness, the laws of which were so brilliantly analysed by M. Eliade, and the world of «virtual reality». The author highly appreciates the reviewed book, and first of all its analysis of mythological consciousness, but does not always agree with M. Eliade. Particularly, debated are the philosophical conclusions related to the modernity, made by M. Eliade at the end of his book.

Мирча Элиаде — один из крупнейших мыслителей уходящего века, имя которого долго оставалось неизвестным нашему читателю. Для культурологии, истории, философии его труды имеют, как думается, непреходящее значение. Наследие Элиаде велико, но неоднозначно и неравноценно. Поэтому можно только приветствовать тот факт, что одна из основополагающих его работ — книга «Миф о вечном возвращении», выделяющаяся на общем фоне его творчества своей ясностью и краткостью, наконец-то издана на русском языке.

Прежде всего — о самом издании. Чисто полиграфическое его качество таково, что лучшего по нынешним временам желать трудно. Книга невелика по формату, напечатана чётко, удачно подобран шрифт, оформление радует глаз. Чувствуется, что полиграфисты сделали своё дело на совесть.

Вот только, пожалуй, не стоило сопровождать книгу сносками. Вряд ли резонно оспаривать правомерность термина «культурный герой», прочно устоявшегося в религиоведении, и добавлять при этом, что «о культуре в собственном смысле можно говорить только в связи с формированием науки Нового времени с её лозунгом “знание есть сила”» (Элиаде 1998: 38, сноска). А как же тогда эллинская культура, культура средневековой Европы, культура мустье, наконец? Сомнительно, чтобы термин «субстанция» был непременно связан «с ориентацией на установление господства человека над миром в целом» (Элиаде 1998: 111, сноска). Не менее спорно упоминание о «ветхозаветной традиции, согласно которой Бог творит мир *ex nihilo*, из ничего» (Элиаде 1998: 114, сноска): Ветхий Завет *ничего* не говорит о том, из чего творил Бог, а создатели Талмуда спорили о том, сотворены ли вещи из небес или также и из земли (Урбах 1989: 51) — идея творения «из ничего» была им чужда. И вряд ли человек, способный дочитать книгу до 133-й страницы, нуждается в объяснениях, что такое «категория» (Элиаде 1998: 133, сноска). Думается, без всего этого книга не пострадала бы, и лучше было бы вместо постраничных сносок дать развёрнутое предисловие.

Впрочем, повторяю, в целом уровень издания достаточно высок, и будем надеяться, что издательство «Алетейя» ещё порадует читателей не менее яркими публикациями. Тем более что пора, наконец, перейти к самой книге и её автору, к стыду нашему, всё ещё слишком мало известному у нас. И я предлагаю, после краткого знакомства с биографией Мирчи Элиаде, «прочитать» книгу вдвоём с читателем и без спешки обсудить её основные идеи. Не будем пересказывать её целиком: прошли те времена, когда вместо чтения, скажем, Гегеля считалось достаточным проштудировать брошюру «Дух философии Гегеля». Вместо этого остановимся прежде всего на том, что актуально для наших дней.

© Л.А.Мосионжник, 1999.

1. Жизнь: трагедия и предостережение

Опасность мудрого в том, что он больше всех подвержен соблазну влюбиться в неразумное.

Ницше Ф. Злая мудрость, афоризм 21.

Мирча Элиаде родился в Бухаресте в 1907 г. В детстве его больше интересовала энтомология и ботаника, однако прочитанные им естественнонаучные труды Гёте изменили сферу интересов юноши, направив в сторону философии. Ещё в школьные годы Элиаде свободно владел, помимо своего родного — румынского, также французским и немецким языками, а в 1924-25 гг. он изучил также итальянский и английский — чтобы читать в оригинале Петтацони и Фрэзера. В 1925 г. он поступил в Бухарестский университет, в то время пользовавшийся очень высоким авторитетом в Европе, а по его окончании защитил диссертацию о гуманистах Ренессанса от Марсилио Фичино до Джордано Бруно. В 1928-1932 М.Элиаде, благодаря субсидии от крупного индийского мецената, махараджи Касимбазара, учился в Калькутте, где под руководством профессора Сурендранатха Дасгупты глубоко освоил санскрит и философию йоги.

В 1932 г. он вернулся в Бухарест, а через год защитил докторскую диссертацию на тему философии йоги. С этого времени начинается бурная научная деятельность молодого исследователя. Как помощник профессора Нае Ионеску, крупного логика и активного журналиста правого толка, Элиаде читает лекции в университете — между прочим, о «Метафизике» Аристотеля и «учёном невежестве» (*docta ignorantia*) Николая Кузанского. Параллельно с этим одна за другой в Бухаресте и Париже печатаются его книги: «Йога. Эссе о происхождении индийской мистики» (в позднейших изданиях — «Йога, Бессмертие и свобода»), «Мандрагора и легенда о Мастере Маноле», «Вавилонская космология и алхимия», «Азиатская алхимия» и целый ряд других.

Постепенно начинают вырисовываться контуры концепции, в которой заметно влияние Гёте, Юнга, итальянского гуманизма и восточной мистики. Это — концепция мистического, иррационального опыта человечества, венчаемого христианством, концепция, близкая к той, которую позже (и независимо от Элиаде) развил отец А.В.Мень. В общем духе своей эпохи Элиаде называл в то время свою философию «трэиризм» (по-румынски *trăire* — «жизнь» в экзистенциальном смысле).

Между тем время было трагическое. Либеральная демократия, введённая конституцией 1923 года, не нашла себе почвы в Румынии, очень небогатой стране с кричащими социальными и национальными противоречиями. Это была «демократия без демократов», либерализм крупного капитала. Уже в конце 20-х годов начинается политический кризис — калейдоскопическая смена правительств, рост правого и левого экстремизма, разгул политического терроризма, и всё это на фоне экономического кризиса и предчувствия новой мировой войны. Наступает разочарование в либеральных идеях. С 10 февраля 1938 года история Румынии — это череда сменяющих друг друга диктатур: монархо-фашизм короля Карла II (февраль 1938 — сентябрь 1940), режим железногвардейцев (сентябрь 1940 — январь 1941), авторитарное правление румынского Франко — генерала И.Антонеску (январь 1941 — август 1944), и наконец, после освобождения и краткой либеральной передышки, к власти приходит компартия. Стоит ли комментировать тот факт, что даже политзаключённых эти режимы сажали в одни и те же лагеря, включая самый известный из них — Жилаву? Менялся состав палачей и жертв, менялись формулировки приговоров, но Жилава действовала и при Карле, и при Чаушеску.

В этих условиях Элиаде пришёл к выводу, что демократия в Румынии не состоялась. Он был, конечно же, не чужд общему течению тогдашней европейской мысли — от Шпенглера, предрекавшего приход нового Цезаря, до Ортеги-и-Гассета, призывавшего «преодолеть» либерализм и восстановить авторитет «избранных меньшинств» — духовных элит. К тому же мистический настрой собственной философии тянул Элиаде вправо — туда, где мистике уделялось особое внимание. Он мечтал об обществе, руководимом духовной элитой во главе с лидером типа Махатмы Ганди (с которым был знаком). В таком обществе, как и в утопиях Соловьёва и евразийцев, власть принадлежала бы идеям, и эта власть не была бы политической.

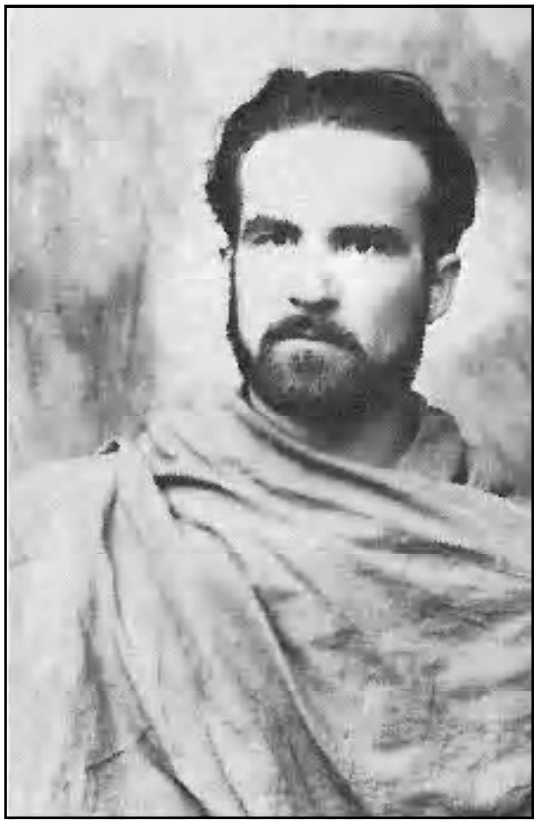
Благими намерениями вымощена дорога в ад. Мирча Элиаде, вслед за О.Шпенглером и М.Хайдеггером, совершил ошибку, которая сделала его на полвека философской «персоной нон грата» и у нас, и на родине. Во второй половине 30-х годов он несколько раз выступил в печати со статьями в поддержку «движения легионеров» («Железной гвардии») — румынских фашистов.

Оправданием ему может служить разве что наивность учёного, далёкого от политики. Элиаде никогда не отрекался от христианских идеалов, никогда не исповедовал фашистского «нового язычества», никогда не был антисемитом. Но он искал духовных ориентиров, и ему показалось, что это движение, начинавшее как «легион Михаила Архангела», не ставит перед собой политических задач, что его цель — чис-

то духовное возрождение. Он дал себя увлечь христианской фразеологией румынского кандидата в фюреры К.Кодряну, вещавшего о «примирении народа с Богом», и всерьёз поверил, что «легионерское движение — это скорее революция ментальная и религиозная». Упрекая либералов в том, что они ничего не сделали для человека-личности, «для работы, для его таланта и способностей, приговорив его к заурядной, незначительной жизни», Элиаде верил, что духовная дисциплина, которую-де способен создать легион, может породить новых титанов духа. И в подтверждение указывает на Франциска Ассизского и Бонавентуру, Фому Аквинского и Франциска Сальского, вышедших из самых строгих католических орденов, но ставших яркими и непохожими друг на друга личностями… (Элиаде 1937).

Чтобы так писать, надо вообще не замечать ничего, кроме собственного идеала. Какая странная амальгама: мечты о духовной свободе (это слово Элиаде повторяет чуть ли не в каждой фразе своих «легионерских» статей) — и мерзавцы, с которыми он оказался рядом! Бог ты мой, они оказались неспособны не только на великие дела, которых ждал от них философ, но даже на то, чтобы надолго удержаться у власти! За сто дней своего правления (осень-зима 1940 г.) всё, что они сумели сделать, — это политические убийства и повальные грабежи. В конце концов даже Гитлер ими пожертвовал в январе 1941 г., сказав, что ему нужна румынская армия, а не фанатики. Мог ли Элиаде не понимать, в чью победу он верит и заявляет об этом публично? Шпенглер понимал это, когда поддерживал нацистов, — но рассчитывал использовать их в своих целях. Это был циничный расчёт. Элиаде же, как видно из самого тона его статей, этого не понимал. Был обманут… Обманывался… «Сам обманываться рад».

В 1938 г. наступил неизбежный кризис. Кодряну написал оскорбительное письмо Н.Йорге (крупнейший румынский историк XX века и бывший премьер-министр), и король, с которым легионеры не поделили власть, отдал их под суд. Начались аресты. Элиаде также был арестован по подозрению в причастности к «Железной гвардии» (хотя формально он в неё никогда не вступал) и провёл в заключении два месяца. Затем он был выпущен, но за это время понял многое. Процесс открыл ему истинное лицо «Железной гвардии» — военизированной, террористической, шовинистической, антисемитской организации фашистского типа, рвущейся к власти и пользующейся поддержкой гитлеровской Германии. Любого в отдельности из этих пунктов хватило бы, чтобы отрезвить Элиаде. Но он не был политическим борцом, всё, что он мог сделать, — это умыть руки. И он умыл руки. После выхода из тюрьмы Элиаде порывает с легионерами.

Мирча Элиаде. Классический портрет.

Оставшись совершенно дезориентированным, он ищет выхода в эмиграции. Какое-то время он даже подумывал об отъезде в Америку, но не подошёл под иммиграционное законодательство. Выручил его друг, благодаря протекции которого Элиаде получил место культурного атташе румынского посольства в Лондоне. Когда же Румыния вступила в войну на стороне Германии и отношения с Англией были разорваны, Элиаде был переведён на такой же пост в Лиссабон. За всё время войны он лишь однажды — последний раз в своей жизни — посетил родину. Салазаровская Португалия ему понравилась (прочная власть, христианская идеология, нет шовинизма и антисемитизма…) Впрочем, нового Бонавентуру или Фому Аквинского найти в этой стране не удалось. Во всяком случае, после войны Элиаде не остался и здесь.

В 1944 г. в Румынию вступила Красная Армия. Началось установление режима сталинского типа. Путь на родину для Элиаде был отрезан. Лишившись дипломатического поста, в 1945 году он переезжает в Париж. Здесь с ним обошлись так же, как поступили победители с Хайдеггером и как, вероятно, поступили бы со Шпенглером, доживи он до этого: не стали ворошить прошлое, решив, что мыслитель такого масштаба не может быть судим обычной меркой. Благодаря Жоржу Дюмезилю, ставшему его другом, Элиаде получает должность на кафед-

ре сравнительного религиоведения в École des Hautes Études в Сорбонне. Наступает «акме» Элиаде как учёного. В следующие десять лет он печатает самые значительные свои работы, излагающие сущность его концепции. Среди них — «История религиозных верований», которой он в немалой мере обязан своей славой отца сравнительного религиоведения, и «Миф о вечном возвращении». С этого времени почти все академические работы Элиаде написаны по-французски («Миф о вечном возвращении» — по-румынски, но издан во французском переводе).

В 1956 г. Элиаде был приглашён в Чикаго, где прочитал Гаскелловские лекции на тему «Обряд инициации». Спустя два года он принял пост заведующего кафедрой истории религий в университете Чикаго. Этот пост он занимал до самой смерти в 1986 году. Параллельно с университетской работой он печатал свою неопубликованную беллетристику прежних лет, издавал вместе с Э.Юнгером журнал «Antaios» (1959-1971) (Современная западная философия 1991: 400) и исполнял обязанности главного редактора «Энциклопедии религий» Макмиллана.

2. Мир разума и мир архетипов

Его интересует человек как носитель первобытных инстинктов, и он мне жаловался, как трудно ему было набирать материал в странах, где инстинктивная деятельность искажена и подавлена системой педагогики. А у нас он блаженствует! По его словам, у нас вообще нет никакой деятельности, кроме инстинктивной. Я был оскорблён, мне было стыдно, но, боже мой, что же я мог ему возразить?..

Стругацкие А. и Б. Хищные вещи века, гл. 9.

Перейдём теперь к самой книге. Начатая ещё в Португалии в марте 1945 г., она была завершена два года спустя в Париже благодаря поддержке Ж.Дюмезиля, читавшего рукопись и сделавшего к ней замечания. Эту свою работу М.Элиаде замышлял как популярную и рассчитанную не только на специалистов, поэтому он уделил основное внимание общей концепции и свёл до минимума справочный аппарат.

Буквально в первой же фразе предисловия автор говорит, что, если бы не боязнь быть нескромным, то книга называлась бы «Введение в философию истории» (Элиаде 1998: 7). Однако истории как таковой в книге нет и не будет: Элиаде интересует *взгляд* на историю людей, ещё не ощутивших себя участниками и тем более творцами мировых перемен, людей «неисторического» (по Ницше) сознания. Правда, он не раз повторяет, что это взгляд архаического человека, человека первобытного, «досократовского» и пр. Но если вспомнить примеры, которые он будет далее приводить — из легенд о героях крестовых походов, из сербского фольклора, из этнографического материала современной Румынии, — то ясно: речь идёт не только, а может быть, и не столько об «обществе, пребывающем на архаической стадии развития».

Скорее уж можно говорить о человеке, руководствующемся законами подсознания, а не разумом и не логикой. Напомним, что время Элиаде — это время обострённого внимания ко всему иррациональному в человеке. Совсем недавно Фрейд раскрыл громадное значение подсознания; только что Юнг открыл архетипы — шаблоны подсознательных умозаключений, те самые «врождённые идеи», которые классические рационалисты, включая Декарта и Спинозу, считали «самыми ясными и бесспорными» из всех идей и которые на самом деле оказались самым туманным из всего, что человек знает… Вспомним, как сам Юнг определял это понятие:

«Инстинкты — это типичные виды действий, и как только мы сталкиваемся с единообразными и регулярно возникающими видами действий и реакций, мы имеем дело с инстинктом, независимо от того, связан он с сознательным мотивом или нет» (Юнг 1998: 334).

«Архетипы являются типичными видами понимания, и где бы мы ни встретились с единообразными и регулярно возникающими формами понимания, мы имеем дело с архетипом, независимо от того, узнаваем или нет его мифологический характер» (Юнг 1998: 336).

То, что со времён Эразма Роттердамского считали просто «Глупостью», оказалось важнейшей и неотъемлемой стороной человеческого духа. В глубине естества Человека Разумного оказался Человек Неразумный, и сразу стало неясно, кто из них хозяин, кто — слуга. Ницше в «Злой мудрости» проницательно заметил, что победа человека над одним из своих аффектов — заслуга не разума, а других, более сильных аффектов. Фрейд любил сравнивать сознание с всадником, а бессознательное — с конём. Но всегда у него выходило както так, что этот конь скачет, куда хочет, а всадник, связанный по рукам и по ногам, лишь делает вид, что и сам хотел туда, куда несёт его конь, да следит, чтобы тот не сломал себе ноги.

Велик был соблазн позволить госпоже Глупости взять реванш у господина Разума, построить новое утопическое общество на инстинктах, раз уж это не удалось сделать с помощью рациональной философии и науки… Как раз в те дни, когда Элиаде начинал писать свою книгу, эта утопия, казавшаяся такой заманчивой, издыхала вместе с гитлеровским рейхом. Трагедия всех революций с 1789 по 1919 год пока-

зала, как опасно переоценивать разум; кошмар фашизма — как опасно его недооценивать.

Но Элиаде 40-х годов — не политик и не пророк, он уже не строит утопий и не поддерживает их. Он — учёный, а это значит, что он исследует действительность и публикует результаты независимо от того, приятны ли они ему самому и «на чью мельницу» они работают. Да, мышление Человека Неразумного шаблонно и рутинно, а плоды его, как правило, небогаты. Но если вспомнить значение архетипов и их внешних выражений — символов во всей человеческой культуре, вплоть до высших её проявлений, то надо признать, что они, во всяком случае, заслуживают внимания. Архетипические шаблоны сами по себе невероятно сложны, а их исследование плодотворно. Без этого нельзя толком понять не только огромную массу наших соотечественников, но даже познать до конца самих себя. «Пустыня — это бездарно, но она существует, и с этим приходится считаться». Поэтому войдём в мир Человека Неразумного через ту дверь, которую открыл для нас Элиаде.

3. «Архетипы и повторяемость»

> Дурак он, этот О.Орешин, вот что. Причём дурак не в обиходном, лёгком смысле слова, а дурак как представитель особого психологического типа. Он среди нас как пришелец-инопланетянин: совершенно иная система ценностей, незнакомая и чуждая психология, иные цели существования, а то, что мы свысока считаем заскорузлым комплексом неполноценности, болезненным отклонением от психологической нормы, есть на самом-то деле исходно здоровый костяк его миропонимания.
>
> А. и Б.Стругацкие. Хромая судьба. Гл. 5. М. Текст. 1993. С. 151.

Прежде всего, оказывается, что, хотя в архаических культурах (от австралийских аборигенов до, скажем, Месопотамии) и нет слов «реальность», «бытие», «трансценденция», но понятия эти есть, и более того — они не похожи на наши. Для этого типа сознания реально лишь то, что имеет смысл, но этот смысл должен быть привнесён в любую вещь извне. В этом и состоит функция богов, «творящих мир из ничего» и превращающих хаос в порядок. Они не создают материю (о происхождении которой ничего не сказано ни в Библии, ни у Платона), но своими творческими усилиями они превращают хаос в порядок, и только в этом упорядоченном целом каждый его элемент имеет смысл — именно как элемент. Только такое существование и признаётся за реальное.

Эти акты творения совершаются богами, полубогами и героями в мифологическом времени, то есть вне всякого конкретного времени, во вневременной вечности. Поэтому лучшее, что могут сделать люди, — подражать этим актам, когда-то получившим высший смысл, и повторять их в реальном времени, становясь тем самым, «как боги», разве что в масштабах своего мирка. Эти творческие акты описаны в мифах, выражены в символах, а земным их повторением служат ритуалы:

«… символ, миф, ритуал отображают с разных сторон и присущими им средствами сложную организацию связных представлений о высшей реальности вещей, которую можно рассматривать как составляющую некой метафизической системы» (Элиаде 1998: 12).

Поэтому всё, что создаёт архаический человек, должно иметь свой прообраз, данный богами, — архетип «не от мира сего» («Небесные архетипы ландшафтов, храмов и поселений» — Элиаде 1998: 17-25). Таков план храма Гудеа, который дала ему богиня во сне, таков план Иерусалимского храма, расписанный Богом Моисею в малейших деталях. Таково идеальное государство Платона («…быть может, есть на небе его образец, доступный каждому желающему… а есть ли такое государство на земле и будет ли оно — это совсем неважно»: Государство 592b). Таков и небесный Иерусалим, «сходящий с неба» в видении Иоанна Богослова (Апок. 21: 2 сл.). Основная идея здесь такова: лишь то реально, что имеет небесный образец (эйдос), поэтому всё, что его не имеет (неосвоенное море, пустыни, земли варваров), может быть основано лишь после совершения обряда, воспроизводящего акт Творения. Тем самым Хаос превращается в Космос, существующее без смысла и цели — в действительное, то есть имеющее все основания для того, чтобы существовать.

Отсюда логично вытекает следующая цепочка. Во-первых, мир оказывается многоуровневым и иерархичным, он чётко разделён на сакральную сферу (Небо) и её отражение в материи (Землю), к которым может добавляться ещё и третий мир — Преисподняя как антипод Неба. Далее, все эти миры связаны между собой через «Центр», или *Axis Mundi* (Ось Мира), и этому центру придаётся совершенно особое значение. Поэтому любой город, храм или царский дворец символически воспроизводит эту *Axis Mundi* и становится центром окружающей его части пространства. И чем точнее воспроизведён небесный образец, тем выше сакральность копии, тем прочнее связь реального пространства и времени, в которых существует данный, например, зиккурат, с небесным пространством и мифологическим «временем» — вечностью.

Учтём, что для мифологического сознания, оказывается, реально не всё, что материаль-

но! Для него ***реальность*** вещи — есть её включённость в наш ***субъективный*** мир, подчинённый умопостигаемым связям, в систему мира Человека. Там, где этого нет, царят хтонические демоны, там господствует принцип «всё во всём», там вещи не связаны между собой цепочками причин и следствий, поэтому там может происходить всё, что угодно, безо всяких причин и поводов. И то, что море или пустыня материальны, ничуть этому не мешает. Итак, если мы переведём эти представления на наш язык, то свойствами реальности оказываются: а) материальность и б) пронизанность информационными (и поэтому доступными для нашего понимания) связями. Только такая реальность полна. Где нет второго — там лишь неупорядоченный хаос, где нет первого — невоплощённый, бесплотный эйдос.

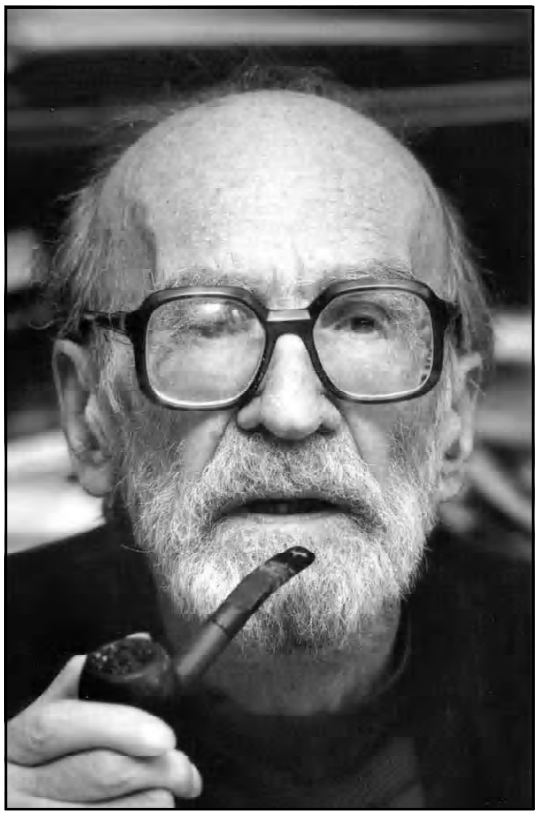
Как ни странно, но именно этот «примитивный» мифологический взгляд помогает понять одно из самых сложных мест у самого Гегеля — диалектику действительности. Рационалист Гегель прославился фразой: «Все действительное разумно, все разумное действительно». В той политической обстановке, в которой он жил, она была воспринята как оправдание существующих порядков и вызвала бурю возмущения: это как же так, если прусская монархия с ее тупой военщиной действительна (существует на белом свете) — так она уж и разумна?! Но все дело в том, что для Гегеля «*действительным*» было лишь то, в чем сущность и явление, сущность и существование совпадают. Действительно не все то, что существует, а лишь то, что существует «не по лжи», обладает истинностью и полнотой, иными словами, имеет достаточные основания для того, чтобы существовать. Один из любимых учеников Гегеля, великий поэт Генрих Гейне, вспоминал, как он как-то раз при учителе возмутился злополучной фразой. Странно усмехнувшись, Гегель сказал: «Это можно понимать и так: все разумное *должно* быть действительным...» — и сейчас же оглянулся, не подслушивает ли кто... (Гейне 1958: 428).

Точно так же и для мифологического сознания, по Элиаде, реально (то есть действительно) лишь то, что отражает в себе какую-либо мифологему — идеальный план, сотворённый богами или иными высшими существами на заре времён, в мифологическую эпоху, предшествовавшую любому реальному моменту (*in illo tempore*, «в том времени» — как постоянно называет Элиаде это «вневременное время»). Поэтому любое, даже самое рутинное действие Человека Неразумного — это *священно*действие, даже если в нынешнем обществе оно и понимается как сугубо «мирское», чисто прагматическое. (Отсюда, кстати, бесплодность попыток «рационализировать» поведение людей в архаических культурах — например, свести смысл потлача к простому товарообмену, а завоеваний Александра — к материальным интересам греческих «рабовладельцев»). Брак совершается потому, что он установлен богами, каждая молодая пара символически повторяет первый брак Неба и Земли. Обряды инициации совершаются потому, что они заповеданы богами. О танцах не приходится и говорить: каждый из них повторяет либо танец какого-либо бога, либо тотемного животного. Даже войны и дуэли не требовали материального обоснования — они велись по ритуальным причинам и имели смысл только в рамках вечной борьбы Добра со Злом: таковы войны между Верхним и Нижним Египтом — воинствами богов Гора и Сета, таковы поединки древних германцев — повторения первого поединка Тора с Хрунгниром, таковы обычаи римлян, считавших любую войну справедливой, если она объявлена по всем ритуальным правилам… Отсюда, кстати, и вытекает особенность примитивного сознания, для которого между «своими» и «чужими» нет переходов — мир такого сознания похож на чёрно-белый шлагбаум. Для индусов даже каждый выдох — это жертвоприношение, даже проституция — способ служения богу любви Каме (для кого, спрашивается, написана «Камасутра»?), даже торговля — это прежде всего исполнение торговцем своей дхармы. *Любое* осознанное действие такого человека — это ритуал, смысл которого раскрывается в мифе.

Здесь Элиаде, конечно, следует за Дж.Дж.Фрэзером, если не считать одного «но». Для Фрэзера ритуал первичен, а миф сочиняется позже, чтобы объяснить уже сложившийся ритуал. Для Элиаде, скорее, первичен именно миф: человек *осознанно стремится* совершать какие-либо действия именно потому, что когда-то их совершили боги или культурные герои. Впрочем, сам он отмечает, что это не столь уж принципиально:

«Пусть даже миф иногда возникал после появления обряда (…) — это совершенно не умаляло сакрального значения церемониала. Будучи формулой, миф не бывает запоздалым, но содержание его всегда архаично и всегда соотносится с таинствами, то есть с действами, предполагающими наличие абсолютной, вне человеческого бытия, реальности» (Элиаде 1998: 46-47).

Итак, «абсолютной» может быть только информационная реальность. Как тут не вспомнить рассуждение Бертрана Рассела о некоем мистере Джонсе? Сегодня он не таков, каким был 30 лет назад. Его вес и даже рост хоть немного, но меняется в течение суток. Одни молекулы постоянно входят в состав его тела с пищей и вдохом, другие — уходят с выделением и выдохом (подсчитано, что все молекулы, составляющие человеческое тело, полностью заменяются новыми за срок не более 10 лет). Даже внешние границы мистера Джонса неясны: считать ли отмершие, но ещё не отшелу-

М.Элиаде в последний год жизни. Снимок Дж.Лоуэнталя.

шившиеся клетки эпидермиса частью его тела — это вопрос. Ужасное, хаотическое создание! Зато *понятие* «мистер Джонс» — сама определённость по сравнению с мистером Джонсом in persona!

Всё это заставляет спросить: что же такое, по мнению нашего автора, миф, если он определяет субъективную картину мира стольких людей и даже целых культур? Увы, как отмечает современный румынский исследователь Виктор Кернбах, «нигде Элиаде не рискует дать лапидарное и исчерпывающее определение мифа, поскольку “миф — это крайне сложная культурная реальность, которая может быть рассмотрена и объяснена во многих взаимодополняющих планах”» (Kernbach 1989: 165). Скорее всего, под мифологией здесь имеется в виду целостная и связная картина мира, основанная не на логике понятий, а на логике архетипов, под мифами же — элементы этой картины.

И тут современная техника даёт совершенно неожиданную параллель к тому, о чём писал Элиаде. С тех пор как появились компьютерные игры, сочинение сценариев для них всё больше осознаётся как создание действительности особого рода — *виртуальной реальности*. Вот что пишет об этом, например, московский психолог И.В.Бурлаков:

«Компьютерные игры — не просто деятельность: это деятельность конструирования миров. Психологический термин «конструирование миров» появился несколько лет назад. В научный обиход его ввел отечественный психолог А. Г. Асмолов. Конструирование миров — процесс создания образа мира в человеческой психике. Люди, народы, континенты, эпохи и галактики упаковываются в мир души. Чтобы поместиться в человеческую голову, вселенная должна быть свернута в «сконструированный мир». Как сконструированный мир, любая популярная компьютерная игра имеет собственную физику и свойства пространства, искусственную историю и течение времени, оригинальную философию, этику и мораль. Игры дают возможность игроку активно действовать в сконструированном мире. Чем-то это похоже на карнавал, но только степень свободы “смены масок” в компьютерных играх неизмеримо выше. Подобное достоинство может стать недостатком: некоторые люди чувствуют, что в ходе игры меняются больше, чем это им нужно. Снаружи они остаются прежними, а изнутри постепенно и незаметно становятся другими» (Бурлаков 1999: 88).

А теперь спросим себя: велико ли сходство между этим виртуальным миром и миром мифологическим? Наука доказала, что Шестоднев нельзя понимать буквально: *реальный* мир не мог быть создан в 6 дней, свет и тем более Земля (день 1-й) не могли появиться раньше Солнца (день 4-й), наземные растения (день 3-й) — прежде рыб (день 5-й), и пр. А как строятся миры виртуальные? Программисты подтверждают: мир компьютерной игры конструируется примерно в том же порядке, что и мир 1-й главы Книги Бытия. Случайно ли это? Конечно, нет: в обоих случаях действуют законы *информации*, а не материи.

Конечно, такой мир менее реален, чем окружающий нас объективный материальный мир. Но все попытки материалистов и позитивистов за последние 200 лет найти методы, гарантирующие познание *объективной* реальности, кончились доказательством того, что таких методов нет. Поэтому мы *обречены* жить в виртуальном мире наших фикций, в мире мифов и иллюзий, и лишь стремиться к тому, чтобы этот мир становился чем дальше, тем ближе к реальному. С этой точки зрения различие между миром мифологии, миром компьютерной «виртуальной реальности» и миром, например, материалистической философии — это не различия между правдой и ложью, между истиной и заблуждением, а всего лишь разные *степени* правдоподобия. Хотя и это, конечно, немало. Поэтому оговоримся здесь же: в дальнейшем под «виртуальной» (то есть вероятностной) реальностью я буду понимать не просто миры, созданные с помощью компьютерных программ, а — в самом широком смысле — любой мир, картина которого создаётся человеком, «мир-как-представление».

4. Мифы и история

Чем глубже у данного человека заложены корни его внутренней природы, тем большую часть прошлого способен он усвоить себе или переработать по-своему; и если бы мы пожелали представить себе наиболее могучую и наиболее необузданную натуру, то мы могли бы узнать её по тому, что для неё историческое чувство не имело бы никакой границы, за которой оно могло бы оказывать вредное или разрушительное влияние; она всё прошедшее, принадлежи это последнее ей или будь оно совершенно ей чуждо, привлекала бы к себе, усвояла и претворяла бы, так сказать, в свою кровь. То, чего такая натура не может подчинить себе, она сумела бы забыть; оно бы не существовало для неё, горизонт её был бы замкнут и закончен, и ничто не могло бы напомнить ей, что по ту сторону этого горизонта существуют люди, страсти, учения, цели.

Ницше 1998b: 164.

Впрочем, пора вернуться к тексту книги. Тем более что нас ждёт едва ли не самый интересный раздел — «Мифы и история» (Элиаде 1998: 56-76), где автор более всего демонстрирует мощь своего аналитического ума. Оказывается, виртуальный мир мифологии имеет и свою виртуальную историю, не совпадающую с реальной, более того — основанную совсем на иных принципах.

В самом деле, уже выяснено, что для архаического сознания «реально» («действительно» по Гегелю) лишь то, что имеет образец в виде архетипа; всё остальное «лишено смысла». «Таким образом, люди тяготели к эталонному и парадигматическому типу поведения» (Элиаде 1998: 57). Отсюда вытекает явление, к которому автор будет возвращаться вновь и вновь: «***явление отмены времени посредством подражания образцам и повторения парадигматических действий***» (Элиаде 1998: 58, выделено мной — Л.М.). Любой обряд, любой ритуал возвращает человека из изменчивого времени в недвижную вечность — *«in illo tempore»*. В таком мире нет и не может быть сущностных перемен, не может быть и подлинной истории. Кант заметил, что фраза из Апокалипсиса: «времени уже не будет» — означает, что мир должен застыть, словно замороженный, что в нём не будет больше никаких изменений и что, таким образом, мир перестанет существовать как предмет наших чувств (Кант 1980: 285). Для Человека Неразумного такое состояние и есть идеальное, именно его он и добивается бесконечным повторением одних и тех же ритуалов.

В таком мире не слишком весело, зато он прост и понятен, он дарует чувство устойчивости и собственной значительности. Он скроен как раз по мерке архаического человека — невелик в пространстве и во времени, в нём мало людей, поэтому каждый человек в отдельности весом и значим, каждый — существенная часть Вселенной, каждый — в своём роде центр мира и пуп земли. Это, если угодно, гуманизм и «возвеличивание человека», но совсем не такое, как у современного *homo historicus*, «чья значимость определяется исключительно степенью его участия в историческом процессе». Элиаде слишком близко был знаком с этим вторым типом — с современным титанизмом в его марксистской, фашистской, экзистенциалистской разновидностях, и ему ближе наивно-архаический мир, который он видел в прошлом (в том числе и в христианстве) и в который уже не мог вернуться сам. Местами кажется, будто он стремится подтвердить и развить исторические идеи Ницше, особенно 1-й главы его книги «О пользе и вреде истории для жизни». Но это не вполне так: Элиаде никогда не разделял воинствующего антихристианизма Ницше, никогда не считал, что «Бог умер», и в 4-й главе он назовёт имя Ницше первым среди тех, чья философия, по его мнению, обезоруживает человека.

В сущности, настроение его книги — это тоска по утраченной невинности восприятия человеком самого себя в мире. Совсем как в России перед революцией: люди действительно простые не призывали к «опрощению»… Да и знаменитые слова: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Матф.5:3) — не мог сказать «нищий духом», а только Человек Разумный, измученный своим разумом и «многой мудростью», в коей «много печали».

Какая же, однако, может быть у мифологизированного мира история? Оказывается, их две, и обе статичны. Одна — это «мифическая история»: мир эйдосов, архетипов, образцов для вечного циклического подражания. Такая история развёртывается *in illo tempore*, она всегда «в принципе однократна» (Муравьёв 1988: 17) и завершена. Вторая же — история легендарная, её время — реальное прошлое, которое архаическому человеку видится как сплошной нерасчленённый массив. Здесь действуют реально жившие люди, но действуют только по архетипическим шаблонам. Например, любой герой — по определению — обязан родиться в незнатной семье (а если в знатной — то младшим и нелюбимым сыном), убить дракона, спасти красавицу, одержать победу над своим дурным двойником (нередко братом или соперником), погибнуть либо от собственной гордыни, либо от предательства, и т.д. Как говаривал в таких случаях Маяковский: «если тебе корова имя, так ты имей молоко и вымя». Реальные же

деяния героя *никого не интересуют* и в среднем через 200 лет полностью забываются.

Здесь нам следует отличать миф от легенды, хотя сам Элиаде такого различия и не проводит. Основание для такого различения даёт А.Мень в «Магизме и единобожии»:

«Миф следует отличать от *легенды*, хотя обычно эти два понятия смешивают. Легенда есть узорно-расшитая оболочка, в которой память народа хранит воспоминание о действительно бывших событиях. Сказания греков о троянской войне и еврейские сказания о патриархах — яркие примеры легенд. Прежде к легендам относились с излишним скептицизмом. Археология показала, что они почти всегда содержат историческую основу. Достаточно привести пример раскопок Трои или Миносского дворца.

Миф — это тот язык, на котором древний человек говорил о самом важном для себя. Древние евреи не создавали абстрактных схем, они мыслили картинами, образами, они прибегали к мифотворчеству. Миф это “недифференцированное единство религии, поэзии, науки, этики, философии” (Вышеславцев. Миф о грехопадении). То, что открывалось внутреннему взору человека, он выражал в пластической символике мифа. Часто случалось, что исторический факт, став легендой, превращался в миф. Но тогда он обретал уже новое бытие не просто в качестве воспоминания о прошлом, а как образ непреходящей истины. Таким мифом стал исход из Египта. Историческое событие было для Израиля подлинным Богоявлением. Поэтому Исход превратился во вневременной символ праздника Пасхи, в знак непрекращающегося действия Промысла в жизни народа» (Мень 1971: 419; сохранено правописание автора).

Примеры, приводимые Элиаде, разительны. Третий великий магистр иоаннитов принц Дьедоннэ де Гозон вошёл в легенду как победитель дракона из Мальпасо. Первое упоминание об этом подвиге мы находим через два столетия после смерти реального де Гозона. В легендарно-мифологической биографии рыцаря обойтись без победы над драконом было невозможно, зато для обстоятельств его подлинной жизни в этой биографии не нашлось места (Элиаде 1998: 64).

Главный герой сербского эпоса — Марко Кралевич, реальное лицо, владетель замка Прилеп на юге нынешней Македонии, одержавший ряд побед над турками и умерший в 1394 г. Однако легенда о королевиче Марко почти не отражает фактов его реальной жизни. Зато в ней есть мать и супруга — *вилы*, крылья которых герою приходится прятать, борьба с братом-врагом, союз и противоборство с Яношем Хуньяди (сражавшимся с турками примерно через 50 лет после смерти исторического Марко), и конечно же — победа над трёхголовым драконом (Элиаде 1998: 66). Логика легенды: раз Марко — герой, значит, его противник *был драконом*, даже если современники принимали его за турецкую армию! Зато о силе и эмоциональном заряде такого взгляда, о «пользе» такой «истории» для «жизни» говорит пример, приводимый Элиаде:

«В 1912 году солдаты бригады сербской армии видели, как Марко Кралевич руководил обстрелом замка Прилеп; несколько веков назад замок этот принадлежал историческому Марко, и вот было достаточно одного героя, чтобы коллективное воображение, пробуждённое его подвигом, ассимилировало его с традиционным архетипом из песен о Марко, тем более, что речь шла о собственном замке Марко» (Элиаде 1998: 69).

Как тут не вспомнить о посмертной судьбе короля Артура? Его историческая реальность доказана: в письменных памятниках его времени (VI в.н.э.) есть упоминания его имени. В аббатстве Гластонбери найден крест с латинской надписью: «Здесь лежит прославленный король Артур на острове Авалоне» (аббатство стояло на острове среди болот), а под крестом — кости, которые вполне могли принадлежать тому Артуру, образ которого рисуют современные источники (Михайлов 1984: 224). Однако в ранних памятниках нет ни рыцарей Круглого Стола, ни Святого Грааля, да и вообще люди, которые могли своими глазами видеть Артура или свидетелей его деяний, пишут о нём без всякого пиетета:

«Важно отметить, что у Анейрина, как и у некоторых других валлийских поэтов VI—VII вв., Артур упоминается не только как смелый воитель и даже мудрый правитель, но и как предводитель отрядов отчаянных головорезов, в чьём характере известное благородство и честность легко сочетаются с первобытной жестокостью и даже кровожадностью. Таким образом, качества военного предводителя (бесспорно восходящие к чертам племенного вождя или героя) ещё долго будут определяющими для этого персонажа» (Михайлов 1984: 218).

«Проанализировав ряд памятников житийной литературы (т.е. вышедших из клерикальных кругов), созданных незадолго до 1100 г., а именно жития местных святых — Гильдаса (ум. 570), Кадока, Караннога, Падерна, он (Ж.Маркаль) отмечает, что в их жизнеописаниях Артур неизменно изображается как предводитель полубандитских, полувоенных отрядов, сражавшихся с саксами, но и охотно занимавшихся грабежами и поборами среди местного населения, не очень соблюдая при этом неприкосновенность святых обителей. Видимо, солдатня Артура обобрала не один монастырь» (Михайлов 1984: 219).

И вот из такого персонажа средневековая традиция вылепила образ мудрого и благородного короля, правителя новой земли обетован-

ной — утопической Логрии, идеального короля-рыцаря!

Однако самым разительным лично мне показался случай, относящийся уже к XX веку. Незадолго до второй мировой войны румынский фольклорист К.Брайлою записал в одном из сёл Марамуреша (область на северо-западе Румынии) красивую балладу про юношу, которого полюбила и околдовала жившая в горах волшебница. Накануне свадьбы она из ревности заманивает его в горы и сбрасывает со скалы. На следующий день пастухи находят в горах его тело, а на дереве — шляпу. Тело принесли в деревню, невеста выбежала навстречу и при виде мёртвого жениха запела «похоронный плач, исполненный мифологических аллюзий, настоящий литургический текст, прекрасный в своей грубоватой простоте» (Элиаде 1998: 72). Словом, всё как в сказке. Однако, продолжая расспросы, фольклорист неожиданно узнал, что история эта случилась едва за сорок лет до того и что бывшая невеста ещё жива. Он её, конечно, посетил и выяснил, что всё было куда прозаичнее. Просто жених накануне свадьбы отправился в горы пьяный, поскользнулся на узкой тропе и сорвался в пропасть; горцы, услышавшие его крики, принесли его в село ещё живым, и вскоре он умер. Таким образом, не было ни «литургического текста» (на похоронах все, в том числе и невеста, исполняли обычные ритуальные причитания), ни горной ведьмы с её ревностью. Но когда К.Брайлою сказал об этом жителям деревни, те спокойно ответили, что «старуха всё перепутала, ибо великое горе лишило её разума» (Элиаде 1998: 73). Миф — идеальный образец — породил легенду, то есть версию того, как *должно было быть*, и эта легенда полностью вытеснила то, что *было на самом деле*! К чему нам живой свидетель, к чему участник: он заблуждается, а мы-то знаем! Спиной, как говорится, чуем… Мир архаического человека — это мир полной ясности, в котором ответы на все возможные вопросы даются раньше, чем задаются сами вопросы. Ничего непонятного, незнакомого здесь быть не может, ибо сам факт появления чего-то незнакомого, его опознания именно как незнакомого подрывает полноту всей системы миропонимания. Поэтому в любом новом Человек Неразумный старается опознать архетипическое, а значит — тривиальное, а всё прочее считать мелочами…

Федотка, зеркалу поклон отвесив низкий,
Отправился опять с мышами воевать,
Мурлыча про себя: «Не все нам вещи близки.
Что тягостно уму, того не должно знать».

В.А.Жуковский. Кот и Зеркало.

Наверное, именно так рассуждают животные.

Но скажите: есть ли вообще такой умственный уровень, за которым кончается власть шаблона?

5. «Возрождение времени»

Но как для самого маленького, так и для самого большого счастья существует только одно условие, которое делает счастье счастьем: способность забвения, или, выражаясь более научно, способность в течение того времени, пока длится это счастье, чувствовать *неисторически*.

Ницше 1998b: 163.

Итак, жизнь архаического человека — это постоянное возвращение от профанного, мирского, к истинному, вечному времени — *illud tempus*. Средством такого возвращения и служат ритуалы, прежде всего календарные, и самый главный из них — праздник Нового года. Не будем повторять примеры, приводимые Элиаде, тем более что и сам он перечисляет их вкратце, «чтобы из многого сказать немногое», и постоянно отсылает читателя к другим трудам, в том числе и своим (см., например, Eliade 1991; Eliade 1992). Отметим лишь, что содержание новогоднего праздничного ритуала у многих народов совпадает: мировой порядок разрушается, чтобы родиться вновь. Тут и слом всех социальных границ, когда господа и рабы меняются местами, а хозяева начинают прислуживать своим слугам. Тут и огонь, который гасят, чтобы потом зажечь вновь, и множество обрядов, связанных с водой, символизирующей то воды первобытного Хаоса, то воды потопа. Тут и ожившие покойники, посещающие живых потомков: границы между прошлым и настоящим сломаны. Тут и обряды инициации, часто приуроченные именно к этому моменту. Тут и ритуальные поединки двух групп статистов, одна из которых изображает воинство Бога-Творца, а другая — воинство Змея (Тиамат, Иллуянки или иного существа), владыки Хаоса… Тут и многое другое. Но как бы ни различались обряды, смысл их един: в конце года мир, истощивший свои силы, умирает, возвращается к состоянию первозданного Хаоса, чтобы затем родиться вновь. Каждый раз, когда архаический человек празднует Новый год, он не просто вспоминает о таинстве Творения — он переносится в тот мифический момент, *in illo tempore*, в эпоху, которая всегда и никогда, и становится *участником* этого величайшего события в жизни его мира. Время при этом не просто останавливается или обращается вспять — оно *уничтожается* вместе со всеми переменами, которые оно принесло. Таков же смысл и других архаических обрядов: инициации, коронации нового царя или вождя (с непременным началом нового летосчисления), свадьбы, по-

стройки любого здания и т.п. — всё это смерть в прежнем качестве и повторное рождение в новом, спуск из упорядоченного мира в Тартар и счастливое возвращение оттуда. Тем самым уничтожается всё, что было в истекшем времени: страдания, болезни и, прежде всего, грехи — то есть «события, не имеющие архетипической модели», не заповеданные богами или мифическими героями, события, «которые, в сущности, и составляют конкретное течение времени» (Элиаде 1998: 132). Остаются только архетипы в чистом виде. Это и есть мир такой, каким он был сотворён, безгрешный и невинный. Стоит привести целиком следующие слова:

«Для примитивных же народов, до сих пор живущих в раю архетипов, время существует лишь на биологическом уровне, не превращаясь в "историю"; их первобытное сознание не затронуто разрушительной мыслью о необратимости событий, и посему они периодически возрождаются, совершая обряд изгнания "злых духов" и каясь в грехах. Однако потребность периодического возрождения, испытываемая этими народами, доказывает, что и они тоже не могут постоянно пребывать в состоянии, названном нами выше "раем архетипов", и что их память также начинает фиксировать (разумеется, не столь интенсивно, как память современного человека) необратимость событий, то есть распознавать "историю". Итак, первобытные народы расценивают существование человека в Космосе как грехопадение. (…) Даже в простейших человеческих сообществах "историческая" память, то есть воспоминания о событиях, не восходящих ни к одному из архетипов, о событиях "личного" характера (в большинстве случаев о "грехах") является чем-то совершенно невыносимым» (Элиаде 1998: 116-117).

И вот перед нами во всей красе «мир объективации» Бердяева (или «мир *Man*» Хайдеггера), где человек грешен уже тем, что иногда ведёт себя не по шаблону! Но если без ярлыков? Можно ли приравнять такое периодическое «возвращение к невинности» к поведению животного (по Гегелю, «только животное поистине невинно»)? Сам Элиаде так не считает. Напротив, он оценивает архаическую онтологию весьма высоко:

«…Желание человека архаического общества отвергнуть "историю" и продолжать бесконечную имитацию архетипов свидетельствует о его стремлении к реальному, его ужас "потеряться" в ничтожной суете мирского существования. (…) Поведение это соответствует его отчаянному стремлению не потерять связь с *бытием*» (Элиаде 1998: 142).

Вот вам и Человек Неразумный!

6. «Несчастье» и «история». «Ужас перед историей»

> Представьте себе как крайний пример человека, который был бы совершенно лишён способности забывать, который был бы осуждён видеть повсюду только становление; такой человек потерял бы веру в своё собственное бытие, в себя самого, для такого человека всё расплылось бы в ряд движущихся точек, и он затерялся бы в этом потоке становления; подобно верному ученику Гераклита, он в конце концов не нашёл бы в себе мужества пошевелить пальцем.
>
> Ницше 1998b: 163.

Однако как бы ни защищался даже архаический человек от ощущения времени, время властно напоминает о себе. Архаический человек бессилен перед природными катастрофами и войнами, болезнями и смертью. Как же можно «упразднить» эти вещи — объявить их недействительными? Как вынести невыносимое? Для этого архаический человек, во-первых, находит страданиям место в системе архетипов: страдание нормально, ибо и Бог-Творец когда-то страдал. Отсюда такая живучесть мифов об умирающих и воскресающих богах — Осирисе, Таммузе и им подобных. «Так боги оправдывают человеческую жизнь, сами живя этой жизнью, — единственная удовлетворительная теодицея!» (Ницше 1998a: 66). Во-вторых, в системе вечного чередования творения мира, его упадка и нового творения несчастья — естественный эпизод, вызванный грехами. Их можно предотвратить с помощью ритуально правильного поведения, их причиной могут быть происки врага (от которых можно защититься с помощью магии) или ошибки в ритуале, но в любом случае страдание становится понятным, а значит — переносимым. (Хотя это и отступление, не могу не отметить интересное наблюдение автора, проливающее свет на споры вокруг библейского Пролога: оказывается, у всех, даже самых архаичных, народов есть представление о высшем божестве, Боге-Творце, но к нему не принято обращаться по пустякам. О нём вспоминают, лишь когда все остальные возможности исчерпаны: Элиаде 1998: 151-152). Более того, несчастья получают новое значение, несут в себе надежду: чем хуже сегодняшний день, тем ближе конец старого мира и его возрождение. А в том, что оно случится, сомнений нет: ведь время, ощущаемое архаическим человеком, циклично, поэтому в нём нет ничего необратимого. Не раз Элиаде повторяет мысль о связи такого понимания времени с наблюдениями за фазами Луны и возникшими отсюда «лунарными» мифами. Так или иначе, но страдания и беды оказываются временными и иллюзорными: после обновления мира о них можно будет забыть.

Такова теодицея архаического человека. Иной взгляд берёт начало лишь с пророков

Израиля, у которых Элиаде впервые обнаруживает новое (и, по его мнению, высшее) отношение к реальности — *веру*. Отличие веры от традиционного миропонимания он рассматривает, вслед за Кьеркегором, на примере истории жертвоприношения Авраама и приходит к тем же выводам, что и датский мыслитель. Для архаического человека принесение в жертву первенца логично, ибо оправдано архетипическими моделями: божества, дающие жизнь природе, сами время от времени нуждаются в новых силах, в молодой крови, к тому же первый ребёнок часто считался ребёнком бога, которому его и возвращали. В системе же взглядов Авраама, заключившего с Богом *личный* союз, требование принести в жертву Исаака абсурдно, но Авраам всё же готов принести Богу жертву, которой тот требует, *несмотря на то, что не понимает её смысла*. Вера в абсурдное, вера вопреки абсурду — вот суть мировоззрения Авраама по Кьеркегору и Элиаде.

Однако для нас (и для автора) интересно прежде всего то, что вера сумела принять историю (то есть единичные события, не предусмотренные ни одним архетипом) как нечто, имеющее смысл. Для архаического человека всё то и только то, что происходит по раз навсегда установленному образцу, — это теофания (богоявление), свидетельство того, что боги по-прежнему властны над миром. Человек верующий сумел увидеть богоявление *в самой истории*. Идея обновления мира, его возвращения к идеальному, неискажённому образцу осталась, но историческое время стало уже не циклическим, а линейным. Теперь оно начинается в *illud tempus* Творения, длится весьма ограниченный срок (от 3 до 12 тысяч лет в разных религиях) и завершается в *будущем illud tempus*, когда мир будет разрушен и сотворён заново. И вот тогда-то «времени уже не будет» (Апок. 10:6) — то есть не будет ничего «самовольного», не по воле Бога (читай: не в силу архетипических моделей) происходящего, тогда «история прекратит течение своё». А до тех пор власть Бога над миром и временем проявляется не в постоянном повторении одних и тех же рутинных действий, как это было в архаическом представлении, а в постоянном вмешательстве Бога в живой исторический процесс.

Итак, основные принципы архаического мышления (мифологическое время в прошлом, его абсолютная действительность, меньшая ценность реального времени, надежды на избавление от власти истории, одобрение архетипизированных действий и осуждение «самовольных») — всё это осталось и в религии. Но теперь мир не возрождается вечно и постоянно — это событие стало однократным и отнесено в будущее. Теперь не боги и не ритуалы упраздняют историю. Теперь сама история должна упразднить самоё себя, завершиться возвратом к мифологическому времени.

Историческое событие со всеми бедами, которые оно несёт, оправдывается своим метаисторическим смыслом — как ступень на пути к заранее известной цели. Это не значит, что преступления можно простить. Это значит лишь то, что страдания становятся переносимыми. И архаическая вера в «рай архетипов», и религиозная века в близкий конец истории — это иллюзии. Но это иллюзии, придающие силы. Их способны поддержать и современные линейные концепции, придающие развитию человечества смысл и предсказывающие его конечную цель — например, марксизм, «особенно в своих народных формах» (Элиаде 1998: 226-228, 232). Но «исторический человек» — «который *всё знает о самом себе и желает быть творцом истории*» (Элиаде 1998: 215, курсив автора) — такой человек безоружен перед поступью прогресса. И наш мыслитель — уроженец сумбурной страны, истоптанной вдоль и поперёк многими поколениями завоевателей, человек, видевший две мировые войны, допустивший в молодости роковые ошибки, потерявший родину и к тому же вместе со всем миром недавно узнавший о Хиросиме — испытывает перед историей УЖАС. И в последней главе своей книги (она так и называется — «Ужас перед историей») он бросает всей современной мысли обвинение в том, что она не способна помочь «историческому человеку» справиться с этим ужасом. Трудно сказать, чего больше в его словах — надежды или сарказма:

«И в тот момент, когда история окажется способной сделать то, что до сей поры не удавалось ни Космосу, ни человеку, ни случаю, а именно — полностью уничтожить человеческий род, мы, быть может, станем свидетелями отчаянной попытки поставить "*исторические события*" под запрет при помощи реинтеграции человеческого общества в культуру (искусственную в силу своей заданности) архетипов и их повторения. Другими словами, вполне возможно представить себе эпоху, причём, не слишком удалённую, когда человечество ради своего выживания полностью прекратит "*творить историю*" — в том смысле, в каком её творили, начиная с появления первых империй — и предпочтёт *повторять* предписанные архетипические жесты, постаравшись *забыть* такую опасную и бесполезную вещь, как спонтанное действие, рискующее иметь "исторические" последствия. Было бы очень интересно сравнить неисторическое поведение грядущего общества с райскими и эсхатологическими мифами Золотого Века — мифами о начале и конце времён. Впрочем, мы собираемся продолжить эти размышления в другой работе…» (Элиаде 1998: 233-234).

Так вот каков новый способ достичь Золотого Века!

7. Свобода в истории или свобода от истории?

…Не лучше ли всего живётся той породе людей, которые слывут шутами, дураками, тупицами, болванами — прекрасные, на мой вкус, прозвища! […] Укоров совести они не знают, призраков и прочей нежити не страшатся, боязнью грядущих бедствий не терзаются, надеждой на будущие блага не обольщаются. […] Ещё один шаг в сторону скотского неразумия — и, по мнению богословов, их заблуждения даже грехом нельзя будет назвать.

Эразм Роттердамский. Похвала Глупости, XXXV.

Век расшатался, и скверней всего,
Что я рождён восстановить его.

У. Шекспир. Гамлет, I, 4. Перевод М.Лозинского.

С этого места начинается самая неоднозначная часть книги. Это — маленькая главка «Свобода и История», в которой Элиаде (1998: 234-242) сталкивает в споре «современного человека» и «человека архаического», переходя из сферы строгого исследования в сферу нравственного выбора. Это не наука? Бесспорно. Но это то, ради чего существует наука, особенно гуманитарная.

Современный человек упрекает человека архаической культуры в пассивности, в отказе от творчества, в попытке полного подчинения природе. Существование, целиком подчинённое актуализации архетипов, — это растительное, обывательское существование, Philisterhaft, что недостойно человека. Разве разум дан нам только для того, чтобы сознательно от него отказаться? Более того, архаическое сознание внутренне противоречиво: ведь и легендарные, и даже мифические события, которые Человек Неразумный пытается повторять вечно, без конца и без края, сами *когда-то произошли*, иными словами, они сами — история, от которой этот неисправимый человек защищается всеми доступными способами. Иными словами, архаический человек поклоняется историческому деянию, совершённому кем-то другим, сам же раз навсегда отказывается от деяний; он творчески бесплоден, ибо не желает испытывать муки и риск любого нового творчества. А таковое, по мнению современного человека, возможно только во времени. И стало быть, «нет у него иной возможности созидать, кроме той, которая черпает силы в его собственной *свободе*; следовательно, ничто ему не дозволено, кроме *свободы творить историю, сотворяя самого себя*» (Элиаде 1998: 237, курсив автора).

Однако у архаического человека (а к таковым относятся и огромные массы наших современников: Элиаде 1998: 224, 231-232, 248 и др.) есть ответ, и Элиаде произносит за него целую апологию «неисторическому» образу жизни и мышления. Свобода творить историю? Где она? Если настоящее обусловлено прошлым, мы вечно в плену того, что оставили нам в наследство истекшие века со всей их мерзостью: «мёртвые хватают живых». Но мало того: в современном обществе, заорганизованном и управляемом сверху донизу, лишь небольшое число людей (или *один* человек) действительно может «творить историю» — или хотя бы думать, что творит её, всем прочим дано лишь подчиняться. «Поэтому марксизм и фашизм, например, естественным образом приводят к появлению двух типов исторического существования вождя (единственного «свободного» человека) и подчинённой ему массы, которая обнаруживает в историческом существовании вождя не архетип своего собственного существования, а руководящую силу, которая позволяет им совершать те или иные действия» (Элиаде 1998: 239). Иными словами, даже мифы тоталитаризма не могут называться мифами: они не выполняют своей функции, здесь нет ни творения, ни богов, есть лишь «начальство» и грубая сила. Это, кстати, к вопросу о том, как на самом деле относился Элиаде к фашизму.

Неспособность к новому творчеству? Да полноте! Архаический человек творит постоянно, и не новые события, а самого себя! С каждым обновлением мира он способен вновь возрождаться безгрешным и начинать жизнь сначала. И это не простое подражание природе: природа, обновляясь с каждой весной, остаётся всё той же, человек же каждый раз получает шанс *на этот раз* стать совершенным. Каждый раз он этот шанс упускает, вновь и вновь совершая «грехопадение» в пучину спонтанных, неархетипических действий, — но каждый раз получает прощение и новый шанс. Свобода не совершать новые ошибки всегда при нём. (И почему-то он всегда дурно пользуется этой свободой, добавлю я). Более того, «современному человеку» только кажется, будто он творит историю, — архаический же творит более чем историю: с каждым праздником, с каждым Новым годом он соучаствует в самом Творении, он совершает акт космогонии. Судьба для него не необратима: его жизненная философия как раз и направлена «на то, чтобы упразднить или преодолеть условия человеческого существования. Тут можно говорить не только о свободе (в позитивном смысле) или об освобождении (в негативном смысле), но и *творении* — ибо речь идёт именно о *сотворении* нового человека. Подобного сверхчеловека — человекобога — исторический человек никогда не помышлял создать даже в своём воображении» (Элиаде 1998: 242).

Вот где творчество! Вот где свобода! И когда человек покидает архетипический рай — только философия, «не исключающая существования Бога» (Элиаде 1998: 244) способна сохранить за ним эти возможности. Иначе его ждёт «ужас перед историей», чувство собственной никчемности, нравственный тупик, и в конце концов — физическое или моральное самоубийство, то самое творческое бесплодие, в котором «современный человек» так самонадеянно упрекал «архаического человека».

Вот тут, по-моему, дар тонкого аналитика изменил Элиаде. Можно понять его лично как человека, видевшего крушение миров и опасавшегося ещё худших катастроф, но можно ли с ним согласиться? Начать с того, что вся современная масс-культура сознательно построена на актуализации архетипов, на приведение в действие этих безотказных природных механизмов, восстанавливающих душевное равновесие. Но результаты — разве они хоть немного напоминают тот архаический рай, об утрате которого так сожалел наш автор? Вспомните хотя бы чудовищные мексиканские сериалы и их зрителей! Или «геймеров» — фанатиков компьютерных игр (тоже построенных на шаблонном архетипическом поведении) — среди прочих действующих лиц компьютерного мира геймеры распознаются издалека: глаза у них пусты, как у наркоманов. Или поведение людей в толпе — будь то толпа на митинге или толпа «фанатов» очередной поп-звезды? Или… э, да что говорить!

Но, быть может, в архаических культурах было не так? Элиаде считает, что каждый ритуал, имитирующий Творение, тем самым давал человеку возможность начать новую безгрешную жизнь. Хоть раз эта возможность не была упущена? Он указывает на чудовищные последствия современного исторического развития, которые привели к истребительным войнам, депортациям, уничтожению целых народов. А разве в архаическом обществе всего этого не было? И разве по масштабам архаического сознания гибель целого племени (от рук врагов, от эпидемии, от природной катастрофы) — это не гибель целого мира? Он пишет, что «архаический человек» имел свободу подлинного творчества, но ссылается при этом на «цивилизации Востока», явно имея в виду индийскую, с которой был близко знаком, а Индия уже далеко ушла от «рая архетипов». Я далёк от мысли, что цитата из Маркса в конце работы может заменить выводы. Но стоит вспомнить, что писал в своё время Маркс об этой самой Индии:

«Мы не должны забывать, что эта лишённая достоинства, неподвижная, растительная жизнь, эта пассивная форма существования вызывала, с другой стороны, в противовес себе дикие, слепые и необузданные силы разрушения и сделала в Индостане даже убийство религиозным ритуалом. Мы не должны забывать, что эти маленькие общины носили на себе клеймо кастовых различий и рабства, что они подчиняли человека внешним обстоятельствам, вместо того чтобы возвысить его до положения властелина этих обстоятельств, что они превратили саморазвивающееся общественное состояние в неизменный, предопределённый природой рок и тем самым создали грубый культ природы, унизительность которого особенно проявляется в том факте, что человек, этот владыка природы, благоговейно падает на колени перед обезьяной Ханумани и перед коровой Сабалой» (Маркс, Энгельс 1970: 522).

Свобода и творчество, которые находит Элиаде у Человека Неразумного, на поверку оказываются куда более иллюзорными, чем у «человека исторического». Они существуют только в виртуальном мире его мифологических представлений. Это — свобода вечно повторять попытки достичь недостижимого. И если для человека архаического такой способ существования — единственно возможный, ибо он *ещё* не знает другого, то для человека современного такое доступно лишь при условии добровольной «мозговой кастрации», отказа от всего лучшего, что в нём есть, — история фашизма доказала это наглядно. Это свобода наркомана, погрузившегося в мир своих грёз и забывшего дорогу назад. Это свобода геймера, царствующего в своих мирах от фирмы Microsoft Corporation и забывающего даже о еде и сне. Это свобода слепца, смело шагающего в пропасть, которой он не видит. Это свобода персонажа Стругацких («Хищные вещи века»), умирающего в ванне от нервного истощения, вызванного искусственным генератором фантазии — «слегом». (Между прочим, ещё сто лет назад этот диагноз — «нервное истощение» — был известен любому врачу и считался распространённой причиной смерти. Нынешняя медицина о нём забыла — и, по-моему, как раз не вовремя: истощение всех ресурсов нервной системы, вплоть до распада личности, — реальнейшая угроза в современных виртуальных мирах).

Кстати, о «Хищных вещах века». Наверняка А. и Б. Стругацкие к 1965 году, когда написали эту книгу, не могли прочесть Элиаде. Но их размышления в начале 11-й главы звучат так, словно они читали «Миф о вечном возвращении» и спорили с его автором:

«...Эта давняя система воспитания ставила н ставит своей целью прежде всего и по преимуществу подготовить для общества квалифицированного, но оболваненного участника производственного процесса. Эту систему не интересуют все остальные потенции человеческого мозга, и поэтому вне производственного процесса человек в массе остается психологически человеком пещерным, Человеком Невоспитанным. Неиспользование этих потенций име-

ет результатом неспособность индивидуума к восприятию нашего сложного мира во всех его противоречиях, неспособность связывать психологически несовместимые понятия и явления, неспособность получать удовольствие от рассмотрения связей и закономерностей, если они не касаются непосредственного удовлетворения самых примитивных социальных инстинктов. (...) Человек Невоспитанный воспринимает мир как некий по сути своей тривиальный, рутинный, традиционно простой процесс, из которого лишь ценой больших усилий удается выколотить удовольствия, тоже в конце концов достаточно рутинные и традиционные. (...) Остаются основания предполагать и опасаться, что успехи психотехники приведут к таким способам волновой стимуляции мозга, которые подарят человеку иллюзорное бытие, яркостью и неожиданностью своей значительно превышающее бытие реальное. И если вспомнить, что фантазия позволяет человеку быть и разумным существом, и наслаждающимся животным, если добавить к этому, что психический материал для создания ослепительного иллюзорного бытия поставляется у Человека Невоспитанного самыми темными, самыми первобытными рефлексами, тогда нетрудно представить себе тот жуткий соблазн, который таится в подобных возможностях».

И даже Ф.Ницше, на идеях которого во многом покоится концепция самого Элиаде, признавал как минимум, что «историческое и неисторическое одинаково необходимы для здоровья отдельного человека, народа и культуры» (Ницше 1998b: 165).

Впрочем, не будем придирчивы. Не будем упрекать Мирчу Элиаде, человека сложной судьбы, за то, в чём не можем с ним согласиться. Он имел право на свой исторический пессимизм, который дорого оплатил. Но он был замечательным учёным, умевшим глубоко проникнуть в духовный мир чуждых для нас культур, и он был человеком, остро чувствовавшим духовное нездоровье своего времени и пытавшимся «восстановить расшатавшийся век». Спасибо ему за то, что он сделал. И спасибо издательству «Алетейя», познакомившему читателей «одной шестой части суши» с одним из главных произведений этого, без сомнения, яркого писателя и глубокого мыслителя.

ЛИТЕРАТУРА

Бурлаков И.В. 1999. Психология компьютерных игр. // Наука и жизнь. №№5-8.

Гальфрид Монмутский. 1984. История бриттов. Жизнь Мерлина. М.

Гейне Г. 1958. Письма о Германии. // Гейне Г. Собр. соч. в 10-ти тт. Т. 7. М. С. 421-430.

Кант И. 1980. Конец всего сущего. // Кант И. Трактаты и письма. М. С. 279-291.

Маркс К. 1970. Британское владычество в Индии. // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в трёх томах. Т. 1. М. С. 517-523.

Мень А.В. (Эммануил Светлов). 1971. Магизм и единобожие. Религиозный путь человечества до эпохи Великих Учителей. Брюссель. Жизнь с Богом.

Михайлов А.Д. 1984. Книга Гальфрида Монмутского и её судьба. // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М. С. 196-227.

Муравьёв В. 1988. Предыстория. // Толкиен Дж.Р.Р. Хранители. М. Радуга.

Ницше Ф. 1998a. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. // Ницше Ф. Собр. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М. С. 45-158.

Ницше Ф. 1998b. О пользе и вреде истории для жизни. // Ницше Ф. Собр. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М. С. 159-232.

Платон. 1994. Государство. // Платон. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 3. М. С. 79-420.

Современная западная философия. 1991. Словарь. Сост. Малахов В.С., Филатов В.П. М.

Урбах Э.Э. 1989. Мудрецы Талмуда. Иерусалим. Б-ка Алия.

Элиаде М. 1998. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб. Алетейя.

Элиаде М. 1937. Почему я верю в победу легионерского движения. // http://resist.gothic.ru/arhiv/garda4.html

Юнг К.Г. Концепция коллективного бессознательного. // Юнг К.Г. и др. 1998. Человек и его символы. М. С. 337-354.

Eliade M. 1991. Cosmologie şi alchimie babiloniană. Iaşi. Moldova.

Eliade M. 1992. Istoria credinţelor şi ideilor religioase. Chişinău. Universitas.

Kelley L., Ross Ph.D. Mircea Eliade (1907-1986). // http://www.friesian.com/eliade.htm

Kernbach V. 1989. Dicţionar de mitologie generală. Bucureşti.

Rennie B. Mircea Eliade (1907-1986). // http://www.westminster.edu/staff/brennie/eliade/mebio.htm

Список сокращений

АВ — Археологические вести.
АГЭ — Архив Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
АДУ — Археологічні дослідження на Україні
АИ — Археологические изыскания. Санкт-Петербург
АИМ — Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.
АИМУМ — Археологические исследования молодых ученых Молдавии. Кишинев.
АИУ — Археологические исследования на Украине.
АКМ — Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев.
АО — Археологические открытия. М.
АП УРСР — Археологічні пам'ятки Української РСР. Київ.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. (СПб)
БНТ — Башкирское народное творчество. Уфа.
Віс.ОКК — Вісник Одеської комісії краезнавства.
ВАН — Вестник Академии Наук СССР.
ВАУ — Вопросы археологии Урала.
ВВ — Византийский временник
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВИ — Вопросы истории. М.
ВЛУ — Вестник Ленинградского университета. Ленинград.
ГГУ — Горьковский государственный университет.
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. М.—Л. 1950.
ДПИ — Древнерусские письменные источники.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗИФОГУ — Записки Исторического факультета Одесского государственного университета. Одесса
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСО — Записки Отделения русской и славянской археологии русского археологического общества.
ЗРАО — Записки Русского Археологического Общества
ЗРГО — Записки Русского Географического Общества
ИА — Институт Археологии
ИА АН УССР — Институт археологии Академии наук УССР.
ИА НАН Украины — Институт археологии Национальной Академии Наук Украины
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. СПб.
ИБ-3 1982. История на България. Т. 3: Втора българска държава. София.
ИВ-I 1971. История Венгрии. Т. I. М.
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М.-Л.
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. СПб.
ИК 1966. История Кишинева. Кишинев.
ИМ — История Молдавской ССР. Кишинев. Т. 1.
ИР ЦНБ — Институт рукописей Центральной научной библиотеки им. В. И. Вернадского Национальной Академии наук Украины. Киев
ИРАИМК — Известия Российской Академии материальной культуры
ИСН-I 1965. Исторические связи народов СССР и Румынии XV-XVIII вв. Т. I (1408-1632). М.ИВ — Исторический вестник. СПб.
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КБч — Книга Большому чертежу. М.—Л. 1950.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИА АН УССР— Краткие сообщения Института археологии АН Украинской ССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва-Ленинград.
КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского Государственного археологического музея.
ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии Академии Наук СССР
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАР — Материалы по археологии России.
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
МИАЭМ — Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев.
МФ — Молдавский филиал АН СССР
МЭФ I-III 1961, 1978, 1982. // Молдавия в эпоху феодализма. Кишинев. T.I: Славяно-молдавские грамоты (XV — первая четверть XVII вв.); T.II: Славяно-молдавские грамоты XV-XVI вв.; T.III: Славяно-молдавские грамоты (1601-1640).
НА ИА АН УССР — Научный архив институа археологии АН УССР
НА ОЭИ АН МССР — Научный архив отдела этнографии и искусствоведения АН МССР
НАНУ — Национальная Академия Наук Украины
НЗОПІ — Наукові записки Одеського Педагогічного Інституту
НПЛ — Новгородская Первая летопись. М.—Л. 1950.
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчет Императорской археологической комиссии
ОАМ НАНУ — Одесский археологический музей Национальной Академии наук Украины

ОВ — Одесский вестник. Одесса.
ОВИМК 1987. Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV — начало XIX в.). Кишинев.
ОДУ — Одеський державний університет
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. СПб.
ПАВ — Петербургский археологический вестник
ПВЛ — “Повесть временных лет”
ПОДУ — Праці Одеського Державного Університету.
ПРП — Памятники русского права. М.
Протоколы — Протоколы заседаний Археологических съездов.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РА — Российская археология. Москва.
СА — Советская археология. Москва.
САИ — Свод археологических источников. М.
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры.
СГМИИ — Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СМЛ — Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. М. 1976.
СЭ — Советская этнография
ТГИМ, Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
Труды ГИКМ — Труды Государственного историко-краеведческого музея. Кишинев.
УІЖ — Український історичний журнал
ЯГУАК — Ярославская губернская ученая архивная комиссия.
AAC — Acta Archaeologica Carpatica
AIIAX —
AM — Arheologia Moldovei. Bucureşti.
AP — Archeologia Polski
B.Thr. — Biblioteca Thracologi. Bucureşti.
Bericht — Bericht Römisch-Germanischen Kommischen.
CI — Cercetării Istorice. Iaşi.
DIR — Documente privind istoriei României. Veacul XIII, XIV şi XV. B. Ţara Românească (1247-1500). Bucureşti. 1953.
DRH // Documenta Romaniae Historica. Bucureşti: A. Moldova. Vol. I. (1384-1448). 1975; Vol. II. (1449-1486). 1976; Vol. III. (1487-1504). 1980; B. Ţara Românească.Vol I. (1247-1500). 1966; D. Relaţii între ţările române. Vol. I (1222-1456). 1977.
EA — Eurasia Antiqua
JDI – Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts.
MA — Memoria Antiquitatis. Piatra Neamţ.
MCA — Materiale şi cercetări arheologice. Bucureşti.
MSW — Materialy starożytne i wcześnośredniowieczne
PZ — Prähistorlsche Zeitschrift.
R Enc — Real Enciclopedia
SCIV (A) — Studii şi cercetări de istorie veche (şi Arheologie). Bucureşti.
SCN — Studii şi cercetări de numizmatică. Bucureşti.

C O N T E N T S

M.E.Tkachuk (*Kishinev, Moldova*). Gheorghiy Borisovich Fyodorov (1917 — 1992) 7

OUR ARCHIVE • MONOGRAPH IN THE JOURNAL

G.B.Fyodorov. Ethno-genesis of the Vlachs, Moldovans' Ancestors, According to the Archaeological Data (Historiographical Aspect). 14

NON-SLAVIC ORIGINS

M.B.Shchukin (*St-Petersburg, Russia*). The Forgotten Bastarnae 75

30 YEARS OF VARANGIAN DISCUSSION (1965 — 1995)

L.S.Klejn (*St-Petersburg, Russia*). Normanism — antinormanism: the end of the argument 91

G.S.Lebedev (*St-Petersburg, Russia*). Varangica of the Issue-Oriented Seminars Conducted by Leo Klejn. A Thirty-Years Journey Towards the Unknown City on the Road 'From the Varangians to the Greeks' 102

E.N.Nosov (*St-Petersburg, Russia*). Modern Findings Related To the Varangian Issue and Russian Historiographic Traditions 112

H.Stang (*Oslo, Norway*). The Naming of Russia (Heruls version). Theses 119

V.I.Kulakov (*Moscow, Russia*). The Baltic Version of Vikings' Movement 148

J.Callmer (*Lund, Sweden — Berlin, Germany*). The Earliest Archaeology of the Rus' ... 153

A.Stalsberg (*Trondheim, Norway*). Trade Utensils of Female Burials of the Viking Age. (Subjective Interpretation) 158

N.I.Platonova (*St-Petersburg, Russia*). Treaties of Russia and Byzantine and the Social Upper Layer of the Russian Society of the X Century (Towards Formulation of the Problem) 164

S.V.Tomsinski (*St-Petersburg, Russia*). Scandinavian Findings from Uglich Kremlin and the Legend of Uglich Foundation 169

THEOREMS OF ARCHAEOLOGY

M.A.Stegantsev (*St-Petersburg, Russia*). Linkages between coming in and going out of mass archaeological material. Examples of their use. 179

A.L.Shpak (*Kishinev, Moldova*). The Mathematical Misanthropy. An Explanatory Note, Or A Biased Comment by a Dilettante 208

INVESTIGATIONS AND PUBLICATIONS

V.I.Kulakov (*Moscow, Russia*). Irzekapinis 211

N.P.Telnov, R.A.Rabinovich (*Kishinev, Moldova*). The Settlement of Scoc. The Results of the Investigations in 1988 274

FROM BYZANTINE TO THE STEPPE

O.A.Scheglova (*St-Petersburg, Russia*). Female Adornment from the Hoards of the "Antiquities of Antes": Gothic Influence or Gothic Heritage? 287

N.P.Telnov (*Kishinev, Moldova*). Eastern-Slavonic Antiquities of the VIII-X c. of the Region Between the Rivers Dniester and Prut 313

P.P.Birnea (*Kishinev, Moldova*). On the Urbanisation Process in the Dniester Region in the Early Middle Age Period 328

S.S.Ryabtseva (*St-Petersburg, Russia — Kishinev, Moldova*). "Twins" or "Tweedledum and Tweedledee"? On Similarities and Differences Between "Wolyn'" and "Kama" Earrings 338

R.A.Rabinovich (*Kishinev, Moldova*). Illusory Berlad: About Authenticity Of a Distortion 357

N.D.Russev (*Kishinev, Moldova*). Moldavia in «Dark Ages»: Materials for Understanding Cultural and Historical Processes 379

L.S.Geraskova (*Kiev, Ukraine— Bucarest, Romania*). The New Data in Study of Monumental Sculpture of Medieval Nomads 408

V.G.Kotov (*Ufa, Bashkortostan, Russia*). About an Archaeological Illustration to the Bashkirian Epos "Aldar and Zuhra" 431

MODERN ANTIQUITY

A.O.Dobroljubski (*Odessa, Ukraine*). Odessa: Archaeology of Name 445

CULTURAL PROVOCATION

Editorial. Welcome to Complain About the «Digging the Sacred Text», or Why This Article is Published 455

S.E.Ehrlich (*St-Petersburg, Russia*). The Russia of Wizards — 2 («Digging» the Sacred Text) 469

NEW OLD BOOKS

L.A.Mosionjnic (*Kishinev, Moldova*). Eternal Returns of the Myth 500

LIST OF ABBREVIATIONS 515

Call for Papers 519

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция журнала “Stratum plus” приглашает Вас принять участие в нашем издании.

Требования к материалам, представляемым в редакцию журнала “Stratum plus”

Текст

1. Материалы принимаются на русском языке с приложением краткого (до 2000 символов) резюме на английском языке.

2. Текст следует набирать на компьютере в программе Microsoft Word (версия не выше Word 7.0 — Word 97), либо в Word’овском формате *.rtf или в текстовом редакторе под DOS (формат *.txt). Допускается также PageMaker 6.0 или 6.5. Кроме компьютерного варианта, желательна чёткая распечатка. Если в тексте или в списке литературы имеются слова, содержащие буквы с диакритическими знаками, желательно приложить список, в котором эти слова были бы чётко и правильно прописаны.

3. Оформление сносок, списка литературы — как в уже вышедших номерах “Stratum plus”. Если в списке литературы приводится статья, опубликованная в сборнике статей, то необходимо указать фамилию ответственного редактора сборника и название издательства.

4. Необходим список используемых сокращений.

Иллюстрации

1. Иллюстрации принимаются либо в форматах, читаемых программами Adobe Photoshop (*.bmp, *.jpg, *.gif, *.pcx, *.tif, *.psd/ppd и др., предпочтительнее всего *.jpg) или Corel (*.cdr), либо на бумаге формата А4 (машинописный формат) в контрастном чёрно-белом варианте. Не принимаются иллюстрации на миллиметровой бумаге. Фотографии контрастные.

2. Диаграммы могут быть оформлены либо на бумаге (требования те же, что и к рисункам), либо в программах типа Excel версии 97 или ниже. В самом крайнем случае можно дать данные в виде таблицы с указанием, что на её основе следует построить диаграмму.

3. Если рисунок содержит номера, они должны быть впечатаны на компьютере. Если такой возможности нет, допускаются разборчивые карандашные номера.

4. В конце материала даётся список подписей к иллюстрациям.

Способ доставки

1. Электронная почта: E-mail: root@rm.moldova.su

2. Обычная почта: 2024 Республика Молдова, Кишинёв, ул. Зимбрулуй 10а, Высшая Антропологическая Школа, редакция журнала “Stratum plus”. Тел. 43-83-42.

3. На дискетах. В этом случае материалы следует присылать в ДВУХ экземплярах.

4. Если публикация требует специфического шрифта (для редких языков), необходимо также записать на эти же дискеты шрифт.

Периодичность издания

Журнал “Stratum plus” издаётся 6 раз в год объёмом от 300 до 450 страниц по единому издательскому плану:

1-й номер	Палеолит	январь-февраль
2-й номер	Неолит, энеолит, бронзовый век	март-апрель
3-й номер	Античная эпоха / Ранний железный век	май-июнь
4-й номер	Римское время / Эпоха Великого переселения народов	июль-август
5-й номер	Средние века	сентябрь-октябрь
6-й номер	Нумизматика и эпиграфика	ноябрь-декабрь

Сроки присылки рукописей — не позднее, чем за месяц до выхода очередного номера журнала.

После того, как статья свёрстана, принципиальные изменения в ней ***не допускаются***. На этом этапе возможна лишь грамматическая правка в пределах, не влияющих на размещение текста на странице.

Редакция журнала “Stratum plus” желает Вам успехов в Вашей научной деятельности.

Искренне ВАШ “Stratum plus”.

Stratum plus. ВАШ археологический журнал.
Кишинев. Высшая Антропологическая школа. 1999. — 520 стр.

Высшая Антропологическая школа.
MD 2024, Республика Молдова, г. Кишинев, ул. Зимбрулуй 10а.
Подписано к печати 12.11.1999. Формат 60×84 1/8. Бумага офсет №1. Печать офсетная.
Гарнитура «гельветика». Усл. печ. л. 62. Тираж 750 экз. Заказ 274.
Отпечатано АО «Бизнес-Элита». Кишинев, ул. Щусева 106, оф. 23.